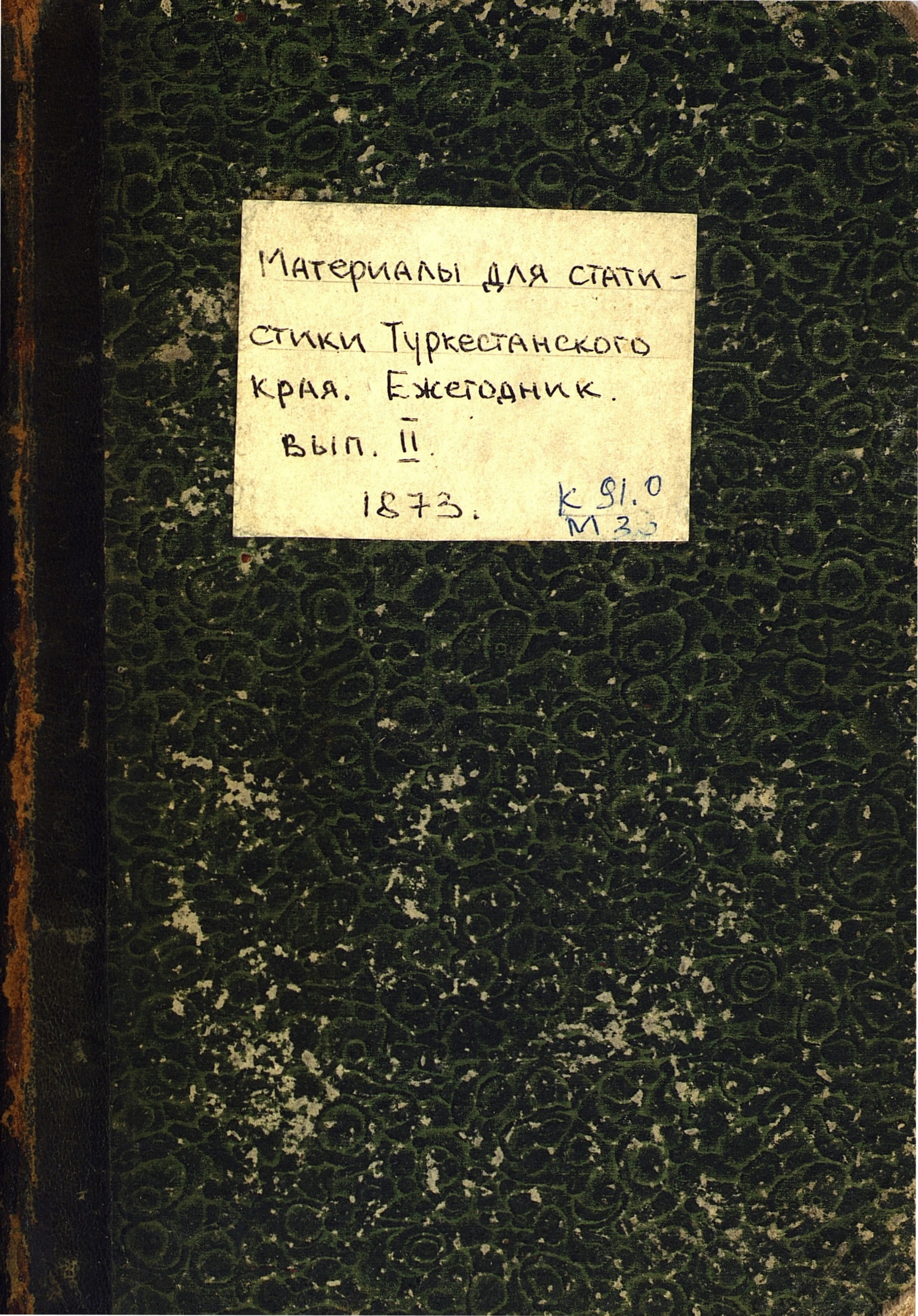
Материалы для стати-
стики Туркестанского
края. Ежегодник.
вып. II.
1873.
К 91.0
М 3

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СТАТИСТИКИ

ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

ЕЖЕГОДНИКЪ.

Изданіе Туркестанскаго Статистическаго Комитета

подъ редакціею Н. А. Маева.

ВЫПУСКЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СТАТИСТИКИ

ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

ЕЖЕГОДНИКЪ.

Изданіе Туркестанскаго Статистическаго Комитета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. А. МАЕВА.

ВЫПУСКЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

При изданіи втораго выпуска „Ежегодника“ имѣлось въ виду: приложить въ концѣ выпуска статьи неоффиціальной части „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ за 1870 — 71 гг., такъ какъ статьи эти, весьма разнообразныя по своему содержанію, имѣли исключительной цѣлью изученіе русскаго Туркестана и вообще Средней Азіи во всѣхъ отношеніяхъ,—т. е. преслѣдовали ту же цѣль, которую поставилъ себѣ и Туркестанскій Статистическій Комитетъ. Но такъ какъ оказалось, что и одни только перепечатанныя статьи „Туркест. Вѣдом.“ составили уже довольно объемистый томъ, то признано болѣе удобнымъ наполнить 2-й выпускъ „Ежегодника“ исключительно означенными статьями, и въ тоже время приступить къ изданію третьяго выпуска, въ которомъ помѣстить всѣ статьи, предполагавшіяся прежде къ помѣщенію во второмъ выпускѣ. Такимъ образомъ въ 3-й выпускъ „Ежегодника“ войдутъ:

Военно-топографическій очеркъ горной страны верховьевъ р. Заравшана. *Барона Г. А. Аминова* (съ картою Когистана и Шахрисябза).

Географическія, этнографическія и статистическія свѣдѣнія о Кульджинскомъ краѣ. *Барона А. В. Каульбарса.*

О туземныхъ способахъ измѣренія земли *Д. К. Зацъпина* (съ 11-ю чертежами).

Развалины Джанъ-кента (съ 14-ю политипажами).

Свѣдѣнія о винокуренной промышленности въ Семирѣченской области. *П. М. Зенкова.*

Результаты однодневной переписи въ гор. Копалѣ.

О заводахъ и фабрикахъ въ Семирѣченской области (статист. таблицы).

Разныя статистическія таблицы и свѣдѣнія.

Библіографическій указатель книгъ и статей по Средней Азіи, съ конца прошлаго столѣтія по 1869 годъ. *Н. В. Дмитровскаго.*

Третій выпускъ „Ежегодника“ выйдетъ въ началѣ 1873 г.

Въ настоящій, второй выпускъ не вошли тѣ статьи „Туркестанскихъ Вѣдомостей“, которыя помѣщены уже въ сборникѣ „Русскій Туркестанъ“, изданномъ Туркестанскимъ отдѣломъ Политехнической выставки, а именно: Таджики *А. Д. Гребенкина*; Узбеки — *его же;* Мелкія народности Заравшанскаго округа *его же*; Этнографическіе очерки киргизскаго народа *И. Ибрагимова*; Золотопромышленность въ Туркестанскомъ краѣ *А. Колесникова*; О гончарномъ производствѣ въ Ходжентскомъ уѣздѣ *А. Кушакевича*; О виноградѣ и винодѣліи въ Туркестанскомъ краѣ; О туземномъ оружіи въ Туркестанскомъ краѣ; Замѣтки о медицинскихъ и нѣкоторыхъ промышленныхъ растеніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ *І. Краузе*.

Статьи: Изъ Сарканскаго выселка *Свящ. Покровскаго;* Каттыкурганскій отдѣлъ *А. Хорошхина;* Однодневная перепись въ Ташкентѣ *Н. Маева*, и Матеріалы по юридической статистикѣ Туркестанскаго края *Б. Д.*, помѣщавшіяся въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1871 году, продолжались и въ 1872-мъ, а потому войдутъ въ составъ одного изъ послѣдующихъ выпусковъ „Ежегодника“, въ которомъ будутъ собраны статьи „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ за 1872 годъ. Въ томъ же выпускѣ также найдутъ себѣ мѣсто слѣдующія статьи, оставленныя для дополненія послѣдующими статьями и замѣтками: Нѣсколько словъ по поводу недостатка воды въ Голодной степи *Д. Мышенкова;* Кяфиры или сіягпуши *Н. Маева;* Замѣтки о дикокаменныхъ киргизахъ *Г. Бардашева*; О народномъ самоуправленіи у каракиргизъ *Г. Загряжскаго* и замѣтки по поводу этой статьи *П. Рейнталя;* О муллахъ въ Киргизской степи *И. Ибрагимова;* Народы Средней Азіи *А. Хорошхина*; Мингъ *А. Гребенкина;* Родословная мангитской династіи — *его же;* Коранъ Османа *А. Куна;* О запряжкѣ верблюдовъ въ арбы *А. Иванова;* Наше положеніе въ Средней Азіи *Н. Маева;* Отыскиваніе подземныхъ источниковъ *Д. Геноха;* Киргизскія пословицы и загадки *И. Ибрагимова*.

Статьи *Л. Ф. Костенко*: Изъ записокъ туриста, Земледѣльческая производительность Средней Азіи и Среднеазіятская торговля, не вошли въ настоящій выпускъ „Ежегодника“, такъ какъ эти статьи уже помѣщены: первая—въ отдѣльно изданномъ сочиненіи г. Костенко: Путешествіе русскаго посольства въ Бухару, а двѣ вторыя — въ его же сочиненіи: Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности.

Наконецъ въ составъ настоящаго выпуска „Ежегодника" не вошли всѣ статьи и замѣтки, имѣющія временной интересъ, корреспонденціи, мелкія извѣстія и замѣтки, вѣсти изъ сосѣднихъ ханствъ и изъ западнаго Китая, отчеты и вообще статьи оффиціальнаго характера, статьи, имѣющія характеръ передовыхъ, реляціи и военныя извѣстія, вошедшія впрочемъ въ составъ 3-го тома сборника: „Русскій Туркестанъ" (изданнаго по поводу Политехнической выставки).

Такимъ образомъ во второй выпускъ „Туркестанскаго Ежегодника" вошли исключительно статьи, знакомящія читателей съ Туркестанскимъ краемъ и съ близкими къ намъ странами Средней Азіи. Было бы излишне говорить, какую насущную потребность составляетъ въ настоящее время по возможности полное и основательное изученіе нашихъ среднеазіятскихъ владѣній. Это и объясняетъ, почему Туркестанскій Статистическій Комитетъ рѣшился перепечатать въ своемъ изданіи статьи „Туркестанскихъ Вѣдомостей", касающіяся Средней Азіи и Туркестанскаго края, такъ какъ, статьи эти, оставаясь исключительно на столбцахъ газеты, не могли бы имѣть значительнаго круга читателей.

Н. Маевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Замѣтки объ Аму-Дарьѣ. *Л. С—въ.* 1
Балхашъ и старое русло Аму-Дарьи. *Костемеревскій* 8
О старомъ руслѣ Аму-Дарьи. *М. Иванинъ* 13
О поворотѣ Аму-Дарьи по старому руслу 24
Дельта Аму-Дарьи 28
Озеро Телекуль и урочище Телекуль-Тата 39
Чулакъ-курганъ. *А. Арендаренко* 43
Магіанскія, Фарабскія и Кштутскія владѣнія 46
Замѣтка о верхнемъ Заравшанѣ. *А. Федченко.* 49
Замѣтки о Магіанскомъ бекствѣ. *А. Федченко.* 53
Краткія историческія замѣтки о бывшихъ бекствахъ: Магіанскомъ, Фарабскомъ и Кштутскомъ. 68
Замѣтки о Когистанѣ. *А. Гребенкинъ.* 71
Шахрисябзское владѣніе. *І. Бекчуринъ.* 84
Сугутъ. *А. Хорошхинъ.* 93
Замѣтки о степи Кизылъ-кумъ. *А. Федченко* 102
Матеріалы для статистики Туркестанскаго края: Кураминскій уѣздъ *М. Терентьевъ.* 110
Геологическія замѣтки изъ дневника по экспедиціи въ верховья Заравшана. *Д. Мышенковъ.* 133
Наманганскій округъ. *Н. Аристовъ.* 139
Карисъ. *А. Федченко.* 141
Изъ Иссыкъ-кульскаго уѣзда 143
Арасанскіе минеральные источники. *Крыловъ* 146
Шуръ. *А. Гребенкинъ.* 149
Нѣсколько свѣдѣній о Кашгарѣ и о послѣднемъ возстаніи противъ китайцевъ. *А. Ивановъ.* 151

Стран

О настоящемъ положеніи инсуррекціи въ западномъ Китаѣ. *Н. Аристовъ* 158
Наши отношенія къ дунганамъ, Кашгару и Кульджѣ. *Н. Аристовъ.* 270
По поводу послѣднихъ событій въ западномъ Китаѣ. *П. Ровинскій.* 182
Монгольскій вождь 193
Правитель Алтышара 197
О Кульджѣ. *Н. Аристовъ* 202
Замѣтки о кульджинскихъ каменноугольныхъ копяхъ. *К. Фабіанъ* . 222
О горнозаводской промышленности Кульджинскаго ханства 226
Поѣздка въ Кульджу. *Бар. А. Каульбарсъ* 232
Праздникъ 22 іюля въ Кульджѣ. *Н. Аристовъ* 250
Путешественники по Восточному Туркестану 255
Поѣздка Форсита въ Яркендъ 260
Джизакъ и Самаркандъ. *Н. Маевъ* 269
Нѣсколько свѣдѣній объ Улясутаѣ 288
Города западнаго Китая 291
Отъ Ташкента до Кульджи. *Н. Маевъ* 294
Изъ путевыхъ замѣтокъ: дорога на Нарынъ. *С. Янчевскій* . . 326
Отъ Ташкента до Вѣрнаго. *Н. Маевъ* 336
Смерть Гэуарда въ Яссинѣ 351
Разсказъ торговца Абросимова о его поѣздкѣ въ Хиву 353
Топографическій очеркъ Арало-Каспійской низменности *Н Маевъ* . 378
Изъ Кокана. *А. Федченко* 387
Краткія историческія свѣдѣнія о прежнихъ отношеніяхъ Бухары къ Шахрисябзу. *Бар Г. Аминовъ* 405
Нѣсколько страницъ изъ исторіи Хивы *А. Бутаковъ* 408
Очеркъ исторіи киргизскаго народа, съ 1732 по 1868 годъ *Н. Маевъ.* 415
Матеріалы для описанія бухарской экспедиціи 1868 г. *М. Богдановъ* 427
Замѣтки о флорѣ и фаунѣ Заравшанской долины. *А. Федченко* . 434
Письмо проф. *Эйхвальда* 439
О нефтяныхъ источникахъ въ Коканскомъ ханствѣ. *І. Краузе.* . 441
О косметическихъ средствахъ туземцевъ Туркестанскаго края. *І. Краузе* 447
Бангъ. *А. Гребенкинъ* 450
Опыты посѣва табаку въ Туркестанскомъ краѣ. *И. Первушинъ.* 457
Кендырь 458
Нѣсколько словъ о свойствахъ туркестанскаго каменнаго угля. *А. Татариновъ* 460
О разработкѣ свинцовыхъ рудниковъ въ горахъ Кара-тау. *А. Ивановъ.* 464

Стран.

Производство хлопка въ долинѣ рѣки Борохудзиръ 473
О состояніи скотоводства въ Туркестанскомъ краѣ. 477
О способахъ врачеванія у туземцевъ Туркестанскаго края 478
Эксплуатація земной поверхности въ Киргизской степи. *П. Зенковъ*. 480
О разведеніи хлопка въ Туркестанскомъ краѣ 506
Ремесленная дѣятельность таджиковъ Заравшанскаго округа. *А. Гребенкинъ* 511
Разведеніе шелковичныхъ червей въ Средней Азіи. *Ю. Адамолли*. 514
О направленіи торговыхъ путей въ Туркестанскомъ краѣ. *Г. Загряжскій* 527
О торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію 536
Замѣтка объ акмолинско-ташкентскомъ трактѣ. *Д. Филатовъ*. . 540
Торговый путь изъ Индіи къ Кашгару. *В. фонъ-Гойеръ*. 542
Древній торговый путь въ Среднюю Азію. *А—цъ*. 544
Путешествіе Избрандта въ Китай въ 1692 году 549
Нефтяный промыселъ на островѣ Челекень 552
О лѣсоводствѣ въ Киргизской степи. *Г. Титовъ* 555
Подводный перешеекъ въ Каспійскомъ морѣ 558

Приложеніе:

Объясненіе нѣкоторыхъ, встрѣчающихся въ печати, словъ изъ языковъ узбекскаго и таджикскаго 565

Замѣтки объ Аму-Дарьѣ.

Источники Аму-Дарьи.—Плоскость Памиръ.—Притоки Аму-Дарьи въ верхнихъ частяхъ ея теченія.—Кундузъ.—Средняя часть теченія Аму-Дарьи.—Ширина Аму-Дарьи.—Измѣренія Борнса.—Низовья Аму-Дарьи.—Каналы, рукава и протоки.—Быстрота теченія Аму-Дарьи.—Глубина этой рѣки.—Измѣренія А. Борнса при Чарджуи и при Ходжа-Сале.—Измѣренія Можайскаго и Бутакова.—Общее заключеніе Борнса о судоходствѣ по Аму-Дарьѣ.

Рѣка Аму беретъ свое начало изъ озера Сары-куль или Серъ-куль. Озеро это лежитъ на знаменитой возвышенности Памирской и находится подъ широтою 37° 27′. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, изъ озера этого беретъ свое начало одинъ изъ притоковъ Инда и рѣка Аму-Дарья; если это справедливо, то озеро Сары-куль должно находиться на поверхности, дающей огромную массу воды, которая въ состояніи питать такія большія рѣки, какъ Индъ и Аму. Надобно замѣтить, что Памиръ, представляя собою плоскую возвышенность, около 700 верстъ ширины, въ сравненіи съ которой, по преувеличеннымъ разсказамъ азіятцевъ, кажутся ничтожными всѣ прочія снѣжныя вершины Тибета, служитъ узломъ величайшихъ возвышенностей Азіи. Тянь-Шань, Болорскій хребетъ, Куень-Люнь, Гинду-Кушъ, Гималай — имѣютъ здѣсь связь между собою. Связь эта образуется помощью проблематическаго Болорскаго хребта, который Гумбольдтъ называетъ меридіональнымъ.

Вытекая изъ снѣжныхъ горъ и озера Сары-Куль, Аму-Дарья принимаетъ въ своихъ верховьяхъ довольно значительное количество горныхъ рѣкъ, которыя вливаютъ въ Аму большую массу воды. Самая большая рѣка изъ притоковъ Аму есть рѣка Бадахшанъ, въ странѣ того же имени.

Въ Кундузѣ текутъ двѣ рѣки, сливающіяся въ одну, сѣвернѣе города Кундуза. Масса водъ, изливаемыхъ этими рѣками, такъ велика, что долины ихъ представляютъ собою почти сплошныя болота. Дороги проложены въ этой странѣ по сваямъ, вбитымъ во влажную землю. Лѣтомъ, въ періодъ таянія снѣговъ въ сосѣднихъ горахъ, рѣки эти становятся вездѣ весьма глубокими и нигдѣ не представляютъ бродовъ.

Округа: Хуллумъ, Гейбекъ, Хурремъ, Эндерабъ, Ташганъ орошаются небольшими рѣчками, текущими въ Оксъ (Аму-Дарья); воды этихъ рѣчекъ орошаютъ роскошныя поля и сады, близь которыхъ они протекаютъ. Съ сѣвера вливаются въ Оксъ рѣки, о которыхъ мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній, но которыя должны давать довольно большую массу воды, потому что выходятъ изъ высокихъ, снѣжныхъ горъ.

Получая такимъ образомъ свои воды изъ многочисленныхъ и обильныхъ притоковъ, Аму-Дарья становится большою рѣкою, и, вступивъ изъ горныхъ странъ на равнину, течетъ величественно на огромномъ пространствѣ, обладая уже всѣми данными, чтобы быть важнымъ и удобнымъ путемъ для сношеній отдаленныхъ странъ между собою. Принявъ въ себя рѣки: Кундузъ и Талигай (Акъ-Сурай), берущія свое начало изъ Гинду-Куша, Аму-Дарья становится судоходною во всякое время года, и не представляетъ ни одного брода. Аму-Дарья вступаетъ въ равнину ниже Келефа, въ ста верстахъ къ юго-западу отъ Балха.

Ширина рѣки незначительна; по крайней мѣрѣ такое убѣжденіе составляется на основаніи того, что разсказываютъ европейцы, посѣщавшіе эту рѣку. Наибольшая ширина находится въ среднемъ теченіи рѣки; верховья не широки, а въ низовыхъ частяхъ рѣка эта раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, большинство которыхъ не отличается особою шириною. Борнсъ, во время своего путешествія въ Бухару, два раза переправлялся чрезъ Аму-Дарью, и опредѣлилъ ширину рѣки въ этихъ мѣстахъ. Первый пунктъ, при которомъ онъ переправился чрезъ рѣку, былъ Ходжа-Сале, находящійся почти подъ 60° восточн. долготы. Въ этомъ мѣстѣ ширина рѣки, измѣренная секстантомъ, оказалась равною 820 ярдамъ, т. е. 213 саж. При обратномъ путешествіи изъ Бухары, Борнсъ пересѣкъ Аму-Дарью у перевоза Чарджуй, находящагося на дорогѣ изъ Бухары на Мервъ и Мешгедъ.

Близь Келефа ширина рѣки равна 350 ярдамъ, т. е. 150 саж. Теченіе рѣки вообще отличается прямизною, и рѣка образуетъ множество острововъ. Такъ, при упомянутомъ выше Ходжа-Сале, она раздѣляется двумя песчаными островами на три отдѣльные рукава. На картѣ глазомѣрной съемки, произведенной въ трехъ-верстномъ масштабѣ, въ 1858 году г. Можайскимъ, можно видѣть, какъ обильна эта рѣка островами, и какъ часто мѣняетъ она свое направленіе, хотя и на небольшія разстоянія. Но вообще теченіе ея, какъ мы сказали выше, въ среднихъ частяхъ своихъ отличается прямизною.

Мы уже упоминали выше, что въ низовьяхъ рѣка раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, текущихъ въ Аральское море. Сверхъ того, въ этихъ же частяхъ изъ нея проведено множество каналовъ, которые текутъ на до-

вольно значительное разстояніе, орошая поля и сады, и унося съ собою значительное количество воды. Есть убѣжденіе, поддерживаемое людьми компетентными, что такъ называемое, старое русло Аму-Дарьи есть ничто иное, какъ каналъ, проведенный нѣкогда для орошенія туркменскихъ полей. Разлитіе рѣки на нѣсколько рукавовъ и истощеніе ея ирригаціонными каналами, уменьшило ширину ея главнаго рукава. Въ этомъ отношеніи рѣка эта представляетъ собою особенное явленіе. Европейскія и большая часть азіятскихъ рѣкъ при устьяхъ широко разливаются. Рѣка Днѣпръ, по своей длинѣ почти равная Аму-Дарьѣ, при устьѣ своемъ разливается на нѣсколько верстъ въ ширину.

Въ верховьяхъ своихъ Аму-Дарья течетъ чрезвычайно быстро; вступая въ страны равнинныя, быстрота теченія хотя и уменьшается, но рѣка все еще принадлежитъ къ быстро текущимъ рѣкамъ. Борнсъ опредѣляетъ быстроту ея — 6000 ярдовъ въ часъ, т. е. 2571 саж. Такая быстрота показываетъ на довольно значительное паденіе русла рѣки. Борнсъ вычислилъ величину паденія на (2)350 верстъ разстоянія въ 800 футовъ. Хотя это вычисленіе и основано на способѣ весьма несовершенномъ, однако же пока есть единственное вѣроятное.

Вопросъ о глубинѣ Аму-Дарьи есть вопросъ, наиболѣе важный изъ всѣхъ вопросовъ, относительно этой рѣки. Лишь опредѣленная глубина рѣки дѣлаетъ ее способною къ судоходству. Не приводя пока измѣреній глубины рѣки, произведенныхъ во многихъ мѣстахъ довольно точнымъ образомъ и принимая лишь во вниманіе мѣсто, откуда рѣка беретъ свое начало, быстроту теченія и ту массу воды, которая уносится этою рѣкою, — можно уже заключить, что рѣка Аму должна быть глубока. Верховья этой рѣки окружены высочайшими горами, достигающими предѣловъ вѣчнаго снѣга, и слѣдовательно всегда дающими большое количество воды. Аму-Дарья принимаетъ въ себя воды, происходящія отъ таянія снѣговъ Гинду-Куша, Болора и Кашгаръ-Давана. Быстрота теченія препятствуетъ образованію мелей. При большой массѣ воды, изливаемой рѣкою и когда разливы не широки, рѣка должна быть глубока, или, по крайней мѣрѣ, должна имѣть глубокій фарватеръ.

Изъ измѣреній глубины, которыя были произведены на Аму-Дарьѣ, замѣчательны измѣренія Борнса, Можайскаго и Бутакова. Приведемъ подробности этихъ измѣреній, ибо точныя цифры всего лучше покажутъ свойства этой рѣки, въ отношеніи ея глубины.

Борнсъ измѣрилъ глубину рѣки въ двухъ упомянутыхъ уже выше пунктахъ; при Ходжа-Сале первый рукавъ, шириною въ 295 ярдовъ, или 126 саж. имѣлъ глубины 6, 9, 12 и 6 футовъ; второй рукавъ, шириною въ 113 ярдовъ (48 саж.) имѣлъ глубины вездѣ 6 футъ; 3-й рукавъ,

шириною въ 415 ярдовъ, имѣлъ глубины въ 6, 9, 15, 19 и 6 ф. Средняя глубина рѣки, по вычисленію Борнса, не можетъ быть менѣе 9 футъ. Въ Чарджуи, гдѣ глубина рѣки равна 680 ярдамъ, слѣдовательно гораздо менѣе, чѣмъ при первомъ пунктѣ, глубина рѣки получилась въ 12, 18, 29, 20 и 18 футъ. Слѣдовательно средняя глубина рѣки у Чарджуя оказывается болѣе 19 футъ.

Часть рѣки, отъ бухарской крѣпости Ясты, находящейся близь Чарджуи, до устья, пройдена г. Можайскимъ въ іюлѣ и началѣ августа 1858 года. Хотя г. Можайскій не все время слѣдовалъ по Аму-Дарьѣ, однако онъ представилъ карту всей этой части рѣки, въ масштабѣ 3 верстъ въ дюймѣ, съ обозначеніемъ на ней во многихъ мѣстахъ глубинъ. Мы приведемъ его данныя, относительно пространства отъ Ясты до г. Кунграда, а отъ этого города до устья Аму-Дарьи заимствуемъ данныя у Бутакова, какъ наиболѣе точныя. Все разстояніе отъ Ясты до Кунграда, по картѣ Можайскаго, оказывается равнымъ 801 верстѣ. Изъ нихъ Можайскій ѣхалъ 554 версты водою, на хивинской лодкѣ, а 247 верстъ нанесено имъ на карту по разспроснымъ свѣдѣніямъ. Представимъ нѣсколько подробностей, обозначенныхъ на картѣ г. Можайскаго.

Близь Ясты рѣка Аму-Дарья разливается на нѣсколько рукавовъ; обозначено: глубоко.

Отъ Ясты до урочища Наръ-Кызъ-Тугалъ рѣка не была изслѣдована г. Можайскимъ: онъ ѣхалъ по сухому пути; разстояніе по картѣ равно 67 верстамъ.

Отъ урочища Наръ-Кызъ-Тугалъ, мимо урочища Джедамъ, къ уроч. Кызъ-Тусли обозначено: глубоко; разстояніе 60 верстъ.

Отъ урочища Кызъ-Тусли до уроч. Гурли обозначено: глубоко; разстояніе 33 версты.

Отъ урочища Гурли до уроч. Кунертли обозначено: глубоко; разстояніе 35 верстъ.

Отъ уроч. Кунертли до уроч. Денъ-Суатъ обозначено: глубоко; разстояніе 35 верстъ.

Отъ уроч. Денъ-Суата до уроч. Мошекли, на протяженіи 90 верстъ, рѣка не изслѣдована; Можайскій ѣхалъ по берегу. У Мошекли Аму-Дарья раздѣляется на рукава.

Отъ Мошекли до переправы, при выходѣ изъ Аму-Дарьи, Шавата, рѣка на протяженіи 90 верстъ не изслѣдована. У этой переправы Аму-Дарья снова раздѣляется на нѣсколько рукавовъ. Minimum глубины обозначено тутъ въ 2 саж., maximum — въ 4 сажени. Отъ этого мѣста и до раздѣленія рѣки на рукава: Талдыкъ и Улькунъ-Дарья, рѣка наполнена островами.

Отъ переправы до города Ургенча — 21 верста; обозначено: глубоко, но у гор. Ургенча показаны двѣ мели на юго-западномъ рукавѣ, хотя цифрами не обозначена глубина рѣки въ этихъ мелководныхъ мѣстахъ. Весьма вѣроятно, что близость большаго города служитъ естественною причиною засоренія рукава различными нечистотами. Сѣверо-восточный рукавъ еще не изслѣдованъ.

Отъ Ургенча до гор. Кипчака—133 версты; вообще рѣка обозначена глубокой, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ показаны также мели. Должно замѣтить, что изслѣдованіе рѣки Аму-Дарьи производилось не по всей ширинѣ, и потому присутствіе мелей еще не можетъ служить доказательствомъ непригодности рѣки для судоходства. Азіятцы же до того неопытны въ рѣчномъ судоходствѣ, что вѣроятно и не знаютъ, гдѣ находится главный фарватеръ рѣки.

Отъ Кипчака до крѣпости Бентъ, на разстояніи 42 верстъ, вездѣ обозначено: глубоко.

Отъ крѣп. Бентъ до гор. Ходжійло, или Ходжейли, на разстояніи 38 верстъ, рѣка показана вездѣ глубокою. Промѣры показали здѣсь глубину въ 2 и 3 сажени.

Затѣмъ до города Кунграда, на пространствѣ 157 верстъ, въ трехъ мѣстахъ обозначены мели. На 117-й верстѣ, при выходѣ изъ Аму-Дарьи протока Кара-байли, обозначена глубина въ 3 сажени.

Объ изслѣдованіяхъ г. Можайскаго должно замѣтить, что они производились не вполнѣ съ строгою точностью. Такъ напр., онъ обозначалъ на своей картѣ глубины не чрезъ какое либо опредѣленное разстояніе, а совершенно произвольно; плывя не по фарватеру, лодка, на которой ѣхалъ Можайскій, весьма естественно могла натыкаться на мели, и если на разстояніи 554 верстъ имъ обозначено не болѣе десяти мелей, то это уже доказываетъ весьма наглядно до какой степени Аму-Дарья способна къ судоходству.

Измѣренія глубины, произведенныя г. Бутаковымъ во время его плаванія на пароходѣ изъ Аральскаго моря по Аму-Дарьѣ, до г. Кунграда, дали слѣдующіе результаты:

Отъ г. Кунграда до выхода изъ Аму-Дарьи протока Кугъ-Узякъ, глубины обозначены слѣдующими цифрами:

7 фут.	7 фут.	$1\frac{1}{4}$ саж.
5 »	8 »	$2\frac{3}{4}$ »
6 »	9 »	3 арш.
4 »	$1\frac{1}{2}$ саж.	4 »
4 »	3 »	$5\frac{1}{2}$ »
8 »	$1\frac{3}{4}$ »	3 »

7 фут.	2 1/2 саж.	8 арш.
8 »	1 1/4 »	5 1/4 »
8 »	3 1/4 »	2 1/2 »
7 »	1 1/4 »	»
10 »	3 1/4 »	
9 »	2 1/2 »	
8 »	1 1/4 »	
	1 1/2 »	

Отъ выхода протока Кугъ-Узякъ до выхода протока Казакъ-Дарья глубины обозначены слѣдующія:

2 саж.	2 3/4 саж.
2 »	4 »
3 »	5 »
3 »	3 »
5 »	4 »
4 »	3 1/2 »
4 1/2 »	3 1/2 »
4 »	3 1/4 »
3 »	3 1/4 »

Отъ Казакъ-Дарья до отдѣленія рукава Кичкине-Дарья глубины слѣдующія:

3 1/2 саж.	4 саж.
4 »	5 1/2 »
3 1/2 »	4 »
3 »	4 1/2 »
4 »	5 »
2 1/2 »	3 1/2 »
3 1/2 »	4 »
4 »	3 3/4 »
3 1/2 »	3 3/4 »
3 1/2 »	3 1/2 »
3 1/4 »	3 »
3 1/2 »	3 »
	2 1/2 »

И наконецъ отъ послѣдняго мѣста до впаденія Аму-Дарьи въ Аральское море измѣренія глубины дали слѣдующіе результаты:

2 3/4 саж.	2 саж.
2 1/2 »	10 фут.
3 »	5 »

2	саж.	5	фут.
3	»	2	»
$2^1/_2$	»	3	»

Относительно этихъ цифръ можно замѣтить слѣдующее: каждый, всмотрѣвшись въ нихъ внимательно, легко убѣдится въ ихъ точности и достовѣрности. Число измѣреній почти соотвѣтствуетъ числу верстъ, на которыхъ производилось измѣреніе; слѣдовательно это измѣреніе производилось по опредѣленному плану и можетъ дать вѣрное понятіе о дѣйствительной глубинѣ рѣки. Кромѣ того, необходимо еще замѣтить, что наблюденіе производилось по фарватеру. Наименьшая глубина получилась у Кунграда, гдѣ русло рѣки засорено, и близь самаго устья, гдѣ оно занесено иломъ, и гдѣ теченіе ослабѣваетъ, такъ какъ рѣка широко разливается.

Рукавъ Талдыкъ, также измѣренный во время плаванія г. Бутакова по Аму-Дарьѣ, при измѣреніи далъ слѣдующіе результаты, относительно глубины:

$1^1/_2$	саж.	5	саж.	$2^1/_2$	саж.	2	саж.
$2^1/_2$	»	3	»	2	»	5	фут.
3	»	$3^1/_2$	»	2	»	4	»
2	»	5	»	2	»	3	»
3	»	7	»	$1^1/_2$	»	2	»
$1^1/_2$	»	3	»	5	фут.	$1^1/_2$	»
3	»	$2^1/_2$					

Вспомнимъ слова, сказанныя Борнсомъ, относительно судоходства по Аму-Дарьѣ: «Оксъ судоходенъ въ большей части своего теченія. Русло его необыкновенно прямо, и не имѣетъ ни пороговъ, ни быстринъ, ни водоворотовъ; въ немъ также нѣтъ и песчаныхъ отмелей. Можно даже сказать, что если-бы устье его не было замкнуто иловатыми болотами, то по немъ можно было бы плавать отъ самаго моря почти до Кундуза, т. е. на протяженіи 600 миль (1050 верстъ). Впрочемъ, если исключить протяженіе этой дельты, начинающейся не много ниже Ургенча, и простирающейся не болѣе, какъ на 50 миль, то и тогда мы будемъ имѣть 550 миль для судоходства».

Теперь мы знаемъ, что Борнсъ ошибался, утверждая, что устье Аму-Дарьи не судоходно. Мы видѣли изъ цифръ г. Бутакова, что устье Аму-Дарьи еще не совсѣмъ безнадежно для плаванія, по крайней мѣрѣ для судовъ съ малою осадкою, которыя могутъ въ такомъ случаѣ ходить отъ Аральскаго моря до Кундуза, на разстояніи не 1050 верстъ, какъ говоритъ Борнсъ, а 1750 верстъ. Только при неподвижности средне-азіятцевъ и

ихъ непредпріимчивомъ характерѣ, рѣка, имѣющая всѣ данныя для успѣшнаго развитія судоходства, находится почти въ пренебреженіи.

Выходя въ страны равнинныя, Аму-Дарья не принимаетъ въ себя ни одной рѣки; при низовьяхъ же своихъ она выпускаетъ изъ себя весьма много значительныхъ каналовъ, а близь устья раздѣляется на нѣсколько рукавовъ. И если, не смотря на это, главный рукавъ Аму-Дарьи, Улькунъ-Дарья такъ глубокъ, какъ это видно изъ измѣреній г. Бутакова, то среднее теченіе рѣки, еще неистощенной водою и не раздѣленной, должно также отличаться не меньшею глубиною.

Л. С—въ.

Балханъ и старое русло Аму-Дарьи *).

Рекогносцировка береговъ полуострова Дарджа. — Открытіе Михайловскаго залива.— Русло Аму-Дарьи.—Почва древняго русла.—Видъ окрестностей. — Слѣды геологическихъ переворотовъ. — Туркменское преданіе. — Урочище Джебель-ата. — Кабаны. — Развалины Ташъ-Арватъ-кала.—Сказаніе Геродота объ амазонкахъ на Оксѣ.—Орографическое строеніе Балхана. — Геологическій составъ. — Экспедиція для изслѣдованія стараго русла Аму-Дарьи.

Въ 1869 году, въ глубокую осень, полковникъ Столѣтовъ съ частію красноводскаго отряда сдѣлалъ первый опытъ большой рекогносцировки къ Балханамъ, по сѣверному безводному побережью Балханскаго залива, но неожиданно наступившіе жестокіе холода и бури вынудили рекогносцирующія войска вернуться въ лагерь.

Послѣ этого движенія, до начала января 1870 года, войска оставались въ лагерѣ, занимаясь устройствомъ нѣкоторыхъ помѣщеній, углубленіемъ бывшихъ и разработкою новыхъ колодцевъ. Труды не пропали даромъ; въ красноводской мѣстной почвѣ оказалось воды достаточно, а въ нѣкоторыхъ колодцахъ вода даже улучшилась.

Въ это время начальникъ отряда полковникъ Столѣтовъ плавалъ на военной шкунѣ чрезъ Балханскій заливъ къ берегамъ полуострова Дарджа, при чемъ найденъ незначащійся ни на какихъ картахъ, довольно большой заливъ, который и названъ Михайловскимъ. По этому заливу, какъ оказалось, можно было проплыть на мелко сидящихъ судахъ къ Балханамъ, на разстояніи 45 верстъ, и избѣжать такимъ образомъ безводной дороги на значительное разстояніе. Рѣшились воспользоваться этимъ заливомъ для предстоявшаго похода.

17-го февраля отрядъ выступилъ въ походъ при пушечной салютаціи и громкихъ пѣсняхъ солдатъ. Къ вечеру отрядъ уже достигъ ложа устья древняго теченія Оксуса и расположился на ночлегъ. И вотъ, наконецъ,

*) Заимствовано изъ газеты «Кавказъ».

та безпредѣльная гробница, раскрытая, опустѣлая гробница жизни вѣковъ, забытыхъ исторіею. Вотъ великая рѣка безъ воды, къ которой русскій человѣкъ пришелъ, чтобы дать ей воду, призвать жителей въ опустѣлые города и села береговъ ея, оросить безпредѣльныя сухія пустыни ея прибрежій, гдѣ конь, пріученный нуждою, не утоляетъ жажды въ теченіи пяти дней, гдѣ дикіе олени, сжигаемые жаждою, не видя воды на днѣ глубокаго колодца, бросаются туда и гибнутъ за глотокъ влаги....

Все пространство, пройденное въ продолженіе дня, равно какъ и окрестности устья русла Оксуса — однообразные бугры сыпучаго песку, мѣстами покрытые какимъ-то сѣро-пепельнаго цвѣта мелкимъ кустарникомъ. Русло Оксуса, у устья представляетъ издали видъ, какъ бы дѣйствительно текущей рѣки. Душа великаго мертвеца еще не отлетѣла! Видъ этотъ производитъ солонцеватый осадокъ, занимающій днище русла, а мѣстами плесы и лужи горько-соленой воды, стоящія тамъ и сямъ по руслу. Куда ни взглянешь—пусто, дико, безлюдно! Кругомъ безконечная, однообразно волнующаяся линія сѣро-желтой степи, въ которую, словно гигантская бирюза, врѣзаны зеленовато-синія воды Балханскаго залива, а впереди рдѣютъ на горизонтѣ красныя и бѣлыя вершины Балханскихъ горъ....

Когда красноводскій отрядъ, переночевавъ у древняго русла Оксуса, двинулся далѣе, въ путь, Балханы картинно обрисовались на горизонтѣ. Дно ложбины древняго русла Аму-Дарьи песчано, усѣяно морскими раковинами и покрыто солонцеватымъ налетомъ. Морскія раковины породъ, которыя еще и теперь живутъ въ водахъ Каспія, (какъ разсказываютъ мѣстные туркмены), находятся по ложу русла вверхъ, верстъ на двадцать. Вѣроятно въ древности здѣсь была морская бухта, въ которую и изливался Оксусъ, а не русло самаго прѣсноводнаго Оксуса. Тѣмъ болѣе можно такъ полагать, что Каспій постепенно удаляется отъ туркменскаго берега. Нѣкоторые заливы сократились, небольшія бухты совсѣмъ высохли, острова слились съ берегомъ.

Явленія эти оправдываютъ то предположеніе, что геологическое движеніе почвы Туркменіи продолжается и понынѣ. Оно-то можетъ быть и измѣнило направленіе теченія Оксуса. По этому поводу у туркменъ есть слѣдующая легенда: „у великаго хана цвѣтущаго Харезма была красавица-дочь, святой жизни. Выдти замужъ она и не думала! Исрафиль, ангелъ смерти, по волѣ аллаха, прекратилъ дни ея земной жизни. Когда святая дѣвушка умирала, сдѣлался громъ и молнія, земля тряслась. Аму-Дарья (древній Оксусъ) потекла въ другую сторону и образовала другое море“. Замѣчательно, что извѣстный оріенталистъ, англичанинъ Роулин-

сонъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ древній манускриптъ на фарсійскомъ языкѣ, гдѣ подробно описывается Туранъ того времени, описываются горы, степи, озера, рѣки; но о морѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Аральское море, ничего не упоминается, какъ бы его и не было тамъ.

Перейдя Оксусъ, отрядъ двинулся въ направленіи къ Балханамъ, совершенно по такой же степи, какъ и на предшествовавшемъ переходѣ, отъ Михайловскаго залива до устья Оксуса. Только почва измѣнилась: она состояла изъ твердаго, солонцеватаго суглинка, мѣстами усѣяннаго валунами. Камни эти, чѣмъ ближе подходилъ отрядъ къ горамъ, тѣмъ въ большемъ количествѣ покрывали мѣстность. Часамъ къ четыремъ послѣ полудня, отрядъ достигъ подошвы Балханъ съ сѣверо-западной ихъ стороны. Здѣсь растительность была довольно сильная, мѣстами виднѣлись группы мелкаго кустарника. На этомъ переходѣ встрѣтили отрядъ туркменскіе старшины племени іомудъ, и присоединились къ отряду. Туркмены были совершенно счастливы, если кто изъ офицеровъ хвалилъ мѣста, по которымъ шелъ отрядъ.

Дѣйствительно, утомленные до того времени сѣрою и утомительно однообразною бѣдною природою окрестностей Красноводска, всѣ были обрадованы густою зеленью кустарниковъ и деревьевъ, а еще болѣе— великолѣпною ключевою водою, которую нашли близь обвала Балхана. Мѣстность эта извѣстна подъ названіемъ Джебель-ата. Здѣсь была дневка.

20-го февраля отрядъ двинулся въ гору. Привольная мѣстность, по которой шли, была покрыта сильною травянистою растительностію и изобилована ключами отличной воды. Въ этомъ мѣстѣ балханлинцы встрѣтили русскихъ своимъ хлѣбомъ-солью. Здѣсь все, что было на конѣ, и даже туркмены, бросились за кабанами, которыхъ тутъ паслось множество. Солдаты видѣли въ перспективѣ охоту, отличную кашу, сваренную на ключевой водѣ, съ свѣжею кабаниною....

Послѣ полудня отрядъ достигъ урочища и бывшаго укрѣпленьица Ташъ-Арватъ-Кала (каменная бабья крѣпость). Ужъ не столица-ли это царства амазонокъ Геродота, которыхъ онъ помѣщалъ на Оксусѣ? — Укрѣпленіе представляетъ четыреугольникъ, обнесенный стѣною изъ камня, сложеннаго на глинѣ. Стѣна кое-гдѣ развалилась. Вотъ и все, что намъ досталось отъ амазонокъ Геродота или Александра Македонскаго. Здѣсь-то и положено устроить русское укрѣпленіе и расположить красноводскій отрядъ въ постоянной штабъ-квартирѣ.

Нѣкоторые изъ гг. офицеровъ штаба сдѣлали рекогносцировку на самыя вершины Балхана, гдѣ и произвели наблюденіе надъ высотою горы посредствомъ теодолита. Оказалось, что высота Балхана простирается

до пяти тысячъ футовъ. На такой высотѣ построено въ Дагестанѣ укрѣпленіе Гунибъ.

Геологическое строеніе Балхана состоитъ изъ огромныхъ толщъ темно-сѣраго твердаго песчанника и плотнаго горнаго известняка разныхъ оттѣнковъ, отъ ярко-бѣлаго до желтаго и алаго. По сочетанію переливовъ этихъ цвѣтовъ, Балханы съ сѣверной стороны чрезвычайно красивы. По карнизу горы, около самой верхушки ея, растутъ темно-зеленые кустарники, обвивая какъ бы вѣнкомъ неувядаемой зелени главу Балхана. Вершины Балхана образуютъ довольно обширныя площади, покрытыя густыми травами, которыя составляютъ богатыя пастбища, прохладныя и изобильныя водою для стадъ, перекочевывающихъ сюда на лѣтніе жаркіе мѣсяцы.

Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ начальника отряда, тщательно изслѣдовала и изучила мѣстность урочища Ташъ-Арватъ-Кала. Мѣстность эта найдена совершенно годною для поселенія и устройства укрѣпленія.

Затѣмъ отрядъ, не имѣя болѣе цѣли оставаться на Балханѣ, двинулся обратно въ Красноводскъ, по сѣверному побережью Балханскаго залива. Здѣсь были осмотрѣны мѣста для колодцевъ и укрѣпленныхъ при нихъ мѣстъ ночлеговъ. Дорога оказалась длиною двѣсти верстъ, тогда какъ черезъ южное прибрежье, за исключеніемъ воднаго пути отъ Михайловскаго залива до урочища Ташъ-Арватъ-Кала, насчитывалось всего сухопутной дороги верстъ до сорока пяти.

Костемеревскій.

О старомъ руслѣ Аму-Дарьи *).

Въ настоящее время географическій вопросъ о старомъ руслѣ Аму-Дарьи дѣлается промышленно-торговымъ; но таковымъ онъ былъ и 50 лѣтъ тому назадъ, когда незабвенный Алексѣй Петровичъ Ермоловъ посылалъ изъ Красноводска въ Хиву генеральнаго штаба капитана Николая Николаевича Муравьева, для переговоровъ съ хивинскимъ ханомъ, чтобы направить торговлю на Красноводскій заливъ, до котораго отъ Хивы полагается 17 дней караваннаго пути.

Спустя болѣе 40 лѣтъ послѣ поѣздки Муравьева въ Хиву, по направленію отъ Красноводскаго залива въ Хиву проѣхалъ изъ Персіи венгерецъ Вамбери, въ видѣ дервиша, съ караваномъ пилигримовъ. Оба путешественника должны были вести свои записки скрытно, особенно Вамбери, и потому подробнаго и обстоятельнаго описанія пройденныхъ ими путей отъ нихъ нельзя и требовать; надобно полагать, что Вамбери описалъ свое путешествіе съ памяти, уже по возвращеніи въ Персію или Турцію, о чемъ можно заключить по нѣкоторымъ ошибкамъ, сбивчивому описанію мѣстности и не совсѣмъ правильному назначенію, на приложенной къ описанію его путешествія картѣ, нѣкоторыхъ предметовъ, особенно стараго русла Аму, и именно того мѣста, гдѣ онъ переѣхалъ его. Изъ описанія пути Вамбери вовсе нельзя понять, гдѣ онъ переѣхалъ второй разъ старое русло: недоѣзжая-ли возвышенности Кафлянкиръ, названной имъ бывшимъ островомъ, или переѣхавъ ее.

По словамъ обоихъ путешественниковъ, изъ Красноводска въ Хиву три пути: сѣверный, которымъ слѣдовалъ въ Хиву капитанъ Муравьевъ (длина его около 750 верстъ; онъ прошелъ его въ 17 дней); южный, которымъ онъ возвращался изъ Хивы; путь почти такой же длинный и средній, которымъ слѣдовалъ Вамбери; онъ прошелъ его въ 12 дней (я не считалъ случайныхъ задержекъ, напримѣръ сворачиваніе въ аулы и проч.), считая

*) Изъ газеты «Вѣсть».

отъ Балканскихъ горъ. По всѣмъ этимъ путямъ путешественники переѣзжали широкую и глубокую рытвину или балку, которую мѣстные жители называютъ старымъ русломъ Аму-Дарьи; именно, слѣдуя сѣвернымъ путемъ, Муравьевъ переѣхалъ это русло у кол. Бешъ-Дешикъ, гдѣ оно имѣло около 15 саж. грубины и до 100 саж.*) ширины; при обратномъ пути, слѣдуя южнымъ путемъ, онъ переѣхалъ это русло у кол. Тюнюклю, гдѣ онъ было глубоко и круто. Вамбери, слѣдуя среднимъ путемъ въ Хиву, переѣхалъ его въ двухъ мѣстахъ: пройдя перевалъ, между горъ Бол. и Мал. Балханы, и при возвышенности Кафлянкиръ, но по западную или восточную часть этой возвышенности—изъ описанія его нельзя понять. Такъ какъ оба путешественника не могли слѣдовать вдоль всего русла, то направленіе его, и одно или два, или же нѣсколько руслъ было стараго теченія Аму, опредѣлить нельзя; но очень естественно полагать, что такая быстрая рѣка, несущая съ собой столько илу, что не отстоявъ воды, нельзя ее пить, протекая по равнинѣ, могла открывать нѣсколько руслъ или направленій къ Каспійскому морю. На нашихъ картахъ нанесено вѣроятно то русло, по которому Аму текла въ началѣ 17 столѣтія, и направленіе это назначено съ описанія его теченія Абулгази-Баядуръ-ханомъ.

Разспросивъ около ста человѣкъ, находившихся въ плѣну въ хивинскомъ ханствѣ нашихъ русскихъ казаковъ и крестьянъ, жившихъ въ немъ по 15, 20 и болѣе лѣтъ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ осѣдлой части хивинскаго ханства Аму прорывала себѣ ложе къ сторонѣ Каспійскаго моря въ четырехъ мѣстахъ: 1) между городами Питнякъ и Хазарамъ; ложе это направляется на с. з., и съ западной стороны отъ г. Хивы теряется въ пескахъ; 2) выше Нов. Ургенча и 3) ниже Новаго Ургенча, ложе слѣдовало тому же направленію и тоже терялось въ пескахъ; первое изъ нихъ называется жителями Доуденъ, или Деденъ, второе Куня-Дарьялыкъ; и 4) отдѣлясь отъ лѣваго рукава Аму, называемаго Лаусинъ, сѣвернѣе мѣстечка Порсу, образуетъ протокъ Шаркраукъ, проходитъ мимо гор. Стараго или Куня-Ургенча, лежащаго нынѣ въ развалинахъ, направляется на кол. Бешъ-Дешикъ, но далѣе идетъ ли по тому руслу, какъ назначено на картѣ, или направляется назадъ къ кол. Даринъ (гдѣ Муравьевъ переходилъ балку, полагая, что это высохшее дно рѣки, впадавшей въ старое русло Аму) и оттуда въ зал. Карабугазскій — это вопросъ еще не разрѣшенный. По словамъ Муравьева, старое русло Аму во многихъ мѣстахъ засыпано пескомъ; но судя по разсказамъ плѣнныхъ, во время разливовъ рѣки Аму, въ протокъ Шаркраукъ прорывается иногда столько воды, что

---

*) Путеш. въ Хиву и Туркменію, 1819 г., час. 1, стр. 75, 76; часть 2, стр. 12—14.

для переправы каравановъ, проходящихъ изъ Хивы въ Мангишлакъ или Оренбургъ, около Куня-Ургенча высылаются суда. Ширина протока въ этомъ мѣстѣ бываетъ болѣе 60 саж. и вода доходитъ верстъ на 100 и болѣе къ западу отъ колодцевъ Бешъ-Дешикъ; слѣдовательно до Красноводска не доходитъ она верстъ на 400 и даже менѣе, считая не по изгибамъ рѣки, а по караванному пути. Такъ какъ и въ настоящее время этотъ протокъ принимаетъ столько воды, что при Куня-Ургенчѣ приходится часто учреждать переправу на судахъ, то изслѣдованіе этого протока заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія.

Возможно-ли этотъ протокъ сдѣлать постоянно судоходнымъ, на сколько времени въ году и на какое разстояніе отъ хивинскаго ханства—можетъ показать только подробное изслѣдованіе мѣстности. Чтобы знать на что болѣе надо обращать вниманіе при предположенномъ изслѣдованіи стараго русла Аму и путей въ Хиву изъ Красноводска, я полагаю, надобно сначала ознакомиться съ свойствами р. Аму, съ способами, употребляемыми хивинцами для орошенія ихъ полей, и съ ихъ гидротехническими работами для наполненія водою и выпуска ея изъ водопроводовъ и предохраненія полей отъ потопленія водою р. Аму при сильныхъ разливахъ ея.

Въ предѣлахъ осѣдлой части хивинскаго ханства берега р. Аму понижаются, особенно лѣвый берегъ ея, начиная отъ гор. Питняка, или по выраженію Вамбери,—Фитняка. Это самый южный пунктъ осѣдлой части Хивы; правый берегъ довольно высокъ и не требуетъ принятія никакихъ особыхъ мѣръ для предохраненія отъ затопленія полей: посредствомъ прокопанныхъ на этомъ берегу водопроводовъ, поля орошаются преимущественно чигирями, или водочерпальными колесами, посредствомъ которыхъ почерпаемая вода изъ каналовъ переливается на поля и сады. На лѣвомъ же берегу мѣстность вообще до того низменная, что вода во время разливовъ Аму, безъ принятія особыхъ способовъ, могла бы заливать множество полей и садовъ ханства. Разливы Аму бываютъ по нѣсколько разъ въ году и происходятъ отъ тающихъ снѣговъ въ горахъ Гинду-Куша и Болора, преимущественно съ мая по ноябрь мѣсяцы, слѣдовательно, въ то время, когда фруктовыя деревья и полевыя растенія бываютъ въ цвѣту и приносятъ плоды; по этому, если не принять мѣръ противъ происходящихъ въ это время года продолжительныхъ разливовъ, то вода оставалась бы долго на поляхъ и въ садахъ, ихъ занесло бы осаждаемымъ изъ воды иломъ и значительная часть посѣвовъ погибла бы. Это и заставило хивинцевъ оградить себя отъ вторженій на ихъ земли водъ Аму устройствомъ на лѣвомъ берегу ея землянаго вала на такую высоту, чтобы при самыхъ большихъ разливахъ вода Аму была ниже поверхности

вала. Чтобы его не размывало и не прорывало быстрымъ теченіемъ р. Аму, во время разлива ея назначаются сторожа, которые, находясь на валѣ, постоянно обходятъ свои участки и наблюдаютъ за дѣйствіемъ воды, и если только гдѣ замѣтятъ опасность отъ прорыва вала, немедленно требуютъ рабочихъ, которые дружной работой задѣлываютъ всѣ поврежденія въ валѣ. Подобный валъ устраивается гдѣ надобно и по обоимъ берегамъ водопроводныхъ каналовъ, служащихъ для орошенія земли, и тамъ принимаются такія же предосторожности отъ прорывовъ вала, какъ и на самой рѣкѣ Аму. Въ такомъ тревожномъ положеніи находятся хивинцы во все время большой прибыли водъ въ рѣкѣ Аму, особенно съ мая по сентябрь мѣсяцы. Въ это время значительная часть полей и садовъ, лежащихъ на лѣвой сторонѣ Аму, находится ниже уровня воды въ рѣкѣ Аму и въ каналахъ, и орошеніе производится самымъ простымъ способомъ. Каждый земледѣлецъ имѣетъ на своемъ участкѣ земли по нѣскольку деревянныхъ трубъ, врытыхъ въ землю поперегъ вала, такъ чтобъ одинъ конецъ выходилъ къ сторонѣ водопровода, а другой въ поле или садъ; трубы эти затыкаются пробками. Когда нужно овлажить какой-либо участокъ земли, укладываются къ тому участку отъ трубы желоба, открывается пробка и вода изъ канала по желобамъ проходитъ куда требуется. На лѣвой сторонѣ Аму, ниже Хазарама, не много мѣстъ, которыя лежатъ выше поверхности водъ Аму во время ея разливовъ; такіе поля и сады, которые лежатъ выше половодія, считаются менѣе выгодными для земледѣлія, потому что ихъ приходится орошать поднятіемъ воды водочерпальными колесами, съ употребленіемъ для этого движущей силы верблюдовъ и воловъ.

Въ случаѣ слишкомъ большой воды, хивинцы спускаютъ ее изъ каналовъ въ старыя русла Аму и другія низменности.

Теченіе р. Аму очень быстрое; по словамъ бывшихъ въ Хивѣ нашихъ плѣнныхъ, надобно ѣхать малой рысью по берегу, чтобы не отставать отъ лодки, плывущей по теченію, по срединѣ рѣки. Во время половодія вода течетъ съ шумомъ, дѣлается очень мутною, такъ что пить ее, не отстоявши, нельзя,—въ ней столько илу, что на зубахъ хруститъ; даже въ каналахъ теченіе ея равняется довольно скорому движенію шагомъ и слѣдовательно доходитъ до 5 верстъ въ часъ. Такъ какъ каналы дѣлаютъ изгибы, и дно ихъ идетъ неравномѣрно полого, то вода въ каналахъ осаждаетъ много ила; чтобъ уменьшить количество ила, осаждаемаго въ каналахъ, хивинцы напускаютъ воду въ каналы только тогда, когда она необходима для орошенія, но когда потребность въ орошеніи минуетъ, всѣ каналы, выходящіе изъ Аму, нарядомъ мѣстныхъ жителей запруживаются, и тогда дно ихъ дѣлается сухимъ. Съ приближеніемъ весны на-

ряжаются рабочіе со всего ханства, для прочистки и углубленія каналовъ; илу наносится мѣстами на аршинъ и на полтора аршина глубиною, поэтому прочистка каналовъ требуетъ значительнаго числа рабочихъ рукъ. Въ числѣ рабочихъ участвовали на этихъ работахъ многіе изъ нашихъ плѣнныхъ и по увѣренію ихъ, для прочистки главныхъ каналовъ, выходящихъ изъ Аму и протекающихъ во всю ширину обработываемой полосы ханства, наряжалось въ каждую смѣну по 40,000 рабочихъ на 15 дней. Обыкновенно прочистка главныхъ каналовъ оканчивалась тремя смѣнами; слѣдовательно для одной только прочистки главныхъ каналовъ требовалось до 120,000 рабочихъ на 15 дней; для прочистки же боковыхъ, меньшаго размѣра каналовъ, протекающихъ между селеніями и по землямъ частныхъ землевладѣльцевъ, употребляются особые рабочіе отъ обществъ и отъ дворовъ. Если ханы или общества предпринимали копаніе новыхъ каналовъ, или удлиненіе и уширеніе прежнихъ, для поселенія при нихъ новыхъ земледѣльцевъ изъ туркменъ, изъявившихъ желаніе поселиться въ Хивѣ, или изъ военноплѣнныхъ, то ханы наряжали рабочихъ для прокопанія новыхъ каналовъ и по вырытіи ихъ раздавали поселенцамъ способныя къ орошенію земли. Такъ ханъ Мехемедъ-Эминъ, ханствовавшій съ 1842—1855 г., продолживъ нѣсколько каналовъ къ западу отъ г. Хивы на Газаватъ, заселилъ эту часть Хивы; но происшедшія послѣ его смерти войны и неурядицы значительно уменьшили число поселившихся здѣсь, и опять обратили эту мѣстность почти въ безлюдную и безводную степь.

Изъ этого описанія свойствъ р. Аму и способовъ орошенія земли, посредствомъ устройства и ежегодной подчистки водопроводовъ нарядомъ значительнаго числа рабочихъ, уже можно понять причину, почему р. Аму перестала течь въ Каспійское море и русло ея засорилось. По словамъ Абулгази-Баядуръ-хана, русло это до XVII вѣка было хорошо населено, земля была плодородна, всякіе плоды и растенія достигали совершенной зрѣлости, но потому только что были люди, нужныя какъ для прочистки и углубленія русла отъ засоренія такъ и для копанія и подчистки оросительныхъ каналовъ. Но когда въ Хивѣ начались смуты и междоусобія, когда поселившіеся на этомъ руслѣ жители были или истреблены, или уведены въ плѣнъ, или ушли въ другія мѣста,—русло это и водопроводы мало по малу засорились, прочищать ихъ было некому, воды попадало въ нихъ мало, особенно съ тѣхъ поръ, какъ протокъ Шаркраукъ былъ запруженъ. Выше было сказано, что съ осени всѣ каналы, выходящіе изъ Аму, запруживаются, а къ веснѣ запруды эти уничтожаются; ширина всѣхъ этихъ каналовъ въ сложности, весьма значительна, такъ что если бы изъ нихъ составить одинъ общій проливъ, то онъ имѣлъ бы до 100 саженъ ширины; слѣдовательно, отводъ такого количества воды для рѣки,

шириною до 300 или 400 саж., уже составляетъ часть, довольно значительную. Запружать и распружать эти каналы каждый годъ составляетъ работу не легкую; если бы пустить постоянный токъ воды еще и въ Шаркраукъ, имѣющій ширины отъ 60 до 100 саж., то это была бы для р. Аму новая, довольно значительная потеря воды и сверхъ того, вода эта затруднила бы движеніе каравановъ чрезъ этотъ протокъ; притомъ пока на этомъ протокѣ мало жителей, пока они по малочисленности своей не имѣютъ возможности сами расчистить этотъ протокъ и устраивать отъ него водопроводы, запруживать и распруживать каждый годъ такой широкій протокъ, былъ бы трудъ выше ихъ силъ. По этому онъ постоянно находится запруженнымъ, и вода попадаетъ въ него только во время большихъ разливовъ Аму. Такое хозяйничанье водою Аму, по моему мнѣнію, представляетъ ту выгоду для будущихъ поселенцевъ на этомъ протокѣ, что отъ кратковременнаго и небольшаго количества протекающей по немъ воды онъ менѣе засоряется, и впослѣдствіи, если явится здѣсь достаточное число поселенцевъ, то для требуемой прочистки русла и проведенія отъ него оросительныхъ каналовъ имъ легче будетъ привести это русло въ судоходный каналъ на значительное разстояніе отъ хивинскаго ханства.

Относительно этого русла Муравьевъ въ своемъ описаніи путешествія въ Хиву говоритъ *): «Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бешъ-Дишика, перешедъ на другой берегъ Аминъ-Дерьи **), я переѣзжалъ чрезъ многіе водопроводы, въ коихъ хотя уже и не было воды, но слѣды оной еще ясно были видны... Упомянутые водопроводы и развалины (замка Утинъ-Каля) не суть ли ясныя доказательства прежней населенности сего края, и что нынѣ сухое русло Усъ-Бай (выше Куня-Ургенча оно называется Шаркаукъ) прежде вмѣщало въ себѣ воды торговой рѣки Аминъ-Дерьи, или Окса». Далѣе, на пути въ Хиву Муравьевъ также переѣзжалъ чрезъ множество сухихъ водопроводовъ. При обратномъ движеніи изъ Хивы Муравьевъ, слѣдуя южнымъ путемъ, видѣлъ много развалинъ и явные слѣды водопроводовъ ***). Вамбери, слѣдуя среднимъ путемъ, недоѣзжая запустѣлой крѣпости Ханъ-Абада, видѣлъ также слѣды водопроводовъ (это будетъ, судя по приложенной къ его путешествію картѣ, верстъ за 120 отъ г. Хивы). И такъ эти данныя показываютъ, что Хива по лѣвую сторону Аму занимала прежде полосу земли почти въ три раза шире,

---

*) Путешествіе въ Туркменію и Хиву 1819 и 1820 г. ч. 1 ст. 80.

**) По словамъ Муравьева и бывшихъ нашихъ плѣнныхъ въ Хивѣ, хивинцы называютъ свою рѣку-кормилицу не Аму, а Аминъ-Дерья.

***) Тамъ же стр. 155.

нежели въ настоящее время; и если эти земли, удобныя къ орошенію, вновь заселятся, то тогда хивинское ханство можетъ доставлять для торговли, кромѣ фруктовъ и шелку, одного хлопка до 2—3 мил. пудовъ.

Но какъ осуществить здѣсь возобновленіе водопроводовъ, постоянную прочистку ихъ, чтобы была возможность орошать ими землю, и какое число жителей потребуется поселить здѣсь для этихъ работъ и для воздѣлыванія земли? Объ этомъ въ настоящее время даже приблизительно нельзя сказать ничего положительнаго. Ни Муравьевъ, ни другіе не указываютъ откуда и по какому направленію шли видѣнные ими водопроводы: выходили-ли они изъ стараго русла Аму, или изъ каналовъ, существующихъ нынѣ въ Хивѣ, не говорятъ какой они глубины и ширины, имѣютъ ли по сторонамъ насыпи, а не имѣя такихъ данныхъ нельзя сдѣлать никакого заключенія о будущихъ трудахъ поселенцевъ. Одно только можно сказать съ большою вѣроятностію, что та полоса земли, которая была заселена прежде осѣдлыми жителями, можетъ быть заселена и въ настоящее время, и что полоса земли, орошенной и обработанной вдоль стараго русла Аму, можетъ быть подойдетъ на близкое разстояніе отъ Балханскаго залива.

Полагаю, что для такого предпріятія потребуется не одна сотня тысячъ переселенцевъ; изъ Россіи едва ли можно имѣть такое число переселенцевъ, особенно способныхъ для трудныхъ земляныхъ работъ, какія требуются по мѣстнымъ условіямъ земледѣльческаго хозяйства. Слѣдуетъ поощрить приливъ сюда переселенцевъ или изъ западной Европы, или изъ Китая; если устроится желѣзная дорога изъ Поти въ Баку, то переѣздъ европейцевъ къ Красноводску будетъ и скоръ, и недорогъ. Но можно ли надѣяться, что избытокъ трудолюбиваго и предпріимчиваго народа, вмѣсто Америки, гдѣ запасовъ земли еще не такъ много, предпочтетъ восточный берегъ Каспія, чтобы усиленными трудами оживить и преобразовать омертвѣлый и одичавшій здѣшній край? Это можетъ быть только тогда, когда дѣло поведется съ должнымъ благоразуміемъ и осмотрительностью, и когда предоставятся переселенцамъ значительныя льготы и выгоды. А чтобы лучше обсудить, какъ начать дѣло колонизаціи этого края, слѣдуетъ произвесть самыя тщательныя обозрѣнія его, отъ берега моря до Аму, не оставлять безъ вниманія и разслѣдованія ни одного указанія на прежнее положеніе края, ни одного водопровода или протока, и ни одной развалины, потому что они могутъ служить указаніемъ прежняго способа здѣсь жизни; а что могло существовать въ прежнее время, то можетъ по всей вѣроятности осуществиться и въ настоящее время, при нынѣшнемъ образованіи и техническихъ средствахъ. Историческія изслѣдованія о краѣ тоже необходимы: они могутъ быть также полезны,

какъ и археологическія свѣдѣнія. На первое время можно взять для первоначальныхъ указаній «Родословную исторію о татарахъ Абдулгази-Баядуръ-хана» и описаніе восточнаго берега Каспійскаго моря г. Галкина, гдѣ помѣщено подробное описаніе родовъ туркменъ.

Необходимо собрать также, по возможности, полное свѣдѣніе о г. Куня-Ургенчѣ и о развалинахъ его; если онъ былъ обширный городъ, то безъ сомнѣнія окрестности его были густо населены, о чемъ можно заключить по остаткамъ водопроводовъ вблизи его и видѣнныхъ къ югу отъ него Муравьевымъ и другими. Что населеніе Хивы съ IX по XIII и съ XIV по XVII вѣкъ было многочисленнѣе и торговля процвѣтала болѣе нынѣшняго, можно заключить изъ того, что бывшіе хивинскіе ханы владѣли значительной частію Средней Азіи и Персіи, что войска Чингисхана встрѣтили въ Хивѣ упорное сопротивленіе, и что Тамерланъ принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько походовъ, чтобы окончательно покорить Хиву, а торговые пути отъ нея были такъ устроены, что въ то время при слѣдованіи въ Крымъ не надо было брать съ собою никакихъ запасовъ, потому что все необходимое для путешественниковъ можно было имѣть въ караванъ-сараяхъ. Но развитіе на низовьяхъ Дона, Волги и Урала казачества, ихъ грабежи и разбои, безъ сомнѣнія, не мало способствовали къ ослабленію этой торговли, а возникшія въ Хивѣ войны и междоусобія содѣйствовали вмѣстѣ съ тѣмъ и упадку здѣшней промышленности и земледѣлія.

Въ настоящее время есть основательная надежда возстановить и усилить эту торговлю, направя ее къ намъ по разнымъ путямъ и преимущественно къ Каспійскому морю; но если предположить, что главное количество товаровъ, особенно хлопка, можетъ быть направлено по Аму и старому руслу его, то едва ли будетъ возможно доставлять эти товары водой до самаго Красноводскаго залива, хотя очень вѣроятно, что послѣ прочистки протока Аму, называемаго Шаркраукъ (предполагая возможнымъ эту прочистку), вода и подойдетъ довольно близко къ Каспійскому морю; но измѣненія восточныхъ береговъ его, отодвигающихся болѣе и болѣе къ западу, переносные пески, засыпающіе старое русло Аму, не указываютъ ли намъ на огромныя работы и затрудненія, которыя послужатъ препятствіемъ къ достиженію воды до морскаго берега, особенно на такую глубину, чтобы возможно было по этому руслу судоходство? Нельзя не придти къ убѣжденію о невозможности судоходства по немъ до Красноводска, разсматривая прежнія карты восточнаго берега Каспійскаго моря и сравнивая ихъ съ картами описи Каспійскаго моря нашего времени (1865—1866 года).

Если и допустимъ, что показанныя на нашихъ картахъ измѣненія береговъ могли произойти отъ неточности прежнихъ съемокъ и описей, то

нельзя не принять во вниманіе, что прежнія описи были все же до нѣкоторой степени вѣрны и что есть много данныхъ, которыя не даютъ повода сомнѣваться въ происходящихъ измѣненіяхъ самаго берега, подтверждающихъ заключеніе, что восточный берегъ Каспійскаго моря постоянно прибываетъ и удаляется отъ прежняго впаденія устьевъ р. Аму въ Каспійское море. Такъ напр., при описи этихъ береговъ въ 1782 г. графомъ Войновичемъ, Гассанъ-Кули показывался островомъ; нынѣ онъ полуостровъ. По картѣ, изданной штурманомъ Колодкинымъ въ 1826 г., къ сѣверу отъ него начинался заливъ Песчаный, доходившій до Хивинскаго залива, который углублялся на востокъ, внутрь материка, на полтора градуса восточнѣе Балханскаго залива, и въ концѣ его показывалось старое русло Аму; нынѣ, по съемкѣ 1865—1866 года, Песчанаго залива вовсе нѣтъ, и Хивинскаго тоже, а вмѣсто его показанъ Аджаибъ-Беюры, который углубляется къ востоку менѣе, нежели Балханскій заливъ.

Графомъ Войновичемъ Серебряный бугоръ показанъ островомъ; нынѣ онъ находится на твердой землѣ.

Показываемый имъ южнѣе Челекеня островъ Дервишъ нынѣ составляетъ южный его мысъ.

Островъ Огурчинскій нынѣ почти въ полтора раза длиннѣе, нежели показанный на картѣ Колодкина (1826 г.). Полуостровъ Дарджа гр. Войновичемъ показанъ островомъ. Проливъ, отдѣляющій его отъ Челекеня, противъ прежняго пролива (по картѣ 1826 г.), нынѣ до того съузился, что по всей вѣроятности черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и Челекень соединится съ твердою землею.

Въ 1846 году Александръ-Бай (Бектурли-Ишанъ) былъ заливомъ; соединяющій его съ моремъ проливъ имѣлъ полверсты ширины и глубиною былъ болѣе сажени; нынѣ пролива этого не существуетъ и Александръ-Бай составляетъ озеро.

По картѣ Муравьева озеро Кули-Дарья, вдоль котораго онъ слѣдовалъ нѣсколько дней, идя въ Хиву, соединялось съ Карабугазскимъ заливомъ, и вдавалось къ востоку въ два раза болѣе Балханскаго залива; нынѣ значительная часть его высохла; но вѣроятно показанная на его картѣ балка Диринъ составляла одно изъ старыхъ руслъ Аму, направлявшееся въ озеро Кули-Дарья.

Въ проливѣ между островомъ Челекень и Красноводской косой, гр. Войновичъ говоритъ объ одной отмели, которая въ иныхъ мѣстахъ была не болѣе 2 футовъ подъ водой; но Муравьевъ почти до самаго берега нашелъ глубину въ 3 саж. *).

---

*) Пут. Мур. стр. 31, 36, 43, 46, 47, 66, 72.

Произошли ли эти измѣненія восточнаго берега Каспійскаго моря отъ дѣйствія подземныхъ огней, отъ сильныхъ бурь и волненій моря или отъ переносныхъ песковъ—это вопросы еще неразрѣшенные. Но полагаю, что для поясненія ихъ, приступивъ къ занятію восточнаго берега Каспійскаго моря съ торговыми видами, имѣющими для насъ большое значеніе, намъ слѣдовало бы, въ дополненіе къ описи и съемкѣ этого моря, сдѣлать и съемку его береговъ верстъ на 100 или на 200 внутрь земли, начиная отъ южной части Усть-Урта до р. Атрека, а если представится возможность, то и далѣе.

Вообще предметъ изслѣдованій нашихъ долженъ состоять не только въ съемкѣ и осмотрѣ мѣстности этого берега, но и въ подробной съемкѣ и нивеллировкѣ предполагаемыхъ старыхъ руслъ Аму и прилегающихъ къ нимъ мѣстъ, главныхъ водопроводовъ, въ примѣрномъ исчисленіи количества земли, которое должно быть вынуто для открытія теченія воды, изслѣдованія грунта дна и береговъ, чтобъ не попасть на глубокія, песчаныя полосы, которыя будутъ поглощать протекающую изъ Аму воду; изслѣдовать направленіе и уровень (въ отношеніи къ старому руслу Аму) старыхъ водопроводовъ, и имѣютъ ли они по сторонамъ насыпи — чтобы можно было судить по нимъ, какой способъ придется употребить для орошенія полей; посредствомъ ли чигирей или простаго способа, употребляемаго въ Хивѣ ниже Хазарама, какъ уже было описано. Это необходимо для опредѣленія предстоящихъ трудовъ переселенцевъ, будутъ ли они въ состояніи бороться съ затрудненіями, которыя представятъ имъ свойства мѣстности и свойства рѣки и водопроводовъ, какое число ихъ можетъ потребоваться для первоначальнаго поселенія, и наконецъ, какія мѣры должно принять противъ движенія переносныхъ песковъ, которыхъ въ этой мѣстности такъ много.

Независимо отъ этого, представляются еще другіе вопросы: для прочистки стараго русла Аму, водопроводовъ и каналовъ, для устройства гидротехническихъ работъ, необходимыхъ для орошенія полей и для судоходства, для сдѣланія безводной и безплодной степи, удобной къ осѣдлости, необходимо, какъ выше было сказано, привлечь на восточный берегъ значительное число переселенцевъ; но откуда и какими мѣрами ихъ привлечь въ эти безпріютныя степи, гдѣ природа не доставляетъ никакихъ средствъ къ осѣдлой жизни, гдѣ пріобрѣсть возможность къ осѣдлости можно только усиленнымъ, разумнымъ трудомъ и гдѣ сверхъ того поселенцамъ будутъ угрожать: съ одной стороны самодурство неосмысленнаго азіятскаго деспотизма, съ другой невѣжественная и необузданная свобода кочевыхъ дикарей; какое вліяніе и какія мѣры мы должны будемъ принимать для оказанія прокровительства переселенцамъ на старое русло Аму?

Хотя эти вопросы должны слѣдовать послѣ вопроса о возвращеніи Аму прежняго ея теченія въ Каспійское море, — но какъ осуществленіе этого вопроса съ пользою и вознагражденіемъ за огромныя къ достиженію такой цѣли затраты немыслимо безъ привлеченія сюда достаточнаго числа переселенцевъ, то для привлеченія ихъ въ этотъ край необходимо заранѣе опредѣлить хотя приблизительное условіе существованія ихъ здѣсь, предстоящую имъ борьбу съ природою и сосѣдями и ожидающія ихъ въ будущемъ выгоды отъ такого переселенія. Всѣ эти вопросы не должны быть оставлены безъ вниманія, въ случаѣ назначенія экспедиціи для розысканія стараго русла Аму, способовъ возстановленія въ него прежняго теченія этой рѣки въ Каспійское море и опредѣленія въ какой степени могутъ быть вознаграждены предпринятые для этого труды.

М. Иванинъ.

О повороте реки Аму-Дарьи по старому руслу.

Полковникъ Стебницкій, въ лекціи своей о странѣ на востокъ отъ Каспія, цифрами изъ метеорологическихъ наблюденій надъ сухостью мѣстной атмосферы доказывалъ, что если бы и возможно было направить Аму-Дарью въ прежнее русло, то она, протекая по древнему руслу около 700 верстъ безъ притоковъ, вслѣдствіе сухости воздуха и извѣстнаго процента поглощенія воды русломъ, не дойдетъ до Каспія и изсякнетъ въ необъятныхъ пескахъ степи.

Въ апрѣлѣ 1869 года, въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ было заявлено о вѣроятной возможности поворота Аму-Дарьи по старому руслу и о получаемыхъ отъ того послѣдствіяхъ для Россіи. Нынѣ, прочтя приведенное выше извѣстіе, я считаю поворотъ Аму-Дарьи почти, безъ сомнѣнія, возможнымъ, если г. Стебницкій главнымъ препятствіемъ направленію Аму-Дарьи въ Каспій считаетъ сухость атмосферы. Такой выводъ мой можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ; но онъ логиченъ, и вотъ почему:

1) При поворотѣ Аму-Дарьи буквально по старому руслу, рѣка сократилась бы, считая по нынѣшнему направленію, на 200 верстъ, и удлинилась бы, по древнему, отъ р. Лаудана—на 550 верстъ; слѣдовательно. общее удлиненіе было бы только 350 верстъ.

2) Поворотъ можетъ быть устроенъ по каналу Полванъ-ата, или по каналу Аббасъ; тогда рѣка сократилась бы на 350 верстъ и удлинилась бы на 500 верстъ. Слѣдовательно, общее удлиненіе было бы только 150 верстъ.

Въ настоящее время, считая отъ Питняка внизъ до Аральскаго моря, имѣется искуственныхъ каналовъ болѣе 1,000 верстъ, поглощающихъ не малое количество воды; сверхъ того, Аму-Дарья образуетъ при устьѣ дельту съ нѣсколькими озерами, и всѣ эти рукава (въ суммѣ болѣе 300 верстъ длиною) и озера питаются изъ общаго источника — той же богатой водою и быстрой Аму-Дарьи. Съ поворотомъ рѣки въ древнее русло или въ одинъ изъ существующихъ, но усовершенствованныхъ, ка-

наловъ, ничто не мѣшаетъ пустить воду по единственному руслу, длиною, вмѣсто исчисленныхъ для перваго случая 1,500 верстъ (1,000+300+200) только въ 550 верстъ, а для исчисленныхъ во второмъ случаѣ нынѣшнія 1,650 верстъ (1,000+300+350) замѣнятся новыми 500+80=580 верстами.

Къ этому считаю не лишнимъ прибавить, что Аральское море выше Каспійскаго на 132 фута, а при такомъ паденіи для 600 верстъ получается быстрое теченіе. Наконецъ, черезъ озеро Айбугиръ воды аральскія могутъ сами стекать (по немногу), чрезъ устье Лаудана, въ Саркраукъ — старое русло Аму-Дарьи, гдѣ смѣшаются съ ея водою.

Скажутъ: отнявъ воду, мы разоримъ всѣ нынѣшнія поселенія ханства. На это возражаю: строенія азіятскія не стоютъ гроша; садовъ жаль, но за то вдоль новаго пути Аму-Дарьи можно поселить двойное количество населенія противъ нынѣшняго хивинскаго ханства. Еслибъ даже все хивинское ханство обратить въ пустыню, то доходъ, получаемый нашимъ купечествомъ и казной отъ поворота Аму-Дарьи, далеко превзойдетъ доходъ нынѣшняго ханства, и, слѣдовательно, въ общемъ человѣчество выиграетъ, а жители Хивы совьютъ себѣ новыя глиняныя гнѣзда, гдѣ имъ укажутъ. Вдоль будущаго теченія Аму-Дарьи должны быть разведены сады для уменьшенія песчаныхъ наносовъ и уплотненія грунта; слѣдовательно и погибшіе сады замѣнятся новыми, еще болѣе обширными и богатыми.

Принявъ приведенныя мною приблизительно по картѣ, вышеупомянутыя цифры вѣрными хоть на $^2/_3$, мы перестанемъ бояться, что Аму-Дарья испарится отъ сухости воздуха. Она и теперь течетъ въ томъ же климатѣ, а не испаряется; да, наконецъ, уничтоживъ одни развѣтвленія дельты съ рѣкою Лауданомъ, получимъ возможность продлить рѣку въ судоходномъ видѣ на 500 верстъ. Она и теперь иногда прорывается отъ Куня-Ургенча внизъ верстъ на 150, по Саркрауку. Поглощеніе воды грунтомъ существуетъ постоянно въ руслѣ рѣки; не вижу причины, чтобъ оно увеличилось въ старомъ руслѣ, до сихъ поръ сохранившемъ свой видъ по словамъ гг. Муравьева и Бларамберга (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ).

Относительно небезполезности установленія красноводскаго пути для торговли, нѣтъ надобности распространяться. Что Петръ Великій указалъ для Россіи, — то должно быть исполнено. Екатерина II, исполняя указанія Петра, заслужила также въ исторіи имя Великой.

Цифровыя данныя, подорвавшія славу классическаго Оксуса и взглядъ на систему водъ арало-каспійской впадины, навели насъ на слѣдующія соображенія, тоже укладывающіяся въ цифровыя данныя:

1) Аральское море есть боковое, меньшее углубленіе обширной материковой впадины, низшую точку или дно которой покрываютъ воды Каспійскаго моря. Аральское море, конечно, есть уцѣлѣвшая часть обширнаго моря, обратившагося въ нынѣшнія степи Центральной Азіи. Въ безмѣрный рядъ вѣковъ море это изсохло и, безъ сомнѣнія, уменьшилось въ своемъ объемѣ, какъ и всѣ материковыя моря. Но море это, находясь среди песчаныхъ сухихъ степей, подъ атмосферой сухою и больше половины года знойною, и въ наше время все еще остается громаднымъ скопленіемъ водъ, которыя, притомъ, настолько прѣсны, что въ состояніи питать громадные береговые камыши, достигающіе высоты футовъ до двадцати. Площадь Аральскаго моря, со включеніемъ находящихся въ немъ острововъ, но, взамѣнъ того, за исключеніемъ выдающихся большихъ заливовъ, какъ Айбугиръ и др., достигаетъ до 60,000 квадратныхъ верстъ, если не больше.

Пониженіе уровня Аральскаго моря хотя, быть можетъ, продолжается и въ наши времена, но, во всякомъ случаѣ, уровень этотъ, на глазахъ живущаго поколѣнія, остается безъ явно замѣтныхъ перемѣнъ и поддерживается на своей высотѣ, по общему сознанію, притокомъ водъ положительно только двухъ великихъ рѣкъ, изливающихся въ это море, именно Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Затѣмъ, сколько извѣстно, въ Аральское море не впадаетъ ни одного ручья. Предполагать притокъ грунтовыхъ водъ въ море, по сухости окружающихъ почвъ и отдаленности горъ, едва ли основательно. Дожди, снѣга и потоки отъ таянія снѣговъ, вѣроятно доставляютъ морю ничтожное количество воды. Значитъ, каждая изъ двухъ названныхъ рѣкъ поддерживаетъ своими быстро протекающими водами уровень половины водяной площади всего Аральскаго моря, причемъ водами собственно Аму-Дарьи питается половина моря и поддерживается уровень водяной площади въ 30,000 квадр. верстъ.

2) Аму-Дарья, составившись въ верхней части своего теченія изъ многочисленныхъ протоковъ, сбѣгающихъ съ снѣговыхъ хребтовъ Гинду-Куша, Кашгаръ-Давана и другихъ, принимаетъ противъ послѣднихъ предгорій каршинскихъ высотъ свои послѣдніе боковые притоки и затѣмъ, въ видѣ огромной рѣки, выходитъ на необъятную плоскость такъ называемаго независимаго Туркестана, гдѣ на разстояніи 900 верстъ, воды ея стремительно несутся по сильному наклону къ арало-каспійской котловинѣ, протекая черезъ безводныя глинистыя степи, обширные пески и солончаки владѣній бухарскаго эмира и хивинскаго хана. Въ нижней части своего теченія, воды Аму-Дарьи, при неизвѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ направляются къ Аральскому морю, куда и изливаются, съ значительной быстриной, нѣсколькими рукавами и камышистыми затонами. Такимъ

образомъ могучая рѣка, усиливаемая еще двумя половодьями въ году, преодолѣвъ на 900-верстномъ своемъ теченіи и безводныя степи, и пески, и сухость атмосферы, не принявъ въ себя ни одного притока, а напротивъ, отдѣливъ отъ себя огромную массу воды для цѣлой системы большихъ ирригаціонныхъ каналовъ хивинскаго ханства, — за всѣмъ тѣмъ, изливаясь въ Аральское море, питаетъ своими водами цѣлую половину его и поддерживаетъ на значительной высотѣ уровень половины водяной площади этого моря, равняющейся, какъ выше сказано, 30,000 квадратныхъ верстъ.

Сколько извѣстно, старое осохшее русло Аму-Дарьи (Узъ-Бой), отъ начальнаго его пункта до впаденія въ Каспійское море, тянется по глинистымъ почвамъ и частію пескамъ не менѣе, какъ на 700 верстъ; если этому руслу 700-верстной длины придать, примѣрно, полуверстную ширину, то для наполненія всего древняго русла Аму-Дарьи потребуется масса воды, при обыкновенной рѣчной глубинѣ, всего въ 350 квадратныхъ верстъ протяженія. Изъ водяной полосы быстро текущаго потока, шириною въ полверсты, пусть въ дальнѣйшемъ теченіи его утрачивается половина воды въ почву, въ атмосферу, на ирригаціонные каналы; остающейся затѣмъ половины, или дальше и меньше того (хотя, напримѣръ, водяной полосы во 100 саженъ при обыкновенной рѣчной глубинѣ), при быстромъ теченіи, совершенно достаточно было бы для всѣхъ нуждъ и даже для движенія плоскодонныхъ пароходовъ. О чемъ мы трактуемъ, какъ о спорной возможности въ будущемъ, то въ дѣйствительности уже само собою осуществилось въ значительной степени. Выше города Кунграда сама Аму-Дарья образовала прорву *Егюсткитскъ*, по которой воды ея стремительно направляются къ сторонѣ Каспійскаго моря и на пути туда образуютъ обширное прѣсноводное озеро *Шоркаджи*, съ громадными камышистыми затонами, столь важными въ зимнее время для стадъ узбековъ и туркменъ-скотоводовъ; рыболовствующіе же на устьяхъ Аму узбеки всячески стараются преградить уходъ водъ этой рѣки черезъ прорву въ Каспію.

Итакъ, возстановленіе древняго теченія въ Каспійское море великой средне-азіятской рѣки, за устраненіемъ препятствій мѣстныхъ, а главное,—политическихъ, есть вопросъ времени. Иные скажутъ, что «время терпитъ»; но время терпѣло, доставляло доказательства, что терпѣть накладно, и наконецъ отказывается терпѣть дольше.... Событія въ степи сложились такъ, что волей-неволей мы должны чѣмъ нибудь покончить съ низовьями Аму-Дарьи, гдѣ укрывается разбойничье гнѣздо — ничтожная Хива».

Дельта Аму-Дарьи.

Въ 1848 и 1849 годахъ состоялась весьма интересная экспедиція изъ форта № 1-го (нынѣ г. Казалинскъ) по Аральскому морю, къ устью Аму-Дарьи и по этой рѣкѣ до Кунграда. Экспедиція эта разъяснила весьма многіе вопросы о нижнемъ теченіи Аму,— вопросы, которые до того времени были загадкою. Имѣя въ своемъ распоряженіи записки нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ въ этой экспедиціи, мы намѣрены обнародовать ихъ послѣдовательно, въ виду того интереса, который пріобрѣтаетъ въ настоящее время Хива и Аму-Дарья.

Свѣдѣнія наши о дельтѣ Аму-Дарьи и о рукавахъ, которыми рѣка изливается въ Аральское море, до сихъ поръ еще весьма недостаточны.

Изъ свода всѣхъ описаній очевидцевъ, ближе другихъ имѣвшихъ возможность ознакомиться съ дельтою Аму-Дарьи, оказывается, что рѣка эта, отъ нераскрытыхъ еще вполнѣ причинъ, начала изливать воды свои вправо, на востокъ, и что глубина, ширина и теченіе прежнихъ рукавовъ значительно измѣнились и замѣтно измѣняются съ каждымъ годомъ, а потому необходимо ограничиться самыми позднѣйшими о ней изслѣдованіями.

Рѣка Аму-Дарья начинаетъ развѣтвляться на рукава ниже города Кипчака и отдѣляетъ слѣдующіе главные рукава: 1) *Лауданъ*, 2) *Куванъ-Джарма* или *Кукъ*, 3) *Карабайли*, 4) *Ульвунъ-Дарья* и 5) *Талдыкъ*.

1) Лауданъ отдѣляется влѣво, на западъ, въ 30 верстахъ ниже г. Кипчака, противъ горы Бишъ-тюбе и впадаетъ въ Айбугирское озеро. Флигель-адъютантъ Бутаковъ осматривалъ устье этого рукава въ 1848, 49 и 58 годахъ, и нашелъ въ немъ глубины всего $1^1/_2$ фута, при весьма слабомъ теченіи. Нынѣ хивинцы заградили этотъ рукавъ у самаго его выхода изъ Аму-Дарьи, плотиною, которую защищаетъ небольшая крѣпость Бентъ. Подполк. Данилевскій, обозрѣвшій Лауданъ въ 1842 году, удостовѣряетъ, что тогда онъ протекалъ на сѣверо-западъ болѣе 100 верстъ и терялся въ Айбугирскомъ озерѣ (длиною 125, шир. отъ 15 до 40 верстъ, а глубиною отъ 2 до 5 футовъ). Въ 15 верстахъ отъ истока впа-

дали въ Лауданъ три небольшіе рукава (Ала-бія, Куда-бія и Кувязякъ), которые выходятъ изъ Аму-Дарьи; но ниже Лаудана, версты на три до впаденія въ озеро Айбугиръ, Лауданъ отдѣлялъ отъ себя протокъ, который за Куня-Ургенчемъ называется Саркраукомъ, и, впавъ далѣе въ старое русло Аму-Дарьи, исчезаетъ въ пескахъ этого русла за нѣсколько десятковъ верстъ на ю. з. отъ Куня-Ургенча *).

Въ 40-хъ городахъ Лауданъ былъ значительнѣйшимъ изъ всѣхъ рукавовъ Аму-Дарьи; ширина его была до 70 саж., берега невысоки, не обрывисты, теченіе весьма быстрое. Еще прежде того этотъ рукавъ отдѣлялся у г. Ходжайли, но ежегоднымъ расширеніемъ русла и прибылью воды угрожалъ затопить всю западную часть ханства; почему Магомедъ-Рахимъ-ханъ около 1812 года запрудилъ его; однакожъ чрезъ пять лѣтъ послѣ того Лауданъ открылъ себѣ новый путь, остающійся и понынѣ.

Въ новѣйшія времена, какъ уже замѣчено, изслѣдовано только его устье; озеро Айбугиръ не изслѣдовано, но извѣстно **), что оно отдѣляется отъ моря только песчаною отмелью, и въ приливъ воды соединяется съ моремъ. Поэтому легко можно допустить, что Лауданъ и Айбугиръ окажутся удобными для судоходства, если, уничтоженіемъ плотины у кр. Бента, воды Аму-Дарьи по прежнему направятся въ Лауданъ, отъ загражденія котораго вѣроятно и происходитъ нынѣшнее направленіе водъ Аму-Дарьи вправо, по множеству новыхъ протоковъ и разливовъ.

2) Куванъ-Джарма или Кукъ отдѣляется противъ гор. Хойджайли вправо, идетъ на с. с. в., проходитъ озера, изъ которыхъ флигель-адъютантъ Бутаковъ видѣлъ только Тампыне-аяге, отдѣляющееся узкою низменною полосою отъ оз. Дау-кара, а потомъ поворачиваетъ къ морю протокомъ Янгы-су, впадающимъ въ заливъ Туще-басъ.

Подполковникъ Данилевскій, называя этотъ самый рукавъ Кукъ-кузякомъ, показываетъ, что онъ на 60 верстномъ разстояніи впадаетъ въ оз. Дау-кара. Ширину его онъ полагалъ 20 саженъ, а берега песчано-глинистыми и крутыми. Впослѣдствіи онъ упоминаетъ, что оз. Дау-кара составляетъ заливъ моря. Но этотъ рукавъ лучше изслѣдованъ нашими моряками, и по свидѣтельству флигель-адъютанта Бутакова, въ 1848—49 годахъ рукавомъ этимъ изливалась большая масса воды, такъ что заливъ Туще-басъ, до острова Ермолова, наполненъ былъ прѣсною водою; но въ 1859 г. во всемъ заливѣ вода была уже соленая. Бутаковъ под-

---

*) Изъ нѣкоторыхъ распросныхъ свѣдѣній видно, что близь Куня-Ургенча рукавъ этотъ загражденъ плотиною, съ цѣлью отнять у туркменовъ воду.

**) По Данилевскому. Флигель-адъютантъ Бутаковъ этого не подтверждаетъ.

нимался по Янгы-су и продолженію его Куку до оз. Тампыне-аяге, отдѣленнаго отъ оз. Дау-кара узкою низменною косою. Въ полноводье оба озера соединяются; кромѣ того, они постоянно сообщаются небольшимъ протокомъ, шириною около 20 саженъ.

Ширина Янгы-су отъ 40 до 70 саж., а глубина 5, 7 и 8 футовъ; берега состоятъ большею частью изъ песчаныхъ бугровъ, поросшихъ саксауломъ; теченіе слабое, $^1/_2$ и $^3/_4$ узловъ въ часъ, рѣдко по $1^1/_2$ узла. Кромѣ саксаула, по Янгы-су растетъ въ большомъ количествѣ джида и мѣстами видны пашни и бахчи.

Поднявшись по Янгы-су на 34 версты, пароходы наши «Перовскій» и «Обручевъ» встрѣтили препятствіе въ поперечной каменной грядѣ изъ песчаника (Янгы-супынгъ-тали), на которой глубина оказалась $1^1/_2$, 2 и $2^1/_4$ фута; однако же въ этой грядѣ найденъ былъ узкій проходъ въ $2^1/_2$ фута глубиною, почему пароходъ «Перовскій» былъ оставленъ передъ нею, а паровой барказъ «Обручевъ» пошелъ далѣе. Тутъ было открыто, что дно этого прохода каменисто и съ торчками, выходящими иногда до поверхности воды, и тянется еще верстъ 12 вверхъ. Промѣры показывали, что послѣ 7, 8 и 9 фут. глубины, нерѣдко встрѣчалась вдругъ глубина въ 3, $2^1/_2$ и 2 фута и пароходъ царапался о камни то съ той, то съ другой стороны; затѣмъ снова наступала глубина въ 7 и 8 фут. Въ этой части рукава берега обрывистые, высокіе (до 40 фут.) и покрытые кустарникомъ.

Далѣе вверхъ протокъ этотъ называется Кокъ, протекаетъ между песчаными буграми и образуетъ низменные острова, а мѣстами и озерки. Ширина его отъ 50 до 80 саженъ, а глубина 5, 6, 7 и 8 фут. Заросшее камышами оз. Тампыне-аяге, чрезъ которое протекаетъ Кукъ, равно какъ и дальнѣйшее теченіе до р. Аму-Дарьи не изслѣдовано. За Темпыне-аяге виднѣлась гора Черка-басъ, на восточномъ скатѣ которой расположена хивинская крѣпость Курганчи *).

---

*) По распроснымъ свѣдѣніямъ лейтенанта Можайскаго отъ киргизъ, кочевавшихъ на Дау-карѣ и видѣвшихъ этотъ протокъ, оказывается, что Куванъ-Джарма отъ р. Аму до озера Дау-Кара — весьма значительный рукавъ, и течетъ подъ этимъ названіемъ верстъ 40, послѣ чего отдѣляетъ влѣво протокъ Кукъ-Узякъ, часто мелѣющій и соединяющійся впослѣдствіи снова съ главнымъ русломъ, тянущимся на сѣверовостокъ, подъ названіемъ Саинъ-Джерганъ. Пройдя верстъ 25, Саинъ-Джерганъ отдѣляетъ влѣво небольшой протокъ Байсъ, оканчивающійся озеромъ Мискинъ, а пройдя далѣе 15 верстъ, Саинъ-Джерганъ у урочища Акъ-Джаръ раздѣляется на два рукава: правый Кара-куль изливается въ оз. Дау-Кара, лѣвый же, подъ названіемъ Сасыкъ-куль, протекаетъ 25 верстъ и выходитъ въ озеро Кунградъ (съ правой стороны

3) Карабайли. Отдѣливъ рукава Лауданъ и Куванъ-Джарма, Аму течетъ на сѣверо-западъ; воды ея безпрерывно уменьшаются отдѣленіемъ вправо множества малыхъ протоковъ и одного значительнаго: Карабайли, который, по мнѣнію Данилевскаго, отдѣляется верстахъ въ 40 отъ предъидущаго, Куванъ-Джарма. Но по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, Карабайли отдѣляется верстахъ въ 65 отъ гор. Ходжайли, и потомъ снова соединяется съ рѣкою, за 30 верстъ отъ города Кунграда. Ширина его отъ 25 до 40 саж., а глубина, при значительно понизившейся водѣ, 3, 4, 5 и 9 фут. Рѣка Аму-Дарья въ вершинѣ Карабайли имѣетъ ширины до 200 саж. и отъ 5 до 7 фут. глубины. Карабайли значительную массу водъ своихъ, особенно въ полноводье, разливаетъ по низменностямъ и образуетъ поросшія камышемъ озера, изъ которыхъ вода стекаетъ снова въ одинъ общій рукавъ, Улькунъ-Дарью, самый многоводный, которымъ Аму нынѣ впадаетъ въ Аральское море (Данилевскій ошибочно полагалъ, что и Карабайли впадаетъ въ оз. Дау-Кара).

4) Улькунъ-Дарья, вливающая большую часть водъ Аму въ море, беретъ свое начало изъ заросшаго камышами озера или разлива Апртинъкуль, которое наполняется водою сверху. Выйдя изъ этого озера протокомъ, шириною 15 саженъ и глубиною 4 саж., масса водъ раздѣляется почти подъ прямымъ угломъ, образуя на право Улькунъ-Дарью, а на лѣво протокъ Кульдень *), впадающій въ Талдыкъ.

Улькунъ-Дарья, по мѣрѣ теченія, снабжается справа, чѣмъ дальше, тѣмъ большими протоками изъ наполняемыхъ сверху озеръ, такъ что на 3-й верстѣ своего теченія у деревни Менепекъ-Баче, ширина ея уже около 80 саженъ, а глубина 4 и 5 фут., а 30-ю верстами ниже она разливается отъ 120 до 150 саж., при глубинѣ въ 3, 4 и 5 саженъ.

Далѣе количество воды въ Улькунъ-Дарьѣ продолжаетъ увеличиваться справа большими протоками, которыхъ общее названіе Куль-узякъ, шири-

---

его гора Бурчи, близь коей кр. Курганча). Изъ озера Кунградъ вытекаетъ рукавъ, подъ названіемъ Кукъ и протекаетъ 40 верстъ; передъ впаденіемъ въ озеро Джурикъ (5 верстъ длиною) онъ соединяется съ первымъ, отдѣлившимся изъ Куванъ-Джермы влѣво протокомъ Кукъ-узякомъ. Изъ озера Джурикъ, подъ тѣмъ же названіемъ, протекаетъ еще 40 верстъ до моря, и при впаденіи называется Джедели. По распроснымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ настоящее время, также видно, что протокъ Кукъ или Куванъ-Джарма судоходенъ и имѣетъ проходы въ каменныхъ грядахъ.

*) По Кульденю начальникъ Аральской флотиліи проходилъ въ 1858 году къ Кунграду на пароходѣ «Перовскій»; но въ 1859 г. протокъ этотъ значительно обмелѣлъ, до $2^1/_2$ фут. въ полноводье и началъ заростать камышами. Снабжавшая же его масса воды поворотила въ Улькунъ-Дарью.

ною отъ 15 до 25 саженъ, а глубиною 6 и 7 саж. Посредствомъ одного изъ такихъ узяковъ, Улькунъ-Дарья чрезъ озера и разливы входитъ въ сообщеніе и съ рукавомъ Карабайли.

Не доходя до моря верстъ 70, отъ Улькунъ-Дарьи отдѣляется вправо рукавъ Казакъ-Дарья, на которомъ находится кр. Чимбай *). До отдѣленія Казакъ-Дарьи паденіе водъ въ Улькунъ-Дарьѣ не уменьшается; берега, покрытыя джидою, тальникомъ и колючкой, заливаются въ половодье; ширина достигаетъ 150 саженъ, глубина 5, 6 и 7 саженъ, а теченіе отъ 3 до $3^1/_2$ узловъ. Ниже Казакъ-Дарьи берега суше и тверже, подобно тому, какъ и при началѣ этого рукава. Улькунъ-Дарья, за 10 верстъ до впаденія въ море, раздѣляется близь ур. Тенке-куму на два рукава (лѣвый изъ нихъ называется Кичкене-Дарья), которыми и изливается въ море. Данилевскій называетъ этотъ рукавъ Аму-Улу-Дарьею, но подробностей объ ея теченіи не сообщаетъ.

Въ 1859 году флигель-адъютантъ Бутаковъ проникъ изъ Улькунъ-Дарьи чрезъ нижній Кукъ-узякъ, озера и разливы Карабайли, а оттуда въ главное русло Аму, при чемъ оказалось, что нижній Кукъ-узякъ при впаденіи въ Улькунъ-Дарью, шириною около 30 саж., а глубиною 7 саженъ.

Поднявшись по немъ $2^1/_2$ версты, Бутаковъ нашелъ, что протокъ этотъ состоитъ изъ сліянія двухъ: одного западнаго, который, послѣ многихъ подраздѣленій, теряется въ камышахъ, и другаго — восточнаго, весьма извилистаго и узкаго, но глубокаго. Этимъ послѣднимъ флигель-адъютантъ Бутаковъ вошелъ въ озеро Кара-куль, (но проходъ чрезъ него стоилъ ему большихъ усилій), сквозь массы густаго камыша, растущаго на глубинѣ 6 и 7 фут. За горою Кичкина-тау (около 150 фут. высотою) путь шелъ частію чрезъ сплошные камыши, по озерамъ Акъ-куль и Маметъ-куль, въ которыхъ видно было множество кочекъ, корягъ, островов и верхушекъ затопленныхъ кустовъ. Фарватеры были узки, извилисты, въ концѣ августа 4 и $3^3/_4$ фута, когда вода уже показалась фута на 3 въ озерахъ.

Въ виду горы Бурлы (плоской, известковой возвышенности въ 40 фут. высоты) пароходъ „Перовскій“ былъ оставленъ, а на паровомъ баркасѣ «Обручевъ» прошли въ рукавъ Карабайли и изъ него въ главное русло.

По собраннымъ распроснымъ свѣдѣніямъ, воды въ рукавѣ Казакъ-Дарья увеличиваются такъ, что протокъ этотъ киргизы считаютъ особенно удобнымъ для судоходства.

---

*) Впрочемъ, по новѣйшимъ распроснымъ свѣдѣніямъ, кр. Чимбай находится на протокѣ Килейли.

5) Талдыкъ-Дарья. Не разливаясь въ болотахъ и озерахъ, только часть Аму, называемая ниже г. Кунграда Талдыкомъ, доходитъ до моря, подраздѣляясь, при впаденіи въ него, на нѣсколько меньшихъ протоковъ.

По свидѣтельству Данилевскаго, Талдыкъ отдѣляется отъ Аму верстахъ въ 7 ниже г. Кунграда и протекаетъ 75 верстъ до впаденія въ море, въ которое впадаетъ 8-ю протоками; главные изъ нихъ: Кенъ-каиръ, Майлю-узякъ, Талгу-узякъ и Суссъ; каждый имѣетъ отъ 28 до 30 саженъ ширины и отъ 2 до 14 верстъ длины; прочія же устья не шире двухъ саж. На всемъ своемъ протяженіи Талдыкъ сохраняетъ 50 саж. ширину, а приближаясь къ устью, расширяется до 100 саж.; берега вездѣ обрывисты, но не выше трехъ арш., за 15 же верстъ до взморья становятся совершенно плоски; глубина вообще незначительна.

Еще въ 1848—49 годахъ, по наблюденіямъ нашихъ моряковъ, Талдыкъ имѣлъ весьма быстрое теченіе и глубина на барѣ была три фута; но въ 1858 году найдено, что наносы Талдыка выдались версты на двѣ впередъ противъ прежняго, и на барѣ было только $1^1/_4$ и $1^1/_2$ фут., а дно—весьма вязкое. По берегамъ Талдыка отличныя луговыя мѣста, много пашенъ и бахчей.

Кромѣ описанныхъ главныхъ рукавовъ, есть еще нѣсколько промежуточныхъ протоковъ, впадающихъ въ море и въ Айбугирское озеро; но всѣ они мелководны, незначительны и заросли уже камышемъ. Изъ нихъ Данилевскій упоминаетъ: *Чуманай*, отдѣляющійся влѣво двумя верстами ниже Карабайли, *Кыятъ-Джарганъ*, выходящій тоже слѣва ниже Чуманая 2 верстами, и *Кокъ-Дарья*, текущая также влѣво, съ тѣмъ же направленіемъ. Всѣ они имѣютъ общее направленіе на с.-з. и теряются въ камышахъ оз. Айбугиръ. Кромѣ того, верстахъ въ 50-ти на с.-з. отъ г. Кунграда, находится озеро *Аузылъ*, образуемое двумя небольшими протоками, выходящими на западъ изъ Талдыка. Сѣверная оконечность озера соединяется съ моремъ небольшими мелкими плесами. По разсказамъ киргизъ, (флигель-адъютантъ Бутаковъ объ этомъ не упоминаетъ), верстахъ въ 15 выше Талдыка отдѣляется на с.-з. глубокая судоходная канава Ханъ-джанъ, которая, пройдя верстъ 40, сливается съ Талдыкомъ, такъ что Кунградъ стоитъ между этою канавою и Талдыкомъ.

Аму-Дарья имѣетъ, какъ кажется, три годовыхъ прилива воды: первый въ началѣ февраля, когда рѣка освобождается отъ льда; этотъ приливъ незначителенъ и непродолжителенъ. Второй начинается въ апрѣлѣ; прибыль воды возрастаетъ въ 15 дней, и столько же дней вода убываетъ; это половодье самое значительное. Наконецъ третій приливъ случается или въ концѣ августа, или въ началѣ сентября, и продолжается отъ 8 до 10

дней. Кромѣ того, въ продолженіи всего лѣта бываетъ періодическое повышеніе и пониженіе воды каждые 10 дней.

Мы говорили, что дельта Аму, начинаясь у кр. Бентъ, ограничивается съ юго-запада рукавомъ Лауданъ, съ запада — Айбугиромъ, съ сѣвера—Аральскимъ моремъ, а съ востока рукавомъ Янгы-су и его продолженіемъ—Кукомъ или Куванъ-Джармою. Пространство, занимаемое дельтою, по приблизительному исчисленію, равняется 37 т. квадр. верстъ (въ ширину до 150 верстъ и въ длину вдоль теченія устьевъ до 250 верстъ). На пространствѣ этомъ воды Аму текутъ (какъ уже замѣчено выше), весьма непостоянно, и устремляются то въ одинъ, то въ другой рукавъ, или же образуютъ новые протоки. Такъ, лѣтъ 9 тому назадъ, значительная масса воды устремилась въ притокъ Карабайли и, вылившись изъ него, образовала обширный разливъ съ глубокими озерами и быстрыми протоками (на подобіе Кара-Узяка въ Сыръ-Дарьѣ. Съ образованіемъ же этого залива, Талдыкскій рукавъ Аму годъ отъ году мелѣетъ. Однакожъ, въ 1859 г. у Кунграда въ немъ было еще отъ 8 до 9 фут. глубины и ширины до 70 саж., по мѣрѣ же приближенія къ морю Талдыкъ становится мельче и во многихъ мѣстахъ имѣетъ не болѣе 3-хъ футовъ глубины. Изъ сѣти его рукавовъ при впаденіи въ море тогда оказался самымъ глубокимъ Модели; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ такъ узокъ, что проходившія здѣсь баржи часто касались боками обоихъ береговъ. Баръ, образуемый Талдыкомъ, шириною отъ $1^1/_2$ до 2 верстъ и глубиною отъ $1^1/_2$ до 2 фут.; при сѣверномъ вѣтрѣ вода подымается еще на $^1/_2$ фута.

Наиболѣе судоходнымъ рукавомъ въ позднѣйшее время былъ Улькунъ-Дарья, баръ котораго шириною отъ 150 до 200 саженъ и имѣетъ надъ собою воды отъ 2-хъ до 3-хъ фут.; съ переходомъ чрезъ него, суда безпрепятственно могутъ дойти до горы Кубе-тау; на протяженіи этомъ средняя глубина рукава 2 саж., а ширина отъ 30 до 100 саж.

Отъ горы Кубе-тау до протока Кульдень, соединяющаго Улькунъ-Дарью съ Талдыкомъ, фарватеръ извилистый и узкій; самый же протокъ Кульдень въ 1859 году оказался до такой степени мелководнымъ, что пароходъ «Перовскій» (сидящій въ водѣ безъ груза $3^1/_2$ фута), не могъ пройти по немъ.

Протокъ Казакъ-Дарья еще не изслѣдованъ, но такъ какъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ масса водъ въ немъ все увеличивается, то, можетъ быть, онъ окажется судоходнымъ и дастъ возможность миновать баръ Улькунъ-Дарьи.

Остающійся затѣмъ рукавъ Куванъ-Джарма изслѣдованъ только въ наименьшей части своей, отъ залива Туще-басъ до оз. Тампыне-аяге, и извѣстно только по распросамъ у киргизъ, что въ полноводье этотъ ру-

кавъ проходимъ весь съ моря до г. Ходжайли. А между тѣмъ этотъ рукавъ самый замѣчательный изъ всѣхъ: во первыхъ, какъ кратчайшій путь съ моря къ главному руслу р. Аму и ближайшій къ устью Сыръ-Дарьи; во-вторыхъ, устье Янги-су и заливъ Туще-басъ прикрыты съ моря островомъ Ермолова и группою другихъ мелкихъ острововъ и здѣсь отличная якорная стоянка, тогда какъ для перехода чрезъ баръ Улькунъ-Дарьи нашимъ судамъ приходилось иногда выгружаться въ открытомъ морѣ, что при сѣверныхъ вѣтрахъ весьма трудно и весьма опасно; въ третьихъ, по берегамъ Янги-су находится въ изобиліи саксаулъ, необходимый для пароходовъ, и въ четвертыхъ, это самый удобный водяной путь, которымъ, вѣроятно, придется когда нибудь воспользоваться.

Отсюда очевидна необходимость окончательно изслѣдовать, какъ этотъ протокъ, такъ и Казакъ-Дарью, а равно провѣрить и прежнія данныя о прочихъ рукавахъ.

О населеніи дельты Аму-Дарьи мы скажемъ только въ общихъ чертахъ, упомянувъ преимущественно о каракалпакахъ и киргизахъ, какъ составляющихъ большинство здѣшняго населенія; преобладающимъ племенемъ являются и здѣсь, конечно, узбеки, составляющіе основу населенія всего Хивинскаго ханства; но преобладаніе ихъ—отнюдь не численное, о чемъ мы и говорили уже выше.

Каракалпаки живутъ теперь по берегамъ Улькунъ-Дарьи и Казакъ-Дарьи, почти до Дау-Кары; число ихъ простирается до 10 тыс. кибитокъ *). Всѣ они занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ, управляются своими старшинами и платятъ хивинскому хану зякетъ со скота, именно: со 100 барановъ одного, съ 20 штукъ рогатой скотины — одну и одного же съ 6-ти верблюдовъ; сверхъ того, вносятъ деньгами по требованіямъ хана, иногда до 2,500 тиллей, выставляя до 400 вооруженныхъ людей на случай войны; но вообще, послѣднія повинности несутъ неохотно и иногда въ уплатѣ ихъ отказываютъ ханскимъ сборщикамъ; между ними развито также рыболовство, для котораго имѣются лодки (средне-азіятскія, изъ кусковъ мѣстнаго лѣса, скрѣпленныя желѣзомъ); такихъ лодокъ на пространствѣ отъ моря до г. Кунграда можно собрать до 150.

Большія изъ нихъ поднимаютъ грузу до 300 пудовъ, малыя же—до 50 пудовъ.

Это трудолюбивое и не воинственное племя давно признало власть рус-

---

*) По увѣреніямъ нѣкоторыхъ киргизовъ, каракалпаковъ всего до 40 тыс. кибитокъ, но это очевидно невѣроятно.

скихъ; но изгнанное во второй половинѣ XVIII столѣтія киргизами съ низовьевъ р. Сыра, заняло настоящія мѣста и терпитъ отъ частыхъ набѣговъ туркменъ и тяжкихъ хивинскихъ поборовъ, почему готово всегда подчиниться каждому, кто бы его отъ того избавилъ. Несмотря на свое миролюбіе, каракалпаки неоднократно возставали уже противъ Хивы, какъ наприм., въ 1855—1856 годахъ, почему, для удержанія ихъ, хивинцы построили крѣпости Чимбай и Иръ-Назыръ, обѣ очень слабыя и имѣющія постоянный гарнизонъ не свыше 30 или 40 человѣкъ.

Киргизы, занимающіе низовье Аму, принадлежатъ къ разнымъ родамъ, наиболѣе же къ числу табынцевъ, есть также чиклинцы, кичкинечиклинцы и каракисякцы. Часть киргизъ (до 2 тыс. кибитокъ) кочуетъ между каракалпаками и находится въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ быта; другая, болѣе значительная (до 5 тыс. кибитокъ), занимаетъ оба берега Талдыка и пространство между послѣднимъ и Айбугиромъ. Киргизы занимаются болѣе скотоводствомъ и на лѣто отгоняютъ свои стада къ Аму-Дарьѣ. Подать хивинцамъ платятъ скотомъ. Киргизы, какъ народъ, привыкшій къ перекочевкамъ, сравнительно менѣе угнетаются хивинскимъ правительствомъ, но, не смотря на то, связь ихъ съ Хивою не прочна.

Кунградцы. Населеніе города Кунграда состоитъ изъ узбековъ, сартовъ (таджики), киргизовъ и небольшаго числа персовъ — невольниковъ. Не считая туркменъ, временно бывающихъ здѣсь, все населеніе города составляетъ отъ 6 до 8 тыс. душъ.

Незначительная торговля сушеными плодами и хлопчатникомъ находится въ рукахъ сартовъ; остальное населеніе исключительно занимается земледѣліемъ и садоводствомъ, а также въ небольшомъ размѣрѣ и шелководствомъ.

Впрочемъ, кромѣ постоянно торгующихъ сартовъ, въ Кунградѣ производится еще довольно значительная торговля скотомъ и земледѣльческими продуктами, такъ что городъ этотъ имѣетъ торговое значеніе для кочевыхъ племенъ туркменовъ, каракалпаковъ и киргизовъ.

Кунградцы платятъ подать хивинскому хану съ имущества и съ обработки земли, и подать эта бываетъ двоякая: натурою и деньгами; деньгами вносятъ только зажиточные земледѣльцы, передъ посѣвомъ отъ 3 до 5 тенегъ (т. е. отъ 60 коп. до 1 руб.) съ танапа (равнаго половинѣ десятины русской), смотря по удобствамъ орошенія занятаго пространства; кто же не въ состояніи заплатить передъ посѣвомъ, тотъ по уборкѣ отдаетъ $1/3$ урожая *).

---

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ генеральнаго штаба полковникомъ Черняевымъ, въ 1858 году на мѣстѣ, окрестности города Кунграда производятъ: пшеницу (по 30 коп.

Кунградъ находится на самомъ берегу Талдыка (часть городской стѣны почти омывается его водами); городъ окруженъ глиняною стѣною съ зубцами. Артиллеріи нѣтъ. Внутри Кунграда всѣ дома въ развалинахъ, исключая дома градоправителя, жители же помѣщаются въ 3 тыс. кибиткахъ.

Ходжейлинцы. Городъ Ходжейли, по свидѣтельству Данилевскаго, находится въ 127 верстахъ на с.-з. отъ города Хивы и населенъ узбеками; въ окрестностяхъ кочуютъ киргизы и каракалпаки. Во время проѣзда Данилевскаго, онъ не былъ укрѣпленъ; нынѣ же, вслѣдствіе безпрестанныхъ набѣговъ туркменъ, тамъ построены укрѣпленія, но не важныя; гарнизона всего до 30 человѣкъ; орудій нѣтъ.

Кромѣ этихъ населенныхъ мѣстъ, есть еще въ дельтѣ Аму нѣсколько небольшихъ крѣпостей хивинскихъ: Чимбай (упоминаемая выше), Ваисъ-Мама, Курганчи, Новый-Нукусъ и Бентъ. Изъ числа ихъ флигель-адъютантъ Бутаковъ видѣлъ Новый-Нукусъ, проходя на паровомъ барказѣ «Обручевъ», мимо его, протокомъ Карабайли. Крѣпостца эта расположена въ 14½ верстахъ отъ начала Карабайли (развалины же стараго Нукуса видны 5-ю верстами ниже); длина фаса крѣпости до 200 саж., высота 3 саж. Артиллеріи нѣтъ.

Затѣмъ изъ распросовъ извѣстно, что только въ небольшой крѣпости Бентъ имѣется 3 орудія малаго калибра, а остальныя, весьма небольшія крѣпости, состоятъ изъ одного глинянаго вала; въ нихъ отъ 4 до 40 человѣкъ хивинскаго гарнизона; въ случаѣ же опасности укрываются здѣсь и ближайшіе кочевники.

Такимъ образомъ все населеніе дельты можно приблизительно допустить состоящимъ изъ 102 т. жителей *).

за пудъ въ продажѣ), ячмень (по 20 коп. за пудъ), просо (20 коп. за пудъ), коноплю (по 60 коп. за пудъ), льняное сѣмя (по 30 коп. за пудъ), кунджутъ (по 85 коп. за пудъ), джугару (по 25 коп. за пудъ), и кавашъ или хлопокъ (по 1 руб. за пудъ). Во время же частыхъ здѣсь смутъ, цѣны на означенные продукты удвоиваются. Въ прошломъ году, впрочемъ, онѣ были близки къ вышесказаннымъ. Въ садахъ разводятся: яблони, груши, сливы, абрикосовыя деревья и виноградъ; сады обыкновенно обсажены пирамидальными тополями. Изъ нефруктовыхъ деревьевъ растутъ въ окрестностяхъ: джида и ивнякъ, достигающій значительныхъ размѣровъ.

*) Каракалпаковъ 10 тыс. кибитокъ, полагая на каждую 5 душъ 50 тыс. Киргизъ 7 тыс. кибитокъ или 35 тыс. Въ городѣ Кунградѣ 8 тыс. жит.; столько же можно положить въ Ходжели 8 тыс. Во всѣхъ остальныхъ крѣпостцахъ едва ли можно допустить до 1 тыс. человѣкъ.

Населеніе это большею частію кочевое и вообще мало привязано къ Хивѣ и ея правительству.

Относительно мѣстныхъ средствъ продовольствія, ничего положительно утверждать нельзя; однако же, принимая въ соображеніе, что во время смутъ въ Кунградѣ и въ низовьяхъ Аму-Дарьи, тамъ безъ затрудненія содержится до 1,200 союзныхъ туркменъ, иногда даже въ продолженіи 6-ти или 8-ми мѣсяцевъ, можно предполагать, что продукты земледѣлія тамъ крайне дешевы.

Въ урожайные годы цѣны на хлѣбъ, какъ и выше было упомянуто, вообще въ Хивинскомъ ханствѣ низки, и въ хлѣбѣ избытокъ.

Луговъ въ дельтѣ Аму недостаточно, топлива также, и въ этомъ отношеніи дельта находится въ одинаковыхъ условіяхъ съ мѣстностями по Сыръ-Дарьѣ. Почти въ такихъ же условіяхъ находится она и по отношенію къ строительнымъ матеріаламъ, ибо кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея встрѣчается лишь саксаулъ, а также тополь, джида, тутъ, талъ и нѣкоторыя другія, преимущественно саженыя деревья. Изъ земледѣльческихъ продуктовъ въ особенномъ изобиліи произрастаетъ на дельтѣ сарачинское пшено, недостатокъ же въ луговыхъ мѣстахъ пополняется посѣвами дженушки (люцерна), скашиваемой до трехъ разъ въ лѣто и дающей питательный кормъ скоту, большая часть котораго получается отъ киргизъ.

Озеро Телекуль и урочище Телекуль-тата.

Озеро Телекуль лежитъ отъ форта Перовскій на сѣверо-востокъ, въ 102-хъ верстахъ, а отъ урочища Даутъ-ходжа, отъ родниковъ на сѣверо-западъ, въ 73 верстахъ. Озеро Телекуль и урочище Телекуль-тата суть разливы р. Сары-су, или, лучше сказать, низовья ея.

Рѣка Сары-су впадаетъ въ озеро Телекуль однимъ узкимъ, съ плоскими берегами русломъ и здѣсь совершенно оканчивается; воды ея образуютъ озеро Телекуль. На указанномъ выше пространствѣ, въ низовьяхъ, Сары-су имѣетъ главное направленіе теченія съ востока на западъ; она проходитъ широкимъ, сухимъ логомъ, густо заросшимъ крупнымъ камышомъ; грунтъ разлива солонцевато-иловатый, лѣтомъ онъ долженъ быть тонкій, а русло рѣки идетъ по разливу въ камышахъ крутыми, мелкими изгибами, и приклоняется ближе къ южному берегу разлива. Ширина русла рѣки, отъ урочища Телекуль-тата до впаденія ея въ озеро Телекуль, до 5 аршинъ; а вверхъ отъ урочища ширина мѣстами до 4 саженъ.

Въ осеннее время рѣка теченія не имѣетъ въ низовьяхъ; при урочищѣ Телекуль-тата и до впаденія въ озеро Телекуль въ руслѣ вода глубиною до $1^1/_2$ аршина, а вверхъ отъ урочища русло сухое. Берега русла совершенно плоскіе и разливъ рѣки окаймляется также совершенно плоскими берегами; на берегахъ разлива есть мѣстами небольшіе отдѣльные песчаные бугры и по разливу въ камышахъ изрѣдка есть островки и небольшіе бугорки; большая ширина разлива рѣки на урочищѣ Телекуль-тата $11^1/_2$ верстъ.

Урочище Телекуль-тата есть изгибъ разлива Сары-су, выдавшійся на югъ; онъ также соединяется съ озеромъ Телекуль широкимъ разливомъ рѣки, заросшимъ густымъ, крупнымъ камышемъ. При урочищѣ Телекуль-тата на берегу разлива лежатъ узенькой полосой песчаные бугры, которые образуютъ довольно высокій, крутой берегъ разлива.

На этомъ урочищѣ никакого озера не существуетъ, какъ прежде показывали на картѣ; есть дѣйствительно, недалеко отъ берега разлива въ

камышѣ небольшая узкая, продолговатая площадка чистаго мѣста, безъ камыша, топкій солонецъ и въ полноводье рѣки, безъ сомнѣнія, солончакъ этотъ покрывается водой, какъ и весь разливъ рѣки. Урочище Телекуль-тата отстоитъ отъ озера Телекуль вверхъ по разливу рѣки, въ 5-ти верстахъ.

Озеро Телекуль состоитъ изъ нѣсколькихъ озеръ, соединенныхъ между собою широкими протоками, посредствомъ которыхъ воды сливаются въ одно озеро, имѣющее длины съ востока на западъ до 12$^1/_2$ верстъ, а въ ширину съ юга на сѣверъ до 6-ти верстъ. Озера чистыя въ срединѣ разлива, съ совершенно плоскими берегами, кругомъ густо заросшія крупнымъ камышемъ да и весь разливъ Телекуля поросъ также густымъ, крупнымъ камышемъ. По разливу есть мѣстами небольшія отдѣльныя озерки и изрѣдка островки; ширина разлива при озерахъ до 10$^1/_4$ версты. Отъ главнаго озера разливъ Текуля тянется на западъ до 6$^1/_2$ верстъ и поросъ также густо камышемъ, въ ширину до 4$^1/_2$ верстъ; затѣмъ разливъ дѣлаетъ крутой поворотъ и тянется болѣе 20 верстъ неширокой полосой на сѣверо-западъ. Въ самомъ поворотѣ разлива лежатъ два узкихъ, продолговатыхъ озера, почти поперегъ разлива; около этихъ озеръ по западной сторонѣ проходитъ караванный путь, обогнувъ ихъ, переходитъ чрезъ узкій перешеекъ разлива и тянется далѣе, въ городъ Троицкъ; караванный путь отъ озера идетъ очень торный, нѣсколькими колеями.

Берега разлива озера Телекуль почти всѣ также плоскіе; мѣстами по самому берегу лежатъ отдѣльные песчаные бугры, твердые, поросшіе травой, преимущественно на южной сторонѣ разлива.

Вода въ озерахъ стоячая, теченія не имѣетъ; большая глубина ихъ 2 аршина; грунтъ дна въ озерахъ солонцевато-иловатый, очень вязкій.

Весною, во время полноводья въ Сары-су, вода подымается въ оз. Телекуль до двухъ аршинъ и весь разливъ его затопляется. Вода, какъ въ низовьяхъ Сары-су, такъ и въ Телекулѣ, къ осени соленая, но не горькая, такъ что, при крайности, можно пить ее и людямъ.

По разливу Телекуля и Сары-су камышъ очень густой; высота его доходитъ до 2$^1/_2$ сажень, а толщина въ діаметрѣ при корнѣ до $^1/_2$ дюйма, въ особенности на урочищѣ Телекуль-тата.

Около Телекуля и низовьевъ Сары-су мѣстность ровная; по ней разбросаны рѣдко отдѣльные, небольшіе песчаные бугры, твердые, поросшіе травой и рѣдкій кустарникъ, а мѣстами густой, мелкій, сухой гребенщикъ. Съ сѣверной стороны мѣстность болѣе солонцеватаго свойства и есть низменныя полосы съ хорошимъ выгономъ; въ особенности отъ уро-

чища Телекуль-тата вверхъ; около разлива Сары-су тянется полоса, шириною до 7 верстъ, съ хорошимъ выгономъ; есть и около Телекуля. На этихъ полосахъ растетъ трава *азерекъ*, хорошій подножный кормъ для лошадей, рогатаго скота и для барановъ.

Около Телекуля мѣстъ, удобныхъ для хлѣбопашества, нѣтъ, а для кочевокъ киргизамъ мѣста очень удобны: есть хорошій кормъ и топливо; но кочующихъ киргизовъ здѣсь также нѣтъ.

Отъ озера Телекуль до Берказанскихъ разливовъ *) и до могилы Тогусъ-бай, на разстояніи 87 верстъ воды нѣтъ; крайняя вода въ разливахъ отъ могилы Тогусъ-бай на юго-западъ въ 3 верстахъ — маленькое озерко; вода въ озеркѣ прѣсная, зеленаго цвѣта, но не вредная.

По этому пути, отъ Телекуля въ 5-ти верстахъ лежатъ довольно высокіе, песчаные бугры; на нихъ разбросанъ изрѣдка саксаулъ **), а въ 25-ти верстахъ отъ Телекуля широкой полосой тянется гладкій, сухой солонецъ, или *такыръ;* туземцы называютъ его Дарьялыкъ; эта полоса солонцевъ тянется весьма далеко, почти параллельно телекульскимъ разливамъ и встрѣчается между прочимъ на пути отъ Даутъ-ходжа къ Телекулю. Она проходитъ далеко на западъ и узкими полосами на югъ.

Мѣстность по этому пространству такая же однообразная, какъ и на описанныхъ выше путяхъ: солонцеватая степь и гладкіе, сухіе солончаки; кое-гдѣ разбросаны по мѣстности отдѣльные, песчаные бугры, иногда поросшіе травой, и рѣдкій саксаулъ, мѣстами крупный; при окраинѣ Берказанскихъ разливовъ лежатъ сплошные песчаные бугры, поросшіе травой, но есть изрѣдка и сыпучіе. По буграмъ растетъ саксаулъ, мѣстами густой и крупный, а между бугровъ, въ самомъ разливѣ, есть низменности, удоб-

---

*) *Берказанскій разливъ* лежитъ по правую сторону р. Сыръ-Дарьи отъ Перовска вверхъ по рѣкѣ; самый протокъ Берказанъ находится въ 28 верстахъ отъ города. Протокъ Берказанъ, или Сагазы—не широкій, съ плоскими берегами оврагъ, посредствомъ котораго во время полноводья въ Сыръ-Дарьѣ, вода выходитъ изъ Сыра и заливаетъ большую низменность, которая и называется Берказанскими разливами; вся эта низменность поросла камышомъ. При пониженіи воды въ Сырѣ, низменность осушается и самый протокъ высыхаетъ; только остается кое-гдѣ вода въ яминахъ, небольшими озерками, да и тѣ къ осени большею частію высыхаютъ. По окраинѣ Берказанскихъ разливовъ, по восточной и сѣверной сторонѣ, съ урочища Сары-Чеганакъ (изгибъ Сыра) проходитъ дорога, до мѣста бывшаго Бишъ-арнинскаго поста. Дорога эта называется *разбойничья* и получила названіе свое отъ того, что въ прежніе годы кокандскія партіи проѣзжали по ней, для грабежа киргизъ, кочующихъ по разливамъ Сыра. Нынѣ дорога эта совсѣмъ заросла, частію саксауломъ, а частію колючкою. Въ Берказанскихъ разливахъ въ настоящее время кочуетъ много киргизъ, которые для воды вырываютъ колодцы.

**) Holoxylon ammodendron.

ныя для хлѣбопашества, поросшія колючкою и частію рѣдкимъ камышемъ. По этому пути подножный кормъ весьма скудный, а при окраинѣ Берказанскихъ разливовъ, между бугровъ кормъ хорошій.

Пространство, заключающееся между Берказанскими разливами, подошвою западнаго склона отрасли Каратаускаго хребта, разливами озера Телекуль и вообще низовьями рѣки Сары-су, исключая только самыхъ ближнихъ окрестностей Телекуля, совершенно безводная и безплодная степь, изобилуетъ однимъ топливомъ, никѣмъ не обитаема, мертвая и мрачная пустыня, гдѣ изрѣдка можно встрѣтить только изъ дикихъ животныхъ волка и сайгаковъ.

Чулакъ-Курганъ.

(Туркестанскій раіонъ). На сѣверо-западной окраинѣ Чемкентскаго уѣзда, за горнымъ хребтомъ Кара-тау, лишь выберетесь вы изъ ущелья Торланъ, еще за 20 верстъ виднѣется по равнинѣ, въ ясную солнечную погоду, осѣдлый поселокъ Чулакъ-Курганъ.

Основаніе этого кишлака обитатели его относятъ къ эпохѣ ханствованія въ Коканѣ Омаръ-хана (1813 г.), по распоряженію котораго туркестанскимъ бекомъ Сеидъ-Мродомъ были выселены на урочищѣ Рымъ-Суванъ семнадцать туркестанскихъ семействъ-сартовъ, выстроенъ курганъ и поставленъ небольшой гарнизонъ, для обезпеченія караваннаго движенія въ Сибирь отъ набѣговъ кара-киргизовъ.

Теперь въ Чулакъ-Курганѣ, по свѣдѣніямъ Чемкентской организаціонной коммиссіи, 148 дворовъ, съ поселеніемъ 374 мужчинъ и 303 женщинъ *). Кишлакъ имѣетъ видъ крѣпостцы, азіятскаго типа, съ одной оборонительной стѣной, которая, ограничивая небольшое пространство, чрезвычайно стѣсняетъ свободное расположеніе построекъ. Чувствуя это, обитатели все таки находятъ въ ней необходимость для защиты собственности отъ степныхъ воровъ, не рѣшаются ее ломать и лѣпятъ дома, а также лавки одни—на самомъ валѣ, другіе—безъ всякихъ правъ отрѣзываютъ части улицъ, которыя и безъ того узки и извилисты. Какъ слишкомъ тѣсное расположеніе построекъ, такъ и то, что единственная въ кишлакѣ площадь занята кожевеннымъ заводомъ, придаютъ ему грязный,

---

*) Цифра населенія—677, выведенная коммиссіей исчисленіемъ его по дворамъ, при полной точности, приводитъ къ заключенію, что, принятая для вычисленія населенія формула помноженія числа дворовъ на 5 можетъ относиться, безъ рѣзкой погрѣшности, лишь къ городамъ, гдѣ живетъ классъ зажиточный; для кишлаковъ же множителемъ нужно принять—4. Вотъ наглядное тому доказательство: въ Туркестанѣ на 965 дворовъ 4,856 душъ, въ Иканѣ—на 228 дв. — 1,087, въ Карнакѣ на 294— 1,342, въ Сузакѣ на 281—1,160 душъ.

непривлекательный видъ, а гніеніе остатковъ отъ выдѣлки кожъ и испаренія болота, при отсутствіи проточной воды и садовъ въ Курганѣ, пораждаютъ міазмы, — естественную причину сильно свирѣпствующей здѣсь лихорадки. Туземцы этого не соображаютъ и частные совѣты перенести за кишлакъ кожевенный заводъ и осушить болото — что очень легко, — вѣроятно, еще долго не будутъ приняты жителями: въ дѣлѣ этомъ нужна, разумѣется, иниціатива администраціи.

Въ Чулакъ-Курганѣ есть четыре мечети и при нихъ школы, 5 аулье, 1 кожевенный заводъ, 27 лавокъ, 14 мельницъ. Садовъ въ окрестностяхъ не много; единственный фруктъ въ нихъ—яблоки, по разсказамъ, лучшіе въ Туркестанскомъ краѣ. Произрастаетъ джида, замѣтно видоизмѣнившаяся подъ вліяніемъ довольно сильныхъ въ этой мѣстности зимнихъ холодовъ, тополь и талъ.

Значительное число лавокъ въ кишлакѣ, половина которыхъ принадлежитъ пріѣзжающимъ сюда на лѣтніе мѣсяцы, торговцамъ г. Туркестана, указываетъ на исключительно торговое его значеніе. Дѣйствительно, какъ современное состояніе торговли, такъ и будущее, обусловливается выгоднымъ положеніемъ Чулакъ-Кургана: будучи единственнымъ осѣдлымъ пунктомъ на юго-восточной окраинѣ обширной Чуйской долины, онъ потому долженъ удовлетворить потребностямъ, какъ постоянно кочующихъ въ этой мѣстности киргизъ: конградцевъ и биштамгалинцевъ, такъ и прикочевывающихъ на лѣтовки въ Каратау, всѣхъ киргизовъ Туркестанскаго раіона.

Но, кромѣ торговли, жители достаточно занимаются огородничествомъ и хлѣбопашествомъ, дальнѣйшее развитіе котораго, впрочемъ по ихъ отзывамъ, невозможно, вслѣдствіе недостатка воды для орошеній. Вотъ въ какомъ положеніи ирригаціонная система Чулакъ-Кургана: по изолированному его положенію, она не имѣетъ никакой связи съ таковою же системою другихъ населенныхъ мѣстъ Туркестанскаго раіона и представляетъ полную своеобразность, установившуюся вслѣдствіе скудности почвы (солончаковатая, тощая). Шести-польное общественное хозяйство находится на слѣдующихъ арыкахъ: къ юго-востоку отъ Чулакъ-Кургана, въ Кара-тау, берутъ начало и, пройдя пять верстъ, соединяются рѣки: западный Чиркойли и восточный Джюшали; отъ мѣста соединенія ихъ начинается Ульканъ-арыкъ, который, пройдя урочище Бересекъ, на второй верстѣ захватываетъ Кокъ-булакъ, а черезъ три версты отъ него выдѣляетъ на западъ арыкъ Бала-батырь. Этотъ послѣдній арыкъ, пройдя урочище Конурсай, круто поворачиваетъ на сѣверъ и въ такомъ направленіи течетъ 20 верстъ до Котонъ-Ченгиля. Черезъ четыре версты отъ устья Бала-батыря, Ульканъ-арыкъ, обогнувъ справа Кокъ-тюбе, выпус-

каетъ Иски-арыкъ, который, пройдя пятнадцать верстъ до Учь-тюбе, поворачиваетъ на сѣверъ, къ Читъ-кудуку, а отсюда на западъ до Карагачь-тюбе. Отъ Кокъ-тюбе тотъ же Ульканъ-арыкъ принимаетъ названіе Тигерманъ-арыкъ, и, пройдя четыре мельницы, за послѣдней отдѣляетъ арыкъ Кульдененъ. Этотъ послѣдній, пройдя въ направленіи на сѣверовостокъ четыре версты, и поворотивъ на сѣверо-западъ, огибаетъ кишлакъ, отъ котораго продолжаетъ теченіе до соединенія у Акъ-тюбе съ Узунь-булакомъ. Отъ водораздѣла у мельницы Раима, Тигерманъ-арыкъ, принявъ названіе Кара-суванъ, отдѣляетъ на четвертой верстѣ арыкъ Бирюкчи, простирающійся шести-верстнымъ теченіемъ до Терекпая, а еще черезъ четыре версты арыкъ Джаманай-саудагаръ-кара, оканчивающійся у Кендерли. На пятой верстѣ отъ послѣдняго водораздѣла Кара-суванъ захватываетъ родникъ Туптъ-куль и, оставивъ четыре мельницы, теряется у Айдарли.

Изъ перечисленныхъ выше арыковъ, только Бала-батырь, Иски-арыкъ, Кульдененъ, Бирюкчи, Джаманай-соудагаръ-кара и Кара-суванъ орошаютъ пашни; Ульканъ-арыкъ же, перемѣняющій потомъ названіе на Тигерманъ-арыкъ, отдѣльной запашки не имѣетъ, а служитъ лишь резервуаромъ для названныхъ шести арыковъ. Каждый изъ дѣйствующихъ арыковъ раздѣляется на четыре вѣтви, снабженныя водою постоянно, а послѣднія, уже черезъ побочныя, мелкія вѣтви, несутъ воду очередями въ двадцать дней на одной коши.

Запашка на шести арыкахъ распредѣляется слѣдующимъ постояннымъ порядкомъ: такъ какъ источникъ описанной арычной системы, рѣки: Чиркойли и Джюшали такъ не великъ, что даетъ воды только на 80 кошей, и какъ весь раіонъ, занимаемый пашнями, представляетъ въ различной степени тощую почву, то землепашцы установили по числу арыковъ шестипольное общественное хозяйство, и сѣютъ на Бала-батырѣ четыре года, на Искѣ-арыкѣ—2 года, на Кульдененѣ—2 года, на Бирюкчи—1 годъ, по Джаманай-соудагаръ-кара—2 года и по Кара-сувану—2 года. Такой порядокъ ведется уже десятки лѣтъ неизмѣнно, и врядъ ли можетъ быть нарушенъ безъ риску остаться голоднымъ.

Посѣвы пшеницы, ячменя и проса—исключительно яровые. Урожай самъ 10—20, а проса самъ 20—50. Каждый кошъ высѣваетъ 5—7 батмановъ, т. е. отъ 6½—9 пудовъ. Ячмень собираютъ въ іюлѣ, пшеницу въ августѣ и просо въ сентябрѣ. Клеверъ, разводимый въ садахъ, снимаютъ два раза въ лѣто, и отъ того одного посѣва достаточно, говорятъ, на пятнадцать лѣтъ.

А. Арендаренко.

Магіанскія, Фарабскія и Кштутскія владѣнія.

Вновь присоединенныя въ августѣ 1870 года къ Заравшанскому округу, земли бывшихъ бекствъ: Магіанскаго, Фарабскаго и Кштутскаго, лежатъ къ юго-востоку отъ Самарканда, и отдѣляются отъ него хребтомъ горъ, носящимъ названіе Дивашъ-тау; горы эти имѣютъ, кромѣ того, еще нѣсколько частныхъ названій. Означенныя горы служатъ началомъ общаго поднятія, идущаго на востокъ и характеръ мѣстностей, лежащихъ за ними, сильно гористый. Такой же характеръ имѣютъ и земли Магіана, Фараба и Кштута.

Такъ какъ въ мѣстностяхъ этихъ не было произведено съемокъ, то положительныхъ свѣдѣній о пространствѣ ихъ въ настоящее время имѣть невозможно.

Земли эти граничатъ съ сѣвера — тюменями Самаркандскаго отдѣла: Пянджикентскимъ и Ургутскимъ; съ запада — Китабскими землями, отъ которыхъ отдѣляются горою Оби-кишлакъ, къ юго-западу — владѣніями Шаарскими, отдѣляющимися горою Ага-бадча, на югъ владѣніями Пенара, около горы Агба, дающей начало Магіанъ-Дарьѣ, и на востокъ— землями Фанскими и Фальгарскими.

Населеніе этой территоріи, состоящее изъ узбековъ и таджиковъ, живетъ осѣдло; размѣщено оно въ кишлакахъ, которыхъ считается въ Фарабскихъ земляхъ—2, въ Магіанскихъ 19 и Кштутскихъ 17.

Названіе кишлаковъ и число домовъ въ каждомъ изъ нихъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, слѣдующее:

1) Въ Фарабскихъ земляхъ:

а) Муса-базаръ	50 домовъ.
б) Фарабъ (раздѣляющійся на два кишлака Югары и Куи)	70 »
	120 домовъ.

2) *Въ Магіанскихъ земляхъ:*

а) Магіанлыкъ	25 домовъ.
б) Гиштутъ	20 »
в) Кышлакъ	10 »
г) Саръ	20 »
д) Хурьми	15 »
е) Гызанъ-Югары	50 »
ж) » Куи	25 »
з) Фанлыкъ	20 »
и) Рамня	12 »
і) Шинъ	100 »
к) Гимъ-Дарваръ	50 »
л) Вагяштанъ	50 »
м) Каса-тарачъ	30 »
н) Андаръ	20 »
о) Филь-мандаръ	6 »
п) Чарбакъ	50 »
р) Науча-макъ	4 »
с) Нафинъ	4 »
т) Маръ-Гузанъ	4 »
	515 дом. *).

3) *Въ Китутскихъ земляхъ:*

а) Панзюрумъ
б) Кулямъ
в) Зири-ханаръ
г) Артучъ
д) Завранъ
е) Аги-лякалъ
ж) Никнашъ
з) Варчи-канды
и) Вару
і) Фарбинъ
к) Газа
л) Шашкямъ
м) Зиктутъ
н) Паяна
о) Гукманъ
п) Мадира
р) Турзинъ

Свѣдѣній о количествѣ домовъ въ кишлакахъ бывшаго Китутскаго бекства не имѣется.

*) Показанное число домовъ надобно считать полнымъ.

Главные земледѣльческіе продукты у жителей этихъ горныхъ земель суть: пшеница, ячмень, просо, горохъ, ленъ; въ одномъ изъ кишлаковъ магіанскихъ (Чарбакъ) засѣвается рожь. Посѣвы производятся частію подъ дождевую и снѣговую воду, — частію же по берегамъ незначительныхъ арыковъ, разносящихъ преимущественно воду горныхъ ключей.

Кромѣ этихъ главныхъ занятій, жители, преимущественно магіанскихъ земель, занимаются продажею лѣса (можжевельника), растущаго въ горахъ и выжиганіемъ изъ него угля. То и другое они въ большомъ количествѣ сбываютъ на базаръ Самаркандскаго отдѣла и снабжаютъ имъ не только Заравшанскій округъ, но и Бухару. Въ зимнее время во всѣхъ почти кишлакахъ этихъ земель жители занимаются приготовленіемъ маты (грубая, бумажная ткань), которую поставляютъ на базары Пянджикента и Ургута, откуда, въ свою очередь, получаютъ хлопокъ, такъ какъ на ихъ земляхъ этого растенія не разводится. Изъ бараньей шерсти приготовляютъ они различныя ткани, идущія на халаты и мѣшки. Жители нѣкоторыхъ магіанскихъ кишлаковъ заготовляютъ въ огромномъ количествѣ особаго рода гвозди, идущіе на подбивку туземной обуви; этими гвоздями, по разсказу туземцевъ, снабжается въ большомъ количествѣ Бухара, гдѣ будто бы совершенно нѣтъ этого производства.

Туземная администрація во вновь присоединенныхъ земляхъ совершенно такая же, какъ и въ прочихъ мѣстностяхъ здѣшняго края: *амини*, *аксакалы*, носящіе въ здѣшнихъ мѣстахъ названіе *арбабовъ*, *казы* и *амлякдары*.

Подати существуютъ двухъ родовъ: *хераджъ* и *зякетъ* съ барановъ. Танапнаго сбора и кошпульной подати не существуетъ. Хераджъ собирался въ размѣрѣ $^1/_5$ части урожая; зякетъ съ барановъ — въ размѣрѣ одного барана съ сорока головъ. Въ земляхъ кштутскихъ, по показаніямъ туземцевъ, хераджъ платился только съ одного кишлака, именно Агыляканъ; всѣ прочіе кишлаки были обложены денежною, разъ опредѣленною податью, которая для всѣхъ кишлаковъ Кштутскаго бекства составляетъ цифру 1,024 руб. 80 коп. По показанію туземцевъ, количество хлѣба, поступившаго въ хераджъ въ Фарабскомъ бекствѣ, достигало до 300 — 700 батмановъ, а въ Магіанскихъ земляхъ до 600 батмановъ; но такъ какъ свѣдѣнія о количествѣ хераджныхъ поступленій доставлены туземцами, то должно думать, что въ дѣйствительности поступленій этихъ должно быть гораздо болѣе. Цифра поступленія саваимъ-зякета не извѣстна, такъ какъ записей на этотъ сборъ не сохранилось, а туземцы опредѣлить этого не могли, ибо сборомъ этимъ непосредственно завѣдывалъ самъ бекъ.

Замѣтка о верхнемъ Заравшанѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ авторъ настоящей замѣтки посѣтилъ долину верхняго Заравшана, съ спеціальною цѣлью изученія тамошней природы и физическихъ условій страны. О маршрутѣ моемъ я здѣсь распространяться не стану, такъ какъ онъ совпадаетъ съ маршрутомъ экспедиціи генерала Абрамова, имѣвшей цѣлью изслѣдовать горную страну верховьевъ Заравшана *). Скажу только, что я соединился съ экспедиціей въ половинѣ ея работъ, именно 2 іюня, въ с. Оббурденѣ.

Посѣщенная нами страна представляетъ весьма массивное поднятіе, тянущееся почти строго съ востока на западъ. Ширина этого массива нѣсколько больше 100 верстъ; длина опредѣлена быть не можетъ: мы знаемъ только его западный конецъ, восточный же неизвѣстенъ даже и гадательно, какъ неизвѣстно и отношеніе заравшанскаго массива къ главнымъ системамъ горъ Средней Азіи: Тянь-Шаню, Гималаямъ и проблематическому Болору. Употребляя названіе массивнаго поднятія для характеристики горной массы, я хочу этимъ указать на сильное поднятіе всей этой страны и на относительную незначительность мѣстныхъ возвышеній. Находясь, напримѣръ, въ Оббурденѣ, на берегу Заравшана, видишь по обѣимъ сторонамъ рѣки горы, но горы эти возвышаются надъ долиною не болѣе, какъ на 1,000′, тогда какъ высота Оббурдена 6,000′. Еще поразительнѣе характеръ сплошнаго поднятія выказывается съ высокихъ переваловъ; тогда видишь множество горъ, только на незначительную высоту (тысячи на двѣ, или на три футовъ) лежащихъ выше перевала. Массивъ этотъ, конечно, никогда не былъ совершенно ровнымъ, а затѣмъ вода еще болѣе оразнообразила его поверхность и такимъ образомъ теперь получилась цѣлая масса горъ и ущелій. Можно, впрочемъ, различить три ряда горъ, идущихъ

*) Реляціи г.-м. Абрамова помѣщены въ III томѣ сборника: «Русскій Туркестанъ», изданнаго по поводу Московской политехнической выставки.

вдоль этого поднятія; въ углубленіяхъ между ними помѣщаются рѣки, уносящія воды этой горной системы. Сѣверная продольная долина занята Заравшаномъ, болѣе южная — рѣкой Ягнау, которая у Сурвады поворачиваетъ на сѣверъ и, пробившись чрезъ продольный хребетъ, раздѣляющій двѣ долины, сливается съ Заравшаномъ, являясь его главнымъ притокомъ. Обѣ эти рѣки берутъ свое начало изъ огромныхъ ледниковъ. Тому же источнику обязаны своимъ образованіемъ и значительные притоки Ягнау: Пасрутъ и Искандеръ-Дарья, протекающая черезъ озеро Искандеръ-Куль.

Долины, по которымъ текутъ названныя рѣки, очень узки: это скорѣе расщелины, мѣстами расширяющіяся и образующія площадки. На этихъ площадкахъ расположены поселенія жителей, и по этой причинѣ онѣ не многочислены, и не обширны. Вообще характеръ этой мѣстности цѣликомъ отражается на жителяхъ, ихъ благосостояніи и занятіяхъ. Они получили даже особое названіе: *гальча* отъ своихъ равнинныхъ собратьевъ, хотя принадлежатъ къ тому же племени таджиковъ, которое населяетъ во множествѣ города Средней Азіи. Это доказываетъ и типъ ихъ, и языкъ, отличающійся только нѣкоторыми провинціализмами. Только въ верховьяхъ Ягнау встрѣчаются еще остатки особаго народа съ самостоятельнымъ языкомъ, сродство котораго съ другими не вполнѣ еще выяснено.

Отчасти климатъ, а главнымъ образомъ недостатокъ удобныхъ мѣстъ, дѣлаетъ земледѣліе второстепеннымъ занятіемъ жителей. Скотоводство выступаетъ у нихъ на первый планъ. На лѣто почти все населеніе откочевываетъ въ горы, гдѣ по ущельямъ, на высотѣ 8—10,000′, разбросаны ихъ лѣтовки: ограда изъ камней, прикрытая вѣтвями можжевельника. Здѣсь скотъ, по преимуществу бараны, находитъ постоянно обильный кормъ. Растительность роскошна на этихъ высотахъ, и высокая сочная трава образуетъ отличные луга, вполнѣ годные для сѣнокошенія. Не одно мѣстное скотоводство пользуется этими пастбищами; сюда пригоняются бараны изъ Гиссарскихъ владѣній и изъ нашихъ, такъ что напр. пянджикентскіе бараны ходятъ у Искандеръ-Куля.

Кромѣ барановъ, жители содержатъ еще козъ (особенно хорошъ козій пухъ изъ окрестностей Джиджика, недалеко отъ Искандеръ-Куля), лошадей,ословъ, которыми главнымъ образомъ пользуются для своихъ поѣздокъ, и рогатый скотъ; изъ домашнихъ птицъ держатъ однихъ куръ.

Немного разнообразнѣе и ихъ земледѣльческія произведенія: они сѣютъ на своихъ поляхъ: пшеницу, ячмень, просо (Panicum miliaceum), итальянское просо (Setaria italica), горохъ (бурчакъ), чину (купчъ — Lathyrus sativus) и бобы (бокля—Vicia Faba) *). Запашекъ немного и соби-

*) Въ большомъ употребленіи лепешки изъ бобовой муки.

раемаго хлѣба недостаточно для пропитанія населенія; недостающій хлѣбъ привозится изъ Ура-Тюбе. Въ садахъ у нихъ встрѣчаются: абрикосы, персики, яблони, шелковица, виноградъ, пирамидальные тополи и ива. Тутовыя деревья нерѣдки и очень стары. Жители говорили, что прежде они служили для выкормки шелковичныхъ червей, но что потомъ, уже очень давно, шелководство прекратилось вслѣдствіе опустошительной болѣзни. Виноградъ доходитъ только до Шамтича и здѣсь, на высотѣ 5,800′, граница его вертикальнаго распространенія. Другія плодовыя деревья заходятъ еще выше 7,000′; въ Пальдоракѣ на высотѣ 8,000′ нѣтъ ни одного дерева, но выше опять появляются пирамидальные тополи.

Перехожу теперь къ природѣ, окружающей тамошнее населеніе. Кромѣ отличныхъ пастбищъ, о которыхъ я говорилъ выше, она немного даетъ тамошнему жителю. Изъ животныхъ есть нѣсколько звѣрей, составляющихъ или могущихъ составлять предметъ охоты: козлы (Capra sibirica), зайцы, лисицы, сурки водятся въ горахъ въ изобиліи. Изъ птицъ всюду распространены каклики (Perdix graeca, var. chukar), мѣстами улары (Megaloperdix Nigelii). Изъ растеній, кромѣ собираемыхъ жителями для лекарствъ, полезность которыхъ еще не опредѣлена достовѣрно, играютъ роль: можжевельникъ, для построекъ и топлива, таранъ (ревень—Rheum) какъ дубильный матеріалъ, во множествѣ вывозимый въ Самаркандъ и сумбулъ *), доставляющій любимую косметику туземцамъ.

Въ научномъ отношеніи фауна и флора верхняго Заравшана имѣетъ множество интереснѣйшихъ представителей. Склоны горъ по сторонамъ главныхъ долинъ почти совершенно голы: но нужно отправиться въ боковыя лощины и ущелья, и тогда съ высоты 7,000′ начинается богатая растительность. Изъ деревьевъ преобладаетъ можжевельникъ, принадлежащій къ тремъ видамъ; встрѣчаются также рябина, клены, береза, тополи и ивы. Кустарники особенно разнообразны: различные виды шиповниковъ, Cotoneaster, разные Prunus, боярышникъ (Crataegus), миндали (Amygdalus communis и spinosissima), фисташка и др. Но главнаго развитія растительность достигаетъ въ поясѣ отъ 8 до 10000′, гдѣ она сплошнымъ ковромъ травянистыхъ растеній одѣваетъ верхи ущелій и склоны горъ. Распредѣленіе животныхъ идетъ соотвѣтственно распредѣленію растеній: самая богатая животная жизнь находится въ ущельяхъ, на значительной высотѣ. Здѣсь, кромѣ множества насѣкомыхъ, живутъ и тѣ звѣри,

*) Въ 1871 г. лѣтомъ расцвѣлъ въ московскомъ ботаническомъ саду экземпляръ *сумбула*, выращенный изъ корня, привезеннаго мною въ прошломъ году. Такимъ образомъ вопросъ о сумбулѣ, такъ долго занимавшій ботаниковъ и подавшій столько поводовъ къ различнымъ предположеніямъ, разрѣшенъ. *Авт.*

которыхъ поименовалъ я, какъ предметъ охоты; здѣсь же, въ поясѣ древесной и лѣсной растительности, появляется особая фауна птицъ. Я не буду перечислять наиболѣе интересныхъ представителей, найденныхъ мною *), а въ заключеніе настоящей замѣтки, коснусь общаго характера фауны верхняго Заравшана. Несомнѣнно, что эта фауна слагается изъ двухъ элементовъ: съ одной стороны, снизу на значительную высоту поднимаются формы, свойственныя степной части Средней Азіи, съ другой — къ нимъ примѣшиваются формы, не встрѣчающіяся въ степи или спускающіяся туда съ горъ и имѣющія въ степи ограниченное распространеніе. Поднятіе формъ южныхъ и степныхъ на большую высоту выказывается во множествѣ поразительныхъ примѣровъ: скорпіоны и фаланги идутъ до высоты 7,000', степная ящерица (Eremias variabilis) поднимается до 5,000'. Разныя южныя насѣкомыя: Ascalaphus, Trichophtalma, Nemestrina, Jugurtia и мн. др. идутъ до высоты 6 и болѣе тысячъ футовъ **). Съ другой стороны, изъ формъ горныхъ интересно распространеніе маринки, составляющей почти единственную рыбу верхняго Заравшана (водится еще пискарь). Эта рыба, столь распространенная въ рѣчкахъ Средней Азіи, водится во множествѣ видовъ въ рѣкахъ Гималая и оттуда распространяется до бассейна Чу. Подобныхъ фактовъ можно теперь уже привести нѣсколько; во флорѣ Тянь-Шаня уже извѣстно 15 видовъ растеній, совершенно тождественныхъ съ растущими въ Гималаяхъ, не считая нѣсколькихъ, очень близкихъ. Бараны и козлы Тянь-Шаня оказываются отчасти распространенными до Гималаевъ, отчасти весьма близкими къ тамошнимъ формамъ. Каклики и улары также обыкновенны въ Гималаяхъ, какъ въ Тянь-Шанѣ. Всѣ эти факты указываютъ на существованіе сродства между фаунами величайшихъ горныхъ системъ Азіи и заставляютъ предполагать здѣсь естественную зоогеографическую область. Работами моими въ прошломъ году достаточно выясненъ характеръ фауны степной части Заравшанской долины, относящейся къ средиземно-морской области европейской фауны; теперь главнѣйшая задача должна заключаться въ опредѣленіи происхожденія и сродства фауны, свойственной исключительно горнымъ массамъ Средней Азіи.

А. Федченко.

---

*) Всего собрано болѣе 1,000 видовъ животныхъ, въ 5,000 экземпляровъ. Растеній собрано до 400 видовъ; послѣднею коллекціей я обязанъ содѣйствію О. А. Федченко, сопровождавшей меня во все время путешествія.

**) Соотвѣтственные факты замѣчаются и на растеніяхъ: солянки и полыни подымаются весьма высоко, ковыль былъ встрѣченъ на высотѣ 1,000', у перевала Мура.

Замѣтки о Магіанскомъ бекствѣ *).

На востокъ отъ Самарканда, въ горахъ лѣваго берега Заравшана, лежитъ нѣсколько деревень, сгруппированныхъ въ бассейнѣ трехъ рѣчекъ: Кштута, Магіана и Фараба. Въ прежнее время эти деревни составляли часть Ургутскаго бекства; ургутскіе беки, принадлежавшіе къ узбекскому роду мингъ, владѣли Ургутомъ наслѣдственно. Такихъ наслѣдственныхъ бекствъ, стоявшихъ только въ нѣкоторой зависимости отъ эмира бухарскаго, было въ предѣлахъ ханства нѣсколько; таковы бекства: Шахрисябское, Ура-тюбинское и Ургутское. Временами они сбрасывали и послѣднюю тѣнь зависимости отъ эмира, и это было причиною безпрерывныхъ войнъ между ними и Бухарою. Полунезависимое существованіе Ургутскаго бекства кончилось со смертью эмира Насруллы. Передъ своей смертью онъ приказалъ Адиль-парваначу и его брату Аллаяръ-инаку, бывшему бекомъ въ Магіанѣ, прибыть въ Бухару, и изъ боязни, что они послѣ его смерти объявятъ себя независимыми, велѣлъ ихъ зарѣзать. Дѣти ихъ остались въ живыхъ; по занятіи русскими Самарканда, сынъ Адиля, Гуссейнъ-бекъ явился въ Ургутъ и, по изгнаніи оттуда русскими, ушелъ въ Магіанъ, а брата своего Шады-бека поставилъ бекомъ въ Кштутѣ

*) Настоящая статья составляетъ извлеченіе изъ представленнаго въ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи отчета о поѣздкѣ моей въ Магіанъ, совершенной вскорѣ по присоединеніи этихъ бекствъ къ Заравшанскому округу, въ началѣ сентября прошлаго года. Поѣздка эта продолжалась всего нѣсколько дней, а въ предѣлахъ ново занятыхъ бекствъ я могъ пробыть только пять дней. Большая помощь оказана была мнѣ начальникомъ Самаркандскаго отдѣла В. Р. Сѣровымъ, объѣзжавшимъ тогда же вновь присоединенныя земли, и г. Солтановымъ, сопровождавшимъ меня въ качествѣ переводчика. Объ естественно историческихъ наблюденіяхъ въ настоящей замѣткѣ говорится мало; интересующіеся ими найдутъ ихъ въ отчетѣ, имѣющемъ появиться въ Извѣстіяхъ Общества Любителей Естествознанія.

Авт.

Независимое существованіе этихъ бекствъ продолжалось только два года; въ прошломъ августѣ, послѣ похода на Шахрисябзъ, русскій отрядъ вернулся черезъ Фарабъ и бекства были объявлены присоединенными къ Заравшанскому округу.

Фарабское бекство лежитъ въ верховьяхъ рѣки Баширъ-су, протекающей далѣе въ Шахрисябскихъ владѣніяхъ. Бекство это имѣетъ до 15 верстъ въ направленіи отъ востока на западъ, и около 13 верстъ отъ сѣвера къ югу, слѣдовательно около 200 квадр. верстъ. Границами его считаются: на сѣверѣ — горы Тунюрлюкъ, отдѣляющія его отъ Ургутскихъ земель, на югѣ — горы, недостигающія и 7,000 фут.; за ними въ долинѣ Джинды-Дарьи лежатъ уже китабскія земли. На востокѣ и на западѣ естественныхъ границъ нѣтъ: границей со стороны китабскихъ земель считается урочище Бурси-казы или напротивъ его лежащее Оби-кишлакъ, въ четырехъ верстахъ западнѣе нижняго Муса-базара. На востокѣ Фарабскія земли доходятъ не до перевала, а только до соединенія рѣчекъ Хунды и Канды-баса.

Характеръ Фарабскаго бекства весьма отличенъ отъ сосѣдняго съ нимъ Магіанскаго бекства. Пространство, занятое имъ, можно назвать плоскогорьемъ, которое поднято до высоты 6,000 ф. и представляетъ весьма пологіе холмы, изъ мягкой, плодородной земли. Между этими холмами протекаетъ нѣсколько рѣчекъ, соединяющихся въ одну, ниже, въ Шахрисябскихъ владѣніяхъ, называемую Баширъ-су; въ предѣлахъ бекства эта рѣчка зовется Фарабъ-Дарья. Началомъ этой рѣки можно считать Оби-Хунды, вытекающую изъ горъ Шумъ-рахна, верстахъ въ десяти къ востоку отъ Фараба. Рѣка эта течетъ сначала на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ на западъ. Вскорѣ послѣ этого поворота, въ него впадаетъ съ юга р. Канды-басъ, называемая иногда также Ходжа-Мансуръ, по имени святаго, который похороненъ близъ этой рѣки. Мазарки на могилѣ нѣтъ, но мѣсто ея, по преданію, обозначено двумя, довольно большими деревьями.

Послѣ впаденія Канды-баса, рѣка продолжаетъ теченіе свое въ томъ же направленіи и, пройдя Фарабъ, принимаетъ въ себя значительный притокъ Кара-ташъ. Ниже въ нее впадаетъ еще Учь-колъ и Каратегинъ-су; послѣдняя течетъ съ Сангы-Джуманскаго перевала.

Главныхъ осѣдлыхъ пунктовъ въ Фарабскомъ бекствѣ только два: *Фарабъ* и *Муса-Базаръ*; послѣдній разбитъ на двѣ половины: верхній и нижній. Верхній Муза-базаръ лежитъ при впаденіи Учь-Кола въ Фарабъ-дарью, а нижній — верстахъ въ трехъ отъ него. Фарабъ также раздѣляется на двѣ части: верхній и нижній. Въ Фарабѣ былъ неболь-

шой курганъ, т. е. группа зданій, служившихъ жилищемъ беку и его прислугѣ, обнесенныхъ глиняной стѣнкой.

Жители Фараба — таджики, но они имѣютъ и свое особое прозваніе: *Акня* (воронъ); мнѣ объяснили происхожденіе этого названія слѣдующимъ образомъ: въ деревнѣ Шинъ жили три брата; одинъ изъ нихъ укралъ козу и оговорилъ въ этомъ преступленіи невиннаго; за это братьевъ прозвали акня, что значитъ злой вѣщунъ или воронъ. Чтобы избавиться отъ насмѣшекъ, братья переселились изъ прежняго мѣста своего жительства и основали Фарабъ; но прозвище акня удержалось и за ихъ потомствомъ.

Жители Муса-Базара — узбеки и принадлежатъ къ родамъ: Балласъ, Кальтатай и Муса-базаръ. По имени послѣдняго рода называется и самое селеніе. Этотъ родъ узбековъ живетъ также и въ Шахрисябскихъ владѣніяхъ: въ долинѣ Джаны-Дарьи есть тоже кишлакъ Муса-Базаръ.

Деревня Фарабъ состоитъ изъ тѣсной группы глиняныхъ домиковъ, съ небольшими двориками для скота; садовъ нѣтъ совершенно, и только кое гдѣ есть нѣсколько отдѣльно растущихъ ивовыхъ деревьевъ. Число домовъ въ каждомъ селеніи я не обозначаю: различныя показанія слишкомъ расходятся, чтобы можно было опредѣлить его съ достовѣрностью, число же жителей, по показанію Сеидъ-бека — до 1,500 человѣкъ.

Сообщенія Фараба съ сосѣдними мѣстностями весьма затруднительны. Въ лѣтнее время жители пользуются для этого тропинками, но зимою, на три мѣсяца, сообщенія съ Ургутомъ прекращаются совершенно. Перевалъ Сангы-Джуманскій заваливается снѣгомъ и тогда ѣздятъ на базаръ чрезъ Магіанъ; но и эта дорога не вполнѣ обезпечена: жители жалуются на большое количество волковъ, спускающихся съ горъ Шумъ-рахна на перевалъ Зиркакъ и дѣлающихъ опаснымъ проѣздъ. Мнѣ извѣстны слѣдующія дороги, ведущія въ Фарабъ:

1. Изъ Ургута, черезъ перевалъ Сангы-Джуманъ (качающійся камень); это самая важная дорога для фарабцевъ; по ней они ѣздятъ на ургутскій базаръ для продажи своихъ произведеній и покупки необходимыхъ предметовъ. Дорога эта изъ Ургута идетъ черезъ селеніе Гусъ, мимо деревни Хишъ-дуванъ. Отъ послѣдней начинается нетрудный подъемъ на небольшой отрогъ, затѣмъ дорога идетъ по этому отрогу, то опускаясь, то снова поднимаясь. Далѣе слѣдуетъ второй, сильный подъемъ, самый затруднительный; дорога идетъ зигзагами по голымъ каменьямъ. Впрочемъ этотъ каменистый подъемъ не великъ, и за тѣмъ дорога идетъ уже по окраинѣ горъ, спускается внизъ, къ рѣчкѣ и подходитъ къ главному перевалу. Подъемъ этотъ, хотя и крутой, однако не затруднителенъ. Дорога идетъ по крупно-зернистому песку, между огромными валунами, разбро-

санными по склону горы. При подошвѣ этого послѣдняго подъема, налѣво отдѣляется тропинка — прямая дорога въ Магіанъ.

Перевалъ Сангы-Джуманъ служилъ въ послѣднее время границей Фарабскаго бекства отъ земель, занятыхъ русскими. Фарабцы держали здѣсь свой пикетъ: изъ камней сдѣланы загородки, гдѣ стояли лошади и укрывались сторожа.

Названіе перевала происходитъ отъ того, что здѣсь находится огромный камень, лежащій на другомъ. Верхній камень легко можетъ покачнуть даже одинъ человѣкъ. Тутъ же находится кубическій камень, съ круглымъ углубленіемъ, 14 вершковъ въ діаметрѣ. Несомнѣнно, что это углубленіе выточено водою. Мѣстное преданіе говоритъ, что здѣсь пророкъ Али поилъ свою лошадь. Спускъ, весьма плохой, идетъ по небольшому отрогу, по правой сторонѣ оврага Каратегинъ. Подойдя къ Фарабъ-Дарьѣ, дорога переходитъ черезъ Каратегинъ-су. Отсюда уже не болѣе версты до верхняго Муса-базара.

Вдоль Фарапъ-Дарьи дорога идетъ еще съ версту, затѣмъ по мостику переходитъ черезъ Каратегинъ-су и поднимается въ гору, но скоро опять спускается въ лощину, гдѣ лежитъ Фарабъ. Въ настоящемъ видѣ дорога эта проходима только для верховыхъ и вьючныхъ лошадей, но при небольшихъ усиліяхъ, она могла бы быть приспособлена и для колесной ѣзды.

2. Изъ Пянджикента, черезъ перевалъ Арзанъ-пая идетъ путь весьма трудный для проѣзда даже и на лошади; по немъ ѣздятъ большею частію на ослахъ.

3. Изъ Китаба, черезъ перевалъ Ча, находящійся на югъ отъ Фараба; дорога эта весьма удобная и жители считаютъ всего одинъ ташъ (8 верстъ) до перваго китабскаго селенія.

4. Изъ Китаба, по долинѣ Баширъ-су.

5. Изъ Магіана, черезъ перевалъ Порданъ.

6. Изъ Магіана, черезъ перевалъ Заркакъ. Со стороны Фараба подъемъ самый ничтожный и постепенный; спускъ къ Магіану сначала нѣсколько крутой, потомъ идетъ по небольшому отрогу и затѣмъ по дну небольшой лощины. Передъ Магіаномъ путь выходитъ на болѣе открытое мѣсто; дорога эта вообще весьма легкая и удобная.

Мѣста, поднятыя на высоту 6,000 ф., представляютъ самыя благопріятныя условія для развитія земледѣлія. Поля здѣсь вовсе не требуютъ орошенія, по значительной высотѣ мѣстности; благодаря этому, въ такіе годы, каковъ былъ напримѣръ, прошлый годъ, когда степныя, не орошаемыя поля пшеницы (называемыя туземцами *лялъми*, въ отличіе отъ

орошаемыхъ, *оби*) въ Заравшанскомъ округѣ погибли отъ засухи, въ Фарабѣ урожай былъ обезпеченъ. Такой годъ даже особенно выгоденъ для жителей Фараба, потому что они продаютъ тогда свой хлѣбъ по высокой цѣнѣ на базарахъ Заравшанскаго округа. Такъ напримѣръ, въ сентябрѣ 1870 г. цѣна пшеницы въ Фарабѣ поднялась до 6 р. за батманъ. Батманъ, употребляемый въ Фарабѣ, а также и въ Шахрисябсѣ, вдвое болѣе бухарскаго, т. е., равенъ 16 пудамъ. Средняя же цѣна пшеницы въ Фарабѣ — 4 р. за батманъ.

Разводимыя здѣсь хлѣба весьма не разнообразны: сѣютъ пшеницу, ячмень, тарыкъ (просо) и ленъ. Главнымъ зерновымъ хлѣбомъ служитъ здѣсь пшеница. Количество собираемой пшеницы опредѣлили мнѣ въ 500 батмановъ (20 т. пуд.). Относительно урожая, свѣдѣнія расходятся: по однимъ показаніямъ родится самъ двѣнадцать, а по другимъ — самъ двадцать.

Другая особенность фарабскаго земледѣлія: отсутствіе искуственнаго травосѣянія. Вмѣсто употребительной вездѣ дженушки (люцерны), тамъ кормятъ скотъ сѣномъ. Нѣсколько рѣчекъ, орошающихъ Фарабское бекство, всѣ текутъ по широкимъ лощинамъ, затопляемымъ весною, и оттого лощины эти покрываются густою травою. Жители косятъ ее и собираютъ на зиму обильные запасы.

Магіанское бекство лежитъ къ востоку отъ Фараба, и почти прямо на югъ отъ Пянджикента, отъ земель котораго Магіанскія владѣнія отдѣляются горою Улькань. Необходимо имѣть въ виду, что это названіе условно: такъ мнѣ назвали эту гору въ Магіанѣ. Названіе горъ, а отчасти и рѣкъ, составляли для меня, въ моихъ путешествіяхъ, постоянный источникъ путаницъ. Не только селенія, лежащія на противуположныхъ сторонахъ, называютъ одну и ту же рѣку различными именами, но разныя имена даются даже рядомъ лежащими селеніями. Это обстоятельство особенно затрудняетъ при сводкѣ результатовъ, добытыхъ распросами и должно постоянно приниматься во вниманіе.

На западѣ Магіанское бекство граничитъ съ землями Фарабскими и Шахрисябскими, на югѣ съ Гиссарскимъ бекствомъ, на востокѣ — съ Кштутскимъ. Точно опредѣлить границы, со стороны владѣній бухарскаго эмира, пока нѣтъ возможности; извѣстно только, что граница идетъ по водораздѣлу, такъ что Магіанскому бекству принадлежитъ весь бассейнъ Магіанъ-Дарьи, за исключеніемъ ея устья, гдѣ находится пянджикентское селеніе — Суджаны. Бассейнъ Магіанъ-Дарьи *) заключаетъ двѣ большія

*) Я называю всю эту рѣку Магіанъ-Дарьей довольно произвольно; жители называютъ этимъ именемъ только двѣ рѣчки, протекающія у Магіанскаго кургана. Жи-

рѣчки Магіанъ и Шинъ; послѣдняя хотя на видъ и не больше Магіанъ-Дарьи, но гораздо быстрѣе, а потому несетъ больше воды. Обѣ рѣчки берутъ начало изъ вѣчныхъ снѣговъ хребта, отдѣляющаго Магіанскія владѣнія отъ Гиссарскихъ.

Магіанъ-Дарья беретъ начало въ мѣстности, называемой Хазаръ-Чашма (тысяча ключей). Почти все ея теченіе по узкому ущелью (около 50 верстъ) неизвѣстно; мнѣ удалось дойти только до горы Вачехна, въ 12 верстахъ выше Магіана. Гора эта, небольшой выступъ горы Чумаха, перегораживаетъ ущелье и рѣка обтекаетъ его съ трехъ сторонъ. Съ этой горы, на которую поднимается дорога, идущая въ Гиссарскія владѣнія, я могъ видѣть ущелье еще верстъ на восемь; далѣе оно скрывалось за выступами горы, но, по разсказамъ, оно и далѣе сохраняетъ тоже сѣверо-южное направленіе. Ниже горы Вачехны, рѣка круто поворачиваетъ на западъ и около четырехъ верстъ, до впаденія ручья Гурдакъ, идетъ въ этомъ направленіи. На этомъ протяженіи рѣка падаетъ каскадами по ущелью съ круто-обрывистыми боками. Дорога идетъ между огромными камнями, наваленными по сторонамъ рѣки, переходя по мостикамъ то на тотъ, то на другой берегъ.

Выше Вачехны ущелье тоже очень узко, но дорога, повидимому, лучше; она идетъ по мягкимъ осыпямъ.

Принявъ съ лѣвой стороны небольшой ручей Гурдакъ, вытекающій изъ подножія Хазретъ-султана, рѣчка поворачиваетъ на сѣверъ, съ небольшимъ отклоненіемъ къ западу. Здѣсь она выходитъ на болѣе открытую мѣстность. Высокія, скалистыя горы Дауричь идутъ по правому берегу, лѣвый же представляетъ довольно значительную площадку, гдѣ и лежитъ Магіанъ съ его садами. Площадка эта представляетъ котловину, съ трехъ сторонъ ограниченную высокими, скалистыми горами, а съ четвертой, западной — весьма открытую.

Горы на югъ представляютъ три пика: Чумаха, крайній на востокъ, Бильга — средній и Хиргазанъ — на западѣ. За этими горами, именно за среднею, Бильгою, возвышается столь знаменитый у туземцевъ Хазретъ-султанъ. Къ сторонѣ Магіана онъ оканчивается широкой отвѣсной стѣною, къ сторонѣ Шахрисябса напротивъ онъ пологъ и изъ его ущелій вытекаютъ Джинды-Дарья и Акъ-Дарья. Впрочемъ разсказы о его высотѣ мнѣ кажутся преувеличенными, и я не полагаю, чтобы высота его,

---

тели Суджаны называютъ ее — Суджаны-су. Главная же рѣка и по количеству воды, и по направленію, есть Шинъ, но это названіе не распространяется ниже ея соединенія съ Магіаномъ.

судя по окружающимъ горамъ, была болѣе 15 тыс. фут. На сѣверномъ склонѣ, который только и видѣнъ изъ Магіана, снѣгъ лежалъ на немъ въ видѣ легкаго налета и можетъ быть даже былъ свѣже выпавшій: наканунѣ въ горахъ былъ дождь, а на высотахъ шелъ снѣгъ. Попытка моя осмотрѣть Хазретъ-султанъ ближе не удалась. Послѣ большихъ усилій, я могъ подняться по горѣ Бильгѣ только до 9,700 фут. и наступавшій вечеръ заставилъ меня вернуться обратно. Изъ Магіана на Хазретъ-султанъ дороги нѣтъ, и отправляющіеся сюда на поклоненіе ѣдутъ по долинѣ Джинды-Дарьи. Изъ Фараба дорога есть, но чрезъ шахрисябское селеніе Шютъ, тоже на Джинды-Дарьѣ. Почитаніе туземцевъ основано на легендѣ, что одинъ святой человѣкъ, Хазретъ-Султанъ Ходжа Даудъ, спасался на этой горѣ и до сихъ поръ еще живетъ на ней.

Къ западу отъ Хиргазана лежатъ отроги Шумъ-Рахны, затѣмъ перевалы: Зиркакъ и Порданъ и горы Чакыль между ними. На сѣверѣ — Ульканъ-Тагъ, на востокѣ Дауричь. Въ образованной этими горами котловинѣ находятся невысокіе холмы, спускающіеся отъ главныхъ горъ. Особенно развиты холмы, идущіе отъ западныхъ горъ: они тянутся въ нѣсколько рядовъ, доходятъ до самой рѣчки и оканчиваются обнаженіями изъ разноцвѣтныхъ, преимущественно красныхъ глинъ, совершенно одинаковыми съ обнаженіями третичныхъ глинъ, столь распространенныхъ въ верхней части Заравшанской долины.

Между названными выше горами и холмами текутъ три рѣчки. Самая большая изъ нихъ, которую туземцы называютъ Магіанъ-Дарья, и которую я буду называть малый Магіанъ, вытекаетъ изъ подножія Хазретъ-султана и течетъ сначала по ущелью, между горами Бильга и Хиргазанъ. По выходѣ изъ ущелья, въ нее впадаетъ рѣчка Изямъ, берущая начало въ отрогахъ Шумъ-Рахны. Этотъ уголъ котловины я не успѣлъ посѣтить; въ общихъ чертахъ мое описаніе вѣрно, но можетъ быть оно впослѣдствіи дополнится важными подробностями. Далѣе малый Магіанъ направляется на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ Магіанъ-Дарью, нѣсколько ниже кургана. Третья рѣчка течетъ съ перевала Порданъ и впадаетъ въ главную рѣчку у с. Хурми. Далѣе отъ Магіанской крѣпости главная рѣчка нѣсколько измѣняетъ свое направленіе; она поворачиваетъ къ востоку и въ этомъ направленіи течетъ съ небольшимъ четыре версты. Послѣ этого она все болѣе и болѣе начинаетъ принимать направленіе на востокъ и предъ д. Гейзанъ течетъ уже прямо на востокъ, но пройдя это селеніе, рѣчка снова поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и наконецъ впадаетъ въ Шинъ. Сліяніе рѣчекъ называется у туземцевъ Дооба (двѣ воды); при соединеніи нѣкоторыхъ рѣчекъ находятся кишлаки, того же имени, напримѣръ, при впаденіи Баширъ-су въ Джинды-Дарью лежитъ

кишлакъ Дооба, но напрасно при соединеніи Магіана съ Шиномъ нѣкоторые, на основаніи распросовъ, помѣщаютъ тоже кишлакъ Дооба. Всѣ мои свѣдѣнія о рѣкѣ Шинъ, до ея соединенія съ Магіаномъ основаны на разсказахъ туземцевъ, а потому, по необходимости, весьма кратки.

Шинъ беретъ начало въ тѣхъ же горахъ, какъ и Магіанъ и до соединенія съ нею протекаетъ 50 верстъ. Въ началѣ онъ течетъ по весьма узкому и необитаемому ущелью и только на послѣднихъ 20 верстахъ есть площадки для поселеній. Именно въ 25 верстахъ начинаются озера или точнѣе—разливы рѣки, зависящіе отъ огромныхъ скалъ, преграждающихъ теченіе ея. Всѣхъ озеръ семь, почему они имѣютъ общее названіе Итыкуль. Нѣкоторыя изъ нихъ называются также Рашна-Куль и Кули-Маргузаръ, по имени селеній, находящихся вблизи. Величина озеръ, впрочемъ, ничтожная; самое большое изъ нихъ, второе, если идти вверхъ по рѣкѣ, не имѣетъ и версты въ длину. Въ этомъ мѣстѣ, по сторонамъ Шингскаго ущелья, судя потому, что я видѣлъ издали, съ горы Бильги и отъ Чарбака, возвышается нѣсколько снѣжныхъ пиковъ. Верстахъ въ пяти выше, до соединенія своего съ р. Магіанъ, Шинъ нѣсколько измѣняетъ направленіе своего теченія и именно, поворачиваетъ къ западу. Послѣ соединенія, рѣчка дѣлается значительно больше. Она, до самаго Костарача, на протяженіи слишкомъ трехъ верстъ, течетъ по узкому ущелью, у этого же селенія скалистыя горы оканчиваются и рѣка течетъ только между холмовъ, состоящихъ преимущественно изъ конгломератовъ. Нѣсколько выше Чарбака рѣка начинаетъ течь по широкой лощинѣ между отвѣсныхъ стѣнъ холмовъ и такой характеръ сохраняетъ до самой Суджаны, гдѣ соединяется съ Заравшаномъ.

Не смотря на значительное пространство Магіанскаго бекства, только весьма ничтожная часть его удобна для осѣдлой жизни: котловина около кургана, площадки по рѣкамъ Магіану, Шину и Гишъ-дарвару и лощина рѣки, когда она начинаетъ течь по холмистой степи. Недостатокъ удобныхъ земель такъ великъ, что магіанцы отправляются для посѣва полей въ сосѣднее Фарабское бекство, богатое плодородными землями. Въ связи съ недостаткомъ земель, находится небольшое число деревень, изъ которыхъ нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ только 3 — 4 дома. Вотъ списокъ населенныхъ мѣстъ Магіанскаго бекства:

1) *Магіанъ*; вблизи его, на холмѣ находится крѣпость, служившая пребываніемъ беку. Деревня расположена на лѣвомъ берегу р. Магіана, при впаденіи въ нее малаго Магіана. Жители увѣряютъ и предостерегали насъ, что вода изъ большой рѣчки производитъ лихорадку. Всего вѣроятнѣе, что лихорадка происходитъ отъ многихъ заливовъ стоячей воды и

отъ болотъ, образуемыхъ малымъ Магіаномъ, который не доходитъ до большой рѣчки, разливаясь на ея плоскомъ берегу.

Не смотря на то, что Магіанъ былъ центральнымъ пунктомъ трехъ бекствъ, видъ его ничѣмъ не отличается отъ другихъ бѣдныхъ кишлаковъ. Въ немъ нѣтъ не только базара, но даже ни одной лавочки. Мечеть— самая простая, глиняная мазанка. Лучшія мечети находятся въ крѣпости; ихъ двѣ: для будничной молитвы и намазная. Обѣ мечети уцѣлѣли отъ пожара и жители просили разрѣшенія перенести ихъ въ деревню, потому что хотя до крѣпости не болѣе 200 шаговъ, но дорога зимой сильно заносится снѣгомъ.

Вблизи Магіана находятся еще три небольшія деревни, заселенныя переселенцами изъ ближнихъ бекствъ: Кштута и Фана, почему и деревни получили названіе Кштути и Фани. Происхожденіе же названія третьей деревни, Кишлакъ, я не могъ получить. Меня увѣряли, что это названіе въ данномъ случаѣ не есть нарицательное *), но обозначаетъ извѣстную общину. Сады и поля этихъ деревень, обозначаемыхъ также общимъ, собирательнымъ именемъ *Магіанъ*, разбросаны на всемъ обширномъ пространствѣ.

2) *Хурми*, лежитъ при впаденіи въ Магіанъ небольшой рѣчки; выше по ней находится:

3) *Соръ*.

4) *Гейзанъ*, лежитъ на правомъ берегу Магіана, при небольшомъ ключѣ, въ двухъ группахъ — верхній (Бала-Гейзанъ) и нижній (Паянъ-Гейзанъ).

5) *Haучамакъ*, противъ сліянія Магіана съ Шиномъ; на высокой горѣ лѣваго берега находится небольшое поселеніе изъ 4 домовъ, основанное нѣсколько лѣтъ тому назадъ 84-лѣтнимъ Нурали, токсабой (полковникомъ) бухарскаго эмира. Онъ поселился тамъ съ своими родственниками, обработываетъ землю, развелъ сады и изрѣдка только является въ Магіанъ.

6) *Костарашъ*, при выходѣ Магіанъ-Дарьи изъ скалистаго ущелья. Кишлакъ и часть садовъ лежитъ у горы и получаетъ воду изъ ключей. Остальные сады лежатъ у самой рѣки.

7) *Фильмандаръ*, верстахъ въ трехъ ниже.

8) *Чарбакъ*, большое селеніе въ широкой лощинѣ, по которой течетъ Магіанъ-Дарья, всего въ восьми верстахъ отъ ея впаденія въ Заравшанъ.

---

*) Кишлакомъ называется всякая деревня.

Остальные кишлаки, за исключеніемъ Андара, лежатъ на р. Шинъ и ея притокахъ. Первый кишлакъ на Шинѣ.

9) *Вагитанъ*, въ 4 верстахъ отъ соединенія рѣкъ. Верстахъ въ шести далѣе лежитъ

10) *Шинъ*, очень большой кишлакъ изъ сотни домовъ, расположенныхъ по обѣимъ берегамъ рѣки. Здѣсь жилъ долгое время каляндарь Ишикъ-баши, которому эмиръ поручилъ управленіе всѣми шингскими землями. Съ приходомъ Гуссейнъ-бека, каляндарь остался подчиненнымъ ему правителемъ, по смерти же его, годъ тому назадъ, шингскіе кишлаки стали управляться просто аксакалами. Кургана въ Шинѣ не было, поставлена была только небольшая топъ-хана (башня), но она не была вооружена и скоро разрушилась.

11) *Рашна*, другой большой кишлакъ, въ 70 домовъ, верстахъ въ 8 отъ Шина.

Далѣе Рашны есть только небольшія поселенія изъ 2—3 домовъ.

12) *Патрутъ*.

13) *Нафинъ*.

14) *Маргузаръ*.

Эти кишлаки лежатъ вблизи упомянутыхъ озеръ и составляютъ крайніе южные пункты осѣдлости въ Шинской долинѣ.

На небольшой рѣчкѣ, впадающей въ Шинъ, находится въ горахъ, на разстояніи 12 верстъ

15) *Гишъ-дарваръ*, селеніе изъ 70 домовъ; на сѣверъ отъ него въ 12 верстахъ, за переваломъ Карабель, лежитъ

16) *Андаръ*, на небольшой рѣчкѣ.

Всѣхъ жителей въ этихъ кишлакахъ, по словамъ Сеидъ-бека, до 3,000, и именно въ магіанскихъ 2,000 и шингскихъ — до 1,000. Къ послѣднимъ, кромѣ лежащихъ въ бассейнѣ Шина, принадлежитъ Фильмандаръ, лежащій между магіанскими землями. Вѣроятно онъ былъ основанъ выходцами изъ Шина.

Жители магіанскаго бекства всѣ таджики.

Перечислю главнѣйшія дороги. Одна дорога изъ Фарапа уже описана выше, другая ведетъ на перевалъ Порданъ, лежащій нѣсколько сѣвернѣе; дорога эта выходитъ на селеніе Соръ. Перевалъ Порданъ интересенъ еще тѣмъ, что чрезъ него идетъ дорога въ Ургутъ, минующая Фарабъ, и именно: тропинка, упомянутая выше при описаніи Сангы-Джуманскаго перевала, перейдя гору, идетъ по склону ея и направляется на Порданъ. Эта дорога нѣсколько короче, чѣмъ путь черезъ Фарабъ и Зиркакъ.

Важнѣйшей для Магіана дорогой слѣдуетъ признать дорогу въ Пянджикентъ. За неимѣніемъ собственнаго базара, Пянджикентъ является для

магіанцевъ важнымъ торговымъ центромъ, гдѣ они сбываютъ свои произведенія и покупаютъ хлѣбъ. Къ тому же эта дорога проходима во всякое время года, и только въ срединѣ зимы на перевалѣ Вачехна накопляется много снѣга и проходъ прекращается дня на 4 — 5, пока снѣгъ стаетъ.

Изъ Магіана дорога идетъ сначала лѣвымъ берегомъ рѣки, но при концѣ селенія переходитъ на правый берегъ. Я переѣхалъ рѣку въ бродъ, но есть на ней и маленькій мостикъ для вьюковъ иословъ и для лѣтняго времени, когда въ рѣкѣ много воды. Впрочемъ, можно и далѣе ѣхать лѣвымъ берегомъ до Хурми. Правымъ берегомъ дорога идетъ по весьма ровной мѣстности. Вправо отходитъ дорога въ Шинъ и Гейзанъ. По правому берегу дорога идетъ недолго и переходитъ на лѣвый, слѣдуя всѣми изгибами рѣки, проходитъ мимо Гейзана и сѣвернѣе его переходитъ бродомъ опять на правый берегъ и поднимается на гору Вачехна. Самая рѣчка течетъ въ этомъ мѣстѣ по очень узкому, скалистому ложу и весьма стремительно. Спускъ съ Вачехны въ одномъ только мѣстѣ немного крутъ, но все таки вполнѣ удобенъ. Вскорѣ послѣ спуска пріѣзжаютъ къ мостику на р. Шинъ, при ея впаденіи въ Магіанъ. Далѣе дорога до самого Костараша идетъ узкимъ ущельемъ, по правому берегу быстрой и глубокой рѣки. У Костараша она выходитъ на болѣе открытое мѣсто, и мимо селенія Фильмандаръ доходитъ до Чербака. Здѣсь по мостику переходитъ на лѣвый берегъ и, пройдя по лощинѣ еще версты двѣ, поднимается наверхъ и идетъ уже по открытой, степной мѣстности на селеніе Суфіанъ. Здѣсь дорога соединяется съ арбяной дорогой на Суджану.

Другая, болѣе прямая дорога (около 30 верстъ, тогда какъ предыдущая дорога не менѣе 40) идетъ черезъ перевалъ Кухи-Чинаръ прямо на Пянджикентъ. Но эта дорога проходима только лѣтомъ, и то почти для однихъ ословъ.

Кромѣ упомянутой дороги въ Шинъ, другая идетъ вдоль рѣчки Шинъ отъ ея устья.

Въ Кштутъ самая употребительная и удобная дорога идетъ черезъ Костарашъ. Здѣсь она отдѣляется отъ описанной выше дороги и поворачиваетъ на пянджикентскій кишлакъ Худжа-Магометъ-Башара-Мазаръ, а далѣе идетъ на кштутскій кишлакъ Зауранъ. Изъ Шина ѣздятъ также чрезъ Гишъ-Дарваръ, перевалъ Карабель, кишлаки Андаръ и Зауранъ.

Изъ Магіана можно проѣхать въ Кштутское бекство еще одной дорогой, хотя и весьма трудной. Эта дорога отъ Магіана сначала идетъ на югъ, вдоль р. Магіанъ до подошвы выше описанной горы Вачехны, здѣсь по мостику переходитъ на лѣвый берегъ и по лощинѣ подымается на перевалъ Чаррага, оттуда спускается къ селенію Рашна, переходитъ чрезъ

р. Шинъ и по ущелью противъ Насрута поднимается на перевалъ Ангари-Машъ; отсюда дорога спускается къ рѣчкѣ Вору, по ущельямъ Арчамайданъ и Сармать.

Изъ Магіана есть дорога въ Гиссарскія владѣнія, идущія по ущелью Магіанъ-Дарьи; перевалъ чрезъ водораздѣлъ очень труденъ, спускаются съ него къ гиссарскому кургану Сери-Джуй. Изъ Шина тоже есть дорога въ Гиссаръ черезъ перевалъ Сиби-Сурхъ, оттуда она направляется на кишлакъ Ховатъ. Но оба эти пути весьма затруднительны по трудности переваловъ и дурному состоянію дорогъ въ узкихъ ущельяхъ, заваленныхъ огромными обломками скалъ. Вслѣдствіе этого, они почти исключительно служатъ для прогона скота, для закупки котораго гиссарскіе торговцы пріѣзжаютъ въ Магіанъ. Напротивъ, дорога изъ Кштута по ущелью р. Вору, черезъ двойной перевалъ Дугданъ, выходящая на гиссарское селеніе Каратагъ описывается какъ весьма удобная и служитъ для поѣздокъ на базаръ въ Башъ-Гиссаръ (главный городъ Гиссарскаго бекства), гдѣ кштутцы покупаютъ хлѣбъ.

Перехожу теперь къ занятіямъ жителей. Я сказалъ уже, что земледѣліе, вслѣдствіе недостатка удобныхъ земель, весьма незначительно, собираемаго хлѣба далеко недостаточно для прокормленія населенія, не смотря на значительное количество закупаемаго на пянджикентскихъ базарахъ, бѣднѣйшая часть населенія вынуждена въ теченіи зимы питаться корнемъ татина, къ употребленію котораго въ послѣдніе годы прибѣгаетъ большая часть населенія.

Татинъ — растеніе изъ семейства крестоцвѣтныхъ, съ огромными лопастными листьями. Корень его достигаетъ длины болѣе полуаршина и до вершка въ діаметрѣ; жители или пекутъ его свѣжій, или высушенный, толкутъ въ порошокъ и дѣлаютъ лепешки. Я пробовалъ его печеный; приготовленный въ этомъ видѣ, онъ напоминаетъ вкусомъ брюкву, но только очень богатъ твердыми деревянистыми волокнами.

Главный хлѣбъ, засѣваемый магіанцами — пшеница, частію ляльми (безъ орошенія) частію оби (поливаемая изъ арыковъ); затѣмъ сѣютъ: ячмень, просо, ленъ и горохъ (нахутъ). Въ с. Чарбакѣ, который лежитъ уже внѣ горъ, сѣютъ рисъ. Урожай самъ 8—10. Весьма солиднаго развитія достигаютъ въ Магіанѣ: скотоводство и лѣсной промыселъ. Горы даютъ лѣтомъ достаточную пищу огромнымъ стадамъ барановъ и козъ. Кромѣ мѣстныхъ стадъ, туда гоняютъ на пастьбу стада также и многіе жители Пянджикента и другихъ мѣстностей Заравшанскаго округа *).

*) Считаютъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ въ Магіанскомъ и Кштутскомъ бекствѣ ходило нашихъ барановъ до 5,000 головъ.

Лѣсной промыселъ отчасти встрѣчаетъ препятствіе для своего развитія, какъ въ характерѣ горъ, такъ и въ трудности доставки.

По здѣшнимъ понятіямъ, Магіанское ущелье нужно назвать богатымъ древесною и кустарною растительностію. Нѣкоторые кустарники растутъ преимущественно около рѣки, окаймляя ее часто довольно широкой полосой; здѣсь растутъ: барбарисъ съ красными ягодами (кизилъ-зиркъ), нѣсколько видовъ боярышника и нѣкоторые другіе кусты; изъ деревьевъ: береза, два вида ясеня, дикая груша, тополь.

По склонамъ горъ растутъ два вида клена, миндаль обыкновенный и колючій, можжевельникъ, горный иргай, кустарники: чакка и харъ-чакка, разные шиповники и проч.

Деревья нигдѣ не растутъ по склону горъ сплошь, не образуютъ рощъ, а располагаются отдѣльными экземплярами, довольно далеко другъ отъ друга. Это общій характеръ здѣшнихъ горныхъ лѣсовъ, если ихъ можно назвать этимъ именемъ. Только на урочищѣ Турушъ-Дара и ближайшихъ ущельяхъ, въ Кштутскомъ бекствѣ, я видѣлъ довольно густой лѣсъ высокихъ можжевельниковъ. Вслѣдствіе такой разсѣянности деревьевъ, а еще болѣе вслѣдствіе неприступности горныхъ склоновъ, рубка можжевеловыхъ деревьевъ, доставляющихъ строевой лѣсъ, весьма затруднительна. Доставка также неудобна. Рѣка слишкомъ быстра и порожиста и деревья приходится вывозить изъ горъ на лошадяхъ и ослахъ и дѣлать изъ нихъ плоты уже на Заравшанѣ. Пянджикентъ служитъ, кажется, главнымъ базаромъ для магіанскаго лѣса. Цѣна двухсаженнаго можжевельнаго бревна, имѣющаго въ отрубѣ до 5 вершковъ, — около 50 коп. По Заравшану плоты идутъ въ Самаркандъ и преимущественно — въ Бухару. Сплавляемый лѣсъ оплачивается небольшою пошлиною.

Можжевельники, непригодные для построекъ, везутъ на базаръ, какъ дрова, и наконецъ изъ нихъ въ большемъ количествѣ выжигается уголь на мѣстѣ. Обжиганіе углей, какъ промыселъ, весьма развито въ магіанскихъ горахъ и исключительно тамошнимъ углемъ снабжаются всѣ мастерскія и кузницы Самарканда.

Другія деревья и кустарники также везутся на базары и идутъ на разныя подѣлки.

Жители Магіана занимаются также приготовленіемъ маты; въ четырехъ селеніяхъ дѣлаютъ гвозди съ большими шляпками, для подбивки туземныхъ калошъ, наконецъ изъ бараней шерсти ткутъ матерію для халатовъ и приготовляютъ въ большомъ количествѣ капы (мѣшки для хлѣба) и коржуны (переметныя сумы). Охота развита не сильно; стрѣляютъ, впрочемъ, довольно много горныхъ козловъ. Гораздо богаче звѣрями Кштутское

бекство; тамъ водятся: горные козлы, кабаны, зайцы, медвѣдь, выдра, куница, волкъ, куланъ и барсъ.

Рыбой Магіанъ-Дарья бѣдна; здѣсь преобладаетъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Заравшанскаго бассейна, маринка. Она была также встрѣчена и въ Фарабской рѣкѣ, принадлежащей къ бассейну Кашка-Дарьи.

О третьей составной части магіанскихъ владѣній — Кштутскомъ бекствѣ, свѣдѣнія мои весьма бѣдны. Хотя я и былъ въ Кштутѣ, но при условіяхъ, весьма неблагопріятныхъ для наблюденій и работъ.

Собственно Кштутомъ называется только курганъ, гдѣ жилъ бекъ со своими джигитами; полное его имя Калеи-Кштутъ, т. е. крѣпость Кштутскаго государства; кругомъ его лежатъ три кишлака: Зиръ-Гиссаръ, Сери-Кулоли, Нигнатъ. Три кишлака: Пянджрутъ, Артучь и Мадора лежатъ по р. Артучь; другія селенія слѣдующія:

Порбинъ. Пагна. Зинтутъ. Винъ или Вингамъ. Гуйтанъ. Газза. Вору.	Вверхъ по р. Вору. Гуйтанъ въ боковомъ небольшомъ ущельѣ, противъ Вина. Вору — очень большой кишлакъ; отсюда три таша до перевала въ Гиссаръ.
Чашкатъ. Турджинъ.	Внизъ по р. Кштутъ *). Турджинъ при впаденіи ея въ Заравшанъ.
Огиляконъ. Зауранъ. Варзиканда.	Въ предгорьяхъ, на небольшой рѣчкѣ, текущей съ перевала Карабель.

Общее число домовъ — до 1,000. Жители всѣ таджики, и только въ Турджинѣ и Огиляконѣ узбеки (рода Кальтатай).

Изъ изложеннаго очерка видно, что всѣ эти земли, за исключеніемъ развѣ небольшаго фарабскаго клочка, представляются весьма бѣдной горной страной.

Чтобы еще лучше охарактеризовать ихъ бѣдность, я скажу нѣсколько словъ о сборахъ со всѣхъ этихъ трехъ бекствъ:

Въ Фарабѣ и Магіанѣ собирается хераджъ въ размѣрѣ $1/_5$ части урожая полевыхъ произведеній, въ Кштутѣ же существуетъ особый сборъ, *кошъ-пуллъ*. Только въ деревнѣ Огиляконъ собирается не кошъ-пулла, а хераджъ (10 батмановъ). Послѣдній сборъ нѣсколько отличенъ отъ

*) Рѣка Кштутъ образуется отъ сліянія близъ Кштутскаго кургана рѣки Вору съ Артучью.

одноименнаго сбора, существующаго въ Заравшанскомъ округѣ, гдѣ кошемъ называютъ извѣстное число танаповъ. Въ Кштутѣ кошемъ называютъ просто количество земли, обработываемое однимъ хозяиномъ, и разбросанное площадками по удобнымъ мѣстамъ. Каждый кошъ платитъ тамъ четыре рубля, всего же сбора кошъ-пулля, по словамъ Шады-бека, получается 1,025 р. Къ этому слѣдуетъ прибавить 40 р. хераджнаго сбора въ Огиляконѣ. Такимъ образомъ доходъ Кштутскаго бекства составляетъ всего 1,065 руб.

Въ Магіанѣ, включая и Шинъ, хераджный сборъ не превышаетъ 200 батмановъ, что по средней цѣнѣ, четыре рубля за батманъ, составитъ 800 руб.

Въ Фарабѣ цифры сбора колеблются, смотря по цѣнѣ на хлѣбъ на ургутскомъ базарѣ. Въ нынѣшнемъ году цѣна дошла до шести рублей за батманъ, въ прошломъ же году была 4 р. 40 к.; средней цѣной мнѣ назвали 4 р. При этой цѣнѣ хераджный сборъ въ Фарабѣ дастъ 2,000 р. Всего такимъ образомъ сборъ съ трехъ бекствъ составитъ 3,865 р.

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще сборъ за барановъ (саваимъ-зякетъ). О количествѣ этого сбора нельзя было получить опредѣлительныхъ свѣдѣній, такъ какъ онъ производился людьми, назначавшимися прямо отъ бека; но по словамъ людей знающихъ, онъ едва ли во всѣхъ трехъ бекствахъ превышалъ 2,200 р. Эту цифру нужно еще уменьшить, такъ какъ въ нее входитъ дополнительный сборъ въ пользу бека, со стадъ жителей Заравшанскаго округа, уже оплатившихъ зякетъ русскому зякетчи. Считая 2,500 головъ барановъ, принадлежащихъ мѣстному населенію, мы получимъ всего зякетнаго сбора 1,875 руб., что съ хераджнымъ сборомъ (3,865 р.) составитъ 5,740 рублей *).

А. Федченко.

---

*) Сообщенный расчетъ сдѣланъ для нормальнаго года; въ такой же, каковъ былъ прошлый, конечно сборы съ однѣхъ фарабскихъ земель дадутъ больше всей исчисленной цифры.

Краткія историческія замѣтки о бывшихъ бекствахъ: Ургутскомъ, Магіанскомъ, Фарабскомъ и Кштутскомъ.

По показаніямъ туземцевъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ, съ южныхъ окраинъ Россіи въ глубь Средней Азіи перекочевало большое число узбековъ. Узбеки эти, раздѣлявшіеся на многіе роды,—изъ числа которыхъ и въ настоящее время насчитываютъ 92 рода,—селились въ разныхъ свободныхъ мѣстахъ и управлялись — или каждый родъ самостоятельно, или по нѣсколько родовъ соединялись вмѣстѣ.

Узбекскій родъ «Мынъ» избралъ мѣстомъ своего жительства мѣстность, гдѣ въ настоящее время расположенъ Ургутъ и управлялся беками изъ своего рода. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе увеличенія населенія и недостатка мѣста, родъ Мынъ распространился далѣе къ югу и занялъ нынѣшнія земли Фараба, Магіана и Кштута. Впослѣдствіи въ Магіанѣ и Кштутѣ избирались особые беки, но тѣмъ не менѣе мѣста эти всегда принадлежали къ Ургуту и беки остальныхъ земель всегда признавали ургутскаго бека за старшаго. Фарабъ управлялся нераздѣльно съ Ургутомъ, бекомъ этого послѣдняго.

Первые беки, избираемые постоянно изъ рода Мынъ, были предки послѣднихъ бековъ этихъ земель: Хуссейна, Шады и Сеидъ-бековъ. Бекская власть, переходя преемственно, отъ отца къ сыну, лѣтъ около 80 тому назадъ, перешла въ руки Юлдашъ-парманачи, прадѣда Гуссейна, Сеидъ и Шады-бековъ. Юлдашъ-парманачи управлялъ Ургутомъ, а бекства Магіанское и Кштутское поручилъ вѣдѣнію своего сына Султанъ-бека.

Въ Бухарѣ въ это время царствовалъ дѣдъ настоящаго эмира, Сеидъ-Музафара, Миръ-Хайдаръ. Собирая подъ свою власть окрестныя владѣнія, Миръ-Хайдаръ, спустя два или три года по своемъ вступленіи на престолъ, подчинилъ своей власти и Ургутъ, захватилъ Юлдаша-парманачи и отправилъ его въ Бухару,—гдѣ этотъ послѣдній и умеръ въ заточеніи. Съ занятіемъ Ургута, Магіанъ и Кштутъ подчинились также власти бухарскаго эмира; одинъ изъ сыновей Юлдаша-парманачи, Катта-

бекъ бѣжалъ въ Шааръ *), владѣнія котораго были тогда самостоятельными отъ Бухары.

Спустя нѣсколько времени въ Бухарѣ начались безпорядки: туркмены и другіе, болѣе сильные роды, отложились отъ Миръ-Хайдара. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Катта-бекъ, бывшій въ Шаарѣ, вышелъ въ Ургутъ и занялъ мѣсто отца, а въ Магіанъ и Кштутъ опять посадилъ бекомъ уже бывшаго тамъ, своего брата Султанъ-бека. Успокоивъ волненіе въ ханствѣ, Миръ-Хайдаръ снова подчинилъ Ургутъ своей власти, а Катта-бекъ опять принужденъ былъ бѣжать въ Шааръ. Вскорѣ послѣ этого, возстанія противъ Миръ-Хайдара повторились; въ числѣ возмутившихся, кромѣ туркменъ, были ура-тюбинцы, джизакцы, китай-кипчаки и другіе. Ургутскій бекъ Катта-бекъ, соединившись съ шахрисябскимъ бекомъ Даніаромъ, рѣшился воспользоваться смутнымъ временемъ и занять Самаркандъ. Волненіе было сильное, но Миръ-Хайдаръ успѣлъ его подавить и на этотъ разъ. Склонивъ разными обѣщаніями на свою сторону туркменъ, Миръ-Хайдаръ, при ихъ содѣйствіи, двинулся съ сильнымъ войскомъ къ Самарканду, занялъ Кермине, Чилекъ, усмирилъ китай-кипчаковъ и прибылъ въ Самаркандъ, откуда намѣренъ былъ двинуться къ Ургуту.

Катта-бекъ, боясь мщенія Миръ-Хайдара и желая сохранить за собою управленіе Ургутомъ, прислалъ въ Самаркандъ посольство, съ изъявленіемъ покорности, и чтобы скрѣпить миръ, предложилъ свою дочь въ жены старшему сыну Миръ-Хайдара—Насруллѣ, будущему грозному эмиру Бухары. Миръ-Хайдаръ принялъ предложеніе Катта-бека и этотъ послѣдній остался бекомъ Ургута, въ подчиненіи Бухары. Въ это время умеръ Султанъ-бекъ, бекствовавшій въ Магіанѣ и Кштутѣ и на его мѣсто Катта-бекъ назначилъ своего сына Аллаяра-датху, отца Сеидъ-бека.

По смерти эмира Миръ-Хайдара и со вступленіемъ на бухарскій престолъ эмира Насруллы, Катта-бекъ, тесть эмира, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, постарался выговорить себѣ болѣе прочныя права на Ургутъ и убѣдилъ Насруллу выдать ему грамоту на то, чтобы Ургутъ, съ принадлежащими къ нему бекствами, управлялся постоянно беками изъ рода Катта-бека. Просимая грамота была выдана и на основаніи ея, по смерти Катта-бека, управленіе Ургутомъ перешло къ Адиль-дахтѣ, старшему сыну Катта-бека. (Адиль-датха отецъ Хуссейна и Шады-бековъ).

Во время продолжительнаго, тридцати шести лѣтняго царствованія эмира Насруллы, беки: ургутскій и магіанскій продолжали сидѣть спо-

---

*) Главный городъ владѣнія Шахрисябзъ.

койно на своихъ мѣстахъ. Не задолго передъ своею смертію, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ причинъ, Насрулла прислалъ приказаніе самаркандскому беку, Ибрагиму-парманачи, вызвать Адиль и Аллаяръ-датху въ Самаркандъ, захватить ихъ и отправить въ Чарджуй; приказаніе это было исполнено. Беки, со всѣми ихъ семействами, выселены въ Чарджуй, гдѣ вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій, большая часть изъ нихъ вымерла; въ живыхъ остались только трое: Хуссейнъ, Шады и Сеидъ-беки. Ургутомъ и Магіаномъ, съ увозомъ оттуда потомковъ Катта-бека, управляли беки, по назначенію эмира и дѣла продолжали такъ идти, въ послѣднее время царствованія Насруллы и въ первые годы управленія его сына, нынѣшняго эмира Музафара.

Изъ оставшихся въ живыхъ потомковъ Катта-бека, въ Чарджуѣ продолжали жить только Шады и Сеидъ-беки. Хуссейнъ-беку, вскорѣ по ссылкѣ, удалось бѣжать въ Коканъ, гдѣ онъ и оставался до 1864 года, когда взятіе эмиромъ Музафаромъ Кокана заставило его искать убѣжища въ Китабѣ, у Джура-бія.

Живя въ Китабѣ, Хуссейнъ-бекъ присматривался къ борьбѣ эмира съ русскими и ожидалъ удобнаго случая занять свои прежнія родовыя владѣнія. Случай этотъ вскорѣ представился, когда славное дѣло на Чапанъатинскихъ высотахъ отдало Самаркандъ русской власти. Испуганные этимъ грознымъ примѣромъ, беки, управлявшіе Ургутомъ и Магіаномъ, бѣжали и Хуссейнъ-бекъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, немедленно прибылъ изъ Китаба въ Ургутъ и занялъ мѣсто своего отца, Адиля-датха. Недолго пришлось Хуссейнъ-беку бекствовать въ Ургутѣ; вскорѣ по занятіи Самарканда, русскія войска, послѣ упорнаго сопротивленія, взяли Ургутъ и Хуссейнъ-бекъ принужденъ былъ бѣжать въ Магіанъ, гдѣ и оставался до присоединенія этихъ послѣднихъ земель въ 1870 году къ русской территоріи.

Не задолго до занятія Хуссейнъ-бекомъ Ургута, въ Китабъ прибыли изъ Чарджуя, остававшіеся тамъ Шады и Сеидъ-беки, и узнавъ объ успѣхѣ своего брата, явились къ нему въ Ургутъ. Послѣ бѣгства изъ Ургута, Хуссейнъ-бекъ поручилъ Шады-беку управленіе Кштутомъ, а Сеидъ-беку—Фарабомъ.

Замѣтки о Когистанѣ.

I.

Нагорныя бекства Заравшанскаго округа.

Къ юго-западу отъ Самарканда, въ горахъ, окружающихъ верховья р. Заравшана и отдѣляющихъ бассейнъ Сыръ-Дарьи отъ бассейна Аму-Дарьи, находится горная страна Когистанъ, которую посѣтили въ прошломъ году двѣ экспедиціи: искандеркульская и шахрисябзская. Результатомъ этой экспедиціи было ознакомленіе со страною, уничтоженіе власти бековъ: Патча-ходжи, Шады-бека, Гусейнъ-бека и Сеидъ-бека, и сверхъ того присоединеніе трехъ бекствъ: Кштутскаго, Магіанскаго и Фарабскаго къ Самаркандскому отдѣлу. Причина, которая побудила предпринять искандеркульскую экспедицію, была анархія, господствовавшая въ бекствахъ верховьевъ Заравшана.

До завоеванія Самарканда въ маѣ 1868 года, бекства эти были подъ властью своихъ сосѣдей и рѣдко жили самостоятельною жизнью; бекства: Матчинское и Ягнобское, какъ ближайшія къ Каратегину, были весьма часто подъ вліяніемъ и властію послѣдняго; бекства Фанское и Фальгаръ находились подъ вліяніемъ то ура-тюбинскихъ бековъ, то бековъ гиссарскихъ или самаркандскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ они подчинялись бухарскимъ эмирамъ; эмиры, какъ самые сильные владѣтели Средней Азіи, подчиняя себѣ верховья Заравшана, возстановляли тамъ спокойствіе и вносили въ край нѣкоторый порядокъ. Но при малѣйшихъ неурядицахъ въ ханствѣ и военныхъ неудачахъ эмира, въ тѣхъ краяхъ начинались безпорядки, часто приводившіе страну къ полной анархіи. Анархія эта достигла наибольшаго развитія въ 1868, 1869 и въ началѣ 1870 г. Бекства въ этотъ короткій промежутокъ времени подчинялись то Каратегину, то Гиссару, то кштутскому беку, то выбирали своего собственнаго. Матча призвала къ себѣ бекомъ племянника каратегинскаго владѣтеля, Рахимъ-хана; Фальгаръ бывшаго ура-тюбинскаго бека, Абдулъ-Гафара; этому послѣднему подчинились Фанъ и Ягнобъ.

Казалось бы, страна должна была успокоиться, на самомъ же дѣлѣ этого не случилось: Рахимъ-ханъ, вообразивъ себя сильнымъ, завоевалъ Фальгаръ, изгналъ Абдулъ-Гафара, разбилъ на голову кштутскаго бека, котораго пригласили фальгарцы, взамѣнъ бѣжавшаго въ Шахрисябзъ Гафара и предпринялъ походъ въ Гиссаръ. Предпріятіе это кончилось тѣмъ, что Рахимъ-ханъ долженъ былъ лишиться всѣхъ своихъ земель. Матчинцы выбрали бекомъ своего соотечественника, командира сотни джигитовъ, Патча-ходжу. Этотъ послѣдній совершенно раззорилъ Фальгаръ и привелъ страну въ полное отчаяніе; многіе изъ жителей бѣжали въ Самаркандъ, ища себѣ тамъ защиты....

Безпорядки въ бекствахъ отражались весьма невыгодно на нашихъ границахъ. Извѣстно, что въ іюнѣ 1868 г., при осадѣ Самарканда, вмѣстѣ съ шахрисябзцами были многіе изъ жителей Ургута, Пянджикента, Кштута, Магіана и Фальгара. Абдулъ-Гафаръ принималъ также въ осадѣ дѣятельное участіе. Пограничные наши кишлаки, какъ уратюбинскаго раіона, такъ и санзарской долины часто подвергались также нападеніямъ разбойниковъ, которые выходили изъ Когистана *).

Анархію эту надо было во что бы то ни стало прекратить. Это была главная причина, которая, какъ сказано выше, вызвала искандеркульскую экспедицію. Сверхъ того имѣлось въ виду изслѣдовать въ научномъ отношеніи верховья Заравшана и въ особенности его истоки.

Во время посѣщенія Когистана искандеркульскою экспедиціею, генералъ-маіоръ Абрамовъ, уничтоживъ власть бековъ въ Матчѣ, Фальгарѣ, Фанѣ и Ягнобѣ, оставилъ страну подъ управленіемъ казіевъ, аминей и аксакаловъ, объявивъ всѣмъ жителямъ, что со дня прихода нашего отряда въ ихъ земли, въ теченіи всего 1870 г., съ нихъ не будутъ взыскиваться подати, которыя собирались въ бековскую казну. Объявляя это съ разрѣшенія генералъ-губернатора, генералъ Абрамовъ имѣлъ въ виду даровать имъ временную льготу, съ тѣмъ, чтобы они могли нѣсколько оправиться отъ раззореній, которыя претерпѣли въ 1868 и 1869 годахъ. Всѣ кишлаки, находящіеся въ Матчѣ, Фальгарѣ, Ягнобѣ и Фанѣ считали съ тѣхъ поръ русскихъ своими владыками и присылали часто къ генералу Абрамову своихъ людей для рѣшенія различныхъ вопросовъ.

Имѣя въ виду поддержать нашу власть въ названныхъ земляхъ, для того, чтобы быть увѣреннымъ за спокойствіе юго-восточной части Заравшанскаго округа, генералъ-маіоръ Абрамовъ ходатайствовалъ предъ генералъ-губернаторомъ о разрѣшеніи объявить жителямъ означенныхъ земель,

---

*) Когистанъ—горная страна; его составляетъ: Матча, Фальгаръ, Фанъ и Ягнобъ.

что отнынѣ они навсегда должны считаться находящимися подъ покровительствомъ Россіи, и что никто изъ сосѣдей ихъ: ни Коканъ, ни Каратегинъ, ни Гиссаръ не должны имѣть на ихъ земли никакого притязанія.

Такъ какъ одно это объявленіе было бы недостаточно для того, чтобы жители дѣйствительно признавали нашу власть, то найдено возможнымъ обложить ихъ небольшою податью, которую бы собирали амини и аксакалы, получившіе отъ русскаго правительства ярлыки. Ставить какой либо гарнизонъ въ нагорныя земли, признано излишнимъ.

Сообщаемъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о Когистанѣ, собранныя во время искандеркульской экспедиціи и провѣренныя въ Самаркандѣ дополнительными разспросами.

Во всѣхъ четырехъ бекствахъ верховій названной рѣки находится 121 кишлакъ, въ нихъ считается 6,445 домовъ, 32,225 жителей, полагая въ каждомъ домѣ 5 человѣкъ.

Административная единица въ каждомъ бекствѣ считалась *сада*; эти сада по бекствамъ распредѣляются такъ:

1) Фальгаръ. . . . . три сада.

1-я сада.	10 кишлаковъ,	990 домовъ,	4,950 жителей.
2-я »	12 »	713 »	3,565 »
3-я »	7 »	1,076 »	5,380 »
Всего въ Фальгарѣ .	29 »	2,779 »	13,890 »

2) Матчинское бекство раздѣляется на три сада; въ нихъ 36 кишлаковъ, 1,877 домовъ, 9,385 жителей.

3) Фанское бекство — три сада.

1-я сада	6 кишлаковъ,	220 домовъ,	1,100 жителей.
2-я »	9 »	197 »	985 »
3-я »	15 »	491 »	2,455 »
Всего въ Фанѣ . . .	30 »	908 »	4,540 »

4) Ягнобское бекство раздѣляется на три сада; въ нихъ 27 кишлаковъ, 881 домъ, 4,405 жителей.

Во всѣхъ 12 сада состоитъ 161 мечеть, имѣющія каждая свои вакуфы, и 72 училища.

По показаніямъ жителей, цифра хераджа доходитъ 5,212 р. 40 к. *).
и цифра зякета . . . . 3,432 » (считая барана въ 3 р.) **).

*) Съ кишлака Вишкента, въ коемъ 100 домовъ, величина собираемаго хераджа неизвѣстна; точно также нельзя опредѣлить величину хераджа съ кишлака Хайрабатъ.

**) Зякетъ съ кишлака Хайрабатъ и Зариватъ неизвѣстенъ.

Податей кошпульной и танапной предполагается не собирать, подобно тому, какъ онѣ и до сего времени не собирались.

Если ограничиться тѣми размѣрами податей, которые выше были показаны, то, со всѣхъ 12 сада верховій Заравшана, ежегодно будетъ поступать въ казну 8,744 р. 40 коп., т. е. съ каждаго двора по 1 р. 20 коп., а съ души 27 коп. Такой налогъ будетъ совершенно необременителенъ для населенія.

Для вознагражденія же аминей, которые должны будутъ собирать отъ аксакаловъ подати и высылать ихъ въ Самаркандъ, введенъ, съ разрѣшенія г. генералъ-губернатора, особый налогъ на каждый домъ, въ размѣрѣ по 30 к. съ дома.

Такимъ образомъ амини Фальгара получатъ:

1-я сада	. . . . .	297 р.	
2-я »	. . . . .	213 »	90 к.
3-я »	. . . . .	322 »	80 »

Амини всѣхъ трехъ сада Матчи получатъ 831 рубль.

Амини Фана: 1-я сада	. . . . .	66 р.	
2-я »	. . . . .	59 »	10 к.
3-я »	. . . . .	147 »	30 »

Амини всѣхъ трехъ сада Ягноба получатъ 264 р. 30 к. Весь сборъ этотъ составитъ 1,933 руб. 50 к. Деньги эти предположено собирать въ Самаркандѣ и отсюда уже высылать аминямъ, въ видѣ казеннаго жалованья. Суммы, необходимыя на земскія работы, могутъ быть собираемы по раскладкѣ между кишлаками, съ обоюднаго ихъ согласія.

Такимъ образомъ вся администрація этихъ земель будетъ заключаться въ аксакалахъ и аминяхъ. Назначать въ каждое бывшее бекство по амлякдару, какъ это бывало въ тѣ времена, когда ими владѣли бухарскіе эмиры, признано лишнимъ, такъ какъ извѣстно по опыту, какой вредъ для народа приносятъ эти лица даже и при усиленномъ, зоркомъ надсмотрѣ; если же нельзя услѣдить непосредственно за ихъ дѣйствіями, то они являются положительно вредными, какъ для русской администраціи, такъ и для народа.

Жители верховій Заравшана подчинены нынѣ помощнику начальника Самаркандскаго отдѣла, управляющему нагорными тюменями.

II.

Историческія свѣдѣнія о Когистанѣ.

Исторические матеріалы о политической судьбѣ Когистана могутъ состоять только изъ разныхъ преданій. Когистанъ такая изолированная

страна, такъ незначительна по пригодному къ заселенію пространству и потому съ такимъ незначительнымъ населеніемъ, что писавшіе исторію средне-азіатскихъ ханствъ не обращали на Когистанъ ни малѣйшаго вниманія, они проходили его молчаніемъ, какъ будто бы Когистанъ вовсе не существовалъ. По крайней мѣрѣ, ученые Самарканда (туземцы), прочитавшіе всю историческую литературу Средней Азіи, утверждаютъ, что они нигдѣ не встрѣчали ни строчки о Когистанѣ. Да это и естественно; иначе оно и быть не могло!

Географическое положеніе Когистана вполнѣ опредѣляетъ его историческую судьбу—его ничтожество въ политическомъ отношеніи. Громадныя горы, опасныя дороги, отсутствіе богатствъ, все это заставляло властителей долины смотрѣть на эту страну, какъ на неимѣющую никакой цѣны и если они ее покорили, то такъ сказать мимоходомъ, зная, что присоединеніе ея къ прежнимъ владѣніямъ не произведетъ ни въ ихъ финансахъ, ни въ боевой силѣ никакого измѣненія, только дастъ возможность еще одному изъ служащихъ лицъ получить мѣсто, быть бекомъ. Завоеватели, монголы и узбеки, также прошли около Когистана, не обративъ на него вниманія; это слѣдуетъ изъ того, что въ Когистанѣ нѣтъ этихъ племенъ въ настоящее время, какъ постоянныхъ ея жителей, хотя страна и обилуетъ хорошими пастбищами. Когистанъ населенъ таджиками; самые бѣдные изъ нихъ, бездомные издавна сходились на верховья Заравшана.

И такъ, Когистанъ не участвовалъ въ общей исторіи Средней Азіи, не имѣлъ на ея развитіе никакого вліянія. Но тѣмъ не менѣе на немъ отражались, хотя въ очень слабой степени, только по наружности, политическія колебанія, часто имѣвшія мѣсто въ Средней Азіи.

Когистанъ на сѣверѣ имѣетъ своими сосѣдями бывшее Ура-тюбинское бекство и ханство Коканское; на югѣ Гиссарское бекство, на востокѣ и юго-востокѣ ханство Каратегинское и на западѣ имѣлъ бекство Самаркандское, т. е. часть ханства Бухарскаго. Со всѣми этими землями Когистанъ связанъ экономическою, весьма сильною связью.

При томъ населеніи, какое въ настоящее время имѣетъ эта страна, она не можетъ существовать сама по себѣ, она нуждается въ рынкахъ всѣхъ своихъ сосѣдей, причемъ извѣстныя части этой страны привлекаются одними рынками, другія—другими. На это притяженіе имѣло сильное вліяніе и время года. Уже одно такое зависимое положеніе Когистана, и при томъ неотразимо, жизненно зависимое, указываетъ, что Когистанъ можетъ принадлежать любому изъ трехъ своихъ сосѣдей *),

*) Собственно Коканъ никогда не владѣлъ Когистаномъ; такъ по крайней мѣрѣ говоритъ преданіе.

или же быть самостоятельнымъ; въ противномъ же случаѣ разбирался на части, изъ которыхъ, разумѣется, каждая подчинялася тому сосѣду, отъ котораго она зависила экономически. Такъ и было всегда. Фальгаръ и иногда Матчинскій отдѣлъ Когистана относили къ Ура-тюбе, Фанъ и Ягнобъ къ Гиссарскому бекству, или же Фальгаръ къ Самаркандскому, Матчинскій къ Каратегинскому, а Фанъ и Ягнобъ къ Гиссарскому. Во время междоусобицъ въ Средней Азіи когистанцы иногда становились свободными отъ зависимости своихъ сосѣдей. Тогда у нихъ начинались войны между собою. Являлось нѣсколько претендентовъ на бекство, каждая партія выставляла своего бека. Весь Когистанъ разбивался на микроскопическія бекства; каждое изъ нихъ старалось имѣть у себя какъ можно болѣе кургановъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, гдѣ можно было бы защищаться одной партіи отъ натиска другой.

Теперь мы видимъ много развалинъ кургановъ, разбросанныхъ по всему Когистану. Но почти всегда съ микроскопическими этими бекствами происходило одно и тоже: болѣе предпріимчивый бекъ завоевывалъ всѣ остальныя, а понастроенныя крѣпостцы приказывалъ разрушать. Одно время всѣмъ Когистаномъ владѣли мираконы *) (акъ-сіяки), духовныя лица, казіи—выходцы изъ Бухары. Подъ ихъ управленіемъ горцы бѣдствовали, но сами собою не могли легко отъ нихъ освободиться. Народъ говоритъ: «легче освободиться отъ трехъ тирановъ, нежели отъ одного казія. Наконецъ одинъ родъ фанцевъ, Маликэ, составилъ заговоръ, избилъ главныхъ мираконовъ и самъ овладѣлъ всѣмъ Когистаномъ. Маликэ были изгнаны гиссарскимъ бекомъ, Магометъ-аминемъ, который присоединилъ Когистанъ къ своимъ владѣніямъ. Это было, по преданію, лѣтъ 200 тому назадъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что преданія у горныхъ жителей сохраняются весьма плохо; даже событія, происходившія сравнительно недавно, они перепутываютъ и если выслушать объ одномъ и томъ же разсказы трехъ туземцевъ, то навѣрно окажется весьма чувствительная разница въ изложеніи фактовъ и во времени, когда они происходили. Такъ перевороты, бывшіе въ Когистанѣ въ 1868 г., вѣрнѣе передаются самаркандцами, нежели горцами.

Обращусь къ новѣйшей исторіи Когистана. Эмиръ Гайдаръ, на сколько извѣстно, первый изъ мангитской династіи обратилъ вниманіе на Когистанъ и приказалъ его присоединить къ Самаркандскому бекству. Занятіе Когистана обошлось безъ военныхъ столкновеній. Бекъ, назначенный самаркандскимъ правителемъ, съ 60 человѣками вошелъ въ Урмитанъ, изъ

*) Потомки ихъ и теперь живутъ въ Зараватѣ, подъ названіемъ ходжей.

котораго, при его приближеніи, прежній бекъ бѣжалъ; овладѣвъ урмитанскою крѣпостцею, этотъ бекъ объявилъ именемъ эмира, что Фальгаръ, Матча, Фанъ и Ягнобъ съ этого времени должны подчиняться Самарканду, а вслѣдъ затѣмъ онъ во всѣ названные тюмени Когистана послалъ серкеровъ, при нѣсколькихъ изъ своихъ джигитовъ, и Когистанъ покорился эмиру, сдѣлался его провинціею. Первымъ дѣломъ бека было раззореніе всѣхъ лишнихъ крѣпостей; оставлены были только тѣ, въ которыхъ поселились серкеры. Спокойствіе и миръ царили въ Когистанѣ до смерти Гайдара, т. е. до 1826 г. Во время безпорядковъ, сопровождавшихъ вступленіе эмира Насръ-Улла-хана, народное прозвище котораго Батыръ-ханъ, когистанцы изгнали эмировскаго бека, сильно притѣснявшаго ихъ и въ теченіи 11 лѣтъ пользовались самостоятельностію. Но когда Батыръ-ханъ усилился, привелъ въ порядокъ свое государство, то онъ приказалъ занять и Когистанъ. Когистанцы опять безъ бою признали власть Бухары, приняли эмировскаго бека и опять срыли свои курганы, которые они успѣли понастроить; за 5 лѣтъ до своей смерти Батыръ-ханъ послалъ особыхъ чиновниковъ произвести измѣреніе между кишлаками. Ихъ было двое; одинъ мѣрилъ шагами дорогу, а другой записывалъ число шаговъ и число ташей (12 т. шаговъ составляютъ, какъ извѣстно, одинъ ташъ-фарсангъ). Показанія горцевъ разнятся въ томъ, какія именно дороги были измѣрены; одни говорятъ, что измѣрена дорога только отъ Дашты-Казы (говорится о Когистанѣ) на Варзаминоръ до Искандеръ-Куля, а другіе утверждаютъ, что, кромѣ того, измѣреніе произведено и до Польдорака. Кажется послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ между жителями есть хорошо знающіе разстояніе отъ Варзаминора до Польдорака и отъ Варзаминора до Искандеръ-Куля.

До занятія русскими Самарканда, т. е. до мая 1868 г., въ Когистанѣ не происходило ничего особеннаго; имъ и при эмирѣ Музафаръ-эддинѣ управлялъ бухарскій бекъ, жившій по прежнему въ Урмитанѣ. Съ занятіемъ же русскими Самарканда, бухарскій бекъ бѣжалъ изъ Когистана и въ немъ опять началось броженіе партій.

Въ войскахъ, осаждавшихъ Самаркандъ, въ іюнѣ 1868 г., находился бывшій урмитанскій бекъ Абдулъ-Гафаръ. По отбитіи отъ города шахрисябцевъ, Абдулъ-Гафаръ не ушелъ вмѣстѣ съ другими изъ округа, а удалился въ сѣверо-восточныя горы, въ Шункаръ-тау; тамъ онъ, съ 30 своими джигитами проживалъ нѣкоторое время въ Усманѣ, Катарталѣ и другихъ деревняхъ, пріискивая случая сдѣлаться гдѣ нибудь бекомъ. Сначала онъ расчитывалъ на Пянджикентъ, но пянджикенцы на отрѣзъ ему отказали, указавъ на Урмитанъ. Урмитанцы между тѣмъ, зная по опыту, что отсутствіе у нихъ бека, чуждаго ихъ племени, всегда ведетъ

къ кровавымъ распрямъ, послали къ Абдулъ-Гафару просить его къ себѣ бекомъ, на что, разумѣется, тотъ поспѣшно согласился. На тѣхъ же самыхъ основаніяхъ матчинцы послали къ каратегинскому хану Музаффаръ-ша, съ просьбою о присылкѣ имъ бека. Ханъ послалъ имъ своего племянника, Рагимъ-хана, по прозванію *Пучукъ*, т. е. курносый. Абдулъ-Гафаръ послалъ своего брата Ибадулу въ Вишанъ, самый верхній кишлакъ Фальгара, но Пучукъ изгналъ его изъ Вишана и присоединилъ къ Матчѣ часть Фальгара до Пахута включительно. Дальше войска Рахимъ-хана не пошли.

После этой небольшой стычки Когистанъ пришелъ въ покой. Къ Абдулъ-Гафару отошелъ Фальгаръ до Варза, Ягнобъ и Фанъ, а къ Пучуку часть Фальгара вверхъ отъ Пахута и Матча. Пучукъ построилъ новый курганъ Пакшифъ и поселился въ немъ, а не въ Польдоракѣ, главномъ кишлакѣ матчинскаго бека. Кажется причиною этому послужило то, что отъ Пакшифа идетъ прямая дорога на Каратегинъ.

Однако предпріимчивый Пучукъ не надолго оставилъ Гафара въ покоѣ. Онъ собралъ въ Пахутѣ войско, быстро двинулся съ нимъ на Варзи, взялъ его и еще быстрѣе бросился къ Урмитану. Гафаръ собралъ всѣхъ, кто имѣлъ оружіе и выступилъ противъ Рагимъ-хана. Встрѣча противниковъ произошла около Дардара. Не смотря на то, что у Гафара было больше войска, онъ былъ разбитъ на голову и самъ бѣжалъ въ Шахрисябзъ.

Матчинцамъ досталось много лошадей и до 500 ружей. Въ Урмитанѣ былъ посаженъ Пучукомъ его приближенный; съ изгнаніемъ Гафара весь Когистанъ подчинился власти Пучука. Главное управленіе краемъ по прежнему осталось въ Пакшифѣ. Нужно прибавить, что до тѣхъ поръ Урмитанъ, а слѣдовательно и весь Фальгаръ считался главною частію Когистана; жители Фальгара признавали себя выше всѣхъ остальныхъ, потому что среди ихъ всегда жилъ правитель Когистана, а теперь вдругъ главною частью Когистана сдѣлалась Матча, а Фальгаръ оказался покоренною частью и долженъ былъ исполнять то, что ему предписывала Матча. Гордость фальгарцевъ была задѣта; они захотѣли имѣть своего собственнаго бека, избраннаго по ихъ желанію. И вотъ они, чрезъ три мѣсяца по изгнаніи Пучукомъ Гафара, отправили депутацію къ кштутскому беку, Шады, просить его быть у нихъ бекомъ. Шады занялъ Урмитанъ, но вскорѣ Пучукъ изгналъ его изъ Урмитана, крѣпость разрушилъ, а жителей раззорилъ въ конецъ, ограбивъ ихъ имущество и угнавъ скотъ.

Легкія побѣды Рахимъ-хана надъ Гафаромъ и Шады-бекомъ подали ему мысль увеличить свои владѣнія со стороны Гиссара. Собравъ до 500

человѣкъ воиновъ, онъ изъ Пакшифа прямою дорогою двинулся на Зиди. Незначительный зидинскій бекъ не могъ оказать никакого сопротивленія быстрому нападенію Рагимъ-хана и бѣжалъ въ Башъ-Гиссаръ. Не теряя напрасно времени, Рахимъ-ханъ рѣшился сейчасъ же броситься на Гиссаръ. Но его войско струсило, объявило, что Гиссаръ очень силенъ и что они не пойдутъ противъ гиссарскаго бека. Рагимъ-ханъ настаивалъ; тогда войско избрало изъ среды себя бека, бросило съ нѣсколькими приверженцами прежняго и вернулось изъ подъ Зиди въ Матчу. Новымъ бекомъ былъ избранъ 24-хъ лѣтній юсъ-баши (командиръ сотни) Падча-ходжа, сынъ Ишанъ-каляна, дѣдъ котораго былъ *пиръ*, вслѣдствіе чего всѣ считали его и его потомство *мюридами*. Войско оставило Рагимъ-хана въ живыхъ единственно потому, что онъ былъ родственникъ каратигенскаго ша и они боялись его мщенія.

Падча-хаджа взялъ все имущество Рагимъ-хана и его женъ, крѣпостцу Пакшифъ разрушилъ и сдѣлалъ своимъ мѣстопребываніемъ Польдоракъ, построивъ пришедшую въ разрушеніе его крѣпость, Рагимъ-ханъ же бѣжалъ въ Каратигенъ. Варзиминорцы и урмитанцы, надѣясь на неспособность Падчи-хаджи, отложились отъ него и послали за Абдулъ-Гафаромъ, который въ то время жилъ въ Шахрисябзскихъ владѣніяхъ. Абдулъ-Гафаръ пріѣхалъ, выстроилъ новую крѣпость въ Урмитанѣ, но недолго ему пришлось бекствовать. Чрезъ 4 мѣсяца онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Падча-ходжи у Пахута и былъ взятъ въ плѣнъ. Гафаръ просилъ Падча-ходжу отпустить его на богомолье въ Мекку, и по настоянію казіевъ, былъ отпущенъ. По выходѣ изъ плѣна, онъ черезъ Ура-тюбе прибылъ въ Самаркандъ.

Послѣднія эти событія въ Когистанѣ происходили въ 1869 г. Когда экспедиція на верховья Заравшана достигла Польдоракъ, то польдоракскій бекъ уже бѣжалъ, и въ настоящее время Когистанъ больше не имѣетъ бековъ, а управляется аксакалами и казіями.

III.

Административное устройство.

Когистанъ съ незапамятныхъ временъ дѣлился на слѣдующія части: Фальгаръ, Матча, Фанъ и Ягнобъ.

Этому дѣленію соотвѣтствуетъ въ бекствахъ долинъ раздѣленіе на тюмени; такъ и смотрѣли на него когистанскіе беки, назначаемые эмиромъ: они сами жили въ Урмитанѣ, а въ остальныя три части посылали отъ себя серкеровъ.

Названіе Фальгаръ есть испорченное *пургаръ*, т. е. тѣснина. Остальныя же части Когистана получили свое имя отъ рѣкъ, по которымъ онѣ расположены. Но представленное выше раздѣленіе на 4 части не есть только административное; оно значительно глубже, и съ нимъ связано различіе въ обычаяхъ, въ мѣрѣ, въ сборѣ податей, въ этнографіи, и проч. Въ долинахъ не говорятъ широзлыкъ, чашманлыкъ *) и т. п., не придаютъ важности въ какомъ тюменѣ кто живетъ, не говорятъ, что они родомъ изъ такого-то тюменя, тогда какъ въ горахъ сказать, напр., фанлыкъ, это значитъ сказать все объ человѣкѣ, сразу совершенно отдѣлить его отъ остальныхъ горцевъ. Слово: матчалыкъ равносильно слову «неспокойный, фальшивый человѣкъ».

Каждая названная часть Когистана живетъ замкнутою жизнію. Три тюменя Когистана дѣлятся на сада, а 4-й Ягнобскій на даги **), какъ тюмени долинъ. Въ каждомъ тюменѣ по 3 сада, столько же дагъ въ Ягнобскомъ. Сада и дага играютъ роль аминства въ долинахъ.

Самый большой по населенію тюмень—Фальгаръ; потомъ по порядку: Матчинскій, Фанскій и Ягнобскій; по богатству же, первымъ слѣдуетъ считать Ягнобскій, потомъ Фанскій, Фальгарскій и наконецъ Матчинскій.

Беки отъ Бухары рѣдко когда назначали отъ себя бековъ въ тюмени; названіе «бекъ» требуетъ большихъ издержекъ; бекъ долженъ поддерживать свое бекское достоинство, жить лучше другихъ, дарить аминовъ, аксакаловъ и сборщиковъ. Деньги на все это, при скудности сбора податей, онъ долженъ былъ бы брать съ народа, вымогать у нихъ скотъ и проч., т. е. идти противъ народа; слѣдовательно необходимость заставила бы его держать на своей службѣ много джигитовъ, ради своей безопасности, что, съ своей стороны, ведетъ къ усиленію грабежа народа или большей утайкѣ податей, которыя онъ обязанъ по сборѣ представлять къ главному беку. Вотъ причины, почему урмитанскіе беки отъ правительства находили болѣе удобнымъ не назначать малыхъ бековъ (кши-бекъ), а посылать на время сборовъ своихъ серкеровъ—сборщиковъ. Для надзора же за порядкомъ въ тюменяхъ, они держали своихъ людей, которые жили въ курганахъ или въ одномъ изъ кишлаковъ и доносили ему о всемъ, что происходило въ тюменѣ. Беки, избранные народомъ, или сами захватившіе эту власть, поступали иначе. Имъ, чтобы твердо держаться на своемъ мѣстѣ, необходимо было во многихъ пунктахъ имѣть своихъ приверженцевъ, постоянныхъ джигитовъ. По этому они во всѣ крѣпости назначали

*) Тюмени Самаркандскаго отдѣла.

**) По другимъ свѣдѣніямъ и Ягнобъ дѣлился на сада.

своихъ сыновей, родственниковъ, друзей, давали имъ титулъ бека и дозволеніе дѣлать все, что угодно, обирать народъ, брать дочерей и т. п., но съ условіемъ: держать своихъ подчиненныхъ въ рукахъ и доставлять опредѣленное количество сборовъ. Такъ поступалъ Абдулъ-Гафаръ, также поступалъ и Падча-Ходжа.

Все вниманіе беки устремляли на сборы, на пополненіе своей казны и только въ такомъ случаѣ вмѣшивались въ частное управленіе, разбирали безпорядки въ кишлакахъ, когда являлись челобитчики, когда народъ или амини просили ихъ произвести разборъ, или же когда дѣло касалось бекской власти. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ бекъ былъ для народа лицомъ постороннимъ.

Народомъ управляли амини, арбабы, а временами—казіи. Каждая сада или дага имѣла одного аминя, старшаго аксакала, который былъ главнымъ лицомъ въ аминствѣ; амини завѣдывали арыками, разбирали ссоры между деревнями или ссоры одной деревни, если онѣ были болѣе крупнаго свойства, приказывали арбабамъ собирать подати съ жителей своихъ деревень и представлять имъ, а они, въ свою очередь, передавали ихъ сборщикамъ отъ бека. На ихъ же обязанности лежало снабжать всѣмъ необходимымъ людей бека, когда они проѣзжали чрезъ его аминство, а также дѣлать извѣстнымъ всѣ приказанія бека, представлять къ этому послѣднему требуемыхъ имъ людей и т. п. Сборщиковъ податей аминь, по обычаю, встрѣчалъ на границѣ своего аминства съ угощеніями.

Амини разсылали приказанія чрезъ джигитовъ—людей того кишлака, въ которомъ сами жили, или въ которомъ находились въ данный моментъ. Для разсылки, въ каждомъ кишлакѣ велась очередь между жителями.

За сборы хераджа сборщики, по своему усмотрѣнію, давали амину отъ 20—24 батмановъ пшеницы и около 10 р. деньгами. Кромѣ того, за хорошее исполненіе всѣхъ приказаній бекъ дарилъ аминамъ разъ или два въ годъ халаты, чалмы и проч. Всего въ годъ амини получали около 200 р. Часто амини исполняли роль кавіевъ. Каждый тюмень имѣлъ по одному казію. Всѣ тюмени, какъ извѣстно, сильно растянуты по теченію рѣкъ, а дороги трудны и опасны, почему казіи въ отдаленные кишлаки своего округа рѣдко заглядывали, предоставляя аминамъ исполнять въ нихъ свои обязанности. Кромѣ того, амини непремѣнно участвовали при вѣнчаніи, а иногда и сами вѣнчали.

Арбабы, т. е. исполняющіе приказанія, соотвѣтствуютъ аксакаламъ; иногда ихъ горцы такъ и зовутъ. Арбабъ есть въ каждой деревнѣ; онъ разбираетъ миромъ ссоры, маловажные поступки и исполняетъ приказанія аминя. За сборы податей съ своей деревни получаютъ они отъ серкера

отъ 6 до 12-ти батмановъ, смотря по величинѣ представленной имъ суммы сбора.

Обязанности казіевъ тѣ же въ Когистанѣ, какъ въ городахъ и тюменяхъ долинъ. Но вліяніе ихъ на народъ весьма ограниченное; по большей части народъ самъ выбираетъ себѣ казіевъ и самъ ихъ смѣняетъ.

Замѣтимъ еще слѣдующее: между бековской прислугой всегда было нѣсколько скороходовъ или *батба*. Беки рѣдко когда посылали приказанія по своему бекству или письма въ сосѣднія владѣнія съ коннымъ джигитомъ, а всегда съ батбой. Въ горахъ пѣшеходъ по многимъ причинамъ исполнитъ такое приказаніе скорѣе, нежели конный.

Батбѣ назначается срокъ, когда онъ долженъ вернуться обратно; за несвоевременное возвращеніе или за опаздываніе, ихъ безчеловѣчно наказывали: били плетями по спинѣ, палками по пяткамъ, отрѣзывали уши и носъ...

Батба можетъ сдѣлать отъ 70 до 108 верстъ въ сутки по такой мѣстности, какъ Когистанъ.

IV.

Подати.

Прежніе правители Когистана собирали съ жителей въ подать только *хераджъ* и *зякетъ*, танапной же подати не брали. Хераджъ брали въ двухъ видахъ: *моазафъ-хераджъ* съ количества посѣва и *макосамъ-хераджъ* съ урожая. Первый видъ хераджа брали во всемъ Когистанѣ, второй же существовалъ вмѣстѣ съ первымъ только въ Фанскомъ тюменѣ. Онъ собирался съ полей, находящихся по скатамъ и вершинамъ горъ, вдали отъ кишлаковъ и орошаемыхъ не арычною водою, проведенною изъ ручья, на которомъ расположенъ кишлакъ, а изъ источниковъ и ключей, которыми такъ богаты Фанскія горы и которые не требуютъ для того, чтобы орошать поля, собиранія ихъ въ арыки; не требуютъ они и особеннаго труда для направленія ихъ водъ на пашни: они сами естественныя оросительныя канавы.

Макосамъ брался въ размѣрѣ $1/5$ съ урожая. Моазафъ съ земли, годной для посѣва, причемъ не обращалось вниманія на то, чѣмъ засѣяна и засѣяна ли она. Въ Фальгарѣ, Фанѣ и Ягнобѣ хераджъ собирался деньгами, а въ Матчѣ $1/2$ хераджа—матой. Собираніе хераджа матой въ матчинскомъ тюменѣ есть, какъ показываютъ туземцы, весьма древнее установленіе.

Зякетъ собирался по раскладкѣ, дѣлаемой въ каждомъ кишлакѣ арбабомъ, провѣряемой аминомъ и сборщиками бековъ. Разъ сдѣланная рас-

кладка, поверхностная повѣрка скота, по большей части оставалась безъ измѣненія на долгое время *). Сборщики хорошо знали, что имъ давали зякета меньше, противъ слѣдуемаго; но это обстоятельство они обращали въ свою пользу. Зякетъ собирался только съ мелкаго скота, съ *римала* же (такъ называются лошади, рогатый скотъ и ишаки) его не брали. Самый сборъ производился по такому расчету: съ 40 штукъ мелкаго скота платили 1 въ зякетъ, съ 101—2, съ 201—3 и т. д. По мусульманскому закону, зякетъ есть $^1/_{40}$ часть со скота; но въ горахъ, гдѣ вообще подать незначительна, зякетъ собирался въ $2^1/_2$ раза въ меньшемъ размѣрѣ противъ дѣйствительнаго размѣра этой подати.

Сборщики ввели въ обычай, что всѣ хозяева, показывающіе скота меньше 40, меньше 101 и т. д., должны давать въ ихъ пользу отъ 20 к. до 1 р. Матчинцы, захвативъ въ послѣднее время весь Когистанъ въ свои руки, собрали въ покоренныхъ тюменяхъ зякетъ въ видѣ $^1/_{40}$ части съ капитала, капитализируя весь мелкій скотъ, такъ что имѣвшіе, напр., 25 овецъ уплачивали зякетъ какъ $^1/_{40}$ часть съ 75 р. (стоимость овцы принята ровно въ три рубля).

Зякетъ никогда не собирался въ Когистанѣ натурою, а всегда деньгами. Цѣна зякетнаго барана или козы опредѣлялась заранѣе беками для всѣхъ тюменей одинаковая; она была отъ 3 р. 60 к. до 3 р. 20 к для барана и 2 р. 60 к. для козы. Но беки предпочитали устанавливат одну цѣну для барановъ и козъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ она равнялась 3 рублямъ.

Во время междоусобныхъ войнъ побѣдители брали съ побѣжденныхъ *пайахъ-пуль*, т. е. плату побѣдителямъ. Размѣръ пайахъ-пуль вполнѣ зависѣлъ отъ произвола побѣдителя. Занимающіеся промывкой золота и добычей нашатыря уплачивали беку пошлину за право занятія этими промыслами: первые—съ партіи 4 руб. въ годъ, а вторые вносили цѣлымъ кишлакомъ по два батмана очищеннаго нашатыря, т. е. 6 р. 40 копѣекъ.

А. Гребенкинъ.

*) Тоже самое слѣдуетъ сказать и въ отношеніи опредѣленія количества батмановъ земли.

Шахрисябзское владѣніе

по разсказамъ Джура-бека и Баба-бека.

Часто бесѣдуя съ бывшими шахрисябзкими беками: Джура-бекомъ и Баба-бекомъ, находящимися въ настоящее время въ Ташкентѣ военноплѣнными, я имѣлъ возможность составить небольшой очеркъ Шахрисябзскаго владѣнія, бывшаго въ послѣдніе 10-ть лѣтъ подъ управленіемъ этихъ бековъ. Я не буду касаться подробностей топографіи страны и говорить о ея производительности: Шахрисябзъ въ настоящее время описывается спеціалистами, посѣтившими этотъ край во время похода туда русскихъ войскъ. Все, писанное здѣсь, составлено только на основаніи разсказовъ Джура-бека и Баба-бека. Въ концѣ очерка приложено историческое обозрѣніе страны, съ середины прошлаго столѣтія по настоящее время.

Шахрисябзъ, родина Тимура, называемый прежде *Кешъ*, лежитъ на югъ отъ Самарканда, посреди бухарскихъ провинцій: Карши, Гиссара, Куляба и русскихъ: Магіана и Самаркандскаго отдѣла, и занимаетъ всего 1,300 квадр. верстъ пространства (отъ востока къ западу 65 верстъ, а отъ сѣвера къ югу 20 верстъ).

Мѣстность эта отличается роскошною растительностію и хорошимъ климатомъ. Отсюда и названіе ея: Шахрисябзъ, что значитъ въ переводѣ «Зеленый городъ».

Шахрисябзкая область окаймляется съ трехъ сторонъ горами, носящими названіе прилегающихъ къ нимъ провинцій. Западная сторона представляетъ совершенно открытую мѣстность. Граница Шахрисябза съ этой стороны проходитъ у самой бухарской крѣпости Чирагчи. Съ этой же стороны доступъ къ городу затрудняется искуственнымъ наводненіемъ, посредствомъ арыковъ, проведенныхъ изъ Акъ-Дарьи. Этими физическими

условіями мѣстности Шахрисябзъ могъ въ продолженіи многихъ лѣтъ защищаться съ успѣхомъ противъ постоянныхъ нападеній эмировъ Бухары.

Рѣки: Кашка-Дарья, Акъ-Дарья, Джинни и Тангазъ орошаютъ Шахрисябзкое владѣніе. Первыя три берутъ начало въ Магіанскихъ горахъ и текутъ: первая — по *Баширскому* ущелью, вторая — по *Ташъ-купрукскому*, а третья — по *Джаусскому* (или Ходжасскому) ущелью; послѣдняя рѣка Тангазъ выходитъ изъ Гиссарскихъ горъ. Всѣ эти рѣки текутъ по направленію на юго-западъ. Акъ-Дарья въ десяти верстахъ отъ городской стѣны раздѣляется на два рукава; правый направляется къ Китабу и обтекаетъ съ южной стороны этотъ городъ, а лѣвый проходитъ въ Шагаръ, съ сѣверной стороны. Оба рукава въ четырехъ верстахъ отъ городской стѣны соединяются и Акъ-Дарья, продолжая теченіе однимъ русломъ на западъ, теряется въ пескахъ за городомъ Карши. Кашка-Дарья проходитъ съ сѣверной стороны общей городской стѣны (окружающей города: Китабъ и Шагаръ), и впадаетъ въ Акъ-Дарью ниже соединенія рукавовъ ея.

Рѣка Тангазъ проходитъ съ южной стороны городской стѣны и впадаетъ въ Акъ-Дарью, ниже Кашка-Дарьи.

Рѣка Джинни, по выходѣ изъ ущелья у деревни Дуоба, выше Китаба, соединяется съ Кашка-Дарьей.

Шахрисябзцы считаютъ себя киргизами Урта-юза (средней орды) пришедшими въ эту страну въ давнія времена и водворившимися здѣсь. Въ настоящее время они составляютъ одинъ изъ 92 узбекскихъ родовъ, а именно: — *Кенегесъ*. Родъ этотъ подраздѣляется на пять колѣнъ: *Кайрасалы*, *Тараклы*, *Ачамайлы*, *Абахлы* и *Чехутъ*. Каждое колѣно раздѣляется, въ свою очередь, на отдѣленія. Роды живутъ смѣшанно, но большая часть Абахлынцевъ живетъ въ южной части области; въ западной преобладаетъ Чехутъ, а въ сѣверной — Тараклы. Большая часть населенія живетъ осѣдло. Всего считается приблизительно отъ 20 до 25 тысячъ семействъ, изъ коихъ около 3 тысячъ ведетъ кочевую жизнь. Въ городахъ и кишлакахъ живутъ также: таджики, евреи и индусы, есть и иранцы (невольники); впрочемъ, ихъ очень мало и положеніе ихъ не столь тяжко, какъ въ Бухарѣ и Хивѣ.

Климатъ въ Шахрисябзѣ, какъ уже сказано выше, умѣренный; здѣсь произрастаютъ: красное и тутовое деревья, тополь, вязъ, тальникъ; въ горахъ встрѣчается древовидный можжевельникъ (арча), а изъ фруктовыхъ деревьевъ — урюкъ, персики, груши, гранаты, миндаль, грецкіе орѣхи, виноградъ.

Окрестности селеній и берега рѣкъ покрыты хлѣбными полями. Изъ хлѣбныхъ растеній сѣютъ здѣсь пшеницу, сарачинское пшено, ячмень,

просо, джугару (сорго), кунжутъ, коноплю, табакъ и въ небольшомъ количествѣ хлопокъ. Изъ огородныхъ растеній обыкновенны: арбузы, дыни, тыквы, морковь, лукъ. Жатвы бываютъ весьма обильныя, благодаря плодородію почвы. Въ горахъ водятся медвѣди, волки, лисицы и кабаны.

Въ административномъ отношеніи Шахрисябзъ раздѣлялся на два независимыя бекства; сѣверное, съ главнымъ городомъ *Китабъ* и южное, съ главнымъ городомъ *Шагаръ*. Каждый изъ этихъ городовъ окруженъ стѣною, но кромѣ того оба города обнесены еще общею, невысокою стѣною, называемою туземцами *Чимъ* (дернъ), имѣющую въ окружности до 80 верстъ. Кромѣ этихъ городовъ, въ чимѣ *) (въ Шагарской части) заключаются кишлаки: Шаматанъ, Урта-Курганъ, Дяхъ-Якъ и еще нѣсколько другихъ **) большихъ кишлаковъ. Затѣмъ большая часть шахрисябзскихъ кишлаковъ (селеній) расположены по берегамъ рѣкъ, въ ущельямъ по Баширскому (р. Кашка-Дарья) Джаусскому (р. Джинни), Ташъкупрукскому (р. Акъ-Дарья) и Тангазскому (р. Тангазъ). Каждою частью въ послѣдніе 10 лѣтъ управлялъ независимо особый бекъ. 8 или 10 кишлаковъ имѣли одного аксакала, а нѣсколько аксакальствъ—серкера, для сбора повинностей. Судебная часть находилась въ рукахъ казіевъ (по 5 человѣкъ въ каждомъ бекствѣ), а въ Китабѣ и Шагарѣ было еще по одному казы-каляну и раису (блюститель религіи).

Войска стояли исключительно изъ конницы, и въ мирное время жили по городамъ и селеніямъ, занимаясь земледѣліемъ; отъ бековъ войска получали провіантъ или землю и оружіе; послѣднее большею частію переходило по наслѣдству, отъ отца къ сыну или брату. Если отецъ былъ сипагомъ (воинъ), то и сынъ его дѣлался таковымъ. Командиры частей въ войскѣ не имѣли никакихъ чиновъ и титуловъ; если были мирахуры, токсабы и др., то эти званія давались эмирами во время войнъ бухарцевъ съ сосѣдями, когда шахрисябзскіе беки (если между ними и эмиромъ существовали мирныя отношенія) выставляли войска. Пороховые и ружейные заводы были частные. Сѣра привозилась изъ Бухары, а селитру шахрисябзцы добывали у себя. Готовые патроны и капсюли покупались у бухарскихъ купцовъ, но въ послѣднее время шахрисябзцы начали отливать пули на манеръ русскихъ, и дѣлать чашечки къ нимъ, не понимая назначенія послѣднихъ, изъ одного только безсознательнаго подражанія.

---

*) По словамъ бывшихъ бековъ, чимъ имѣетъ въ окружности до 5 ташей (40 верстъ), но это невѣрно.

**) Шаматанъ, Урта-Курганъ и Дяхъ-Якъ принадлежали тремъ братьямъ Бабабека.

Доходы шахрисябзскихъ бековъ состояли въ хераджѣ, танапѣ и закетѣ *). Съ темель, близкихъ къ большимъ арыкамъ, взималось въ хераджъ — съ пшеницы и съ проса $^1/_4$ часть урожая, съ рису $^1/_3$ ч.; съ полей же, находящихся у подошвъ горъ, и въ мѣстахъ безъ-арычныхъ взималось съ пшеницы и съ проса $^1/_5$ часть урожая, а съ рису $^1/_4$ ч. Шагарская часть давала беку дохода до 11 тысячъ батмановъ, а китабская — до 10 тысячъ **). Закетъ взимался только со скота (съ 100 головъ по $12^1/_2$ тенегъ бухарскихъ ***).

Торговля велась исключительно съ Бухарою; торговля же съ Самаркандомъ была незначительная. Предметами привоза были: чай, сахаръ, сукна, бухарскія и русскія матеріи, шелкъ, кожи, краски, желѣзо, медь, сѣра; предметами вывоза: рисъ, пшеница, фрукты, скотъ.

Историческое обозрѣніе Шахрисябза.

Шахрисябзъ, занимая юго-восточную часть Бухарскаго ханства, извѣстную по своей тучной почвѣ и богатой производительности, всегда обращалъ на себя вниманіе алчныхъ и честолюбивыхъ эмировъ Бухары. Одинъ изъ владѣтелей Бухары, середины прошлаго столѣтія, Рахимъ-ханъ, послѣ упорной борьбы, подчинилъ Шахрисябзъ своей власти и владѣніе это пять лѣтъ находилось въ зависимости отъ Бухары, до смерти Рахимъ-хана; послѣ смерти его страна опять отпала и глава кайрасалинцевъ, Бикъ-Мазаръ сталъ управлять краемъ. Вступившій послѣ него Ніязъ-Али и преемникъ послѣдняго, Мухамедъ-Садыкъ съ успѣхомъ отражали нападенія на страну владѣтелей Бухары, желавшихъ опять подчинить ее себѣ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Даніяръ-Аталыкъ (съ 1811—1836), одинъ изъ замѣчательныхъ бековъ Шахрисябза, управлялъ независимо этимъ владѣніемъ 25 лѣтъ, съ титуломъ *валлями* (государя). Твердое и справедливое управленіе его не прошло безъ слѣдовъ: страна въ его время еще болѣе возвысилась и упрочилась въ своемъ значеніи. Эмиръ-Сеидъ (Хайдаръ) и сынъ его Насыръ-Улла, желая завладѣть Шахри-

---

*) Хераджъ = $^1/_{10}$ части урожая; *танапъ* — подать съ извѣстнаго пространства земли; собственно танапъ есть пространство земли изъ 60 гезовъ; каждый гезъ = 7 кулакамъ и 1 большому пальцу, слѣдовательно почти равенъ 1 аршину. Танапъ взимается съ хлопка, винограда и фруктовъ, и размѣръ его бываетъ различный, смотря по роду произведеній.

**) Шахрисябзскій батманъ равенъ двумъ бухарскимъ (т. е. 16 пуд.).

***) Теньга = 20 коп.

сябзомъ, два раза нападали на это горное владѣніе, но, встрѣчая сильный отпоръ со стороны Даніяръ-Аталыка, должны были наконецъ отказаться отъ своего намѣренія.

Послѣ смерти Даніяръ-Аталыка, наслѣдовали ему: въ Шагарѣ—старшій сынъ его Ходжа-Кулъ (съ 1836 по 1846 годъ), а въ Китабѣ — младшій сынъ Баба-Датха. Между братьями скоро началась распря. Честолюбивый эмиръ бухарскій Насрулла, пользуясь междоусобіемъ сыновей Даніяръ-Аталыка, вторично напалъ на Шахрисябзъ; но Ходжа-Кулъ, уже успѣвшій въ это время выгнать брата изъ его владѣній и занять Китабъ, отразилъ нападеніе бухарцевъ. Раздраженный неудачею Насрулла, видя невозможность завладѣть Шахрисябзомъ открытою силою, началъ ежегодно, по два раза, посылать всю свою конницу травить поля шахрисябзцевъ. Послѣ опустошенія полей, заключался обыкновенно миръ и эти мирныя отношенія продолжались до слѣдующаго, подобнаго же посѣщенія.

Черезъ 10-ть лѣтъ Ходжа-Кулъ умеръ. Управленіе Китабомъ перешло къ его брату, Искандеру *), а Шагаромъ—къ сыну Ходжа-Кула, Ашуръ-Кули-беку. Вскорѣ Искандеръ выгналъ изъ Шагара племянника своего и сдѣлался валляміемъ. Война съ Насруллой продолжалась. Видя упорство шахрисябзцевъ, эмиръ построилъ въ горахъ много крѣпостей (кургановъ), и тѣмъ окончательно стѣснилъ шахрисябзскихъ бековъ. Шахрисябзцы нерѣдко нападали на эти курганы и разрушали ихъ. При одномъ изъ подобныхъ нападеній Джура-бекъ, служившій въ войскахъ Искандера, попался съ однимъ шахрисябзцемъ въ плѣнъ эмиру, который, обласкавъ его, далъ ему чинъ токсаба, и приказалъ состоять при себѣ (это было за годъ до покоренія Шахрисябза бухарцами).

Строгая блокада городовъ (Китаба и Шагаръ) не осталась безъ послѣдствій для страны. Появился голодъ; населеніе стало уходить въ разныя стороны. Наконецъ, истощивъ силы и средства страны, эмиръ Насрулла въ 1856 году, въ двадцатый годъ войны, съ бою вошелъ въ чимъ. Искандеръ, со всею роднею укрѣпился въ Китабѣ, но черезъ день сдался эмиру, съ условіемъ сохранить жизнь ему и его семейству. Эмиръ отправилъ плѣннаго бека со всѣмъ семействомъ его въ Бухару, и назначилъ ему для содержанія доходы Каракульскаго округа. Слѣдствіемъ покоренія Шахрисябза было между прочимъ пріобрѣтеніе для гарема эмира сестры Искандеръ-валлями, извѣстной красавицы, которая незадолго до того была выдана братомъ за одного шахрисябзца, по имени Якуба; этого Якуба эмиръ сослалъ въ Чарджуй, а жену его взялъ себѣ; большинство жите-

*) Управлялъ съ 1846 до 1856, жилъ до 1860 г.

лей Шахрисябза эмиръ выселилъ въ Чарджуй, Карши и другія мѣстности своего ханства.

Въ Китабъ и Шагаръ были назначены беками узбеки мангитскаго рода: въ первый—Алла-Яръ, а во второй—Абдухаликъ. Черезъ два года Абдухаликъ, убитый при взятіи эмиромъ крѣпости Ура-тюбе, былъ замѣненъ Алла-Яромъ китабскимъ, на мѣсто котораго въ Китабъ былъ назначенъ Хомутъ-ходжа; чрезъ нѣкоторое время послѣдняго смѣнилъ Фейзи-бій.

Эмиръ Насрулла умеръ четыре года спустя послѣ покоренія Шахрисябза (осенью 1860 г.). Передъ смертью своей онъ приказалъ зарѣзать Искандера и истребить его родственниковъ, въ томъ числѣ и красавицу, жену свою, сестру Искандеръ-валлями; причиною убійства родственниковъ Искандера было опасеніе, что они послѣ его смерти снова займутъ Шахрисябзъ и могутъ быть опасными для его преемника, котораго эмиръ считалъ человѣкомъ слабымъ, не могущимъ справиться съ такими людями, какъ Искандеръ-валлями и его родня; причиною же убійства сестры Искандера была ревность: эмиръ опасался, чтобы его красавица жена не вышла замужъ за другаго.

Эмиру Музаффару *), вскорѣ послѣ смерти отца своего, пришлось имѣть дѣло съ шахрисябзцами, которые, не смотря на кровавую расправу, снова отложились отъ Бухары, и выбрали изъ среды своей беками: въ Китабъ Джура-бека, и въ Шагаръ Хакимъ-бека (отца Баба-бека). Причинами тому было недовольство распоряженіями эмира, который, по вступленіи своемъ на престолъ, смѣнилъ Фейзи-бія и Алла-Яра, и назначилъ въ Китабъ—Закиръ-бека, а въ Шагаръ — Ашуръ-бека. Кратковременное управленіе этихъ бековъ было весьма тяжелымъ временемъ для шахрисябзцовъ. Своеволіе ихъ въ странѣ, истощенной долголѣтнею борьбою съ Насыръ-Уллой, не имѣло границъ. Народъ былъ обложенъ различными незаконными податями. Хераджъ и танапъ, собранные за предшествовавшій годъ прежними беками, были вторично взысканы преемниками ихъ, Закиромъ и Аршуръ-бекомъ. Купцы и хотя сколько нибудь зажиточныя лица обирались беками. Жители, просившіе бековъ о смягченіи податей, были объявлены мятежниками. Всѣ эти поступки бековъ вызвали въ странѣ повсемѣстное неудовольствіе. Опасаясь, что Шахрисябзъ совершенно отложится отъ Бухары, эмиръ пожелалъ имѣть при себѣ, въ видѣ заложниковъ, нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ военноначальниковъ шахрисябзцевъ; чтобы удобнѣе захватить ихъ, эмиръ послалъ имъ важибъ (деньги, выдаваемыя передъ войною, на снаряженіе войскъ). Но шахрисябзцы, подозрѣ-

*) Нынѣшній эмиръ Бухары.

вая истинныя намѣренія владыки Бухары, не поддались этой уловкѣ, и на приглашеніе эмира пріѣхать въ Бухару, отвѣчали, что имъ нѣтъ надобности пріѣзжать туда, такъ какъ эмиръ ни съ кѣмъ не находится въ войнѣ.

Видя, что мѣра, придуманная эмиромъ, не удалась, Закиръ-бекъ, для предупрежденія открытаго возстанія, хотѣлъ арестовать нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ (въ томъ числѣ и Джура-бека), какъ людей опасныхъ для бухарскаго правительства; но это только ускорило отпаденіе Шахрисябза. Сотоварищи арестованныхъ, служившіе въ войскахъ шагарскаго бека, Хакимъ-бій, сынъ его Баба-бій, и другіе, опасаясь такой же участи, хотѣли предупредить грозящую имъ опасность. Они, съ своими приверженцами, окружили Шагаръ, арестовали бека и его малочисленную бухарскую дружину; затѣмъ пошли въ Китабъ, освободили Джура-бека, а взамѣнъ того, арестовали китабскаго бека, поставленнаго отъ бухарскаго правительства. По желанію народа, были выбраны беками: въ Китабѣ — Джура-бекъ, а въ Шагарѣ — Хакимъ-бекъ. При избраніи Джура-бека, жители Китаба раздѣлились: одни желали избрать Джура-бека, а другіе — Кабулъ-бека, одного изъ дальнихъ родственниковъ его. На сторонѣ Джура-бека въ началѣ было значительное большинство, и онъ былъ назначенъ бекомъ; но черезъ нѣсколько дней противная ему партія одержала верхъ и посадила бекомъ Кабулъ-бека, человѣка стараго и почти слѣпаго. Джура-бекъ уступилъ ему мѣсто; но жители Китаба, видя полную неспособность старика, вторично избрали (черезъ 17 дней) Джура-бека своимъ бекомъ. Между тѣмъ эмиръ приближался съ своими войсками. Шахрисябзскія войска, вышедшія изъ своихъ городскихъ стѣнъ, имѣли нѣсколько удачныхъ схватокъ съ передовыми войсками эмира. Бухарцы, расположенные небольшими отрядами кругомъ городской стѣны, для общаго нападенія на городъ, были разбиты по частямъ. Въ это время новый врагъ эмира, коканскій ханъ (Малля-ханъ), успѣвшій взять кр. Ура-тюбе, началъ осаждать и Джизакъ. Эмиръ, оставивъ осаду Шагара и Китаба, заключилъ миръ съ Джура-бекомъ и Хакимъ-бекомъ, которые выдали ему арестованныхъ бековъ, и поспѣшилъ обратиться противъ коканцевъ. Это было зимою 1860 года. Дружественныя отношенія эмира къ бекамъ продолжались до 1866 года. Беки, съ своей стороны, признавали за эмиромъ старшинство передъ ними и всѣми владѣтелями Средней Азіи, посылали къ нему ежегодно подарки, а иногда и деньги, подобно всѣмъ другимъ бекамъ, поставленнымъ отъ Бухары, отправляли свои войска на помощь бухарскимъ, въ случаѣ надобности, но не допускали эмира вмѣшиваться во внутреннія дѣла Шахрисябза.

Бѣгство изъ Бухары въ Шахрисябзъ (вскорѣ послѣ взятія Джизака

русскими войсками) племянника эмира, Сеидъ-Абдуллы-Ахатъ-Хана прекратило дружественныя отношенія эмира къ бекамъ.

Послѣ пораженія войскъ эмира подъ Ирджаромъ и потери крѣпостей Уратюбе и Джизака, Бухарское ханство пришло въ сильное разстройство, вслѣдствіе большихъ потерь въ эту кампанію. Народъ началъ выражать свое неудовольствіе на эмира, за его неудачи и неспособность. Міанкальскіе хтайцы и кипчаки раздѣлились на двѣ партіи, и воспользовавшись общимъ смятеніемъ, начали грабить другъ друга. Эмиръ, находившійся въ это время въ Самаркандѣ, боялся показаться въ Бухарѣ, гдѣ неудовольствіе на него было сильное и многіе изъ сановниковъ имѣли тайную переписку съ Сеидъ-Абдулла-Ахатъ-Ханомъ. Беки бухарскихъ крѣпостей: Джама, Чирагчи и Яккобака перешли съ своими дружинами къ племяннику эмира, который, во главѣ ихъ, занялъ крѣпость Чирагчи. Враждебныя отношенія съ русскими продолжались, и положеніе эмира было весьма затруднительное: оно зависѣло отъ исхода борьбы хтайцевъ съ кипчаками. Наконецъ партія эмира побѣдила своихъ враговъ, и побѣжденные выдали эмиру своихъ предводителей. Съ кипчаками и самаркандскими войсками эмиръ двинулся на Джамъ. Джура-бекъ и Баба-бекъ, занявшіе Чирагчи, вмѣстѣ съ Сеидъ-Абдулла-Ахатъ-Ханомъ, поспѣшили возвратиться, для защиты своихъ родныхъ городовъ. Изъ Джама эмиръ двинулся на Чирагчи и Яккобакъ и занялъ обѣ эти крѣпости. Затѣмъ эмиръ потребовалъ у шахрисябзскихъ бековъ выдачи Сеидъ-Ахатъ-Хана и нѣкоторыхъ бѣжавшихъ своихъ бековъ. Джура-бекъ соглашался выдать ихъ, но съ условіемъ: сохранить имъ жизнь. Нѣсколько бековъ, обнадеженные эмиромъ, возвратились въ Бухару съ покорностью, но эмиръ не сдержалъ своего слова: нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ зарѣзалъ, а другихъ сослалъ, или заключилъ въ тюрьму. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ нападеній на Шахрисябзъ, эмиръ заключилъ мирное условіе, обоимъ бекамъ прислалъ по 10 тысячъ денегъ, Джура-беку сверхъ этого пожаловалъ чинъ датхи, и возвратился въ Бухару. Мирныя отношенія Шахрисябза къ эмиру продолжались до осени 1868 года.

Излагая послѣдующій ходъ событій съ 1868 года, беки, конечно, старались во всемъ оправдать свои дѣйствія и представить себя вынужденными къ непріязненнымъ отношеніямъ противъ русскихъ. По ихъ словамъ въ битвѣ при Чупанъ-ата, рѣшившей участь Самарканда, не участвовало ни одного шахрисябзца. Вскорѣ послѣ занятія Катты-кургана, прибылъ въ Шахрисябзъ посланный отъ Туркестанскаго генералъ-губернатора казы мулла Камаль-эддинъ и потребовалъ, чтобы беки Шахрисябза явились въ Самаркандъ. Въ тоже время эмиръ письменно просилъ помощи шахрисябзцевъ и предлагалъ имъ зато слѣдующія условія: онъ уступалъ

Яккобакъ, обѣщалъ заплатить 50 тысячъ тенегъ, которыя вскорѣ и были доставлены, и прислать въ Шахрисябзъ старшаго сына своего, Абдулъ-Малика (Катта-тюря) съ войсками Гузара, Карши, Чирагчи и Джама. Народъ также волновался и желалъ войны: войска эмира, бѣжавшія изъ подъ Самарканда и Катты-кургана въ Шахрисябзъ, взволновали народъ и настроили его къ войнѣ. Видя съ одной стороны — выгодныя условія, предлагаемыя эмиромъ, а съ другой — общее желаніе войны, беки, по ихъ словамъ, принуждены были дѣйствовать за одно съ эмиромъ. Подробности этой войны извѣстны; армія эмира была разбита на Зерабулакскихъ высотахъ. По полученіи въ тотъ же день объ этомъ извѣстія, беки оставили осаду Самарканда и ушли обратно въ Шахрисябзъ. Абдулъ-Маликъ возвратился въ Гузаръ, но осенью того года жители Карши, озлобленные на эмира за его неудачи въ войнѣ съ русскими, отложились отъ власти эмира, прогнали его бека, и послали депутацію къ Абдулъ-Малику, съ просьбою принять въ свое управленіе весь каршинскій округъ. Абдулъ-Маликъ занялъ Карши, но вскорѣ былъ вытѣсненъ оттуда войсками отца и бѣжалъ въ Шахрисябзъ. Эмиръ двинулся съ войсками на Шахрисябзъ и потребовалъ выдачи мятежнаго сына. Беки согласились выдать его, но съ условіемъ: сохранить ему жизнь и оставить въ Гузарѣ бекомъ, такъ какъ они знали навѣрное, что эмиръ, въ случаѣ безусловной выдачи, зарѣжетъ своего сына. Но эмиръ не принялъ предложеній бековъ и началъ дѣйствовать силою; въ это же время Садыкъ вторгся въ бухарскія владѣнія съ сѣверной стороны. Повелитель Бухары обратилъ войска свои противъ новаго врага, а Абдулъ-Маликъ, пользуясь этимъ, вторично занялъ Карши.

Въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, эмиръ рѣшился просить у русскихъ помощи и генералъ Абрамовъ, чтобы возстановить колебавшуюся власть эмира, взялъ Карши. Абдулъ-Маликъ возвратился въ Шахрисябзъ, жители котораго, какъ увѣряютъ беки, все это время не принимали никакого участія въ спорахъ эмира съ своимъ мятежнымъ сыномъ.

Послѣднія событія, окончившіяся экспедиціею въ Шахрисябзъ, штурмомъ Китаба и добровольною сдачею Шагара (Шаарь), достаточно извѣстны изъ оффиціальныхъ источниковъ, а потому мы ихъ опускаемъ въ нашемъ очеркѣ, основанномъ исключительно на словесныхъ показаніяхъ плѣнныхъ бековъ.

І. Бекчуринъ.

Сугутъ.

ТОПОГРАФИЧЕСКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Всѣ средне-азіятскія государства издавна дѣлились и дѣлятся на бекства (губерніи) и, въ свою очередь, бекства дѣлились и дѣлятся на туманы и амляки. Самаркандъ составлялъ особое бекство, дѣлившееся на 5 тумановъ: Шандаръ (куда причисляется и городъ Самаркандъ) и Анхоръ— по лѣвому берегу рѣки Заравшана, Ширазъ, Сугутъ и Афринкендъ — по правому берегу той же рѣки. Слово туманъ значитъ собственно 12,000. Кочевые народы, въ эпоху младенческаго существованія своего, положили въ основу общественнаго дѣленія эту единицу, и она дошла до насъ уже какъ нарицательное имя извѣстнаго пространства земли, съ населеніемъ гораздо большимъ или меньшимъ. Г. Григорьевъ, въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ запискамъ мирзы Шемса-Бухари, поясняетъ слово туманъ—словомъ тьма, что, пожалуй, можетъ быть и вѣрно. «Народу тьма-тьмущая», говорятъ доселѣ на Руси. Какъ-бы то ни было, слово туманъ и въ смыслѣ метеорологическаго явленія не наше, потому что на языкѣ всѣхъ 92-хъ колѣнъ узбековъ извѣстное атмосферическое явленіе зовется также туманъ *).

Итакъ, Сугутъ—одинъ изъ 5-ти тумановъ или участковъ, составлявшихъ нѣкогда самаркандское бекство, и составляющихъ теперь самарканд-

*) Татарское иго водворило въ нашемъ языкѣ множество узбекскихъ словъ, и, между прочимъ, слова: *мужикъ* и *хозяинъ* также не наши. Я слышалъ ихъ въ долинѣ Заравшана; первое—въ смыслѣ: бѣдный, оборванный, дрожащій; второе — синонимъ слова: достаточный. Впрочемъ произношеніе этихъ словъ разнится отъ нашего: мужикъ выговаривается узбеками—муджукъ, а хозяинъ—ходжаинъ. Это объясняется отсутствіемъ въ языкѣ узбековъ буквы *ж* и отсутствіемъ въ нашемъ языкѣ того звука, который выражается въ узбекской рѣчи буквами *дж* и можетъ быть названъ острымъ *ж*.

скій отдѣлъ Заравшанскаго округа *). Сугутъ, имѣющій еще и прилагательное — *великій* (Сугутъ-Калянъ) **), лежитъ по правому берегу рѣки Заравшана, прямо противъ высотъ Чупанъ-ата, столь извѣстныхъ съ 1-го мая 1868 г. Это будетъ южная окраина Сугута. Онъ примыкаетъ тутъ къ туману Шандаръ; на западѣ граничитъ съ туманомъ Афринкендъ и съ бывшимъ Чилекскимъ бекствомъ; на сѣверѣ и востокѣ — съ туманомъ Шиpазъ. Наибольшая длина тумана Сугутъ съ юго-востока на сѣверо-западъ равняется 36 верстамъ, а ширина — 25 верстъ, что составитъ площадь въ 900 квадратныхъ верстъ, или слишкомъ 18 географическихъ квадратныхъ миль.

Кромѣ рѣки Заравшана, а именно сѣвернаго рукава ея — Акъ-Дарьи, по Сугуту проходятъ нѣсколько ключей и большихъ арыковъ, имѣющихъ главное направленіе, сообразно рѣки Заравшана, съ юго-востока на сѣверо-западъ. Таковы арыки: Токузъ, Акъ и Курбанъ-абадъ, берущіе начало изъ Заравшана въ предѣлахъ Сугута, и большой арыкъ Мирза, начинающійся въ Ширазскомъ туманѣ. Этотъ арыкъ носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды древности: ложе его широко и усѣяно наносами валуновъ, родственныхъ заравшанскимъ, а берега мѣстами неприступно круты, чего въ арыкахъ позднѣйшихъ нѣтъ и быть не можетъ. Арыку Мирза считаютъ около 500 лѣтъ ***).

Сѣверная часть Сугута орошается двумя ключами: большимъ и малымъ Карасу, идущими изъ Ширазскаго тумана, а также, по мѣстному выраженію, пьетъ воду изъ арыка Булунгура, начинающагося въ Ширазѣ. Наконецъ, самая сѣверная сторона Сугута—степь у подножья Годунъ-тау, съ небольшимъ кишлакомъ Бадбадъ, съ трудомъ орошается горными ключами и потому печальна.

Всѣ названные большіе арыки и ключи шлютъ изъ себя во всѣ стороны арыки меньшіе; эти въ свою очередь разбиваются на пашни и плантаціи, сливаются другъ съ другомъ и съ главными арыками, и образуютъ такимъ образомъ весьма сложную и чрезвычайно хитрую сѣть, благодаря замѣчательному знакомству пахарей съ мѣстностью и вообще искуству проводить воду. Благодаря этимъ же обстоятельствамъ, полное изученіе арычной системы, хотя бы даже на такой небольшой территоріи, какъ

---

*) Иные говорятъ и пишутъ вмѣсто туманъ — *тюмень*, но это, по моему, не вѣрно, ибо слова тюмень туземцы не знаютъ.

**) Въ здѣшнихъ книгахъ значится, что тутъ жилъ когда-то народъ *Согди*, да и на дѣлѣ вся долина Заравшана — это *Согдіана* древнихъ.

***) Эпоха первыхъ преемниковъ Тимура-хромаго.

18 квадратныхъ миль, требуетъ много времени и инструментальной съемки; иначе разспросы, какъ бы ни были они настойчивы и аккуратны, непремѣнно приведутъ къ результатамъ гадательнымъ, шаткимъ.

Сугутъ представляетъ собою мѣстность ровную, нѣсколько холмистую въ сѣверной части, около Бадбада; нѣсколько отдѣльныхъ кургановъ (тюбе) разбросаны здѣсь и тамъ, какъ и по всей долинѣ Заравшана, безъ названій или съ названіями: Юганъ-тюбе, Уйшунъ-тюбе, и т. п. Общій уровень поверхности Сугута, какъ и вся долина Заравшана, клонится къ западу.

Почва сѣверной, возвышенной части — суглинокъ; низъ, орошаемая арыками, мѣстами илиста, мѣстами суглинокъ, мѣстами солонцевата и требуетъ удобренія.

Западная и средняя части Сугута сплошь заняты пахатными землями, восточная же — во многихъ мѣстахъ представляетъ большія, нетронутыя плугомъ, пространства, покрытыя частію пригодными для скота травами, частію тонкимъ, своеобразнымъ камышемъ, идущимъ на топливо *). Озеръ большихъ нѣтъ; а если есть мѣстами небольшіе водные бассейны, то они скорѣе могутъ быть названы болотами, хотя, по свойству почвы, не такъ вязки и неприступны, какъ болота наши. Вообще, растительности въ дикомъ состояніи здѣсь сравнительно мало; нѣтъ также хищныхъ звѣрей и птицъ, которымъ, благодаря множеству арыковъ и садовъ, трудно добывать себѣ пищу, въ особенности весною и лѣтомъ, когда арыки въ ходу, деревья покрыты листвой, а рисовыя плантаціи залиты на аршинъ; тогда узбеки совершенно безнаказанно выпускаютъ на межи скотъ, ибо до него трудно добраться и еще труднѣе его угнать. Другое дѣло зимой, когда нѣтъ на поляхъ хлѣба и когда повсюду широкая дорога и волку и вору.

Туманы издавна дѣлились и дѣлятся на амлякства, амляквства — на дахи (волости), состоящія изъ нѣсколькихъ кишлаковъ (деревень). Впрочемъ, это дѣленіе исключительно хозяйственное, для сбора податей; но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ оно имѣетъ смыслъ и достигаетъ цѣли. Въ дахахъ существуютъ амини или даха-аксакалы (наши волостные старшины), въ кишлакахъ — кишлакъ-аксакалы (наши старосты), принимающіе извѣстное участіе и въ сборѣ податей. Подробно объ этомъ будетъ сказано ниже.

Въ Сугутѣ 25 дахъ; въ нихъ до 80 кишлаковъ. При этомъ нужно замѣтить, что восточная треть Сугута (8 дахъ) кишлаковъ въ строгомъ

*) Камышъ этотъ частію доставляется въ Самаркандъ, для печенія исключительно сдобныхъ булокъ — кульча.

смыслѣ не имѣетъ, потому что населеніе ея состоитъ изъ кара-калпаковъ, не охотниковъ селиться густо, подобно другимъ узбекамъ и таджикамъ, и живущихъ по большей части особнякомъ, — зимою въ сакляхъ, разбросанныхъ иногда на большія одна отъ другой разстоянія, лѣтомъ въ юртахъ, которыя однако есть и у другихъ узбековъ. Поэтому дахи или волости кара-калпаковъ состоятъ точнѣе не изъ кишлаковъ, а изъ небольшихъ околодковъ, носящихъ иногда два-три названія сосѣднихъ урочищъ: кургана, арыка, оврага, или того поколѣнія кара-калпаковъ, которое живетъ на этой мѣстности. Вотъ названія 25 дахъ Сугута:

1) Джипаръ.
2) Ширинкентъ.
3) Бишбаля.
4) Дивана-тюбе.
5) Карамуюнъ.
6) Кокгумбазъ.
7) Газы-кунградъ.
8) Каракентъ.

Это—восточная треть Сугута, она населена исключительно кара-калпаками и незначительнымъ количествомъ другихъ узбековъ.

9) Уртабозъ.
10) Халваи.
11) Сарыга.
12) Джурьятъ.
13) Кунджакъ.
14) Нушъ.
15) Канглы.
16) Акъ-курганъ.
17) Ширъ-курганъ.

Это — средина Сугута. Населена исключительно кипчаками, хотя есть и другіе узбеки: канглы, найманъ, кыркъ, юсъ и ктай, а также таджики, персіяне и мазангъ (цыгане). Впрочемъ, нужно замѣтить, что цыгане, извѣстные здѣсь подъ тремя разными названіями: люли, джуги и мазангъ, мотаются по Сугуту всюду, зимою осѣдло, а лѣтомъ въ шатрахъ.

18) Ривагъ.
19) Бурьячи.
20) Ишимъ-аксакъ.
21) Джіанъ-бекъ.
22) Утябъ.
23) Топаласъ.
24) Ирназаръ-курганъ.
25) Ходжа-Измаилъ.

Это—западная треть Сугута. Преобладаютъ кипчаки. Изъ другихъ узбековъ есть: сарай, туркмены и другіе, а также таджики и ходжи—потомки пророка, ведущіе очень оригинальную генеалогію отъ самого пророка, или отъ его потомковъ, но смѣло могутъ быть причислены къ узбекамъ или таджикамъ смотря по тому, около кого живутъ. Есть немного ходжей и въ среднемъ раіонѣ Сугута: въ дахѣ Ширъ-курганъ.

Главное занятіе этого населенія—земледѣліе; затѣмъ идутъ скотоводство и садоводство; за ними ремесла и мелкая торговля.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ занятій особо. Можно безошибочно сказать, что земледѣліемъ заняты $^{99}/_{100}$ населенія, ибо ремесла принад-

лежатъ таджикамъ, которыхъ, сравнительно, въ Сугутѣ весьма немного, хотя и узбеки не чуждаются ремеслъ, а таджики въ свою очередь пашутъ землю.

Земли Сугута, какъ и всѣ земли Средней Азіи, дѣлятся: на земли амлякъ, платящія подать исключительно въ казну; земли милькъ, платящія подати тѣмъ, кому на это пожаловано право эмирами или кто купилъ это право, и на земли вакуфъ, платящія и въ казну, и тѣмъ духовнымъ учрежденіямъ и корпораціямъ, или наслѣдникамъ, которымъ они завѣщаны эмирами, беками или частными богатыми собственниками. Въ первомъ случаѣ, земли вакуфъ напоминаютъ наши монастырскія земли, въ послѣднемъ — маіораты. Принадлежа духовнымъ учрежденіямъ, такія земли зовутся просто вакуфъ; принадлежа духовнымъ ученымъ корпораціямъ, онѣ зовутся — вакуфъ-дахъякъ *); принадлежа потомкамъ какого-нибудь богача, называются—вакуфъ-аульядъ (завѣтъ семьѣ).

Мѣрятся здѣшнія земли танапами. Танапъ составляетъ квадратъ въ 360 гязей или 8,100 квадр. аршинъ, ибо гязь, по шаріату, равенъ линіи отъ средины груди до конца ручной кисти, что составитъ нашихъ $1^1/_2$ аршина: мѣра не точная, но она принята и существуетъ. 48 танаповъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 50 танаповъ составляютъ кошъ, — мѣру исключительно употребляемую, когда рѣчь идетъ о пространствахъ большихъ.

Всѣхъ пахатныхъ земель въ Сугутѣ болѣе 1,200 кошей.

Земли Сугута, какъ и въ прочихъ мѣстностяхъ долины Заравшана, дѣлятся: на орошаемыя—оби, лежащія въ долинѣ, и на степныя—ляльми, засѣваемыя весной и притомъ исключительно ячменемъ и пшеницей. На орошаемыхъ земляхъ сѣются осенью: пшеница, ячмень, макъ и ленъ. Остальные сорты хлѣба всѣ принадлежатъ посѣвамъ яровымъ (кокъ). Озимые хлѣба созрѣваютъ въ маѣ и іюнѣ, а яровые — въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ. Продукты, не созрѣвшіе къ октябрю, считаются погибшими. Болѣе или менѣе точное росписаніе продуктовъ долины Заравшана приложено къ статьѣ моей «Долина Заравшана», помѣщенной въ «Военномъ Сборникѣ» за 1870 годъ. Тамъ же описаны земледѣльческія орудія среднеазіятцевъ, употребляемыя и сугутцами. Остается пояснить здѣсь,

---

*) Что значитъ: одинъ изъ десяти или просто 1/10, и напоминаетъ древнюю христіанскую десятину, которую вѣрующіе отдавали изъ своего имущества въ пользу церкви и духовенства. Впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, и древне-христіанская десятина отдавалась отъ плодовъ земныхъ. Первую десятину далъ Авраамъ первосвященнику Мельхиседеку (Книга Бытія, 14, 20). Не мудрено, что десятина изъ еврейства зашла въ христіанство, а потомъ попала и въ исламъ.

что нѣкоторые продукты, изъ названныхъ мною въ «Военномъ Сборникѣ», въ Сугутѣ не сѣются, такъ, напр., марена, индау и махсарь (виды маслянистаго сѣмени), маисъ и бѣлый табакъ. Всѣ остальные засѣваются, а именно: пшеница, ячмень, рисъ, джугара (родъ кукурузы *), ленъ, просо, просянка, хлопокъ, макъ, машъ (горошекъ) и кунджутъ (маслянистое сѣмя).

Система засѣва плодоперемѣнная. Такъ, напр., снявши въ началѣ іюня ячмень, немедленно засѣваютъ поле рисомъ или джугарой; снявши въ іюлѣ пшеницу, сѣютъ машъ, кунджутъ. Къ осени они поспѣваютъ. Тѣмъ не менѣе, каждогодно, часть земли остается свободной, отдыхаетъ, и называется шудгаръ.

Овощи и огородныя растенія сѣются на поляхъ, куда жители обыкновенно выходятъ лѣтомъ, какъ бы на дачу, бросивъ сакли на произволъ судьбы; да и поправка ихъ потомъ не дорога. Лѣсу въ Сугутѣ много: берега почти всѣхъ арыковъ обсажены вербой, вязомъ, платаномъ, джидой, тополемъ и другими растеніями; но садовъ здѣсь все таки не много. Сады принадлежатъ Самарканду, вмѣстѣ съ ихъ плодами и цвѣтами, а Сугутъ сѣетъ и сбываетъ почти исключительно хлѣбъ. Скотоводствомъ сугутцы занимаются ровно на столько, на сколько оно необходимо при земледѣліи. Рогатый скотъ — мелокъ, бараны — обыкновенные, съ курдюкомъ — водятся всѣми, но въ большихъ гуртахъ немногими богатыми людьми, для продажи въ городѣ, и цѣнятся дорого, благодаря тому, что баранина составляетъ любимое мясо среднеазіятцевъ. Лошади здѣшнія исключительно рабочія. Если есть у инаго охотника хорошая лошадь, то ее можно увидѣть подъ нимъ лишь на базарѣ, или на скачкѣ. Обыкновенно же и самые богатые узбеки ѣздятъ на клячахъ. На ослахъ — возятъ удобренія на поля и исправляютъ другія, посильныя этому животному, работы; верблюдовъ въ Сугутѣ весьма не много, и то у полукочевыхъ кара-калпаковъ.

Фабричной промышленности въ Сугутѣ нѣтъ, если не считать ею приготовленіе войлоковъ, подпругъ, мѣшковъ, маты, аркановъ, выжимку изъ льна масла самымъ первобытнымъ способомъ, и т. п., что исполняется узбеками и таджиками. Затѣмъ остаются ремесленники: кузнецы, сапожники, точильщики и баккалы (мелочники). Это—или мѣстные узбеки, или заѣзжіе на рабочую пору изъ города таджики.

Перейдемъ къ торговлѣ. Она выражается въ базарахъ.

Базаръ—это главное проявленіе здѣшней жизни. Жители извѣстной мѣстности имѣютъ свои базары и говорятъ: нашъ базаръ. Среднеазіятецъ

---

*) Holcus saccharatus.

ждетъ базара, какъ праздника. Онъ ѣдетъ и идетъ туда или купить, или продать, или просто провести время. На базарахъ—всѣ удовольствія неприхотливаго среднеазіятца: чай, пельмени, бача, скачка съ козломъ (кокбури); на базарѣ онъ тягается у казы (казія), который также выѣзжаетъ на базары; съ базара ждутъ его съ нетерпѣніемъ дѣти и жена, и ждутъ собственно не его, а тѣ два-три фунта баранины или сала, которые онъ долженъ привести съ базара...

Собственно въ Сугутѣ два базара: Яканшихъ въ дахѣ Акъ-курганъ, и Чукуръ, въ дахѣ Джипаръ. Ѣздятъ сугутцы и на сосѣдніе базары: въ Газира, на Полванъ-арыкѣ, шиpазскаго тумана (понедѣльникъ), въ Чалекъ (суббота), въ Дагбитъ (четвергъ) и въ Самаркандъ (воскресенье и среду).

Въ Яканшихѣ базаръ бываетъ по воскресеньямъ, въ Чукурѣ — по вторникамъ.

Степные базары не то, что городскіе. На степныхъ нѣтъ лавокъ; есть лишь небольшія мазанки и глиняныя сидѣнья на полъ-аршина отъ полу. Торговцы съѣзжаются со всѣхъ сторонъ и каждый занимаетъ свое, издавна абонированное мѣсто. Платы за него никакой нѣтъ, тѣмъ не менѣе право каждаго уважается.

Вотъ какими товарами заняты мазанки и сидѣнья въ Яканшихѣ:

продавцовъ	маты	13
»	халатовъ	4
»	ножей и другаго желѣзнаго товара	2
»	шелку	2
»	пряностей, лекарственныхъ травъ, зеркалъ и прочихъ статей женскаго туалета: бѣлилъ, румянъ	10

Такіе торговцы зовутся: аттаръ, они же и лекаря отъ всевозможныхъ болѣзней.

Продавцовъ	чая	6
»	шелковыхъ матерій	8
»	шорниковъ	4
»	обуви	7
»	хлопка	3
вѣсовщиковъ (они же скупаютъ хлѣбъ)		10
продавцовъ	носоваго табаку	10
»	баккалъ (наша бакалея)	11
»	прялокъ, веретенъ и другихъ деревян. издѣлій	3
торговцевъ	масломъ	9

кузнецовъ	8
мясниковъ	46
хлѣбниковъ	4
продавцовъ мыла	5

На Чукуръ-базаръ съѣзжается:

продавцовъ алачи и другихъ бумажныхъ матерій	20
» маты	36
» хлопка	9
» мыла	9
» ситца	6
кузнецовъ	15
сапожниковъ	10
продавцовъ чая	9
хлѣбниковъ	8
продавцовъ молодаго табаку	20
съ халатами и другими готовыми издѣліями	14
мясниковъ	56
аттаровъ	30
со свѣчами	10
продавцовъ готоваго чая (самоварчи)	6
шорниковъ	5
продавцовъ соли	10

Кромѣ этого, на базары узбеки привозятъ хлѣбъ въ зернѣ и свои мѣстныя произведенія: войлоки, капы, арканы, пареметныя сумки, онучи и т. п. Сборища на базарахъ бываютъ огромныя; начавшись утромъ, торжище кончается за нѣсколько часовъ до заката солнца, дабы засвѣтло разбрестись по кишлакамъ. Говоря о базарахъ, слѣдуетъ сказать и о дорогахъ. Лучшія дороги ведутъ къ базарамъ. Колесныхъ дорогъ въ Сугутѣ нѣтъ. Большою дорогою считается та, на которой могутъ свободно разъѣхаться два всадника. Такихъ дорогъ изъ Самарканда четыре: 1) Черезъ Халваи и Канглы—въ Газира и на базаръ Яканшихъ, 2) черезъ Туталь-хакимъ, Ишимъ-аксакъ — въ Чалекъ; 2) черезъ Уртабозъ — въ Чукуръ базаръ и 4) черезъ Ядгаръ-бай, Ходжа-Измаилъ—въ Яканшихъ. Остальныя дороги, въ особенности лѣтомъ, суть узкія тропинки между хлѣбами или рисовыми плантаціями, залитыми по брюхо лошади водою, пересѣченныя арыками, ямами съ водой, такъ что ѣзда по Сугуту лѣтомъ требуетъ большаго терпѣнья и умѣнья сидѣть въ сѣдлѣ. Въ Сугутѣ нѣтъ арбъ; есть одноколки, въ которыхъ пахари перевозятъ удобренія, но одноколки эти, начавши свое существованіе въ какомъ нибудь кишлакѣ,

тамъ его и кончаютъ. Сообщенія производятся исключительно верхомъ, на лошадяхъ или на ослахъ. Населеніе привыкло къ этому способу сообщеній. Узбекъ прежде всего наѣздникъ; его привычный, хоть и тощій конь, не задумывается ни передъ арыками, ни передъ буграми. Извѣстная скачка съ козломъ (кокбури) замѣчательна единственно отвагой скачущихъ; въ остальномъ она некрасива. Переломы и вывихи рукъ и ногъ не въ силахъ заставить узбековъ бросить эту несчастную забаву. Скачки киргизъ производятся по ровной мѣстности; узбеки же скачутъ черезъ стѣны, арыки, ямы, переплываютъ рѣку Заравшанъ.... Я думаю, что англійская систематическая скачка съ препятствіями — ничто въ сравненіи съ бѣшеной скачкой узбековъ на ихъ поджарыхъ и съ виду никуда негодныхъ лошаденкахъ. Узбеки пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ поскакать: на родинахъ, на помолвкѣ, на свадьбѣ, или просто безъ всякой причины, вывезетъ какой нибудь сорванецъ козла, — и пошла потѣха. Даже люди солидные и важные не отказываются принять въ ней участіе. Такъ въ Самаркандѣ, на праздникѣ, данномъ въ честь генералъ-губернатора, весною 1871 г., скакалъ съ козломъ бекъ Шарсабиза *) Тохтамышъ-инаакъ. Кокбури національная забава; въ ней богатый и знатный равняются съ оборванцемъ. Впрочемъ, простота и равноправность вообще въ характерѣ среднеазіятцевъ. Въ дорогѣ конюхъ ѣстъ палау съ своимъ господиномъ. Только гордые отъ природы, или зазнавшіеся, или заразившіеся нашими обычаями, держатъ себя неприступно.

А. Хорошхинъ.

*) Иначе — Шахрисяоз

Замѣтка о степи Кизылъ-кумъ.

20-го мая вернулся я въ Ташкентъ изъ путешествія въ Кизылъ-кумы. Во время моего путешествія, продолжавшагося ровно мѣсяцъ, я посѣтилъ восточную часть степи Кизылъ-кумъ въ двухъ мѣстахъ: у Чардары и у колодца Дюсебая. Изъ Чардары я прошелъ по пескамъ въ западномъ направленіи около 50-ти верстъ до колодца Байбекъ, на дорогѣ Матай; отсюда я вышелъ въ Узунату и затѣмъ вдоль Сыръ-Дарьи спустился къ Байракуму. Изъ Байракума, идя въ Дюсебай, я посѣтилъ гору Каракъ, находящуюся въ 60-ти верстахъ отъ Сыръ-Дарьи. Гора Каракъ, — небольшая возвышенность (подымающаяся футовъ на 250 надъ уровнемъ степи), имѣющая до 40 верстъ протяженія, составляетъ довольно любопытное открытіе настоящаго путешествія; по крайней мѣрѣ я не нашелъ ее ни на одной картѣ. Такою же неожиданностью было существованіе глинистой (полынной) степи на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи. Благодаря настоящему путешествію, впервые опредѣляется восточная граница кизылъ-кумскихъ песковъ: линія, проведенная отъ Джулека къ колѣну Сыръ-Дарьи у Чардары, почти совпадаетъ съ границей сплошныхъ песковъ.

Степь, лежащая восточнѣе песковъ, любопытна еще въ томъ отношеніи, что въ прежнее время широкая полоса ея орошалась арыками изъ Сыръ-Дарьи. Слѣды этихъ арыковъ весьма многочисленны и сохранились вполнѣ ясно; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ болѣе сажени ширины и до сажени высоты. Преданіе говоритъ, что арыкъ, начинавшійся у Чардары, въ озерѣ Сассыкъ-куль, подкрѣпляемый водой изъ другихъ арыковъ, выходившихъ изъ Сыръ-Дарьи, ниже Чардары, доходилъ до горы Каракъ. Конечно, ко времени существованія этихъ арыковъ относятся и развалины городовъ на Сыръ-Дарьѣ, со множествомъ обломковъ жженаго кирпича. Таковы развалины у Чардары, Джяу-Сугума, Югаргы-Сеидъ, Тюбенги-Сеидъ, Катты-Сеидъ, Суткентъ, Байракумъ, Ичкеле. Коканская крѣпость Чардара, вся, кромѣ наружной глиняной стѣны, построена изъ жженаго

кирпича, вырытаго изъ невысокихъ холмовъ, во множествѣ разбросанныхъ вблизи и извѣстныхъ подъ именемъ Мингъ-тюбе (тысяча холмовъ).

Время, избранное для посѣщенія Кизылъ-кумовъ, было благопріятно для естественно-историческихъ наблюденій; правда, я не засталъ уже весеннихъ растеній, и только нѣкоторыя изъ нихъ еще сохранились въ полузасохшемъ состояніи, съ почти зрѣлыми плодами. Но зато я имѣлъ возможность наблюдать въ полномъ развитіи тѣ формы растеній, изъ которыхъ слагается по преимуществу флора «бугристыхъ песковъ». Точно также и животную жизнь я засталъ въ ея наибольшемъ развитіи; только въ послѣдніе дни путешествія число животныхъ, именно насѣкомыхъ, стало быстро уменьшаться.

Кизылъ-кумы далеко не подходятъ подъ сложившееся у многихъ понятіе безплодныхъ сыпучихъ песковъ. Напротивъ, совершенно голые, сыпучіе пески, по крайней мѣрѣ въ посѣщенной мною части, весьма рѣдки, да и къ тому же видѣнные мною вблизи имѣли весьма небольшое распространеніе. Главнымъ образомъ Кизылъ-кумы состоятъ изъ невысокихъ бугровъ (отъ 4 до 8 саженъ вышины), часто тянущихся весьма правильными (чаще всего съ сѣвера къ югу) рядами. Поверхность такихъ бугровъ болѣе или менѣе густо покрыта *рангомъ* — весьма своеобразнымъ видомъ осоки (Carex physodes M. B). Ползучіе корни этой осоки на глубинѣ трехъ-четырехъ вершковъ образуютъ густое сплетеніе, которое и дѣлаетъ песокъ неподвижнымъ; только выше корней лежащій песокъ можетъ перемѣщаться, да и въ этомъ мѣшаютъ ему узкіе, но весьма близко другъ отъ друга находящіеся листья ранга. Кромѣ укрѣпленія песковъ, рангъ играетъ еще другую, весьма важную роль: не преувеличивая можно сказать, что только благодаря рангу Кизылъ-кумы хотя сколько нибудь обитаемы. Листья его составляютъ отличный, питательный кормъ, которымъ, впрочемъ, могутъ удобно пользоваться только бараны; для большаго травояднаго нужно очень много труда, чтобы нащипать достаточно корму, отсюда отсутствіе въ Кизылъ-кумахъ рогатаго скота и ничтожное количество лошадей, и напротивъ, значительное развитіе овцеводства. Во время моего посѣщенія Кизылъ-кумы были, впрочемъ, почти совершенно безлюдны. Только близь крайняго пункта пути, у колодца Дюсебая, былъ встрѣченъ одинъ киргизскій аулъ, который остается въ Кизылъ-кумахъ во всѣ времена года. Вся же остальная часть этой степи еще въ мартѣ была оставлена киргизами, которые уходятъ отсюда и переходятъ на степи праваго берега Сыръ-Дарьи. Осенью они возвращаются на Дарью, затѣмъ расходятся по степи, между рѣкой и песками, и отсюда часть ихъ съ первымъ снѣгомъ переходитъ въ Кизылъ-кумы на время, пока въ пескахъ есть снѣгъ; этой снѣговой водою большая часть ихъ и пользуется. Такъ какъ снѣгъ на

мѣстахъ, не подверженныхъ дѣйствію солнца, сохраняется почти во всю зиму, даже при оттепеляхъ лежитъ до 10-ти дней, то киргизы и не имѣютъ недостатка въ водѣ, хотя бываютъ и критическіе моменты. Легкость полученія воды изъ снѣга и составляетъ причину, почему въ Кизылъ-кумахъ такъ мало колодцевъ; рытье колодцевъ, при несовершенныхъ средствахъ, представляетъ много трудностей, хотя глубина, на которой встрѣчается вода, и не особенно большая *); въ посѣщенной мною части колодцы имѣли глубину отъ 6-ти до 12-ти сажень. Вода въ этихъ колодцахъ совершенно прѣсная, только иногда сильно тухлая **), потому что колодцы давно уже были оставлены кочевниками; къ тому же они не имѣютъ никакой обкладки и вѣтеръ несетъ туда всякую дрянь, въ изобиліи валяющуюся кругомъ колодцевъ. Были указываемы растенія, по которымъ будто бы киргизы узнаютъ: гдѣ выгоднѣе всего рыть колодезь; но распросы и наблюденія убѣдили, что не этимъ руководствуются они при закладкѣ колодца. Колодцы всегда лежатъ въ глубокихъ котловинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ буграми; понятно, что эти котловины представляютъ самыя благопріятныя условія, какъ относительно глубины, такъ и количества воды.

Малое количество колодцевъ сильно затрудняетъ путешествіе по Кизылъ-кумамъ; дороги, проходящія чрезъ нихъ ***), часто не имѣютъ колод-

---

*) Близъ горы Каракъ колодцы ни что иное, какъ глубокія ямы, изъ которыхъ вода вытекаетъ маленькимъ ручейкомъ. Такъ называемые коржуны, находящіеся на сѣверной оконечности Карака, суть ключи, вода которыхъ собирается въ искуственно вырытыхъ бассейнахъ, выходя оттуда маленькимъ ручьемъ, вскорѣ пропадающимъ въ пескѣ. Въ близь лежащей степи колодцы не глубже сажени. Такіе мелкіе колодцы называются кудукъ, а глубокіе чинґравы.

**) Въ нѣкоторыхъ колодцахъ, напримѣръ въ мѣстности Тюбе-кумъ, вода была очень испортившаяся, съ сильнымъ запахомъ сѣро-водорода; увѣряютъ, что такіе колодцы съ намѣреніемъ испорчены брошенными трупами собакъ, но присутствіе труповъ ни въ одномъ колодцѣ не было мною открыто. Изъ неглубокаго колодца Тузъбулакъ была вычерпана вся вода (болѣе 700 ведеръ) и хотя она была очень тухлая, но никакихъ слѣдовъ труповъ не было найдено. Вода получала запахъ отъ разлагавшихся растительныхъ остатковъ, занесенныхъ вѣтромъ и образовавшихъ толстый слой вонючаго ила. Довольно распространенный въ Кизылъ-кумахъ обычай засыпанія колодцевъ, какъ меня увѣряли, есть не болѣе, какъ оригинальный способъ, сохранить свое право на колодезь и окружающую землю. И то и другое принадлежитъ вырывшему, по имени котораго называется и колодезь.

***) Черезъ восточную часть степи Кизылъ-кумъ проходятъ почти въ меридіональномъ направленіи дороги: Матай, Джанай, Буранъ и Дюсебай. По окраинѣ песковъ идетъ дорога Кемиръ, по которой можно изъ бухарскихъ и кокандскихъ владѣній проѣхать въ Перовскъ и Казалинскъ. У Корджуна отъ этой дороги отдѣляется дорога

цевъ ближе, какъ на трехдневномъ протяженіи; на такомъ разстояніи, по разсказамъ, находятся колодцы на дорогѣ Дюсебай, идущей отъ Учь-каюка въ Бухару. Увеличеніе числа колодцевъ, вполнѣ возможное, имѣло бы весьма важныя практическія послѣдствія уже и потому, что Кизылъ-кумы лежатъ поперегъ торговыхъ путей, идущихъ въ Хиву и Бухару.

Возвращаюсь къ природѣ Кизылъ-кумовъ:

Весьма характерно для степи Кизылъ-кумъ сильное развитіе кустарной растительности (саксаулъ и многіе другіе кустарники, особенно джузгунь—Calligonum и на сыпучемъ пескѣ куянъ-суекъ — Ammodendron покрываютъ песчаные бугры); лишенные по большей части пластинчатыхъ листьевъ, не дающіе никакой тѣни, они придаютъ Кизылъ-кумамъ весьма оригинальный видъ. Саксаулъ достигаетъ преимущественнаго развитія на мѣстахъ, называемыхъ *тлей*. Такъ киргизы зовутъ ровныя площади, съ песчано-глинистой почвой, лежащія между песчаными буграми; здѣсь саксаулъ образуетъ густые лѣса и достигаетъ значительной вышины; средній ростъ его—высота всадника. Саксаулъ играетъ весьма важную практическую роль: изъ него выжигается во множествѣ уголь, отправляемый въ Бухару. Для обжога его идутъ въ Кизылъ-кумы и киргизскіе байгуши, игенчи съ Сыръ-Дарьи и даже изъ окрестностей Ташкента. Другія растенія кизылъ-кумской флоры также весьма оригинальны и рѣзко отличаются отъ флоры окружающей степи. Гербарій песчаной флоры заключаетъ болѣе 200 видовъ; составленіемъ его я и въ это путешествіе обязанъ помощи Ольги Александровны Федченко.

Полезныхъ растеній встрѣчено не много: въ первый разъ попалась мнѣ Dorema ammoniacum (*илянъ* по-киргизски), растущая въ ограниченномъ количествѣ въ посѣщенной части Кизылъ-кумовъ. Совершонное путешествіе вообще ознакомило меня съ многими Ferulaceæ. Такъ напр., я въ громадномъ количествѣ встрѣтилъ дающую ассафетиду Scorodosma phœtidum—(*сассыкъ-курай* или *кеурекъ*), въ изобиліи растущую въ пескахъ, но почти столь же обыкновенную и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ степи; ближайшее ея мѣстонахожденіе къ Ташкенту лежитъ въ 40 верстахъ по дорогѣ въ Чардару. (Она встрѣчается также въ голод-

---

Ирмиръ, идущая чрезъ Аксарылъ и Тасты къ Дюртъ-кудукъ; оттуда она чрезъ Тохты ведетъ къ горамъ Ирлиръ, у которыхъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ подполковникомъ Главацкимъ, идетъ дорога въ Хиву. Такимъ образомъ Ирлиръ есть самая прямая дорога изъ Туркестана въ Хиву. Всѣ поименованныя дороги, а также и другія географическія свѣдѣнія, войдутъ въ карту восточной части Кизылъ-кумовъ, составляемую мною на основаніи съемки, производившейся топографомъ, и собранныхъ распросныхъ свѣдѣній.

ной степи между Чиназомъ и Джизакомъ и въ горахъ Заравшанской долины до высоты 5,000). Вблизи Сыръ-Дарьи и на Каракѣ найдена *акъ-курай*, (кажется Ferula persica), рѣзко отличающаяся отъ другихъ Ferulaceæ малой величиной корня; у другихъ корни достигаютъ длины 3 футовъ, у Scorodosma, при такой же длинѣ, имѣютъ болѣе полуфута толщины, а у *акъ-курая* длина ихъ не болѣе полуфута, толщина же всего въ дюймъ. Затѣмъ встрѣченъ еще *сары-курай*, Ferula съ крупными листьями, и двѣ Ferula съ мелкоразрѣзными листьями, называемыя туземцами однимъ именемъ *сасыръ*, хотя они сами говорятъ, что это разныя растенія. Одно изъ нихъ есть несомнѣнно Ferula Schair Borsc. Оно встрѣчено и въ степи, и въ пескахъ *).

Ferulaceae любопытны, между прочимъ, потому, что съ нихъ собираются смолы, имѣющія приложеніе въ медицинѣ: (gummi assa faetida, ammoniacum et galbanum). О сборѣ этихъ смолъ здѣсь я свѣдѣній не получилъ, но надъ корнемъ Scordosma foetidum, привезеннымъ мною въ Ташкентъ, I. И. Краузе сдѣлалъ другое любопытное наблюденіе: корень, указанной выше величины, весь состоитъ изъ чрезвычайно крѣпкихъ, бѣлыхъ волоконъ, изъ которыхъ г. Краузе полагаетъ возможнымъ приготовлять отличные канаты. Изъ другихъ растеній укажу на ревень (*матранъ*), встрѣчающійся въ Кизылъ-кумахъ въ двухъ видахъ; корни его выкапываются киргизами для откармливанія зимою слабыхъ верблюдовъ. Въ пескахъ растетъ множество *ширишu* (Eremurus Sp.), корни котораго, содержащіе декстринъ, собираются туземцами и употребляются, какъ клей. Кормовыми травами Кизылъ-кумы небогаты: кромѣ ранга (Carex physodes & M. B.; когда онъ засохнетъ, его называютъ *бусъ*). Мнѣ указали на слѣдующія растенія, какъ кормовыя: *ибелекъ* (Ceratocarpus arenarius), *кызгалдакъ* (макъ, Papaver), встрѣчается только въ ямахъ, на мѣстахъ, гдѣ располагаются зимовки и очевидно занесенъ съ хлѣбомъ; вблизи зимовокъ, на сильно удобренной почвѣ, я встрѣчалъ даже просо,

---

*) У киргизъ выработалась весьма полная и характерная номенклатура различныхъ мѣстностей, встрѣчающихся въ пескахъ и на окраинѣ ихъ; кромѣ *тлей*, мнѣ извѣстны слѣдующія названія: *такыръ* — гладкія пространства, остающіяся послѣ высыханія *какъ* т. е. лужъ съ снѣговой водой; гладкія глинистыя пространства, поросшія мелкими солянками, называются *татыръ*; неровныя пространства, поросшія или кочковатыми кустарниками полыни или мелкимъ саксауломъ — называются *чабыръ*; сравнительно ровныя, суглинистыя пространства, густо поросшія рангомъ, называются *ранг-джой*; это лучшія пастбища; плотный песокъ *жунгыръ-кумъ*, сыпучій — *баткакъ-кумъ*; бугры передвигающихся песковъ—*урме*; песчаные холмы, одиночно разбросанные въ степи — *біюратъ*.

(Panicum miliaceum); *джусанъ*, виды полыни, (растутъ на плотныхъ суглинистыхъ пространствахъ) *селеу* (такъ называется ковыль и еще одинъ злакъ), *кубенъ-куйрукъ*, *куты-бусъ*, *изянъ-саганъ* и *тюйе-сенгиръ* (кустарный астрагалъ) *).

Изъ животныхъ, особенно любопытныя формы встрѣчены между птицами, ящерицами и членистоногими. Изъ птицъ, близь колодца Дюсебай, была убита исключительно въ Кизылъ-кумахъ встрѣчающаяся ворона (Podoces Panderi). Мнѣ удалось найти и гнѣзда ея съ яицами, устроенныя изъ шерсти и пуху, между вѣтвей саксаула. Самая птица чрезвычайно быстро бѣгаетъ между саксауломъ, по временамъ взлетая на деревья и имѣетъ весьма громкій и оригинальный крикъ. Киргизы зовутъ ее *ала-таганакъ*. Питается она, по ихъ словамъ, червями изъ стволовъ саксаула. Ящерицы въ пескахъ весьма многочисленны; самый обыкновенный видъ Agama Sanguinolenta Pall; затѣмъ нерѣдки на сыпучемъ пескѣ Scapteira grammica Zicht и Phrynocephalus interscapularis Zicht. Около Дюсебая найдены Phrynocephalus auritus Pall и Scapteira scripta Str. Встрѣчаются также вблизи глинистыхъ мѣстъ Eremias velox Pall. и intermedia Str. Около Байбека ночью пойманъ Feratoscineus Keyserlingii Str. Вблизи песковъ и въ пескахъ, между саксауломъ встрѣчаются исполинскія Psammosaurus Geoffr., извѣстныя до сихъ поръ въ предѣлахъ Туркестана только изъ окрестностей Ходжента. Киргизы зовутъ ихъ *келесъ*. Мы видѣли въ теченіи недѣли 6 штукъ и четырехъ изъ нихъ поймали: одна и до сихъ поръ живетъ у меня. Интересно, что полуденный зной **) невыносимъ даже для ящерицъ; Psammosaurus arenarius неподвижно сидитъ подъ саксауломъ, Scapteira scripta и Phrynocephalus interscapularis, бѣгающіе чрезвычайно быстро, дѣлаются вялыми и скры-

*) Берега Сыръ-Дарьи представляютъ на луговой, лѣвой сторонѣ множество луговъ съ превосходной растительностью, главнымъ образомъ изъ злаковъ. Болѣе всего распространенъ *бидаекъ* (Triticum Sp.). Затѣмъ злаки: *баттаунъ*, *аджирыкъ* и *каралюнъ*; хвалятъ, какъ кормовую траву, молодой камышъ, называемый *куранъ*. Затѣмъ указываютъ на *мія* (Glucirrtiza) и *сура* (солянка).

**) Наибольшую температуру я наблюдалъ близь колодца Дюсебай: въ тѣни, около часу пополудни, было 42 С.; температуру песка я опредѣлить не могъ: ртуть быстро наполнила всю трубку моего термометра (54 С.) это было 13-го мая, при совершенномъ безвѣтріи, что было весьма тяжело. Всего больше мученій причинили намъ знойные вѣтры, *(керимъ-салъ)* испытанные нами два раза; особенно трудна была ночь на 16-е мая на Сыръ-Дарьѣ, когда термометръ показывалъ 35 С., тогда какъ въ слѣдующую ночь, около часу было только 18,5 С.

ваются въ норы *); Agama sanguinolenta залѣзаетъ на верхушки самыхъ высокихъ саксауловъ и неподвижно сидитъ на нихъ, и только когда ее тронешь, спрыгиваетъ на землю. Я не сомнѣваюсь, что она дѣлаетъ это съ цѣлью уйти отъ раскаленнаго песку и быть на вѣтру. Насѣкомыя представляютъ много своеобразныхъ формъ **): я ни въ одномъ изъ совершенныхъ въ здѣшнемъ краѣ путешествій не встрѣчалъ столько формъ, рѣзко различающихся отъ европейскихъ; особенно много такъ называемыхъ роющихъ (Fossroia) изъ перепончатокрылыхъ, Asilidae, Bombilidae и Nemestrinidae изъ двукрылыхъ. Весьма разнообразны осы и любопытно нахожденіе 6 видовъ Masaridae. Изъ бабочекъ самая любопытная Ismene helias; изъ жуковъ, встрѣчаются во множествѣ Physoetops tataricus Pall. и Dyoctes Lehmanni Men. Послѣдній жукъ, привезенный только Леманомъ, одна изъ величайшихъ рѣдкостей, водится въ Кизылъ-кумахъ въ огромномъ количествѣ: стоило пойти со свѣчей вечеромъ и почти на каждой вонючкѣ (Scorodosma) находилось по нѣсколько штукъ этихъ жуковъ. На одномъ экземплярѣ я разъ нашелъ болѣе двадцати экземпляровъ. Эти жуки ѣдятъ сѣмяна вонючки. Это объясняетъ наблюденіе, записанное Леманомъ, который видѣлъ, какъ эти жуки уносили сѣмяна вонючки въ свои норы.

Въ заключеніе, не могу не высказать, къ чему приводитъ меня наблюдавшаяся оригинальность животныхъ и растительныхъ формъ въ Кизылъ-кумахъ. Со многими изъ этихъ формъ ученые познакомились уже давно, благодаря тому, что русскіе путешественники: Пандеръ, Эверсманъ и Леманъ проходили чрезъ Кизылъ-кумы на пути въ Бухару и едва-ли я ошибусь, если скажу, что коллекціи, сдѣланныя при проходѣ чрезъ пески, главнымъ образомъ содѣйствовали установленію взгляда, что весь Арало-Каспійскій бассейнъ имѣетъ фауну, рѣзко отличающуюся отъ европейской. Я же прихожу къ заключенію, что Кизылъ-кумы имѣютъ весьма своеобразную фауну потому, что существуютъ гораздо большее время, чѣмъ окружающія степи; по осушеніи степей, они, наравнѣ съ европейскимъ

---

*) Въ норы ящерицъ и другихъ животныхъ прячутся отъ жары и нѣкоторыя насѣкомыя; такъ изъ Diptera туда залѣзаютъ: Medeterus, Sarcophaga и даже такой типъ жаркихъ странъ, какъ Nemestrina. Anthracidae, Bombilidae и другіе стараются сѣсть хоть въ маленькой тѣни. Интересно, что къ колодцамъ во время водопоя слетается много насѣкомыхъ и садятся сосать сырой песокъ. Такъ на Байбекѣ я видѣлъ: Falanus, Anthrax, Nemestrina, Odynerus и др.—Многія насѣкомыя, обыкновенно быстро летающія, (Bombylidae) во время жара летаютъ гораздо медленнѣе.

**) Всего собрано до 6,000 экземпляровъ насѣкомыхъ; изъ нихъ половина собственно въ Кизылъ-кумахъ.

и африканскимъ и можетъ быть и индійскимъ материками, приняли участіе въ заселеніи вновь образовавшейся площади. Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Борщова, что Кизылъ-кумы—самое послѣднее морское образованіе, потому что подъ пескомъ находится тотъ твердый песчаникъ, изъ котораго образовался рыхлый песокъ (онъ выходитъ наружу въ Кордулѣ и на Дюсебаѣ) и потому что вывѣтриваніе песчанника и образованіе рыхлаго песку могло успѣшно идти лишь при доступѣ воздуха, слѣдовательно надъ водой.

Наконецъ, самыя новѣйшія морскія образованія въ здѣшнемъ краѣ вовсе не песчаники, а глины. Полныя геологическія изслѣдованія, особенно въ западной части Кизылъ-кумовъ, богатой каменистыми возвышенностями, должны будутъ точнѣе опредѣлить степень древности этой степи.

А. Федченко.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края.

Кураминскій уѣздъ.

I. *Движеніе народонаселенія уѣзда.*

Кураминскій уѣздъ,—центральный уѣздъ всего Туркестанскаго края *), занимаетъ пространство, по приблизительному исчисленію, въ 28,000 квадратныхъ верстъ; на этомъ пространствѣ считается 39,225 дворовъ; въ томъ числѣ осѣдлые жители уѣзда занимаютъ 22,179, кочевые 11,481 и безземельные 5,565 дворовъ. Приблизительная цифра населенія, считая по 7 душъ на дворъ и кибитку, опредѣляется такимъ образомъ въ 274,500 душъ, или почти по 10 душъ на квадратную версту.

По племенамъ, жители Кураминскаго уѣзда раздѣляются: на киргизовъ, таджиковъ, сартовъ (смѣшаннаго происхожденія отъ киргизъ и таджиковъ) кураминцевъ (осѣдлыхъ киргизъ). Затѣмъ въ незначительномъ числѣ: кара-китайцы (монгольской расы), ногайцы (монголо-татарской), евреи, юзы и индусы.

Киргизовъ	считается	20,710	киб.,	или	144,970	душъ.
Кураминцевъ	»	11,043	»	»	77,301	душа.
Сартовъ	»	5,065	»	»	35,455	»
Таджиковъ	»	1,663	»	»	11,641	»
Кара-китайцевъ	»	341	»	»	2,387	»
Юзовъ	»	327	»	»	2,289	»
Ногайцевъ	»	50	»	»	350	»
Евреевъ	»	20	»	»	140	»
Индусовъ	»	6	»	»	42	»
Итого	»	39,225	»	»	274,275	»

*) Ташкентъ числится въ Кураминскомъ уѣздѣ.

Такъ какъ не только метрика, но и простая перепись противорѣчатъ мусульманскимъ обычаямъ, то и нельзя было собрать никакихъ данныхъ для рѣшенія вопроса о движеніи народонаселенія. Особенныхъ же колебаній въ цифрѣ населенія, вслѣдствіе переселеній, и проч., не было.

II. Состояніе урожая и вообще средствъ народнаго продовольствія.

Хлѣбныхъ магазиновъ и запасовъ хлѣба никогда еще въ уѣздѣ не учреждалось. Денежныхъ капиталовъ продовольствія тоже не имѣется.

Земли, годной для хлѣбопашества, можно считать до 379,046 танаповъ или 63,174⅓ десятины. Разнаго хлѣба (пшеница, просо и рисъ) было высѣяно въ 1868 году—27,204 батмана *).

Въ томъ числѣ озимаго.	.	772
» » » яроваго.	.	26,432

Сложный урожай перваго самъ — 5, втораго самъ — 8.

Надобно, впрочемъ, оговориться, что цифры эти гадательныя, такъ какъ онѣ вычислены по количеству внесенныхъ податей, считая, что $^1/_{10}$ часть урожая была совершенно вѣрно опредѣлена сборщиками и взята уравнительно со всѣхъ обработанныхъ полей.

Всего родилось 218,297 батмановъ.

Озимаго. . .	3,872	батмановъ
Яроваго. . .	214,435	»

Употреблено на новый посѣвъ — 33,767 батмановъ. На каждую душу причитается 0,6 батмана.

Въ 1869 году засѣяно хлѣба 33,767 батмановъ; въ томъ числѣ:

Озимаго	800	батмановъ
Яроваго	32,967	»

Сложный урожай перваго: самъ — 5, втораго самъ — 8,8.

Всего родилось — 294,890 батмановъ.

Озимаго	4,000
Яроваго . . .	290,890

Употреблено на новый посѣвъ до 38,000 батмановъ.

На каждую душу причитается по 0,9 батмана.

Хлѣбовъ, переносящихъ здѣшнюю зиму, а слѣдовательно засѣваемыхъ иногда осенью, т. е. озимыхъ, немного: это пшеница, ячмень и макъ.

---

*) Одинъ батманъ содержитъ 4 сиры = 7 пуд. 32 ф.

Такъ какъ урожай зависитъ здѣсь, главнымъ образомъ, отъ количества воды въ рѣчкахъ, а слѣдовательно и въ арыкахъ, то засуха вліяетъ на урожай весьма слабо; поэтому до сихъ поръ еще не приходилось принимать мѣръ къ обезпеченію народнаго продовольствія. Только въ случаѣ особеннаго избытка воды въ р. Ангренѣ (какъ напримѣръ въ 1870 году), увеличивается запашка, такъ какъ большее количество земли можетъ быть орошено. Но если будетъ засѣяно несоразмѣрное съ водой количество земли, а также въ случаѣ крайней засухи, часть хлѣба выгораетъ. Въ послѣднемъ случаѣ хлѣбъ выгораетъ даже если земля и была покрыта сплошь водой, ибо возвышающіеся надъ поверхностью воды верхушки растеній опаляются солнцемъ и вянутъ, какъ это и случилось въ 1870 году. Излишекъ продовольственныхъ продуктовъ, за удовлетвореніемъ потребности уѣзда, вывозится обыкновенно въ Ташкентъ, по спросу поставщиковъ хлѣба для войскъ.

Кромѣ хлѣба значительная часть земли, и именно 16,140 танаповъ занята клеверомъ; затѣмъ сѣется немного *кунаку* (мелкое просо) — до 800 батм., *зыгирю* (конопля) — до 500 батм., *джугары* (видъ сорго или китайскаго проса). Воздѣлываются также и разныя огородныя овощи, преимущественно дыни (до 8,600 танаповъ), морковь, свекла, рѣдька, рѣпа, лукъ, а затѣмъ—огурцы, арбузы и въ небольшомъ количествѣ картофель. Обыкновенно считается, что подъ посѣвъ одного батмана зерна, надобно занять четыре танапа земли. Если высѣяно было 59,364 батмана, то значитъ занято подъ хлѣбъ 237,456 танаповъ, остальные же 141,500 танаповъ заняты подъ клеверъ, хлопокъ и огородныя овощи.

Въ 1869 году было занято:

подъ клеверъ . .	19,504	танапа
» дыни . . .	8,555	»
» хлопокъ . .	4,640	»
» виноградъ. .	797	»

Каждый танапъ клеверу даетъ 100 пудовъ, такъ что въ 1869 году жители получили 1.950,400 пудовъ, или, считая по 8 споповъ на пудъ, 15.603,200 споповъ. Изъ этаго числа, за удовлетвореніемъ собственной потребности, могло быть продано 4,403,200 споповъ на сумму 88,064 руб., считая по 2 руб. за сотню, что весьма умѣренно.

Изъ мѣстныхъ плодовъ можно упомянуть только о ежевикѣ; садовые же плоды изобилуютъ, въ особенности: виноградъ, урюкъ, персики, черешни, вишни, тутъ, айва и др.

Травы въ 1868 и 1869 годахъ были вообще хороши, но такъ какъ жителямъ пришлось подѣлиться пастбищами съ казаками, сосредоточен-

ными почти исключительно въ одномъ Кураминскомъ уѣздѣ, то на кормъ скота травы оставалось не вполнѣ достаточно.

Скота въ уѣздѣ примѣрно до 830,000 головъ, изъ нихъ: верблюдовъ—33,300, лошадей—60,350, ословъ 5,550, рогатаго скота—52,700, овецъ—678,100 штукъ.

III. Состояніе народнаго здоровья.

Эпидемическихъ болѣзней въ минувшіе 1868 и 1869 годы не было. Изъ эндемическихъ болѣзней существуютъ: лихорадка и разнообразныя накожныя болѣзни. Лихорадка прямо обусловливается обиліемъ воды въ уѣздѣ, обширными ирригаціями и болотами, особенно близь Той-тюбе и Чиназа. Что же касается до накожныхъ болѣзней, то онѣ, несмотря на кажущуюся чистоплотность народа (оффиціальныя омовенія), развиты здѣсь въ весьма большихъ размѣрахъ... Рѣдкій туземецъ не страдаетъ отъ парши и сартовской болѣзни. Первая, какъ растительный паразитъ, распространяется путемъ переноса споръ на кисти цирюльника, брѣющаго головы больныхъ и здоровыхъ, или тюбетейкой, попавшей съ больной головы на здоровую; во всякомъ случаѣ почва готовая и воспріимчивая.

Тюбетейка, никогда непокидаемый головной уборъ, задерживаетъ испарину, и благодаря вліянію двухъ главныхъ дѣятелей: влаги и теплоты, какъ нельзя болѣе способствуетъ развитію болѣзненныхъ паразитовъ, если бритва не часто ихъ соскабливаетъ.

Сартовская болѣзнь составляетъ для самихъ туземцевъ болѣзнь загадочную, непонятнаго происхожденія и не поддающуюся мѣрамъ предупредительнымъ. Названія *авганъ-яра*,—(авганская язва) и *пша-хурда* (злая муха) указываютъ только на попытку объяснить происхожденіе болѣзни. Азія или Африка, Алеппо или Гвинея родина сартовской язвы — во всякомъ случаѣ это одинъ изъ видовъ лепры (проказы) и, какъ указываютъ наблюденія, распространяется по арыкамъ. Вода, проходя черезъ весь городъ и омывая къ каждомъ дворѣ всякіе секреты, несетъ ихъ далѣе и, чистая на видъ, заражаетъ употребляющихъ ее для умыванія. Извѣстенъ фактъ, что язва (сартовская болѣзнь) развивается преимущественно на лицѣ и рукахъ, т. е. на частяхъ тѣла, чаще всего знакомящихся съ водою. Въ Ташкентѣ, между русскими, населяющими урду *), язва имѣла нѣсколько жертвъ, тогда какъ другія части русскаго города были отъ

*) Центральная часть русскаго города, построенная на мѣстѣ бывшей коканской цитадели, или урды.

нея до сихъ поръ почти свободны. Язва эта уступаетъ, хотя и медленно, іодистымъ препаратамъ, оставляя только болѣе или менѣе замѣтный слѣдъ. Туземцы лечатъ ее разными ѣдкими мазями изъ мѣднаго купороса, уксуса и меда. Арыки разносятъ, кромѣ того и другіе сюрпризы: я самъ видѣлъ у магистра фармаціи г. Пальма, молодаго солитера, вершковъ десяти, найденнаго въ арыкѣ.

Изъ прочихъ видовъ проказы достойна вниманія еще *махао*, но пораженные ею тщательно скрываются и ничѣмъ не лечатся. Въ трехъ верстахъ отъ Ташкента есть кишлакъ *Махао*, куда 40 лѣтъ тому назадъ были выселены всѣ прокаженные, изолированные такимъ образомъ отъ остальнаго общества и лишенные почти всѣхъ гражданскихъ правъ. Населеніе этого кишлака состоитъ изъ 31 души; они влачатъ свое горькое существованіе, питаясь милостынею и вступаютъ въ бракъ исключительно между собою, производя на свѣтъ несчастныхъ, уже пораженныхъ болѣзнію. Командированный въ этотъ кишлакъ въ маѣ 1869 г. уѣздный врачъ г. Савельевъ, нашелъ тамъ 29 взрослыхъ человѣкъ обоего пола, больныхъ проказою въ разныхъ степеняхъ ея развитія: почти всѣ они были покрыты злокачественною сыпью, у 12 человѣкъ уничтожены носовые хрящи, причемъ у пяти — уничтожены также мягкое небо и язычекъ, а у двухъ—поражены глаза. Затѣмъ одинъ—съ трудомъ раскрывалъ ротъ, вслѣдствіе рубцовъ на лицѣ, у другаго — была большая язва на ногѣ, у третьяго—пальцы сведены на рукахъ, и ногахъ. Кромѣ того, у четырехъ человѣкъ отпали пальцы на конечностяхъ и наконецъ у одной женщины—отвалилась вся стопа. Врачъ приписываетъ эту болѣзнь сифилису. Общіе признаки махао таковы: кромѣ изуродованій на лицѣ (рубцы, язвы, шишки, отсутствіе носовыхъ хрящей, пораженіе глазъ, и проч.) и пораженій неба, гортани и язычка—все тѣло и, въ особенности, конечности покрыты сыпью (psoriasis) съ атрофіей мускуловъ, худосочными язвами, сведеніями и искривленіями въ пальцахъ, а иногда и совершеннымъ отпаденіемъ ихъ. Съ своей стороны, я позволю себѣ не раздѣлять мнѣнія врача, и основываясь на нѣкоторомъ знакомствѣ съ источниками и литературой проказы, опредѣлить здѣшнюю махао тождественною съ *чапли* у астраханскихъ киргизовъ, съ *урусъ-котуръ* у ногайцевъ, съ *крымскою болѣзнью* у донцовъ, обнаружившеюся въ половинѣ прошлаго столѣтія), съ *черною немочью* въ остальной Руси, со шведскою spedalshed и т. д., словомъ—съ elephantiasis graecorum.

Докторъ Козловскій, изслѣдовавшій эту болѣзнь въ Терской области, помѣстилъ замѣчательную монографію ея на страницахъ Военно-Медицинскаго журнала за 1869 г. Позволю себѣ позаимствовать изъ нея нѣкоторыя свѣдѣнія:

Появившись на берегахъ Нила, гдѣ ею еще за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. страдали египтяне и евреи, проказа перешла съ послѣдними въ Палестину, а 1000 лѣтъ спустя, появилась въ Персіи, Сиріи, Дамаскѣ и Финикіи. Войска Помпея принесли ее въ Римъ незадолго до Р. Х. Въ концѣ II вѣка проказа распространилась въ Германіи, Мидіи, Скифіи и у кельтовъ. Затѣмъ въ VIII вѣкѣ она занесена была норманнами въ Англію и Швецію. Со временъ же крестовыхъ походовъ, эта болѣзнь сдѣлалась эндемическою на прибрежьяхъ Норвежскаго, Средиземнаго и Черныхъ морей. Въ Россіи болѣзнь появилась только въ XV столѣтіи, именно около 1462 г. и, по мнѣнію Рихтера, была занесена съ запада, хотя свидѣтельство Палласа и Гмелина, видѣвшихъ проказу на берегахъ Каспія и въ Крыму, дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ другое предположеніе: о пути проказы съ востока по Дону, Волгѣ, Уралу, Яику, этимъ естественнымъ путямъ великаго передвиженія народовъ. Извѣстно, напримѣръ, что въ лагерѣ Тамерлана сжигали прокаженныхъ и потому весьма возможно, что такимъ пріятнымъ подаркомъ мы обязаны именно ему.

На Кавказъ проказа принесена переселенцами съ Дона и Волги; по мѣрѣ перехода съ линіи на линію, переходитъ и проказа. Такъ въ нынѣшнемъ столѣтіи она явилась съ переселенцами съ Терека на Сунжу. Какъ всегда и вездѣ, болѣзнь эта считалась наказаніемъ Господнимъ, и больные ею были удаляемы въ особые скиты, куда благочестивые люди носили имъ пищу, такъ какъ сами прокаженные не смѣли появляться въ станицахъ, подъ страхомъ наказаній. Первая лепрезія (кутейниковская) была устроена въ Новочеркаскѣ въ 1835 г., а въ 1847 г.—и въ Пятигорскѣ; затѣмъ устроены были Наурская и Горячеводская лечебницы.

Проявленія этой болѣзни совершенно тождественны съ махао: 1) на кожѣ появляются пятна, пупыри, узлы, бугры, въ особенности на лицѣ и конечностяхъ. Ноги до того утолщаются буграми и отекомъ, что сравниваются съ слоновыми, а лице — со львинымъ, 2) ногти крошатся, 3) бугры изъязвляются, 4) слизистыя оболочки рта, носа, глазъ поражаются утолщеніями, буграми, изъязвленіями, 5) кости носа, твердаго неба, суставовъ пальцевъ поражаются каріознымъ процессомъ и въ послѣднемъ случаѣ ноготь нерѣдко переходитъ на второй суставъ, когда послѣдній выдѣлился, 6) мускулы атрофируются, 7) лимфатическія желѣзы припухаютъ, 8) нервная система разстроивается, чувство осязанія до того притупляется, что люди получаютъ ожоги, грѣясь у огня, 9) отдѣленія кожи не существуютъ, 10) разстройство дыханія выражается *жаждою воздуха* и вонючимъ выдыханіемъ, 11) разстройство пищеваренія—обезцвѣчиваніемъ кала и запорами, 12) рожа, цинга, лишаи, лихорадки — суть только осложненія этой мучительной болѣзни.

Въ Ходжентскомъ уѣздѣ, въ трехъ верстахъ отъ Ура-тюбе, есть свой кишлакъ Махао, состоящій изъ 7-ми дворовъ, въ которыхъ помѣщаются 15 мужчинъ, 5 женщинъ и двое дѣтей. Прежде этотъ кишлакъ былъ подъ самыми стѣнами Ура-тюбе, но въ двадцатыхъ годахъ перенесенъ тогдашнимъ бекомъ на новое мѣсто, подальше отъ города. Въ числѣ больныхъ есть одинъ весьма любопытный субъектъ: лица у него нѣтъ, также, какъ нѣтъ ни носа, ни глазъ, ни бровей, ни губъ, ни подбородка: всѣ выпуклости сглажены и стянуты рубцами, и только небольшія углубленія указываютъ мѣсто, гдѣ былъ носъ и глаза, а безобразная дыра служитъ пищепріемникомъ. Больной этотъ глухъ, нѣмъ и слѣпъ; ему около 30 лѣтъ и онъ постоянно грѣется на солнцѣ. У доктора Шимановскаго («операціи на поверхности человѣч. тѣла») подобный субъектъ—латышъ изъ окрестностей Вендена, въ Курляндіи—приводится, какъ куріозъ, подъ характеристичнымъ названіемъ *тыквенной головы*; но тамъ это уродство было слѣдствіемъ разъѣдающаго лишая (lupus). Весьма возможно, что за махао нерѣдко принимается и lupus, такъ что нѣкоторые изъ больныхъ попадаютъ въ махаоны не совсѣмъ справедливо.

Комплектованіе лепрозныхъ кишлаковъ и слѣдовательно наблюденіе за выдѣленіемъ больныхъ изъ среды здоровыхъ, лежитъ на самихъ махаонахъ: какъ только слухи о вновь заболѣвшемъ достигли до лепрознаго кишлака, тотчасъ же снаряжается депутація, которая и требуетъ больнаго къ своему обществу. Богатые откупаются ежегоднымъ взносомъ отъ 50 до 100 рублей, а бѣдные—покоряются, если не убѣжденіямъ, то силѣ и водворяются въ средѣ махаоновъ.

Изъ другихъ, не эндемическихъ, а занесенныхъ со стороны болѣзней, можно упомянуть о *сифилисѣ* и *риштѣ*. Множество туземныхъ тебибовъ—врачей, практикующихъ въ тиши и неизвѣстности, не позволяетъ статистикѣ добыть цифры заболѣвающихъ, о значительной пропорціи которыхъ можно судить только наглядно, по отсутствію носовъ, и т. п.

Что касается *ришты*, то этотъ червь зарождается преимущественно въ стоячей водѣ *хаузовъ* или бассейновъ, развиваясь въ микроскопическихъ ракахъ—*циклопахъ*, которые водятся только въ стоячей водѣ.

О числѣ больныхъ, выздоровѣвшихъ и умершихъ туземцевъ нельзя дать даже и гадательной цифры, такъ какъ уѣздные врачи могутъ принимать только приходящихъ, а при амбулатномъ леченіи цифры выздоровѣвшихъ и умершихъ конечно имъ неизвѣстны, потому что ни тѣ, ни другіе не имѣютъ привычки приходить для заявленія результатовъ леченія. Да и число болѣвшихъ можно сказать, совершенно неизвѣстно, такъ какъ къ русскому врачу обращается, конечно, самая ничтожная доля больныхъ,

и то изъ ближайшихъ къ его пребыванію кишлаковъ. За 1868 и 1869 года такихъ больныхъ въ Кураминскомъ уѣздѣ едва можно было насчитать до 200 человѣкъ.

Изъ числа другихъ болѣзней стоитъ упоминанія *сухтане, кухча* или *куйдурга;* это кажется, сибирская язва: сначала является бѣлое, а потомъ черное, постепенно растущее пятно, сопровождаемое опухолью и горячкой; это пятно должно быть удалено пятикратнымъ прижиганіемъ раскаленнымъ желѣзомъ, иначе на другой или третій день больнаго постигаетъ смерть.

Ни больницъ, ни карантиновъ, ни даже какой нибудь аптеки, въ 1868 и 1869 годахъ въ Кураминскомъ уѣздѣ не было. Выписанные изъ Петербурга медикаменты получены были въ концѣ декабря 1869 г., и помѣщены во временной аптекѣ, до окончанія постройки общественной больницы. Присланная изъ Петербургскаго Воспитательнаго Дома коллекція трубочекъ съ оспенною матеріею до сихъ поръ остается безъ употребленія, въ большей части уѣзда, по отсутствію желающихъ испытать ее надъ своими дѣтьми. Кажется, слѣдовало бы привить оспу какому нибудь изъ русскихъ дѣтей и обставить эту операцію особенною торжественностью, пригласивъ всѣхъ вліятельныхъ людей съ женами и дѣтьми присутствовать при операціи; наконецъ если не употреблять относительно туземцевъ мѣръ принудительныхъ, то можно по крайней мѣрѣ поощрять чѣмъ нибудь привившихъ себѣ или дѣтямъ оспу.

Впрочемъ, нельзя сказать, что туземцы относятся враждебно къ самому акту оспоприviванія: у нихъ есть свои оспопрививатели. Русскіе же врачи не пользуются успѣхомъ единственно вслѣдствіе фанатическаго предубѣжденія, что «не слѣдуетъ прививать мусульманскимъ дѣтямъ кровь кяфира (невѣрнаго)».

IV. Состояніе народной нравственности.

Простое сравненіе числа преступленій, совершаемыхъ въ Кураминскомъ уѣздѣ и въ Россіи, говоритъ уже въ пользу нашихъ новыхъ подданныхъ, кураминцевъ; а если принять въ соображеніе снисходительность понятій о собственности и личности: убійство, оплачиваемое у киргизъ куномъ, т. е. пенею, баранта и т. п., въѣвшійся въ плоть и кровь законъ возмездія: око—за око, зубъ—за зубъ, тысячелѣтній гнетъ полнаго произвола деспотической власти, отсутствіе общедоступныхъ и общепонятныхъ законовъ, вслѣдствіе чего право сдѣлалось достояніемъ и орудіемъ меньшинства,— если принять все это въ соображеніе, то нравственность туземцевъ окажется еще болѣе утѣшительною. Понятіе о справедливости развилось и

окрѣпло, благодаря изустному и гласному суду біевъ и казіевъ. Воспитательное значеніе гласнаго суда, конечно, теперь уже никто отвергать не станетъ и если встрѣчалась иногда недобросовѣстность представителей правосудія, то она могла только отразиться на довѣріи къ такому представителю, а отнюдь не подрывала основы врожденнаго человѣку инстинкта справедливости.

Введенное русской администраціей «Положеніе» не тронуло народнаго судопроизводства и еще развило его присоединеніемъ новаго органа: уѣздныхъ судей, руководствующихся во всемъ положеніями о мировомъ институтѣ въ Россіи. Уничтоженіе же тѣлесныхъ наказаній и всевозможныхъ видовъ казни (начиная съ отсѣченія уха, руки, и т. п., до перерѣзанія горла) нисколько не разнуздало привыкшаго къ крови народа, и опасенія въ этомъ смыслѣ оказались напрасными. Число преступленій, по свидѣтельству здѣшнихъ казіевъ, даже уменьшилось противу времени владычества хановъ и уменьшилось не на малую долю, а почти вчетверо. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, новое для туземцевъ, наше «русское право» переработаетъ первобытныя понятія полуобразованнаго, если не полудикаго народа и укрѣпитъ еще болѣе ту связь, какая уже существуетъ между Россіей и ея новыми среднеазіятскими владѣніями.

Между разными порочными склонностями туземцевъ заслуживаютъ упоминанія: конокрадство, пьянство и подлоги.

Вездѣ, гдѣ есть лошадь, тамъ есть и конокрадъ; но здѣшній конокрадъ только дерзокъ: онъ воруетъ, такъ сказать, откровенно, безъ хитростей. Единственное средство для скрытія украденной лошади—это угнать ее подальше. Перекраска, передѣлка и прочія искуства находятся еще въ младенческомъ состояніи и ограничиваются подстриганіемъ гривы и хвоста. Обыкновенно хозяинъ самъ начинаетъ розыски, а привычка къ путешествіямъ верхомъ и обширныя знакомства, сдѣланныя во время перекочевокъ, значительно облегчаютъ и ускоряютъ розыски. Вотъ почему порядочная доля украденныхъ лошадей отыскивается хозяиномъ рано или поздно. Если и не вполнѣ уличенный, но, по убѣжденію біевъ, все таки виновный въ кражѣ, возвращаетъ лошадь, вознаграждаетъ убытки хозяина по розыскамъ и затѣмъ — гуляетъ на свободѣ, какъ невиннѣйшій изъ людей. Такъ какъ на конокрадство народъ смотритъ гораздо снисходительнѣе, чѣмъ на простое воровство, и такъ какъ эти дѣла зачастую оканчиваются судомъ біевъ, то весьма многіе случаи остаются неизвѣстными для администраціи.

Есть, впрочемъ, легкій способъ схоронить концы и сдѣлать розыски невозможными: это—съѣсть украденную лошадь. Дѣйствительно, иногда чужая лошадь служитъ предметомъ охоты, какъ дичь, но это лишь въ

случаяхъ какого нибудь торжества, когда хозяинъ хочетъ угостить знакомыхъ лакомымъ блюдомъ, а свою лошадь пожертвовать для этого жаль. Считать же кражу лошадей на убой за самостоятельный промыселъ едва ли возможно, такъ какъ лошадь—перевозочный аппаратъ всегда дороже лошади—дичи, если она, конечно, не изморена до полусмерти и не собирается протянуть ноги. Туземцы, и въ особенности киргизы, не брезгаютъ даже и палою лошадью, но все таки предпочитаютъ зарѣзать издыхающую раньше послѣдняго ея вздоха.

Отсутствіе общественной жизни и развлеченій, къ которымъ всегда склонна праздная толпа, заставляетъ туземцевъ придумывать для себя удовольствія, которыя, при отсутствіи публичности, скоро принимаютъ характеръ совсѣмъ интимный. Не въ рабочую пору улицы городовъ наполнены праздношатающимися: это фланеры, дѣлающіе *тамашу* (прогулку). Ученья войскъ, служба въ нашей церкви, базары—все это привлекаетъ цѣлыя толпы народа. Къ окнамъ нашихъ домовъ прилипаютъ любопытные *) и ничѣмъ нельзя отогнать безцеремоннаго наблюдателя нашей домашней обстановки. Базаръ для такихъ людей—кладъ, *чай-хане,* съ какимъ нибудь балагуромъ и балалайкой—рай. Страсть къ зрѣлищамъ, бездѣлье и отсутствіе правильно организованныхъ развлеченій сдѣлали то, что роль небольшихъ театровъ, или еще ближе, роль нашихъ café chantant досталась «чайнымъ». Пѣсни, пляски и фокусы—вотъ незатѣйливая программа порядочной чайной. Женщина изгнана мусульманскимъ закономъ изъ общества и въ ея роли, или, по крайней мѣрѣ на первый разъ, въ ея костюмѣ, является передъ зрителями красивый мальчикъ — плясунъ; это *бача.* Есть особые учители, мастера, обучающіе дѣтей танцамъ и являющіеся съ бубнами, костюмами и учениками по требованію того или другаго богача, устраивающаго *той* (балъ). Тѣлодвиженія мальчика, лукавые взгляды и вызывающая улыбка, подъ звуки не всегда пристойной пѣсни... Но набросимъ завѣсу!

Все это явилось, какъ законное слѣдствіе изгнанія изъ общества женщинъ, отсутствія театровъ и другихъ зрѣлищъ, однообразія азіятской жизни и страсти къ развлеченіямъ. Почти у каждаго зажиточнаго сарта есть свой бача, бѣдняки же идутъ въ складчину и общими средствами нанимаютъ одного бачу, удовлетворяя такимъ образомъ своимъ эстетическимъ потребностямъ.

Въ числѣ опьяняющихъ и одуряющихъ напитковъ, самый употребительный буза. Такъ какъ съ бузой познакомились и наши солдаты, и

*) Такъ по крайней мѣрѣ было еще весьма недавно; теперь, впрочемъ, сарты уже приглядѣлись къ русскимъ.

такъ какъ, по наблюденіямъ врачей, буза дѣйствовала, вслѣдствіе какихъ-то примѣсей, одуряющимъ образомъ, то употребленіе ея и даже приготовленіе были запрещены въ 1869 году.

Намъ кажется, что если вредна не самая буза, а вредныя примѣси къ ней, то слѣдовало бы только запретить эти примѣси. Наши солдаты чаще опиваются водкой, чѣмъ бузой, тѣмъ не менѣе водку запрещать никто и не думаетъ. За что же такое гоненіе на сравнительно невинную бузу? Въ пользу отмѣны запрещенія говоритъ и то, что поддерживать это запрещеніе, слѣдить за производствомъ бузы—рѣшительно невозможно, такъ какъ бузовареніе промышленность не фабричная, а кустарная, т. е. доступная каждому отдѣльному лицу и не требуетъ ни особенныхъ помѣщеній, ни машинъ, ни денежныхъ затратъ. Извѣстно также правило: чего не можешь запретить, то лучше дозволь.

Лучше всего было бы обложить бузу акцизомъ; это дало бы кстати и возможность контролировать, черезъ старшинъ и волостныхъ, законность производства безъ вредныхъ примѣсей.

Менѣе употребительные, но все-таки довольно распространенные напитки, суть: *бангъ*, приготовляемый изъ свѣжихъ или сухихъ листьевъ и цвѣтовъ конопли, которые растираютъ съ водою и пьютъ; *кокнаръ*—изъ маковыхъ головокъ, растираемыхъ также съ водою; *теріакъ*—опіумъ, употребляемый въ чаѣ, и наконецъ, *наша*—гашишъ, который преимущественно курятъ съ табакомъ или отдѣльно.

Что касается до водки, то не смотря на запрещеніе корана, туземцы, въ особенности киргизы, охотно за нее берутся. Желая, однако же, сохранить русское дѣло въ должной чистотѣ, и избавить его отъ нареканій, въ уѣздѣ приняты мѣры къ ограниченію числа питейныхъ заведеній, обусловливая ихъ существованіе только количествомъ русскихъ потребителей; по этому въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ войскъ, питейныя заведенія открывать не дозволяется. Пусть туземцы берутъ отъ насъ только хорошее....

Съ экономической точки зрѣнія также еще вопросъ: стоитъ ли грошовое увеличеніе дохода въ акцизъ, увеличенія расходовъ на тюрьмы?

Страсть къ мелкимъ подлогамъ развита здѣсь также достаточно. Одинъ подаетъ прошеніе и подписываетъ имена людей, съ нимъ даже и незнакомыхъ; другой составляетъ подложный приговоръ отъ имени біевъ и перечисляетъ свидѣтелей, которыхъ на лицо не было во время составленія акта; третій отрѣзываетъ отъ письма лоскутокъ, гдѣ приложена печать, и на другой сторонѣ пишетъ отъ имени владѣльца печати на свое имя долговую росписку; четвертый приписываетъ, подскабливаетъ и передѣлы-

ваетъ цифры въ книгѣ для записыванія денежныхъ сборовъ; пятый заказываетъ мастеру чужую печать по данному отпечатку и потомъ лѣпитъ росписки. Всѣ такіе подлоги—скорѣе дѣтская попытка и свидѣтельствуютъ только о страстишкѣ смошенничать; за то они и рѣдко увѣнчиваются успѣхомъ, такъ какъ не надобно много проницательности, чтобы открыть подлогъ. Тѣмъ не менѣе снисходительнымъ быть не слѣдуетъ, потому что легче подавить зарождающійся и еще неопасный порокъ, чѣмъ бороться съ нимъ, когда онъ явится во всеоружіи новѣйшихъ усовершенствованій. Отъ поддѣлки чужой печати до поддѣлки кредитнаго билета—одинъ шагъ.

Перечислимъ главнѣйшіе виды уголовныхъ преступленій, совершенныхъ какъ русскимъ, такъ и туземнымъ населеніемъ Кураминскаго уѣзда; перечисленіе это можетъ впослѣдствіи послужить матеріаломъ для одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ статистическихъ изслѣдованій: уголовной статистики уѣзда.

Убійствъ было: въ 1868 году 4, изъ нихъ: въ дракѣ 3, умышленныхъ 1 (убитъ смотритель Мурза-раббатской станціи, Ивановъ).

Въ 1869 году было 8 убійствъ; изъ нихъ: совершенное воинскими чинами—1 (казакъ Бай убитъ казакомъ Чернышковымъ); неизвѣстно кѣмъ, но съ подозрѣніемъ на казаковъ—1, (убитъ татаринъ, прикащикъ г. Хлудова, по переправѣ, вслѣдъ за 4-й Уральской сотней черезъ Дарью у Чиназа; въ тѣлѣ найдена шестилинейная пуля Минье. При убитомъ оказалось 3,000 руб. бумажными деньгами, а 9,000 серебрянною монетою похищены).

Въ 1869 г. одинъ безсрочно-отпускной рядовой, возвращаясь изъ Уратюбе въ Чиназъ, былъ захваченъ хищниками и отведенъ въ Бухару. Другихъ случаевъ захвата русскихъ не было.

По одному убійству виновный былъ приговоренъ біями къ уплатѣ 90 тиллей куну, а по другому—193 тилли, 3 халата и 1 лошадь.

Грабежей и разбоевъ произведено: въ 1868 году—14, изъ нихъ подъ самой Той-тюбе—3.

Въ 1869 году—10, изъ нихъ на большихъ дорогахъ 4; въ домахъ изъ числа доказанныхъ случаевъ грабежей, на долю русскихъ приходится—3, т. е. 33%.

Случаевъ воровства и мошенничества было нѣсколько:

Въ 1868 году въ церквахъ — 1 (сартъ укралъ части подсвѣчника), въ домахъ—1, лошадей и скота—9.

Въ 1869 году въ домахъ—2, лошадей и скота—9.

Противъ конокрадства и грабежей въ 1868 году были выставлены пикеты изъ жителей у переправъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда. Сред-

ство это оказалось дѣйствительнымъ и повліяло на цифру преступленій въ 1869 году.

Бѣглыхъ было двое: Мулла-Яръ и Назаръ-Бій, убѣжавшіе изъ Сибири. Выданные жителями, они снова сосланы въ Сибирь. Кромѣ того, въ 1868 году бѣжало изъ Той-тюбе два арестанта; одинъ изъ нихъ вскорѣ былъ пойманъ.

Въ 1869 году изъ Ташкентскаго госпиталя также бѣжалъ одинъ сартъ Кураминскаго уѣзда.

Мѣста для содержанія арестантовъ устроены въ Той-тюбе, Чиназѣ и Тилляу, а также при каждомъ волостномъ управленіи; помѣщенія недостаточны и въ случаяхъ особой важности, когда число арестованныхъ увеличивается, приходится размѣщать арестантовъ на ночь во дворѣ.

Такъ какъ дѣла уголовныя передаются, послѣ дознанія, судебному слѣдователю, то ходъ ихъ и окончаніе ускользаютъ отъ вниманія администраціи, а потому никакого заключенія по нимъ дать нельзя. Приложенная въ концѣ статьи таблица дѣлъ, рѣшенныхъ казіями и біями, можетъ отчасти пополнить и уяснить сообщаемыя нынѣ общія свѣдѣнія о совершенныхъ въ уѣздѣ проступкахъ и преступленіяхъ.

Общественный порядокъ былъ нарушенъ въ 1868 году нападеніемъ въ ночь на 1-е апрѣля на станцію Арабатъ 60-ти человѣкъ, подъ предводительствомъ карадуваны Маадела и дувановъ: Сеитъ-Али-Ша и Абди-Керима. Уральскіе казаки (шесть человѣкъ) отбили нападеніе безъ потерь съ своей стороны. Нападавшіе потеряли убитыми и ранеными трехъ человѣкъ. Главные зачинщики бѣжали, изъ второстепенныхъ же двое были приговорены къ смертной казни, но вслѣдствіе ходатайства, помилованы генералъ-губернаторомъ; два бія и одинъ азанчи, сильно скомпрометированные по дѣлу, были сосланы въ Сибирь на поселеніе.

V. Устройство и порядокъ управленія.

Порядокъ управленія во всемъ согласуется съ дѣйствующимъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ положеніемъ.

Для письмоводства въ управленіи имѣется два письмоводителя, два вольнонаемныхъ писца и два переводчика.

Такъ какъ переписка съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивается, то число чиновъ управленія и способъ ихъ комплектованія дѣлаются недостаточными. Слѣдовало бы увеличить число писцовъ и службу ихъ сдѣлать обязательною или государственною.

Чтобы судить о прогрессіи, съ какой увеличивается переписка, достаточно указать цифры входящихъ и исходящихъ бумагъ:

Нумеровъ входящихъ въ	1868	году	было	1487.
» » »	1869	»	»	1940.
а за шесть мѣсяцевъ »	1870	»	»	1308.
Слѣдовательно за весь годъ будетъ приблизительно около				2600.
Нумеровъ исходящихъ въ	1868	году	было	1597.
» » »	1869	»	»	2160.
а за шесть мѣсяцевъ »	1870	»	»	1578.
Стало быть за весь годъ будетъ около				3150.

Полицейскихъ и пожарныхъ командъ не имѣется; только въ Чиназѣ временно командированы для полицейской службы изъ линейнаго баталіона одинъ унтеръ-офицеръ и 4 рядовыхъ. Внутренняя полиція въ городахъ: Той-тюбе, Пскентѣ, ст. Чиназѣ и старомъ Ташкентѣ оставлена въ вѣдѣніи туземцевъ, подъ управленіемъ такъ называемыхъ *курбашей* (полиціймейстеровъ), а въ волости она лежитъ на обязанности волостныхъ управителей и аульныхъ или кишлачныхъ старшинъ. Первые имѣютъ по два джигита, изъ которыхъ одинъ командируется четыре раза въ годъ въ уѣздное управленіе для посылокъ и передачи распоряженій. При уѣздномъ начальникѣ также имѣется шесть вольнонаемныхъ джигитовъ, и кромѣ того, еще при старшемъ его помощникѣ — два джигита.

VI. Устройство городовъ и доходовъ ихъ.

Въ 1868 и 1869 годахъ производилась дѣятельная перестройка базаровъ въ Пскентѣ, Той-тюбе, и старомъ Чиназѣ, гдѣ проложены широкія улицы, перестроены лавки и сдѣланы навѣсы.

Въ Той-тюбе главныя улицы шоссированы. Въ новомъ Чиназѣ доканчивается базаръ, возведено окончательно укрѣпленіе и выстроено нѣсколько частныхъ домовъ. Въ Телляу разведенъ садъ. Въ новомъ Чиназѣ проведенъ въ слободку новый арыкъ изъ Босъ-су, въ Той-тюбе выстроены хозяйственнымъ способомъ и, по отзывамъ свидѣтельствовавшихъ постройки инженеровъ—крайне дешево, казармы для казачьей сотни, домъ для уѣзднаго управленія, мехкеме и начата больница, а изъ частныхъ домовъ — домъ уѣзднаго начальника и письмоводителя. Въ старомъ Ташкентѣ устроена почтовая станція. Трактирныхъ заведеній открыто въ Чиназѣ 4, а въ Той-тюбе, Телляу и старомъ Ташкентѣ открыто по одному питейному заведенію.

Учреждены также базары въ стар. Чиназѣ, Турбатѣ, Сайлыкѣ, Гайбатѣ и Канжигалахъ (вмѣсто Келеучинскаго). Учреждены они съ разрѣшенія г. военнаго губернатора, вслѣдствіе увеличенія благосостоянія жи

телей, а потому — и увеличившихся потребностей, и вслѣдствіе отдаленности сосѣднихъ базаровъ.

Выгоновъ при городахъ не имѣется, скотъ выгоняется на свободныя отъ запашки земли и въ камыши, которыми изобилуетъ уѣздъ, благодаря множеству рѣчекъ и болотныхъ разливовъ. Городскихъ доходовъ никакихъ не имѣется и встрѣчающіяся потребности удовлетворяются теперь на счетъ суммъ хозяйственныхъ управленій, по внесеніи статей предстоящихъ расходовъ въ смѣту. Въ 1869 году вѣсовой сборъ отданъ на откупъ и деньги переданы въ городскіе доходы.

VII. Устройство дорогъ и переправъ.

Глинистый грунтъ, легко растворяющійся при дождяхъ и разбивающійся въ мельчайшую пыль во время засухъ, дѣлаетъ естественные пути не вполнѣ удобными при такихъ крайнихъ состояніяхъ атмосферы.

Не разработанные подъемы и спуски, при скользкости во время дождя, дѣлаютъ сообщенія крайне затруднительными. На этомъ основаніи въ апрѣлѣ 1869 года приступлено было къ разработкѣ дороги отъ Чиназа до Ташкента, причемъ въ мѣстности, прилегающей къ Чиназу и обилующей болотами, предположено было проложить шоссе. Превосходное шоссе, благодаря иниціативѣ и энергической заботливости начальника уѣзда, полковника Колзакова, проложено и отъ Ташкента до Той-тюбе, на протяженіи 35 верстъ, съ небольшимъ перерывомъ у Чирчика. Полотно дороги окончено было въ двѣ недѣли, при помощи 22,000 рабочихъ, а галька насыпана въ ноябрѣ того же года. Недостатокъ времени не позволялъ не только бить щебенку, но даже тщательно сортировать гальку; тѣмъ не менѣе устроенное шоссе принесло огромную пользу населенію кишлаковъ Кураминскаго уѣзда, облегчивъ путь на базары Ташкента; путь изъ Той-Тюбе въ Ташкентъ совершается теперь, съ переправой черезъ Чирчикъ *), въ 4—5 часовъ, тогда какъ прежде на это употреблялось иногда до 3 дней, вслѣдствіе почти непрерывныхъ болотъ.

На этомъ шоссе устроено 124 моста, и на другихъ грунтовыхъ дорогахъ 65, всего же 191 мостъ. Остальныя дороги между городами Кураминскаго уѣзда, а также почтовыя дороги отъ Ташкента на Чемкентъ и отъ Той-тюбе на Ходжентъ, оставлены въ прежнемъ положеніи и содержатся исправно.

Дорожная повинность распредѣлена уравнительно.

Въ уѣздѣ имѣется шесть переправъ: четыре черезъ Сыръ-Дарью и двѣ чрезъ Чирчикъ. Четыре дарьинскія переправы: въ Шаракія, Чиназѣ,

*) Въ 1872 году чрезъ Чирчикъ устроенъ мостъ.

Чардара и Узуната отданы въ арендное содержаніе. Жители не имѣютъ права переправляться въ этихъ мѣстахъ (кромѣ Чардары) на собственныхъ *каюкахъ* или камышевыхъ плотахъ, отчего имъ приходится дѣлать обходъ въ 65 верстъ ниже Чиназа, гдѣ въ Косъ-аралѣ переправа не возбраняется. Въ Чардары, 95 верстъ отъ Чиназа, тоже дозволено переправляться; нѣсколько ниже Чардары есть еще переправа Кара-сакалъ.

Чиназская переправа поддерживается казеннымъ желѣзнымъ паромомъ на веслахъ и вмѣстѣ со всѣми казенными переправами сдана въ арендное содержаніе ташкентскому купцу Шерафей-баю, который въ тоже время одинъ изъ главныхъ поставщиковъ провіанта для войскъ округа. Выручая съ избыткомъ внесенную на торгахъ сумму, онъ дѣлаетъ еще огромныя сбереженія, не платя ничего за переправу провозимаго имъ собственнаго провіанта. Такимъ образомъ значительная сумма проходитъ мимо кассъ казначейства, а между тѣмъ караваны встрѣчаютъ стѣсненія. Кромѣ того, арендаторъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ улучшенію переправы, что особенно замѣтно во время ледохода, когда вслѣдствіе недостаточнаго числа рабочихъ, обязанность подтягивать паромъ вверхъ по теченію, нагружать паромъ и т. д. ложится на пассажировъ, которыхъ принуждаютъ къ тому силою. Въ виду необходимости имѣть извѣстное число рукъ, распоряжающійся переправою нарочно задерживаетъ паромъ на берегу, пока не наберется достаточное число пассажировъ — рабочихъ. Нельзя не отозваться сочувственно на предложеніе купца М. А. Хлудова устроить на мѣстѣ переправы постоянный мостъ.

Переправа чрезъ Чирчикъ у Куйлюка, на шоссе производится въ бродъ. Во время таянія снѣговъ въ горахъ (въ концѣ мая) и во время сильныхъ дождей эта переправа иногда почти невозможна и всегда рискованна. Въ виду этого, г. генералъ-губернаторъ приказалъ лѣтомъ 1872 года приступить къ постройкѣ чрезъ Чирчикъ постояннаго моста, у деревни Куйлюкъ.

Другая переправа въ устьѣ Чирчика сдана въ аренду Шерафей-баю.

Изъ водяныхъ путей сообщенія въ уѣздѣ имѣется только Сыръ-Дарья, проходящая среднею частью своего теченія въ территоріи Кураминскаго уѣзда; но судоходство по ней поддерживается только казенными пароходами, доходящими вверхъ по теченію до Шаракія, въ 40 верстахъ выше Чиназа.

VIII. Состояніе разныхъ вѣтвей хозяйства и промышленности.

Лѣтніе жары и недостаточное количество атмосферной влаги заставили прибѣгнуть къ искуственному орошенію полей. Значительность тру-

да не остановила трудолюбиваго и терпѣливаго земледѣльца. При скудости средствъ и первобытной простотѣ земледѣльческихъ орудій, надобно еще удивляться количеству и высокой степени обработки занятой подъ посѣвы земли. Съ однимъ только кетменемъ, подъ жгучими лучами солнца, неустанно и терпѣливо обработываетъ туземецъ свою землю, по колѣно въ водѣ, напущенной изъ ближайшаго арыка. Пашетъ ли, сѣетъ ли онъ—безъ воды ему не обойтись, и отъ воды ему не уйти. Рискуя здоровьемъ, онъ получаетъ за то благодарные урожаи, какимъ можетъ позавидовать самое дорогое, самое усовершенствованное хозяйство. Обработывается ежегодно слишкомъ 63 т. десятинъ земли, а при обиліи воды собственно въ Ангренѣ, количество это увеличивается почти на треть.

Кураминскій уѣздъ, по географическому положенію своему, близости къ центру управленія, обилію текучихъ водъ и проч. всегда былъ заселенъ сравнительно гуще сосѣднихъ округовъ и могъ бы быть житницей цѣлаго края при лучшемъ устройствѣ Чирчикской системы и болѣе совершенныхъ пріемахъ земледѣлія.

Теперь значительная масса воды р. Чирчика пропадаетъ непроизводительно, уходя въ Дарью; при надлежащемъ же устройствѣ запрудъ и системы орошенія, Чирчикъ могъ бы сдѣлаться вторымъ Заравшаномъ, съ которымъ онъ и теперь соперничаетъ массою воды и быстротою теченія.

Слѣды старыхъ и не дѣйствующихъ нынѣ арыковъ указываютъ, во первыхъ, на необходимость ихъ въ общей системѣ орошенія, а во вторыхъ, на возможность ими воспользоваться. Въ уѣздѣ двѣ такихъ системы: *Захъ-арыка* и *Мурза-раббата*. Первая, кромѣ орошаемаго теперь пространства, 16 лѣтъ тому назадъ занимала еще площадь около 80 квадратныхъ верстъ къ сѣверу отъ Чимъ-абата, моста Кишъ-купрюка и до уроч. Капиръ-Зада. Стоитъ только увеличить профиль, т. е. уширить и углубить Захъ-арыкъ на протяженіи 8-ми верстъ, между Сайлыкомъ и Ніазбекомъ, какъ уже земледѣліе воззоветъ къ жизни теперешнюю пустыню. Что же касается до орошенія мурза-раббатской «голодной степи», то вопросъ этотъ давно уже занимаетъ администрацію и на столько подвигнутъ изслѣдованіями, что распространяться о немъ будетъ излишне; довольно сказать, что и тутъ орошеніе возможно, хотя и потребуетъ значительныхъ работъ. Проведеніе арыка въ голодной степи начнется съ 1873 года.

Въ виду грандіозности предпріятія и значительности ожидаемой пользы—останавливаться на полъ-дорогѣ передъ издержками и препятствіями не слѣдуетъ: здѣсь именно надобно кинуть въ землю грошъ, чтобъ имѣть право на рубль барыша.

Обратимся къ общему, бѣглому обзору отраслей сельскаго хозяйства въ Кураминскомъ уѣздѣ. О земледѣліи туземцевъ мы уже говорили выше, въ первыхъ главахъ нашего очерка; садоводство, при отсутствіи образцовыхъ фермъ, учителей и примѣра, стоитъ еще на низкой степени развитія: приготовивъ почву, проведя арыки и посадивъ деревья, все остальное туземецъ предоставляетъ природѣ. Винодѣліе, вслѣдствіе религіознаго запрещенія, не существуетъ, а русскіе предприниматели группируются только по большимъ городамъ, каковы: Ташкентъ, Ходжентъ, Джизакъ и Самаркандъ и потому собственно въ Кураминскомъ уѣздѣ винодѣльныхъ заводовъ пока не имѣется.

Овцеводство, при изобиліи корма въ горахъ, находится въ цвѣтущемъ состояніи. Въ 1868 и 1869 годахъ считалось въ уѣздѣ овецъ до 678,100 головъ, рогатаго скота 52,700, ословъ 5,550, лошадей 60,350, верблюдовъ 33,300 головъ.

Пчеловодство не прививается въ уѣздѣ, вслѣдствіе жаркаго лѣта, если вѣрить наблюденіямъ туземцевъ. Въ 1868 году изъ Вѣрнаго были выписаны генералъ-губернаторомъ 60 ульевъ пчелъ, которыхъ и помѣстили, въ видахъ обезпеченія отъ жаровъ, въ горномъ урочищѣ Чимьянъ, въ долинѣ р. Чаткала. Въ 1869 году осталось отъ нихъ всего 13 ульевъ. Такой уронъ пчелы потерпѣли, какъ говорятъ, отъ *кургенека* — небольшой, долгоносой, зеленой и красивой птички. По мнѣнію же А. П. Федченко, высказанному въ отчетѣ его Имп. Общ. любителей естествознанія, пчеловодство въ Туркестанѣ плохо прививается по невнимательности туземцевъ къ уходу за пчелами и вслѣдствіе чрезмѣрнаго ослабленія ульевъ. Если бы акклиматизація пчелъ въ Ташкентѣ не удалась, то это былъ бы первый примѣръ, такъ какъ пчелы удачно разводятся всюду, куда бы ихъ ни привезли; такъ пчелы разведены въ южной Америкѣ и даже въ Австраліи. Множество туркестанскихъ представителей этого семейства, находящихъ себѣ пищу въ мѣстныхъ растеніяхъ, въ числѣ которыхъ есть много медоносныхъ, позволяетъ надѣяться, что въ рукахъ людей, практически знакомыхъ съ пчеловодствомъ, оно будетъ имѣть впослѣдствіи хорошую будущность, тѣмъ болѣе, что населеніе Средней Азіи любитъ медъ и онъ даже привозится сюда изъ Семирѣчья.

Шелководство ограничивается пока еще выводомъ въ незначительномъ количествѣ коконовъ, которые поглощаются ташкентскими шелкомотальнями; тоже можно сказать и о хлопкѣ. Если и есть мастерицы прясть шерсть и хлопокъ, то онѣ ограничиваются только удовлетвореніемъ своимъ домашнимъ потребностямъ. Вообще промышленность обрабатывающая развита въ уѣздѣ слабо и носитъ характеръ кустарной. Киргизы кура-

минскіе славятся своими паласами, но ихъ выдѣлывается такъ мало, что эта отрасль промышленности остается почти неуловимою для статистики.

Торговля имѣетъ представителями 1,206 человѣкъ, изъ коихъ 557 человѣкъ торгуютъ на сумму 51,672 рубля. Между остальными же нерѣдки и бѣдняки, весь оборотъ которыхъ не превышаетъ 40 рублей. Ремесленниковъ считается 1,024 человѣка. Такимъ образомъ на 39,157 домохозяевъ приходится 2,230 разныхъ промышленниковъ, или около 5,7%. Изъ этого числа на одинъ Бискентъ (Пскентъ) приходится 149 купцовъ, торгующихъ на сумму 18,836 рублей и 230 ремесленниковъ. Такому процвѣтанію промышленности, и такъ сказать, самостоятельности въ этомъ отношеніи, сравнительно съ другими городами Кураминскаго уѣзда, Бискентъ обязанъ отдаленію отъ такихъ поглощающихъ центровъ, каковы Ташкентъ и Ходжентъ.

Ни фабрикъ, ни заводовъ въ уѣздѣ не имѣется. Единственными механическими приспособленіями, да и то въ качествѣ прототиповъ, едва удовлетворяющихъ мѣстнымъ потребностямъ, служатъ водяныя мельницы *дегирменъ* — ихъ 239, *джувасъ-ханы* или маслобойки для кунжута и зыгиря (бываютъ водяныя и конныя)—ихъ 604, *абъ-джувасъ* или толчеи для риса и проса — 148. Каждое изъ этихъ заведеній приноситъ въ годъ отъ 100 до 200 руб. дохода.

IX. *Отправленіе повинностей натуральныхъ и денежныхъ.*

Изъ натуральныхъ повинностей существуютъ только: дорожная и арычная, такъ какъ онѣ весьма тѣсно связаны съ ближайшими интересами населенія. Повинности эти распредѣлены довольно уравнительно.

Квартирной повинности введено не было; войска помѣщаются въ казармахъ и домахъ собственной постройки. Подводной повинности, ни натурой, ни деньгами также не существуетъ и чрезвычайныхъ нарядовъ никакихъ не было. Только въ 1868 году, по случаю военныхъ дѣйствій, отъ уѣзда потребовалось въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ разновременно до 110-ти арбъ и до 20-ти верблюдовъ, для перевозки артиллерійскихъ тяжестей и имущества войскъ, выступавшихъ въ походъ. За выставленныя перевозочныя средства деньги были войсками уплачены.

Денежныя земскія повинности существовали только на содержаніе почтъ, исправленіе дорогъ, жалованье чинамъ хозяйственныхъ управленій, волостнымъ управленіямъ, аксакаламъ, старшинамъ и на постройку помѣщеній для уѣзднаго управленія и служащихъ въ ономъ лицъ. Сборъ простирался въ 1868 году до 62,763 р. 96 к., въ томъ числѣ:

Почтоваго	29,486	руб.	25	коп.
На обществен. расходы.	22,569	»	22	»
На жалованье. . . .	10,708	»	49	»
	62,763	руб.	96	коп.

а въ 1869 г.—до 105,034 р. 95 к. сер., въ томъ числѣ:

Почтоваго	30,540	руб.	75	коп.
На обществен. расходы.	11,600	«	20	»
На жалованье. . . .	62,894	»	—	»
	105,034	руб.	95	коп.

Такая несоразмѣрность происходитъ вслѣдствіе того, что въ 1868 году Кураминскій уѣздъ только что организовался и потому жалованья волостнымъ управителямъ и общественные расходы начались только со второй половины года; вслѣдствіе этого, между прочимъ, осталось неизрасходованнымъ въ 1868 г. 12,856 руб. 17 коп., изъ сбора на общественные расходы. Остатокъ этотъ зачтенъ за 1869 годъ и потому собрано было только дополнительныхъ 11,600 руб. 20 коп., что вмѣстѣ составило 24,456 руб. 37 коп. Расходы по ремонтированію шоссейныхъ дорогъ и мостовъ, а также на постройку зданій произведены были хозяйственнымъ образомъ, причемъ сдѣланы были значительныя сбереженія, вычислить которыя, по неимѣнію инженерныхъ смѣтъ, невозможно.

X. Состояніе недоимокъ.

За 1868 и 1869 годы недоимокъ не было, но вслѣдствіе ошибочнаго распоряженія исправлявшаго должность уѣзднаго начальника, капитана Прокоповича, 118 кибитокъ записаны въ двухъ волостяхъ: на мѣстѣ прежней кочевки и тамъ, гдѣ ихъ застала новая перепись, сдѣланная вслѣдствіе означеннаго распоряженія. Такимъ образомъ получилось лишнее число кибитокъ, а количество сбора осталось прежнее, почему съ перваго раза кажется — будто произошла недоимка въ 324 р. 50 коп. Обстоятельство это было своевременно разъяснено и съ разрѣшенія г. военнаго губернатора лишнія кибитки исключены изъ списковъ.

XI. Состояніе богоугодныхъ заведеній, училищъ и мечетей.

Въ концѣ 1868 года жители Кураминскаго уѣзда, сознавая всю пользу новаго устройства, выработаннаго для нихъ организаціонною коммиссіею, просили разрѣшенія объ открытіи подписки на сооруженіе въ Той-тюбе памятника, въ честь членовъ коммиссіи; но предсѣдатель этой коммиссіи, и

вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздный начальникъ, отклонилъ такое предложеніе и указалъ просителямъ лучшее употребленіе ихъ пожертвованію, предлагая устроить въ Той-тюбе больницу. Мысль эта была сочувственно принята и жителями, и членами организаціонной коммиссіи. Разрѣшенная г. военнымъ губернаторомъ подписка дала въ самомъ непродолжительномъ времени (до 25-го августа 1869 г.), 1739 руб. 90 коп., что представило возможность выписать изъ С.-Петербурга довольно полную аптеку и начать постройку больницы. Члены трехъ хозяйственныхъ управленій приговорами своими обязались вносить извѣстный процентъ изъ получаемаго ими содержанія, впредь до окончанія работъ, которыя еще за 1869 годъ подвинулись на столько, что зданіе доведено до крыши.

Выписанная изъ С.-Петербурга аптека прибыла въ Той-тюбе 26-го декабря, но, по неимѣнію знакомыхъ съ этою спеціальностію лицъ, оставалась неразобранною до апрѣля 1870 г., когда она была, наконецъ, распакована и устроена во временномъ помѣщеніи, до окончанія работъ по устройству больницы.

Мечетей въ уѣздѣ считалось 365.

Казенныхъ учебныхъ заведеній въ уѣздѣ не имѣется. Частныхъ школъ для туземцевъ считается 209; кромѣ того, имѣется еще 6 медрессе или высшихъ школъ. Учениковъ въ нихъ было въ 1868 и 1869 годахъ 1795 человѣкъ.

XII. Разныя свѣдѣнія и замѣчанія.

Выборы, произведенные въ первый разъ подъ вліяніемъ организаціонной коммиссіи, были въ большей части случаевъ удачны. Такъ какъ вся тяжесть наблюденія за арыками лежала исключительно на мирабахъ, арыкъ-аксакалы же ничего не дѣлали, то должность эта упразднена вовсе, что дало сбереженія въ 14,000 руб. сер. ежегодно.

Къ сожалѣнію, народъ еще не вездѣ усвоилъ себѣ понятіе о справедливости и равенствѣ передъ закономъ, которое старается проводить русская администрація. Какъ на образчикъ оригинальныхъ воззрѣній на этотъ счетъ, можно указать жалобу выборныхъ Уральской волости на своего старшину зато, что онъ «не смотритъ ни на кого, не различаетъ большаго отъ малаго и одинаково ко всѣмъ требователенъ и взыскателенъ».

Выборные и не подозрѣвали всей странности ихъ претензій; самая попытка объяснить имъ противорѣчіе ихъ взгляда съ закономъ и справедливостью — осталась тщетною и потому имъ просто приказано было слушаться своего старшины безпрекословно.

Въ заключеніе, для болѣе полной характеристики Кураминскаго уѣзда, представимъ нѣкоторыя, нелишенныя интереса свѣдѣнія, доставленныя начальникомъ Кураминскаго уѣзда, полковникомъ Колзаковымъ, въ Туркестанскій статистическій комитетъ:

Въ 1869 г. въ Кураминскомъ уѣздѣ рѣшено было казіями и біями дѣлъ:

По земельнымъ спорамъ	14
» долгамъ	1069
» потравѣ хлѣба	27
» дракамъ и обидамъ	58
» кражѣ	127
» убійствамъ	8
» неотдачѣ просватанныхъ невѣстъ . .	7
» расторженію браковъ	436
» спорамъ о наслѣдствѣ	11
Всего рѣшено дѣлъ	1757

Слѣдующая вѣдомость о количествѣ городскихъ и земскихъ повинностей, взысканныхъ до организаціи Кураминскаго уѣзда (въ 1867) и по организаціи (т. е. въ 1868 и 1869 годахъ) весьма наглядно показываетъ пользу принятыхъ административныхъ мѣръ:

	1867 г. (до организаціи)		1868 г. (по организаціи уѣзда).		1869 г.	
	рубли.	коп.	рубли.	коп.	рубли.	коп.
Хераджъ, т. е. десятое зерно урожая съ зерновыхъ продуктовъ . .	46,373	$65^3/_4$	139,181	29	152,571	$75^1/_2$
Танапъ, т. е. $^1/_6$ част. десятины; взимается съ винограда, хлопка и овощей	8,071	30	31,498	$88^1/_2$	35,580	$55^3/_4$
Зякетъ, т. е. $^1/_{40}$ часть торговаго капитала . .	2,767	23	11,874	80	26,372	76
Кибиточная подать съ каждой кочевой юрты, по 2 р. 75 к. съ юрты.	24,768	—	32,131	—	32,836	75
Земскій сборъ, взамѣнъ натуральныхъ повинностей; установленъ съ 1868 г. по 75 к., поровну съ осѣдлыхъ и кочевыхъ домовладѣльцевъ и юртовладѣльцевъ	—	—	29,486	25	30,528	—
Всего	81,080	$23^3/_4$	244,172	$22^1/_4$	277,889	$82^1/_4$

Кромѣ этихъ взносовъ, населеніе Кураминскаго уѣзда съ 40,000 осѣдлыхъ дворовъ и кочевыхъ юртъ платитъ своимъ выборнымъ, а именно: волостнымъ управителямъ и аульнымъ старшинамъ 62,894 р. ежегодно; на эти деньги волостные управители содержатъ между прочимъ и разсыльныхъ. Кромѣ того, выборные собираютъ для ирригаціи и на общественные расходы ежегодно 50 к. съ двора, т. е. 20,000 р. Всего съ жителей уѣздъ собираетъ ежегодно 360,783 р. 82¼ к.

Свѣдѣнія эти дополняютъ тѣ весьма важныя и тщательно обработанныя данныя, которыя были собраны коммиссіею, организовавшею Кураминскій уѣздъ *) и которыя легли въ основаніе настоящаго статистическаго обзора уѣзда; при полнотѣ и заботливой группировкѣ данныхъ, собранныхъ коммиссіею, труды ея долго будутъ служить цѣннымъ матеріаломъ для статистики Туркестанскаго края.

М. Терентьевъ.

---

*) Коммиссія состояла изъ слѣдующихъ лицъ: полковника Н. А. Колзакова (предсѣдатель коммиссіи; нынѣ начальникъ Кураминскаго уѣзда), Е. С. Савенкова, Н. В. Астафьева, А. Д. Гребенкина и барона Е. А. Гревеница.

Геологическія замѣтки изъ дневника по экспедиціи къ верховьямъ Заравшана.

Для изслѣдованія въ научномъ и военномъ отношеніяхъ, прилегающей къ южной границѣ Заравшанскаго округа и Сыръ-Дарьинской области, горной страны въ вершинахъ Заравшана, назначенъ былъ въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ экспедиціонный отрядъ, подъ начальствомъ начальника Заравшанскаго округа генералъ-маіора *Абрамова*. Частыя сношенія пограничнаго населенія съ жителями этой страны, составлявшей до взятія нами Самарканда, подчиненныя Бухарѣ бекства Урмитанское или Фальгарское, Матчинское и Магіанское, а нынѣ никому не подчиняющейся и отданной на произволъ бековъ, самовольно захватывающихъ власть и притѣсняющихъ жителей, неопредѣленность отношеній нашихъ къ самимъ бекамъ, слухи о естественныхъ богатствахъ этой страны, политическое значеніе всѣхъ бекствъ, лежащихъ на малодоступной горной мѣстности, прилегающей къ Шахрисябскому владѣнію, находящемуся съ нами въ весьма сомнительныхъ отношеніяхъ, и наконецъ научный интересъ, представляемый изученіемъ малоизвѣстной страны истоковъ Заравшана и озера Искандеръ-куля, откуда беретъ начало одинъ изъ истоковъ Заравшана, а также его начало, необходимость изслѣдованія путей, ведущихъ изъ верхняго бассейна Заравшана въ бассейнъ Аму-Дарьи, чрезъ неизвѣстный намъ водораздѣлъ—были главными причинами, вызвавшими эту экспедицію. Въ виду неоднократныхъ заявленій жителей Урмитанскаго бекства о желаніи принять подданство Россіи, чтобъ избавиться корыстныхъ дѣйствій матчинскихъ бековъ, завладѣвшихъ Урмитаномъ, и видѣть въ своей средѣ русскія войска, а съ ними порядокъ и благоустройство,—предстояла возможность обозрѣть и изучить страну безъ всякихъ столкновеній съ жителями, а напротивъ, ласковымъ обращеніемъ съ ними упрочить ихъ убѣжденія въ необходимости тѣсныхъ и дружескихъ съ нами отношеній. По этому генералъ маіору Абрамову было поручено предпринять рекогносцировку страны съ совершенно мирною цѣлью, избѣгая всякихъ столкно-

веній, и объявляя попутнымъ жителямъ о цѣли и значеніи своего движенія. Отрядъ, ему ввѣренный, снаряженъ былъ на суммы, находящіяся въ распоряженіи генералъ-губернатора. Въ составъ отряда были назначены съ ученою цѣлью: причисленный къ генеральному штабу, л.-гв. уланскаго полка штабъ-ротмистръ баронъ Г. А. *Аминовъ*, для начальствованія съемочною партіею, производства топографическихъ работъ и собиранія географическихъ распросныхъ свѣдѣній; А. Л. *Кунъ*, для археологическихъ и филологическихъ изслѣдованій, и горный инженеръ Д. К. *Мышенковъ;* впослѣдствіи присоединился въ Оббурданѣ къ отряду, А. П. *Федченко*, для изслѣдованій по части естественной исторіи; адъютантъ командующаго войсками округа маіоръ Э. В. *Адеркасъ*, также назначенъ былъ въ распоряженіе генералъ-маіора Абрамова.

Для связи топографическихъ работъ этого отряда по главному истоку Заравшана (р. Матча), текущему параллельно южной границы Ходжентскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области, со съемкою этого уѣзда, и для изученія съ этой стороны путей въ долину Заравшана, — собранъ былъ въ Ура-тюбе другой рекогносцировочный отрядъ изъ роты пѣхоты, при съемочной партіи, подъ начальствомъ генер. штаба подполковника А. Р. *Деннета.* При этомъ отрядѣ находился причисленный къ генер. штабу артиллеріи капитанъ Л. Н. *Соболевъ*, снабженный средствами для астрономическихъ наблюденій. Отрядъ долженъ былъ перейти высокій Аучинскій перевалъ и соединиться въ долинѣ Заравшана, у сел. Оббурданъ съ отрядомъ г. м. Абрамова.

Научные результаты экспедиціи въ верховья Заравшана будутъ сообщены ученому міру въ специальныхъ изданіяхъ впослѣдствіи, по разработкѣ собранныхъ матеріаловъ лицами, участвовавшими въ этой экспедиціи. Въ настоящее же время сообщаемъ въ высшей степени интересныя замѣтки относительно строенія и геологическаго состава горныхъ массъ верховьевъ Заравшана. Страна эта донынѣ была неизвѣстна географамъ и всѣ представленія о ней были совершенно гадательны.

Не имѣя возможности въ настоящее время разработать собранный мною матеріалъ во время экспедиціи къ верховьямъ Заравшана, я сообщу только вкратцѣ нѣкоторыя выдержки изъ моего дневника. Пока умолчу о топографіи и орографіи этой мѣстности, а познакомлю лишь съ ея геологіей; подробное же описаніе, по разработкѣ матеріаловъ, будетъ впослѣдствіи мною опубликовано. Къ тому же предстоящая мнѣ поѣздка въ ура-тюбинскія горы пополнитъ мои свѣдѣнія объ этомъ хребтѣ.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца экспедиція выступила изъ Самарканда, направляясь на востокъ отъ него, вверхъ по Заравшану и въ концѣ мая достигла его истоковъ.

Первыя 20 верстъ отъ Самарканда дорога шла по широкой долинѣ, покрытой сплошь пашнями, между которыми разбросаны кишлаки съ роскошными садами; горы же виднѣлись только вдали. Но близъ селенія Джарты-тюбе сконы горъ Чуйхаръ (Осмутъ-тау, Кара-тау) уже составляють правый берегъ Заравшана, а близъ кишлака Дашты-казы южный хребетъ горъ соединяется съ первымъ и образуетъ общую систему грядъ, имѣющую направленіе съ востока на западъ.

По одной изъ продольныхъ долинъ этой системы и течетъ Заравшанъ, выбѣгая изъ подъ огромнаго ледника, который совершенно замыкаетъ долину и имѣетъ длину, по показаніямъ туземцевъ, до 56 верстъ. Западная оконечность его, по опредѣленію г. Соболева, находится на 74 версты восточнѣе меридіана Ходжента и по барометрическому опредѣленію,— на высотѣ около 9 тысячъ англ. футовъ надъ уровнемъ моря. Онъ тянется съ в. на юго-зап., соединяется со многими боковыми ледниками и близъ оконечности выполняетъ долину около полуверсты шириною и съ весьма пологимъ паденіемъ. На немъ ясно видны морены, состоящія изъ валуновъ различныхъ породъ, чуждыхъ близъ лежащимъ горамъ. Вся же поверхность ледника покрыта конусами всевозможныхъ величинъ.

Кромѣ этого главнаго ледника—нами было встрѣчено еще нѣсколько въ боковыхъ ущельяхъ, выходящихъ въ Заравшанскую долину. Всѣ они, по показанію туземцевъ, опускаются.

Заравшанская долина имѣетъ въ общемъ направленіе съ в. на з. Она мѣстами расширяется, мѣстами же до того съуживается, что представляетъ трещину, сквозь которую рѣка прорывается съ ужаснѣйшимъ шумомъ.

Дно этой долины, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она расширяется, состоитъ изъ конгломератовъ, плотно улегшихся и образующихъ мѣстами отвѣсные берега. Пласты этого конгломерата слегка измѣнили свое горизонтальное положеніе. Въ нихъ я нашелъ обломки лопатки и ключицы, на глубинѣ 30 саженъ отъ поверхности; но къ сожалѣнію они такъ плохо сохранились, что не даютъ возможности опредѣлить то животное, которому принадлежали.

Окрестныя горы большею частью состоятъ изъ кремнистаго сланца, круто поднятаго и мѣстами пласты его не только стоятъ вертикально, но и опрокинуты сами на себя. Иногда встрѣчается перемежаемость кремнистаго сланца съ глинистымъ и сверхъ того, изъ подъ перваго—выходы тальковаго сланца, какъ напр. близъ истоковъ Заравшана.

Изъ кристаллическихъ породъ обнажается по теченію Заравшана гранитъ на небольшомъ пространствѣ, близъ мазарки Хазретъ-Ходжа-Муса-

Ашъ-Али, въ 16 верстахъ ниже истока. Кромѣ этихъ породъ, были встрѣчены известняки каменно-угольной почвы, близь сел. Уори и выходы третичныхъ образованій. Эти послѣднія, обнажаясь въ первый разъ между Оббурданомъ и Варзаминоромъ, близь селенія Фоннаутъ, тянутся непрерывно, узкой полосой далеко на западъ; я ихъ осматривалъ на Чупанъ-атинскихъ высотахъ, близь Самарканда, и нѣтъ сомнѣнія, что они продолжаются еще западнѣе, входя въ составъ тѣхъ возвышенностей, которыя частію окружаютъ самаркандскую котловину, частію же выдаются на этой послѣдней.

Заравшанъ, протекая по продольной долинѣ и омывая пласты, большею частію по линіи ихъ простиранія, прорѣзываетъ третичныя образованія вкось этой линіи, такъ какъ онѣ пластуются несогласно съ лежащими подъ ними, болѣе древними пластами. Оттого образовались хорошія обнаженія, которыя даютъ полное понятіе о литологіи этой почвы.

Статиграфическія отношенія третичной почвы къ образованіямъ, лежащимъ подъ ними, показываютъ, что нѣкоторыя гряды горъ были до существованія третичнаго моря и представляли въ тотъ періодъ полуострова, косы и острова. Занимая мѣстами въ крайнихъ своихъ, восточныхъ частяхъ вершины болѣе низкихъ горъ, затѣмъ послѣдовательно на западъ спускаясь на склоны, и наконецъ покрывая ихъ подошвы и оконечности, они указываютъ на постепенное поднятіе этихъ горъ въ третичный періодъ и причину отступленія водъ на западъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ получается возможность изучить всю послѣдовательность въ измѣненіи животной жизни, происходившую вслѣдствіе отступленія этихъ водъ на западъ.

Что же касается до вопроса, гдѣ находится главная ось поднятія этого хребта, то затрудняюсь сказать въ настоящее время, такъ какъ мною осмотрѣна была небольшая полоса и я не имѣлъ случая видѣть полный поперечный разрѣзъ всей этой системы горъ. Судя по тѣмъ образцамъ, которые собралъ г. Соболевъ по дорогѣ изъ Ура-тюбе въ Оббурданъ и обнаженіямъ, видѣннымъ мною отъ Заравшана на югъ, по поперечнымъ долинамъ Фанъ-Дарьи, Искандеръ-Куля, Кантагъ (Саратагъ), берегамъ Искандеръ-Куля и по разрѣзамъ по лѣвому притоку Заравшана близь Оббурдана, должно полагать, что ось поднятія проходитъ значительно южнѣе долины Заравшана и не параллельно ей, а отклоняется на юго-западъ; вмѣстѣ съ тѣмъ удаляется и водораздѣльная линія между Заравшаномъ и Аму-Дарьей. Наибольшее развитіе кристаллическихъ породъ мы встрѣтили въ южной части осмотрѣннаго нами пространства; вслѣдствіе этого общій наклонъ пластовъ болѣе на сѣверъ и сѣверные склоны вообще положе. Это и составляетъ причину того обстоятельства,

что лѣвые притоки Заравшана длиннѣе и многоводнѣе правыхъ и вообще поперечныя ихъ долины глубже и шире.

Самый главный притокъ Заравшана составляетъ Фанъ-Дарья, происходящая отъ сліянія двухъ рѣкъ: Ягнау-Дарьи и Искандеръ-Дарьи. Первая изъ нихъ беретъ начало въ ледникѣ, немного западнѣе истока Заравшана, течетъ по продольной долинѣ, близь крѣпости Сорвада сливается съ Искандеръ-Дарьей и обѣ, подъ именемъ Фанъ-Дарьи, поворачиваютъ на сѣверъ, прорѣзываютъ хребетъ, пробѣгая по поперечной долинѣ и впадаютъ въ Заравшанъ въ $3^1/_2$ верстахъ восточнѣе Варзаминора.

Искандеръ-Дарья вытекаетъ изъ сѣверо-восточнаго угла озера Искандеръ-Куля, отъ котораго и получила свое названіе и протекаетъ по поперечной долинѣ, которая вообще широка и съуживается лишь у выхода изъ озера. Это послѣднее представляетъ глубокую котловиву, около 10 съ половиною верстъ въ окружности, заключенную между высокими скалами, состоящими изъ известняковъ. Въ прежнее время озеро это было гораздо болѣе, о чемъ свидѣтельствуютъ двѣ горизонтальныя полосы на склонахъ горъ, окружающихъ озеро, въ долинахъ и ущельяхъ, выходящихъ въ этотъ бассейнъ. Изъ нихъ верхняя сажень на 35 выше теперешняго уровня озера *). Обѣ онѣ ясно обозначены на склонахъ растительностью, темными полосами и вымоинами въ скалахъ. Эти полосы указываютъ на быстрое спаденіе водъ, что отчасти можно объяснить углубленіемъ истока Искандеръ-Дарьи, вслѣдствіе землетрясеній, которыя, по свидѣтельству туземцевъ, бываютъ здѣсь довольно часто. Послѣдняя катастрофа, которой подверглось озеро, была не менѣе столѣтія тому назадъ, на что указываютъ большія деревья, какъ напр. береза, тополь, можжевельникъ, растущія на берегу озера.

Теперь сообщу о минеральныхъ богатствахъ, составляющихъ предметъ разработокъ на всемъ пройденномъ нами пространствѣ; къ нимъ относятся: золото, квасцы и сѣра. Золото встрѣчается почти по всему теченію Заравшана въ видѣ мелкихъ зеренъ и тонкихъ пластинокъ, что совершенно естественно, такъ какъ горы по бокамъ долины этой рѣки не содержатъ коренныхъ мѣсторожденій золота и слѣдовательно этотъ металлъ или приносится водами Заравшана, или же, что вѣроятнѣе, вымывается изъ конгломератовъ, которые мѣстами слагаютъ берега этой рѣки. Оттого количество осажденнаго золота вполнѣ находится въ зависимости отъ количества водъ въ Заравшанѣ; вообще же оно весьма ничтожно; напр. артель изъ 4 человѣкъ намываетъ въ день, при счастливыхъ об-

---

*) Высота Искандеръ-Куля надъ уровнемъ моря 7 тыс. англ. футовъ.

стоятельствахъ, не болѣе, какъ на три кокана *). Промывкою золота занимается исключительно бѣдный, малоземельный классъ населенія. Промыселъ этотъ совершенно свободный.

Производство квасцовъ составляетъ въ нѣкоторыхъ кишлакахъ, послѣ земледѣлія, самый выгодный и распространенный промыселъ.

Всякій, желающій имъ заниматься, получалъ отъ бека дозволеніе, за которое платилъ въ мѣсяцъ отъ 5 до 20 копѣекъ и этотъ сборъ иногда доходилъ, какъ мнѣ говорили, до двухъ тысячъ кокановъ въ годъ. Четыре, пять человѣкъ въ продолженіи трехъ зимнихъ мѣсяцевъ добываютъ до пятидесяти пудовъ квасцовъ, которыя или продаются на мѣстѣ скупщикамъ, отъ 16 до 20 кокановъ за пудъ, или же вывозятся на пянджакентскій и самаркандскій базары. По показанію же другихъ, въ подать уплачивалось беку съ каждаго кишлака около пуда готовыхъ квасцовъ. Вываркою ихъ по преимуществу занимаются фанцы; занимались и фальгарцы, но раззоренные матчинцами, они оставили это производство и теперь, какъ я слышалъ, хотятъ возобновить его.

Право добычи сѣры близь крѣпости Сорвада, въ горѣ Канъ-тагъ, фанскіе беки оставляли за собою. Для сбора сѣры, которая выдѣляется по трещинамъ и осаждается на камняхъ, бекъ приглашалъ жителей сосѣднихъ кишлаковъ три раза въ годъ.

Къ минеральнымъ богатствамъ, которыя могли бы быть разработываемы, должно отнести мощные пласты желѣзной руды и каменнаго угля, залегающіе въ верстахъ 6 отъ крѣп. Сорвада, вверхъ по рѣкѣ Ягнау. Но по отдаленности края, малонаселенности его, плохому сообщенію съ нимъ и сомнительному сбыту, едва ли найдется предприниматель на такое капитальное дѣло, какъ постройка желѣзнаго завода.

Д. Мышенковъ.

---

*) *Коканъ* — серебряная монета, цѣнностію въ 20 к. с.

Наманганскій округъ Коканскаго ханства.

(Изъ показаній одного выходца въ 1871 году).

Наманганская долина имѣетъ въ ширину (отъ Сыръ-Дарьи до горъ) отъ ½ дня (35 верстъ) до 1½ дней (105 верстъ) конной ѣзды, а въ длину, по протяженію Нарына, простирается до 5 дней ѣзды (300 верстъ). Вся долина покрыта горными рѣчками, впадающими въ Сыръ-Дарью, и выведенными изъ нихъ арыками. Почва весьма плодородна, такъ что Коканъ, производящій хлѣбъ въ недостаточномъ количествѣ для пропитанія своего населенія, получаетъ значительную часть хлѣбныхъ продуктовъ съ праваго берега Сыръ-Дарьи—изъ Намангана. Виноградъ родится въ изобиліи и отличнаго качества, лучшій въ коканскихъ владѣніяхъ. Урюкъ, яблоки и другіе плоды родятся хорошо. Хлопчатникъ и шелководство доставляютъ для населенія сырой продуктъ, переработываемый сартами въ бязи, шаи и другія шелковыя матеріи; значительная часть хлопчатой бумаги и шелку вывозится въ Коканъ и Ташкентъ.

Осѣдлое населеніе (сарты) обитаетъ въ пяти городахъ и многочисленныхъ кишлакахъ.

Г. Наманганъ находится въ 30 верстахъ отъ Сыръ-Дарьи, на арыкѣ Джинга-Арыкъ. При исчисленіи, произведенномъ лѣтъ пятьдесятъ назадъ, оказалось въ этомъ городѣ 5,000 домовъ и дворовъ и не менѣе 25,000 душъ жителей; теперь число населенія несравненно значительнѣе. Наманганъ отстоитъ отъ Анджана (Андиджанъ) и Кокана, находящихся на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ двухъ дняхъ телѣжной ѣзды (около 100 верстъ).

На западъ отъ Намангана, въ 6 ташахъ пути (36—40 верстъ) находится городъ *Тузъ*, имѣющій населеніе, равное или немного меньшее, чѣмъ Наманганъ.

На востокъ отъ Намангана лежатъ города: *Аурузекъ* въ 6 ташахъ (36—40 в.) отъ Намангана, ближе къ горамъ, *Касанъ*—въ 1½ ташахъ

отъ Намангана (10 верстъ) и *Чартакъ*—въ 2 ташахъ (12 верстъ). Въ первомъ 400 дворовъ, во второмъ 500 и въ третьемъ столько же.

Между городами расположены многочисленные кишлаки (деревни). Жители ихъ занимаются земледѣліемъ и садоводствомъ. Обитатели городовъ съ этими промыслами соединяютъ торговлю и производство бязей и шелковыхъ матерій. Кочующіе въ горахъ кара-киргизы и кипчаки, кромѣ земледѣлія, занимаются скотоводствомъ.

Съ лѣвымъ берегомъ Сыръ-Дарьи населеніе Наманганскаго края сообщается посредствомъ многочисленныхъ переправъ на лодкахъ и паромахъ. Противъ Чартака устроенъ постоянный деревянный мостъ, по которому могутъ проѣзжать рядомъ двѣ телѣги; при мостѣ этомъ есть деревушка *Учь-Курганъ*, а самый Чартакъ находится отъ него въ 4-хъ ташахъ (24—32 версты). Сообщеніе съ верховьями Сыръ-Дарьи существуетъ только вьючное, по лѣвому берегу рѣки. Пути въ Коканъ и Анджанъ — телѣжные. Прямое сообщеніе съ Ташкентомъ — вьючное; въ Ауліе-ата ходятъ также только вьючнымъ путемъ, чрезъ проходъ, образуемый съ юга р. Чаткаломъ, а съ сѣвера р. Таласомъ. Дорога изъ Ауліе-Ата выходитъ на Аурузекъ и проходится торговцами съ баранами въ 9 дней (около 150 верстъ); дорога эта, при нѣкоторыхъ исправленіяхъ, можетъ быть сдѣлана проходимою для транспортовъ.

Городами и кочевниками управляютъ назначенные коканскимъ ханомъ беки.

Податныхъ сборовъ три: 1) (*халля* — подать съ зерновыхъ хлѣбовъ, составляющая 1 мѣшокъ изъ 5 мѣшковъ собраннаго зерна); 2) *танапъ*— подать съ прочихъ культурныхъ растеній и плодовыхъ деревьевъ, составляющая 5 кокановъ (1 р.) съ одного танапа (около 20 квадратныхъ саженъ), и 3) *хансалыкъ*—денежный поборъ съ каждаго двора, отъ 4 до 5 кокановъ ежегодно.

Самая обременительная для населенія повинность есть воинская. Стараясь образовать значительное постоянное войско, обучаемое выходцами изъ разныхъ странъ, главнымъ образомъ изъ Бухары, на азіятско-европейскій манеръ, Худояръ-ханъ ввелъ эту, новую для народа, повинность своемъ государствѣ, незнавшемъ прежде никакой военной повинности кромѣ поголовныхъ вооруженій въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Н. Аристовъ.

Карисъ,

подземный арыкъ близъ Пянджикента.

Во время послѣдней моей поѣздки по Заравшанскому округу, я встрѣтилъ въ окрестностяхъ Пянджикента весьма любопытное сооруженіе: подземный арыкъ, предназначенный для орошенія пянджикентскихъ полей.

Пянджикентъ, хотя и лежитъ почти на самомъ берегу Заравшана, но на небольшой возвышенности; поэтому отводъ воды изъ Заравшана соединенъ съ большими трудностями и изъ него Пянджикентъ получаетъ только одинъ небольшой арыкъ: Дамъ-Арыкъ; другой источникъ воды для орошенія полей и садовъ—богатый водою родникъ Кайнаръ.

Но эти два арыка даютъ воды очень мало, чтобы можно было оросить ими всѣ окрестности Пянджикента; большое пространство между Пянджикентомъ и деревней Суфіанъ (верстъ 6 въ длину и версты 3 въ ширину) вовсе не обработывается въ настоящее время. Между тѣмъ на всемъ этомъ пространствѣ видны слѣды заброшенныхъ полей, и вблизи Заравшана находятся слѣды стараго Пянджикента (Иске-Пянджикентъ). У жителей же сохранилось преданіе, что эти поля орошались арыкомъ, проведеннымъ изъ Магіанъ-Дарьи и благодаря настояніямъ умнаго и въ высшей степени энергическаго амлякдара Муллы-Карима, пянджикентское общество рѣшило возобновить нынѣ этотъ арыкъ и собрало для этой цѣли 4,000 коkановъ (800 руб.).

Арыкъ этотъ, называемый туземцами Карисъ *) начинается у селенія

---

*) Названіе Карисъ прилагается ко всѣмъ арыкамъ, идущимъ по закрытымъ галлереямъ. Слово это, говорятъ, означаетъ просверливаніе земли. Такіе арыки не рѣдкость при выходѣ горныхъ рѣчекъ изъ ущелій на болѣе ровную мѣстность, но тамъ они идутъ въ боковыхъ стѣнахъ рѣчныхъ овраговъ и сообщаются наружу боковыми отверстіями. Въ настоящее время большая часть ихъ заброшена; самый замѣчательный примѣръ такого арыка я видѣлъ близъ Ура-тюбе въ Басмандинскомъ ущельѣ, гдѣ онъ снабжаетъ водою поля деревни Басманды, лежащей въ горахъ, футовъ на тысячу выше уровня рѣчки.

Чарбакъ, на Магіанъ-Дарьѣ и сначала идетъ по склону высокихъ холмовъ, ограничивающихъ лощину, въ которой течетъ рѣка. Потомъ онъ поворачиваетъ назадъ и около трехъ верстъ идетъ подъ землею, въ конгломератовой почвѣ, на глубинѣ сорока аршинъ. Направленіе его обозначается рядомъ невысокихъ кургановъ съ воронкообразными углубленіями. Насыпи эти образовались изъ земли, вынутой при копаніи арыка, и находятся на разстояніи 20 саж. другъ отъ друга. Всѣхъ такихъ насыпей должно быть 90; тридцать изъ нихъ уже готовы. При возобновленіи пришлось по срединѣ насыпи копать колодцы и вынимать землю изъ полуобрушившагося арычнаго канала. Для этой цѣли надъ колодцемъ ставились деревянные козлы, чрезъ поперечину перекидывалась веревка съ привязаннымъ къ ней ведромъ, которое рабочіе и вытягивали, удаляясь отъ козелъ. Время основанія этого арыка, по смѣлости и трудностямъ своего сооруженія могущаго стать на ряду съ знаменитымъ Тюйе-тартарскимъ арыкомъ, преданіе относитъ за 900 лѣтъ, и ставитъ въ связь съ основаніемъ его надгробный камень изъ бѣлаго мрамора (сангы-мармаръ), находящійся вблизи упомянутыхъ насыпей. На камнѣ этомъ высѣчены надписи, но хорошо сохранились лишь изъ корана; та сторона, гдѣ написано имя покойнаго, почти совсѣмъ сбита, вѣроятно слишкомъ усердными почитателями покойнаго. Сопровождавшему меня г. Султанову, удалось прочесть только «сынъ Ахмета» и «умеръ въ мѣсяцъ рамазана». Камень этотъ лежитъ, очевидно, на своемъ первоначальномъ мѣстѣ; подъ нимъ сохранилась еще подкладка, хотя онъ сильно уже наклонился на бокъ; съ другой стороны вблизи нѣтъ никакихъ слѣдовъ стараго кладбища или прежняго поселенія, что тоже наводитъ на мысль, что здѣсь похороненъ основатель этого арыка.

Работы, начатыя по возобновленію Кариса, идутъ, по словамъ Муллы-Карима, вполнѣ успѣшно, но денегъ, собранныхъ обществомъ, не достанетъ; нужно еще около тысячи рублей, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ даны отъ правительства, такъ какъ сборы съ земель, которыя будутъ орошаться изъ возобновленнаго арыка, покроютъ, вѣроятно, въ одинъ годъ выданную сумму *).

А. Федченко.

---

*) Сумма эта была выдана жителямъ.

Изъ Иссыкъ-Кульскаго уѣзда.

До 1869 года Иссыкъ-Кульскій уѣздъ имѣлъ весьма важное значеніе въ торговлѣ Джитышара *) съ Кульджею, какъ мѣстность, чрезъ которую пролегаетъ главный караванный путь между этими мѣстностями. Въ 1869 году движенія каравановъ чрезъ уѣздъ изъ Джитышара, можно сказать, вовсе не было; изъ распросовъ торговыхъ людей по этому дѣлу оказывается, что владѣтель Джитышара запретилъ караванамъ проходить чрезъ Иссыкъ-Кульскій уѣздъ. Причины, побудившія его къ тому, трудно объяснить положительно; но изъ того, что всѣмъ караванамъ, проходящимъ въ Кульджу, и обратно, въ Джитышаръ, приказано слѣдовать по дорогѣ, ведущей чрезъ Музартскій проходъ, въ Тянь-шанѣ, можно заключить, что этою мѣрою владѣтель Джитышара имѣлъ въ виду достигнуть разработки для удобнаго движенія, этого труднаго для пути горнаго прохода. Тогда бы торговыя сношенія могли безпрепятственно производиться означеннымъ путемъ, и слѣдовательно, не зависили бы отъ отношеній Джитышара къ русскому правительству. Кромѣ того, разработка Музартскаго прохода важна для владѣтеля Джитышара и въ военномъ отношеніи, какъ единственная дорога, соединяющая его владѣнія съ Кульджею, на которую онъ имѣетъ свои виды. По слухамъ, въ Музартскомъ проходѣ поставленъ уже сильный, укрѣпленный постъ и въ теченіи всего лѣта до 500 человѣкъ ежедневно трудились надъ разработкою этого прохода. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти мѣры, торговцы очень недовольны распоряженіемъ Якубъ-бека о направленіи каравановъ чрезъ Музартъ, потому что товары можно везти черезъ этотъ проходъ не иначе, какъ на лошадяхъ, пробираясь ледниками, по вырубленнымъ ступенямъ. Надо полагать, что съ уничтоженіемъ принудительныхъ мѣръ, клонящихся къ тому, чтобы

---

*) Джитышаръ (семиградіе) или Алтышаръ (шестиградіе) иначе: Восточный или Китайскій Туркестанъ.

торговлю между вышеуказанными владѣніями направить помимо нашей территоріи, торговцы, въ личныхъ своихъ интересахъ, изберутъ, по прежнему, болѣе удобную и безопасную дорогу, чрезъ Иссыкъ-Кульскій уѣздъ.

Слѣдующія цифры, представляющія суммы привоза и вывоза товаровъ, дадутъ понятіе о вліяніи вышеприведеннаго распоряженія Якубъ-бека, на количество провозимыхъ товаровъ:

	1867 года.	1868 года.	1869 года.
1) Привезено		120,214 р. 35 к.	82,563 р. 82 к.
2) Вывезено за границу		Нѣтъ свѣдѣнія.	989 » — »
3) Транзитомъ			2,483 » 23 »
4) Выгнано скота изъ уѣзда	391,146 р.		109,062 » — »
5) Прогнано скота транзитомъ			7,170 » — »
	391,146 р.	120,214 р. 35 к.	202,268 р. 5 к.

Въ сравненіи съ 1867 годомъ, привозъ товаровъ 1869 году уменьшился вдвое. Торговля ограничивается исключительно сбытомъ предметовъ, необходимыхъ для вседневной жизни туземнаго населенія, въ обмѣнъ на скотъ. Киргизы и калмыки совсѣмъ незнакомы съ употребленіемъ денегъ. Затрудняясь въ расчетѣ стоимости мелкой, размѣнной монеты, они вымѣниваютъ нужныя имъ ткани и разные предметы по хозяйству большею частію на барановъ, такъ что единицею при всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ служитъ у нихъ баранъ. Денегъ нашихъ совсѣмъ нѣтъ у нихъ въ обращеніи, преимущественно потому, что они не могутъ уяснить себѣ стоимость ихъ. Напримѣръ, очень часто случается, что киргизъ пригонитъ на базаръ барановъ, на продажу. Ему предлагаютъ 2 р. 50 к. и 3 р. за барана и онъ не беретъ, а тутъ же промѣниваетъ ихъ сартамъ на разный товаръ, котораго получаетъ, по самой широкой оцѣнкѣ, не болѣе, какъ на одинъ рубль. При всякомъ удобномъ случаѣ разъясняется киргизамъ, какіе убытки они несутъ, размѣнивая барановъ на товаръ, но не многіе понимаютъ еще, какъ безбожно наживаются сарты на счетъ простодушныхъ киргизовъ. Приблизительно можно высчитать даже барыши, которые получаютъ торговцы сарты за свой товаръ:

Въ 1869 году привезено было въ уѣздъ товаровъ изъ Джитышара, Кокана и другихъ мѣстъ на сумму 82,563 руб. 82 к. Изъ этого числа вывезено въ Вѣрнинскій уѣздъ на сумму 26,998 р. 99 к.; слѣдовательно въ уѣздѣ распродано и осталось товаровъ на 55,564 р. 83 к.; выгнано же собственно изъ уѣзда барановъ 54,114 головъ, и до 70 лошадей, что составитъ, при самой умѣренной оцѣнкѣ 109,062 р. (стоимость лошади

принята въ 10 р. с., а барана—въ 2 р. с.). Такимъ образомъ, при самомъ скромномъ разсчетѣ оказывается, что торговцы наживаютъ рубль на рубль въ годъ, и это въ томъ случаѣ, если считать, что вымѣненные бараны будутъ проданы по 2 р. с. Въ дѣйствительности же они продаются гораздо дороже; такъ напр. въ 1869 году цѣна на нихъ стояла въ городахъ Джитышара отъ 3 до 4 р. с., въ Ауліе-ата отъ 2 р. 50 к. до 3 р. и въ Ташкентѣ — до 4 рублей.

Мѣстное населеніе исключительно довольствуется товарами азіятскаго происхожденія, привозимыми изъ Джитышара и Кокана: шелковыми матеріями въ небольшомъ количествѣ, разнаго вида полушелковыми и бумажными тканями, и армячиной. Изъ произведеній русскихъ мануфактуръ сбываются въ самомъ незначительномъ количествѣ: сукна низшихъ сортовъ, драдедамъ и ситцы. Хотя качествомъ своимъ они стоятъ гораздо выше матерій азіятской выдѣлки, но, по дороговизнѣ, не могутъ выдержать конкуренціи съ послѣдними, а потому и мало распространяются между туземнымъ населеніемъ. Желѣзныя и чугунныя издѣлія имѣютъ нѣсколько большій сбытъ. Поэтому необходимо обратить особое вниманіе на обезпеченіе сбыта русскихъ мануфактурныхъ издѣлій, по крайней мѣрѣ мѣстному населенію; для достиженія этого, представляются два средства: 1) изыскать возможность удешевить доставку въ здѣшній край русскихъ произведеній, и 2) установленіе болѣе раціональной пошлины на товары. Для достиженія перваго, кромѣ улучшенія и сокращенія, по возможности, путей, ведущихъ въ край изъ мануфактурныхъ мѣстностей, необходимо привлечь самихъ производителей къ учрежденію въ краѣ складовъ ихъ произведеній, собственно для того, чтобы мѣстное населеніе могло получать товары изъ первыхъ рукъ, и разумѣется, по болѣе дешевымъ цѣнамъ, нежели тѣ цѣны, по какимъ оно получаетъ ихъ теперь, изъ четвертыхъ или даже изъ пятыхъ рукъ.

Вся торговля Иссыкъ-Кульскаго уѣзда сосредоточивается въ рукахъ сартовъ; изъ татаръ же только трое занимаются торговлею.

Арасанскіе минеральные источники.

Минеральные источники, отстоящіе приблизительно въ 60-ти верстахъ отъ рѣки Емиль, давно уже пользуются извѣстностію у туземнаго народонаселенія, по своимъ цѣлительнымъ свойствамъ, почему и получили названіе свое *Арасанскіе*. Они находятся на разстояніи около 100 верстъ, къ югу отъ русскаго укрѣпленія Бахты, въ длинной щели, пролегающей между горами, также получившими отъ того названіе Арасанскихъ. Горы эти съ правой (южной) стороны окаймляютъ сказанную щель крутымъ и довольно правильнымъ валомъ, вышиною около 25 сажень, тогда какъ съ лѣвой (сѣверной) стороны щель эта, при въѣздѣ въ нее, заслоняется только пологими сопками, увеличивающимися постепенно все болѣе и болѣе въ размѣрахъ и въ вышину. Описанный видъ щели съ обычнымъ, можно сказать, однообразіемъ степи, тянется на пространствѣ около 5 верстъ, и только вблизи самыхъ источниковъ картина эта имѣетъ нѣсколько другой видъ: здѣсь окраины щели теряютъ правильное направленіе, и, раздѣляясь на многія разнокалиберныя сопки, какъ-бы перекрещиваютъ своимъ безпорядочнымъ расположеніемъ описанное пространство, оставляя только узкіе проходы, густо покрытые камышемъ. Самые источники вытекаютъ съ лѣвой стороны щели, возлѣ округлой сопки, выдающейся въ видѣ скалы. Сопка эта называется Куйтасъ. Здѣсь горы, по мѣрѣ удаленія на востокъ, увеличиваются въ своихъ размѣрахъ, и доходятъ, приблизительно, до 40 саж. высоты. Источники отстоятъ одинъ отъ другаго на разстояніи почти одной сажени. Ихъ начала на покатости ущелья обозначены грудами дикаго камня, откуда они, при ясно слышимомъ шумѣ клокотанія, катятся внизъ, подъ землю, на разстояніи 10 сажень, вытекая затѣмъ уже наружу изъ искуственно выдолбленныхъ желобковъ.

Въ чащѣ камыша, почти по всей длинѣ щели, соотвѣтственно главному направленію ея, пробѣгаетъ ручей, который не носитъ особаго названія, и вѣроятно составляетъ продолженіе источниковъ. Ручей теряется нѣсколько далѣе, на поверхности земли. Извилистый ходъ Арасанской щели,

а вмѣстѣ съ тѣмъ и ручей, тянутся еще далеко на востокъ, до такъ называемой рѣчки Крыкъ-кудукъ, пробѣгающей въ концѣ Арасанскихъ горъ поперечно, по равнинѣ. Скудная растительность степи носитъ и здѣсь обычный оттѣнокъ; на каменистыхъ горахъ, и въ самой щели, кромѣ камыша, встрѣчаются только кое-гдѣ нѣсколько деревцевъ джигды.

Съ вершины Куйтасъ, по направленію къ югу, виднѣются снѣжные бѣлки хребта, называемаго Барлыкомъ, отстоящіе отъ Арасанскихъ горъ верстахъ въ 30; далѣе видны таковые же бѣлки хребта Тохта-тау.

Источники, при химическомъ изслѣдованіи ихъ, представляютъ содержаніе (въ растворѣ) солей, сѣрнистыхъ металловъ, при обиліи свободнаго сѣроводорода, присутствіе котораго ощутимо уже по характерному запаху испорченныхъ яицъ.

Реакція ключей, по изслѣдованіи лакмусовыми бумажками—щелочная. Температура ключей, изслѣдуемая утромъ, въ 7 часовъ, въ ваннѣ ключа болѣе холоднаго, достигала до $41\frac{1}{2}$ % Цельса, а при вытеканіи изъ горнаго ущелья, въ самомъ желобкѣ—до 43% Цельса; въ ваннѣ-же ключа горячаго температура достигала до $44{,}_3$%, а при вытеканіи изъ желоба—до 46%. Изслѣдованіе воды въ сказанныхъ обоихъ мѣстахъ въ часъ по полудни уже не показывало такой разницы и охлажденіе было только на одинъ градусъ; само собою разумѣется, что разница эта должна быть совершенно ничтожна при изслѣдованіи въ лѣтнее время года.

Вода источниковъ, хотя и совершенно прозрачная, по вкусу и по запаху отдаетъ горючей сѣрой и испорченными яицами, что зависитъ отъ присутствія сѣроводороднаго газа; серебряная монета, погруженная въ воду часа на три, совершенно чернѣетъ, покрываясь на поверхности своей слоемъ сѣрнистаго серебра.

Исходя изъ той мысли, что разнообразныя болѣзненности, по физіологическимъ измѣненіямъ, происходящимъ внутри организма, относятся преимущественно къ разстройству питанія въ обширномъ значеніи этого слова, и существенно могутъ раздѣлиться на болѣзни недостатка питанія и болѣзни избытка питанія,—а потому и разнообразная терапія болѣзней сводится существенно къ тому однообразію, что можетъ также раздѣлиться на лекарственные матеріалы, способствующіе къ увеличенію питанія и на матеріалы, способствующіе къ уменьшенію питанія или разрѣшающіе. Принимая во вниманіе химическое содержаніе Арасанскихъ источниковъ, въ которыхъ главнѣйшую часть составляетъ сѣра и ея соединенія съ металлами, а съ другой стороны, принимая во вниманіе фармакологическое дѣйствіе этихъ агентовъ на организмъ, какъ разжижающее соки и увеличивающее нормальныя отдѣленія, я отношу эти воды именно къ матеріаламъ разрѣшающимъ, могущимъ цѣлительно дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ болѣзненно увеличен-

наго питанія; таковы болѣзни: общаго и брюшнаго полнокровія, тѣсно связанныя съ венозными застоями (геmороемъ), общее ожиреніе, подагра, какъ острота крови отъ увеличеннаго питанія у людей, преимущественно богатыхъ, ревматизмъ и ломота, какъ сродная тому острота крови, отъ избытка питанія у людей другихъ классовъ, золотуха, какъ особый родъ остроты крови, состоящій въ болѣзненномъ увеличеніи бѣлка въ крови при всѣхъ разнообразныхъ видахъ этого страданія. Наконецъ вполнѣ цѣлесообразное примѣненіе, по понятіямъ моимъ, я нахожу употребленіе этихъ водъ въ разнообразныхъ выраженіяхъ сифилитическаго страданія, какъ матеріалъ, способствующій разжиженію органическихъ соковъ, къ удаленію венерическаго яда съ одной стороны, и меркурія—съ другой, если предварительно производилось леченіе этими препаратами. Высокая температура воды, кромѣ того, какъ физическій агентъ, дѣйствуетъ, если позволительно выразиться — раздробляющимъ образомъ, увеличивая приливъ крови къ поверхности кожи и расширяя животныя поры и выводные протоки, открывающіеся въ ней. Кромѣ общаго фармакологическаго дѣйствія на больную кровь и даже натуру яда извѣстной болѣзни, нельзя не допустить, по понятіямъ моимъ, и мѣстнаго цѣлебнаго дѣйствія этихъ водъ на кожу, пораженную различнаго рода сыпями, причина которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, заключается въ остротѣ крови, если не въ сифилитическомъ ядѣ. Химическое содержаніе водъ, при помощи кожнаго жира, можетъ составить родъ мази, часто употребляемой въ медицинѣ, съ небольшими прибавленіями.

Минеральные ключи находятся также въ Туркестанскомъ краѣ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Баумскомъ ущельѣ (Токмакскаго уѣзда), близь Ташкента, недалеко отъ кишлака Аблыкъ (верховья р. Ангрена) и въ Ходжентскомъ уѣздѣ, извѣстные подъ названіемъ *Ачикъ-су* (кислая вода). Цѣлебныя свойства его воды извѣстны туземцамъ. Осадокъ, полученный отъ выпариванія воды Ачикъ-су, былъ подвергнутъ анализу, причемъ онъ оказался состоящимъ изъ: бромистаго кали (въ небольшомъ количествѣ), двууглекислаго натра, квасцовъ и глинозема. По незначительности куска осадка, нельзя было подвергнуть его болѣе строгому анализу, но тѣмъ не менѣе видно, что преобладающіе элементы: натръ и глиноземъ, составляютъ существенную часть этого осадка. По дѣйствіямъ своимъ, онъ можетъ замѣнить самое крѣпкое слабительное; для взрослаго человѣка вполнѣ достаточно $^1/_2$ драхмы на пріемъ. Этотъ пріемъ даже великъ для натуры средней комплекціи. Изслѣдованіе произведено было г. Леманомъ, подъ руководствомъ докт. Бирштеда и Шульца, въ С.-Петербургѣ.

Лек. Крыловъ.

Шуръ.

Въ 16-ти верстахъ на югъ отъ Катта-Кургана, по джамской дорогѣ, и въ двухъ верстахъ отъ деревни Хайранчикъ, находится урочище Шуръ *), замѣчательное своими водами. Туземцы съ незапамятныхъ временъ пользуются ими отъ лома въ костяхъ и отъ накожныхъ болѣзней. Цѣлебностью своихъ водъ Шуръ извѣстенъ не только въ Заравшанскомъ округѣ, но и въ весьма отдаленныхъ мѣстностяхъ Средней Азіи, заравшанскаго и аму-дарьинскаго бассейновъ; на эти воды пріѣзжаютъ изъ Бухары, Кермине, Гузара, Байсуна, Ширавата и другихъ городовъ названныхъ бассейновъ.

Лучшимъ временемъ для купанья туземцы считаютъ май и іюнь мѣсяцы, хотя купаются и въ остальные теплые мѣсяцы. Въ маѣ и іюнѣ стеченіе больныхъ на воды Шура бываетъ весьма большое; въ день купаются до 200 мужчинъ и женщинъ. 23-го августа, когда я былъ на Шурѣ, купающихся было только трое, изъ Джюма-базара (Акъ-тюбе тожъ) 40 верстъ отъ Шура. Одинъ изъ этихъ больныхъ страдалъ ломомъ въ костяхъ правой ноги и болью спиннаго хребта, другой ломомъ въ костяхъ всего организма, а третій—накожною болѣзнью. По отзывамъ туземцевъ купанье въ водахъ Шура или совершенно излечиваетъ отъ названныхъ болѣзней, или сильно ихъ уменьшаетъ. Многіе старики изъ туземцевъ ежегодно пріѣзжаютъ на воды. Старики туземцы, какъ извѣстно, страдаютъ болью спиннаго хребта и ревматизмомъ.

Скажу нѣсколько словъ о мѣстности, на которой находится Шуръ, и о способѣ пользованія его водами. Верстахъ въ 25 отъ Катта-Кургана отъ сѣвернаго отрога горъ Тимъ, начинается долина, идущая прямо на сѣверъ. Она образовалась между подошвами восточныхъ отроговъ Тимътага и западными подошвами сѣверныхъ, холмообразныхъ продолженій Шахрисябзскихъ горъ. Стекающая вода, какъ съ первыхъ возвышенностей,

---

*) Шуръ — соль.

такъ и со вторыхъ, направляется въ означенную долину. Долина эта нигдѣ не шире версты. Подпочвенная вода въ ней находится близко отъ поверхности, почему она изрыта колодцами, вода которыхъ имѣетъ болѣе или менѣе соленый вкусъ. Въ 5-ти верстахъ отъ своего начала, долина эта съуживается до нѣсколькихъ десятковъ сажень, и здѣсь-то находится уроч. Шуръ. Оно на протяженіи 150 саж. изрыто ямами настоящаго времени. Говорю настоящаго времени, потому что выше и ниже этого мѣста можно замѣтить, уже почти сравнявшіяся съ поверхностью долины, ямы прежняго времени.

Всякій, желающій пользоваться цѣлебными свойствами воды уроч. Шуръ, роетъ себѣ яму, глубиною отъ 1 аршина до 4—5 арш., или лучше сказать до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ грунтовую воду. Когда вода наполнитъ яму (въ квадратѣ не болѣе $1^1/_2$ арш.) на полъ-аршина или на аршинъ, больной влѣзаетъ въ нее и сидитъ въ ней до двухъ часовъ. Ванны принимаютъ въ полдень. Вода Шура очень холодна, вслѣдствіе чего часто выходятъ изъ ванны до срока.

Курсъ леченія водою Шуръ ограничивается однимъ разомъ. На другой или даже на третій день послѣ принятія ванны, больной ложится въ горячій песокъ на часъ, на два. Песчаныя ванны берутся на берегу Дамъ-арыка или Нарупая.

Воду Шура даютъ пить дѣтямъ противъ болѣзни *гулявшанъ* и противъ другихъ.

Вотъ все, что я пока узналъ о цѣлебныхъ свойствахъ водъ Шура. Можетъ быть вода Шуръ заинтересуетъ кого нибудь изъ медиковъ и тогда вѣроятно узнаемъ мы и больше.

А. Гребенкинъ.

Нѣсколько свѣдѣній о Кашгарѣ и о послѣднемъ возстаніи противъ китайцевъ.

(Разсказъ Ислама-ходжи).

Командированный по дѣламъ службы въ горы Кара-тау, я встрѣтилъ тамъ, на одной изъ разработываемыхъ нынѣ копей, кашгарскаго выходца Исламъ-ходжу, который сообщилъ мнѣ нѣсколько интересныхъ подробностей о Кашгарѣ и о послѣднемъ возстаніи кашгарцевъ противъ китайцевъ. Исламъ-ходжа, какъ это можно видѣть изъ разсказа, участвовалъ въ этомъ возстаніи въ качествѣ начальника коннаго отряда. По утвержденіи въ Кашгарѣ власти Якубъ-бека, Исламъ-ходжа долженъ былъ бѣжать, чтобы не подвергнуться участи своихъ сотоварищей, туземныхъ офицеровъ, которые были зарѣзаны Якубъ-бекомъ.

Передаю разсказъ Исламъ-ходжи безъ малѣйшихъ перемѣнъ, въ томъ видѣ, въ какомъ я записалъ его со словъ разскащика.

Я родился въ 1840 году въ г. Кашгарѣ, въ то время, когда имъ владѣли еще китайцы. Отецъ мой торговалъ азіятскими товарами и преимущественно чаемъ; у него было двѣнадцать женъ, въ томъ числѣ четыре жены въ г. Кашгарѣ, три въ г. Янгасарѣ, двѣ въ г. Маралъ-Баши, одна въ г. Учь-Турпанѣ, одна въ Намanганѣ и одна въ г. Акъ-Моллахъ. Дѣтей у него было тридцать одинъ человѣкъ; все это семейство онъ содержалъ доходами отъ своей торговли.

Отъ моей матери у него было три дочери и шесть сыновей, въ томъ числѣ и я. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, я началъ ходить въ медрессе; за мое ученіе отецъ платилъ въ медрессе—иногда мукою или баранами, а иногда давалъ и немного денегъ, но опредѣленной платы условлено не было. Учили меня въ медрессе читать, писать и численію до одной тысячи. Книги были по большей части все духовныя. Черезъ три года я хорошо выучился читать и писать; тогда отецъ взялъ меня домой и посадилъ въ лавку торговать.

У него въ это время было уже три лавки: въ одной онъ торговалъ чаемъ и разными туземными бумажными тканями, въ другой торговалъ тѣмъ же старшій братъ мой, а въ третьей торговалъ я кошмами, халатами и коврами.

Двадцати лѣтъ отъ роду я женился, заплативъ калыму пять тиллей,—калымъ въ Кашгарѣ очень маленькій,—и въ это время пересталъ торговать. Жилъ же я на содержаніе, которое отецъ давалъ мнѣ ежегодно. Мнѣ уже было двадцать одинъ годъ, когда вспыхнуло въ Кашгарѣ возмущеніе противъ китайцевъ.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о китайцахъ, на сколько помню ихъ. Передъ возмущеніемъ, въ Кашгарской области, занятой китайцами, сколько мнѣ извѣстно, находились города: Кашгаръ съ 16,000 домовъ и 12,000 китайцевъ, Маралъ-баши съ 12,000 домовъ и 2,000 китайцевъ, Яркендъ съ 32,000 жителей и 17 тысячъ китайцевъ, Хотанъ съ 40,000 жителей, сколько же въ немъ было китайцевъ—не знаю, также какъ и въ слѣдующихъ городахъ: Учь-Турпанѣ—15,000, Акъ-су 10,000, Куша 6,000, Балты 8,000, Карашагаръ 20,000, Урюмъ-ше 37 тыс. *); но кромѣ этихъ городовъ, было еще множество большихъ и малыхъ селеній.

Главный центръ китайской администраціи составлялъ г. Урюмъ-ше, ближайшій къ китайской границѣ. Затѣмъ управленіе областью раздѣлялось между тремя главными амбанями: 1) г. Яркенда, съ подчиненными ему амбанями, г. Кашгара и г. Маралъ-баши, съ окрестными селеніями, 2) г. Хотана съ окрестностями и 3) г. Карашагара съ подчиненными ему амбанями гг. Учь-Турпана, Акъ-су, Куша и Балты. Въ каждомъ изъ вышеупомянутыхъ городовъ китайцы, вмѣстѣ со своимъ войскомъ, жили отдѣльно отъ туземныхъ жителей; въ самомъ же городѣ изъ китайцевъ жилъ только *галдай* съ незначительнымъ отрядомъ.

Кварталъ, гдѣ жили китайцы, назывался *гульбахомъ;* онъ весьма часто отстоялъ отъ туземнаго города на нѣсколько верстъ. О низшей администраціи, состоявшей изъ туземныхъ жителей, я распространюсь въ общихъ чертахъ и коснусь только г. Кашгара съ окрестностями, такъ какъ о прочихъ городахъ я имѣлъ очень немного свѣдѣній.

Прежде, чѣмъ говорить что либо о кашгарской администраціи, я разскажу о расположеніи города, гульбаха и окрестностей, окружавшихъ городъ. Кашгаръ—составляетъ крѣпость, обнесенную со всѣхъ сторонъ глиняною стѣною, на подобіе всѣхъ среднеазіятскихъ крѣпостей; въ немъ,

*) Въ справедливости сообщаемыхъ Исламъ-ходжею цифръ населенія, можно усумниться. Урюмъ-ше на нашихъ картахъ называется Урумчи, а Карашагаръ — Карашаромъ.

какъ я сказалъ уже, находится до 16 тысячъ домовъ туземцевъ и кромѣ того, въ мое время жилъ и галдай, съ отрядомъ китайцевъ, силою во 100 человѣкъ. Къ востоку отъ него, верстахъ въ 8, расположенъ былъ гульбахъ, гдѣ жилъ амбань и 12,000 китайскихъ жителей и войска; къ югу расположены были окрестныя деревни: Сармянъ, въ 3 верстахъ, съ 300 жителей, Акъ-Таглыкъ, въ 3 верстахъ, съ 150 жителей, Акъ-Ташъ, въ 16 верстахъ, съ 50 жителей китайцевъ, составлявшихъ пограничный пикетъ; къ западу расположены: Устюнъ-Артушъ, въ 16 верстахъ, съ 300 жителей, Астунъ-Артушъ въ 17 верстахъ, съ 100 жителей, Бишъ-Корамъ, 16 верстахъ, съ 500 жителей.

Къ сѣверо-востоку: Кызылъ-уй, въ 28 верстахъ, съ 500 жителей, Ханъ-арыкъ, въ 20 верстахъ, съ 400 жителей, Файзувадъ, въ 40 верстахъ, съ 2,000 жителей, наконецъ къ юго-востоку находится селеніе Янгисаръ, въ 80 верстахъ отъ Кашгара, съ 2,000 жителей и въ которомъ стоялъ китайскій гарнизонъ, въ 100 человѣкъ. Во главѣ туземной администраціи г. Кашгара съ окрестностями стояли два брата: Вали-ханъ и Бузуръ-ханъ; оба они были ханскаго рода, изъ котораго всегда были правители народа; у нихъ было еще два брата: Омаръ-ханъ, стоявшій во главѣ туземной администраціи гг. Маралъ-баши и Яркенда и Катта-тюря, занимавшій такой же постъ въ остальныхъ городахъ. Вся низшая администрація избиралась Вали-ханомъ и Бузуръ-ханомъ и затѣмъ утверждалась китайцами. Эта администрація состояла въ г. Кашгарѣ изъ казы (судьи), раиса (блюстителя общественной благопристойности) и юзъ-башей, а въ деревняхъ—изъ саркаровъ.

Подати въ г. Кашгарѣ собирались Вали-ханомъ и Бузуръ-ханомъ, а въ окрестностяхъ саркарами, которые представляли ее имъ же. Китайцы получали подать уже отъ Вали-хана и Бузуръ-хана, а въ другихъ городахъ—съ Омаръ-хана и Катта-тюря. Размѣръ подати былъ различный, смотря по богатству и роду занятій каждаго; отецъ мой платилъ $1^{1}/_{2}$ ямбы (около 200 руб.), другіе платили 2, 3 и даже 4 ямбы; кто былъ побѣднѣе, платилъ половину, четверть ямбы, и даже менѣе. Сколько платили земледѣльцы, я не знаю; вообще же подати распредѣлялись правителями народа по ихъ усмотрѣнію. Кашгарцы никогда не могли помириться съ владычествомъ китайцевъ, и въ нихъ всегда таилось неудовольствіе противъ нихъ, которое по временамъ выказывалось возмущеніями; но эти вспышки чаще всего были подавляемы китайцами. Для возмущенія всегда было достаточно какого нибудь незначительнаго повода со стороны китайцевъ.

Въ послѣднее возстаніе поводъ къ тому былъ слѣдующій:

Амбаню г. Кашгара понравилась дѣвушка изъ одного туземнаго се-

мейства; онъ велѣлъ привести ее къ себѣ и сдѣлалъ своею наложницею. Обиженные родственники обратились къ правителямъ, съ просьбою о помощи; дѣйствительно, туземныя власти предложили амбаню возвратить дѣвушку обратно, въ ея семейство и дать ей должное удовлетвореніе, но амбань, конечно, не послушался совѣта, и продолжалъ держать у себя похищенную дѣвушку. Тогда правители сообщили объ этомъ Омаръ-хану и Катта-тюрѣ, и составили сообща планъ сверженія китайскаго владычества: они условились вырѣзать китайцевъ, гдѣ только будетъ возможно, а оставшихся въ живыхъ изгнать изъ своей земли.

Планъ этотъ въ условленный день былъ приведенъ въ исполненіе, одновременно во всѣхъ городахъ, гдѣ жили китайцы. Немедленно сформировалось войско, во главѣ котораго стали тѣ же правители.

Въ Кашгарѣ, послѣ того, какъ былъ убитъ находившійся въ немъ галдай съ китайскимъ отрядомъ, сформировалось войско изъ способныхъ носить оружіе жителей города и окрестностей; начальство принялъ Валиханъ, который и осадилъ гульбахъ. Я былъ назначенъ въ отрядѣ *пянджъбашею* (пятидесятникомъ). Вооруженіе наше состояло изъ небольшаго количества фитильныхъ ружей, шашекъ, пикъ и луковъ со стрѣлами; кромѣ того, на первое время мы сдѣлали себѣ нѣсколько деревянныхъ пушекъ, изъ которыхъ можно было выстрѣлить отъ 5 до 8 разъ картечью; затѣмъ уже ихъ разрывало. Впослѣдствіи у насъ были мѣдныя и чугунныя орудія, отобранныя отъ китайцевъ.

Китайцевъ, запершихся въ гульбахѣ, мы осаждали 3½ мѣсяца, до тѣхъ поръ, пока они не истомились отъ голода. Тогда китайцы, опасаясь попасться намъ въ плѣнъ, собрали въ одно мѣсто все свое имущество, и взорвались на воздухъ, вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми. Въ живыхъ осталось не болѣе 700 человѣкъ. Послѣ взятія гульбаха, мы отпустили ихъ на свободу.

Я, впрочемъ, пробылъ при осадѣ гульбаха только одинъ мѣсяцъ, послѣ чего былъ сдѣланъ юзъ-башею и отправленъ съ своею сотнею въ село Янгисаръ.

Когда я еще былъ пянджъ-башею, у меня было подъ командою 25 человѣкъ конныхъ вооруженныхъ жителей; кромѣ всего продовольствія натурою, мнѣ отпускали на мой конный отрядъ ежемѣсячно 70 тиллей. Когда же я былъ сдѣланъ юзъ-башею, то мнѣ поручили болѣе значительный отрядъ конницы, и для содержанія его отвели село Янгисаръ, съ жителей котораго я, сверхъ всего продовольствія и одежды, могъ собирать до 3,000 тиллей въ годъ.

Когда кончилась осада гульбаха, я былъ вызванъ съ своимъ отрядомъ въ Кашгаръ и присоединился къ войску, собранному Вали-ханомъ.

Весь нашъ отрядъ двинулся на Маралъ-баши, гдѣ еще держались китайцы. Вытѣснивъ оттуда непріятеля, Вали-ханъ двинулся къ г. Яркенду, гдѣ, соединившись съ войскомъ Омаръ-хана, покончилъ съ китайцами въ одну недѣлю.

Овладѣвъ Яркендомъ, Вали-ханъ и Омаръ-ханъ двинулись со своими войсками въ г. Хотанъ, гдѣ вручили главное начальство надъ войскомъ старшему брату своему Катта-тюрѣ; у Катта-тюря собралось такимъ образомъ до 40,000 войска, съ которымъ онъ и сталъ поджидать въ стѣнахъ Хотана китайское войско. Китайцы, въ числѣ 16,000 человѣкъ, спѣшили въ то время на выручку своихъ собратій. Черезъ недѣлю послѣ соединенія отрядовъ Вали-хана, Омаръ-хана и Катты-тюря, къ г. Хотену подступило китайское войско. Изъ Хотана вышли 20,000 нашего войска, которое и вступило съ китайцами въ бой.

Три дня продолжались схватки, но перевѣсъ не склонялся ни на нашу сторону, ни на сторону китайцевъ. На четвертый день я былъ поставленъ съ своимъ отрядомъ въ передовую цѣпь. Раздѣливъ свой отрядъ на три очереди, я разставилъ часовыхъ; у меня было подъ командою два онъ-баши (десятника), которыхъ я назначилъ за старшихъ, на вторую и третью смѣны, а въ первую смѣну отправился самъ.

Когда первая смѣна возвратилась, я легъ спать, приказавъ десятникамъ разбудить меня, когда снова придетъ моя очередь идти въ разъѣздъ. Я и не подозрѣвалъ того, что могло случиться: десятникъ третьей смѣны, а вмѣстѣ съ нимъ и вся смѣна, заснули, стоя на часахъ....

На разсвѣтѣ мы всѣ были разбужены крикомъ: «холя, холя!.....» и увидѣли себя окруженными китайскимъ войскомъ; мы бросили все свое оружіе и хотѣли бѣжать, но китайцы уже успѣли многихъ изъ насъ захватить въ плѣнъ, и связанныхъ, отвели въ свой лагерь. Я былъ тоже въ числѣ этихъ плѣнныхъ; что было послѣ съ нашимъ войскомъ, я уже не знаю.

Китайскій лагерь расположенъ былъ на р. Кара-Дарьѣ, въ семи верстахъ отъ города; тамъ заковали насъ въ цѣпи за шею, по пяти человѣкъ на одну цѣпь. Плѣнныхъ помѣстили въ отдѣльной палаткѣ, приставивъ караулъ въ пятьдесятъ человѣкъ. Впрочемъ, кормили насъ и обходились съ нами хорошо и не били.

Въ лагерѣ всѣхъ плѣнниковъ продержали двое сутокъ и отсюда отправили въ г. Акъ-су, гдѣ мы содержались цѣлую недѣлю на гауптвахтѣ. Изъ Акъ-су перевели насъ въ Учь-Турпанъ; здѣсь насъ расковали и вмѣсто цѣпей надѣли *кунди*. Кунда есть деревянная колодка съ развилиной на концѣ, которая надѣвается на шею, и затѣмъ открытая

сторона забивается на-глухо деревяннымъ же брускомъ. Въ такой колодкѣ мы ходили въ Учь-Турпанѣ полторы недѣли, до тѣхъ поръ, пока насъ снова заковали въ цѣпи, по пяти человѣкъ за шею. Плѣнниковъ отправили въ Куша, и послѣ дневнаго отдыха, перевели въ г. Балты, откуда черезъ четыре дня перевели въ Карашагаръ. Здѣсь, взамѣнъ цѣпей, надѣли на насъ *отунъ-кунда*, т. е. желѣзную колодку, такого же устройства, какъ и деревянная, о которой я уже упоминалъ. Продержавъ въ Карашагарѣ три недѣли, насъ еще разъ заковали и отправили въ г. Урюмъ-ше, гдѣ продержали на гаубтвахтѣ одинъ мѣсяцъ.

Находясь на гаубтвахтѣ, мы узнали, что города: Акъ-су и Учь-Турпанъ взяты Катта-тюрею и Омаръ-ханомъ. Въ тоже время мы услышали, что коканскій правитель Алимкулъ послалъ къ Катты-тюрѣ на помощь войско, подъ начальствомъ Якубъ-бека. Изъ г. Урюмъ-ше насъ перевели въ Кульджу, гдѣ мы оставались двѣ недѣли, и именно до тѣхъ поръ, пока дунганскій султанъ съ семнадцати-тысячнымъ войскомъ осадилъ Кульджу, и черезъ четыре дня послѣ осады, разбивъ китайцевъ, освободилъ насъ изъ плѣна.

Въ первые дни по нашемъ освобожденіи, мы принуждены были, для прокормленія своего, наниматься рубить дрова и дѣлать кирпичи; такимъ образомъ мы работали въ теченіи двухъ недѣль, до тѣхъ поръ, пока я, вмѣстѣ съ десятью товарищами, не нанялся работникомъ въ караванъ, отправлявшійся съ товарами на озеро Иссыкъ-Куль, къ каракиргизамъ. Мы прожили съ караваномъ у киргизовъ десять дней, затѣмъ отправились въ Кашгаръ, куда и пріѣхали черезъ двадцать шесть дней. Кашгаръ въ это время былъ уже занятъ Якубъ-бекомъ.

По распросамъ, мы узнали слѣдующее: Якубъ-бекъ, посланный коканскимъ правителемъ Алимкуломъ, съ семнадцати тысячнымъ войскомъ, на помощь Катты-тюрѣ, прибывъ въ Кашгаръ, занялъ его силою. Всѣхъ китайцевъ, оставшихся въ живыхъ, онъ завербовалъ въ свою армію и быстро занялъ города: Маралъ-баши и Яркендъ съ окрестными деревнями. У Катты-тюря остались города: Хотанъ, Акъ-су, Учь-Турпанъ, Куша и Балты, у китайцевъ же города: Карашагаръ и Урюмъ-ше.

Кромѣ того, мы узнали, что всѣ офицеры туземнаго войска перерѣзаны Якубъ-бекомъ; по этому, проживъ тайно въ Кашгарѣ двадцать дней я, пользуясь отсутствіемъ Якубъ-бека, который въ это время былъ въ Яркендѣ, отправился, также съ караваномъ, въ Коканъ. Ровно черезъ двѣнадцать дней послѣ нашего выступленія изъ Кашгара, мы прибыли въ пограничную коканскую крѣпость Ушь, а оттуда, черезъ недѣлю, я пробрался въ Ташкентъ. Впослѣдствіи мнѣ разсказали про Кашгаръ слѣдующее: Якубъ-бекъ, укрѣпившись въ Кашгарѣ, Яркендѣ и Маралъ-баши, вы-

ступилъ съ войскомъ противъ Вали-хана. Это были два сильные соперника и одинъ хотѣлъ во что-бы то ни стало, вытѣснить другаго. Якубъ-бекъ разбилъ Вали-хана и, взявъ его въ плѣнъ, зарѣзалъ. Вскорѣ онъ также разбилъ и взялъ въ плѣнъ другаго соперника Катты-тюря, и такимъ образомъ постепенно занялъ всю область, освободившуюся отъ китайскаго владычества. Катта-тюря, какъ ходжа, былъ оставленъ въ живыхъ, даже выпущенъ на свободу и ему былъ оказанъ,—оказывается и въ настоящее время—должный почетъ.

Въ занятыхъ городахъ Якубъ-бекъ поставилъ своихъ намѣстниковъ, черезъ которыхъ въ настоящее время управляетъ народомъ и собираетъ подати. Вотъ все, что я знаю и могу разсказать о Кашгарѣ и о нашей борьбѣ съ китайцами.

А. Ивановъ.

О настоящемъ положеніи мусульманской инсуррекціи въ Китаѣ.

Невѣроятность возстановленія китайской власти въ потерянныхъ провинціяхъ.—Отношенія Россіи къ бывшимъ мусульманскимъ провинціямъ Китая.

Китайская власть всегда была слаба въ западномъ Китаѣ, какъ и на прочихъ окраинахъ этого огромнаго государства. Китайцы уже нѣсколько разъ завоевывали Туркестанъ при воинственныхъ династіяхъ и столько же разъ теряли его при мирныхъ государяхъ и во время неурядицъ внутри государства. Обладаніе западнымъ Китаемъ, отдѣленнымъ отъ внутренняго тысячеверстнымъ пространствомъ пустыни Гоби или Шамо *), всегда было для Китая большою тяжестью, не приносящею почти никакихъ выгодъ для государства, которое должно было посылать туда ежегодно большія суммы на содержаніе войскъ и администраціи. Въ 1860-хъ годахъ посылалось ежегодно въ одну только Кульджу 1,136 пудовъ серебра и нѣсколько тысячъ кусковъ атласа и гродетура; взамѣнъ же, китайское правительство получало нѣсколько сотъ лошадей въ подарокъ бохдыхану отъ киргизъ, да нѣсколько драгоцѣнныхъ камней, фруктовъ и рѣдкостей для двора **). Въ нынѣшнемъ столѣтіи присылка серебра изъ Пекина продолжалась и прекращеніе ея вслѣдствіе истощенія государственныхъ доходовъ во время мятежа тайпинговъ и возстанія мусульманъ (военно-поселенцы не получали жалованья съ 1851 г., т. е. 14 лѣтъ) было одною изъ главныхъ причинъ паденія манджурской власти въ западномъ Китаѣ, потому что мѣстная администрація для содержанія войскъ вынуждена была прибѣгнуть къ чрезмѣрнымъ налогамъ и притѣсненіямъ народа, вызвавшимъ его возстаніе.

---

*) Отъ Пекина до Кульджи 3 тысячи верстъ; караваны ходили отъ 3 до 4 мѣсяцевъ, а почта—одинъ мѣсяцъ.

**) Описаніе Джунгаріи о. Іакинфа, 1829 года, стр. 107 и далѣе.

Не принося никакихъ выгодъ, кромѣ обезпеченія за китайской торговлею съ Среднею Азіею торговаго пути, китайская власть въ западномъ Китаѣ не имѣла въ краѣ прочныхъ основаній, ибо правительственный элементъ представлялся здѣсь только небольшими военными поселеніями монгольскихъ племенъ *) гарнизонами въ главныхъ городахъ и нѣсколькими тысячами китайцевъ изъ торговаго и ремесленнаго класса, въ то время, когда масса населенія состояла изъ народовъ (дунганъ, сартовъ, таранчей), ненавидѣвшихъ китайское правительство и возбуждаемыхъ къ попыткамъ освобожденія, какъ религіознымъ фанатизмомъ, такъ и стремленіемъ къ народной независимости. Сарты Восточнаго Туркестана въ теченіи столѣтняго владычества китайцевъ пять разъ возставали противъ нихъ (1757, 1796, 1830 и 1857 гг.) съ энергіею, неукрощаемой самыми жестокими казнями мятежниковъ и опустошеніемъ ихъ городовъ. Послѣднее возстаніе (1864 г.) вполнѣ показало слабость китайской власти, ибо послѣ двухлѣтней борьбы, мусульмане Кашгаріи и Кульджи совершенно истребили китайцевъ въ своей странѣ, разрушили города ихъ и почти стерли съ лица земли всякія признаки китайскаго владычества.

Надѣяться на какіе либо внутреннія въ потерянныхъ провинціяхъ обстоятельства, въ пользу возстановленія своей власти, китайцы серьезно никакъ не могутъ, потому что ненависть къ нимъ мусульманъ, населяющихъ западный Китай, усилившаяся жертвами, принесенными ими во время послѣдняго возстанія, не допуститъ и мысли о покорности кяфирамъ-китайцамъ. Ожесточенныя возстанія противъ китайцевъ въ 1825 и 1857 годахъ неизгладимы въ памяти населенія Восточнаго Туркестана, равно какъ и жестокое ихъ усмиреніе. Деспотизмъ китайцевъ, угнетеніе народа взяточностью китайскихъ властей—все это живо въ памяти населенія западнаго Китая и нужно, чтобы оно подверглось тяжкимъ и невыносимымъ бѣдствіямъ, чтобы пожалѣло о китайскомъ владычествѣ. Какъ ревностные мусульмане, сарты, дунгане и таранчи, одушевленные религіознымъ фанатизмомъ, не могутъ имѣть и мысли о добровольномъ возвратѣ китайской власти. Возстановленіе китайской власти въ западномъ Китаѣ можетъ

---

*) На сколько оказалась сомнительною даже поддержка монголовъ, видно изъ того, что въ октябрѣ 1866 г. 3 т. солоновъ и сибо, стоявшихъ лагеремъ подъ Кульджею, видя отчаянное положеніе этой крѣпости, склонились на предложеніе дунганъ оставить свой лагерь и Кульджу на произволъ судьбы и удалиться въ пограничные кенты, гдѣ дунгане обѣщали оставить ихъ спокойно жить подъ своею властью. Измѣна солоновъ, впрочемъ, не послужила имъ къ добру, потому что, истребивъ китайцевъ, дунгане изгнали изъ своей земли и солоновъ, спасшихся только въ предѣлахъ Россіи.

быть произведено только силою оружія, послѣ самой ожесточенной борьбы съ народами, фанатически одушевленными недавними побѣдами ихъ надъ манджурами.

Для того же, чтобы судить: имѣетъ ли китайское правительство средства и возможность возстановить свое господство въ западномъ Китаѣ силою оружія, необходимо ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ южныхъ и внутреннихъ провинціяхъ Китая, гдѣ мусульмане также возстали противъ китайской власти. Понятно, что не усмиривъ мятежа въ этихъ послѣднихъ провинціяхъ, китайцы не могутъ и думать о завоеваніи западнаго Китая.

Весьма интересныя и новыя свѣдѣнія о возстаніи мусульманъ въ южномъ Китаѣ помѣщены въ статьхъ французскаго путешественника де-Карне (Revue des deux mondes, 1870 г. книжки 15-го февраля и 1-го апрѣля) о путешествіи его въ составѣ снаряженной французскимъ правительствомъ коммиссіи изъ Лаоса въ южный Китай, въ 1868 году. Возстаніе мусульманъ въ югозападной провинціи Китая Юнанъ произошло въ 1856 году и было вызвано покушеніемъ китайскихъ губернаторовъ въ нѣкоторыхъ городахъ этой провинціи перерѣзать внезапно всѣхъ мусульманъ. Замыселъ этотъ не удался и повелъ къ истребленію всѣхъ китайскихъ мандариновъ и офицеровъ въ многолюдномъ и важнѣйшемъ по стратегическому значенію изъ городовъ Юнана, г. Тали, гдѣ мусульмане составляли большинство населенія. Осада этого города китайцами въ 1857 году кончилась полнымъ ихъ пораженіемъ, результатомъ котораго было паденіе во власть мусульманъ всего Юнана, хотя они не составляютъ и десятой части населенія этой многолюдной провинціи. Потерявъ въ слѣдующіе годы восточную и южную часть Юнана, мусульмане нѣсколько разъ снова завоевывали ихъ и снова теряли. Въ 1868 году мусульмане вновь предпринимали осаду главнаго города провинціи Юнанъ-су, взятаго уже ими разъ и потомъ оставленнаго; но послѣ восемнадцати-мѣсячной осады, они, въ концѣ 1869 года или въ началѣ 1870 года, сняли осаду. По мнѣнію де-Карне, вполнѣ подтверждаемому приведенными имъ картинами возстанія и дѣйствій мусульманъ и китайцевъ, — перемѣнные успѣхи и неудачи мусульманъ даютъ полное основаніе полагать, что южная часть Китая надолго будетъ предана анархіи.

Отношенія мусульманъ къ китайцамъ въ Юнанѣ, по описаніямъ де-Карне, во многомъ сходны съ западно-китайскими. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, проявляется нравственный упадокъ китайскаго народа и правительства, служащій причиною ихъ безсилія противъ немногочисленныхъ, но энергичныхъ и одушевленныхъ сознаніемъ своей силы враговъ.

«Вылазка двухъ десятковъ храбрыхъ мусульманъ (изъ осажденнаго г. Тали) — разсказываетъ де-Карне — была достаточна для того, чтобы разсѣять осаждающую армію, состоявшую изъ сволочи, болѣе привыкшей къ дыму опіума, чѣмъ къ запаху пороха.... Сильные мужествомъ, мусульмане берутъ верхъ при помощи страха, который они внушаютъ китайцамъ.... Попытки китайскаго правительства остановить инсуррекцію доказали только безсиліе и продажность китайцевъ и усилили увѣренность мусульманъ въ собственныхъ силахъ. Военные мандарины присвоиваютъ себѣ деньги, отпущенныя правительствомъ на сборъ армій, или входятъ въ мирные переговоры съ мятежниками.... Если припомнить, что повелитель 300 милліоновъ подданныхъ могъ выставить на поле сраженія при Сагаванѣ только 10,000 солдатъ противъ европейскихъ армій (англо-французы), которыя угрожали его столицѣ, то нельзя удивляться успѣху горсти мятежниковъ въ самой дальней провинціи государства. Если бы инсургенты согласились признать границею основаннаго ими государства предѣлы Юнана, то пекинское правительство поступило бы весьма мудро, отказавшись отъ этой провинціи, не смотря на всѣ богатства, которыя она содержитъ; но можно опасаться, что это предположеніе не можетъ осуществиться. Этотъ мятежъ — (и это именно дѣлаетъ его страшнымъ) осужденъ своею двойственною природою подвигаться впередъ; тѣ, кто направляетъ его, не въ состояніи остановить его движенія, до тѣхъ поръ, пока останутся *невѣрные*, съ которыми мусульмане обязаны теперь сражаться, потому что только политическія войны могутъ напередъ опредѣлять свои границы, религіозная же пропаганда границъ не знаетъ. Утверждаютъ, что султанъ г. Тали съ презрѣніемъ отвергнулъ мирныя предложенія китайскаго императора.... Въ сосѣднихъ съ Юнаномъ провинціяхъ Ку-ей-чеу и въ Се-чу-анѣ анархія свирѣпствуетъ не менѣе, чѣмъ въ Юнанѣ, вслѣдствіе возстанія въ первой — племени *міао-тзе*, а во второй народа *мазу*.... Юнанскіе инсургенты встрѣтили матеріальную помощь со стороны своихъ одновѣрцевъ въ провинціяхъ Шань-си и Гань-су; сверхъ того, они нашли содѣйствіе, по крайней мѣрѣ нравственное, у своихъ собратьевъ Восточнаго Туркестана».

Мусульмане провинціи Гань-су и Шань-си, подающіе помощь инсургентамъ въ Юнанѣ, съ другой стороны имѣютъ непосредственныя связи съ инсургентами западнаго Китая, который отдѣленъ этими двумя провинціями отъ Пекина и восточнаго Китая. Прежде, чѣмъ предпринимать завоеваніе западнаго Китая, манджурскому правительству нужно усмирить инсуррекцію магометанъ въ Шань-си и затѣмъ въ Гань-су. По этому весьма важны свѣдѣнія о положеніи дѣлъ инсургентовъ въ этихъ двухъ провинціяхъ. Къ сожалѣнію, о событіяхъ въ Гань-су и Шань-си невозможно получить столь достовѣрныхъ свѣдѣній, какія доставлены фран-

цузскимъ путешественникомъ объ инсуррекціи въ южномъ Китаѣ. Провинціи эти слишкомъ удалены отъ Восточнаго океана, Россіи и Остъ-Индіи, чтобы въ нихъ могъ пробраться какой нибудь путешественникъ. Извѣстіямъ же, доставленнымъ китайцами, вѣрить, при всѣми признанной лживости и хвастливости манджурскаго правительства, нельзя. Остается обратиться къ свѣдѣніямъ, полученнымъ у насъ, въ Вѣрномъ отъ сартовъ и татаръ, торгующихъ въ Урумчи и пользующихся разсказами тамошнихъ дунганъ о положеніи дѣлъ инсургентовъ сосѣднихъ провинцій Китая, въ которыхъ урумчинскіе дунгане сами принимаютъ участіе.

Не смотря на всю неполноту и смутность этихъ свѣдѣній изъ третьихъ рукъ, по всѣмъ разсказамъ, инсуррекція въ Гань-су и Шань-си имѣетъ полную аналогію съ возстаніемъ въ Юнанѣ, съ тою только разницею, что мусульмане въ этихъ провинціяхъ далеко многочисленнѣе, чѣмъ въ Юнанѣ, и считаются милліонами, хотя въ провинціяхъ этихъ есть не мало и китайцевъ. Возстаніе дунганъ въ Шань-си и Гань-су началось одновременно, или даже ранѣе мятежа мусульманъ въ южномъ Китаѣ, но усилилось оно до перерыва сообщеній западнаго Китая съ Пекиномъ въ 1862 году, послѣдствіемъ чего было возстаніе въ слѣдующемъ году въ Урумчи. Центрами мусульманской инсуррекціи въ сѣверныхъ провинціяхъ, подобно Тали въ Юнанѣ, служатъ города *Саларъ* въ Шань-си и *Суджу* въ Гань-су. Части обѣихъ провинцій находятся во власти китайцевъ и переходятъ изъ ихъ рукъ въ руки мусульманъ и обратно, такимъ же порядкомъ, какъ въ Юнанѣ. Борьба мусульманъ съ китайцами столь же ожесточенна, а между тѣмъ, какъ и въ Юнанѣ, торговыя сношенія между инсургентами и китайцами не прекращаются *). Городъ Суджу осаждается китайцами, по словамъ торговцевъ, болѣе года или двухъ, между тѣмъ торговыя сношенія его также дѣятельны. Дунгане сѣвернаго Китая подаютъ другъ другу помощь противъ китайцевъ и даже урумчинцы въ 1869 году посылали армію въ 10 т. воиновъ на помощь Су-

*) „Ничто не препятствовало инсургентамъ", говоритъ де-Карне, „придвинуть свои границы къ рѣкѣ Кинъ-ча-кіангъ (верховья Янь-тзе-кіанга или Голубой рѣки); между тѣмъ они оставили между Кинъ-ча-кіангомъ и своими владѣніями нейтральную, такъ сказать, полосу, гдѣ развивается еще для формы красное знамя императорскихъ войскъ; жители же ея на дѣлѣ независимы. Причина этого явленія есть чисто коммерческая и весьма интересна, такъ какъ выказываетъ одну изъ оригинальнѣйшихъ сторонъ китайскаго характера. Бѣлое знамя мятежниковъ страшило бы торговлю, если бы оно было поднято на самомъ берегу рѣки, и потому правительство инсургентовъ оставило незанятою эту полосу. Китайцы никогда не употребляютъ блокады. Войска сражаются, останавливаются путешественники, но обѣ стороны признаютъ тюкъ съ товарами лучшимъ правомъ на пропускъ, чѣмъ у людей паспортъ".

джу. Армія эта, однако же, по однимъ извѣстіямъ, не пошла далѣе г. Хами или Кюмуля, отдѣляющаго Урумчи отъ Су-джу, вѣроятно опасаясь быть отрѣзанною отъ Урумчи кюмульцами, за годъ передъ тѣмъ выплатившими приходившимъ противъ нихъ дунганамъ большую контрибуцію, а теперь усилившимися и укрѣпившимися. По словамъ другихъ же торговцевъ, урумчинцы потерпѣли въ походѣ на помощь Су-джу пораженіе уже отъ китайцевъ, осаждавшихъ этотъ городъ.

Дунгане западнаго Китая отдѣлены отъ инсургентовъ въ Гань-су городами *Баркулемъ* на дорогѣ изъ Урумчи (около 600 верстъ одинъ отъ другаго) и *Хами* по дорогѣ изъ Турфана (также около 600 верстъ). Баркуль населенъ китайцами, которые до послѣдняго времени собственными силами съумѣли сохранить независимость отъ дунганъ, не смотря на всѣ усилія послѣднихъ взять этотъ городъ, прерывающій сѣверный путь сообщенія съ мусульманами сѣвернаго Китая. Городъ Хами или Кюмуль (болѣе 2,500 домовъ) населенъ таранчами и частію китайцами, и также, пользуясь выгоднымъ положеніемъ на небольшомъ оазисѣ, среди безплодной и безводной степи, отстаиваетъ свою независимость, и хотя въ 1868 году взятъ былъ дунганами, но въ слѣдующемъ году вновь сталъ независимымъ. Этотъ послѣдній городъ замыкаетъ для сообщенія дунганъ съ Су-джу южную дорогу, идущую чрезъ Турфанъ и Хами во внутренній Китай. Во время войны, происходившей въ 1870 году между дунганами и кашгарскимъ правителемъ Якубъ-бекомъ, кюмульскіе таранчи и китайцы приняли сторону родственныхъ первымъ кашгарскихъ сартовъ противъ дунганъ *). По словамъ торговцевъ и киргизъ, бывшихъ въ Урумчи, городъ Су-джу **) отстоитъ отъ Хами въ 30 дняхъ пути. Достовѣрно извѣстно, что до 1871 года г. Су-джу не былъ взятъ китайцами, но позднѣйшихъ извѣстій о положеніи этого города и вообще объ инсуррекціи въ сѣверныхъ провинціяхъ внутренняго Китая не имѣется. Впрочемъ, судя по появившемуся въ началѣ 1870 года въ русскихъ газетахъ извѣстію объ успѣхахъ инсургентовъ въ сѣверномъ Китаѣ (по всей вѣроятности мусульмане изъ Шань-си, ибо никакихъ другихъ мятежниковъ въ сѣверномъ Китаѣ не было извѣстно), угрожавшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ сообщеніямъ Пекина съ Ургою, должно полагать, что дѣла мусульманъ процвѣтаютъ и завоеванія ихъ захватываютъ все большее и большее пространство ***).

---

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, правительница Кюмуля, вдова владѣтеля этого города, имѣвшаго отъ китайцевъ титулъ князя, осенью 1870 года приняла подданство Якубъ-бека и войска послѣдняго вступили въ Кюмуль.

**) Киргизы выговариваютъ неправильно названіе этого города *Би-джу*.

***) По извѣстіямъ, полученнымъ послѣ окончанія этой статьи, инсургенты изъ

О положеніи Улясутайской провинціи, гдѣ также въ городахъ есть много дунганъ, получаются рѣдкія свѣдѣнія чрезъ китайскихъ чиновниковъ, отъ времени до времени пріѣзжающихъ изъ Улясутая и Кобдо на Кокъ-Тума, къ остающимся тамъ съ 1868 года эмигрантамъ изъ Илійской провинціи. По словамъ ихъ, въ Улясутаѣ и Кобдо войска было весьма мало, до такой степени, что правительство не могло послать никакого отряда для сопровожденія Куйчана (лица, производившаго въ 1869 году постановку пограничныхъ столбовъ на государственной границѣ, опредѣленной въ исполненіе чугучакскаго протокола 1864 года); въ 1870 году отрядъ этотъ долженъ былъ подкрѣпить сопротивленіе Куйчана по постановкѣ пограничныхъ столбовъ, согласно условію 1870 года, такъ какъ новая граница весьма невыгодна для китайцевъ, отдѣливъ въ наши предѣлы большую часть пашень китайскихъ киргизъ. Но такъ какъ Чоганъ-Кегенъ (начальникъ торгоутскихъ ордъ, составляющихъ главную часть войска въ Кобдо и Улясутаѣ) заявилъ, что не можетъ собрать достаточно силъ ранѣе весны 1871 года, то Куйчану пришлось въ точности выполнить условіе 1870 года. Раздраженные киргизы отказались вслѣдствіе этого даже дать подводы Куйчану и его свитѣ на обратномъ пути въ Кобдо. Торгоуты—единственная опора китайской власти на сѣверѣ—и тѣ начали оказывать манджурскимъ чиновникамъ неповиновеніе, вслѣдствіе слуховъ, распространявшихся самими китайскими чиновниками, о присылкѣ съ Куйчаномъ большаго войска для изгнанія русскихъ съ Джемини. Дѣйствительный исходъ переговоровъ по постановкѣ столбовъ, и очевидное безсиліе китайцевъ, въ конецъ подорвало всякое ихъ значеніе въ долинѣ Иртыша, какъ между киргизами, такъ, кажется, и между торгоутами.

Аккуратно распуская чрезъ своихъ чиновниковъ каждую весну слухи о прибытіи къ осени изъ внутренняго Китая «великаго войска» для завоеванія западнаго Китая, и каждую осень откладывая движеніе своей полумилліонной (иногда болѣе, иногда менѣе) арміи до весны, китайское правительство въ дѣйствительности, немедленно по паденіи Кульджи и Чугучака, покинуло всякую мысль о возвратѣ потерянныхъ провинцій. Это доказывается выводомъ такъ называемыхъ китайскихъ эмигрантовъ Илійской провинціи въ сѣверный Китай. Эмигранты эти, главнымъ образомъ: солоны, дауры, китайцы и калмыки, бѣжавшіе въ предѣлы Семирѣченской области въ 1866 и 1867 годахъ, были временно помѣщены въ Копаль-

---

сѣвернаго Китая 1-го ноября 1870 года взяли *Улясутай*, разсѣявъ китайское войско, и угрожаютъ съ одной стороны *Кобдо*, а съ другой Ургѣ.

скомъ и Вѣрненскомъ уѣздѣ, въ числѣ до 5 т. душъ. Уже въ 1867 году китайское правительство распорядилось движеніемъ ихъ изъ за Или въ сѣверный Китай, но по недостатку денегъ и средствъ продовольствія для такой массы людей, движеніе было отложено до 1868 года. Осенью 1868 года 3½ т. эмигрантовъ, пройдя 1 т. верстъ, отдѣлявшую ихъ отъ сѣверо-восточной границы Семирѣченской области, остановились зимовать въ нашихъ предѣлахъ, по близости отъ Чугучака; но часть эмигрантовъ, преимущественно изъ кентовъ праваго берега рѣки Или, близкихъ къ нашей границѣ, не смотря на всѣ понужденія китайскихъ чиновниковъ, въ числѣ тысячи душъ, совершенно отказались идти въ сѣверный Китай, предвидя ожидающія ихъ тамъ бѣдствія и не желая покинуть навсегда свои родныя мѣста на Или. Если бы китайское правительство надѣялось на возвратъ своей власти въ Кульджѣ, то безъ сомнѣнія оно оставило бы эмигрантовъ временно на нашей территоріи, откуда они тотчасъ же могли бы перейти въ западный Китай по возстановленіи китайской власти. Упорство, съ которымъ китайцы пытались заставить борохудзирскихъ эмигрантовъ идти въ сѣверный Китай, обращаясь къ нашему правительству даже съ просьбою о насильственной высылкѣ своихъ подчиненныхъ, показываетъ, что манджурское правительство надолго, если не навсегда, покинуло надежду на возвратъ своей власти въ Илійскомъ краѣ.

Прибывъ въ окрестности Чугучака, эмигранты уже третій годъ живутъ тамъ, ожидая приготовленія для нихъ продовольствія для прокормленія ихъ на первое время въ назначенномъ для поселенія мѣстѣ на Барлытогоѣ (въ верховьяхъ Чернаго Иртыша). Выведенная изъ терпѣнія часть эмигрантовъ весною нынѣшняго года, самовольно, кажется, двинулась съ Кокъ-Тума на Барлытогой; но здѣсь они не нашли никакихъ запасовъ продовольствія и потому, гонимые голодомъ, частію воротились на Кокъ-Тума, частію разбрелись по торгоутскимъ кочевьямъ; человѣкъ до 40 явились даже на Джимини, къ зайсанскому приставу, съ просьбою дозволить имъ перезимовать близь поста, чтобы снискивать себѣ пропитаніе работою.

Этотъ очеркъ положенія китайскихъ дѣлъ въ южныхъ, внутреннихъ и сѣверныхъ провинціяхъ Китая казалось бы долженъ убѣдить вполнѣ въ анархическомъ состояніи по крайней мѣрѣ половины Китайской имперіи и въ безсиліи манджурскаго правительства возстановить свою власть въ этихъ частяхъ государства. Причины такого положенія Китая заключаются въ нравственномъ упадкѣ китайскаго народа, какъ естественномъ результатѣ его замкнутой въ теченіи многихъ вѣковъ жизни, вѣковаго застоя знаній, отсутствія истинной науки и нравственности и недостатка живой религіи, такъ какъ узкій скептицизмъ китайскихъ философовъ,

мертвая ученость, самодовольное убѣжденіе въ превосходствѣ всего китайскаго и нелѣпое вѣрованіе въ святость и совершенство обычаевъ и жизни предковъ *) не составляютъ ни истинной науки, ни религіи. Народы, задавленные тяжестью этой многомилліонной націи, какъ будто не замѣчали слабости и безжизненности этого колосса; но какъ скоро столкновенія съ европейцами въ 40-хъ и 50-хъ годахъ выказали гнилость и безсиліе государственнаго организма Поднебесной имперіи, то тотчасъ же въ средѣ самаго китайскаго народа произошла попытка насильственнаго переворота, направленнаго противъ манджурской династіи. Мятежъ тайпинговъ, опустошивъ и раззоривъ лучшія и населеннѣйшія части имперіи, былъ потушенъ вслѣдствіе того, что сами мятежники были тѣ же китайцы, вполнѣ проникнутые неизлечимыми болѣзнями китайской націи, и не вносившіе въ жизнь никакихъ истинно-живыхъ началъ, которыя могли бы возродить эту націю. Одновременно съ тайпингами, въ западныхъ провинціяхъ имперіи начались волненія мусульманъ, начиная съ VIII вѣка поселившихся въ этихъ провинціяхъ между китайцами, принявшихъ языкъ и обычаи китайцевъ, но сохранившихъ свою религію, ненависть къ идолопоклонникамъ-китайцамъ, первобытную почти энергію, мужество и силу тюркскихъ племенъ, своихъ предковъ. Быстрые успѣхи мятежа даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ они составляли меньшинство населенія, увѣрили мусульманъ въ собственной силѣ и въ слабости китайцевъ и внушили имъ безпредѣльное къ нимъ презрѣніе. Въ теченіи 15 лѣтъ мятежа мусульмане успѣли совершенно усвоить себѣ освобожденныя отъ ига китайцевъ страны, и по всей вѣроятности, дойдя до предѣловъ распространенія мусульманъ въ имперіи, когда завоевательный фанатизмъ ихъ съ теченіемъ времени затихнетъ **), образуютъ собою одно или нѣсколько независимыхъ отъ Китая государствъ.

Встрѣчаются часто утвержденія, что китайцы, вступивъ нынѣ въ тѣсныя сношенія съ Европою и Америкою, при помощи европейскаго оружія и европейски обученыхъ войскъ, подъ командою европейскихъ офицеровъ, безъ труда справятся съ мусульманами. Но при этомъ забываютъ, что одного оружія недостаточно, чтобы создать хорошаго солдата. Нужна прежде всего въ воинѣ нравственная сила, а ея-то и нѣтъ въ китай-

*) Это полное вѣрованіе однако же, къ удивленію, находитъ поклонниковъ и у насъ, какъ видно изъ приведеннаго въ статьѣ уважаемаго В. И. Гойера (№ 96 „Русскаго Инвалида" 1869 года, ст. 3) разговора его съ однимъ китаефиломъ.

**) По словамъ де-Карне, вліяніе мусульманъ распространяется даже на Тибетъ, гдѣ они захватили власть въ столицѣ буддизма — Хлассѣ.

цахъ, гонимыхъ на войну палками. Мусульмане въ началѣ возстанія не имѣли ни оружія, ни укрѣпленныхъ мѣстъ, ни арміи. Нравственный упадокъ Китая дозволилъ имъ отнять у китайцевъ оружіе, занять крѣпости и образовать испытанныя и одушевленныя побѣдами арміи.

Чтобы китайцы могли возвратить потерянныя провинціи, нужно, чтобы они переродились нравственно. Безъ сомнѣнія, перерожденіе это произойдетъ со временемъ, подъ вліяніемъ европейской науки и промышленности, но на такого рода перевороты, и тѣмъ болѣе при такой глубинѣ застоя, какъ Китай, нужны десятки и быть можетъ сотни лѣтъ.

Иногда указываютъ, въ доказательство неминуемаго торжества китайцевъ надъ мусульманскими инсургентами, на неудачи всѣхъ народовъ, завоевывавшихъ Китай, которые кончали тѣмъ, что сами были порабощены китайцами (монголы, манджуры). Но разница между мусульманами и монголами заключается въ томъ, что завоевывавшіе Китай народы всегда поддавались вліянію китайской образованности, китайскихъ обычаевъ и жизни и потому естественно, что китайцы со временемъ свергали иго окитаившихся и столь же развращенныхъ, какъ они сами, завоевателей. Но мусульмане-инсургенты, питающіе подъ китайскими формами жизни, чуждый имъ духъ и исповѣдующіе одну изъ религій, обошедшихъ весь свѣтъ, составляютъ явленіе новое, не входящее въ рамки китайской исторіи. Если бы даже и случилось, что мусульмане потерпѣли общую участь завоевателей Китая, то и тогда едва ли возможно надѣяться на обычное окончаніе завоеваній Китая, т. е. возстановленіе имперіи въ полномъ ея объемѣ, потому что въ настоящее время китайцы не одни дѣйствуютъ на аренѣ политической жизни восточной и внутренней Азіи: здѣсь играютъ уже роль и принимаютъ самое дѣятельное участіе также и народы Европы.

Настоящій переворотъ въ Китаѣ, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невыгоденъ для Россіи, потому что съ одной стороны мусульманское возстаніе прекратило чайную торговлю Китая съ Среднею Азіею, часть которой, черезъ Кульджу, переходила бы въ наши руки (хотя главный путь чрезъ Кашгаръ въ Коканъ и Бухару все-таки былъ бы внѣ нашихъ владѣній), и сбытъ нашихъ произведеній во внутренній Китай черезъ Урумчи. Съ другой стороны, эта инсуррекція послужила тѣснѣйшимъ торговымъ связямъ западнаго Китая съ Англіею чрезъ Остъ-Индію вслѣдствіе стѣсненія нашей торговли въ Кульджѣ и Кашгарѣ мѣстными правителями. Что касается до упадка чайной торговли чрезъ западный Китай собственно съ Россіею, то торговля эта была маловажна; въ виду же торговли чрезъ Кяхту, она не имѣетъ значенія и не могла пріобрѣсти онаго по неудобствамъ пути чрезъ безводныя степи Гоби или Шамо, почему путь чрезъ Кяхту всегда былъ предпочтительнѣе.

Необходимо замѣтить, что вышеуказанныя невыгоды возстанія мусульманъ могутъ быть отчасти устранены при перемѣнѣ политики нашей въ отношеніи къ мусульманскому возстанію. До настоящаго времени мы или уклонялись отъ всякихъ оффиціальныхъ сношеній съ инсургентами (такъ дѣйствуемъ мы до сихъ поръ въ отношеніи дунганъ), и тѣмъ отказались отъ торговыхъ сношеній съ ними и утратили возможность вліять благопріятно для нашихъ интересовъ на внутреннія и политическія событія въ мусульманскихъ странахъ. Такъ, напримѣръ, мы упустили случай вмѣшаться въ борьбу между Якубъ-бекомъ и ходжами въ Восточномъ Туркестанѣ, когда соперникъ хитраго коканца, Бурханъ-Эддинъ хотѣлъ завязать съ нами сношенія и быть можетъ просить помощи; но письмо его *) было отослано назадъ не распечатаннымъ. Между тѣмъ, поддержавъ Бурханъ-Эддина, мы находились бы совсѣмъ въ другомъ положеніи въ Восточномъ Туркестанѣ. Вступивъ поздно въ сношенія съ владѣтелями Кашгара и Кульджи, мы допустили ихъ стѣснять нашихъ торговцевъ **), въ то время, когда англичане кашгарскимъ властителемъ явно покровительствуются ***).

---

*) Въ октябрѣ 1866 года.

**) Прикащикъ находящагося въ Кашгарѣ каравана купца Нѣмчинова писалъ отъ 22-го августа изъ Кашгара, что караванъ пришелъ туда уже 35 дней, но торговать ему не дозволяютъ, въ ожиданіи разрѣшенія Якубъ-бека, которому послано о прибытіи каравана донесеніе. Въ караванѣ этомъ отправлены чаи *атбашъ* и *фу* (два вида кирпичнаго чая). Цѣны на нихъ въ вольной продажѣ: столбъ атбаша (2 пуда, стоющій въ Вѣрномъ 45 р.) отъ 70 до 80 р., а фу—чай (плитками по 4 р. въ Вѣрномъ) до 12 р. плитка. Зеленаго чаю совсѣмъ въ Кашгарѣ нѣтъ въ продажѣ, фамильнаго мало, а спросъ на всѣ сорта чая большой. Было бы весьма выгодно по этому направить въ Кашгаръ чаи изъ Вѣрнаго и Ташкента, гдѣ ихъ навезено много, но торговцевъ удерживаютъ тѣ крайнія стѣсненія, которымъ подвергаются они кашгарскимъ правительствомъ: торговцы находятся подъ карауломъ, товары покупаются и даются взамѣнъ самимъ правительствомъ по назначеннымъ имъ цѣнамъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ торговля наша съ Кашгаромъ не можетъ развиваться. По позднѣйшимъ извѣстіямъ, караванъ Нѣмчинова получилъ въ концѣ ноября позволеніе торговать, но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство отобрало большую часть чаевъ въ свою пользу, по назначенной имъ цѣнѣ, которая дешевле цѣнъ, существующихъ въ Вѣрномъ. Остальную же часть чаевъ разрѣшено продавать также по назначенной цѣнѣ, весьма малой и далеко низшей противъ существующей въ вольной торговлѣ, именно по 19 тиллей за атбашъ, тогда какъ вольная цѣна составляетъ 25 тиллей. Владѣлецъ каравана, безъ сомнѣнія, потерпитъ сильный убытокъ, къ которому нужно прибавить подарки, посланные Якубъ-беку, стоимостію до 800 р.

***) Въ настоящее время Кульджа занята русскими войсками, а съ Кашгаромъ заключенъ торговый договоръ.

Если же мы займемъ благопріятное положеніе въ Кульджѣ и Кашгарѣ, то не только рынки Средней Азіи останутся въ нашемъ нераздѣльномъ владѣніи, но чрезъ урумчинскія владѣнія, обитатели которыхъ въ первое время возстанія обнаруживали постоянно желаніе вступить съ нами въ политическія и торговыя сношенія, но, не встрѣтивъ съ нашей стороны сочувствія, съ тѣхъ поръ прекратили съ нами сношенія, — мы можемъ обезпечить за собою торговыя сношенія и съ магометанскими владѣніями, образующимися въ внутреннемъ и южномъ Китаѣ. Въ этихъ владѣніяхъ мы будемъ, по крайней мѣрѣ, соперничать съ англійскими товарами, которые могутъ проникать туда не иначе, какъ чрезъ китайскія владѣнія, съ береговъ Восточнаго океана и не прежде, какъ по окончательной организаціи мусульманскихъ владѣній и по установленіи между ними и китайцами мира, въ ожиданіи котораго наша торговля можетъ прочно въ тѣхъ странахъ утвердиться.

Такимъ образомъ отношенія наши къ Кашгару и Урумчи, въ видахъ политическаго и торговаго нашего положенія въ Средней Азіи, заслуживаютъ внимательнаго обсужденія.

Н. А—въ.

4-го ноября 1870 года.
Г. Вѣрный.

Отношенія наши къ дунганамъ, Кашгару и Кульджѣ.

Китайцы не были для насъ искренно-дружественными и добрыми сосѣдями на восточной границѣ Киргизской степи. Постоянно противодѣйствуя укрѣпленію нашей власти надъ киргизами, они привлекали къ себѣ русскихъ киргизъ интригами, ласками и заманчивыми обѣщаніями. Споры за границу не прекращались. Не далѣе, какъ въ 1863 году, споры эти, послѣ убійства одного изъ нашихъ офицеровъ (поручика Антонова, 31-го мая), коварно приглашеннаго подъ видомъ переговоровъ въ китайскій лагерь, привели даже къ вооруженнымъ столкновеніямъ нашихъ отрядовъ, выставленныхъ для охраненія границы съ китайскими полчищами, состоявшими изъ солоновъ, калмыковъ и *чампановъ* (каторжныхъ). Въ то же время консульство наше въ Кульджѣ, подвергавшееся всякаго рода стѣсненіямъ и придиркамъ отъ манджурскаго начальства, вынуждено было (21-го іюня 1863 года) выдти изъ кульджинской факторіи, опасаясь нападенія возбужденной самими китайскими чиновниками черни. Торговыя права наши въ Кульджѣ были несравненно меньше, чѣмъ напр. льготы коканскихъ подданныхъ. Нерѣдко торговцамъ нашимъ приводилось терпѣть всевозможныя придирки отъ высокомѣрныхъ манджурскихъ чиновниковъ, которые подвергали и оффиціальныхъ нашихъ агентовъ всѣмъ тонкостямъ стѣснительныхъ китайскихъ церемоніаловъ и всѣмъ хитростямъ, софизмамъ и обманамъ лукавой китайской политики.

Споры о границѣ, послѣ двухъ безплодныхъ съѣздовъ уполномоченныхъ въ 1862 и 1863 гг., если и были наконецъ покончены 25 сентября 1864 чугучакскимъ протоколомъ, то къ соглашенію этому, безъ сомнѣнія, заставили прибѣгнуть китайцевъ успѣхи дунганскаго возстанія, уже прекращавшаго въ то время прямыя сношенія съ Пекиномъ, опасеніе возбудить противъ себя при тогдашнихъ обстоятельствахъ непріязнь сильнаго сосѣда и разсчетъ на его помощь противъ мятежниковъ.

Чувствуя свою слабость и отчаянное положеніе манджуровъ въ западномъ Китаѣ, отрѣзанномъ отъ всякой помощи изъ внутренняго Китая,

илійскій дзянь-дзюнь уже въ 1864 году, забывъ вѣроломство, выказанное въ отношеніи къ намъ китайцами, за годъ передъ тѣмъ, обратился къ главному русскому пограничному начальству съ просьбою о помощи, во имя бывшей дружбы между Китаемъ и Россіей.

Вовлекать себя въ неисчислимыя затрудненія при поддержкѣ китайцевъ противъ ожесточеннаго народа западнаго Китая было бы для насъ крайне нерасчетливо, а потому, какъ первыя, такъ и повторившіяся въ 1865 и 1866 годахъ, съ увеличивающимся отчаяніемъ просьбы китайцевъ о помощи, были отклонены. Но въ то же время, въ виду стремленія пограничныхъ нашихъ киргизъ на помощь инсургентамъ, правительство наше воспретило допускъ на нашу территорію инсургентовъ и предписало мѣры къ прекращенію всякихъ ихъ сношеній съ киргизами.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ пограничные киргизы: байджигиты, кызаи, суваны, атбаны, богинцы и даже сарыбагыши изъ долины р. Чу, тотчасъ по возстаніи мусульманъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, устремились за границу, частію изъ желанія помочь магометанамъ-единовѣрцамъ, частію изъ жажды къ поживѣ на счетъ китайцевъ, калмыковъ и солоновъ. Всѣ киргизы, которые кочевали близко къ границѣ, зимою 1864 — 1865 года, пользуясь отсутствіемъ на границѣ нашихъ отрядовъ, выставлявшихся только на лѣто, присоединились къ инсургентамъ. Не только пограничные, но и почти вся масса киргизъ, въ томъ числѣ и казавшіеся дотолѣ весьма преданными, явно сочувствовали возстанію, сносились тайно съ инсургентами и, безъ сомнѣнія, пристали бы къ инсургентамъ, если бы укочевка не была невозможна зимою, за недостаткомъ подножнаго корма для скота. Весною же поспѣшно были выдвинуты наши отряды на границу, причемъ киргизамъ бѣжать большими массами уже было нельзя.

Тѣмъ не менѣе многіе, не имѣвшіе возможности бѣжать за границу совсѣмъ, желая воспользоваться своею частью въ имуществѣ китайцевъ и калмыковъ, собирались большими партіями съ самыхъ дальнихъ мѣстъ (напр. изъ за Чу) и прорывались на Текесъ и Или. Тщетно несчастные калмыки старались спасти свой скотъ и пожитки, то собираясь большими массами и защищаясь съ оружіемъ въ рукахъ, то скрываясь небольшими частями въ самыхъ непроходимыхъ отдаленныхъ щеляхъ и горахъ; привлекаемые жаждою добычи, киргизы, какъ вороны, по запаху открывали потаенныя стойбища калмыковъ, съ яростію нападали даже на большія массы ихъ и повсюду били и грабили калмыковъ безпощадно. Въ началѣ декабря 1864 года богинцы, сегизъ-сарынцы и сарыбагыши разграбили буддійскій монастырь Сумбо, стоявшій на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Текесъ; монастырь и дома ламъ при этомъ монастырѣ были сожжены, идолы золотые, серебряные и мѣдные — расхищены, алебастровые

поломаны, обитатели монастыря истреблены или разогнаны, такъ что бывшій на мѣстѣ грабежа чрезъ нѣсколько дней очевидецъ нашелъ тамъ только развалины и до тридцати израненыхъ престарѣлыхъ женщинъ, умиравшихъ съ голода. Въ мартѣ мѣсяцѣ, собравшись въ числѣ до 1,500 человѣкъ, богинцы окончательно разграбили калмыковъ Зоргамъ-сумунъ, скрывавшихся въ ущельѣ р. Агіязъ *). На Или и около Чугучака киргизы были ревностнѣйшими союзниками таранчей и дунганъ; солонскія деревни на Или и китайскія фермы около Чугучака были ограблены главнымъ образомъ киргизами; запасы продовольствія чугучакскимъ дунганамъ доставлялись киргизами въ изобиліи, въ то время, какъ осажденные въ Чугучакѣ китайцы и калмыки гибли съ голода.

Положеніе Семипалатинской области, вся граница которой, простиравшаяся на $1\frac{1}{2}$ т. верстъ, была охвачена инсуррекціею, было весьма затруднительное. Малочисленные отряды, стоявшіе въ четырехъ пунктахъ огромнаго пограничнаго пространства (Урджаръ, Коксу, Аксу, Чунджа), должны были употребить всѣ усилія, чтобы зорко стеречь всѣ пути за границу и наблюдать за киргизами. Мѣстному начальству пришлось принимать самыя разнообразныя мѣры, чтобы удержать въ нашихъ предѣлахъ киргизъ: подозрительныя волости подвергались строгому надзору, удалялись въ отдаленныя отъ границы мѣста; вѣрность ихъ обезпечивалась аманатами; зоркіе агенты разсыпаны были на всемъ пространствѣ области и давали во время знать кому слѣдуетъ о намѣреніяхъ киргизъ; вліятельные люди удерживались въ благопріятномъ для насъ расположеніи то лаской, то угрозой.

Благодаря всему этому, порядокъ въ нашихъ предѣлахъ не былъ нарушенъ во все время инсуррекціи и киргизы были удержаны въ нашихъ предѣлахъ, не смотря на то, что бѣгство было легко для нихъ: стоило только перейти за границу, гдѣ, на китайской землѣ, они не могли уже быть преслѣдуемы въ силу трактатовъ съ Китаемъ, которые мы свято исполняли. Только часть ихъ въ зимнее время или лѣтомъ, небольшими партіями успѣвали тайкомъ пробраться за границу.

Строгое соблюденіе трактатовъ съ Китаемъ въ отношеніи западныхъ его провинцій, необходимое, безъ сомнѣнія, до тѣхъ поръ, пока исходъ ин-

*) Всего на Текесѣ было ограблено у калмыковъ нашими киргизами не менѣе 68,100 штукъ скота, судя потому, что эту цифру богинцы заплатили калмыкамъ по настоянію нашего начальства въ возвратъ ограбленнаго въ октябрѣ 1865 года. Но этимъ разсчеты не ограничились; впослѣдствіи въ 1869 г. богинцы еще производили калмыкамъ уплаты за ограбленный скотъ.

сурркціи въ этихъ провинціяхъ не опредѣлился, много вредило свободѣ нашихъ дѣйствій даже въ первое время инсуррекціи.

Соблюдая эти трактаты, мы часто принуждены были останавливаться у границы въ то время, когда за нее переходили наши бѣглые подданные, преступники или грабители. Отряды наши, стоя на границѣ, вынуждены были смотрѣть почти спокойно на пасущіяся за границею стада и кочующіе аулы нашихъ измѣнниковъ или людей, въ это же самое время производящихъ баранты и грабежи на нашей территоріи. Китай не соблюдалъ своихъ обязательствъ къ намъ, не выдавалъ бѣглыхъ и преступниковъ, но конечно мы, при первыхъ его неудачахъ, не имѣли права нарушить обязательства, заключенныя во времена его могущества. Мы обязаны были выжидать нѣкоторое время, хотя бы и съ ущербомъ своихъ интересовъ, хода событій въ возмутившихся провинціяхъ.

Первые изъ инсургентовъ, пытавшіеся войти съ нами въ сношенія, были чугучакскіе дунгане. Тотчасъ послѣ возстанія въ Чугучакѣ (15 января 1865 г.) и истребленія китайцевъ въ городѣ и его окрестностяхъ, предводитель инсургентовъ, чугучакскій имамъ поспѣшилъ увѣдомить въ день возстанія вице-консула Вардугина, что факторія наша не тронута и охраняется дунганами; при этомъ имамъ приглашалъ вице-консула возвратиться и изъявлялъ желаніе продолжать торговлю съ нами и поддерживать мирныя отношенія. Какъ это, такъ и послѣдующія два письма имама, того же содержанія, полученныя въ февралѣ мѣсяцѣ, остались безъ отвѣта, такъ какъ, конечно, правительство наше не могло вступать тогда въ сношенія съ мятежниками, осаждавшими въ 18 верстахъ отъ нашей границы крѣпость дружественной державы. По взятіи чугучакской цитадели (5-го или 6-го апрѣля 1866 г.), дунгане пробовали еще нѣсколько разъ завязать съ нами сношенія, пославъ къ пограничному начальству четыре письма въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ, въ которыхъ предлагали посылать въ Чугучакъ и Урумчи нашихъ торговцевъ и вступить съ нами въ дипломатическія сношенія, обѣщая удовлетвореніе всѣхъ нашихъ требованій по пограничнымъ дѣламъ *), и объясняя неполученіе отвѣта на прежде посланныя ими бумаги съ подарками — вѣроломствомъ киргиза Коджеке, чрезъ котораго они были отправлены. Письма эти остались безъ

*) Вотъ подлинныя слова изъ писемъ имама, полученныхъ въ началѣ мая 1866 года: «если же угодно будетъ вамъ производить торговлю, то посылайте въ Урумчи своихъ купцовъ и мы дадимъ вамъ путь и если будете на пути встрѣчать препятствія, то дадимъ вамъ своихъ лошадей.... Если будутъ отъ васъ какія либо дѣла или какой совѣтъ, пошлите къ намъ человѣка съ письмомъ,—мы исполнимъ...»

отвѣта и такъ какъ захватъ посылаемыхъ къ нашимъ киргизамъ дунганъ, согласно даннымъ пограничнымъ начальникамъ инструкціямъ, убѣждалъ дунганъ во враждебномъ къ нимъ настроеніи русскихъ, то, опасаясь за свою безопасность, дунгане, подъ вліяніемъ распускаемыхъ китайцами слуховъ о выступленіи противъ нихъ русскихъ войскъ, въ союзѣ съ китайцами, рѣшились оставить Чугучакъ и переселиться ближе къ Урумчи. Въ намѣреніи этомъ утвердили чугучакскихъ дунганъ пришедшіе къ нимъ на помощь дунгане изъ Урумчи. Около 22 іюня 1866 года дунгане съ семействами, домашнимъ скарбомъ и всѣмъ имуществомъ оставили Чугучакъ и вмѣстѣ съ союзными киргизами (байджигиты, кызаи, туртугулы и проч.) переселились за Манасъ, гдѣ образовали селеніе, подъ названіемъ *Ктуй*. Такъ какъ торгоуты-калмыки удалились на сѣверъ (на Барлытогой и дальше) немедленно по взятіи Чугучака, то пространство между нашею границею у Чугучака и Манасомъ (около 450 верстъ) остается со времени ухода дунганъ безлюднымъ и всякія сношенія наши и столкновенія съ дунганами прекратились. Русскіе торговцы въ Урумчи не заходятъ, но значительное количество нашихъ мануфактурныхъ товаровъ все таки проникаетъ туда чрезъ посредство татаръ и сартовъ, обыкновенно пробирающихся въ Урумчи чрезъ Кульджу. Путь же чрезъ Чугучакъ почти оставленъ.

Недостатокъ мѣстъ для кочевокъ и грабежи отъ китайцевъ, бѣжавшихъ послѣ возстанія дунганъ, въ горы Эрень-Кабырга, и тамъ скрывающихся въ недоступныхъ мѣстахъ, заставили ушедшихъ къ дунганамъ байджигитовъ въ 1869 году осенью укочевать изъ за Манаса въ Семирѣченскую и Семипалатинскую области, въ числѣ до $1^1/_2$ т. юртъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1870 г. неудачная война дунганъ съ Якубъ-бекомъ, побудила и остальныхъ киргизъ укочевать отъ дунганъ подъ Кульджу, подъ вліяніемъ и защитою высланнаго таранчами къ Манасу войска.

О дунганскомъ владѣніи Урумчи торговцы сообщаютъ вкратцѣ слѣдующія свѣдѣнія:

Владѣніе это составляетъ союзъ дунганскихъ городовъ, изъ которыхъ преобладающимъ является *Урумчи*. Въ городѣ этомъ, во времена китайскаго владычества весьма многолюдномъ (консулъ г. Павлиновъ показываетъ преувеличенно цифру тогдашняго населенія въ 2 милл.), теперь полагаютъ до 50 т. душъ, изъ которыхъ до 10 т. китайцевъ, остальные же дунгане. Главнѣйшій послѣ Урумчи городъ, есть *Турфанъ* (называемый Куне-Турфанъ, т. е. старый Турфанъ, въ отличіе отъ Учь-Турфана, находящагося въ Кашгарскихъ владѣніяхъ), имѣющій до 20 т. жителей (дунганъ и таранчей) и лежащій отъ Урумчи къ югу на 250 верстъ. Городъ этотъ, въ концѣ осени 1870 года, послѣ 8-ми мѣсячной осады, былъ

взятъ Якубъ-бекомъ, при помощи таранчей и китайцевъ изъ независимаго города Кумуля, находящагося отъ Турфана къ востоку на 1,150 ли (около 600 верстъ). Въ 60 верстахъ на востокъ отъ Урумчи находится городъ *Санджи* съ тремя тысячами жителей, изъ которыхъ половина—китайцы. Далѣе, на 60 верстъ къ востоку отъ Санджи, лежитъ селеніе *Кутуби* съ 600 жителей дунганъ. За нимъ, въ 90 верстахъ находится г. *Манасъ*, крайнее на западъ дунганское поселеніе, имѣющее до 5 т. жителей дунганъ и китайцевъ, въ двухъ крѣпостяхъ. На сѣверъ отъ Урумчи и Санджи лежитъ г. *Кумуди*, довольно многолюдный (одинъ гарнизонъ 2,400 дунганъ).

Общую численность населенія Урумчинской территоріи должно полагать не менѣе 200,000 душъ и не болѣе ½ милліона. Точной цифры невозможно имѣть, по малой извѣстности страны, обитаемой дунганами.

Управляетъ урумчинскими дунганами глава духовенства *хазретъ* (святой) по имени *Лотай*, уважаемый и безукоризненной жизни старикъ. Ему подчинены управляющіе частями города, назначенные имъ и выбранные народомъ, три *яншая*. Въ прочихъ городахъ правители носятъ тоже наименованіе яншаевъ, избираются народомъ, но признаютъ себя подчиненными хазрету.

Дунгане, подавъ на западѣ сигналъ возстанія противъ китайцевъ, выказали во все время войны замѣчательную энергію и храбрость. Воинственный пылъ ихъ не уменьшился и потомъ, такъ какъ они ежегодно предпринимали походы противъ оставшихся неподвластными китайскихъ городовъ (Кумуль и Баркуль) и на помощь своимъ соплеменникамъ, во внутренній Китай. Нѣкоторое время они обладали даже всѣмъ западнымъ Китаемъ, пока изъ восточнаго Туркестана не изгналъ ихъ Якубъ-бекъ, а въ Кульджѣ не пріобрѣли первенства таранчи. Въ 1871 году возгорѣлась упорная борьба между дунганами и Кашгаромъ, начатая самими дунганами, занявшими принадлежащіе Якубъ-беку города Карашаръ и Куча. Война эта пока неудачна для дунганъ, такъ какъ они потеряли уже Турфанъ.

Промышленность дунганъ заключается въ земледѣліи и садоводствѣ. Фабрикъ и заводовъ—нѣтъ никакихъ. Бумажныя ткани доставляются изъ Кашгара и Кокана, а также изъ Ташкента чрезъ Вѣрный и Кульджу. Хлѣбъ очень дешевъ, вслѣдствіе плодородія почвы и обилія воды, текущей многочисленными ручьями изъ горъ Эренъ-Кабырга, у подножія которыхъ расположены дунганскіе города и деревни. Пудъ пшеницы въ 1869 году стоилъ 10 коп., пудъ рису—40 коп. Винограду, яблоковъ, абрико-

совъ и другихъ плодовъ произрастаетъ много въ Урумчи, но хлопка тамъ не сѣютъ; за то его много въ Турфанѣ *).

Такъ какъ фабрикъ и заводовъ нѣтъ въ дунганскихъ владѣніяхъ, то наши мануфактурныя издѣлія могли бы тамъ найти хорошій сбытъ, если бы купцы наши могли расчитывать на защиту своихъ интересовъ въ дунганскихъ владѣніяхъ со стороны нашего правительства. И теперь товары наши: сукны, ситца, желѣзныя издѣлія, кожи, юфть, разная мелочь въ порядочномъ количествѣ сбываются сартами и татарами, проходящими въ Урумчи чрезъ Кульджу. Взамѣнъ можно было бы вывозить рисъ, сушеные фрукты и хлопокъ.

Во всякомъ случаѣ Урумчи можетъ составить для насъ важный торговый рынокъ, значеніе котораго еще больше усиливается, если принять во вниманіе полную возможность чрезъ это дунганское владѣніе вести торговое сношеніе съ инсургентами внутренняго Китая. По этому пора подумать о способахъ войти съ дунганами въ правильныя, политическія и торговыя сношенія, пока еще не прошло время и мѣсто наше не заняли другія націи, хотя бы англичане, которые не даромъ же затрачиваютъ сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ на устройство пути чрезъ Алтышаръ, и хлопочутъ о развитіи сношеній своихъ съ Кашгаромъ, чрезъ который легко могутъ проникнуть и во внутренній Китай съ югозапада.

Сношенія съ таранчами.

Не имѣя никакихъ сношеній съ дунганами, отстраненными отъ нашихъ владѣній обширнымъ, безлюднымъ пространствомъ, мы довольно часто приходили, особенно въ послѣдніе годы, въ столкновенія съ Кульджею и Кашгаромъ, которыя близко соприкасаются съ нашими землями. При всемъ желаніи нашег правительства не имѣть никакихъ сношеній съ мятежниками противъ манджуровъ, столкновенія съ таранчами и союзными имъ киргизами были неизбѣжны, такъ какъ Кульджа отстоитъ отъ нашей границы не далѣе 200 верстъ, а киргизы кульджинскіе кочуютъ у самыхъ нашихъ границъ. Принадлежа къ тѣмъ же родамъ, какъ и тѣ,

*) „Лѣтомъ здѣсь чрезвычайно жарко — говоритъ о Турфанѣ китайскій описатель восточнаго Туркестана, въ половинѣ XVIII столѣтія (переводъ Іакинфа, 1829 г.); небо пышетъ пламенемъ и вѣтры кружатъ пыль..... Виноградъ здѣсь превосходнѣйшаго во всемъ западномъ краѣ вкуса; земля имѣетъ почву тучную, обильно произрастаетъ хлопокъ“. Природа этой страны не измѣнилась и теперь: военныя операціи Якубъбека лѣтомъ 1870 года чрезвычайно замедлялись жарами и отсутствіемъ подножныхъ кормовъ для лошадей.

которые находятся въ нашемъ подданствѣ, кульджинскіе киргизы естественно постоянно находились съ нашими киргизами въ сношеніяхъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ. Прекратить эти сношенія русская власть не имѣла никакой возможности, потому что граница наша съ Кульджею представляла обширную равнину, по которой переходы границы останутся возможными, хотя бы она вся была заставлена войсками. Между тѣмъ военныя средства наши позволяли здѣсь имѣть только небольшой отрядъ изъ роты или двухъ ротъ пѣхоты и сотни казаковъ (на Борохудзирѣ).

Результатомъ такого положенія дѣлъ на границѣ нашей съ Кульджею являлись постоянныя, со времени возстанія дунганъ, волненія и отсутствіе безопасности на пограничномъ пространствѣ. Баранты и даже укочевки киргизъ были весьма часты на границѣ съ Кульджею. Грабители изъ-за границы шайками постоянно пробирались между нашими отрядами и нападали не только на киргизъ, но и на проѣзжающихъ, такъ что трактъ между Копаломъ и Вѣрнымъ одно время сдѣлался не безопаснымъ. Барантачи изъ подданныхъ намъ киргизъ, увлекаясь примѣромъ заграничныхъ, дѣлались смѣлѣе и вмѣстѣ съ кульджинскими наѣздниками грабили въ нашихъ предѣлахъ. Такой хроническій безпорядокъ на пограничномъ съ Кульджею пространствѣ долженъ былъ быть прекращенъ такъ или иначе, если мы не желали окончательнаго его укрѣпленія въ спокойной и безопасной восточной части Киргизской степи.

Во времена принадлежности Кульджи китайцамъ, безпорядки, производимые заграничными киргизами, подавлялись по нашему требованію китайцами; бѣглыхъ нашихъ киргизъ и преступниковъ манджурское правительство также было обязано выдавать намъ, по силѣ трактатовъ. Прежде, чѣмъ прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, естественно было съ нашей стороны требовать отъ таранчинскаго правительства соблюденія тѣхъ же обязанностей и охраненія порядка на границѣ, какія несло въ отношеніи къ намъ манджурское правительство. По этому, необходимо бросить взглядъ на сношенія нашего пограничнаго начальства съ таранчами.

Держась по волѣ правительства одинаковаго принципа въ отношеніи, какъ къ чугучакскимъ, такъ и къ кульджинскимъ инсургентамъ, пограничное начальство во время инсуррекціи не вступало ни въ какія сношенія съ таранчами и дунганами кульджинскаго раіона, тѣмъ болѣе, что они, нуждаясь въ помощи киргизъ, желали склонить ихъ на свою сторону прокламаціями объ общемъ возстаніи мусульманъ противъ невѣрныхъ, стало быть стали во враждебныя къ намъ отношенія. Пріемъ въ наши предѣлы солоновъ и калмыковъ, защита и покровительство, имъ оказанныя, слухи, распущенные китайцами, о движеніи нашихъ войскъ для усмиренія мяте-

жа — все это заставило инсургентовъ опасаться насъ, питать къ намъ враждебныя чувства, но въ тоже время держать себя весьма осторожно и не подавать никакихъ предлоговъ для нападенія на нихъ нашихъ войскъ. По этому, въ первое время возстанія, таранчи и дунгане старались удерживать союзныхъ киргизъ отъ грабежей въ нашихъ предѣлахъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ занятія инсургентами Кульджи, почитая себя наслѣдниками всѣхъ китайскихъ земель, инсургенты заявляли свое право охранять эти земли отъ преднолагаемыхъ нашихъ на нихъ покушеній. Такъ, одновременно со взятіемъ Кульджи, одинъ изъ таранчинскихъ *шанъ-беги* *) Тугулакъ прислалъ къ начальнику выставленнаго нами на Чунджѣ отряда, письмо, въ которомъ спрашивалъ о цѣли выставленія отряда. Письмо это осталось безъ отвѣта. Таранчи, чувствуя свою слабость предъ нами, постоянно заботились предупредить всякій поводъ къ непріязни. Въ сентябрѣ 1868 года предводители инсургентовъ, узнавъ, что до русскихъ дошелъ слухъ о намѣреніи ихъ, въ числѣ до 40 т., напасть на Алматы (г. Вѣрный), поспѣшили увѣдомить пограничное начальство чрезъ султана Тезека о ложности этого слуха и о желаніи ихъ жить съ нами въ мирѣ. Послѣ стычекъ Борохудзирскаго отряда въ январѣ и февралѣ мѣсяцѣ 1867 г. съ таранчами, для защиты солоновъ, рѣшившихся въ то время окончательно оставить пограничный городокъ Тургень, всякія наши сношенія съ таранчами прекратились до 1869 года. Въ теченіи этого времени мелкія баранты заграничныхъ киргизъ постоянно происходили въ приграничномъ пространствѣ, болѣе или менѣе для нихъ счастливо, смотря потому — попадались они разъѣздамъ изъ нашихъ отрядовъ, или нѣтъ.

Съ марта 1869 года начались частыя сношенія начальника Семирѣченской области съ кульджинскимъ султаномъ, который первый ихъ началъ, прислалъ отъ себя двухъ посланцевъ. Въ письмѣ, доставленномъ имъ 7-го марта, султанъ увѣрялъ въ своемъ дружелюбіи и просилъ о розыскѣ разнаго скота, украденнаго нашими киргизами у его подданныхъ, въ 1866—1868 гг. Желая воспользоваться этимъ случаемъ для возстановленія порядка и безопасности на границѣ съ Кульджею, пограничное начальство отвѣтило султану увѣреніями въ миролюбивомъ расположеніи съ нашей стороны и просило его принять мѣры къ прекращенію грабежей со стороны подвѣдомственныхъ ему киргизъ, увѣдомляя, что съ нашей стороны употребляются всѣ усилія къ прекращенію баранты. Въ іюлѣ мѣсяцѣ султанъ послалъ въ Вѣрный вторичное посольство, но на дорогѣ, не доѣзжая до нашей границы, посолъ былъ ограбленъ. Грабители оказались нашими киргизами, были отысканы и все ограбленное возвращено.

*) Начальникомъ округа.

Между тѣмъ, не смотря на эти сношенія, грабежи въ нашихъ предѣлахъ усилились и распространились даже на почтовый трактъ: такъ киргизами вѣдѣнія Джитеня въ августѣ мѣсяцѣ 1869 года у мѣщанъ Исаенко и Губанова было ограблено въ 20-ти верстахъ отъ выс. Коксуйскаго быковъ и имущества слишкомъ на 1 т. руб. Около того же времени у татарина Кебе въ Копальскомъ уѣздѣ, близь почтоваго тракта было ограблено 12 верблюдовъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ дерзость заграничныхъ барантачей дошла до того, что ими угнанъ былъ находившійся въ 15 верстахъ отъ ст. Лепсинской цѣлый табунъ 1-й сибирской конно-артиллерійской батареи. Для наказанія пограничнаго рода кызаевъ, которому приписывалась баранта, въ октябрѣ мѣсяцѣ посланъ былъ отрядъ войсковаго старшины Главацкаго, который отбилъ у кызаевъ свыше 20 т. головъ разнаго скота. Въ тоже время Борохудзирскій отрядъ дошелъ до г. Мазара (Кургашъ) и захватилъ у киргизъ 5 т. барановъ. Эти экспедиціи вызвали новое посольство, прибывшее въ Вѣрный въ началѣ ноября и просившее о возвратѣ киргизамъ отбитаго скота. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, такъ какъ отнятіе скота представлялось единственнымъ средствомъ для чувствительнаго наказанія киргизъ за ихъ постоянные грабежи въ нашихъ предѣлахъ. Такъ какъ для безопасности нашего пограничнаго пространства, кромѣ прекращенія набѣговъ барантачей, необходима выдача нашихъ бѣглыхъ и преступниковъ, то султану было предложено выдать намъ укочевавшихъ незадолго предъ тѣмъ 30 юртъ богинцевъ. Въ январѣ 1870 года отъ кульджинскаго правителя вновь получено исчисленіе различныхъ случаевъ покражъ и грабежей, совершенныхъ въ его предѣлахъ съ 1867 года, при чемъ султанъ предлагалъ сдѣлать съѣздъ подвѣдомственныхъ ему киргизъ съ нашими, для расчета по совершеннымъ другъ у друга грабежамъ. Принять такое предложеніе мы не могли, съ одной стороны потому, что мы на подобномъ съѣздѣ должны были бы допустить участіе бѣглыхъ нашихъ киргизъ, которые одни главнымъ образомъ и производили въ нашихъ предѣлахъ грабежи, а съ другой—по той причинѣ, что съѣздъ этотъ едва ли могъ повести къ успѣшному результату, по давности грабежей и запутанности счетовъ между киргизами.

Въ концѣ мая и въ началѣ іюня мѣсяца таранчи изъ выставленнаго султаномъ отряда на Текесѣ напали на нѣсколько партій охотниковъ за маралами, изъ киргизъ Иссыкъ-Кульскаго уѣзда, убили одного изъ нихъ и захватили въ плѣнъ трехъ. Случай этотъ подалъ поводъ, для охраненія безопасности нашей границы со стороны рѣки Текеса, по долинѣ котораго чаще всего случались набѣги барантачей и укочевки нашихъ киргизъ, подвинуть Тянь-шаньскій отрядъ за границу и поставить его

близь прохода Музартъ, чѣмъ въ тоже время пресѣкался кашгарскому владѣтелю Якубъ-беку прямой путь на Кульджу, овладѣніе которой составляло давнее его намѣреніе.

На требованіе о возвратѣ захваченныхъ охотниковъ и объ уплатѣ *куна*, (обычнаго у киргизъ имущественнаго за убійство вознагражденія) султанъ въ концѣ августа отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно объ этомъ случаѣ (тогда какъ захваченные киргизы содержались уже въ то время въ Кульджѣ, подъ стражею). Въ требованіи выдачи бѣглыхъ 30 юртъ богинцевъ султанъ отказалъ, ссылаясь на шаріатъ, будто бы воспрещающій такія выдачи. Въ томъ же письмѣ султанъ, подъ пустыми предлогами, не соглашался дозволить подняться по р. Или нашему судну для покупки и сплава каменнаго угля, хлѣба и дерева.

Занятіе Музарта понудило султана въ концѣ сентября освободить двухъ захваченныхъ охотниковъ. Султанъ протестовалъ противъ занятія Музарта, объявляя о принадлежности этой земли таранчамъ, но протестъ его остался безъ всякихъ послѣдствій. Высланный изъ пограничнаго таранчинскаго отряда къ Музарту, подъ предлогомъ встрѣчи ѣдущаго изъ Кашгара важнаго сановника, разъѣздъ, былъ въ октябрѣ мѣсяцѣ обезоруженъ Тяньшаньскимъ отрядомъ и послѣ этого случая всякія попытки таранчей для возврата Музарта уже были оставлены.

Вообще продолжавшаяся два года переписка пограничнаго начальства нашего съ кульджинскимъ правителемъ не принесла никакихъ полезныхъ результатовъ. Главныя требованія наши: о наказаніи виновныхъ въ особенно крупныхъ грабежахъ, о выдачѣ бѣглыхъ, о свободѣ торговли съ Кульджею, султаномъ не исполнились или были отклонены. Между тѣмъ съ нашей стороны къ удовлетворенію требованій добраго сосѣдства приняты были весьма дѣятельныя мѣры: обнаружены виновные въ нѣсколькихъ случаяхъ баранты, на которыхъ жаловался султанъ, и виновные въ нихъ наказаны; ограбленное возвращено; къ прекращенію тайныхъ грабежей нашихъ киргизъ за границею пограничными отрядами и мѣстными властями употреблялись всѣ усилія; замѣченные въ потворствѣ барантачамъ пограничные волостные управители устранены отъ должностей; торговцы изъ Кульджи пользовались свободой и просьбы ихъ по своимъ дѣламъ внимательно принимались и удовлетворялись.

Вѣроятно кульджинскій султанъ понималъ въ нѣкоторой степени свои отношенія къ намъ и заботился о прекращеніи набѣговъ своихъ киргизъ въ наши предѣлы. Тѣмъ не менѣе грабежи на нашемъ пограничномъ пространствѣ не прекращались. Не дальше, какъ въ августѣ мѣсяцѣ 1870 года шайка нашихъ и кульджинскихъ киргизъ напала съ оружіемъ въ рукахъ на проѣзжавшаго по почтовому тракту старшаго помощника Ко-

пальскаго уѣзднаго начальника маіора Здоренко, нанесла ему 18 ранъ, поставившихъ жизнь его въ смертельную опасность, и ограбила значительную сумму денегъ; та же шайка, въ тотъ же день отняла у почтовыхъ ямщиковъ 15 лошадей, такъ что одна изъ станцій осталась безъ лошадей. Всѣ эти безпорядки и явное безсиліе султана къ обузданію своихъ подчиненныхъ, повело къ занятію Кульджи нашими войсками въ іюнѣ 1871 года.

Отношенія къ Кашгару.

Усиленіе Якубъ-бека въ Алтышарѣ, безъ сомнѣнія, совершенно противно нашимъ интересамъ, такъ какъ правитель этотъ постоянно выказывалъ къ намъ недоброжелательство. Въ 1868 г., во время войны съ Бухарою, Якубъ-бекъ собралъ значительныя массы войскъ для вторженія на Иссыкъ-Куль и Чу, при первой значительной неудачѣ нашей въ Бухарѣ и поддерживалъ своими воззваніями и интригами сильное волненіе между подвѣдомственными намъ богинцами и кара-киргизами. Попытка завести съ нимъ прочныя сношенія, чрезъ отвѣтнаго кашгарскаго посланца Шади-мирзу въ 1869 г. совершенно не удалась, такъ какъ Якубъ-бекъ рѣшительно отклонилъ предложеніе Туркестанскаго генералъ-губернатора о заключеніи торговаго договора и неоднократно заявлялъ притязанія на принадлежащій намъ лѣвый берегъ Нарына и р. Атбашу. Торговцы наши постоянно держались въ Кашгарѣ подъ стражею (караванъ Хлудова въ 1868 г., Кузнецова или Нѣмчинова въ нынѣшнемъ году), подвергались всевозможнымъ стѣсненіямъ и товары ихъ отбирались въ пользу Якубъ-бека, за дешевыя цѣны.

Необходимо было поставить себя въ отношеніи въ Кашгару въ такое положеніе, чтобы Якубъ-бекъ вполнѣ убѣдился въ силѣ и могуществѣ Россіи, которыя онъ столько разъ велерѣчиво признавалъ въ своихъ письмахъ и разговорахъ съ русскими посланными (подполк. Рейнталь) и съ русскими купцами (Хлудовъ и Кривошеинъ), содержа въ тоже время ихъ подъ карауломъ. Видя постоянно мирное настроеніе пограничныхъ властей, спустившихъ ему невыполненіе требованій нашихъ о выдачѣ бѣглыхъ киргизъ, нападавшихъ въ 1868 г. съ оружіемъ въ рукахъ на Токмакскаго уѣзднаго начальника, притѣсненія нашихъ торговцевъ въ Кашгарѣ возможно предположить, что Якубъ-беку разъясненъ тотъ заколдованный кругъ, опредѣленный нашими трактатами съ Китаемъ, границы, въ которыхъ мы седьмой годъ добровольно вращаемся, вѣрно соблюдая потерявшія всякую силу и неисполняемыя другой стороной обязательства. Только въ настоящее время, вслѣдствіе посольства барона Каульбарса въ Кашгаръ, заключенъ былъ съ правителемъ Антышара дружественный и торговый договоръ.

Н. Ар—въ.

По поводу послѣднихъ событій въ западномъ Китаѣ *).

I.

Давно уже толкуютъ у насъ о какомъ то движеніи въ Монголіи, но никто по-сю-пору не знаетъ истиннаго смысла этого движенія, т. е.—откуда и вслѣдствіе какихъ причинъ оно началось, на какихъ элементахъ держится, какая цѣль и какіе люди руководятъ имъ; а потому мы не можемъ и сказать, какое значеніе оно имѣетъ для насъ, ближайшихъ сосѣдей Монголіи и какъ, слѣдовательно, соображаясь съ тѣмъ, мы должны къ нему отнестись. Но, тѣмъ не менѣе дѣла не стоятъ; съ нашей стороны уже приняты нѣкоторыя мѣры, дѣлаются кое какія новыя приготовленія, стоющія значительныхъ издержекъ. Но противъ кого и для чего? — Это вопросъ, на который врядъ-ли отвѣтятъ вамъ даже многія изъ лицъ дѣйствующихъ. Понятно послѣ этого, что намъ, простымъ людямъ, остается только смотрѣть на совершающіеся факты, не видя двигающихъ ихъ пружинъ.

Первое тревожное извѣстіе о монгольскомъ движеніи пронеслось здѣсь въ прошломъ году, въ концѣ марта, и оказалось на первый разъ ложнымъ, хотя послѣдовавшія затѣмъ событія показали, что тревога была преждевременная, но не напрасная. Осенью, въ томъ же году, инсургенты взяли и разграбили Улясутай, главный пунктъ въ западной Монголіи, затѣмъ прошли далѣе на сѣверъ, и отдѣльныя шайки ихъ были не далеко отъ русской границы. Какъ видно, у нихъ было намѣреніе двинуться на Ургу, и нѣкоторые отряды находились приблизительно верстахъ въ 600 отъ нея; но неизвѣстно по какимъ причинамъ, они оставили взятый Улясутай и покуда отказались отъ покушеній на Ургу. Вотъ

---

*) «С.-Петерб. Вѣд.» № 154; статья напечатана тамъ подъ заглавіемъ: *Монгольскій вопросъ.*

все, что совершено до сихъ поръ со стороны инсургентовъ. Посмотримъ теперь, что вызвано было этимъ движеніемъ съ нашей стороны и со стороны Китая.

Какъ мы уже сказали, первое извѣстіе было ложное или преувеличенное. Оно состояло въ томъ, что инсургенты двигаются къ Ургѣ очень быстро, грабя на пути и убивая. Караваны, шедшіе изъ Калгана въ Кяхту, остановились, потому что сопровождавшіе ихъ монголы побросали вьюки и ударились на утекъ. Можно судить, какая паника должна была охватить Ургу: китайскіе торговцы, которыхъ тамъ до 10,000, кинулись къ своимъ амбанямъ, а тѣ, не имѣя никакой силы, обратились за защитой къ русскому консулу; русскіе купцы (всего четверо) собрались тоже бѣжать на свою границу.

Заступившему мѣсто русскаго консула, секретарю его не было времени разузнать дѣло, и потому онъ, полагаясь на амбаней, отправилъ курьера въ Кяхту съ донесеніемъ, что консульство въ опасности, такъ какъ ургинское правительство само проситъ помощи. Кяхтинское купечество также горячо приняло это извѣстіе, такъ какъ грозила опасность ихъ караванамъ и чайнымъ складамъ (довольно, впрочемъ, незначительнымъ) въ Ургѣ. Дѣло закипѣло. По распоряженію иркутскаго начальства, — конечно, послѣ предварительныхъ сношеній съ Петербургомъ—въ 5 дней въ Кяхтѣ собрано 600 чел. казаковъ, и купечество взялось на первое время продовольствовать войско.

Черезъ нѣсколько времени, изъ Урги приходитъ новое донесеніе, изъ котораго видно, что вся тревога произошла отъ ложныхъ слуховъ, а слухи произошли отъ крайней трусливости, какъ монголовъ, такъ и ихъ правительства, и что вовсе нѣтъ надобности, чтобъ русское войско шло въ Ургу. Одумавшись, сами амбани теперь видѣли, что это компрометируетъ китайское правительство. Но какъ остановить дѣло? Рѣшено отправить 150 казаковъ, разбивъ ихъ на нѣсколько партій, чтобъ это движеніе русскаго войска не очень шокировало монголовъ. Не смотря однако на эту мѣру осторожности, намъ говорили, что монголы, заслышавъ о прибытіи русскихъ, бѣжали отъ нихъ, какъ и отъ инсургентовъ.

Наконецъ, рѣшено было оставить въ Ургѣ при консульствѣ 40 чел., сверхъ постоянно находящихся при немъ семи. Такимъ образомъ, до марта нынѣшняго года, тамъ оставалась одна полусотня.

Теперь, успокоившись послѣ первой тревоги, можно было заняться уясненіемъ нашего положенія на тотъ случай, еслибъ инсургенты дѣйствительно двинулись на Ургу. Но во-первыхъ, если рѣшиться защищать Ургу противъ инсургентовъ, то полусотни казаковъ, конечно, недостаточно, а если снарядить хоть одинъ полкъ, снабдивъ его артиллеріей и всѣмъ,

что нужно для похода, то смѣта выходитъ уже изъ милліона. Тогда невольно является другой вопросъ: стоитъ-ли игра свѣчъ? Какое значеніе имѣетъ для насъ Урга?

Это одна изъ станцій отъ Пекина или другихъ китайскихъ городовъ до Кяхты: первая станція въ Калганѣ, какъ разъ у китайской стѣны и передъ вступленіемъ въ степь Гоби, а другая въ Ургѣ, у сѣверной окраины средне-азіятской пустыни. Здѣсь иногда (но не всегда однако) перемѣняютъ верблюдовъ, и тогда приходится чаямъ пролежать нѣкоторое время до пріисканія новыхъ подводъ. Залеживаться здѣсь чаямъ не приходится, по крайней мѣрѣ этого не должно быть. По этому, особенныхъ складочныхъ магазиновъ нѣтъ, а складываются чаи на дворѣ у одного изъ русскихъ торговцевъ, что и составляетъ главный его доходъ, такъ какъ торговля въ русской лавкѣ самая ничтожная. Самое большое скопленіе чаевъ можетъ быть здѣсь до 2,000 мѣстъ, цѣнностью не больше 180,000; но и это, какъ мы замѣтили, бываетъ очень рѣдко, вслѣдствіе какихъ нибудь упущеній со стороны подрядчиковъ или особенно неблагопріятной погоды. Слѣдовательно, торговый интересъ нашъ въ Ургѣ не на столько значителенъ, чтобъ государству изъ за него поднимать цѣлую войну. Еслибъ дѣйствительно тутъ былъ замѣшанъ большой торговый интересъ, то онъ ближе всего касался кяхтинскаго купечества, которое однако высказывается противъ всякихъ военныхъ приготовленій.

Но вѣдь у насъ тамъ консульство; не бросить же его! А почему же бы и не бросить, если поддержка его будетъ стоить слишкомъ дорого, безъ всякой пользы отъ его существованія. Оно существуетъ всего 12 лѣтъ, и на торговыя дѣла не оказало ни малѣйшаго вліянія. Оно служитъ только посредникомъ между русскими торговцами и китайско-монгольскимъ начальствомъ при заключеніи контрактовъ съ возчиками-монголами; но это можетъ исполнять простой торговый агентъ по найму отъ заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ русскаго купечества. Дѣло обходилось безъ консульства, когда торговля наша была гораздо шире. Политическая миссія вполнѣ удовлетворялась кяхтинскимъ пограничнымъ коммиссаромъ Урги. Не смотря на то, что Монголія только въ вассальномъ отношеніи къ китайскому императору, она вполнѣ, до самыхъ мелочей, зависитъ отъ Пекина, и сноситься съ Пекиномъ изъ Урги на триста верстъ ближе, черезъ амбаней или на столько же верстъ дальше черезъ кяхтинскаго заргучея—я думаю все равно.

Сообразивъ все это, нашъ ургинскій консулъ, г. Шишмаревъ, въ концѣ прошлаго года, сообщая объ успѣхахъ инсургентовъ въ западной Монголіи и о приближеніи ихъ къ Ургѣ, говорятъ, высказывалъ мнѣніе, что лучше всего оставить консульство.

Между тѣмъ пронесся слухъ, что шайки инсургентовъ показались близъ границъ Иркутской губерніи со стороны озера Косогола, и нѣкоторые изъ тамошнихъ монголовъ обратились въ Иркутскъ съ просьбою, въ случаѣ нападенія инсургентовъ, позволить имъ вступить въ русскіе предѣлы, подъ покровительство Россіи. Слухъ этотъ, однако, оказался преувеличеннымъ.

Въ Иркутскѣ мнѣнія двоились: одни стояли за приготовленіе къ войнѣ, другіе противъ. Большинство было противъ, въ особенности интендантство, которому приходилось составлять смѣты и дѣлать по нимъ разнаго рода запасы. Результатомъ всего этого вышло то, что въ Кяхтѣ или Троицкосавскѣ собранъ теперь пѣшій казачій баталіонъ со взводомъ артиллеріи и сотня конныхъ казаковъ, а въ Ургѣ на смѣну 47 вступило 70 новыхъ. По смѣтѣ, на 1871 годъ эта защита Урги будетъ стоить 195,000 рублей. Покуда дѣло на томъ и остановилось. Новый генералъ-губернаторъ, говорятъ, съ перваго же шага такъ отдался внутреннему управленію, что врядъ ли станетъ развлекаться монгольскими дѣлами. Есть даже слухъ, что онъ предпочитаетъ удаленіе нашего консульства изъ Урги тѣмъ огромнымъ издержкамъ, которыя вызваны уже не прямымъ вмѣшательствомъ, а однимъ приготовленіемъ, содержаніемъ баталіона на границѣ и отряда въ Ургѣ. Онъ, какъ хорошій хозяинъ, видитъ нужду края въ средствахъ и людяхъ и не можетъ, конечно, сочувствовать тому, на что безполезно тратятся сотни тысячъ и съ невознаградимымъ усердіемъ отнимаются руки отъ дѣла тамъ, гдѣ и безъ того не хватаетъ силъ. Оставить, однако, это дѣло совсѣмъ безъ вниманія также нельзя.

Скажемъ теперь, что сдѣлано со стороны китайско-монгольскаго правительства. Говорятъ, идетъ китайское войско, а покуда въ окрестностяхъ Урги собрано около 1,000 монгольскихъ солдатъ, вооруженныхъ, конечно, по-монгольски, т. е. у кого лукъ, у кого копье, у кого фитильныя ружья а у иного единственное оружіе длинный ножъ. Всѣ они довольно голы и голодны, и потому объѣдаютъ своихъ собратій, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, а иные, говорятъ, спеціально занимаются грабежомъ, конечно, отъ нужды.

Въ Маймачинѣ (такъ-называемый китайскій городъ при Ургѣ) собираются иногда китайскіе приказчики и молодые купцы для обученія военнымъ пріемамъ и толпою прогуливаются по улицамъ. Обучаетъ ихъ самъ заргучей, котораго если увидите, то никакъ не заподозрите, чтобъ онъ былъ въ состояніи не только воевать, но и взять въ руки какое нибудь оружіе. Мнѣ не удалось видѣть ихъ экзерцицій, но я имѣю понятіе по сраженіямъ на ихъ театрѣ, до которыхъ они большіе охотники, тѣмъ

болѣе, что актеры ихъ главные воины и на придачу, еще палачи. Забавнѣе трудно что нибудь видѣть: это совершенно дѣтская игра въ солдатики, да еще дѣтей маленькихъ. До какой степени китайцы въ нѣкоторыхъ вещахъ лишены здраваго смысла, дали мнѣ понятіе ихъ укрѣпленія Урги. Представьте себѣ, поперекъ всей долины р. Толы, въ которой расположена Урга, ограду изъ жердей — по двѣ жерди между столбиками: все это занимаетъ пространство верстъ въ 8; на извѣстныхъ разстояніяхъ, саженяхъ на сто, устроены деревянные четырехугольные срубы, съ крышками въ родѣ павильоновъ. Это бойницы, гдѣ подъ каждой крышей стоитъ пушка. На верху развѣваются флаги, кругомъ все это украшено расписанными щитами, подлѣ стоитъ юрта, а у нѣкоторыхъ двѣ или три. Пушки маленькія и только 5 мѣдныхъ и чугунныхъ, пожертвованныхъ когда-то изъ Россіи и изъ Пекина, а остальныя деревянныя, обтянутыя листовымъ желѣзомъ. Есть, впрочемъ, пушки самодѣльныя, свернутыя изъ нѣсколькихъ, сбитыхъ вмѣстѣ желѣзныхъ листовъ. Для большей еще неприступности, ограда обставлена вѣтками боярышника, но не густою высокою стѣною, а въ одинъ рядъ и не выше, какъ по грудь.

Вдобавокъ, эта крѣпость лежитъ внизу и съ прочихъ сторонъ ее легко обойти.

Образчикомъ того, что будетъ при появленіи инсургентовъ, можетъ служить то, что уже было въ прошломъ году, лѣтомъ.

Нѣсколькимъ монголамъ вздумалось произвести суматоху, чтобъ поживиться. Для этого трое или пятеро прискакали въ гнаданъ (часть Урги, занятая одними ламами и кумирнями) и крикнули, что идутъ инсургенты. Все населеніе, тысячъ до 8-ми (всего въ Гланданѣ и Куренѣ 10,000 одних ламъ) кинулось въ курень, а тѣ занялись свободно грабежомъ. Черезъ нѣсколько времени уже все населеніе Урги было въ переполохѣ, но не видя инсургентовъ и не слыша въ оставленномъ ганданѣ никакого движенія, нѣкоторые смѣльчаки рѣшились возвратиться и увидѣли только пограбленными свои юрты. Впослѣдствіи эти грабители были пойманы и казнены.

За то казнятъ въ Китаѣ безъ милосердія. Дня за три до моего пріѣзда въ Ургу, казнено 24 человѣка, принимавшихъ будто бы участіе въ грабежѣ инсургентовъ. Нѣкоторые изъ консульства ходили смотрѣть и разсказывали, что инымъ отрубали головы только послѣ трехъ и даже пяти ударовъ. Замѣчательно то, что изъ монголовъ ни одинъ не пошелъ въ палачи, а взялись за это китайцы изъ ремесленниковъ, они же и актеры, и исполняли эти операціи съ отвратительнымъ цинизмомъ. Даже солдаты, присутствовавшіе при казни, не могли смотрѣть и все время взывали къ своему *гыгену* (богу). Когда же палачи послѣ, во время праздника *бѣ-*

лаго мѣсяца, дѣлали визиты богатымъ и знатнымъ монголамъ, причемъ имъ по обычаю давалась извѣстная подачка, то ни одинъ монголъ ихъ не принялъ. Послѣ моего отъѣзда, приговорено было къ казни еще 12 человѣкъ.

За казнями, конечно, дѣло не станетъ, но защитить страну отъ инсургентовъ Китай никогда не въ состояніи. И бѣдные монголы не знаютъ теперь, что дѣлать: съ одной стороны воинственные инсургенты, которымъ они не въ состояніи дать отпора, вслѣдствіе недостатка мужества, полнѣйшаго отсутствія сплачивающей силы и полной безоружности; съ другой—китайское правительство съ казнями и массою чиновниковъ, въ настоящее время больше чѣмъ когда нибудь надоѣдающихъ народу своими разъѣздами и поборами; а тутъ, къ довершенію всѣхъ бѣдъ, почти въ цѣлой Монголіи выпалъ скотъ. Не зная, что дѣлать и куда дѣваться, народъ въ послѣднее время обратилъ свои надежды на Россію. Народъ уже не бѣжитъ отъ русскаго отряда, какъ было въ прошломъ году, а напротивъ, какъ-то ободрился. Когда я ѣхалъ изъ Урги въ въ Кяхту, меня многіе изъ монголовъ привѣтствовали фразой: «ну, Урга теперь ваша, и мы свои люди»; и это говорилось тономъ такимъ веселымъ и довѣрчивымъ, что можно было повѣрить въ дѣйствительность и сбыточность этихъ, покуда еще совершенно несправедливыхъ словъ.

Надобно замѣтить, что подобною же фразой встрѣчали меня и въ другой части Монголіи, около озера Косогола, гдѣ живутъ совершенно другаго типа монголы, урчихи и дархоты, и куда я проѣзжалъ осенью прошлаго года. Кромѣ того, что съ прошлаго года въ Ургѣ стоитъ полусотня нашихъ казаковъ, монголовъ давно уже смущаетъ то обстоятельство, что у насъ теперь уничтожены пограничные караулы, и съ тѣхъ поръ сношенія наши такъ просты, какъ будто бы не существуетъ между нами никакой границы. Къ тому же, у нихъ есть преданіе, и совершенно справедливое, что граница наша прежде вдавалась гораздо глубже въ Монголію; на З-мъ Косоголѣ, по сю пору указываютъ мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ русскій городъ (вѣроятно острогъ), но что въ 1728 году, при проведеніи новой границы, русскія владѣнія отодвигнуты назадъ, вслѣдствіе подкупа китайцами нашего коммиссара, наблюдавшаго за проведеніемъ границы. Послѣднее толкованіе, конечно, ложно, потому что граница проведена какъ разъ сообразно съ трактатомъ, заключеннымъ въ 1728 году, на рѣкѣ Кяхтѣ, русскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, графомъ иллирійскимъ Саввою Владиславичемъ, съ китайскими министрами, по которому вездѣ почти за границу приняты хребты горъ и рѣки. Но другое дѣло, чѣмъ объяснить нашу уступчивость при заключеніи трактата: видѣли ли невозможность противостоять по-

бѣдоносному китайскому императору (Канси или Канхи), или не понимали важности обладанія Косоголомъ, который теперь такъ манитъ нашихъ пограничныхъ жителей своими рыбными ловлями, привольными широкими пастбищами и молвой о находящихся въ его горахъ минеральныхъ богатствахъ; или, можетъ быть, дѣйствительно тутъ участвовалъ подкупъ золотомъ и другаго рода задабриванье, на что такъ щедро китайское правительство.

Какъ бы то ни было, живущіе близь границы буряты и монголы постепенно входятъ въ болѣе тѣсныя отношенія, свыкаются и живутъ тою мыслью, что когда-то они жили вмѣстѣ, и потому когда нибудь снова соединятся подъ одною державой. Для монголовъ это, конечно, все равно, вслѣдствіе ихъ полнѣйшей пассивности и политическаго индифферентизма, и нѣкоторыхъ смущаетъ только то, что, по ихъ понятіямъ, русскіе насильно крестятъ бурятъ, слѣдовательно и ихъ ожидаетъ та же участь. Сообразивъ, что у нихъ почти каждый третій мужчина—лама, можно судить о важности послѣдняго мотива.

Несомнѣнно, что инсургенты никогда не намѣрены вступать во враждебныя отношенія къ Россіи; но какъ только они узнаютъ, что русскіе не будутъ защищать Ургу, Урга будетъ ихъ непремѣнно, и поступятъ они съ ней также, какъ съ Улясутаемъ: захватятъ ея богатства, которыя дѣйствительно огромны, и удалятся. Что же касается до русскихъ товаровъ, то можно ожидать, что инсургенты поступятъ также, какъ поступили съ нашимъ кульджинскимъ консуломъ, г. Павлиновымъ, бывшимъ въ Улясутаѣ во время его взятія инсургентами, котораго, какъ видно, въ свалкѣ поранили, а все таки выпустили со всѣми товарами, хотя, конечно, могли бы захватить его.

II.

Китайская имперія не составляетъ одного органическаго цѣлаго: это конгломератъ болѣе сложный, чѣмъ имперія австрійская, но болѣе слабый, потому что если австрійская система держится хитрой политикой возбужденія національнаго и соціальнаго антагонизма, происходящаго, конечно, отъ недоразвитости большинства, то китайскому правительству вовсе не нужно даже австрійской мудрости, потому что оно имѣетъ дѣло съ массами, совершенно неразвитыми и апатичными. Вся исторія Китая представляетъ безпрестанныя перемѣны династій: то собственно Китай, то Монголія, то Манджурія выводятъ своихъ династовъ и, овладѣвая Пекиномъ, распространяютъ свою власть на всѣ земли Средней Азіи: на западѣ до Туркестана, на югѣ до Гималая, на сѣверѣ до Сибири, а иногда

нѣсколько за этотъ предѣлъ. Но уже 200 лѣтъ, какъ послѣ императора Канси нѣтъ никакихъ важныхъ государственныхъ перемѣнъ. Царствуетъ непрерывно одна династія и неизмѣнно китайцами считаются тѣ же самыя границы ихъ имперіи, какія были въ концѣ прошлаго столѣтія. Собственно границъ этихъ не существуетъ. Китайцы не умѣютъ или не хотятъ различать земель независимыхъ, вассальныхъ и вполнѣ подчиненныхъ: имъ нужно только, чтобы на бумагѣ имѣлась великая имперія, чѣмъ они, конечно, соперничаютъ съ нами, такъ какъ мы тоже по-сюпору не знаемъ своихъ границъ. Понятно, что вслѣдствіе этого происходитъ большая путаница во всѣхъ отношеніяхъ. Въ прошломъ столѣтіи, вслѣдствіе этого, возникла война съ Тибетомъ, окончившаяся тѣмъ, что возстановлены прежнія неопредѣленныя отношенія; потомъ, на западѣ, была война съ хошоутами и торгоутами, бѣжавшими въ 1770 году изъ Россіи, кончившаяся также пораженіемъ послѣднихъ посредствомъ интриги и вооруженія противъ нихъ остальныхъ монголовъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія было возстаніе въ Малой Бухаріи и Восточномъ Туркестанѣ; здѣсь не было уже той удачи, потому что привелось дѣло имѣть съ тюркскимъ племенемъ, болѣе стойкимъ, чѣмъ монголы. Но сама Монголія была все время недвижима. Только въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія сковался заговоръ подъ предводительствомъ Шадоръ-хана, человѣка недюжиннаго во всѣхъ отношеніяхъ. Другіе ханы и князья примкнули къ этому заговору, поклялись другъ другу въ вѣрности, но въ тоже время одинъ изъ нихъ сообщилъ обо всемъ китайскому правительству, которое успѣло предупредить: всѣ отступили, а Шадоръ-ханъ, послѣ долгихъ блужданій, попалъ въ руки властей и казненъ въ Пекинѣ мучительною казнью. Это была единственная попытка со стороны монголовъ сбросить китайское ярмо, и неудачный ея исходъ такъ подѣйствовалъ, что съ тѣхъ поръ и въ мысль никому не приходитъ затѣвать что нибудь подобное вновь.

Вообще Монголія, вслѣдствіе разбросанности и отсутствія многолюдныхъ центровъ, а также вслѣдствіе крайней пассивности, навязанной ей буддизмомъ, неспособна ни къ какому самостоятельному движенію. Но на южныхъ ея окраинахъ произошло удивительное смѣшеніе самыхъ разнородныхъ расъ и вѣрованій. Тамъ встрѣчаются тюрки, финны, монголы, китайцы, тангуты и какой-то народъ усунь, съ русыми волосами и голубыми глазами, по всѣмъ вѣроятіямъ индо-европейскаго поколѣнія. Послѣдователи Будды и Христа, въ лицѣ несторіанъ, живутъ здѣсь съ половины VII-го вѣка вмѣстѣ съ магометанами. Христіане, по ихъ малочисленности, исчезли, слившись съ буддистами, а пассивный буддизмъ уступилъ прозелитизму Магометова ученья. Магометанская вѣра, полная воин-

скаго фанатизма, вдохнула въ принявшихъ ее тюрковъ энергію, и помогла имъ одолѣть здѣсь остальныя народности. Съ тѣхъ поръ они составляютъ единственный живой или, по крайней мѣрѣ, движущійся элементъ, который отъ времени до времени шевелитъ центральную Азію.

Незначительные числомъ тюрки вездѣ берутъ верхъ умѣньемъ дѣйствовать единодушно и, увлекаемые посредствомъ фанатизма своими ханами, дѣйствуютъ такъ энергично, что распространенію ихъ въ Монголіи могутъ поставить предѣлъ только прямыя невыгоды занимать ее. Но имъ этого и не нужно: имъ нужны средства, которыя они употребляютъ на защиту своихъ собственныхъ предѣловъ, а эти средства они добываютъ грабежемъ богатыхъ буддійскихъ монастырей и угономъ скота у кочующихъ монголъ. Принявшіе магометанство монголы скоро превращаются въ тюрковъ, и эта-то смѣсь племенъ подъ знаменемъ Магомета извѣстна въ настоящее время подъ именемъ дунганъ.

Около 1860 г. настаетъ роковое время для Китая возстанія тайпинговъ, погромъ со стороны европейцевъ, окончательное отдѣленіе восточнаго Туркестана, движеніе въ Кореѣ, и въ то же время возстаютъ дунгане.

Натискъ тайпинговъ отбитъ отъ Пекина дальше къ югу только при помощи европейцевъ, но на югѣ Китая правительство по сю пору безсильно; Корея на время стихла и въ нынѣшнемъ году объявила свою независимость; дунгане уже 10 лѣтъ не признаютъ китайскихъ властей, а съ прошлаго года стали дѣйствовать наступательно.

Понятно, что при этомъ повсемѣстномъ возстаніи у китайскаго правительства нѣтъ никакихъ шансовъ.

Во всемъ этомъ мы видимъ, съ одной стороны — инсуррекцію, повидимому, безъ опредѣленныхъ цѣлей, съ другой — бездѣйствіе или совершенную неспособность къ дѣйствію китайскаго правительства. Болѣе ясно обозначилось въ послѣднее время движеніе дунганское или, какъ называютъ его нѣкоторые, магометанско-татарское.

Дунгане, видимо, стоятъ въ связи съ своими единовѣрцами на западѣ въ Малой Бухаріи и въ Туркестанѣ, и протянули свою цѣпь на востокъ, между Монголіей и Тибетомъ, до западнаго края великой китайской стѣны. Въ этой странѣ они полные господа. Не знаемъ, на сколько основательно предположеніе, что въ связи съ ними находится и движеніе на югѣ Китая, но извѣстно, что дунгане уже давно ведутъ значительную торговлю въ Хухухотонѣ, Калганѣ, Долонъ-Норѣ, въ Пекинѣ и другихъ городахъ Китая и имѣютъ тамъ значительное вліяніе. Въ Монголіи ихъ значеніе еще больше: они снабжаютъ всю западную ея часть бумажными и шелко-

выми тканями, выдѣланными кожами, желѣзными издѣліями, рисомъ и южными плодами. Даже въ Ургу они пріѣзжали разъ въ годъ съ тѣмъ же товаромъ, который весь, въ особенности фрукты и рисъ, покупался на расхватъ, и этого времени монголы и китайцы всегда ждали съ нетерпѣніемъ: пріѣздъ ихъ, кажется, совпадалъ съ большимъ празднествомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда гыгена выносятъ на показъ, для благословенія народа.

Дунгане вообще болѣе дѣятельный, трудолюбивый и болѣе культурный народъ, чѣмъ монголы, и несравненно способнѣе китайцевъ въ политическомъ отношеніи. Не мудрено поэтому, что они толкаютъ китайцевъ и монголовъ, одинаково спящихъ и неспособныхъ къ политической жизни.

Движеніе дунганъ въ прошломъ году было особенно сильно и потому обратило на себя всеобщее вниманіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ возбудило много сказаній объ его дѣятеляхъ.

Такъ говорилось, что это какая-то партія бѣдняковъ, которые идутъ грабить богатыхъ, чтобы эти богатства раздѣлить съ остальными бѣдными, что они грабятъ и убиваютъ простыхъ монголъ только въ случаѣ сопротивленія, а, напротивъ, дѣйствующихъ не противъ нихъ, приводятъ въ свой лагерь, поятъ, кормятъ и, въ заключеніе, еще надѣляютъ скотомъ и разными подарками. На этомъ основаніи бѣдный народъ, урянхи и дархаты, живущіе близь нашей границы, обиженные въ прошломъ году падежемъ, относились къ инсуррекціи сочувственно, но иногда сильно трусили и обращались къ нашему правительству съ просьбой о покровительствѣ; нѣкоторые ламы также приблизились къ русской границѣ. Говорятъ съ разнаго рода прикрасами о томъ, что у нихъ есть какіе-то зажигательные снаряды, посредствомъ которыхъ они могутъ уничтожать цѣлые улусы и лѣса; а главное, говорили, что они хорошо вооружены штуцерами и имѣютъ даже артиллерію, что наводило нѣкоторыхъ на мысль, не англичане ли руководятъ этимъ движеніемъ, а если не они, такъ не поляки-ли? Все это лучше всѣхъ долженъ знать г. Павлиновъ, котораго дунгане застали въ Улясутаѣ, и онъ вѣроятно будетъ публиковать о томъ, что испыталъ и узналъ во время штурма этого города. Намъ извѣстно только то, что дунгане вооружены несравненно лучше чѣмъ монголы и китайцы, что дѣйствительно, у нихъ есть хорошіе штуцера, добытые ими конечно черезъ Туркестанъ и Персію, что они дѣйствуютъ не безъ плана и имѣютъ несомнѣнно цѣлью поднять Монголію.

Въ послѣднее время появилось, говорятъ, очень много ихъ агентовъ и шпіоновъ по всей Монголіи. Въ Ургѣ по этому случаю то и дѣло происходятъ казни; амбани тамошніе, какъ видно, трусятъ, и на запросъ нашего правительства о положеніи русскаго консульства въ Ургѣ, китай-

ское правительство, говорятъ, отказалось защищать его, вслѣдствіе чего батальонъ, стоявшій въ Троицкосавскѣ, со взводомъ артиллеріи двинулся въ Ургу, для защиты консульства. Часть войска отъ Срѣтенска направляется къ Ургѣ, прямымъ путемъ черезъ Монголію, и готовится выступить артиллерія. Однимъ словомъ, дѣло идетъ уже не на шутку.

Изъ ургинскаго консульства, черезъ иркутское начальство, купечеству сдѣлано предложеніе, чтобы оно отправляло свои караваны новымъ путемъ, по которому въ прошломъ году проѣхала экспедиція братьевъ Бутиныхъ, отъ Нерчинска гораздо восточнѣе ургинскаго тракта, слѣдовательно и дальше отъ дунганскаго движенія. Это предложеніе, впрочемъ, иркутскимъ купечествомъ не принято.

Вообще, по этому поводу очень много суеты и толковъ: одни говорятъ, что 80,000 инсургентовъ идутъ уже на Ургу, другіе, напротивъ, утверждаютъ, что на всемъ пути отъ Пекина до Кяхты нѣтъ о нихъ никакого слуха. Неизвѣстно чему вѣрить; мы знаемъ положительно только то, что Урга занята русскими войсками, какъ операціонный пунктъ для дѣйствія противъ инсургентовъ, а что будетъ дальше—увидимъ *).

П. Ровинскій.

---

*) Опасенія за Ургу оказались напрасными; ни Урга, ни Кобдо не были взяты инсургентами, которые оказались далеко не такъ сильными и хорошо вооруженными, какъ первоначально полагали. Вѣроятно китайская власть будетъ въ концѣ концовъ возстановлена въ Монголіи и Западномъ Китаѣ.

Монгольскій вождь.

Въ извѣстіяхъ о послѣднемъ возстаніи въ Китаѣ, говорилось о предводителѣ калмыковъ Цаганъ-Гигенѣ (или Чоганъ-Кегенѣ, какъ его называютъ нѣкоторые), который играетъ весьма видную роль въ нынѣшнихъ событіяхъ въ Монголіи. Цаганъ-Гигенъ покуда — единственная надежда манджурскаго правительства. Вотъ что сообщаютъ о немъ въ корреспонденціяхъ и письмахъ изъ Пекина:

Въ концѣ 1867 г., Кокпектинскій округъ (въ Западной Сибири), граничащій на востокѣ съ китайской провинціей Тарбагатай, былъ театромъ креваваго набѣга калмыковъ, китайскихъ подданныхъ, которые, напавъ, въ числѣ семи тысячъ человѣкъ, на аулы байджигитскихъ киргизъ, расположенные вдоль границы, убили много народа и увели огромное количество лошадей, верблюдовъ и овецъ.

Такое нарушеніе правъ территоріи встревожило русское правительство и оно потребовало объясненій отъ китайскихъ властей. Оказалось, что калмыки были раздѣлены на двѣ шайки: одна въ 5,000 человѣкъ, другая въ 2,000, командуемыя Цаганомъ-Гигеномъ и Уваномъ. Эти вожди, а въ особенности первый, пріобрѣвшіе большую популярность успѣхомъ, одержаннымъ въ Тарбагатаѣ надъ татарскими инсургентами-дунганами, приняли на себя обязанность отправиться на русскую границу, чтобы розыскать и увести китайскихъ подданныхъ, бѣжавшихъ, по случаю возстанія татаръ, на русскую территорію. Употребляя во зло данныя приказанія, они перешли границу и подвергли строгому наказанію байджигитскихъ киргизъ, обвиняя ихъ въ соучастіи съ дунганами при разграбленіи города Тарбагатая. Русскому правительству не трудно было получить отъ правительства китайскаго вознагражденіе за убытки, причиненные русскимъ подданнымъ, въ особенности многимъ семипалатинскимъ русскимъ купцамъ. Но каждый задавалъ вопросъ: что это за личность Цаганъ-Гигенъ, пользующійся такою огромною властью между калмыками, и имѣющій на нихъ

такое сильное вліяніе,—личность, одна, во всемъ западномъ Китаѣ, выразившая энергическое сопротивленіе въ борьбѣ съ дунганами, и оставшаяся вѣрной китайскому правительству? Краткая біографія, составленная изъ разсказовъ самихъ монголовъ, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на это замѣчательное лицо.

Цаганъ-Гигенъ — не имя, но званіе. Званіе это учреждено 50 лѣтъ тому назадъ. Въ эту эпоху первый Цаганъ-Гигенъ, родомъ изъ Тибета, былъ признанъ за великаго ламу десятью племенами калмыковъ, сосѣдними съ Тарбагатаемъ; они построили ему дворецъ и храмъ, въ которомъ служили 400 жрецовъ.

Гунга Чальцанъ, теперешній Цаганъ-Гигенъ, третья личность, носящая это достоинство. Онъ родомъ изъ Дагцанъ-тламы, маленькой мѣстности восточнаго Тибета, недалеко отъ границы области Ганъ-су. Онъ былъ увезенъ оттуда на шестомъ году, въ 19 годъ царствованія императора Тао Куянга (1840). Проведя около двухъ лѣтъ въ храмахъ Тарбагатая, онъ отправился въ Гумбумъ (по китайски Чинъ-таси), въ западную часть провинціи Ганъ-су, для изученія догматовъ буддійской религіи, а на 20 году былъ отвезенъ своими послѣдователями въ храмы Тарбагатая. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ всю свою дѣятельность на основаніе ламайскихъ школъ въ этой и сосѣднихъ областяхъ и на распространеніе буддизма не только между калмыками, но и между тринадцатью колѣнами киргизъ, среди которыхъ популярность его со дня на день сильно возрастала, благодаря его глубокимъ познаніямъ въ буддійскихъ книгахъ.

Во время своего пребыванія въ Тарбагатаѣ, Гунга Чальцанъ занялся изученіемъ языковъ: китайскаго, манджурскаго и монгольскаго, которые ему преподавали, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пекинскіе профессора. Вообще послѣдователи Цаганъ-Гигена были самаго высокаго мнѣнія объ его учености и административныхъ способностяхъ. На 3 году царствованія Тунъ-джи (1865), началось возстаніе хой-хой (дунгановъ), недалеко отъ Тарбагатая. Страна скоро была занята мятежниками; они опустошили храмы и дворецъ Цагана-Гигена и убили многихъ его послѣдоватетелей. Самъ онъ, потерпѣвъ значительныя потери, поспѣшилъ отправить въ Гумбумъ, къ своему прежнему учителю, священные предметы, ввѣренные ему, какъ жрецу 4 степени, а также свою священническую одежду. Потомъ онъ набралъ между элеутскими монголами 500 самыхъ рѣшительныхъ людей и вооружилъ ихъ, какъ могъ: луками, стрѣлами, ружьями, деревянными пиками и дубинами. Онъ принялъ начальство надъ этимъ войскомъ и пошелъ противъ инсургентовъ, расположившихся въ

числѣ 10 тысячъ въ Тарбагатаѣ и окрестностяхъ этого города. Кровавыя стычки, происшедшія между элеутами и инсургентами, причиняли каждый разъ большія потери послѣднимъ. Послѣ двухъ-недѣльной отчаянной борьбы, хой-хой были разбиты почти на всѣхъ пунктахъ. Принужденные очистить городъ Тарбагатай, они бѣжали къ Или, оставивъ въ рукахъ элеутовъ до 50 плѣнниковъ. Послѣдніе были приведены къ Куй-Чану, губернатору Тарбагатая, скрывавшемуся въ сосѣднихъ горахъ. Заключивъ условія съ Миномъ, генералъ-губернаторомъ Или, Куй-Чанъ, на 4 году царствованія Тунъ-Джи (1866), подалъ императору отчетъ о побѣдахъ, одержанныхъ Цаганомъ-Гигеномъ. Отправленный по пути чрезъ Кобдо, этотъ отчетъ не достигъ цѣли: всѣ извѣстія были перехвачены инсургентами. Куй-Чанъ, не получая никакого отвѣта, донесъ объ этомъ Мину, и, съ согласія послѣдняго, отправилъ другой отчетъ, чрезъ посредство какого-то Ду-ту-на, жителя Урумчи. Отвѣтъ пришелъ къ концу того же года: это былъ императорскій указъ на имена: Джонъ-Джунъ Мина и Цаганъ-Гигена, въ которомъ послѣднему давались: титулъ «Дзифун-хутухту Гунга Чальцанъ», печать и должность главнокомандующаго элеутовъ и казаковъ, а также право посылать отъ своего имени отчеты чрезъ посредство Дзіунъ-дзидту (государственнаго совѣта).

Зимою 1866 г., между элеутами и казаками открылась эпидемическая болѣзнь, проявлявшаяся въ опухоли ногъ. Гунга Чальцанъ, посѣтивъ лагери своихъ приверженцевъ, заразился самъ этою болѣзнію и долженъ былъ остаться между ними около 5 мѣсяцевъ. Эпидемія погубила до 5,000 элеутовъ.

Въ 5-й годъ царствованія (1867), произошло новое возстаніе между казаками байджигитскаго рода. Увѣдомленный объ этомъ Цаганъ-Гигенъ, желая предупредить грозившую вновь опасность, принялъ начальство надъ 500 людьми и проникъ въ Тарбагатай. Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца онъ выдерживалъ энергическую борьбу, изъ которой вышелъ побѣдителемъ. Байджигиты обратились въ бѣгство и направились къ областямъ, смежнымъ съ Россіей. Враги потерпѣли страшныя потери. Весь городъ былъ покрытъ трупами.

На 9 мѣсяцѣ того же года, Цаганъ-Гигенъ оставилъ Тарбагатай и отправился въ Кобдо, гдѣ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ губернаторомъ Кобдо, Куй-Чаномъ и Минъ-уао, по поводу исправленія и укрѣпленія Тарбагатая. Здѣсь онъ встрѣтилъ со стороны своихъ собесѣдниковъ не только сильную оппозицію всѣмъ своимъ доводамъ, но еще былъ обвиненъ въ нарушеніи хорошихъ отношеній между Россіей и Китаемъ, позволивъ элеутамъ грабить товары русскихъ купцовъ. Въ Кобдо онъ узналъ,

что Юнъ-Ку отправился въ Семипалатинскъ, для переговоровъ по этому поводу съ русскими властями. Гунга-Чальцанъ, желая узнать изъ достовѣрныхъ источниковъ, что русскіе купцы дѣйствительно потерпѣли большія потери, и полагая вознаградить ихъ изъ собственныхъ доходовъ, отправился инкогнито въ Семипалатинскъ, сопровождаемый нѣсколькими элеутами и казаками. Но еще прежде его прибытія сюда, Юнъ-Ку уладилъ споръ — обѣщаніемъ вознагражденія въ 100,000 таельсовъ, китайскимъ правительствомъ, съ разсрочкой на 10 лѣтъ, начиная съ 7-го года царствованія Тунъ-Джи.

Правитель Алтышара.

Во время пребыванія въ Кульджѣ переводчика военнаго губернатора Семирѣченской области, г. Бородина, осенью 1870 г., собраны были имъ нѣкоторыя подробности о нашемъ близкомъ сосѣдѣ, правителѣ Кашгара Якубъ-бекѣ, его отношеніяхъ къ народу и о первыхъ годахъ водворенія его въ Алтышарѣ *). Свѣдѣнія эти крайне интересны, потому что теперь, послѣ заключенія съ Якубъ-бекомъ дружественнаго и торговаго договора, намъ, вѣроятно, придется войти въ ближайшія сношенія съ Восточнымъ Туркестаномъ. Поэтому всякія подробности объ этой странѣ и о ея правителѣ имѣютъ для насъ большое значеніе.

По словамъ г. Бородина (какъ разсказывали ему въ Кульджѣ), кашгарскій правитель Якубъ-бекъ, у высшаго, т. е. у военнаго сословія (сипаевъ), не пользуется большимъ уваженіемъ и любовью; но нелюбовь эта тщательно скрывается подъ личиною преданности, изъ страха предъ суровымъ владыкою. Якубъ-беку повинуются, не находя нигдѣ защиты и опоры, и не зная, какъ отдѣлаться отъ тягостнаго ига. Алтышаръ или Джитышаръ привыкъ видѣть своими правителями ходжей, а Якубъ-бекъ воспользовался первою неурядицею въ Восточномъ Туркестанѣ, послѣ истребленія китайцевъ, и силою утвердился въ краѣ. Но большинство народа не забываетъ, что онъ — чуждый пришлецъ, и ненавидитъ его. Якубъ-бекъ считается человѣкомъ умнымъ, но хитрымъ и строгимъ, и подданные его знаютъ, что онъ для своихъ цѣлей не пощадитъ никого. Въ особенности не нравится кашгарцамъ вѣроломный поступокъ его съ хотанскимъ бекомъ, всѣми уважаемымъ старикомъ. (Объ этомъ мы скажемъ ниже нѣсколько подробнѣе). У Якубъ-бека много враговъ, но наводимый правителемъ страхъ и боязнь жестокой мести сдерживаютъ

*) Алтышаромъ (шестиградіе) или Джитышаромъ (семиградіе) называютъ Восточный Туркестанъ, нѣкогда принадлежавшій китайцамъ, а теперь подпавшій подъ власть

ихъ. Якубъ-бекъ не даетъ соединиться своимъ врагамъ, и всюду имѣетъ шпіоновъ. Подобные отзывы приходилось г. Бородину слышать отъ многихъ.

Завладѣвъ Кашгаромъ, Якубъ-бекъ не вдругъ, однако же, овладѣлъ остальнымъ Джитышаромъ: онъ не имѣлъ еще настолько силы. Въ Кашгаръ онъ прибылъ вмѣстѣ съ ташкентскимъ кушъ-беги Мурза-Ахметомъ, имѣвшимъ большую популярность въ ханствѣ, гдѣ его считали всѣ опытнымъ въ военныхъ дѣлахъ и храбрымъ человѣкомъ. Якубъ-бекъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи коканскія войска и былъ посланъ на помощь кашгарцамъ отъ Алимкула *). Чрезъ содѣйствіе его, Кашгаръ и другіе окрестные города Туркестана были взяты мусульманами и заняты войсками, пришедшими съ Якубъ-бекомъ. Мало по малу, Якубъ-бекъ успѣлъ окончательно укрѣпиться въ Кашгарѣ и ближайшихъ городахъ и поставилъ тамъ начальниками своихъ приверженцевъ, а оговоренные имъ предъ Бузрукъ-ходжи-ханомъ прежніе начальники были или удалены, или казнены. Вскорѣ Якубъ-бекъ овладѣлъ всѣмъ Джитышаромъ, перерѣзалъ многихъ главныхъ вождей, а затѣмъ постарался удалить отъ Бузрука кушъ-беги Мурза-Ахмета, опаснаго для себя соперника, назначивъ его бекомъ въ одинъ изъ дальнихъ городовъ, гдѣ онъ и теперь находится, но уже не сильнымъ начальникомъ, а подъ надзоромъ шпіоновъ Якубъбека и безъ преданныхъ друзей.

Такимъ образомъ въ городахъ, лежащихъ по дорогѣ къ Аксу, Бугурѣ, Карашару, Куча (или Кучару) и Учь-Турфану, по произволу Якубъбека, были назначены люди, ему преданные. Мало по малу вся власть сосредоточилась въ его рукахъ, а Бузрукъ-ханъ остался въ сторонѣ, сохранивъ однако титулъ хана. Весь Джитышаръ призналъ Якубъ-бека своимъ кушъ-беги (глава войскъ, тоже что турецкій серъ-аскиръ), всѣ ему подчинились, забывъ Бузрукъ-хана; одинъ только городъ Хотанъ жилъ особнякомъ, подчиняясь своему законному, старшему ходжѣ, Аджи-ходжѣ. Человѣкъ этотъ былъ уважаемъ во всемъ краѣ. Обширный, древній городъ Хотанъ имѣлъ крѣпкія и высокія стѣны, снабженъ былъ оружіемъ и большими военными припасами. Народъ въ немъ былъ независимый и состоятельный, владѣвшій хорошими золотыми пріисками. Хотанскій округъ изобиловалъ цѣнными камнями, употребляемыми китайцами на разныя подѣлки и украшенія. Якубъ-бекъ не рѣшился идти на Хотанъ войною, не надѣясь на легкій и быстрый успѣхъ. Онъ рѣшился дѣйствовать хитростью и вѣроломствомъ.

Въ 1866 или 1867 году, Якубъ-бекъ вздумалъ сдѣлать *зіяратъ* (т. е. поклониться праху святаго, покоившагося въ Хотанѣ) и пригла-

*) Регентъ Коканскаго ханства, извѣстный противникъ г. м. Черняева.

силъ ѣхать Бузрука. Для сопровожденія обоихъ пилигримовъ, Якубъ-бекъ назначилъ сильный отрядъ. Подходя къ Хотану, Якубъ-бекъ скрылъ отрядъ, оставивъ при себѣ только человѣкъ 300, и послалъ сказать Аджи-ходжѣ, что Бузрукъ-ханъ пріѣхалъ просить дозволенія поклониться праху святаго и войти для того въ городъ, со свитою изъ 200 человѣкъ. Аджи-ходжа повѣрилъ обману и выѣхалъ въ лагерь Якубъ-бека, чтобы встрѣтить почетнаго гостя. Тамъ несчастнаго схватили и убили, а одного изъ бывшихъ при немъ муллъ Якубъ-бекъ заставилъ написать въ городъ письмо, отъ имени Аджи-ходжи, съ требованіемъ, чтобы ворота города были открыты для вновь прибывшихъ богомольцевъ и чтобы ихъ встрѣтили съ почетомъ. Приложивъ печать Аджи-ходжи, Якубъ-бекъ отправилъ письмо въ городъ. Жители, не подозрѣвая обмана, исполнили приказаніе и Якубъ-бекъ съ отрядомъ вошелъ въ городъ, тотчасъ занявъ склады оружія и стѣны. Народъ оробѣлъ, растерялся и не зналъ, что дѣлать. Якубъ-бекъ овладѣлъ Хотаномъ, но этотъ вѣроломный поступокъ еще болѣе уронилъ его въ глазахъ народа и былъ всѣми сочтенъ за святотатство. Люди въ городахъ, лежащихъ ближе къ Урумчи, недовольные Якубъ-бекомъ, а въ особенности дунгане, желая избавиться отъ его власти, весною 1867 года, секретно просили урумчинскихъ дунганъ выручить ихъ и подчинить себѣ ихъ города; дунгане немедленно явились на призывъ ихъ и безъ особеннаго труда завладѣли городами: Турфанъ, Бугуръ, Куча и Карашаръ, разграбивъ и полонивъ приверженцевъ Якубъ-бека.

Узнавъ объ этомъ, Якубъ-бекъ собралъ войско и двинулся къ мѣсту происшествій, а тестя своего, бывшаго китайскаго сановника въ Кашгарѣ, заставилъ написать письмо къ пограничнымъ китайцамъ, чтобы они, съ своей стороны, двинули свои войска противъ дунганъ. Китайцы послушались и дунганамъ пришлось раздѣлиться на два отряда. Якубъ-бекъ успѣлъ возвратить города Карашаръ, Куча и Бугуръ, но въ Турфанѣ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и долго не могъ взять его; поэтому онъ рѣшился построить противъ Турфана крѣпость и, засѣвъ въ ней, ожидать удобнаго случая, безпрестанно безпокоя между тѣмъ жителей. Изъ Кашгара онъ потребовалъ еще войска и вызвалъ даже торговцевъ, чтобы устроить при войскѣ походный базаръ. Войска занялись укрѣпленіемъ отбитыхъ городовъ и возведеніемъ новой крѣпости около Кене-Турфана. Якубъ-бекъ между тѣмъ вступилъ въ переговоры, требуя покорности урумчинскихъ и манасскихъ дунганъ и стращая, что иначе онъ возьметъ города силою, и тогда уже жителямъ не будетъ пощады. Дунгане, видя его настойчивость и твердость въ предпріятіяхъ, послали въ Кульджу письмо, прося помощи султана кульджинскаго противъ Якубъ-

Кульджинскій султанъ собралъ совѣтъ, чтобы рѣшить, что дѣлать. Большинство народа, опасаясь Якубъ-бека, предлагало принять его сторону и дѣйствовать противъ дунганъ; этимъ надѣялись они снискать расположеніе сильнаго владѣтеля Алтышара. Султанъ, напротивъ, желалъ помочь дунганамъ, чтобы не дать окончательно усилиться кашгарскому правителю; онъ говорилъ народу, что Якубъ-бекъ, покоривъ дунганъ, обратитъ оружіе и на Кульджу, которая тогда не въ состояніи будетъ противиться ему и падетъ неминуемо. Народъ, нехотя, согласился съ его предложеніемъ, и султанъ собралъ войско изъ 10 т. человѣкъ (таранчей 5 т., дунганъ 1 т., сибо 2 т., киргизъ 1 т. и калмыковъ 1 т.). Пока войско это готовилось къ походу, султанъ послалъ письмо къ дунганамъ, совѣтуя имъ не сдаваться и держаться противъ Якубъ-бека, обѣщаясь немедленно прислать на помощь войска. Письмо это было перехвачено Якубъ-бекомъ. Султанъ, не зная этого, послалъ между тѣмъ посольство къ Якубъ-беку, съ увѣреніями въ дружбѣ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы вывѣдать намѣренія его относительно дунганъ и Кульджи. Якубъ-бекъ, какъ говорятъ, принялъ весьма недружелюбно посланнаго султаномъ шанъ-беги и другихъ членовъ посольства, и хотѣлъ даже казнить ихъ за вѣроломство и коварные замыслы султана; однако онъ ограничился тѣмъ, что задержалъ у себя пословъ гостями.

Между тѣмъ Кене-Турфанъ не выдержалъ осады и сдался. Урумчинскіе и манасскіе дунгане готовы были также покориться Якубъ-беку, но неумѣренныя требованія его остановили ихъ: Якубъ-бекъ требовалъ покорности съ тѣмъ, что онъ въ Урумчи и Манасѣ поставитъ отъ себя главныхъ начальниковъ, и требовалъ еще, чтобы дунгане дали въ его распоряженіе нѣсколько тысячъ отборныхъ войскъ.

Вскорѣ за послами явилось и войско изъ Кульджи. Якубъ-бекъ отправилъ тогда шанъ-беги въ войска султана, послалъ съ нимъ коранъ и письмо, въ которомъ, увѣрялъ клятвою, что онъ противъ султана и его подданныхъ не имѣетъ никакого злаго умысла, а пришелъ только занять города, взятые у него дунганами, просилъ не мѣшаться въ его дѣла и не помогать мусульманамъ, поступившимъ хуже кяфировъ. Якубъ-бекъ увѣрялъ, что дунгане, занявъ города, перерѣзали даже дѣтей. Пока происходило это, двинулось еще войско изъ Кульджи, силою въ 4 т. человѣкъ, и султанъ, не имѣя извѣстій о посланныхъ прежде отрядахъ, которые должны были, по его расчету, уже возвратиться обратно, отправилъ третій отрядъ на Музартъ. Якубъ-бекъ продолжалъ между тѣмъ вести переговоры съ войсками султана и урумчинскими дунганами и, не теряя времени, укрѣпилъ свои пограничные города.

Не довѣряя клятвамъ Якубъ-бека, и вмѣстѣ съ тѣмъ не смѣя рѣши-

тельно помогать дунганамъ, сберегая войска на случай собственной защиты, султанъ собралъ, какъ говорятъ, новое войско, въ огромномъ числѣ: двѣ трети всего таранчинскаго населенія; онъ собралъ на этотъ разъ всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе, всѣхъ дунганъ, сибо и калмыковъ и всѣхъ почетныхъ людей отъ киргизъ, съ 10 джигитами при каждомъ. Войско это было отправлено около 15-го іюля 1870 года.

Первое войско, отправленное султаномъ, изнуривъ своихъ лошадей и не имѣя продовольствія, двинулось противъ торгоутовъ, и разбивъ 20 ауловъ, захватило много скота и разной добычи. Говорятъ, что на каждыхъ двухъ воиновъ пришлось по одной лошади. Часть добычи, слѣдующая въ казнохранилище султана, въ размѣрѣ $^1/_5$ части, прислана была въ Кульджу. На грабежъ этихъ калмыковъ отправилось войско и въ другой разъ. Отъ разграбленныхъ торгоутовъ пріѣзжали въ Кульджу, къ султану, послы съ выраженіемъ преданности и съ просьбою возвратить ограбленныхъ лошадей. Они привели султану въ подарокъ 100 верблюдовъ; но благопріятнаго для себя отвѣта султана, конечно, не дождались.

Торгоуты кочевали тогда въ плодородной долинѣ Юлдуза и въ горахъ того же названія, лежащихъ на западъ отъ Карашара. Народъ этотъ весьма богатъ скотомъ, но не воинственный. Они дѣлятся на два рода: Бійсе и Быймо, въ которыхъ считается 73 сумуна. Торгоуты имѣли прежде своего особаго хана, подчинявшагося китайскому богдыхану. Ханъ умеръ, и теперь управляетъ торгоутами, за малолѣтствомъ сына, его жена Хатунъ-ханъ (женщина-ханъ). Въ 1868 г. она пріѣзжала къ кульджинскому султану, съ изъявленіемъ преданности, и привела ему въ подарокъ 300 вороныхъ лошадей. Хатунъ-ханъ просила принять ее въ подданство и воспретить киргизамъ грабить торгоутовъ. Султанъ запретилъ дѣлать набѣги на торгоутовъ, но насколько подчиненные султана исполняли его приказанія, мы видѣли изъ предыдущихъ строкъ. Хатунъ-ханъ на этотъ разъ обратилась къ Якубъ-беку, прося защиты, и съ частію своихъ подданныхъ признала надъ собою его власть. Султану это, конечно, не понравилось, и онъ, въ отомщеніе, снова разрѣшилъ своимъ подданнымъ дѣлать набѣги на торгоутовъ и грабить ихъ скотъ, съ тѣмъ, чтобы $^1/_5$ часть приведеннаго скота поступала въ его казнохранилище.

Въ такомъ положеніи находились дѣла кульджинскаго султана, пока наконецъ 8-го августа, еще въ бытность г. Бородина въ Кульджѣ, разнесся слухъ, что послы возвращаются отъ Якубъ-бека, вмѣстѣ съ его посланными. Утромъ, на другой день, г. Бородинъ дѣйствительно встрѣтилъ пословъ на переправѣ чрезъ р. Или. куда выѣхалъ и самъ султанъ встрѣтить дорогихъ гостей.

О Кульджѣ.

I.

Краткій очеркъ политическихъ событій въ Кульджѣ, со времени возстанія мусульманъ противъ китайцевъ.

Для упроченія власти своей въ покоренной Джунгаріи, китайцы еще въ 1764 году основали на р. Или, на мѣстѣ, гдѣ была зимняя резиденція джунгарскихъ хановъ, городъ Хой-Юанъ-Ченъ, извѣстный у насъ и средне-азіятцевъ подъ именемъ Новой Кульджи. Это послѣднее названіе дано потому, что прежде основанія китайской Кульджи существовала старая мусульманская Кульджа, заселенная сартами и пережившая новую. Новый городъ назначенъ былъ резиденціею главнаго управленія всей покоренной Джунгаріи и Восточнаго Туркестана. На мѣсто истребленныхъ джунгаровъ, на удобныя для хлѣбопашества мѣстности въ долинѣ Или было поселено 7 тысячъ семействъ сартовъ изъ Турпана (Учъ) и другихъ городовъ Восточнаго Туркестана; въ наказаніе за возстаніе 1765 года, поселенцы эти записаны были въ казенные землепашцы—*таранчи*, оттуда и идетъ названіе господствующей нынѣ на Или народности. Мусульманскій элементъ былъ сверхъ того нерасчетливо усиленъ китайцами посредствомъ поселенія на Или дунганъ изъ провинціи Гань-су, которая считалась въ то время весьма преданною китайской власти. Для скорѣйшаго заселенія страны, китайцы сдѣлали Или также постояннымъ мѣстомъ для ссылки каторжныхъ (чимпановъ). Правительственный элементъ представлялся военными поселеніями монгольскихъ племенъ — сибо, солоновъ и дауровъ, переселенныхъ изъ Дауріи. Послѣднія два племени поселены были на правомъ берегу Или, внизъ отъ Кульджи, а сибо на лѣвомъ берегу той же рѣки, тѣ и другіе въ перемежку съ деревнями (кентами) таранчей. Въ городахъ, кромѣ таранчей, дунганъ и сартовъ (торговцевъ и ремесленниковъ) жили китайцы, а въ крѣпостяхъ (Кульджа и Баяндай) находились постоянные гарнизоны изъ манджуръ, китайцевъ и военно-поселенцевъ (ханбиновъ).

По численности своей, китайцы составляли меньшинство населенія Илійскаго края (гарнизоны Кульджи, Чугучака и Ваяндая вообще были невелики, отъ 1 до 3 тыс. человѣкъ) и потому, какъ только мятежъ дунганъ въ Шань-си и Гань-су (1862 года) и затѣмъ въ Урумчи (1863 г.) прервалъ сообщеніе Илійской провинціи съ внутреннимъ Китаемъ, мусульманское населеніе, подстрекаемое дунганами и ненавидящее китайцевъ, въ 1864 году возстало поголовно. Верховья Или, заселенныя преимущественно таранчами и частію дунганами, сразу очутились въ рукахъ инсургентовъ. Въ сентябрѣ 1864 года мятежники напали на самую Кульджу, гдѣ китайцы, отразивъ нѣсколько разъ мусульманъ, заперлись наконецъ въ крѣпости, оставивъ городъ, разрушенный самими ими и осаждающими. Получая продовольствіе изъ солонскихъ кентовъ, находящихся между Кульджею и границею, на правомъ берегу р. Или, и напрягая послѣднія силы, китайцы продержались въ кульджинской цитадели до марта 1866 года, тщетно ожидая помощи отъ своего правительства. 3-го марта *) кульджинская крѣпость была взята мусульманами и вслѣдъ затѣмъ побѣдители обратились на державшихъ сторону манджуровъ военно-поселянъ солоновъ. Деревни этихъ послѣднихъ въ маѣ 1866 года и въ январѣ 1867 года были разграблены и жители вынуждены бѣжать на русскую территорію, подъ защиту Борохудзирскаго отряда, гдѣ и основали небольшое поселеніе. Другое племя военно-поселянъ сибо, въ числѣ 8 сумуновъ (полковъ) обитавшее на лѣвомъ берегу Или, признало заблаговременно власть побѣдителей и потому осталось не истребленнымъ. Калмыки олотскаго племени, кочевавшіе на Текесѣ, еще въ 1865 году, за помощь китайцамъ, были разбиты и ограблены инсургентами, при участіи киргизъ и спаслись также на нашу территорію (до 2 т. юртъ).

Опустѣвшая послѣ бѣгства или истребленія солоновъ и калмыковъ территорія была занята киргизами разныхъ родовъ большой и дикокаменной орды, бѣжавшими изъ нашихъ предѣловъ въ 1864 и 1865 годахъ къ инсургентамъ, будучи привлекаемы желаніемъ помочь имъ въ борьбѣ съ невѣрными, а больше всего надеждою на поживу, при ограбленіи китайцевъ и калмыковъ.

Организація мятежниковъ и политическія событія въ Кульджѣ послѣ паденія китайской власти весьма мало извѣстны; но изъ отрывочныхъ извѣстій въ оффиціальныхъ источникахъ, изъ показаній торговцевъ и путешественниковъ, особенно изъ отчета переводчика г. Бородина, ѣздив-

---

*) По донесенію Алатавскаго окружнаго начальника; по свѣдѣніямъ же консула Павлинова (отъ китайцевъ) Кульджа взята 23-го февраля.

шаго въ Кульджу въ авгутѣ мѣсяцѣ 1870 году, можно извлечь слѣдующія, болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія:

Начало возстанія положили дунгане, обитавшіе въ деревняхъ и городахъ около китайской Кульджи, въ самой Кульджѣ, Баяндаиѣ, Суйдунѣ, Луцугунѣ и прочихъ мелкихъ городкахъ правой стороны р. Или. Какъ въ Урумчи, такъ и во внутреннемъ Китаѣ, предводителями дунганъ были духовныя лица, поддерживавшія и разжигавшія въ народѣ религіозный фанатизмъ, который былъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ возстанія. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ урумчинскими дунганами, кульджинскіе дунгане, а съ ними и таранчи, игравшіе первоначально второстепенную роль, въ первое время инсуррекціи признавали себя подчиненными урумчинскому хазрету (высшее духовное лицо, обладающее и верховною властію). Предводителемъ дунганъ въ Илійскомъ краѣ въ началѣ возстанія былъ Ягуръ-ахунъ, почетное духовное лицо въ новой Кульджѣ; рядомъ съ нимъ постоянно встрѣчается, съ титуломъ султана, имя Мазамъ или Махзаметъ-хана, бывшаго до возстанія начальникомъ мусульманскаго населенія на Или, въ качествѣ акыма. Ближайшими побудительными причинами возстанія на Или были усилившіяся въ 60-хъ годахъ притѣсненія народа китайскими властями, которыя, не получая изъ Пекина денегъ на жалованье войскамъ и чиновничеству, со времени возстанія тайпинговъ и войны съ англо-французами, вынуждены были, для удовлетворенія потребностей мѣстной администраціи и войскъ, отягощать и безъ того обремененный народъ новыми налогами. Взяточничество и хищничество манджурскихъ голдаевъ и чиновниковъ, и прежде раззорявшее народъ, усилилось въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ до крайности, ибо, не получая отъ своего правительства жалованья, они поневолѣ должны были выжимать изъ народа средства для своего существованія. Подозрительность китайцевъ, со времени возстаній во внутреннемъ Китаѣ и въ Урумчи, также усилилась и вела къ крайнимъ и стѣснительнымъ мѣрамъ, которыя оттолкнули отъ правительства самыхъ преданныхъ ему дотолѣ мусульманъ. Такъ Мазамъ-ханъ, который, какъ и предки его, отличался преданностію правительству, по распоряженію дзянь-дзюня, вслѣдствіе неосновательнаго подозрѣнія, былъ заключенъ, за полгода до возстанія, въ тюрьму. Думая устрашить мусульманъ жестокими наказаніями, китайцы, подъ ничтожными предлогами, казнили десятками самыхъ почетныхъ мусульманъ. Неудавшаяся въ 1862 году попытка возстанія кульджинскихъ мусульманъ, также повела къ многочисленнымъ казнямъ, окончательно ожесточившимъ народъ.

Слухи объ успѣхѣ возстанія въ Урумчи и посылка оттуда дунганскаго отряда, не дошедшаго, впрочемъ, до Кульджи, подали сигналъ къ

возстанію и на Или. Возстаніе произошло по сдѣланному заранѣе, тайному между вождями мусульманъ условію, въ сентябрѣ 1864 г., одновременно во всѣхъ городахъ Илійской долины. Предводителемъ мятежниковъ въ Новой Кульджѣ былъ Абдрасулъ-эмиръ, начальникъ мусульманскаго населенія этого города. Мазамъ-ханъ, выпущенный изъ тюрьмы въ разгаръ возстанія и взявшійся усмирить мятежъ, обманулъ китайцевъ и присоединился къ инсургентамъ, занявъ мѣсто во главѣ ихъ, причемъ Абдрасулъ-эмиръ, по его проискамъ, былъ убитъ.

Въ 1865 г. лѣтомъ самъ Мазамъ-ханъ, по взятіи Баяндая, направившись къ Куре, былъ вѣроломно, въ ночное время, умерщвленъ въ своей палаткѣ и среди своего войска, анджанцемъ Почи *). Авантюристъ этотъ хотѣлъ овладѣть властью при помощи нѣсколькихъ сотъ таранчей и илійскихъ сартовъ, склоненныхъ имъ на свою сторону; но онъ пережилъ Мазамъ-хана только пятью или шестью днями, ибо былъ убитъ, по словамъ однихъ, родственниками Мазамъ-хана, а по другимъ разсказамъ — своимъ сообщникомъ, таранчей Ахметъ-ханомъ. Послѣдній также недолго пользовался властью и былъ замѣщенъ таранчей Мальчжетъ-ахуномъ. При немъ была взята цитадель китайской Кульджи. Но власть этого ахуна была не прочна; въ 1866 году онъ былъ схваченъ Аля-ханомъ, послѣднимъ кульджинскимъ султаномъ, и брошенъ въ зашитомъ мѣшкѣ въ р. Или. Султанъ Аля-ханъ или Абиль-Огля, родомъ таранча изъ старой Кульджи, былъ вліятельнымъ человѣкомъ до возстанія, занималъ видное мѣсто при Мазамъ-ханѣ и по смерти его составилъ себѣ сильную и многочисленную партію, при помощи которой и захватилъ въ свои руки власть надъ таранчами.

Пока общая опасность со стороны китайцевъ заставляла мусульманскія народности на Или сражаться вмѣстѣ противъ врага, предводители таранчей и дунганъ дѣйствовали согласно, признавая зависимость Илійскаго края отъ Урумчи, откуда инсургенты получали одобреніе и помощь всякаго рода; но это согласіе дунганъ съ таранчами не долго пережило окончательное истребленіе китайцевъ. Въ 1867 году вражда между этими народами за преобладаніе на Или повела къ ожесточенной между ними борьбѣ, окончившейся торжествомъ таранчей. Дунгане, собравши всѣ свои силы, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1867 года были разбиты на голову въ $1^1/_2$ верстахъ отъ старой Кульджи Аля-ханомъ, причемъ убитъ былъ и пред-

*) Такъ называютъ эту личность таранчи; у сартовъ же онъ извѣстенъ подъ именемъ Парчи-ходжи; это прозвище онъ получилъ за умѣнье дѣлать деревянныя пушки, изъ которыхъ стрѣлять было нельзя, но таранчей такія познанія въ артиллеріи по-

водитель ихъ Ягуръ-ахунъ. Одинъ изъ наиболѣе почетныхъ дунганъ, по имени Хи-ва-за, въ началѣ мая съ женою и семью дунганами бѣжалъ тогда въ нашъ Борохудзирскій отрядъ, откуда отпущенъ въ Урумчи. Побѣжденные дунгане обратились за помощію къ своимъ соплеменникамъ въ Урумчи. Пришедшее изъ Урумчи въ іюнѣ мѣсяцѣ войско (около 2 т. человѣкъ) также было разбито Аля-ханомъ близь Баяндая и вынуждено спасаться бѣгствомъ, потерпѣвъ большія потери.

Съ того времени первенство таранчей окончательно восторжествовало на Или и дунгане вынуждены, наравнѣ съ сибо, державшими во время междоусобія сторону таранчей, киргизами и калмыками признавать власть таранчинскаго султана. Калмыки, кочующіе въ верховяхъ Илійской долины, въ горахъ, пытались было уклониться отъ подчиненія таранчамъ, опираясь на торгоутовъ; но послѣдніе не дали имъ никакой помощи, и потому, потерпѣвъ нѣсколько чебаровъ (грабежей) отъ таранчей, илійскіе калмыки признали съ 1866 года власть таранчинскаго султана.

II.

Населеніе Илійскаго края и его промышленность.

По численности своей, таранчи составляютъ главную народность Кульджинскаго края. Ихъ считалось 2 тюменя, т. е. 20,000 дворовъ или семействъ (тюмень—10,000). Исчисленіе это относится еще ко временамъ китайцевъ, а такъ какъ населеніе Илійскаго края во время возстанія и послѣдовавшихъ смутъ сильно уменьшилось, то въ настоящее время число дворовъ значительно меньше и потому таранчинское населеніе не превышаетъ 38,200 душъ обоего пола. Консулъ Павлиновъ въ одной запискѣ своей, писанной въ 1867 году, опредѣляетъ численность таранчей въ 120,000 душъ; но такъ какъ свѣдѣнія о Кульджѣ почерпались имъ преимущественно отъ китайцевъ, имѣвшихъ въ виду свои особыя цѣли, то оцѣнка его ошибочна *).

Второе мѣсто послѣ таранчей занимаютъ дунгане, которыхъ считается до 5,130 душъ; прежде ихъ было 1 тюмень семей, но смуты вдвое и втрое уменьшили дунганское населеніе.

Какъ таранчи, такъ и дунгане живутъ осѣдло въ городахъ и деревняхъ, будучи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣшаны другъ съ другомъ. Главное таранчинское населеніе — городъ старая Кульджа; затѣмъ таранчи же занимаютъ деревни на востокъ отъ Кульджи (деревень этихъ

*) Подробныя свѣдѣнія о численности таранчей и другихъ народностей Кульджинскаго края помѣщены въ 1-мъ выпускѣ «Ежегодника».

считаютъ до 80), Янгишаръ—первый изъ кентовъ, принадлежавшихъ сибо, изъ котораго таранчи ихъ изгнали, рядъ деревень (до 17) у почвы горъ, идущихъ по лѣвому берегу р. Или, отъ нашей границы до Кульджи (названія этихъ деревень, начиная отъ Янгишара внизъ по Или: Сары-Бугучинъ, Мазаръ-Ходжа, Янгыстай, Кайнакъ, два Дулаты, Малый и Большой Бура, Ханохой, Кольджатъ, Ачаноха, пограничная деревня Кетмень) и пограничный городъ Дубунъ. Дунгане живутъ въ гг. Суйдюнѣ, Чинь-ча-хо-дзинѣ, Тарджи, Лууцугунѣ, и Кургашѣ (Мазаръ), и въ бывшей китайской Кульджѣ.

Происходя отъ переселенцевъ изъ Восточнаго Туркестана, таранчи говорятъ языкомъ, одинаковымъ съ кашгарскими сартами; нарѣчіе ихъ значительно отличается отъ языка киргизъ и коканскихъ сартовъ и подходитъ близко къ нарѣчію кара-киргизъ. Обычаи и образъ жизни сходны съ сартовскими. Дунгане говорятъ на китайскомъ языкѣ и сохраняютъ китайскіе обычаи, одежду, дома и образъ жизни, но не носятъ нынѣ косъ, вслѣдствіе запрещенія со стороны таранчей, тогда какъ дунгане въ Урумчи и инсургенты во внутреннемъ и южномъ Китаѣ сохраняютъ съ китайскими обычаями и ношеніе косъ. Оба народа ревностные мусульмане. Таранчи и дунгане низки ростомъ, какъ кашгарскіе сарты, но плотно сложены.

Кромѣ таранчей и дунганъ, къ осѣдлому населенію принадлежатъ сибо, китайскіе военно-поселенцы монгольскаго племени, обитающіе въ 7-ми городкахъ или кентахъ на лѣвомъ берегу р. Или; ихъ считается 15,448 душъ. Сибо исповѣдуютъ ламайскую вѣру. Это народъ весьма трудолюбивый, но деморализованный китайскою властію и столѣтнимъ привиллегированнымъ положеніемъ въ Илійской долинѣ. Трусость этихъ военно-поселенцевъ неимовѣрна: появленіе одного таранчи или дунганина приводило во время возстанія въ смертельный страхъ цѣлый городъ сибо или солоновъ; десятокъ инсургентовъ истреблялъ цѣлыя сотни военно-поселенцевъ, грабилъ, разрушалъ цѣлое селеніе. Сибо заблаговременно покорились таранчамъ, постоянно держали ихъ сторону и потому не истреблены, подобно солонамъ. Они сильно угнетаются таранчами, обременены всякаго рода повинностями и работами. Ненависть ихъ къ угнетателямъ весьма понятна, но недостатокъ мужества и числительный перевѣсъ таранчей заставляютъ ихъ не только оставить до времени мысль о возстаніи, но даже отказаться отъ намѣренія бѣжать въ русскіе предѣлы, по примѣру солоновъ.

Китайцы считали всѣхъ военно-поселенцевъ: солоновъ, дауръ и сибо до 10 т. душъ (консулъ Павлиновъ). Изъ нихъ бѣжало въ наши предѣлы солоновъ и дауровъ около 4 т. душъ.

Кочевое населеніе края составляютъ киргизы и калмыки.

Киргизы кульджинскіе до возстанія были частію китайскими, частію нашими подданными. Всѣ почти роды нашихъ киргизъ имѣютъ въ Кульджѣ своихъ представителей, бѣжавшихъ отъ насъ или въ 1863 году, когда во время вооруженныхъ столкновеній они приняли сторону манджуровъ, или укочевавшихъ уже во время возстанія противъ китайцевъ. Какъ велико число укочевавшихъ изъ нашихъ предѣловъ, можно видѣть изъ того, что по неполнымъ, оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1865 — 1866 годахъ бѣжали изъ Алатавскаго округа 841 кибитка (донесеніе начальника округа отъ 6-го мая 1866 года за № 323). Часть бѣжавшихъ (именно Саурукъ, рода Сегизъ-сары, Малбай и султанъ Дуль-али, братъ извѣстнаго султана Тезека) были захвачены полковникомъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Полторацкимъ и возвращены въ 1867 году. Изъ оставшихся въ кульджинскихъ предѣлахъ наибольшимъ вліяніемъ и извѣстностію пользуются бій Джантень (рода Атбанъ-Бузумъ, при немъ до 500 родовичей), бій Устемиръ и Испиръ—сынъ Батчи, умершаго въ 1869 году (рода Суванъ-Кануръ-беркъ, 800 юртъ), бій Косабулатъ (рода Атбанъ Сегизъ-сары, 1,000 юртъ), бій Алике (рода Атбанъ Альджанъ, 200 юртъ) кара-киргизъ Сабатаръ-мулла, предводитель бѣглыхъ нашихъ богинцевъ, отчаянный барантачъ. Всего киргизъ, бывшихъ нашими подданными, можно считать въ кульджинскихъ предѣлахъ до 3 т. кибитокъ, а съ прибавленіемъ кызаевъ (до 2,200 кибитокъ) и небывшихъ нашими подданными киргизъ, а также прикочевавшихъ въ августѣ мѣсяцѣ настоящаго года изъ подъ Манаса байджигитовъ, туртугуловъ и проч., общее число киргизъ въ Кульджѣ опредѣлено въ 5,500 кибитокъ, т. е. въ 22,340 душъ. Кызаи кочуютъ на оз. Сайрамъ-норѣ и въ горахъ Барлыкъ; суваны—на правомъ берегу р. Или, а прочіе на лѣвомъ. Послѣ чебара, произведеннаго въ октябрѣ 1869 года подполковникомъ Главацкимъ, въ отмщеніе за угонъ лошадей изъ батареи подполковника Каменскаго, стоящей въ ст. Лепсинской, и послѣ попытокъ кызаевъ поступить въ наше подданство, въ чемъ имъ было отказано, какъ кызаи, такъ и прочіе киргизы вынуждены таранчами кочевать въ ближайшихъ окрестностяхъ Кульджи и въ верховьяхъ Или, вслѣдствіе чего при всемъ обиліи мѣстъ для пастбищъ въ кульджинскомъ раіонѣ, киргизы весьма стѣснены въ кочевкахъ.

Другой кочевой народъ, признававшій власть Кульджи,—калмыки и торгоуты. Они кочуютъ въ горахъ между Кульджею и Манасомъ, (въ горахъ Талки, Арбалъ, Баро-Бургосу) по рѣчкѣ послѣдняго названія и пр., а также къ востоку отъ Кульджи. О числительности ихъ не имѣется вѣрныхъ свѣдѣній. Калмыки или не занимаются хлѣбопашествомъ, или сѣютъ мало хлѣба, судя потому, что въ два послѣднихъ года они много

покупали хлѣба въ Кульджѣ. Калмыки эти составляютъ оставшуюся на земляхъ таранчей часть калмыцкихъ сумуновъ (полковъ), составлявшихъ китайскую иррегулярную кавалерію, приносившую помощь при усмиреніяхъ сартовъ въ Восточномъ Туркестанѣ. При возстаніи же таранчей и дунганъ, потерпѣвъ отъ нихъ нѣсколько пораженій, восточные калмыки оставили китайцевъ на произволъ судьбы и, заботясь о сохраненіи своего скота и семействъ, подчинились побѣдителямъ. Калмыки исповѣдуютъ ламайскую вѣру, и, составляя остатокъ истребленнаго китайцами при помощи киргизъ въ половинѣ XVIII столѣтія джунгарскаго народа, естественно враждебны мусульманамъ вообще и питаютъ племенную непріязнь къ киргизамъ.

У дунганъ и таранчей существовали еще, въ качествѣ рабовъ, остатки китайцевъ изъ купцовъ и чиновниковъ; они встрѣчаются преимущественно въ городахъ, гдѣ занимаются мелкою торговлею и ремеслами. Число ихъ очень незначительно. Есть также плѣнные солоны, дауры и калмыки, употреблявшіеся для работъ своими владѣльцами.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ можно видѣть, что осѣдлаго населенія на Или насчитывается вмѣстѣ съ кочевымъ—всего до 100,000 душъ обоего пола (94,379 душъ).

Такъ какъ промышленная жизнь населенія всякой страны обусловливается въ большей или меньшей степени ея природою, то, переходя къ описанію занятій населенія при-илійскаго края, необходимо сказать нѣсколько словъ о его природѣ. Кульджинскія владѣнія представляютъ собою почти треугольникъ, одна изъ сторонъ котораго образуется Тянь-Шаньскимъ хребтомъ, другая горами Боро-хоро и ихъ продолженіемъ, примыкающимъ къ Тянь-Шаню (хр. Талки, Баро-боргоусу и пр.), а третья, западная сторона составляетъ расширившуюся долину р. Или, при входѣ ея въ наши владѣнія. Изъ восточной, возвышенной вершины этого треугольника, образуемой снѣжными вершинами Тянь-Шаня, вытекаютъ рѣчки (главная изъ нихъ р. Кунгесъ), образующія по своемъ сліяніи и принятіи съ лѣвой стороны р. Текеса, вытекающаго изъ русскихъ земель, многоводную и быструю рѣку Или. Съ обѣихъ сторонъ треугольника, образуемыхъ горами, стремятся въ Или многочисленныя горныя рѣчки и ключи, большая часть которыхъ, особенно тѣ, которыя встрѣчаются ниже Кульджи, не доходятъ до Или, теряясь въ пескахъ или въ камышахъ. Вслѣдствіе этого, прибрежья Или, состоя большею частію изъ топкихъ мѣстъ и камышей, необитаемы; но подножія горъ между рѣкою и хребтами, будучи обильно орошаемы горными рѣками, представляютъ весьма плодородныя и удобныя для хлѣбопашества и садоводства мѣста. Самыя же горы, а также камыши при р. Или, весьма удобны для пастбищъ.

При китайцахъ Илійская долина не имѣла промышленнаго значенія. Даже торговое значеніе Кульджи было сравнительпо ничтожно, ибо главный торговый путь изъ Китая въ Среднюю Азію лежалъ по такъ называемой южной дорогѣ—чрезъ Турфанъ (Куне), на Карашаръ, Аксу, Кашгаръ и Коканъ. Чрезъ Кульджу китайскіе товары и чай шли только въ киргизскую степь и въ послѣдніе годы — въ Россію, хотя русская торговля съ Китаемъ на западной границѣ его и была не особенно значительна. Изъ прекраснаго труда г. Земляницына о русской торговлѣ съ западнымъ Китаемъ чрезъ Семипалатинскъ *) видно, что и наибольшая цифра ввоза была въ 1854 году на 1.393,634 руб. 97½ коп., въ томъ числѣ чаю на 1.272,696 руб. 60 коп.; вывозъ въ томъ же году составлялъ 590,952 р. 36 к., а высшую цифру имѣлъ въ 1853 г.—611,540 р. 50 коп. Послѣ 1858 г., по разрушеніи въ этомъ году 14 августа нашей факторіи въ Чугучакѣ, цифры ввоза и вывоза быстро упали: въ 1856 г. ввозъ 82,918 р. 25 к., вывозъ 54,813 руб. 31 коп.; хотя торговля затѣмъ нѣсколько оживилась, но возстаніе во внутреннемъ Китаѣ (тайпинги) не позволило ей возвыситься выше 328,131 руб. 18 коп. ввоза и 124,247 р 24 к. вывоза въ 1862 г., послѣ чего въ 1865 году, послѣ паденія китайской власти въ Чугучакѣ и Кульджѣ, торговля наша съ западнымъ Китаемъ совсѣмъ прекратилась. Кульджинская торговля всегда подавлялась чугучакской, такъ какъ Чугучакъ лежитъ на кратчайшемъ пути изъ Урумчи—главнаго центра торговли въ западномъ Китаѣ—въ Россію. (По свѣдѣніямъ за 1853 годъ чрезъ чугучакскую факторію вымѣнено нами на 155,320 руб. 22½ к., а чрезъ кульджинскую на 27,074 р. 58¼ к., изъ чего видно, что чугучакская торговля въ 5 разъ превышала кульджинскую). Торговля русскихъ въ Кульджѣ была почти исключительно розничная; покупались по мелочамъ мануфактурные товары для потребностей мѣстнаго населенія. По всѣмъ этимъ причинамъ Кульджа у китайцевъ была только административнымъ и стратегическимъ центромъ западнаго Китая. Плодородіе почвы и военныя соображенія побудили китайское правительство, для упроченія своей власти, устроить въ Илійской долинѣ военныя поселенія изъ солоновъ и сибо, но поселенія эти были чисто земледѣльческія. Промышленность представлялась въ китайской Кульджѣ только торговцами и ремесленниками, необходимыми для административнаго центра, въ которомъ жило много военнаго и гражданскаго чиновничества и гдѣ сосредоточивался весь развратъ многочисленныхъ неспособныхъ и продажныхъ агентовъ манджурскаго правитель-

*) Будетъ помѣщенъ въ 3-мъ выпускѣ «Ежегодника».

ства. Самыя выгодныя и многочисленныя промышленныя заведенія въ китайской Кульджѣ были, по свидѣтельству многихъ путешественниковъ, харчевни и публичные дома.

Возстаніе таранчей и дунганъ прервало всякія торговыя связи Кульджи съ Китаемъ; административное ея значеніе рушилось, а съ нимъ естественно пало всякое промышленное и торговое значеніе Илійской долины. Край этотъ обратился къ указаннымъ природою его обитателямъ занятіямъ: хлѣбопашеству и скотоводству.

Занятія таранчей и дунганъ заключаются исключительно въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Преимущественно сѣютъ пшеницу, рисъ, ячмень, ленъ, клеверъ и изрѣдко просо; изъ огородныхъ овощей разводятся: арбузы, дыни, морковь, рѣдька, лукъ, стручковый перецъ и пр. Выше уже замѣчено, что Илійская долина изобилуетъ водою; множество рѣчекъ и ключей текутъ у подножія горъ; изъ самой р. Или и ея притоковъ выведены огромные арыки; всѣ семь кентовъ сибо расположены на арыкѣ, выведенномъ изъ Или, выше Кульджи. Вслѣдствіе обильной ирригаціи и теплаго климата, урожаи хлѣбовъ весьма хороши.

Земледѣліе и огородничество, больше чѣмъ у таранчей и дунганъ, развито въ кентахъ сибо, которые, кромѣ вышеупомянутыхъ хлѣбныхъ растеній, разводятъ хлопокъ (низкаго сорта, изъ котораго они сами ручнымъ способомъ выдѣлываютъ для себя плохія бумажныя ткани), кунджутъ, табакъ. Садоводство значительно упало послѣ истребленія китайцевъ. Фруктовыя деревья, которыми былъ почти сплошь покрытъ правый берегъ р. Или и окрестности городовъ и солонскихъ кентовъ, сожжены, изрублены или засохли во время войны. Однако же и теперь еще въ странѣ много яблоновыхъ и урюковыхъ деревьевъ. Яблоки и груши, невысокаго сорта, вывозятся въ значительномъ количествѣ въ гг. Вѣрный и Копалъ. Посѣвы хлѣба очень велики и хлѣбъ весьма дешевъ, за неимѣніемъ сбыта. Еще болѣе дешевы они были при самостоятельномъ существованіи Кульджинскаго ханства, т. е. до 1871 года. Переводчикъ Бородинъ разсказываетъ, что на его глазахъ одинъ торговецъ купилъ себѣ за бумажку иголокъ, стоющую 50 коп., пудовъ 11 лучшей пшеничной муки и два мѣшка бѣлаго печенаго хлѣба. По словамъ же торговцевъ, 100 джиновъ ($3^1/_2$ пуда) пшеницы стояли обыкновенно около 20 к. на наши деньги. Пудъ риса стоилъ въ Кульджѣ 30 к., тогда какъ въ Вѣрномъ не бываетъ дешевле 1 р. 50 к. Сбытъ хлѣба ограничивался киргизами кульджинскаго вѣдѣнія, которымъ хлѣбопахатной земли не отведено, а потому они вынуждены были вымѣнивать хлѣбъ на барановъ и калмыками, которые мало пашутъ.

Скотоводство у таранчей, дунганъ и сибо не развито и ограничивается лошадьми и рогатымъ скотомъ для собственнаго потребленія и работъ. Наши торговцы находятъ выгоднымъ вывозить кожи въ сыромъ видѣ изъ Кульджи въ Петропавловскъ. Не имѣя выдѣланныхъ кожъ, таранчи носятъ, вмѣсто сапоговъ, чеботы, прикрѣпляемые къ ступнѣ ногъ ремнями.

Промышленности, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ странѣ нѣтъ никакой, кромѣ необходимѣйшихъ ремеслъ: кузнечнаго, шорнаго, горшечнаго, плотничнаго и проч.. Вослѣдствіе такого положенія промышленности, Кульджа нуждается въ привозѣ извнѣ всѣхъ мануфактурныхъ произведеній, особенно тканей и металлическихъ вещей; но не смотря на то, внѣшняя торговля Кульджи ничтожна, ибо по крайней бѣдности населенія и по отсутствію предметовъ вывоза, кромѣ запрещеннаго къ отпуску изъ предѣловъ ея хлѣба, торговцы не находятъ сбыта значительнаго количества привозныхъ товаровъ. Главные предметы ввоза составляютъ изъ Кашгара: бязи и халаты, изъ Копала и Вѣрнаго: низкихъ сортовъ ситцы, сукна, желѣзныя вещи и изъ Урумчи—чай. Въ обмѣнъ на эти продукты, получаются бараны (особенно въ Кашгарѣ), серебро въ ямбахъ, сырыя кожи, чай, гончарные продукты, яблоки, лисьи шкуры, мерлушки, молодые маральи рога (сбываемые чрезъ Кяхту китайцамъ, которыми употребляются, какъ лекарство отъ истощенія силъ). Торговля внѣшняя находится въ рукахъ кашгарскихъ, коканскихъ и алматинскихъ сартовъ. Въ прежнее время весьма часто впускъ и отпускъ каравановъ задерживались по капризу султана или одного изъ его подчиненныхъ; лучшіе товары отбирались имѣющими власть людьми, въ видѣ подарковъ или за дешевую цѣну. Чиновничество, перенявшее у китайцевъ искуство прижимокъ и взяточничества, отъ малаго до большаго обирало попавшагося ему въ руки торгаша. «Здѣсь намъ, заѣзжимъ, житье худое», писали торговцы сарты изъ Кульджи алматинскимъ сартамъ 5 мая 1868 года; «бухарца Бахивана схватили, били палками и отъ жестокихъ побоевъ онъ умеръ.... Схватили на степи маргаланца Габдулъ-Замиля и одну женщину, неизвѣстно за что, отправили въ судъ (на шаріатъ), который не нашелъ за ними вины; но султанъ, владѣтель здѣшній, опредѣлилъ наказать ихъ палками, что исполнено и они теперь при смерти... Подобныхъ случаевъ здѣсь много. Не смотря на то, что мы, торговцы, кромѣ пошлины, даемъ даже и подарки, но все таки притѣсняютъ насъ: если кто изъ торговцевъ желаетъ предстать предъ начальствующими здѣсь, по какой либо надобности, то слуги ихъ не допускаютъ до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ что либо въ подарокъ»....

Размѣнною мелкою монетою въ Кульджѣ служили китайскіе мѣдные ярмаки, вывозимые и за границу, преимущественно въ Ташкентъ, гдѣ

они употребляются для производства разныхъ красокъ, въ составъ которыхъ входятъ окислы мѣди: яри-мѣдянки и т. п. Серебра китайскаго (ямбъ), а тѣмъ болѣе золота въ Кульджѣ осталось очень мало.

Съ привозныхъ товаровъ взимался въ Кульджѣ зякетъ, одинаковый съ прочими мусульманскими владѣніями Средней Азіи ($2\frac{1}{2}$% стоимости товара или $\frac{1}{40}$ часть натурою). Съ вывозимыхъ товаровъ пошлинъ никакихъ не брали, за исключеніемъ барановъ, которые оплачивались обычнымъ зякетомъ. Изъ русскихъ торговцевъ въ Кульджѣ, со времени взятія китайской Кульджи, не былъ никто, отчасти по недостатку предпріимчивости, отчасти изъ опасенія за свою безопасность. Кульджинскій владѣтель, не отказывая прямо въ допускѣ русскихъ торговцевъ, явно относился къ нимъ недоброжелательно. Въ 1868 году, на письмо богинскаго киргиза Токсабы, спрашивавшаго: пропуститъ ли онъ караванъ купца Хлудова, намѣревавшагося пробраться въ Урумчи, султанъ отвѣтилъ, что караванъ можетъ идти, если желаетъ, но за безопасность его онъ не ручается, потому что народъ еще не совсѣмъ спокоенъ. Въ 1870 году султанъ отклонилъ плаваніе вверхъ по Или къ Кульджѣ нашего судна, также ссылаясь на неудовольствіе народа.

Отсутствіе развитія промышленности и торговли, смуты и обремененіе военною службою и налогами, служили причиною крайней бѣдности всѣхъ племенъ, населяющихъ Кульджу. Не производя сами тканей и не имѣя средствъ пріобрѣтать ихъ путемъ торговли, кульджинцы одѣвались бѣдно и крайне неряшливо. Всѣхъ путешественниковъ поражалъ грязный, унылый видъ этого народа, неумѣющаго пользоваться богатыми дарами природы въ доставшейся его обладанію долинѣ Или, окруженной громадными хребтами, таящими въ себѣ несмѣтныя минеральныя богатства.

III.

Бывшее политическое устройство Кульджи, администрація, внутренняя политика и отношенія къ сосѣдямъ.

Во всѣхъ извѣстныхъ владѣніяхъ, основанныхъ мусульманскими инсургентами въ Китаѣ (Кашгарское, Урумчинское, Кульджинское и Тали— въ южной провинціи Китая, Юнанѣ), верховная власть досталась вліятельнѣшимъ предводителямъ возстанія, опиравшимся на значительную партію въ центрѣ возстанія и поддерживаемымъ духовенствомъ или войсками. Властію своею инсургенты пользовались деспотически, но тиранія ихъ умѣрялась и контролировалась главами духовенства и вліятельнѣйшими людьми мусульманскихъ обществъ, составлявшими государственный совѣтъ, безъ согласія котораго султаны не могли предпринимать ничего важнаго.

Султаномъ въ Кульджѣ съ 1866 г. былъ урожденецъ старой Кульджи, сынъ вліятельнаго таранчи, Аля-ханъ (на оффиціальномъ языкѣ онъ называется султанъ Абиль-Огля). Возвышеніемъ своимъ Аля-ханъ обязанъ близости своей къ Мазамъ-хану, подъ начальствомъ котораго онъ сражался съ китайцами; по смерти Мазамъ-хана, взрослый сынъ котораго былъ убитъ въ одно время съ отцемъ, а младшій остался малолѣтнимъ, Аля-ханъ, какъ ближайшій помощникъ Мазамъ-хана, сдѣлался въ скоромъ времени начальникомъ войскъ мятежниковъ, признавая, впрочемъ, надъ собою первенство Мальчжетъ-ахуна, избраннаго во главѣ народа вмѣсто Мазамъ-хана.

Въ 1866 году, опираясь на войско и сильную партію таранчей, въ главѣ которой стоялъ его родственникъ, почетный уважаемый народомъ таранча Кальпе, Аля-ханъ умертвилъ Мальчжетъ-ахуна и былъ провозглашенъ султаномъ. Удачная война съ кульджинскими дунганами и побѣда надъ пришедшими на помощь имъ урумчинцами, утвердили власть Аля-хана и положили на нѣкоторое премя предѣлъ неурядицѣ въ управленіи Илійскою страною послѣ паденія китайской власти. По свѣдѣніямъ, собраннымъ переводчикомъ Бородинымъ, въ 1867 году являлись два претендента на власть въ Кульджѣ: одинъ таранча, по имени Алямъ-ахунъ-Насыръ, и другой сартъ Ахметъ-джанъ-ходжа, родившійся на Или отъ выходца изъ Анджана; но происки ихъ были открыты и оба они казнены султаномъ Аля-ханомъ.

По общимъ отзывамъ, султанъ Абиль-Огля пользовался любовію народа за доброту, щедрость и справедливость. Не смотря на то, султанъ все время боялся тайныхъ враговъ *), а потому рѣдко ночевалъ дома и уходилъ секретно на ночь къ одному ихъ преданнѣйшихъ друзей. На содержаніе своего двора султанъ бралъ только необходимое, жилъ скромно и помогалъ бѣднымъ своимъ подданнымъ скотомъ и хлѣбомъ. Совѣтъ его составляли четыре свѣтскихъ и три духовныхъ сановника. По смерти старика Кальпе (1869 г.) вліятельнѣйшимъ совѣтникомъ султана сдѣлался старшій сынъ Кальпе, Камберъ-ахунъ. Затѣмъ пользовался большимъ довѣріемъ султана базаръ-беги (сборщикъ пошлинъ — начальникъ торговли) по имени Гаитъ. Фамилія Кальпе, имѣвшаго 5 или 6 братьевъ и нѣсколько сыновей, весьма богата и уважаема народомъ. Самъ султанъ Аля-ханъ приходится Кальпе сроднымъ братомъ. Члены этой фамиліи занимали многія изъ высшихъ должностей.

Первые въ государствѣ свѣтскіе сановники, числомъ четыре, носили

*) Въ январѣ 1871 года былъ также въ Кульджѣ заговоръ на жизнь султана.

званіе *казначи.* Въ послѣднее время эту должность занимали таранчи: Абдрахманъ, Абдулла, Абдулла-гаитъ и Даиръ. Послѣдній начальствовалъ надъ тѣмъ разъѣздомъ таранчей, который, въ числѣ 50 человѣкъ былъ обезоруженъ 30 сентября тянь-шанскимъ отрядомъ. Три старшія духовныя лица именовались: казы-ахунъ, муфтій-ахунъ и сатыбъ-ахунъ. Участвуя во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ совѣтомъ султана, духовные сановники пользовались преимущественнымъ значеніемъ въ дѣлахъ судебныхъ, какъ оффиціальные толкователи шаріата, на основаніи котораго производится судъ и опредѣляются наказанія за преступленія.

Дворомъ султана управлялъ особый сановникъ орда-беги. Эту должность занималъ въ 1869 и 1870 годахъ Касимъ-ахунъ, бывшій въ 1869 году два раза въ Вѣрномъ, въ качествѣ посла отъ султана. Дворъ султана состоялъ, говорятъ, изъ 50 человѣкъ. У султана было четыре жены и воспитывается нѣсколько оставшихся послѣ убитыхъ китайскихъ и манджурскихъ сановниковъ дѣтей, въ томъ числѣ 13-ти лѣтняя дочь дзяньдзюня стараго Чинъ-Цина, смѣненнаго въ 1864 году за допущеніе возстанія дунганъ въ г. Куча и Восточномъ Туркестанѣ; новый же дзяньдзюнь Минь-сю при взятіи инсургентами кульджинской цитадели, взорвался на воздухъ со всѣмъ семействомъ.

Административное управленіе края было различно для каждой народности. Таранчинское населеніе раздѣлялось на участки, изъ которыхъ каждымъ управлялъ одинъ шанъ-беги (начальникъ десяти тысячъ); участки подраздѣлялися на тысячи, сотни и десятки, которыми завѣдывали минъ-беги, мурабъ-беги, джусъ-баши и онъ-баши. Дунганы подчинены были одному таранчинскому шанъ-беги, по имени Зайналъ, но управлялись своими янь-шаями (начальниками городовъ), изъ которыхъ первое мѣсто принадлежало янь-шаю города Суйдунъ, Лю-цуну, державшему во время междуусобій съ дунганами сторону Аля-хана, и за то пользовавшемуся его довѣріемъ. Киргизы подчинены были пяти иль-беги изъ таранчей. Всѣ сибо семи кентовъ имѣли одного начальника изъ таранчей, тюпе-бека, но каждый кентъ или сумунъ управлялся своимъ зянги. Калмыки управлялись своими прежними наслѣдственно-родовыми властями, коимъ китайцы присвоили разные военные чины.

Вообще каждая народность сохраняла вполнѣ свое низшее народное управленіе и судъ. Таранчинскія начальства вѣдали только особенно важныя дѣла и рѣшали споры между людьми разныхъ племенъ. Само собою разумѣется, что національныя низшія власти и суды были настолько самостоятельны и независимы, на сколько это угодно было таранчинскимъ начальникамъ. При таранчинскихъ начальникахъ, управлявшихъ другими

народностями, для обезпеченія покорности подвластныхъ племенъ, или поселены на постоянное жительство по нѣскольку сотъ таранчей, или назначались перемѣнные отряды изъ таранчей. Вражда между племенами, составлявшими Кульджинское султанство, была причиною силы таранчей въ отношеніи къ прочимъ племенамъ Илійскаго края, надъ которыми они взяли верхъ, благодаря своей численности; въ то же время эта вражда была причиною безсилія таранчинскаго государства къ установленію прочнаго порядка внутри своихъ владѣній и на ихъ окраинахъ, что и повело къ занятію страны русскими. Даже расчитывая на содѣйствіе всѣхъ, обитающихъ на Или народностей, Кульджинское владѣніе, имѣющее не свыше 100,000 душъ жителей, представляло собою безсильную даже и въ Средней Азіи политическую единицу и только внутреннія неурядицы въ Урумчи и Кашгарѣ препятствовали до сихъ поръ присоединенію Кульджи къ одному изъ этихъ владѣній, къ слитію съ которыми привлекали ее и племенныя симпатіи значительныхъ частей ея населенія. Кульджинскіе дунгане уже дѣлали, правда, неудавшуюся попытку присоединить Кульджу къ урумчинскимъ владѣніямъ. Съ другой стороны таранчи, единоплеменные съ сартами Восточнаго Туркестана, легко помирились бы съ присоединеніемъ Кульджи къ Кашгару. Заговоръ анджанца Почи знаменателенъ въ этомъ отношеніи, ибо показываетъ, что таранчи легко признаютъ надъ собою власть сартовъ Восточнаго Туркестана.

Находясь въ постоянной опасности отъ своихъ мусульманскихъ сосѣдей, Кульджа на западъ граничила съ могущественной Россіей, въ предѣлы которой входитъ Илійская долина. Въ случаѣ войны съ Россіей, Кульджа была беззащитна, ибо русскія войска стояли въ такихъ пунктахъ (Борохудзиръ и верховья Текеса, 200 или 150 верстъ), откуда въ два—три дня можно было достигнуть центра султанства. Таранчи, сознавая свою зависимость отъ добрыхъ отношеній съ Россіей, естественно должны были избѣгать всякихъ поводовъ навлечь на себя непріязнь этой державы.

Послѣдній властитель Кульджи, судя по многимъ даннымъ, отчасти сознавалъ свое положеніе. Усилія его постоянно направлялись, по его словамъ переводчику Бородину, къ установленію прочнаго порядка въ странѣ, взволнованной борьбою съ китайцами и внутренними раздорами. Въ отношеніяхъ къ мусульманскимъ сосѣдямъ: Урумчи и Кашгару, пользуясь естественными препятствіями къ сообщеніямъ съ ними и столкновеніямъ (отъ Урумчи Кульджа отдѣлена безлюднымъ пространствомъ между Манасомъ и Тарджи, а отъ Кашгара — хребтомъ Мустагъ, имѣющимъ единственный, сколько извѣстно, и весьма трудный проходъ Музартъ), кульджинскій султанъ держался осторожной, миролюбивой политики, не принявъ участія

въ происходящей между ними войнѣ. Ту же систему дѣйствій желалъ бы Аля-ханъ (если вѣрить его рѣчамъ и письмамъ) соблюдать въ отношеніи къ Россіи; но многія обстоятельства заставляли насъ видѣть въ Кульджѣ безпокойнаго и непріязненнаго сосѣда. Непріязнь эта проявлялась въ нежеланіи кульджинскаго правительства завести правильную съ нами торговлю и главнымъ образомъ — въ допущеніи кульджинскихъ киргизъ производить въ нашихъ владѣніяхъ постоянные грабежи, нарушающіе спокойствіе во всемъ пограничномъ пространствѣ и даже на главномъ почтовомъ пути сообщенія Туркестанскаго генералъ-губернаторства съ Сибирью *), а также пріемъ въ свои владѣнія нашихъ бѣглыхъ киргизъ, чѣмъ подрывалась наша власть надъ пограничными родами и поддерживалось постоянное между ними волненіе. Ярые фанатики еще въ 1869 году подстрекали народъ и султана напасть на Борохудзирскій отрядъ, въ отмщеніе за движеніе наше къ р. Кургаши и наказаніе кочевавшихъ тамъ киргизъ, производившихъ баранты и угнавшихъ даже нашихъ артиллерійскихъ лошадей; но султанъ рѣшительно воспротивился тогда воинственнымъ порывамъ своихъ подчиненныхъ. «Вотъ этотъ человѣкъ», — говорилъ султанъ переводчику Бородину, указывая на стоявшаго въ той же комнатѣ дунганскаго яншая Лю-цуна, высокаго, здороваго мужчину въ китайскихъ очкахъ,—«просилъ дозволенія напасть на отрядъ, но я этого не дозволилъ: я не хочу ссориться».... «Мы едва только успокоились отъ борьбы съ кафирами» (китайцами), говорилъ также султанъ г. Бородину, оправдываясь за баранты и грабежи своихъ киргизъ въ нашихъ предѣлахъ,— «и не успѣли еще установиться въ должномъ порядкѣ; не смотря на это, я не допущу моихъ людей дѣлать беззаконные поступки», т. е. грабежи. Къ сожалѣнію, благоразумныя слова султана остались безъ послѣдствій, ибо онъ былъ безсиленъ обуздать своихъ подданныхъ, весьма часто поступавшихъ даже и вопреки его воли.

IV.

Финансовыя и военныя средства Кульджи.

Кульджинскія должностныя лица содержаніе получали отъ своихъ подчиненныхъ натурою и въ размѣрѣ его не было большой опредѣленности, что и служило къ обремененію народа, особенно сибо.

Государственные доходы составлялись: а) изъ зякета, взимаемаго съ привозныхъ товаровъ и съ угоняемыхъ за границу барановъ, б) изъ по-

---

* Разбойничье нападеніе на маіора Здоренко въ 1870 году.

дати съ хлѣбопашества, въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части урожая всѣхъ хлѣбныхъ растеній, и в) изъ налога на скотъ кочевниковъ, именно на барановъ, съ которыхъ ежегодно взималось въ казну $^1/_{40}$ часть. Лошади и верблюды отъ налога были освобождены, ибо кочевники обязаны отправлять на лошадяхъ военную службу и поставлять верблюдовъ подъ свозъ тяжестей въ войско.

Собранный въ подать скотъ шелъ на содержаніе султана, должностныхъ лицъ и войска, а хлѣбъ — частію сохранялся въ складахъ, частію получалъ одинаковое съ скотомъ назначеніе.

Часть ограбленнаго у китайцевъ и манджуръ имущества: золота, серебра, дорогихъ матерій и проч., сохраненная въ пользу государства, хранилась въ Кульджѣ, при большой мечети, въ особо устроенномъ складѣ. Складъ этотъ и находящіеся въ другихъ мѣстахъ магазины съ казеннымъ хлѣбомъ, матеріями и вещами носилъ званіе *ханія*. Въ этихъ же складахъ хранилось казенное оружіе — китайскія мѣдныя пушки, ружья, стрѣлы, пики и сабли, отнятыя у китайцевъ. Въ Кульджѣ находилась казенная мастерская, гдѣ дѣлалось новое оружіе и порохъ.

Завѣдываніе *ханія* принадлежало одному изъ четырехъ казначи — Абдуллѣ. Для охраненія кульджинскаго склада при мечети и двора султана — состоялъ постоянный отрядъ въ 500 джигитовъ, называемыхъ *каска*.

Кромѣ этого придворнаго войска, таранчинское правительство содержало нѣсколько отрядовъ, силою отъ 100 до 200 воиновъ на пограничныхъ пунктахъ: на Кургашѣ (противъ Борохудзирскаго отряда), на уроч. Мѣдный заводъ (въ долинѣ Текеса противъ Тянь-Шанскаго отряда, стоявшаго съ сентября мѣсяца 1870 года на Музартѣ), въ проходѣ Талки (противъ урумчинскихъ дунганъ), а также въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ подвластными племенами: сибо, дунганами, киргизами и калмыками. Такимъ образомъ цифра наличнаго войска была не менѣе 2,000 человѣкъ. Такъ какъ занятіе всѣхъ вышеупомянутыхъ постовъ необходимо было всегда, то, въ случаѣ опасности извнѣ или внутри страны, собиралось народное ополченіе. Какъ обыкновенные отряды, такъ и ополченіе, собирались со всѣхъ племенъ, обитающихъ въ странѣ, сообразно ихъ численности. Воины обязаны были являться на своихъ лошадяхъ съ собственнымъ провіантомъ и оружіемъ. Только въ случаѣ продолжительнаго и отдаленнаго похода, войска получали продовольствіе изъ *ханія*. Въ постоянные отряды и посты воины высылались на опредѣленное время (на 15-ть дней), по истеченіи котораго смѣнялись другими. Чтобы избѣгнуть этихъ смѣнъ и облегчить содержаніе войска, таранчинское правительство поселяло воиновъ съ семействами въ угрожаемыхъ пунктахъ, при чемъ

они теряли право на содержаніе отъ казны. Такъ на Кургашѣ (Мазаръ), гдѣ Борохудзирскій отрядъ въ октябрѣ 1869 года нашелъ только нѣсколько десятковъ домовъ, послѣ того поселено было до 200 семей, всѣ мужчины которыхъ обязаны были военною службою.

Судя по численности кульджинскаго населенія, осѣдлаго и кочеваго, оно могло выставлять при поголовномъ ополченіи до 10 т. воиновъ. Цифра эта можетъ даже считаться слишкомъ высокою, потому что въ августѣ мѣсяцѣ 1870 года, когда таранчи выставили къ Манасу, по случаю войны Якубъ-бека съ дунганами, отрядъ въ 1,200 человѣкъ, переводчикъ Бородинъ во всѣхъ встрѣчавшихся ему на пути городкахъ и деревняхъ видѣлъ весьма мало взрослыхъ мужчинъ Встрѣчавшіеся же ему жители были или старики, или малолѣтки, или люди увѣчные: слѣпые, хромые и т. п.

Опасаясь измѣны подвластныхъ племенъ, таранчинское правительство всѣ отряды своихъ войскъ составляло изъ воиновъ разныхъ племенъ. Начальниками отдѣльныхъ отрядовъ назначались всегда таранчи. Вооруженіе воиновъ было различно, смотря по племени, но всѣ служили на лошадяхъ. Таранчи и дунгане вооружены были пиками и саблями и немногіе изъ нихъ имѣли фитильныя ружья. Сибо и калмыки вооружены были луками и стрѣлами, киргизы—пиками и айбалтами.

Подвластныя таранчамъ племена несли военную службу по принужденію. Наибольшею ненавистью къ таранчамъ отличались сибо, которые вслѣдствіе того уже нѣсколько разъ подвергались опасности быть вырѣзанными поголовно. Они обременены были до крайности всякими натуральными повинностями и употреблялись на всѣ крѣпостныя работы. Переводчикъ Бородинъ видѣлъ сибо, окончивавшихъ постройку городской стѣны въ Кульджѣ *).

Въ 1868 году сибо, по достовѣрнымъ слухамъ, послали къ русскимъ письменную просьбу о дозволеніи имъ выселиться въ русскіе предѣлы и о высылкѣ для защиты ихъ отряда; но это письмо попалось въ руки таранчей и главные участники въ его посылкѣ поплатились жизнію. Начальникъ солоновъ, бѣжавшихъ въ наши предѣлы съ праваго берега р. Или, и проживающихъ въ числѣ до 1 т. душъ при Борохудзирскомъ отрядѣ, ильгидай Чирча въ 1869 году, домогаясь похода противъ таранчей, обѣщалъ содѣйствіе всѣхъ сибо и калмыковъ. Въ 1870 году весною сильно распространился слухъ о поголовномъ истребленіи всѣхъ сибо та-

---

*) Къ натуральнымъ повинностямъ сибо между прочимъ относилася поставка въ Кульджу каменнаго угля изъ копей, находящихся вблизи разрушеннаго г. Баяндая.

ранчами, и хотя слухъ этотъ потомъ оказался ложнымъ, но та легкость, съ которою ему повѣрили, показываетъ сколь натянуты были отношенія между таранчами и сибо.

Удобныхъ путей изъ Семирѣченской области въ Кульджу существуетъ четыре: 1) изъ Борохудзира чрезъ разрушенный городъ Хоргосъ на Мазаръ, Суйдюнъ и Кульджу, по правому берегу р. Или, 2) отъ пикета Чунджи чрезъ г. Дубунъ и кенты сибо въ Кульджу, 3) отъ р. Чалкады-су чрезъ проходъ Кетмень и таранчинскіе кенты къ Кульджу и 4) отъ Музарта долиною р. Текеса въ Кульджу.

Протяженіе всѣхъ четырехъ путей почти одинаково: около 200 верстъ.

По всѣмъ четыремъ путямъ ходятъ караваны; воды и подножнаго корма вездѣ достаточно. По двумъ первымъ путямъ ходятъ безъ всякихъ затрудненій телѣжные обозы.

Кульджа расположена на правомъ берегу р. Или, верстахъ въ трехъ отъ рѣки и пользуется водою изъ арыка, проведеннаго изъ р. Кашъ, и изъ ключей Кара-су. Весь городъ обнесенъ глиняною стѣною, въ видѣ правильнаго прямоугольника, одна сторона котораго равняется 350 саж., а другая 250 саж. Вышина стѣны до $3^1/_2$ саженъ, толщина до $2^1/_2$ саж. Съ каждой стороны города по однимъ воротамъ, защищеннымъ полукруглой предъ ними стѣной.

Рва передъ стѣною нѣтъ, какъ не имѣется его и въ дунганскихъ городахъ. Непосредственно къ городу примыкаютъ окружающіе его сады и лѣтніе дома, простирающіеся версты на полторы въ каждую сторону.

Самъ султанъ, его стража, главная мечеть и главный базаръ помѣщаются въ особомъ, внутри города находящемся, кварталѣ, обнесенномъ стѣною и составляющемъ такимъ образомъ цитадель крѣпости. Постройки въ Кульджѣ весьма тѣсны и, какъ во всѣхъ средне-азіатскихъ городахъ, составляютъ собою лабиринтъ глиняныхъ мазанокъ съ весьма узкими, грязными и кривыми улицами. Дома всѣ выходятъ одними дверями на улицу, другими во внутренній дворъ. На главныхъ улицахъ дома есть въ тоже время и лавки, харчевни, мастерскія и проч. Въ числѣ торговцевъ и ремесленниковъ есть не мало китайцевъ.

Весьма важная невыгода Кульджи при защитѣ отъ врага, обладающаго европейскою артиллеріею, заключалась въ близости къ городу съ восточной стороны горной возвышенности, отстоящей на ружейный выстрѣлъ отъ городской стѣны. Поставленная на эту возвышенность батарея, въ короткое время могла предать беззащитный отъ нея городъ въ руки осаждающихъ. На востокъ отъ Кульджи находятся только деревни таранчей, а укрѣпленныхъ пунктовъ нѣтъ и не было.

На лѣвомъ берегу р. Или, по дорогѣ отъ Чунджи или Чарына на Кульджу находится заселенный таранчами городокъ Дубунъ, за нимъ семь городковъ сибо и наконецъ городокъ Янгисаръ, занятый таранчами. Всѣ эти девять городковъ обнесены глиняными толстыми стѣнами и вмѣщаютъ въ себѣ отъ 100 до 200 домовъ каждый.

По дорогѣ отъ таранчинскаго кента Кетменя на Кульджу находится до 16-ти деревень, обитаемыхъ таранчами. Въ каждой деревнѣ отъ 100 до 200 дворовъ. Укрѣпленій эти деревни не имѣютъ *).

Н. А—въ.

Г. Вѣрный.

---

*) Свѣдѣнія, изложенныя въ настоящей статьѣ, относятся къ 1871 году и напечатаны были въ «Турк. Вѣд.» еще въ то время, когда Кульджа не была занята русскими войсками. Мы помѣстили ихъ въ „Ежегодникѣ“ потому, что свѣдѣнія эти, хотя и неполныя, не противорѣчатъ истинѣ. Въ III выпускѣ „Ежегодника“ напечатаны будутъ подробныя данныя о Кульджинскомъ краѣ.

Замѣтка

о кульджинскихъ каменноугольныхъ копяхъ въ окрестностяхъ укр. Баяндая.

Въ разстояніи 10-ти верстъ отъ укр. Баяндай съ сѣверо-западной стороны, въ горахъ Гангули, находятся залежи каменнаго угля, разработываемыя на пространствѣ, шириною отъ 1 до 2 верстъ, длиною отъ 2 до 4 верстъ; пласты каменнаго угля лежатъ на глубинѣ отъ 28 до 100 арш., причемъ замѣчено, что доброкачественность угля пропорціональна глубинѣ его нахожденія и уголь, встрѣчаемый на глубинѣ около 20 аршинъ, большею частію очень мягкій и даже разсыпчатый. Поэтому, занимающіеся промысломъ добыванія угля кызаи и сарты предпочитаютъ разработку копей глубокихъ и уже на 40 арш. встрѣчаемый каменный уголь вполнѣ годенъ, какъ горючій матеріалъ, для варки пищи и отопленія. Залежи угля разработываются по заявленію нынѣшнихъ промышленниковъ уже сотни лѣтъ; во всякомъ случаѣ остались слѣды старинныхъ разработокъ, очень обширныхъ. Нынѣ разработка производится въ 14-ти мѣстахъ *), посредствомъ развѣдочныхъ и вентиляціонныхъ колодцевъ, спусковыхъ ходовъ и галлерей. Въ числѣ означенныхъ 14-ти мѣстъ, въ трехъ разработка временно пріостановлена, вслѣдствіе происшедшихъ подземныхъ пожаровъ угля.

Всѣ эти колодцы закрыты нынѣ землею, глиною и каменьями. Этимъ путемъ мѣстные горные промышленники тушатъ подземные пожары угля, и увѣряютъ, что это средство вполнѣ успѣшное, позволяющее послѣ нѣсколькихъ недѣль возобновлять работу.

Колодцы и спуски, еще не доведенные до глубины каменно-угольнаго пласта, имѣются въ трехъ мѣстахъ изъ числа упомянутыхъ 14 копей; остальныя 11, дающія уголь, и разработываемыя уже нѣсколько лѣтъ, работаютъ только въ теченіи пяти мѣсяцевъ, при чемъ 25 — 35 чело-

*) За право производить въ копяхъ выломку угля, кульджинскій султанъ взыскивалъ съ арендаторовъ плату натурою—углемъ.

вѣкъ, выламываютъ въ сутки до 20 арбъ угля. Но происходящіе часто въ работѣ застои, какъ отъ безводія мѣстности, затрудняющіе рабочихъ *), такъ и отъ пожаровъ, влекущихъ за собою необходимость временной остановки въ выломкѣ и добываніи угля, главнымъ образомъ препятствуютъ полученію угля въ годъ въ такомъ количествѣ, какое можно бы ожидать при означенномъ расчетѣ о его полученіи. По этому для кульджинскихъ копей количество угля, добываемаго въ годъ, или вѣрнѣе сказать, въ теченіи 5-ти рабочихъ мѣсяцевъ, колеблется между 500 и 1,000 арбъ, въ 30 пудовъ каждая, какъ заявляютъ мѣстные горные промышленники. Владѣльцы говорятъ, что причина неохотной явки рабочихъ на копи въ остальное время года, а именно: отъ весны до осени, заключается въ возможности болѣе легкихъ заработковъ въ полѣ, въ малыхъ капиталахъ промышленниковъ, не заготовляющихъ запасовъ угля, расходуемаго преимущественно въ теченіи времени отъ половины декабря до половины февраля и въ вредномъ дѣйствіи работы въ копяхъ на здоровье рабочихъ, которые хотя иногда и выдерживаютъ годичную работу въ копяхъ, но большею частію заболѣваютъ по прошествіи 60 или 70 дней. Устройство спусковъ и система освѣщенія копей, о которыхъ упомяну ниже, еще болѣе усугубляютъ неблагопріятныя для рабочихъ гигіеническія условія копей Гангули.

Уголь, получаемый съ копей Гангули, расходится въ большомъ количествѣ въ декабрѣ, январѣ и февралѣ; его развозятъ въ Кульджу, Суйдунъ, Чимпандзи и многія за-илійскія деревни. Уголь гангульскихъ копей сгараетъ довольно скоро, отдѣляетъ довольно сильный жаръ и малое количество горючихъ газовъ. Но образованіе на его поверхности, при горѣніи, большаго количества золы, дѣлаетъ его неудобнымъ для кузнечныхъ работъ, такъ какъ уголь подъ дѣйствіемъ мѣха брызжетъ.

Мѣстность въ горѣ Гангули, гдѣ уголь получается, состоитъ изъ крѣпкой глины, подъ которой лежитъ тонкій слой отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ арш. глинистаго и известковаго сланца; затѣмъ слѣдуетъ слой мягкаго, частію разсыпчатаго каменнаго угля, толщиной въ 1 арш., причемъ въ верхнихъ пластахъ этого слоя видны слѣды органическихъ частей. Подъ пластомъ мягкаго угля расположена масса крѣпкаго, хорошаго каменнаго угля, доходящая до 3 арш. толщиною; эта масса угля лежитъ на пластѣ глинистаго сланца, нигдѣ ни пробитаго, такъ что безъ особыхъ изслѣдованій нельзя рѣшить: не отдѣляетъ ли этотъ сланецъ каменноугольныхъ

*) Ближайшее мѣсто нахожденія воды, Шиди-Шанъ, отстоитъ отъ копей Гангули до 8 верстъ; дорога удобопроходима для арбъ.

напластованій, ниже лежащихъ. Китайцы и сарты, занимающіеся разработкой копей, нигдѣ не пробовали искать нижнихъ ярусовъ угля.

Способъ добыванія угля, употребительный у сартовъ и китайцевъ на Гангули, состоитъ въ томъ, что развѣдочнымъ колодцемъ спускаются до слоя каменнаго угля. Колодецъ этотъ впослѣдствіи служитъ для извлеченія выломаннаго на днѣ его каменнаго угля. Этотъ же колодецъ большею частію замѣняетъ собою и вентиляціонный каналъ, рѣдко отдѣльно встрѣчаемый. Колодецъ имѣетъ въ діаметрѣ $1^1/_2$ арш., и даже иногда доходитъ до глубины 100 аршинъ; онъ оставляется по всей высотѣ безъ деревянной обдѣлки и развѣ только у горизонта земли кладутся два, а иногда одинъ рядъ бревенчатыхъ срубовъ. Работа очень смѣлая, ибо сцѣпленію глинистыхъ частицъ предоставляется устойчивость вертикальной цилиндрической выемки, при глубинѣ до 100 арш. Дойдя колодцемъ до каменноугольнаго слоя, начинаютъ погружаться въ землю наклонными спусками, устья которыхъ располагаются на разстояніи 15—25 арш. отъ колодца. Иногда рытье спусковъ производится одновременно съ рытьемъ колодцевъ. Спуски ведутся подъ угломъ 37^0 и до 42^0. Размѣры ихъ различны. Верхъ и бока спуска, точно также какъ и въ колодцѣ, не обдѣланы нигдѣ деревянною обшивкою и только начало спуска обдѣлано вѣнцомъ бревенчатаго сруба; по наклонному дну расположены черезъ 8 и до 12 вершковъ тонкія, въ $1^1/_2$ вершка, жердевыя ступеньки, для облегченія ходьбы рабочихъ. Нужно замѣтить, что рабочіе привыкли бѣжать по этимъ узкимъ и низкимъ ходамъ съ необыкновенною быстротою. Дорогу по спускамъ они освѣщаютъ лампами, имѣющими видъ плоскихъ чайниковъ, съ длинными шейками. Горючимъ матеріаломъ въ этой лампѣ служитъ постное масло; толстые фитили, изъ шейки выходящіе, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ копоти, распространяютъ по узкимъ ходамъ удушливые газы, вредные для легкихъ. Открытое пламя лампъ главнымъ образомъ и служитъ причиною подземныхъ пожаровъ угля. Въ двухъ, а иногда въ трехъ мѣстахъ спуска дѣлаются площадки для отдыха, до $1^1/_2$ арш. въ ширину и высотою отъ $2^1/_2$ до 3 арш.

Въ направленіи спусковъ никакой правильности не существуетъ; горизонтальная проекція ихъ очень ломана. Это объясняется тѣмъ, что дойдя спускомъ до грунта, въ которомъ неудобно было продолжать работу, по твердости встрѣчаемыхъ камней, поворачивали галлерею въ сторону. Выломавъ соединительный ходъ между дномъ спуска и развѣдочнаго колодца, производятъ ломку каменнаго угля, слѣдуя галлереями, имѣющими высоту, соотвѣтствующую толщинѣ крѣпкаго каменнноугольнаго напластованія, т. е. $2^1/_2$ до 3 аршина, а ширину въ 3—5 аршина. Ломка производится уроками, состоящими въ отдѣленіи отъ общей массы—глыбъ,

высотою и шириною отъ $2^1/_2$ до 3 арш., и толщиною въ 1 арш.; для этого посредствомъ каилъ, кирокъ, желѣзныхъ клиньевъ и молотковъ, выбираютъ дно подъ глыбою на нѣсколько вершковъ вышины; по бокамъ и по верху выбиваютъ борозды и нѣсколькими ударами молота отдѣляютъ глыбу отъ смежной стѣнки. Глыбы эти разбиваютъ на куски 3—4-хъ пудовъ, перетаскиваемые ко дну колодца, чрезъ который поднимаются онѣ въ корзинахъ, помощію каната съ крюкомъ. Дерево встрѣчается въ галлереяхъ очень рѣдко и употребляется въ видѣ стоекъ, подъ тѣми слоями потолка, гдѣ замѣчены большія трещины. Для удобнѣйшаго производства работъ въ неблагопріятную погоду, мѣсто около колодца ограждено стѣнкою изъ битой глины или комковъ, съ установленными по угламъ и въ промежуткахъ стойками и перегородками, покрытыми камышевой крышею. Изъ этого огражденія, шириною до 8, длиною до 11 аршинъ, идетъ длинная галлерея, шириною отъ $2^3/_4$ до 3 арш. Стѣнки галлереи глинобитныя, крыша по жердямъ и брускамъ камышевая, лѣтомъ частію раскрытая. Длина галлереи соотвѣтствуетъ глубинѣ колодца, съ добавленіемъ до 5 запасныхъ аршинъ; назначеніе галереи состоитъ въ прикрытіи людей, вытаскивающихъ изъ колодца сначала отбитую глину и камень, а затѣмъ—каменный уголь. Люди тянутъ грузъ, лежащій въ корзинѣ, прикрѣпленной къ крюку каната, перекинутаго чрезъ барабанъ и валекъ. По мѣрѣ подвиганія людей, канатъ скользитъ по барабану и вальку и корзина съ грузомъ поднимается. При поднятіи значительныхъ грузовъ, канатъ тянутъ лошадями. Деревянный барабанъ съ желѣзною оковкою вращается на оси, на-глухо укрѣпленной въ наклонныхъ подкосахъ козла надъ колодцемъ; подкосы связаны поперечиной и подперты обратными подкосами; валекъ укрѣпленъ на-глухо на оси, концы которой вращаются въ ушкахъ пробойчиковъ, вбитыхъ въ двѣ вертикальныи стойки съ распоркой. Мѣста, гдѣ начинаются спуски, только съ наступленіемъ осени прикрываются камышевыми крышами по глинобитнымъ стѣнкамъ. Инструменты, въ копяхъ употребляемые, главнымъ образомъ состоятъ изъ желѣзныхъ клиньевъ 3—4-хъ вершковъ длины, каилъ 4 вершковъ, кирокъ 5—6-ти верш., молотковъ $^1/_2$ пуд. и $1^1/_2$ пуд., опоровъ, пилъ, корзинъ плетеныхъ въ діаметрѣ 1 арш., высотою 4—5 вершковъ и чановъ для воды.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что горные промышленники, сарты и китайцы, чрезвычайно не охотно давали свѣдѣнія о количествѣ получаемаго въ каждой копи каменнаго угля; они, казалось, не хотѣли вѣрить, чтобы цѣль моего посѣщенія копей была научная и предполагая, что я быть можетъ контролирую ихъ прежнія дѣйствія, уменьшали, я думаю, количество получаемаго въ копяхъ угля.

К. Фабіанъ.

О горнозаводской промышленности Кульджинскаго ханства.

Горный инженеръ Давыдовъ, командированный для изслѣдованія горнозаводскаго производства Кульджинскаго ханства, представилъ весьма интересный отчетъ, изъ котораго мы и дѣлаемъ извлеченіе.

Изъ минеральныхъ богатствъ занятой нами территоріи, первое мѣсто, по обширности разработки, занимаетъ каменный уголь. Разработка его въ окрестностяхъ Кульджи началась лѣтъ 40—60 тому назадъ и, вѣроятно, перешла въ при-илійскій край изъ восточныхъ провинцій Китая. Въ другихъ среднеазіятскихъ земляхъ употребленіе каменнаго угля неизвѣстно, не смотря на обширность его залежей.

Самое богатое и благонадежное изъ угольныхъ мѣсторожденій находится на правой сторонѣ р. Или, къ сѣверо-западу отъ Кульджи. Оно разработывается туземцами въ трехъ мѣстностяхъ: Пеличи, Могуйты и Готуль, отстоящихъ отъ Кульджи на 10, 15 и 20 верстъ.

Верхній, 5-ти аршинный пластъ каменнаго угля разработывается въ настоящее время въ Пеличи 4 шахтами, а въ Готуль—8 шахтами; нижній же, полутора-аршинный пластъ разработывается только двумя шахтами въ Могуйты. Каменный уголь верхняго пласта имѣетъ землистый видъ, на воздухѣ скоро разрушается, при сгораніи оставляетъ много золы и употребляется исключительно на отопку жилыхъ помѣщеній; каменный уголь нижняго пласта идетъ только на кузнечныя работы и металлургическія производства. Онъ имѣетъ довольно плотное сложеніе, слоистый блескъ и на воздухѣ сохраняется гораздо дольше, чѣмъ уголь верхняго пласта.

Для заложенія работъ составляется артель рабочихъ, изъ 8 человѣкъ китайцевъ, на товарищескихъ началахъ, или же изъ 12-ти калмыковъ, нанятыхъ капиталистами-дунганами или таранчами, и, по соображенію одного изъ болѣе опытныхъ рабочихъ, избирается мѣсто, удобное для заложенія работъ. Избравъ такое мѣсто, углубляютъ вертикальную шахту и въ то же время приступаютъ къ проводу наклоннаго хода. Шахта слу-

жить для подъема добываемаго угля, а наклонный ходъ долженъ служить впослѣдствіи для рабочихъ путемъ сообщенія между дневною поверхностью и подземными выработками. Глубина шахты достигаетъ иногда 45 саженъ.

До настоящаго времени продажная цѣна на каменный уголь была весьма низка: по 1 коп. за пудъ на мѣстѣ добычи. Причиною этой дешевизны были: а) угнетенное положеніе калмыковъ, трудъ которыхъ, иногда довольно тяжелый, очень дешево оцѣнивался завоевателями страны—таранчами или дунганами, б) отсутствіе крѣпленія подземныхъ выработокъ и отлива воды изъ нихъ, и в) чрезвычайная дешевизна предметовъ первой потребности.

По расчету одного углепромышленника, Садыка, углубленіе вертикальной шахты на 42 саж. (14 саж. по наносу, 21 саж. по песчанику, $5^1/_2$ саж. по глинистому сланцу и $1^1/_2$ саж. по углю) и проводъ наклоннаго хода въ 60 саж. длиною, стоили ему около 7 ямбъ или 800 руб. На углубленіе шахты, которое продолжалось $2^1/_2$ года, употреблялось 12 калмыковъ, съ жалованьемъ по 12 руб. въ годъ каждому. При замѣчательной дешевизнѣ на съѣстные припасы и при крайней невзыскательности калмыковъ къ пищѣ, продовольствіе каждаго рабочаго обходилось около 2 коп. въ день или около $7^1/_2$ руб. въ годъ, такъ что каждый рабочій стоилъ около 20 руб. въ годъ, а 12 человѣкъ въ теченіи $2^1/_2$ лѣтъ — 600 руб. Пріобрѣтеніе незатѣйливыхъ инструментовъ углепромышленникъ опредѣлилъ въ 100 руб. и кромѣ того, по его мнѣнію, на освѣщеніе израсходовано тоже около 100 руб., а всего около 800 руб.

Посмотримъ теперь на его доходъ.

Для добычи угля онъ нанималъ 20 рабочихъ по той же цѣнѣ, по которой они углубляли шахту. Вся эта артель добывала въ день около 500 пудовъ каменнаго угля *). Такъ какъ добыча производилась только при благопріятномъ вѣтрѣ и, преимущественно, зимою, то Садыкъ полагаетъ, что въ теченіи всего года на его шахтахъ добывалось каменнаго угля около 80,000 пудовъ и на эту работу употреблялось не болѣе 160 рабочихъ дней.

Изъ всего добываемаго количества каменнаго угля $^1/_3$ часть отдавалась, въ видѣ подати, хану и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ, а остальные $^2/_3$ шли въ пользу промышленника; слѣдовательно онъ имѣлъ выручки отъ продажи 54,000 пудовъ, полагая по 1 коп. съ пуда, всего 540 руб. Изъ этой суммы онъ расходовалъ, кромѣ 400 руб. на жалованье и продовольствіе 20 рабочихъ, еще на освѣщеніе подземныхъ вы-

*) Два настоящихъ горнорабочихъ должны добыть 500 пудовъ каменнаго угля.

работокъ, для чего употреблялось по 1 фунту кунжутнаго масла на человѣка въ каждый рабочій день; при цѣнѣ на масло въ 2 коп. за фунтъ, расходъ этотъ составляетъ около 65 руб. Деревья для поддержки стѣнъ шахты и подземныхъ выработокъ онъ не положилъ въ цѣну угля, потому что они вырублены были изъ его собственнаго сада и, слѣдовательно, ничего ему не стоили. Содержаніе лошади, необходимой при подъемѣ каменнаго угля изъ подземныхъ выработокъ на дневную поверхность, также не вошло въ расчетъ, потому что большую часть года лошадь эта питалась подножнымъ кормомъ и, кромѣ того, во время остановки рудничныхъ работъ, служила хозяину для разъѣздовъ. Однимъ словомъ, по расчетамъ Садыка выходитъ, что изъ 540 руб., вырученныхъ отъ продажи каменнаго угля, онъ израсходовалъ на добычу угля — 465 руб. и получилъ чистой прибыли — 75 руб., т. е. почти $9^1/_2$ проц. на первоначально затраченный имъ капиталъ. Къ этому нужно еще прибавить: а) что рабочіе, добывавшіе уголь зимою, въ лѣтнее время, по неимѣнію рудничнаго дѣла, исполняли за ту же плату, т. е. 20 руб. въ годъ, полевыя работы, б) что рабочимъ калмыкамъ жалованье уплачивалось монетой только въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частію они, вмѣсто денегъ, получали изношенную одежду, т. е. тряпки, за которыя оставались постоянными должниками своихъ хозяевъ. Принявъ во вниманіе эти два послѣднія замѣчанія, легко убѣдиться въ томъ, что вся затрата на добычу каменнаго угля со стороны промышленника состояла лишь въ покупкѣ масла для освѣщенія рудника, если только онъ не приготовлялъ этого масла у себя дома; при этомъ добыча каменнаго угля служила промышленнику средствомъ извлекать въ зимнее время какую нибудь выгоду изъ законтрактованныхъ имъ рабочихъ.

Какъ ни приблизителенъ вышеприведенный расчетъ, основанный на данныхъ, представленныхъ углепромышленникомъ Садыкомъ, тѣмъ не менѣе онъ даетъ понятіе объ экономической сторонѣ каменноугольной промышленности въ Кульджинскомъ ханствѣ.

Товарищескія же артели, добывающія каменный уголь, довольствуются лишь тѣмъ, что промышленность эта даетъ имъ весьма скудныя средства къ существованію. Въ настоящее время такихъ артелей двѣ: обѣ онѣ работаютъ въ урочищѣ Могуйты, на нижнемъ, полуторо-аршинномъ пластѣ.

Приблизительная цифра ежегодно добываемаго въ окрестностяхъ Кульджи каменнаго угля простирается отъ 600,000 до 800,000 пудовъ.

Желѣзныя руды въ окрестностяхъ Кульджи находятся во многихъ мѣстахъ; но разработка ихъ производилась до сего времени только близь каменноугольной копи Могуйты, въ 8-ми верстахъ отъ нынѣ дѣйствую-

щихъ шахтъ. Руды этой мѣстности представляютъ бурый желѣзнякъ, перемѣшанный съ красною охрою, залегающею гнѣздами въ полостяхъ песчаника. Мощность рудныхъ гнѣздъ колеблется отъ 2-хъ до 3-хъ аршинъ паденія между 30°. и 45°. Разработка производилась вертикальными и наклонными шахтами; иногда, пользуясь глубокими оврагами, проводили штольны для отысканія рудныхъ гнѣздъ.

Добытая руда обжигалась и потомъ плавилась въ печахъ, сложенныхъ изъ сырцоваго кирпича на глинѣ. Воздухъ вдувался въ печь ручными мѣхами. Продукты плавки разбивали молотами на сколь возможно мелкія части и потомъ сортировали ихъ на годныя и негодныя. Негодныя части состояли изъ кусковъ несплавившейся руды, кусковъ кокса и чернаго, сильно желѣзистаго шлака. Годныя же части представляли богатыя углеродомъ крицы, которыя, смотря по способу ихъ обработки, передѣлывались въ желѣзо или чугунъ. Желѣзо получалось въ горнахъ на подобіе кричныхъ, наполняемыхъ каменнымъ углемъ. Эта особенность заслуживаетъ вниманія, такъ какъ каменный уголь, при кричномъ способѣ полученія желѣза, не употребляется.

Для переработки въ чугунъ, крицы разбиваютъ на куски, которыми наполняютъ тигли съ угольною набойкою. Тигли ставятъ въ круглый горнъ съ дутьемъ отъ ручнаго мѣха. Въ одинъ горнъ помѣщалось отъ 4 до 5 тиглей, емкостью около 200 куб. дюйм. каждый. Тигли въ горну обкладывались кусками каменнаго угля, на который пускалось дутье; черезъ нѣсколько часовъ крица расплавлялась и превращалась въ чугунъ, который изъ тигля выливался въ формы.

Техническая сторона желѣзнодѣлательнаго, а въ особенности чугуноплавильнаго производствъ находилась въ весьма плохомъ состояніи: отливки выходили очень не чисты и чугунъ получался самыхъ дурныхъ качествъ.

Для выдѣлки одного пуда желѣза употреблялось около 15 пуд. каменнаго угля и до 7 пуд. руды. Приблизительно такое же количество руды и угля выходило на одинъ пудъ чугунныхъ отливокъ.

Рабочіе получали ту же плату, какую и на каменноугольныхъ копяхъ, такъ что артель изъ 10 человѣкъ стоила хозяевамъ около 16 руб. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, для выдѣлки 75 пудовъ желѣза или чугунныхъ издѣлій, мастера-хозяева производили расходъ: на наемъ рабочихъ — 16 руб. и на покупку каменнаго угля—12 руб., т. е. одинъ пудъ обходился въ 38 коп. При существующей въ Кульджѣ, по настоящее время, цѣнѣ на пудъ желѣза или чугуна въ 80 коп., мастера получали за свой трудъ 42 коп. съ пуда выдѣланнаго ими желѣза или отлитыхъ издѣлій. Конечно, этотъ барышъ значительно уменьшится, если изъ него вынесть стоимость барановъ, приносимыхъ въ жертву передъ началомъ каждой

плавки, свѣчей, употребляемыхъ вмѣсто часовъ, для раздѣленія поровну денной и ночной смѣнъ рабочихъ, и другіе мелочные расходы.

Мѣдныя руды до сихъ поръ извѣстны только въ двухъ мѣстахъ: по теченію горнаго ручья Чажи-мысыкъ, вытекающаго изъ горъ Сексенъ-Ашу и впадающаго въ рѣку Текесъ, и въ Барабаргузинскомъ ущельѣ.

Въ обоихъ этихъ мѣстностяхъ обнажаются мѣдистые песчаники, залегающіе непосредственно подъ наносомъ.

Изъ одного пуда руды получалось отъ 2 до 3 фунтовъ черной мѣди, которую потомъ переплавляли въ тигляхъ и отливали изъ нея вещи, употребляя для этого тотъ же самый горнъ, который служилъ для переплавки чугуна.

Сколько стоилъ китайцамъ одинъ пудъ мѣди — неизвѣстно. Таранчи, заимствовавшіе отъ китайцевъ способъ плавки мѣдныхъ рудъ, вели процессъ на казенныя средства. Султанъ приказалъ собирать до 100 человѣкъ калмыковъ или китайцевъ, которые должны были рубить лѣсъ, выжигать уголь, добывать руду и вести плавку; за все это ихъ кормили и, изрѣдка, платили имъ жалованье.

Плавка мѣди продолжалась три года, и во все это время, по расчету завѣдывающаго работами, было выплавлено около 200 пудовъ.

Серебро добывалось китайцами въ 60 верстахъ отъ Кульджи, близь деревни Шаръ-Богужи, въ горахъ Пеморъ. Вся масса этихъ горъ состоитъ изъ кремнистаго сланца съ вертикальными жилами известковаго шпата, толщиною отъ 1 до 2 аршинъ. Въ известковомъ шпатѣ проходятъ въ различныхъ направленіяхъ прожилки свинцоваго блеска съ охристыми серебряными рудами.

Руды добывались подземными работами. Плавка производилась въ горну, имѣющемъ сходство съ зефштремскимъ.

Артель изъ четырехъ человѣкъ китайцевъ за три года выплавила серебра 6 ямбъ, изъ которыхъ три были отданы султану; слѣдовательно заработокъ артели состоялъ изъ одной ямбы въ годъ; поэтому на каждаго члена артели приходилось 30 руб. въ годъ.

Золотопромышленность китайцевъ въ бассейнѣ р. Или не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Качество и содержаніе золота этой мѣстности, а также и способы его промывки, ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же въ прочихъ нашихъ средне-азіятскихъ владѣніяхъ.

Разсматривая съ технической стороны горнозаводскія производства, видно, что они далеко не совершенны; экономическія условія выгодны только при копотливомъ терпѣніи китайцевъ, что заимствовали и окитаившіеся дунгане и таранчи. Если же поставить въ параллель сосѣднихъ

къ Китаю народовъ, то легко будетъ замѣтить, какъ далеко выше стоитъ китайская цивилизація.

Китаецъ нуждается въ каменномъ углѣ, какъ для отопки, такъ и для металлургическихъ процессовъ; кругомъ китайскаго жилья вездѣ встрѣчаются разработки ископаемаго горючаго матеріала, — разумѣется гдѣ только находятся залежи его, тогда какъ сарты, болѣе отдаленные отъ Китая, не знаютъ употребленія угля. Несмотря на то, что въ Сыръ-Дарьинской области уже 5 лѣтъ какъ добывается уголь и вводится въ большее и большее употребленіе среди русскаго населенія, туземцы остаются ему чужды.

Китайское горнозаводское производство весьма своеобразно; оно не подчинено никакимъ научнымъ условіямъ, тѣмъ не менѣе оно существуетъ.

Добыча каменнаго угля, изъ которой промышленникъ отдаетъ $1/3$ хану и его чиновникамъ, выгодна для какого нибудь Садыка, который не считаетъ цѣны деревъ, такъ какъ они вырублены изъ его сада, не считаетъ свой трудъ и не оцѣниваетъ работу лошади.

Горное производство при-илійскаго края, какъ со стороны технической, такъ и со стороны экономической, похоже на тѣ разработки каменнаго угля, которыя ведутся на югѣ Европейской Россіи крестьянами. Китайская техника не заимствуетъ ничего изъ выработаннаго наукой, какъ по незнанію, такъ и по неимѣнію капитала: отъ этого и является особенность разработки. Безъ вклада капитала, безъ оцѣнки собственнаго труда и съ весьма ничтожнымъ вознагражденіемъ чужаго, кульджинскій каменный уголь продается по весьма ничтожной цѣнѣ *). Китайскіе рудники работаютъ на значительной глубинѣ, чего нѣтъ на югѣ Россіи у крестьянъ-углепромышленниковъ.

Вообще можно сказать, что Кульджинское ханство — богато въ минеральномъ отношеніи, и нужно желать, чтобы изъ него была извлечена польза — введеніемъ раціональныхъ пріемовъ, которыхъ до сихъ поръ не доставало.

---

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, одинъ пудъ каменнаго угля стоитъ въ Кульджѣ уже 8 коп., вмѣсто 1 коп.

Поѣздка въ Кульджу.

Въ концѣ 1870 года, для переговоровъ о нашихъ пограничныхъ дѣлахъ, командированъ былъ въ Кульджу генеральнаго штаба капитанъ баронъ А. В. Каульбарсъ.

Въ то время Кульджа была владѣніемъ независимымъ, о которомъ имѣлись только отрывочныя, неполныя свѣдѣнія. Первыя, болѣе подробныя и обстоятельныя данныя объ этомъ полу-китайскомъ, полу-мусульманскомъ владѣніи доставилъ начальникъ нашей миссіи, баронъ Каульбарсъ. Понятно, по этому, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушала ташкентская публика полныя живаго интереса чтенія барона Каульбарса *) о Кульджѣ, ея географіи, устройствѣ государственномъ, промышленности, путяхъ сообщенія изъ нашихъ владѣній въ Кульджу, и т. п. Первое чтеніе барона Каульбарса, заключающее въ себѣ собственно разсказъ о его поѣздкѣ въ Кульджу, и помѣщенное въ свое время на страницахъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей», мы перепечатываемъ нынѣ въ «Ежегодникѣ».

29-го ноября прошлаго года, выѣхалъ я изъ г. Вѣрнаго въ Кульджу; я избралъ для слѣдованія путь черезъ Борохудзирскій отрядъ; путь этотъ, хотя и кружнѣе дороги чрезъ Чунджинскій постъ, но имѣетъ весьма важное для насъ значеніе, въ смыслѣ военномъ и торговомъ, а между тѣмъ свѣдѣнія о немъ до настоящаго времени были весьма недостаточны, такъ какъ незначительное, нынѣ существующее, торговое движеніе направляется почти исключительно по Чунджинскому пути.

30-го ноября въ Борохудзирскомъ отрядѣ собрались всѣ члены посольства. На другой день, съ разсвѣтомъ, въ Мазаръ **) былъ отправленъ, по моей просьбѣ, киргизъ, съ письмомъ отъ начальника отряда,

---

*) Въ открытыхъ засѣданіяхъ Среднеазіатскаго общества, происходившихъ въ залѣ генералъ-губернатора.

**) Первый пограничный пунктъ съ таранчинскимъ населеніемъ.

въ которомъ онъ извѣщалъ, что русское посольство завтра выѣзжаетъ въ Кульджу. Утромъ 2-го числа, когда мы уже собирались выступить, полученъ былъ слѣдующій отвѣтъ отъ мазарскаго шанъ-беги: «ждемъ русскихъ пословъ съ радостію».

2-го декабря, утромъ, посольство наше перешло границу, направляясь большою дорогою черезъ лѣсистую мѣстность, въ которой нынѣ разбросаны развалины четырехъ китайскихъ городовъ: Тургень, Тишканъ-кентъ, Джаръ-кентъ и Акъ-кентъ; въ восьми верстахъ за послѣднимъ кончается лѣсъ и дорога идетъ по открытой, волнистой мѣстности, на которой движеніе экипажа затрудняется песками и глубокими колеями. Такая дорога идетъ до разрушеннаго китайскаго пикета на правомъ берегу р. Кургашъ (Хоргосъ). Не смотря на пески, весь этотъ путь, около 60 верстъ длиною, можетъ служить безпрепятственно для движенія колесныхъ экипажей. Особенно хороша та его часть, которая пролегаетъ лѣсомъ; впрочемъ, на этомъ участкѣ есть нѣсколько топкихъ мѣстъ, особенно по теченію р. Усека, гдѣ необходимо было бы устроить небольшой мостъ. Кромѣ того, въ началѣ жаркаго времени года (май и іюнь) многіе горные потоки, пересѣкающіе въ этой мѣстности дорогу, и особенно Усекъ, представляютъ значительныя препятствія для переправы даже и на вьюкахъ.

Лѣсистая полоса тянется почти сплошною массою отъ самаго города Тургеня, покрывая мѣстами все пространство между подошвою горъ, болотистыми берегами р. Или и ея многочисленными прибрежными озерами. По теченію Усека, она перерывается обширною площадью пустыхъ камышей; видъ на нее съ крутаго праваго берега, гдѣ разбросаны развалины Джаръ-кента, — весьма живописенъ. Главнѣйшія породы растеній, составляющихъ этотъ лѣсъ, суть разныя фруктовыя деревья, въ томъ числѣ и тутовыя, (особенно близь Акъ-кента), талъ, тополь, джида, карагачъ и кусты шиповника. Большіе стволы встрѣчаются только въ окрестностяхъ городовъ, такъ что было бы вѣрнѣе назвать эту площадь не лѣсною, а покрытою крупнымъ кустарникомъ.

Среди этихъ кустовъ всюду видны были слѣды нынѣ заросшихъ пашенъ. Судя по густотѣ и по разнообразію теперешней растительности, почва этой мѣстности принадлежитъ къ числу самыхъ плодородныхъ. Обиліе различныхъ минеральныхъ солей въ горахъ и на долинѣ, а также множество различныхъ породъ насѣкомыхъ подтверждаютъ это. Трудно пріискать мѣстность, болѣе удобную для колонизаціи. Вода, топливо и великолѣпный строительный матеріалъ: кирпичъ изъ развалинъ китайскихъ построекъ находятся всюду въ изобиліи; послѣдняго такъ много, что на первыхъ порахъ не можетъ встрѣтиться въ немъ недостатка, а впослѣдствіи его легко вновь приготовить, такъ какъ тутъ же находится та

глина, изъ которой китайцы выжигали кирпичъ. По своимъ качествамъ, кирпичъ этотъ почти не уступаетъ звенящему, какъ фарфоръ, и не поддающемуся атмосферическимъ вліяніямъ — чугучакскому кирпичу.

За лѣсною полосою, вплоть до р. Кургаша, тянется безплодная, волнистая, песчаная мѣстность; на югъ она не доходитъ до р. Или, по правому берегу которой разстилается широкая полоса камышей, а впереди ихъ разбросаны группы лѣса, или вѣрнѣе, — рощъ, означающія мѣста прежнихъ китайскихъ поселеній.

Не доѣзжая версты три до Кургаша, насъ встрѣтили первые, высланные намъ на встрѣчу разъѣзды: одинъ изъ 6 киргизъ, другой изъ 4 калмыковъ. Таранчи признаютъ описанную лѣсную полосу и мѣстность до праваго берега Кургаша — нейтральною. Мы также не признаемъ ее своею, и такимъ образомъ между обоими государствами находится широкая полоса земли, никому не принадлежащая.

Рѣка Кургашъ течетъ по широкому (версты $1^1/_2$), каменистому ложу, причемъ въ полноводье число рукавовъ доходитъ до девяти и болѣе. Нѣкоторые изъ нихъ въ это время представляютъ значительное затрудненіе при переправѣ, вслѣдствіе глубины и быстроты теченія воды, а также вслѣдствіе малодоступности руселъ, усѣянныхъ крупными камнями. Зимою на нихъ же образуются заплывы и зажоры, которыя необходимо разбить для того, чтобы провезти экипажъ.

На лѣвомъ берегу Кургаша насъ ожидала толпа, человѣкъ до 50 воиновъ; всѣ они были спѣшены и стояли впереди своихъ лошадей шпалерами, по обѣимъ сторонамъ подъема изъ русла на берегъ. Тутъ были таранчи, калмыки, сибо *) и киргизы; между ними я замѣтилъ нѣсколько весьма старыхъ и нѣсколько весьма молодыхъ (почти дѣтей) людей. Лошади, киргизской породы, почти всѣ были не дурны и въ порядочномъ тѣлѣ. Вооруженіе воиновъ состояло изъ пикъ (найза), айбалтовъ, батиковъ, суюловъ (простая палка) и мультуковъ (ружей). Каждый воинъ, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, владѣлъ только какимъ либо однимъ экземпляромъ изъ этого рода оружія. Ружья были только у девяти человѣкъ. Одежда ихъ была такая же, какую они носятъ и внѣ службы, и за немногими исключеніями, была въ исправности. Обувь состояла по большей части изъ лаптей. Во главѣ этого воинства стоялъ таранча, минъ-беги (начальникъ надъ 1,000) и одинъ калмыкъ. Они привѣтствовали насъ отъ имени султана, на что мы имъ отвѣчали вопросами о его здоровьѣ.

---

*) Въ Кульджѣ называютъ ихъ сѐбѐ.

Отъ лѣваго берега Кургаша дорога раздѣляется: колесный путь направляется къ хорошо сохранившимся развалинамъ города Чинъ-панъ-зи, при выходѣ изъ котораго проходитъ подъ воротами, шириною сажени $3^1/_2$, длиною сажень 6, и затѣмъ направляется къ рощѣ, въ которой находится гробница святаго (мазаръ); дорога обходитъ ее съ сѣверной стороны и еще съ версту далѣе, проходитъ подъ огнемъ западнаго и южнаго фасовъ довольно слабаго укрѣпленія Мазаръ. За нимъ уже начинается длинный рядъ отдѣльныхъ домовъ, раздѣленныхъ садами, что и составляетъ нынѣшнее таранчинское поселеніе Мазаръ *).

Другой путь короче, но пролегаетъ по мѣстности, до того изрытой глубокими арыками (канавы), что колесный экипажъ проѣхать здѣсь не можетъ. Тутъ, версты $1^1/_2$ отъ лѣваго берега, расположенъ передовой наблюдательный отрядъ таранчей. Это развалины какой-то китайской постройки; жилья никакого нѣтъ и постъ этотъ вѣроятно въ обыкновенное время или вовсе снимается, будучи выставленъ только по случаю нашего проѣзда, или же часто смѣняется. Люди, составлявшіе пикетъ, занимались варкою пищи, и какъ будто не обращали на насъ ни малѣйшаго вниманія. Отсюда еще остается около восьми верстъ до Мазара, въ который мы прибыли когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Мы остановились въ послѣднемъ зданіи на восточномъ концѣ поселенія, принадлежащемъ главному начальнику шанъ-беги Сатылу, который насъ встрѣтилъ у входа и весьма ласково принялъ. Комната его согрѣвалась каменнымъ углемъ, горѣвшимъ въ каминѣ, весьма похожемъ на наши; полъ былъ устланъ коврами и кошмами. Мы всѣ усѣлись въ кружекъ. Намъ подали чаю и вскорѣ завязалась бесѣда; затѣмъ подали намъ отличный пилавъ и лапшу. Лошадей нашихъ, по приканію султана, кормили ячменемъ и клеверомъ.

4-го декабря утромъ, намъ опять подали пилавъ. Я подарилъ Сатылу бѣлаго коленкору и платочекъ и этотъ незначительный подарокъ, какъ кажется, ему понравился, потому что онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: „видно, что русскіе обычаи знаютъ; я очень доволенъ". Онъ провожалъ насъ около версты, когда мы двинулись далѣе и затѣмъ вернулся, извиняясь тѣмъ, что у него много дѣла. Нашъ знакомый минъ-беги назначенъ былъ сопровождать насъ до самой Кульджи. Конвойныхъ поѣхало съ нами только восемь человѣкъ, но и тѣ постепенно отставали.

Первый городъ по нашему пути находится верстахъ въ 15 или 20 отъ

*) Дорога въ китайскую Кульджу отходила отъ описанной въ ю.-в. направленіи, по выходѣ ея изъ Чинъ-панъ-зи.

Мазара; называется онъ Чинъ-ча-го-зи. Въ трехъ верстахъ за Мазаромъ дорога пролегаетъ почти совсѣмъ вырубленнымъ лѣсомъ *) и затѣмъ — опять открытытъ полемъ до Чинъ-ча-го-зи. Городъ этотъ имѣетъ видъ прямоугольнаго четыреугольника, обнесеннаго довольно высокими стѣнами, безъ рва. Въ срединѣ каждаго фаса и по угламъ имѣются фланкирующія выступныя части, надъ которыми возвышаются красивыя деревянныя оборонительныя башни, китайской архитектуры. Населеніе города состоитъ изъ дунганъ. Число дворовъ опредѣляютъ отъ 200 до 300 **). За стѣнами всюду видны вершины деревьевъ. Жители вѣроятно не знали о нашемъ прибытіи: мы не видѣли ни одного изъ нихъ. Мы проѣхали вдоль южнаго фаса крѣпости, стараясь незамѣтно разсмотрѣть ее. Чинъ-ча-го-зи снабжается водою изъ полноводной рѣчки Талки, протекающей подъ тѣнію крупныхъ таловъ, около восточной стороны города; тутъ устроенъ прочный мостъ.

Далѣе дорога идетъ долиною, переходитъ въ довольно значительномъ логѣ, по хорошему мосту чрезъ полноводную рѣчку ***), и затѣмъ—подымается двумя послѣдовательными подъемами на возвышенную и волнистую площадку, образуемую отрогами Талкинскаго хребта. Тутъ, недалеко отъ помянутыхъ подъемовъ, влѣво отъ дороги, стоитъ одиноко священное дерево. Оно состоитъ изъ двухъ, наклонныхъ другъ къ другу, толстыхъ стволовъ, соединенныхъ близь подошвы пустымъ внутри перехватомъ. Въ этой пустотѣ въ теплое время ****) всегда сохраняется вода, желтоватаго цвѣта, но свѣжаго и пріятнаго вкуса; ее черпаютъ чрезъ маленькое отверстіе въ серединѣ верхней части перехвата. Когда мы осматривали дерево, вода въ немъ была замерзшею.

Слѣдуя по волнистой мѣстности, дорога доходитъ до крѣпости и города Сюйдунъ. Не доѣзжая его, насъ встрѣтилъ, посланный отъ султана съ привѣтствіемъ, мурабъ-беги — Джаппашъ. Когда мы къ нему приблизились, онъ сошелъ съ лошади и протянулъ намъ руку; затѣмъ послѣдовали обычныя фразы азіатской вѣжливости, т. е. распросы о здоровьѣ султана и пр.

На лѣво отъ пройденнаго участка дороги, ясно виднѣется извѣстное ущелье Талки, чрезъ которое идетъ колесный путь въ Урумчи и во внутренній Китай, а на право, верстахъ въ пяти на югъ отъ Сюйдуна раз-

*) Исключая западной опушки, въ которой еще встрѣчаются высокіе стволы.

**) Одинъ торговецъ увѣрялъ меня, что ихъ не болѣе 50.

***) Лѣтомъ она пересыхаетъ.

****) По разсказамъ туземцевъ.

стилается густая роща, въ которой скрывается довольно значительный городъ и крѣпость Тарджи, съ дунганскимъ населеніемъ.

Крѣпость Сюйдунъ почти тождественна чинъ-ча-го-зійской: тотъ же четыреугольникъ, съ тѣми же фланкирующими частями. Но фасы его нѣсколько длиннѣе, а крѣпостныя постройки, какъ уже давно существующія, обветшали и потому имѣютъ менѣе щеголеватый видъ.

Число дворовъ въ Сюйдунѣ опредѣляется отъ 500 до 1,000 (послѣдняя цифра чрезвычайно преувеличена). Мы проѣхали вдоль южнаго, восточнаго и половины сѣвернаго фасовъ крѣпости; какъ только мы стали приближаться къ ней, толпы дунганъ хлынули изъ всѣхъ воротъ. Они, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но съ полнымъ доброжелательствомъ, смотрѣли на насъ. Молодежь бѣжала за нами, къ ней постепенно пристраивались конные люди и когда мы переправились черезъ рѣчку Сары-булакъ, протекающую мимо сѣвернаго и восточнаго фасовъ крѣпости, за нами образовалась значительная толпа. Насъ повели въ загородный домъ дунгана Юсуфъ-Ахуна. Онъ принялъ насъ весьма радушно и такъ какъ мы объявили, что будемъ ночевать здѣсь, и что желаемъ пріобрѣсти нѣкоторыя китайскія вещи, то вскорѣ наша комната наполнилась дунганами всѣхъ возрастовъ. Люди эти были падки на русское серебро и выказывали намъ полное довѣріе и пріязнь. Вскорѣ явилась къ намъ депутація отъ суйдунскихъ старшинъ и богатыхъ людей. Члены ея объявили намъ, что дунгане прислали привѣтствовать насъ въ ихъ городѣ. Мнѣ казалось, что мурабъ-беги былъ очень недоволенъ этою манифестаціею; отвѣчая на привѣтствія дунганъ, я высказалъ, что мы желаемъ дружно жить и вести торговлю безразлично, со всѣми кульджинскими народами: сартами, дунганами, калмыками и пр. Эти слова вызвали всеобщее одобреніе слушателей.

Впослѣдствіи я узналъ, что дунгане надѣялись, что мы исходатайствуемъ имъ у султана право свободно торговать въ русскихъ предѣлахъ. Близкое сосѣдство дунганъ и свободный доступъ, который они къ намъ имѣли, не могли нравиться мурабъ-беги, и онъ намъ предложилъ ѣхать въ другой загородный домъ, на что мы согласились. Для того, чтобы достигнуть его, надо было объѣзжать крѣпость, по этому я выразилъ желаніе ѣхать черезъ городъ. Мурабъ-беги отвѣчалъ сначала обыкновенною ссылкою на могущія быть оскорбленія со стороны грубаго, невѣжественнаго народа, а потомъ, когда я ему указалъ на толпу, привѣтливо и довѣрчиво относящуюся къ намъ, онъ объявилъ, что не можетъ это дозволить, не имѣя на то разрѣшенія султана. Я не настаивалъ, но объяснилъ, что у насъ кульджинскіе подданные пользуются полною свободою, и что только при такомъ условіи можно достигнуть сближенія обоихъ на-

родовъ. Освѣдомясь, что новый домъ, гдѣ насъ хотѣли помѣстить, лежитъ далеко въ сторонѣ отъ пути въ Кульджу, мы отказались отъ намѣренія переѣхать туда.

На другой день, рано утромъ, когда мы собирались выступить въ Кульджу, къ намъ явился мурабъ-беги, съ посланнымъ отъ султана; онъ передалъ намъ, что султанъ приказалъ остановить насъ въ Сюйдунѣ, и приглашалъ меня отправить къ нему врученное мнѣ письмо г. военнаго губернатора Семирѣченской области, генералъ-маіора Колпаковскаго; султанъ требовалъ также, чтобы я словесно передалъ ему: съ какою цѣлью мы пріѣхали. Такія требованія меня, конечно, раздражили; я рѣзко и наотрѣзъ объявилъ посланцу, что получилъ предписаніе лично передать султану письмо губернатора, а также лично переговорить съ нимъ о дѣлахъ, клонящихся къ установленію между нами дружественныхъ отношеній. Затѣмъ, узнавъ отъ нихъ, что восьми часовъ времени достаточно, чтобы съѣздить въ Кульджу и возвратиться въ Суйдунъ, я объявилъ, что если въ теченіи восьми часовъ не получу приглашенія султана ѣхать въ Кульджу, то возвращусь обратно, не исполнивъ ни одного изъ данныхъ мнѣ порученій, чрезъ что можетъ быть нарушится наша дружба. Такъ какъ посланцы написали къ султану мой отвѣтъ въ слишкомъ рѣзкой формѣ, то я рѣшился самъ написать къ нему другое письмо, въ которомъ вѣжливо, но твердо высказывалъ упомянутое выше мое рѣшеніе.

Такъ какъ помѣщеніе наше не отличалось особыми удобствами, то мы приняли предложеніе мурабъ-беги: переѣхать, въ ожиданіи отвѣта султана, на другую дачу, верстъ шесть ближе къ Кульджѣ и вблизи большой дороги. Подаривъ нѣсколько мелочей нашимъ хозяевамъ, мы отправились, въ довольно сумрачномъ настроеніи духа, по направленію къ Кульджѣ.

Дорога сначала пролегала между рисовыми полями, далѣе — черезъ обширную рощу, принадлежавшую когда-то китайскому дзянь-дзюну и затѣмъ—волнистою, открытою мѣстностью, ограничиваемою на югѣ почти сплошными садами. Отъѣхавъ верстъ шесть, мы свернули съ дороги въ эти сады и пройдя еще версты полторы, остановились на дунганской дачѣ. Какъ и вчера, хозяева приняли насъ радушно. Тутъ я рѣшился ждать отвѣта султана до утра слѣдующаго дня, и затѣмъ, если бы отвѣтъ не послѣдовалъ, вернуться обратно въ г. Вѣрный.

Сопровождавшіе насъ мурабъ и минъ-беги старались насъ всячески успокоить на счетъ намѣреній султана и просили выждать его отвѣта.

На другой день, утромъ, когда мы уже собирались выступить обратно, прискакалъ изъ Кульджи гонецъ, съ приглашеніемъ сегодня же пріѣхать къ султану. Радость сопровождавшихъ насъ чиновниковъ, при полученіи

этого извѣстія, была неописана; они бросились въ нашу комнату и наперерывъ поздравляли насъ. Мы старались хладнокровно принять это извѣстіе, хотя въ глубинѣ души и сами были очень обрадованы.

Большая кульджинская дорога пролегаетъ вдоль подошвы плоскихъ отроговъ Талкинскаго хребта, средняя часть которыхъ носитъ названіе Кумыръ-тау (угольныя горы), отъ огромныхъ пластовъ каменнаго угля, содержащихся въ этихъ горахъ. Разработки угля находятся верстъ 10—15 не доѣзжая до Кульджи, къ сѣверу отъ дороги. Сообщенія съ ними производятся на извѣстныхъ кульджинскихъ арбахъ, съ толстыми колесами. Мѣстность, по которой пролегаетъ дорога, постепенно повышается и далѣе опять спускается на обширную равнину бывшаго китайскаго города Баяндай. Здѣсь подошва отроговъ горъ круто отступаетъ къ сѣверу. Нѣсколько далѣе путь проходитъ по бывшему таранчинскому лагерю, въ которомъ они отбивались отъ китайцевъ; невысокая стѣна окружаетъ довольно обширное поле, въ срединѣ котораго видны три ставки (мазанки) нынѣшняго султана и другихъ начальниковъ войска. Вслѣдствіе близости горъ, мѣстность здѣсь имѣетъ весьма разнообразные наклоны. Бывшая китайская обширная крѣпость и городъ Баяндай находится около версты къ сѣверу отъ дороги. Длинныя ея стѣны, съ не симетричною фланковою обороною, сохранились весьма хорошо, но внутри не видно верхушекъ деревьевъ, составляющихъ вѣрный признакъ обитаемости. На сѣверо-западѣ отъ крѣпости, не далеко отъ горъ, находится поле сраженія, на которомъ сарты (таранчи) разбили урумчинскихъ дунганъ, шедшихъ къ Кульджѣ, на помощь Джауръ-Ахуну, предводителю ихъ илійскихъ одноплеменниковъ въ 1867 г. Эта побѣда окончательно утвердила первенство таранчей въ верхне-илійскомъ краѣ и ближайшимъ ея послѣдствіемъ было возведеніе ими на престолъ нынѣшняго султана.

Нынѣ впереди крѣпости, по обѣимъ сторонамъ дороги, образовалась длинная улица новаго города Баяндай, населеннаго сартами.

За Баяндаемъ дорога проходитъ мимо небольшаго города Чи-пань-зэи, по большей части населеннаго кара-китайцами; онъ тоже обнесенъ стѣнами, такой же конструкціи, какъ и у предъидущихъ крѣпостей; но здѣсь стѣны уже очень обветшали, что доказываетъ незначительность военнаго значенія, придаваемаго сартами этому пункту. Дорога обходитъ юго-западный и южный фасы крѣпости, затѣмъ проходитъ мимо двухъ мазаровъ, роскошной и красивой конструкціи, въ китайскомъ вкусѣ. Отсюда до крѣпости Кульджи остается еще версты 3—4, но предмѣстья города подходятъ уже довольно близко.

Въ этомъ мѣстѣ насъ привѣтствовалъ, посланный къ намъ на встрѣчу минъ-беги Бушри-Гаупи, лицо, приближенное къ султану. Завидѣвъ насъ,

онъ, съ десяткомъ всадниковъ, сопровождавшихъ его, поскакалъ къ намъ и послѣ первыхъ привѣтствій, сказалъ: «наши начальники послали меня встрѣтить и привѣтствовать васъ». Я ему коротко отвѣтилъ, спросивъ при этомъ, по обыкновенію, о здоровьѣ султана; мы двинулись дальше, вскорѣ свернули съ большой дороги вправо и направились предмѣстьями города.

Со времени нашей остановки въ Сюйдунѣ, сопровождавшіе насъ чиновники видимо избѣгали разговоровъ съ нами, какъ будто опасаясь распросовъ нашихъ и не довѣряя намъ. Встрѣтившій насъ, Бушри-Гаупи, также не отличался особою привѣтливостью и мнѣ казалось, что онъ нарочно даже выказывалъ нѣкоторое пренебреженіе къ намъ; по этому я считалъ нужнымъ почти совершенно не замѣчать его, что ему явно не нравилось. Скоро мы вступили въ прямую, широкую улицу предмѣстья, ведущую къ юго-западнымъ воротамъ крѣпости; по обѣимъ сторонамъ ея виднѣлись фруктовые сады съ роскошными тополями. Доѣхавъ до эксплanады крѣпости, мы повернули на право и поѣхали вдоль ея стѣнъ. Система фортификаціи и здѣсь почти совершенно тождественна съ Сюйдуномъ и другими кульджинскими крѣпостями, но фасы длиннѣе, отчего и число фланкирующихъ частей больше; стѣны Кульджи значительно выше и вѣроятно, сообразно этому, и толще; рвовъ нѣтъ, но предъ юго-восточнымъ и частію предъ юго-западными фасами, протекаетъ довольно глубокая рѣчка, въ такомъ разстояніи отъ подошвы стѣны, что между ними остается широкое мѣсто для дороги. Загородныя постройки вездѣ довольно близко подходятъ къ стѣнамъ. Доѣхавъ до южнаго фаса крѣпости, мы свернули вправо и проѣхавъ съ версту вдоль арыка, очутились въ превосходной густой аллеѣ изъ высочайшихъ италіянскихъ тополей. Эта аллея привела насъ въ загородный дворецъ султана. Тутъ насъ встрѣтилъ докладчикъ султана шанъ-беги датха Махпуръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—управляющій дворцомъ султана. Насъ ввели въ довольно роскошно убранную комнату, съ каминомъ; полъ покрывали ковры и подушки; на бѣлыхъ стѣнахъ, съ рельефными рисунками, висѣли китайскія издѣлія и различное оружіе; въ стѣнныхъ нишахъ сложены были шелковыя и другія цѣнныя матеріи. Вообще обстановка дворца была весьма хороша. Комната эта назначалась быть пріемною. Кромѣ того, была отведена намъ еще другая, для нашей спальни и три комнаты — нашимъ конвойнымъ и киргизамъ.

Сейчасъ же, по азіятскому обычаю, началось угощеніе чаемъ и пиловомъ, а затѣмъ опять чаемъ. Въ это же время начали приходить къ намъ разные люди, которые называли себя родственниками высокопоставленныхъ лицъ, для того, чтобы имѣть право посмотрѣть на насъ; при

этомъ они заявляли, что такъ какъ мы устали, то они просятъ насъ не безпокоиться разговорами съ ними, что они пріѣхали показаться намъ и засвидѣтельствовать свое почтеніе. Въ числѣ этихъ лицъ одно было прислано отъ четырехъ *казначи* (высшихъ свѣтскихъ сановниковъ), чтобы отъ ихъ имени привѣтствовать насъ. Тутъ же намъ сказали, что султанъ не въ Кульджѣ, а гдѣ-то на охотѣ. Я выразилъ надежду, что вѣроятно онъ скоро вернется послѣ удачной охоты. На другой день намъ объявили, что султанъ все еще не вернулся въ Кульджу, а между тѣмъ я стороною получилъ свѣдѣніе, что онъ находится въ городѣ.

Около часу по-полудни въ этотъ же день пріѣхали съ визитомъ четыре казначи. Мы приняли ихъ въ парадной комнатѣ. Сановники изъявили сожалѣніе, что, за неимѣніемъ времени, они не могли пріѣхать вчера; о султанѣ они сказали, что онъ скоро будетъ, и что ему послано уже извѣщеніе о нашемъ прибытіи. Я намекнулъ имъ довольно ясно, что не буду долго ожидать его прибытія, такъ какъ имѣю приказаніе торопиться ѣхать въ обратный путь. Разговоръ свой я закончилъ, прося ихъ, какъ первыхъ сановниковъ государства, помочь намъ, своими совѣтами султану, устроить тѣ дружественныя дѣла, для которыхъ мы присланы. Эта фраза видимо польстила ихъ самолюбію. Послѣ нихъ являлись къ намъ разные другіе свѣтскіе сановники, братья и родственники султана.

На слѣдующій день насъ извѣстили, что султанъ будетъ въ Кульджѣ не ранѣе, какъ вечеромъ. Эта безцеремонная ложь раздосадовала меня; въ отговоркахъ ихъ я видѣлъ какую-то хитрость, и рѣшился положить всему этому конецъ. Вечеромъ, какъ мнѣ сказали, султанъ опять не пріѣхалъ. Тогда на третій день утромъ я громко приказалъ приготовляться къ отъѣзду.

Датха, нѣсколько смущенный моимъ приказаніемъ, тотчасъ же явился ко мнѣ и я объявилъ ему, что такъ какъ султанъ не возвращается съ охоты, то я заключаю изъ этого, что онъ не особенно желаетъ вести съ нами переговоры. При этомъ я намекнулъ также и на остановку въ Сюйдунѣ. Вскорѣ послѣ этого пріѣхали ко мнѣ казначи; я имъ серіозно объявилъ тоже самое и только послѣ долгихъ просьбъ согласился подождать еще до слѣдующаго утра.

Вечеромъ, въ семь часовъ прискакалъ гонецъ, съ извѣщеніемъ, что султанъ пріѣхалъ, и завтра, въ среду, какъ въ счастливый день, желаетъ насъ принять.

Въ назначенный день, въ 11 часовъ утра, все посольство наше, въ сопровожденіи четырехъ конвойныхъ, въ парадной формѣ, отправилось во дворецъ, представляющій большое, но не роскошное зданіе, въ сѣверозападной части города. Путь нашъ пролегалъ по главной улицѣ, соеди-

няющей юго-западныя и сѣверо-западныя ворота. Народъ съ любопытствомъ толпился кругомъ насъ, но не слышно было ни одного недружелюбнаго возгласа. Мы верхомъ въѣхали во дворъ султана, гдѣ у внутренняго подъѣзда ожидали насъ четыре казначи и другіе сановники. Насъ ввели въ маленькую комнату, въ родѣ пріемной; о нашемъ пріѣздѣ тотчасъ же доложили султану и онъ немедленно принялъ насъ.

Пройдя чрезъ небольшой, внутренній дворъ, мы вошли въ довольно обширную комнату, обвѣшанную различнымъ оружіемъ, между которымъ я различилъ также казачьи шашки и наши пѣхотныя, нарѣзныя ружья. Стѣны и потолокъ комнаты были весьма неопрятны; вдоль стѣны, противулежащей входнымъ дверямъ, были устроены нары, покрытыя коврами и подушками. Въ заднемъ углу комнаты сидѣли два любимые охотничьи ястреба султана. Султанъ принялъ насъ, сидя на бархатныхъ подушкахъ, въ углу комнаты, близь камина, въ которомъ горѣлъ каменный уголь. Передъ нимъ стоялъ низенькій столикъ, покрытый изящною клеенкою. Одѣтъ былъ султанъ весьма просто. Почти вся остальная, свободная часть комнаты была занята правительственными лицами (беками).

Когда мы поклонились султану, онъ протянулъ намъ руку, благодарилъ за привѣтствія, и затѣмъ принялъ подарки, посланные губернаторомъ, которые я собственноручно поставилъ предъ нимъ на столъ. Затѣмъ онъ всталъ и мы могли удобнѣе разсмотрѣть его фигуру. Султанъ— человѣкъ средняго роста, съ темными волосами; лицо и разговоръ его выражаютъ доброту и простодушіе; голосъ—мягкій. Въ сраженіи при Баяндаѣ онъ былъ раненъ въ ротъ, что лишило его нѣсколькихъ зубовъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ необыкновенною у азіятцевъ мягкостію его голоса и обхожденія, придаютъ ему видъ человѣка пожилаго, между тѣмъ, какъ ему только 46 лѣтъ; впечатлѣніе простоты и добродушія султана, впрочемъ, отчасти исчезаетъ, когда, въ пылу рѣчи и безъ того выразительные, большіе глаза его начинаютъ блистать. Во время всей аудіенціи, продолжавшейся часа полтора, казначи и другіе беки присутствовали стоя, между тѣмъ какъ мы и султанъ сидѣли на нарахъ, убранныхъ коврами.

Поблагодаривъ султана за пріемъ, который намъ былъ оказанъ въ его владѣніяхъ, я перешелъ къ дѣловому разговору; султанъ немедленно согласился на просьбу мою: разрѣшить, въ присутствіи его чиновника, произвести допросъ людей, арестованныхъ по дѣлу объ ограбленіи маіора Здоренко; весьма радостно принялъ онъ предложеніе имѣть въ г. Вѣрномъ постояннаго повѣреннаго въ дѣлахъ и не смотря на всѣ мои доводы, уклончиво отвѣчалъ на предложенія, относящіяся до свободы торговли между нашими и его подданными. Какъ мнѣ кажется, одна изъ главныхъ

причинъ, объясняющихъ это, есть разнородный составъ верхне-илійскихъ народовъ, причемъ всѣ подчиненныя національности враждебно относятся къ таранчамъ (или сартамъ, какъ они сами себя называютъ). Въ числѣ этихъ національностей, дунгане стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ выше остальныхъ верхне-илійцевъ, особенно какъ земледѣльцы; они наиболѣе производятъ рису и разнаго хлѣба, а между тѣмъ сарты явно опасаются позволить имъ вступить съ нами въ болѣе тѣсныя сношенія, что легко возможно при отсутствіи фанатической ненависти у дунганъ къ кяфирамъ (невѣрнымъ). Другая причина, какъ мнѣ кажется, заключается въ желаніи скрыть отъ насъ естественныя богатства страны, изъ опасенія завоевательныхъ замысловъ русскихъ.

Во время переговоровъ, султанъ вообще избѣгалъ рѣшительныхъ отвѣтовъ, подъ предлогомъ необходимости обсудить наши предложенія съ своими беками; не смотря на наружный почетъ и строгій, придворный этикетъ, мнѣ казалось, что онъ находится въ значительной зависимости отъ четырехъ казначи; высказывая что нибудь, онъ почти всегда взглядывалъ на нихъ, какъ бы испрашивая ихъ одобренія. При прощаніи, онъ высказалъ надежду еще разъ увидѣться съ нами и откровенно поговорить о всемъ. Казначи насъ проводили до нашихъ лошадей, и вслѣдъ затѣмъ пріѣхали къ намъ съ визитомъ: справиться, какъ они говорили, остались ли мы довольны пріемомъ и словами султана. Я отвѣчалъ утвердительно, хотя, конечно, и не искренно.

До сихъ поръ никто изъ нашихъ людей и мы сами не могли ѣздить по городу, но послѣ аудіенціи, вслѣдствіе разрѣшенія султана, мы совершенно свободно распоряжались нашимъ временемъ, извѣщая только, изъ вѣжливости, султана, о томъ, что мы ѣдемъ на базаръ, въ городъ, и т. п. Во время этихъ прогулокъ народъ всегда встрѣчалъ насъ съ любопытствомъ, но безмолвно, сарты—по принципу, а остальныя народности—изъ страха возбудить неудовольствіе первыхъ; доказательствомъ тому служитъ то, что каждый разъ, когда лицо изъ подвластныхъ таранчамъ національностей было съ нами наединѣ, поведеніе его сейчасъ же измѣнялось въ смыслѣ, дружелюбномъ къ намъ.

На другой день было назначено начало слѣдствія, но тутъ начались разныя промедленія и задержки, на которыя такъ ловки азіятцы. Дахта-Махпуръ, соединяющій въ себѣ и должность илъ-беги, т. е. начальника киргизъ (илъ-беги — два) хлопоталъ о томъ, чтобы люди, скомпрометированные по дѣлу о разбойническомъ нападеніи на маіора Здоренко (въ сентябрѣ 1870 года), не были высланы въ наши предѣлы. Просьбы мои, основанные на словесномъ разрѣшеніи султана, не помогли, и я принужденъ былъ рѣшительно объявить датхѣ, что онъ намъ препятствуетъ

исполнить то, что султанъ оффиціально разрѣшилъ уже, а потому мы теряемъ вѣру въ искренность его словъ и намѣреній.

Вечеромъ, наконецъ, привели къ намъ арестантовъ, небритыхъ (законъ зиндана — тюрьмы) и закованныхъ въ желѣзныя кандалы и цѣпи; каждаго велъ одинъ изъ служителей зиндана (тюрьмы); къ допросу, въ качествѣ депутата, на первый разъ явился одинъ изъ казначи. Въ Кульджѣ допросы преступниковъ всегда производятся публично, и сопровождаются инквизиціонными мѣрами, въ родѣ ударовъ нагайками, повѣшеніемъ за ноги и т. п.; по этому таранчи были не мало удивлены нашему способу допросовъ, при которомъ даже не произносилось ни одного громкаго слова; особенно странны имъ показались очныя ставки; арестанты, вступившіе со страхомъ въ нашу комнату, выходили изъ нея совершенно успокоенные. Показанія ихъ ясно доказали, что они сговорились сдѣлать нападеніе, а впослѣдствіи обнаружилось, что на нихъ вліяли также люди посторонніе и вѣроятно изъ числа высшихъ властей Кульджи. Что касается того: кто были личности, обнаружившія это вліяніе, и какія у нихъ были на то поводы, то дальнѣйшій ходъ слѣдствія въ Кульджѣ не могъ обнаружить этого ясно и несомнѣнно.

Все 10-е число было употреблено нами на допросы, причемъ два чиновника присутствовали въ качествѣ депутатовъ.

11-го числа наступилъ послѣ поста (уразы), торжественный праздникъ рамазанъ, и я счелъ необходимымъ принести по этому случаю султаю поздравленіе отъ русскаго посольства. Когда султану доложили о моемъ желаніи представиться ему, онъ отвѣтилъ намъ приглашеніемъ въ мечеть, чтобы посмотрѣть на богослуженіе, но просилъ, при свиданіи, не говорить о дѣлахъ.

Всѣ мы, въ полномъ составѣ посольства, отправились въ городъ. Подъѣзжая къ главной мечети, мы попали въ значительную толпу народа и были свидѣтелями торжественной процессіи, съ войсками и знаменами: во главѣ этой процессіи султанъ отправлялся служить въ мечеть. Не заѣзжая въ мечеть, мы отправились прямо во дворецъ и черезъ четверть часа поздравили султана, торжественно возвращавшагося домой, послѣ богослуженія. Проходя мимо насъ, онъ и вся процессія остановились, чтобы выслушать наши поздравленія. Султанъ душевно благодарилъ насъ и пригласилъ къ себѣ. Еще наканунѣ минъ-беги Гаупи заявилъ мнѣ о желаніи своего повелителя купить у насъ карманные часы; теперь я воспользовался праздниствомъ и поднесъ ихъ султану. Владыка Кульджи былъ очень обрадованъ этимъ подаркомъ и особенно тѣмъ, что я ему пожелалъ еще много разъ въ счастіи встрѣтить этотъ праздникъ. Слова мои возбудили въ присутствующихъ бекахъ громкій одобрительный шопотъ и впо-

слѣдствіи датха заявилъ мнѣ о всеобщемъ удовольствіи, возбужденномъ моею рѣчью.

На этотъ разъ султанъ приказалъ выставить, для почетной встрѣчи насъ, два ряда пѣшихъ воиновъ, вооруженныхъ саблями и ружьями; эти воины были изъ числа его тѣлохранителей (каска). Они стояли отъ подъѣзда до двора, гдѣ ожидали насъ наши лошади. Вслѣдъ за нашимъ возвращеніемъ домой, опять явились казначи, на которыхъ я надѣлъ по халату, прося ихъ принять это, въ знакъ памяти. Сановники долго благодарили, говоря, что имъ самимъ слѣдовало бы подарить насъ чѣмъ нибудь, какъ своихъ гостей, а не намъ дарить ихъ.

Вообще я пользовался этимъ днемъ, чтобы подарить разныхъ лицъ, почетныхъ или оказавшихъ намъ какія либо услуги, какъ напримѣръ: повара, нашу прислугу и другихъ. Въ первые дни кто нибудь изъ прислуги, подъ разными предлогами, постоянно находился въ комнатѣ; но я отклонилъ это, говоря, что мы пошлемъ за ними, когда они намъ понадобятся. Съ этихъ поръ прислужники приходили къ намъ только тогда, когда дѣйствительно имѣли какое либо дѣло. Впрочемъ, это насъ не спасло отъ наблюденія за нами черезъ маленькія отверстія, продѣланныя снаружи, въ бумажныхъ окнахъ нашей комнаты.

12-го числа, утромъ, мы занимались описью вещей, а также и лошадей, ограбленныхъ у маіора Здоренко.

Къ конвойнымъ нашимъ въ этотъ день зашелъ русскій, выдававшій себя за казака Кокпектинской станицы, захваченнаго будто бы въ плѣнъ барантачами. Къ сожалѣнію, казакъ не былъ мнѣ представленъ; туземная прислуга сейчасъ же выгнала его, не давъ разговориться съ конвойными, и плѣнный (вѣроятнѣе же всего — бѣглый) ушелъ, обѣщаясь придти опять въ тотъ же вечеръ; однако же мы его больше не видѣли. То, что онъ къ намъ пришелъ, доказываетъ, что онъ былъ свободенъ въ Кульджѣ, а слѣдовательно имѣлъ полную возможность вернуться въ наши предѣлы. Это соображеніе заставило меня не ходатайствовать о его освобожденіи.

Въ тотъ же день явился ко мнѣ одинъ сартъ, нашъ подданный. Я еще прежде лично зналъ его въ Вѣрномъ; этотъ сартъ признался, что ушелъ на заработки въ Кульджу, что его здѣсь заставляютъ переводить письма, писанныя на татарскомъ языкѣ, что онъ недоволенъ своимъ положеніемъ и желаетъ вернуться въ Вѣрный. Я не далъ ему положительнаго отвѣта, но обѣщалъ ходатайствовать о немъ предъ султаномъ.

13-го числа, утромъ, датха объявилъ намъ, что султанъ проситъ насъ провести у него вечеръ, во время котораго поговоритъ съ нами и о дѣлахъ. Около шести часовъ вечера онъ же объявилъ намъ, что арестанты хотятъ сдѣлать дополнительное показаніе. Мы съ радостію согласились на

это. Когда мы, въ семь часовъ вечера ѣхали къ городу, подъѣхалъ къ намъ киргизъ Керимкулъ, о которомъ султанъ писалъ, какъ о замѣшанномъ въ дѣлѣ ограбленія маіора Здоренко. Онъ высказалъ, что хотя и живетъ въ Кульджѣ, но болѣе любитъ русскихъ и всею душею преданъ намъ; затѣмъ онъ просилъ справиться у султана: какого рода обвиненіе взведено на него и энергически отрицалъ всякое соучастіе въ грабежѣ.

Въ городѣ, освѣщенномъ луною, уже царствовала полная тишина и только кое гдѣ въ домахъ виднѣлся огонь. Не доѣзжая дворца, насъ встрѣтили факельщики, а у подъѣзда — братъ султана и казначи. Султанъ спросилъ меня: можно ли сѣсть его бекамъ, такъ какъ они устанутъ долго стоять. Когда беки размѣстились на коврахъ, покрывавшихъ полъ, подали чай; вслѣдъ за этимъ угощеніемъ, на столики поставили совершенно симметрично, китайскія чашки съ разными лакомствами.

Я спросилъ султана: «желаетъ ли онъ говорить о дѣлѣ?» Онъ любезно отвѣчалъ, что будетъ радъ исполнить всякое наше желаніе и предоставляетъ это намъ. Начиная дѣловой разговоръ, онъ просилъ извинить его, если онъ подъ-часъ будетъ говорить откровенно, и быть можетъ — рѣзко, но онъ радъ, что имѣетъ случай на словахъ высказаться, такъ какъ въ письмахъ это очень трудно. Я отвѣчалъ, что присланъ для того, чтобы выслушать и высказать правду.

По окончаніи дѣловыхъ переговоровъ, въ 3-мъ часу ночи, поданъ былъ обильный ужинъ. Члены посольства сидѣли съ султаномъ на нарахъ, кругомъ маленькаго столика, а всѣ остальные присутствующіе—внизу, на полу. Подано было до пяти различныхъ, но весьма вкусныхъ бульоновъ и суповъ. Султанъ самъ наливалъ мою чашку изъ суповницы, имѣющей сходство съ самоваромъ.

Поблагодаривъ султана за его пріемъ, я высказалъ ему наше желаніе завтра или послѣ завтра выѣхать изъ Кульджи. Онъ отвѣчалъ сожалѣніемъ, что мы такъ торопимся, но не считалъ себя въ правѣ насъ удерживать.

14-го декабря мы съ утра производили дополнительный допросъ арестантовъ, причемъ они всѣ показали совершенно противное тому, что говорили при первыхъ допросахъ. На этотъ разъ они являлись уже не единственными участниками нападенія, а только случайными, и то не по своей волѣ, укрывателями ограбленныхъ вещей и лошадей. Постороннее вліяніе тутъ опять обнаружилось весьма ясно.

Утромъ мнѣ было доставлено конфиденціальное письмо копальскаго судьи; оно было распечатано и вѣроятно прочтено. Я немедленно, съ полною откровенностію и весьма рѣзко заявилъ датхѣ Махпуру, какія грустныя, въ смыслѣ нарушенія нашей дружбы, послѣдствія можетъ имѣть

такое оскорбительное для насъ дѣйствіе, какъ распечатаніе письма. Датха извинялся, приписывалъ это небрежности джигита, который везъ письмо, и обѣщался примѣрно наказать его. Я показалъ видъ, что удовольствовался такимъ объясненіемъ.

Вечеромъ того же дня пріѣхали къ намъ казначи и привезли съ собою подарки султана. Подарки эти состояли: для меня — изъ лошади и двухъ плохихъ, китайскихъ вазъ; остальнымъ офицерамъ, въ томъ числѣ и переводчику, прислано было по одной лошади, довольно плохой. Конвойные и киргизы получили по три куска грубой красной маты, а сартъ Уразала—полушелковый халатъ и бѣлую матовую чалму.

15-го декабря, около одиннадцати часовъ утра, все посольство наше отправилось къ султану на прощальную аудіенцію. Султанъ ласково отвѣчалъ на наше прощальное привѣтствіе, причемъ я ему высказалъ благодарность за оказанный намъ пріемъ и выразилъ надежду, что онъ будетъ съ своей стороны способствовать установленію дружескихъ отношеній между нашими и его подданными.

Султанъ собственноручно передалъ мнѣ подарки для военнаго губернатора. Передавая очки, (находившіяся въ числѣ подарковъ), онъ выразилъ надежду, что губернаторъ постоянно черезъ нихъ будетъ видѣть его (султана); затѣмъ, обращаясь къ цвѣточнымъ горшкамъ, онъ выразилъ желаніе, чтобы цвѣты, выросшіе въ нихъ, напоминали губернатору его, султана.

Я отвѣчалъ ему: «слова высокаго султана, будутъ для нашего губернатора дороже подарковъ». При прощаніи, султанъ пожалъ намъ всѣмъ руку. Въ пріемной комнатѣ мы простились съ казначи, причемъ я имъ напомнилъ ихъ обѣщаніе: пользоваться своимъ вліяніемъ въ государствѣ, для установленія дружественныхъ сношеній между Россіей и Кульджею. Кромѣ того, имѣя въ виду взять съ собою задержаннаго въ Кульджѣ русскаго подданнаго, сарта Пташку (прозвище) *), я спросилъ казначи: хорошій ли онъ человѣкъ, не состоитъ ли подъ слѣдствіемъ, судомъ или не долженъ ли кому нибудь? Получивъ на все отрицательный отвѣтъ, я объявилъ имъ, что возьму Пташку съ собою. Казначи отвѣчали, что спросятъ о томъ султана, но я даже не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на это возраженіе, такъ какъ, по моему мнѣнію, казначи ни въ какомъ случаѣ не имѣли права задерживать у себя русскаго подданнаго.

Когда мы уже собирались выѣхать, пріѣхалъ датха и объявилъ, что султанъ не совѣтуетъ намъ брать съ собою этого человѣка, такъ какъ

*) О немъ было сказано выше.

онъ, пріѣхавъ въ Кульджу, жаловался на притѣсненія, которыя онъ, будто бы, терпѣлъ отъ русскихъ. Я просилъ благодарить султана за сообщеніе, но выразилъ, что мы сами съумѣемъ справиться съ нашими дурными людьми. Пташка во все это время былъ ни живъ—ни мертвъ.

Все казалось шло хорошо; мы уже хотѣли сѣсть на лошадей, какъ вдругъ явился отъ султана орда-беги (завѣдующій дворцомъ) и обращаясь ко мнѣ, дерзко сказалъ: «султанъ не приказалъ вамъ отдавать этого человѣка; вы его нарочно прислали четырьмя мѣсяцами раньше, чтобы онъ все разузналъ и потомъ вамъ разсказалъ».

Это распоряженіе султана вывело меня изъ терпѣнія и я рѣшительно, громкимъ голосомъ объявилъ, что посольство безъ этого сарта не выѣдетъ изъ Кульджи, а всякая задержка посольства будетъ признана нарушеніемъ дружбы. Орда-беги поблѣднѣлъ и тотчасъ же объявилъ, что султанъ не противится отъѣзду Пташки, но проситъ насъ не вѣрить всему, что онъ будетъ разсказывать, такъ какъ онъ дурной человѣкъ. Я его успокоилъ на этотъ счетъ, и мы, съ Пташкой на козлахъ, выѣхали изъ Кульджи. Во время послѣдняго разговора Пташка стоялъ блѣдный, какъ смерть, и шепнулъ мнѣ, что если мы его не возьмемъ съ собою, то онъ подниметъ на себя руку.

По приказанію султана, насъ провожалъ до Чин-панъ-зви *), нашъ знакомый минъ-беги-Гаупи и еще одинъ чиновникъ. Мурабъ-беги Джапашъ назначенъ былъ сопровождать насъ до Мазара, а датха провожалъ насъ до выѣзда изъ города. На прощанье, я ему подарилъ табакерку, а батырю Гаупи—небольшой бинокль, для того, какъ сказалъ я, чтобы онъ могъ издали высмотрѣть своихъ враговъ. И тотъ, и другой были чрезвычайно довольны и обѣщали пріѣхать ко мнѣ погостить въ Вѣрный.

Когда мы еще были въ Кульджѣ, пронесся слухъ, что вслѣдствіе предложенія военнаго губернатора Семирѣченской области, кульджинскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣрномъ будетъ назначенъ датха. Этотъ выборъ султана весьма желателенъ, такъ какъ датха—человѣкъ весьма умный и ученый.

Поздно ночью мы остановились недалеко отъ той дачи, въ которой ждали разрѣшенія султана ѣхать въ Кульджу. Дунгане по прежнему принимали насъ весьма ласково, шопотомъ жаловались на различныя притѣсненія со стороны таранчей и спрашивали: выхлопотали ли мы имъ у султана разрѣшеніе ѣздить для торговли въ русскіе предѣлы.

---

*) Въ четырехъ верстахъ отъ Кульджи.

16-го декабря утромъ, проѣзжая мимо Сюйдуна, мы заѣхали къ нашему знакомому, дунгану Юсуфъ-Ахуну, у котораго ночевали проѣздомъ въ Кульджу. Онъ съ искреннею радостью принялъ насъ и угостилъ чаемъ съ разными пряностями и печеньемъ.

Не стану описывать дороги, такъ какъ мы ѣхали знакомымъ уже намъ путемъ. Въ Кульджѣ я предполагалъ проѣхать черезъ Мусартскій отрядъ, но не желая получить, предвидѣннаго мною, рѣшительнаго отказа, просилъ датху разузнать: можно ли тамъ проѣхать, такъ какъ мнѣ желательно было бы посѣтить нашъ отрядъ. Черезъ день датха объявилъ мнѣ, что таранчинскій отрядъ на Текесѣ снятъ, потому что горы занесло глубокимъ снѣгомъ и сообщеніе чрезъ нихъ невозможно. Конечно, это была выдумка, но я не настаивалъ, не желая получить отказа. Съ другой стороны, мнѣ удалось собрать довольно достовѣрныя свѣдѣнія, о степени проходимости перевала Су-ашу, для колесныхъ экипажей, причемъ оказалось, что безъ всякой разработки это представитъ нѣкоторыя затрудненія, которыя, впрочемъ, не трудно устранить.

Проѣхавъ Сюйдунъ и Чинъ-ча-хо-зи, мы ночевали въ Мазарѣ, гдѣ насъ принималъ мурабъ-беги, вмѣсто шанъ-беги, оставшагося въ Кульджѣ. Отсюда я написалъ султану письмо, въ которомъ благодарилъ еще разъ за оказанный намъ пріемъ и извѣщалъ о благополучномъ нашемъ прибытіи въ пограничный городъ.

17-го декабря, на разсвѣтѣ мы выступили изъ Мазара, и промучившись болѣе часу съ нашей телѣгой на замерзшихъ по берегамъ рукавахъ р. Кургаша (Хоргосъ), въ четыре часа по полудни благополучно прибыли въ Борохудзирскій отрядъ. Продневавъ здѣсь, мы 19-го числа отправились въ Вѣрный, куда и прибыли 21-го декабря.

Бар. А. В. Каульбарсъ.

Праздникъ 22-го іюля въ Кульджѣ.

Послѣ занятія Кульджи нашими войсками, принявъ, въ теченіи іюня мѣсяца, покорность всѣхъ племенъ, населяющихъ страну, и устроивъ временное народное управленіе, для сохраненія порядка и спокойствія въ занятомъ краѣ, командующій войсками, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій совершилъ поѣздку въ верхніе таранчинскіе кенты (деревни), гдѣ обитаетъ главная масса таранчинскаго населенія; онъ и спѣшилъ вернуться въ Кульджу къ 22-му іюля, намѣреваясь устроить въ этотъ день, по случаю тезоименитства Государыни Императрицы, народный праздникъ. Къ этому же времени собрались въ Кульджѣ всѣ начальники монголо-манджурскихъ племенъ, для совѣщаній о сборѣ средствъ на постройку буддійской молельни, которой, послѣ разрушенія всѣхъ ихъ моленъ во время возстанія мусульманъ противъ китайцевъ, буддисты не имѣли.

Утромъ, 22-го іюля, городской старшина, не задолго передъ тѣмъ выбранный на эту должность, съ помощниками и почетными таранчами, въ числѣ которыхъ были бывшіе султанскіе министры *(казначи)* и высшее мусульманское духовенство, принесъ генералу Колпаковскому поздравленіе съ праздникомъ. Командующій войсками разъяснилъ имъ значеніе праздника и пригласилъ на *той* (угощеніе) послѣ молебствія и парада войскамъ. Съ такими же поздравленіями явились киргизскіе родоправители и начальники китайцевъ, сибо, торгоутовъ и калмыковъ разныхъ племенъ. Послѣдніе объявили, что народъ съ благодарностью принялъ предложеніе генерала Колпаковскаго о постройкѣ молельни; различныя буддійскія племена пожертвовали на этотъ предметъ до 1,500 руб. и обязались доставить безплатно рабочихъ и перевозочныя средства. Мѣсто для постройки молельни избрано ламами, на мѣстѣ стараго главнаго *сумбе* (монастыря), близь манджурской Кульджи, служившаго зимнимъ мѣстопребываніемъ чаганъ-ламы. Праздникъ былъ устроенъ въ саду казначи Абдрахмана, бывшаго начальника таранчинскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ главнаго нашего отряда. Садъ этотъ не изъ лучшихъ, не великъ

и бѣденъ растительностью; но онъ былъ выбранъ потому, что находится между городомъ и лагеремъ и близокъ къ тому и другому. Почетные гости помѣщались на обычной въ здѣшнихъ садахъ глиняной террасѣ, окруженной высокими и тѣнистыми тополями, подъ огромнымъ балдахиномъ, взятымъ изъ главной мечети и служившимъ, какъ видно, для праздниковъ султана. Терраса была покрыта коврами и уставлена маленькими низкими столиками. Гости сидѣли за ними рядами. Одну сторону террасы занимали монголо-манджуры и китайцы, по старшинству ихъ чиновъ, а на противуположной сидѣли многочисленные таранчинскіе муллы. Монголы и китайцы были одѣты однообразно, въ парадныя шелковыя *курмы* (куртки) темно-синяго цвѣта; подъ курмами виднѣлись длинныя, спускавшіяся до черныхъ шелковыхъ башмаковъ съ толстыми подошвами, *чанъ-паузы* (бешметы); на головахъ были тонкія соломенныя конусообразныя шляпы, съ прикрѣпленными на верхушкахъ шариками и павлиньими перьями *). Костюмы эти составляли даръ манджурскаго правительства, и такъ какъ подарки эти прекратились въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ, то многія курмы были сильно поношены и засалены, а чанъ-паузы у нѣкоторыхъ начальниковъ представляли собою лохмотья. Большая часть монголо-калмыцкихъ чиновниковъ были люди почтенныхъ лѣтъ, и съ довольно представительными физіономіями, съ густыми сѣдыми усами и длинными косами, болтавшимися на спинѣ. Первое мѣсто занималъ мужчина среднихъ лѣтъ торгоутскій *бейле* Очиръ, имѣющій темно-красный шарикъ. Подчиненные ему торгоуты кочуютъ въ горахъ Джинъ-хо (около 270 верстъ [отъ] Кульджи чрезъ проходъ Талки, по дорогѣ къ Манасу). Торгоуты его [н]ѣсколько менѣе пострадали во время безпорядковъ, по отдаленности ихъ кочевокъ отъ Кульджи и Манаса. Очиръ считаетъ въ своихъ четырехъ *сумунахъ* (эскадронахъ) до 600 юртъ. Торгоуты Очира родственны кочующимъ около Карашара за Юлдузскими горами торгоутамъ и хошоутамъ, подчиненнымъ нынѣ Якубъ-беку.

Званіе бейле слѣдуетъ непосредственно послѣ ханскаго и княжескаго *(ванъ)*; по этому Очиръ занималъ высшее мѣсто между всѣми присутствующими чиновниками. Рядомъ съ бейле Очиромъ сидѣлъ укурдай или ухерида (полковой командиръ) сибо Кармана, имѣющій розово-красный шарикъ амбаня, сгорбившійся, высокаго роста съ больной ногой старикъ; за нимъ слѣдовали подчиненные ему два зянги (эскадронные командиры) съ синими шариками. Сибо, переселенные во 2-й половинѣ XVIII столѣтія изъ Дауріи, теперь самое многочисленнѣйшее изъ всѣхъ монголо-манджур-

*) Знакъ офицерскаго чина.

скихъ племенъ и живетъ осѣдло, по теченію выведеннаго для орошенія ихъ полей на лѣвомъ берегу р. Или большаго арыка, въ числѣ 2,234 семей (15,448 душъ обоего пола). Во время войны они держали себя нейтрально и потому не понесли большой потери людьми, хотя были раззорены поборами скота и денегъ для обѣихъ воевавшихъ сторонъ (китайцевъ и мусульманъ). За сибо, по старшинству чиновъ, слѣдовалъ тайдши торгоутовъ Мунко-Баиръ, физіономія котораго, какъ и начальника его бейле, болѣе приближалась къ индо-европейскому типу, чѣмъ манджуро-китайскія физіономіи сибо. Далѣе помѣщался укурдай арбунъ-сумуновъ, кочующихъ по р. Кашу, и его помощникъ ильгидай (подполковникъ) Санджи. Это были сѣдые старики, весьма бѣдно и грязно одѣтые, первый — съ краснымъ, второй съ синимъ шарикомъ. Арбунъ-сумуновъ теперь считается до 500 юртъ. Это единственный въ здѣшней мѣстности остатокъ джунгарскаго племени, господствовавшаго въ XVII и первой половинѣ XVIII столѣтія надъ всею Монголіею и Восточнымъ Туркестаномъ. Нарѣчіе арбунъ-сумуновъ (десять эскадроновъ) нѣсколько отличается отъ языка торгоутовъ и чахаръ-калмыковъ, но близко къ нимъ. Арбунъ-сумуны много разъ подвергались разграбленію со стороны таранчей и киргизъ, за попытки подать помощь манджурамъ. Падежъ рогатаго скота (1868 г.) окончательно раззорилъ ихъ и во время занятія нами Кульджи половина этого племени жило въ работникахъ по таранчинскимъ кентамъ, не имѣя ни юртъ, ни скота. Около арбунъ-сумуновъ помѣщались укурдаи чахаръ-калмыковъ, кочующихъ въ горахъ, окаймляющихъ Илійскую долину съ сѣвера рода чи-нанги (800 кибитокъ) аю и рода хо-чи-нанги (800 кибитокъ), онха, наконецъ ильгидай дурбунъ-сумуновъ (4 сумуновъ), родственныхъ торгоутамъ, Лиджи, имѣющій въ своемъ вѣдѣніи до 500 кибитокъ, сильно раззоренныхъ подобно арбунъ-сумунамъ.

За высшими чиновниками виднѣлись на террасѣ ряды низшихъ чиновниковъ съ голубыми, бѣлыми, матовыми и безцвѣтными прозрачными шариками. Къ нимъ примыкали ламы въ желтыхъ курмахъ съ разнообразными желтыми колпаками. Ламы и низшіе чиновники не могли всѣ помѣститься на террасѣ. Многіе изъ нихъ и китайскіе начальники занимали мѣсто подлѣ террасы. Китайцы управляются выбранными ими по распоряженію генерала Колпаковскаго начальниками и живутъ въ предмѣстьяхъ таранчинской Кульджи (1,809 душъ) и въ гг. Чинчагози (743 души) и Лууцугунѣ (821 душа). Сверхъ того, внѣ Илійской долины, за горами, которыя составляютъ промежуточный между Алатау и Эренъ-Кабырга хребетъ, китайцы населяютъ деревни: Такіянза, Джинъ-хо и Ши-хо, лежащія по дорогѣ въ Манасъ. Число манджуровъ, уцѣлѣвшихъ послѣ возстанія, весьма не велико; ихъ насчитывается въ предмѣстьяхъ Кульджи до

450 душъ, тогда какъ въ 1862 году, по показанію доктора Радлова, ихъ было 6,000 семей. Кромѣ манджуровъ, бѣдствія возстанія отозвались преимущественно на дунганахъ и китайцахъ, которыхъ было въ 1862 году, по исчисленію доктора Радлова, 17,800 семей или 100,000 душъ; теперь же ихъ оказывается только 8,503 души.

Противъ монголо-манджурскихъ начальниковъ на террасѣ занимали другую ея половину таранчинскіе муллы и нѣкоторые почетные люди, въ халатахъ различныхъ матерій, большею частію темныхъ цвѣтовъ, съ бѣлыми чалмами на головахъ. Съ ними же сидѣлъ сынъ бывшаго султана, лѣтъ 14 отъ роду, между двумя муллами, назначенными къ нему султаномъ, при отъѣздѣ въ г. Вѣрный, въ наставники и попечители. Толпы таранчей, *) киргизъ, китайцевъ и калмыковъ наполняли садъ кругомъ террасы.

По прибытіи генерала Колпаковскаго, гостямъ поданы были дыни, арбузы (вкусомъ далеко уступаютъ алматинскимъ), виноградъ, еще не дозрѣлый, и сушеные фрукты. Затѣмъ слѣдовали: чай, жареные цѣликомъ и подававшіеся на огромныхъ блюдахъ бараны, извѣстное среднеазіятское кушанье пилавъ (палау) и въ заключеніе—чай. Всѣ гости брали мясо и пилавъ руками; даже китайцы и высшіе чиновники, всегда носящіе съ собою привѣшанный съ боку приборъ съ ножемъ и китайскими палочками, не употребляли въ дѣло своихъ палочекъ. Калмыцкіе чиновники время отъ времени обмахивали себя (день былъ, впрочемъ, не очень жаркій) опахалами, которыя были у каждаго также привѣшены съ боку.

Прислугою распоряжались кульджинскій городской старшина и бывшіе министры султана, казначи, взявшіе на себя эту обязанность. Когда дѣло дошло до пилава, многочисленная прислуга едва успѣвала приносить большія деревянныя блюда съ этимъ кушаньемъ: такъ быстро оно отправлялось гостями по назначенію. Весьма многіе изъ гостей, особенно таранчи, насытившись, укладывали пилавъ въ большія круглыя лепешки (*токачи*) и завязывали ихъ въ платки, чтобы унести домой. Это не считается неприличнымъ, и даже служитъ доказательствомъ расположенія гостей къ хозяину. Обычай этотъ раздѣлили, какъ оказалось, и многіе монгольскіе чиновники.

---

*) Во всѣхъ таранчинскихъ кентахъ и въ Кульджѣ 38,211 душъ таранчей; киргизъ насчитывается 5,586 киб. или 22,344 д., дунганъ 5,130 д., итого магометанъ 66,141 д. обоего пола. Остальное число душъ изъ 100,000, составляющихъ нынѣшнее населеніе Илійской долины, приходится на долю монголо-манджурскихъ племенъ и китайцевъ.

Во время угощенія, ряды калмыковъ и ламъ, въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, съ шариками и павлиньими перьями на головахъ, таранчи въ большихъ бѣлыхъ чалмахъ, толпы народа, расположившагося кругомъ террасы, и спѣшившаго побольше захватить пилаву — все это представляло живописную и оригинальную для европейца картину. На лицахъ народной толпы не выражалось ничего враждебнаго. Конечно, таранчи не забыли, что только мѣсяцъ тому назадъ (22-го іюня) русскіе вступили въ Кульджу и лишили ихъ господствующаго положенія; но спокойствіе, водворившееся въ краѣ, и безопасность личности и имущества вознаградили таранчей за потерю власти. Масса таранчей даже въ этомъ послѣднемъ отношеніи ничего не потеряла, потому что пріятности и выгоды господства доставались на долю султана, высшаго духовенства и немногихъ вліятельныхъ семействъ; остальные же таранчи-землепашцы по прежнему продолжали жить въ своихъ глиняныхъ лачугахъ, носить грубую дабу и обработывать въ потѣ лица обширныя свои поля. За то всѣ прочія, за исключеніемъ мусульманъ, народности съ приходомъ русскихъ, освободились отъ тяжкаго гнета и близкаго къ рабству положенія, что особенно чувствовали ихъ начальники, на которыхъ крѣпче отзывалось таранчинское иго.

Вниманіе русскихъ, присутствовавшихъ на праздникѣ, особенно привлекали два оркестра музыкантовъ: китайскій и таранчинскій. Первый состоялъ изъ нѣсколькихъ своеобразныхъ, струнныхъ инструментовъ и двухъ пѣвцовъ, которые чрезвычайно гнусливо, но стройно и довольно гармонично, пѣли какія-то непонятныя намъ пѣсни. Таранчинскіе музыканты (струнные же инструменты и бубны) и пѣвцы услаждали публику чрезвычайно однообразными, должно быть духовнаго содержанія, мелодіями.

Таранчей, напротивъ, занимали болѣе два русскихъ хора пѣсенниковъ: солдатскій и казачій. Особенный интересъ ихъ, а равно и всей публики, возбудила пѣсня, описывавшая походъ Борохудзирскаго отряда въ маѣ мѣсяцѣ къ Мазару. Въ пѣснѣ этой, весьма оригинальной, и довольно вѣрно описывающей первыя столкновенія съ таранчами, часто упоминается имя таранчей. Они слушали ее, улыбаясь, когда упоминалось знакомое имъ имя таранчей. Этой пѣсней, написанной портупей-юнкеромъ Поликарповымъ, бывшимъ въ составѣ Борохудзирскаго отряда, и заключился праздникъ 22-го іюля.

Н. А — въ.

Путешественники по Восточному Туркестану.

Заманчивыя, еще мало изслѣдованныя страны центральной Азіи: Памиръ, китайская Татарія или Восточный Туркестанъ, издавна возбуждали интересъ всего ученаго міра. Нѣкоторые изъ путешественниковъ пытались пробраться сюда, хотя въ большинствѣ случаевъ безуспѣшно, рискуя даже своею жизнію. Въ послѣднее время Кашгаръ посѣтили два англичанина, съ совершенно различными цѣлями: одинъ—съ ученой, а другой—съ коммерческой. Сообщимъ нѣкоторыя, наиболѣе интересныя свѣдѣнія объ этихъ смѣлыхъ путешественникахъ:

Г. Гэуардъ, по порученію лондонскаго географическаго общества, предпринялъ посѣтить Болоръ и Памиръ и оттуда пройти въ наши средне-азіатскія владѣнія. Еще въ концѣ 1868 года, путешественникъ этотъ отправился въ путь отъ Шадулы, лежащей на сѣверовосточной границѣ кашмирскихъ владѣній съ Восточнымъ Туркестаномъ, и, достигнувъ горъ Куэнъ-Лунь, занялся изслѣдованіемъ отроговъ этого хребта, одна изъ вершинъ котораго поднималась до высоты 28,278 футъ. Изъ числа проходовъ, ведущихъ изъ Индіи въ Туркестанъ, особенно тщательно осмотрѣнъ былъ г. Гэуардомъ проходъ чрезъ Куэнъ-Лунь, подъ названіемъ Янги, который, по его мнѣнію, удобно можетъ быть приспособленъ къ провозу телѣгъ и даже орудій. 8-го декабря, путешественникъ достигъ источниковъ Яркендъ-Дарьи и опредѣлилъ астрономически положеніе ихъ подъ 35° 37′ и 44″ сѣверн. шир. и 77° 50′ восточн. долг. (по Гриничскому меридіану). Получивъ разрѣшеніе яркендскаго бека, г. Гэуардъ двинулся впередъ и, переваливъ чрезъ Санжуйскій проходъ, вступилъ въ страну, хорошо обработанную и населенную виднымъ, здоровымъ народомъ. До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ пунктахъ этой страны существуетъ еще рабство, хотя прежній торгъ рабами на яркендскомъ рынкѣ запрещенъ былъ нынѣшнимъ правителемъ Восточнаго Туркестана, Якубъ-бекомъ. По пути г. Гэуарду приводилось слышать странныя легенды о существовавшихъ здѣсь во время-оно большихъ городахъ, занесенныхъ нынѣ песками. Прибывъ въ Яркендъ, путешественникъ былъ чрезвычайно ласково принятъ

городскимъ бекомъ и ему доставлены были всѣ необходимыя удобства во время двухъ-мѣсячнаго его тамъ пребыванія. По описанію г. Гэуарда, Яркендъ представляетъ параллелограмъ въ $1^1/_2$ и двѣ мили въ сторонахъ и заключаетъ въ себѣ 40,000 (?) домовъ, 120 мечетей и 120,000 жителей; городъ обнесенъ земляными валами въ 45 фут. высоты съ бастіонами и передовымъ укрѣпленіемъ. Впрочемъ г. Гэуарду, за исключеніемъ визитовъ его къ беку, запрещено было выходить изъ дому.

Въ концѣ февраля 1870 года, г. Гэуардъ достигъ Кашгара, столицы Восточнаго Туркестана и резиденціи верховнаго владѣтеля его, Якубъ-бека. Кашгаръ — городъ съ 60 или 70,000 жителей — представляетъ центральный пунктъ всѣхъ главнѣйшихъ путей Средней Азіи. Принятый благосклонно Якубъ-бекомъ, англійскій путешественникъ до того былъ пораженъ характеромъ и дарованіями этого правителя, что полагаетъ — если бы центральная Азія была совершенно свободна отъ всякаго внѣшняго давленія, то Якубъ-бекъ сдѣлался бы вторымъ Чингисъ-ханомъ. Въ разговорѣ съ г. Гэуардомъ владѣтель Туркестана выразилъ желаніе видѣть болѣе частыя посѣщенія англичанъ; однако, пробывъ цѣлый мѣсяцъ въ Кашгарѣ, путешественникъ тщетно добивался получить разрѣшеніе отправиться въ Памирскую степь. Въ бытность свою въ Кашгарѣ, г. Гэуардъ опредѣлилъ астрономическое положеніе этого города, доселѣ въ точности неизвѣстное; по его вычисленію, Кашгаръ лежитъ подъ 39° 19′ и 37″ сѣверн. шир. и подъ 76° 10′ восточн. долг., на 4,165 фут. н. п. м.

Всѣ эти свѣдѣнія о путешествіи г. Гэуарда были читаны въ собраніи лондонскаго географическаго общества, причемъ президентъ общества заявилъ, что Россія не завидуетъ торговому проникновенію англичанъ въ Восточный Туркестанъ, и пока Якубъ-бекъ ограничится владѣніемъ страною къ югу отъ Тянь-Шаня, Россія не вмѣшается въ дѣла Восточнаго Туркестана. Въ этомъ же засѣданіи географическаго общества, г. Роулинсонъ сказалъ, что онъ уполномоченъ заявить о соглашеніи, въ которое вступило индійское правительство съ магараджей кашмирскимъ, относительно командированія офицеровъ для наблюденія за дорогами, ведущими къ туркестанской границѣ; впослѣдствіи оно предлагаетъ начать по тому же предмету переговоры съ Якубъ-бекомъ относительно дорогъ, лежащихъ въ его владѣніяхъ.

По послѣдующимъ извѣстіямъ, предпріимчивый г. Гэуардъ, не добившись позволенія отправиться изъ Кашгара въ Памирскую степь, намѣревался предпринять туда путешествіе изъ Кашмира чрезъ Гилгитъ. Путь свой онъ думалъ направить чрезъ Памирскую нагорную площадь къ озеру Каракуль и отсюда достигнуть Самарканда. Какъ извѣстно, Гэуарду не удалось исполнить свой смѣлый планъ; онъ былъ измѣннически убитъ въ Ясинѣ.

Въ засѣданіи лондонскаго географическаго общества 16 февраля 1871 г., г. Шау, чайный плататоръ изъ Пенджаба, совершившій поѣздку въ Восточный Туркестанъ, съ цѣлью открыть туда торговый путь, преимущественно для чая, изъ Остъ-Индіи, прочелъ записку о своемъ путешествіи. По общему мнѣнію, говоритъ авторъ, китайская Татарія представляется безпрерывною равниною, по которой бродятъ орды варваровъ, съ ихъ стадами и палатками. Но найденная имъ дѣйствительность далеко не согласуется съ подобнымъ мнѣніемъ. Тутъ является хорошо обработанная страна, съ цвѣтущими городами, имѣющими до 100,000 и болѣе жителей, дороги полны жизни и движенія, а базары открываются въ опредѣленные дни даже въ незначительныхъ селеніяхъ. Въ обширныхъ городскихъ базарахъ, защищаемыхъ покрышками отъ жгучихъ лучей солнца, находятся ряды лавокъ, въ которыхъ выставлены товары всякаго рода и изъ всѣхъ странъ. Въ одномъ Яркендѣ имѣется шестьдесятъ училищъ, надѣленныхъ землею, въ которыхъ молодые люди обучаются мусульманскому закону и религіи; кромѣ того, въ каждой улицѣ существуетъ при мечети начальная школа, гдѣ мальчики въ тюрбанахъ получаютъ первые уроки въ чтеніи и письмѣ. Улицы распредѣлены спеціально по родамъ торговли; въ одной продается шелкъ изъ Китая, въ другой—бумажные товары и русскіе ситцы, въ третьей—готовыя платья изъ того и другаго матеріала; три или четыре улицы занимаются изготовленіемъ обыкновенной одежды тюркскаго населенія; особыя улицы опредѣлены для мясниковъ, хлѣбниковъ, зеленщиковъ. Чайныхъ домовъ и съѣстныхъ лавокъ множество. Шербетъ изъ фруктовъ продается вездѣ и его можно получать холодный на каждомъ углу, гдѣ обыкновенно производится торговля льдомъ. Такова дѣятельность этого малоизвѣстнаго народа, отличающагося своею особенною, но бодрою жизнію и также равнодушно относящагося къ дѣятельности европейцевъ, какъ европейцы мало обращаютъ вниманія на собственную его жизнь. Г. Шау описываетъ пріемъ, сдѣланный ему правителемъ Кашгара, Аталикомъ-Гази, извѣстнымъ у насъ подъ прежнимъ своимъ именемъ Якубъ-бека. Когда мусульманское населеніе западнаго Китая возмутилось, оно получило помощь отъ андиджанцовъ изъ Кокана, которыми предводительствовалъ Якубъ-бекъ. Якубъ-бекъ воспользовался побѣдою инсургентовъ и утвердилъ свое господство надъ плодородною страною, населеніе которой разнообразно опредѣляютъ отъ 20-ти до 60-ти ллiоновъ (?). Андиджанцы теперь занимаютъ главнѣйшія мѣста въ управленіи и составляютъ ядро вооруженныхъ силъ правителя; но отношенія ихъ къ туземнымъ яркендцамъ весьма дружественны, они смотрятъ на нихъ, не какъ на побѣжденныхъ, но какъ на братьевъ по вѣрѣ и крови, которыхъ освободили они отъ ига невѣрныхъ идолопоклонниковъ. Яркендцы,

по своей природѣ, болѣе расположены къ торговлѣ и мирнымъ занятіямъ, тогда какъ андиджанскіе узбеки предпочитаютъ занятія по управленію и военному дѣлу. Оба народа говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, въ сущности сходнымъ съ языкомъ константинопольскихъ турокъ. Якубъ-бека г. Шау описываетъ, какъ человѣка замѣчательнаго ума и энергіи. По изгнаніи китайцевъ, онъ обуздалъ неспокойное туркестанское населеніе мѣрами суровыми и жестокими и такимъ способомъ возстановилъ порядокъ и безопасность, не вооружая противъ себя массы своихъ подданныхъ. Онъ обыкновенно, каждый день, засѣдаетъ у городскихъ воротъ по три и по четыре часа, выслушиваетъ жалобы и творитъ судъ. Первое представленіе путешественника Якубъ-беку было очень эффектно. Впереди г. Шау шли люди, несшіе его подарки на подносахъ; за ними слѣдовала толпа длиннополыхъ служителей правителя; далѣе шли два чиновника высокаго ранга, явившіеся къ г. Шау, чтобы проводить его. Самъ г. Шау былъ одѣтъ въ туземный костюмъ; приблизившись ко дворцу, процессія проходила между двумя рядами солдатъ; по обѣимъ сторонамъ воротъ стояло нѣсколько пушекъ; широкій четыреугольный дворъ, куда они теперь вступили, былъ наполненъ стражею, отличавшеюся одеждою яркихъ цвѣтовъ и сидѣвшею въ торжественномъ молчаніи, оперши руки въ лобъ. На внутреннемъ дворѣ, сопровождавшіе г. Шау его оставили и онъ долженъ былъ войти въ комнату правителя, въ сопровожденіи только одного чиновника; здѣсь онъ увидѣлъ Якубъ-бека, сидѣвшаго, въ ожиданіи его, въ отдаленномъ концѣ комнаты. Когда г. Шау приблизился къ нему, онъ протянулъ руки для привѣтствія гостя, любезно улыбаясь, и пригласилъ его сѣсть на подушку, напротивъ себя. Якубъ-бекъ показался г. Шау человѣкомъ лѣтъ 45-ти отъ роду, невысокаго роста, крѣпко сложеннымъ и отличающимся весьма широкимъ лбомъ. Онъ привѣтствовалъ путешественника, какъ перваго англичанина, посѣтившаго его страну, и сказалъ, что Богъ вложилъ въ сердце его надежду видѣть въ этомъ прибытіи благопріятное предвѣстіе для себя. Во всѣхъ послѣдующихъ свиданіяхъ Якубъ-бекъ высказывалъ сильное желаніе быть съ англичанами на дружеской ногѣ. Онъ часто говорилъ: «ваша королева подобна солнцу, лучи котораго разливаютъ теплоту всюду; я чувствую холодъ и желаю, чтобы нѣкоторые изъ ея лучей упали и на меня. Я очень малъ (при этомъ онъ указалъ на кончикъ своего пальца), человѣкъ вчерашняго дня; въ послѣдніе, немногіе годы Богъ далъ мнѣ эту великую страну. Нѣкоторыя услуги я могу оказать вамъ здѣсь по вашему желанію, и вы должны сдѣлать тоже самое для меня. Приходите! Что же сообщите вы обо мнѣ на родинѣ, когда туда возвратитесь?» — Прощальное свиданіе было съ его стороны весьма благосклонное. На счетъ главнаго предмета

поѣздки г. Шау—завязать торговлю между Индіею и Кашгаромъ, Якубъ-бекъ сказалъ, что послѣдующія распоряженія его будутъ согласны съ его обязанностію поддерживать подобныя сношенія. Купцы изъ Индіи уже начинаютъ посѣщать Яркендъ, и требуется только устраненіе немногихъ препятствій въ горныхъ странахъ, что зависитъ отъ собственнаго вліянія англичанъ.—По словамъ г. Шау, Кашгаръ представляетъ обширный, возвышенный бассейнъ средней Азіи, около 4,000 фут. надъ уровнемъ моря, окруженный съ трехъ сторонъ снѣговыми хребтами горъ, возвышающимися во многихъ мѣстахъ болѣе, чѣмъ на 20,000 футовъ надъ уровнемъ моря. На востокѣ простирается песчаная пустыня Гоби, отдѣляющая Восточный Туркестанъ отъ Китая. Всѣ рѣки, которыя текутъ съ снѣговыхъ горъ къ востоку, теряются въ пескахъ, и такъ какъ здѣсь мало или и совсѣмъ нѣтъ дождей, то почва оплодотворяется каналами и орошеніемъ. Обработка почвы и обезпеченіе густо населенныхъ мѣстъ вполнѣ зависятъ отъ этихъ оросительныхъ каналовъ, которые чрезвычайно многочисленны и содержатся заботливо. Г. Шау говоритъ, что во время пребыванія его въ Кашгарѣ самъ Якубъ-бекъ надзиралъ за работами на вновь устраиваемомъ каналѣ и даже лично на немъ работалъ. Кашгаръ отдѣленъ отъ долинъ Индіи системою Гималайскихъ горъ, образующихъ высокій поясъ въ 500 миль шириною и представляющихъ 11 болѣе или менѣе параллельныхъ хребтовъ. Самый сѣверный изъ этихъ хребтовъ названъ китайцами Куенъ-Лунь, но онъ не представляетъ ничего особеннаго, сравнительно съ остальными горными хребтами.

По поводу сообщенія г. Шау, г. Генри Роулинсонъ сказалъ, что остъ-индское правительство, въ виду важности открытій, сдѣланныхъ г. Шау, вошло въ переговоры съ магараджей Кашмира, съ цѣлію оказать покровительство торговлѣ съ Восточнымъ Туркестаномъ; вслѣдствіе этого заключена сдѣлка, по которой всѣ товары, идущіе чрезъ Ладакъ, будутъ освобождаемы отъ транзитныхъ пошлинъ. Что же касается до наиболѣе удобной дороги, то трудный путь чрезъ Каракорумскія горы, вѣроятно, будетъ замѣненъ путемъ по долинѣ Чанченмо или, еще лучше, путемъ по высокой равнинѣ, лежащей нѣсколько далѣе на востокъ. Неудобный проходъ Санджу чрезъ Куенъ-Лунь также можетъ быть замѣненъ проходомъ Янги; въ такомъ случаѣ потребуется только устроить при подошвѣ его укрѣпленіе, для защиты каравановъ отъ разбойниковъ, которые находятся въ этомъ краѣ.

Поѣздка г. Форсита въ Яркендъ *).

Въ мартѣ прошедшаго года, мирза Магомедъ-Шади, посланникъ отъ властителя, извѣстнаго подъ именемъ титуломъ Бадаулета и Аталика-Гази и правящаго Кашгаромъ или Восточнымъ Туркестаномъ, обратился съ просьбой къ вице-королю Индіи: дозволить одному британскому офицеру сопровождать его при возвращеніи въ его страну, для дружескаго посѣщенія столицы и двора его повелителя. Вице-король согласился и поручилъ г. Форситу отправиться въ Яркендъ съ мирзой Шади, не съ политическимъ порученіемъ, но единственно съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ исторіи и настоящемъ состояніи Туркестана и о видахъ на устройство торговыхъ сношеній между этою страной и Индіей. 1,750 фунтовъ стерлинговъ было отпущено на экспедицію, общее руководство которою было предоставлено на усмотрѣніе г. Форсита. «Изъ превосходнаго донесенія г. Форсита, обнародованнаго въ *Синей Книгѣ* и *Gazette of India*, приводимъ сжатое изложеніе, изъ котораго можно видѣть многочисленныя затрудненія, имъ встрѣченныя. Благодаря отличной организаціи экспедиціи, такту и храбрости ея начальника и его товарищей, двойной переходъ въ 2,000 миль между Лагоромъ и Яркендомъ былъ успѣшно совершенъ всего въ шесть мѣсяцевъ, по высочайшему пути въ свѣтѣ, безъ всякой потери, какъ присовокупляетъ г. Форситъ съ простительною гордостью.

Прежде, чѣмъ послѣдовать за г. Форситомъ, мы вкратцѣ упомянемъ объ исторіи Аталика Гази (Якубъ-бека) и основаннаго имъ царства. Съ XIV и до половины прошедшаго столѣтія, Восточный Туркестанъ, или Кашгарія, управлялся мусульманскою династіей, изъ рода ходжей. Въ одной изъ усобицъ слабѣйшая сторона обратилась за помощью къ Китаю, а послѣдствіемъ этого было то, что въ 1765 году вся страна подпала подъ иго Небесной имперіи и стала частью китайской Татаріи. Представители династіи ходжей бѣжали въ Коканъ, откуда они по временамъ

---

*) Современная лѣтопись. № 33. Заимствовано изъ *Times*.

дѣлали попытки возвратить себѣ свое ханство; но только сто лѣтъ спустя, въ 1864 году, глава династія ходжей нашелъ удобный случай воспользоваться общимъ разстройствомъ Китайской имперіи, и отправился съ Якубъ-бекомъ изъ Кокана, для покоренія Кашгаріи. Но Якубъ-бекъ предпочелъ воевать для своей собственной пользы, и покоривъ страну, вскорѣ взялъ въ свои руки правительство и изгналъ Бузрукъ-хана, главу ходжей, который своею неспособностью утратилъ всякую популярность. Якубъ-бекъ, изгнавъ и истребивъ почти всѣхъ китайцевъ и принудивъ немногихъ, оставшихся изъ нихъ, обрѣзать свои косы и сдѣлаться мусульманами, сталъ властителемъ страны, принялъ титулъ Аталика Гази (отецъ завоеватель), ввелъ строгое исполненіе магометанской религіи, отъ которой жители нѣсколько поотстали во время китайскаго правленія, и принялся работать для упроченія своей власти и развитія средствъ своего царства. Всѣ подати, исключая сорочины, дозволенной кораномъ, были отмѣнены (хотя невѣрующіе были обязаны платить вдвое); индусы и другіе купцы были поощряемы, и результатъ былъ тотъ, что, за исключеніемъ отдаленныхъ племенъ, съ которыми Аталикъ велъ войну во время пріѣзда г. Форсита, народъ благоденствовалъ и былъ доволенъ подъ строгимъ, но вообще справедливымъ правленіемъ своего новаго государя. Такимъ образомъ неожиданно возникло сильное государство въ такой мѣстности, гдѣ оно, по своему положенію, со временемъ можетъ быть будетъ играть не маловажную роль въ соперничествѣ двухъ могущественныхъ имперій въ центральной Азіи.

Хотя г. Форситъ проѣхалъ до Яркенда путь въ 1,000 миль длины, но этотъ городъ лежитъ едва ли болѣе 500 миль прямо на сѣверъ отъ Лагора. Но 350 этихъ миль идутъ черезъ горы, гдѣ приходится дѣлать длинные обходы и гдѣ удивительно еще, что можно найти какой-либо путь. Выѣхавъ изъ Лагора, г. Форситъ направился въ началѣ чрезъ Кашмиръ къ Леху, въ Ладакѣ. Въ Лехѣ, уже нѣсколько лѣтъ проживаетъ лѣтомъ британскій офицеръ, для наблюденія и охраненія торговли между Индіей и Туркестаномъ, которая, при этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, поднялась съ 55,000 фунт. стерл. въ 1857 году до 129,000 фунт. стерл. въ 1869 г. До Леха дорога изъ Индіи чрезъ Кашмиръ хорошо извѣстна и была часто описана, такъ что отсюда можно считать пунктъ отправленія экспедиціи. Здѣсь отрядъ собрался и приготовился къ путешествію чрезъ высочайшую мѣстность въ свѣтѣ, между тѣмъ, какъ ладакскому везиру, чиновнику кашмирскаго магараджи, (который взялся, за извѣстную цѣну, снабдить экспедицію багажомъ, животными и продовольствіемъ), было поручено выставить склады сѣна, хлѣба и другихъ запасовъ, вдоль по пути, за долину Чангъ - Ченмо, до пустын-

ной возвышенности, которая представляетъ главное страшилище на этомъ пути. Отрядъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: во первыхъ, въ немъ были три европейца: г. Форситъ, начальникъ экспедиціи, г. Шау, «первый англичанинъ, побывавшій въ Яркендѣ и піонеръ среднеазіятской торговли съ Индіей», и г. Хендерсонъ, врачъ и ученый членъ экспедиціи. Въ свитѣ туземцевъ были: собиратель птицъ и собиратель растеній, врачъ и секретарь изъ туземцевъ, пенджабскій купецъ и его два брата, на попеченіи коихъ былъ ящикъ съ деньгами и которые были причислены къ экспедиціи по причинѣ ихъ свѣдѣній о странѣ и жителяхъ, туземный писатель, нѣсколько индійскихъ полисменовъ, и пундитъ, служащій въ вѣдомствѣ тригонометрическихъ съемокъ. Кромѣ этихъ лицъ, были еще: вышеупомянутый посланникъ Аталика Гази, также племянникъ послѣдняго Магометъ-Якубъ, возвращавшійся изъ поѣздки въ Константинополь, куда онъ былъ отправленъ для сообщенія главѣ правовѣрныхъ о положеніи дѣлъ въ своей родинѣ. Этотъ Магометъ-Якубъ посѣтилъ Мекку и былъ не только святымъ человѣкомъ, но и авторомъ; сидя однажды на коврѣ, подъ большимъ деревомъ, вмѣстѣ съ г. Форситомъ, пережидая пока пройдетъ ливень дождя, онъ приказалъ своимъ слугамъ подать ему два хорошо переплетенные и четко написанные тома, которые, какъ онъ говорилъ, сочинилъ онъ во время остановки въ Сренаггарѣ. Въ его свитѣ было одно духовное лицо изъ священныхъ городовъ Аравіи, по имени Халиль. Аталикъ Гази извѣстенъ, какъ ревностный мусульманинъ и весьма щедрый къ правовѣрнымъ, потому что онъ устроилъ караванъ-сарай въ Меккѣ, а потому Халиль ѣхалъ въ Яркендъ съ лошакомъ, нагруженнымъ нѣкоторыми замѣчательными экземплярами арабскихъ книгъ и нарановъ, въ надеждѣ получить за это добрый кушъ денегъ для самого себя и можетъ быть вакуфъ для школы въ Меккѣ. Но увы! на одной рѣчкѣ близь Ладака есть весьма дряхлый мостъ, и лошаку съ коранами и со всѣми надеждами Халиля суждено было полетѣть съ него въ потокъ, къ несказанному отчаянію его несчастнаго владѣльца. Въ собственномъ отрядѣ г. Форсита, включая лагерныхъ прислужниковъ, было 60 человѣкъ и 130 багажныхъ лошаковъ; въ отрядѣ посланника, съ его женами, его свитой и съ его носильщиками, которые несли ящики съ упакованными въ нихъ 400 ружьями, было по крайней мѣрѣ вдвое болѣе. При экспедиціи былъ также агентъ кашмирскаго магараджи, съ его стадами лошаковъ и буйволовъ, нагруженныхъ сѣномъ и хлѣбомъ, дополнительные запасы коихъ были сложены вдоль по долинѣ Чангъ-Ченмо, которая на 27 переходовъ тянется по совершенно голой и необитаемой мѣстности.

Эта небольшая кучка мужчинъ, женщинъ и животныхъ выступила изъ Леха 7-го іюля. Черезъ два перехода вдоль по правому берегу Инда

отрядъ прибылъ къ деревнѣ и буддійскому монастырю Чимри, откуда онъ обогнулъ долину, поросшую ивами и тополями, и затѣмъ черезъ 12 миль достигъ подножія Чангъ-Ла или сѣвернаго прохода. Вершина этого прохода—17,600 футовъ, или на 2,000 футовъ выше Монблана, была достигнута весьма постепеннымъ подъемомъ по хорошей дорогѣ, удобной для вьючныхъ животныхъ. Спускъ былъ также постепенный, и на своемъ возвратномъ пути г. Форситъ встрѣтилъ навьюченныхъ верблюдовъ, легко проходившихъ этотъ проходъ. Черезъ нѣсколько миль была достигнута Танксе, послѣдняя деревня на пути между Ладакомъ и Яркендомъ; потомъ, еще на одномъ или двухъ переходахъ, были встрѣчены камни, сложенные въ видѣ хижинъ, безъ крышъ, для отдыха путниковъ, и затѣмъ слѣдующія три недѣли пришлось ѣхать по пустынѣ. У озера Пангонга, съ котораго въ первый разъ была снята фотографія докторомъ Хендерсономъ, дорога повернула на сѣверъ, къ пресловутой долинѣ Чангъ-Ченмо, и по открытой мѣстности, покрытой травой, дикою лавандой и тамарискомъ, привела къ подошвѣ Марсимикскаго прохода, высота котораго была обозначена г. Гэуардомъ въ 18,457 футовъ надъ уровнемъ моря. Восхожденіе на эту страшную высоту было такъ легко, что оно было совершено верхомъ, безъ утомленія, хотя на разстояніи 2,000 футовъ отъ вершины началось ощущеніе затрудненнаго дыханія, продолжавшееся 10 или 12 дней, пока дорога шла по мѣстности выше 16,000 футовъ. Ничто не можетъ превзойти дикости этой Чангъ-Ченмо, или великой сѣверной долины. Совершенно обнаженные и песчанистые, безъ всякихъ признаковъ растительности, кромѣ нѣсколькихъ кусковъ тамариска у береговъ рѣкъ, пустынные холмы возвышаются этажами другъ надъ другомъ до высоты 19,000 футовъ. Ущелье озера Пангонга окаймлено великолѣпною стѣной снѣговыхъ горъ съ ледниками въ каждомъ оврагѣ. Но онѣ видны въ отдаленіи. По дорогѣ, хотя она шла мѣстами на высотѣ 16,000 ф., не было ни частицы снѣга. Дождь весьма рѣдко падаетъ въ этомъ краѣ, и холмы не изрѣзаны глубокими оврагами; здѣсь нѣтъ смѣлыхъ пиковъ, но утомительное однообразіе массъ круглыхъ, обнаженныхъ скалъ. Г. Форситъ предполагаетъ, что обширныя плато этихъ горъ были нѣкогда громадными ледяными полями, которыя постепенно растаяли.

Въ углу долины Чангъ-Ченмо экспедиція остановилась, чтобы приготовиться къ переходу возвышенной плоскости, извѣстной подъ именемъ Бамъ-и-Дунья, или кровли міра, отдѣляющей Среднюю Азію отъ Индостана. Здѣсь былъ предѣлъ, до котораго кашмирскій магараджа распространилъ признаки своей власти, въ видѣ небольшихъ запасовъ зерна, сложенныхъ на различныхъ переходахъ до самаго угла долины. Прежде, чѣмъ пускаться въ путь черезъ кровлю міра, были пересмотрѣны всѣ

вьючныя животныя, исчислено количество хлѣба, и всѣ лагерные прислужники и кашмирская стража были отпущены. Ладакскій везирь, имѣвшій надзоръ за продовольствіемъ со стороны магараджи и сопровождавшій до сихъ поръ экспедицію, объявилъ, что запасы всѣ готовы, но что самъ онъ останется въ долинѣ Чангъ-Ченмо, пока не услышитъ о благополучномъ прибытіи отряда къ рѣкѣ Каракашъ, такъ чтобы быть въ готовности прислать помощь, если потребуется. Г. Форситъ двинулся въ путь. Сначала былъ пройденъ удивительный проходъ, называемый Чангъ-Ленгъ-Га, въ 19,000 футовъ надъ уровнемъ моря, но при такомъ постепенномъ восхожденіи, что оно едва было замѣтно, и затѣмъ началась большая пустынная возвышенность, высота коей измѣнялась отъ 16,000 до 19,000 футовъ. Когда, наконецъ, былъ достигнутъ перевалъ, гдѣ нашлось нѣсколько рѣдкихъ корней для топлива, то люди и животныя были порядкомъ истощены, и въ довершеніе всего оказалось, что везирь, который уже едва не помѣшалъ успѣху экспедиціи наживой на счетъ вьючныхъ лошаковъ, подъ конецъ лучшую часть хлѣба удержалъ у себя. Къ нему отправлены были гонцы, но онъ не далъ никакого отвѣта, и г. Форситу не оставалось другаго выбора, какъ продолжать путь до пастбищной мѣстности въ трехъ дняхъ пути впереди. Везирь этотъ послѣ былъ разжалованъ магараджой.

Въ этомъ мѣстѣ путешествія ландшафты представляли невиданное великолѣпіе и пустынность. Далеко на западѣ воздымались зубчатыя вершины большаго гребня Каракорумъ; на сѣверѣ застилали горизонтъ Куенъ-Луньскія горы, а на востокѣ тянулась голая пустыня, огражденная холмами, гребни коихъ представляли фантастическія формы куполовъ, башней и минаретовъ. Пока экспедиція не достигла долины Локъ-Цанга, гдѣ было немного травы, она находилась въ критическомъ положеніи. Многія вьючныя животныя попадали, другія были близки къ тому же, отрядъ былъ далекъ отъ всякой помощи и какъ бы «заброшенъ на вершину міра». Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ г. Форситъ рѣшился поспѣшить впередъ, съ болѣе крѣпкими лошаками и носильщиками, оставивъ остальную часть отряда, хорошо снабженную продовольствіемъ, подождать пока можно будетъ достать свѣжій транспортъ изъ Ладака, или пока истощенныя животныя не оправятся достаточно, чтобы слѣдовать далѣе, что и случилось съ ними черезъ нѣсколько дней. Мирза-Шади и Магомедъ-Якубъ, посланникъ и племянникъ Аталика-Гази, оставили большую часть своего лагеря и всѣхъ своихъ женщинъ и поспѣшили двойными переходами въ Шадуллу, на границѣ царства Аталика, откуда они обѣщали прислать помощь всякаго рода. По бывшимъ ледникамъ и волнистымъ скатамъ, усѣяннымъ топазами, которые издали блестѣли на солнцѣ, подобно

алмазамъ, по обширной равнинѣ, покрытой на футъ слоемъ глауберовой соли, въ которой ноги лошаковъ вязли, производя такой трескъ, какъ будто они ступали по льду, путешественники дошли до рѣки Каракаша. Содовую равнину они, къ счастью, прошли до полудня, потому что позднѣе, въ теченіи дня поднимается вѣтеръ и взметаетъ тучу содовой пыли, отъ которой гибнутъ животныя. Были видны остатки какого-то каравана, который должно быть былъ застигнутъ и задушенъ подобною бурей. Блескъ этой соды походитъ на блескъ снѣга; мелкія частицы, поднимающіяся съ нея, даже въ спокойную погоду наполняютъ глаза, ноздри и ротъ, производя самый непріятный вкусъ, и нѣсколько ладакскихъ лошаковъ погибли отъ этого. Близь рѣки Каракаша отрядъ наткнулся на стадо дикихъ лошадей; яркендскія дамы позабавились, галопируя за ними; но европейцы могли только смотрѣть на нихъ, потому что жалкія животныя, поставленныя везиромъ, не въ состояніи уже были скакать.

Чрезъ нѣсколько дней пути внизъ по рѣкѣ Каракашу, отрядъ пришелъ къ яшмовымъ каменоломнямъ (которыя прежде разработывались китайцами, но были заброшены послѣ изгнанія ихъ изъ Туркестана), и вскорѣ показался транспортъ 60 буйволовъ, навьюченныхъ припасами отъ Мирзы-Шади; безпокойства и опасенія путешественниковъ, по крайней мѣрѣ на счетъ голода, прекратились.

Наконецъ страна стала обитаемою. Въ лагерь явились кочевые киргизы, съ плоскими монгольскими лицами, и вахисы, коихъ выдающіеся носы и рѣзкія черты обличали арійское происхожденіе. Монголы, если были не красивѣе, то по крайнѣй мѣрѣ честнѣе и были рады угощать гостей своего государя, Аталика Гази. Г. Шау, котораго они уже знали, былъ особенно много угощаемъ чаепитіемъ и обѣдами. Въ фортѣ Шадуллѣ мирза-Шади и кази-Якубъ встрѣтили отрядъ на яркендской почвѣ и сообщили извѣстіе, что Аталикъ Гази уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выѣхалъ изъ столицы въ походъ, но находится на возвратномъ пути въ Кашгаръ, съ 1,000 плѣнниковъ и множествомъ сокровищъ.

Путешественники теперь ѣхали до Яркенда, какъ гости Аталика Гази. Они прошли еще одинъ проходъ, болѣе высокій, чѣмъ высочайшіе Альпы. Дорога вилась по безводнымъ холмамъ, покрытымъ пылью, которая отъ ногъ путешественниковъ поднималась удушливыми тучами. Безконечныя стаи куропатокъ и фазановъ и стада дикихъ козловъ изобиловали въ долинѣ, по которой г. Форситъ продолжалъ свой путь до разстоянія 170 миль отъ Яркенда, гдѣ онъ остановился на нѣсколько дней на берегу рѣки Арпалака, въ мѣстѣ, гдѣ была хорошая трава и кустарники желтыхъ китайскихъ розъ.

По улажении нѣкоторыхъ дипломатическихъ затрудненій, экспедиція продолжала свой путь чрезъ равнины Яркенда. Губернаторъ Яркенда прислалъ письмо, выражавшее сожалѣніе объ отсутствіи Аталика, находящагося на войнѣ, и почетный конвой, подъ начальствомъ нѣкоего Ташъ-Ходжи, который ѣхалъ на прекрасной черной лошади и за которымъ слѣдовали солдаты, на добрыхъ коняхъ и съ кремневыми ружьями, снабженными вилообразными подпорами, на которыя они ставятся во время прицѣла. Послѣ столь долгихъ дней путешествія по пустынѣ, пріятно было ѣхать мимо полей пшеницы, ячменя, конопли и рису, мимо широкихъ луговъ, по которымъ протекали каналы, мимо садовъ, полныхъ яблоковъ, персиковъ, грушъ и орѣховъ. Мирза-Шади угощалъ своихъ гостей, по княжески, вкусными пилавами, деликатно приправленными супами и превосходною бараниной. Яркендскіе повара — настоящіе артисты; они носятъ чистые фартуки, содержатъ свою кухню и посуду всегда въ опрятности, и готовятъ кушанье паромъ и на хорошемъ маслѣ. По обычаю страны, г. Форситъ дарилъ халаты или почетную одежду своимъ хозяевамъ, которые сначала, также по обычаю, горячо отказывались, прежде, чѣмъ соглашались принять подарокъ. Лѣтній костюмъ яркендцевъ состоитъ изъ шапки, гладкой или отороченной овчиной, шерстяныхъ чулокъ, высокихъ сапогъ изъ темной недубленой кожи, и чоги, или длинной бѣлой одежды, на подобіе халатовъ. Люди зажиточныхъ классовъ носятъ чоги изъ цвѣтной шелковой или шерстяной матеріи, или же изъ особой ткани изъ шелка и бумаги, окрашенной красками яркихъ цвѣтовъ, по образцу обоевъ, рисованныхъ подъ мраморъ. Женщины носятъ родъ халатовъ и высокую круглую шапку, заплетая волосы, или распуская ихъ вдоль по спинѣ. Ни мужчины, ни женщины не носятъ ни серегъ и никакихъ другихъ украшеній, и единственное носимое оружіе есть ножъ, висящій на поясѣ. Скотъ страны походитъ на англійскій: овцы хорошаго роста и имѣютъ широкіе, жирные хвосты, а буйволы не только употребляются, какъ вьючныя животныя, но пріучаются къ сѣдлу и рыси. Что касается до болѣзней, то зобъ почти общая болѣзнь; преобладаетъ также оспа, но жители объявляли г. Форситу, что горячекъ, диссентерій и холеры они не знаютъ.

Путешественники проѣхали черезъ Каргаликъ, провинціальный городъ. Главная улица, во многихъ мѣстахъ крытая, имѣетъ около 15 футовъ ширины. Тутъ были булочныя, мясныя, табачныя и овощныя лавки, медрессе, школы, и на концѣ улицы—висѣлица съ блоками, для казни двухъ преступниковъ за разъ. На крышахъ домовъ были небольшіе цвѣтники изъ китайскихъ астръ и бальзаминовъ. Каргаликъ находится въ 35 миляхъ отъ Яркенда, и дорога идетъ по богатой и хорошо орошенной равнинѣ, усѣянной фермами. Ручьи и парки, стада овецъ съ густою, бѣлою шерстью

и откормленныя домашнія птицы напоминали англійскія сцены. Повсюду были видны признаки энергическаго, прогрессивнаго правительства: въ хорошо содержимыхъ дорогахъ и мостахъ, и во многихъ проводимыхъ вновь каналахъ. Сѣются здѣсь хлопчатникъ, ленъ, пшеница (Яркендъ славится своимъ хорошимъ бѣлымъ хлѣбомъ), кукуруза, просо и овощи. Каналы и улицы усажены рядами тополей и ивъ, и по дорогамъ толкался рыночный людъ, ослы нагруженные арбузами, кожами и другимъ товаромъ, прогонялись овцы и лошаки. Женщины, по обычаю, отворачивались въ сторону, между тѣмъ какъ мужчины поспѣшно слѣзали и почтительно кланялись, пока проѣзжала кавалькада. Послѣдняя остановка предъ Яркендомъ была въ мѣстѣ, называемомъ Янги-базаръ, которое за нѣсколько лѣтъ было пустыннымъ болотомъ. Оно было осушено правительствомъ, которое роздало потомъ щедро участки земледѣльцамъ и построило большой базаръ, на которомъ теперь еженедѣльно бываетъ торгъ.

22-го августа путешественники вступили въ Яркендъ, и въ тотъ же день, вслѣдъ за ними прибыли къ нимъ англійскія письма и газеты. Проѣхавъ мимо арбузныхъ бахчей, которыя подходили къ самымъ стѣнамъ города, они вступили въ ворота, охраняемыя дюжиной или двумя поселянъ, вооруженныхъ палками, пиками и старыми топорами и исполнявшими караульную службу въ отсутствіе иррегулярной арміи, отправившейся воевать, подъ начальствомъ Аталика Гази. Чрезъ густую толпу яркендцевъ, кашмирцевъ, китайцевъ, калмыковъ, таджиковъ и индусовъ, они прошли вдоль по улицамъ, окаймленнымъ низкими, вытянутыми въ одну линію одноэтажными домами, прошли мимо большаго базара, похожаго на всѣ другіе базары, мимо многихъ медрессе или большихъ школъ, къ воротамъ Янги-Шаара или новаго города, построеннаго китайцами, чтобы держать въ страхѣ лежащій рядомъ, болѣе обширный городъ. Развалины домовъ дурной репутаціи, разрушенныхъ вмѣстѣ съ ихъ обитателями, по приказанію правительства, и человѣческая голова, воткнутая на длинномъ шестѣ, свидѣтельствовали о строгости правленія Аталика. Часть новаго города была нѣсколько лѣтъ тому назадъ сценой кровавой борьбы между коканскими войсками Якубъ-бека и китайскимъ гарнизономъ, борьбы, въ которой китайскій начальникъ, видя тщетность всѣхъ надеждъ на дальнѣйшую оборону, поджегъ мину и взорвалъ на воздухъ себя и своихъ приверженцевъ. Новый городъ служитъ теперь казармами для господствующей коканской арміи, и хотя Аталикъ и былъ на войнѣ, но онъ оставилъ небольшое число войскъ болѣе воинственнаго вида, чѣмъ сбродная милиція, охранявшая внѣшнія ворота.

Г. Форситъ пробылъ не болѣе двухъ недѣль въ Яркендѣ. Онъ вскорѣ узналъ, что походъ, въ которомъ находился Аталикъ-Гази, вѣроятно, протянется неопредѣленное время, и хотя въ отсутствіе Аталика датха, или

губернаторъ Яркенда опасался его отпустить, но онъ съ большою рѣшимостью настоялъ на своихъ инструкціяхъ, и 5-го сентября двинулся въ обратный путь. Во время пребыванія въ Яркендѣ, онъ и его отрядъ помѣщались въ домѣ, нарочно для того построенномъ, по приказанію Аталика и снабженномъ всею яркендскою роскошью и даже нѣкоторыми любопытными подражаніями европейской мебели. Много времени проходило въ церемонныхъ свиданіяхъ съ датхою и въ переговорахъ объ отъѣздѣ, но г. Форситъ нашелъ возможность посмотрѣть кое-что въ городѣ и его предмѣстьяхъ и собрать много свѣдѣній. Проѣзжая мимо садовъ у стѣнъ, онъ и его товарищи ѣздили по широкимъ дорогамъ и тѣнистымъ аллеямъ, по странѣ, усѣянной подгородными деревнями и отдѣльными домами, окруженными фруктовыми садами и огородами. Вдоль по большой, сѣверной дорогѣ ежедневно ѣздили взадъ и впередъ джигиты изъ лагеря и въ лагерь Аталика, находившійся при Турфанѣ, въ 300 миляхъ отъ столицы. Джигиты эти совершали весь путь, перемѣняя лошадей каждыя 15 или 20 миль, и проѣзжая ровною рысью по шести миль въ часъ. Повсюду въ сельскихъ округахъ видна мирная, дѣятельная промышленность, и работавшіе крестьяне смотрѣли на проѣзжавшихъ европейцевъ веселыми, любопытными глазами. Сады за городскими стѣнами суть модное мѣстожительство женщинъ высшаго класса. Женщины низшаго класса весьма искусны въ вышиваньѣ, и хотя вообще женщинамъ не дозволяется снимать покрывало въ публикѣ, но онѣ, повидимому, пользуются значительною свободой, и путешественники часто видали ихъ нарумяненыя лица и сильно начерненныя брови. Много подарковъ поднесли другъ другу датха и г. Форситъ. Порохъ, часы, бархатъ и парча были отдарены почетными халатами, мѣховыми плащами и 40 парами высокихъ сапоговъ.

Г. Форситъ, строго держась своихъ инструкцій, не могъ исполнить одной цѣли своей экспедиціи: лично выразить Аталику Гази дружеское расположеніе британскаго правительства; но онъ встрѣтилъ почетный пріемъ со стороны чиновниковъ Аталика, и самый фактъ его поѣздки могъ бы привести къ болѣе тѣснымъ, политическимъ и торговымъ сношеніямъ Восточнаго Туркестана съ Индіей. Путь, по которому онъ ѣхалъ, не совсѣмъ еще хорошо извѣстенъ, но теперь доказано, что онъ вполнѣ удобенъ для лошаковъ и для верблюдовъ, а потому есть надежда, что по немъ вскорѣ будутъ въ лѣтнее время ходить караваны изъ Индіи и обратно.

Джизакъ и Самаркандъ.

Путевыя замѣтки.

I

Ямщикъ-киргизъ уже позвякиваетъ колокольчикомъ, прилаживая хомуты на тройку тощихъ, изморенныхъ клячъ, именуемыхъ почтовыми лошадями. Тарантасъ готовъ и извѣдавшій всѣ дорожныя невзгоды грумъ, въ послѣдній разъ обходитъ кругомъ экипажъ, высматривая—нѣтъ ли чего нибудь ненадежнаго, что грозитъ остановкою въ дорогѣ. Предстоитъ путь изъ полу-русскаго Ташкента въ классическій Самаркандъ.

День отъѣзда нашего изъ Ташкента выдался жаркій и удушливый; это былъ одинъ изъ первыхъ дней запоздавшаго въ 1871 году, ташкентскаго лѣта. Но именно, благодаря довольно позднему появленію весны (въ концѣ марта) и перепадавшимъ по временамъ, благодатнымъ, лѣтнимъ дождямъ, растительность въ окрестностяхъ Ташкента и по всей ташкентско-самаркандской дорогѣ еще не успѣла выгорѣть и принять свой обычный лѣтній, сѣровато-желтый колоритъ. Все, что не было занято пашнями, покрыто было почти сплошнымъ цвѣтнымъ газономъ. Хорошъ былъ отдыхъ въ деревнѣ Зингъ-ата, первой станціи отъ Ташкента по чиназскому тракту. Здѣсь простились съ нами лица, провожавшія насъ изъ Ташкента. Палатка для отдыха разбита была въ густомъ саду, наполненномъ столѣтними карагачами, у мечети уважаемаго мусульманскаго святаго Зингъ-ата.

Въ первыхъ числахъ августа множество народа собирается сюда изъ Ташкента и изъ окрестныхъ кишлаковъ съ чаемъ, съѣстными припасами и пр. Привозятъ сюда также *бачей* (мальчиковъ-танцоровъ, служащихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для проституціи) и день, начатый молитвою у гроба Зингъ-аты, оканчивается далеко не религіозно. Праздника этого ждутъ съ нетерпѣніемъ туземные жители Ташкента, страстные до увеселеній

разнаго рода, особливо до всякихъ нескромныхъ зрѣлищъ. Въ настоящее время, впрочемъ, празднества въ Зингъ-ата утратили отчасти свой разнузданный характеръ и совершаются, сравнительно, весьма скромно.

Дорога къ станціи Ніазбашъ проходитъ по нагорной, правой сторонѣ р. Чирчика и довольно извилиста. Съ лѣвой стороны ея тянется до самыхъ горъ плодородная долина, орошаемая рукавами Чирчика.

Станція *Старый Ташкентъ* устроена при развѣтвленіи Чирчика на два протока. Мѣстность здѣсь сильно холмистая и весьма живописна. Отъ Стараго Ташкента идетъ спускъ по легкой покатости къ укрѣпленію Новый Чиназъ, на берегу р. Сыръ-Дарьи. Здѣсь находится третья станція и переправа на паромѣ чрезъ рѣку.

Чиназъ—небольшой городокъ, или лучше сказать—военный поселокъ, возникшій еще въ недавнее время, съ водвореніемъ русской власти въ Средней Азіи. Въ Чиназѣ находится стоянка сыръ-дарьинскихъ пароходовъ; далѣе вверхъ по Дарьѣ они уже не ходятъ. Если разовьется пароходство по Сыру и не окажутся мыльнымъ пузыремъ составляющіяся по этому предмету компаніи, — тогда русскій Чиназъ будетъ имѣть значеніе и будущность. Если же нѣтъ—Чиназъ останется не долго военно-этапнымъ пунктомъ, какимъ онъ и есть въ настоящее время.

За Чиназомъ, на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, начинается уже степь, одно изъ самыхъ голыхъ и безотрадныхъ мѣстъ Туркестанскаго края. Въ началѣ, до первой станціи за Чиназомъ (кол. Малекъ), степь еще зеленѣла свѣжею, невысохшею травою; яркими, красными пятнами выдѣлялись на общемъ фонѣ мѣста, сплошь заросшія макомъ; желтый, красный или лиловый цвѣта смѣнялись одинъ другимъ, точно въ калейдоскопѣ. Но уже за станціею Малекъ, въ 23 верстахъ отъ Сыръ-Дарьи, рѣзко перемѣнился праздничный, нарядный видъ степи; и чѣмъ далѣе въ глубь степи, тѣмъ безотраднѣе былъ видъ этой плоской, неоглядной равнины, усѣянной черепахами и вонючимъ, нардовымъ растеніемъ *), съ толстымъ, мясистымъ стволомъ. Дать воду этой пустынѣ, значитъ вызвать ее къ жизни, и тогда необозримыя пространства чиназско-джизакской степи, теперь лежащія впустѣ, могутъ быть житницей сосѣднихъ, густо-населенныхъ долинъ Чирчика и Ангрена. Генералъ-губернаторъ уже принялъ мѣры къ орошенію этой степи; съемки и нивеллировка, произведенныя въ 1869 и 1870 году барономъ Аминовымъ и г. Жуковскимъ, выяснили общій топографическій характеръ степи, опредѣленъ также и пунктъ на берегу Сыръ-Дарьи, откуда всего удобнѣе вести главный арыкъ, который послужитъ жизненною артеріею этой, изнывающей отъ жажды, степи.

---

*) Scorodosma foetida.

Степной арыкъ окончится у Мурза-Раббата, гдѣ и понынѣ сохранились развалины обширнаго караванъ-сарая, по преданію, построеннаго Абдулла-ханомъ. Этотъ караванъ-сарай, изъ отличнаго жженнаго кирпича, предполагается реставрировать, какъ образецъ старины и обратить его къ прежнему назначенію: быть убѣжищемъ для проѣзжающихъ и для проходящихъ каравановъ. Но эта работа предпринята будетъ не прежде, какъ по окончаніи проектированнаго арыка.

Мурза-раббатскій караванъ-сарай весьма оригиналенъ по своему виду: это—большая, круглая комната, съ куполообразнымъ сводомъ, окруженная нѣсколькими меньшими комнатами, такого же вида, примыкающими къ ней и другъ къ другу. Въ караванъ-сараѣ этомъ устроена теперь, временно, станція и помѣщеніе для казачьей команды, почтовыхъ лошадей, ямщиковъ и проч. Для этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробиты въ стѣнѣ окна, навѣшены двери.

Рядомъ съ мурза-раббатскимъ караванъ-сараемъ находится насыпной курганъ, на которомъ, по всей вѣроятности, располагались часовые. Говорятъ, что до взятія русскими Джизака были видны въ курганѣ двери, но предъ приходомъ русскихъ онѣ были завалены. Конечно, впослѣдствіи это будетъ провѣрено.

При мурза-раббатскомъ караванъ-сараѣ, также какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ голодной, чиназо-джизакской степи, устроена *сардаба*, т. е. водохранилище, покрытое сверху сводомъ изъ жженаго кирпича, съ круглымъ отверстіемъ на верху свода, и съ окнами, приходящимися вровень съ землею. Снаружи, и особливо издали, сардабы кажутся низенькою мазарою или могилою, какія часто встрѣчаются въ киргизскихъ степяхъ; но если войти во внутрь постройки, то окажется, что пространство подъ сводомъ весьма значительно. Подъ высокимъ кирпичнымъ сводомъ освѣжительно-прохладно, тѣмъ болѣе, что полъ сардабы находится значительно ниже земли. Караваны въ прежнее время всегда находили здѣсь свѣжую воду, которая наполняла сардабу почти вровень съ нынѣшними окнами. Сардабы и понынѣ существуютъ въ Бухарскомъ ханствѣ, на большихъ караванныхъ путяхъ: тамъ онѣ еще полны водою. Чиназо-джизакскія же сардабы оскудѣли водою одновременно съ запустѣніемъ джизакской степи, нѣкогда людной и хорошо воздѣланной, орошенной глубокими арыками, слѣды которыхъ видны и понынѣ.

Третья и ближайшая къ Джизаку станція, *Агачлы* помѣщается пока еще въ землянкахъ, вырытыхъ въ курганѣ. При станціи находится точно такое же водохранилище, какъ было описано выше и кромѣ того еще имѣется отдѣльный, недавно вырытый колодезь. Вода въ немъ прѣсная

и очень чистая: годна даже на чай, не такъ какъ вода другихъ колодцевъ — горько солоноватая, хотя и не вредная для здоровья. Казаки и почтовыя лошади постоянно пьютъ эту воду, безъ вредныхъ последствiи для здоровья.

Близокъ Джизакъ и русское укрѣпленіе Ключевое и хоть не ждешь ничего хорошаго отъ глинянаго азіятскаго городка и отъ плохаго, нездороваго укрѣпленія, а все таки пріятно выѣхать изъ степи въ мѣстность, населенную осѣдло живущими людьми

II.

Рано утромъ, 18-го октября, выѣхали мы изъ Джизака, или вѣрнѣе— изъ поселка, образовавшагося въ весьма короткое время при вновь возводимомъ *Ключевомъ укрѣпленіи*. День былъ ясный и теплый: такіе дни на сѣверѣ Россіи могутъ быть развѣ въ серединѣ или въ концѣ августа. Только довольно свѣжій, ясный утренникъ напоминалъ иногда намъ о позднемъ времени года.... Выпадали и довольно холодныя ночи, такъ что въ арыкахъ замерзала вода. Такая холодная ночь выдалась и наканунѣ нашего выѣзда изъ Джизака. Ярко горѣли на небѣ звѣзды, словно въ морозную, крещенскую ночь. При безоблачной, чистой атмосферѣ Средней Азіи, отчетливо видны были даже самыя мелкія звѣздочки; млечный путь стлался широкой полосою, уходившей своимъ отдаленнымъ концомъ за горы, отовсюду обступившія Джизакъ. За то, какъ свѣжо и очаровательно было утро, когда солнце обогрѣло воздухъ и смягчило рѣзкій, ночной холодъ! Какъ легко дышалось груди!...

Русскій поселокъ основанъ верстахъ въ пяти отъ азіятскаго города, при ключахъ, съ хорошею, здоровою водою: обстоятельство немаловажное, потому что азіятскій Джизакъ страдаетъ отъ дурнаго свойства воды, развивающей особую болѣзнь — ришту, свойственную нѣкоторымъ мѣстностямъ Средней Азіи. Эта болѣзнь состоитъ въ томъ, что подъ кожею появляется червь, достигающій иногда длины до 1 аршина. При этомъ все тѣло больнаго пухнетъ, ощущаются лихорадочные симптомы, ломъ въ костяхъ. Если червь находится близко къ поверхности тѣла, то болѣзнь легко излечима: именно образуется на кожѣ нарывъ, который, созрѣвая, прорывается и изъ него показывается головка бѣловатаго червя — ришты. Паразита осторожно и мало по малу вытягиваютъ изъ подъ кожи. Но плохо, если червь оборвется: тогда онъ размножается въ невѣроятномъ количествѣ, потому что тѣло ришты наполнено множествомъ живыхъ зародышей и тогда больной страдаетъ сильно. Въ джизакскомъ госпиталѣ я видѣлъ туземцевъ со сведенными руками и ногами отъ пораже-

нія риштой. Если прибавить къ этому лихорадки, которыя также не рѣдкость въ Джизакѣ, то не удивительно, что жители назвали его этимъ, вовсе не лестнымъ именемъ: *джизакъ* значитъ *адъ*.

Изслѣдованія А. П. Федченко выяснили путь, которымъ происходитъ зараженіе риштою. Дознано, что живые зародыши ришты развиваются первоначально въ микроскопическихъ ракахъ — циклопахъ и здѣсь проходятъ первую стадію своего развитія. При питьѣ воды изъ прудовъ (*хоузовъ*), изобилующихъ циклопами, проглатывается нечаянно, вмѣстѣ съ циклопами, и заключающаяся въ нихъ ришта. Въ тѣлѣ человѣка ришта достигаетъ второй стадіи своего развитія. Здѣсь у червя между прочимъ появляются половые органы, обособляются самки отъ самцевъ и оплодотворяются. Затѣмъ самцы умираютъ, а оплодотворенныя самки проникаютъ далѣе, въ тѣло человѣка и достигаютъ, наконецъ, подкожной клѣтчатки. Въ это-то время и можетъ быть произведена операція извлеченія ришты, операція, которую искусно выполняютъ туземные лекаря.

Ришта не встрѣчается въ русскомъ поселеніи, гдѣ много чистой, проточной воды, и нѣтъ надобности жителямъ брать изъ прудовъ воду для питья и для домашнихъ потребностей; укрѣпленіе Ключевое и получило свое названіе по ключамъ, дающимъ превосходную воду. Богъ вѣсть, почему не воспользовался этими ключами азіятскій Джизакъ, предпочитающій воду своихъ прудовъ. Но лихорадка и въ русскомъ поселеніи исправно посѣщаетъ жителей. Изъ гарнизона почти всегда болѣе $^1/_3$ больны лихорадкой, а во время нашего пріѣзда комендантъ и докторъ ходили измученные этой болѣзнью.

Съ каждымъ годомъ разростается и ширится Божья нива, кладбище, вѣчное memento mori всѣхъ, обреченныхъ судьбою коротать свои дни въ этомъ лихорадочномъ уголкѣ. Говорятъ, что самая мѣстность Ключеваго и Джизака не заключаетъ въ себѣ никакихъ источниковъ лихорадочной заразы, но что изъ ущелья, находящагося какъ разъ передъ Ключевымъ, постоянно дуетъ самый злокачественный вѣтеръ. Онъ наноситъ на Ключевое міазмы изъ болотистой яны-курганской равнины, засѣянной рисомъ.

Въ виду невыгоднаго въ санитарномъ отношеніи положенія Ключеваго, г. генералъ-губернаторъ рѣшилъ перевесть расположенный здѣсь баталіонъ въ сосѣднее горное укрѣпленіе Ура-тюбе, оставивъ въ Ключевомъ только самый небольшой военный постъ, и какъ можно чаще смѣняя его гарнизонъ. Распоряженіе это, конечно, будетъ имѣть самыя благопріятныя послѣдствія.

Въ цитадели укр. Ключеваго хранятся и понынѣ орудія, взятыя при

штурмѣ Джизака; въ числѣ ихъ есть одно авганское. Всѣ мѣдныя орудія предполагается перелить въ колокола.

Ключевое укрѣпленіе и русскій поселокъ раскинулись на мѣстности довольно безотрадной. Голо и плоско кругомъ! Нѣтъ и въ поминѣ садовъ, которыми обрамлены всѣ азіятскіе города. Низенькая церковь, съ оградой кругомъ изъ сырцеваго кирпича, сырцовые домики, казармы и конюшни, нѣсколько длинныхъ зданій — казармъ, форменнаго вида и конструкціи.... Все это размѣстилось въ разброску, разгорожено большими пустырями. И Богъ вѣсть, разростется ли это поселеніе въ людный, русскій городъ, или вызванное изъ небытія силою административныхъ соображеній, оно останется жалкимъ, казеннымъ поселкомъ? Покуда — это только этапъ изъ Ташкента, чрезъ Чиназъ и голодную степь къ Самарканду.

Кругомъ Ключеваго укрѣпленія высятся горы; къ востоку далеко видна цѣлая гряда возвышенностей, бѣлѣвшихся недавно выпавшимъ снѣгомъ; синеватый туманъ клубился надъ ними: какъ видно снѣгъ разогрѣло осеннимъ солнышкомъ, и онъ паромъ уносился въ высь неба. Съ запада, прямо предъ Ключевымъ, высилась какая-то безъимянная, крутая гора, усѣянная по скату и у подошвы огромными валунами глинистаго сланца, прорѣзаннаго большими жилами кварца. Кое гдѣ виднѣлись довольно значительныя массы этой горной породы. На самой вершинѣ горы, словно остатки какихъ-то раззоренныхъ стѣнъ, темнѣли глыбы сланца. Оттуда, съ этихъ глыбъ открывается превосходный видъ на всю окрестность; видно, какъ на ладони, наше Ключевое укрѣпленіе, видѣнъ и Джизакъ, издали кажущійся такимъ уютнымъ, красивенькимъ, точно игрушечнымъ городкомъ. Не таковъ онъ на самомъ дѣлѣ! Отъ азіятскаго города нечего требовать красоты и опрятности!

Гора, оканчивающаяся съ одной стороны довольно отлогимъ гребнемъ, сливающимся постепенно съ равниною, съ другой стороны обрывисто обрамляетъ тѣснину, извивающуюся между невысокими холмами. Дальше, на краю горизонта еще горы, то группами, то отдѣльно стоящія, горы разной формы: и конусообразныя, и террасовидныя. Почти каждая изъ этихъ, отдѣльно стоящихъ вершинъ имѣетъ свои легенды, на которыя вообще такъ щедры жители востока, съ ихъ пылкою, не знающею границъ, фантазіею.

Бѣдно и какъ-то неряшливо смотритъ азіятскій Джизакъ, съ его обыденнымъ, общимъ видомъ, присущимъ всѣмъ городамъ востока, отъ Средиземнаго моря до Китая. Вотъ городская стѣна, и именно та часть ея, на которую былъ направленъ штурмъ; осенніе ливни смыли кровь съ земли, впечатлѣніе улеглось, все, повидимому, вошло въ прежнюю, будничную колею, и только проломы въ стѣнѣ остались какъ бы памятни-

ками погрома, постигшаго Джизакъ. Замѣтны даже и понынѣ мѣста, гдѣ заложены были батареи.... А вотъ и могилы убитыхъ при осадѣ и штурмѣ города, который считался одною изъ сильнѣйшихъ бухарскихъ крѣпостей. Для защиты Джизака назначены были самыя лучшія войска эмира, въ томъ числѣ нѣсколько сотъ авганцевъ. Надъ укрѣпленіемъ Джизака трудились въ продолженіи восьми мѣсяцевъ нѣсколько тысячъ человѣкъ ежедневно. Тройной рядъ стѣнъ, изъ которыхъ внутренняя была самая высокая, окружалъ Джизакъ. Объ относительной высотѣ этихъ стѣнъ можно судить по наружной стѣнѣ, выстроенной незадолго до штурма: она имѣла $3^1/_2$ саж. вышины и 4 саж. толщины. Каждая стѣна усиливалась рвами, имѣвшими каждый до 11 аршинъ глубины. Множество барбетовъ и построекъ, выдающихся внаружу, обстрѣливавшихъ перекрестнымъ огнемъ рвы и всю, впереди лежащую мѣстность, навѣсныя бойницы, дозорный путь по бермѣ, также съ закрытыми бойницами,—все это дѣйствительно придавало Джизаку грозный видъ и конечно—было верхомъ фортификаціоннаго искусства туземцевъ. Непріятель работалъ надъ усиленіемъ крѣпости до самой послѣдней минуты предъ штурмомъ. Съ окрестныхъ горъ видна была въ городѣ усиленная, хлопотливая дѣятельность, бѣлѣлось множество палатокъ между городскою стѣною и цитаделью. На барбетахъ и выступающихъ частяхъ стояло нѣсколько орудій, стрѣлявшихъ весьма мѣтко, да и вообще вооруженіе крѣпости было весьма исправно. Послѣ штурма найдено было въ крѣпости много ударнаго оружія, револьверовъ, гранатъ и т. п. Бухарцы приготовились къ отчаянной защитѣ: всѣ ворота были завалены и въ нихъ оставлены только небольшія калитки; часть сакель и базара была разрушена, для образованія эспланады; въ разныхъ мѣстахъ на стѣнѣ устроены засѣки изъ срубленныхъ и поваленныхъ деревьевъ.

Но молодецкій штурмъ нашихъ войскъ въ нѣсколько часовъ передалъ въ наши руки эту крѣпость, на неприступность которой такъ сильно расчитывали бухарцы, бившіеся на штурмѣ, — надо отдать имъ справедливость,—храбро и отчаянно. Часть гарнизона, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, заперлась въ пороховомъ складѣ, и взорвала себя на воздухъ,—подвигъ, для котораго надобно много хладнокровнаго мужества и отчаянной рѣшимости.

Это—прошедшее Джизака, хотя и весьма недавно прошедшее; теперь Джизакъ—мирный азіятскій городъ, одинъ изъ многихъ, подобныхъ ему городовъ, которые нежданно-негаданно для нихъ самихъ, да и для всей Россіи, подчинились власти Бѣлаго Царя. Довольны ли джизакцы своимъ нынѣшнимъ положеніемъ, примирились ли они, сжились ли съ мыслью о подданствѣ кяфирамъ, порываются ли въ душѣ къ прежнимъ, бухар-

скимъ порядкамъ? — Богъ ихъ знаетъ!... Вотъ нѣсколько человѣкъ взобрались на крышу сакель и на низенькіе, глиняные заборы, чтобы поглазѣть на проѣзжихъ; аксакалы явились на поклонъ къ главному начальнику, глядятъ бороды, въ знакъ привѣтствія, и ничего нельзя прочесть на ихъ спокойныхъ, равнодушныхъ лицахъ. Конечно, нечего намъ ждать себѣ любви и искренней преданности отъ всѣхъ этихъ, сѣдобородыхъ мусульманъ, выросшихъ въ фанатической враждѣ ко всему, что не освящено закономъ Магомета. Надо ждать терпѣливо—что будетъ, когда подростетъ новое, молодое поколѣніе.

Черезъ Джизакъ пролегаетъ прямой путь въ Самаркандъ изъ Кокана и Сыръ-Дарьинскаго раіона, откуда бы ни шли караваны или ни ѣхали путешественники. Отъ самаго Ключеваго укрѣпленія начинаются горы или вѣрнѣе—высокіе холмы, между которыми и пролегаетъ дорога въ Заравшанскій округъ. Это—такъ называемое ущелье Джеланъ-ута, скорѣе долина, пролегающая по сильно холмистой мѣстности. Кто будетъ представлять себѣ джизакское ущелье дѣйствительной расщелиной между вѣковыми утесами, тотъ сильно ошибется. Мрачныхъ грандіозныхъ картинъ здѣсь не встрѣчается. Самое ущелье—то расширяется, когда горы, понижаясь, отходятъ вправо и влѣво, на болѣе дальнее разстояніе, иногда же съуживается, имѣя кое-гдѣ сажень 40 ширины, не болѣе. Дорога, проходящая по ущелью, не всегда пролегаетъ по ровной мѣстности; она иногда взбирается на террасовидный склонъ горъ, обрамляющихъ ущелье, и вы видите подъ собою, саженяхъ въ десяти, плоскость, затопляемую водой весною. Иногда встрѣчаются какія-то пустопорожнія пространства, словно огороженныя стѣною, мѣстами уцѣлѣвшею, мѣстами разрушившеюся.... А можетъ быть это и въ самомъ дѣлѣ слѣды нѣкогда производившейся здѣсь земледѣльческой дѣятельности человѣка. Ущелье Джеланъ-ута не всегда было такъ пустынно, какъ нынѣ. По преданію, оно было когда-то покрыто пашнями и садами, наполняемыми протекающею по ущелью извилистою рѣчкою Джеланъ-ута. Слѣды арыковъ, несомнѣнно существовавшихъ здѣсь, видны еще во многихъ мѣстахъ. Теперь ущелье снова оживаетъ, какъ это и должно ожидать. Но пройдетъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока земля, обильно напоенная кровью, снова покроется жатвами.

А много крови лилось въ ущельѣ Джеланъ-ута, въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, вѣроятно еще задолго до походовъ Александра Македонскаго. Есть здѣсь и памятникъ одной изъ кровавыхъ битвъ, которая происходила въ ущельѣ, или около него: это, такъ называемая, Тамерланова скала. Верстахъ въ десяти отъ Ключеваго укрѣпленія, въ ряду горъ, обрамляющихъ ущелье, возвышается неприступная, почти отвѣсная скала

изъ глинистаго сланца *). Напротивъ ея высится другая, менѣе неприступная гора, мѣстами покрытая скудною зеленью, мѣстами чернѣющаяся своими обнаженными ребрами. Здѣсь—одно изъ самыхъ узкихъ мѣстъ ущелья Джеланъ-ута. На высокой, отвѣсной скалѣ, съ правой стороны ущелья (если ѣхать изъ Джизака), высѣчена, саженяхъ въ пяти отъ земли, персидская надпись, въ которой говорится о побѣдѣ, одержанной извѣстнымъ Абдулла-ханомъ, надъ китай-кипчаками и другими окрестными народами. Вотъ, эта надпись:

«Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и водѣ, что въ 979 году происходило сраженіе между отрядомъ вмѣстилища калифатства, тѣни Всевышняго, великаго хакана Абдулла-хана, сына Искандеръ-ханова, въ 30 тысячъ человѣкъ боеваго народа и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей. Сказаннаго отряда (было) всего родичей султановъ до 50 тысячъ человѣкъ и служащихъ людей до 400 тысячъ изъ Туркестана, Ташкента, Фергана и Дешта-Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду. Побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей, убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну, въ теченіи одного мѣсяца въ рѣкѣ Джизакской (рѣчка Джеланъ-ута) на поверхности воды текла кровь. Да будетъ это извѣстно!»

Рядомъ съ этой надписью, повѣствующей о кровожадномъ подвигѣ извѣстнаго въ Средней Азіи Абдулла-хана, находится другая, персидская надпись:

«Съ помощью Господа Бога, великій султанъ, покоритель царей и народовъ, тѣнь Божія на землѣ, опора постановленій сунны и закона божескаго, государь, вспомоществующій вѣрѣ, Улугъ-бекъ-Гуруганъ (да продлитъ Богъ время его царствованія и правленія), предпринялъ походъ въ страну Джеты и Монголовъ и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ, въ 828 новолунномъ году».

Азіятскіе владыки, желавшіе навсегда сохранить воспоминаніе о своей побѣдѣ, не могли для того избрать лучшаго памятника. Еще издалека чернѣется скала своимъ рѣзкимъ контуромъ и невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе проѣзжающаго. Въ особенности же величественъ вблизи видъ этой скалы, съ ея разорванными, потрескавшимися боками. Щебень и валуны разной величины, происшедшія отъ вывѣтриванія сланцевой массы

*) Эта, обще-распространенная горная порода, преобладаетъ и въ джизакскихъ горахъ.

скалы, покрываютъ ущелье даже и на довольно большомъ разстояніи отъ подножія Тимурова утеса.

За ущельемъ опять начинается тотъ же степной, однообразный колоритъ, который присущъ всей Средней Азіи, за весьма немногими исключеніями. Голая пыльная равнина, покрытая выгорѣвшими отъ зноя, колючими растеніями. Слѣва синѣются на краю горизонта отдаленныя гряды горъ. Это—тѣ горные хребты, пока еще малоизвѣданные нами, за которыми, какъ за стѣною, укрывается воинственное населеніе Шахрисябза. Тамъ родина Тамерлана или Тимуръ-ленга. Справа виднѣются также горы, сначала еще на довольно близкомъ разстояніи, а потомъ отходя все далѣе и далѣе. Это кряжъ Акъ-тау, продолженіе хребтовъ: Шагапъ-тау, Сузангиранъ-тау и Османъ-тау, высящихся при истокахъ Заравшана, въ самой дикой и неприступной части Бухарскаго ханства. Мѣстами ровная, степная поверхность, лежащая между двумя упомянутыми хребтами, начинаетъ замѣтно всхолмляться; дорога идетъ по вершинѣ и по скатамъ этихъ пологихъ холмовъ и въ теченіи многихъ столѣтій успѣла уже превратиться изъ простой колеи въ довольно глубокую ложбину, наполненную массою пыли. Холмистость мѣстности особенно замѣтна у Ташъ-купрюка (Каменнаго моста), гдѣ теперь расположено небольшое русское укрѣпленіе. Съ вершины одного изъ здѣшнихъ холмовъ, видна вдалекѣ возвышенная гряда Чупанъ-ата, съ мазаромъ (могилою) на верху возвышенности. Чупанъ-ата находится уже въ восьми верстахъ отъ Самарканда.

Во время двукратнаго объѣзда генералъ-губернаторомъ Заравшанскаго округа, въ Ташъ-купрюкѣ собирались, для встрѣчи начальника края, главнѣйшія почетныя лица Самарканда. Множество народа также ожидало здѣсь пріѣзда главнаго начальника края и сопровождали его верхами, до самаркандской цитадели. Здѣсь же въ 1871 году г. генералъ-губернатора встрѣтилъ соперникъ Ширъ-Али-хана кабульскаго, Абдурахманъ-ханъ, живущій въ настоящее время постоянно въ Самаркандѣ. Абдурахманъ-ханъ выѣхалъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими авганами, изъ числа своей свиты, чтобы привѣтствовать въѣзжающаго въ предѣлы Заравшанскаго округа, главнаго начальника края. Личность авганскаго принца весьма замѣчательна; онъ рельефно выдѣляется, подобно тому, какъ выдѣлялся въ свое время его знаменитый дѣдъ, Достъ-Могамедъ-ханъ. Исторія его жизни есть исторія кровавыхъ смутъ за авганскій престолъ; чтобы лучше обрисовать личность авганскаго вождя, мы постараемся вкратцѣ передать его біографію:

У Достъ-Мохамедъ-хана было, какъ извѣстно, 16 сыновей; четверо изъ нихъ были еще слишкомъ молоды, но изъ остальныхъ, старшихъ, каждый стремился достигнуть первенства и власти въ Кабулѣ. Наиболѣе

дѣятельными и энергическими соперниками были пять братьевъ: Авзулъ-ханъ, Азимъ-ханъ (родные братья отъ одной матери), Ширъ-Али-ханъ, Элимъ-ханъ и Шерифъ-ханъ (всѣ братья отъ другой матери). Ширъ-Али-ханъ, послѣ долгихъ смутъ, овладѣлъ Кабуломъ и былъ признанъ авганскимъ эмиромъ; въ этомъ санѣ признало его и англійское правительство въ Индіи. Но остальные братья не могли помириться съ мыслью о первенствѣ Ширъ-Али-хана. Первые возстали на брата Азимъ-ханъ и Авзулъ-ханъ; однако войска союзниковъ были разбиты кабульскимъ эмиромъ и братья поневолѣ должны были помириться съ Ширъ-Али-ханомъ.

Въ это время впервые начинаетъ дѣйствовать самостоятельно сынъ Авзулъ-хана, Абдурахманъ-ханъ. Эмиръ кабульскій потребовалъ его къ себѣ, въ Кабулъ, но Абдурахманъ, не довѣряя дядѣ, бѣжалъ въ Бухару, къ своему тестю, эмиру; это было 14-го ноября 1864 года. Ширъ-Али-ханъ, озлобленный поступкомъ Абдурахманъ-хана, заключилъ въ тюрьму его отца, Авзулъ-хана.

Весною слѣдующаго года опять возсталъ Азимъ-ханъ, а Абдурахманъ съ своими приверженцами двинулся съ сѣвера. Ширъ-Али-ханъ бодро встрѣтилъ враговъ и 6-го іюня близь Келашъ-и-Гильзи разбилъ ихъ, но потерялъ въ этой битвѣ своего старшаго сына, котораго убилъ на единоборствѣ Азимъ-ханъ. Разбитые инсургенты удалились въ Кандагаръ. Абдурахманъ-ханъ наскоро собралъ бухарскія войска и снова явился въ Авганистанѣ, въ этотъ разъ уже съ большею удачею. Балхъ призналъ его власть и Абдурахманъ двинулся прямо на Кабулъ. Лучшій изъ кабульскихъ военачальниковъ, Магомедъ-Рефинъ также передался ему, оскорбленный сыномъ Ширъ-Али-хана. Наконецъ на его сторону встали также Шерифъ-ханъ и Авузь-ханъ. 19-го февраля 1866 года Абдурахманъ-ханъ вступилъ въ Кабулъ, сданный ему вслѣдствіе измѣны, и освободилъ изъ тюрьмы своего отца, Авзулъ-хана, который тотчасъ же и былъ провозглашенъ эмиромъ. Не смотря на помощь и денежную поддержку англичанъ, Ширъ-Али-ханъ не могъ бороться съ племянникомъ, былъ еще два раза разбитъ и 6-го января 1867 года бѣжалъ въ Гератъ. Два слѣдующіе года продолжалась упорная борьба. Наконецъ, въ маѣ 1868 года снова восторжествовалъ Ширъ-Али-ханъ; Кабулъ былъ взятъ его приверженцами, Азимъ-ханъ и Абдурахманъ-ханъ, разбитые на голову, бѣжали въ Мешгедъ. Отсюда, въ октябрѣ 1869 г., во время перваго посѣщенія г. генералъ-губернаторомъ Самарканда, отправилъ онъ пословъ въ Самаркандъ, искать у русскихъ помощи и защиты. Абдурахманъ-ханъ не просилъ помощи войсками: онъ понималъ, что русскому правительству нѣтъ никакой надобности вмѣшиваться въ распри изъ за кабульскаго престола. Онъ просилъ принять его подъ покровительство свое. Генералъ-губернаторъ отвѣ-

тилъ, что если Абдурахманъ-хану некуда приклонить голову, то гостепріимство будетъ ему оказано.

Въ мартѣ 1870 года Абдурахманъ-ханъ, съ разрѣшенія г. генералъ-губернатора, пріѣхалъ со своею свитою въ Ташкентъ и въ настоящее время живетъ въ Самаркандѣ, зорко присматриваясь къ событіямъ въ Авганистанѣ и вѣроятно—не покидая свои честолюбивые планы.

Начальника края сопровождалъ блестящій своими нарядами и многолюдный кортежъ: толпа всадниковъ, въ богатыхъ халатахъ, съ бѣлыми и красными чалмами. Недолго всадники-самаркандцы ѣхали мирно, гарцуя и красуясь на своихъ статныхъ коняхъ; скоро началась потѣха, любимая ихъ игра *кукъ-бари.* Нѣсколько человѣкъ отдѣлились отъ толпы и заѣхали въ ближній кишлакъ; минутъ черезъ пять они воротились съ убитымъ козленкомъ, перекинутымъ черезъ сѣдло. «Козла будутъ рвать!» пояснилъ мнѣ конвойный казакъ.

Нѣсколько минутъ участвующіе въ игрѣ совѣщались между собою. Болѣе пожилые люди и аксакалы въ жалованныхъ халатахъ отъѣхали въ сторону, очевидно не желая принимать участія въ отчаянной и опасной игрѣ. Молодежь съ нетерпѣніемъ разъѣзжала, ожидая начала бѣшеной скачки и зорко слѣдя за всѣми движеніями всадника, державшаго въ рукѣ козленка. Онъ ѣхалъ медленно, повидимому не обращая ни на кого вниманія. Красная чалма и простой, синій халатъ удивительно, какъ шли къ его смуглому, загорѣлому лицу, обрамленному густою, черною бородой.

Вдругъ всадникъ, державшій козленка, громко гикнулъ и, какъ стрѣла, помчался впередъ, размахивая нагайкой. Вся толпа всадниковъ кинулась за нимъ, тѣсня и толкая другъ друга. Поднявшаяся густая пыль на мгновеніе скрыла всѣхъ состязающихся... Но вотъ изъ пыльнаго облака выдѣлился одинъ, другой, третій всадникъ. Пока одинъ, настигнувъ передоваго всадника, старался вырвать у него изъ рукъ козленка, другой заскакивалъ впередъ и пытался отрѣзать ему дорогу. Но силенъ и ловокъ былъ передовой удалецъ, въ красной чалмѣ; онъ быстро перебрасывалъ козленка съ одной стороны сѣдла на другую, отбивался нагайкой отъ слишкомъ назойливыхъ преслѣдователей... Вотъ одинъ изъ смѣльчаковъ успѣлъ ухватиться за козленка, и оба соперника помчались рядомъ, напрягая всѣ усилія, чтобы вырвать одинъ у другаго добычу, или столкнуть соперника съ сѣдла. Съ гикомъ преслѣдуютъ ихъ остальные состязающіеся. Послѣ долгой, упорной борьбы, козленокъ или, лучше сказать, большой изорванный кусокъ мяса достался въ руки молодому, красивому таджику. Онъ, какъ змѣя, увертывался отъ преслѣдователей, нѣсколько разъ бросался изъ стороны въ сторону, ловко поворачивая коня въ ту минуту, когда,

казалось, нѣсколько человѣкъ готовы были налетѣть на него и вырвать изъ рукъ добычу. Уже всадниковъ десять оставили участіе въ игрѣ и только издали слѣдовали за состязающимися. Таджикъ теперь еще смѣлѣе увертывался отъ нападающихъ, по временамъ поднимая кверху козленка и какъ бы поддразнивая тѣмъ соперниковъ... Добыча осталась въ его рукахъ. Часа черезъ два послѣ того, онъ былъ представленъ генералъ-губернатору, какъ побѣдитель въ игрѣ, и, конечно, получилъ щедрую награду за свою удаль.

Любуясь бѣшеною скачкой и игрой, мы незамѣтно проѣхали 30 верстъ, отдѣляющихъ Ташъ-купрюкъ отъ Самарканда. Начались сады, поля, засѣянныя рисомъ, пшеницей, кукурузой, огороды, съ низенькими, глиняными заборами. Арыки безпрестанно пересѣкали дорогу. Около дороги, обсаженной ветлами и тутовыми деревьями, лѣпились сакли подгородныхъ жителей. По всему замѣтна была близость большаго города, люднаго мѣста. Вотъ и Заравшанъ, быстрый и прихотливый, кормилецъ всей плодородной Міанкальской долины: не даромъ и назвали его бухарцы „раздавателемъ золота“. За Самаркандомъ и еще болѣе за Бухарою, онъ почти весь расходится по окрестнымъ садамъ, пашнямъ и лугамъ, вызывая изъ земли роскошнѣйшую растительность и неслыханные урожаи. Говорятъ, что Заравшанъ уноситъ съ своимъ иломъ также и частицы золота; но если бы даже въ немъ, съ сотворенія міра, не встрѣчалось ни одной золотой крупинки, то и тогда Заравшанъ останется навсегда драгоцѣннѣйшею рѣкою всего Бухарскаго ханства. Значеніе его не въ золотѣ, которое онъ уноситъ, а въ плодородіи, разливаемомъ имъ по всей окрестной странѣ.

У Самарканда Заравшанъ не течетъ уже въ высокихъ, обрывистыхъ берегахъ, а разливается по равнинѣ, усѣянной рѣчною галькою, и разбивается на нѣсколько протоковъ. Главное русло довольно глубоко и чрезвычайно быстро, такъ что при переправѣ черезъ Заравшанъ весьма часто опрокидываются экипажи отъ сильнаго напора воды. Весною Заравшанъ затопляетъ всю равнину, отъ самаго подножія высотъ Чупанъ-ата, и тогда доступъ къ Самарканду съ этой стороны, конечно, весьма труденъ. Именно во время такого разлива и переправились русскія войска чрезъ Заравшанъ 1-го мая 1868 года, чтобы штурмовать неприступныя Чупанъ-атинскія высоты, уставленныя орудіями и покрытыя массами непріятеля. Позиція была весьма сильная; войска эмира вдесятеро превосходили русскій отрядъ, но нашъ солдатъ не задумывается предъ препятствіями. Высоты были взяты штурмомъ.

Разсказываютъ, что во все время штурма 1-го мая, въ мазарѣ или могилѣ, находящейся на вершинѣ Чупанъ-ата, сидѣлъ старикъ-мулла и молился, читая коранъ. Когда бухарцы очистили высоты, въ мазару вошелъ

одинъ изъ нашихъ офицеровъ, баронъ Рене; едва успѣлъ онъ переступить порогъ, какъ мулла пустилъ ему въ голову тяжелымъ камнемъ. Подоспѣвшіе казаки изрубили фанатика.

III.

Окрестности Самарканда чрезвычайно хорошо обработаны и густо заселены; загородные дома и постройки встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу. Поэтому здѣсь нѣтъ той рѣзкой, граничной черты между городомъ и подгородною, совершенно открытою, ровною мѣстностью, какая замѣчается почти во всѣхъ средне-азіятскихъ городахъ, особливо же въ Туркестанѣ, Чемкентѣ, Бискентѣ, и нѣкоторыхъ другихъ. Дорога въ городъ идетъ у самаго ската довольно крутой возвышенности, на которой кое гдѣ виднѣются прилѣпленныя постройки. Ниже—протекаетъ какая-то рѣченка или арыкъ съ перекинутыми черезъ него, животрепещущими мостиками. За рѣчкой опять сакли, сады, огороды. Вотъ показались съ правой стороны груды мусору и камней, кое гдѣ покрывшіяся уже высокою, густою травою, и даже мѣстами заросшія деревьями. Это—*Калаи Афросіабъ*, мѣсто бывшаго когда-то богатаго и обширнаго города, еще временъ до-исламистскихъ. Здѣсь былъ Самаркандъ огнепоклонниковъ. Въ этой грудѣ мусора таится, вѣроятно, много замѣчательныхъ древностей, которыя когда нибудь бросятъ свѣтъ на многія загадочныя страницы жизни Самарканда. Мѣсто, гдѣ стоялъ когда-то древній Самаркандъ, — *Мариканда* временъ Александра Македонскаго, носитъ названіе свое Калаи-Афросіабъ, по имени Афросіаба, миѳическаго героя азіятской древности. Афросіабъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ и соратникомъ Зааломъ, были знаменитѣйшими героями Турана. Афросіабъ былъ сынъ Тура, перваго туранскаго властителя; Заалъ, владѣтель Систана, былъ вскормленъ птицею *хумъ* (фениксъ), которая научила его, какъ должно побѣждать *дивовъ*, злыхъ миѳическихъ существъ, опустошавшихъ въ то время страны Турана. Заалъ и Афросіабъ дѣйствительно побѣдили дивовъ и загнали ихъ куда-то далеко, въ горы. Помѣщаемъ эти подробности для того, чтобы показать: къ какой отдаленной, баснословной древности относится основаніе Самарканда, стоявшаго нѣкогда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь видна одна только неровная, изрытая пещерами и подземными ходами мѣстность.

Съ высокихъ холмовъ Афросіаба виднѣется на значительное пространство вся окрестная мѣстность; изъ зеленой полосы городскихъ садовъ вырисовываются куполы мечетей и медрессе, между которыми яснѣе всего видна Шахъ-Зинде. Кругомъ, на холмистой, пересѣченной мѣстности замѣтны слѣды когда-то бывшаго здѣсь обширнаго поселенія, свидѣтеля столь-

кихъ переворотовъ въ судьбахъ Азіи. На одной изъ возвышенностей преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ стоялъ дворецъ Афросіаба, и гдѣ позже пировалъ Александръ.

Проѣхавъ городскую стѣну, глиняную, невзрачную, мѣстами потрескавшуюся, въѣзжаютъ въ самый городъ. Если вы не успѣли еще отрѣшиться отъ надежды насладиться видомъ знаменитѣйшаго изъ среднеазіятскихъ городовъ столицы Тамерлана, издревле прославленной на востокѣ, то вы горько разочаруетесь. Самаркандъ былъ когда-то славенъ своими мечетями, дворцами и медрессе. Но теперь отъ эпохи его минувшей славы осталось одно только слабое воспоминаніе! Великолѣпныя изразцовыя постройки разрушаются съ каждымъ годомъ отъ времени, землетрясеній, невѣжества и апатіи среднеазіятцевъ. Обрушившіяся части стѣнъ старинныхъ зданій не реставрируются, хотя кирпичи съ великолѣпною, изразцовою голубою мозаикою и валяются тутъ же, на улицѣ, или на дворѣ медрессе, а просто на просто замазываются глиной. Эти сѣрыя, глиняныя заплатки непріятно поражаютъ глазъ каждаго, не зараженнаго азіятскимъ равнодушіемъ къ замѣчательнымъ остаткамъ старины. Самый городъ, съ его узкими, кривыми улицами, глиняными заборами, низенькими домишками, невзрачными и небогатыми лавченками, — со всей этой простой, будничной обстановкой захолустья, похожъ на всѣ среднеазіятскіе города. Самаркандъ скрашиваютъ только немногія изъ удачно сохранившихся мечетей и медрессе временъ Тимура и его ближайшихъ потомковъ. Лучшія изъ нихъ—медрессе Тилля-кара, Ширдаръ и Улугъ-беги,—окружаютъ просторную, базарную площадь. Особенно замѣчательно медрессе Улугъ-беги, съ его высокими минаретами, слегка покосившимися равномѣрно въ обѣ противоположныя стороны, тогда какъ самыя стѣны медрессе остались совершенно вертикальными. Медрессе Улугъ-беги нѣкогда славилось своимъ училищемъ и обсерваторіею, и болѣе всѣхъ самаркандскихъ построекъ пострадала отъ времени и землетрясеній. Слѣды разрушеній особенно явственны внутри, если взглянуть со двора медрессе на куполъ и стѣны этой, нѣкогда знаменитой постройки.

Съ высокихъ минаретовъ медрессе Улугъ-беги стрѣляли по русскому отряду шахрисябзцы въ памятные дни осады самаркандской цитадели (іюнь 1868 года).

Базаръ, часть котораго была раззорена и сожжена въ наказаніе за измѣнническое нападеніе самаркандцевъ на русскій отрядъ, нынѣ вновь отстроенъ, гораздо лучше, чище и просторнѣе прежняго. Нѣтъ уже въ немъ узкихъ, грязныхъ закоулковъ; улицы широкія, лавки просторныя, свѣтлыя. Кругомъ всей цитадели оставлена широкая эспланада, для удоб-

наго обстрѣливанія города, въ случаѣ нападенія. И самая цитадель совершенно преобразована послѣ занятія ея русскими войсками. Теперь въ ней возникъ маленькій, русскій городокъ, или лучше сказать — военный поселокъ. Кучи мусора еще видны во многихъ мѣстахъ внутри цитадели: тамъ прежде лѣпились сакли, жилища бухарскихъ войскъ или сарбазовъ, артиллеристовъ и проч. Теперь на мѣстѣ сакель понастроены казармы, конюшни, артиллерійскіе и провіантскіе склады и цейхгаузы. Домъ бывшаго самаркандскаго бека обращенъ въ помѣщеніе для начальника Заравшанскаго округа, генералъ-маіора Абрамова. Въ другихъ зданіяхъ, передѣланныхъ на-скоро на европейскій ладъ, размѣстились офицеры и вообще служащій людъ. Мечети обращены въ разные склады, на стѣнахъ цитадели грозно выглядываютъ русскія орудія и виднѣется бѣлая рубашка и кепи часоваго. Все измѣнилось, все приняло новый видъ, не похожій на прежній.

Пройдемте по главной улицѣ, прямо отъ восточныхъ воротъ цитадели; домъ начальника округа самое замѣтное зданіе на этой широкой, просторной улицѣ. Высокое крыльцо поддерживается нѣсколькими витыми колонками, и самое зданіе совершенно передѣлано на европейскій образецъ изъ бывшей неуклюжей, бухарской постройки. Предъ домомъ—небольшой прудъ, окруженный деревьями. Противъ самаго крыльца, въ полугорѣ, видны низенькіе, сѣрые домики: это отдѣльныя помѣщенія для ротъ, составляющихъ гарнизонъ самаркандской цитадели. Далѣе, по той же улицѣ, бѣлѣется русская церковь, во имя св. великомученика Георгія Побѣдоносца. Эта церковь каменная, весьма изящная, частію передѣлана изъ мечети; по крайней мѣрѣ внутренность церкви въ своихъ колоннахъ и различныхъ архитектурныхъ украшеніяхъ, вполнѣ сохранила граціозный и легкій восточный, архитектурный стиль. Храмъ св. Георгія въ Самаркандѣ, безъ сомнѣнія, лучшая изъ всѣхъ церквей, воздвигнутыхъ понынѣ въ Туркестанскомъ краѣ. За церковью виднѣются зданія артиллерійскаго вѣдомства, вновь отстроенныя въ 1869 году, а напротивъ ихъ — помѣщеніе клуба, лавки и гостинница «Бухара», съ отдѣльными нумерами для пріѣзжающихъ.

Неподалеку отъ церкви возвышается среди площади скромный памятникъ, въ видѣ бѣлой, каменной пирамиды, надъ могилою офицеровъ и солдатъ, убитыхъ во время осады самаркандской цитадели возмутившимися жителями, шахризябзцами и пянджекентцами. Здѣсь погребены: поручики Лепехинъ, Служенко, Губинъ и титулярный совѣтникъ Ивановъ. У самой стѣны цитадели виднѣется и другой, скромный памятникъ: крестъ надъ небольшою насыпью, прикрывающею входъ въ склепъ; это могила И. А. Хлудова, умершаго во время самой осады цитадели.

Есть и еще, въ самой цитадели, двѣ скромныя могилы у мечети Чагаръ-дагумъ; здѣсь на мусульманскомъ кладбищѣ погребены убитые въ кара-тюбинскомъ сраженіи: докторъ Абдіевъ и джигитъ Сеидъ-Ахрымъ. На памятникѣ Абдіева, имѣющемъ общій видъ надгробныхъ мусульманскихъ саркофаговъ, изсѣчена надпись: «это могила прославленнаго, прощеннаго за грѣхи, святаго, Оренбургской губерніи, мѣстечка Бяли (Белебей), доктора Ахметъ-Дисана (Абдіева), нашедшаго смерть въ каратюбинскомъ боѣ, 27-го 1285 г. (1868 г.) на 33-мъ году отъ роду; погребенъ 28-го мая. И Бѣлый Царь оказалъ милости». На могильномъ памятникѣ Сеитъ-Ахрыма находится надпись: «въ этой могилѣ покоится прославленный, прощенный за грѣхи конводамецъ, жившій въ городѣ Алматинскѣ (Вѣрномъ) Сеидъ-Акрямъ-Сеидъ-Ахметовъ, нашедшій смерть въ кара-тюбинскомъ боѣ 27 мая. Погребенъ 28 мая 1285 г.»

Обѣ надписи, какъ видите, весьма простыя и далеко не въ духѣ восточнаго краснорѣчія. Это не то, что надпись надъ могильной плитою какого нибудь вліятельнаго лица бухарской администраціи, а о ханахъ и эмирахъ мы уже и не говоримъ! Для контраста, приведемъ надпись на камнѣ, покрывавшемъ нѣкогда могилу узбекскаго властителя, Магомета-Шибани, (умеръ въ 977 году гиджры, т. е. 1569 г. по Р. Х.). Вотъ что гласитъ правовѣрнымъ эта громозвучная надпись (стихи), въ которой цвѣты восточнаго краснорѣчія разсыпаны уже черезчуръ щедрою рукою:

«Небо счастія, Шибани-Магометъ-ханъ, царь вселенной, котораго красотѣ и нѣжности завидовалъ небесный мѣсяцъ».

«Судьба сожалѣетъ о своей жестокости и несправедливости. Небо сильно раскаивается въ своей недобросовѣстности. Сердце стонетъ отъ криводушія неправосуднаго неба»,

«Отъ котораго населенный міръ повернулся лицемъ къ сторонѣ разрушенія. Если умъ спроситъ тебя о годѣ его смерти, отвѣчай: «о, сто сожалѣній о Магометѣ-ханѣ-Шибани!».

Сложенныя вмѣстѣ, начальныя буквы словъ, составляющихъ это послѣднее восклицаніе, составляютъ 977, т. е. годъ смерти хана Шибани. Этотъ любопытный надгробный камень взятъ ротм. Терентьевымъ изъ развалинъ воротъ Акъ-Дервазе, въ самаркандской цитадели, 8 іюня 1868 года. Препровожденный въ С.-Петербургъ, онъ хранится въ настоящее время въ Императорскомъ эрмитажѣ.

Въ самаркандской цитадели находился дворецъ (аркъ) эмира бухарскаго. Но.... «слава, насъ учили, дымъ»! Дворецъ грознаго эмира обращенъ русскими въ госпиталь, для чего большія, свѣтлыя комнаты азіятскаго властелина оказались какъ нельзя болѣе пригодными. Нельзя упре-

кать за это въ вандализмѣ, потому что комнаты дворца, въ архитектурномъ отношеніи, не представляли рѣшительно ничего замѣчательнаго, выходящаго изъ ряда вонъ; тѣже стрѣльчатыя ниши, росписные потолки, какъ и въ домахъ всѣхъ зажиточныхъ азіятцевъ. Большая пріемная зала, или вѣрнѣе—дворъ, на которомъ находится замѣчательная древность—тронъ Тимура, сохраняется неприкосновенною. Особливо оберегается главная стѣна, насупротивъ входа, гдѣ на возвышенной, каменной террасѣ лежитъ огромный камень, слывущій подъ названіемъ *кокъ-таша*, или синяго камня, хотя въ сущности онъ вовсе не имѣетъ этого цвѣта, и есть простой, сѣроватый мраморъ. На этомъ камнѣ, какъ извѣстно, стоялъ тронъ Тимура. Видѣнъ въ стѣнѣ и другой, овальный камень, также покрытый арабскою надписью, и который Вамбери принялъ за овальный кусокъ желѣза. Все это, по приказанію генералъ-губернатора, сохраняется въ неприкосновенности, и охраняется достодолжнымъ образомъ.

Весьма замѣчательна также могила Тимура, находящаяся въ юго-западной части города. Часовня эта (Гуръ-эмиръ) отличается граціознымъ и изящнымъ стилемъ всѣхъ своихъ украшеній, преимущественно внутри, подобно всѣмъ архитектурнымъ памятникамъ тамерлановой эпохи. Снаружи часовня значительно пострадала отъ времени и землетрясеній; половина ея лазореваго купола обвалилась, и, по азіятскому безвкусію, замѣнена глиняными настройками, еще въ добавокъ — непропорціональныхъ размѣровъ. Внутри, какъ мы сказали, часовня хорошо сохранилась и пріятно поражаетъ глазъ своею граціозною отдѣлкой. Алебастровыя украшенія и арабески, священныя надписи на стѣнахъ — все это производитъ одно общее, весьма выгодное впечатлѣніе. Посреди часовни, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ въ склепѣ находится могила Тимура, лежитъ камень, чернаго цвѣта, съ вырѣзанною на немъ мусульманскою молитвою. Это и есть саркофагъ Тимуръ-ленга. Въ прежнее время могильный камень Тимура окруженъ былъ весьма изящною, рѣзною, мраморною рѣшеткою; отъ этой рѣшетки сохранился только небольшой кусокъ. По приказанію генералъ-губернатора, рѣшетка реставрирована, и по сохранившемуся случайно образцу, заказана другая, также изящная, мраморная рѣшетка. Мастера, работавшіе эту рѣшетку, были вызваны изъ Бухары и сохранившійся случайно кусокъ старой рѣшетки, окружавшей когда-то могилу Тамерлана, послужилъ отличнымъ образцемъ для ихъ реставраціонныхъ работъ. Точно также реставрирована часовня Гуръ-эмиръ и во всѣхъ другихъ частяхъ, гдѣ только было возможно. Дворъ часовни очищенъ отъ накопившагося сору и мусору; расчищены также боковыя часовенки, гдѣ погребены жены и нѣкоторые другіе члены семьи грознаго эмира, причемъ подъ грудами мусора открытъ былъ между прочимъ еще одинъ надмогильный камень.

Ступени, ведущія внутрь часовни, гдѣ лежитъ прахъ Тимура, сдѣланы мраморныя, а входъ въ часовню прикрытъ сквозною, деревянною рѣшеткой, весьма изящнаго рисунка, въ азіятскомъ вкусѣ. Къ сожалѣнію, снаружи часовня Гуръ-эмиръ не могла быть вполнѣ раставрирована; время наложило на нее свою разрушительную руку и возобновленіе наружнаго фасада постройки потребовало бы слишкомъ много трудовъ и расходовъ. И теперь уже реставрація часовни стоила болѣе трехъ тысячъ рублей.

По приказанію г. генералъ-губернатора, приняты были также мѣры къ сохраненію знаменитаго *кокъ-таша* *), служившаго подножіемъ трона Тамерлана. Кокъ-ташъ обнесенъ нынѣ изящной, желѣзной рѣшеткой, работы баталіонныхъ мастеровъ.

Въ ногахъ у повелителя востока покоится прахъ его учителя Миръ-Сеида-Берке, а кругомъ—могилы женъ и дѣтей Тимура. У стѣны часовни какимъ-то случаемъ пріютилась чужая могила богатаго, бухарскаго купца. Склепъ, гдѣ собственно и находится могила Тамерлана, душенъ и мраченъ; здѣсь нѣтъ ни украшеній, ни лѣпной работы, ни арабесковъ. Мраморныя плиты прикрываютъ могилы эмира и его близкихъ. Въ склепъ сп[illegible]каются по весьма узкой, витой лѣстницѣ, ведущей изъ самой часо[illegible]и.

Кромѣ дворца Тимура и его могилы, въ Самаркандѣ много и другихъ, старинныхъ памятниковъ минувшей эпохи блеска, роскоши и славы средне-азіятской столицы. Такъ, напр., останавливаетъ вниманіе всѣхъ любознательныхъ путешественниковъ и археологовъ мечеть Тимура въ южной части города, лѣтній дворецъ Тимура, въ окрестностяхъ Самарканда, близъ могилы чтимаго мусульманскаго святаго Хазрети-Шахъ-Зинде, остатки медрессе Ганимъ, построенной женою Тимура, китайской принцессою и многія другія. Но.... это все большею частію мѣста, воскрешающія въ памяти времена, весьма отдаленныя, тѣ времена, когда молодая Русь едва успѣвала отбиваться отъ татарскихъ нападеній. Занятіемъ Самарканда русскіе расплатились за Москву, Кіевъ, Черниговъ, за всѣ города, разграбленные, выжженные и раззоренные азіятскими ордами.

Н. Маевъ.

---

*) *Кокъ-ташъ* значитъ *синій камень*; но слово *кокъ* имѣетъ также и другое значеніе: сѣрый; напр. извѣстная игра туземцевъ *кукъ-бари* значитъ въ переводѣ; *сѣрый волкъ*. Почему не предположить, что и кокъ-ташъ значитъ *сѣрый*, а вовсе не *синій* камень?

Нѣсколько свѣдѣній о г. Улясутаѣ.

Какъ извѣстно, осенью 1870 года городъ Улясутай взятъ мятежниками. По разсказамъ русскихъ, бывшихъ въ Улясутаѣ съ г. Павлиновымъ, Улясутай имѣлъ до 5 т. жителей; строенія въ немъ довольно оригинальной архитектуры, тянутся улицами и всѣ безъ исключенія деревянныя; кругомъ его расположены аулы, по нѣскольку кибитокъ въ каждомъ, различныхъ народностей, подвѣдомственныхъ Китаю и управляемыхъ особыми ханами. Въ центрѣ города имѣлъ мѣстопребываніе китайскій губернаторъ; было одно присутственное мѣсто, въ которомъ сосредоточено нѣсколько вѣдомствъ: администрація, судъ, финансовое и почтовое управленія. Отъ Улясутая на юго-востокъ до самаго Пекина лежитъ почтовый трактъ, по которому очень удобно было бы транспортировать чай изъ внутренняго Китая; но къ несчастію, междоусобная неурядица на этомъ трактѣ парализируетъ всѣ дѣла торговли.

Край этотъ очень богатъ скотоводствомъ, а это даетъ несомнѣнную надежду на развитіе русской торговли, которая на первый разъ для нашихъ купцовъ была очень выгодна; напримѣръ: за юфтовую кожу, стоящую 5 руб., они получали отъ 100 до 120 сурьихъ шкуръ, а каждая изъ нихъ на ирбитской ярмаркѣ продается отъ 13 до 15 к. Слѣдовательно на пять рублей получалось почти столько же барыша. Еще выгоднѣе для нихъ промѣнивался плисъ. Его китайцы пріобрѣтали такимъ образомъ: конецъ сложатъ вмѣстѣ съ одного угла; отъ этого образуются два треугольника, называемые по китайски баяры; за каждый изъ нихъ давали по 3 сурка, а эти треугольники плиса составляютъ квадратъ не много болѣе полу-аршина; аршинъ же продается въ Бійскѣ только за 20 к. Какъ ни станешь расчитывать, выходитъ одинъ и тотъ же выводъ, что купецъ на 1 рубль капитала получалъ 300 процентовъ!

Ввозъ въ описываемый край шерстяныхъ издѣлій былъ бы для русскихъ убыточенъ, потому что тамъ распространены англійскія издѣлія; ежели штука сукна стоитъ нашему купцу 85 руб., то такую же штуку

англійской фабрикаціи можно было купить за 64 руб. Промѣнъ шелковыхъ матерій также для насъ не могъ имѣть выгоды. Зато бумажный товаръ, какой бы онъ ни былъ, а также стекло, зеркала, мѣдныя издѣлія и прочее давали нашимъ купцамъ огромные барыши.

Вотъ нѣсколько подробностей о движеніи инсургентовъ къ Улясутаю, о взятіи этого города, и о участи, ожидавшей городъ Ургу, важный коммерческій пунктъ, чрезъ который направляется русская чайная торговля изъ Пекина въ Кяхту:

10-го октября 1870 года берега Туи были внезапно заняты тремя шайками мятежниковъ, изъ которыхъ въ каждой находилось не менѣе 1,000 человѣкъ. Сосредоточившись на берегахъ Туи, они начали грабить окрестныя мѣстности и направились къ жилищу ламы Гизена, которое они уже опустошили лѣтомъ. Мятежники набрали около 20 т. головъ разнаго рода скота: верблюдовъ, лошадей и барановъ, и затѣмъ расположились въ Шаргальджудѣ, какъ бы намѣреваясь провести тамъ зиму; оттуда отправили они шайки для разграбленія княжескихъ жилищъ, въ округѣ Саинъ-Нуинъ, которому до сихъ поръ удавалось избѣгать набѣговъ. Они скоро покинули, однако, берега Шаргальджуды и двинулись къ западу, съ очевиднымъ намѣреніемъ аттаковать Улясутай. При этомъ извѣстіи, кебей-амбанъ, ванъ улясутайскій сталъ во главѣ отряда, состоявшаго изъ 700 хорошо вооруженныхъ человѣкъ и выступилъ изъ города. Къ несчастію, силы противныхъ сторонъ оказались слишкомъ неравными. Первое столкновеніе между ними должно было рѣшить участь города и въ этомъ столкновеніи мятежники одержали полную побѣду; манджуры разсѣялись при первомъ натискѣ и самъ начальникъ ихъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ.

По извѣстіямъ изъ западнаго Китая, улясутайскій дзянь-дзюнь Фудзе, вслѣдствіе катастофы, постигшей Улясутай, отравился.

Улясутай—есть важнѣйшій пунктъ всей западной Монголіи; въ немъ находилось нѣсколько пушекъ, значительное количество оружія и разнаго рода военнаго матеріала, а также значительная денежная сумма. Взятіе этого города могло придать возстанію чрезвычайно серіозное значеніе, такъ что господство мятежниковъ утвердилось бы на долго въ западной части халкасскихъ государствъ. Инсургенты намѣрены были идти на Ургу, гдѣ они нашли бы богатую добычу. Въ Ургѣ сдѣланы были приготовленія къ оборонѣ, но паника, овладѣвшая мѣстнымъ населеніемъ и въ особенности китайскими купцами, заставляла предполагать, что, при первой опасности, они подумаютъ не объ оборонѣ, а о бѣгствѣ. Они давнымъ давно уже покинули бы Ургу, еслибъ имъ не препятствовали власти. По распоряженію мѣстныхъ властей, китайское населеніе Урги организовало

ночную караульную службу въ торговыхъ кварталахъ, но тѣмъ не менѣе этотъ караульный отрядъ, состоящій изъ 500 человѣкъ, оказался весьма ненадежнымъ; онъ былъ плохо вооруженъ, ничего не смыслилъ въ военномъ дѣлѣ и не могъ бы представить никакого противодѣйствія инсургентамъ, если бы они появились предъ городомъ. По просьбѣ губернатора Урги, пекинское правительство отправило въ Карла-Никунъ, расположенный на большой улясутайской дорогѣ, на границѣ округовъ Урги и Нунна, отрядъ въ тысячу человѣкъ. Губернаторъ Урги потребовалъ затѣмъ новаго подкрѣпленія въ 2,000 человѣкъ, для защиты самаго города.

Въ настоящую минуту западная Монголія еще представляетъ весьма прискорбное зрѣлище: грабежи и разрушенія, произведенные мятежниками, довершили бѣдствія этой несчастной страны, испытывающей съ 1870 года разнаго рода тяжкія невзгоды. Въ Ургѣ торговля совершенно прекратилась; торговые дома принуждены были отправить обратно присланные имъ товары, и иная контора, производившая ежедневно обороты въ 500—1,000 рублей, не производитъ ихъ теперь и на 10 рублей. Многіе русскіе купцы покинули городъ, за исключеніемъ двоихъ, такъ какъ мятежники нисколько не скрываютъ своего намѣренія, при удобномъ случаѣ, двинуться на Ургу.

Вотъ все, что мы знаемъ о положеніи дѣлъ въ Монголіи. Извѣстія эти чрезвычайно важны для русской торговли съ Монголіей и Китаемъ, которая до сихъ поръ направлялась почти исключительно по дорогѣ изъ Кяхты въ Калганъ, чрезъ Ургу.

Города западнаго Китая.

Свѣдѣнія наши о западно-китайскихъ городахъ до настоящаго времени были чрезвычайно неполны и отрывочны. Только съ занятіемъ русскими Кульджи получилась возможность получить болѣе вѣрныя свѣдѣнія о мѣстности, лежащей за горнымъ хребтомъ, окаймляющимъ съ сѣвера Илійскую долину.

Ближайшій къ нашей границѣ дунганскій городъ Манасъ, или Манассы, съ населеніемъ изъ 1,500 дунганъ и 700 китайцевъ и кара-китайцевъ; послѣдніе находятся исключительно въ войскахъ. Далѣе находится пикетъ Кутуби, въ которомъ до 400 человѣкъ, исключительно одного войска; за Кутуби лежитъ довольно значительный городъ Санджи, съ населеніемъ въ 7,000 человѣкъ, изъ которыхъ 2 тысячи дунганъ и 5 тысячъ китайцевъ. Послѣдніе населяютъ совершенно отдѣльную часть города; они платятъ дунганамъ подать, пашутъ землю и обязаны продовольствовать войско. Въ разстояніи около 60 верстъ отъ Санджи находится Урумчи, бывшій центръ торговли и промышленности всего западнаго Китая. До мятежа, населеніе Урумчи простиралось до 120 тысячъ человѣкъ, въ настоящее же время тамъ только 11 тысячъ жителей, изъ коихъ 10 тысячъ дунганъ и 1 тысяча кара-китайцевъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ Урумчи — есть двѣ крѣпости: Хабшинъ-чинъ и Машбинъ-чинъ; въ первой изъ нихъ 3 тысячи войска, а во второй—4 тысячи. Обѣ эти крѣпости находятся теперь въ рукахъ дунганъ. Южнѣе Урумчи—города: Карашаръ, Турфанъ и Ку-чи; первый изъ этихъ городовъ занятъ таранчами, а остальные два—дунганами и небольшимъ числомъ таранчей.

Къ востоку отъ Урумчи, по дорогѣ въ Пекинъ, находится пикетъ Тукулу, занимаемый 100 кара-китайцами и 50 дунганами; далѣе слѣдуютъ города: Кумудю, Фу-канъ-сіанъ, Хотанъ, Тимуза-сіанъ и Кучинъ. Кумудю былъ прежде очень населенный городъ, но съ 1866 года тамъ осталось только 1 тысяча кара-китайцевъ, составлявшихъ какъ бы дунганскій отрядъ. Въ прошломъ году дунгане, послѣ неудавшагося погода на Шюджу, разбитые подъ г. Хами, бѣжали и поселились въ Кумудю, въ числѣ до 6 т.

человѣкъ, безъ женъ, дѣтей и скота. По всей вѣроятности, дунгане въ Кумудю остановились только на зиму. Фу-канъ-сіанъ до мятежа 1865 года былъ населенъ 3 тысячами кара-китайцевъ, которые сѣяли хлѣбъ и складывали его въ казенные магазины, для продовольствія войска; всѣ жители этого города состояли на военной службѣ. Тимуза-сіанъ стоитъ на очень большой рѣкѣ и окруженъ прекрасными, плодородными полями. Населеніе Тимуза-сіана простиралось до 10 тысячъ, жители его также всѣ были на военной службѣ и обязаны были поставлять хлѣбъ въ казенные магазины. Города эти нисколько не пострадали во время инсуррекціи, и перейдя въ руки дунганъ, въ настоящее время доставляютъ послѣднимъ хлѣбъ. Нѣсколько въ сторонѣ отъ Тимуза-сіана, въ разстояніи около 90 верстъ, находится г. Хотанъ, замѣчательный большими шелковыми плантаціями. Какъ говорятъ, городъ этотъ поставлялъ шелкъ на весь западный Китай. Купцы изъ Чугучака (Тарбагатая) доходили съ своими караванами въ Хотанъ въ 50 дней. Судьба этого города въ настоящее время неизвѣстна, но такъ какъ по словамъ киргизъ-байджиштовъ, шелку въ Урумчи теперь нѣтъ, то вѣроятно Хотанъ уже разрушенъ.

Въ 90 верстахъ отъ Тимуза-сіана лежитъ городъ Ку-чинъ, въ которомъ до мятежа было 400 человѣкъ кавалеріи, 600 человѣкъ пѣхоты и болѣе 15 тысячъ жителей, между которыми много было манджуровъ. Ку-чинъ совершенно раззоренъ, разрушенъ и жители его всѣ вырѣзаны; въ настоящее время въ этомъ городѣ никто не живетъ. Это крайній населенный пунктъ, до котораго коснулся дунганскій мятежъ. Изъ Ку-чина есть прямая, калмыцкая дорога въ Кобдо, чрезъ городокъ Пе-до-чай-за; на всемъ этомъ пути—12 пикетовъ. Дорога эта неудобна тѣмъ, что здѣсь на протяженіи 260 верстъ совершенно нѣтъ воды.

Далѣе, за Кучиномъ, по дорогѣ въ Пекинъ, находятся города: Читай-сіанъ, Муле-хо, Баркуль, Хами, Енъ-си, Юменъ и Шуджу, неправильно произносимый киргизами: Чижу. Отъ Урумчи до Баркуля одинъ мѣсяцъ ѣзды, а до Шуджу—2 мѣсяца. Въ Баркулѣ стоитъ много китайскихъ войскъ и городъ этотъ укрѣпленъ самой природой, находясь на островѣ, отъ котораго радіусомъ на 25 верстъ тянутся непроходимыя болота. Въ Шюджу живетъ много дунганъ, которые составляютъ особый городъ. Оригинальная особенность положенія здѣшнихъ дунганей состоитъ въ томъ, что они совершенно миролюбивымъ способомъ блокируются китайцами; такъ какъ эти дунгане не принимали никакого участія въ мятежѣ, то китайцы не употребляютъ противъ нихъ никакихъ насильственныхъ мѣръ, но берутъ съ нихъ за одинъ пудъ муки около 60 р. на наши деньги.

Для эмигрантовъ: солоновъ, сибо и калмыковъ имѣетъ особое значеніе Кобдо, какъ мѣстопребываніе Чоганъ-Кегена. Личность этого че-

ловѣка чрезвычайно загадочна и о немъ ходятъ въ народѣ разныя легенды. Народъ, не исключая и чиновниковъ, образованныхъ болѣе другихъ, убѣжденъ, что Чоганъ-Кегенъ существуетъ уже около 1500 лѣтъ, и что въ настоящее время онъ появляется на свѣтъ 18-й разъ; доживя до 80 лѣтъ, онъ умираетъ и является снова въ другомъ мѣстѣ Китая, съ тѣми же самыми свойствами и даже съ тою же наружностью. Между китайцами Чоганъ-Кегенъ имѣетъ значеніе пророка и всякому его слову вѣрятъ, какъ откровенію боговъ, считая его посредникомъ между божествомъ и людьми. Онъ знаетъ когда, откуда и сколько вступаетъ непріятельскихъ войскъ, какая цѣль непріятеля, знаетъ въ какой день слѣдуетъ вступать въ бой и когда не слѣдуетъ, опредѣляетъ заранѣе цифру убитыхъ въ своихъ и непріятельскихъ рядахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Чоганъ-Кегенъ очень умный человѣкъ, и пользуясь легковѣріемъ и необразованностію народа, своими таинственными пріемами мистифицируя людей, пріобрѣлъ себѣ огромную популярность. Въ Кобдо онъ облеченъ властію дзянь-дзюня и имѣетъ разрѣшеніе отъ богдохана формировать изъ калмыковъ войско, въ какомъ угодно числѣ и дѣйствовать съ этимъ войскомъ противъ кого онъ найдетъ нужнымъ. Чоганъ-Кегенъ родомъ кара-калмыкъ; ему уже 42 года, но по наружности ему гораздо меньше. Вмѣстѣ съ своею свѣтскою властію, Чоганъ-Кегенъ есть также и высшее духовное лицо, и народъ изъ далекихъ странъ пріѣзжаетъ къ нему на поклоненіе.

Кочевыя поселенія торгоутовъ (калмыковъ) разсыпаны по всему западному Китаю; самое большое число ихъ, около 100 тысячъ, кочевало въ горахъ Джулдусъ, въ разстояніи 8 пикетовъ отъ г. Или (на р. Или); главный начальникъ торгоутовъ имѣлъ пребываніе въ Улясутаѣ и именовался ханомъ. Торгоуты эти раздѣляются на 65 волостей, въ каждой волости отъ 1,500 до 2,000 юртъ. Пользуясь неприступною мѣстностію своихъ поселеній въ горахъ, торгоуты почти независимы и издавна считались самымъ богатымъ и торговымъ народомъ западнаго Китая. У нихъ разводятся замѣчательныя породы разнаго скота; лошади ихъ, чрезвычайно рослыя и красивыя, цѣнятся въ Китаѣ очень дорого.

Другое торгоутское посесеніе находится около Куръ-кара-усу, гдѣ считается 14 волостей. На сѣверной окраинѣ есть два поселенія торгоутовъ: въ Бурултогоѣ 14 волостей, и на Джинъ-хо 6 волостей.

Кромѣ вышеупомянутыхъ центровъ, торгоуты въ маломъ числѣ разсѣяны по всѣмъ мѣстамъ западнаго Китая, оставшимся во власти манджуровъ. Отношенія ихъ къ китайскому правительству самыя дружественныя. Джулдузскіе торгоуты перекочевали теперь въ Кульджинскій раіонъ, подъ защиту русскихъ.

Отъ Ташкента до Кульджи.

Путевыя замѣтки.

Событія, такъ неожиданно разыгравшіяся на нашей восточной границѣ весною нынѣшняго года, вызвали посѣщеніе г. генералъ-губернаторомъ Семирѣчья *). При-илійскій край (бывшія Кульджинскія владѣнія) былъ намъ весьма мало знакомъ, хотя и находился въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Семирѣчьемъ. Свѣдѣнія о таранчинскихъ владѣніяхъ получались только путемъ распросовъ. Путешественники, какъ напр. г. Радловъ, и лица, командированныя въ Кульджу для переговоровъ, сначала съ илійскимъ дзянь-дзюнемъ (подполковникъ Рейнталь), а потомъ съ кульджинскимъ султаномъ (г. Бородинъ и капитанъ баронъ Каульбарсъ), могли лично видѣть и наблюдать только весьма немногое, вслѣдствіе крайней подозрительности азіятцевъ; къ тому же большая часть доставленныхъ ими свѣдѣній была все таки почерпнута изъ того же, крайне сомнительнаго источника—изъ распросовъ. Только теперь, съ занятіемъ (хотя бы и временнымъ) русскими войсками таранчинскихъ владѣній, является возможность имѣть самыя разнообразныя свѣдѣнія объ этой, богатой естественными дарами природы, странѣ. Занятіе русскими Кульджи положитъ основаніе равноправности всѣхъ народностей, населяющихъ при-илійскій край (таранчи, китайцы, калмыки, сибо, солоны и дунгане), что конечно, отзовется благодѣтельно на благосостояніи всей страны.

Своеобразный составъ населенія временно-занятаго нами края, множество типическихъ особенностей, не встрѣчающихся въ другихъ мѣстахъ Средней Азіи, сложныя, весьма запутанныя отношенія однихъ народностей къ другимъ,—все это неотступно требовало личнаго осмотра и изученія бывшихъ кульджинскихъ владѣній г. главнымъ начальникомъ края, для того, чтобы сознательно утвердить тѣ или другія распоряженія мѣстной администраціи.

---

*) Генералъ-губернаторъ уже посѣтилъ Семирѣченскую область въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1870 года.

Г. генералъ-губернаторъ выѣхалъ изъ Ташкента утромъ 28-го іюля; при поѣздкѣ этой не имѣлось въ виду осмотра тѣхъ городовъ и уѣздовъ, чрезъ которыя начальнику края приходилось проѣзжать на пути изъ Ташкента въ Вѣрный. Но и при бѣгломъ, быстромъ осмотрѣ многое не ускользнуло отъ его вниманія. Такъ г. генералъ-губернаторъ подробно распрашивалъ Чемкентскаго уѣзднаго начальника объ ирригаціонныхъ работахъ въ этомъ, густо населенномъ уѣздѣ, и въ особенности—о новомъ арыкѣ, который проводятъ киргизы-дулаты изъ озера Машатъ, для того, чтобы заняться обработкой земли въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ то было прежде. Суровая зима 1870—71 года тяжело отозвалась на скотоводствѣ киргизъ, и многихъ изъ нихъ заставила обратиться къ земледѣлію, какъ къ промыслу, болѣе обезпеченному отъ разныхъ случайностей и неблагопріятныхъ климатическихъ условій.

Вліяніе русской власти, умиротворяющей край, сильно отразилось также и на благосостояніи Ауліе-ата, значительнаго азіятскаго города, лежащаго у сѣверной отлогости Александровскаго хребта. Ауліе-ата растетъ съ каждымъ годомъ, и при нынѣшнемъ исчисленіи въ немъ оказалось уже 639 дворовъ туземцевъ; весьма много переселяется въ Ауліе-ата сартовъ изъ Кокана; ихъ привлекаютъ сюда выгоды торговли съ киргизами, такъ какъ г. Ауліе-ата имѣетъ значеніе обширнаго киргизскаго базара. Усиленіе же торговли, въ свою очередь, служитъ хорошимъ признакомъ благосостоянія окрестныхъ кочевниковъ.

Ауліе-атинскій уѣздъ имѣетъ хорошую будущность еще и въ другомъ отношеніи: здѣсь много мѣстъ для двигающихся русскихъ поселенцевъ. Покуда русскія поселенія подвинулись только вдоль по подошвѣ Александровскаго хребта до р. Акъ-су, гдѣ основался Бѣловодскій поселокъ. Но уже недалеко то время, когда поселенія займутъ въ разныхъ мѣстахъ также и Ауліе-атинскій уѣздъ. Когда-то здѣсь уже кипѣла жизнь, находилось дѣятельное, осѣдлое населеніе, не мусульманское, а буддійское. На это указываютъ развалины старинныхъ, монументальныхъ зданій, въ родѣ Акыръ-ташъ, недостроеннаго, огромнаго буддійскаго монастыря. Въ замѣткѣ нашей: «отъ Ташкента до Вѣрнаго» мы сообщимъ легенду о происхожденіи развалинъ Акыръ-ташъ (каменныя ясли); по словамъ легенды, князь духовъ или дивовъ *(деу)* строилъ здѣсь дворецъ для своей возлюбленной. Другое преданіе говоритъ, что дворецъ строилъ не *деу*, а какой-то могущественный земной владыка: султанъ, ханъ или бекъ, для любимой дѣвушки, которую онъ хотѣлъ избрать своей женою. Но однажды, находясь при работѣ, онъ увидѣлъ перекочевывающій киргизскій аулъ. На спинѣ одного изъ верблюдовъ ѣхала киргизка, необыкновенной красоты. При видѣ ея, строитель забылъ свою невѣсту и ушелъ кочевать

вмѣстѣ съ ауломъ, къ которому принадлежала красавица. Съ тѣхъ поръ постройка его такъ и осталась неоконченною. Люди, которые провели половину жизни въ степи, утверждаютъ, что дѣйствительно нельзя не увлечься красивой киргизкой, когда она медленно покачивается на спинѣ верблюда.

Замѣтимъ еще, что киргизы называютъ эти недостроенныя зданія *Тасъ-кутанъ*. *Тасъ* или *ташъ*—камень, а *кутанъ*, по киргизски называется площадка посреди многолюднаго аула; въ такомъ аулѣ юрты располагаются обыкновенно вокругъ небольшой площадки. Можетъ-быть и дѣйствительно въ прежнія времена здѣсь была зимовка большаго и богатаго аула. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ старинныя времена окрестности Ауліе-ата и предгорья Александровскаго хребта были населены значительно гуще, чѣмъ нынѣ. На это указываетъ множество большихъ и богатыхъ мусульманскихъ могилъ, видныхъ на всемъ протяженіи дороги, отъ самаго Ауліе-ата до Токмака; это—киргизскій некрополь, іосафатова долина для окрестнаго населенія.

Отъ р. Акъ-су (въ Токмакскомъ уѣздѣ) начинаютъ попадаться уже русскія поселенія: Бѣловодское (140 душъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтями), Ала-Медынское, Пишпекъ. Поселенцы—изъ Воронежской и Самарской губерній,—живутъ, какъ говорится: ни шатко, ни валко. Бѣдности нѣтъ, да и большаго достатка не видно. Проѣздъ г. генералъ-губернатора имѣлъ для поселенцевъ то благодѣтельное послѣдствіе, что по убѣжденію г. начальника края, бѣловодскіе поселенцы постановили приговоръ о закрытіи кабака въ своемъ поселкѣ. Такимъ образомъ теперь однимъ тормазомъ къ народному благосостоянію будетъ менѣе. Одновременно съ тѣмъ, крестьяне просили дозволенія построить въ поселкѣ церковь, а пока разрѣшить имѣть въ выселкѣ особаго священника, для исполненія духовныхъ требъ.

Въ нынѣшній проѣздъ свой, г. генералъ-губернаторъ осмотрѣлъ новый участокъ почтоваго тракта, проложенный въ обходъ затруднительнаго Кастекскаго перевала. Теперь дорога идетъ черезъ Курдай, по весьма отлогому перевалу. Спуски и подъемы весьма удобны, и вообще проложеніе новаго почтоваго участка есть сущее благодѣяніе для проѣзжающихъ, которымъ обыкновенно весьма не легко доставался прежній кастекскій путь. Съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ также г. генералъ-губернаторъ выстроенный въ прошломъ году мостъ черезъ р. Чу, близъ Пишпека. Мостъ этотъ, длиною до 56 саженъ, замѣчателенъ тѣмъ, что былъ задуманъ и выполненъ весьма быстро. Во время проѣзда г. генералъ-губернатора въ 1870 году въ Семирѣчье, рѣшено было проложить курдайскій участокъ почтоваго тракта; тотчасъ же команда саперъ,

слѣдовавшая въ Буамское ущелье, была направлена къ р. Чу, работа закипѣла, а къ осени 1870 года мостъ уже былъ готовъ и участокъ дороги открытъ для проѣзжающихъ.

Богородскій выселокъ (при пикетѣ Узунъ-агачь), основавшійся только въ прошломъ году, также обратилъ вниманіе г. генералъ-губернатора. Въ выселкѣ поселено 16 семействъ. Водою для пашень пользуются они изъ киргизскаго арыка, заплативъ рублей 40 за расчистку этого арыка. Но конечно, при такомъ совмѣстномъ пользованіи арычной водою, споры и недоразумѣнія неизбѣжны. Поселенцы, какъ кажется, не находятъ ничего особеннаго въ томъ, что имъ дозволено четыре дня въ недѣлю пользоваться водою изъ арыка, проведеннаго киргизскими руками, и все жалуются, что киргизы «отымаютъ у нихъ воду!» Поселенцамъ необходимо провести свой собственный арыкъ. Генералъ-губернаторъ распрашивалъ поселенцевъ о ихъ бытѣ на новомъ мѣстѣ жительства, указывалъ на выгодность занятія пчеловодствомъ и принялъ, какъ хлѣбъ-соль, поднесенный ему однимъ поселенцемъ медъ.

Г. генералъ-губернаторъ прибылъ въ Вѣрный 3-го августа, и былъ, какъ и въ прошломъ году, весьма радушно встрѣченъ въ трехъ верстахъ отъ города городскимъ населеніемъ, какъ русскими, такъ и туземцами, войсками и служащими лицами. Въ бесѣдкѣ, при въѣздѣ въ городъ, священникъ вѣрненской церкви встрѣтилъ начальника края краткой, привѣтственной рѣчью и затѣмъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. Г. генералъ-губернаторъ остановился въ одномъ изъ домовъ «новаго города», который еще въ прошломъ году представлялъ пустырь, разбитый на кварталы, а теперь быстро застраивается каменными, двухъ-этажными домами частными и казенными. Этотъ новый городъ уже и теперь представляетъ хорошіе задатки для своего будущаго развитія; онъ растетъ по часамъ, обѣщая сдѣлаться дѣйствительно городомъ, а не большою станицею, какою былъ до сихъ поръ г. Вѣрный, съ его деревянными домишками, патріархальною обстановкою, и т. п.

Въ первые же дни своего недолговременнаго пребыванія въ Вѣрномъ, г. генералъ-губернаторъ осмотрѣлъ здѣшній госпиталь, гдѣ лежали пять солдатъ, изъ числа раненыхъ въ кульджинскую экспедицію. Г. генералъ-губернаторъ поговорилъ съ каждымъ изъ раненыхъ, распрашивалъ о ходѣ ихъ болѣзни и роздалъ раненымъ 40 р., присланные въ распоряженіе г. генералъ-губернатора тамбовскимъ отдѣломъ общества попеченія о раненыхъ воинахъ. Наиболѣе тяжело раненый получилъ 10 руб.

Тамъ же, въ крѣпости, гдѣ помѣщается госпиталь, находится также и артиллерійскій складъ, въ которомъ хранятся орудія — трофеи нынѣшняго кульджинскаго похода. Эти орудія, весьма разнообразныхъ калибровъ,

начиная отъ фальконета до 6-ти фунтоваго орудія. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма оригинальны, хотя вообще отдѣлка ихъ крайне несовершенна. Всѣ они — китайской отливки. Изъ нихъ одно — красной мѣди, съ какою-то китайскою надписью. Въ числѣ орудій замѣчательны заряжающіяся съ казенной части, но, конечно, съ весьма несовершеннымъ механизмомъ (коробочная система — первообразъ системъ Крнка и Баранова); такимъ образомъ, китайцы опередили Европу и въ изобрѣтеніи оружія, заряжающагося съ казенной части. Замѣчательны также мѣдныя орудія съ желѣзными втулками внутри ствола. Нѣкоторыя орудія доставлены въ Вѣрный на лафетахъ, выкрашенныхъ красною краскою, тяжелыхъ и неуклюжихъ съ виду. Три орудія, наиболѣе сохранившіяся и замѣчательныя по своей конструкціи, г. генералъ-губернаторъ приказалъ приготовить къ отправленію въ С.-Петербургъ, въ случаѣ Высочайшаго на то соизволенія; въ томъ числѣ назначено орудіе изъ красной мѣди и другое — съ желѣзною втулкою.

Знамена и хоругвь—трофеи нынѣшней кампаніи, хранятся во временной церкви г. Вѣрнаго. Знамена, или вѣрнѣе—значки, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго; обращаетъ вниманіе одна только большая хоругвь изъ темно-коричневаго атласа, китайской выдѣлки, съ изображеннымъ на ней арабскими буквами, священнымъ изрѣченіемъ: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магомедъ пророкъ Божій».

5-го августа г. генералъ-губернаторъ посѣтилъ недавно основанный лѣсопильный заводъ г-жи Колокольцовой и К°. Заводъ этотъ дѣйствуетъ силою воды: водяное колесо приводитъ въ движеніе отъ 8 до 14 пилъ, смотря по надобности. Нельзя не отнестись съ полною благодарностью къ г-жѣ Колокольцовой за устройство этого, крайне необходимаго для края, завода. Въ быстро растущемъ городѣ и въ окрестныхъ станицахъ спросъ на распиленный лѣсъ бываетъ огромный, а при ручной пилкѣ каждый аршинъ распиленной доски обходился въ 7 коп. Теперь же, на заводѣ г. Колокольцовой аршинъ обходится всего только въ 1 или 1½ к., смотря по толщинѣ бревна. Заводъ расчитанъ такимъ образомъ, чтобы на немъ можно было распиливать въ сутки до 80 бревенъ. Г. генералъ-губернаторъ долго осматривалъ заводъ, вникая во всѣ подробности механизма и работы и благодарилъ учредителей за ихъ полезное начинаніе.

Интереснѣйшимъ эпизодомъ во время пребыванія г. генералъ-губернатора въ г. Вѣрномъ, былъ пріѣздъ сдавшагося въ плѣнъ кульджинскаго султана Абиль-Огля и пріемъ его г. генералъ-губернаторомъ, утромъ 6-го августа. Султанъ Абиль-Огля плотный, коренастый человѣкъ, со смуглымъ лицомъ, большими отвислыми губами и небольшою, рѣдкою бородою. Въ чертахъ его лица проглядываетъ что-то калмыцкое, не похожее ни на

сартовскій, ни на киргизскій, чисто тюркскій типъ. Одѣтъ былъ ех-султанъ въ богатый, парчевый халатъ и чалму, съ кинжаломъ за поясомъ и небольшою саблею при бедрѣ.

Г. генералъ-губернаторъ принялъ бывшаго султана при общемъ пріемѣ всѣхъ служащихъ и представителей отъ русскихъ и туземныхъ торговцевъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьѣ султана и его семейства, оставшагося въ Кульджѣ, г. генералъ-губернаторъ пригласилъ Абиль-Огля къ себѣ въ кабинетъ, чтобы лично, отъ него самаго, услышать разъясненіе причинъ происшедшаго столкновенія. «Я очень сожалѣю, что взаимныя недоразумѣнія привели насъ къ необходимости занять ханство», говорилъ генералъ-губернаторъ. «Пусть теперь султанъ внимательно выслушаетъ и откровенно отвѣтитъ на мои слова: зачѣмъ онъ во время не послушался моего совѣта?» Султанъ отвѣчалъ уклончиво, началъ длинный разсказъ объ открытіи военныхъ дѣйствій, но г. генералъ-губернаторъ напомнилъ ему, что кампаніи предшествовали переговоры, для которыхъ посылались въ Кульджу наши уполномоченные: г. Бородинъ и бар. Каульбарсъ. Всѣ эти переговоры не привели ни къ какому результату: обнаружилась только вполнѣ двуличность всѣхъ словъ и поступковъ кульджинской администраціи. «Я говорю это теперь не въ укоръ султану, прибавилъ г. генералъ-губернаторъ; я хочу только знать: какія причины побудили султана принять такое, явно враждебное положеніе?» Султанъ началъ снова увѣрять, что всѣ требованія генерала Колпаковскаго исполнялись безпрекословно, но г. начальникъ края напомнилъ уклончивый образъ дѣйствій султана при посольствѣ бар. Каульбарса; въ то время султанъ на словахъ обѣщалъ исполнить все, что мы требовали, а въ письмѣ, врученномъ барону Каульбарсу уже на дорогѣ, заключался полный отказъ и даже дерзкая угроза. Послѣ нѣсколькихъ, настоятельно повторенныхъ вопросовъ, Абиль-Огля высказалъ, наконецъ, что первоначально онъ имѣлъ намѣреніе исполнить всѣ требованія г. генералъ-губернатора; но по отъѣздѣ бар. Каульбарса, собрались къ нему ахуны, казначи и другіе сановники ханства и отклонили его отъ принятаго рѣшенія. Они, противъ воли султана, вынудили его отвѣчать на всѣ требованія письменнымъ отказомъ. «Не я, а эти люди погубили ханство, прибавилъ султанъ. Совѣсть моя чиста и я считаю себя правымъ предъ Богомъ и пророкомъ. Все, что случилось, произошло по волѣ Божіей.» На всѣ вопросы г. генералъ-губернатора, Абиль-Огля отвѣчалъ съ жаромъ, жестикулируя, ясно отчеканивая каждое слово и видимо щеголяя своимъ краснорѣчіемъ. Въ Кульджѣ онъ тоже слылъ хорошимъ ораторомъ, и это обстоятельство, между прочимъ, пособило ему достичь султанства. Абиль-Огля говорилъ совершенно свободно, не стѣсняясь; настоящее положеніе его очевидно не имѣетъ на него по-

давляющаго вліянія и можно даже сказать, что онъ совершенно доволенъ своей участью. Въ Кульджѣ ему не сносить бы своей головы. Разсказываютъ, что когда на второй или на третій день послѣ сдачи султана, генер. Колпаковскій по утру спросилъ его: «каково провелъ онъ ночь»— султанъ отвѣчалъ: «первый разъ въ теченіи трехъ лѣтъ султанства я спалъ спокойно.» Султану Абиль-Огля сохранено все его состояніе, весьма значительное; говорятъ, что однихъ лошадей у него было до 6 тысячъ головъ.

Дальнѣйшіе вопросы г. генералъ-губернатора касались положенія дѣлъ въ ханствахъ, на западной нашей границѣ, напр. въ Урумчи, причинъ возстанія дунганей противъ китайцевъ, нѣкоторыхъ распоряженій Якубъ-бека въ занятыхъ имъ дунганскихъ городахъ, и т. п. Генералъ-губернаторъ освѣдомился, между прочимъ, удобно ли помѣщеніе, приготовленное для султана въ г. Вѣрномъ (въ одномъ изъ домовъ новаго города) и подарилъ ему, на память, довольно цѣнную, серебряную табакерку. Ласковый и радушный пріемъ г. генералъ-губернатора очевидно произвелъ сильное впечатлѣніе на Абиль-Огля.

Изъ Вѣрнаго генералъ-губернаторъ отправился 3-го августа въ Кульджу, предполагая осмотрѣть мимоѣздомъ Борохудзирскій отрядъ, расположенный на бывшей китайской границѣ. Первое русское поселеніе на пути отъ вѣрнаго къ Копалу, есть Илійскій выселокъ, въ 18 дворовъ. Илійскій выселокъ — бывшее укрѣпленіе—построенъ на берегу быстрой Или, прежняго воднаго торговаго пути въ западный Китай. Или въ этомъ мѣстѣ не широка: отъ 85 до 115 саженъ. Чтобы облегчить переправу проѣзжающихъ по почтовому тракту, содержатель станціи намѣревается устроить въ этомъ мѣстѣ на Или мостъ на плотахъ или самолетъ. Въ настоящее время переправа производится на баркасѣ.

За Или—мѣстность начинаетъ принимать, на всемъ протяженіи низменной илійской долины, ровный и открытый характеръ, приличный тому названію: *степь*, которое почему-то дается обыкновенно всѣмъ русскимъ владѣніямъ въ Средней Азіи, отъ Алтая до Аму-Дарьи. Но эта джунгарская степь представляетъ и въ ровныхъ своихъ частяхъ отлогости, покрытыя сочною травою. Вдали синѣются горы, то рѣзко выдѣляясь своимъ мрачнымъ контуромъ, то сливаясь въ отдаленіи съ общимъ фономъ пейзажа, и какъ бы тонущія въ голубоватомъ туманѣ. Въ одномъ изъ такихъ ровныхъ мѣстъ, въ виду горнаго кряжа Алтынъ-Имель, на земляхъ, занятыхъ кочевьями султана Тезека *) похороненъ султанъ Чоканъ

*) Бывшій старшій султанъ Атбанскаго рода, полковникъ русской службы.

Чингизовичъ Валихановъ, снискавшій почетную извѣстность своими литературными трудами по географіи и исторіи Средней Азіи. Могила Ч. Валиханова, въ видѣ часовни, изъ плохо обожженаго кирпича, окруженная невысокою стѣною, слѣпленною изъ глиняныхъ комьевъ, — не обѣщаетъ долгаго существованія; уже и теперь многія части надгробной часовни приходятъ въ ветхость, хотя надгробный памятникъ существуетъ всего только три года. Деревянная рѣшетка, закрывающая боковыя отверзстія въ стѣнахъ часовни, мѣстами обвалилась, надпись на деревянныхъ дверяхъ часовни, о имени и годѣ смерти (умеръ въ 1866 году) Валиханова смоется осенними ливнями,—и погибнетъ въ киргизскомъ народѣ дорогая для русскихъ память о султанѣ Валихановѣ. Чтобы поддержать разрушающійся надгробный памятникъ, и сохранить имя погребеннаго въ ней, генералъ-губернаторъ изъявилъ желаніе заказать большую мраморную, могильную плиту. На плитѣ этой будетъ изсѣчена та самая надпись, которая теперь видна на деревянныхъ дверяхъ часовни. Самая часовня, по распоряженію генералъ-губернатора, также будетъ постоянно поддерживаться.

Хороши и привольны мѣстности Семирѣчья между Вѣрнымъ и Копаломъ; здѣсь много всего: луговъ съ сочною травою, усѣянною полевой клубникой и цвѣтущими медоносными растеніями, и лѣсу когда-то было достаточно не въ однихъ только ущельяхъ, и воды проточной много, и дожди перепадаютъ частенько, и не диковинка они здѣсь, какъ въ опаленной солнцемъ Средней Азіи. Приволье здѣсь русскому переселенцу, но... опять таки приходится повторить, что приходитъ онъ съ своими дѣдовскими понятіями и обычаями, приноситъ на чужую сторону всю прежнюю обстановку своего быта,—крестьянскаго быта въ какой нибудь лѣсистой трущобѣ матушки Россіи, и, по обычаю, безжалостно рубитъ и уничтожаетъ вѣковыя деревья. У себя, дома смотрѣлъ онъ на лѣсъ, какъ на врага своего, который отнимаетъ у него землю, пригодную для пашни; такъ продолжаетъ онъ смотрѣть и въ Семирѣчьѣ, гдѣ лѣсъ—даръ Божій, наиболѣе цѣнный и полезный. Пріѣхавъ въ край, генералъ-губернаторъ не засталъ уже и слѣда бывшихъ густыхъ лѣсовъ. Въ 1867 году, во во время проѣзда генералъ-губернатора чрезъ Копалъ, одинъ изъ стариковъ заявилъ ему между прочимъ просьбу: «всѣмъ мы довольны, батюшка, ваше высокопревосходительство, только вотъ лѣску бы намъ надо маленечко,» и на вопросъ генералъ-губернатора: «а былъ лѣсъ, когда вы пришли сюда селиться?»—тотъ же старикъ отвѣчалъ: «какъ же! Тогда у насъ было не то! Лѣсу была чаща непросвѣтимая. Въ лѣсу мы и начали строиться, а вотъ теперь куда какъ плохо намъ безъ лѣсу-то!» Такъ безрасчетливо съумѣлъ распорядиться съ лѣсомъ русскій человѣкъ!...

Удивительно хороши также горныя долины въ Копальскомъ уѣздѣ и невольно манятъ они глазъ свѣжестью и обиліемъ луговыхъ травъ, густо покрывающихъ ихъ тучную, черноземную почву. Въ одной изъ такихъ благодатныхъ долинъ, близь ущелья, изъ котораго съ шумомъ и пѣною вырывается р. Кокъ-су (синяя вода), пріютился Коксуйскій выселокъ. Еще издали, спускаясь съ пологаго ската горъ, замѣчается крестьянская, небогатая церковь Коксуйскаго выселка, и это уже производитъ на душу какое-то радостное, освѣжающее впечатлѣніе. Путешествующіе по азіятскимъ пустынямъ не избалованы видомъ сельскихъ храмовъ, привѣтливо манящихъ къ себѣ на Руси глазъ путешественника.

Коксуйскій выселокъ не великъ; въ немъ считается всего только 43 двора (150 человѣкъ мужескаго п. и 118 чел. женскаго пола); цифра народонаселенія выселка увеличилась въ весьма короткое время. Коксуйскій выселокъ основанъ въ 1855 году, и тогда въ немъ было только три двора. На Кокъ-су переселились крестьяне-переселенцы изъ Тамбовской губерніи и казаки изъ Копала, а въ настоящее время начинаютъ прибывать понемногу и селиться также калмыки, эмигранты изъ Китая, которые, впрочемъ, не живутъ здѣсь постоянно, а уходятъ на заработки. Изъ нихъ 10 человѣкъ уже окрещены въ христіанскую вѣру.

Въ Коксуйскомъ выселкѣ отлично развилось пчеловодство, для чего роскошные луга, усѣянные цвѣтущими, медоносными растеніями, представляютъ полную возможность. Много у крестьянъ хлѣба, дающаго изъ года въ годъ отличные урожаи, много скота, которому здѣсь также полное приволье. Во время проѣзда генералъ-губернатора въ 1870 году жители Коксуйскаго выселка выставили на станціяхъ, по найму отъ почтъ-содержателя Кузнецова, — до 130 лошадей. Это одно уже доказываетъ, что здѣшніе поселяне народъ, далеко не бѣдный. Но, чему особенно можно радоваться въ Коксуйскомъ выселкѣ,—это совершенному отсутствію кабаковъ. Трезвые и честные поселяне и казаки, жители Коксуйскаго выселка, на вопросъ генералъ-губернатора: «не нуждаются ли они въ чемъ нибудь?» — прямо и откровенно отвѣчали, что «слава Богу, не нуждаются ни въ чемъ!» Жители Коксуйскаго выселка перевезли на свой счетъ, упраздненную въ Копалѣ церковь, пристроили къ ней колокольню, а генералъ-губернаторъ пожертвовалъ въ ихъ церковь новый иконостасъ. Въ 1870 году коксуйскіе жители построили, также на свой счетъ, мостъ черезъ Кокъ-су. Мостъ этотъ, въ одинъ пролетъ, длиною около 10-ти саженъ.

Отрадное впечатлѣніе производитъ и другой выселокъ, Карабулакскій; и здѣсь почва превосходная, дожди выпадаютъ обильно, о падежахъ

скота, саранчѣ, и другихъ бичахъ нашего сельскаго хозяйства не слышно вовсе. Здѣсь лѣсу уже гораздо менѣе, чѣмъ на Кокъ-су, и жители, исполняя приказаніе генералъ-губернатора, берегутъ таловыя рощицы, еще мѣстами сохранившіяся по рѣкѣ Караталу, близь котораго расположенъ Карабулакскій выселокъ. Домики здѣсь выстроены изъ сырцеваго кирпича, съ глиняными кровлями; послѣднія нельзя назвать удобными для здѣшней мѣстности, при частыхъ дождяхъ осенью и весною, и при обиліи выпадающаго зимою снѣга. Въ Карабулакскомъ выселкѣ считается въ настоящее время 48 дворовъ; жители поселенцы, казаки и калмыки въ небольшомъ числѣ.

Наибольшее поселеніе калмыковъ въ Копальскомъ уѣздѣ находится въ выселкѣ Сарканскомъ, (около 80-ти верстъ отъ Копала); здѣсь, верстахъ въ 4 отъ выселка, поселились чакыръ-калмыки, кара-калмыки и дауръ-солоны. Всѣхъ поселенцевъ, выходцевъ изъ западнаго Китая, до 390 человѣкъ, а казачьяго населенія въ Сарканскомъ выселкѣ 88 дворовъ. Въ настоящее время всѣ калмыки, поселившіеся около Сарканскаго выселка, приняли христіанство и для назиданія ихъ въ истинахъ вѣры, находится въ Сарканскомъ выселкѣ почтенный и уважаемый всѣми труженикъ, священникъ-миссіонеръ о. Василій Покровскій. Дѣятельность его весьма замѣчательна и чрезвычайно плодотворна; онъ умѣлъ снискать довѣріе и любовь своей новообращенной паствы, и дѣйствуетъ на новокрещенныхъ не только словами назиданія, но и собственнымъ примѣромъ. Школа для калмыцкихъ дѣтей устроена была въ Сарканскомъ выселкѣ еще почтеннымъ предмѣстникомъ его, оставившемъ это мѣсто не очень давно, вслѣдствіе тяжкой болѣзни. Успѣхи мальчиковъ-калмыковъ весьма замѣчательны; такой охоты къ ученію, любознательности и быстраго пониманія преподаваемаго рѣдко можно встрѣтить въ другихъ народныхъ школахъ. Дѣти ходятъ въ школу, въ самый выселокъ, во всякую погоду, даже и зимою, при сильныхъ холодахъ и мятеляхъ, не смущаясь тѣмъ, что до школы и обратно, отъ выселка до дому—имъ должно пройдти болѣе 8 верстъ. Въ настоящее время, какъ для того, чтобы приблизить выселокъ къ школѣ, такъ и съ цѣлью большаго сближенія новокрещенныхъ калмыковъ съ русскимъ населеніемъ выселка, предполагается перевести калмыцкое поселеніе въ самый Сарканскій выселокъ, и уже разбиты участки для этого новаго поселенія. Крещеные калмыки сами пожелали зачислиться въ казачье сословіе, но еще сохранили частію свой прежній костюмъ, и даже— свои черныя, спускающіяся до пояса, косы. Только дѣти калмыковъ ходятъ уже обстриженные по русски.

Пользуясь данною имъ при переселеніи льготою и денежнымъ пособіемъ, калмыки по немногу устраиваютъ свое хозяйство. Генералъ-губер-

наторъ посѣтилъ еще въ 1870 году поселеніе калмыковъ; онъ внимательно осмотрѣлъ ихъ огороды, разбитые небольшими, правильными квадратами, чисто и искусно обработанные, зашелъ въ домъ одного изъ эмигрантовъ, распрашивалъ его о хозяйствѣ, совѣтовалъ не сѣять макъ, для выдѣлки изъ него опіума (до котораго калмыки, какъ бывшіе подданные небесной имперіи, имѣютъ отчасти склонность) и на память своего посѣщенія, подарилъ старухѣ-калмычкѣ, хозяйкѣ дома, — серебряный, вызолоченный стаканчикъ.

Начальникъ края, при нынѣшнемъ своемъ объѣздѣ, предположилъ ѣхать не далѣе пикета Алтынъ-Имель. Дорога поворачиваетъ отсюда къ востоку, на ущелье Якши-Алтынъ-Имель. Ущелье здѣсь вполнѣ доступно для ѣзды въ экипажахъ, да и самая горная гряда Чулакъ-тау, которая прорѣзывается многими ущельями, невысока. Красиво рисуется еще издали этотъ хребетъ своею фантастически изломанною линіею вершинъ, утесовъ и отдѣльныхъ пиковъ. Вершины его не бѣлѣютъ вѣчными снѣгами, горные ручьи, вырывающіеся изъ его ущелій, шумливы, какъ и всѣ горные ручьи, но не многоводны, не катятъ по руслу своему огромные валуны. Рядомъ съ ущельемъ, по которому идетъ дорога, виднѣется другое, сильное пониженіе или сѣдловина: это ущелье Яманъ-Алтынъ-Имель, слывущее у окрестныхъ киргизъ за трудно доступное. Почему пазваны эти ущелья Алтынъ-Имель, (золотое сѣдло)—Богъ вѣсть! Легенда говоритъ, что въ одномъ изъ этихъ ущелій, только неизвѣстно въ которомъ, какой-то калмыцкій ханъ, спасаясь отъ непріятеля, зарылъ въ землю свое золотое сѣдло; но этотъ разсказъ, очевидно, позднѣйшая киргизская фантазія, такъ что тутъ не ущелье получило свое названіе вслѣдствіе легенды, а на оборотъ: легенда возникла уже вслѣдствіе существовавшаго издавна названія ущелья.

Въ ущельѣ Яманъ-Алтынъ-Имель находятся богатыя мраморныя ломки и ущелье вовсе не такъ трудно доступно, какъ о немъ гласитъ молва.

За ущельемъ, или вѣрнѣе, за хребтомъ Чулакъ, простирается возвышенная, каменистая степь, не имѣющая одного общаго названія, а называемая въ разныхъ мѣстахъ по урочищамъ и хребтамъ горъ: Тугурекъ, Конуръ-улень (сѣрыя дрова), и т. п. Этой степью начинается уже долина средняго теченія Или. Еще при выѣздѣ изъ Алтынъ-Имельскаго ущелья виднѣется вдали серебристой полоской эта многоводная рѣка, которой можетъ быть суждено играть важную роль въ нашихъ будущихъ сношеніяхъ съ западнымъ и внутреннимъ Китаемъ. Хрящеватая, сухая почва степи, или вѣрнѣе—долины, покрыта рѣдкою, невысокою травою; только мѣстами, въ логахъ виднѣются пятна болѣе сочной, свѣжей зелени; ка-

кія-то бобовыя растенія высоко подымаютъ свои прямыя вѣтви, усѣянныя желтыми, небольшими цвѣтами; кругомъ ихъ лѣпятся сѣровато-синія, снабженныя колючками кустики, порожденные природой этой «жаждующей степи». Только въ одномъ мѣстѣ, уже неподалеку отъ станціи Тугурекъ, виднѣется еще издали широкая зеленая полоса; обманутому глазу представляется она какой-то рощей, густой, тѣнистой и — ждешь, не дождешься, скоро ли доберешься до этой рощицы. Но тутъ проѣзжаго постигаетъ полное разочарованіе: рощица обращается въ неширокую полосу свѣжей травы и какихъ-то молочайныхъ растеній, съ мелкими листьями, похожими на ивовые. Здѣсь почва влажна отъ обилія подземныхъ ключей, которые въ нѣкоторыхъ логахъ и пробиваются наружу. Эта полоса зелени есть зимовка султана Тезека, сильнаго и вліятельнаго киргизскаго султана, внука Аблай-хана. На лѣто онъ переходитъ черезъ хребетъ Чулакъ и кочуетъ на его западныхъ отклонахъ.

Степь Тугурекъ ограничивается съ юга широкою полосою илійскихъ песковъ; съ сѣвера виднѣются вдали горы: Аламанъ-тау и Крункеу-тау. Къ юго-востоку видны другіе сѣверные отроги горнаго нагроможденія Кату-тау. Прямо на востокъ и западъ долина совершенно открыта. На западъ она идетъ до Илійскаго укрѣпленія, а на востокъ—сливается съ равнинами Суйдуна, Кульджи и проч.

Дорога въ Борохудзиръ идетъ ущельемъ, перерѣзывая горное нагроможденіе Кату-тау, о которомъ мы уже упомянули выше. Ущелье это, Богъ вѣсть почему, носитъ зловѣщее названіе *Койбынъ* (саванъ); это не горный перевалъ, а просто—долина между двумя, сблизившимися горными массами: Койбынъ—слѣва, и Алкалы и Алкалы-джаръ — справа, въ южной части ущелья. Ущелье Койбынъ принадлежитъ къ числу самыхъ живописныхъ; составляющія его скалы и отклоны горной массы то поражаютъ своимъ дикимъ величіемъ, то, отходя вдаль и расширяя долину, являются длиннымъ рядомъ какихъ-то фантастическихъ зданій, руинъ. Кое гдѣ, на отклонахъ, поросшихъ хорошею травою, замѣтите вы стадо куланов, или киргиза, который бодро пробирается по тропинкѣ, надъ обрывомъ. Въ разныхъ мѣстахъ красныя, желтыя и фіолетовыя пятна укажутъ вамъ на присутствіе огромныхъ массъ охры... Да и все ущелье не имѣетъ того ровнаго сѣровато-желтаго, однообразнаго колорита, который такъ утомляетъ глазъ въ другихъ ущельяхъ, хотя бы напримѣръ въ Алтынъ-Имельскомъ. Здѣсь картины мѣняются безпрерывно, точно въ калейдоскопѣ.

Поднялись на крутую гору, миновали волнистую, пересѣченную мѣстность—и опять потянулась таже знакомая, хрящеватая, тощая степь.

Только у самаго Борохудзира измѣняется этотъ однообразный характеръ степи. Появляется древесная растительность, указывающая на близость осѣдло живущаго человѣка; виднѣются землянки и домики калмыковъ и эмигрантовъ сибо. Борохудзиръ привѣтливо манитъ къ себѣ, сравнительно густою зеленью своего сада и тополевой рощицы, насажденной руками солдатъ, своими бѣлыми, сырцевыми домиками, которые кажутся издали такими привѣтливыми, уютными.

Борохудзиръ долгое время имѣлъ только значеніе передоваго, военнаго пункта; за нимъ, за рѣчкою Борохудзиръ, начиналась уже и китайская территорія и въ нѣсколькихъ верстахъ находились, теперь разрушенные, китайскіе города: Тургень, Джаръ-кентъ, Акъ-кентъ, Кургашъ и другіе. Когда рѣшено было, что Борохудзиръ останется постояннымъ мѣстомъ пребыванія нашего пограничнаго отряда, тотчасъ же приступлено было къ постройкѣ казармъ, госпиталя, разныхъ складовъ и помѣщеній для офицеровъ отряда. Все это быстро возникло въ теченіе 1868 и 1869 года. Подъ защитою штыковъ отряда поселились эмигранты, разграбленные и раззоренные до нитки; ихъ поселеніе почти примыкаетъ къ зданіямъ отряда, въ видѣ небольшой слободки. Многое, какъ въ Борохудзирѣ, такъ и въ слободкѣ, построено изъ превосходнаго, жженаго кирпича, взятаго изъ сосѣднихъ разрушенныхъ городовъ. Вѣроятно этимъ кирпичемъ будутъ пользоваться также и русскіе переселенцы, которые не замедлятъ воспользоваться новымъ, предоставленнымъ имъ мѣстомъ для поселенія: на р. Борохудзирѣ предположено основать выселокъ.

Въ Борохудзирѣ начальника края встрѣтилъ генералъ-лейтенантъ Колпаковскій, прибывшій для того изъ Кульджи. Во время непродолжительной остановки своей въ Борохудзирѣ, начальникъ края посѣтилъ госпиталь, гдѣ еще находился на излеченіи одинъ раненый, и артиллерійскій складъ, въ которомъ хранятся луки, стрѣлы, ружья—все оружіе, сданное таранчами въ Чинча-го-дзи, Суйдунѣ и Кульджѣ. Въ этомъ старомъ, ржавомъ хламѣ, который развѣ только у таранчей могъ считаться оружіемъ, останавливали вниманіе одни только шлемы—жестяные колпаки, съ назатыльниками и наушниками изъ старой, затасканой бумажной матеріи, съ вышитыми на ней драконами. Впрочемъ, эти шлемы и не употреблялись китайцами и таранчами, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнюю войну. Китайцы и дунгане дрались не только плохо вооруженные, но иногда даже полунагіе, такъ что надо удивляться тому энергическому сопротивленію, которое они выказывали при многихъ случаяхъ. Изъ всего оружія, сданнаго таранчами, наиболѣе дѣйствительны были луки и стрѣлы, которыми калмыки владѣютъ весьма искусно. Стрѣла, пущенная сильною рукою, можетъ пробить человѣка насквозь. Впрочемъ, въ числѣ оружія, сданнаго

таранчами, были также ружья, заряжающіяся съ казенной части, конечно самой грубой, первобытной отдѣлки. По отзывамъ многихъ лицъ, выстрѣлы непріятеля изъ этихъ ружей бывали иногда весьма мѣтки.

Въ Борохудзирѣ начальникъ края роздалъ первые георгіевскіе кресты, назначенные въ награду отличившимся въ дѣлахъ съ таранчами. Между прочимъ получилъ здѣсь награду, также и казакъ Дмитріевъ, постоянно, во всѣхъ дѣлахъ находившійся впереди и получившій 30 ранъ, а также г. Трусовъ, довѣренный В. П. Кузнецова. Въ то время, когда начинались военныя дѣйствія. г. Трусовъ находился въ горахъ, съ партіею, для отысканія золотыхъ пріисковъ; отпустивъ рабочихъ, г. Трусовъ присоединился къ отряду полковника Михаловскаго, какъ волонтеръ, и вскорѣ сдѣлался извѣстенъ всему отряду своей храбростью и хладнокровіемъ. Вездѣ, гдѣ была опасность, г. Трусовъ являлся изъ первыхъ; по представленію генералъ-лейтенанта Колпаковскаго, г. Трусовъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

За Борохудзиромъ характеръ степи рѣзко измѣняется; такъ и видно по всему, что тутъ еще недавно жило трудолюбивое, осѣдлое населеніе, которое въ два — три года все полегло костями тутъ же, на землѣ, имъ воздѣланной. Тяжелое, давящее чувство охватываетъ человѣка, не привыкшаго къ сценамъ рѣзни, когда онъ проѣзжаетъ отъ Борохудзира по большой, кульджинской дорогѣ. Ряды полуразвалившихся домовъ, изъ которыхъ выбрано уже все, что было хотя сколько нибудь цѣнно, слѣды огня, безжалостнаго, безпощаднаго разрушенія, кости, черепа.... Вы ѣдете улицей города, но чувствуется, видится во всемъ, что это уже не городъ, а обширная могила. Бѣдная Средняя Азія! Ей столько разъ приходилось обагряться кровью, именно потому, что въ нее постоянно ввергались волны народовъ, разрушая и умерщвляя все, но не останавливаясь на туранскихъ равнинахъ и стремясь постоянно на западъ или на заманчивый югъ. Здѣсь разыгрывались кровавыя сцены борьбы за существованіе не только народовъ, но и религій. Дай Богъ, чтобы явившееся сюда христіанство не внесло свой мечъ, хотя бы изъ необходимости, въ защиту своихъ собственныхъ интересовъ.

Отъ разрушеннаго Тургеня до р. Хоргоса, на протяженіи почти 60 верстъ, тянется роща, изрѣзанная арыками. Растительность здѣсь когда-то была весьма роскошная, но теперь и эта роща сохнетъ годъ отъ году, не поддерживаемая заботами трудолюбиваго китайскаго населенія. Еще нѣсколько лѣтъ — и мѣстность снова превратится въ такую же степь, пріютъ и раздолье кочевниковъ, какою была она до водворенія здѣсь китайцевъ. Говорятъ, что и до сихъ поръ сохраняется на дорогѣ, между Баяндаемъ и Кульджею, дерево—прародитель всѣхъ здѣшнихъ деревьевъ.

Отъ единственнаго, найденнаго деревца, китайцы съумѣли развести цѣлую, огромнѣйшую рощу. Все, что не было занято полями, покосами, они заняли лѣснымъ насажденіемъ, преимущественно карагача и тала. Урокъ нашимъ поселенцамъ, которые прежде всего стараются вырубить всѣ рощи, а потомъ, почесывая затылокъ, жалуются, что «Господь ихъ обездолилъ лѣскомъ!».

Открытая, слегка волнистая мѣстность, начинающаяся у р. Борохудзира, переходитъ, наконецъ, верстъ 25 далѣе, въ совершенное болото, наполненное миріадами комаровъ; виною тому частые разливы р. Усека, который течетъ здѣсь въ низменныхъ, плоскихъ берегахъ. Болотистая низина тянется вплоть до развалинъ Джаръ-кента. Это — дѣйствительно *джаръ-кентъ* (яръ-городъ); онъ стоитъ на довольно высокомъ ярѣ, ограничивающемъ съ востока Усекскую равнину.

Во время проѣзда г. генералъ-губернатора, вода въ р. Усекѣ была не высока, а потому и переѣздъ черезъ эту шумливую, быструю горную рѣчку обошелся безъ большихъ затрудненій. Но въ іюнѣ и въ іюлѣ, когда усиливается таяніе снѣговъ въ горахъ, переѣздъ черезъ Усекъ въ бродъ далеко не безопасенъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ нѣкоторые изъ проѣзжавшихъ въ Кульджу поплатились своими пожитками, унесенными расшалившейся горной рѣчкой.

Горная цѣпь, которая питаетъ своими снѣгами эти рѣчки, виднѣется въ полномъ величіи къ сѣверу отъ дороги. Этотъ рядъ высокихъ пиковъ, раздѣленныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубокими ущельями, носитъ разныя названія: Чель-адыръ, Дуванъ-кара и проч. Болѣе общее названіе хребта: Боро-хоро. Въ ущельяхъ, сѣдловинахъ и значительныхъ пониженіяхъ хребта виднѣются пики и вершины другаго хребта, бѣлѣются массы вѣчнаго снѣга. Еще далѣе, къ востоку, въ ровной и сравнительно, не очень высокой грядѣ горъ, явственно виднѣется ущелье Талки, по которому проходитъ превосходно разработанная китайская «императорская дорога» отъ Кульджи на озеро Сайрамъ-норъ, Манасъ, Урумчи и далѣе, въ глубь Китая. Объ этомъ ущельѣ мы еще будемъ говорить далѣе.

Въ Мазарѣ, небольшомъ таранчинскомъ кентѣ или городкѣ, таранчинское населеніе въ первый разъ встрѣтило г. генералъ-губернатора. У Мазара же, мѣсяцъ тому назадъ, происходило первое столкновеніе нашихъ войскъ съ войсками кульджинскаго султана. Мазарцы встрѣтили начальника края хлѣбомъ-солью; они вынесли на небольшихъ подносахъ лепешки, урюкъ, дыни, яблоки и груши. Ни малѣйшаго слѣда враждебнаго чувства нельзя было прочесть на ихъ лицахъ, и это вовсе не было маскою: низшій классъ таранчинскаго населенія, земледѣльцы и мелкіе торговцы вовсе не чувствовали фанатической вражды къ русскимъ. Вражда

эта не могла зародиться въ нихъ и въ короткій промежутокъ военныхъ дѣйствій, а выгоды отъ торговыхъ сношеній съ богатымъ и сильнымъ сосѣдомъ слишкомъ очевидны для практическаго азіятца.

Крѣпостца Мазаръ получила свое названіе отъ могилы (мазаръ) схороненнаго здѣсь святаго Турлукъ-Темиръ-хана. Куполъ его гробницы виднѣется изъ за стѣнъ крѣпостцы. По разсказамъ туземцевъ, Турлукъ-Темиръ былъ ханъ калмыцкій и обратился въ мусульманство вслѣдствіе совѣтовъ и внушеній шейха Магометъ-Садыка, котораго могила находится тутъ же, около Мазара. Жители приписываютъ значительную древность своей святынѣ; по ихъ разсказамъ, смерть Темиръ-хана относится за 746 лѣтъ до нашего времени, что, конечно, вздоръ. Могила шейха Магометъ-Садыка вовсе не поддерживается его неблагочестивыми единовѣрцами. Это—полуобвалившаяся постройка изъ жженаго, хорошаго кирпича, окруженная дворикомъ, тѣснымъ и грязнымъ. Кое гдѣ сохранились еще слѣды украшеній и арабесковъ, нарисованныхъ на гладко выбѣленныхъ алебастромъ внутреннихъ стѣнахъ. Надмогильная постройка была покрыта когда-то куполомъ, отъ котораго теперь не осталось и слѣдовъ. Самый мавзолей святаго шейха слѣпленъ изъ глины и представляетъ форму обыкновенныхъ мусульманскихъ саркофаговъ. Все это бѣдно, грязно и неизящно!...

На р. Хоргосѣ или Кургашъ, какъ ее иногда называютъ, встрѣтили г. начальника края огромныя толпы киргизъ: кызаевъ и сувановъ, еще недавно только признавшихъ надъ собою русскую власть. Чрезвычайно эффектна была толпа этихъ кочевниковъ, освѣщенная огнемъ огромныхъ костровъ, запылавшихъ повсюду при наступленіи темноты. На Хоргосѣ, гдѣ было приготовлено нѣсколько юламеекъ, г. генералъ-губернаторъ остановился переночевать. Пользуясь случаемъ, что киргизы собрались сюда изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, г. начальникъ края въ нѣсколькихъ словахъ разъяснилъ имъ, чего требуетъ отъ нихъ русскій законъ, которому они теперь должны подчиниться, требовалъ прекращенія разбойничьихъ набѣговъ, баранты, насилія всякаго рода, къ которымъ привыкли они въ продолженіе владычества таранчей въ за-илійскомъ краѣ. Надо замѣтить, что до настоящаго времени кызаи и суваны были самыми опасными барантачами, нерѣдко тревожившими и нашу границу. Ихъ нападенія вызвали даже однажды вооруженное преслѣдованіе съ нашей стороны. Г. генералъ-губернаторъ въ особенности обращался къ волостнымъ управителямъ и старшинамъ, назначеннымъ уже нынѣ, русскою властію, и указывалъ имъ на необходимость довести весь подвластный имъ народъ до сознанія пользы тѣхъ порядковъ, которые устанавливаются у нихъ волею и именемъ Государя Императора. «Было время смутъ и грабежей, а теперь настало другое время, когда должна водвориться тишина и порядокъ и

въ этой странѣ. Теперь слабый и бѣдный найдутъ себѣ защиту. Такова воля Государя, а что приказалъ Государь, то будетъ свято исполнено, не взирая ни на что».

Отъ р. Хоргоса, гдѣ также находится разрушенный кентъ, усѣянный черепами и мертвыми костями, недалека уже и крѣпость Чинъ-ча-хо-дзи, единственный укрѣпленный пунктъ, взятый штурмомъ въ нынѣшній кульджинскій походъ. Чинъ-ча-хо-дзи населенный дунганами, защищался энергически, и, по азіятскимъ понятіямъ, городъ долженъ былъ бы испытать на себѣ всѣ ужасы погрома. Такъ и ожидали жители; зато можно представить себѣ ихъ удивленіе, когда увидѣли они строгую дисциплину русскихъ войскъ, не тронувшихъ ни одного жителя, не присвоившихъ себѣ насильно ни одного снопа дженушки. Это разомъ снискало русскимъ любовь и уваженіе всѣхъ дунганъ. Какъ быстро распространилась вѣсть о неслыханномъ великодушіи русскихъ, доказываетъ то, что ближайшая къ Чинъ-ча-хо-дзи дунганская крѣпость Суйдунъ сдалась безъ боя.

Жители Чинъ-ча-хо-дзи встрѣтили начальника края по своему, своимъ хлѣбомъ-солью: у самыхъ воротъ крѣпости, на низенькомъ, китайскомъ столикѣ поставлены были чашки съ чаемъ и прѣсный, безвкусный хлѣбъ, который можно найти только въ дунганскихъ и китайскихъ городахъ. Толпа узкоглазыхъ и смуглыхъ людей, въ китайскихъ костюмахъ, но большею частію съ тюбетейками на головахъ, окружила генералъ-губернатора, жадно вслушиваясь въ каждое его слово, передаваемое переводчикомъ, съ наивнымъ удивленіемъ и любопытствомъ вглядывалась въ невиданныхъ ими дотолѣ людей. Особенно рѣзко выдѣлялся въ толпѣ яншай (начальникъ города) молодой, статный дунганъ, въ бѣломъ, дунганскомъ костюмѣ, съ виду совершенно похожемъ на рубашку. Весьма немногіе въ толпѣ имѣли косы: это были исключительно калмыки или сибо. Дунгане и среди китайцевъ сохранили обычай брить голову и носить тюбетейку. Говоримъ: сохранили, потому что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, дунгане суть окитаившіеся среднеазіятскіе мусульмане, издавна поселившіеся въ областяхъ западнаго и средняго Китая. Не будемъ оспаривать это мнѣніе, хотя съ такою же вѣроятностью можно признать дунганъ омусульманившимися китайцами.

Оригиналенъ видъ дунганскаго города, съ характеристичными, китайскими башенками надъ городскими воротами, съ мечетями, въ видѣ китайскихъ пагодъ, фигурно изукрашенными разными лѣпными украшеніями изъ обожженнаго кирпича. Все здѣсь своеобразно: и народъ, и устройство домовъ, и обычаи, которыхъ нельзя встрѣтить въ другомъ мѣстѣ Средней Азіи.

Чинъ-ча-хо-дзи весьма небольшая крѣпостца; посрединѣ ея, отъ южныхъ воротъ, во всю длину города тянется улица — базаръ, бѣдный и грязный. Въ лавкахъ продаются только предметы самой насущной житейской потребности; рядомъ помѣщаются харчевни, съ ихъ острымъ, удушающимъ запахомъ, которымъ проникнуты всѣ, безъ исключенія, дунганскіе и китайскіе города. Этотъ запахъ, невыносимый для непривычнаго человѣка,—смѣсь опіума, чеснока и еще какихъ-то другихъ, невѣдомыхъ намъ приправъ, очень употребительныхъ въ дунганской кухнѣ, запахъ нечистоты, скоплявшейся на улицахъ и во дворахъ, можетъ быть въ теченіи столѣтія, перебродившей, промозгшей и пропитавшей своей отвратительной вонью все окружающее. Попробуйте войти въ дунганскую лавку, пройдите за выручку, въ самую внутренность помѣщенія, и если вы пробудете тамъ спокойно четверть часа, то тѣмъ докажете, что ваши нервы обонянія весьма мало отличаются отъ струнъ или чего нибудь подобнаго. Разумѣется, привычка—дѣло великое; наши солдаты преисправно угощаются въ дунганскихъ кафе-ресторанахъ, и это вовсе не по нуждѣ.

Въ концѣ базара поставлены, Богъ вѣсть для какого назначенія, ворота, совершенно въ родѣ нашихъ тріумфальныхъ арокъ, украшенныя изображеніями драконовъ, цвѣтовъ, рѣзными фигурами, и т. п. Базарная улица оканчивается бывшей буддійской кумирней, нынѣ почти совершенно разрушенной; сохранились только изображенія на стѣнахъ, — на одной сторонѣ семь мужскихъ фигуръ, стоящихъ въ рядъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ сторонѣ бурхана, а на другой стѣнѣ — семь женскихъ изображеній. Костюмы ихъ значительно разнятся отъ нынѣ носимыхъ народовъ и встрѣчаются только на рисункахъ, въ старинныхъ китайскихъ книгахъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ огромный глиняный бурханъ, еще замѣтно и теперь, но самый идолъ уничтоженъ мусульманами, не терпящими, какъ извѣстно, никакихъ человѣческихъ изображеній. Кумирня, гдѣ находился главный бурханъ, построена выше другихъ зданій, вровень съ городскою стѣною, къ которой она и примыкаетъ. Къ ней ведетъ широкая лѣстница.

Ворота, о которыхъ мы только что упомянули, и составляютъ главный входъ въ эту кумирню. По всей вѣроятности тутъ было нѣчто въ родѣ сумбе или монастыря; по крайней мѣрѣ, стѣна ограждаетъ не одно, а нѣсколько зданій, которыя почти всѣ обращены фасомъ въ одну сторону, къ входнымъ воротамъ. Передъ первымъ изъ этихъ низенькихъ, одноэтажныхъ зданій находится небольшой, весьма чистенькій, мощеный кирпичемъ дворикъ. Въ этомъ-то переднемъ, открытомъ зданіи, болѣе похожемъ на обширную бесѣдку, приготовлено было все для встрѣчи г. генералъ-губернатора. Стѣны зданія были покрыты коврами, китайской работы; букеты цвѣтовъ, зелень, огромные китайскіе фонари съ картинами

и надписями, фрески на стѣнахъ у карниза,—все это довершало оригинальное убранство помѣщенія. Передъ самымъ входомъ, на небольшой террасѣ, стояли два огромные глиняные чана, отлично обожженные и покрытые прочною, зеленою глазурью. Эти чаны были также наполнены цвѣтами, преимущественно астрами.

Толпы народа собрались у воротъ, а болѣе смѣлые пробрались и во дворъ. Г. генералъ-губернаторъ роздалъ должностнымъ и почетнымъ лицамъ города цѣнные подарки (серебряныя вещи) и при этомъ объяснилъ, какое значенiе имѣетъ теперь русская власть для дунганъ, избавленныхъ ею отъ угнетенiя. «Старые порядки миновались и не возвратятся никогда», говорилъ г. генералъ-губернаторъ. «Надо, чтобъ все прошлое было забыто, всякая вражда прекратилась. Императоръ требуетъ, чтобы все населенiе жило въ мирѣ, каждый довольствовался бы своимъ, не отнимая чужаго. Русскiй законъ строго преслѣдуетъ за это. Смотрите на русскихъ, какъ на своихъ друзей, которые желаютъ вамъ добра. Я распорядился оставить здѣсь, на зиму роту солдатъ. Живите дружно съ ними. Я надѣюсь, что это и будетъ такъ».

За нѣсколько часовъ до своего отъѣзда изъ Чинъ-ча-хо-дзи, г. генералъ-губернаторъ принялъ собравшихся къ нему дунганскихъ женщинъ, женъ здѣшнихъ влiятельныхъ людей. Между ними были и китаянки, съ уродливо маленькими ножками. Ни одной изъ явившихся женщинъ нельзя было назвать дѣйствительно хорошенькой, хотя по словамъ лицъ, близко знакомыхъ съ дунганскимъ населенiемъ, между дунганками есть даже замѣчательныя красавицы. Дунгане, хотя и исповѣдуютъ мусульманство, но не считаютъ нужнымъ принуждать своихъ женъ и дочерей закрывать лица. Даже и изъ таранчинскихъ женщинъ въ Кульджѣ, Баяндаѣ и въ другихъ городахъ, многiя ходятъ съ открытыми лицами, нисколько не стѣсняясь предъ прохожими, будь они прововѣрные или кяфиры.

Точно такой же характеръ, какъ Чинъ-ча-хо-дзи, имѣетъ и другая, болѣе сильная дунганская крѣпость Суйдунъ; разница только въ деталяхъ. Въ Суйдунѣ зданiя больше, народъ не столь обѣднѣлый и разграбленный, въ базарныхъ лавкахъ больше товара, хотя и тутъ, по крайней мѣрѣ на виду, только самые малоцѣнные товары. Все остальное—тщательно припрятано. Весьма изящный и оригинальный видъ представляетъ городская мечеть, съ башенкой, китайской архитектуры, надъ входными воротами. Внутренность мечети не представляетъ ничего, особенно замѣчательнаго; только останавливаютъ вниманiе стѣны главнаго и боковыхъ зданiй, выходящiя на внутреннiй, мощеный дворъ. Эти стѣны покрыты рельефными изображенiями изъ обожженой глины.

Въ Суйдунѣ оставленъ временной казачій постъ, находящійся подъ начальствомъ сотника Копцева, жена котораго была одною изъ тѣхъ четырехъ *), самоотверженныхъ женщинъ, сестеръ-милосердія, которыя не побоялись раздѣлить съ войсками труды и лишенія, чтобы только облегчить страданія раненыхъ. Г-жа Копцева умѣла снискать расположеніе и довѣренность даже и туземцевъ, которые, принимая ее за врача, нерѣдко являлись къ ней за медицинской помощью. Г. генералъ-губернаторъ довольно долго бесѣдовалъ съ г. Копцевою и благодарилъ ее за труды и безкорыстную помощь.

Дорога отъ Суйдуна къ Кульджѣ проходитъ по мѣстности, еще сохранившей явные слѣды бывшей когда-то здѣсь культуры. Но теперь, конечно, все это глохнетъ, заростаетъ бурьяномъ. Даже превосходный арыкъ, выведенный изъ р. Кашъ китайцами и предназначенный именно для орошенія мѣстности между Суйдуномъ и Кульджею, заглохъ и имѣетъ воду только неподалеку отъ Кульджи. Для изслѣдованія причинъ разрушенія арыка уже былъ командированъ находившійся въ Кульджѣ, поручикъ Туркестанской саперной роты, г. Нидермиллеръ, и есть надежда, что это не будетъ первымъ и послѣднимъ мѣропріятіемъ русской администраціи на пользу подчинившагося народа.

Вправо отъ дороги, на самомъ берегу р. Или, виднѣются обширныя развалины: это—старая или китайская Кульджа, вѣрнѣе: Хой-юанъ-ченъ, какъ называли китайцы эту столицу Илійской провинціи. Теперь отъ нея остались однѣ развалины, груды кирпичей, слѣды стѣнъ... Огромная могила, гдѣ полегло, погибло мучительной смертью, въ огнѣ пожаровъ или подъ ножемъ мусульманъ, сотни тысячъ трудолюбиваго и промышленнаго народа. Издалека бѣлѣются и стѣны бывшей русской факторіи, какъ живой укоръ намъ. Еще одна такая обширная могила встрѣчается на пути изъ Суйдуна въ Кульджу; это—развалины Баяндая, города, въ которомъ, какъ говорятъ, было прежде 17 тысячъ жителей... Несчастная страна, буквально залитая кровью!

Страшно поплатились дунгане за то, что начали въ Илійской провинціи и во всемъ западномъ Китаѣ безпощадное истребленіе китайскаго населенія. Имъ пришлось, въ свою очередь, гибнуть подъ ножемъ таранчей и нахлынувшихъ сюда киргизъ, всегда готовыхъ поразбойничать безнаказанно, лакомыхъ на легкую поживу. Особенно тяжело отозвался на дунганахъ послѣдній день таранчинскаго владычества въ Кульджѣ. Узнавъ

*) Остальныя три сестры-милосердія, мать и двѣ дочери, находятся въ Кульджѣ.

объ изъявленіи султаномъ Абиль-Огля покорности русскимъ, таранчи выместили на дунганахъ и китайцахъ свое горе и отчаяніе. Началась последняя рѣзня и въ ночь на 22-е іюля погибло въ Кульджѣ и ея окрестностяхъ до 2,000 дунганъ. Говорятъ, что дунгане, преждевременнымъ изъявленіемъ радости и сочувствія къ русскимъ, сами накликали на себя бѣду. Можетъ быть и это! Теперь таранчи увѣряютъ, что они напали на слѣды заговора, имѣвшаго цѣлью перерѣзать таранчей въ Кульджѣ, и что они только предупредили дунганъ, не дали имъ привести въ исполненіе свой кровавый умыселъ. Какъ бы то ни было, но говорятъ, что сигналъ къ истребленію дунганъ подалъ одинъ изъ бывшихъ вліятельныхъ таранчей.

Энергическія мѣры, принятыя генер.-лейт. Колпаковскимъ, остановили истребленіе: султану и его совѣтникамъ было объявлено, что если рѣзня не прекратится, то они отвѣтятъ своими головами, и эта угроза подѣйствовала. Но уже Кульджа и ближайшіе къ ней кишлаки были залиты кровью. При движеніи отъ Баяндая къ Кульджѣ, войска наши повсюду находили изувѣченные трупы, раненыхъ и умирающихъ. Въ одномъ изъ подгородныхъ арыковъ лежало до 500 труповъ, какъ говорятъ, вывезенныхъ на разсвѣтѣ изъ Кульджи, и брошенныхъ здѣсь. Теперь у дороги, подъ самой Кульджею проѣзжающій можетъ замѣтить въ разныхъ мѣстахъ небольшія насыпи: это могилы, въ которыхъ схоронены убитые въ ночь на 22-е іюля.

У мазара, гдѣ погребено тѣло какого-то святаго дунганина, въ пяти верстахъ отъ Кульджи, встрѣтили г. генералъ-губернатора представители кульджинскаго населенія и почетные люди отъ всѣхъ округовъ и отдѣловъ Илійской долины. Тутъ же были и торговцы изъ Вѣрнаго (татары и сарты), пріѣхавшіе въ Кульджу для торговли; между ними было нѣсколько купцовъ изъ Намангана и Кокана, даже одинъ, пріѣхавшій изъ Кабула. Между представителями таранчинскаго населенія Кульджи, первое мѣсто, въ ряду представлявшихся г. начальнику края, занимали бывшіе совѣтники (казначи) султана, главные виновники паденія самостоятельности Кульджинскаго ханства. Они, какъ говорятъ, управляли въ дѣйствительности всѣмъ краемъ, прикрывая только свои распоряженія именемъ и авторитетомъ султана. Въ числѣ казначи были между прочимъ: Абдрахманъ, начальствовавшій таранчинскими войсками на правомъ берегу р. Или, и Тугулакъ, начальствовавшій таранчинскими войсками на лѣвомъ берегу р. Или, нынѣ начальникъ нѣсколькихъ таранчинскихъ кентовъ на этомъ же берегу. Нѣкоторые изъ представлявшихся туземцевъ-таранчей имѣли уже почетные халаты, пожалованные имъ генераломъ Колпаковскимъ. Это именно были лица, назначенныя въ разныя обще-

ственныя должности по управленію туземнымъ населеніемъ. Въ числѣ ихъ особенно выдавался своею статною фигурою бывшій любимецъ султана, минъ-беги Бушри-Гаупи. Онъ одинъ изъ первыхъ, еще до изъявленія султаномъ покорности, передался на нашу сторону и теперь назначенъ аксакаломъ города.

Въ ряду почетныхъ лицъ изъ таранчей, былъ также ахунъ, въ дорогомъ халатѣ и огромной чалмѣ, какъ и подобаетъ высшему духовному лицу; рядомъ съ нимъ стоялъ сынъ ех-султана Абдель-Кадеръ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, и зять султана, юноша лѣтъ 19 или 20. Абдель-Кадеръ пріѣзжалъ къ генералу Колпаковскому, вмѣстѣ съ Абдрахманомъ-казначи, для переговоровъ о сдачѣ Кульджи; тогда онъ показался всѣмъ весьма живымъ, бойкимъ мальчикомъ, а теперь, очевидно подъ вліяніемъ наставленій и совѣтовъ приставленныхъ къ нему муллъ, онъ казался какъ бы запуганнымъ, тихимъ и степеннымъ не по лѣтамъ. Только въ послѣдніе дни пребыванія г. генералъ-губернатора въ Кульджѣ онъ немного оживился, но держалъ себя все время чрезвычайно скромно и сдержанно, безъ подобострастной угодливости, къ которой весьма склонны всѣ азіятцы, но и безъ самонадѣянной навязчивости. Абдель-Кадеръ чертами лица похожъ на своего отца, разумѣется сколько можетъ походить 14-ти лѣтній мальчикъ на ожирѣвшаго пятидесятилѣтняго старика.

За таранчами слѣдовали представители дунганъ, въ своихъ національныхъ костюмахъ; только одинъ дунганскій мулла явился одѣтымъ въ халатъ и чалму. Генералъ-губернаторъ обратилъ на это вниманіе и спросилъ: почему онъ одѣтъ не такъ, какъ его одноплеменники? На заявленіе, что онъ мулла, начальникъ края замѣтилъ: «жаль, что ты не сохранилъ свой прежній костюмъ; дунганская одежда очень хорошая и удобная. Я бы не желалъ, чтобы дунгане перемѣняли ее на халатъ».

Въ числѣ представлявшихся дунганъ, обратили особое вниманіе дунгане-католики, слѣды миссіонерской проповѣди изъ внутренняго Китая. Дунганскихъ христіанъ въ Кульджѣ немного, человѣкъ 80, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей. До возмущенія въ западномъ Китаѣ, въ Кульджу ежегодно пріѣзжалъ изъ Пекина миссіонеръ совершить таинства и отслужить обѣдню въ средѣ дунганскихъ неофитовъ. Но теперь уже семь лѣтъ, какъ здѣшніе христіане находятся безъ духовнаго назиданія. И безъ того не твердые въ правилахъ христіанской вѣры, дунганскіе христіане мало по малу начинали уже забывать и сущность религіозныхъ обрядовъ своей вѣры, усвоивая постепенно буддійскіе обряды. Если бы не занятіе русскими войсками при-илійскаго края, то дунгане-католики утратили бы можетъ быть со временемъ и воспоминаніе о своей прежней вѣрѣ. Надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ при-

слушивались они къ православнымъ молитвамъ и присутствовали при богослуженіи въ нашей походной церкви. Всѣ они уже заявили желаніе переселиться въ Вѣрный, въ среду русскаго, православнаго населенія. Генералъ-губернаторъ изъявилъ на это согласіе и назначилъ имъ пособіе на переѣздъ и водвореніе въ Вѣрномъ.

Послѣ дунганъ представлялись г. генералъ-губернатору китайцы-ханбины или военнопоселенцы и купцы (маймачины). Это—жалкій остатокъ нѣкогда властвовавшаго въ Илійской долинѣ китайскаго населенія. Китайцевъ считалось здѣсь болѣе 100 тысячъ душъ, а теперь едва-ли наберется и 8 тысячъ; всѣ остальные погибли отъ руки мусульманъ. Не болѣе того (до 5 тысячъ) осталось и дунганъ, такъ что таранчинское населеніе, прежде бывшее самымъ малочисленнымъ въ краѣ, въ настоящее время является преобладающимъ. Рядомъ съ китайцами помѣщались торгоуты, чахаръ-калмыки, сибо, солоны, составляющіе, вмѣстѣ съ киргизами, кочевое населеніе Илійскаго края. Отдѣльнымъ рядомъ стояли ламы, въ обще-китайскихъ одеждахъ, но привиллегированнаго, желтаго цвѣта. Одежда остальныхъ китайцевъ, дунганъ, торгоутовъ, сибо и проч., была большею частію темныхъ цвѣтовъ.

Представителемъ манджурскаго племени явился только одинъ человѣкъ. Манджуры наиболѣе пострадали во время рѣзни; прежде ихъ насчитывалось 6 тысячъ семей, слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 18 тысячъ душъ, а теперь осталось только 450 человѣкъ.

У мазара, въ числѣ другихъ, представился г. генералъ-губернатору бывшій урумчинскій дзянъ-дзюнь (главный начальникъ провинціи),—высокій, почти совершенно глухой старикъ. Добродушный и довѣрчивый, врагъ крутыхъ мѣръ, онъ не умѣлъ затушить начавшееся въ Урумчи дунганское возстаніе, допустилъ мятежникамъ усилиться, а когда уже мятежъ разлился по всему краю, суровыя мѣры оказались безполезными. За это дзянь-дзюнь былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и правъ и сосланъ на жительство въ Кульджу со всѣмъ своимъ семействомъ. Теперь, во вниманіе къ значительнымъ денежнымъ пожертвованіямъ, сдѣланнымъ дзяньдзюнемъ въ отощавшую богдоханскую казну, сыну его пожалованъ офицерскій чинъ, а онъ самъ прощенъ и получилъ дозволеніе возвратиться въ города внутренняго Китая. Бѣдный старикъ до сихъ поръ не могъ еще воспользоваться полученнымъ дозволеніемъ, вслѣдствіе пограничныхъ смутъ и неурядицъ. Г. генералъ-губернаторъ обласкалъ старика и обѣщалъ ему свою помощь и содѣйствіе къ возвращенію на родину.

Во дворѣ мазара, осѣненномъ густыми, вѣковыми деревьями, приготовлено было угощеніе: чай, пловъ, каурдакъ и проч. Генералъ-губернаторъ пригласилъ съ собой за столъ старика дзянь-дзюня и сына султана.

Остальная толпа народныхъ представителей буквально наполнила просторный дворъ мазара.

Два слова объ этой надмогильной постройкѣ: мазаръ, у стѣнъ котораго происходила встрѣча г. генералъ-губернатора, построенъ еще весьма недавно: всего 13 лѣтъ тому назадъ. Прежде на этомъ мѣстѣ находилась малоизвѣстная могила одного подвижника, по имени Терликъ, впрочемъ, уже считавшагося святымъ. Одинъ случай однако высоко поднялъ репутацію святости умершаго: какой-то дунганинъ зимой заблудился въ этихъ мѣстахъ, упалъ въ яму, занесенную снѣгомъ, и уже началъ коченѣть отъ холода. Вдругъ предъ нимъ явился святой, подалъ руку, помогъ выбраться изъ ямы и указалъ прямую дорогу въ Кульджу. Избавленный чудомъ отъ неминуемой смерти, дунганинъ всѣмъ разсказалъ о случившемся съ нимъ. Могилу Терлика стали чаще посѣщать усердные богомольцы, чтобы взятой съ нея землею потереть себѣ лобъ и глаза. Съ теченіемъ времени воздвигся надъ могилою и нынѣ существующій, весьма изящный мавзолей, въ китайскомъ вкусѣ.

Дорога отъ мазара до Кульджи проходитъ мимо многочисленныхъ китайскихъ и дунганскихъ хуторовъ и кургановъ. Вездѣ по дорогѣ китайцы выходили на встрѣчу своему новому начальнику, выносили, какъ хлѣбъ-соль, арбузы, яблоки, дыни и виноградъ. Радость ихъ была вполнѣ искренна и неподдѣльна. Разсказываютъ, что когда, въ день занятія Кульджи русскими войсками, явились къ генер.-лейт. Колпаковскому почетные люди отъ китайцевъ, то слезы градомъ катились у нихъ изъ глазъ и, конечно, это не были слезы сожалѣнія объ исчезнувшемъ таранчинскомъ владычествѣ. Зато приземистые, плечистые таранчи въ первый день глядѣли очень недружелюбно: кровь еще не высохла на ихъ рукахъ.

Въ Кульджинскомъ ханствѣ русскіе явились покровителями угнетенныхъ таранчами народностей. Чрезвычайно сильное впечатлѣніе произвело на дунганъ и китайцевъ распоряженіе генер.-лейт. Колпаковскаго, по которому они освобождались отъ уплаты контрибуціи (53 тысячи), разложенной исключительно на таранчей и киргизъ, какъ виновниковъ начавшихся военныхъ дѣйствій. Вѣсть о томъ быстро разнеслась по всѣмъ дунганскимъ и китайскимъ городамъ и кентамъ.

При самомъ въѣздѣ въ Кульджу встрѣтили г. генералъ-губернатора всѣ войска, расположенныя въ городѣ. Генералъ-губернаторъ проѣхалъ по фронту и благодарилъ за славный походъ и строгую дисциплину, неуклонно соблюдавшуюся во все время военныхъ дѣйствій.

Улицы города, по которомъ ѣхалъ г. генералъ-губернаторъ, были залиты народомъ. Въ разныхъ мѣстахъ, въ верхнихъ ярусахъ башенъ, напр. при воротахъ бывшаго султанскаго дворца, играла туземная музыка: гре-

мѣлъ бубенъ, завывали длинныя трубы; гармоніи нечего было и искать въ этихъ дикихъ звукахъ! Кульджа — почти вполнѣ сартовскій городъ (сами таранчи охотнѣе называютъ себя сартами, также, какъ например, коканцы). Только смѣшанное, полу-китайское, полу-таранчинское населеніе придаетъ ему оригинальный характеръ, какой не встрѣчается въ другихъ мусульманскихъ городахъ Средней Азіи. Съ перваго же взгляда останавливаетъ вниманіе большая городская мечеть, въ видѣ китайской пагоды, съ многоярусным минаретомъ, съ затѣйливыми рѣзными и лѣпными украшеніями, съ загнутыми къ верху краями крышъ. Эта архитектурная форма знакома каждому, по пейзажамъ китайскихъ городовъ, представительницей которой является извѣстная фарфоровая башня въ Нанкинѣ. Постройки изъ жженаго кирпича, фигурныя украшенія и черепичныя кровли встрѣчаются теперь, впрочемъ, въ Кульджѣ только на старинныхъ зданіяхъ, построенныхъ еще при китайцахъ. Остальныя постройки—глинобитныя, съ камышевою кровлею, съ типомъ, общимъ всей Средней Азіи. И базаръ такой же, только съ выручками, загораживающими входъ въ лавки, не крытый сверху, и съ арыками прочно выложенными кирпичемъ. Но, конечно, ужъ не таранчи позаботились обдѣлать кирпичемъ дно и стѣнки арыковъ! Это все—слѣды господства китайцевъ. Кульджа и другіе города Илійскаго края еще и понынѣ питаются остатками того, что было привезено въ край, заведено и устроено китайцами. Только при китайцахъ, съ ихъ любовью къ цвѣтамъ, могъ утвердиться также обычай продавать цвѣты на базарѣ; въ коренномъ среднеазіятскомъ городѣ это сочли бы нелѣпостью. И во многихъ домахъ кульджинскихъ жителей найдете вы цвѣты, какъ украшеніе комнаты; въ садахъ все свободное пространство, не засаженное деревьями, сплошь занято астрами. Цвѣты служатъ, какъ единственное головное украшеніе дунганскимъ женщинамъ; на улицахъ Суйдуна, Кульджи встрѣчаются зачастую голые ребятишки, съ цвѣтами на головахъ.

Г. генералъ-губернаторъ проѣхалъ по таранчинскому, дунганскому и китайскому базарамъ — тремъ отдѣленіямъ одного общаго городскаго базара. Въ одномъ мѣстѣ базара вниманіе начальника края остановили звонъ и стукъ, раздававшіеся изъ лавки. Казалось, что тутъ находится въ ходу огромная кузница, въ дѣйствительности же здѣсь была буддійская молельня и ламы привѣтствовали звономъ проѣзжавшаго генералъ-губернатора. Войдя въ молельню, г. генералъ-губернаторъ внимательно осматривалъ ея невзрачную обстановку и всѣ принадлежности буддійскаго богослуженія. По его просьбѣ, ламы прочли нѣсколько молитвъ и сожгли въ видѣ жертвоприношенія нѣсколько желтыхъ бумажекъ. Это, по ихъ объясненію, была молитва за Государя Императора.

На другой день по своемъ пріѣздѣ, г. генералъ-губернаторъ присутствовалъ при богослуженіи во временной церкви. Помѣщеніе для церкви передѣлано изъ купленнаго въ казну (за 900 рублей) дома одного изъ богатыхъ и вліятельныхъ лицъ края, Калпе, родственника бывшаго султана. Тутъ же, кругомъ церкви устраивается просторное помѣщеніе для госпиталя, съ возможнымъ соблюденіемъ санитарныхъ условій. Временный госпиталь пока помѣщается въ домѣ аксакала Бушри-Гаупи, также пріобрѣтенномъ въ казну. Въ этомъ самомъ домѣ, въ декабрѣ прошлаго года, останавливался баронъ А. В. Каульбарсъ, отправленный посломъ въ Кульджу. Думалъ ли онъ тогда, что не далѣе, какъ черезъ 5 мѣсяцевъ, здѣсь уже будутъ русскіе и домъ кульджинскаго сановника преобразуется въ лазаретъ!

Временный госпиталь устроенъ и содержится превосходно. Г. генералъ-губернаторъ осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ, останавливался у постели каждаго больнаго, освѣдомляясь о ходѣ его болѣзни. Г. генералъ-губернаторъ навѣстилъ также, лежащихъ въ отдѣльной юртѣ, двухъ больныхъ туземцевъ: одного, разбитаго параличемъ китайца и другаго— дунганина, раненаго въ ногу при послѣдней рѣзнѣ въ городѣ. Оба они поправляются.

Въ кульджинскомъ госпиталѣ находятся также бѣлье и госпитательныя принадлежности на 12 человѣкъ, присланные на имя г. генералъ-губернатора изъ склада княгини Барятинской, при первыхъ извѣстіяхъ о началѣ военныхъ дѣйствій на нашей западно-китайской границѣ. Нельзя не отнестись съ полною и глубокою благодарностью къ княгинѣ-благотворительницѣ, за ея теплую, сердечную заботливость объ участи нашихъ воиновъ, раненыхъ на одной изъ самыхъ отдаленныхъ русскихъ окраинъ. Дорого и цѣнно для нашего солдата это теплое участіе къ его судьбѣ. Не выскажетъ онъ своихъ чувствъ словами, не пойдетъ благодарить неизвѣстныхъ ему благодѣтелей, но вѣрно въ глубинѣ души помолится за нихъ Богу...

Нѣкоторыя изъ кульджинскихъ зданій передѣлываются также въ казармы для войскъ, занимающихъ Кульджу. Рабочіе—таранчи, дунгане и китайцы, охотно идутъ на работу и недостатка въ поденныхъ рабочихъ никогда не бываетъ. Замѣчательна крайная дешевизна запрашиваемой ими поденной платы. Въ первые дни по занятіи Кульджи, поденная плата была не выше 5 к. с., а теперь поденный рабочій беретъ уже 15 к. с. И не только въ этомъ случаѣ, но и во всемъ рѣшительно была крайняя дешевизна. Курица стоила 2 к., сотня яицъ—10 к., пудъ каменнаго угля—1 к. Теперь цѣны немного поднялись.

Въ числѣ зданій, передѣлывающихся подъ надзоромъ русскихъ инженеровъ и взятыхъ въ казенное вѣдомство, надобно упомянуть также и о дворцѣ ех-султана Абиль-Огля. Дворецъ этотъ выходитъ воротами на главную базарную улицу. Архитектура дворца нисколько не замѣчательна. Это группа одноэтажныхъ зданій, обнесенная оградой. Только башенки китайской архитектуры, высящіяся по сторонамъ воротъ, отличаютъ дворецъ отъ другихъ городскихъ зданій. Позади дворца было устроено помѣщеніе для султанскихъ сарбазовъ, чтобы можно было всегда имѣть ихъ подъ рукою, въ случаѣ надобности. Не роскошны, темны и низки также комнаты, гдѣ помѣщались жены султана, со своими прислужницами. У султана было три жены: старшая, таранчинка, отъ которой султанъ имѣетъ сына Абдель-Кадера, живетъ и понынѣ въ Кульджѣ, а двѣ другія жены дунганка и китаянка пріѣхали въ г. Вѣрный, вмѣстѣ съ султаномъ. При богатомъ внутреннемъ убранствѣ коврами, подушками, китайскими низенькими столиками, оружіемъ,— дворецъ султана еще былъ бы довольно сноснымъ помѣщеніемъ. Но баронъ Каульбарсъ, котораго султанъ принималъ въ этомъ самомъ дворцѣ, не замѣтилъ никакой роскоши и блестящей обстановки въ покояхъ повелителя Кульджи, который однако, по разсказамъ, былъ далеко не бѣдный человѣкъ.

Въ бывшемъ дворцѣ султана устраивается теперь помѣщеніе для туземнаго суда, для начальника отдѣла, его канцеляріи и вообще здѣсь будетъ сосредоточено туземное управленіе Кульджею и окрестными кентами. На мѣстѣ бывшаго сарбазскаго двора, примыкавшаго къ восточной части крѣпостной стѣны, будутъ устроены помѣщенія и казармы для артиллеріи. Здѣсь же помѣстится и одна рота 10-го баталіона.

10-го августа, на слѣдующій день послѣ общаго смотра войскамъ, расположеннымъ въ Кульджѣ, г. генералъ-губернаторъ разрѣшилъ устроить войсковой праздникъ. Въ этотъ же день розданы были георгіевскіе кресты отличившимся въ дѣлахъ съ таранчами. За солдатскимъ обѣдомъ, послѣ тостовъ за здоровье Государя Императора и командующаго войсками округа, провозглашенъ былъ свиты Его Величества генералъ-маіоромъ П. Ф. Брандтомъ *) тостъ: «за здоровье побѣдителя Кульджи и его сподвижниковъ»!

На обѣдѣ, который г. начальникъ края давалъ на слѣдующій день всѣмъ офицерамъ войскъ, занимающихъ Кульджу, также съ искреннимъ

*) Ген. маіоръ Брандтъ прибылъ въ Кульджу для инспектированія войскъ, по Высочайшему повелѣнію.

одушевленіемъ были приняты тосты: священный, обычный тостъ: «за здоровье Государя Императора», и затѣмъ тосты: «за здоровье начальника края, командующаго войсками области и тостъ, предложенный генералъ-лейтенантомъ Колпаковскимъ: «за здоровье нашего дорогаго гостя, Петра Федоровича Брандта»! Немногія, но задушевныя слова, сказанныя генераломъ Брандтомъ, были отвѣтомъ на этотъ тостъ. Подымая бокалъ свой, генералъ Брандтъ сказалъ: «Господа! Я пріѣхалъ сюда изъ такой отдаленной страны, что страшно и подумать о томъ, какое разстояніе отдѣляетъ меня отъ мѣста моей службы. Но, благодаря вамъ, я нахожусь здѣсь подъ тѣми же впечатлѣніями, къ которымъ привыкъ съ дѣтства, съ которыми я сроднился. Поэтому, господа, позвольте мнѣ предложить тостъ за васъ, за всѣхъ васъ, отъ Герасима Алексѣевича до послѣдняго солдата»!

Предлагая другой тостъ, генералъ-маіоръ Брандтъ сказалъ: «Господа! Я ничѣмъ не могу такъ отблагодарить васъ, за вашъ радушный пріемъ, какъ предложивъ тостъ за то, что особенно мило и дорого сердцу: за здоровье семействъ вашихъ»!

Въ тотъ же день г. генералъ-губернаторъ роздалъ награды почетнымъ лицамъ изъ туземцевъ; таранчи и киргизы получили богатые, парчевые халаты, какіе, вѣроятно, и не снились имъ никогда. Особливо киргизы пришли въ восторгъ отъ этихъ наградъ. Дунганамъ, китайцамъ и кочевымъ монголамъ генералъ-губернаторъ роздалъ, взамѣнъ халатовъ, цѣнныя серебряныя вещи. Пользуясь этимъ случаемъ, г. генералъ-губернаторъ еще разъ высказалъ народу, что отнынѣ должны прекратиться всѣ притѣсненія, всякое преобладаніе таранчей и вообще мусульманъ надъ другими народностями Илійской долины. «Государь Императоръ требуетъ, чтобы всѣ жители страны одинаково пользовались правами», говорилъ начальникъ края; «пусть каждый владѣетъ тѣмъ, что ему Господь далъ, хранитъ и бережетъ свое добро, не отнимая ничего у ближняго. Это запрещаетъ законъ Государевъ, основанный на законѣ Божіемъ. Законъ Государевъ всѣхъ равно награждаетъ и всѣхъ ровно наказываетъ. Онъ отличаетъ только добрыхъ отъ злыхъ, правду отъ неправды, оберегаетъ невинныхъ и наказываетъ виноватыхъ. Предъ Государевымъ закономъ всѣ равны и никто, какъ бы онъ ни былъ силенъ и богатъ, не укроется отъ кары закона. Я поставилъ надъ вами начальниковъ, властію, данною мнѣ отъ Государя Императора; слушайтесь ихъ во всемъ; они укажутъ вамъ, что должно дѣлать, чтобы исполнить требованія закона».

Бывшимъ совѣтникамъ султана, казначи, г. генералъ-губернаторъ сказалъ: «все, что случилось, произошло потому, что султанъ и его подданные насъ не знали; если бы между Вѣрнымъ и Кульджею существовала

торговля, кульджинцы лучше бы узнали русскихъ, поняли бы, что мы имъ желаемъ добра, богатѣли бы и благоденствовали. Но, чтоже дѣлать,— случилось иначе! По волѣ Божіей, власть султана прекратилась, и теперь то, что не хотѣлъ или не могъ исполнить султанъ, исполнятъ русскіе начальники. Народу будетъ хорошо. Тотъ же, кто вздумаетъ сопротивляться, будетъ уничтоженъ; онъ самъ себя погубитъ. Но я увѣренъ, что этого не случится».

Вслѣдъ за раздачею наградъ, начался оживленный, народный праздникъ. Въ бесѣдкѣ, разбитой противъ сада, гдѣ помѣщался г. генералъ-губернаторъ, усѣлись передъ низенькими, китайскими столиками, длинные ряды почетныхъ лицъ изъ туземцевъ. По одной сторонѣ сидѣли таранчи и между ними сынъ султана, а на другой—китайцы, дунгане, калмыки, сибо и другіе монголы, въ своихъ оригинальныхъ, китайскихъ нарядахъ. Въ ряду ихъ сидѣлъ и старикъ дзянь-дзюнь, о которомъ мы уже упоминали выше. Толпы народа окружали бесѣдку: тутъ смѣшивались въ пестрой толпѣ всѣ народности, населяющія Илійскую долину. Въ толпѣ рѣзко выдѣлялись также и бѣлыя рубахи нашихъ солдатъ. Около бесѣдки помѣстились туземные музыканты: китайцы и таранчи, а неподалеку, въ сторонѣ расположились кружки пѣсенниковъ-солдатъ. Оригинальный мотивъ китайской пѣсни заинтересовалъ многихъ. Это было что-то совершенно новое, дикое для европейскаго уха; какія-то невозможныя ноты издавались поющими: молодымъ парнемъ, изображавшимъ разслабленнаго, но сладострастнаго волокиту старика, и мальчикомъ, лѣтъ пятнадцати, костюмированнымъ (разумѣется на скорую руку) дѣвушкою. Онъ расхаживалъ, покачиваясь, какъ ходятъ китаянки на своихъ маленькихъ ножкахъ. Сущность представленія, весьма оживленнаго, состояла въ томъ, что старикъ ухаживалъ за дѣвушкой, стараясь всѣми мѣрами добиться ея благосклонности. Но жестокая красавица долгое время не только не обращала на него вниманія, но даже, разсерженная его навязчивостью, ударила волокиту по щекѣ. Старикъ падаетъ, при общемъ восторгѣ толпы. Какъ онъ ни увлеченъ красавицею, однако же не можетъ простить ей дерзкой выходки. Голосъ его и жесты дѣлаются грозными; онъ не хочетъ даже смотрѣть на дѣвушку, обращается къ ней спиною, изрѣдка показываетъ ей кулакъ, плюетъ въ ея сторону и пр. Теперь роли перемѣняются: дѣвушка начинаетъ уже заискивать расположеніе старика, что-то поетъ ему очень нѣжнымъ, убѣждающимъ голосомъ и наконецъ, видя, что всѣ усилія ея остаются тщетными, начинаетъ горько плакать. Ея слезы снова смягчаютъ сердце старика; дуэтъ, по всей вѣроятности, обозначаетъ примиреніе и сцена оканчивается поцѣлуемъ и довольно скабрезной позой актеровъ, при общемъ гулѣ восторга собравшейся толпы.

Когда окончилось китайское представленіе, начали пѣть таранчи: полусѣдой и слѣпой старикъ, съ бубномъ въ рукахъ, пѣлъ подъ аккомпаниментъ первобытнаго музыкальнаго инструмента, похожаго на цитру. О чемъ пѣлъ старикъ—Богъ знаетъ! Должно быть это были или духовные стихи, или легенда про подвиги батырей. Дикій, но энергическій мотивъ, сильный здоровый голосъ пѣвца составляли рѣзкій контрастъ съ гнусливымъ, какъ бы изнѣженнымъ пѣніемъ китайцевъ. Достаточно было прослушать это пѣніе, чтобы сказать безошибочно: кто будетъ первенствовать, одержитъ верхъ, когда дѣло дойдетъ до столкновенія между двумя народами: китайцами и таранчами. Только во внутреннемъ Китаѣ, при страшномъ избыткѣ народа, китайцы могутъ брать верхъ своею многочисленностью, шапками закидать. На западной окраинѣ своего государства они оказались безсильными предъ энергической натурой чистаго тюркскаго племени, какимъ надобно признать таранчей: языкъ ихъ сильно приближается къ кара-киргизскому, и въ обликѣ, во всей фигурѣ таранчей нѣтъ и слѣдовъ примѣси арійской крови. Почти всѣ таранчи приземисты, широкоплечи, съ рѣдкою бородою, съ типомъ лица, приближающимся къ татарскому. Исключенія вообще весьма рѣдки. Встрѣчаются между ними и монгольскія лица, но это уже зависитъ отъ примѣси китайской крови; у такихъ людей—матери китаянки или калмычки.

Г. генералъ-губернаторъ выѣхалъ изъ Кульджи обратно, въ Ташкентъ, 19-го августа. Наканунѣ, къ начальнику края являлась депутація отъ дунганъ и китайцевъ, чтобы благодарить за взятіе Кульджи, избавившее тысячи народа отъ вѣрной гибели подъ ножемъ таранчей, а также за работы, частію уже начатыя для пользы края. Въ числѣ ихъ на первомъ планѣ должно быть поставлено: возобновленіе арыка, проведеннаго еще китайцами изъ р. Кашъ, для орошенія мѣстности между Суйдуномъ и Кульджею, проведеніе шоссе черезъ Кульджу, отъ южныхъ до сѣверныхъ воротъ, и предположеніе объ устройствѣ моста черезъ р. Или, подъ Кульджею. Быстрота Или у Кульджи чрезвычайно значительна и доходитъ въ большую воду до 9 ф. въ секунду, а въ малую воду отъ 6—7 ф. Противъ Борохудзира быстрота Или доходитъ до 4—5 ф. въ секунду. Вслѣдствіе быстроты теченія, р. Или замерзаетъ только у береговъ, хотя зимы здѣсь бываютъ очень суровы и снѣгъ выпадаетъ глубокій. Зима въ Илійской долинѣ начинается съ половины ноября и продолжается до первыхъ чиселъ апрѣля.

На обратномъ пути своемъ г. начальникъ края проѣхалъ чрезъ Чинъ-ча-хо-дзи на китайскій городъ Луу-цу-гунъ, а оттуда къ ущелью Талки, по которому проходитъ единственная удобная дорога изъ Кульджи на Урумчи и далѣе, въ Китай.

Луу-цу-гунъ въ высшей степени обѣднѣвшій, китайскій городъ, населенный ханбинами, т. е. поселенными солдатами. Поэтому-то жители Луу-цу-гуна и пострадали едва ли не болѣе всѣхъ. Они гибли въ сраженіяхъ, гибли и дома, отъ мести таранчей. Все, что можно было ограбить, отнято у нихъ, и бѣдность населенія—поражающая! Грустно смотрѣть на эти полуразвалившіяся стѣны построекъ, на толпы обнищавшаго, голодающаго народа. Прибытіе русскихъ было для нихъ, конечно, свѣтлою, радостною зарею. Толпа народа, большею частію съ обрѣзанными косами, и дѣтей, совершенно голыхъ, окружила экипажи пріѣхавшихъ. Г. генералъ-губернаторъ роздалъ жителямъ пособіе деньгами и кусками закупленныхъ въ Кульджѣ, въ *русскихъ лавкахъ* *) матерій: ситца, тику, нанки, и т. п. Посѣщеніе г. генералъ-губернатора составитъ вѣроятно эпоху въ жизни заброшеннаго китайскаго городка.

Отъ Луу-цу-гуна виднѣется уже въ недальнемъ разстояніи цѣпь горъ, извѣстныхъ у мѣстныхъ жителей подъ разными названіями, по урочищамъ: Аксу, Теректы, Сары-булакъ, Кукакамыръ и проч. Явственно обрисовывается также и весьма доступное ущелье Талки, съ быстрой, горной рѣчкой того же имени. По Талки, какъ мы уже сказали, шла когда-то большая «императорская» дорога въ Пекинъ. Слѣды разработки дороги явственны и понынѣ; черезъ рѣчку во многихъ мѣстахъ перекинуты мосты, теперь уже обвалившіеся. Только три моста, въ самомъ началѣ ущелья, еще уцѣлѣли.

Талкинское ущелье, заросшее густою древесною растительностью (урюкъ, талъ, рябина, боярышникъ, барбарисъ и проч.) чрезвычайно живописно. Высокія, изборожденныя, изорванныя скалы обрамляютъ его съ обѣихъ сторонъ, на каждомъ шагу представляя новыя, дикія, но величественныя картины. По сѣрымъ или красноватымъ ребрамъ скалъ лѣпятся ели, иногда одинокими группами, иногда широкой, длинной, лѣсистой полосой. Восточный склонъ ущелья поросъ лѣсомъ гораздо гуще, чѣмъ противуположный, западный склонъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ущелье расширяется и тамъ видны одиноко стоящія кучи наваленныхъ камней: это могилы киргизъ кызаевскаго рода, кочующихъ въ горахъ и ниже, въ окрестной равнинѣ.

Подъемъ на самый перевалъ значительно круче, чѣмъ вся остальная дорога по ущелью. Видъ оттуда на массы скалъ, съ вѣчнымъ снѣгомъ въ трещинахъ ихъ вершинъ, еще диче, еще величественнѣе. Полосы ело-

---

*) Въ самой Кульджѣ съ недавняго времени открылся цѣлый рядъ русскихъ лавокъ, преимущественно съ мануфактурными товарами; въ числѣ ихъ есть и чайная лавка В. П. Кузнецова.

выхъ лѣсовъ кажутся здѣсь уже густыми, черными пятнами на сѣроватомъ фонѣ скалъ. Въ этихъ лѣсахъ, по ребрамъ утесовъ, по высокимъ переваламъ боковыхъ ущелій, встрѣчаются цѣлыя стада мараловъ, но трудно охотиться тамъ за ними.

Еще нѣсколько шаговъ въ сторону отъ вершины перевала — и неожиданно открывается взорамъ большое озеро Сайрамъ-норъ, лежащее на высотѣ 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Въ тихую, безвѣтрянную погоду озеро кажется огромной массой расплавленнаго стекла: такъ прозрачна его вода! При вѣтрѣ озеро измѣняетъ свой чистый голубой цвѣтъ въ синевато-свинцовый. Волны съ шумомъ бьютъ на плоскій берегъ изъ наносной гальки, но и тутъ явственна необыкновенная прозрачность воды и каждая поднявшаяся волна кажется какъ бы выточенною изъ самаго чистаго хрусталя. Вода въ озерѣ Сайрамъ-норъ слегка солоновата. Рыбы въ немъ нѣтъ, какъ и въ большей части горныхъ озеръ.

На китайскихъ картахъ Сайрамъ носитъ названіе Сайлиму-норъ. Туземцы въ Кульджѣ утверждаютъ, что названіе Сайрамъ-норъ есть искаженное: Серъ-объ-норъ, т. е. многоводное. Дѣйствительно, озеро Сайрамъ-норъ замѣчательно своей глубиною. Окружность его простирается до 60 верстъ; по наблюденіямъ барона Каульбарса, озеро лежитъ на высотѣ около 5,000 футовъ.

Озеро обрамлено горами, кое гдѣ покрытыми крупнымъ еловымъ лѣсомъ. Верхушки горъ — не снѣговыя; только на сѣверной окраинѣ озера, въ горныхъ массахъ виднѣется снѣгъ въ трещинахъ утесовъ.

На западной сторонѣ озера горная цѣпь замѣтно понижается, образуя двѣ явственныя сѣдловины. Здѣсь идетъ дорога на Урумчи, продолженіе талкинской, «императорской» дороги. По словамъ туземцевъ, отъ Кульджи до Урумчи было всего только 18 пикетовъ и разстояніе отъ одного пикета до другаго равняется 100—200 ли. По другимъ разсказамъ, отъ Кульджи до Урумчи 16 дней верховой ѣзды.

На Сайрамѣ находился нынѣшнимъ лѣтомъ отрядъ изъ одной роты и сотни казаковъ, подъ начальствомъ барона Каульбарса. Въ день отъѣзда начальника края отрядъ переведенъ на зимнюю стоянку въ Чинъ-ча-хо-дзи.

3-го сентября, г. генералъ-губернаторъ возвратился въ Ташкентъ.

Н. Маевъ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Дорога на Нарынъ.

Изъѣздивъ почти весь округъ по разнымъ направленіямъ, мнѣ пришлось въ самое непродолжительное время познакомиться съ состояніемъ нашихъ дорогъ, станцій и со всѣми удобствами и лишеніями, которыя встрѣчаются на пути въ Семирѣченскую область и на передовую линію. Дорога по киргизской степи уже много разъ была описана и хорошо знакома всѣмъ, кому случалось посѣтить Туркестанскій край. Намъ же, служащимъ здѣсь, дорога эта, степная, гладкая и однообразная—даже болѣе чѣмъ извѣстна. Менѣе знакома дорога въ дальніе, горные уголки, въ тѣ посты и укрѣпленья, которые заброшены въ глубь тянь-шанскихъ долинъ, на границы Кашгара, чтобы оберегать спокойствіе нашей горной окраины. Особенно малоизвѣстна дорога на Нарынъ, самую дальнюю грань русскаго владычества въ тянь-шанской горной странѣ. На Нарынъ можно проѣхать горными дорогами не иначе, какъ верхомъ, да и то не во всякое время и не совсѣмъ еще безопасно.

Въ настоящее время изъ Токмака на Нарынъ можно проѣхать двумя путями: или черезъ, такъ называемое, Буамское ущелье, дѣлая при этомъ довольно значительный крюкъ, или же переваливая прямо чрезъ Александровскій хребетъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ носитъ названіе: Шамси. Буамское ущелье, хотя и длиннѣе, но представляя менѣе затрудненій, въ особенности въ зимніе мѣсяцы, выбрано для разработки и устройства тамъ почтоваго тракта. Другая же дорога, весьма удобная въ лѣтнее время, крайне опасна зимою; тѣмъ не менѣе всѣ, кому приходилось ѣздить на Нарынъ или обратно, направляются прямо на Шамси, и это вѣроятно, продолжаться будетъ до тѣхъ поръ, пока окончательно расчистятъ Буамъ. Впрочемъ, и тутъ нѣтъ никакихъ ужасовъ; нужна только извѣстная привычка: не обращать вниманія на то, что происходитъ подъ ногами.

Отъ самаго Токмака до подошвы горъ дорога идетъ все время вверхъ, вдоль праваго берега небольшой рѣчки Сѣверной Шамси, впадающей въ Чу. На всемъ этомъ протяженіи четырехъ-часоваго переѣзда вы не встрѣтите никакихъ препятствій: ни овраговъ, ни большихъ скалъ, ни переправъ, но за то и глазъ вашъ ни на чемъ не остановится. Кругомъ степь усѣяна мелкими камнями, покрыта скудной травой, которая въ іюнѣ уже выгораетъ; мѣстами виднѣются пашни, кое гдѣ раскинуты кибитки кочующихъ киргизовъ... Но все это до такой степени однообразно, что вы поневолѣ будете спѣшить какъ бы добраться скорѣе до горъ и проникнуть въ тотъ таинственный міръ, гдѣ все дышетъ какимъ-то спокойствіемъ, гдѣ вся природа поражаетъ васъ своимъ величіемъ и красотой! Разъ, какъ вы въѣдете въ ущелье Шамси, между Кокъ-Тюбе и Кара-Каиномъ (названіе двухъ сопокъ), что ни шагъ, передъ вами будутъ являться все новыя и самыя разнохарактерныя картины. То вы ѣдете по долинамъ, покрытымъ роскошной травой и цвѣтами, между зелеными откосами горныхъ хребтовъ; то вдругъ вся растительность исчезаетъ и вы видите отвѣсныя, дикія скалы, какъ бы нависающія надъ вашей головой. Тутъ,— перебираясь съ тропинки на тропу, между грудами огромныхъ камней, часто на страшной высотѣ надъ р. Шамси, вы съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца будете карабкаться по такимъ дорожкамъ, по которымъ едва ли бы рискнули пуститься, если бы васъ не ободряла смѣлость и увѣренность вашего *лаучи* (проводника), котораго въ горахъ ничто не остановитъ. Масса ручейковъ, съ шумомъ сбѣгающихъ по боковымъ лощинамъ, пересѣкаетъ вамъ путь; но всѣ они, впрочемъ, не представляютъ серьозныхъ затрудненій. Всѣ эти ручьи совершенно мелки, и только развѣ на одномъ изъ нихъ, Культурѣ, вамъ придется весьма осторожно поискать брода, хотя и здѣсь не такъ васъ будетъ пугать глубина, какъ страшная быстрота ручья, ворочающаго огромные камни. Но всего живописнѣе на сѣверномъ склонѣ Александровскаго хребта, котловина, гдѣ сходятся двѣ рѣки: Тюйюкъ и Шамси. Здѣсь-то въ первый разъ вы увидите еловый лѣсъ, который доходитъ почти до самаго перевала. Сначала отдѣльныя высокія ели, прямыя, какъ свѣчи, тянутся вдоль береговъ Шамси; далѣе же, толпясь небольшими группами, онѣ покрываютъ, то отлогости горъ и лощинъ, то терассы, то забравшись на самую верхушку какой нибудь остроконечной, голой скалы, хотятъ какъ будто увеличить и безъ того уже огромную высоту ея. Невольно, на первой же полянѣ вы остановите своего коня, и вашъ глазъ долго будетъ прикованъ къ этой дикой природѣ, къ этому фантастическому освѣщенію, которое ежеминутно мѣняетъ колоритъ и характеръ всякой картины. Со всѣхъ сторонъ, въ нѣсколько ярусовъ, возвышаются горные хребты, самыхъ разнообразныхъ

формъ, усѣянные камнями всевозможныхъ цвѣтовъ; и въ то время, какъ ближайшія къ вамъ сопки изящно убраны самой нѣжной зеленью, отдаленныя вершины покрыты вѣчными снѣгами. Внизу протекаетъ ничтожная рѣченка Шамси, но она-то и оживляетъ все ущелье. Шамси, какъ и всѣ горные потоки, образуется изъ множества ключей и ручейковъ, которые берутъ свое начало въ тающихъ постоянно снѣгахъ, и сбѣгая внизъ, собираются въ одно общее русло. Здѣсь, то раздѣляясь на много рукавовъ, то соединяясь опять вмѣстѣ, прорываясь между утесами и огромными камнями, переливаясь съ уступа на уступъ тысячью водопадовъ, разбрасывая во всѣ стороны свои брызги и пѣну, несетъ свои волны Шамси, наполняя страшнымъ гуломъ всю долину, и подмывая корни деревьевъ, стоящихъ у воды. При выходѣ изъ ущелья, Шамси становится уже гораздо шире, но зато и течетъ гораздо спокойнѣе въ своихъ каменистыхъ берегахъ.

Самый перевалъ чрезъ Шамси не представляетъ ничего особеннаго. Правда, что тропа, сплошь усѣянная обломками камней, идетъ по косогорамъ необыкновенно круто и подымаясь сразу тысячи на двѣ футовъ, вы вынуждены будете поминутно останавливаться, чтобы дать возможность лошади хотя перевести духъ; но вамъ не придется проѣзжать ни надъ пропастями, ни по узкимъ косогорамъ. Не совсѣмъ пріятное ощущеніе приходится испытывать, добравшись до снѣговъ. Подымаясь изъ Токмака, опасность не такъ еще велика, но спускаясь на обратномъ пути по сѣверному склону, насъ застала гололедица и мы съ большимъ трудомъ сползли внизъ, проваливаясь по колѣни и ведя въ поводу лошадей.

Кто бывалъ въ горахъ, тотъ, конечно, помнитъ, какъ хороши виды на перевалахъ. Оставивъ за собой лощину Шамси, которая была видна на нѣсколько сотъ саженъ, передъ нами разстилалась вдали широкая долина Бузурганъ-су, заслоняемая, впрочемъ, мѣстами сосѣдними горами. Подъ ногами у насъ было узкое ущелье, по которому сбѣгало нѣсколько отдѣльныхъ струй снѣжной и ключевой воды, образуя такъ называемую рѣку Южную Шамси, точно такую же быструю, шумную, и точно также живописную, какъ и Сѣверная Шамси. Поднявшись на перевалъ, въ нѣсколькихъ шагахъ начинается уже спускъ по наклоннымъ и крутымъ тропинкамъ. На нашу бѣду, не успѣли мы проѣхать и полуверсты, какъ все небо заволокло тучами, сталъ накрапывать небольшой дождикъ, который скоро превратился въ градъ. Земля размокла и пошли скользить наши лошади надъ страшными обрывами. Испытывая всѣ неудобства путешествій по косорогамъ въ ненастную погоду, я распрашивалъ своего лаучи: какъ они ѣздятъ зимой, и не было ли случаевъ, чтобы кто нибудь оборвался? Не знаю, на сколько справедливо его объясненіе, но онъ увѣрялъ меня,

что въ суровое время года спуски не такъ опасны, такъ какъ тропа выбивается въ снѣгу и со стороны обрывовъ остаются небольшіе гребни, которые и удерживаютъ раскатъ ногъ въ гололедицу.

Переваливъ чрезъ Шамси, послѣ полутора часоваго хода ущельемъ, переѣзавъ одинъ изъ притоковъ Шамси, Кашка-су, мы выѣхали на ту широкую долину, которая видна была частію съ вершины. Долина эта тянется на востокъ, вдоль подошвы Александровскаго хребта. Вы видите ее верстъ на тридцать, со всѣми ручьями и рѣчкой Бузурганъ-су, которые, извиваясь бѣлыми лентами въ высокихъ берегахъ, раздѣляютъ ее на нѣсколько полосъ, покрытыхъ высокой и сочной травой. Вдали же виднѣется обширная поляна, гдѣ всѣ эти воды, сбѣгающія по южнымъ склонамъ хребта, впадаютъ въ Качгарку, которая въ свою очередь соединяется съ Джуванъ-арыкомъ. А тамъ опять снѣговыя горы, которыя теряются въ туманѣ, окаймляя горизонтъ. Отъ Кашка-су до Бузурганъ-су дорога идетъ почти по ровному мѣсту, на протяженіи часоваго перехода, послѣ чего, повернувъ тоже на востокъ, приходится слѣдовать слишкомъ четыре часа каменистымъ берегомъ Бузургана до впаденія его въ Качгарку. Долина Качгарки изобилуетъ великолѣпными кормами, которые не пропадаютъ даже зимой, почему здѣсь толпится множество кочевокъ, вездѣ пасутся огромныя стада барановъ и табуны лошадей. Безъ сомнѣнія, это одно изъ самыхъ населенныхъ мѣстъ на юго-восточной границѣ!

Переѣзавъ Качгарку, и обогнувъ небольшой кряжъ холмовъ, начинаются солончаки, а кое гдѣ даже и топи, хотя попадаются и здѣсь плодородныя, вспаханныя поля, орошенныя горными потоками: Мокономъ Чушка и Тузъ-булаками, пересѣкающими вашъ однообразный путь. Всѣ они, впрочемъ, такъ незначительны, что нисколько не замедляютъ вашего ходу, и до самаго Джуванъ-арыка вы въ состояніи будете ѣхать полной рысью *). Джуванъ-арыкомъ можно ѣхать не болѣе трехъ или четырехъ верстъ, такъ какъ далѣе онъ течетъ въ совершенно отвѣсныхъ и голыхъ скалахъ, плотно сжимающихъ его русло. По неволѣ приходится своротить вправо, т. е. на юго-западъ, и направиться чрезъ песчаный хребетъ Кумбель. Здѣсь зато нѣтъ никакихъ препятствій, кромѣ нѣсколькихъ крутыхъ и въ тоже время длинныхъ подъемовъ и спусковъ. Лощина, по которой идутъ тропы, рѣдко гдѣ даже усѣяна камнями. Только переваливъ совершенно Кумбель и въѣхавъ въ ущелье Карагаты, вы встрѣтите много затрудненій. Груды камней заваливаютъ всю долину Между

*) Здѣсь сходятся обѣ дороги, ведущія изъ Токмака на Нарынъ.

камнями земля, чрезвычайно рыхлая, размокая послѣ всякаго дождя, легко выбивается копытами лошадей, которыя потомъ то и дѣло проваливаются, изнуряя, какъ себя, такъ и сѣдока. Ущельемъ Карагаты вы доѣдете скоро опять до Джуванъ-арыка, гдѣ берега хотя точно также обставлены высокими утесами, но эти скалы, отходя дальше отъ рѣки, оставляютъ широкія лужайки, кое гдѣ покрытыя рѣдкимъ кустарникомъ. Только тамъ, гдѣ утесы эти еще грандіознѣе, они подходятъ къ самой водѣ, оставляя между собою гигантскія ворота, чрезъ которыя съ страшной быстротой прорывается Джуванъ-арыкъ. Какъ ни красивъ однако этотъ уголокъ, но, откровенно говоря, до разработки здѣсь дороги, не желалъ бы я его видѣть вторично. Въ концѣ лѣта, когда бываетъ мелководіе, киргизы переѣзжаютъ сначала въ бродъ Джуванъ-арыкъ, и пробираются правымъ берегомъ, до впаденія въ него Телека. Тамъ же, гдѣ берега уже вовсе исчезаютъ, приходится ѣхать вдоль по рѣкѣ, и конечно полагаться вполнѣ на своего коня. Какъ будто нарочно, именно въ этомъ мѣстѣ, на полъ-аршина подъ водой, а можетъ быть и болѣе, скала, стоящая совершенно отвѣсно, образуетъ уступъ, шириною не болѣе двухъ футовъ, за которымъ далѣе идетъ опять обрывъ. Не говоря уже, что при быстротѣ Джуванъ-арыка, лошадь легко можетъ поскользнуться и упасть въ самую глубь съ этой подводной тропинки, но и для того, чтобы попасть на нее, надо сначала перескочить чрезъ нѣсколько огромныхъ камней, рискуя, конечно, оборваться. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ неудобствъ, возвращаясь обратно съ Нарына, мой лаучи повелъ насъ лѣвымъ берегомъ Джувана; но тутъ дорога еще хуже, и намъ пришлось совершить почти воздушное путешествіе. О переѣздѣ верхомъ здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Пробираясь или вѣрнѣе сказать, — карабкаясь бараньей тропой (кой-джоломъ), проложенной по совершенно крутому обрыву, перелѣзая съ камня на камень, на высотѣ 200 футовъ, мы цѣплялись руками за что попало, лишь бы удержаться и не упасть въ Джуванъ-арыкъ, который ревѣлъ у насъ подъ ногами, грозя измолоть въ порошокъ каждаго, кто будетъ имѣть несчастіе полетѣть съ Кокъ-су (названіе скалы). Малѣйшій неосторожный шагъ могъ стоить намъ жизни. И зато какой же сумбуръ лѣзетъ въ голову въ подобныя минуты, когда приходится висѣть почти надъ водою! Впрочемъ, чувство самосохраненія до такой степени сильно и придаетъ столько энергіи и ловкости, что до сихъ поръ не бывало еще примѣра какого нибудь несчастія. Зимой, само собой разумѣется, этотъ путь совершенно невозможенъ и съ Карагаты, горными перевалами, проѣзжаютъ прямо на Телекъ, притокъ Джувана, на который и мы выѣхали, пробравшись чрезъ эти скалистыя ворота.

За Телекомъ кончаются уже всѣ серьозныя препятствія и вы спо-

койно будете двигаться до самаго Нарына. Повернувъ почти на востокъ, вамъ встрѣтится сначала огромная котловина, перерѣзанная по разнымъ направленіямъ нѣсколькими рядами холмовъ. Кругомъ виднѣются снѣговыя горы, по лощинамъ сбѣгаютъ горные ручьи: Уркоташъ, Сарыбулакъ и другіе потоки, не имѣющіе даже названія; но всѣ они не имѣютъ никакого вліянія на вашу ѣзду, и вы, подымаясь постепенно вверхъ, отъ Джуванъ-арыка, почти незамѣтно достигаете вершинъ Долонскихъ горъ *). Съ Долона дорога идетъ чрезвычайно круто внизъ, въ долину Оттука, которая извивается постоянно между высокими горными кряжами. Отлогости этихъ горъ почти на всемъ протяженіи покрыты еловымъ лѣсомъ, который точно также, какъ и въ долинѣ Шамси, растетъ отдѣльными группами, то на уступахъ, то забившись въ какую нибудь котловину, то вѣнчая остроконечныя вершины голыхъ скалъ.

Дорога по Оттуку крайне утомительна. Вѣроятно по причинѣ высокихъ грунтовыхъ водъ, земля колышется подъ ногами и легко выбивается конскими копытами. Выбоины эти, покрываясь водой или грязью, и заростая травой и кустарникомъ, дѣлаются часто незамѣтными, чрезъ что лошади, которыя должны при этомъ скакать чрезъ камни и ели, поваленныя водою, поминутно проваливаются въ этомъ илистомъ грунтѣ. Несноснѣе же всего—это безчисленныя переправы чрезъ Оттукъ, который, подмывая то справа, то слѣва отвѣсныя скалы, безпрестанно пересѣкаетъ вашъ путь. Зато послѣ четырехъ часоваго перехода этой лощиной вы выѣдете уже на обширную равнину, перерѣзанную р. Онарчи и Нарыномъ и тутъ-то въ первый разъ почувствуете себя какъ будто на привольѣ. Кругомъ — совершенно открытое мѣсто, по которому тянется только нѣсколько кряжей холмовъ, но и тѣ исчезаютъ предъ Тянь-Шанскими хребтами, виднѣющимися вдали. Переправившись около пяти часовъ вечера чрезъ Онарчи со всевозможными предосторожностями, мы поѣхали хорошей рысью, чтобы добраться засвѣтло до Нарына, до котораго оставалось, по увѣреніямъ киргизовъ, не болѣе 10 верстъ. Не смотря на это, мы битыхъ три часа гнали лошадей по твердой, широкой дорогѣ, а укрѣпленія все нѣтъ какъ нѣтъ! Солнце давно уже закатилось, миріады звѣздъ блестѣли на черномъ небѣ, когда мы завидѣли нѣсколько мерцающихъ огней на той сторонѣ рѣки. — То былъ давно жданный Нарынъ! Направившись на эти огоньки, мы предполагали подъѣхать къ мосту, который дѣйствительно и былъ здѣсь построенъ, но увы — его и слѣдовъ не осталось послѣ перваго ледохода! Вотъ почему въ этомъ году выбранъ

---

*) Отрасли Кыргызынъ-Алатаускихъ горъ.

выше другой пунктъ, въ одной верстѣ отъ укрѣпленія, и тамъ перекинутъ уже, такъ называемый, кавказскій мостъ, на который не можетъ имѣть вліянія никакая быстрота теченія *). Самое укрѣпленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ казармъ, въ которыхъ помѣщается весь гарнизонъ, т. е. двѣ роты пѣхоты и сотня казаковъ. Четыре или пять лачугъ, поставленныхъ поодаль, занимаются мелкими торговцами, которые, желая вознаградить медленность распродажи высокими процентами, продаютъ по баснословнымъ цѣнамъ даже предметы первой необходимости.

Находясь высоко надъ уровнемъ моря, лощина, по которой течетъ Нарынъ, крайне бѣдна растительностью. Кругомъ виднѣются голые откосы холмовъ и горъ, на которыхъ нѣтъ ни одного дерева, ни одного цвѣтка. Не смотря на всѣ усилія, въ іюлѣ едва начинаютъ поспѣвать первыя овощи: рѣдисъ, рѣдька, огурцы. Около казармъ разсаживаются талы, но неизвѣстно еще примутся ли они! Жизнь офицеровъ тянется изо-дня въ день, еще однообразнѣе и скучнѣе, чѣмъ сама природа, окружающая ихъ. Новостей, какихъ бы то ни было, здѣсь не ждите! Нѣтъ никакихъ интересовъ, которые могли бы развлечь, занять ихъ. Пріѣздъ каждаго посторонняго человѣка составляетъ эпоху, отъ которой и ведется счетъ времени, такъ какъ здѣсь легко забываются и дни и числа. Безъ сомнѣнія, когда улучшится сообщеніе съ Нарыномъ и жизнь тамъ сдѣлается несравненно отраднѣе.

Въ заключеніе своего описанія, я приложу еще полный часовой маршрутъ отъ Токмака до Нарына и укажу мѣсто для выбора ночлеговъ. Опредѣлить точно разстоянія, конечно, невозможно; подавно не стоитъ распрашивать объ этомъ киргизовъ, не имѣющихъ никакого понятія ни о верстахъ, ни о времени; поэтому мнѣ оставалось только замѣчать по часамъ: какъ скоро можно проѣхать отъ одного пункта до другаго. Если не принимать во вниманіе остановокъ и ночлеговъ, то на переѣздъ отъ Токмака до Нарына, гдѣ шагомъ, а гдѣ дорога позволяетъ, то и рысью, надо считать около 37 часовъ, а именно:

---

*) Сущность кавказскихъ мостовъ состоитъ въ томъ, что на каждомъ берегу кладутъ рядъ бревенъ, концы которыхъ на треть или четверть всей длины свѣшиваются надъ водой. Слѣдующіе ряды, положенные на нижніе, выпускаются еще болѣе, и т. д. пока наконецъ можно будетъ на этихъ бревнахъ укрѣпить балки. На бревна, лежащія на берегахъ, наваливается земля, которая своею тяжестью не позволяетъ свѣшеннымъ концамъ опускаться внизъ. Эти мосты, съ удобствомъ могутъ быть построены въ мѣстахъ, гдѣ лѣсу много, а въ рабочихъ чувствуется недостатокъ. Удобство и пригодность такихъ мостовъ въ Иссыкъ-Кульскомъ уѣздѣ, указаны нынѣшнимъ начальникомъ края.

Отъ Токмака до подошвы горъ	4 часа хорошей ѣзды.
Отъ подошвы горъ до впаденія Тюйюка въ Шамси, гдѣ начинается еловый лѣсъ	3 часа ходу.
Еловымъ лѣсомъ до подошвы Шамси, т. е. до того мѣста, гдѣ начинается самый крутой подъемъ	2 часа обыкн. ѣзды.
Отъ еловаго лѣсу до перевала	3 ч. самымъ медленнымъ шагомъ.
Съ перевала до Бузурганъ-су	2 часа ходу.
Долиной Бузурганъ-су до Качгарки *)	4 часа, гдѣ шагомъ, гдѣ рысью.
Отъ Качгарки до Джуванъ-арыка	2 часа очень хорошей ѣзды.
Далѣе, переваливъ чрезъ Кумбель, до Карагаты	3 часа обыкн. шага.
Отъ Карагаты до Джуванъ-арыка	1 часъ ходу.
Отъ впаденія Карагаты въ Джуванъ-арыкъ до Телека	$^3/_4$ часа обыкн. шаг.
По Телеку	1 $^1/_4$ ч. } хорошей ѣзды.
Отъ Телека до Уркоташа	$^1/_2$ ч. }
Отъ Уркоташа чрезъ Сары-булакъ и Долонскія горы до начала Оттука	2 часа ходу.
По Оттуку	4 часа.
Отъ выхода Оттука изъ ущелья до р. Онарчи	1 $^1/_4$ часа хорошимъ шагомъ.
Отъ р. Онарчи до Нарына	3 часа полной рысью.

Ознакомившись съ характеромъ дороги и временемъ переѣздовъ, легко опредѣлить самыя удобныя мѣста ночлеговъ, гдѣ бы можно было найти закрытіе отъ вѣтра, и не было бы недостатка въ топливѣ и хорошихъ кормахъ. Первое условіе достигается остановкой въ долинахъ или у подошвы горъ, защищающихъ васъ отъ вьюгъ и бурановъ. Въ отношеніи же топлива лучше такъ распредѣлять свою поѣздку, чтобы ночевать сначала въ ущельѣ Шамси, потомъ на Качгаркѣ или у могилъ на Джуванъ-арыкѣ и наконецъ на Оттукѣ. При томъ выборъ ночлеговъ на этихъ пунктахъ представляетъ еще то важное преимущество, что вы будете переваливать чрезъ горные хребты, какъ-то: Шамси и Кумбель утромъ, когда

*) На Качгаркѣ обыкновенно мѣняютъ своихъ лошадей по открытому предписанію, которымъ надо запастись у Токмакскаго уѣзднаго начальника.

болѣе всего шансовъ на хорошую погоду. Не знаю, какъ зимой, но лѣтомъ по крайней мѣрѣ дожди бываютъ чуть ли не ежедневно и почти всегда начинаются около полудня или позже, если, конечно, нѣтъ сильнаго вѣтра, который нагналъ бы раньше съ какой нибудь стороны дождевыя тучи. Причина подобнаго явленія весьма понятна. Почти съ восходомъ солнца начинается жара, ускоряется таяніе снѣговъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и испареніе; вслѣдствіе этого, надъ снѣжными вершинами собираются облака, которыя, постепенно увеличиваясь и сгущаясь, къ полудню заволакиваютъ уже все небо. И чѣмъ тише погода, чѣмъ душнѣе, тѣмъ скорѣе и тѣмъ сильнѣе будетъ дождь. Вслѣдъ за этимъ температура быстро падаетъ и на извѣстной высотѣ хлопьями валитъ снѣгъ или бьетъ градъ. Когда я ѣхалъ на Нарынъ, мнѣ въ голову даже не приходила подобная регулярность въ перемѣнѣ погоды; но подмѣтивъ это въ продолженіи всего пути, и разспросивъ послѣ офицеровъ Нарынскаго отряда, я былъ гораздо осторожнѣе, возвращаясь обратно. Добравшись до подошвы Шамси, я остановился тамъ на ночлегъ, расчитывая, что вставъ часовъ въ 5 или 6, можно будетъ перевалить на другую сторону часамъ къ 10 утра и въѣхать въ хвойную рощу, гдѣ можно найти себѣ хоть какое нибудь закрытіе во время ненастья. Ожиданія мои вполнѣ оправдались; но, переваливъ чрезъ Шамси, мы такъ устали, что по неволѣ должны были сдѣлать привалъ, и предавшись кейфу, въ полудремотѣ не замѣтили, какъ надъ нашей головой собрались уже черныя тучи, а перепуганныя птицы своимъ порывистымъ полетомъ, разстилаясь по землѣ, предвѣщали приближеніе грозы. Вскорѣ серебристая полоса зигзагомъ разсѣкла все небо, освѣщая снѣжныя вершины, и ударъ грома раскатился по горнымъ хребтамъ и долинамъ. Навьючивъ какъ можно скорѣе своихъ лошадей, мы полной рысью уходили отъ грозы, которая свирѣпствовала уже со всей силой. Молнія чаще стала сверкать, потрясая все ущелье, хлынулъ дождь, перемѣшанный со снѣгомъ, и въ какихъ нибудь десять минутъ мы промокли бы до костей, если бы не запаслись киргизскими войлочными шапками и кибентаями (халатами), которые частенько защищали насъ отъ всякой непогоды и вѣтра. Доскакавъ до хвойной рощи, мы хотѣли гдѣ нибудь пріютиться, но впереди виднѣлось уже ясное, голубое небо, по которому плавно проносились бѣлыя, прозрачныя облака. Прибавивъ еще ходу, мы вскорѣ въѣхали въ полосу, освѣщенную и согрѣваемую солнцемъ, въ то время, какъ за нами гроза ни мало еще не утихала.

Подобное же явленіе рѣзче всего можно замѣтить на Качгаркѣ, гдѣ дожди бываютъ сравнительно весьма рѣдко, тогда какъ кругомъ, на всѣхъ горахъ висятъ ежедневно темныя тучи. Лѣтомъ, когда ненастная погода смѣняется хорошимъ, теплымъ днемъ, конечно, дожди эти не такъ еш

страшны; но зимой вѣроятно путешествіе по горамъ должно быть несноснымъ. На всемъ пространствѣ отъ Токмака до Качгарки и отъ Качгарки до Нарына вы не увидите ни одной кибитки, ни одной лачужки. Какъ быть тогда, если въ продолженіи полусутокъ васъ будетъ мочить ливень или снѣгъ? По Оттуку, недалеко отъ выхода его изъ ущелья, есть одна пещера, въ которой можетъ помѣститься нѣсколько человѣкъ со своимъ имуществомъ, но не каждому ее удается замѣтить изъ за деревьевъ и кустовъ, которые закрываютъ съ дороги входъ въ пещеру. Мѣстами можно кое какъ спрятаться подъ елью или большимъ камнемъ, но и это зависитъ отъ случайностей. Въ видахъ именно этихъ условій, кажется, будутъ построены небольшія избушки въ еловыхъ рощахъ: одна у подошвы Шамси, а другая на Оттукѣ, у Долонскихъ горъ. Тогда, если васъ и застигнетъ дождь въ горахъ, вы будете знать, что, добравшись до извѣстнаго мѣста, въ состояніи будете согрѣться, просушить свое платье и переждать, пока пройдетъ ненастье. Во всякомъ случаѣ, если эти избушки будутъ дѣйствительно построены, переѣзды по горамъ далеко уже не будутъ такъ изнурительны, какъ въ настоящее время.

С. Янчевскій.

Отъ Ташкента до Вѣрнаго.

Путевыя замѣтки.

Съ какимъ-то неяснымъ чувствомъ радости, ожиданія чего-то новаго, неизвѣданнаго, оставлялъ я Ташкентъ, въ началѣ мая 1870 года. Предстояла дорога дальняя и весьма интересная: благодатная природа Семирѣчья, живописныя мѣстности Копала, Лепсы, Кастека, снѣговыя массы Ала-тау и Тянь-Шаня, горные проходы, снѣговые перевалы, огромное, загадочное озеро Иссыкъ-куль, русскія, военныя поселенія, заброшенныя въ самую глубь центральной Азіи, въ горныя долины Нарына и Каракола, кара-киргизы, калмыки-буддисты, китайцы, бѣжавшіе отъ кроваваго погрома, разрушенный до тла Чугучакъ,—все это предстояло увидѣть, посѣтить.

День обѣщалъ быть знойнымъ; азіятскій май давалъ себя чувствовать жгучими лучами солнца. Въ неподвижномъ, безвѣтряномъ воздухѣ стояли цѣлыя массы пыли, поднятой ногами нѣсколькихъ троекъ и колесами нашихъ тарантасовъ. Ташкентская природа еще не успѣла вполнѣ принять своего обычнаго сѣро-желтаго колорита; деревья еще красовались изъ за глиняныхъ стѣнъ садовъ свѣжею зеленью, стройными колонами вырисовывались тополи, темнѣя на голубомъ фонѣ неба, благоухала расцвѣтающая джигда.... Но въ степи уже успѣла выгорѣть трава; тамъ было душно и тяжело, и раскаленная земля обдавала зноемъ. Только кое гдѣ, по берегамъ арыковъ, еще виднѣлась зелень, и глазъ далеко могъ прослѣдить по полямъ эту узкую, зеленую коемку. Безжалостное степное лѣто очевидно вступало въ свои права. Даже надъ горнымъ кряжемъ, который едва-едва вырисовывался на востокѣ, на краю горизонта, не бѣлѣлись полоски и легкіе клубы облаковъ. Глазъ едва могъ различить эти горы, которыя осенью и ранней весною, въ концѣ марта и въ апрѣлѣ такъ рельефно обрисовываются со своими предгорьями и ущельями; даль была задернута какимъ-то сухимъ, сѣроватымъ туманомъ, признакомъ наступающей знойной поры года.

Чемкентъ — ближайшій къ Ташкенту, значительный, азіятскій городъ, отдѣленъ отъ него отрогомъ Каратаускаго хребта. Чемкентскія горы представляютъ невысокую гряду пологихъ возвышенностей, покрытыхъ хорошею луговою растительностію. Извѣстно старинное выраженіе: горы притягиваютъ облака; благодаря этому обстоятельству, вся мѣстность около Чемкента гораздо влажнѣе, чѣмъ окрестности болѣе отдаленнаго отъ горъ Ташкента. Здѣсь дожди перепадаютъ чаще, трава, уже сильно пожелтѣвшая отъ зноя въ степи, около Чемкента еще зелена и свѣжа. Вѣетъ весною, не азіятскимъ маемъ, знойнымъ и душнымъ, а европейскимъ, съ издѣтства знакомымъ намъ.

Въ сторонѣ отъ дороги, справа, въ недальнемъ разстояніи, темной массой выдѣляется двуглавый Казикуртъ-ата, азіятскій Араратъ: по мѣстному преданію, здѣсь остановился послѣ потопа Ноевъ ковчегъ. Пикъ Казикуртъ-ата составляетъ западную оконечность горнаго отрога, незначительной длины (до 45 верстъ), узкаго и крутаго. Отрогъ этотъ отдѣляется отъ главной горной массы у истоковъ р. Бадамъ.

Пикъ Казикуртъ-ата имѣетъ до 7,000 ф. абсол. высоты; по разсказамъ киргизовъ, на вершинѣ его уже съ сентября выпадаетъ снѣгъ; впрочемъ, до ноября снѣгъ покрываетъ вершину пика не постоянно, а только по временамъ, стаевая въ жаркіе дни, которые частенько выдаются азіятской осенью.

Отъ пика Казикуртъ-ата идетъ невысокимъ гребнемъ плоская возвышенность, составляющая водораздѣлъ рѣкъ Арыса и Чирчика, съ отдѣльной, довольно высокой горой, которая возвышается къ юго-западу отъ Чемкента.

Утверждаютъ, что довольно пологіе, сѣверо-западные скаты горъ, обращенные къ Чемкенту, нѣкогда покрыты были густыми садами, уничтоженными во время губительныхъ войнъ между Кокановъ и сосѣдними ханствами. Вѣрна ли эта молва, рѣшить трудно; по крайней мѣрѣ всѣ слѣды растительности и орошавшихъ ее арыковъ, теперь совершенно исчезли.

Чемкентъ лежитъ на развѣтвленіи двухъ трактовъ: на Перовскъ, Казалинскъ и Орскъ, и на Ауліе-ата, Вѣрный, Копалъ, Сергіополь и далѣе по Сибири. Который изъ этихъ двухъ трактовъ лучше — рѣшить трудно! За вѣрнинскій трактъ много говоритъ его относительное благоустройство, хотя и тутъ проѣзжему приходится вдоволь помучиться, пока доберется онъ до станцій, содержимыхъ В. П. Кузнецовымъ. Но на этомъ трактѣ по крайней мѣрѣ знаетъ онъ, что съ каждымъ шагомъ приближается къ обѣтованной цѣли—къ Вѣрному, гдѣ можно надѣяться найти хорошихъ лошадей, исправные экипажи, однимъ словомъ такое устройство

почтоваго пути, о которомъ грѣшно и мечтать проѣзжему по сыръ-дарьинской и оренбургской степи. Зато сыръ-дарьинскій трактъ значительно короче; шутка ли проѣхать лишнихъ почти двѣ тысячи верстъ! А тутъ еще обыкновенно пугали Кастекскимъ переваломъ, на которомъ осенью даже почту провозятъ не на повозкахъ, а на телѣжныхъ передкахъ; проѣзжимъ же великодушно предоставляется избрать любое изъ двухъ: путешествовать пѣшкомъ или усѣсться на горбъ верблюда и испытать совершенно новыя ощущенія, раскачиваясь, какъ маятникъ, на спинѣ лѣниваго и упрямаго животнаго. Но объ удовольствіяхъ переѣзда черезъ Кастекъ еще будетъ рѣчь впереди *).

Чемкентскій уѣздъ, отъ Чемкента почти до самаго Ауліе-ата, населенъ довольно густо, и уступаетъ развѣ только одному Кураминскому. Здѣсь когда-то процвѣталъ многолюдный Сайрамъ, лежащій нынѣ въ 60 верстахъ отъ Чемкента и отъ котораго теперь остался одинъ только кишлакъ. А нѣкогда Чемкентъ составлялъ только предмѣстье Сайрама! Но удивительно, что въ этой многострадальной мѣстности еще повсюду сохранились явные слѣды бывшихъ мирныхъ земледѣльческихъ трудовъ. Особливо хорошо воздѣланы окрестности Чемкента, съ его большими кишлаками, въ родѣ Манкента, тонущаго въ своихъ зеленыхъ садахъ. Манкентскіе фрукты славятся далеко въ окружности. Далѣе на сѣверо-востокъ садоводство уже не составляетъ характеристическаго занятія жителей, потому что климатъ полагаетъ преграду успѣшному разведенію плодовъ. Рѣзко измѣняется здѣсь природа, чуть не съ каждой верстою пройденнаго вами пространства, и вы чувствуете, наконецъ, что степная, жаркая природа, съ ея характеристическими особенностями, оставлена далеко позади, за гранью чемкентскихъ возвышенностей и другихъ отроговъ и кряжей Кара-тау, чрезъ которыя пробираетесь вы теперь въ своемъ тарантасѣ. Встрѣчаются перевалы, каменистые и довольно крутые; медленно ползетъ въ гору вашъ экипажъ, надсаживаются тощія почтовыя клячи, обреченныя судьбою исполнять до самой смерти свою каторжную работу; ямщикъ-киргизъ тоже усердствуетъ изъ всѣхъ силъ, понукая лошадей чѣмъ только можетъ: и ударами кнута, и руганью.... Нѣтъ, лучше выдти изъ экипажа! Дорога плохая, острые камни рѣжутъ ноги, хрящеватый грунтъ раскалился отъ солнца и обдаетъ зноемъ; по сторонамъ подъема виднѣются каменныя глыбы, обвалившіяся съ ближайшихъ вершинъ, и видъ этихъ сѣровато-желтыхъ валуновъ не представляетъ ничего живописнаго. Внизу,

*) Съ 1-го ноября 1870 года измѣнено направленіе вѣрнинскаго тракта, такъ что перевалъ у Кастека остается въ сторонѣ.

саженей пять подъ обрывомъ журчитъ ручей и колеса тарантаса иногда касаются почти самаго края обрыва; но и ямщикъ, и лошади привычны, и все обходится благополучно. Перевалъ проѣхали. Опять потянулась нагорная равнина, слегка холмистая, — киргизское приволье, обрамленная грядами горъ справа и слѣва. Да и не одни только киргизы нашли полное приволье и благодать въ этихъ горныхъ долинахъ Кара-тау: здѣсь было любимое кочевье турецкихъ хановъ, когда они еще и не думали выступать на историческую сцену. Урочище *Мынъ-булакъ* (тысяча ключей) было издавна любо всѣмъ кочевникамъ.

Недалеко и Ауліе-ата; мелькнула какая-то рощица или садикъ, потянулись запашки....

Городъ Ауліе-ата расположенъ на берегу быстраго Таласа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, выйдя изъ горъ, разливается на рукава и мало по малу пріобрѣтаетъ характеръ степной рѣки. За Таласомъ виднѣется темная масса горъ: это—начало Александровскаго хребта, который прежде извѣстенъ былъ подъ весьма неопредѣленнымъ названіемъ Киргизынъ-Алатау. Здѣсь, неподалеку отъ Ауліе-ата, — крайняя, западная оконечность этого величественнаго хребта: мысъ Теке-Турмасъ, возвышающійся не болѣе 150 фут. надъ уровнемъ Таласа (2,600 ф. абсол. высоты). Далѣе на западъ виднѣются высоты: Кизылъ-Адыръ, большой и малый.

Ауліе-ата когда-то былъ большимъ и торговымъ городомъ, но въ Средней Азіи запустѣніе и упадокъ иногда весьма быстро смѣняютъ богатство и процвѣтаніе. Теперь отъ прежняго богатаго Ауліе-ата не осталось и слѣдовъ! Людный городъ превратился въ весьма обыкновенный, киргизскій базаръ. Только въ послѣднее время, съ водвореніемъ въ здѣшнемъ краѣ русской власти, Ауліе-ата сдѣлался оживленнѣе прежняго, и населеніе его значительно увеличилось переселенцами изъ разныхъ мѣстъ Семирѣчья, а болѣе всего—изъ Кокана и Намангана. Въ добрый часъ!

Въ Ауліе-ата, какъ почти во всѣхъ среднеазіятскихъ городахъ, не осталось никакихъ памятниковъ отъ прожитыхъ дней. Единственная древность и вмѣстѣ съ тѣмъ — святыня города, есть могила Кара-хана (одного изъ потомковъ шейха или султана Азрета), извѣстнаго болѣе въ народѣ *) подъ названіемъ *Ауліе-ата* (святой отецъ). По его имени и самый городъ получилъ свое наименованіе. На могилу Кара-хана, находящуюся возлѣ самаго города, посреди довольно обширнаго кладбища, собирается по пятницамъ и въ большіе праздники много городскихъ жителей,

*) Правильнѣе Азретъ-ходжа-Ахметъ-Ясави; великій мусульманскій святой, умершій въ 1820 г.

да и въ будни можно каждый разъ встрѣтить предъ входными дверями въ надмогильную часовню нѣсколько усердныхъ, молящихся мусульманъ. Могила Кара-хана сложена изъ жженаго кирпича и не можетъ похвалиться особымъ изяществомъ. Время и здѣсь положило на единственный, сохранившiйся памятникъ древности свою тяжелую руку: рельефныя изображенiя на кирпичахъ во многихъ мѣстахъ изгладились, сводъ обрушился, обвалились и башенки, находившiяся по угламъ, надъ портикомъ. Вся постройка надъ могилою Кара-хана уже не имѣетъ прежняго изящества. Это—скорѣе руина, а равнодушiе и азiятская неподвижность почитателей мусульманскаго святаго съ каждымъ годомъ подвигаютъ впередъ дѣло разрушенiя. Нѣкоторыя могилы на аулiе-атинскомъ кладбищѣ сложены изъ жженаго кирпича, взятаго изъ полуразвалившейся часовни Кара-хана, благо недалеко было ходить за готовымъ матерiаломъ. Усерднымъ чтителямъ аулiе-ата вѣроятно ни разу не приходила въ голову мысль о реставрированiи часовни. Зато благочестiе горожанъ украсило могилу святаго хана черепами барановъ съ огромными рогами. Эти черепа разложены рядами надъ входными дверями въ часовню, на небольшомъ, выдающемся карнизѣ. Рога на востокѣ—служатъ символомъ силы, и туземное преданiе даже Александра Македонскаго называетъ *залкарна*, т. е. *двурогiй*.

Муллы утверждаютъ, что часовня надъ могилою Кара-хана построена Тамерланомъ; но здѣсь, въ Средней Азiи, каждое, болѣе или менѣе выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ сооруженiе, приписывается обыкновенно Тамерлану.

За Таласомъ, верстахъ въ семи отъ Аулiе-ата, находится другая, чтимая мѣстными жителями могила: Текъ-турмасъ-ата. Погребенный здѣсь святой былъ начальникомъ артиллерiи у Кара-хана.

Наконецъ упомянемъ еще о могилѣ родственницы Кара-хана, Гайша-биби (по киргизски Асса-биби). Она погребена въ 17 верстахъ отъ Аулiе-ата, близь рѣчки Асса, получившей названiе свое отъ могилы, находящейся на ея берегахъ. Надмогильная постройка Гайша-биби сохранилась гораздо лучше могилы Кара-хана. Вся она сложена изъ кирпичей, покрытыхъ рельефными украшенiями; самая кладка кирпичей образуетъ прихотливые узоры, и кажется особливо эффектною издали, вечеромъ, когда вся могила озарена косыми лучами заходящаго солнца. Кругомъ могилы насажены деревья, такъ что мѣсто упокоенiя мусульманской подвижницы представляетъ весьма отрадный, тѣнистый уголокъ среди степной глади. Съ противуположной стороны дороги (могила Гайша-биби находится при самой дорогѣ) въ недавнее время основался новый, небольшой кишлакъ, также съ довольно густою зеленью насаженныхъ деревьевъ.

Окрестности Ауліе-ата не всегда были населены исключительно кочевыми киргизами; нѣкогда здѣсь жило осѣдлое населеніе, оставившее во многихъ мѣстахъ несомнѣнные признаки своего пребыванія. Такъ, напр., въ 25 верстахъ отъ Ауліе-ата, внизъ по Таласу, находятся развалины города Тюме-кентъ; здѣсь, по мѣстному преданію, жила дѣвушка, далеко славившаяся своею красотою. Ее полюбилъ князь или глава дивовъ или гигантовъ (деу), обитавшихъ въ сосѣднихъ горахъ. Чтобы приготовить достойное помѣщеніе для своей возлюбленной подруги, деу началъ строить городъ, бросая огромные камни изъ горъ Макъ-балъ. Постройка эта почему-то не состоялась и теперь недостроенный городъ представляетъ видъ запустѣлыхъ развалинъ Окрестные жители называютъ эти развалины Акыръ-ташъ (каменныя ясли) или Тасъ-кутанъ (каменная ограда). Такъ гласитъ преданіе, очевидно созданное фантазіей народа. Изъ всей этой легенды справедливо только то, что работы, дѣйствительно, остановлены были внезапно, какимъ-то важнымъ событіемъ. Камни, которые строители выламывали изъ горъ, во многихъ мѣстахъ брошены были на пути, по которому ихъ перевозили; это—огромныя глыбы красноватаго, желѣзистаго песчаника. Самыя большія изъ нихъ—футовъ семь длины, отъ 2 до 4 футъ ширины и 2 ф. высоты. Между станціями Акыръ-тюбе и Ишъ-булакомъ, въ 44 верстахъ отъ Ауліе-ата и верстахъ въ 20 отъ дороги, видны явственные слѣды производившихся работъ по постройкѣ: возводилось какое-то зданіе въ большихъ размѣрахъ, (длиною до 600 футовъ, шириною—въ 450 ф.); по всей вѣроятности это недостроенный караванъ-сарай или буддійскій монастырь. Донынѣ видны ряды комнатъ и нѣсколько двориковъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ. На одномъ изъ камней изсѣчена надпись, манджурскими буквами, въ которой говорится о побѣдѣ, одержанной китайцами надъ джунгарами (калмыками). Нѣкоторые камни обдѣланы въ форму, похожую на ясли, т. е. имѣютъ прямоугольные желоба, глубиною до 4 вершковъ, отъ чего и развалины получили свое названіе *Акыръ-ташъ* (каменныя ясли). По мнѣнію А. Лерха, всѣ эти камни, разбросанные отъ горы до мѣста, гдѣ предполагалась постройка, приготовлены были для стѣнъ строенія, а углубленія въ нихъ должны были образовать ниши во внутренней сторонѣ зданія. О развалинахъ Акыръ-ташъ упоминается въ путешествіи Чань-чуня,*) даосскаго монаха, отправившагося въ 1222 году изъ Китая, чрезъ Сайрамъ, Ташкентъ, (Шашъ) и Самаркандъ (Семи-сы-гань) въ лагерь Чингизъ-хана.

Къ сѣверу отъ Акыръ-таша, на лѣво отъ караванной дороги въ Мер-

*) Переведено и издано архим. Палладіемъ.

ке, видны слѣды древняго укрѣпленія, а близь первой станціи отъ Ауліе-ата, по дорогѣ въ Мерке, видна группа кургановъ, сложенныхъ изъ крупнаго щебня. Киргизы называютъ эти холмы: *Джети-тюбе*, т. е. *семь холмовъ*, но ихъ болѣе, до шестнадцати. Самые большіе имѣютъ у подошвы отъ 200 до 250 шаговъ въ окружности. Относительно названія этихъ холмовъ, Джети-тюбе, можно привести слѣдующую догадку: Моголистаномъ или *Джете* называлась страна на востокъ отъ Маверен-награ *) и Туркестана, т. е. нынѣшнее Семирѣчье, и Ауліе-атинскій округъ. Моголистанъ назывался также *страною Джеты* или *улусомъ Джетинскимъ*. Г. Лерхъ полагаетъ, что джети есть тотъ же народъ, который въ китайскихъ лѣтописяхъ названъ *е-тхи*, а г. Вельяминовъ-Зерновъ считаетъ *джете* или *чете* тождественными съ *чатами* или *жагатами*, народомъ, жившимъ на р. Оби, при сибирскомъ ханѣ Кучумѣ.

Было когда-то предположеніе: сдѣлать Ауліе-ата административнымъ центромъ новопокореннаго Туркестанскаго края; нынѣшній генералъ-губернаторъ, отправляясь въ 1867 году изъ Петербурга, не зналъ еще, гдѣ ему удобнѣе будетъ утвердить свое мѣстопребываніе: въ Ауліе-ата или въ Ташкентѣ. Внимательно осмотрѣвъ мѣстность, на которой расположенъ городъ, ближайшія его окрестности, взвѣсивъ всѣ условія, начальникъ края призналъ болѣе полезнымъ назначить административнымъ центромъ Ташкентъ, какъ мѣстность, ближайшую къ границѣ сосѣднихъ ханствъ. Туда тяготѣла наша политика, направлялась русская торговля, тогда какъ западная, китайская граница Туркестанскаго края была въ то время совершенно недоступна для русской торговли. Въ санитарномъ отношеніи Ташкентъ также имѣетъ преимущество предъ Ауліе-ата. Вслѣдствіе этихъ соображеній, Ташкентъ сдѣлался главнымъ городомъ всего края, и получилъ быстрое и широкое развитіе, тогда какъ Ауліе-ата остался по прежнему небольшимъ уѣзднымъ городкомъ.

Туго развивается здѣсь и русскій поселокъ; сырцевые домики глядятъ какъ-то сиротливо-невзрачно; зелени мало, и та какая-то чахлая, скупая. Строится церковь на сумму, собранную пожертвованіями, и судя по начальному ходу работъ, зданіе церкви будетъ лучшимъ украшеніемъ русскаго Ауліе-ата.

Тотчасъ же за русскимъ поселкомъ высятся на небольшомъ холмѣ полусбитыя стѣны цитадели, съ башенкой, возвышающейся надъ стѣною; и башенка и стѣна уже доживаютъ свои дни: существенной надобности

*) *Мавереннагръ*—страна между Сыръ-Дарьею и Аму-Дарьею.

въ нихъ не предвидится. Издали, съ береговъ Таласа стѣна города и башенка, полузакрытыя зеленью деревьевъ, кажутся очень живописными. За цитаделью—домъ уѣзднаго начальника, съ весьма недурнымъ садомъ, покуда—лучшее зданіе во всемъ Ауліе-ата.

Ауліе-ата взятъ штурмомъ 4-го іюня 1864 года полковникомъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Черняевымъ. Атака поведена была на лѣвую часть городской стѣны и войска наши: четыре роты 8-го баталіона, быстро ворвались въ городъ. Цитадель не защищалась и ауліе-атинскій бекъ бѣжалъ, какъ только войска наши перешли городскую стѣну.

Дорога отъ Ауліе-ата до Токмака проходитъ по мѣстности, оживленной кочевками киргизъ, вдоль Александровскаго хребта, который возвышается здѣсь огромною, неприступною стѣною. Отдѣльные пики его во многихъ мѣстахъ покрыты вѣчными снѣгами. Высшія вершины Александровскаго хребта находятся именно здѣсь, между укрѣпленіемъ Пишпекъ и Токмакомъ, и достигаютъ до 15 тысячъ футъ высоты. Полковникъ Проценко замѣтилъ здѣсь даже свѣтлыя полосы и пятна, показавшіяся ему ледниками. Чрезвычайно эффектенъ видъ этихъ свѣтлыхъ, причудливо разнообразныхъ снѣжныхъ массъ, выдающихся изъ за темныхъ предгорій. Особливо отчетливо рисуются они утромъ на лазури неба, еще не затемненнаго облаками, обыкновенно накопляющимися къ полудню надъ горами.

Вѣчные снѣга появляются въ Александровскомъ хребтѣ также между истоками рѣкъ: Макмала и Чанаръ, къ западу отъ Мерке. Во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ Александровскій хребетъ не превышаетъ снѣговой линіи, но до самой жаркой поры лѣта гребень хребта покрытъ нерастаявшимъ еще, зимнимъ покровомъ снѣга. Помню, какъ красивъ былъ видъ всей этой непрерывной, мрачной гряды горъ, съ ея снѣговыми полями, вершинами и острыми пиками, обложенными густыми, грозовыми облаками. Заходящее солнце придавало всей огромной массѣ хребта мягкій, фіолетовый тонъ, знакомый каждому по безчисленнымъ живописнымъ изображеніямъ италіанской и швейцарской природы. Снѣжные пики, облитые солнцемъ, казались выточенными изъ розоваго кристалла. Но этимъ прелестнымъ пейзажемъ можно было любоваться долько нѣсколько минутъ... Находили тучи, и все снова затягивалось сѣрой дымкой тумана, и снова обрисовывались широкія полосы дождя, неустанно лившаго въ горахъ уже нѣсколько дней сряду.

Минуя небольшое укрѣпленіе Мерке, пріютившееся близь подошвы Александровскаго хребта, въ виду огромной горной массы, которая возвышается здѣсь какимъ-то исполиномъ, минуя Пишпекъ, когда-то сильную коканскую крѣпость, а нынѣ невзрачное поселеніе,—подъѣзжаете вы къ Токмаку. Отъ коканскаго Пишпека остались теперь одни только слабыя

воспоминанія, въ видѣ стѣнъ, избитыхъ и изрытыхъ во многихъ мѣстахъ. Стѣны эти имѣли до 105 саж. длины въ каждомъ фасѣ, и образовали почти правильный четвероугольникъ, съ угловыми башнями или бурджами— обыкновенный, среднеазіятскій видъ укрѣпленія. Стѣна усиливалась рвомъ и гласисомъ, который обстрѣливался орудіями, фальконетами (турками) и ружейнымъ огнемъ. Защищали Пишпекъ лучшія коканскія войска (сарбазы). Пишпекъ считался сильнѣйшею изъ всѣхъ пограничныхъ, коканскихъ крѣпостей ханства.

Теперь запустѣлая мѣстность Пишпека въ скоромъ времени немного оживится: сюда предположено перенесть Токмакъ, гніющій въ своихъ болотахъ. Уже выбрано мѣсто для новаго уѣзднаго города, мѣсто ровное, сухое, обильное проточною водою; кажется—всемъ хорошо, развѣ впослѣдствіи окажутся тутъ какія нибудь проручи, о которыхъ теперь никому и въ голову не приходитъ. Нечего грѣха таить — бывало и это у насъ зачастую!

Въ настоящее время (съ 1-го ноября) измѣнилось направленіе почтоваго тракта: отъ Пишпека онъ идетъ къ новопостроенному мосту на р. Чу, а отсюда, чрезъ горный кряжъ, минуя затруднительный для ѣзды Кастекъ. Во время моего проѣзда, весною 1870 года, работы по устройству моста были въ полномъ ходу. Чу въ этомъ мѣстѣ несется (въ полномъ смыслѣ слова) между глинистыми, довольно низменными берегами, подмывая ихъ и унося массы глины. Мутныя волны Чу не кипятъ и не пѣнятся, перекидываясь черезъ камни, подобно горнымъ рѣчкамъ. Здѣсь Чу—уже степная рѣка; только быстрина, замѣтная, если наблюдать какіе нибудь плывущіе предметы, указываетъ, что тамъ, въ горахъ, ежеминутно свергаются съ сопокъ въ русло Чу массы снѣговой воды.

Вотъ и Токмакъ, съ его русскимъ населеніемъ, захолустный великорусскій уголокъ, занесенный волею судебъ въ азіятско-киргизскую глушь. Въ Токмакѣ водворено 1,800 переселенцевъ обоего пола и живутъ постоянно до 120 туземныхъ семействъ. Великорусскій типъ преобладаетъ въ Токмакѣ; куда ни взгляните — вездѣ льняные волоса, некрасивыя лица, зипуны изъ сѣраго, крестьянскаго сукна. Токмакъ—деревня, которой приказано назваться городомъ. Кругомъ его болота, населенныя милліонами лягушекъ, подымающихъ по вечерамъ оглушительный концертъ. Лихорадки исправно треплютъ жителей, которые, по русской привычкѣ, не считаютъ нужнымъ слишкомъ беречь свое здоровье. Въ сторонкѣ, ближе къ р. Чу, стоитъ церковь, пока еще временная, низенькая и невзрачная. Дальше видѣнъ редутъ, Богъ вѣсть для чего существующій и до настоящаго времени. Внутри этого укрѣпленьица пріютились: госпиталь, острогъ, гаубтвахта,

провіантскій складъ, пороховой магазинъ,—однимъ словомъ все, чему прилично помѣщаться въ цитадели, подъ охраною 2 или 3 орудій и нѣсколькихъ часовыхъ.

Обогнемте этотъ грозный редутъ и спуститесь по дорогѣ внизъ: вотъ базаръ, обсаженный рядами деревьевъ—тала и осокори; базаръ невеликъ и небогатъ, да чего и ждать отъ Токмака! Какая тутъ можетъ быть торговля, кромѣ удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей!

Впрочемъ нельзя сказать, что природа совершенно обездолила Токмакъ и вообще весь Токмакскій уѣздъ. Если исключить мѣстность, занимаемую нынѣшнимъ Токмакомъ, да еще двѣ-три подобныхъ же, то Токмакскій уѣздъ можно признать вполнѣ пригоднымъ для русскихъ поселеній, которыя и прививаются здѣсь весьма успѣшно. Встрѣчаются мѣста съ превосходною, тучною землею, которая лѣтомъ покрывается цѣлымъ ковромъ сочныхъ, здоровыхъ для скота, цвѣтущихъ травъ. И земледѣліе, и скотоводство здѣсь легко пойдутъ рука объ руку, два промысла, особенно присущіе русскому человѣку. И природа здѣсь не азіятская, сухая и палящая, непривычная для переселенца, а скорѣе — сибирская. Дожди выпадаютъ частенько, нѣтъ ни тигровъ, ни другихъ хищныхъ звѣрей, отъ которыхъ пришлось бы зорко оберегать свои стада. Развѣ только обиліе каракуртовъ можетъ служить характеристическою, хотя и весьма непріятною, особенностью всей полосы, отъ Ауліе-ата до Вѣрнаго и даже далѣе, до Копала. Каракуртъ — черный тарантулъ, небольшой паучекъ, самаго зловреднаго свойства: укушеніе его смертельно. Но, конечно, укушенію его подвергаются тѣ, которые ходятъ босикомъ, спятъ на голой землѣ, и т. п. Близь Токмака видѣнъ надгробный памятникъ: кругловатый камень, поставленный надъ могилою цѣлаго киргизскаго семейства, умершаго отъ укушенія каракуртомъ; такіе случаи, безъ сомнѣнія, весьма рѣдки. Нору каракурта легко замѣтить: это небольшое отверстіе въ песчаномъ грунтѣ, затканное сверху паутиной. Ядъ каракурта смертеленъ даже для большихъ животныхъ; мнѣ случилось однажды видѣть верблюда, издыхающаго въ страшныхъ корчахъ отъ укушенія этимъ, довольно невиннымъ по виду насѣкомыхъ. Сцена эта рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти: страдающій верблюдъ, съ пѣной у рта, валялся по землѣ, а кругомъ его сидѣли въ рядъ киргизскія дѣвушки и мѣрно покачиваясь, пѣли какую-то заунывную, однообразную пѣсню; по киргизскому повѣрью, такое пѣніе облегчаетъ страданія укушеннаго каракуртомъ, и даже можетъ вылечить его. Наступила ночь, загорѣлся костеръ, а дѣвушки все еще продолжали свое пѣніе и мерцающій, красноватый свѣтъ костра дѣлалъ еще поразительнѣе эту степную картину.

Токмакскій уѣздъ и горныя долины, лежащія къ югу отъ него—коренное мѣстопребываніе кара-киргизовъ (черныхъ или дикокаменныхъ киргизовъ), нѣкогда ожесточенныхъ нашихъ враговъ и смѣлыхъ барантачей. Теперь *) все измѣнилось; кара-киргизы присмирѣли, волей или неволей подчиняясь русскимъ порядкамъ. Удалые набѣги кара-киргизскихъ батырей на исконныхъ ихъ враговъ, казаковъ (т. е. киргизовъ средней орды) перешли въ область пѣсень и преданій. Но при разсказахъ о былыхъ подвигахъ, глаза кара-киргиза блещутъ, и въ душѣ онъ остался тѣмъ же закоренѣлымъ барантачемъ. И не удивительна грусть киргиза по старымъ порядкамъ: баранта была для него не простымъ разбоемъ, не преступленіемъ; это была цѣлая поэма, рядъ приключеній, тѣсно вязавшихся одно съ другимъ и разнообразившихъ монотонную жизнь кочевника. Тутъ находила исходъ дикая воля и утолялось чувство мести, удовлетворялась гордость родовичей, захватывалась съ боя богатая добыча. Одна баранта вела за собой другую, наполняя такимъ образомъ всю жизнь киргиза цѣпью самымъ разнообразныхъ приключеній. Все это теперь отмѣнено, запрещено, признано преступнымъ... Но чѣмъ же мы замѣнили то, что исключительно наполняло бытъ киргиза?... Ничѣмъ; и еще пройдетъ много, много лѣтъ до тѣхъ поръ, пока киргизъ перестанетъ чувствовать въ своей жизни непривычную и несносную пустоту.

Въ Токмакѣ мнѣ удалось слышать однажды киргизскую музыку, подъ звуки которой киргизы собирались на баранту, нападали на противниковъ, торжествовали удачу, и т. п. Ухо скоро привыкало къ этимъ дикимъ, но не лишеннымъ музыкальнаго смысла звукамъ. Старикъ киргизъ игралъ на дудкѣ (сурнау); другой киргизъ вторилъ ему: они играли сборъ на баранту. Издали звуки сурнау, теряя свою рѣзкость, казались особенно пріятными. Черезъ нѣсколько времени мотивъ пѣсни измѣнился, сдѣлался отрывистымъ, рѣзкимъ и короткимъ; музыканты играли какъ будто въ торопяхъ, перебивая другъ друга. Иногда первый музыкантъ долго тянулъ какую нибудь громкую, протяжную ноту, въ то время, какъ его товарищъ не переставалъ варьировать все тотъ же, быстро повторяющійся мотивъ. Выходило что-то дикое, непривычное для европейскаго уха, но въ высшей степени своеобразное. Мнѣ объяснили, что музыка изображаетъ переговоры собравшихся батырей и манаповъ.

Мотивы, изображающіе битву или вѣрнѣе—самый набѣгъ, показались мнѣ менѣе выразительными. По крайней мѣрѣ я съ трудомъ могъ отли-

---

*) Угонъ скота и вообще погромъ, нанесенный чужому, враждебному роду, поколѣнію, и т. п.

чить ихъ отъ сбора на баранту, хотя и вслушивался весьма внимательно. Впрочемъ, битва—сюжетъ, достойный симфоніи, и, конечно, мудрено было изобразить ее двумя киргизскими дудками! За то мотивы, изображающіе благополучное возвращеніе въ родной аулъ, послѣ удачной баранты, не лишены были радостной торжественности, и рѣзко отличались отъ всего, что до того времени играли музыканты.

Этою музыкою кара-киргизы воодушевляли себя въ былое время, а теперь она мила и дорога имъ, только какъ память прошлаго.

Черезъ Токмакъ проходитъ главная дорога въ самую среду кара-киргизскихъ кочевьевъ, въ Иссыкъ-кульскій уѣздъ и на русскія поселенія: Акъ-су, Кара-колъ и Нарынъ, какъ бы вы ни вздумали туда проѣзжать, чрезъ перевалъ Шамси или по Буамскому ущелью.

Токмакъ поставленъ на такомъ мѣстѣ, что дорога отсюда къ Вѣрному должна непремѣнно проходить чрезъ Кастекскій перевалъ; еще до входа въ ущелье видѣнъ на правомъ берегу р. Чу невысокій кряжъ горъ: это отрогъ Александровскаго хребта, направляющійся на сѣверо-западъ, и значительно понизившійся, въ сравненіи съ громадою главнаго хребта, который обрисовывается своими пиками и вершинами на юго-востокъ отъ Токмака. Здѣсь, за Чу, въ ущельѣ, образуемомъ горами Мой-тау, убитъ въ 1847 году извѣстный султанъ Кенисара Касимовъ, внукъ Аблай-хана. Память о немъ и о борьбѣ его съ кара-киргизами живо сохранилась въ народѣ и вѣроятно проживетъ еще весьма долго. Борьба Кенисары съ дикокаменными или кара-киргизами составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ жизни киргизскаго батыря. Не смотря на всѣ крутыя, даже свирѣпыя мѣры, ему не удалось подчинить своей властиволюбивыхъ кара-киргизъ. Жестокости Кенисары только еще болѣе ожесточали его враговъ. Кенисара хотѣлъ подѣйствовать терроромъ; онъ не щадилъ даже мертвыхъ. Близъ Токмака находятся могилы киргизскихъ батырей Коная и Исса-ходжи; Кенисара вырылъ изъ могилы ихъ трупы и приказалъ обезглавить. Наконецъ смертельнымъ врагамъ Кенисары, манапамъ Джантаю и Урману удалось отовсюду окружить Кенисару на горахъ Мой-тау. Силы были слишкомъ неравны и Кенисара долженъ былъ отдаться въ руки враговъ. Джантай, уважая храбрость султана Кенисары, не хотѣлъ наложить на него свою руку; онъ не принялъ его даже въ свою юрту, говоря, что не можетъ пощадить человѣка, который принесъ много зла его сородичамъ. Урманъ не былъ столько великодушенъ и въ его юртѣ Кенисара былъ убитъ. Въ киргизскихъ пѣсняхъ говорится, что онъ былъ изрубленъ айбалтами (топорами на длинныхъ древкахъ), но по другимъ извѣстіямъ, Кенисара былъ сваренъ живой въ котлѣ. Месть—совершенно азіятская! Вспомнимъ первый подвигъ Чингизъ-хана, который

также сварилъ живыми захваченныхъ въ плѣнъ предводителей враждебныхъ ему родовъ.

Мы уже говорили выше, что дорога отъ Токмака къ Вѣрному проходитъ чрезъ Кастекское ущелье; до настоящаго времени это была самая затруднительная часть пути между осѣдлыми мѣстностями, лежащими у сѣверной отлогости Александровскаго хребта и областнымъ городомъ Семирѣчья—Вѣрнымъ (Алматами); осенью и зимою, т. е. съ октября по апрѣль, проѣзжимъ приходилось бѣдствовать, въ полномъ смыслѣ слова, на крутомъ перевалѣ, между станціями: Кара-булакъ и Кастекъ. Тутъ уже, безъ разбора, пускались въ ходъ всѣ способы передвиженія: ѣхали въ тарантасахъ, саняхъ, верхомъ на лошади, на верблюдѣ, пѣшкомъ,—даже на передкѣ почтовой повозки (такъ ухитрялись возить почту). Лѣтомъ Кастекское ущелье, хотя и представляетъ, по крутизнѣ подъема въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, затрудненія для проѣзжихъ, но говоря вообще, — нисколько не страшно и вовсе не опасно. Въ началѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи Кара-булакъ, ущелье еще довольно широко; пологій подъемъ идетъ между крутыми, но невысокими горами, покрытыми травою и кое гдѣ—низкорослымъ кустарникомъ. Здѣсь дорога вполнѣ удобна даже для колесныхъ экипажей, но, чѣмъ ближе въ вершинѣ перевала, тѣмъ все болѣе съуживается ущелье, тѣмъ быстрѣе и шумливѣе становится протекающая по немъ, неглубокая, горная рѣчка. Мѣстами огромныя глыбы, оторвавшіяся отъ скалъ, загромождаютъ дорогу и надо употребить много труда и усилія, чтобы очистить и разровнять дорогу. Верстахъ въ 6 или въ 5 отъ вершины перевала проѣзжающіе обыкновенно выходятъ изъ экипажей и ѣдутъ верхами. Дорога здѣсь особенно трудна и подъемъ становится весьма крутъ. Чувствуется свѣжесть горнаго воздуха, замѣтно измѣняется также и флора...

Вершина перевала лежитъ на высотѣ 7,600 футовъ *), и состоитъ изъ пластовъ слюдистаго сланца, поднятыхъ почти вертикально. Ниже вершины перевала замѣтны: известнякъ, гранитъ, а на южномъ склонѣ ущелья—также и сіенитъ **). Превосходный видъ открывается съ вершины перевала; между скалами, образующими сѣверный склонъ ущелья,

---

*) Въ какой мѣрѣ возвышается мѣстность между Токмакомъ и Кастекомъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Токмакъ	—2,700 ф.	Ст. Сары-Джазъ	4,300 ф.
Кара-булакъ	—3,570 „	Ст. Кастекъ „	3,300 „
Кастекскій перевалъ	„ 7,600 ф.	Вѣрный „	2,500 „

**) *Сѣверцевъ*: Поѣздка въ западную часть Небеснаго хребта.

видна долина р. Чу; точно серебристая лента, извивается по ней эта рѣка; влѣво темной массой встаетъ Александровскій хребетъ съ его вѣчными снѣгами, съ полосами и пятнами лѣсовъ, явственно выдѣляющихся въ лѣтніе, солнечные дни. Можно различить и трещины ущелій: Буама, Шамси и Кебина. Изъ за передней, массивной гряды виднѣются пики втораго, параллельнаго хребта. Къ западу—опять горы, то голыя и обрывистыя, то одѣтыя нѣжной зеленью низкорослой травы. Между ними рѣзко выдѣляется масса Суокъ-тюбе (10,000 ф. высоты), испятнанная снѣговыми полями, сохранившимися кое гдѣ, во впадинахъ. Отъ вершины Суокъ-тюбе спускаются въ разныхъ мѣстахъ бѣлыя полосы: это снѣгъ, лежащій въ трещинахъ и между небольшими гребнями, идущими отъ вершины пика по склонамъ. Таутированная громада Суокъ-тюбе кажется весьма красивою, если смотрѣть на нее отъ Кастека, бывшаго укрѣпленія, а теперь—просто почтовой станціи. Но эти же снѣговыя массы навѣваютъ холодъ на всю окрестную мѣстность, когда вѣтеръ дуетъ съ горъ, и народъ не даромъ назвалъ эту вершину *холодной горою* (Суокъ-тюбе).

Спускъ отъ вершины перевала еще круче и опаснѣе для экипажей, чѣмъ подъемъ; но боковыя горы, обрамляющія ущелье, хотя весьма круты и высоки, однако не представляютъ еще мрачнаго вида скалъ. Только отъ станціи Сары-джазъ, пріютившейся въ логовинѣ, тамъ, гдѣ ущелье значительно расширяется, начинается собственно самая дикая и живописная часть Кастекскаго ущелья. Разорванныя и полуобвалившіяся скалы безпрерывно загромождаютъ дорогу огромными глыбами. Мѣстами во впадинахъ видѣнъ снѣгъ, не тающій до середины іюня. Тамъ, гдѣ дорога расширяется, давая просторъ глазу, видны изъ за краевъ ущелья, на весьма недальнемъ разстояніи, сосѣднія вершины, покрытыя пеленою снѣга. Эти тающіе снѣга питаютъ быструю, горную рѣчку Кастекъ, которая съ шумомъ бѣжитъ по ущелью, перебрасываясь бѣлой пѣною по каменьямъ, мѣстами загромождающимъ ея русло. По закону, общему для всѣхъ горныхъ рѣчекъ, берущихъ начало въ горныхъ снѣгахъ, вода ея въ полдень и къ вечеру гораздо выше, чѣмъ утромъ и ночью.

Въ расширеніи Кастекскаго ущелья близь перевала примѣтны параллельныя невысокія грады, которыя кое гдѣ пересѣкаются другими поперечными грядами, выходящими изъ боковыхъ долинъ и ущелій. Эти гряды, по мнѣнію г. Сѣверцева, суть морены, слѣды когда-то бывшихъ здѣсь ледниковъ.

Растительность во всемъ Кастекскомъ ущельѣ весьма богата и разнообразна. Не смотря на значительную абсолютную высоту ущелья, въ его падяхъ, защищенныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ, растетъ много красивыхъ,

цвѣтущихъ растеній; ирисъ, тюльпаны, желтый шиповникъ и множество яркихъ полевыхъ цвѣтовъ испещряютъ горные скаты, значительно смягчая общій, дикій видъ ущелья. Порою раздается рѣзкій крикъ горнаго рябчика или свистъ сурка *), подымется орелъ съ высокой, скалистой вершины, описывая плавные круги по воздуху, надъ ущельемъ. По болѣе отлогимъ скатамъ, заросшимъ травою, виднѣется мѣстами тропинка, пробитая барсукомъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ ущелье все болѣе съуживается, становится мрачнѣе; гранитныя глыбы висятъ надъ вашею головою. Иногда слышите вы трескъ, и огромный валунъ съ грохотомъ падаетъ въ рѣчку Кастекъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ. Такіе каменные обвалы составляютъ единственную опасность переѣзда по Кастекскому ущелью. Но вотъ—скаты ущелья начинаютъ замѣтно понижаться, спускъ становится отложе. Вдали видна уже степь, покрытая высокою травою... Ущелье кончилось.

Вѣрный недалеко; снова обрисовывается съ лѣвой стороны дороги масса Александровскаго хребта, видѣнъ вдали высокій Талгарскій пикъ. Верстовые столбы обозначаютъ почтовую дорогу, напоминая далекую Русь. Выселокъ Кескеленскій или Любовный служитъ какъ бы преддверіемъ областнаго города Семирѣчья, гдѣ жизнь и вся ея обстановка сложилась уже не на азіятскій, а на русскій ладъ, а киргизскій и татарскій элементы являются только какъ посторонняя, почти ненужная примѣсь.

Н. Маевъ.

---

*) По киргизски—*суръ*.

Смерть Гэуарда въ Яссинѣ.

Число изслѣдователей, заплатившихъ своею жизнью за стремленіе проникнуть въ неизвѣстныя области Средней Азіи, увеличилось въ августѣ 1870 года еще одной жертвой: Гэуардъ, столь блистательно совершившій путешествіе въ 1868 и 1869 годахъ изъ Индіи черезъ Тималай и Куень-лунь въ Кашгаръ, убитъ владѣтелемъ Яссина, откуда онъ хотѣлъ отправиться на Памиръ. По первоначальному плану, Гэуардъ хотѣлъ пройти на Памирское плато изъ Кашгара; но встрѣтивъ къ тому затрудненія со стороны кашгарскаго правителя Якубъ-бека, онъ рѣшился проникнуть на Памиръ изъ Кашмира, за тѣмъ пройти по этому плоскогорью и выдти въ русскій Туркестанъ. Лондонское географическое общество, по порученію котораго путешествовалъ Гэуардъ, обратилось къ посредству русскаго географическаго общества объ оказаніи Гэуарду содѣйствія со стороны русской власти въ Туркестанѣ, въ случаѣ, если бы ему удалось дойти до русской границы. О послѣднемъ путешествіи Гэуарда *Petermanns Geographische Miltheilungen* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

Въ ноябрѣ 1869 года онъ отправился изъ Кашмира, чрезъ Скардо въ горную долину Джильгитъ. Изслѣдовавъ большую часть Джильгита, онъ перешелъ въ лежащее въ верхней части той же долины владѣніе Яссинъ, куда и прибылъ около конца февраля 1870 года. Владѣтель Яссина, Миръ-Вулли-ханъ, принялъ его весьма ласково и обѣщалъ дать конвой для перехода черезъ Даркотскій перевалъ въ верховья Аму-Дарьи. Такъ какъ въ это время года перевалы еще были завалены снѣгомъ, то Гэуардъ ограничился только экскурсіями къ подошвамъ переваловъ и, закончивъ свои изслѣдованія въ Яссинѣ, вернулся въ Кашмиръ. Въ концѣ іюня онъ снова отправился въ Яссинъ, и на пути туда послалъ изъ Джигильта 6 іюля 1870 года свое послѣднее письмо. Неизвѣстно, почему Миръ-Вулли-ханъ измѣнилъ свои отношенія къ Гэуарду; но какъ только онъ отправился къ Даркотскому перевалу, Миръ-Вулли послалъ вслѣдъ за нимъ нѣскольких джигитовъ. Гэуардъ отнесся къ этому подозрительно, во

все время пути былъ на сторожѣ и приказалъ своимъ спутникамъ имѣть на готовѣ оружіе. Всю ночь онъ просидѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ, но утромъ отъ усталости заснулъ. Тогда джигиты Миръ-Вулли выскочили изъ засады, схватили его, накинули ему петлю на шею и забили до смерти каменьями.

Поступокъ Миръ-Вулли-хана возмутилъ всѣ сосѣднія племена. Выгнанный изъ своихъ владѣній, онъ бѣжалъ сначала въ Бадакшанъ, а потомъ къ своему дядѣ, владѣтелю Чатрала, и теперь скрывается въ горахъ, если только еще не пойманъ и не убитъ.

Послѣднее путешествіе Гэуарда также весьма богато научными результатами. Во время пребыванія въ Яссинѣ, зимою 1870 года онъ составилъ словари языковъ всѣхъ окрестныхъ горныхъ народовъ и собралъ много топографическихъ данныхъ о тѣхъ горныхъ долинахъ, куда онъ самъ проникнуть не могъ, каковы Гунза, Нагаръ и Дилаиль. Нѣкоторыя вершины между этими долинами достигаютъ высоты до 25,000 ф. По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, всѣ перевалы къ сѣверу отъ Яссина ведутъ къ притокамъ Аму-Дарьи, а не Яркендской рѣки, изъ чего несомнѣнно слѣдуетъ, что горная цѣпь, ограничивающая Яркендскую равнину, лежитъ гораздо восточнѣе, чѣмъ это показывается на всѣхъ картахъ. Карта Яссина и сосѣднихъ странъ, на которую Гэуардомъ нанесены всѣ собранныя имъ свѣдѣнія, сохранилась и будетъ опубликована.

Разсказъ торговца Абросимова

о поѣздкѣ его въ Хиву.

Счастливые успѣхи русскаго оружія, въ послѣднее время, въ Средней Азіи, со стороны Оренбурга и начала къ развитію русской торговли въ азіятскихъ владѣніяхъ, положенныя предпріимчивымъ московскимъ купечествомъ, представили мнѣ случай сдѣлать извѣстнымъ разсказъ русскаго торговца Абросимова, который, незадолго до извѣстнаго путешествія венгерскаго ученаго Вамбери въ Среднюю Азію, сдѣлалъ поѣздку въ Хиву, на верблюдахъ, съ небольшимъ караваномъ, съ с. в. берега Каспійскаго моря, съ острова Долгаго, отстоящаго отъ Александровскаго укрѣпленія, при Тюкъ-Караганскомъ заливѣ, въ 200 верстахъ. Путь этотъ представляетъ много трудностей и лишеній; недостатокъ воды въ степяхъ, отсутствіе жизни въ природѣ, непривычные для русскаго азіятскіе нравы и обычаи, — все это препятствуетъ быстрымъ и успѣшнымъ сношеніямъ русскихъ съ Среднею Азіею со стороны Астрахани. Мы безпрестанно встрѣчаемъ на улицахъ Астрахани и въ караванъ-сараяхъ хивинцевъ, бухарцевъ, киргизовъ, туркменовъ; они легко и удобно переходятъ къ намъ на верблюдахъ чрезъ значительныя степныя пространства со своими товарами и не утомляются ни палящимъ зноемъ солнца, ни отвратительнымъ вкусомъ соленой воды, съ трудомъ добываемой въ колодцахъ; пробыть въ дорогѣ, столь невыносимой для европейца, полмѣсяца или болѣе, для нихъ ничего не значитъ; вотъ почему русскіе купцы, опасаясь подвергать себя опасностямъ и лишеніямъ въ столь неудобномъ пути,—не рѣшаются заводить торговлю по киргизскимъ степямъ и съ Хивою. Однако русскій торговецъ Абросимовъ, не смотря на 20-тилѣтній возрастъ, съ знаніемъ языка и обычаевъ азіятцевъ, выполнилъ свое предпріятіе такъ удачно и съ такимъ успѣхомъ, что не только умѣлъ привлечь къ себѣ вниманіе киргизовъ и туркменцевъ, но, прибывъ въ Хиву, нашелъ радушный пріемъ даже у самого властителя хивинскаго ханства, который не одинъ

разъ довѣрчиво разговаривалъ съ нимъ, распрашивалъ о Россіи, приглашалъ его и бывшаго въ одно время съ нимъ въ Хивѣ оренбургскаго купца З. на праздникъ, данный имъ по случаю имянинъ одной изъ женъ, и даже предлагалъ ему остаться въ Хивѣ. Онъ нигдѣ не только не встрѣчалъ препятствій въ своихъ дѣлахъ, но, какъ чужестранный гость, имѣлъ ко всѣмъ свободный доступъ и былъ принимаемъ съ открытымъ радушіемъ, уваженіемъ и даже гостепріимствомъ. Этотъ простой и уволенный изъ крѣпостнаго состоянія крестьянинъ, имѣвшій въ оборотѣ не болѣе какъ на полторы тысячи руб. краснаго товара, стараясь по возможности соблюсти свой интересъ, не упускалъ ни одного случая, когда представлялось удобнымъ, знакомить ордынцевъ съ Россіею и, такъ сказать, вносить въ нѣдра непроходимыхъ и почти безлюдныхъ степей добрыя сѣмяна къ будущему тѣснѣйшему международному сближенію, съ помощью торговыхъ дѣйствій. По этому рѣдкому и единственному въ своемъ родѣ подвигу русскаго торговца можно заключить, что успѣхи по торговлѣ съ народами Азіи зависятъ не столько отъ значительной суммы капиталовъ, сколько отъ умѣнья и ловкости примѣняться, при знаніи ихъ языка, къ народнымъ обычаямъ, съ соблюденіемъ при томъ полнѣйшей справедливости. Съ этими нравственными силами, всего удобнѣе пріобрѣсть дружбу и расположеніе не сходныхъ съ нами по вѣрѣ и происхожденію націй. Но къ сожалѣнію, со стороны Астрахани никто, сколько извѣстно, не совершалъ еще удачно торговыхъ предпріятій, какъ Абросимовъ. Появляются иногда и въ киргизскихъ степяхъ, и въ Хивѣ астраханскіе армяне; они хорошо знаютъ татарскій языкъ и имѣютъ большой навыкъ и охоту къ торговымъ дѣламъ съ Азіею, но азіятцы ихъ не любятъ за слишкомъ изысканную и утонченную склонность къ интересу и за невѣрность въ торговыхъ оборотахъ.

Теперь, когда русскіе такъ далеко проникли въ Среднюю Азію, съ покореніемъ Ташкента и Самарканда, не настало ли время со стороны Астрахани, черезъ Каспійское море и Мангышлакъ, положить для постоянныхъ, прочныхъ сношеній съ востокомъ, такой твердый фундаментъ, который былъ бы основанъ не столько на расчетахъ большихъ выгодъ, сколько на любви и призваніи къ своему дѣлу, въ пользу общественнаго блага, и на голосѣ совѣсти. Въ этомъ отношеніи крестьянинъ Абросимовъ, честнымъ исполненіемъ своего торговаго предпріятія, съ выручкою самаго ничтожнаго процента, заслуживаетъ общаго одобренія и даже поощренія.

Въ доказательство необходимости завести въ скорѣйшемъ времени сношенія съ Среднею Азіею чрезъ Астрахань, мы приведемъ слѣдующія основанія:

1) Астрахань, по своему географическому положенію, всегда считалась удобнѣйшимъ пунктомъ для распространенія торговли, не только въ Средней Азіи, но и въ Персіи и Индіи. Торговля по Каспійскому морю простирала свои виды въ отдаленныя страны міра, и въ древности была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; ее пресѣкли опустошительные походы Тамерлана XVI столѣтія, а болѣе—открытіе пути въ Индію португальцами, въ концѣ XV столѣтія, мимо мыса Доброй Надежды; но Петръ Великій, въ бытность свою въ Астрахани, въ 1721 г., снова желалъ привести ее въ цвѣтущее положеніе.

2) Слишкомъ отдаленныя пространства, раздѣлявшія при немъ Россію отъ Азіи, со введеніемъ пароходства и желѣзныхъ дорогъ, въ настоящее время уже не представляютъ тѣхъ затрудненій въ скорости и удобствѣ сообщенія центра государства съ Каспійскимъ моремъ, какія останавливали торговлю за полтора вѣка предъ симъ.

и 3) Углубленіе Россіи въ центръ Средней Азіи, усиленіе пароходства на Каспіѣ, увеличеніе народонаселенія въ Астрахани, возвысившаяся степень образованія купеческаго сословія, рѣшающагося на обширныя предпріятія и многія другія причины служатъ къ тому вѣрнымъ и побудительнымъ основаніемъ.

Въ предлагаемомъ здѣсь разсказѣ Абросимова представлены картины нравовъ и обычаевъ киргизовъ и хивинцевъ. Онъ довольно вѣрно обрисовываетъ ихъ характеръ, образъ мыслей и наклонности,—и для желающаго ознакомиться съ положеніемъ торговыхъ отношеній Россіи къ Хивѣ, здѣсь найдется много любопытныхъ и неизвѣстныхъ еще объ этомъ краѣ извѣстій, достойныхъ вниманія не только торговли, но этнографіи и даже администраціи. Потому я и счелъ долгомъ сдѣлать извѣстными записки, составленныя мною по его словамъ, въ надеждѣ, что онѣ, по недостатку описаній этого близкаго къ намъ и малоизвѣстнаго края, могутъ принести, какъ вообще, такъ и въ особенности торговлѣ, не маловажную пользу.

Вотъ разсказъ Абросимова:

I.

Я отправился съ острова Долгаго *), для торговли, въ Хиву, на 15 верблюдахъ, съ разнымъ навьюченнымъ на нихъ товаромъ, и взялъ съ собою съ этого острова старшину Биршевскаго рода Калманбета Шатыкаева, въ качествѣ вожака, и четырехъ рабочихъ киргизовъ. Обязанность этихъ рабочихъ состояла въ томъ, чтобы на ночлегахъ развьючивать вер-

*) Островъ Долгой отстоитъ отъ Хивы на 900 верстъ.

блюдовъ, напоить ихъ и пустить въ степь на хорошую траву. Одинъ долженъ былъ пасти, смотрѣть, чтобы они не зашли далеко, и беречь отъ нападенія киргизовъ; другіе же обязаны были убрать тюки къ одному мѣсту и въ продолженіе ночи караулить ихъ; двое занимались поставленіемъ кибитокъ, близь самыхъ тюковъ, и приготовленіемъ ужина. Въ исполненіи этой обязанности соблюдалась между ними очередь во всю дорогу. Пищу ихъ составляло одну *кужа*, которая приготовляется очень просто: въ горячей водѣ разбалтывается ржаная мука и, для вкуса, въ нее прибавляется немного бараньяго сала. Для меня съ старшиной постоянно приготовлялись чай и баранина; мы имѣли также пшеничные сухари, сорочинское пшено и нѣкоторые другіе припасы.

Встрѣчавшихся мнѣ дорогой старшинъ я обыкновенно приглашалъ обѣдать, пить чай и самъ ихъ посѣщалъ. Разговоры мои съ ними были по большей части о Хивѣ, ханѣ и хивинской торговлѣ.

И такъ, разставшись съ Каспійскимъ моремъ, я пустился въ мѣста чуждыя, къ полудикимъ ордынцамъ. Къ вечеру мы прибыли въ аулъ туркменъ-адаевскій, расположенный у колодца, называемаго ими Ташъ-кудукъ, т. е. каменный колодезь. Въ этомъ аулѣ былъ главнымъ старшиной Даспай, человѣкъ мужественный и видный собою; онъ славился между ордынцами храбростію и прежде былъ первымъ разбойникомъ на Каспійскомъ морѣ. Съ помощію одного бѣглаго русскаго солдата, по имени Андрея, онъ бралъ въ плѣнъ русскихъ промышленниковъ. Этотъ Андрей жилъ у главнаго старшины Чабыка, которому способствовалъ своими разбоями нажить большое состояніе; у Чабыка онъ находился уже лѣтъ 12, какъ сынъ родной, и могъ говорить на ихъ языкѣ. Чабыкъ задумалъ было женить его на близкой своей родственницѣ и уже былъ внесенъ калымъ; но въ это самое время ханъ отпустилъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ и запретилъ впредь брать русскихъ въ плѣнъ; это обстоятельство было причиной того, что ханъ потребовалъ и отъ Чабыка выдачи Россіи разбойника Андрея; но Чабыкъ отказывался отъ исполненія ханскаго приказа и отзывался, что ни онъ, ни дѣти его, своими руками, не могутъ выдать этого Андрея, а предоставлялъ хану поручить кому угодно поймать его и отъ себя уже передать русскому начальству. Причиною отказа Чабыка было то, что онъ усыновилъ его, обратилъ къ исламизму и при его обрѣзаніи далъ клятвенное обѣщаніе, ни самому, ни потомкамъ, не выдавать Андрея русскимъ. Андрей, съ своей стороны, клялся предъ Богомъ не измѣнять Чабыку во время разбоевъ и нападеній на русскія суда на Каспійскомъ морѣ, причемъ, для большаго увѣренія ордынцевъ въ преданности имъ, срубилъ съ одного русскаго плѣннаго голову и выпилъ его кровь. Однако же Чабыкъ напрасно хлопоталъ о немъ; по убѣжденію сво-

ихъ родственниковъ, онъ наконецъ принужденъ былъ выдать Андрея, который никакъ не подозрѣвалъ этого.

Комендантомъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, полковникомъ И. Н. Лихошерстовымъ, былъ посланъ старшина Чурунбай Костыбаевъ въ аулъ къ Чабыку, съ требованіемъ немедленной выдачи этого разбойника. Надо замѣтить, что Чурунбай былъ очень ловкій и видный собою мужчина, говорилъ по-русски чисто и правильно и былъ довольно образованъ. Объявивъ Чабыку о причинѣ своего пріѣзда, онъ убѣждалъ его выдать Андрея, но Чабыкъ никакъ не соглашался; наконецъ его уговорилъ меньшой его братъ, Дасчанъ, человѣкъ почетный, не любившій ѣздить на разбои и баранты и запрещавшій производить набѣги. Чабыкъ предоставилъ имъ самимъ взять Андрея и отказался отъ защиты своего любимца. Идти къ нему прямо въ кибитку не рѣшился никто, потому что у Андрея было много разнаго оружія; но стали выжидать, когда онъ самъ выйдетъ изъ кибитки. Не зная вовсе, что противъ него предпринимаютъ, Андрей, выйдя, направился къ своей скотинѣ. Удивительно, что на этотъ разъ онъ не былъ вооруженъ, тогда какъ прежде, безъ шашки или кинжала, онъ не дѣлалъ и шага. Караульные дали ему отойти подальше отъ кибитки; потомъ Чурунбай съ двумя киргизами сталъ подходить къ нему, чтобъ не возбудить въ немъ подозрѣнія. Сойдясь съ нимъ, они завели разговоръ; между тѣмъ одинъ киргизъ зашелъ сзади и схватилъ Андрея за руки, которыя тотчасъ связали ему назадъ. Андрей началъ кричать и звать на помощь Чабыка и его дѣтей, но надежда обманула его. Когда Чурунбай привелъ его въ аулъ, онъ сталъ еще сильнѣе кричать и просить защиты у Чабыка; конечно онъ догадался, что его хотятъ вести въ укрѣпленіе и слышалъ уже прежде, что его намѣревались выдать; но Чабыкъ не выходилъ изъ своей кибитки до тѣхъ поръ, пока Чурунбай не положилъ Андрея связаннымъ на верблюда; тогда Чабыкъ вышелъ къ нему проститься, со всѣми своими женами и дѣтьми. Тутъ Андрей, хотя и плохо знавшій языкъ ихъ, началъ ему дѣлать упреки и усовѣщевать его; Чабыкъ не могъ удержаться и заплакалъ, жены же его такъ рыдали, что вопли ихъ были слышны въ сосѣднихъ аулахъ; всѣмъ имъ жаль было разстаться съ нимъ. При этой прощальной сценѣ, Андрей сказалъ Чабыку: «черезъ кого ты прославился, если не черезъ меня; кто тебѣ пріобрѣлъ всю эту скотину, которая ходитъ вокругъ аула; могъ ли я думать, чтобы ты мнѣ измѣнилъ»? Послѣ того онъ попросилъ у него какой нибудь одежды. Чабыкъ тутъ же скинулъ съ себя шелковый халатъ и подалъ ему, говоря: «вотъ тебѣ, Андрей, халатъ мой, или, лучше сказать, халатъ твоего отца, носи и не забывай меня, а я тебя буду вѣчно помнить». На это Андрей отвѣчалъ ему грубо: «ты мнѣ не

отецъ, но богоотступникъ; ты измѣнилъ своей клятвѣ, обманулъ и Бога и Магомеда». Затѣмъ его сейчасъ отправили.

Чабыкъ и теперь еще живъ, но ему свело руки и ноги, такъ, что онъ совершенно не владѣетъ ими; старшая жена кормитъ его изъ своихъ рукъ и киргизы говорятъ, что Богъ наказалъ его за русскихъ плѣнныхъ.

Даспай разсказывалъ мнѣ, какъ они ѣздили на разбой и какъ на Каспійскомъ морѣ брали въ плѣнъ русскихъ. Но случилось и съ нимъ несчастіе, и вотъ какое:

«Былъ сильный штормъ; у насъ оборвало всѣ якоря и понесло на косовой къ Дербенту; носило насъ такъ около 15 дней, и мы даже не знали, гдѣ находимся, а всѣхъ людей со мной было: 4 человѣка русскихъ плѣнныхъ и 30 человѣкъ киргизъ; съ этими киргизами сидѣлъ я въ трюмѣ, и такъ плыли мы близь Дербента, гдѣ повстрѣчались съ персидскими судами. Персіяне, видя на палубѣ 4-хъ русскихъ, не догадались, что судно киргизское; на вопросы же ихъ мы отвѣчали, что ѣдемъ съ кладью въ Дербентъ или другой какой нибудь городъ. Я уже отчаявался возвратиться въ свою сторону, но вскорѣ, къ нашему счастью, вѣтеръ перемѣнился и мы стали держаться на с. в. къ Сары-ташу; на этомъ пути встрѣтили мы большое судно, стоявшее на лѣво у остр. Кулалы; при немъ были три лодки. Мы подошли къ нему ночью; я не имѣлъ намѣренія напасть на него, но мои киргизы настаивали сдѣлать нападеніе; исполняя ихъ желаніе, мы тихо подошли къ этому судну и на него бросилось изъ насъ 20 человѣкъ; прочіе остались на косовой. Однако русскій народъ смѣтливъ; вѣроятно они замѣтили насъ еще съ вечера; судно было обвязано кругомъ снастью, т. е. крючками; наши, бросившись на судно, запутались въ этой снасти, зацѣпившись кто рукой, кто лицомъ, кто чѣмъ. Русскіе, услышавъ стукъ на палубѣ, выскочили изъ трюма и начали бить нашихъ. Видя ихъ недружную защиту, я кинулся на судно, но не видя снастей тоже запутался въ нихъ. Изъ нашихъ, русскіе убили четырехъ человѣкъ, а прочіе едва успѣли освободиться и уйти на косовую. При этомъ я былъ жестоко ушибленъ, такъ что и до сихъ поръ чувствую боль въ спинѣ и голова моя разбита (тутъ онъ показалъ мнѣ голову; дѣйствительно, она вся была въ рубцахъ). Вотъ что значитъ, продолжалъ онъ, слушаться чужаго разума: не согласись я на желаніе другихъ, всѣ были бы у меня живы и я самъ былъ бы здоровъ».

Между тѣмъ поспѣлъ ужинъ. Для насъ приготовлены были азіятскія кушанья изъ баранины и пловъ; вмѣсто нашего русскаго кваса и пива подавался арьянъ, т. е. кислое молоко. Послѣ ужина я былъ оставленъ ночевать въ его кибиткѣ, куда былъ приглашенъ также и Калманбетъ. Для

насъ постлали кошмы, которыя накрыли сверху коврами; такъ провели мы ночь, а утромъ отправились въ дальнѣйшій путь.

На вторую ночь пріѣхали мы со всѣмъ своимъ караваномъ въ аулъ Табышевскаго рода; аулъ этотъ расположенъ у подошвы горы Каята, близь колодца Тюа-су, верблюжья вода. Аулъ—небольшой, въ немъ всего три кибитки; мы тутъ ночевали, но я ничего особеннаго не видалъ. Мѣстоположеніе низкое, корма для скотины удобные. Хозяинъ аула былъ старичекъ и принялъ меня очень ласково, зарѣзалъ барана и приказалъ изготовить разныя кушанья, которыми угощалъ меня и моихъ проводниковъ. Распрашивалъ о цѣли моего путешествія и узнавъ, что я ѣду въ Хиву, пожелалъ благополучнаго пути. У этого старика былъ сынъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, который былъ очень нездоровъ; отецъ спрашивалъ у меня, не знаю ли я средствъ отъ его боли, но я откровенно объяснилъ ему, что ничего не знаю и обманывать не хочу; между тѣмъ мой вожакъ—старшина былъ свѣдущъ въ лѣченьи и славился этимъ. Мальчикъ весь былъ въ ранахъ.

Мой вожакъ совѣтовалъ испытать два средства: первое — присѣчку огнемъ. Второе средство состояло въ слѣдующемъ: надо поймать бѣлохвостаго зайчика, который водится въ норахъ, у нихъ они называются *акъ-куйрюкъ*, т. е. бѣлый хвостъ; изъ этого зайчика надо вытопить сало и имъ мазать раны больнаго, одинъ разъ въ сутки.

Третью ночь мы провели у колодца, называемаго *Татарскій колодезъ;* когда мы подъѣзжали, то киргизы, живущіе здѣсь въ небольшомъ аулѣ, были заняты переставленіемъ своихъ кибитокъ на другія мѣста, встряхивали кошмы и выбивали изъ нихъ пыль прутьями; тутъ были только три женщины и одна дѣвушка: дѣвушку можно отличить потому, что на головѣ у нея красная шаль, женщины же повязываютъ головы бѣлыми шелковыми и коленкоровыми полотнами, на что требуется 6 аршинъ.

Наши верблюды были расположены отъ нихъ не болѣе какъ на 100 шаговъ. Я пошелъ изъ любопытства къ этимъ женщинамъ, чтобъ узнать отъ нихъ, какой это аулъ; подходя, я сказалъ имъ *узнъ куштъ булсынъ*, на что онѣ отвѣчали: *алдразболсынъ*, т. е. я пожелалъ имъ, чтобъ ихъ домъ на новомъ мѣстѣ былъ проченъ и счастливъ, а онѣ меня благодарили за доброе желаніе. Я спросилъ: гдѣ ихъ мужчины? на что получилъ въ отвѣтъ, что они поѣхали устроить на кладбищѣ могильные памятники. Эти памятники дѣлаются изъ камня и становятся въ видѣ столба, стоймя. Но не всякій киргизъ можетъ сдѣлать памятникъ, а для этого у нихъ есть особые мастера. Эти камни раскрашиваются разными масляными красками; въ нихъ врѣзываются также небольшія зеркала.

Памятники съ зеркалами ставятся надъ дѣвицами; на памятникѣ молодыхъ мужчинъ вырѣзываютъ оружіе: ружья, шашки, кинжалы, въ знакъ храбрости и чести умершаго. Памятники эти продаются у нихъ отъ 10 до 50 р. с., смотря по искуству и чистотѣ отдѣлки. Я бесѣдовалъ съ этими женщинами: онѣ были очень веселы и разговорчивы, спросили мое имя и, узнавъ кто я, сказали, что давно обо мнѣ слышали отъ своихъ мужчинъ, которые покупали у меня для нихъ шали; эти шали онѣ мнѣ тутъ же показывали. Я много съ ними шутилъ; потомъ когда попросилъ напиться, одна дѣвица тотчасъ подала мнѣ огромнѣйшую чашку молока: я едва могъ держать ее обѣими руками. Одно было непріятно, что посуда была очень нечиста, облѣплена ржанымъ тѣстомъ и шерстью отъ кошмъ; я не могъ много пить и возвратилъ чашу подательницѣ, которая и сама была очень неопрятна. Я поблагодарилъ за пріятный напитокъ, но замѣтилъ ей, что чашка мнѣ замарала руки; дѣвушка засмѣялась, но мать порядкомъ пожурила ее за то, что она не вытерла чашки. Вскорѣ пріѣхали и мужчины: старикъ, по имени Бириннаэъ, съ двумя сыновьями; я съ ними прежде былъ знакомъ. Поздоровавшись, онъ спросилъ меня: куда я ѣду? Я объяснилъ ему, что собрался побывать въ Хивѣ, попытать тамъ счастья, посмотрѣть на хана и тамошнихъ жителей; онъ пожелалъ мнѣ благополучнаго пути и разсказывалъ, какъ они ставили памятники. Разставшись съ нимъ, мы поужинали, а утромъ отправились въ дорогу.

Спустя нѣсколько дней, мы достигли Кара-тау, т. е. Черной горы *). Вечеромъ довольно поздно, мы пріѣхали въ аулъ, который былъ окруженъ множествомъ скотины: верблюдами, лошадьми, рогатымъ скотомъ и баранами. Мы расположились ночевать вблизи этого аула. Пастухи, сторожившіе скотъ, спрашивали у насъ: что мы за люди? Мы имъ отвѣчали: проѣзжіе торговцы. Объ этомъ они сообщили въ аулъ, изъ котораго пришли къ намъ три киргиза, видные собою, въ шелковыхъ халатахъ. По восточному обычаю, я приказалъ постлать гостямъ коверъ, на который они и сѣли, сложа ноги; я также къ нимъ присоединился. Они стали, по обыкновенію, распрашивать: кто мы и куда ѣдемъ. Я объяснилъ имъ, что я русскій и ѣду торговать въ Хиву. Тутъ одинъ изъ нихъ сталъ мнѣ совѣтовать, чтобы я воротился, потому что ханъ меня обратно не выпуститъ, такъ какъ извѣстно, что онъ давно уже желаетъ имѣть при своемъ дворѣ русскаго переводчика; другіе двое опровергали его предпо-

*) Отъ Черныхъ горъ считаютъ до Мангышлака или Каспійскаго моря 400 верстъ, а до Хивы 500 верстъ.

ложеніе, утверждая, что ханъ приметъ меня, какъ гостя; это произвело между ними споръ. Я между тѣмъ приказалъ поставить самоваръ. Такъ, сидя на коврѣ, бесѣдовали мы при свѣтѣ луны, на свѣжемъ воздухѣ, и киргизы, гости мои, безпрестанно понюхивали табачекъ, передавая другъ другу серебряный рожекъ. На вопросъ мой: для чего они пригнали такъ близко къ аулу свою скотину, они отвѣчали, что въ этомъ мѣстѣ много волковъ, которые очень часто нападаютъ на стадо. Напившись чаю, они простились съ нами и ушли, а мы на другой день, утромъ, продолжали свой путь далѣе, по хивинской дорогѣ, и на пути намъ встрѣтилось нѣсколько хивинскихъ каравановъ.

Доѣхавъ до Тыманъ-тау, т. е. Туманныхъ горъ *), мнѣ случилось ночевать у одного своего стараго пріятеля, старшины Ульчубая; онъ прежде пріѣзжалъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе. Я былъ очень ласково принятъ имъ и его женами: меня онъ зналъ съ малолѣтства, но мы давно не видались. Я пробылъ у него въ аулѣ цѣлый день и ночь, потому что при его содѣйствіи я тутъ собиралъ долги свои съ киргизовъ; за это я подарилъ ему сукна на кафтанъ, а женамъ — по 14 аршинъ ситцу на сорочки. Ульбучай давалъ мнѣ наставленія, какъ держать себя въ присутствіи хивинскаго хана и со всѣми тамошними жителями; онъ совѣтовалъ мнѣ быть какъ можно скромнѣе, почтительнѣе и честнѣе, и на ихъ вопросы отвѣчать коротко. По пріѣздѣ въ Хиву, я вполнѣ слѣдовалъ его совѣтамъ, и это послужило мнѣ въ пользу, потому что я успѣшно велъ дѣла съ ханомъ, а подданные его: султаны, беки и старшины очень меня полюбили.

Когда мы стали приближаться къ рѣкѣ Дарьѣ, намъ пришлось, невдалекѣ отъ нея, ночевать въ одномъ туркменскомъ аулѣ; по близости этого аула находился и хивинскій, въ мѣстности низкой, песчаной и для пастбища неудобной. Тутъ я встрѣтилъ одного пожилаго хивинца, ѣхавшаго изъ Хивы, для торговли съ киргизами. Отъ него я много слышалъ о Хивѣ и ханѣ; свѣдѣнія эти были мнѣ весьма нужны.

Въ этомъ мѣстѣ проходитъ большая ихъ дорога, потому что здѣсь уже безпрестанно попадаются идущіе взадъ и впередъ караваны и прогоняютъ въ Хиву скотъ; тутъ часто случается воровство, угоняютъ скотъ, верблюдовъ, и крадутъ тюки съ товаромъ. Мы проѣхали благополучно, только моя верховая лошадь ужасно измучилась и я часто долженъ былъ вести ее въ поводу, такъ какъ почва здѣсь очень песчана; въ особенности же страдали верблюды.

---

*) Отъ Туманныхъ горъ до Мангышлака 500 верстъ, а до Хивы 400 верстъ.

Такъ мы прибыли къ р. Дарьѣ *), которая довольно быстра и широка, но не глубока; вода ея хороша на вкусъ.

На берегу рѣки стояли двѣ небольшія кибитки, а близь нихъ находились два большіе парома и много лодокъ, для переправы проѣзжающихъ на другую сторону. Послѣ насъ стали переправлять верблюдовъ. По ту сторону рѣки было устроено нѣсколько землянокъ, въ которыхъ жили перевозчики и султанъ, собиравшій за перевозъ деньги. Плата съ каждаго верблюда и съ лошади по 50 к. ассигн., а съ человѣка по 5 к. Такимъ образомъ и я долженъ былъ явиться къ этому султану и заплатить за перевозъ себя и каравана. Пока перевозили моихъ верблюдовъ, я съ султаномъ прогуливался по берегу, и мы съ нимъ успѣли переговорить о многомъ: онъ распрашивалъ меня о Россіи, а я его о Хивѣ; при этомъ онъ часто курилъ кальянъ и угощалъ имъ меня. Тутъ же, на берегу была хивинская лавочка, въ которой продается кумысъ и арьянъ; мы потребовали арьяну; чашка мѣрою въ полкварты продается по 5 к. Чашки каменныя, самой лучшей китайской работы: у насъ въ Россіи такія чашки продаются не менѣе 1 р. с. за штуку. Въ это время къ лавкѣ подъѣхалъ неизвѣстный человѣкъ, собою видный и мужественный, съ большой черной бородою, одѣтый въ хорошую хивинскую одежду; онъ слѣзъ съ верховой лошади, привязалъ ее у двери лавочки и, входя въ нее, сказалъ по русски: «ахъ, Боже мой, до чего я дожилъ, что уже стали ѣздить сюда русскіе торговцы!»—Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и страхомъ; однакожъ онъ не сталъ разговаривать со мною по русски, а говорилъ все по хивински; тутъ собралось много хивинцевъ, желавшихъ послушать нашъ разговоръ. Онъ спросилъ у меня: кто я такой и какъ я рѣшился на такую смѣлую поѣздку? Потомъ вызвалъ меня изъ лавочки, и мы долго ходили по берегу рѣки Аму-Дарьи. Когда я спросилъ у него: кто онъ и откуда, онъ охотно и чистосердечно разсказалъ мнѣ о себѣ. Родина его—Пензенская губернія и былъ онъ дворовый человѣкъ какого-то помѣщика Чембарскаго уѣзда. Помѣщикъ отдалъ его за какую-то провинность въ солдаты, и онъ служилъ въ Астрахани въ 45 флотскомъ экипажѣ боцманомъ. Однажды онъ былъ въ командировкѣ, въ морѣ, на казенномъ суднѣ, при берегахъ туркменскихъ или персидскихъ; судно было разбито разбойничавшими жителями этихъ береговъ, и вся команда и командиръ взяты въ плѣнъ; вотъ какъ онъ попалъ сюда. Болѣе говорить было некогда, но я старался узнать и отъ него о Хивѣ; онъ рекомендовалъ мнѣ одного султана, находившагося при ханѣ и называвшагося Карле.

---

*) Отъ Мангышлака до Дарьи 800 верстъ; отъ р. Дарьи до г. Хивы 100 в.

Боцманъ же этотъ, по имени Сергѣй Ивановъ, жилъ также въ Хивѣ и обѣщалъ повидаться со мною еще разъ, когда мы расположимся тамъ въ лавкахъ; онъ уже напередъ зналъ, гдѣ меня отыскать въ городѣ. Я простился съ нимъ и пустился въ путь съ своимъ караваномъ и даннымъ мнѣ отъ султана при перевозѣ провожатымъ; провожатый этотъ былъ данъ для того, чтобы мы не скрыли какого либо товара отъ платежа ханскихъ пошлинъ.

Тутъ-то показались мнѣ всѣ мѣста и дикими, и страшными, и непріятныя впечатлѣнія, съ приближеніемъ къ Хивѣ, становились для меня все тяжелѣе. Утромъ, 3-го октября, увидѣли мы вдали Хиву. Видъ города не очень красивъ, потому что Хива расположена на низкомъ мѣстѣ, имѣетъ мало высокихъ мечетей и большихъ домовъ; сверхъ того, много скрадываютъ красоту города сады, почти у каждаго дома; внутри города находится садъ и тамъ растутъ разныя большія деревья. Въ этихъ садахъ растутъ разные фрукты, какъ то: дули, груши, сливы, виноградъ, алибухара, джида, и др. При въѣздѣ въ городъ, мы сперва ѣхали по широкой улицѣ, а потомъ по такой узкой, что два верблюда едва могли идти въ рядъ; проѣхавъ эту тѣсную улицу, мы очутились на базарѣ, гдѣ я увидѣлъ множество бусурманскаго народа: тутъ были и хивинцы, и бухарцы, и туркмены, и киргизы, а русскаго ни одного. На толчкѣ этомъ продавалось много разнаго скота; напротивъ былъ гостиный дворъ, каменный, очень красивый. Потомъ о насъ доложили хану. Между тѣмъ хивинцы окружили мой караванъ, ихъ влекло любопытство посмотрѣть на русскихъ торговцевъ, многіе взъ нихъ распрашивали меня о разныхъ предметахъ. Вскорѣ явился отъ хана султанъ, чтобы вести меня во дворецъ, однако же прежде приказалъ мнѣ одѣться въ русское платье; я исполнилъ приказаніе, и мы отправились во дворецъ, который лежитъ отъ базара недалеко; онъ каменный и выстроенъ въ два этажа, съ параднымъ крыльцомъ, у котораго дверь сдѣлана маленькая,—вся составленая изъ слоновой кости и вырѣзаная въ родѣ росписи. По крыльцу взошли мы на верхъ и тамъ немного обождали, такъ какъ ханъ въ это время принималъ, какъ говорили, бухарцевъ. По уходѣ ихъ, впустили и насъ, т. е. меня и армянина, въ залу ханскую и приказали намъ здороваться съ нимъ по русскому обычаю. При входѣ хана въ залу мы начали кланяться; тутъ находился и переводчикъ, котораго онъ тотчасъ спросилъ, что это означаетъ? Переводчикъ отвѣчалъ, что мы воздаемъ ему, по русскому обыкновенію, почтеніе; на это ханъ разсмѣялся, потомъ началъ распрашивать: какими путями мы ѣхали и не было ли намъ отъ его подданныхъ какихъ либо обидъ, на что я далъ отрицательный отвѣтъ. Все это говорилось чрезъ переводчика, который по русски объяснялся поря-

дочно, но по хивински такъ дурно и непонятно, что ханъ принужденъ былъ по два и по три раза его переспрашивать. Затѣмъ я сталъ просить хана, чтобы онъ дозволилъ мнѣ торговать въ Хивѣ, на что онъ, съ веселымъ видомъ, изъявилъ свое согласіе и приказалъ отвести мнѣ лавку въ главномъ ряду, объяснивъ при этомъ, что я обязанъ ему со всего товара заплатить пошлину, по 10 коп. съ каждаго рубля стоимости и сверхъ того выдать всѣ, бывшія при мнѣ, русскаго чекана деньги, и получить въ обмѣнъ ихъ такія, которыя передѣланы въ Хивѣ. Когда же я сталъ просить у него милостивой защиты отъ всякихъ притѣсненій, онъ разсмѣялся и сказалъ, чтобы я не опасался, что здѣсь меня никто обидѣть не можетъ, а напротивъ, всѣ его подданные будутъ принимать меня ласково.

Послѣ этого назначенъ былъ султанъ для отвода мнѣ лавки и принятія отъ меня денегъ русскаго чекана, что и было немедленно исполнено; въ полученіи же отъ меня денегъ султанъ выдалъ мнѣ росписку. Въ продолженіе всей этой аудіенціи, ханъ сидѣлъ на нарахъ, покрытыхъ коврами, поджавъ ноги; напротивъ него стоялъ кальянъ, возлѣ него сидѣли три султана. Зала не имѣла другаго убранства, кромѣ ковровъ, только потолокъ ея росписанъ. Послѣ я отыскалъ султана, котораго мнѣ рекомендовалъ Сергѣй Ивановъ, и очень коротко съ нимъ сошелся.

Занявъ лавку, я разобралъ свои товары и сталъ ихъ раскладывать по полкамъ. Жители тамошніе, смотрѣвшіе на меня, какъ на какую-то рѣдкость, безпрестанно входили ко мнѣ и заводили со мною разговоры. Полагаю, что въ самое короткое время вся Хива знала о пріѣзжемъ русскомъ торговцѣ. Многіе приходили не для того, чтобы покупать у меня товары, а собственно, чтобы взглянуть на меня. Я старался оказывать всякому уваженіе и тѣмъ распространялъ кругъ своего знакомства и былъ любимъ всѣми. Но впослѣдствіи хивинцы, признаюсь, стали мнѣ наскучать; часто, когда я ходилъ по базару, они показывали одинъ другому на меня пальцами, говоря: вонъ идетъ русскій торговецъ, потому что не всякій могъ меня примѣчать, такъ какъ я одѣвался въ хивинское платье.

На базарѣ, въ Хивѣ продается все дешевле, чѣмъ у насъ, въ Россіи; такъ напр. баранины фунтъ стоитъ 5 к. асс., рыба бѣлуга—2 и 3 коп., чурекъ (приготовленная на сковородѣ большая лепешка) 5 коп. и притомъ такой величины, что одного достаточно человѣку на цѣлый день. Икра у нихъ остается безъ употребленія, потому что они не умѣютъ приготовлять ее по нашему, а если и идетъ въ пищу, то только вареная вмѣстѣ съ рыбой; визигу и клей они обдѣлываютъ въ видѣ витушекъ или крендельковъ и такъ нанизываютъ на нитки;—фунтъ клею по

цѣнѣ въ продажѣ равняется большому барану, т. е. стоитъ 5 или 6 р. асс., пшеница продается по 80 к. за батманъ, который заключаетъ въ себѣ нашего вѣсу 1 пудъ и 10 фунтовъ, сорочинское пшено также недорого и стоитъ 1 р. или 1 р. 20 к. за батманъ; дыни, арбузы и другіе фрукты родятся здѣсь во множествѣ и продаются дешево. Что же касается до жилищъ, то ихъ похвалить нельзя: дома построены на дворахъ и очень плохи; окна въ нихъ устроены къ верху; улицы узки и нечисты, вездѣ наваленъ мусоръ и навозъ.

Я пріобрѣлъ здѣсь довольно большое знакомство, ѣздилъ ко многимъ значительнымъ султанамъ въ гости, и меня всегда принимали очень радушно; угощенье обыкновенно состояло изъ кебабу (приготовленный на желѣзномъ прутѣ или вертелѣ кусокъ говяжьяго мяса), бараньяго плова съ изюмомъ и чухонскимъ масломъ и разныхъ фруктовъ; за этимъ всегда слѣдовалъ кальянъ. Жены ихъ не показываются мужчинамъ; впрочемъ, такую предосторожность мужей нельзя не одобрить, потому что хивинскія женщины очень страстны и влюбчивы, особенно въ русскихъ.

Такъ, мало по малу, привыкъ я къ жизни въ Хивѣ; торговля, однако же, сначала шла незавидно, а денегъ для закупки ихъ товаровъ также у меня не было; за отобранныя у меня деньги ханомъ мнѣ еще не были доставлены слѣдующія взамѣнъ. Дня черезъ четыре я рѣшился идти самъ къ хану. При входѣ моемъ на крыльцо, одинъ придворный спросилъ меня: за какой надобностью я пришелъ? Я отвѣчалъ, что имѣю къ хану просьбу, но какую—не объяснилъ ему. Между тѣмъ, признаюсь, я чувствовалъ страхъ, чего не случалось со мною никогда предъ русскимъ начальствомъ. Когда я вошелъ въ залъ, ханъ былъ одинъ и курилъ кальянъ; хотя я былъ одѣтъ не такъ, какъ въ первый разъ, а по хивински, но ханъ узналъ меня съ перваго взгляду и встрѣтилъ съ веселымъ видомъ, словами: урусанъ соудагаръ, т. е. русскій торговецъ! Почтеніе отдалъ я ему по хивински, съ видомъ униженія и старался быть какъ можно вѣжливѣе, чтобы ему понравиться. Ханъ спросилъ меня: гдѣ я научился говорить по хивински? Я разсказалъ ему, что живу между киргизами и хивинцами уже около 15 лѣтъ, на вопросъ же его: сколько мнѣ лѣтъ, отвѣчалъ, что мнѣ двадцать лѣтъ, что 5-ти лѣтъ я былъ привезенъ своими родителями въ Оренбургъ и съ тѣхъ поръ нахожусь постоянно между киргизами и хивинцами. Ханъ похвалилъ меня за хорошее знаніе разговорнаго языка, но не одобрялъ, что я не старался изучить его письменно. Затѣмъ спросилъ: по какой надобности я пришелъ и не имѣю ли къ нему просьбы? Я не прямо объяснилъ ему, что пришелъ за деньгами, но прежде заявилъ претензію на одного своего должника изъ киргизъ, который не хотѣлъ заплатить мнѣ долга—36 барановъ. На это ханъ сказалъ: «а если долж-

никъ откажется, чѣмъ ты можешь доказать, что онъ дѣйствительно тебѣ долженъ?—Я отвѣчалъ, что всѣмъ моимъ рабочимъ извѣстно, какъ онъ бралъ у меня товаръ, и что знаетъ также пріѣхавшій со мною старшина; вслѣдъ за тѣмъ ханъ приказалъ послать за старшиной и спросилъ его: дѣйствительно ли мнѣ киргизъ долженъ? Султанъ подтвердилъ и опредѣлилъ время, когда тотъ бралъ у меня товаръ. Ханъ приказалъ послать за моимъ должникомъ. Когда киргизъ былъ приведенъ султаномъ, я не узналъ его: такъ онъ измѣнился отъ испугу при одномъ взглядѣ на него хана и строгомъ его вопросѣ: «долженъ ли онъ мнѣ»? Киргизъ отвѣчалъ утвердительно, что долженъ 36 барановъ. Онъ, быть можетъ, и отказался бы, но замѣтилъ бывшаго тутъ муллу, и, вѣроятно, подумалъ, что будетъ присяга. На вопросъ хана: почему онъ не отдаетъ долга, онъ объявилъ, что не имѣетъ состоянія; тогда ханъ приказалъ одному султану отправиться къ его родственникамъ и убѣдить ихъ внести за него долгъ,—и присовокупилъ, что если они отъ этого откажутся, то онъ должника моего казнитъ, если же и эта мѣра не будетъ успѣшна, то взять у нихъ насильно 36 барановъ и отдать мнѣ. Съ нимъ же, сказалъ ханъ, могутъ они дѣлать, что хотятъ. Султанъ отправился; я послалъ съ нимъ своего старшину для полученія тѣхъ барановъ, а самъ еще остался въ комнатѣ хана, намѣреваясь просить у него денегъ за отобранную у меня сумму. Однако ханъ такъ занялъ меня разговоромъ, что я никакъ не могъ заговорить съ нимъ о дѣлѣ. Между прочимъ онъ спрашивалъ меня о нашихъ царяхъ и ихъ свадьбахъ и почему они берутъ себѣ въ супружество изъ сосѣднихъ государствъ, а своихъ дочерей также отдаютъ туда. Я разсказалъ объ этомъ что зналъ. Потомъ онъ сталъ говорить о вѣрѣ, спрашивалъ: въ чемъ состоятъ русскіе посты и какое время опредѣлено для молитвы? Я отвѣчалъ, что молятся утромъ у заутрени, потомъ бываетъ обѣдня и, наконецъ, вечеромъ вечерняя служба. Далѣе ханъ любопытствовалъ: справедливо ли, что женщины ходятъ у насъ съ непокрытымъ лицомъ, что свободно говорятъ съ мужчинами и вмѣстѣ съ ними молятся въ церкви?—Когда я отвѣтилъ, что все это такъ, онъ изъявилъ удивленіе и смѣялся надъ такими обычаями. Затѣмъ прибавилъ, что онъ желалъ бы посмотрѣть на Россію, на ея жителей, на ихъ свободное обращеніе, но не знаетъ, какъ ему явиться въ Россію: ежели въ настоящемъ своемъ видѣ, съ обычною пышностію хана, то опасается русскаго царя, чтобъ онъ его не задержалъ, такъ какъ ханъ съ нимъ еще ни въ какихъ сношеніяхъ не находился; за отпускъ же русскихъ плѣнныхъ, царь не ему, какъ онъ слышалъ, а Англіи изъявилъ свое удовольствіе. Ѣхать подъ именемъ какого нибудь торговца, онъ считаетъ неприличнымъ передъ своими подданными, а если о томъ узнаетъ русское пра-

вительство, то для хана это будетъ стыдно и непохвально: скажутъ, что хивинскій ханъ занимается торговлею.

Во время разговора моего съ хивинскимъ ханомъ о Россіи и русскихъ обычаяхъ, вошелъ служитель и объявилъ, что готовъ обѣдъ; я всталъ съ мѣста и хотѣлъ уйти, но ханъ остановилъ меня и спросилъ: женатъ ли я, и не желаю ли жениться у него, въ Хивѣ на племянницѣ или на хивинкѣ и остаться тамъ на постоянное жительство? Я поблагодарилъ его за вниманіе ко мнѣ, но отказался отъ женитьбы на хивинкѣ и отъ постояннаго пребыванія въ Хивѣ. Тутъ я объявилъ ему, что имѣю нужду въ деньгахъ и просилъ о выдачѣ слѣдующей мнѣ суммы. Ханъ возразилъ на это, что деньги еще не всѣ передѣланы, а что будутъ готовы на другой день, и чтобы я нисколько не сомнѣвался въ ихъ полученіи. Послѣ этого онъ долго продолжалъ разговаривать о разныхъ предметахъ, потомъ сказалъ, будто въ шутку, съ веселымъ видомъ: не угодно ли мнѣ съ нимъ откушать, и пошелъ въ другую комнату, а я отправился въ свою лавку. Здѣсь меня окружили хивинцы и стали спрашивать, что я такъ долго могъ дѣлать у хана; я имъ отвѣтилъ коротко, что говорилъ о разныхъ предметахъ, но не передалъ ничего изъ нашего разговора. Спустя нѣсколько времени возвратился и посланный ханомъ султанъ съ моимъ старшиной; они пригнали къ моей лавкѣ слѣдовавшее мнѣ въ уплату отъ киргиза число барановъ; я хотѣлъ ихъ таврить (клеймить), по передачѣ ихъ мнѣ султаномъ, и отправить къ своему пастуху, но киргизы, родственники моего должника, не позволили мнѣ этого сдѣлать, говоря, что они за своего родственника не плательщики и предоставляли мнѣ брать должное отъ того, кому я давалъ товаръ; при этомъ должникъ мой не говорилъ ни слова.

Тутъ киргизы предложили идти къ хану, надѣясь убѣдить его—возвратить имъ ихъ барановъ; я согласился, и мы отправились въ сопровожденіи султана. Въ это время ханъ былъ занятъ съ бухарцами, съ которыхъ хивинцы взыскивали за потопленіе ихъ верблюдовъ; когда онъ покончилъ съ ними, вошли и мы. Выслушавъ предложеніе киргизовъ, онъ разсердился на нихъ, и не распространяясь съ ними много, отказалъ въ возвращеніи имъ барановъ и выслалъ всѣхъ.

Послѣ того, чрезъ нѣсколько времени, пришелъ ко мнѣ въ лавку султанъ съ моими деньгами; вручая ихъ мнѣ, онъ спросилъ: на какую сумму привезъ я товаровъ? Я объявилъ ему, что стоимость всего—5,000 руб. асс. Онъ потребовалъ назначенной ханомъ пошлины, по 10 коп. съ рубля, и получилъ отъ меня 500 р., которые тотчасъ представилъ хану.

Вскорѣ послѣ того ко мнѣ пріѣхалъ въ лавку плѣнный боцманъ Сергѣй, и просилъ меня къ себѣ; я съ удовольствіемъ согласился на его

предложеніе и отправился къ нему въ гости. Сергѣй жилъ въ Хивѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ базара, на бухарскомъ выѣздѣ. Пріѣхавъ къ нему, я не мало удивился, увидѣвъ въ его комнатѣ много иконъ и духовныхъ книгъ. Я спросилъ его: позволяетъ ли ханъ соблюдать здѣсь христіанамъ свою вѣру? Сергѣй объяснилъ мнѣ, что въ прежнее время, когда здѣсь было много плѣнныхъ русскихъ, тогда, съ дозволенія хана, всѣ сходились сюда молиться Богу, и потому онъ выписалъ изъ Оренбурга эти книги и образа. Послѣ этого объясненія, онъ растворилъ дверь въ другую комнату и сказалъ мнѣ: «посмотрите, вотъ мое семейство». Заглянувъ туда, я увидѣлъ сидѣвшихъ тамъ двухъ хивинокъ; одна изъ нихъ была лѣтъ 40, а другая 25; это были его жены. Я пробылъ у него довольно долго и онъ подчивалъ меня пловомъ и ременчикомъ, т. е. вареными сливками. Тутъ я спросилъ о его занятіяхъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что по порученію хана, онъ завѣдываетъ его артиллеріей и обучаетъ ханскихъ солдатъ изъ плѣнныхъ персіянъ маршировать и ружейнымъ пріемамъ. Поблагодаривъ его за угощенье, я ушелъ.

Во время моего пребыванія въ Хивѣ, Сергѣй часто навѣщалъ меня, и я его тоже. Однажды мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили въ гости къ одному султану, который въ образѣ жизни держался нашего обычая, и женъ своихъ отъ насъ не скрывалъ; я съ ними много бесѣдовалъ и онѣ распрашивали меня о жизни и обхожденіи русскихъ женщинъ. Я разсказывалъ имъ, какъ наши женщины свободно ходятъ по улицамъ, по гостямъ, и во всякое время могутъ видѣть мужчинъ и бесѣдовать съ ними, не закрывая своего лица. Наши свадебные обряды также ихъ очень интересовали; я имъ разсказывалъ о нихъ со всѣми подробностями и объяснилъ, что у насъ больше одной жены нельзя имѣть; онѣ очень хвалили этотъ обычай. Эти женщины были одѣты въ шелковыя рубашки; грудь у нихъ убрана жемчугомъ и разными драгоцѣнными каменьями; на головахъ онѣ имѣли шелковыя, выстеганныя на ватѣ шапочки, также убранныя жемчугомъ и каменьями. У старшей жены была дочь, лѣтъ 12-ти; она качала въ колыбели ребенка и убаюкивала его своею пѣснію; я долго слушалъ и, когда она кончила свое пѣніе, похвалилъ ее; свойственная ей, какъ дѣвушкѣ, стыдливость, заставила ее покраснѣть. Слова этой колыбельной пѣсни были слѣдующія: «не плачь, не плачь; отецъ придетъ, барана зарѣжетъ, а мать придетъ, сала дастъ; сала поѣшь, плакать перестанешь».

Проведя время въ пріятной съ ними бесѣдѣ, я поблагодарилъ хозяина и молодыхъ хозяекъ за угощеніе и отправился домой.

Случилось мнѣ ѣхать однажды мимо ихъ кладбища; тутъ меня чрезвычайно поразило довольно странное занятіе нѣсколькихъ киргизовъ: они

разрыли одну могилу и вытащили оттуда трупъ умершаго, который былъ уже довольно давно похороненъ и издавалъ сильный смрадъ. Положивъ его на землю, одинъ изъ киргизовъ вынулъ ножикъ и началъ счищать у умершаго мясо съ костей и, разбирая кости по суставамъ, складывалъ ихъ въ мѣшокъ. Такое отвратительное занятіе заставило меня спросить: для чего они это дѣлаютъ? Они мнѣ отвѣчали, что этотъ умершій былъ урожденецъ Туманныхъ горъ, а скончался въ этомъ мѣстѣ и похороненъ здѣшними жителями на чужомъ кладбищѣ; киргизы эти были его родственники и пріѣхали съ его родины, чтобы забрать его кости, которыя должны доставить его родителямъ. Умершій, по словамъ ихъ, не былъ еще оплаканъ своими родителями, женами и дѣтьми; по ихъ обыкновенію, они должны совершить надъ нимъ обрядъ оплакиванія, и тогда кости его похоронятъ близь роднаго аула. Кости должны быть собраны и сложены по суставамъ, чтобы представляли полный остовъ человѣка. По принятому у киргизовъ обычаю, или ихъ закону, умершаго человѣка нельзя хоронить на чужой сторонѣ, а должно привезти трупъ его на родину. Разсказавъ это, они прибавили: «теперь, когда мы привеземъ эти кости домой къ его семейству, родители обязаны подарить намъ каждому по лошади, покрытой коврами или шелковыми халатами».

Я жилъ въ Хивѣ уже около 40 дней. Въ это время ханъ праздновалъ день имянинъ одной изъ своихъ женъ; на этотъ праздникъ былъ приглашенъ и я.

Въ саду былъ раскинутъ большой шатеръ изъ кошемъ, по срединѣ котораго было возвышеніе, въ родѣ сцены. Я пріѣхалъ туда въ сопровожденіи оренбургскаго купца З., который, однако же, въ торговыхъ дѣлахъ своихъ имѣлъ весьма мало успѣха; продажа его товаровъ шла плохо.

При входѣ нашемъ въ шатеръ, мы застали хана сидящимъ впереди; около него—султаны; насъ пригласили сѣсть по другую сторону хана; З.. указано ближайшее къ нему мѣсто, слѣдующее — мнѣ, а подлѣ меня одному армянину. Тутъ было нѣсколько музыкантовъ и гостей человѣкъ 70. Начались представленія: на возвышеніи шатра сперва явилась пляшущая кукла, послѣ нея отличались въ національныхъ пляскахъ два хивинца, а затѣмъ, на протянутомъ канатѣ, плясалъ мальчикъ. Послѣ этихъ представленій вышелъ хивинецъ-пѣвецъ и пѣлъ подъ музыку рапсодіи о подвигахъ побѣдителей-персіянъ изъ храбрыхъ соотчичей своихъ. Вслѣдъ за пѣвцомъ приказано было ханомъ привести разныхъ звѣрей, и на сцену явились дикія лошади, архары, лисы, дикія кошки, бурый медвѣдь и многіе другіе; ханъ самъ передавалъ намъ объясненія о нихъ. За зрѣлищами послѣдовалъ ужинъ; его составляли слѣдующія блюда: вареная баранина, пирожки съ бараниной, жареныя въ маслѣ лепешки, пловъ, ремчикъ или

вареныя сливки; за кушаньями подавали напитки: арьянъ и кумысъ; въ заключеніе принесли кальяны; по окончаніи ужина, мы отблагодарили хана за угощеніе и отправились въ лавки.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого пиршества, я сталъ приготовляться въ путь, къ выѣзду изъ Хивы, промѣнявъ послѣдній свой товаръ на хивинскіе шелковые и бумажные халаты, которые продавалъ потомъ по степи киргизамъ. О намѣреніи своемъ отправиться я пошелъ объясниться съ ханомъ; его уже не было дома: онъ выѣхалъ въ это время въ какой-то султанскій аулъ, и мнѣ сказали, что раньше недѣли не возвратится. Я думалъ отправиться, не дождавшись хана, но султаны удержали меня, не дозволивъ ѣхать безъ хана. Тутъ я струсилъ, подозрѣвая въ ханѣ какія нибудь намѣренія противъ меня.

Такъ ждалъ я пять дней. По пріѣздѣ хана, я пошелъ къ нему просить дозволенія уѣхать; онъ разрѣшилъ мнѣ отъѣздъ въ весьма ласковыхъ словахъ, прося меня, по пріѣздѣ въ Россію, не жаловаться на него, и прибавилъ: «вамъ, кажется, отъ меня и моихъ подданныхъ никакой обиды не было; предложите и прочимъ торговцамъ: не пожелаетъ-ли кто изъ нихъ пріѣхать сюда торговать; обиды имъ никакой отъ меня не будетъ». Приглашалъ даже меня остаться у него навсегда, на что я отвѣчалъ, что у меня есть родители и я у нихъ одинъ; тогда онъ сказалъ, что можетъ дѣлать имъ вспомоществованіе. Служащимъ у него русскимъ плѣннымъ онъ платилъ по 30, 40 и 30 золотыхъ въ годъ каждому, особенно тѣмъ, кто говорилъ по татарски, распрашивалъ объ оренбургской крѣпости, начальствѣ, законахъ, царяхъ и помѣщикахъ, что они дѣлаютъ, объ обязанностяхъ священниковъ. Я разсказалъ, что зналъ. Распростившись съ ханомъ, я поѣхалъ прощаться съ Сергѣемъ; кто былъ этотъ Сергѣй, я уже сказалъ; онъ надавалъ мнѣ разныхъ фруктовъ и чуреков на дорогу и проводилъ меня изъ Хивы съ нѣкоторыми знакомыми султанами. При прощаньѣ со мной, Сергѣй не могъ удержаться отъ слезъ. Такъ разстался я съ Хивой и со всѣми тамошними пріятелями моими.

Во время пребыванія моего въ Хивѣ, мнѣ понравились аргамаки. Пища ихъ — джугара; аргамаки менѣе ѣдятъ, чѣмъ лошади, и въ дорогѣ могутъ пробыть до 4-хъ дней безъ пищи. Они способны только къ верховой ѣздѣ; величиной они съ большую лошадь, тонки, высоки, подбористы, легки. Пищей имъ, кромѣ джугары, служитъ трава и овесъ, но овесъ не такъ полезенъ, потому что имѣетъ много шелухи. Пуда джугары, который стоитъ 70 коп. асс., аргамаку достаточно на 10 дней. Въ Хиву ихъ доставляютъ туркмены и сѣдла для нихъ употребляются только туркменскія, киргизскія же и наши казацкія неудобны; на бѣгу аргамаки, по гибкости и способности сильно вытягиваться всѣмъ корпусомъ, упо-

добляются зайцамъ и вдвое быстрѣе хорошей русской лошади; они смирны и умны, переплываютъ черезъ рѣку рѣшительно, покорны и въ табунахъ ручны. За аргамака платятъ здѣсь по 100 р. и болѣе.

II.

Въ обратный путь изъ Хивы, я опять отправился чрезъ р. Аму-Дарью. Здѣсь султанъ сталъ меня спрашивать: «понравилась-ли мнѣ Хива и хорошо ли обходился со мною ханъ?» Я изъявилъ ему благодарность за все расположеніе, оказанное мнѣ ханомъ, и сказалъ, что я у всѣхъ былъ принятъ, какъ нельзя лучше.

Въ это время я имѣлъ случай видѣть необыкновенный аппетитъ одного киргиза: хивинецъ принесъ для продажи ведро кумысу, за что просилъ 50 к. Подошедшій киргизъ сказалъ ему: «отдай лучше его мнѣ; если я все ведро выпью за одинъ разъ, то не плачу ничего; если же не выпью всего, то обязуюсь заплатить тебѣ за молоко двойную цѣну». Хивинецъ, увѣренный въ невозможности выпить въ одинъ пріемъ цѣлое ведро, согласился на предложеніе и отдалъ кумысъ киргизу; тотъ взялъ ведро за ушки и началъ изъ него пить; безъ остановки выпивъ все густое кислое молоко, онъ возвратилъ пустое ведро хивинцу, который сильно разсердился за эту штуку и сталъ ругать киргиза, говоря: какъ ты не лопнулъ съ цѣлаго ведра? Это, признаюсь, и меня не мало удивило: какую нужно имѣть утробу, чтобъ выпить такое количество кислаго молока! Затѣмъ мы переправились чрезъ Аму-Дарью и продолжали путь обратно, также какъ и въ Хиву, т. е. чрезъ аулы.

Случилось мнѣ ночевать въ одномъ аулѣ, гдѣ сынъ хозяина, лѣтъ 10, лежалъ больной; отецъ мальчика сталъ мнѣ разсказывать причину его болѣзни. «Дней за пять предъ этимъ, ночью, когда мы всѣ уже спали, въ кибитку, какимъ-то образомъ, вошелъ волкъ, подошелъ къ спящему мальчику и началъ его обнюхивать; сынъ проснулся и сталъ звать меня, говоря, что кто-то у насъ по кибиткѣ ходитъ; я и самъ испугался, и не могъ понять, что бы это было; но, по свѣтившимся глазамъ, я догадался, что это былъ волкъ; схвативъ саблю я направилъ ударъ на него, но, къ несчастію, промахнулся и попалъ по головѣ сына, и разсѣкъ ее до мозга; однако же не упустилъ и волка и доканалъ его тутъ-же, на мѣстѣ. Сына же теперь не знаю чѣмъ и лечить, хотя старшина и говорилъ, какое употребить средство отъ его раны, но я что то—не вѣрю ему».

Случилось мнѣ пріѣхать на ночлегъ въ одинъ большой и богатый аулъ; два дня оставался я тутъ за сильной непогодой: шелъ проливной дождь, при ужасномъ громѣ и молніи, такъ что образовались глубокія лужи; на низменныхъ мѣстахъ снесло много киргизскихъ кибитокъ, и отъ

наводненія не мало пропало скота. Черезъ одну долину перевозили барановъ; сильнымъ стремленіемъ воды ихъ понесло въ глубь большой ямы; видя это, хозяинъ стада, съ дѣвицей-дочерью, бросились къ нимъ на помощь; но не спасши отъ пропасти барановъ, погибли и сами въ круговоротѣ стремнины. Отъ этого дождя было много несчастій; но мы прожили въ аулѣ благополучно, потому что мѣстность была возвышенная и вода не могла насъ поднять; только товары мои подмокли, и я долженъ былъ сушить ихъ.

Далѣе пріѣхали мы опять въ очень большой аулъ; въ немъ находилось около 60 киргизскихъ кибитокъ. Жители этого аула, Муаллавскаго рода, были крѣпко вооружены. Первый ихъ вопросъ былъ: откуда я ѣду? Я разсказалъ имъ подробно о своемъ пребываніи въ Хивѣ и въ свою очередь спросилъ ихъ: для чего они такъ вооружены? Всѣхъ вооруженныхъ было около 100 человѣкъ и предводительствовалъ ими старшина Рахимъ-Берды; онъ былъ невысокаго роста, но очень красивой наружности. Отъ него я узналъ, что у нихъ происходитъ баранта съ киргизами-адаевцами за то, что назадъ тому съ годъ киргизы-адаевцы убили одного киргиза изъ ихъ рода; киргизскіе старшины Муаллавскаго рода потребовали въ вознагражденіе съ киргизъ-адаевцевъ за убитаго человѣка въ *кунъ* тысячу барановъ, но тѣ на это не согласились. Впослѣдствіи, муаллавцы собрались въ числѣ около 200 человѣкъ, подъ предводительствомъ своихъ старшинъ, и угнали у киргизъ-адаевцевъ до 200 барановъ, да сверхъ того много верблюдовъ и лошадей. Киргизы-адаевцы, въ свою очередь, собираются угнать у муаллавцевъ еще болѣе скота, и вотъ по этому случаю тѣ стоятъ въ своемъ аулѣ вооруженные, подъ командою старшины Рахимъ-Берды, боясь киргизъ-адаевцевъ, которые слывутъ во всей степи самыми храбрыми разбойниками; они прежде брали въ плѣнъ и русскихъ на Каспійскомъ морѣ.

На слѣдующій ночлегъ остановились мы въ аулѣ, гдѣ старшинами были Досщанъ и братъ его Забыкъ, который былъ мнѣ уже прежде коротко знакомъ. Когда я пришелъ къ нему въ кибитку, онъ принялъ меня какъ роднаго брата и собственно для меня приказалъ готовить разныя кушанья. Я приказалъ своимъ рабочимъ принести самоваръ, и мы вмѣстѣ пили чай и поужинали. Въ разговорѣ со мной, онъ интересовался слышать о Хивѣ, о ханѣ, о моемъ житьѣ тамъ и торговлѣ, удивлялся моимъ смѣлымъ странствованіямъ и обращенію съ хивинцами. По окончаніи нашей бесѣды, онъ передалъ мнѣ 40 рублей серебр. денегъ, просилъ на будущій годъ привезти ему изъ Астрахани лучшаго жемчугу, и пошелъ спать къ другой женѣ въ кибитку, а я въ свой шалашъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ остановки моей въ аулѣ старшинъ Дос-

щана и брата его Зыбыка, ѣхалъ я съ своимъ караваномъ степью. И наѣхали мы на большіе табуны овецъ, которые тутъ паслись; на вопросъ мой: чьи это стада? пастухи отвѣтили, что они принадлежатъ султаншѣ Карачѣ. Узнавъ отъ нихъ, гдѣ находится аулъ ея, мы отправились къ ней на ночлегъ, потому что я съ ней также съ давняго времени былъ коротко знакомъ.

Султанша эта была уже пожилыхъ лѣтъ и всегда называла меня своимъ сыномъ, потому что она имѣла роднаго сына, по имени Ліяза, который былъ очень на меня похожъ. Она приняла меня съ радостію и объяснила, что отчаявалась меня видѣть, такъ какъ всѣ пріѣзжіе изъ Хивы говорили ей, будто ханъ меня оттуда не выпуститъ и заставитъ жить при своемъ дворѣ. Для моего угощенія были приготовлены разныя кушанья. Въ это время она выдавала замужъ дочь свою за сына значительнаго старшины Чималѣевскаго рода. Въ особой кибиткѣ невѣсты находилось много дѣвушекъ; невѣста была мнѣ и прежде знакома и потому я зашелъ къ ней. Поздоровавшись съ нею при входѣ, я пожелалъ ей благополучнаго исполненія ихъ общаго желанія, за что она меня поблагодарила; она очень хороша собою и умная дѣвушка. Съ нею сидѣло шесть дѣвицъ; всѣ онѣ были очень хорошо одѣты въ шелковыя одежды и накрыты красными шелковыми шалями. Я завелъ съ ними разговоръ, разсказывалъ имъ о русскихъ свадьбахъ и распрашивалъ ихъ о разныхъ предметахъ. Сначала онѣ меня стыдились, но послѣ стали смѣлѣе въ обращеніи и пѣли мнѣ, по обыкновенію своему, разныя любовныя пѣсни, какъ дѣлаютъ это съ своими молодыми людьми. За эти пѣсни, я, такъ у нихъ водится, долженъ былъ ихъ дарить, и роздалъ имъ платки, чѣмъ онѣ остались очень довольны. По обрядамъ ихъ свадебъ, когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой, онъ обязанъ сдѣлать приличное угощеніе всѣмъ ея родственникамъ и раздать всѣмъ подарки, кто какого достоинъ; если же подарки будутъ незначительны, то ему невѣсты не отдадутъ. Бракосочетаніе совершается муллою. Женихъ беретъ, вмѣстѣ съ невѣстой, и нѣсколько лицъ изъ ея родственниковъ къ себѣ въ аулъ, приглашаетъ также и своихъ и дѣлаетъ общее всѣмъ угощеніе; при этомъ гости должны дарить невѣсту, всякій соразмѣрно своему состоянію, лошадьми, коровами, баранами, кому чѣмъ заблагоразсудится. Во время этого пиршества лицо невѣсты бываетъ закрыто; по мѣстному обычаю, ей кладутъ на халатную полу или просто на сорочку кусокъ вареннаго сала и впускаютъ въ кибитку собаку, которая должна съѣсть его въ присутствіи гостей; если собака съѣстъ весь кусокъ сала, то это знакъ благополучной жизни молодыхъ; если же не станетъ ѣсть, то это предвѣщаетъ имъ жизнь дурную.

После того родственники невѣсты должны привезти приданое ея. У богатыхъ оно состоитъ изъ кибитки, одного или двухъ верблюдовъ, нѣсколькихъ барановъ, котла, тагана, постели и всѣхъ прочихъ вещей, необходимыхъ въ хозяйствѣ. Женихъ платитъ за невѣсту *калымъ*, смотря по состоянію своему и невѣсты.

Пріѣхалъ я также ночевать въ аулъ, состоящій изъ 6-ти кибитокъ. Хозяинъ его былъ *кульчаръ*, т. е. занимающійся во время лѣта хлѣбопашествомъ; онъ сѣетъ пшеницу, джугару, просо, дыни и арбузы. Когда я сидѣлъ у него въ кибиткѣ и разговаривалъ о Хивѣ, вошелъ молодой человѣкъ, видный собою; на немъ была шуба изъ красныхъ лисицъ, покрытая зеленымъ сукномъ, малахай изъ такихъ же лисицъ, крытый краснымъ бархатомъ и обшитый кругомъ позументомъ, подъ шубой былъ шелковый халатъ; — это былъ родственникъ кульчаровой старшей жены и ѣхалъ онъ къ своей невѣстѣ. Поздоровавшись съ нами, онъ сѣлъ и началъ разсказывать, какъ побѣждалъ съ туркменами персіянъ около Астрабада, сколько они раззорили персидскихъ ауловъ и забрали въ плѣнъ людей. Мужчинъ-персіянъ они отправляютъ къ хану, въ Хиву; онъ ихъ опредѣляетъ къ себѣ въ солдаты; а дѣвушекъ-персіянокъ туркмены берутъ себѣ въ жены, также и киргизы. Когда я уѣзжалъ изъ этого аула, кульчаръ подарилъ мнѣ барана и не взялъ за него съ меня денегъ. Дорогою я продавалъ киргизамъ халаты и ихъ брали у меня на расхватъ.

Однажды случилось намъ ѣхать все какими-то горами, да буграми; я отсталъ отъ каравана и поворотилъ въ сторону, къ одному колодцу, у котораго бродило нѣсколько барановъ. Подъѣзжая къ колодцу, я услышалъ русскую пѣсню, что меня чрезвычайно удивило; людей же никого тутъ не было. Я долго разъѣзжалъ тутъ по горамъ и разыскивалъ: кто бы это пѣлъ; но нашелъ только одну киргизку. На вопросъ мой о томъ, кто здѣсь пѣлъ русскія пѣсни, она отвѣтила, что не знаетъ; но освѣдомившись, что я русскій, созналась, что эти пѣсни пѣла она, и объяснила мнѣ, что она и сама русская, но уже 15 лѣтъ живетъ между киргизами. Изъ ея разсказа я узналъ, что она Оренбургской губ., Красноколмской станицы, казачья дочь. Когда она была съ братьями на сѣнокосѣ, наѣхали киргизы и взяли многихъ въ плѣнъ; ей было въ то время 6 лѣтъ. Когда ей минуло 15 лѣтъ, ее отдали замужъ за киргиза, съ которымъ она жила уже 10 лѣтъ и имѣла дѣтей. — Я звалъ ее съ собою на родину, но она отказалась, не рѣшаясь разстаться съ дѣтьми; да я, прибавила она, забыла уже и самый языкъ; однако же вѣру христіанскую помню, сохраняю и исполняю ее по возможности, хотя мужъ мнѣ это и запрещаетъ; она желала знать — кто я, и я ей передалъ о себѣ

все по справедливости; разставшись съ ней, я поспѣшилъ къ своимъ верблюдамъ, которые были уже очень далеко впереди.

Тутъ прибыли мы въ очень большой аулъ, гдѣ старшиной былъ сѣдой старикъ Исенъ-Девлетъ; онъ распрашивалъ меня болѣе объ Астрахани и Оренбургѣ и выразилъ желаніе побывать въ русскихъ городахъ, сказывалъ, что былъ въ Оренбургѣ, когда этотъ городъ посѣщалъ Государь Наслѣдникъ, нынѣ благополучно царствующій Императоръ Александръ Николаевичъ; въ то время и для нихъ было тамъ угощеніе. Большой сынъ этого старшины просилъ меня, чтобъ я подарилъ ему свой дождевой зонтикъ, который я всегда возилъ съ собой. Не сказавъ ни слова, я ему вручилъ его, за что онъ меня отъ души благодарилъ; но отецъ сталъ бранить его за такую напрашливость, и за двухъ-рублевую вещь подарилъ мнѣ хорошаго молоденькаго жеребенка собственнаго завода. Отъ этого старика я слышалъ много разсказовъ о томъ, какъ онъ въ молодости ѣздилъ по барантамъ; это составляло его охоту и онъ побѣждалъ многихъ киргизъ и туркменъ. Онъ разсказывалъ также о своихъ похожденіяхъ по Каспійскому морю, и признался, что бралъ въ плѣнъ русскихъ, которыхъ потомъ продавалъ по разнымъ цѣнамъ.

Продолжая далѣе путь свой по степямъ, мы увидѣли въ сторонѣ небольшой аулъ, куда ѣхавшій со мною старшина сталъ звать меня пить арьянъ; я принялъ предложеніе. Не доѣзжая аула, мы были атакованы собаками; я былъ между тѣмъ покрытъ съ ногъ до головы краснымъ халатомъ, какъ киргизская дѣвушка, нарочно, чтобы скрыть себя. Когда мы подъѣхали къ самому аулу, на встрѣчу къ намъ вышелъ одинъ киргизъ; мы не сходили съ лошадей, но онъ убѣдительно просилъ войти къ нему въ кибитку и желалъ знать: откуда и куда мы ѣдемъ и кто я такой; старшина отвѣчалъ, будто я его дочь и что онъ меня везетъ въ гости куда-то; открыть обманъ нельзя было, потому что я былъ съ головы накрытъ халатомъ и лица моего не было видно. Старшина попросилъ чего нибудь напиться, и дѣвка принесла намъ двѣ чашки арьяну, одну подала старшинѣ, а другую мнѣ; я спустилъ съ головы халатъ; дѣвушка, увидавъ во мнѣ, вмѣсто дочери старшины, русскаго, побѣжала къ матери, крича: это не дѣвушка, а русскій; послѣ чего всѣ не мало тому смѣялись.

Затѣмъ мы посѣтили одинъ значительный аулъ, въ которомъ былъ туркменскій посолъ Ата-Назаръ, собой не видный, но ловкій человѣкъ; онъ имѣлъ отъ хана жалованную саблю и золотой перстень и славился между жителями своимъ умомъ. Онъ пріѣзжалъ отъ туркменъ для замиренія киргизъ, которые съ первыми жили въ ссорѣ, и для убѣжденія дѣлалъ размѣнъ плѣнныхъ и скота, который былъ угнанъ у тѣхъ и дру-

гихъ. Я много разговаривалъ съ нимъ объ ихъ схваткахъ съ персіянами, и онъ охотно разсказывалъ мнѣ.

Во время моего проѣзда по этой степи, случилось мнѣ видѣть много степныхъ дикихъ звѣрей, а именно: дикихъ лошадей, архаровъ, сайгаковъ, волковъ, лисицъ, барсуковъ, которыхъ киргизы часто бьютъ изъ ружей и ловятъ капканами.

Далѣе пріѣхали мы въ аулъ, гдѣ росло большое джидовое дерево: его считаютъ святымъ и поклоняются ему, такъ какъ, по ихъ мѣстному повѣрью, оно исцѣляетъ калѣкъ. Это дерево называется *аулге* и замѣняетъ мечетъ. При мнѣ всѣ киргизы аула, въ томъ числѣ и мой старшина, ходили молиться этому дереву; въ числѣ ихъ находился и я, любопытствуя видѣть ихъ обрядъ; при этомъ моленіи читалась также и молитва за упокой умершихъ.

Послѣ того случилось мнѣ ночевать въ аулѣ одного киргизскаго серебряныхъ дѣлъ мастера: онъ дѣлалъ изъ серебра разныя вещи. Тутъ я встрѣтился съ молодымъ муллой, который разсказывалъ мнѣ о божествѣ, Мухамедѣ, Адамѣ и Евѣ, Іосифѣ, о продажѣ его братьями; разсказы его были отчасти сходны съ нашей библейской исторіей. Послѣ онъ разсказывалъ также о разныхъ богатыряхъ ихъ. У этого муллы было много учениковъ и самъ онъ былъ очень ученый человѣкъ. Далѣе намъ всѣмъ пришлось ночевать въ одномъ богатомъ аулѣ, въ которомъ въ то время оставались однѣ женщины, а мужчины всѣ отправились на баранту, кромѣ одного столѣтняго старика; этотъ старецъ умѣлъ хорошо гадать на баранью лопатку, онъ и мнѣ кое о чемъ гадалъ; женщины же съ нами много шутили.

Такимъ-то образомъ, по выѣздѣ изъ Хивы, я странствовалъ по киргизскимъ степямъ и торговалъ въ ихъ аулахъ.

Въ одномъ аулѣ пришла ко мнѣ въ шалашъ дочь старшины съ матерью своей; дѣвица эта была очень красива собою, прекрасно одѣта, съ виду мужественная и въ пріемахъ смѣлая; но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, шея ея выказывала большую неопрятность, была очень темнаго цвѣта и замѣтно давно не мыта. Она просила у меня хорошихъ шелковыхъ шалей; я сталъ ей показывать разные сорта, но только всѣ ей не понравились и она ни одной шали себѣ не выбрала. Затѣмъ начала надо мною смѣяться, порицать мои шали и запѣла пѣсню, которою задѣла мою честь; вотъ содержаніе этой пѣсни: «ты русскій, самый дрянной торговецъ, по нашей землѣ ѣздишь и плохой товаръ намъ продаешь; народъ обманываешь, да потомъ на свою сторону и уѣдешь».

Не желая за такой нелестный комплиментъ остаться въ долгу, я отвѣтилъ ей тоже пѣсенкой: «точно, согласенъ съ тѣмъ, что я, какъ ты

меня называешь, дрянной торговецъ, что у меня нѣтъ хорошихъ шалей; но хорошія я продалъ въ Хивѣ, хорошимъ дѣвушкамъ, а ты и себѣ желаешь хорошую шаль; она тебѣ, я думаю, не прилична будетъ, потому что у тебя шея чернѣе котельной сажи».

Киргизы, бывшіе при этомъ, всѣ захохотали, и она, смѣясь моей пѣснѣ, выразилась: «ай, яманъ урусъ!», т. е. ахъ ты, дрянной русскій»! Всѣ мы не мало смѣялись этой сценѣ.

Какъ на довольно замѣчательный фактъ изъ быта киргизъ, укажу я на ихъ праздникъ, бывающій въ сентябрѣ и называемый *курбанъ*; этотъ праздникъ состоитъ въ томъ, что всѣ, и богатые и бѣдные, рѣжутъ барановъ и приготовляютъ изъ нихъ свои кушанья, посѣщаютъ другъ друга, переходя изъ кибитки въ кибитку, и вездѣ угощаются бараниной, бѣгаютъ по степи и занимаются разными своими играми; особенно странный обычай въ этотъ праздникъ состоитъ въ томъ, что всякій киргизъ можетъ смѣло хватать за грудь молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, даже въ присутствіи ихъ отцовъ и матерей.

Между собою киргизы живутъ въ короткой пріязни и называютъ себя *тамыры*, т. е. друзья; дѣйствительно, ихъ расположеніе другъ къ другу такъ искренно, что каждый готовъ всѣмъ жертвовать для другаго; иногда они уступаютъ пріятелю даже свою жену.

Промышленность ихъ состоитъ преимущественно въ скотоводствѣ, но они занимаются и хлѣбопашествомъ, имѣютъ у себя также и лодки, на которыхъ ѣздятъ въ море ловить рыбу, и въ свѣжей водѣ, гдѣ увидятъ ее, бьютъ сандовою *). Они ѣздятъ на ловъ, сажая въ каждую лодку по 5-ти и по 6 человѣкъ; рыбу употребляютъ они въ пищу, а клей продаютъ намъ, или отправляютъ его въ Хиву. Сверхъ того, они ловятъ по морю и разныхъ птицъ во время ихъ линянія, особенно же тогда, когда птица бываетъ жирна; ловимыя ими птицы суть: красные лебеди, красные гуси, сѣрыя и другія утки, кижкалдаки.

Въ прежнее время рыбопромышленники часто терпѣли отъ киргизовъ, которые ихъ не только грабили, но брали также въ плѣнъ; теперь это вывелось и только рѣдко случается, что нападаютъ на промышленника для того собственно, чтобы отнять у него хлѣбъ и лишнюю одежду. Вышеупомянутые же киргизы-адаевцы изстари—разбойники.

Этимъ купецъ Абросимовъ заканчиваетъ свое повѣствованіе о странѣ, такъ мало еще посѣщаемой нашими соотечественниками.

М.

*) Сандова—длинный шестъ съ веревкой на верхнемъ концѣ и желѣзнымъ крючкомъ на нижней оконечности.

Топографическій очеркъ Арало-Каспійской низменности *).

Средняя Азія, часть которой составляетъ нынѣ Туркестанскій край, уже съ давнихъ временъ привлекала къ себѣ пытливые взоры ученыхъ. Въ числѣ ихъ были и такія свѣтила науки, какъ Гумбольдтъ, Риттеръ, Клапротъ, Дегинь, Абель-Ремюза. Средняя Азія, особливо ея гористая часть, представлялась какимъ-то загадочнымъ сфинксомъ, какъ относительно географіи, такъ и исторіи этого края. Здѣсь проходили, или вѣрнѣе: проносились народныя волны, стирая или поглощая въ себѣ разныя другія мелкія народности, отъ которыхъ, повидимому, не осталось въ настоящее время ничего, кромѣ именъ, записанныхъ и весьма часто — искаженныхъ китайскими лѣтописцами, которые, обыкновенно, всѣ иностранныя имена прилаживаютъ къ звукамъ своего языка **). Здѣсь жили или покрайней мѣрѣ отсюда двинулись на Европу гунны, авары, ю-э-чжи (геты), ань-си (пареяне) и еще множество другихъ народностей, уже исчезнувшихъ съ лица земли. Въ горныхъ массахъ Азіи и въ равнинахъ китайскаго Туркестана жили во II в. до Рожд. Христова загадочные уссуни, которыхъ германскіе ученые признали нѣмцами, повидимому изъ одного только страстнаго желанія вездѣ видѣть нѣмцевъ и прославить, хотя бы и съ натяжками, германское племя, какъ племя міровое ***). Здѣсь, въ Азіи процвѣтало и оставило памятники, замѣтные еще и въ настоящее время, кроткое ученіе Будды, ученіе, отразившееся и въ нашемъ христіанствѣ. Въ мѣстахъ, занятыхъ нынѣ тюркскими народами, находимъ мы явные слѣды пребыванія арійскаго племени и религіи огнепоклонниковъ. Слѣды этой

---

*) Статья эта прочитана была въ открытомъ засѣданіи Туркестанскаго отдѣла общества любителей естествознанія 8-го апрѣля.

**) Напр. Самаркандъ китайцы называютъ *Се-ми-сыганъ*; р. Или-*Али-мату*.

***) Въ китайскихъ лѣтописяхъ сохранилось имя усуньскаго князя *Вань-нянь*. Риттеръ, увлеченный своимъ нѣмецкимъ патріотизмомъ, нашелъ, что это имя есть искаженное нѣмецкое: *Варнеръ*, и что слѣдовательно уссуни—были нѣмцы.

религіи мы найдемъ даже въ нѣкоторыхъ обычаяхъ киргизъ. Съ другой стороны множество киргизскихъ обычаевъ поразительно сходны съ коренными русскими, или, по крайней мѣрѣ — съ великорусскими обычаями. Достойны замѣчанія также и нѣкоторыя повѣрья киргизъ; упомянемъ, для примѣра, о существованіи между киргизами повѣрья о *бабѣ-ягѣ*, извѣстной въ киргизской демонологіи подъ названіемъ: «женщины обжоры». Скажемъ здѣсь кстати, что и у финскихъ народовъ извѣстна баба-яга, подъ наименованіемъ *шьőттаръ-акка*, такъ что есть основаніе предположить: не есть ли неимѣющее смысла названіе *яга* искаженное финское слово *акка*.

Не менѣе интереса можетъ представить и географія Средней Азіи, даже географія тѣхъ безпредѣльныхъ степей, которыя отдѣляютъ ея плодородные оазисы отъ Европейской Россіи и западной Сибири. Объ этомъ-то степномъ пространствѣ я намѣренъ представить вашему вниманію нѣсколько подробностей:

Начну *ab ovo*:

Обширнѣйшая Туранская низменность, которой границы трудно опредѣлить, по крайней мѣрѣ на сѣверо-западѣ, заключаетъ въ себѣ киргизскую степь и всю Среднюю Азію до крайнихъ отроговъ Тянь-Шаня, Гималая и Гинду-Куша. На сѣверо-западѣ эта низменность сливается съ южно-русскою равниною, сохраняя, за небольшими исключеніями, тотъ же топографическій характеръ. Границами ея на дальнемъ западѣ могутъ служить только Карпаты. Казалось бы, что и на сѣверѣ эта низменность, называемая нѣкоторыми географами, напримѣръ Риттеромъ, *Туранскою*, — можетъ быть продолжена до самыхъ береговъ Ледовитаго моря, потому что тутъ нѣтъ рѣзкихъ границъ, каковы, напримѣръ: горные хребты. Но въ дѣйствительности съ сѣвера среднеазіятская низменность имѣетъ опредѣленную границу, которую нельзя оставить безъ вниманія. Эта граница — есть черта распространенія чернозема, или, другими словами: южная граница древняго черноземнаго материка.

Выраженіе это можетъ быть покажется не совсѣмъ понятнымъ; я постараюсь объясниться:

Если бы мы въ настоящую минуту имѣли передъ глазами карту распространенія чернозема въ Европейской Россіи, то увидѣли бы, что *черноземная полоса*, какъ ее называютъ въ географіяхъ, дѣйствительно имѣетъ видъ *полосы*. Намъ нѣтъ надобности очерчивать подробно сѣверную и западную границу этого черноземнаго пространства («величественнаго явленія», какъ выражался сэръ Родерикъ Мурчисонъ); обозначимъ только южную границу распространенія чернозема, потому что именно эта граница и составляла сѣверный берегъ средиземнаго Арало-Каспійскаго моря.

Граница эта проходитъ отъ Кишинева ломаною линіею къ Екатеринославлю, устьямъ Дона и по правому берегу Дона до Царицына; затѣмъ поворачиваетъ по правому берегу Волги до Саратова, переходитъ Волгу и идетъ, постепенно съуживаясь, къ Оренбургу, и по берегу Урала къ Орску.

Къ сожалѣнію, границы распространенія чернозема въ сѣверной части киргизской степи весьма мало изслѣдованы, такъ что нѣтъ никакой возможности непрерывно прослѣдить ихъ на пространствѣ между Ураломъ и Алтаемъ. Обстоятельство это весьма прискорбно; вѣрная и точная карта распространенія чернозема въ киргизской степи, въ связи съ изслѣдованіями Мурчисона, Рупрехта и Веселовскаго, пролила бы новый свѣтъ на все давнопрошедшее Арало-Каспійской низменности.

Все пространство, къ сѣверу отъ показанной нами границы до Ряжска, Тулы, Орла, Глухова, Кіева и Симбирска, покрыто сплошь черноземною почвою. Обстоятельство это указывается во всѣхъ географіяхъ, но тамъ не поясняется: какое значеніе имѣетъ это явленіе. Дѣло въ томъ, что по послѣднимъ изслѣдованіямъ Вейса и Рупрехта, черноземъ есть ничто иное, какъ остатки перегорѣвшей и перетлѣвшей луговой растительности, въ продолженіи огромнаго числа лѣтъ. Мы сказали уже, что пространство къ югу отъ показанной нами черты (т. е. отъ Кишинева до Орска) покрыто было водами внутренняго Арало-Каспійскаго моря; потому-то здѣсь и не могло образоваться чернозема, такъ какъ не было роскошной луговой и степной растительности, давшей матеріалъ для образованія чернозема на материкѣ, ограничивавшемъ съ сѣвера это море.

Сѣверные предѣлы этого материка, тянувшагося узкою полосою отъ Карпатовъ до Урала, также омывались водами, но уже не Арало-Каспійскаго, а Сѣверно-Русскаго моря. По этому въ сѣверной и восточной Россіи и не могла точно также образоваться черноземная почва, а взамѣнъ того изобилуютъ болота и торфяники, слѣды бывшихъ озеръ.

Подтвержденіе того, что черноземное пространство можно считать берегомъ древняго моря, мы находимъ между прочимъ въ прошлогоднихъ геологическихъ изслѣдованіяхъ фонъ-Кошкуля въ мѣстностяхъ у Красноводскаго залива. По его замѣчанію, плоскія вершины Балханскихъ горъ покрыты довольно значительнымъ пластомъ чернозема, котораго не встрѣчается нигдѣ въ окрестности, въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, занятыхъ сплошь осадками, такъ называемой арало-каспійской формаціи. Слѣдовательно предѣлы Арало-Каспійскаго моря на востокѣ доходили, по всей вѣроятности, до Хивы, а можетъ быть и далѣе, какъ предполагалъ Гельмерсенъ. Вершины Балханскихъ горъ, возвышающихся нынѣ на 5,560 ф. абсол. высоты, едва виднѣлись тогда надъ поверхностью этого моря, въ

видѣ небольшихъ острововъ, покрытыхъ хорошею травяною растительностью, образовавшею въ теченіи долгаго періода времени слой чернозема. Къ сожалѣнію, въ отчетѣ г. фонъ-Кошкуля не обозначена толщина этихъ черноземныхъ пластовъ. Обстоятельство это весьма важно, потому что по толщинѣ черноземнаго пласта можно судить о его древности. Напримѣръ, извѣстно, что русское черноземное пространство существуетъ уже отъ 2400 до 4000 лѣтъ. Масштабомъ для измѣренія возраста черноземнаго пространства послужили курганы, въ окрестностяхъ д. Седнево, въ Черниговской губерніи. Мѣстное преданіе относитъ эти курганы ко временамъ нашествія Батыя. Академикъ Рупрехтъ изслѣдовалъ до 800 такихъ кургановъ и нашелъ на вершинѣ ихъ слой чернозема, толщиною отъ 6 до 9 дюймовъ. Если дѣйствительно седневскіе курганы—суть могильные памятники временъ Батыя, то шести или девяти-дюймовый черноземный слой образовался въ теченіи 600 лѣтъ. А такъ какъ въ окрестностяхъ кургановъ черноземная почва имѣетъ толщины отъ 1 до 5 футовъ, то для образованія ея потребенъ былъ промежутокъ времени отъ 2400 до 4000 лѣтъ. Такимъ же образомъ могла быть опредѣлена также и древность черноземнаго пласта на плоскихъ вершинахъ Балханскихъ горъ. Не менѣе интереса представили бы и ботаническія изслѣдованія вершинъ Балханскихъ горъ; по всей вѣроятности и растительность на нихъ древнѣе растительности окрестной низменности, подобно тому, какъ напримѣръ флора Дудергофа древнѣе флоры всей той низменности, на которой стоитъ Петербургъ и всѣ его окрестности. Дудергофская флора почти тождественна съ южно-московскою, потому что вершины Дудергофа и окраины Московской губерніи имѣютъ одинаковый геологическій возрастъ

Упомянемъ еще объ одной горной группѣ, представляющей явственные слѣды того, что она нѣкогда составляла острова Арало-Каспійскаго моря. На лѣвомъ берегу Волги, въ степяхъ внутренней киргизской орды, возвышается уединенная группа холмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Большаго и Малаго Богдо. Они представляются въ видѣ невысокаго гребня, простирающагося отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Богдо значительно ниже Балхановъ, и возвышается только на 537 фут. абсолютной высоты. Однако же существуютъ явственные слѣды того, что Большой Богдо составлялъ нѣкогда морской островъ, а Малый Богдо—подводную банку или морской рифъ; именно: по склонамъ и на вершинѣ Малаго Богдо пески, заключающіе въ себѣ арало-каспійскія раковины, улеглись толстыми пластами, а это доказываетъ, что Малый Богдо былъ нѣкогда весь подъ водою, составляя подводный рифъ. Въ Большомъ Богдо пески съ арало-каспійскими раковинами прикрываютъ только часть склоновъ, вершина же—совершенно свободна отъ этихъ осадковъ; слѣдовательно, она нахо-

дилась выше уровня моря. Замѣчательно заявленіе Мурчисона, что растительность на Большомъ Богдо имѣетъ характеръ, совершенно отличный отъ растительности окрестной низменности, но англійскій геологъ не вдается ни въ какія дальнѣйшія подробности по этому предмету. Явленіе это совершенно понятно, если слушатели благоволятъ припомнить то, что я только что имѣлъ случай высказать о флорѣ Дудергофа.

Надъ морскими осадками, покрывшими склонъ Большаго Богдо, возвышается почти вертикально ея вершина. На этой вершинѣ еще и понынѣ явственно видны слѣды морскихъ волнъ, въ видѣ трещинъ и полостей, у основанія довольно широкихъ, и затѣмъ постепенно съуживающихся. Эти трещины и полости ни сколько не зависятъ отъ строенія горной породы *), составляющей вершину Богдо, и очевидно произведены дѣйствіемъ механическимъ, именно: прибоемъ волнъ. Совершенно подобныя же полости и вымоины замѣчаются и въ настоящее время въ Англіи, на береговыхъ крутизнахъ, подверженныхъ постоянному и сильному прибою морскихъ волнъ. Далѣе я буду еще имѣть случай указать, какое значеніе имѣетъ группа Богдо для геологической исторіи Арало-Каспійскаго моря, и я не даромъ упомянулъ о немъ въ моемъ бѣгломъ очеркѣ Арало-Каспійскаго бассейна.

Третій, большой островъ, который существовалъ въ Арало-Каспійскомъ морѣ, есть нынѣшній Усть-Уртъ, т. е. плоская возвышенность, безводная и безплодная, находящаяся между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Мурчисонъ полагалъ, что Арало-Каспійское море покрывало и Усть-Уртъ, предполагая на немъ арало-каспійскія образованія. Но это мнѣніе не подтвердилось; по наблюденіямъ Гельмерсена, Усть-Уртъ состоитъ изъ неогеновыхъ породъ, которыя гораздо древнѣе арало-каспійскихъ образованій. Слѣдовательно Усть-Уртъ былъ уже сушею въ то время, когда кругомъ него отлагались въ морѣ арало-каспійскіе пласты.

Явственные слѣды прибоя морскихъ волнъ, и притомъ на границѣ между арало-каспійскими и другими пластами, можно видѣть между прочимъ на правомъ берегу Волги, отъ Царицына до Сарепты и на берегахъ Сарпы. Этотъ берегъ состоитъ большею частію изъ мѣловыхъ пластовъ и возвышается на нѣсколько сотъ футовъ надъ уровнемъ Волги. Весь онъ изрѣзанъ мысами и выдающимися углами, столь характеристичными вообще для морскихъ береговъ.

Чтобы покончить съ древнею топографіею Арало-Каспійскаго бассейна, упомянемъ, что это море на сѣверномъ берегу своемъ вдавалось въ ма-

*) Тріасъ.

терикъ глубокимъ и узкимъ заливомъ. Именно: отъ Вольска и Сызрани, по лѣвому берегу Волги, до Спасска и Тетюшъ (въ Казанской губерніи) открыты Языковымъ арало-каспійскіе осадки. Въ этотъ-то заливъ Арало-Каспійскаго моря и впадала въ то время Волга почти подъ 55° сѣверн. широты.

И такъ обширный Арало-Каспійскій бассейнъ въ отдаленную геологическую эпоху былъ дномъ обширнаго внутренняго или средиземнаго моря. Это море осушилось, какъ можно предполагать, вслѣдствіе поднятія его дна на настоящую его высоту. Поднятіе это могло быть двоякое: или медленное, но непрерывно дѣйствующее, подобно поднятію береговъ Каспійскаго моря, дѣйствующему еще и понынѣ, поднятію Нордъ-Капа, которое дѣйствуетъ непрерывно, хотя и незамѣтно, въ продолженіи огромнаго числа лѣтъ, поднятію береговъ Онежскаго озера, на которое потребно было 5,400 лѣтъ, или Норвежскаго берега, который могъ подняться со дна моря на настоящую высоту только въ 24 тысячи лѣтъ *).

Но существовало или нѣтъ такое медленное поднятіе дна Арало-Каспійскаго бассейна, на это геологія не даетъ никакихъ указаній. Напротивъ, существуетъ доказательство, что происходили быстрыя поднятія морскаго дна, и притомъ не одно, а два, въ различные промежутки времени. Именно: на склонахъ горной группы Богдо видны полости и вымоины, о которыхъ я уже упоминалъ. Нѣсколько ниже этого ряда вымоинъ находится другой рядъ, доказывающій, что уровень Арало-Каспійскаго моря вдругъ понизился; подъ этою второю линіею выбоинъ и впадинъ также отложились арало-каспійскіе пласты, въ видѣ наклонныхъ песчанистыхъ наносовъ, съ каспійскими раковинами. Существованіе двухъ, явственно видныхъ линій бывшаго морскаго уровня, доказываетъ, что уровень моря понизился внезапно; иначе все пространство между верхнею и нижнею линіями морскаго прибоя было бы изрыто волнами.

Академикъ Бэръ открылъ еще одно доказательство, что уровень Арало-Каспійскаго моря понизился внезапно, въ противность мнѣнія Р. Мурчисона, который полагалъ, что это колебаніе почвы было медленное и постепенное. Доказательство г. Бэра заключается въ слѣдующемъ:

Извѣстно, что въ Астраханской степи, на правой сторонѣ Волги, замѣчаются ряды бугровъ. Эти бугры образуютъ длинныя, параллельныя гряды, идущія по направленію отъ востока къ западу. Длина ихъ измѣняется отъ 3, 5 до 7 и даже болѣе верстъ. Ширина ихъ и высота также не одинаковы. Подобные же бугры встрѣчаются также у среднихъ рукавовъ

*) Масштабомъ принимается поднятіе Нордъ-Капа на 5 ф. въ 100 лѣтъ.

Волги, но тамъ они большею частію низки и коротки. По мнѣнію Бэра, степные бугры суть слѣды быстрыхъ потоковъ водъ, хлынувшихъ на западъ, когда быстро поднялось дно Арало-Каспійскаго моря. Быстрый стокъ древняго моря, продолжавшійся недѣли, даже можетъ быть мѣсяцы, произошелъ, какъ доказываетъ направленіе бугровъ отъ востока къ западу, чрезъ Кумо-Манычскую низменность.

Что подобный переворотъ не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, доказываютъ греческія преданія, которыя также упоминаютъ о страшномъ наводненіи, которое произошло отъ водъ, быстро хлынувшихъ отъ востока къ западу. Память объ этомъ губительномъ наводненіи сохранилась въ самофракійскихъ преданіяхъ. Островъ Самофракія (Эфіопія, Дарданія, Левканія или Левказія) находился близь Дарданелъ и былъ населенъ особымъ народомъ, многія слова котораго удержались въ жертвенныхъ обрядахъ древнихъ мистерій Кабировъ. Здѣсь совершались священные обряды на алтаряхъ, обозначавшихъ предѣлъ наводненій. Самофракійцы вѣрили, что это наводненіе прорвало Босфоръ и Геллеспонтъ, а по мнѣнію Стратона Лампсакскаго — и столбы Геркулеса, т. е. нынѣшній Гибралтарскій проливъ. Очень возможно, что затопленіе Атлантиды, т. е. материка, находившагося на мѣстѣ нынѣшняго Атлантическаго океана, находится въ связи съ упомянутой мною катастрофою: поднятіемъ Арало-Каспійской низменности, прорывомъ Геллеспонта, Босфора и столбовъ Геркулеса. Затопленіе Атлантиды совершилось уже въ историческія времена. Извѣстія о воинственномъ народѣ, населявшемъ Атлантиду, сохранялись у египетскихъ жрецовъ, которые помнили по преданію и разсказывали заѣзжимъ иноземцамъ изъ Греціи, что губительное вторженіе атлантидовъ было остановлено греками, которые дали имъ сильный отпоръ.

Я упоминалъ уже, что Арало-Каспійское море имѣло острова, каковы напримѣръ были въ то время: Усть-Уртъ, Большой Богдо и Большой Балханъ. Неподалеку (къ западу) отъ Балхана существовалъ еще одинъ большой островъ, который впослѣдствіи имѣлъ огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу всего Арало-Каспійскаго бассейна. Этотъ островъ былъ—нынѣшній Кавказъ.

Первое поднятіе Кавказа со дна моря относится къ такъ называемому юрскому періоду, т. е. къ тому времени, когда на днѣ морей отлагались юрскіе пласты. Въ это время на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится гигантская Кавказская цѣпь, образовалась на днѣ моря трещина, изъ которой поднялись гранитныя массы. Эти массы приподняли и поставили наклонно огромные пласты чернаго глинистаго сланца и известняка. Этотъ же первый подъемъ выдвинулъ со дна моря, сначала еще небольшой и невысокій, *Кавказскій островъ*. По мнѣнію Дюбуа, этотъ переворотъ на-

ходится также въ связи съ образованіемъ тѣхъ гранитныхъ массъ южной Россіи, которыя тянутся отъ низовьевъ Дона до Пинскихъ болотъ и пересѣкаютъ Днѣпръ тринадцатью порогами.

Послѣ изверженія гранитовъ на Кавказскомъ островѣ наступилъ періодъ покоя. Въ это время по обѣ стороны Кавказскаго хребта, въ прилегавшихъ къ нему моряхъ, отложились пласты мѣловой формаціи *). Въ концѣ отложенія этихъ пластовъ совершился на южной сторонѣ Кавказскаго острова новый подъемъ, причемъ выступилъ хребетъ Закавказья, извѣстный подъ наименованіемъ Грузино-Имеретинскихъ горъ. Во время этого переворота, у сѣверной подошвы Кавказскаго хребта, разстилалось еще обширное Арало-Каспійское море, покрывавшее всѣ южно-русскія степи, киргизскую степь и часть Средней Азіи; съ южной же стороны Кавказа находился одинъ только узкій, морской проливъ, занимавшій Куро-Ріонскую долину, т. е. нынѣшнюю Грузію и Мингрелію.

Въ то время, когда въ упомянутыхъ моряхъ отлагались такъ называемые, верхніе пласты мѣловой формаціи, начались на Кавказскомъ островѣ первыя изверженія волкановъ и открылись обширнѣйшіе волканическіе кратеры. Таковы, напримѣръ, были порфировые уступы Шуши, озеро Гокчай, которое есть ничто иное, какъ волканическій кратеръ, наполненный водою. Оно лежитъ на высотѣ 5,000 ф. и со всѣхъ сторонъ окружено волканами, составляющими кругомъ его какъ бы стѣну. Сомхетія составляетъ также одинъ изъ кратеровъ, или какъ называетъ Дюбуа—амфитеатровъ; она вся состоитъ изъ мощныхъ потоковъ лавы и обсидіана и окружена волканами Тріалетскихъ горъ, Безобдала, Памбака и Алагеза.

Эти волканическія дѣйствія значительно измѣнили видъ кавказскаго острова, но имѣли весьма мало вліянія на самый Арало-Каспійскій бассейнъ, все еще разстилавшійся къ сѣверу и востоку отъ Кавказа. Но въ то время, когда на днѣ этого бассейна отложились, такъ называемые, третичные пласты, совершился на Кавказѣ новый гигантскій переворотъ: въ Кавказской горной цѣпи начались изверженія трахитовъ, образовавшія высочайшіе трахитовые конусы: Эльборусъ, Казбекъ, Араратъ, Пасесмта, Красная гора и другіе. Всѣ эти гигантскіе, нынѣ потухшіе волканы **) состоятъ изъ огромныхъ потоковъ лавы и трахита, какъ бы еще недавно остановившихся въ своемъ теченіи. Потоки лавы залили всю долину

*) Т. е. не собственно бѣлый мѣлъ, а известковый сланецъ и зеленый песчаникъ.

**) Араратъ есть единственный и по нынѣ дѣйствующій волканъ на Кавказѣ. Послѣднее изверженіе Арарата было въ 1840 году и описано Абихомъ.

р. Малки, и здѣсь, медленно остывая, растреснулись на огромныя, вертикальныя призмы. По составу своему, трахитъ Эльборуса, Казбека и Арарата совершенно однороденъ съ трахитомъ Чимборассо, Пичинча и Этны.

Эти трахитовыя изверженія, поднявшія Кавказскую цѣпь на настоящую ея высоту, осушили и значительную часть дна Арало-Каспійскаго бассейна; именно, осушены были всѣ тѣ пространства, которыя нынѣ состоятъ изъ пластовъ степнаго известняка. Прежніе небольшіе острова явились на обсохшемъ днѣ невысокими горами, каковы напримѣръ: Богдо, Индерскія горы, и другія. Этимъ же гигантскимъ поднятіемъ положено было также начало отдѣленію Каспійскаго моря отъ Чернаго. Впослѣдствіи совершилось еще одно поднятіе дна Арало-Каспійскаго бассейна, причемъ Каспійское море получило нынѣшній свой, низкій уровень, и какъ можно полагать, прорваны были: Босфоръ, Геллеспонтъ и даже столбы Геркулеса. Объ этомъ я уже имѣлъ случай упомянуть прежде.

Таково прошедшее Арало-Каспійской низменности.

Н. Маевъ.

Изъ Кокана.

Исполняя обѣщаніе свое, пишу къ вамъ первую корреспонденцію мою, уже изъ предѣловъ Коканскаго ханства. О путешествіи пока много сказать не могу: очевидно, что оно въ полномъ размѣрѣ начнется лишь послѣ посѣщенія хана. Отсюда (изъ г. Махрама) я хотѣлъ послать съ банкой за горнымъ масломъ (Хаджи-Юнусова), но мнѣ отвѣчали, что безъ разрѣшенія хана это невозможно. Впрочемъ, на недостатокъ предупредительности и любезности жаловаться нельзя; извѣщенныя предварительно, и уже имѣющія предписанія изъ г. Кокана, власти приготовляютъ помѣщеніе, ѣду и выѣжаютъ на встрѣчу. Здѣшній бекъ (махрамскій), правда, не показался, но назначилъ чиновника съ палочкой (юзъ-баши), для исполненія нашихъ желаній. Въ Махрамѣ мы ночевали и черезъ день прибыли въ Коканъ.

Вообще начало путешествія нашего убѣждало, что мы будемъ совершать его съ полнымъ удобствомъ и безопасностью. Единственно, что могло представить затрудненіе, — волненіе въ сторонѣ Каратегина, устраняется: еще въ Ходжентѣ я получилъ свѣдѣніе, что возстаніе подавлено и на дняхъ казненъ въ Коканѣ послѣдній изъ взятыхъ 12 мятежниковъ, и притомъ казненъ самымъ варварскимъ образомъ: на одномъ мосту ему отрубили носъ, повели на другой и тамъ отрѣзали уши. на третьемъ — руки, и наконецъ на четвертомъ — голову.

Ходжентъ возбудилъ къ себѣ мое вниманіе: это городъ многихъ, и притомъ самыхъ важныхъ для здѣшняго края производствъ (шелководство, хлопокъ, крашеніе, ткачество); къ тому же въ Ходжентѣ есть всѣ условія для дальнѣйшаго развитія этихъ и многихъ другихъ отраслей промышленности: благопріятный климатъ, трудолюбивое и понятливое таджикское населеніе, близость каменнаго угля, сосѣдство съ богатымъ Коканомъ, нахожденіе на Сыръ-Дарьѣ.

Относительно болѣзни шелковичнаго червя свѣдѣнія утѣшительныя: болѣло мало, а въ Ташкентѣ, какъ говорятъ, обнаружилась болѣзнь

только у Хаджи-Юнусова. Количество полученныхъ въ нынѣшнемъ (1871) году въ Ходжентѣ коконовъ, огромно. Сѣмяна, оставшіяся отъ прошлогодней заготовки для вывоза, всѣ были пущены на выводку. Это повело за собой недостатокъ тута и цѣна на него поднялась болѣе чѣмъ втрое: за осла (пять сноповъ) платили отъ 1 р. 40 к. до 2 р., тогда какъ въ прошломъ году самая дорогая цѣна была 60 к. Повышеніе цѣны на тутъ не оправдало расчетовъ на большой барышъ, да къ тому же и цѣна на коконы упала: вмѣсто 14—16 (1870 г.) они стоятъ около 6 р. 50 к.; были сдѣлки даже по 4 р. Въ настоящее время дѣляются большія закупки; такъ напр. Арзаматъ-ходжа купилъ на 2,000 тиллей коконовъ, для отправки въ Бухару.

Изъ письма А. П. Федченко, отправленнаго 2-го іюля, изъ с. Шагимардана, видно, что встрѣтились нѣкоторыя затрудненія для дальнѣйшей поѣздки нашего неутомимаго естествоиспытателя къ горнымъ переваламъ, ведущимъ въ Каратегинъ. Въ началѣ юзъ-баши Ташъ-Магометъ охотно вызвался сопровождать экспедицію А. П. Федченко; но 2-го іюля жители Шагимардана явились къ караулъ-беги Абду-кариму, и заявили, что они считаютъ опасною поѣздку къ перевалу Каракозукъ. По ихъ словамъ, съ той стороны перевала легко можетъ быть произведено нападеніе, даже единственно для того, чтобы сдѣлать непріятное хану, явно покровительствующему путешествующей по Кокану ученой экспедиціи.

Такъ какъ коканскій ханъ указывалъ только на опасность экскурсій къ сторонѣ перевала Теректы-даванъ, ведущаго въ кашгарскія владѣнія, и разрѣшилъ произвести экскурсіи къ сторонѣ Каратегина, то А. П. Федченко указалъ на это обстоятельство въ письмѣ своемъ къ мехтеру и заявилъ, что онъ останется пять дней въ Шагимарданѣ, въ ожиданіи отвѣта отъ коканскаго хана. Во всякомъ случаѣ А. П. Федченко надѣется доѣхать до озера, чрезъ которое протекаетъ р. Аксу; тамъ уже можно будетъ узнать навѣрное: на сколько безопасенъ дальнѣйшій путь къ перевалу Каракозукъ.

Изъ письма А. П. Федченко видно, что главный источникъ затрудненій въ экскурсіи къ каратегинскимъ переваламъ—назначеніе, для сопровожденія экспедиціи, караулъ-беги Абду-Карима, городскаго жителя, который, кромѣ большихъ городовъ и селеній, нигдѣ не бывалъ и чувствуетъ почти суевѣрный страхъ предъ горами. Когда экспедиція проѣзжала изъ Варуха въ Сохъ, чрезъ тѣснину Караколъ, то караулъ-беги все время читалъ молитву и со страхомъ поглядывалъ на висящіе камни. Онъ же поддерживаетъ и всѣ слухи объ опасностяхъ при экскурсіи къ перевалу Каракозукъ. Неосновательность всѣхъ этихъ опасеній видна уже

изъ того, что у подошвы перевала стоятъ аулы коканскихъ киргизъ и въ нихъ живутъ люди юзъ-баши Ташъ-Магомета, завѣдывающаго дорогой. Слѣдовательно всегда можно было бы имѣть во время свѣдѣнія о появленіи непріязненныхъ шаекъ, такъ какъ конная дорога одна. «Все это, говоритъ А. П. Федченко, наводитъ сомнѣніе — удастся ли намъ посѣтить Алай и вообще совершить путешествіе въ задуманныхъ размѣрахъ».

Въ Шагимарданъ А. П. Федченко проѣхалъ горами, не заѣзжая въ Маргл янъ. Бекъ маргланскій, Султанъ-Муратъ еще не возвращался, а ѣхать туда, чтобы видѣть глиняный городъ, едва ли стоило. Все это время А. П. Федченко предпочелъ проработать въ горахъ.

Я откладывалъ сообщеніе дальнѣйшихъ подробностей о моемъ путешествіи, до представленія хану, потому что тогда только могъ разрѣшиться вопросъ: какія мѣстности ханства будутъ доступны нашимъ наблюденіямъ. 12-го іюня наконецъ послѣдовало представленіе. Ханъ принялъ меня въ своемъ дворцѣ. Аудіенція ограничилась только тѣмъ, что онъ принялъ письмо, которое я долженъ былъ вручить отъ имени г. генералъ-губернатора, спросилъ о его здоровьѣ, прочелъ все письмо и сказалъ: «якши» (хорошо). Затѣмъ намъ показали нѣсколько комнатъ дворца, надѣли халаты и—мы возвратились домой. Слово «якши» было разрѣшеніемъ мнѣ путешествовать по Коканскому ханству.

На другой день я много говорилъ съ мехтеромъ о подробностяхъ путешествія. Онъ описывалъ самыми мрачными красками горныя дорожки, разсказалъ, что будто бы горные жители, для безопасности при ходьбѣ по горамъ, привязываютъ поперегъ своего тѣла длинную палку, чтобы при паденіи было чѣмъ зацѣпиться и т. п. Я поблагодарилъ его за эти свѣдѣнія, но сказалъ, что надѣюсь на себя и на О. А. *), потому что уже и прежде приходилось намъ путешествовать по дурнымъ, горнымъ дорогамъ. Изъ мѣстностей, упомянутыхъ въ письмѣ г. генералъ-губернатора, мехтеръ указалъ только на Терекъ-даванъ **), какъ на мѣсто, опасное для нашего посѣщенія, увѣряя, что близко по ту сторону горъ стоитъ кашгарскій пикетъ, который конечно, при слухахъ о нашемъ путешествіи, будетъ усиленъ. Рѣшили пройти по дорогѣ къ этому перевалу, на сколько можно.

Коканъ я успѣлъ осмотрѣть довольно бѣгло; подробно осматривалъ я только писчебумажную фабрику, единственную во всемъ ханствѣ. Отно-

---

*) О. А. Федченко.

**) Горный перевалъ, ведущій въ кашгарскія владѣнія.

сятся къ намъ въ высшей степени ласково и предупредительно; гостепріимство—полное. Вообще, намъ можно быть вполнѣ довольнымъ, и если кое что дѣлается не вполнѣ такъ, какъ бы хотѣлось, а главное—медленно, то это происходитъ единственно отъ непривычки или отъ неумѣнья. При разъѣздахъ по городу, насъ сопровождаетъ почетный конвой, который нещадно разгоняетъ палками любопытныхъ. Для сопровожденія экспедиціи въ предѣлахъ ханства, назначенъ караулъ-беги Абду-Каримъ, съ семью джигитами, а чтобы мы вездѣ имѣли безпрепятственный проѣздъ, ханъ снабдилъ меня открытымъ предписаніемъ ко всѣмъ начальствующимъ лицамъ. Привожу въ переводѣ это предписаніе:

«Правителямъ, аминамъ, серкерамъ и другимъ начальствующимъ лицамъ округовъ: Маргелана, Андыджана, Шахаръ-хана, Арабалъ и Булагбаши, и городовъ: Уша, Учь-Кургана, Чеміана, Суха, Исфара, Чарку и Уаруха, да будетъ извѣстенъ сей высочайшій приказъ: шесть человѣкъ русскихъ, и въ числѣ ихъ—одна женщина, съ семью служителями, ѣдутъ видѣть гористыя страны, почему повелѣвается, чтобы въ каждомъ округѣ и въ каждомъ мѣстѣ ихъ принимали, какъ гостей, чтобы никто изъ кочевниковъ и сартовъ ихъ не трогалъ, и чтобы упомянутые русскіе совершили свое путешествіе весело и спокойно. Это должно быть исполнено безпрекословно»!

Къ открытому предписанію приложена была имянная печать Сеидъ Магомедъ-Худояръ хана.

Маршрутъ, который я первоначально составилъ, былъ слѣдующій: изъ Кокана я предположилъ ѣхать въ Испару, откуда горами пробраться въ Маргляпъ, дѣлая экскурсіи къ снѣговымъ горамъ, по долинамъ рѣкъ: Испары, Кокана и Шагимардана. Дальнѣйшій маршрутъ долженъ былъ опредѣлиться въ Маргланѣ, по согласію съ Султанъ-Мурадъ-бекомъ.

17-го іюня мы отправились въ первую нашу экскурсію на Испару. Первый ночлегъ мы имѣли въ с. Яйпанѣ; отсюда уже недалеко и граница культурной полосы. Она оканчивается у равата Каримъ-диваны, который теперь изъ заѣзжаго двора передѣлываетъ его въ свою гробницу. У Равата же дорога входитъ въ ущелье Ляккопъ-Дагана, по которому течетъ соленый ручей. Видъ отсюда на долину Ферганы чрезвычайно живописенъ: такой массы культурной зелени я ни разу еще не видалъ въ Средней Азіи. Сады и поля непрерывно идутъ до г. Кокана и далѣе, къ Сыръ-Дарьѣ. Направо и налѣво они тянутся тоже почти непрерывно и только близъ подошвы невысокихъ, конгломератовыхъ горъ, остаются пространства невоздѣланной земли. Все это богатство садовъ и полей обусловлено множествомъ арыковъ, вѣерообразно отходящихъ отъ горныхъ рѣчекъ, тамъ, гдѣ они выходятъ изъ горъ на степь.

Ущелье Ляккон довольно широко. Дорога по нем проходить арбяная; местами дорога переходить чрез узкія, каменистыя тѣснины, но до самой Испары остается удобною для колесной ѣзды, и мы встрѣтили очень много арбъ, возвращавшихся съ испаринскаго базара. Дорога эта имѣетъ только одно неудобство: на протяженіи 25 верстъ она безводна. Горы состоятъ изъ конгломератовъ, третичныхъ глинъ и гипса; здѣсь ломаютъ много алебастра, отвозимаго въ Коканъ. Въ сторонѣ отъ дороги добывается жерновый камень. Изъ этихъ горъ текутъ незначительные соленые ручьи.

Испара и смежные съ нею: Чильгары, Кулькентъ и Ляккон лежатъ въ обширной долинѣ, тянущейся съ востока на западъ, и лежащей уже значительно выше коканской степи.

Испара—древняя Асфера, сообщившая свое названіе цѣлому хребту горъ (Асфератскія горы у Гумбольдта) не имѣетъ никакихъ остатковъ глубокой древности. Въ самой Испарѣ древнѣе всего развалины обширной мечети изъ жженаго кирпича; постройку мечети жители приписываютъ Абдулла-хану, а потому называютъ ее: «медрессе-и-Абдулла-ханъ». Въ ущельѣ лежатъ, на искуственномъ холмѣ развалины кургана, который теперь совершенно разрушился, и у жителей не сохранилось даже указаній: кто и когда въ немъ жилъ. Выше, на скалѣ есть остатки другаго, небольшаго кургана; и тотъ и другой называются жителями Зимраша.

Въ Испарѣ кончается арбяной путь; далѣе дорога идетъ по широкому и чрезвычайно живописному ущелью, и верстъ чрезъ 18 приводитъ въ продольную (направленіе къ в. з.) долину, гдѣ лежатъ села: Суръ и Чарку. Чрезъ ущелье, по которому протекаетъ р. Испара, мы переѣхали въ продольную долину, гдѣ лежитъ село Варухъ. Общій характеръ мѣстности здѣсь слѣдовательно—террасовидный. Селенія лежатъ на продольныхъ площадкахъ, раздѣленныхъ не очень высокими, скалистыми и совершенно голыми горами. Слѣдующія цифры дадутъ приблизительное понятіе объ относительной высотѣ этихъ террасъ: Коканская степь 2,200 ф., Чаркуйская 3,500, Варухская 4,600.

Варухъ—послѣдній кишлакъ; выше его, въ горахъ лежатъ пашни варухскихъ жителей, таджиковъ, а еще выше—лѣтовки (яйлау) киргизъ. Въ этихъ горахъ кочуютъ киргизы-кипчаки, и благодаря встрѣчѣ съ однимъ ханскимъ джигитомъ Хасаномъ-пянджбаши, мы проѣхали въ Джиптыкъ-яйлау, гдѣ проводитъ лѣто одинъ изъ кипчакскихъ біевъ: Катта-Айтъ-Магометъ бій. Дорога въ его аулъ идетъ изъ Варуха, по ущелью Ходжа-Чибурганъ, по которому поднимаются на Джиптыкскій перевалъ, имѣющій до 12,000 ф. высоты (высота барометра 485.2 mm при t=16.0° C).

Спускъ съ перевала чрезвычайно крутъ; почти прямо подъ ногами протекаетъ рѣка Джиптыкъ, на высотѣ 9,500 ф.

Весьма любопытна была поѣздка, которую мы сдѣлали къ верховьямъ Джиптыка. Эту рѣчку должно считать началомъ р. Испары. Вытекаетъ она изъ ледника, который лежитъ верстахъ въ 8 отъ кочевки бія. Чтобы ознакомиться съ ледникомъ, я прошелъ по склону горы на сколько было можно (около 4 версты) и затѣмъ перешелъ на самый ледникъ. Начало ледника составляетъ обширный, продолговатой формы циркъ, лежащій вдоль главнаго, снѣговаго хребта, и на сѣверѣ запертый скалистыми горами, оставляющими узкій (въ $^3/_4$ версты) выходъ массѣ льда. Наибольшее протяженіе цирка (O W) между высшими точками — до 8 верстъ. Южный край цирка обставленъ девятью пиками, изъ которыхъ нѣкоторые очень высоки, полагаю, не менѣе 18—19,000 ф. Самое низкое мѣсто между пиками едва ли ниже 14,000 ф. Изъ промежутковъ между пиками спускаются въ циркъ обширные ледники, приносящіе большіе боковыя морены. Эти морены на главномъ ледникѣ дѣлаются срединными. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я былъ на ледникѣ (около 12,000 ф.), ясно видно было семь рядовъ камней. Поверхность ледника была изборождена въ этомъ мѣстѣ множествомъ ручейковъ и прикрыта тонкимъ слоемъ шероховатаго льда. Ниже этого слоя былъ зеленоватый ледъ, со множествомъ пузырьковъ (фирнъ). Кромѣ моренъ, большіе и малые камни разбросаны на поверхности ледника и нѣкоторые изъ нихъ, предохранивъ лежащій подъ ними ледъ отъ дѣйствія солнца, оказались лежащими на столбикахъ льда, образуя, такъ называемые, столы. Подъ этими камнями въ изобиліи найдено насѣкомое (Podura), встрѣченное и на европейскихъ ледникахъ.

Ниже — морены теряютъ свою правильность, сливаются и покрываютъ камнями всю поверхность ледника. Нижній конецъ ледника спускается до высоты 12,500 ф. Въ прежнее время онъ имѣлъ большіе размѣры. Это можно заключить изъ того, что конечная морена, въ видѣ полукруглаго вала, лежитъ саженяхъ въ 25 отъ теперешняго края ледника, и затѣмъ на склонахъ ущелья, надъ конечной мореной сохранились два уступа, очевидные слѣды бывшихъ боковыхъ моренъ. Верхній уступъ лежитъ на высотѣ 30 саж. надъ дномъ долины. Теперешній ледникъ имѣетъ на концѣ только около 12 саж. высоты. Съ края его почти постоянно сыплятся камни, увеличивая собой конечную морену. Что конечная морена уже давно отошла отъ ледника, доказывается множествомъ растеній, выросшихъ между камнями морены. Рѣчка образуется изъ трехъ рукавовъ: средній вытекаетъ изъ подъ льда, боковые текутъ по краямъ ледника, по временамъ пропадая подъ льдомъ или боковыми моренами. Начало боковаго ручья я видѣлъ: онъ каскадомъ падаетъ изъ трещины, верстахъ въ трехъ отъ конца

ледника. Трещины эти широки (до 1 аршина) и воспрепятствовали мнѣ спуститься съ ледника.

Ледникъ и высшій пикъ, въ честь глубокоуважаемаго президента нашего Общества, я назвалъ ледникомъ и пикомъ Щуровскаго.

Джиптыкъ нѣсколько ниже принимаетъ нѣсколько ручьевъ и получаетъ названіе Кереушина. Ходжа-Чибурганъ впадаетъ въ р. Кшемишъ. Ниже Варуха Кшемишъ и Кереушинъ соединяются и образуютъ весьма значительную рѣку Испару. Экскурсія эта была особенно интересна по множеству альпійскихъ (10,000—12,000 ф.) растеній, встрѣченныхъ вблизи ледника и на перевалѣ Джиптыкъ. Любопытно еще нахожденіе въ этихъ горахъ кустарника Caragana, весьма характеристичнаго для Нарынскаго края и ни разу не попадавшагося мнѣ въ Заравшанской долинѣ.

Вернувшись въ Варухъ, мы отправились горами, чрезъ киргизское селеніе Кара-булакъ въ Сохъ. На этомъ переѣздѣ особенно любопытно ущелье Караколъ, по которому изъ террасы, составляющей продолженіе Варухской, мы спустились въ террасу, соотвѣтствующую Чаркуйской.

Изъ Соха идетъ дорога въ Каратегинъ; къ сожалѣнію, мнѣ не придется проѣхать по ней: недавнее возстаніе киргизъ сдѣлало эту дорогу недоступной для коканцевъ. Жители Соха боятся показаться въ ущельѣ, начинающемся близь самаго селенія. Между тѣмъ, судя по разсказамъ, эта дорога должна быть чрезвычайно любопытна. Трудности ея подали поводъ къ слѣдующимъ стихамъ: «если не имѣешь надобности, не ѣзди въ Зардалю; если нѣтъ крайности, не ѣзди въ Чаканду; если нѣтъ скораго дѣла, не ѣзди въ Ходжа-Шиканъ».

Трудности дороги заключаются въ восьми перевалахъ, для обхода стремнинъ рѣки, въ переплавѣ чрезъ горное озеро, чрезъ которое переходятъ зигзагами, по мелкимъ мѣстамъ, и въ переходѣ чрезъ Таракъ, который есть ничто иное, какъ Заравшанскій ледникъ. Слово Таракъ значитъ: гребень; ледникъ названъ такъ по множеству трещинъ, чрезъ которыя приходится переходить. Для безопасности привязываютъ поперегъ тѣла длинныя палки, чтобы, въ случаѣ паденія въ трещину, зацѣпиться о края и удержаться, пока подадутъ помощь товарищи. Выходитъ эта дорога на каратегинское селеніе Яркушъ, откуда, черезъ Сакау и Калаиобъ пріѣзжаютъ въ Гармъ. Трудности этой дороги не остановили бы меня, но враждебное положеніе киргизъ заставляетъ выбрать для посѣщенія какой либо другой перевалъ, лежащій восточнѣе.

Повторю еще разъ, что гостепріимствомъ и предупредительностью коканцевъ я вполнѣ доволенъ и вообще есть надежда на успѣшный исходъ предпринятаго путешествія.

Въ кишлакѣ Сохъ мы сдѣлали дневку; прямо ли поѣдемъ отсюда въ Марглянъ, или сначала посѣтимъ Шагимарданъ, еще не рѣшено.

Послѣ послѣдняго письма, въ которомъ я сообщалъ подробности путешествія по Кокандскому ханству, я пробылъ въ Шагимарданѣ еще пять дней. Въ это время мехтеръ увѣдомилъ меня, что ханъ уѣхалъ изъ Кокана, что письмо мое отправлено къ нему и что онъ, съ своей стороны, не совѣтуетъ мнѣ ѣхать въ каратегинскія владѣнія. Откуда онъ взялъ, что я хочу отправиться въ Каратегинъ,—не понимаю!

На другой же день отправились мы изъ Шагимардана къ перевалу Каракозукъ. На горе джигитовъ, посланныхъ со мной, на полъ-дорогѣ встрѣтился намъ юзъ-баши, завѣдующій дорогой; онъ только что выѣхалъ изъ ауловъ, стоящихъ у перевала, слѣдовательно зналъ, что никакой опасности нѣтъ. Джигиты же расчитывали, что мы повернемъ назадъ отъ озера, гдѣ дорога довольно дурна и гдѣ приходится много разъ переѣзжать рѣчку въ бродъ. Съ юзъ-баши безъ всякихъ препятствій мы доѣхали до ауловъ у перевала, гдѣ и остановились на ночлегъ.

На другой день двинулись мы далѣе, къ перевалу, до котораго отъ мѣста ночлега оставалось верстъ восемь. Проѣхавъ версты три, джигиты слѣзли съ лошадей и указали, гдѣ находится *даванъ* (перевалъ), который, по ихъ словамъ, былъ уже недалеко—на лѣво, за горой. Никакія просьбы не могли заставить ихъ добровольно ѣхать далѣе, по крайней мѣрѣ до того мѣста, откуда видѣнъ перевалъ. Джигиты упорно отказывались, и для большей убѣдительности, даже легли на землю. Только тогда, когда я отъѣхалъ отъ нихъ одинъ на полъ-версты, они присоединились ко мнѣ, но все таки остановились у подошвы перевала. Убѣдить ихъ подняться на даванъ не было никакой возможности. Не поѣхалъ бы и юзъ-баши, вообще охотно ѣхавшій съ нами, хотя всю дорогу на него сыпались упреки, даже угрозы пожаловаться мехтеру за то, что онъ ѣдетъ съ нами, и т. п.

Опасности между тѣмъ не было ни малѣйшей; послѣ оказалось, что юзъ-баши послалъ впередъ, на перевалъ, киргиза, который и сидѣлъ тамъ, въ качествѣ караула, все время, пока мы были внизу. Еще позже я узналъ, что и за переваломъ лежатъ также коканскія земли (по р. Кокъ-су).

Такимъ образомъ оказывается, что отказъ со стороны джигитовъ ѣхать съ нами было просто нежеланіе ихъ пробыть лишній день въ горахъ и испытывать всякія затрудненія и неудобства горной ѣзды. Если бы мы доѣхали только до озера, то они въ тотъ же день, къ ночи были бы снова въ кишлакѣ; если бы мы вернулись оттуда, гдѣ джигиты легли

на землю, надѣясь тѣмъ отклонить насъ отъ дальнѣйшей поѣздки, что намъ пришлось бы провести только одну ночь въ киргизскомъ *яйлау* (высота его 9,500 фут.), что дѣйствительно не особенно пріятно: и голодно и холодно. А тутъ, въ добавокъ, мы настаиваемъ ѣхать еще 6 верстъ, по скверной, каменистой дорогѣ!... Если сравнить стоянку въ киргизскомъ яйлау, и въ кишлакѣ, въ родѣ Вадиля или Учь-кургана, то становится совершенно понятно, почему джигиты такъ неохотно ѣдутъ въ горы и подъучаютъ жителей и власти говорить, что дороги нѣтъ, что ѣхать не безопасно, и т. п. Они пробовали даже убѣждать, что мы можемъ упасть съ обрыва и расшибиться. При одной экскурсіи, гдѣ есть, дѣйствительно, очень опасное мѣсто (карнизъ—подъемъ по скалѣ надъ озеромъ), караулъ-беги поручилъ даже взять съ меня росписку, что я пошелъ по этому опасному мѣсту, не взирая на ихъ предостереженія. Между тѣмъ по времени года, богаты животными и растеніями только мѣста, вблизи снѣговъ. Особенно замѣтно это на растеніяхъ. Средина іюля—самое лучшее время для собиранія альпійскихъ растеній (на высотѣ около 12,000′).

Я еще не сообщилъ вамъ, что въ Шагимарданѣ находится гробница самаго уважаемаго коканскаго святаго—Шаги-Мардана (царь людей), котораго жители считаютъ за четвертаго калифа—Али. Въ Шагимарданѣ соединяются двѣ рѣчки: Кара-су и Акъ-су. По Кара-су я проѣхалъ верстъ шесть, а по Акъ-су до Каракозукскаго перевала (30 верстъ). Акъ-су образуется изъ нѣсколькихъ ручьёвъ, изъ которыхъ главный, Алаудинъ, судя по цвѣту воды и по разсказамъ, вытекаетъ изъ ледника. Перевалъ находится у верховьевъ ручья Каракозука. Я поднялся по ущелью до высоты 12,000′. Со старой морены, загромождающей вершину ущелья, видны были на лѣво, на горѣ, зигзаги дороги, запорошенные выпавшимъ наканунѣ снѣгомъ; это и есть перевалъ. Высота самаго перевала будетъ около 14,000 фут. Къ востоку и западу отъ перевала возвышается нѣсколько пиковъ, изъ которыхъ многіе не ниже 19—20,000 фут. Снѣговой хребетъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ направленіе не строго съ востока на западъ, но уклоняется къ югу. Впрочемъ, объ этомъ, также какъ и о другихъ географическихъ результатахъ, я получилъ ясное представленіе только послѣ посѣщенія Исфайрамскаго давана.

Во время моего пребыванія въ Учь-курганѣ, я посѣтилъ Музафаръ-ша, бывшаго каратегинскаго бека. Онъ былъ въ большемъ горѣ: только что похоронилъ свою любимую 16-ти лѣтнюю жену, на которой женился когда ей было только 12 лѣтъ. О. А. *) посѣтила мать умершей. Все

*) О. А. Федченко.

лицо ея было изодрано, въ знакъ печали; говорить она не могла, а только охала и плакала.

Музафару-ша лѣтъ 50; но это еще крѣпкій, здоровый мужчина. Надежды мои получить отъ него свѣдѣнія о географіи Каратегина мало оправдались. Онъ далъ мнѣ списокъ своихъ предковъ, но не могъ довести свой родъ до Александра Македонскаго, на происхожденіе отъ котораго ша претендуетъ.

30-го іюля прибыли мы въ Ошъ, благополучно посѣтивъ Алай, или точнѣе—его южный конецъ, у каратегинской границы. Въ Алай я проѣхалъ изъ Учь-кургана чрезъ перевалъ Исфайрамъ, въ сопровожденіи назначеннаго марглянскимъ бекомъ, султаномъ Мурадомъ, Нуръ-Магометъ-мирахура; изъ Алая же въ Ошъ проѣхали чрезъ, такъ называемый, малый Алай. Вся эта поѣздка, съ трехдневнымъ пребываніемъ въ Алаѣ, заняла 14 дней, (отъ 17 до 30 іюля), въ которые мы сдѣлали около 220 верстъ: около 70 изъ Учь-кургана въ Алай и до 150 оттуда въ Ошъ. Дурное состояніе дорогъ сильно затрудняло путешествіе, особенно для вьюковъ, хотя и весьма легкихъ.

Относительно трудностей, обѣ дороги почти одинаковы. Исфайрамское ущелье замѣчательно весьма легкимъ переваломъ: онъ не достигаетъ и 12,000 фут., и притомъ—мягкій, покрытый альпійскою растительностью. Зато дорога, прежде чѣмъ достигнетъ яйляу Тенгисъ-бай, чрезвычайно камениста и идетъ по обломкамъ скалъ. Дорога черезъ малый Алай затруднительна въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка Акъ-бура, сначала протекавшая съ запада на востокъ, между двумя параллельными хребтами, прорывается въ степь. Прорывъ чрезъ послѣднюю гряду горъ, вблизи самаго Оша, такъ узокъ и обрывистъ, что дорога поднимается на вершину горы (Кулнардъ-бель). Кромѣ этого перевала, на той же дорогѣ есть еще два перевала: Кавукъ и Кордунъ. Кавукъ—въ хребтѣ, отдѣляющемъ бассейнъ Аму-Дарьи отъ Сыра, имѣетъ до 13,000, высоты ($b = 470$ 1^{mm}; $t = 7.9^0C$), но удобенъ для подъема; другой перевалъ, Кордунъ-бель, еще выше ($b = 466.3$ ^{mm}; $t = 9.5^0C$) и составляетъ водораздѣлъ рѣчекъ Акъ-буры, текущей въ Ошъ и Исфайрама, протекающей чрезъ Учь-курганъ. Любопытно, что этотъ водораздѣлъ образованъ третичными осадками (тутъ же есть и ярусъ съ Gryphaea, извѣстной изъ окрестностей Ходжента и изъ другихъ мѣстъ), поднятыми на страшную высоту болѣе 13,000'. Вообще вся эта страна, называемая малымъ Алаемъ и обнимающая верховья рѣкъ Исфайрама и Акъ-буры, имѣетъ весьма значительную высоту; три ночи мы должны были провести выше 10,000 ф.

Обращаюсь къ Алаю: такъ называется высокое плоскогорье въ верховьяхъ р. Сурхаба, сѣверной вѣтви Аму-Дарьи. Названіе Сурхабъ эта

рѣка получаетъ, впрочемъ, ниже, по соединеніи съ р. Мукъ, тамъ, гдѣ начинается область каратегинскихъ таджиковъ. Выше же, въ раіонѣ кочеваго киргизскаго населенія, рѣка Сурхабъ называется равнозначущимъ именемъ Кизылъ-су. Цвѣтъ воды ея, дѣйствительно, значительно красный, что очевидно указываетъ на нахожденіе ея истоковъ въ области красныхъ глинъ, третичной формаціи *).

Высота Алайскаго плато, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я его посѣтилъ, (у кургана, гдѣ живетъ Измаилъ-токсаба, начальникъ алайскихъ киргизъ) съ небольшимъ 8,000′. Ширина его въ этомъ мѣстѣ около 10-ти верстъ **). Съ юга Алай ограниченъ весьма высокими горами, несравненно болѣе высокими, чѣмъ съ сѣвера. Эти горы, которыя за отсутствіемъ мѣстнаго названія, я буду пока называть Заалайскими, имѣли такой видъ, какой имѣютъ въ мартѣ мѣсяцѣ горы близь Ташкента: такъ великъ въ нихъ снѣговой поясъ, а между тѣмъ снѣговая линія находится не ниже 14,000′; по крайней мѣрѣ, когда я былъ на перевалѣ Кавукъ (безснѣжномъ), выше 13,000′, снѣгъ въ Заалайскомъ хребтѣ лежалъ еще выше. Средняя высота хребта едва ли будетъ менѣе 18—19,000′, а пики поднимаются еще выше и нѣкоторые, по всей вѣроятности, не ниже 25.000 фут. Вообще, по грандіозности своей, видъ на этотъ хребетъ не имѣетъ себѣ подобныхъ во всемъ Туркестанскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, боязливость коканскихъ властей за нашу безопасность не позволила посѣтить ни одного изъ ущелій Заалайскаго хребта. Ущелья эти, изъ которыхъ вытекаютъ рѣчки, притоки Кизылъ-су, вообще не глубоки, и только одно—Алтынинъ-дара, находящееся противъ кургана токсабы, имѣетъ значительную длину, именно: день пути (25—30 верстъ). Оно любопытно тѣмъ, что въ немъ добывается соль (оттуда и названіе протекающей по немъ рѣчки, Тусъ-су; соль впрочемъ дурная), и что по немъ идетъ дорога въ золотоносную рѣчку Мукъ-су, принадлежащую Каратегину, и оттуда въ Шугнанъ и Дарвазъ.

---

*) Рѣка Исфайрамъ во время нашего пребыванія въ Учь-курганѣ, изъ грязно-сѣрой въ одну ночь сдѣлалась почти кровяно-красной. На пути изъ Алая въ Ошъ я увидѣлъ притокъ, окрашивавшій рѣку въ красный цвѣтъ (потокъ Гезартнынъ-чаты). Другой ручей имѣлъ сильно желтую воду. Третичные осадки состоятъ изъ слоевъ разноцвѣтныхъ глинъ; отъ слоя, по которому протекаетъ ручей, и будетъ зависѣть цвѣтъ его воды, а такъ какъ количество воды въ различныхъ ручьяхъ измѣняется отъ разныхъ обстоятельствъ, то измѣняется цвѣтъ воды и въ главной рѣкѣ, которую можно назвать рѣкой—хамелеонъ.

**) Далѣе къ востоку Алай шире, горъ ограничивающихъ Алай на востокѣ, не видно, и онъ имѣетъ въ этомъ направленіи видъ ровной безграничной степи, лежащей между горъ, и расширяющейся къ востоку. Впрочемъ, онъ тянется не прямо на востокъ, но съ замѣтнымъ уклоненіемъ къ сѣверу.

Въ восточной части этого хребта есть еще перевалъ въ кашгарскую область Сарыколъ, и еще далѣе къ востоку—перевалъ въ Кашгаръ, Таумурунъ. Въ остальныхъ частяхъ мнѣ описывали его совершенно непроходимымъ, да и про эти три дороги говорили, что онѣ чрезвычайно трудны и служатъ только для воровъ и бѣглыхъ. За то верховья рѣчекъ славятся, какъ превосходныя пастбища. Тамъ находятся яйляу, въ которыхъ лѣтомъ сосредоточивается почти все киргизское населеніе Алая и множество киргизъ, имѣющихъ зимовки въ коканской долинѣ. Самый Алай, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я его посѣтилъ, имѣетъ значеніе зимняго пастбища, такъ называемаго *кстау*. Не смотря на значительную высоту, онъ имѣетъ въ этомъ концѣ весьма степной характеръ, какъ по своей растительности, такъ отчасти и по животнымъ. Даже такія, чисто степныя птицы, какъ *булъдрукъ* (Pterocles arenarius), были встрѣчены близь кургана. Киргизы засѣваютъ здѣсь довольно много ячменя и даже пшеницы. Есть и нѣсколько полей люцерны, (дженушки), которую снимаютъ два раза въ лѣто. Дженушка эта, впрочемъ, роскошь, потому что и песчанистая степь, и луга близь рѣчки покрыты весьма хорошимъ подножнымъ кормомъ. Видѣнныя мною поля, всѣ *оби*, т. е. орошаемыя. Все это показываетъ, что климатъ Алая не суровъ; зимы, впрочемъ, говорятъ, очень обильны снѣгомъ, который бываетъ въ поясъ глубиною. Деревьевъ не разводится ни одного, да и дикорастущихъ очень мало. Не богаты вообще здѣшнія горы древесной растительностью, но горы, окружающія Алай, можно назвать совершенно безлѣсными: арчи (можжевельника) очень мало, да и тотъ почти весь низкорослый. Это тѣмъ болѣе удивительно, что по ущельямъ сѣверныхъ склоновъ лѣса поднимаются до высоты болѣе 11,000 ф.

Большая часть видѣнныхъ мною полей въ Алаѣ были не засѣяны. Сѣмяна для нихъ получались изъ Каратегина, такъ какъ вьючныя дороги изъ Кокана очень трудны. Съ изгнаніемъ Музафаръ-ша, признававшаго себя вассаломъ хана, и съ переходомъ Каратегина въ вассальную зависимость къ эмиру, сношенія съ Каратегиномъ прекратились, и даже сдѣлались непріязненными. Это отозвалось на земледѣліи въ Алаѣ, да кажется, и на настроеніи алайскихъ киргизъ. По крайней мѣрѣ коканцы сочли за нужное маленькій заброшенный курганъ значительно расширить и поселить тамъ, въ качествѣ начальника постоянно кочующихъ въ Алаѣ киргизъ, Исмаилъ-токсабу, съ значительнымъ числомъ джигитовъ, тогда какъ прежде все ограничивалось пріѣздомъ людей отъ ошскаго и другихъ серкеровъ для сбора зякета. Вообще принадлежность Алая къ Кокану, мнѣ кажется, вполнѣ уясняетъ важность каратегинскаго вопроса для коканцевъ, не говоря уже о томъ, что Рахимъ-ша, по словамъ многихъ,

поддерживаетъ Назыръ-бека, сына Суфи-бека, какъ претендента на коканскій престолъ.

Совершенная поѣздка въ Алай интересна, какъ первое начало естественно-историческаго изученія бассейна Аму-Дарьи. Для начала, тамъ сдѣлана весьма хорошая находка: въ ручьяхъ, близь Кизилъ-су, найденъ небольшой видъ форели,—первый представитель семейства лососевыхъ изъ Туркестанскаго края. Коллекціи животныхъ, особенно птицъ и насѣкомыхъ, составлялись, на сколько позволяли время и обстоятельства. Найдено довольно много растеній, не встрѣчавшихся прежде.

Въ географическомъ отношеніи, поѣздка представляетъ также любопытные результаты, опредѣляя положеніе водораздѣла между Сыромъ и Аму, также сѣверной вѣтви Аму-Дарьи и существованіе весьма высокихъ Заалайскихъ горъ. За этими горами, гдѣ нибудь не далеко, находится и знаменитый Памиръ. Существованіе Памирской выси, въ смыслѣ обширнаго плоскогорья, въ родѣ Алая, для меня несомнѣнно. Туземцамъ онъ извѣстенъ, подъ названіемъ Памиль; они различаютъ: Памиль-калянъ (большой) и Памиль-хурдъ (малый), и говорятъ, что это страна ровная и обширная, чрезвычайно высокая, такъ чтв алайскіе киргизы не въ состояніи тамъ жить, по разрѣженности воздуха. Но гдѣ, въ верховьяхъ какой рѣки (а несомнѣнно, что Памирское плато имѣетъ строеніе, одинаковое съ Алайскимъ), въ какихъ владѣніяхъ находится Памиль-калянъ—пока еще никто не могъ мнѣ сказать ничего опредѣленнаго. Полученіе точныхъ свѣдѣній о Памирѣ много затрудняется тѣмъ, что здѣшніе туземцы не имѣютъ сношеній съ Шугнаномъ, потому-что тамъ живутъ шига (шіиты), альнаразы (иновѣрцы), которыхъ они, при случаѣ, забираютъ себѣ въ рабство.

Между тѣмъ неизвѣстное пространство, на которомъ можетъ находиться Памиръ-калянъ, сравнительно не велико; между тѣмъ пунктомъ, гдѣ я посѣтилъ Кизилъ-су, и озеромъ Сери-куль, (озеро Викторіи), гдѣ былъ Вудъ, не болѣе 240 верстъ, т. е. такое же разстояніе, какъ между Ташкентомъ и Самаркандомъ.

Поѣздка въ Алай вообще совершилась благополучно; на переходѣ 28 іюля мы, впрочемъ, испытали нѣкоторую враждебность туземныхъ киргизъ земледѣльцевъ: шесть человѣкъ, съ ружьями, бѣжали за нами на протяженіи почти трехъ верстъ, когда мы шли по тѣснинѣ. Я полагаю, впрочемъ, что враждебно они относились не къ намъ, русскимъ, а къ сопровождавшимъ насъ коканскимъ джигитамъ. Дѣло было такъ: когда я догналъ вьюки и коканскихъ джигитовъ (вездѣ вообще такъ безопасно, что я ѣхалъ вдвоемъ, съ своимъ джигитомъ, занимаясь своимъ дѣломъ и то опережая вьюки, то отставая) при впаденіи Косъ-ургана въ Акъ-

буру, они обратились ко мнѣ съ просьбой; навьючить здѣсь снопы не совершенно созрѣвшаго ячменя, въ виду того, что далѣе полей нѣтъ и тамъ придется ночевать безъ корма для лошадей, а запасы всѣ уже вышли. Узнавъ отъ нихъ, что хозяевъ полей не оказывается и денегъ за ячмень заплатить некому, я положительно запретилъ брать ячмень, приказавъ вьюкамъ идти далѣе, а самъ поѣхалъ впередъ. Вблизи этой мѣстности я замѣтилъ нѣсколько киргизъ. Когда я отъѣхалъ уже версты двѣ, меня догналъ препараторъ и объявилъ, что за нимъ и ханскими джигитами гонятся вооруженные люди. Скоро прискакали и джигиты, заявивъ тоже самое. Подошли вьюки; пропустивъ ихъ впередъ, мы поѣхали за ними. Вскорѣ назади, на разстояніи сажень 60, показались изъ-за камней бѣгущіе киргизы, голые, въ однихъ штанахъ, съ ружьями въ рукахъ. Увидѣвъ насъ, они не остановились. Вьюки, по чрезвычайно каменистой дорогѣ, шли медленно, и я, чтобы задержать приближеніе киргизъ, поставилъ на придорожномъ бугрѣ препаратора съ ружьемъ, въ угрожающей позѣ. Тогда киргизы остановились и затѣмъ, въ камняхъ мы видѣли уже только двоихъ. Устроивъ изъ препаратора и охотника, съ единственно бывшими при насъ двумя охотничьими ружьями, арріергардъ, мы продолжали наше движеніе. За отсутствіемъ проводника, пошли не той стороной рѣки, должны были перейти Акъ-буру, очень глубокую и быструю, въ бродъ, за тѣмъ должны были протоптать (за отсутствіемъ инструментовъ), дорожку въ чрезвычайно крутой осыпи, такъ какъ мостъ для обхода осыпи оказался разрушеннымъ.

Изъ разсказовъ препаратора и бывшаго при немъ джигита изъ Ташкента я узналъ слѣдующее:

Препараторъ пріостановился на томъ мѣстѣ, откуда началось преслѣдованіе, найдя тамъ лугъ, весьма богатый насѣкомыми; онъ смотрѣлъ больше въ свою сѣтку, чѣмъ по сторонамъ и увидѣлъ уже только преслѣдованіе ханскихъ джигитовъ киргизами. Бывшій же съ нимъ нашъ джигитъ разсказываетъ, что дѣло началось дракой между двумя ханскими джигитами, начавшими рѣзать ячмень, и двумя киргизами, которые позвали на помощь другихъ, бывшихъ по близости киргизъ. Тѣ побѣжали на гору и вернулись уже съ ружьями; увидѣвъ это, ханскіе джигиты (5 человѣкъ) поспѣшно убѣжали. Джигиты, конечно, отрицаютъ, что они хотѣли забрать ячмень, хотя и проговорились, что имъ нерѣдко случалось силой забирать у киргизъ барановъ и т. п., и никогда киргизы не сопротивлялись. Джигиты настаивали, однимъ словомъ, что это караки (разбойники) и увѣряли даже, что у нихъ были сдѣланы приготовленія, чтобы напасть на насъ: припасены ружья, сняты кибитки, по разсказамъ, стоявшія въ этомъ мѣстѣ и проч. Въ такомъ случаѣ странно, что они про-

пустили насъ впередъ, когда могли перестрѣлять всѣхъ, засѣвъ за камни, при входѣ въ тѣснину. Должно быть, говорятъ, замѣтили ружья (т. е. два ружья!). Все это приводитъ меня къ заключенію, что киргизы ополчились на защиту своихъ полей.

Случай этотъ хорошо рисуетъ нашихъ охранителей, ханскихъ джигитовъ; своими поступками они могутъ только вызвать опасность, а надежда на нихъ плохая. Въ этомъ случаѣ всѣ они сильно перепугались и мнѣ пришлось организовать прикрытіе изъ нашихъ же людей: препаратора и охотника.

Городъ Ошъ я засталъ въ нѣкоторомъ волненіи: серкеръ и зякетчи съ джигитами отправились догонять ходжу, бѣжавшаго въ Кашгаръ съ 30 джигитами. Ходжа этотъ, сынъ Бузрюкъ-хана, свергнутаго Якубъ-бекомъ и проживающаго теперь въ Коканѣ. Очевидно, пользуясь расположеніемъ кашгарскаго населенія къ ходжамъ, бывшимъ своимъ правителямъ, онъ хотѣлъ попытаться овладѣть Кашгаромъ. На Гульше онъ былъ догнанъ, окруженъ коканцами и взятъ въ плѣнъ съ 11 спутниками; 15 человѣкъ убѣжали, двое были убиты, а одинъ самъ себя зарѣзалъ—обычай, заимствованный у китайцевъ, гдѣ солдаты зачастую сами себя убиваютъ, иногда еще прежде исхода сраженія, предпочитая мучительную смерть неизвѣстности плѣна.

Опасенія мои, что явятся затрудненія дойти по дорогѣ въ Кашгаръ до перевала, оправдались: ошскій серкеръ датха Джанъ объявилъ, что туда можно ѣхать только въ сопровожденіи сильнаго конвоя, который, безъ особаго приказа султана Мурадъ-бека, онъ дать не можетъ. Вслѣдствіе этого, я послалъ султанъ Мурадъ-беку два письма, и просилъ его, если нельзя проѣхать до Башъ-Алая, то дать возможность взойти на перевалъ, ведущій въ Башъ-Алай. Если же бы онъ находилъ и это затруднительнымъ, то я просилъ его дать конвой до Гульши, а главное—поскорѣе рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ путешествіи, чтобы намъ не терять время на проживаніе въ Ошѣ. Бекъ на первое письмо отвѣчалъ, что для сопровожденія насъ, при поѣздкѣ въ страну Гульши, (въ письмѣ употреблено выраженіе Гульши тарафти, что можно было понимать: «въ Гульшу, въ окрестности Гульши, въ сторону Гульши) онъ назначаетъ изъ ошскихъ галлибатыровъ (милиція) десять человѣкъ, подъ начальствомъ пянджа-баши Наръ-куля, «который поѣдетъ съ вами», писалъ бекъ, «куда вы захотите и будетъ показывать дорогу». Вторымъ письмомъ конвой усиливался до 20 человѣкъ, но говорилось, что дальше Гульши ѣздить не слѣдуетъ, и что ему, беку, не хотѣлось прямо высказать намъ это. Бекъ писалъ: «не довѣряя жителямъ, мы до сего времени вамъ не могли посовѣтовать, чтобы вы туда (т. е. въ Башъ-Алай) съѣздили; мы

думали, что вы сами поймете дѣло. И дѣйствительно, вы, кажется, поняли, какъ мало можно довѣрять жителямъ этой страны, потому что хотите вернуться изъ Гульши. Этому мы очень обрадовались, потому что мы желаемъ, чтобы вы, наши гости, веселые и здоровые вернулись въ свою родину».

Послѣ этого письма я потерялъ уже надежду быть дальше Гульши, но на Гульшу все таки поѣхалъ, предполагая, что и эта поѣздка въ страну, не посѣщенную ни однимъ изслѣдователемъ, не пройденную ни однимъ образованнымъ путешественникомъ, не останется безъ результатовъ. 7 августа, съ новымъ нашимъ конвоемъ изъ ошскихъ жителей, вооруженныхъ фитильными ружьями (*палтами*) и шашками поѣхали мы по большой караванной дорогѣ. Новый конвой нашъ не замедлилъ на первыхъ же верстахъ обнаружить свою ловкость и военное значеніе, устроивъ смѣхотворное подобіе джигитовки, причемъ одинъ изъ джигитовъ такъ ловко выстрѣлилъ изъ своего ружья, что свалился съ лошади, хотя передъ выстрѣломъ благоразумно остановилъ лошадь. До маленькаго селенія Моды, верстахъ въ одинадцати отъ Оша, гдѣ мы имѣли первый ночлегъ, дорога идетъ арбяная. Отсюда черезъ Лангаръ и Купланъ-куль (маленькое озеро) мы на третій день пути пріѣхали въ Гульшу. Дорога идетъ возвышенными предгорьями и переходитъ чрезъ два перевала, около семи тысячъ футовъ высоты, весьма, впрочемъ, легкіе. Пробывъ въ Гульшѣ до 10 августа, мы одинадцатаго поѣхали въ Узгентъ. Проѣхать по направленію къ перевалу, хотя на полъ-дня пути, нашъ вожакъ Наръ-Куль, «который поѣдетъ съ вами куда вы захотите», отказался на отрѣзъ, хотя никакой опасности не предвидѣлось, такъ что даже конвоировавшіе насъ при отъѣздѣ Гульши джигиты сочли излишнимъ возить съ собой свои ружья.

Такъ какъ дорога въ Гульшу, да и самая Гульша, лежатъ въ области пологихъ, мягкихъ предгорій, которыя скорѣе можно назвать холмами, чѣмъ горами, и такъ какъ время года было уже позднее, (т. е. растительность засохла) то ботаническая добыча была не велика. Болѣе интересны зоологическія собранія изъ этой поѣздки *); для географіи же юго-восточной части Коканскаго ханства эта поѣздка не осталась безъ ре-

*) Предгорья богаты каракуртами и мнѣ пришлось наблюдать на одномъ изъ нашихъ русскихъ спутниковъ (охотникѣ) весьма болѣзненныя послѣдствія укушенія этого паука, кончившіяся, впрочемъ, безъ всякихъ послѣдствій дней черезъ 10. Туземцы говорятъ, что другаго средства спастись отъ укушенія нѣтъ, какъ только заставить муллу, а еще лучше нѣсколькихъ, — читать, въ продолженіи нѣсколькихъ дней молитву, а укушенный не долженъ все это время пить воды.

зультатовъ: Гульша, дорога на Терекъ-даванъ и самый перевалъ лежатъ не въ долинѣ Сыръ-Дарьи (извѣстно, что выше впаденія Нарына названіе Сыръ-Дарьи остается за лѣвой, меньшей вѣтвью, Коканцы убѣждены, что эта вѣтвь есть главная по количеству воды, и что только громадные арыки, отведенные изъ нея въ Шаариханскій и Андиджанскій округа, сдѣлали ее маловодною, сравнительно съ Нарыномъ; едва-ли это такъ), а въ долинѣ Куршаба, маленькаго притока Сыра съ лѣвой стороны. Положеніе перевала сильно измѣняется противъ прежнихъ картъ; его приходится передвинуть верстъ на 80 къ западу, и верстъ на 30 къ сѣверу. Весьма любопытенъ и тотъ фактъ, что Терекъ-даванъ не служитъ для лѣтняго сообщенія съ Кашгаромъ вовсе не потому, что дорога заливается водой, отъ таянія снѣговъ, какъ говоритъ Риттеръ. Дорога по ущелью Терекъ такъ покрыта камнями, что проѣздъ удобенъ только когда снѣгъ завалитъ дорогу и выровняетъ ее. Лѣтомъ же ѣдутъ чрезъ какой либо перевалъ въ Башъ-Алай: караваны избираютъ для этого Шартъ-даванъ, какъ ближайшій; изъ Алая опять поднимаются на перевалъ Таумурунъ и скоро выходятъ (у Токай-баши) на дорогу, идущую съ Терека.

Мѣсто, гдѣ находится Терекъ-даванъ, я имѣлъ возможность видѣть съ перевала Торпа, черезъ который ѣхалъ въ Узгентъ. Съ него видно также было, гдѣ отдѣлялся отъ огромнаго снѣговаго массива хребетъ, раздѣляющій сыръ-дарьинскій бассейнъ отъ Кизилъ-су, рѣки аму-дарьинской. Панорама снѣговаго хребта, которому въ географіи дали не имѣющее смысла названіе *Кашгаръ-даванъ*, была великолѣпна, такъ какъ сѣвернѣе его лежащія горы сравнительно низки. Къ сожалѣнію, день былъ пасмурный и это много мѣшало болѣе точному опредѣленію мѣста горнаго узла.

Переѣздъ въ Узгентъ далъ мнѣ еще возможность видѣть сліяніе Тара и Кара-кульджи, двухъ главныхъ рѣчекъ, образующихъ Сыръ-Дарью *). Названіе Сыра эта рѣка получаетъ у туземцевъ лишь послѣ выхода ея изъ предгорій въ ровную степь (у Шишъ-тюбе), послѣ того, какъ въ нее впадутъ еще Яссы и Куршабъ. За начало Сыра, по количеству воды и направленію, нужно считать Таръ.

Положеніе Узгента также сильно измѣняется противъ прежнихъ картъ: онъ оказывается, вмѣсто 120, всего въ 63 верстахъ отъ Андиджана, и притомъ прямо къ востоку. Вообще эта послѣдняя поѣздка заставитъ

*) Послѣ сліянія Тара и Кара-кульджи верстахъ въ 10-ти выше Узгента; въ Сыръ-Дарью впадаютъ еще Яссы съ правой и Куршабъ съ лѣвой стороны. Всѣ другія рѣчки, текущія съ горъ правой стороны, до Сыра не доходятъ.

отрѣзать порядочный кусокъ отъ Коканскаго ханства въ пользу владѣній Якубъ-бека.

Узгентъ замѣчателенъ двумя древними постройками: гробницами султана Иллигмози и его учителя и минаретомъ, имѣющимъ до 8 сажень высоты, но очевидно имѣвшемъ еще большую высоту. Мавзолеи тоже сильно пострадали, но все таки еще великолѣпны, какъ по стилю, приближающемуся къ мавританскому, такъ и по рисункамъ узоровъ на фасадахъ. Украшенія исключительно изъ жженаго кирпича, покрытаго разными, въ высшей степени правильными фигурами. Туземцы опредѣляютъ древность постройки въ 760 лѣтъ. Рисунки, сдѣланные О. А., познакомятъ археологовъ съ этими древностями, чуть-ли не самыми древними въ Средней Азіи *).

Изъ Узгента начался нашъ обратный путь въ Ташкентъ. Не получая увѣдомленія о возможности перехода въ Нарынскій край и о сдѣланныхъ для этого распоряженіяхъ на счетъ проводниковъ и конвоя и имѣя также въ виду позднее время года, я рѣшился ѣхать въ Ташкентъ чрезъ Коканское же ханство. На пути я остановился въ Андиджанѣ и Наманганѣ. На другой день по моемъ пріѣздѣ въ Андиджанъ, туда прибылъ коканскій ханъ, и на слѣдующій день уже принялъ меня. Послѣ обычныхъ привѣтствій, ханъ спросилъ: «куда я желаю еще ѣхать?» Я сказалъ, что, посѣтивъ Наманганъ, хочу проѣхать возможно кратчайшей дорогой въ Ташкентъ. Послѣ хана, я видѣлъ и его старшаго сына, Ханъ-Заду, андиджанскаго бека.

На обратномъ пути я проѣхалъ чрезъ два большіе города: Наманганъ и Тузъ, встрѣчая вездѣ самый предупредительный пріемъ. Въ Гурумсаранѣ отдѣлюсь отъ арбъ, и чрезъ перевалъ Кендырь поѣду въ Ташкентъ **)

А. Федченко.

---

*) О зданіяхъ на Тахти-Сулейманъ въ Ошѣ я не буду распространяться здѣсь: всѣ они новыя; пресловутые семь греческихъ жертвенниковъ не болѣе, какъ большія, голыя скалы, торчащія изъ горы.

**) Г. Федченко прибылъ въ Ташкентъ 27 августа.

Краткія историческія свѣдѣнія о прежнихъ отношеніяхъ Бухары къ Шахрисябзу.

Непріязненныя отношенія между Шахрисябзомъ и Бухарою начинаются еще со времени нашествія узбековъ. Споры о пользованіи водою Кашка-Дарьи, орошающей, какъ шахрисябзскую долину, такъ и каршинскія поля, были постоянною причиною безпрерывныхъ войнъ между узбекскими родами: мангитовъ, занявшихъ Бухару и кенегесовъ, утвердившихся въ Шахрисябзѣ. Войны эти продолжались съ перемѣннымъ счастіемъ до начала прошлаго столѣтія, когда всѣ шахрисябзскія владѣнія были завоеваны бухарскимъ ханомъ Мухаметъ-Рахимъ ханомъ.

Послѣ смерти послѣдняго, при владычествѣ сына его Даніара-валлами, Шахрисябзъ опять отложился (1751 года) *), но не надолго. Преемникъ Даніара, эмиръ Шахъ-Мурадъ уже **) окончательно покорилъ эту страну и назначилъ бекомъ правителемъ Даніара-аталыка, изъ рода мангитовъ. Сынъ и преемникъ Шахъ-Мурада, Миръ-Хайдеръ, за оказанныя Даніаромъ-аталыкомъ услуги, отдалъ ему Шахрисябзъ въ потомственное мильковое владѣніе ***) и такимъ образомъ опять отдѣлилъ эту страну отъ Бухарскаго ханства.

Время владычества Миръ-Хайдера, также какъ двухлѣтнее пребываніе на бухарскомъ престолѣ преемника его Омаръ-Хана, прошло безъ столкновенія съ новымъ шахрисябзскимъ правительствомъ; но уже въ первые годы владычества эмира Насыръ-Аллаха (Насрулла) отнявшаго престолъ у Омаръ-Хана, начались съ шахрисябзскимъ бекомъ Ходжа-Кулемъ столкновенія, причиною которыхъ, кромѣ давнишнихъ споровъ о водѣ, былъ отказъ со стороны бека отдать эмиру въ жены свою сестру.

---

*) Meindorf: Voyage à Bouchara.

**) Шахъ-Мурадъ первый изъ бухарскихъ властителей принялъ титулъ эмира; онъ умеръ въ 1801 году. (Записки Мирза Шемси).

***) *Мильки* не платятъ никакихъ податей, кромѣ особой подати, *милькъ-ана*, за проведенную воду.

Послѣдствіями этихъ несогласій были войны между Бухарою и Шахрисябзомъ, которыя сначала велись безъ особыхъ результатовъ, но приняли серіозный оборотъ, когда 38 лѣтъ тому назадъ, эмиръ Насрулла предпринялъ походъ на коканскаго хана, Мадали-Хана, овладѣвшаго кр. Пшахаръ, и при этомъ потребовалъ помощи отъ сосѣднихъ бекствъ, а между прочимъ и отъ Шахрисябза.

Ходжа-Куль, не только не оказалъ помощи, но вошелъ въ сношенія съ коканскимъ ханомъ, и потому, по окончаніи войны съ Коканомъ, эмиръ рѣшилъ покончить съ Шахрисябзомъ. Двадцать два года продолжалась борьба между шахрисябзцами и эмиромъ, причемъ послѣдній ежегодно, а иногда нѣсколько разъ въ годъ, подходилъ къ крѣпости съ войскомъ, опустошалъ окрестности и дѣлалъ неудачныя попытки взять городъ. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ въ Шахрисябзѣ дошелъ до того, что, по словамъ очевидцевъ, за пудъ соли платилось 100 кокановъ, а батманъ пшеницы стоилъ 140 кокановъ.

Наконецъ, 16 лѣтъ тому назадъ, привлекши къ себѣ подарками до 30 тысячъ кеннегесовъ изъ сельскихъ жителей, и образовавъ такимъ образомъ войско до 70 тысячъ человѣкъ, Насрулла ночью взялъ Китабъ штурмомъ.

Атака велась съ пяти мѣстъ: съ Гарау, Бишъ-казакъ, Ходжа-Каймакъ, Саватакъ и Айранчи.

По взятіи Шахрисябза, эмиръ назначилъ беками: въ Китабѣ Аллаяръбія, въ Шаръ—Абдухалекъ-бія, и въ Якобакъ Хамитъ-ходжа; всѣ они были изъ рода мангитовъ. Самъ Насрулла женился на сестрѣ Искандера-датха (брата и преемника Ходжа-Куля, умершаго во время войны), которому отдалъ Кара-Куль въ пожизненное владѣніе; но послѣ попытки Искандера убѣжать обратно въ Шахрисябзъ, и онъ, и сестра его были казнены.

Сынъ и преемникъ эмира Миръ-Насруллы, нынѣ властвующій эмиръ Сеидъ-Муссафаръ, предпринялъ, по вступленіи на престолъ, путешествіе по шахрисябзскимъ владѣніямъ, но возбудилъ при этомъ неудовольствіе служащихъ лицъ, какъ-то: серкеровъ, аксакаловъ, амлякдаровъ и т. д., привыкшихъ при Насруллѣ къ богатымъ подаркамъ, и ничего не получившихъ отъ эмира Муссафара.

Особенно недовольны посѣщеніемъ эмира были два знатные рода: таракли, во главѣ котораго находился китабскій серкеръ Джура-бій и ачимайлеки, старшиною котораго былъ Хакимъ-бій (отецъ Баба-бія).

Когда, по возвращеніи эмира въ Бухару, онъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ служащихъ въ Шахрисябзѣ изъ кеннегесовъ, то они не послушались.

Въ это же время (девять лѣтъ тому назадъ) Джура-бій и Хакимъ-бій, объявивъ народу, что настало время избавленія отъ мангитовъ, и собравъ значительную вооруженную партію, захватили въ свои руки, назначенныхъ эмиромъ бековъ, Амиръ-бія и Сакиръ-бія, и провозгласили себя независимыми беками: Джюра-бій въ Китабѣ и Хакимъ-бій въ Шарѣ. Пятнадцать дней спустя, эмиръ отправился съ 60 тысячнымъ отрядомъ на Шахрисябзъ; осада продолжалась 38 дней, послѣ чего эмиръ, видя невозможность взять городъ, заключилъ миръ, довольствуясь выдачею плѣнныхъ бековъ: Амиръ-бія и Сакиръ-бія.

Во время этой осады особенно заслуживаетъ вниманіе полевое сраженіе у Гульгунъ-Паша, гдѣ нынѣ была расположена батарея подполковника Соковнина.

Когда, четыре года тому назадъ, Джизакъ былъ взятъ русскими, то ктай-кипчаки съ шахрисябзцами составили заговоръ противъ эмира, съ цѣлью смѣстить его и самостоятельно дѣйствовать противъ русскихъ. Въ это же время шахрисябзцы овладѣли Чиракчи и Якобакомъ. Эмиръ, во время извѣщенный о заговорѣ, казнивъ кипчакскихъ бековъ, пошелъ на Шахрисябзъ и взялъ обратно Чиракчи и Якобакъ; но попытки его взять самый Шахрисябзъ не удались, и послѣ трехдневнаго боя, онъ долженъ былъ заключить миръ. По взятіи нами Самарканда, шахрисябзцы снова заняли Якобакъ.

Въ томъ же году, когда бухарскій эмиръ предпринялъ походъ на своего сына Катта-тюря, послѣдній, убѣжавъ изъ Карши, нашелъ себѣ убѣжище у шахрисябзскихъ бековъ. Эмиръ двинулся съ войскомъ въ Чиракчи и потребовалъ выдачи сына, но получилъ отказъ. Довольствуясь занятіемъ Якобака, эмиръ ушелъ обратно черезъ Карши въ Бухару, послѣ чего Катта-тюря выступилъ изъ Урта-кургана, занялъ Чиракчи и утвердился опять въ Карши, шахрисябзцы же заняли Якобакъ. Когда же въ 1868 году городъ Карши былъ взятъ нами, то шахрисябзцы были принуждены отдать Якобакъ обратно эмиру.

Нынѣ, силою нашего оружія, бухарская власть снова утверждена въ Шахрисябзѣ. Шахрисябзская стѣна, служившая непреодолимою преградою бухарскому эмиру и взятая нами 14 августа, построена въ первый разъ бекомъ Ходжа-Кулемъ, во время борьбы его съ эмиромъ Насруллою.

Баронъ Г. А. Аминовъ.

Нѣсколько страницъ изъ исторіи Хивы.

О принятіи Магометомъ-Тюря-Суфи управленія Кунградомъ и объ умерщвленіи его *).

(А. Бутакова).

До 1814 года Кунградъ, съ низовьями Аму-Дарьи, въ продолженіи 18 лѣтъ, былъ независимымъ владѣніемъ, подъ управленіемъ дѣда Магомета-Фаны, узбека Тюря-Суфи, постоянно враждовавшаго съ хивинскимъ ханомъ Махомедъ-Рахимомъ, который тщетно усиливался покорить его.

Подъ конецъ своей жизни Тюря-Суфи ослѣпъ, и подкупленный мехтеръ его, Мендыгаске, убилъ старика и представилъ голову его хивинскому хану.

Съ тѣхъ поръ Кунградъ снова попалъ во власть Хивы и былъ управляемъ сначала Мендыгаской, а потомъ сыномъ его Кутла-Мурадомъ, который умерщвленъ былъ осенью 1858 года.

Уцѣлѣвшіе родственники Тюря-Суфи жили въ ханствѣ въ совершенной бѣдности, такъ что самъ Магометъ-Фана, придя въ возрастъ, нанимался въ работники то къ тому, то къ другому изъ кунградскихъ жителей.

Кутла-Мурадъ управлялъ подъ надзоромъ хивинскаго чиновника, есаулъ-баши Мамета, родомъ калмыка. Оба они были ненавидимы кунградскими узбеками, киргизами и каракалпаками за свою жестокость, жадность и за неумолимость при собираніи податей.

Кутла-Мурадъ былъ въ ссорѣ съ большею частью своихъ родственниковъ. Ропотъ противъ него усиливался въ народѣ; многіе изъ узбековъ старались разжигать эту ненависть, въ особенности Магометъ-Фана, движимый кровною местью, и Кулманъ-бій, лично имъ обиженный. Тотъ и другой приходились сродни Кутла-Мураду. Наконецъ въ 1858 году, когда

*) Статья эта написана авторомъ въ 1859 году.

русское посольство было въ Хивѣ, составился заговоръ человѣкъ изъ 40, съ цѣлью убить Кутла-Мурада и есаулъ-баши Мамета, отложиться отъ Хивы и сдѣлать правителемъ Магомета-Фану, какъ старшаго изъ потомства Тюря-Суфи. Въ заговорѣ этомъ участвовалъ и киргизскій бекъ Азбергень, родственникъ Исета Кутебарова.

Магометъ-Фанъ говорилъ Азбергеню, что такъ какъ кунградцевъ немного и имъ не устоять противъ Хивы, то онъ намѣренъ вступить въ союзъ съ Ата-Мурадъ-ханомъ и призвать на помощь туркменовъ. Азбергень возсталъ противъ этого всѣми силами, утверждая, что имъ послѣ не развязаться съ туркменами, которымъ ни въ чемъ нельзя вѣрить и съ которыми онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла. Азбергень увѣрялъ, что кунградцы, вмѣстѣ съ киргизами, всегда могутъ остаться безъ посторонней помощи.

Магометъ-Фана согласился съ нимъ послѣ краткаго спора, а самъ, воспользовавшись временемъ, когда Азбергень ѣздилъ по требованію хана въ Хиву, пробрался тайно къ Ата-Мурадъ-хану и заключилъ съ нимъ клятвенный союзъ.

Есаулъ-баши жилъ въ Кунградѣ, въ такъ называемомъ ханскомъ дворцѣ, подлѣ базара, а Кутла-Мурадъ въ своемъ собственномъ загородномъ саду. Разъ, въ половинѣ августа, толпа заговорщиковъ подняла нарочно шумъ и драку на базарѣ и потомъ человѣкъ 20 отправились съ громкими жалобами къ есаулъ-баши, съ намѣреніемъ убить его во время разбирательства; но они не посмѣли напасть на него и разошлись.

Вскорѣ потомъ есаулъ-баши поѣхалъ въ Хиву. Въ то время, когда аральская флотилія стояла передъ Кунградомъ, есаулъ-баши и Кутла-Мурадъ начали весьма дѣятельно исправлять полуразрушенную городскую стѣну, чтобы въ другой разъ не пропустить русскихъ судовъ вверхъ по Аму. Главный строитель этой стѣны, весьма приближенный къ нему узбекъ, былъ имъ какъ-то обиженъ и состоялъ въ числѣ заговорщиковъ.

Въ исходѣ сентября мѣсяца, когда всѣ крѣпостныя работы были окончены, строитель поѣхалъ къ Кутла-Мураду, просилъ его осмотрѣть работы и сказать—такъ ли онъ исполнилъ данныя ему приказанія и не нужно ли чего передѣлать? Кутла-Мурадъ велѣлъ осѣдлать лошадь. Весьма привязанный къ нему персіянинъ-невольникъ совѣтовалъ ему хорошенько вооружиться и взять съ собою нѣсколько человѣкъ, но Кутла-Мурадъ не послушался, говоря, что ему бояться не кого, и поѣхалъ къ городу вмѣстѣ съ своимъ инженеромъ.

На мосту, передъ въѣздомъ въ Кунградъ, стояли Магометъ-Фана и Кулманъ-бій. Они поклонились Кутла-Мураду и Кулманъ сказалъ ему, что имѣетъ жалобу.

— Какая у тебя жалоба? спросилъ Кутла-Мурадъ.

— Теперь скоро будутъ собирать подати, отвѣчалъ Кулманъ, а изъ насъ много бѣдныхъ, которымъ нечѣмъ платить.

— А мнѣ какое дѣло, что нечѣмъ платить? Ну, продавайте вашихъ дѣтей, возразилъ Кутла-Мурадъ.

— Какъ?... Намъ продавать своихъ дѣтей! воскликнулъ Кулманъ, и ухватился обѣими руками за саблю Кутла-Мурада. Въ тоже мгновеніе инженеръ сдернулъ его съ лошади, а Магометъ-Фана отрубилъ ему голову и выпилъ его крови въ знакъ удовлетворенія кровной мести за смерть своего дѣда, Тюря-Суфи.

Заговорщики, слѣдившіе за этою сценой, бросились тотчасъ же въ городъ, убили шестерыхъ хивинскихъ таможенныхъ и сборщиковъ податей, и провозгласили Магомета-Фану кунградскимъ бекомъ.

Узбеки Юсупъ-бій и Полванъ-бій, родственники Кутла-Мурада, были главными его помощниками и приверженцами; во время умерщвленія ихъ начальника, оба они были въ Хивѣ.

Сообщники Магомета-Фаны убили въ тотъ же день старшаго сына Юсупъ-бія, а на другой день—младшаго, и сына Полванъ-бія. Женъ убитыхъ сыновей біевъ и младшихъ женъ самихъ біевъ они послали въ подарокъ туркменамъ, а старшихъ женъ стариковъ оставили въ покоѣ. Разсказываютъ, что, по злобѣ на біевъ, заговорщики принудили ихъ родственниковъ быть палачами этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, угрожая имъ, въ случаѣ отказа, смертью.

Послѣ умерщвленія Кутла-Мурада, Магометъ-Фана немедленно послалъ извѣстить объ этомъ Ата-Мурадъ хана и просить обѣщанной имъ помощи.

Азбергенъ, узнавъ, что онъ былъ обманутъ Магометомъ-Фаною, обѣщавшимъ ему не призывать туркменовъ, разсорился съ нимъ, укочевалъ со своими киргизами изъ окрестностей Кунграда, гдѣ у него былъ подаренный ему хивинскимъ ханомъ садъ, на 30 верстъ ниже по Талдыку и тамъ немедленно построилъ себѣ крѣпостцу.

Дней черезъ 20 послѣ смерти Кутла-Мурада, прибыли въ Кунградъ 25 почетныхъ туркменскихъ старшинъ и батырей, съ небольшою свитой. Они провозгласили на другой же день Магомета-Фану ханомъ и всѣ кунградцы признали его.

Потомъ, такъ какъ Азбергенъ рѣшительно отказался подчиниться Магомету-Фанѣ, туркмены сдѣлали вмѣстѣ съ узбеками набѣгъ на его аулы, убили и захватили нѣсколькихъ киргизовъ и угнали значительное количество скота. Азбергенъ успѣлъ однако собрать своихъ, ударилъ на хищниковъ и, послѣ довольно жаркой стычки, въ которой послѣдніе лиши-

лись, какъ говорятъ, 60 человѣкъ, возвратилъ свой скотъ и выручилъ своихъ людей.

Въ числѣ убитыхъ были семь человѣкъ туркменовъ. Возвратясь въ Кунградъ, туркмены задержали всѣхъ, бывшихъ тамъ по своихъ дѣламъ киргизовъ, и стали держать ихъ, какъ невольниковъ.

Въ ноябрѣ, человѣкъ 500 туркменовъ и кунградцевъ напали снова на Азбергеня, но также безуспѣшно.

Черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія въ Кунградъ туркменскихъ старшинъ, пріѣхалъ туда Ата-Мурадъ-ханъ, подтвердилъ ханскій титулъ Магомета-Фаны и отправился домой, оставя въ Кунградѣ, на случай нападенія хивинцевъ, человѣкъ 500 туркменовъ.

Сначала туркмены вели себя довольно скромно и жили дружно съ кунградцами, но потомъ начали своевольничать: сперва надъ киргизами, потомъ надъ каракалпаками и наконецъ надъ узбеками.

Въ срединѣ зимы, человѣкъ 40 родственниковъ и прежнихъ приверженцевъ Кутла-Мурада, Юсупъ-бія и Полванъ-бія сговорились убить Магомета-Фану, но одинъ изъ участниковъ заговора измѣнилъ имъ и открылъ все Магомету-Фанѣ. Тотъ, при помощи туркменовъ, перехватилъ всѣхъ заговорщиковъ и повѣсилъ ихъ. Исполнителями казней были, большею частію, туркмены.

Жестокость Магомета-Фаны возбудила всеобщую ненависть его подданныхъ; онъ же, со своей стороны, сдѣлался недовѣрчивъ, подозрителенъ, сталъ опасаться новыхъ заговоровъ и совершенно предался туркменамъ. Онъ предоставилъ имъ полную власть хозяйничать въ Кунградѣ и его окрестностяхъ, притѣснять жителей, отнимать у нихъ скотъ, имущество, женъ и дочерей. Не имѣя денежныхъ средствъ для вознагражденія своихъ союзниковъ, онъ распредѣлилъ туркменовъ по кибиткамъ жителей, которые обязывались выдавать каждому по двѣ серебряныхъ тенги (30 коп.) въ день на всадника и столько же на лошадь. Какъ ни раззорителенъ былъ подобный налогъ, тягость его усугублялась злоупотребленіями: пріѣзжалъ, напримѣръ, въ Кунградъ туркменскій старшина или батырь, съ 50 или 60 человѣками, объявлялъ Магомету-Фанѣ, что съ нимъ 150 или 200 человѣкъ, и требовалъ на нихъ жалованья. Ханъ, не смѣя провѣрить числа прибывшихъ союзниковъ, назначалъ извѣстное число кибитокъ, которыя должны были выдавать старшинѣ деньги или припасы по числу объявленныхъ, а не наличныхъ туркменовъ.

Магометъ-Фана, провозглашенный ханомъ, перечеканилъ всѣ, бывшія въ Кунградѣ хивинскія деньги, штемпелемъ со своимъ именемъ *), умень-

*) «Магометъ Фана, ханъ харезмской (т. е. хивинской) страны ислама».

шивъ ихъ вѣсъ. Туркмены отыскали между своими рѣщика, который поддѣлалъ штемпель Магомета-Фаны, и перечеканили его монету въ половинный вѣсъ. Потомъ они платили на базарѣ деньгами своей фабрикаціи, требуя, чтобы ихъ принимали за настоящія и дѣлая угрозы противящимся этому.

Туркмены пришли въ Кунградъ безъ женъ. Тамъ они отняли женщинъ и дѣвушекъ у узбековъ, киргизовъ и каракалпаковъ и обзавелись женами. Нѣкоторые, чтобы придать этому законный видъ, платили за женъ калымъ по одному, по два или по три червонца, насильно заставляя мужей и отцовъ довольствоваться этимъ калымомъ; но такихъ было немного,—большинство обходилось безъ подобныхъ церемоній. Когда жители Кунграда были доведены до нищеты, и платить туркменамъ жалованье было не изъ чего, тѣ отнимали у нихъ дѣтей и отправляли въ свои аулы, для продажи.

Безхарактерный и запуганный Магомедъ-Фана не осмѣливался возставать противъ такихъ вопіющихъ насилій. Жалобы на туркменовъ не принимались: меня самого онъ нѣсколько разъ присылалъ увѣрять, что всѣ эти жалобы ложны и что, напротивъ, всѣ кунградцы до чрезвычайности довольны его союзниками.

Въ началѣ весны, пасынокъ Азбергеня задумалъ барантовать въ окрестностяхъ Кунграда, и подобравъ себѣ четырехъ молодыхъ удальцовъ, съ успѣхомъ угналъ нѣсколько головъ скота.

Туркмены однако вскорѣ ихъ переловили и Магометъ-Фана предалъ ихъ жестокой казни: несчастнымъ отрѣзали носы и уши, потомъ отрубили руки и ноги, и наконецъ ихъ посадили на колъ.

За бѣдныхъ и угнетенныхъ, въ особенности изъ киргизовъ и каракалпаковъ, вступился одинъ только узбекскій бій Кулманъ, главный участникъ въ умерщвленіи Кутла-Мурада. Онъ говорилъ Магомету-Фанѣ, что такъ править нельзя, что онъ долженъ останавливать своеволіе туркменовъ и защищать своихъ подданныхъ отъ нестерпимыхъ обидъ и насилій; иначе ему и самому не уцѣлѣть.

Убѣжденія эти оставались безъ послѣдствій *). Чтобы избавиться отъ докучнаго совѣтника, Магометъ-Фана послалъ его съ какимъ-то порученіемъ къ Ата-Мурадъ-хану, у котораго онъ и жилъ довольно долго и съ которымъ возвратился наконецъ въ Кунградъ.

---

*) Слѣдующій случай можетъ дать понятіе о томъ, какъ Магометъ-Фана боялся туркменовъ и какъ они имъ пренебрегали: онъ посылалъ просить меня, въ случаѣ, если я имѣю къ нему подарки, переслать ихъ тайно, когда туркмены выѣдутъ изъ Кунграда, изъ опасенія, чтобы они ихъ не отняли.

Ата-Мурадъ-ханъ уѣхалъ изъ Кунграда двѣ недѣли спустя; вмѣстѣ съ нимъ отправилась большая часть туркменовъ; осталось ихъ при Магометѣ-Фанѣ человѣкъ 50, изъ которыхъ 10 жили при немъ, въ качествѣ тѣлохранителей и наблюдателей за нимъ самимъ, а остальные 40 размѣстились по кибиткамъ жителей. Разсказываютъ, будто бы Ата-Мурадъ уговорилъ остаться въ Кунградѣ тѣхъ изъ туркменскихъ старшинъ и батырей, которые больше всѣхъ надѣлали Фанѣ зла.

Кулманъ-бій остался въ Кунградѣ. Онъ послалъ отъ себя письмо къ киргизскому султану Истляу, (бывшему за одно съ Азбергенемъ, но оставшемуся въ хивинскихъ предѣлахъ), приглашая его соединиться съ кунградцами. Истляу отвѣчалъ, что онъ и всѣ киргизы охотно присоединятся къ Кулману и признаютъ его своимъ начальникомъ, если онъ только убьетъ Магомета-Фану.

Около того же времени Кулманъ получилъ письмо изъ Хивы, въ которомъ ханъ, обѣщая ему свои особенныя милости, убѣждалъ доставить голову Магомета-Фаны.

Насилія туркменовъ дошли въ послѣднее время до невыносимой крайности, они болѣе прежняго отнимали у раззоренныхъ кунградцевъ дѣтей и отправляли къ себѣ; буйство ихъ превзошло всякую мѣру. Ожесточеніе противъ нихъ и рабски покорнаго имъ Магомета-Фаны дошло до послѣднихъ предѣловъ, а потому Кулману не трудно было произвести возмущеніе между узбеками, киргизами и каракалпаками.

Главными соучастниками его были узбекскіе старшины: Аманъ-Кильдыбай, Ильтезаръ-Аталыкъ, (который на собраніи, когда я старался примирить кунградцевъ и туркменовъ съ Азбергенемъ, кричалъ громче всѣхъ, что они посадятъ Магомета-Фану на хивинскій престолъ), и Экимъ, кушъ-беги Магомета-Фаны, самый близкій изъ его чиновниковъ, постоянно спавшій въ его домѣ.

Рано утромъ 1-го августа, у Магомета-Фаны, подозрѣвавшаго замыслы Кулмана, было секретное совѣщаніе, на которое онъ созвалъ 10 человѣкъ самыхъ ближайшихъ своихъ приверженцевъ: рѣшили напасть на Кулмана врасплохъ и убить его тотчасъ же послѣ чая, который они тогда пили. Кушъ-беги, бывшій тутъ же, но втайнѣ измѣнившій Магомету-Фанѣ, вышелъ подъ какимъ-то предлогомъ и немедленно сообщилъ обо всемъ Кулману, а тотъ рѣшился, долго не дожидаясь, предупредить готовившійся ему ударъ.

Кулманъ мигомъ собралъ толпу и направился къ ханскому дому, отдѣливъ часть своихъ сообщниковъ къ кибиткамъ туркменовъ, которые тотчасъ же были окружены, обезоружены и связаны. Туркменской почетной стражѣ Магомета-Фаны было сказано, чтобы она не вмѣшивалась

ни во что, если хотятъ быть живы; туркмены вышли безъ малѣйшаго возраженія, сѣли на лошадей и ускакали. Тогда толпа ворвалась въ ханскій домъ, гдѣ ее встрѣтилъ двоюродный братъ Магомета-Фаны, Бій-тюря, съ нѣсколькими слугами; всѣ они были изрублены, но Бій-тюря защищался отчаянно и положилъ на мѣстѣ троихъ. Послѣ этого самъ Магометъ-Фана вышелъ къ народу и сталъ укорять узбековъ, говоря, что сами же они сдѣлали его ханомъ, а теперь хотятъ его смерти; ему не дали договорить и тотчасъ же умертвили, безъ всякой пощады.

Киргизъ-очевидецъ разсказывалъ мнѣ, что ненависть къ Магомету-Фанѣ дошла до такого неистовства, что толпа не хотѣла допустить кровь его пролиться на землю: одинъ за другимъ, бросались къ трупу и съ жадностью пили кровь изъ его ранъ.

Вмѣстѣ съ Магометомъ-Фаною былъ убитъ киргизскій бій, недавно выдавшій за него свою дочь, и человѣка четыре его слугъ и ближайшихъ чиновниковъ. Женъ и дѣтей его, а также задержанныхъ туркменовъ заперли подъ караулъ.

Кулманъ послалъ голову Магомета-Фаны къ хивинскому хану, съ верховымъ, при письмѣ, въ которомъ выражалъ покорность Кунграда и испрашивалъ приказаній: какъ поступить съ семействомъ Магомета-Фаны и задержанными туркменами?

Ханъ прислалъ своего чиновника Метмурадъ-бія (родомъ калмыка) съ 100 человѣками войска, чтобъ снова принять Кунградъ въ свое подданство; вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ на лодкахъ другой чиновникъ съ солдатами изъ персіянъ, чтобъ забрать и доставить въ Хиву семейство Магомета-Фаны и туркменовъ. Ханъ потребовалъ также къ себѣ трехъ главныхъ соучастниковъ Кулмана въ убійствѣ Магомета-Фаны, которые были въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ заговора противъ Кутла-Мурада. Имъ очень не хотѣлось отправляться въ Хиву, но ихъ принудили къ тому силой.

Кулманъ-бій, зная свои вины передъ ханомъ и мстительность его, боялся за свою голову; но за него просили киргизскіе и каракалпакскіе біи. Какъ хивинцы, такъ и туркмены надѣялись, что ему дадутъ мѣсто умерщвленнаго Магометомъ-Фаною, при его содѣйствіи, Кутла-Мурада.

Наконецъ хивинскій ханъ пригласилъ Кулманъ-бія въ Хиву и прислалъ въ Кунградъ третьяго есаулъ-баши Мамета: съ нимъ возвратились туда Полванъ-бій и Юсупъ-бій, которыхъ сыновья были умерщвлены вскорѣ послѣ убійства Кутла-Мурада.

Очеркъ исторіи киргизскаго народа, съ 1732 по 1868 годъ.

Прошло уже почти 140 лѣтъ, какъ русское вліяніе проникло въ обширное, степное пространство, находящееся между Ураломъ, Каспійскимъ моремъ, Сыръ-Дарьею и отрогами Тянь-Шаня и Алтая; но до сихъ поръ еще не прекращаются безпорядки и волненія въ степи, безпорядки, возникающіе по временамъ съ большею или меньшею силою, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ спокойствія и безопасности. Что же за причина такого, повидимому, не нормальнаго явленія? Гдѣ кроется ключь къ его разгадкѣ?...

Причину тому видѣли въ прежнее время во вредныхъ подстрекательствахъ извнѣ: изъ Кокана и Бухары, когда эти ханства могли вліять на ходъ событій въ киргизской степи; въ настоящее время указываютъ на зловредное подстрекательство хивинцевъ. Нѣтъ спора, дѣйствительно, можетъ быть, что Хива и старается возстановить киргизовъ противъ русскихъ, и это вредное вліяніе, конечно, должно быть устранено, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но собственно говоря, корень зла кроется не тутъ; киргизскія волненія, постоянно возникая по временамъ, затихали на болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени. Эти волненія всегда были возможны, вслѣдствіе того исключительнаго положенія, въ которомъ долгое время находилась киргизская степь относительно Россіи. Болѣе столѣтія киргизы были только номинально подвластны русскому государству. Правительство, застигнутое, такъ сказать, въ расплохъ, съ самаго начала изъявленія покорности киргизами, въ 1732 году, во многихъ случаяхъ дѣйствовало наугадъ, не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній ни о положеніи дѣлъ въ степи, ни объ обычаяхъ народа, ни даже о его желаніяхъ. Только съ того времени, когда русскіе форты протянулись линіею по Сыръ-Дарьѣ, начинается дѣйствительное вліяніе Россіи на киргизскую степь. Вліяніе Кокана, и въ настоящее время—Бухары совершенно отстранено и остается только одно вліяніе Хивы, которое еще можетъ въ

нѣкоторыхъ случаямъ противодѣйствовать русскимъ интересамъ. Но вліяніе это, очевидно, доживаетъ уже послѣдніе дни, потому что не можетъ быть допущено безъ ущерба интересамъ и достоинству Россіи.

Самое вступленіе киргизовъ въ русское подданство, въ 1732 году было болѣе дѣломъ случая, чѣмъ слѣдствіемъ обдуманнаго расширенія границы Россіи на юго-востокъ, къ центру Средней Азіи. Положеніе киргизовъ въ то время было очень тяжкое. Сильные враги тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ. Городъ Туркестанъ, гдѣ владѣли киргизскіе ханы, взятъ былъ въ 1723 году джунгарскимъ владѣтелемъ Галданъ-Цереномъ. Калмыки, башкиры и каракалпаки еще и прежде того тревожили безпрерывно своими набѣгами киргизскіе аулы. На народномъ съѣздѣ въ Кара-кумахъ извѣстный батырь Буканъ-бай успѣлъ, однакоже, на нѣкоторое время одушевить своихъ соотечественниковъ, и предводительствуя ими, разбилъ калмыковъ. Но эта побѣда нисколько не обезпечила спокойствія киргизовъ. Еще разъ сдѣлали они послѣднее усиліе, оттѣснили башкировъ и калмыковъ къ Уралу, и заняли сѣверную часть киргизской степи, *) пограничную съ Россіею. Здѣсь киргизы были безопасны отъ джунгаровъ, даже и при очевидномъ своемъ безсиліи.

Въ это-то время ханъ киргизскій Абулъ-Хаиръ, изъ своихъ личныхъ выгодъ, обратился къ Россіи, съ просьбою о принятіи въ русское подданство киргизовъ Малой орды, гдѣ онъ былъ ханомъ. Это не было желаніемъ народа, и киргизы вовсе не уполномочивали его къ тому. Киргизы даже съ неудовольствіемъ узнали о поступкѣ своего хана; только умъ и краснорѣчіе мурзы Тевкелева, посланнаго по этому случаю изъ Петербурга въ киргизскую степь, и совѣты нѣкоторыхъ киргизскихъ старшинъ, имѣвшихъ вліяніе на народъ, устроили дѣло. На народномъ съѣздѣ въ 1732 году киргизы Малой орды, съ своимъ ханомъ Абулъ-Хаиромъ, и— Средней орды, съ ханомъ Шемякою, признали власть Россіи. Впрочемъ, Средняя орда тотчасъ отложилась отъ подданства и начала дѣлать набѣги на русскую пограничную линію; киргизы же Малой орды были отвлечены, вмѣстѣ съ своимъ ханомъ, въ низовья Сыръ-Дарьи, и тамъ также безразлично грабили, какъ русскіе, такъ и бухарскіе караваны. Однако принятіе русскаго подданства каракалпаками, народомъ, издавна враждовавшимъ съ киргизами, вынудило ихъ вспомнить о данномъ обязательствѣ. Въ 1734 году, ханы Средней и Малой орды вторично изъявили покорность, и для обезпеченія юго-восточной русской границы заложенъ

*) Малая и Средняя орда; Большая же орда въ то время кочевала у Туркестана, далеко отъ предѣловъ Россіи.

былъ тогда же Оренбургъ, на сліяніи р. Ори съ Ураломъ, т. е. нынѣшній Орскъ. Принимая присягу на подданство, Абулъ-Хаиръ выговорилъ условіе, чтобы ханы киргизскіе были избираемы изъ его потомства и русское правительство согласилось на это, не обративъ вниманія, что такое условіе совершенно несовмѣстно съ выборнымъ началомъ, издавна укоренившимся въ степи.

Оренбургъ (Орскъ), воздвигнутый на пограничной линіи, разумѣется, нисколько не могъ сдерживать полудикихъ кочевниковъ, которые зачастую безнаказанно нападали на линію, грабили скотъ, уводили въ плѣнъ людей, задерживали и грабили купеческіе караваны, слѣдовавшіе изъ ханствъ или въ ханства. Открытая вражда киргизовъ къ калмыкамъ и башкирамъ еще болѣе подавала поводъ къ этимъ безпорядкамъ. Сами ханы киргизскіе, принявшіе присягу на подданство Россіи, и щедро одаренные подарками отъ двора и отъ оренбургскаго губернатора, подстрекали своихъ подданныхъ къ нападеніямъ. Такъ напримѣръ, еще ханъ Абулъ-Хаиръ дозволилъ подвластнымъ ему киргизамъ Малой орды сдѣлать въ 1746 году набѣгъ на калмыковъ, по льду замерзшаго Каспійскаго моря. При этомъ губительномъ набѣгѣ было захвачено въ плѣнъ до 700 человѣкъ, въ томъ числѣ и нѣсколько русскихъ. Но особенно пострадали отъ киргизовъ калмыки въ 1771 году, при ихъ бѣгствѣ изъ предѣловъ Россіи къ китайской границѣ. Калмыки шли черезъ степь въ большомъ числѣ,—до 30,000 кибитокъ; не смотря на то, киргизы неутомимо преслѣдовали ихъ, отбивали скотъ, плѣнныхъ. Только слабые остатки калмыковъ успѣли достигнуть предѣловъ Китая, гдѣ и приняли подданство.

Еще страшнѣе былъ разгромъ тѣхъ башкирскихъ шаекъ, которые думали искать спасенія въ киргизской степи, послѣ усмиренія русскими войсками башкирскаго бунта, въ 1755 году. Киргизы травили башкировъ безъ жалости, какъ дикихъ звѣрей, а женъ и дѣтей ихъ продавали въ неволю. До 50,000 башкировъ погибло при этомъ въ степи, и только немногимъ изъ нихъ удалось пробраться опять на родину, за Уралъ. Башкиры долгое время страшно мстили киргизамъ за эту рѣзню. Тысячами переходили они линію, чтобы разгромить ближніе киргизскіе аулы, и пограничная казачья стража иногда не имѣла никакой возможности остановить враждующихъ и предупредить схватку. Въ свою очередь и киргизы нерѣдко врывались въ башкирскіе кантоны; особенно пострадалъ отъ киргизскихъ набѣговъ 9-й башкирскій кантонъ.

Было бы утомительно и совершенно безполезно перечислять всѣ грабежи киргизовъ и безпорядки, которые производили они на пограничной линіи. Захватъ русскихъ плѣнныхъ считался въ то время дѣломъ очень

обыкновеннымъ. Уральскіе казаки, защищая свою свободу, жизнь и кровное достояніе свое, въ свою очередь жестоко мстили киргизамъ, и дѣлали частые поиски въ степь. Обоюдные грабежи дошли до огромныхъ размѣровъ, а караванная торговля чрезъ степь почти совершенно прекратилась. Русское вліяніе въ глубинѣ степи было тогда еще такъ слабо, что нисколько не могло охранить—ни пограничную линію, ни купеческіе караваны.

О главной причинѣ этого плачевнаго положенія дѣлъ въ степи мы уже упоминали выше; именно: съ самаго начала подчиненія киргизовъ русской власти, правительство приняло ошибочную систему управленія новымъ, подвластнымъ ему народомъ, и стало дѣйствовать наперекоръ исконнымъ обычаямъ и понятіямъ киргизовъ. Ханское достоинство было навсегда утверждено въ потомствѣ Абулъ-Хаира, причемъ наслѣдовали не братья умершаго хана, какъ слѣдовало бы по обычаю киргизовъ, а сыновья, племянники (Ишимъ-ханъ) и другіе родственники. Оренбургское начальство, назначая хановъ, не обращало вниманія на желанія народа, и только заботилось о томъ, чтобы вновь назначенный ханъ былъ преданный Россіи человѣкъ. Оттого киргизскіе ханы, можетъ быть и при всемъ ихъ добромъ желаніи, не могли исполнить присягу въ точности, и держать сторону русскихъ интересовъ. Они не имѣли дѣйствительной силы, какую имѣли личности, выдвинувшіяся изъ среды народа, и ставшія защитниками народныхъ интересовъ. Эти личности представляли, такъ сказать, демократическій элементъ въ степи, въ противуположность ханамъ, представителямъ элемента аристократическаго. Таковъ былъ батырь Сырымъ, и донынѣ не позабытый киргизскимъ народомъ, Каратай, а впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, и многіе другіе.

Не помогли правительству въ этомъ случаѣ и различныя учрежденія, которыя думали привить къ степному народу, незнакомому съ нашими административными формальностями. Учрежденіе пограничной экспедиціи (въ 1782 г.), пограничнаго суда (1784 г.), расправъ (1787 г.) не повело ни къ чему. Народъ, видя своимъ главою нелюбимаго ими хана, не хотѣлъ признавать его, и глухо волновался, сдерживаемый только силою, а иногда и безсердечною жестокостью хановъ. Но оппозиція получила тотчасъ же силу и дѣйствительное значеніе, когда во главѣ ея становился человѣкъ способный, любимый народомъ, и защитникъ его интересовъ. Таковъ былъ извѣстный батырь Сырымъ, о которомъ мы упомянули выше.

И такъ, въ первые годы подданства киргизовъ Россіи, т. е. отъ 1732 до 1812 года, безпорядки и грабежи въ степи и на пограничной линіи происходили единственно отъ безсилія русской власти и ея вліянія въ

степи, а это безсиліе, въ свою очередь, происходило отъ того, что оренбургское начальство хотѣло управлять киргизами помощью ихъ хановъ, покупая ихъ преданность дорогими подарками. Народъ, не видѣвшій никакой для себя защиты ни отъ кого, угнетаемый ханами, избранными въ Оренбургѣ, помимо народной воли, естественно не имѣлъ никакой причины желать тѣснѣйшаго сближенія съ Россіею. Зато тѣмъ охотнѣе группировался онъ вокругъ своихъ народныхъ избранниковъ, свѣтлыхъ личностей, вышедшихъ изъ среды киргизскаго народа. Но эти народные вожди, личные враги хановъ, становились вслѣдствіе того во враждебное положеніе и относительно Россіи, еще болѣе отвлекая отъ нея народъ, который, разумѣется, симпатизировалъ имъ, а не своимъ ханамъ. Этотъ разладъ въ отношеніяхъ оренбургскаго начальства къ киргизскому народу, также какъ и ложное положеніе хановъ въ средѣ своего народа, для котораго они являлись не народными главами, а чуждыми приставниками и блюстителями чужихъ интересовъ,—все это еще болѣе усиливало безпорядки въ степи, было, такъ сказать, масломъ, подливаемымъ въ огонь.

Только въ 1817 году политика Россіи, въ отношеніи управленія киргизскимъ народомъ, рѣзко измѣнилась. Оренбургскій военный губернаторъ Эссенъ, видя совершенное безсиліе и неспособность хана Ширгази, вошелъ въ сношеніе съ его оппонентами въ степи: батыремъ султаномъ Арунгази и султаномъ Каратаемъ, которые въ то время имѣли огромное вліяніе на народъ—Арунгази въ юго-восточной части киргизской степи, а Каратай,—въ западной. Султанъ Арунгази былъ даже назначенъ, на время отсутствія хана, управляющимъ ордою, и губернаторъ ходатайствовалъ уже о замѣнѣ безсильнаго и неспособнаго Ширгази народнымъ любимцемъ Арунгази. Но враги Арунгази въ степи успѣли наговорами и происками своими погубить его. Арунгази былъ вызванъ въ Петербургъ, обвиненъ въ умышленныхъ безпорядкахъ, произведенныхъ будто бы имъ въ степи, и сосланъ на жительство въ Калугу, гдѣ и умеръ въ 1833 году.

Къ этому же времени относится и попытка русскаго правительства ввести въ степь новые порядки, совершенно уничтоживъ ханское достоинство. Вся степь была раздѣлена на три полосы, которыя и ввѣрены управленію особыхъ «султановъ-правителей», именно: извѣстнаго султана Каратая Нураліева, Темира Ираліева и Джумы Худаймендіева. Но и при этомъ случаѣ не было обращено вниманія на выборное начало, издавна укоренившееся въ степи, и при султанахъ не былъ назначенъ народный совѣтъ, для контроля надъ ихъ дѣйствіями. Взамѣнъ того, приданъ былъ каждому султану отрядъ изъ 200 казаковъ, для содѣйствія въ прекращеніи грабежей. Но это только давало еще большую возможность

султанамъ дѣйствовать совершенно произвольно, опираясь на военную силу, бывшую вполнѣ въ ихъ рукахъ.

Ханъ Ширгази (только номинально считавшійся еще ханомъ) вскорѣ былъ вызванъ въ Оренбургъ; впослѣдствіи онъ возвратился въ степь, скитался нѣкоторое время безъ всякаго значенія и власти, и въ 1835 году умеръ. Это былъ послѣдній киргизскій ханъ. Смерть его осталась въ степи совершенно незамѣченною, и ханское достоинство, созданное не волею народа, а дѣйствіемъ совершенно чуждой, русской власти, исчезло въ степи безслѣдно.

Но на сколько грабили и притѣсняли народъ ханы, столько же терпѣли киргизы и отъ своихъ султановъ-правителей. Баранты и грабежи въ степи продолжались съ прежнею силою. Султаны богатѣли отъ несправедливыхъ поборовъ, а народъ бѣднѣлъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Киргизы выражали свое неудовольствіе противъ существующаго порядка вещей по своему: грабежемъ и барантою, и для усмиренія этихъ волненій приходилось высылать въ степь значительные отряды войскъ.

Съ тою же цѣлью: усмиренія волненій, построены были въ 1835 году, при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ, генералъ-адъютантѣ Перовскомъ, первыя укрѣпленія въ степи: Ново-Александровское, Императорское, Наслѣдника, Константиновское, Николаевское и Михайловское. Но эти слабые форты, гдѣ казаки жили въ перемѣжку съ киргизами, не могли обезпечить спокойствія на огромномъ пространствѣ степи. Подобно тому, какъ въ прежніе годы изъ среды народа выдвигались его защитники: Сырымъ-батырь, а впослѣдствіи—султанъ Арунгази, такъ и теперь всѣ, недовольные султанами, озлобленные ихъ притѣсненіями, примкнули къ извѣстному удальцу, Кенисарѣ Касимову. Въ глазахъ русскаго правительства Кенисара былъ, конечно, мятежникъ, потому что шелъ противъ власти султановъ-правителей, назначенныхъ русскимъ начальствомъ. Не такъ думали о немъ киргизы. О дѣйствіяхъ султана Кенисары, какъ и вообще о всемъ, касающемся до киргизъ сибирскаго вѣдомства будетъ сказано подробнѣе въ послѣдующихъ очеркахъ.

Совершенный неуспѣхъ усвоенной системы управленія киргизами, вначалѣ чрезъ посредство хановъ изъ рода Абулъ-Хаира, а потомъ чрезъ посредство султановъ-правителей, назначаемыхъ также изъ Оренбурга, вынудило оренбургское начальство принять другой, болѣе рѣшительный образъ дѣйствій. Въ то время, какъ мы уже сказали выше, было возведено нѣсколько укрѣпленій внутри степи. Генералъ Обручевъ рѣшился построить еще одно укрѣпленіе въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, чтобы по воз-

можности устранить отъ киргизовъ вліяніе Хивы, владѣвшей на Сыръ-Дарьѣ нѣсколькими крѣпостями. Такъ возведено было въ 1847 году укрѣпленіе Раимъ, впослѣдствіи названное Аральскимъ укрѣпленіемъ. Понимая, что для русскаго правительства выгодно при этомъ имѣть на своей сторонѣ любимыхъ и уважаемыхъ всѣми киргизами народныхъ вождей, оренбургскій губернаторъ старался сблизиться съ двумя, извѣстными въ то время батырями изъ Чиклинскаго рода: Джанъ-ходжею и Исетомъ. Оба они были простые киргизы, извѣстные наѣздники, враги султановъ и вообще аристократическаго начала въ степи. *) Съ обоими батырями оренбургскій губернаторъ генералъ Обручевъ былъ вначалѣ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ, а Джанъ-ходжа помогалъ даже русскимъ, при взятіи хивинской крѣпостцы Джанъ-кала, при устьѣ Сыръ-Дарьи. Въ то время коканцы, владѣя Туркестаномъ, Акъ-Мечетью (фортъ Перовскій, а нынѣ уѣздный городъ Перовскъ), и еще нѣсколькими крѣпостцами въ средней части теченія Сыръ-Дарьи, старались подчинить себѣ всѣхъ киргизовъ, кочевавшихъ вблизи. Джанъ-ходжа явился непримиримымъ врагомъ коканцевъ, и поддержанный русскимъ отрядомъ, взялъ коканское укрѣпленіе Кошъ-курганъ, разбилъ коканскій отрядъ, и принудилъ ихъ отказаться отъ своихъ притязаній.

Но вскорѣ навѣты султановъ-правителей успѣли очернить Джанъ-ходжу въ глазахъ русскаго правительства. Въ это же время назначенъ былъ султаномъ-правителемъ надъ сыръ-дарьинскими киргизами непримиримый врагъ Джанъ-ходжи, султанъ Ирмухамедъ Касимовъ (Илекей). Это еще болѣе разстроило добрыя отношенія Джанъ-ходжи къ русскому правительству, а несправедливость и незаконные поборы султана Ирмухамеда совершенно возстановили батыря противъ русскихъ. Киргизы считали Джанъ-ходжу своимъ покровителемъ и сильнымъ заступникомъ. Не видя никакой возможности заявить русскому правительству о своемъ тягостномъ положеніи, подъ властію ненавистнаго имъ султана, киргизы возстали, и разумѣется, во главѣ этого возстанія явился Джанъ-ходжа. Онъ, однако же, долго не соглашался принять начальство надъ возмутившимся народомъ, предвидя плачевный исходъ предпріятія. Только зимою 1856 года начались явныя непріязненныя дѣйствія, и шайки вооруженныхъ киргизовъ появились въ окрестностяхъ русскихъ фортовъ на Сыръ-Дарьѣ, грабя и

*) Не должно забывать, что киргизскіе султаны, хотя и числятся въ составѣ тѣхъ или другихъ родовъ, кочуя вмѣстѣ съ ними, но при всемъ томъ составляютъ особое поколѣніе, какъ бы высшее сословіе (бѣлая кость), не смѣшивающееся съ простыми киргизами (черною костью).

угоняя скотъ, сжигая запасы сѣна, саксаула, уводя въ плѣнъ жителей, и т. п. Въ день Рождества Христова, 1856 года, фортъ 1-й былъ совершенно окруженъ мятежными шайками. Генералъ-маіоръ Фитингофъ поспѣшилъ на помощь осажденнымъ, съ отрядомъ изъ 665 человѣкъ, при трехъ орудіяхъ и 1 ракетномъ станкѣ, и 9-го января 1857 года, при урочищѣ Арыкъ-Балыкъ сошелся со скопищемъ Джанъ-ходжи. Киргизы живо атаковали слабый русскій отрядъ; самъ Джанъ-ходжа, съ бѣлымъ знаменемъ въ рукѣ, былъ впереди и воодушевлялъ нападающихъ. Но когда русскій отрядъ, выдержавъ почти цѣлый день натискъ нестройной толпы, перешелъ, наконецъ, въ наступленіе, киргизы не выдержали и разсѣялись. Пораженіе мятежниковъ было полное и киргизы не скоро оправились послѣ этого удара. Мятежъ Джанъ-ходжи стоилъ имъ многихъ убитыми и ранеными; много погибло въ степи отъ голода и разныхъ лишеній, и кромѣ того, отбито было при поискахъ и преслѣдованіи шаекъ, до 21,365 головъ скота.

Приверженцы Джанъ-ходжи удалились послѣ того на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, между низовьями Куванъ-Дарьи и Яны-Дарьи, и не имѣли уже никакой силы и значенія. Здѣсь престарѣлый батырь Джанъ-ходжа былъ убитъ въ 1860 году своимъ врагомъ, султаномъ Ирмухамедъ Касимовымъ, напавшимъ на его аулъ совершенно неожиданно.

Такъ сошелъ въ могилу третій защитникъ народныхъ, киргизскихъ интересовъ, замѣчательнѣйшій человѣкъ послѣ Сырыма, султана Арунгази и Кенисары.

Другой батырь изъ Чиклинскаго рода, имѣющій и понынѣ большое вліяніе на киргизовъ въ западной части степи, бій Исетъ Кутебаровъ. Онъ недолго находился въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ къ русскому правительству. Грабежи и баранта, въ которыхъ Исетъ принималъ всегда дѣятельное участіе, нѣсколько разъ вынуждали оренбургское начальство высылать противъ Исета Кутебарова значительные отряды войскъ. Въ одну изъ такихъ экспедицій погибъ, въ 1855 году султанъ-правитель Арсланъ-Джантюринъ, изрубленный самимъ Исетомъ. Казачій отрядъ, бывшій при султанѣ, успѣлъ, однако же, благополучно возвратиться на линію. Чтобы наказать Исета, еще послѣ того нѣсколько разъ выступали въ степь отряды, которые старались окружить чиклинскаго батыря со всѣхъ сторонъ. Но Исетъ постоянно успѣвалъ во время отойти на Усть-Уртъ, куда русскіе отряды не могли проникнуть, по причинѣ отдаленности отъ линіи, недостатка воды и безкормицы. Однако же, тѣснимый отовсюду, бій Исетъ долженъ былъ по необходимости отказаться отъ богатыхъ кочевьевъ, близь Мугаджоръ-тау, и кочевать на Усть-Уртѣ, близь озера Асмантай-матай, выдвигаясь къ сѣверу не далѣе песковъ Барсуковъ, у Аральскаго моря.

Въ 1858 году Исетъ Кутебаровъ, вновь окруженный со всѣхъ сторонъ, явился съ повинною къ генералъ адъютанту Катенину. Получивъ прощеніе, онъ даже ѣздилъ въ Петербургъ, и оттуда возвратился въ свои кочевья, не утративъ нисколько своего вліянія на киргизовъ Чиклинскаго рода.

Въ настоящее время, со введеніемъ въ степи новаго положенія, бій Исетъ Кутебаровъ назначенъ младшимъ помощникомъ Иргизскаго уѣзднаго начальника; но общая молва указываетъ, что его преданность интересамъ Россіи весьма сомнительна.

Въ то время, когда происходили стычки съ непокорными киргизами, приверженцами Джанъ-ходжи и бія Исета Кутебарова настойчиво преслѣдовалась цѣль: отдаленія киргизовъ отъ вліянія Хивы, Бухары и Кокана, постройкою укрѣпленій и фортовъ на Сыръ-Дарьѣ. Возведеніе Раима, переименованнаго впослѣдствіи въ Аральское укрѣпленіе, а потомъ, по упраздненіи этого укрѣпленія, построеніе форта 1-го (Казалы), было первымъ, рѣшительнымъ шагомъ по этому пути. Весною 1852 года былъ заложенъ фортъ 2-й, и фортъ 3-й, нынѣ упраздненный. 23-го іюля того же года взята штурмомъ коканская крѣпость Акъ-мечеть, и на ея мѣстѣ построенъ фортъ Перовскій. Вполнѣ удачное дѣло съ коканцами 14-го декабря 1853 г. утвердило за Россіею это пріобрѣтеніе, потому что съ того времени коканцы уже не отваживались нападать на новые сыръ-дарьинскіе форты, и оставили русскихъ полными хозяевами на Сыръ-Дарьѣ и въ степи. Въ 1861 году взята была коканская крѣпостца Яны-курганъ, и построено укрѣпленіе Джулекъ,—въ то время передовой оплотъ Россіи со стороны Коканскаго ханства.

Такимъ образомъ дѣло овладѣнія киргизскою степью, хотя медленно, но постепенно подвигалось впередъ. Киргизы уже были окружены со стороны Сыръ-Дарьи непрерывнымъ рядомъ русскихъ фортовъ, и только оставался несомкнутымъ промежутокъ между Джулекомъ и укрѣпленіемъ Вѣрнымъ, на сибирской пограничной линіи. Но прежде, чѣмъ говорить о дѣйствіяхъ русскихъ отрядовъ въ Средней Азіи, съ цѣлью сомкнуть этотъ промежутокъ, надобно упомянуть о томъ рядѣ попытокъ, который сдѣланъ былъ для того, чтобы исподволь подчинить киргизовъ *русскому* управленію.

Еще въ 1844 году прилинейные киргизы подчинены были особымъ «попечителямъ» изъ русскихъ чиновниковъ. Въ 1848 и 1849 году вся киргизская степь была раздѣлена на 54 дистанціи. Въ каждую дистанцію назначенъ былъ начальникъ, и при немъ письмоводитель; кромѣ того, были мѣстные и аульные начальники. Всѣ эти власти подчинены были, однако же, по прежнему, султанамъ-правителямъ. Часть степи, по берегу

Сыръ-Дарьи, сдѣлана была независимою отъ пограничной коммиссіи въ Оренбургѣ, и ввѣрена военному управленію командующаго сыръ-дарьинскою линіею. Въ 1859 году управленіе степью передано было въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, и пограничная коммиссія переименована въ областное правленіе Оренбургскихъ киргизовъ. Въ 1864 году переданы въ вѣдѣніе военнаго министерства сыръ-дарьинскіе киргизы, до того времени находившіеся въ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ съ 1732 по 1864 годъ, когда въ нашихъ средне-азіатскихъ дѣлахъ совершился коренной переворотъ, приняты были постепенно, для утвержденія русскаго вліянія и власти въ степи, рядъ слѣдующихъ мѣръ:

1) Назначеніе хановъ изъ потомства перваго, присягнувшаго Россіи хана, Абулъ-Хаира; мѣрѣ этой, какъ несоотвѣтствующей киргизскимъ обычаямъ, киргизы нисколько не сочувствовали, что и выразили они рядомъ грабежей, убійствъ и волненій, подъ предводительствомъ лицъ, избранныхъ ими самими, вышедшихъ изъ среды народа, и составлявшихъ оппозицію ханамъ, какъ лицамъ, назначеннымъ отъ русскаго правительства.

2) Уничтоженіе ханскаго достоинства въ степи, вслѣдствіе его крайняго безсилія, и раздѣленіе степи на отдѣльныя части, съ назначеніемъ въ каждую часть особаго султана-правителя. Но такъ какъ при этомъ назначеніи обращалось вниманіе только на преданность Россіи султановъ-правителей, а не на желаніе народа, то потому волненія и безпорядки въ степи не прекращались, тѣмъ болѣе, что султаны-правители не старались пріобрѣсть любовь и уваженіе подвластныхъ имъ киргизовъ, а только заботились объ увеличеніи своего благосостоянія.

3) Возведеніе укрѣпленій въ степи, чтобы тѣмъ упрочить русскую власть и вліяніе на киргизовъ.

4) Возведеніе фортовъ по Сыръ-Дарьѣ, чтобы устранить отъ киргизовъ, вредное для Россіи, вліяніе Хивы и Кокана.

5) Введеніе въ степи гражданскаго управленія, по русскому образцу, причемъ, однако же, власть султановъ-правителей оставалась неприкосновенною.

Теперь обратимся къ событіямъ 1864 года, имѣвшимъ огромное вліяніе на отношенія Россіи къ Средней Азіи, и бывшихъ главною причиною также и реорганизаціи въ порядкѣ управленія киргизскою степью.

Мы уже говорили выше, что при поступательномъ движеніи русскихъ по Сыръ-Дарьѣ, промежутокъ между укрѣпленіемъ Джулекъ и Вѣрнымъ долгое время оставался несомкнутымъ, что давало возможность коканскимъ шайкамъ часто безнаказанно прорываться въ кочевья киргизовъ.

Необходимо было сомкнуть государственную границу со стороны Коканскаго ханства. Для этой цѣли отправлены были два отряда: одинъ со стороны укрѣпленія Вѣрнаго, подъ начальствомъ полковника Черняева, а другой со стороны Джулека, подъ начальствомъ полковника Веревкина. Дѣйствія этихъ отрядовъ были весьма рѣшительны: 3-го іюля занятъ былъ съ бою Ауліе-ата, а 12-го взятъ г. Туркестанъ, со стороны сыръ-дарьинской линіи. Религіозное значеніе Туркестана, святыни всего средне-азіятскаго міра, придало особую важность завоеванію этого города, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило священную войну противъ «кяфировъ», дерзнувшихъ посягнуть на неприкосновенность мусульманской святыни. Коканцы вооружились поголовно; извѣстно было также, что и бухарскія войска подвигаются къ Сыръ-Дарьѣ. Полковникъ Черняевъ, поражая въ продолженіи цѣлаго года сильнѣйшаго непріятеля, взялъ штурмомъ коканскіе укрѣпленные пункты: Чемкентъ и Ташкентъ.

Тогда, взамѣнъ сыръ-дарьинской линіи, очевидно сдѣлавшейся уже безполезною, образована была Туркестанская область, изъ всего пространства, пограничнаго въ среднеазіятскими владѣніями, отъ Аральскаго моря до озера Иссыкъ-куль. Управленіе Туркестанскою областью поручено было особому военному губернатору, подчиненному въ военномъ и гражданскомъ отношеніи Оренбургскому генералъ-губернатору и командующему войсками Оренбургскаго военнаго округа. Туркестанскимъ военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ покоритель Ташкента, генералъ-маіоръ Черняевъ, котораго вскорѣ замѣнилъ генералъ-маіоръ Романовскій.

Неожиданное занятіе Туркестана, Чемкента и наконецъ богатаго Ташкентскаго раіона весьма ослабило Коканское ханство. Самъ коканскій регентъ Алимкулъ, храбрый и предпріимчивый кипчакъ, палъ въ битвѣ 9-го мая 1864 года, съ отрядомъ генералъ-маіора Черняева, а молодой коканскій ханъ Миръ-Сеитъ, находившійся въ то время въ Ташкентѣ, былъ отправленъ въ Бухару враждебною ему партіею, преданною бухарскимъ интересамъ. Вслѣдъ затѣмъ бухарскій эмиръ завладѣлъ также и Кокаиомъ, и на коканскій престолъ вступилъ тесть его, Худояръ-ханъ. Такъ Коканъ, ослабленный претерпѣнными имъ пораженіями, сталъ совершенно неопасенъ для Россіи. Вліяніе его на киргизъ сдѣлалось весьма слабымъ, даже почти ничтожнымъ, тѣмъ болѣе, что коканскіе киргизы до того времени не имѣли никакихъ столкновеній съ русскими и слѣдовательно не было никакихъ причинъ къ возбужденію вражды.

Главнымъ врагомъ Россіи въ Средней Азіи явилась тогда Бухара, и и эмиръ бухарскій неоднократно предъявлялъ дерзкія требованія—сначала ген. Черняеву, а потомъ и ген. Романовскому, требуя отъ него, чтобы русскіе отошли отъ Ташкента. Окрестное населеніе, еще надѣяв-

шееся на силу бухарскаго оружія, волновалось и готово было поддерживать эмира. Ежеминутно можно было ожидать общаго народнаго возстанія, которое могло бы весьма затруднить дальнѣйшія дѣйствія русскихъ въ Средней Азіи. Выдти изъ этого положенія можно было только смѣлымъ и рѣшительнымъ образомъ дѣйствій. Битва при Ирджарѣ 8 мая 1866 г., гдѣ огромныя силы бухарскаго эмира были разбиты на голову, упрочила завоеванія Россіи въ Средней Азіи, и открыла путь къ новымъ дальнѣйшимъ побѣдамъ. Вслѣдъ за ирджарскимъ разгромомъ, взятъ былъ 24 мая Ходжентъ, сильная бухарская крѣпость на Сыръ-Дарьѣ. Въ томъ же году взяты штурмомъ бухарскія крѣпости: Ура-тюбе (2-го октября) и Джузакъ (18-го октября), а въ 1867 году русскіе отряды встали въ 78 верстахъ отъ Самарканда, въ небольшой крѣпостцѣ Яны-курганъ, оставленной бухарцами.

Въ 1868 году, послѣ битвы 1-го мая, взяты: знаменитый Самаркандъ, бывшая столица Тамерлана, и сильная бухарская крѣпость Катты-курганъ, войсками генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, назначеннаго командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа и Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Это былъ послѣдній, и какъ кажется, рѣшительный ударъ гордой и заносчивой Бухарѣ, заставившій ее прекратить всѣ притязанія на Ташкентскій раіонъ.

Такъ парализовано было сліяніе на киргизскую степь и другаго, средне-азіатскаго врага Россіи. Въ настоящее время, какъ мы уже сказали выше, только одна Хива можетъ имѣть вліяніе на киргизовъ, кочующихъ на Усть-Уртѣ, пескахъ Барсукахъ и у верховьевъ Эмбы и Илека. Это вліяніе, къ сожалѣнію, было между прочимъ также и одною изъ причинъ безпорядковъ, возникшихъ въ степи съ 1869 году, и не прекратившихся еще до настоящаго времени. Поводомъ же къ началу волненій послужило введеніе между киргизами новаго положенія объ управленіи киргизскою степью, раздѣленною на области, уѣзды и волости.

Н. Маевъ.

Матеріалы для описанія бухарской экспедиціи 1868 года.

Положеніе дѣлъ въ Бухарѣ при началѣ экспедиціи. — Совѣтъ эмира съ беками въ г. Мезарѣ.—Взятіе Самарканда.—Отрядъ эмира.—Движеніе ген. м. Головачева къ Катты-кургану.—Возмущеніе въ Бухарѣ.—Османъ-бекъ.—Усмиреніе возмутившагося народа.—Приказъ эмира по войскамъ зера-булакскаго лагеря.—Пораженіе бухарцевъ при Зера-булакѣ.—Бѣгство эмира.—Вторичное возмущеніе въ Бухарѣ.—Заговоръ ханствующаго дома противъ эмира.—Сердарь *) Назуметдинъ.—Заключеніе мира съ русскими.—Слова эмира.—Шахрисябзъ.—Возмущеніе старшаго сына эмира.—Движеніе русскаго отряда къ г. Карши.

1868 годъ памятенъ для Средней Азіи окончательнымъ разгромомъ силъ бухарскаго эмира, до того времени все еще считавшагося сильнѣйшимъ изъ всѣхъ среднеазіятскихъ владѣтелей, не смотря на неоднократныя пораженія бухарскихъ войскъ. Занятіе Самарканда и Катты-кургана, битва при Зера-булакѣ были смертельными ударами, уничтожившими все прежнее обаяніе величія и силы, которое до того времени окружало имя эмира. Подробности послѣднихъ военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ съ бухарцами достаточно извѣстны изъ оффиціальныхъ реляцій, опубликованныхъ въ свое время. Но свѣдѣнія, помѣщенныя въ этихъ реляціяхъ, заключаютъ въ себѣ одну только военную сторону бухарскихъ событій 1868 года: они передаютъ вкратцѣ о дипломатическихъ сношеніяхъ, предшествовавшихъ экспедиціи, и затѣмъ—говорятъ исключительно о передвиженіяхъ и военныхъ дѣйствіяхъ русскаго отряда, умалчивая о событіяхъ, совершившихся въ тоже время въ Бухарѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ раіона военныхъ дѣйствій, и имѣвшихъ прямое, непосредственное вліяніе на весь ходъ экспедиціи.

Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы представимъ нѣсколько свѣдѣній, собранныхъ нами отъ понсата (начальника 500 человѣкъ), который

---

*) Начальникъ.

участвовалъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ бухарцевъ 1868 года, и который, по заключеніи бухарцами мирнаго договора съ Россіею, принялъ русское подданство. Достовѣрность свѣдѣній, сообщенныхъ въ нашей статьѣ, несомнѣнна, такъ какъ всѣ другія лица, которыхъ намъ приходилось разспрашивать о происшествіяхъ въ Бухарѣ, лѣтомъ 1868 года, сообщили почти тѣ же подробности.

Еще до назначенія ген.-ад. фонъ-Кауфмана Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, проектированы были ген.-адъют. Крыжановскимъ условія мирнаго договора съ эмиромъ Саидъ-Муссафаръ-Богадуръ-ханомъ. Условія эти Высочайше повелѣно обсудить, совмѣстно съ генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, назначеннымъ Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, который призналъ ихъ, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій, соотвѣтственными достоинству и выгодамъ Россіи. Для обсужденія этихъ условій, эмиръ собралъ въ г. Мезарѣ совѣтъ, изъ главныхъ и вліятельныхъ лицъ ханства. Одинъ изъ присутствовавшихъ въ совѣтѣ, Мусса-бекъ, заявилъ между прочимъ, что заключеніе мирнаго договора съ русскими будетъ во всякомъ случаѣ обременительно для Бухарскаго ханства, такъ какъ Туркестанскій генералъ-губернаторъ, по всей вѣроятности, потребуетъ большой контрибуціи. «Собрать деньги для уплаты этой контрибуціи,—говорилъ Мусса-бекъ,—можно не иначе, какъ усиливъ подати съ народа, а это возбудитъ ропотъ, что и было уже, при вторичномъ неуспѣхѣ покойнаго отца вашего противъ шахрисябзцевъ». Всѣ лица, участвовавшія въ совѣтѣ, согласились съ мнѣніемъ Мусса-бека, и настоятельно просили эмира объявить русскимъ войну. Должно замѣтить при этомъ, что эмиръ вовсе не ожидалъ скораго начала военныхъ дѣйствій, и 27 апрѣля съ удивленіемъ узналъ, что русскія войска уже въ Яны-курганѣ. Извѣстіе о томъ сообщилъ ему самаркандскій бекъ Баба-ходжа, письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Таксыръ! *) По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, русскій кушинъ (отрядъ) расположился бивуакомъ при урочищѣ Яны-курганѣ, и вѣроятно на дняхъ двинется къ Самарканду. Какія мѣры прикажете принять противъ этого? Войска ваши, таксыръ, собраны и расположены, по приказанію вашему, на Чупанъ-атинскихъ высотахъ, подъ предводительствомъ вашего сына; часть жителей также выведена въ отрядъ и вооружена. Затѣмъ, подданные ваши ожидаютъ вашего прибытія, какъ утромъ ранняго и яснаго восхода солнца, и пріѣздъ вашъ можетъ воодушевить храбрыя войска ваши, таксыръ.

Самаркандскій бекъ, *Баба-ходжа*».

---

*) Господинъ.

Извѣстіе, что бухарскія войска собраны и вооружены въ такое короткое время, очень обрадовало эмира. Въ тотъ же день, когда получено было извѣстіе о приближеніи русскихъ войскъ, 29 апрѣля, эмиръ уѣхалъ въ Кермине, и оттуда послалъ сердаря Назуметдина въ Самаркандъ, чтобы осмотрѣть войска, и окончательно приготовить ихъ къ встрѣчѣ непріятеля. Въ полномъ успѣхѣ предстоящей битвы, эмиръ нисколько не сомнѣвался, также какъ и всѣ жители Бухары, которые были убѣждены, что Самаркандъ, съ его мусульманскими святынями, не можетъ и одного дня быть подъ властью невѣрныхъ. Это убѣжденіе такъ глубоко вкоренилось въ умѣ народа, что его не могли поколебать даже и разныя суевѣрныя примѣты и предсказанія, въ которыхъ, въ обыкновенное время, любятъ доискиваться сокровеннаго смысла впечатлительные азіятцы. Такъ напримѣръ, 1-го мая, въ день битвы при Чупанъ-ата, предавшей Самаркандъ во власть русскихъ,—одинъ дервишъ разсказалъ начальнику отряда видѣнный имъ сонъ, что будто въ Самаркандѣ обрушились два минарета, красующіеся на мечети Тамерлана. Разсказывая этотъ сонъ, дервишъ предостерегалъ, что предстоящая битва будетъ имѣть исходъ, неблагопріятный для мусульманъ. За такое зловѣщее предсказаніе дервишъ былъ преданъ смерти начальникомъ отряда *).

Утромъ 1-го мая, въ виду бухарскаго лагеря показались русскія колонны, готовыя аттаковать неприступную позицію, на которой укрѣпились бухарцы. Предъ ними былъ разлившійся, быстрый и глубокій Заравшанъ, едва проходимый въ бродъ даже и осенью, при малой водѣ; за рѣкою поднимались крутые склоны Чупанъ-ата, покрытые густыми массами непріятеля. Но, не смотря на неприступность позиціи, высоты Чупанъ-ата были взяты штурмомъ; разстроенный непріятель обратился въ бѣгство, и самаркандскіе жители, не впустившіе къ себѣ разбитыхъ бухарцевъ, добровольно отворили городскія ворота русскимъ.

3-го мая Мурза-Галій-бекъ пріѣхалъ въ Кермине, къ эмиру, съ извѣстіемъ о потерѣ Самарканда, и эмиръ, раздраженный этимъ извѣстіемъ, приказалъ тотчасъ же казнить вѣстника. Это первое свирѣпое движеніе, совершенно свойственное натурѣ азіятца, какъ бы нѣсколько утолило гнѣвъ эмира, возбудившійся при вѣсти о новомъ пораженіи, и о новой, невознаградимой потерѣ лучшей части своихъ владѣній. Раздраженіе мало по малу смѣнилось тихой скорбью. По словамъ очевидцевъ, эмиръ плакалъ, говоря: «лучше бы Богъ лишилъ меня жизни, чѣмъ этого города!»

---

*) Кто-то изъ важныхъ лицъ въ Самаркандѣ видѣлъ также во снѣ, наканунѣ битвы, что генералъ Кауфманъ подъѣхалъ къ Самарканду на бѣломъ верблюдѣ.

Опасаясь дальнѣйшаго движенія русскихъ войскъ по направленію къ Бухарѣ, эмиръ выставилъ у Катты-кургана небольшой отрядъ, и приказалъ начальнику отряда, младшему своему беку, Гумеру—во что бы то ни стало остановить русскихъ, или же самому лечь на полѣ битвы. Но Гумеръ-бекъ хорошо зналъ слабость бухарскихъ силъ и совершенную невозможность исполнить приказаніе своего повелителя.

17-го мая Гумеръ-бекъ, получивъ достовѣрное извѣстіе, что русскій отрядъ, подъ начальствомъ ген.-м. Головачева, приближается къ Катты-кургану, бѣжалъ въ Шахрисябзъ, и крѣпость Катты-курганъ сдалась русскимъ войскамъ безъ малѣйшаго сопротивленія.

Извѣстіе о потерѣ Катты-кургана вынудило эмира согласиться на мирныя условія, предложенныя еще задолго до начала похода, и съ этой цѣлью отправлено было въ Катты-курганъ посольство, во главѣ котораго былъ главный муфтій. Генералъ Головачевъ ласково принялъ посольство, и предложилъ муфтію подождать пріѣзда въ Катты-курганъ генералъ-губернатора. Послѣ личныхъ переговоровъ съ генералъ-губернаторомъ, посольство возвратилось въ Бухару и миръ, быть можетъ, былъ бы заключенъ, если бы дѣла въ Бухарѣ не приняли оборота, неблагопріятнаго для миролюбивой попытки эмира: въ окрестностяхъ Бухары вспыхнуло возстаніе, и мятежники потребовали, чтобы эмиръ, во что бы то ни стало, продолжалъ борьбу съ русскими.

Эмиръ Муссафаръ принялъ энергическія мѣры, для подавленія возстанія, которое изъ Заравшанской долины грозило разлиться на всю Бухару. Часть кавалеріи, подъ начальствомъ Османъ-бека, при двухъ легкихъ орудіяхъ, двинулась къ степи Чуль-Мелекъ, гдѣ собралась главная масса мятежниковъ, вооруженныхъ батиками, айбалтами и пиками. Нѣсколько атакъ разстроили толпу мятежниковъ, которые понесли при этомъ довольно значительную потерю. Чтобы окончательно утишить волненіе въ народѣ, все еще сохранявшемъ свое угрожающее положеніе, эмиръ послалъ къ недовольнымъ ишана (святаго), который словами корана мало по малу успокоилъ народъ. Въ это же время возвратилось изъ Катты-кургана и посольство, отправленное туда эмиромъ. Доставленныя посольствомъ свѣдѣнія о положеніи и численности русскаго отряда также скорѣе способны были возбудить въ эмирѣ желаніе еще разъ помѣряться силами съ непріятелемъ. Однако же эмиръ и въ этотъ разъ ничего не рѣшился предпринять безъ совѣщанія съ своими приближенными беками.

Въ назначенный день, на совѣтѣ Османъ-бекъ первый подалъ голосъ за продолженіе военныхъ дѣйствій противъ русскихъ. «Лучше драться до послѣдней капли крови,—говорилъ Османъ—чѣмъ платить кяфирамъ такую огромную контрибуцію, тѣмъ болѣе, что и народы ханства неотступ-

но просятъ войны.» Всѣ остальные беки согласились съ мнѣніемъ Османъ-бека, и только одинъ сердарь Назуметдинъ прибавилъ, что необходимо просить Садыка, находившагося въ то время около Нураты, принять участіе въ предстоящей, упорной борьбѣ. Эмиръ, не колеблясь, согласился и съ этимъ мнѣніемъ, и отправилъ къ Садыку письмо, прося его содѣйствія, и обѣщая щедро вознаградить за оказанную помощь.

Только съ большимъ трудомъ удалось эмиру сформировать небольшой отрядъ, и отправить его, подъ начальствомъ кушъ-беги (нѣчто въ родѣ визиря) къ Ходжа-кургану, гдѣ Садыкъ, еще 23 мая, имѣлъ уже небольшую перестрѣлку съ казаками. Получивъ письмо эмира, Садыкъ окончательно присоединился къ его главнымъ силамъ. Бухарскій отрядъ, въ составѣ 6 тысячъ пѣхоты, 15 тысячъ кавалеріи, при 14 орудіяхъ, выступилъ къ Ходжа-кургану, и на другой день занялъ позицію на Зера-булакскихъ высотахъ. Тамъ эмиръ отдалъ по войскамъ слѣдующій приказъ:

«Благодарю васъ, вѣрноподданные мусульмане, за труды, и увѣряю васъ, что побѣда еще за нами. Потеря Самарканда и Катты-кургана для насъ небольшая потеря. Мы потомки Тамерлана, мы покажемъ, какъ забирать наши земли! Мусульмане, я надѣюсь, что вы постараетесь показать кяфирамъ, какъ храбро мусульмане бьются за вѣру и отечество. Народъ ожидаетъ побѣды, чтобы по окончаніи битвы, встрѣчая васъ, онъ могъ говорить, что вы сражались за вѣру и отечество, и уничтожили на своей землѣ кяфировъ. На полѣ битвы будетъ воздвигнутъ славный памятникъ, въ честь убитыхъ героевъ, павшихъ на зера-булакской землѣ. Мусульмане! 125 тысячъ тиллей, которыя требуетъ въ контрибуцію туркестанскій генералъ-губернаторъ, будутъ выданы отъ меня, въ награду вамъ. Я надѣюсь, что вы, мои войска, оправдаете мое ожиданіе, и сотрете грязное пятно, которое носятъ самаркандцы на своихъ халатахъ. Прощайте, мусульмане, желаю вамъ успѣха»!

Приказъ этотъ былъ прочитанъ среди отряда, при пушечныхъ выстрѣлахъ.

Въ ожиданіи прибытія эмира, зера-булакскія войска ежедневно тревожили русскій отрядъ мелкими набѣгами, обыкновенно начиная ихъ съ 4-хъ часовъ утра и продолжая до полудня. Натиски эти, конечно, приносили русскимъ мало вреда.

Генер.-адъют. фонъ-Кауфманъ ожидалъ истеченія срока, назначеннаго посольству для принятія мирныхъ условій, и не смотря на явныя непріязненныя дѣйствія бухарцевъ, не предпринималъ никакого движенія. Какъ и должно было ожидать,—срокъ истекъ, а посольство не являлось въ Катты-курганъ, съ отвѣтомъ эмира на препровожденныя къ нему требованія генералъ-губернатора.

Въ ночь на 1-е іюня русскій отрядъ тронулся съ позиціи, по направленію къ Зера-булаку, съ разсвѣтомъ 2 іюня построился въ боевой порядокъ, въ виду бухарскаго лагеря и быстро началъ наступленіе. Завязался бой. Бухарскіе джигиты со всѣхъ сторонъ бросились въ атаку, съ крикомъ: «олынгъ, олынгъ охыръ!...» (берите, берите наконецъ!) Но, не смотря на гикъ и крики, натискъ джигитовъ былъ повсюду отбитъ, и высоты взяты русскими штыками, при огромномъ уронѣ со стороны бухарцевъ. Садыкъ успѣлъ ускакать въ Карши, а Османъ-бекъ, съ остатками разбитыхъ сарбазовъ, отступилъ по направленію степнаго пути въ Бухару. Въ это время шахрисябзцы, вмѣстѣ съ возставшими жителями Самарканда и долины Міанкала, осадили самаркандскую цитадель, мужественно обороняемую малочисленнымъ, но геройски-стойкимъ гарнизономъ.

Эмиръ узналъ о пораженіи своихъ войскъ подъ Зера-булакомъ вечеромъ, того же дня, и опасаясь вторичнаго волненія въ народѣ, не рѣшился ѣхать въ Бухару, а удалился въ степь Кизилъ-кумъ, населенную исключительно кочевыми киргизами. Опасенія эмира дѣйствительно оправдались: въ самой Бухарѣ начался опять мятежъ, и возмутившійся народъ расположился шумными толпами въ воротахъ Дервазъ-Мезоръ, чрезъ которыя эмиръ долженъ былъ въѣхать въ Бухару. Минута была критическая, и эмиръ легко могъ лишиться престола, потому что, въ случаѣ, еслибы волненіе въ народѣ приняло значительные размѣры, то смутами легко бы могъ воспользоваться кто нибудь изъ личныхъ враговъ эмира, даже изъ среды ханствующаго дома, что дѣйствительно и случилось впослѣдствіи. Сердарь Назуметдинъ, все время находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ эмиромъ, взялся успокоить народъ. Назуметдинъ отправился въ Бухару, рискуя пасть подъ ударами озлобленныхъ мятежниковъ. Дѣйствительно, онъ былъ захваченъ народомъ въ самыхъ воротахъ Дервазъ-Мезоръ, но однако же краснорѣчіемъ своимъ успѣлъ отдѣлаться отъ угрожающей смерти, а обѣдъ, данный имъ народу, окончательно примирилъ его съ недовольными. Назуметдинъ остался въ Бухарѣ, и видя, что народъ все еще озлобленъ противъ эмира, тайно увѣдомилъ его о томъ, совѣтуя, до времени, искать убѣжища въ Кермине. И тамъ жители приняли эмира весьма неохотно, но, по крайней мѣрѣ, въ Кермине нечего было опасаться открытаго возстанія. Изнуренный и упавшій духомъ повелитель Бухары, трое сутокъ пробылъ безъ воды въ степи Кизилъ-кумъ, и вѣроятно еще долѣе терпѣлъ бы всѣ лишенія, если бы сердарь Назуметдинъ не поспѣшилъ указать ему на сравнительно болѣе безопасное убѣжище въ Кермине.

Въ Кермине эмиръ вторично созвалъ совѣтъ, въ которомъ засѣдалъ и сердарь Назуметдинъ. Совѣтъ положилъ прекратить безполезную войну,

и заключить миръ съ русскими. Эмиръ на все согласился, сказавъ при этомъ: «теперь мнѣ остается только одно: собрать всѣ войска, оружіе и орудія, отдать все это Бѣлому Царю, и просить, чтобъ онъ позволилъ мнѣ отправиться въ Мекку, на покаяніе. Я чувствую, что смерть моя близка. Участь моя и жизнь—въ рукахъ народа».

23-го іюня, въ Самаркандъ прибыли послы отъ эмира къ туркестанскому генералъ-губернатору, заявили, что эмиръ соглашается на всѣ, предложенныя ему, мирныя условія и привезли первую часть контрибуціи. Такимъ образомъ заключенъ былъ въ Самаркандѣ послѣдній мирный договоръ съ эмиромъ бухарскимъ.

Заключеніе мира съ русскими и обязательство уплатить значительную контрибуцію, противъ ожиданія, не произвело въ народѣ новаго ропота и волненія. Только шахрисябзцы воспользовались слабостью и стѣсненнымъ положеніемъ эмира и отложились отъ подданства. Къ нимъ удалился и старшій сынъ эмира, Катты-тюря, бѣжавшій изъ Кермине. Шахрисябзъ сдѣлался центромъ оппозиціи противъ эмира и Катты-тюря былъ поднятъ шахрисябзцами на бѣлой кошмѣ или войлокѣ *).

Первая стычка войскъ эмира съ отрядомъ Катты-тюря была при Джамѣ, и окончилась совершеннымъ пораженіемъ эмира. Стѣсненный отовсюду, не находя нигдѣ помощи или даже сочувствія, эмиръ рѣшился обратиться къ своимъ недавнимъ врагамъ, и письменно просилъ ген.-м. Абрамова, (назначеннаго отъ генералъ-губернатора управлять Заравшанскимъ округомъ, образованнымъ изъ вновь занятыхъ нами земель) прислать ему вспомогательный отрядъ. Просьба эмира была исполнена; послѣдовало движеніе къ Джамскимъ высотамъ и взятіе Карши. Скопище шахрисябзцевъ, предводительствуемое сыномъ эмира, было разбито и городъ Карши возвращенъ эмиру. Подробности движенія русскаго отряда къ Джаму и занятіе Карши были въ свое время опубликованы оффиціальнымъ путемъ, а потому мы и опускаемъ ихъ въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ.

Движеніе къ Джаму и занятіе Карши были какъ бы заключительнымъ эпизодомъ къ кровавой драмѣ, такъ неожиданно разыгравшейся на нашей бухарской границѣ весною 1868 года.

М. Г. Богдановъ.

*) На бѣлой кошмѣ поднимаютъ лицъ, вступающихъ на ханскій престолъ.

Замѣтки о флорѣ и фаунѣ Заравшанской долины.

Въ 1869 году Императорскимъ обществомъ любителей естествознанія отправлена была ученая экспедиція въ Туркестанскій край. Завѣдываніе экспедиціею поручено было А. П. Федченко. Въ продолженіи своего двухлѣтняго пребыванія въ краѣ, г. Федченко успѣлъ собрать болѣе 5,000 видовъ животныхъ и до 1,000 видовъ растеній. При разработкѣ этихъ коллекцій, вывезенныхъ имъ лично въ Россію, обращено было прежде всего вниманіе на опредѣленіе и научное изученіе растеній, разводимыхъ въ краѣ, и вообще имѣющихъ какое либо практическое приложеніе. Такимъ образомъ явилась возможность дать первый списокъ культурныхъ растеній Заравшанской долины. Онъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ 70 видовъ. Между этими растеніями есть много весьма интересныхъ экземпляровъ, напр. *тухмякъ*, дающій такую превосходную желтую краску, есть Sophora japonica, родина которой—Японія. Нераспустившіеся цвѣты тухмяка обрываются, сушатся и потомъ употребляются на краску. Въ Самаркандѣ всего только четыре дерева тухмяка, но въ Ходжентѣ и въ Коканѣ ихъ очень много. Другое любопытное растеніе передано г. Федченко въ Ташкентѣ почетн. гражданиномъ Хаджи-Юнусовымъ, подъ именемъ *канапа*. Канапъ есть общее названіе для нѣсколькихъ прядильныхъ растеній; такъ въ Самаркандѣ называется конопля, а также и Apocynum sibiricum, называемый въ Семирѣчьѣ *кендыремъ*. По разсмотрѣніи экземпляра канапа, переданнаго Хаджи-Юнусовымъ, оказалось, что это есть Hibiscus cannabinus, разводимый въ Индіи, и дающій превосходную пряжу. Для Туркестана такой матеріалъ просто находка, потому что теперь всякая веревка привозится изъ Россіи. Переданный г. Федченко экземпляръ Hibiscus имѣлъ 7 аршинъ вышины и въ началѣ сентября имѣлъ уже зрѣлые плоды. Судя по этому, Hibiscus можетъ быть съ успѣхомъ разводимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Туркестана. Примѣръ этихъ двухъ растеній очень важенъ: онъ показываетъ, что въ Туркестанѣ возможна акклиматизація новыхъ промышленныхъ растеній, если не

для вывоза въ Россію, то по крайней мѣрѣ для домашнихъ потребностей мѣстнаго населенія.

Культура клубней и сѣмянъ, переданныхъ г. Федченко въ ботаническій садъ Московскаго университета, дала уже благопріятные результаты. Проросъ *сумбулъ*, растеніе, бывшее столь долго загадочнымъ. Теперь,—какъ писалъ г. Федченко,—магіанскій бекъ, такъ ревниво охранявшій мнѣ доступъ къ сумбулу, могъ бы полюбоваться въ Москвѣ лучшимъ произведеніемъ своихъ горъ *). Какъ видно изъ полученнаго въ 1870 г. письма проф. Кауфмана, сумбулъ цвѣлъ и принесъ зрѣлые плоды. Это дало возможность сдѣлать подробное изслѣдованіе растенія, и оказалось, что сумбулъ долженъ составить новый родъ, близкій къ Ferula и Peucedanum. Проросли также теперь и клубни *ширища*, растенія, имѣющаго столь важное промышленное значеніе во всей Средней Азіи. Клубни ширища даютъ вещество, весьма сходное съ жженымъ крахмаломъ, т. е. съ *леокомомъ* и другими промышленными названіями декстрина, приготовляемаго изъ крахмала. Ширишъ растетъ изобильно въ Туркестанскомъ краѣ; это растеніе изъ сем. лилейныхъ, имѣетъ гладкій стебель до $1^1/_2$ арш. вышины; клубни его, по внѣшнему виду, сильно напоминаютъ клубни георгинъ. Осенью клубни шириша выкапываютъ, сушатъ и толкутъ; толченый порошекъ этотъ и есть ширишъ, по нашему—декстринъ, вещество, легко растворимое въ холодной водѣ, не окрашивающееся въ синій цвѣтъ растворомъ іода, и осаждающееся отъ крѣпкаго спирта. Изслѣдованіе подъ микроскопомъ не показало въ ширишѣ присутствія крахмала: не нашлось ни одного крахмальнаго зернышка.

Ширишъ имѣетъ въ краѣ весьма значительное мѣстное потребленіе: онъ идетъ въ алебастровыхъ работахъ для оклейки бумагой и для загущенія нѣкоторыхъ красокъ, при печатаніи бумажныхъ тканей. По изслѣдованію проф. Чистякова оказалось, что декстринъ содержится уже въ свѣжихъ корняхъ—фактъ, совершенно новый въ физіологіи,—а не образуется въ періодъ сушки корней, какъ предполагалъ первый изслѣдователь шириша, проф. Киттары, имѣвшій въ своемъ распоряженіи только сухіе образцы.

Изъ другихъ, дико встрѣчающихся растеній, интересенъ также *испарякъ*, дающій туземцамъ желтую краску. Это, какъ оказалось, новый и весьма оригинальный видъ Delphinium изъ семейства лютиковыхъ.

Всего посѣяно въ московскомъ ботаническомъ саду болѣе ста различныхъ растеній изъ Заравшанской долины. Живые экземпляры, помимо

*) Магіанское бекство присоединено съ 1871 года къ Заравшанскому округу.

того, что дадутъ возможность изслѣдовать анатомически нѣкоторыя растенія, много помогутъ опредѣленію и описанію этихъ растеній и нѣкоторыя, по ихъ красотѣ, навѣрно войдутъ въ культуру.

Изъ позвоночныхъ животныхъ, собранныхъ г. Федченко, имѣется новый для Туркестана видъ горнаго барана (Ovis Vignei Blyth).

Въ степной мѣстности между Самаркандомъ и Катты-курганомъ г. Федченко нашелъ великолѣпный экземпляръ Erix jaculus Daud. — змѣи, описанной Лихтенштейномъ, подъ названіемъ татарскаго удава (Boa tatarica Licht). Всѣ змѣи, встрѣченныя г. Федченко въ Заравшанской долинѣ, не ядовитыя; одна ядовитая змѣя, изъ семейства гремучихъ змѣй, именно: Trigoncephalus halys, привезена имъ изъ окрестностей Казалинска.

Изъ ящерицъ, г. Федченко нашелъ въ Джамскомъ, Аксайскомъ и Оалыкскомъ ущельяхъ (въ горахъ Шахрисябза) Stellio Lehmanii Strauch (n. sp.) Ablepharus Brandtii Strauch, уже замѣченныя Леманомъ во время его краткой экскурсіи въ этихъ мѣстахъ. Препараторъ И. И. Скорняковъ нашелъ въ горной странѣ, къ югу отъ Самарканда еще третью ящерицу, крайне любопытную и малоизвѣстную: оказалось, что это Euprepis princeps, извѣстный изъ Закавказья, и уже описанный Э. Эйхвальдомъ.

Особенный интересъ представляютъ рыбы; оказалось, что изъ 15 видовъ, водящихся въ Заравшанской долинѣ, не менѣе пяти видовъ, и притомъ самые обыкновенные, принадлежатъ родамъ: Schizothorax и Oreinus, во множествѣ встрѣчающимся въ Кабулѣ, Кашмирѣ, Непалѣ и вообще въ рѣкахъ Гималайя; результатъ этотъ довольно неожиданный. Къ роду Schizothorax относится и маринка, извѣстная своею ядовитою икрой.

По безпозвоночнымъ новаго гораздо болѣе, и по нѣкоторымъ группамъ насѣкомыхъ новыя формы составляютъ до 50%. Конечно, нельзя думать, чтобы это были виды, исключительно свойственные Заравшанской долинѣ или Туркестану; вѣроятно они распространяются и дальше, такъ что приходится пожалѣть о полномъ почти отсутствіи какихъ либо матеріаловъ, для сравненія съ другими странами Средней Азіи. Судя потому, что могло быть сведено къ видамъ извѣстнымъ, оказалось въ коллекціи г. Федченко преобладаніе формъ южно-европейскихъ и мало-азіятскихъ, а отчасти и африканскихъ. Только онѣ зачастую являются нѣсколько уклонившимися и представляющими, такъ называемыя, разновидности.

Изъ интересныхъ представителей отряда жесткокрылыхъ (Coleoptera) можно назвать огромнаго жука, Copris tumolus, самые большіе экзем-

пляры котораго имѣютъ до 1 вершка длины; видъ этотъ, по мнѣнію С. Н. Сольскаго, долженъ быть несомнѣнно отдѣленъ отъ Copris въ особый родъ.

Пилильщики, опредѣленіе которыхъ взяла на себя Е. К. Фреймутъ, очень немногочисленны въ Заравшанской долинѣ. Многіе изъ нихъ любопытны тѣмъ, что крайне сходны съ европейскими видами, но представляютъ различія въ окраскѣ, сравнительно съ типическими формами, такъ что вынуждаютъ признать ихъ за особыя разновидности. Одна форма особенно замѣчательна: при нормальномъ самцѣ, относящемся къ группѣ Selandridae, самка не имѣетъ и слѣдовъ крыльевъ. Подъ вліяніемъ отсутствія крыльевъ, грудь претерпѣваетъ значительныя измѣненія и представляется сильно раздутой, да и вообще вся самка имѣетъ видъ мѣшка. Отнесеніе ея къ этому семейству сначала поражаетъ, такъ какъ это первый примѣръ безкрылой формы во всемъ семействѣ пилильщиковъ; но всѣ другія особенности строенія, а равно и крылатый самецъ, убѣждаютъ въ этомъ. Оригинальное строеніе челюстныхъ щупальцевъ у обоихъ половъ, удлиненные усики самца, безкрылость и вообще оригинальное строеніе тѣла самки вынуждаютъ сдѣлать для этой формы новый родъ и онъ будетъ публикованъ Е. К. Фреймутъ, подъ именемъ Pompholyx dymorpha.

Ихъ прямокрылыхъ насѣкомыхъ слѣдуетъ упомянуть о саранчѣ (Pachytilus migratorius и cinerascens) и прусѣ (Caloptenus italicus); на опустошенія саранчи жалуются въ окрестностяхъ Перовска, а на прусъ— въ Заравшанской долинѣ, гдѣ онъ извѣстенъ у таджиковъ подъ именемъ *малага*, а у узбековъ—*чауртке*.

Изъ весьма богатаго представителями класса паукообразныхъ, тарантулы (Lykosa singoriensis Laxm.) замѣчательны тѣмъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ Заравшанской долины г. Федченко встрѣтилъ формы, въ Европѣ встрѣчающіяся только въ странахъ, далеко удаленныхъ другъ отъ друга и признаваемыя за разные виды. Наиболѣе распространена форма, съ совершенно чернымъ исподомъ брюшка; затѣмъ на немъ появляюся свѣтлыя каймы, и наконецъ исподъ дѣлается почти весь оранжевый. Скорпіоны совершенно одинаковы съ встрѣчающимися въ Закавказьѣ Androctonus causcasicus Nordm.

Фаланга *(бію)* встрѣчается въ двухъ, весьма хорошо отличающихся видахъ Solpuga araneoides Poll. и S. intrepida Duf. Замѣчательно распространеніе послѣдней: описанная изъ Испаніи, она была найдена Вагнеромъ на Уралѣ, въ Индерскихъ горахъ, затѣмъ г. Федченко въ Заравшанской долинѣ, и кромѣ того, экземпляры этой фаланги находятся въ коллекціи насѣкомыхъ, присланныхъ генераломъ Колпаковскимъ изъ Вѣрнаго. Фаланга считается ядовитою и укушеніе ея въ нѣсколькихъ случа-

яхъ оканчивалось даже смертью, хотя еще ничего неизвѣстно о ея ядовитомъ аппаратѣ.

Каракуртъ (Latrodectes lugubris) въ Заравшанской долинѣ не водится, а извѣстенъ только изъ нѣсколькихъ мѣстностей Семирѣчья. Изъ тысяченожекъ есть также форма, считающаяся ядовитою, а именно: сколопендра, составляющая новый видъ.

Изъ числа безпозвоночныхъ животныхъ особенному изслѣдованію подвергнуты: шелковичный червь, въ отношеніи его болѣзни, и ришта.

Относительно болѣзни шелковичнаго червя, г. Федченко, къ сожалѣнію, пришелъ къ заключеніямъ весьма неутѣшительнымъ: онъ доказалъ присутствіе тѣлецъ *кораналья*, обусловливающихъ болѣзнь, называемую *пебриной*. Эти тѣльца найдены имъ въ яичкахъ, коконахъ и бабочкахъ, привезенныхъ изъ Самарканда. Ришта или гвинейскій червь (Filaria medinensis), распространенъ и въ другихъ мѣстахъ: въ Египтѣ, Аравіи, Индіи, но въ Средней Азіи заходящій всего далѣе на сѣверъ.

Изслѣдованія г. Федченко доказали, что зародыши, которыми наполнено все тѣло ришты, вынимаемой изъ человѣка, попавъ въ воду, входятъ въ маленькихъ водяныхъ рачковъ, *циклоповъ*, долгое время (болѣе мѣсяца) живутъ въ нихъ, линяютъ, измѣняются въ наружной формѣ и получаютъ зачатки половыхъ органовъ. Съ водой циклопы легко могутъ быть выпиты, потому что они весьма малы и безцвѣтны. Дальнѣйшая судьба паразита ясна: въ кишечномъ каналѣ развиваются у ришты половые органы; самки, послѣ оплодотворенія самцами, идутъ чрезъ ткани тѣла подъ кожу, гдѣ достигаютъ окончательнаго развитія, т. е. наполняются живыми зародышами и при этомъ выростаютъ до $1^1/_2$ аршина въ длину. Весь этотъ процессъ странствованія и роста занимаетъ около года; по этому-то ришта и обнаруживается въ тѣлѣ человѣка только на слѣдующее лѣто.

Письмо проф. Эйхвальда.

Дѣйств. ст. сов. А. С. Татариновъ доставилъ извѣстному нашему палеонтологу, профессору Э. Эйхвальду образцы горныхъ породъ, въ которыхъ залегаютъ пласты угля, открытаго въ горахъ Кара-тау. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ проф. Эйхвальдъ сообщаетъ нѣкоторые любопытные выводы о каменноугольной формаціи въ горахъ Кара-тау. Сообщаемъ это письмо, какъ заключающее въ себѣ научный интересъ:

«Милост. Государь! Вы меня очень обязали присылкою открытыхъ вами каменноугольныхъ образцевъ изъ Сыръ-Дарьинской области. Каменный уголь отличается превосходнымъ качествомъ и вы открытіемъ его оказали большую услугу наукѣ; онъ принадлежитъ къ настоящей каменноугольной формаціи и совершенно сходенъ съ каменноугольнымъ флецомъ земли Войска Донскаго, а именно—по содержанію тѣхъ же ископаемыхъ растеній. Для меня весьма интересно узнать отъ васъ, что перемежающіеся каменноугольные песчаники и глинистые сланцы напластованы на горномъ известнякѣ и что этотъ известнякъ покрываетъ равнымъ образомъ и самые каменноугольные флецы, какъ это бываетъ въ Бельгіи и Англіи, но нигдѣ въ средней Россіи.

Я очень жалѣю, что сланцеватыя глины, полученныя мною, совершенно раздроблены, такъ что я только съ трудомъ могъ опредѣлить виды каменноугольныхъ растеній, между которыми попадаются однако же, слѣдующіе виды:

Pecopteris Mantelli Sternb.
» divaricata Goepp.
Neuropteris tenuifolia Goepp.
Odontopteris Münsteri Eichw.
Lepidodendron dichotomum Sternb.
Calamites Suckowii Sternb.
» tennissimus Goepp.

Въ горномъ известнякѣ я могъ весьма ясно узнать слѣдующія раковины:

Productus striatus Fisch.
» giganteus Schlotth.
Syringopora rimulosa Goldf.

Прошу васъ обратить ваше вниманіе также на курганы Сыръ-Дарьинской области, въ которыхъ, по моему мнѣнію, должны попадаться каменныя и бронзовыя оружія и орудія тамошнихъ древнихъ жителей. Вы могли бы оказать большую услугу открытіемъ и описаніемъ этихъ древнихъ вещей.

Примите, и проч.....»

Э. Эйхвальд

О нефтяныхъ источникахъ въ Коканскомъ ханствѣ.

Коканское ханство, ближайшее изъ независимыхъ, среднеазіятскихъ владѣній, имѣетъ значительную важность для Туркестанскаго края въ экономическомъ отношеніи. Кромѣ хлопка и шелка, составляющихъ уже предметъ эксплуатаціи туземцевъ и русскихъ промышленниковъ, здѣсь находятся еще богатые источники нефти. Источники эти получаютъ еще большее экономическое значеніе вслѣдствіе отдаленности здѣшняго края отъ богатыхъ мѣсторожденій нефти на Кавказѣ, Челекенѣ и др., не говоря уже о нефтяныхъ источникахъ западной Европы и Америки. Извѣстно, какое огромное вліяніе на быстрое обогащеніе страны имѣло открытіе источниковъ петроля въ Америкѣ. На пустынныхъ мѣстахъ, куда до того времени только изрѣдка заходили охотники-звѣроловы, словно волшебствомъ, возникли богатые города; въ два-три года создались милліонные капиталы. Ни одинъ золотой пріискъ не давалъ такого быстраго и вѣрнаго обогащенія эксплоататорамъ, какое дали источники петроля. Почти тоже самое, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, могло бы повториться и у насъ, на Кавказѣ, именно близь Тамани, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и при болѣе смѣлой предпріимчивости, которою обладаетъ янки, и которой, къ сожалѣнію—нѣтъ въ характерѣ русскаго человѣка.

Нефть, или вѣрнѣе—ея продукты, безъ сомнѣнія, въ весьма скоромъ времени займутъ важное мѣсто въ числѣ предметовъ мѣстной, туземной промышленности, хотя разработка нефтяныхъ источниковъ и не получитъ сразу такой быстрый ходъ, какой получила она въ Америкѣ и въ Европѣ. Тѣмъ не менѣе нельзя оставлять безъ вниманія такую важную отрасль народнаго богатства, и надо радоваться, что нефтяные источники находятся такъ недалеко отъ насъ, въ предѣлахъ сосѣдняго, вполнѣ дружественнаго ханства, гдѣ каждый русскій находитъ радушный пріемъ.

Помѣщаемъ извлеченіе изъ интересной замѣтки г. Краузе, прочтенной на чрезв[illegible] сѣданіи Туркестанскаго отдѣла Общества любителей естество[illegible] января 1871 года:

Въ пяти ташахъ (40 верстъ) отъ Намангана, въ предѣлахъ Коканскаго ханства, находится мѣстность Май-булакъ (масляный источникъ), весьма изобильная нефтяными ключами и колодцами. Надобно замѣтить, что нефть извѣстна въ Кеканѣ еще съ давнихъ временъ; ее добывали калмыки, нѣкогда господствовавшіе здѣсь, а затѣмъ и сарты стали употреблять нефть, преимущественно, какъ лекарство въ чесоткѣ,—болѣзни, весьма распространенной между здѣшнимъ, туземнымъ населеніемъ. Кромѣ того, сарты умѣютъ приготовлять изъ нефти асфальтъ, но употребляютъ его единственно для своихъ сапожныхъ издѣлій. Сарты получаютъ асфальтъ, выпаривая горное масло въ чугунныхъ котлахъ.

Кромѣ нефти, весьма чистой и хорошаго качества, на пріискахъ Коканскаго ханства добывается также и *горный воскъ* или *нефтагилъ*. До настоящаго времени нефтагиль извѣстенъ былъ только въ Галиціи, Молдавіи, на берегахъ и островахъ Каспійскаго моря,—напримѣръ на островѣ Челекень, гдѣ онъ разработывается туркменами племени іомудъ. Нефтагиль найденъ на пріискѣ Май-булакъ. Сарты добываютъ его изъ глинисто-сланцевой горы и онъ извѣстенъ имъ уже болѣе 40 лѣтъ, подъ названіемъ *сарыкъ-мумъ*. Впрочемъ, нефтагиль добывается въ весьма ограниченномъ количествѣ, въ продажѣ довольно дорогъ, употребляется для сапожныхъ издѣлій и для выдѣлки свѣчей. Сарыкъ-мумъ немного мягче желтаго воска и имѣетъ легкій запахъ горнаго масла; цвѣтъ его желтовато-зеленый, въ изломѣ блѣдно-желтый; плавится при 50° температуры. Нефтагиль, конечно, будетъ имѣть гораздо меньшее распространеніе, чѣмъ керосинъ, и даже простая нефть, но и его не должно забывать при перечисленіи минеральныхъ богатствъ здѣшней мѣстности.

Въ 1868 году ташкентскій купецъ Федоровъ получилъ дозволеніе отъ коканскаго правительства на разработку, на Май-булакѣ нефти, и для добыванія керосина и асфальта, съ уплатою за это въ пользу хана $^1/_{10}$ части изъ вывозимаго съ мѣста разработки, добытаго матеріала; это единственная пошлина и кромѣ ея пошлинъ съ нефти въ коканскихъ владѣніяхъ не взимается.

Не смотря на такое выгодное условіе, дѣло разработки нефти шло очень медленно; главною причиною неуспѣха было то, что оно начато и велось неправильно, и хотя затрачена большая сумма денегъ, вырыто болѣе 30 колодцевъ различной глубины отъ 2-хъ до 10-ти саженъ, но колодцы эти почти всѣ завалились и нефти добывалось изъ нихъ самое незначительное количество. На нефтяныхъ источникахъ построенъ заводъ, для гонки изъ нефти керосина, но заводъ этотъ очень бѣденъ; къ этому еще присоединяется то неудобство, что заводъ построенъ именно на такомъ мѣстѣ, гдѣ чувствуется часто недостатокъ въ водѣ, ибо хотя за-

водъ и построенъ на рѣчкѣ, называемой Улкунъ-сай, но рѣка въ лѣтнее время вся пересыхаетъ; только весною, во время дождей, Улкунъ-сай является рѣкой, довольно быстрой; въ остальной же части мѣстности недостатка въ водѣ не имѣется.

Весь округъ, гдѣ построенъ заводъ, изобилуетъ горнымъ масломъ; оно встрѣчается даже на самомъ берегу Нарынъ-Дарьи. Вблизи находится очень много каменнаго угля и въ недальнемъ разстояніи встрѣчается въ изобиліи самородная сѣра, такъ что совершенно возможно и добываніе на мѣстѣ сѣрной кислоты, необходимой для очистки керосина; но ни одинъ изъ названныхъ мною матеріаловъ до сихъ поръ еще не разрабатывается. Вообще должно сказать, что мѣстность для устройства керосиннаго завода здѣсь весьма благопріятная.

Что же касается до перевозки добытой нефти и приготовленнаго на заводѣ керосина въ города и осѣдлые пункты Туркестанскаго края, то и въ этомъ отношеніи не представляется большихъ затрудненій. Пріиски, какъ я сказалъ уже, находятся близь береговъ Нарынъ-Дарьи, и даже на самомъ ея берегу; слѣдовательно сплавъ нефти и керосина водою весьма возможенъ, особливо при замѣчательной дешевизнѣ лѣса въ окрестностяхъ пріисковъ. Плоты, нагруженные керосиномъ и нефтью, приплывъ въ Чиназъ, могутъ быть здѣсь проданы впятеро дороже, нежели сколько они стоили на мѣстѣ, такъ что перевозка нефти отъ пріисковъ до Чиназа окупится съ огромнымъ барышемъ.

По моему приблизительному расчету, очищеннаго и годнаго для продажи керосина можно добывать на пріискахъ до 10 тысячъ пудовъ въ годъ; слѣдовательно, принимая самыя низкія цѣны, существующія на керосинъ въ Ташкентѣ,—на сумму 100 тысячъ рублей. Кромѣ того, можно еще получить асфальта до 5,000 пудовъ, т. е., считая по 5 р. пудъ, на сумму 125 тысячъ рублей. Конечно, желательно, чтобы цѣны на керосинъ и асфальтъ понизились въ Ташкентѣ, что и будетъ, безъ сомнѣнія; но зато и количество добываемаго на пріискахъ керосина можетъ удесятериться.

Нефтяной пріискъ, гдѣ я занимался устройствомъ керосиннаго завода, лежитъ отъ Май-булака по прямому направленію къ востоку, на разстояніи трехъ ташей (24 верстъ); но для того, чтобы попасть на этотъ пріискъ, нужно дѣлать объѣздъ ташей въ восемь, для переѣзда чрезъ протекающую здѣсь Нарынъ-Дарью, по имѣющемуся только въ кишлакѣ Ушъ-курганъ мосту. Въ другихъ мѣстахъ переправа въ бродъ, по быстротѣ рѣки и крутизнѣ ея береговъ, совершенно невозможна. Мостъ этотъ весьма простаго устройства, вполнѣ принаровленъ къ условіямъ мѣстно-

сти, благодаря чему не подвергается порчѣ, не смотря на чрезвычайно быстрое течение Нарынъ-Дарьи.

Прiискъ, гдѣ находится керосинный заводъ, называется Май-ли. Онъ лежитъ при рѣчкѣ Майли-Дарья (масляная рѣка) впадающей въ Нарынъ-Дарью. Въ рѣчкѣ Майли изъ рыбъ встрѣчается одна только маринка; по берегамъ рѣчки растутъ различные кустарники и деревья, какъ-то: барбарисъ, жимолость, крушина, джигда, нѣсколько видовъ шиповника, яблони, груши, сливы, грецкiй орѣхъ и проч. Горы здѣсь покрыты фисташникомъ и многими видами полыни. Кромѣ того, большие листы ревеня покрываютъ мѣстность зеленымъ ковромъ; въ большомъ изобилiи растетъ также лавендулъ лекарственный.

Постоянныхъ жителей здѣсь нѣтъ, а на зиму поселяются кара-киргизы (черные киргизы), которые на лѣто удаляются въ снѣжныя горы.

Первое время пребыванiя нашего на прiискѣ Майли было не безопасно; жители, опасаясь, что мы отнимемъ у нихъ землю, которою они пользуются, настойчиво и даже съ угрозой требовали, чтобы мы удалились; по этому надо было быть очень осторожными, чтобы не подать повода усилиться враждебному ихъ настроенiю.

Но мирныя занятiя наши: сначала постройка завода, а потомъ перегонка керосина измѣнила прежнее настроенiе туземцевъ на болѣе мирное, перешедшее скоро даже въ расположенiе; этой скорой перемѣнѣ не мало способствовало то обстоятельство, что для производившихся и предстоявшихъ работъ намъ пришлось обратиться за рабочими къ туземцамъ же, которые, видя, что наше присутствiе не только не приноситъ имъ никакого вреда, но напротивъ еще способствуетъ увеличенiю ихъ благосостоянiя, стали искать сближенiя съ нами, и нѣтъ сомнѣнiя, что если бы мы постоянно имѣли средства для веденiя дѣла, а не ставили бы нашихъ рабочихъ въ положенiе нашихъ же кредиторовъ, то прiобрѣли бы въ туземцахъ самыхъ надежныхъ охранителей прiиска. Не лишнимъ считаю упомянуть объ удивленiи и любопытствѣ, съ какими туземцы слѣдили за ходомъ постройки, а потомъ—за ходомъ работъ по добыванiю керосина. Живя въ юртахъ и имѣя сакли только для лошадей, они удивлены были высотою и обширностiю зданiя, подобнаго которому имъ не приходилось еще видѣть; всѣ, даже самыя малѣйшiя, измѣненiя въ ходѣ работъ по добыванiю нефти и гонкѣ керосина и результаты, получавшiеся отъ этихъ измѣненiй, несказанно удивляли и подстрекали ихъ любопытство. Стеченiе любопытныхъ, желавшихъ посмотрѣть процессъ гонки керосина, было всегда очень значительное и во все время производства работъ отъ любопытныхъ не было отбоя.

Способъ добыванія нефти туземцами, конечно, самый первобытный; нефть (горное масло) просачивающаяся изъ известняка, въ видѣ капель, вмѣстѣ съ соленою водою, насыщенною сѣрнистымъ водородомъ, падаетъ вмѣстѣ съ водою же, въ нарочно вырытыя для этого канавы (колодцевъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ) гдѣ нефть собирается на поверхности воды. Вода, чрезъ сдѣланныя въ канавѣ отверстія, стекаетъ въ рѣчку, нефть же собираютъ вѣниками изъ горной полыни.

Такимъ способомъ собирается нефти до шестидесяти ведеръ въ сутки изъ одного ключа. Весною и осенью получается нефти значительно болѣе, чѣмъ лѣтомъ. Нефть эта буровато-чернаго цвѣта, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ и съ легкимъ запахомъ.

Керосинъ продается въ Ташкентѣ по 10 рублей за пудъ, но бываетъ время, когда его нельзя достать ни за какія деньги.

Въ настоящее время, напримѣръ, цѣна керосина въ Ташкентѣ—80 к. фунтъ, или 32 р. пудъ. Стеариновыхъ свѣчей вовсе нѣтъ въ продажѣ, а нѣсколько недѣль тому назадъ онѣ продавались по 1 р. 20 к. фунтъ! Подобное, ни съ чѣмъ не соразмѣрное возвышеніе цѣръ на освѣтительный матеріалъ,—предметъ первой житейской потребности, указываетъ, какъ необходимо обратить вниманіе на возможность эксплуатаціи мѣстныхъ, весьма богатыхъ источниковъ петроля, для снабженія керосиномъ здѣшняго русскаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что керосинъ въ весьма непродолжительномъ времени войдетъ въ употребленіе и между туземцами и тогда сбытъ его получитъ самое широкое развитіе. Но для этого необходимо изъять нефтяные пріиски въ Кованѣ изъ рукъ мѣстныхъ эксплуататоровъ, доказавшихъ уже свою неспособность къ раціональному веденію дѣла и передать его въ другія, болѣе надежныя руки.

Въ настоящее время явленіе, о которомъ мы только что упомянули, т. е. дороговизна и даже совершенное отсутствіе освѣтительнаго матеріала въ краѣ, столь богатомъ этого рода матеріалами, показываетъ, до какой степени доходитъ равнодушіе здѣшнихъ промышленниковъ къ дѣлу разработки богатствъ края. При этомъ надо замѣтить, что керосинъ, при всемъ своемъ огромномъ значеніи, какъ освѣтительный матеріалъ, вовсе не единственный продуктъ, которымъ обусловливается выгода разработки нефтяныхъ источниковъ: такое же точно значеніе имѣетъ и асфальтъ, продуктъ, получаемый одновременно съ керосиномъ, при перегонкѣ нефти, такъ какъ онъ съ большимъ успѣхомъ можетъ быть употребленъ для покрытія зданій, а то обстоятельство, что жители именно и терпятъ недостатокъ въ матеріалѣ, который бы могъ служить для сказанной цѣли, даетъ асфальту важное значеніе для всего края. Случаи, въ которыхъ

асфальтъ въ настоящее время въ Европѣ нашелъ полнѣйшее примѣненіе, весьма многообразны, но на это здѣшніе промышленники не хотятъ обратить вниманія.

Прилагаю анализъ здѣшней нефти, сдѣланный мною въ іюнѣ 1870 года:

Нефть въ сыромъ видѣ имѣетъ буровато-черный цвѣтъ, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ; удѣльный вѣсъ при 17,5% имѣетъ 0,836.

Отъ первой перегонки я получилъ:

Температура.	Удѣльный вѣсъ.		Проц.
Отъ 70 до 180 %	0,750	безцвѣтная.	20 %
» 180 » 300 %	0,790		15 %
» 300 » 400 %	0,825	желтаго цв.	50 %
Потеря газа и коксъ	—		15 %
			100 %

Послѣ очистки сѣрной кислотою и щелокомъ, я производилъ вторичную перегонку, причемъ оказались слѣдующіе результаты:

Названіе.	Удѣл. вѣсъ.	Темпер.	Проц.
Нефть	0,730	до 100	5,5 %
Фотогенъ.	0,800	» 320	52,0 %
Парафинъ	—	—	32,5 %
			90.

I. Краузе.

О косметическихъ средствахъ туземцевъ Туркестанскаго края.

Желая познакомить русскую публику съ косметическими средствами, которыя употребляются туземными женщинами, я сообщу въ этой замѣткѣ свѣдѣнія о растеніяхъ, изъ которыхъ средства эти приготовляются, и способъ ихъ употребленія.

Почти всѣ косметическія средства, служащія для украшенія туземныхъ женщинъ, вообще большихъ охотницъ разрисовывать себя разными красками, приготовляются изъ мѣстныхъ растеній, и только нѣкоторыя изъ нихъ привозятся изъ Россіи. Средства эти продаются въ мелочныхъ лавкахъ, вмѣстѣ съ туземными лекарствами, и опредѣленныхъ цѣнъ не имѣютъ: все зависитъ отъ условій съ продавцомъ. Не смотря на всеобщее употребленіе этихъ средствъ, торговля ими весьма слаба, такъ какъ каждая домохозяйка разводитъ въ собственномъ саду всѣ тѣ растенія, изъ которыхъ добываются необходимыя для разрисовки лица краски.

Матеріалы, изъ которыхъ приготовляются косметическія средства для туземныхъ женщинъ, суть слѣдующія:

1) *Усма* (Ysatis tinctoria), разводимая въ садахъ. Она служитъ для окрашиванія бровей въ черный цвѣтъ. Окраска производится слѣдующимъ образомъ: для полученія краски берутъ свѣжіе листья усмы и выжимаютъ изъ нихъ сокъ на дно чайной чашки; сокомъ этимъ, съ помощію палочки изъ камыша, замѣняющей кисточку, мажутъ брови, стараясь при этомъ замазать и разстояніе между ними. Сдѣланная такимъ образомъ черта надъ глазами имѣетъ сначала грязновато-зеленый цвѣтъ, который, чрезъ нѣсколько минутъ, переходитъ въ темно-голубой (индиго). Черненіе бровей находится во всеобщемъ употребленіи между туземными женщинами и считается лучшимъ ихъ украшеніемъ, такъ что операція эта совершается даже надъ маленькими дѣвочками, едва начинающими ползать. Краска держится на бровяхъ очень недолго и потому окрашиваніе ихъ повторяется чуть ли не черезъ день.

2) *Сурьма* (Antimonium crudum), черный порошокъ, привозимый изъ Россіи и потому называемый «русской сурьмой»; (впрочемъ, сурьма встрѣчается и въ здѣшнихъ горахъ). Порошокъ этотъ употребляется болѣе взрослыми женщинами для окрашиванія вѣкъ въ черный цвѣтъ. Операція окрашиванія производится слѣдующимъ образомъ: въ порошокъ сурьмы погружаютъ, до половины, небольшую спичку и потомъ вкладываютъ ее въ глазъ; при закрываніи глаза окрашиваются одновременно обѣ вѣки. Вкладываніе въ глазъ спички съ сурьмой, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока вѣки достаточно окрасятся, производится такъ ловко, что нисколько не вредитъ глазу. Окрашиваніе происходитъ весьма быстро.

3) *Упа* (въ видѣ бѣлыхъ, конусообразныхъ кусочковъ) обыкновенныя свинцовыя бѣлила (plumbum carbonicum), привозимыя изъ Россіи и продаваемыя по 40 коп. за фунтъ. Упа употребляется какъ пудра, для бѣлизны лица, но только лишь тѣми женщинами, у которыхъ кожа на лицѣ очень желта.

4) *Эйликъ* (красная вата), приготовляемая болѣе въ Коканѣ и, въ незначительномъ количествѣ и худшаго качества, въ Ташкентѣ, изъ корня растенія семейства Boragineae; (названіе самаго растенія еще неизвѣстно). Вата эта приготовляется слѣдующимъ образомъ: сначала настаиваютъ названнымъ корнемъ воду, и когда послѣдняя приметъ розовый цвѣтъ, въ нее опускаютъ для окраски вату. Полученная такимъ образомъ *красная* вата употребляется всѣми безъ исключенія туземными женщинами вмѣсто румянъ, для подкрашиванія щекъ.

5) *Тышъ-калы* (сѣро-бурый порошокъ), состоящій, по разсказамъ сартовъ, изъ нароста на листьяхъ фисташника. Наростъ этотъ, называемый *бызгунджъ*, превращаютъ въ порошокъ, прибавляя къ нему окалины (Hamerschlag), которыя берутся въ кузницахъ изъ подъ наковальни. Оба эти вещества смѣшиваются, но въ какой пропорціи берется каждое изъ нихъ—я не могъ узнать. Составленный такимъ образомъ порошокъ служитъ для черненія зубовъ. Въ прежнее время, черные зубы считались необходимою принадлежностію прекраснаго пола и потому окраска ихъ въ черный цвѣтъ находилась у туземныхъ женщинъ во всеобщемъ употребленіи. Теперь же, хотя и встрѣчается множество женщинъ съ выкрашенными зубами, но обычай этотъ, особенно у женъ болѣе почетныхъ сартовъ, начинаетъ уже выходить изъ моды. На уничтоженіе этого обычая вліяетъ присутствіе въ краѣ европейскихъ женщинъ: узнавши, что у русскихъ женщинъ зубы бѣлые, туземки перестаютъ красить свои зубы въ черный цвѣтъ.

6) *Хенна* (Impatiens Balsamina). Растеніе это разводится изобильно въ садахъ и, служа украшеніемъ сада, употребляется для окраски ногтей

въ желто-красный цвѣтъ. Туземныя женщины до такой степени любятъ разрисовку ногтей, что окрашиваютъ ихъ хенной даже на ногахъ. Окрашиваніе производится слѣдующимъ образомъ: истолокши листья и цвѣты растенія хенна, прибавляютъ къ нимъ весьма ничтожное количество ачикъ-таша (квасцовъ), и полученную изъ этой смѣси массу привязываютъ на ночь къ ногамъ. Спустя нѣсколько часовъ, ногти, къ которымъ привязана была эта смѣсь, получаютъ желто-красный цвѣтъ.

Помады для волосъ туземныя женщины не употребляютъ вовсе; но для очистки, укрѣпленія и рощенія волосъ употребляется ими *катыкъ* (кислое молоко). Сначала онѣ намазываютъ волосы катыкомъ, а потомъ промываютъ ихъ горячею водою Результаты этого средства удивительны: волосы у сартянокъ вообще чрезвычайно густы, длинны и мягки *).

Косметическихъ мылъ, употребляемыхъ туземками, мнѣ удалось найти только два сорта (сартовскаго издѣлія): черное и желтое. Приготовляются они изъ простаго мыла, съ примѣсью, вмѣсто духовъ, гвоздики, измельченной въ порошокъ. Косметическія мыла для сартянокъ выдѣлываются въ видѣ маленькихъ плитокъ.

Духовъ у туземцевъ не дѣлается, а, вмѣсто нихъ, женщины употребляютъ душистыя травы и цвѣты, напр. *розы* и, по большей части, *рейханъ* (Ocymium Basilicum).

Вотъ все, что можно сказать о косметическихъ средствахъ, употребляемыхъ туземками.

I. Краузе.

---

*) Обращаемъ вниманіе европейскихъ женщинъ, у которыхъ волосы на головѣ давно уже замѣняются дорого стоющими шиньонами, на средство, употребляемое азіятками.

Бангъ.

Бангъ принадлежитъ къ числу посѣвныхъ растенiй, значительно распространенныхъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ и весьма мало—въ Каттыкурганскомъ.

Время акклиматизацiи банга въ Заравшанскомъ округѣ пока неизвѣстно; во всякомъ случаѣ его начали воздѣлывать здѣсь раньше, нежели хлопчатникъ, который введенъ въ число культурныхъ растенiй лѣтъ 30—40 тому назадъ.

По словамъ туземцевъ, первыя семяна банга вывезены съ юга, и всего вѣроятнѣе — изъ Кабула или Балха. Въ Кабулѣ этотъ видъ конопли также называется бангъ *). Первоначально бангъ разводился въ округѣ только для двухъ цѣлей: для выдѣлки *наши* и для выжиманiя масла. Годность его волокна для витья веревокъ туземцы узнали уже впослѣдствiи, чрезъ посредство торговыхъ своихъ сношенiй съ Россiею. Они говорятъ, что сходство верхней кожи *(постумъ)* банга съ веществомъ, изъ котораго состоитъ привозимый изъ Россiи канатъ, навело ихъ на мысль сдѣлать попытку и вить изъ банга веревки. Что они сами дошли до этого, а не переняли отъ выходцевъ изъ Россiи, отчасти указываетъ способъ отдѣленiя отъ стебля банга прядильныхъ волоконъ, способъ, съ которымъ читатель познакомится ниже.

Какъ бы то ни было, откуда и когда бы ни внесенъ былъ бангъ въ Самаркандскiй отдѣлъ, и какимъ бы образомъ туземцы ни познакомились съ его свойствомъ, — но въ настоящее время жители этого отдѣла, да и вообще всего Заравшанскаго округа, хорошо знаютъ всѣ полезныя свойства банга и при первой возможности весьма охотно его воздѣлываютъ. Но не всегда эта возможность представляется. Бангъ, также какъ и хлопчатникъ, составляетъ второстепенный продуктъ здѣшняго земледѣлiя.

---

*) Индѣйское названiе банга—сакка.

Производство зерноваго хлѣба—вотъ естественный, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи дѣлъ въ Средней Азіи, первостепенный продуктъ земледѣлія Заравшанскаго округа.

Въ силу этого, бангъ въ Самаркандскомъ отдѣлѣ засѣвается въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ есть много земли и то въ такомъ случаѣ, когда земледѣльцы не имѣютъ причины опасаться неурожая хлѣбовъ: ячменя и пшеницы. Въ Катты-курганскомъ отдѣлѣ, гдѣ орошаемыхъ земель вообще мало, сравнительно съ количествомъ населенія, бангъ вовсе не засѣвается сплошными участками, а только, и то изрѣдка, тонкой полосой, отдѣльными саженками, вокругъ другихъ пашень. Въ Самаркандскомъ отдѣлѣ бангъ хотя и воздѣлывается сплошными участками, но количество и величина ихъ рѣзко измѣняются по годамъ. Такъ, напр., въ Ангарскомъ тюменѣ, славившемся въ прежнее время большими посѣвами банга, въ 1870 году было засѣяно его почти въ семь разъ меньше противъ 1869 года и въ десять разъ противъ года, предшествовавшаго занятію русскими Самарканда. Очертить полосу преимущественнаго посѣва банга въ Самаркандскомъ отдѣлѣ, можно только въ общихъ чертахъ, по тюменямъ *). Въ названномъ отдѣлѣ бангъ воздѣлывается въ наибольшемъ количествѣ въ слѣдующихъ, по порядку, тюменяхъ: Шаударскомъ, Ангарскомъ, Ширазскомъ и Ургутскомъ, и весьма мало въ Сугутскомъ и Чилекскомъ. Перечислять болѣе подробно мѣстности Самаркандскаго отдѣла, гдѣ засѣвается бангъ по арыкамъ и урочищамъ, мы не будемъ, а скажемъ вообще, что мѣста озимой пшеницы и ячменя, при случаяхъ, могутъ быть засѣяны бангомъ и обратно. Всего въ округѣ подъ бангомъ бываетъ засѣяно больше 1,000 десятинъ земли **).

Теперь обращусь къ способу воздѣлыванія банга и добыванію изъ него разныхъ продуктовъ: земля подъ бангъ выбирается, по выраженію туземцевъ,—*зуръ*, т. е. сильная, неистощенная и не заливная, не болотистая, немного возвышенная, но хорошо снабженная оросительной водою. Пахать ее начинаютъ въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ; нѣкоторые изъ земледѣльцевъ, передъ запахиваніемъ, унавоживаютъ землю, а другіе—обновляютъ, но большинство не дѣлаютъ ни того ни другаго. Пашутъ отъ трехъ до четырехъ разъ, причемъ послѣдній разъ пропахиваютъ уже послѣ посѣва, сейчасъ по бросаніи сѣмянъ въ землю, послѣ чего уже боронятъ посѣвъ.

Лучшимъ временемъ для посѣва банга земледѣльцы признаютъ апрѣль

---

*) Въ Самаркандскомъ отдѣлѣ 12 тюменей.

**) Въ 1868 г. по оффиціальнымъ источникамъ, было занято банговыми посѣвами въ Самаркандскомъ отдѣлѣ 600 десят., въ 1869—774 дес. и въ 1870—86 десятинъ.

мѣсяцъ. На одинъ танапъ *) выбрасывается около 10 фунтовъ сѣмяни банга и никогда не больше. Поливка банговыхъ плантацій начинается только съ начала іюня, когда бангъ, разумѣется при хорошихъ условіяхъ, достигнетъ высоты $^3/_4$ аршина, а оканчивается въ началѣ сентября. Въ этотъ промежутокъ времени, при достаточномъ количествѣ воды, банговыя поля поливаются восемь разъ. Меньше трехъ разъ поливать нельзя, если хотятъ выростить бангъ, обладающій въ должной степени всѣми полезными качествами.

При производствѣ поливки, заботятся о томъ, чтобы вода не стояла на пашнѣ, а напоивъ землю, тотчасъ же съ нея сбѣгала. Въ началѣ августа, а при дурныхъ условіяхъ, и въ концѣ этого мѣсяца, бангъ цвѣтетъ, въ октябрѣ поспѣваетъ и въ этомъ же мѣсяцѣ—его срѣзываютъ.

Рѣдко посѣянный бангъ, при хорошей поливкѣ и тучной землѣ бываетъ кустарнымъ и достигаетъ вышины 4—5 аршинъ. Особняками растущіе кусты банга нерѣдко достигаютъ еще большей высоты, при толщинѣ у корня въ вершокъ и болѣе **). Толсто-стебельному, высокому бангу туземцы, имѣя въ виду его волокна, предпочитаютъ обыкновенный, трехъ-аршинной высоты бангъ, у котораго толщина стебля въ томъ же мѣстѣ не больше толщины указательнаго пальца. При недостаткѣ воды и при слабости земли, бангъ едва достигаетъ высоты $1^1/_2$ аршина. Верхушки банга срѣзываютъ серпами, вяжутъ въ снопы, которые ставятъ комлями внизъ въ небольшія кучки, для окончательной просушки, послѣ чего ихъ сносятъ на хирманы (токъ) и выбиваютъ изъ банга сѣмя палками. Вымолоченное зерно ***), съ отбитыми листьями и шелухой отъ коробочки зерна, тщательно собирается въ капы и сносится въ сакли Оставшіеся на плантаціяхъ, послѣ срѣзки верхушекъ, стволы съ корнемъ сносятъ на дворы, гдѣ ихъ складываютъ или подъ навѣсъ, или на крышу сакель, прикрывая соломой для предохраненія отъ непогоды.

Сниманіе со стебля кожи (постумъ) и лычка, производится въ свободное отъ занятій время мужчинами, женщинами и дѣтьми. Сдирать ее начинаютъ отъ комля къ верхушкѣ, отдѣльными лентами. Срочнаго времени для этой работы нѣтъ; явилась надобность—и снимутъ сколько нужно. Стебель со снятой постуми служитъ хорошимъ топливомъ. На базарѣ Са-

---

*) Т. е. 625 квадр. саж.

**) Толстый стебель банга состоитъ изъ древесины и весьма тонкой сердцевины. Древесина банга хороша для мелкихъ подѣлокъ и въ работѣ, по мягкости и чистотѣ отдѣлки ее можно сравнить съ липой.

***) Урожай банга самъ 24—32, такъ показываютъ туземцы.

марканда 11 сноповъ бангового стебля (вьюкъ лошади) продаются по 25—40 к. с. Ихъ покупаютъ преимущественно пекари лепешекъ, такъ какъ они горятъ быстро и съ большимъ пламенемъ. Весьма крѣпкое лычко банга идетъ только для витья веревокъ; однако веревки изъ него не отличаются своею крѣпостію, причину чему слѣдуетъ искать въ отсутствіи выдѣлки лычка и небрежности въ приготовленіи веревокъ. Намъ неизвѣстенъ случай, когда бы изъ банга приготовляли нитки. Передъ витьемъ веревокъ, что дѣлается съ помощью веревочной прялки и рѣдко когда руками, обминаютъ постумы, чаще же всего оно идетъ въ работу въ томъ же видѣ, какъ было содрано.

Въ каждой деревнѣ, воздѣлывающей бангъ, есть одинъ или нѣсколько лицъ, умѣющихъ вить веревки; но кромѣ того, существуютъ цѣлыя деревни, жители которыхъ спеціально занимаются этимъ ремесломъ. Около Самарканда такихъ деревень двѣ: Хишряу, населенная туркменами *) и Якъ-талъ, населенная мангитами и кипчаками. Жители Кишряу и Якъ-тала принимаютъ заказы витья веревокъ отъ продавцевъ, купцовъ и караванъ-башей и сами непосредственно торгуютъ ими же приготовляемыми веревками. Они вьютъ ихъ или изъ своего матеріала, или изъ даваемаго имъ закащиками. Тонкая веревка, въ 80 кулачей **) продается на мѣстѣ производства за 20 к. Веревка въ $1^1/_2$ кулача,—употребляется для привязыванія крупной скотины,—стоитъ $2^2/_3$ к.; она называется аргамчи или арканчи.

Какое количество свивается аркановъ въ отдѣлѣ—сказать трудно. Намъ извѣстно только, что якталъцы привозили на продажу въ Ангаръ-Алмазъ, въ каждый базаръ по 5—6 лошадей съ аргамчи, т. е. до 2 т. концовъ; слѣдовательно въ годъ они продавали до 60 т. концовъ аргамчи, на сумму 1,600 р. Въ лѣтніе мѣсяцы не занимаются производствомъ аркановъ. Намъ приводилось видѣть много аргамчи на базарѣ Чилекскомъ и Митанскомъ; по словамъ туземцевъ, они производства нуратынскихъ туркменовъ.

Въ сыромъ видѣ банговый постумъ привозится на самаркандскій базаръ, гдѣ продается череками по 10—15 к. за каждый. Его скупаютъ мастера, вьющіе веревки, а также и лица, дѣлающія заказы этимъ мастерамъ.

Изъ сказаннаго объ употребленіи бангового постума, какъ прядильнаго продукта, видно, что туземцы не знакомы съ настоящимъ способомъ

*) *Хишряу*—верстахъ въ 4 на западъ отъ Самарканда. Туркмены поселились въ ней лѣтъ 20 тому назадъ; всѣ они выходцы изъ подъ Бухары и Ургенча.

**) *Кулачъ* равенъ двумъ гязамъ; *гязъ*—пяти четвертямъ русскаго аршина.

его приготовленія, что они, такъ сказать, только изводятъ, портятъ это драгоцѣнное вещество. Но уже важно и то, что туземцы знаютъ свойство бангового постума; что хотя и въ грубомъ видѣ, но въ округѣ привилось конопляное производство.

Цивилизующей силѣ остается изслѣдовать постуми банга и ввести между туземцами правильный методъ отдѣленія его волоконъ.

Выше уже было упомянуто, что обмолоченныя сѣмяна (бангъ-дона), вмѣстѣ съ трухой, собираются въ капы и относятся въ сакли. Въ сакляхъ все это просѣвается черезъ рѣщето, на столько частое, чтобы черезъ него не могли проходить зерна банга, а только одна мелкая труха. Просѣянная чрезъ такое рѣшето труха состоитъ почти исключительно изъ обломковъ коробочекъ зерна, на которыхъ, по замѣчанію туземцевъ, легко усмотрѣть бѣловатый налетъ, называемый ими *краy* (иней). Просѣянную труху собираютъ въ мѣшки, а оставшееся въ рѣшетѣ сѣмя банга провѣиваютъ, и съ помощью особаго устройства жома, приводимаго въ дѣйствіе лошадиною силою, извлекаютъ масло. Туземцы никогда не выжимаютъ масла изъ одного бангового сѣмяни, на томъ основаніи, что въ такомъ случаѣ оно даетъ мало масла. На это обстоятельство указала имъ практика. Чтобы выжиманіе шло успѣшнѣе, они сѣмяна банга смѣшиваютъ съ зыгирными. Объясненіе этого явленія чисто механическое.

Получаемыя отъ выжиманія масла выжимки называются *кунджала* *) и составляютъ собственность хозяина жома. Онъ получаетъ ихъ, какъ плату за выжиманіе масла.

Бангово-зигирное масло идетъ въ пищу туземцамъ, а кунджала—рогатому и мелкому скоту, ишакамъ и верблюдамъ.

Просѣянная труха цвѣта грязновато-желтаго и служитъ для приготовленія одуряющаго курительнаго вещества *наши*. Оно приготовляется слѣдующимъ образомъ:

Труху слегка протираютъ руками и просѣеваютъ чрезъ весьма частое шелковое сито. Тогда получается мука, называемая *толкани*. Эту муку всыпаютъ въ чистый котелокъ и ставятъ на огонь. Въ теченіи около получаса толкани поджариваютъ, причемъ время отъ времени его перемѣшиваютъ деревянной палочкой. Когда мука сдѣлается маслянистой отъ

*) *Кунджала*—отъ слова кунджутъ; не указываетъ ли это на добываніе въ округѣ масла изъ кунджута раньше, нежели изъ банга, и слѣдовательно на водвореніе въ округѣ кунджута прежде банга.

поджариванія, ее, не охлаждая, высыпаютъ въ деревянную ручную ступку изъ урюковаго дерева, и начинаютъ безъ перерыва толочь деревяннымъ же пестомъ. Толкутъ, перемѣняясь, трое—четверо мужчинъ. Отъ толченія мука, по истеченіи одного или двухъ часовъ, обращается въ вязкую, желтоватую массу; тогда въ нее вливаютъ большее или меньшее количество постнаго масла; на 10 фунтовъ (одна закладка толкани) вливаютъ отъ 5—10 мискалей нукра масла зыгирнаго или кунджутнаго. Вливъ масло, опять толкутъ смѣсь до обращенія ея въ тѣсто, равномѣрнаго, темно-зеленаго цвѣта, послѣ чего смѣсь вынимается изъ ступки и уже называется *наши*. Пока наши еще не отвердѣлъ, ему даютъ удлиненную, брусковидную форму, въ какомъ видѣ онъ и поступаетъ въ продажу. Четыре работника въ зимній день могутъ приготовить 20 фунтовъ наши.

Приготовленіемъ наши занимаются земледѣльцы, воздѣлывающіе бангъ, и жители Самарканда. Послѣдніе скупаютъ толкани у земледѣльцевъ, привозящихъ его для продажи, на базары отдѣла.

Съ обмолота, дающаго 8 пудовъ сѣмяни банга, получается одинъ пудъ толкани, стоющаго въ продажѣ, смотря по его чистотѣ, отъ 80 к. до 2 р. Пудъ наши продаютъ 4 р.—4 р. 80 к. Его скупаютъ по преимуществу продавцы табаку, а уже у нихъ—авганцы, для отправки въ Кабулъ.

Наши курятъ въ кальянахъ. Въ Самаркандѣ находится до 12 кукнари-хана, гдѣ пьютъ кукнаръ и курятъ наши. О кукнари-хана и о дѣйствіи наши мы не будемъ распространяться; скажемъ только, что кукнари-хана посѣщается любителями одуряющихъ веществъ три раза въ сутки: рано утромъ, въ полдень и вечеромъ. Есть между посѣтителями и такіе субъекты, которые даже живутъ въ этихъ домахъ. Въ одинъ разъ бываетъ посѣтителей въ кукнари-хана отъ 20 до 50 и даже болѣе.

За право курить въ такомъ заведеніи до совершеннаго одуренія, для чего вполнѣ достаточно съ наперстокъ наши, платятъ $2^1/_2$ коп. каждый разъ. Наркотическое дѣйствіе наши, между прочимъ, проявляется невольною, безсознательною боязнью.

Въ Самаркандскій округъ привозятъ сѣмяна банга съ трухой изъ Балха; поджаренныя и сваренныя, они (труха и сѣмена) также даютъ одуряющій напитокъ, называемый *сабзобъ*; до него большіе охотники индусы.

И такъ, бангъ даетъ: топливо, матеріалъ для витья веревокъ, масло, кормъ скоту и наши.

Скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу названій: бангъ, наши, чакъчакъ и канопъ:

Въ Самаркандскомъ отдѣлѣ описанное нами растеніе называется *бангъ*, а извлекающееся изъ него, одуряющее вещество—*нашu*. Въ Катты-курганѣ растеніе называется *чакъ-чакъ*, а одуряющее вещество—*бангъ*. Въ обоихъ отдѣлахъ подъ словомъ *канопъ* подразумѣваютъ также, но весьма неясно и сбивчиво, кожу стебля растенія. Если задать вопросъ: «какъ называется вещество, собираемое со стебля банга», то отвѣтятъ: «*постуми*», что значитъ собственно верхняя оболочка, кожа, и пр. Если показать арканъ и спросить названіе вещества, изъ котораго свитъ арканъ, то туземцы назовутъ его *канопъ*, а не постумъ. Въ Самаркандскомъ отдѣлѣ растеніе бангъ никогда не называютъ канопъ, но говорятъ, что въ Бухарѣ словомъ канопъ обозначаютъ только растеніе бангъ. Вообще у туземцевъ какъ будто еще не установилось названіе для воздѣлываемаго ими вида конопли.

А. Гребенкинъ.

Опыты посѣва табаку въ Туркестанскомъ краѣ.

Требованіе на табакъ, въ особенности на высокіе сорты турецкаго, усиливается необыкновенно быстро у насъ, въ Россіи, и привозъ иностраннаго табаку годъ отъ году увеличивается. Между тѣмъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи и во вновь пріобрѣтенномъ Туркестанскомъ краѣ, табакъ могъ бы рости и созрѣвать также хорошо, какъ и въ южной Европѣ, донынѣ снабжающей насъ лучшими сортами табаку. Въ особенности въ Туркестанскомъ краѣ климатъ и почва вполнѣ благопріятствуютъ развитію этой важной отрасли промышленности. Польза водворенія табаководства въ здѣшнемъ краѣ—неоспорима; ни одинъ растительный продуктъ не даетъ такого дохода, какъ табакъ (разумѣется высокіе сорта). Опыты, которые я произвелъ въ 1869 году, засѣвая лучшіе сорты американскаго, турецкаго и голландскаго табаку, дали весьма удовлетворительные результаты. Американскій табакъ, выращенный на моей плантаціи, былъ отправленъ мною въ Москву, гдѣ качества его были одобрены, и табакъ оцѣненъ въ 20 р. за пудъ. Въ 1870 году я засѣялъ 4 десятины табакомъ, и сборъ табаку былъ также хорошъ; послѣ пересадки, табакъ росъ скоро и сильно, и въ серединѣ августа нижніе листья начинали уже собираться.

По сдѣланному въ 1869 году небольшому опыту, можно полагать, что одна десятина дастъ до 100 пуд. табаку; а такъ какъ пудъ табаку можетъ быть проданъ въ Москвѣ по 20 р. с., то валовой доходъ съ десятины, засѣянной табакомъ, будетъ простираться до 2,000 р. Изъ этой цифры должно вычесть расходъ на десятину, не болѣе 517 р. с., а именно: за обработку земли и уходъ за плантаціею, въ теченіи 160 дней, полагая по 3 рабочихъ на каждую десятину, т. е. иначе—въ теченіи 480 рабочихъ дней; поденная плата рабочему—40 к., что составитъ за 480 рабочихъ дней 192 р.; за аренду земли 25 р.; за провозъ табаку въ Москву, по 3 р. съ пуда—300 р.; итого 517 р. с. Слѣдовательно каждая десятина, засѣянная табакомъ, дастъ чистаго дохода болѣе 1,400 р.

Такой результатъ можно считать въ полной мѣрѣ благопріятнымъ и остается только пожелать, чтобы наши производители обратили должное вниманіе на этотъ новый источникъ богатства нашего края.

И. Первушинъ.

Кендырь.

Киргизы называютъ *кендыремъ* растеніе, дающее волокна, похожія на пеньку. Кендырь растетъ въ изобиліи по Или и по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ оз. Балхашъ, а также по Чу и даже по Сыръ-Дарьѣ. Есть мѣста, гдѣ кендырь собирается киргизами, какъ топливо, на время зимы,— такъ много растетъ его въ степи, и такъ мало цѣнности имѣетъ онъ въ глазахъ степнаго кочевника.

Кендырь, растеніе, принадлежащее къ семейству *Apocineae*, вовсе не встрѣчается въ Европѣ. Корень имѣетъ многолѣтній, но стебли — однолѣтніе, смѣняющіеся каждую весну. Длина стебля кендыря болѣе 2 аршинъ, а толщина—болѣе гусинаго пера. Сѣмяна заключаются въ стручкахъ, на верхушкѣ стебля. До сихъ поръ прядильныя свойства кендыря были вовсе неизвѣстны, хотя одинъ изъ американскихъ видовъ этого растенія и давалъ на нихъ намекъ, доставляя весьма хорошую пеньку; волокно растенія кендырь потребляется только на выдѣлку веревокъ, чрезвычайно прочныхъ.

Приходя на зимовки, глубокою осенью, киргизы находятъ растеніе уже вполнѣ созрѣвшимъ, и собираютъ его; затѣмъ кендырь обминаютъ, какъ коноплю, изъ получаемыхъ волоконъ прядутъ нитки и сучатъ веревки для аркановъ. Какъ пряжа эта, такъ и веревки отличаются необыновенною крѣпостью. Въ настоящее время киргизы уже замѣтили, что русскіе охотно берутъ арканъ (веревки) изъ кендыря, а потому стали вывозить ихъ на базары. Если бы техника показала, что по своимъ свойствамъ кендырь можетъ идти на фабричную обработку, для выдѣлки пряжи и тканей, то въ такомъ случаѣ населеніе Киргизской степи могло бы доставлять этотъ сырой матеріалъ въ большомъ количествѣ, занявшись посѣвомъ этого новаго прядильнаго растенія, которое, такимъ образомъ, могло бы послужить населенію новымъ и важнымъ источникомъ для обезпеченія существованія кочевниковъ.

Въ конторѣ почтъ-содержателя Семирѣченскаго края, купца Кузнецова производилось сравнительное испытаніе крѣпости веревки изъ кен-

дыря и пеньковой, причемъ для опыта взято по 1 сажени той и другой. Веревка изъ пеньки порвалась при грузѣ въ 12 пудовъ, веревка же изъ кендыря осталась цѣлою.

Кендырь собирается киргизами обыкновенно зимою, изъ подъ снѣга, потому что тогда волокно легко отстаетъ отъ древесины. Изъ 1 пуда кендыря добывается отъ 3 до 5 фунтовъ волокна; когда его отминаютъ руками, то вѣсъ волокна выходитъ еще меньше.

Цѣна на кендырь до сихъ поръ еще прочно не установилась; веревки изъ кендыря продаются киргизами по 6 руб. за пудъ, но въ недавнее время контора купца Кузнецова въ Токмакскомъ уѣздѣ подрядила киргизовъ поставить 500 пудовъ кендыря, цѣною по 2 руб. пудъ. Вся поставленная партія пойдетъ, для опыта, на фабрики. Если кендырь окажется пригоденъ для фабричныхъ издѣлій, то эта поставка будетъ многознаменательна для степи. Потребность въ кендырѣ, успѣшно замѣняющемъ пеньку и ленъ, будетъ тогда огромная.

Микроскопическія изслѣдованія кендыря, произведенныя г. Зельгеймомъ, показали, что строеніе его во многихъ отношеніяхъ сходно съ стеблемъ льна. Эти микроскопическія изслѣдованія говорятъ въ пользу прядильныхъ свойствъ кендыря, но ихъ, конечно, еще недостаточно для того, чтобы узнать: на сколько это растеніе будетъ полезно для выработки изъ него пряжи и тканей, почему г. Зельгеймъ и обратился въ прядильное заведеніе г-жи Грундштремъ, прося ее сдѣлать изъ доставленнаго количества кендыря нѣсколько тканей. Опытъ удался какъ нельзя лучше, и если приготовленные вычески и пряжа уступаютъ въ качествѣ льнянымъ, то это должно приписать неумѣнью киргизовъ обработывать кендырь для пряжи. По крайней мѣрѣ присланное для опыта количество этого растенія было просто высушено, безъ всякой подготовки, отчего кора растенія оставалась на волокнахъ и никакимъ вычесываніемъ нельзя было вполнѣ очистить отъ нея волокна; послѣднія имѣютъ отъ того болѣе грубый видъ и шероховаты на ощупь. Изъ 10 фунтовъ кендыря г-жа Грундштремъ приготовила $2^1/_2$ ф. чесанаго волокна. Опыты, произведенные въ тюлевомъ заводѣ г. Глинца, дали тѣ же результаты; кромѣ того, г. Глинцъ нашелъ весьма важное достоинство этого матеріала въ томъ, что онъ отлично принимаетъ бѣленіе. Выбѣленные очески нисколько не уступаютъ въ бѣлизнѣ хорошей хлопчатой бумагѣ и имѣютъ видъ блестящій, шелковистый. Этотъ новый прядильный матеріалъ по отзыву г. Глинца, способенъ къ машинной обработкѣ и можетъ быть отлично примѣненъ къ выработкѣ изъ него тканей.

Нѣсколько словъ о свойствахъ туркестанскаго каменнаго угля.

Развѣдки каменнаго угля въ Сыръ-Дарьинской области начались вслѣдъ за вступленіемъ нашихъ войскъ въ сѣверные предѣлы Коканскаго ханства. Каменный уголь—этотъ могучій двигатель цивилизаціи въ Европѣ, не могъ бы дать въ новыхъ нашихъ азіятскихъ владѣніяхъ тѣхъ же результатовъ, но обиліе его и богатство залежей рядомъ съ богатѣйшими рудами позволяютъ расчитывать на полное вѣроятіе къ созданію металлургическаго и фабричнаго производствъ, которыя дадутъ жизнь странѣ, обогатятъ ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россію, которой она составляетъ нынѣ неотъемлемую часть.

До настоящаго времени ископаемый горючій матеріалъ употребляется въ Туркестанскомъ краѣ, какъ топливо для паровыхъ судовъ аральской флотиліи и для домашнихъ потребностей. Въ Ташкентъ идетъ уголь съ двухъ мѣсторожденій: съ татариновской копи, между Чемкентомъ и Ауліеата, и изъ мѣсторожденій бураго угля, разработываемаго купцомъ Первушинымъ. Первый продается по 32 коп., а второй—по 22 к. за пудъ, но высшія теплородныя способности дѣлаютъ употребленіе перваго болѣе выгоднымъ.

Относительная выгода каменнаго угля передъ дровами не всѣми сознавалась; даже не всѣ были знакомы со свойствами угля, поэтому я и полагаю, что нѣкоторыя данныя о свойствахъ здѣшнихъ каменныхъ углей не будутъ лишены интереса.

Нѣтъ углей, которые бы не содержали сѣры; нѣтъ углей, которые бы при горѣніи издавали пріятный запахъ; по этому жалобы на непригодность для кузницъ здѣшняго ископаемаго горючаго матеріала лишены всякаго основанія. Вся Европа потреблетъ для кузницъ каменный уголь съ совершеннымъ успѣхомъ. На татариновской копи нѣтъ другаго горючаго матеріала, но никогда не случалось, чтобъ желѣзо было сожжено, или чтобы поковки были дурны; то и другое можетъ быть только при

неопытности мастеровъ. Работа при посредствѣ каменнаго угля идетъ быстрѣе и лучше, чѣмъ при употребленіи древеснаго угля. Что же касается до чада и угара отъ каменнаго угля въ комнатахъ, то очевидно, что ихъ даютъ и самые лучшія дрова, если только печи дурно устроены, или истопники не умѣютъ во время закрыть трубу. На татариновской копи даже баня топится каменнымъ углемъ, и въ этой банѣ жарко, но не угарно. Для топки каменнымъ углемъ топильное пространство должно быть значительно менѣе, чѣмъ при дровахъ; уголь долженъ горѣть на колосникахъ, то есть желѣзной или чугунной рѣшеткѣ, подъ которой должно быть поддувало. Такъ какъ уголь отдѣляетъ болѣе частей, чѣмъ дрова, то дымовые пролеты должны быть шире и число оборотовъ не велико.

Здѣшній уголь очень хорошъ по своему составу. Въ 1867 году мною было доставлено нѣсколько образцевъ въ С.-Петербургъ, изъ оставленнаго мѣсторожденія по рѣкѣ большая Бугонь. Анализъ, сдѣланный въ лабораторіи горнаго департамента, привелъ къ заключенію, что подобнаго состава угли могутъ имѣть въ техникѣ многостороннее и обширное примѣненіе.

Уголь изъ мѣсторожденія по рѣкѣ большая Бугонь содержитъ:

углерода	76,00%
водорода	4,90
кислорода и азота	11,60
гигроскопической воды	5,20
землистыхъ веществъ	2,20
	100,00%

Если же исключить золу и воду, то въ органической части будетъ содержаться:

углерода	82,00%
водорода	5,30
кислорода и азота	12,50
	100,00%

Теплородная способность равняется 6772 единицамъ.

Каменный уголь съ татариновской копи, доставленный въ ту же лабораторію въ большомъ количествѣ и уменьшенный на пробу, далъ по анализу слѣдующее:

При накаливаніи въ закрытомъ пространствѣ (при коксованіи) онъ отдѣляетъ:

горючихъ газовъ и летучихъ веществъ.	32,00%
влажности	6,00
даетъ полуспекающагося кокса . . .	62,00
	100,00%

Содержаніе сѣры, въ видѣ колчедана, простирается до 3%. Теплородная способность равна 5644 единицамъ.

Органическая составная часть этого угля содержитъ:

углерода.	71,54%
водорода.	5,55
кислорода и азота	22,89
	99,98%

Полужирные угли, сходные по составу съ вышеприведенными и извѣстные по своему техническому употребленію, добываются во многихъ каменноугольныхъ копяхъ въ Луганскомъ горномъ округѣ, въ Лисичанскомъ, въ Англіи и во Франціи.

Уголь г. Первушина содержитъ въ 100 частяхъ:

влажности	8,00%
летучихъ веществъ	45,18
угля.	36,82
золы.	10,00

Коксъ его не спекается, пепелъ бѣлаго цвѣта, сѣры 27%, въ видѣ гипса. Нагрѣвательная способность равна 4143 единицамъ.

Въ туркестанской саперной ротѣ были произведены сравнительные опыты надъ отапливаніемъ дровами и каменнымъ углемъ съ татариновской копи. Опыты эти дали слѣдующій результатъ:

А. При отапливаніи въ обыкновенныхъ голландскихъ печахъ:

1) На одну сажень однополѣнныхъ урюковыхъ дровъ, стоимостью 9 р.

Каменнаго угля 15 пуд., на 4 руб. 80 к.	5 р. 80 к.
На растопку 1/8 саж. джигдовыхъ дровъ, 1 р.	

Слѣд. на одну сажень урюковыхъ дровъ каменнаго угля дешевле на 3 р. 20 к.

2) На одну сажень однополѣнныхъ джигдовыхъ дровъ, стоимостью 8 руб.

Каменнаго угля 11 пуд., на 3 р. 52 к.	4 р. 52 к.
На растопку 1/8 саж. джигдовыхъ дровъ, на 1 р.	

Слѣд. на одну сажень джигдовыхъ дровъ каменнаго угля дешевле на 3 руб. 48 к.

Б. При нагрѣваніи въ солдатской кухнѣ котла съ кашей:

На одну сажень однополѣнныхъ дровъ джигдовыхъ, стоимостью 8 р.

Каменнаго угля 18 пуд., на 5 р. 76 коп.	7 р. 26 к.
На растопку 3/8 саж. дровъ — 1 р. 50 к.	

Слѣд. на одну сажень джигдовыхъ дровъ каменнаго угля дешевле на 74 коп.

В. При хлѣбопеченіи, для нагрѣванія большихъ русскихъ обыкновенныхъ печей, не приспособленныхъ къ дѣйствію каменнымъ углемъ:

1) На одну сажень урюковыхъ дровъ, стоимостью 9 р.

Каменнаго угля 30 пуд. на 9 р. 20 к.
На растопку $^1/_4$ саж. дровъ 2 руб. } 11 р. 20 к.

Слѣд. каменный уголь дороже на 2 р. 20 к.

2) На одну сажень джигдовыхъ дровъ, стоимостью 8 руб.

Каменнаго угля 27 пуд. на 8 руб. 65 к.
На растопку $^1/_4$ саж. дровъ на 2 руб. } 10 р. 65 к.

Т. е. каменный уголь дороже на 2 р. 65 к. *).

Къ этому я могу прибавить, что не смотря на всю невыгодную сторону для каменнаго угля при производствѣ опытовъ, топка голландскихъ печей и варка пищи были выгоднѣе при углѣ, чѣмъ при дровахъ. Невыгода заключалась въ томъ, что печи для угля не были передѣланы и температура въ казармахъ при этомъ топливѣ была выше, чѣмъ при дровахъ.

Въ кухнѣ также можно достигнуть большей экономіи при отопкѣ печей каменнымъ углемъ; опасеніе же, относительно порчи желѣзной посуды, напр. котловъ, сѣрнистыми испареніями, какъ мы уже сказали, неосновательно, и во всякомъ случаѣ можетъ быть отстранено, если котлы не будутъ подвергаться непосредственному дѣйствію пламени. Наконецъ сбереженіе 74 к. на одну сажень, а при лучшемъ устройствѣ печи—и еще большее сбереженіе, составляютъ на 50 саженъ дровъ 37 рублей, т. е. ту сумму, которой котелъ едвали стоитъ.

Во всякомъ случаѣ желательно произвести болѣе подробные опыты, принаровивъ печи къ топкѣ углемъ и взявъ въ расчетъ температуру. Въ настоящее же время еще неоконченные, сравнительные опыты показали уже несомнѣнное преимущество каменнаго угля предъ дровами.

Ал. Татариновъ.

---

*) Свѣдѣнія эти я получилъ по обязательности командира роты, Д. Т. Свищевскаго.

О разработкѣ свинцовыхъ рудниковъ въ горахъ Каратау.

До 1869 года свинецъ, для потребностей войскъ, расположенныхъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ, доставлялся изъ Россіи, чрезъ Оренбургъ; при этомъ свинецъ обходился казнѣ въ С.-Петербургѣ по 2 р. 95 коп. пудъ, доставка же его до Оренбурга стоила $81\frac{1}{2}$ коп., отъ Оренбурга до форта № 1-го $70\frac{1}{2}$ коп. съ пуда *), далѣе свинецъ отправлялся на судахъ аральской флотиліи. Слѣдовательно, свинецъ стоилъ казнѣ самое малое 4 р. 47 коп., не считая расходовъ по содержанію аральской флотиліи.

Доставка свинца съ алтайскихъ заводовъ черезъ г. Вѣрный обходилась еще дороже, вслѣдствіе большаго разстоянія сухопутной перевозки.

Такая дороговизна свинца и часто несвоевременная его доставка изъ Россіи заставила мѣстное начальство озаботиться заготовкою свинца на мѣстѣ. Извѣстно, что туземцы, задолго до прихода русскихъ въ Туркестанскій край, разработывали нѣсколько свинцовыхъ рудниковъ въ горахъ Каратау, лежащихъ въ 60 верстахъ къ востоку отъ г. Туркестана; этотъ свинецъ шелъ по преимуществу на снабженіе коканскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ русскихъ, и добывался изъ бѣлой свинцовой руды, называемой киргизами кургашинъ-ташъ (свинцовый камень). Въ 1864 году, по занятіи нашими войсками Туркестанскаго края, выплавка свинца была запрещена киргизамъ и торговля металлическимъ свинцомъ объявлена военною контрабандою, вслѣдствіе чего работы на рудникахъ прекратились.

Въ 1868 году почетный гражданинъ И. И. Первушинъ вступилъ въ переговоры съ киргизскими родами, владѣющими упомянутыми рудниками,

---

*) 1869 году перевозка свинца обходилась до 1 р. съ пуда отъ Оренбурга до форта № 1.

объ уступкѣ ему рудниковъ; сдѣлка состоялась и рудникъ, съ мѣстомъ подъ заводъ, былъ уступленъ за 1,200 руб. с.

Приступивъ къ устройству завода, г. Первушинъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ окружному артиллерійскому управленію доставлять свинецъ въ войска Туркестанскаго военнаго округа, по 3 руб. за пудъ; при развитіи же производства онъ обѣщалъ еще понизить цѣну. Управленіе согласилось заключить контрактъ на поставку къ 15 октября 1869 года трехъ тысячъ пудовъ свинца, для практическихъ занятій въ 1870 году, по 3 руб. за пудъ. Въ случаѣ же неисправности подряда, назначена была неустойка въ 20% цѣнности непринятаго свинца.

По прибытіи пріемщика на заводъ, оказалось вскорѣ, что вмѣсто законтрактованныхъ трехъ тысячъ пудовъ свинца, заводъ выставилъ только 370 пуд. Для объясненія причины такого неисправнаго выполненія контракта, необходимо будетъ ознакомиться съ устройствомъ самаго завода и его дѣйствіемъ.

Нами было уже выше упомянуто, что свинцовые рудники находятся въ горахъ Каратау, прорѣзываемыхъ отъ западнаго склона къ восточному Турланскимъ проходомъ, по которому проходитъ арбяная дорога, служащая между прочимъ и путемъ сообщенія съ рудниками и заводомъ.

Заводъ расположенъ, верстахъ въ 13 отъ начала ущелья и почти у самой дороги чрезъ горы, въ небольшой ложбинѣ, черезъ которую течетъ горный ручей.

Самый рудникъ, изъ котораго извлекаютъ руду, отстоитъ отъ завода версты четыре; недостатокъ близь рудника воды, для дѣйствія завода, заставилъ отдалить его на такое разстояніе.

Хотя рудники и мѣсто подъ заводъ были уступлены г. Первушину еще въ 1868 году, но устройство завода началось только въ сентябрѣ 1869 г. Ранѣе этого времени нельзя было начать постройки, такъ какъ производились розыски въ горахъ строеваго лѣса и каменнаго угля, а затѣмъ — работы по рубкѣ и обдѣлкѣ лѣса для заводскихъ строеній.

Вскорѣ въ 40 верстахъ отъ завода на востокъ найдены были залежи бураго каменнаго угля, которыя теперь разработываются и доставляютъ заводу топливо для выплавки свинца и обжиганія руды. Залежи этого угля находятся на плоской возвышенности, составляющей предгоріе Каратау съ противуположной г. Туркестану стороны горъ; онѣ лежатъ пластами около 3 арш. толщиною, постепенно понижающимися; мѣстами этотъ пластъ прерывается и оказывается на большей или меньшей глубинѣ, а иногда и совершенно исчезаетъ. Уголь изъ этого мѣсторожденія не даетъ кокса, а только спекается, горитъ же очень хорошо. Каменный

уголь доставляется съ копей на заводъ киргизами и обходится съ разработкою около 6 коп. пудъ.

Древесный уголь въ небольшомъ количествѣ доставляется изъ лѣса, гдѣ онъ выжигается изъ валежника, котораго очень много въ лѣсу.

Печи для обжиганія руды и выплавки свинца устроены пока изъ простой глины, что и было одною изъ главныхъ причинъ неисправной поставки свинца. До сего времени производятся розыски огнеупорной глины и кажется безуспѣшно. Въ октябрѣ 1869 года, по указанію киргизовъ, былъ разработанъ въ 40 верстахъ отъ завода колодезь, съ какою-то бѣлою глиною (кажется мергель), которая, по ихъ показаніямъ, употреблялась, въ прежнее время, когда разработывались желѣзные рудники, на формы для выплавки чугуна; но это еще не доказываетъ огнеупорныя свойства глины, во 1-хъ потому, что у киргизовъ и сартовъ чугунно-литейное дѣло стоитъ на очень низкой ступени, такъ что они съ трудомъ доводятъ чугунъ до тѣстообразнаго состоянія; до жидкаго же состоянія они не могутъ его довести. Во 2-хъ, если при отливкѣ сартовская форма и сплавится немного, то они объ этомъ не безпокоятся, такъ какъ издѣлія ихъ не очень много терпятъ отъ этого.

Глина, вынутая изъ колодца, не была еще испробована на устройство печей въ 1869 году; изслѣдованія же надъ нею въ небольшихъ количествахъ показали, что хотя она и огнеупорнѣе простой глины и другихъ глинъ, находимыхъ заводомъ до сихъ поръ, но все таки нѣсколько сплавляется.

Другая причина неисправной поставки заключалась въ недостаткѣ на заводѣ воды и прекращеніи, вслѣдствіе этого, производства работъ въ концѣ сентября.

Вода для дѣйствія завода проведена, посредствомъ арыка около версты длиною, изъ вышеупомянутаго горнаго ручья, который доставляетъ воды очень много, начиная съ марта до сентября; въ остальное же время года въ водѣ чувствуется крайній недостатокъ.

Рабочіе на заводѣ и на рудникѣ частію киргизы, но по преимуществу русскіе; послѣдніе нанимаются конторою г. Первушина въ г. Ташкентѣ изъ уволенныхъ въ безсрочный отпускъ солдатъ, изъ расположенныхъ здѣсь войскъ. Каждый рабочій получаетъ 15 руб сер. жалованья въ мѣсяцъ, помѣщеніе и 30 коп. въ день на продовольствіе или самое продовольствіе. Несмотря на такія выгодныя условія, русскіе рабочіе на заводъ идутъ неохотно, а если и нанимаются, то большею частію самые отъявленные пьяницы, которыхъ въ Ташкентѣ никто уже не нанимаетъ. Для завода былъ бы гораздо большій расчетъ держать исключительно киргизскихъ рабочихъ, но отъ многихъ работъ киргизы положительно отка-

зываются, какъ напр. отъ пороховыхъ работъ на рудникахъ, отъ разработки каменноугольныхъ копей, и др.; киргизами производится только ручная промывка руды и частію выплавка свинца.

Изъ рудника извлекаютъ руду двухъ сортовъ: бѣлую и черную; составъ первой слѣдующій:

углекислаго свинца . . .	75,4
кремлекислыхъ соединеній .	24,6
	100

Составъ второй руды слѣдующій:

углекислаго свинца . . .	78,3
кремнекислыхъ соединеній и прочихъ примѣсей	21,7
	100

Изъ бѣлой руды можно выплавить металлическаго свинца 54,8%. Изъ черной руды 58,4%; такимъ образомъ черная руда нѣсколько богаче содержаніемъ свинца. Черный цвѣтъ руды происходитъ отъ окрашивающаго ее органическаго вещества *).

Въ настоящее время разработывается старый киргизскій рудникъ, но такъ какъ киргизы не прибѣгали къ пороховымъ работамъ, то ихъ ходы въ каменистой породѣ горы были чрезвычайно узки, до того, что одинъ человѣкъ съ трудомъ могъ пролѣзать въ нихъ; если же ему надо было возвратиться на поверхность, то это было возможно не иначе, какъ пятясь назадъ: повернуться въ галереѣ не было никакой возможности.

Въ горахъ между киргизами существуетъ преданіе, что до занятія этой мѣстности киргизами, ее населяли китайцы, которые и производили здѣсь разработки, какъ желѣзныхъ, такъ и свинцовыхъ рудниковъ; какъ давно это было, никто опредѣлить не можетъ; однако еще до сего времени въ горахъ существуетъ нѣсколько оставленныхъ желѣзныхъ рудниковъ, разработку которыхъ киргизы приписываютъ китайцамъ. Отъ китайцевъ же киргизы выучились разработывать свинцовые рудники.

Разсказываютъ также киргизы, что не очень давно, именно не далѣе 40 лѣтъ тому назадъ, случилось въ одномъ изъ окрестныхъ свинцовыхъ рудниковъ большое несчастіе: человѣкъ двѣсти рабочихъ киргизовъ однажды отправились въ рудникъ на работы, и въ то время, когда они находились тамъ, огромная глыба каменной породы оторвалась отъ горы, завалила выходъ изъ рудника и заживо схоронила тамъ всѣхъ рабочихъ.

*) Анализъ руды произведенъ въ учрежденной въ Ташкентѣ химической горной лабораторіи.

Находившіеся въ рудникахъ люди долгое время могли переговариваться и просить о помощи находившихся снаружи, такъ какъ ихъ отдѣляла одна только скала; но невозможно было спасти несчастныхъ, безъ пороховыхъ работъ, которыхъ киргизы не производили и которыхъ боялись.

Въ настоящее время въ рудникѣ работаютъ порохомъ и по преимуществу расширяются старые киргизскіе ходы взрывами. Имъ даютъ видъ галлерей, въ которыхъ наиболѣе слабыя части укрѣпляются деревянными крѣпями. Оторванную руду измельчаютъ въ самомъ рудникѣ, посредствомъ молотовъ, и затѣмъ, наполняя ею капы (шерстяные мѣшки), выносятъ на поверхность.

Добытую въ рудникѣ руду, по разсортировкѣ, подвозятъ къ заводу на ишакахъ.

Чтобы сдѣлать руду хрупкою, для болѣе легкаго измельченія, ее обжигаютъ въ особыхъ печахъ, которыя въ настоящее время сложены изъ обыкновеннаго кирпича, по неимѣнію огнеупорнаго. Вслѣдствіе этого внутренность печи сплавляется во время обжиганія, что составляетъ немаловажный недостатокъ.

Послѣ обжиганія, бѣлая руда принимаетъ красный цвѣтъ, что даетъ поводъ предполагать въ ней примѣсь окиси желѣза. Измельченіе руды производится въ обыкновенной толчеѣ, устроенной на заводѣ изъ ясеневаго лѣса; ясеневая подушка подъ песты имѣетъ 13 верш. ширины, 6 арш. длины; такіе размѣры подушки показываютъ, что въ Каратауских горахъ можно найти весьма крупный строевой лѣсъ.

Чугунные башмаки на песты отлиты сартами въ Ташкентѣ, хотя изъ чугуна довольно низкаго качества, вслѣдствіе большаго содержанія въ немъ углерода, въ видѣ графита, однако годнаго и наиболѣе выгоднаго для подобныхъ издѣлій. Вертикальное водяное колесо, получающее воду изъ арыка, проведеннаго по вершинѣ горки, у которой устроена толчея, приводитъ въ дѣйствіе песты: при полноводьѣ скорость вращенія колеса достигала свыше 20 оборотовъ въ минуту. Съ сентября же вода начинаетъ быстро убывать въ рѣчкѣ, такъ что количество ея едва достаточно для приведенія колеса въ движеніе и сообщенія ему скорости 10 оборотовъ въ минуту. Такая разница въ количествѣ воды для движенія колеса имѣетъ вліяніе на измельченіе руды. Въ полноводье измельчалось руды въ теченіи 12 часовъ дневной работы до 100 пудовъ, тогда какъ въ послѣдніе мѣсяцы съ трудомъ измельчалось 10 пудовъ въ день.

Руда, по мѣрѣ своего измельченія, выносится притекающею водою черезъ желѣзную рѣшетку въ расположенный наклонно противъ толчеи деревянный ящикъ; тамъ она сортируется и затѣмъ, когда въ ящикѣ ося-

детъ достаточное количество руды, ее выгребаютъ изъ ящика и передаютъ киргизамъ, для ручной промывки и обогащенія на небольшихъ наклонно-врытыхъ въ землю, деревянныхъ ящикахъ; въ ящикъ проведена вода изъ горнаго ручья, посредствомъ нѣсколькихъ маленькихъ канавъ. Скорость этого обогащенія не превышаетъ 3—4 пуд. Въ холодное же время совершенно обогащенной руды бываетъ значительно менѣе. Такихъ вашгердовъ (если эти ящики можно такъ назвать) работало въ 1869 году восемь.

Работа по обогащенію руды могла бы значительно ускориться, если бы измельченную руду предварительно просѣевать сквозь сита, или сортировать посредствомъ грохотовъ, ибо въ толчеѣ руда измельчается не совершенно и въ наклонный ящикъ увлекается очень много крупно-зернистой руды, которая много затрудняетъ ручное обогащеніе руды. Кромѣ того, слѣдовало бы замѣнить ручную промывку руды обогащеніемъ ее на неподвижныхъ вашгердахъ; но въ прошломъ году, по неимѣнію ситъ и другихъ приспособленій, невозможно было избѣжать ручной промывки. Послѣ обогащенія, руда идетъ на выплавку свинца. Выплавка свинца на заводѣ производилась сперва двоякимъ способомъ: въ шахтенной печи и киргизскимъ способомъ. По неимѣнію огнеупорнаго кирпича, шахтенная печь, сдѣланная изъ простаго, сплавлялась и причиняла огромный убытокъ свинца. Тогда выплавку свинца въ шахтенной печи оставили и принялись за выплавку киргизскимъ способомъ.

Киргизскій способъ выплавки состоитъ въ слѣдующемъ: вырывается въ землѣ яма, глубиною три фута, діаметромъ до $1^1/_2$ фута; нижняя часть ямы имѣетъ форму полушара, къ верху же яма съуживается, и доходитъ до $^1/_2$ фута ширины. Кругомъ отверстія ямы дѣлается ободокъ изъ глины, въ длинныя стороны котораго вмазываются по два сопла, изъ глины или желѣза, для четырехъ киргизскихъ ручныхъ одиночныхъ мѣховъ. Въ эту печь, или лучше сказать горнъ, дѣлалась закладка изъ руды и угля, который затѣмъ разжигался; при этомъ для вдуванія воздуха по обѣимъ сторонамъ горна, между двухъ мѣховъ, помѣщался киргизъ, который и дѣйствовалъ мѣхами такъ, чтобы токъ воздуха былъ непрерывный.

По мѣрѣ прогоранія углей, прибавляются новые и добавляется руды, а выплавлявшійся свинецъ собирался въ нижней части горна; когда свинца собиралось до половины горна и уголь совершенно прогоралъ, то дутье прекращали; каждый изъ 2-хъ рабочихъ бралъ дубину, аршина 3 длиною и становился одинъ противъ другаго, вдоль горна. Затѣмъ они начинали долбить всю массу, заключенную въ горнѣ, чтобы заставить весь возстановившійся свинецъ, задержанный густыми шлаками, собраться внизу горна.

После продолжительнаго долбленія, выгребали изъ горна шлаки и вычерпывали изъ него свинецъ, который тутъ же отливали въ землю, въ формѣ неправильныхъ свинокъ.

Изъ одного горна въ одинъ разъ вынимали по прошествіи 2—3 часовъ плавки около 2-хъ пудовъ свинца; въ теченіи дня въ одной и той же печи выплавляли три, а иногда и четыре раза.

Послѣ одного, иногда двухъ дней плавки, печь возобновлялась, такъ какъ она обыкновенно дѣлается непригодною къ дальнѣйшей работѣ въ ней; но исправленіе печи занимаетъ немного времени по простотѣ ея устройства.

Такихъ печей работало на заводѣ только двѣ, да и на тѣ съ трудомъ поспѣвали подготовлять обогащеніемъ руду, на восьми киргизскихъ промывкахъ ручнымъ способомъ. Когда же настали холода и сдѣлался недостатокъ воды, то выплавка остановилась, такъ какъ не изъ чего было выплавлять свинецъ.

Киргизскій способъ выплавки свинца крайне невыгоденъ для производства, такъ какъ потеря свинца очень велика. Свинецъ, вслѣдствіе выплавки въ низкой печи, улетучивается такъ, что даже опасно стоять на подвѣтренной сторонѣ, во время дѣйствія печи; на заводѣ было нѣсколько случаевъ свинцоваго отравленія; впрочемъ, благодаря своевременному пособію, несчастныхъ послѣдствій не было. Во вторыхъ печь, устроенная изъ простой глины, не выдерживаетъ высокой температуры выплавки, плавится сама и шлакуется на счетъ металлическаго свинца; въ третьихъ, по неимѣнію хорошихъ плавней, въ родѣ плавиковаго шпата, выплавка производится безъ нихъ, и пустая порода, сопровождающая руду, шлакуется также на счетъ металлическаго свинца; въ четвертыхъ, по недостаточности древеснаго угля, выплавку приходится производить каменнымъ углемъ, землистыя части котораго также шлакуются на счетъ металла; въ пятыхъ, по недостатку плавней же, шлаки необыкновенно густы и большое количество возстановившагося свинца задерживается ими. Эта послѣдняя потеря можетъ нѣсколько уменьшиться, если застывшіе шлаки толочь и извлекать изъ нихъ металлическій свинецъ промывкою, что и дѣлается на заводѣ.

Свинецъ, выплавленный киргизами, чрезвычайно нечистъ, отъ примѣси къ нему изгарины, землистыхъ частицъ печки и другихъ нечистотъ; поэтому его переплавливаютъ въ чугунныхъ котлахъ, гдѣ чистый свинецъ собирается внизу, а всѣ нечистоты всплываютъ на верхъ и снимаются шумовкою. Затѣмъ свинецъ отливается въ общепринятую форму свинокъ, около 4-хъ пудовъ каждая.

Свинецъ г. Первушина имѣетъ удѣльный вѣсъ отъ 11,35 до 11,4.

При химическомъ изслѣдованіи его чистоты и количества постороннихъ металловъ въ немъ, оказалось, что онъ не содержитъ въ себѣ никакихъ другихъ металловъ, кромѣ серебра, и то въ ничтожномъ количествѣ, именно: во 100 фунтахъ свинца 1 золотникъ серебра.

Г. Первушинъ, видя, что заводъ не въ состояніи выплавить требуемаго количества свинца, рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству: онъ обратился къ киргизскимъ родамъ, которые выплавляли свинецъ прежде, предложилъ имъ выплавлять свинецъ, по мѣрѣ возможности, и доставлять ему по 2 рубля за пудъ.

Киргизы принялись за выплавку и при этомъ 20 человѣкъ, работая два мѣсяца, выплавили 90 пудовъ свинца. Медленность эта происходила главнымъ образомъ отъ того, что они не имѣютъ другаго средства измельчать руду, какъ на землѣ, и дубинами изъ крѣпкаго дерева; а такъ какъ руда довольно тверда, то измельченіе идетъ весьма медленно. По этому киргизы и предпочитаютъ добывать на рудникѣ, такъ называемый, оруденѣлый песокъ, т. е. вывѣтрившуюся руду, что, впрочемъ, также составляетъ медленную работу, ибо оруденѣлый песокъ покрываетъ руду въ видѣ пыли, слоемъ не болѣе, какъ въ 2 или 3 линіи. Песокъ приходится точно также обогащать промывкою, хотя онъ и нѣсколько богаче содержаніемъ чистой руды, чѣмъ куски руды.

Всѣ эти затрудненія привели къ тому, что, какъ мы уже сказали выше, подрядъ, взятый г. Первушинымъ на поставку къ 15-му октября 1869 года трехъ тысячъ пудовъ свинца, не былъ выполненъ. Ошибка г. Первушина заключается въ томъ, что онъ, пріобрѣтя рудники, предположилъ, что можно выполнить какое угодно требованіе на свинецъ, и не ознакомившись ближе съ дѣломъ, взялъ подрядъ на поставку трехъ тысячъ пудовъ свинца. Ему не слѣдовало вступать ни въ какія обязательства, а по окончаніи выплавки предложить взять въ войска добытый на заводѣ свинецъ, по условленной цѣнѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ 1870 году г. Первушинъ будетъ въ состояніи выполнить требованіе на свинецъ гораздо больше трехъ тысячъ пудовъ, ибо въ одну закладку въ печь можно выплавить до 40 пудовъ *). Въ теченіи сутокъ въ одну и ту же печь можно сдѣлать по малой мѣрѣ двѣ закладки; слѣдовательно, даже при двухъ печахъ,—одной для выплавки, а другой запасной, на случай порчи первой,—въ теченіи августа, сентября и октября возможно будетъ выплавить до 7 тысячъ пудовъ свинца, при непрерывномъ дѣйствіи завода.

---

*) Это предположеніе автора также не оправдалось въ дѣйствительности.

Прим. Ред.

Въ настоящее время довольно трудно сказать: явится ли потребность свинца въ Туркестанскомъ краѣ на другой предметъ, кромѣ потребности его на снабженіе войскъ; до сихъ поръ же ее не существуетъ. Если же промышленность разовьется здѣсь до надлежащихъ размѣровъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣшній свинецъ займетъ въ ней видное мѣсто.

До производства здѣсь асфальта было предположеніе: крыть крыши здѣшнихъ строеній свинцовыми листами, но съ настоящаго времени асфальтъ, по своей дешевизнѣ, будетъ опаснымъ конкуррентомъ свинца. Затѣмъ свинцовыя водо-и газо-проводныя трубы тоже пока не имѣютъ здѣсь никакого употребленія, ибо вмѣсто первыхъ, существуютъ повсюду арыки, а для вторыхъ пока еще нѣтъ потребности.

Вывозить же свинцовыя издѣлія въ Россію едва ли будетъ выгода, при 3-хъ рублевой платѣ за перевозку съ пуда.

Если явится большой запросъ на свинецъ въ промышленности, то это, вѣроятно, будетъ при устройствѣ въ здѣшней мѣстности завода для добыванія каморной сѣрной кислоты, что весьма возможно, такъ какъ здѣсь въ нѣсколькихъ мѣстахъ найдена самородная сѣра и кромѣ того, находится много сѣрнистыхъ соединеній, легко отдающихъ отъ себя сѣру. Перевозочными средствами для перевозки выплавленнаго свинца въ различные пункты служатъ здѣсь, какъ почти вездѣ въ Туркестанскомъ краѣ, верблюды. По ту сторону горъ, верстахъ въ 20 отъ нихъ и въ 38 отъ завода, находится мѣстечко Чулакъ-курганъ; близь него все лѣто, до октября кочуетъ множество киргизовъ (до 1,000 кибитокъ) съ верблюдами. Цѣны на перевозку тяжестей бываютъ отъ 25—30-ти коп. съ пуда, на 300 верстное разстояніе до Ташкента. Въ октябрѣ и позже, когда большая часть киргизовъ откочевываетъ отъ Чулакъ-кургана верстъ 60-ть восточнѣе, на озеро Кара-куль, цѣны за перевозку увеличиваются до 40 коп. съ пуда.

А. Ивановъ.

Производство хлопка въ долинѣ рѣки Борохудзиръ.

Рѣка Борохудзиръ, вытекающая изъ отроговъ горъ, которые составляютъ хребетъ Боро-Хоро, течетъ по низменной долинѣ и впадаетъ справа въ р. Или. Теченіе рѣки по долинѣ, ею орошаемой, составляетъ не болѣе 80 верстъ протяженія; ширина рѣки, не превышающая 5 сажень, и глубина, отъ 1 до 2 аршинъ, обусловливаютъ успѣхъ земледѣлія этой мѣстности, имѣющей тучную почву, благорастворенный климатъ, но скудный достатокъ воды. Засѣянныя поля орошаются ирригаціонными каналами (арыками) изъ рѣки Борохудзиръ, которая только весной, во время таянія снѣговъ, обильно наполняется водой; лѣтомъ же, до поздней осени, вода этой рѣки, такъ сказать, разбирается по арыкамъ, вслѣдствіе чего глубина ея дѣлается ничтожною, едва только покрывающею дно русла.

Засѣвомъ полей (пашень) занимаются въ этой мѣстности кочующіе киргизы, до 400 семействъ (юртъ), и китайцы, эмигрировавшіе въ наши предѣлы во время смутъ въ западномъ Китаѣ. Китайскіе эмигранты, числомъ болѣе 100 семействъ, поселившіеся съ 1866 г. вблизи отряда—народъ трудолюбивый, хотя и бѣдный. Потерявъ во время мятежа все свое состояніе, заключавшееся преимущественно въ скотѣ, эмигранты теперь едва только поправляются, подъ защитою и попеченіями русскихъ, и оправясь отъ паническаго страха, наведеннаго на нихъ убійствами и грабежами возставшихъ дунганей и таранчей, устроились при отрядѣ въ селеніи. Здѣсь китайцы уже три года сряду занимаются земледѣліемъ.

Киргизы, имѣющіе также на этой мѣстности постоянныя свои зимнія стойбища, сѣютъ только пшеницу, просо и немного ячменя. Китайскіе же эмигранты, съ свойственнымъ имъ трудолюбіемъ, сдѣлали пробы посѣва всѣхъ хлѣбовъ; огородничество ихъ можетъ считаться образцевымъ, даже для европейца; они же первые приступили здѣсь и къ разведенію хлопка.

Разведеніемъ хлопка китайцы занимались еще на своей родинѣ, хотя производство это и не шло далѣе удовлетворенія своихъ нуждъ въ повседневной одеждѣ. Поэтому способы обработки хлопка въ пряжу и ткани ограничивались весьма грубой и первобытной техникой.

Почву долины р. Борохудзиръ, глинисто-иловатую, китайцы признали удобною, а климатъ, характеризующійся продолжительнымъ, жаркимъ и сухимъ лѣтомъ, при кратковременной, безснѣжной зимѣ, считается вполнѣ благопріятнымъ для хлопковыхъ плантацій. Первый опытъ разведенія хлопка эмигрантами былъ сдѣланъ въ 1867 году; результатъ посѣва оказался удовлетворительнымъ. Въ 1868 г., кромѣ китайскихъ плантацій, былъ сдѣланъ, по распоряженію военнаго губернатора, опытъ посѣва хлопка при Борохудзирскомъ отрядѣ, подъ руководствомъ одного изъ китайцевъ эмигрантовъ, съ цѣлію, на первое время, пріучить нижнихъ воинскихъ чиновъ отряда къ уходу за хлопкомъ.

Но 1868 годъ и послѣдующій 1869 годъ были весьма неблагопріятны для произрастанія хлопка. При началѣ всхода хлопковыхъ сѣмянъ появился червь, истребившій большую часть посѣва; уцѣлѣвшій затѣмъ хлопокъ далъ все таки удовлетворительный результатъ и совершенно дозрѣлъ. Но при началѣ сбора установилось столь продолжительное ненастье, что дозрѣлый хлопокъ пришлось оставить на корню, въ надеждѣ осушить его хотя впослѣдствіи, въ ясные осенніе дни. Это, однако, тоже не удалось, и въ октябрѣ внезапно наступили продолжительные холода, весьма ранніе для этой мѣстности. Хлопокъ былъ снятъ, осушенъ и очищенъ уже въ домахъ, причемъ оказалось, что волосъ его частію сгнилъ и весь пожелтѣлъ. Тоже почти случилось и съ посѣвомъ хлопка въ 1869 году.

Этотъ трехлѣтній опытъ разведенія хлопка, хотя и должно считать неблагопріятнымъ, но тѣмъ не менѣе, по отзыву старожиловъ этой мѣстности, китайцевъ, неблагопріятныя условія эти были случайными. Мѣстность долины р. Борохудзиръ носитъ общій характеръ съ мѣстностью всего западнаго Китая, гдѣ разведеніе хлопка издавна было обычнымъ занятіемъ населенія. Растеніе это, наравнѣ съ хлѣбомъ и огородными овощами, обезпечивало ихъ отъ нуждъ.

Доставляя исключительно матеріалъ для одежды, хлопокъ не составлялъ никогда предмета вывозной торговли, подобно чаю.

Способъ воздѣлыванія почвы для посѣва хлопка тотъ же, какъ и для посѣва хлѣба, т. е. земля предпочитается для этого глинисто-песчаная и не влажная, запашка производится нѣсколько позже пашень, назначаемыхъ для посѣва хлѣба въ Борохудзирѣ—(обыкновенно въ концѣ марта); вспаханную землю разбиваютъ на грядки. Китайцы предпочитаютъ дѣлать грядки небольшія, квадратныя, не болѣе одной сажени въ квадратѣ. Грядки обносятся вокругъ возвышенными земляными валиками, для сохраненія посѣва отъ сырости, просачивающейся изъ проведенныхъ между грядками арыковъ. Когда почва готова, грядки смачиваются водою изъ арыковъ и остаются залитыми до начала посѣва, примѣрно дня на три.

Въ это время верхній слой земли уже обсыхаетъ, и тогда, бороздя грядки пальцами, всыпаютъ въ эти бороздки сѣмяна хлопка, слегка прикрывая ихъ землею. Хлопокъ, высѣваемый китайцами, тотъ же, какой сѣется и въ Ташкентѣ. Спустя недѣли двѣ послѣ посѣва сѣмянъ, хлопокъ начинаетъ всходить весьма нѣжными стебельками; это время и есть самое критическое для посѣва хлопка; если появившіеся стебельки выдержатъ холода и не будутъ поточены въ эту пору червемъ, то можно надѣяться, что хлопокъ обезпеченъ до наступленія поры сбора хлопка, когда также нужны особенно благопріятныя атмосферныя условія.

Стебельки хлопчатобумажника весьма быстро разростаются въ кустарники, достигая высоты около двухъ футовъ. Поливка хлопка, за исключеніемъ случайно перепадающихъ дождей, производится только въ продолжительныя засухи изъ арыковъ, проведенныхъ чрезъ плантаціи. Дождливое лѣто и неумѣренная поливка вредятъ хлопку.

Въ началѣ августа на кустарникѣ хлопка начинаютъ появляться зародыши коробочекъ, постепенно разростающіеся; количество ихъ бываетъ весьма различно, смотря по урожаю. Разрастаясь постепенно, коробочки достигаютъ, наконецъ, величины грецкаго орѣха; скорлупа коробочекъ, по мѣрѣ дозрѣванія хлопка, твердѣетъ, переходя изъ зеленаго цвѣта въ бурый, и къ концу сентября—растрескивается. Изъ расщелинъ показываются бѣлыя волокна хлопка, весьма скоро, при урожаѣ, разростающіяся, такъ что, наконецъ, онъ свѣшивается на поверхность треснувшей коробочки. Время это и есть пора сбора хлопка.

Какъ сборъ хлопка, такъ и уходъ за нимъ во время роста, требуютъ значительнаго числа рабочихъ рукъ: при ростѣ хлопка необходимо во время выпалывать сорную траву, заглушающую хлопокъ, а при сборѣ—спѣшить снять дозрѣлыя коробочки, иначе осеннія непогоды испортятъ хлопокъ. Сборъ коробочекъ должно окончить до наступленія холодныхъ утренниковъ; иначе, какъ показали опыты 1868 и 1869 года, хлопокъ желтѣетъ и теряетъ свою цѣну.

Этимъ хлопотливымъ уходомъ за плантаціей и объясняется отчасти малое развитіе хлопчатобумажнаго производства въ западномъ Китаѣ. Въ восточной Азіи эта промышленность далеко не достигла тѣхъ размѣровъ, какъ напр. въ Америкѣ. Китайцы соразмѣряли свои хлопчатобумажныя плантаціи такъ, чтобы возможно было собрать хлопокъ одною семьей, и такъ какъ при этомъ производство хлопка было только какъ бы подспорьемъ хлѣбопашеству, то и не шло далѣе удовлетворенія насущныхъ потребностей въ одеждѣ. Конечно, это не есть еще главная причина слабаго развитія хлопчатобумажнаго производства и нѣтъ сомнѣнія, что при развитіи въ Китаѣ фабричной промышленности, а главное—при значи-

тельномъ спросѣ на хлопокъ, хотя бы и въ сыромъ, не переработанномъ видѣ, хлопчатобумажное производство имѣло бы болѣе обширные размѣры.

Собранныя коробочки хлопка очищаются отъ сѣмянъ съ помощью ручной чистилки, какъ и вездѣ въ Средней Азіи; по устройству эта ручная машинка весьма незатѣйлива, хотя и требуетъ, при работѣ ею, большаго досуга и китайскаго терпѣнія. Она состоитъ изъ двухъ горизонтальныхъ валиковъ, толщиною (въ діаметрѣ) около одного вершка, а длиною въ полъ-аршина. Валики укрѣплены концами въ двухъ вертикальныхъ стойкахъ, въ которыхъ и имѣютъ центральное вращеніе вокругъ своей оси. Къ валикамъ, съ наружной стороны стойки, придѣланъ ручной желѣзный приводъ, съ помощью котораго валики, прикасаясь одинъ къ другому, приходятъ въ вращательное движеніе вокругъ своихъ осей. Неочищенный хлопокъ накладывается между этими двумя валиками, которые, вращаясь, пропускаютъ только одно волокно, безъ семянъ и остатковъ коробочекъ, падающихъ при этомъ по обѣ стороны машинки.

Отдѣленныя волокна хлопка имѣютъ длину, на основаніи опытовъ, сдѣланныхъ при Борохудзирскомъ отрядѣ: ташкентскій—около 2-хъ вершковъ, американскій—4 вершка и болѣе; китайскій хлопокъ, повидимому сродный ташкентскому, имѣетъ нѣсколько меньшую длину и волосъ его нѣсколько грубѣе. Разность эту можно объяснить не однимъ только вліяніемъ климата, но также и несовершенными пріемами при уходѣ за хлопкомъ.

Приготовленіе хлопчатобумажныхъ нитокъ и тканье изъ нихъ матерій, весьма, впрочемъ, незатѣйливыхъ и грубыхъ, по преимуществу бязи (мата), производится способами, подобными первобытному способу производства холстовъ въ Россіи: тѣ же прялки и тѣ же ткацкіе станки, какіе встрѣчаются и у насъ, во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, при переработкѣ льна въ деревенскіе холсты.

Изъ всего, сказаннаго здѣсь, нельзя не заключить, что развитіе хлопчатобумажнаго производства въ долинѣ р. Борохудзиръ вполнѣ возможно, но только при условіи заселенія этой мѣстности трудолюбивымъ и осѣдлымъ населеніемъ. Такъ какъ долина р. Борохудзира имѣетъ всѣ типическія особенности западнаго Китая, составляя его незамѣтное продолженіе, да и хлопчатникъ на ней разводился до сего времени только китайскими эмигрантами, (въ числѣ 107 семействъ, поселившихся при отрядѣ), то было бы полезно колонизировать эту мѣстность преимущественно китайцами, какъ народомъ, вполнѣ способнымъ къ полевымъ занятіямъ.

О состояніи скотоводства въ Туркестанскомъ краѣ.

Средняя Азія, состоящая большею частію изъ ровныхъ, неизмѣримыхъ степей, представляетъ всѣ условія, благопріятствующія развитію скотоводства. Численность скота, которымъ владѣютъ туземцы, — огромна. Нѣкоторыя понятія объ этой численности можно составить, путешествуя по степи. Такъ напримѣръ, близь горъ Кара-тау, у рѣки Таласа, а также близь Сыръ-Дарьи нерѣдко можно видѣть съ вершины холмовъ на огромное разстояніе всю окрестную равнину. Весною вся эта степь, зеленѣющая свѣжею травою, усѣяна пасущимися животными, которыхъ можно насчитать десятки тысячъ головъ. Скотоводы, владѣющіе тысячами головъ скота, здѣсь вовсе не рѣдкость.

Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, собранныхъ коммиссіею ташкентской выставки, извѣстно, что въ Семирѣченской области имѣется всего до 3.948,606 головъ скота. Изъ нихъ наибольшее количество головъ приходится на Вѣрненскій уѣздъ, (1.151,295 головъ) затѣмъ на Сергіопольскій, Копальскій и Токмакскій уѣздъ; наименьшее—на Иссыкъ-Кульскій уѣздъ (489,154). Изъ собранныхъ статистическихъ свѣдѣній видно, что въ Семирѣченской области преимущественно развито овцеводство (3.101,654), коневодство (336,593) и разведеніе рогатаго скота 115,988).

Свѣдѣнія, полученныя комиссіей ташкентской выставки изъ Сыръ-Дарьинской области, менѣе полны, однако же и изъ нихъ можно извлечь нѣсколько любопытныхъ данныхъ; приблизительно можно опредѣлить число овецъ въ Сыръ-Дарьинской области до 6.000,000 головъ и число верблюдовъ—до 300,000 головъ. Стало быть числительность всего скота въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ можно приблизительно опредѣлить въ 10 милліоновъ головъ, изъ которыхъ болѣе $^{8}/_{10}$ составляютъ овцы.

Опредѣляя по вышеприведеннымъ даннымъ численность скота въ территоріи Туркестанскаго генералъ-губернаторства, должно имѣть въ виду, что цифры, служившія для этого опредѣленія, гораздо менѣе дѣйствительныхъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, на основаніи этихъ цифръ, поступаетъ въ казну сборъ зякета (пошлины) со скота; по этому, а также и по свойственной туземцамъ Азіи наклонности скрывать свои богатства, трудно добыть вѣрныя, несокращенныя цифры о числѣ головъ скота, которыя туземцу, по обширности пастбищныхъ мѣстъ, легко скрывать отъ лицъ русской администраціи.

О способахъ врачеванія у туземцевъ Туркестанскаго края.

При томъ жалкомъ положеніи, которое представляетъ народное образованіе у туземцевъ мусульманъ,—образованіе, основанное почти исключительно на изученіи корана, не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ медицинскомъ образованіи туземцевъ, занимающихся врачебною практикою. Обязанности сартовскихъ аптекарей обыкновенно бываютъ соединены съ обязанностями врача.

На какой низкой степени стоитъ способъ врачеванія у туземцевъ, видно изъ того, что туземные врачи опредѣляютъ внутреннія болѣзни лишь по разсказамъ больнаго и пользуютъ, обыкновенно, даже самыя тяжелыя болѣзни, такъ называемыми, симпатическими средствами. Средства эти состоятъ въ нашептываніи, ношеніи амулетовъ и бумажекъ съ написанными молитвами; эти амулеты большею частію больные носятъ на шеѣ или у болящаго мѣста, а иногда даже проглатываютъ ихъ. Такъ туземные врачи пользуютъ, напримѣръ, перемежающуюся лихорадку. Впрочемъ, подобный способъ леченія лихорадки, весьма обыкновенной въ краѣ, въ послѣднее время сталъ выводиться: туземцы ознакомились уже съ цѣлебными свойствами хинной корки.

Грудныя болѣзни туземцы пользуютъ грудными травами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда это средство не дѣйствительно, прибѣгаютъ къ кровопусканію. Въ послѣднее время вошло въ употребленіе, какъ наружное средство, шпанская мушка, пріобрѣтаемая туземными врачами отъ нашихъ купцовъ, не смотря на большое обиліе этого полезнаго насѣкомаго въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Сладострастные мусульмане, чувствуя ослабленіе организма отъ многоженства, и вообще отъ порочной жизни, принимаютъ мушку внутрь, какъ раздражающее средство. Оно замѣнило употребляемый ими прежде корень *парпи*, который китайцы продавали по баснословно высокой цѣнѣ.

Сифилисъ туземцы лечатъ преимущественно ртутью, пріемъ которой назначаютъ различно, развѣшивая на такія дозы, которыя трудно съ точностью перевести на нашъ медицинскій вѣсъ. Разновѣсомъ служатъ у нихъ въ этомъ случаѣ частицы свинцу, въ количествѣ ста и болѣе изъ одного золотника.

Для возбужденія пищеваренія и отъ боли въ желудкѣ, составляющей у туземцевъ весьма обыкновенную болѣзнь, употребляются, какъ и у насъ, ароматные корни. Кромѣ того, приготовляется въ Бухарѣ кашка изъ разныхъ ароматическихъ веществъ, съ примѣсью меду. Это послѣднее средство пользуется у туземцевъ особеннымъ уваженіемъ.

При леченіи язвъ, у туземцевъ играютъ важную роль ртутные препараты, получаемые изъ Россіи, и киноварь, вывозимая изъ Бухары.

Противъ чесотки, туземцы употребляютъ преимущественно сѣрныя мази, и, какъ слабительное,—мѣстный ревень, александрійскій листъ и тамариндъ, лекарственныя вещества, получаемыя изъ Индіи.

Туземные врачи-аптекари приготовляютъ сами сѣрную и азотную кислоты, но способъ приготовленія этого продукта крайне небреженъ, вслѣдствіе чего получаются препараты нечистые и совершенно непригодные для внутренняго употребленія.

Хирургическіе инструменты у туземцевъ преимущественно русскіе, и я нашелъ полный фельдшерскій наборъ, который туземный врачъ употреблялъ для кровопусканія.

Туземцы знакомы также съ способомъ перегонки изъ куба съ колпакомъ. Такимъ способомъ они приготовляютъ разныя эфирныя масла, какъ то: изъ аниса, укропа и проч., а также, какъ объяснилъ мнѣ одинъ сартъ, приготовляется сухою перегонкою масло изъ чернильныхъ орѣшковъ, употребляемое для окраски волосъ въ черный цвѣтъ.

Само собою разумѣется, что при описанныхъ способахъ леченія, фармацевтическихъ препаратовъ не можетъ быть у сартовъ. Все искуство приготовленія лекарствъ заключается въ простомъ смѣшиваніи разныхъ, несложныхъ лекарственныхъ веществъ.

Эксплуатація земной поверхности въ Киргизской степи.

На картѣ области сибирскихъ киргизъ показано довольно много рѣчекъ, которыхъ въ натурѣ иногда и не отыскать, потому что онѣ во время лѣтнихъ жаровъ совершенно высыхаютъ, появляясь въ своихъ руслахъ только раннею весною, послѣ таянія снѣговъ. Это относится не ко всей степи, но къ большей части оной, гдѣ лѣсовъ вовсе нѣтъ, а степь голая, бѣдная даже травяною растительностью, безводная на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ. Въ гористыхъ мѣстахъ, кое гдѣ вытекаютъ ручейки, но тотчасъ же уменьшаются мало по малу, а далѣе и совсѣмъ пропадаютъ безслѣдно въ пескахъ. Почва ничѣмъ не вознаграждается, потому что экскременты животныхъ тщательно собираются людьми, обращаются въ кизякъ и служатъ топливомъ. Кипецъ, низенькая, кустикообразная травка, зеленѣетъ только въ началѣ мая, а къ концу его уже желтѣетъ и сохнетъ. Дожди, сравнительно съ другими мѣстностями, питаютъ степь очень мало, по причинѣ постоянно дующихъ съ юга на сѣверъ вѣтровъ, довольно сильныхъ, которые, ничѣмъ не удерживаемые, уносятъ дождевыя тучи въ за-иртышскую сторону, къ лѣсамъ, и воду отдаютъ тамъ, гдѣ и безъ того глубокіе снѣга и сѣверный климатъ съ избыткомъ насыщаютъ землю влагою. Въ зимнее время снѣга уносятся тѣми же вѣтрами. Послѣ случайныхъ дождей, поверхность песчаной земли въ степи, худо покрытой растительностью, быстро высыхаетъ отъ жгучихъ лучей солнца. Кипецъ, разъ истребленный пасущимися стадами, прошедшими по нимъ грядой, худо возобновляется до новой весны. Стада, потравивъ одну мѣстность, переходятъ дальше, подвигаясь преимущественно отъ Иртыша, съ сѣвера на югъ, и отъ зимовокъ въ теченіи лѣта уходятъ верстъ за 300, возвращаясь осенью назадъ, къ зимовкамъ. Вотъ физическія условія, поддерживающія въ степи кочевой бытъ народонаселенія. Здѣсь скотъ есть вожатый человѣка, хотя человѣкъ и ходитъ за нимъ ради собственной пользы. И если нельзя измѣнить физи-

ческихъ условій этого края, то и народонаселеніе не можетъ выдти изъ положенія номадовъ. Земледѣліе, этотъ первый шагъ къ цивилизаціи, здѣсь весьма скудно, въ самомъ маломъ количествѣ, кое гдѣ, около горъ, только гдѣ есть возможность имѣть орошеніе пашни арыками. *) Оно такъ ничтожно по количеству, что не прикрѣпляетъ ни одного киргиза къ землѣ, не дѣлаетъ его осѣдлымъ; киргизъ около своей зимовки (если она въ предгоріяхъ и есть арыкъ) засѣялъ капъ зеренъ, а потомъ все таки долженъ былъ кочевать за ауломъ, чтобы не остаться одинокимъ, на жертву барантачамъ. При возвращеніи къ зимовкамъ осенью, каждый аулъ на свою территорію, хотя не строго очерченную, но довольно правильно соблюдаемую изъ рода въ родъ, желаетъ найти, чтобы кипецъ нѣсколько оживился отъ осеннихъ дождей—и вотъ единственная надежда обитателя степи на зимнюю прокормку скота, составляющую для человѣка все: его насущную потребность, его богатство и радость, его мечты и поэзію. Но горе несчастному, когда онъ находитъ всю землю свою опаленною пожаромъ, случившимися отъ неосторожнаго гуртовщика, прогоняющаго скотъ и оставившаго огонь своего ночлега! При постоянныхъ вѣтрахъ, по высохшему кипцу огонь сильно бѣжитъ на большое пространство.

Но это еще несчастіе частное, достающееся на долю немногихъ. Есть бѣдствіе общее, поголовное для всей степи—это гололедь, покрывающая всю степь, отъ осеннихъ дождей, захваченныхъ морозами, когда снѣгъ не успѣетъ ранѣе одѣть землю и она покроется толстою ледяною корою. Тогда копыто скота не можетъ пробить этой коры, чтобы добыть себѣ корма. Для кочевника это несчастіе неотразимое! Тогда скотъ отъ голода и стужи валится поголовно, и эксплуатація земной поверхности для кочевника становится тогда почти невозможною.

Есть слѣды бывшей когда-то лѣсной растительности въ Киргизской степи: часть сосноваго лѣса видна въ Каркаралахъ, у Кокчетовъ, по берегу Иртыша, противъ выселковъ: Бѣлокаменнаго, Долонскаго и Известковаго, и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. По всему замѣтно, что лѣсная растительность постепенно истребляется, и вѣроятно, главнѣйшею причиною этому истребленію послужили вначалѣ напольные пожары. Но, что степь никогда не была богата растительностью, это не подлежитъ сомнѣнію. Она большею частію песчана, камениста, а въ низменностяхъ—солончаковата. Это вовсе не черноземная, малороссійская степь; номадамъ

*) Разумѣется это не относится до Алматинской и Лепсинской долинъ, ничтожныхъ по пространству, въ сравненіи съ общею площадью Киргизской степи отъ Алатау до Иртыша.

ее уже не культировать. Лѣса не возникаютъ на ней, изсушаемой вѣтрами и солнцемъ, не имѣющей мягкаго грунта, и близко то время, что ни одной лѣсинки не останется въ этой степи. При такихъ грунтахъ, вообще, какъ только станутъ лѣса истребляться, они не возникаютъ снова, безъ особенной искуственной поддержки. Но объ этомъ у насъ и осѣдлые русскіе люди мало заботятся; отъ киргизъ же и подавно нельзя ждать какой либо сознательной культуры земной поверхности. Вода начинаетъ умаляться, пропадая въ пескахъ. При такихъ условіяхъ, не только лѣсная, но вообще и травяная растительность измѣняется къ худшему. Часть степи, называемая *Бекъ-пакъ-дала*, есть образецъ перспективы будущаго для всей степи. Такъ называемое, чернотравье, т. е. обыкновенная черноземная флора среднихъ полосъ Россіи, бѣднѣетъ, многіе виды ея пропадаютъ. На мѣсто ихъ появляются другія, менѣе сочныя растенія, и начинаетъ, наконецъ, преобладать, самое терпѣливое изъ нихъ, кипецъ. Нѣкоторые виды растеній не уничтожаются, но измѣняются къ худшему. Есть мѣстности, въ которыхъ на небольшомъ пространствѣ можно прослѣдить эти измѣненія и замѣненія. Напримѣръ, подъ сѣверными скатами горъ, гдѣ влажность долѣе удерживается и земля еще довольно тучна, встрѣчается растеніе изъ семейства сложноцвѣтныхъ, называемое *чернобыльникъ*. Далѣе отъ горъ, по мѣрѣ того, какъ земля дѣлается суше и песчанѣе, это растеніе переходитъ въ односемейное съ нимъ, *полынь*; на болѣе же сухихъ и каменистыхъ мѣстахъ эта полынь еще мельчаетъ и переходитъ въ извѣстную въ степи подъ названіемъ: *каменную полынку*, похожую на дарфувскую полынь, растущую въ центральной Африкѣ. Тутъ же, преимущественно около камней, встрѣчается и родственный имъ полукустарникъ, извѣстный подъ именемъ *божьяго дерева*. Какое очевидное вліяніе кремнеземистой почвы на растенія, а въ особенности присутствія или недостатка воды!

И такъ, вода намъ нужна на поверхности земли, вода чистая, проточная, орошающая, освѣжающая. Это аксіома, и повторять ее, кажется, не зачѣмъ. Но между тѣмъ все таки съ этого приходится начинать, говоря объ уменьшеніи растительности въ степи, на той самой степи, на которой мы такъ апатично живемъ и такъ упорно бѣднѣемъ, не умѣя разумно эксплуатировать земную поверхность! Конечно, необходимость воды на землѣ для органическаго міра понимаетъ всякій; но, чтобы осязательно научиться оцѣнивать значеніе воды на землѣ, нужно пожить въ безводной степи.

Тамъ невольно приходитъ иногда на мысль вопросъ: неужели, въ самомъ дѣлѣ, вовсе нѣтъ воды въ большей части степи? Или только она поглощается песками, скрываясь ниже поверхности земли? Можно ли ис-

кусственно оживить природу этой пустыни, и т. п. Я смѣю полагать, что хотя далеко неполные отвѣты на подобные вопросы, были бы весьма небезъинтересны для края, въ экономическомъ отношеніи.

II.

Бокль и другіе новѣйшіе историки неопровержимо доказали зависимость начальнаго развитія народовъ отъ физико-географическихъ условій обитаемой ими мѣстности. Но, чѣмъ далѣе въ дѣлѣ цивилизаціи идетъ народъ, тѣмъ болѣе сглаживается безсознательное вліяніе на него природы, и мало по малу, пытливый умъ человѣка начинаетъ подчинять себѣ тѣ самыя явленія природы, къ которымъ онъ прежде относился пассивно. То, что прежде только возбуждало воображеніе человѣка, впослѣдствіи, долгимъ путемъ времени, наблюденія и опыта, приводило его къ утилитарнымъ выводамъ разсудка; явленія, которыя сначала запугивали младенческій умъ человѣка, впослѣдствіи были имъ сознательно эксплуатируемы. Но—я опять повторю, что условія измѣненія къ лучшему, вообще къ прогрессу, въ жизни народовъ неодинаково слагались на разныхъ пунктахъ земли. И едва ли будетъ ошибочно сказать, что мѣстности, имѣющія по преимуществу монотонный характеръ, каковы степи, менѣе другихъ представляли матеріаловъ къ ускоренію развитія народовъ. Первобытная жизнь номадовъ до сихъ поръ преимущественно удержалась только на степяхъ.

Помимо условій природы страны, медленно, но постоянно вліяющихъ на образъ жизни ея обитателей, есть условія временныя, приходящія извнѣ, зависящія отъ международныхъ столкновеній; эти причины гораздо сильнѣе дѣйствуютъ или на благо, или на гибель народовъ, и во всякомъ случаѣ могутъ радикально измѣнять ихъ бытъ.

Должно надѣяться, что покореніе края русскими будетъ имѣть цивилизующее послѣдствіе для степи. Во первыхъ, учреждаемые вновь города, въ экономическомъ отношеніи для края, должны заключать въ себѣ тѣ начала цивилизаціи, которыя изъ нихъ могутъ проливать свѣтъ внутрь окрестности. Хотя и вообще назначеніе городовъ таково, но здѣсь они должны имѣть свой характеристическій оттѣнокъ. Города, какъ торговые пункты, даже и въ давно осѣдлой и земледѣльческой Россіи, даютъ тонъ промышленности; здѣсь, въ степи, въ странѣ номадовъ, города—тоже торговые пункты; но они прежде всего должны давать тонъ земледѣлію, потому что его еще нѣтъ, *) и потому что земледѣліе есть главный и на-

*) Разумѣется, я говорю не о Лепсинской и Алматинской украйнахъ, а вообще о степи.

чальный источникъ благосостоянія каждой страны. Они должны окружить себя земледѣльческими оазисами, какъ разсадниками хлѣбопашества, образцами для кочевниковъ, и для этого—занимать колоніями хлѣбопашцевъ всѣ тѣ пункты, которые для того окажутся пригодными.

Затѣмъ, извѣстныя уже, замѣчательныя минеральныя богатства степи скорѣе всего будутъ поводомъ для колонизаціи края. Развитіе горнаго промысла русскими поведетъ къ организаціи осѣдлыхъ разселеній, вблизи которыхъ охотно и выгодно пріютились бы земледѣльческіе пункты.

Само собою понятно, что эти экономическія потребности края не парализируютъ цѣли обрусѣнія его. Съ этой точки зрѣнія, срединное положеніе Балхаша чрезвычайно благодѣтельно и важно, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ,—но объ этомъ послѣ. Оговоримся только мимоходомъ, что разсуждая о поверхности земли въ экономическомъ ея значеніи, нельзя не коснуться многаго, что дѣлается, и что можно и должно дѣлать на землѣ. Кстати оговоримся уже и въ томъ, что вовсе не имѣя претензіи на систематичность этого очерка, и возбуждая только экономическіе вопросы новаго края, мы, по крайнему разумѣнію нашему, думаемъ принести этимъ нѣкоторую пользу. Надобно признаться, что рубрику нашей статьѣ мы дали нарочно такую, подъ которую могли бы уложиться многосторонніе экономическіе вопросы края.

Но начнемъ ab ovo: для культуры земли мало одной потребности,—нужна возможность. А для безводной степи, какъ уже мы выше говорили, нужно прежде всего пріобрѣсти воду. Вообще для раціональной эксплуатаціи поверхности земли требуются и еще нѣкоторыя условія, конечно, нисколько не тормозящія дѣла.

Между прочимъ, нелишне упомянуть, что взглядъ на экономическое развитіе этого края со стороны самихъ цивилизаторовъ не одинаковъ. Нѣкоторыя, довольно солидныя личности изъ административнаго міра высказывались противъ всякихъ нововведеній въ степи въ экономическомъ отношеніи, утверждая, что культура земли здѣсь была бы безвыгоднымъ замѣненіемъ коннаго завода амбаромъ. Но такое односложное рѣшеніе многосложнаго вопроса можно привести только какъ замѣтку, пущенную вскользь.

Объѣхавъ и прослѣдивъ значительную часть степи, въ теченіи многихъ лѣтъ и въ разное время года, какъ это приходилось мнѣ, можно было, задавшись опредѣленною цѣлью, довольно наблюсти, собрать довольно фактовъ для экономическихъ выводовъ и заключеній о поверхности степной земли. При этомъ распросы бывалыхъ людей, направленные съ тою же цѣлью, много обогощали коллекцію свѣдѣній о степи.

Нѣкоторыя явленія напоминали мнѣ при этомъ, что и въ старо населенной Европѣ есть примѣры того, какъ долго люди нуждались въ водѣ и наконецъ находили ее у себя дома. Не далѣе, какъ въ настоящемъ столѣтіи, извѣстный французскій геологъ Викторъ Фурне снабдилъ Ліонъ водою, доказавъ существованіе подземной Роны.

Когда, по повелѣнію вице-короля Магометъ-Али, въ нижнемъ Египтѣ, при дельтѣ Нила, было посажено 20 милліоновъ деревьевъ, поддерживаемыхъ ирригаціей, то число дождливыхъ дней въ году увеличилось до 40, тогда какъ до того времени ихъ было въ году не болѣе 5 дней.

Примѣры такихъ же благоразумныхъ распоряженій у насъ есть и поближе: когда въ Семипалатинскѣ рыли колодезь, для поливки деревьевъ, насаженныхъ по распоряженію губернатора, генерала К., на главной улицѣ, то оказалось, что дно колодца было далеко выше уровня Иртыша.

Возмемъ еще нѣсколько примѣровъ подземныхъ подсосовъ воды, скрывающихся подъ поверхностью земли въ степи, но болѣе или менѣе извѣстныхъ или по признакамъ, или по испытаніямъ:

Противъ выселка Долони впадаетъ въ Иртышъ рѣчка Чаганъ (зовутъ ее также Долонкой). Она очень бурно течетъ весною, но въ жары, какъ и всѣ степныя рѣчки, изсякаетъ, скрываясь въ пескахъ, и только мѣстами по руслу ея, въ болѣе глубокихъ ямахъ, образуемыхъ весеннимъ потокомъ, остаются лужи воды. Вода эта все таки не портится въ теченіи лѣта: подземное теченіе въ пескахъ не прекращается. Вершины рѣчки вытекаютъ изъ плоскихъ возвышенностей Чингизъ-тау, по коимъ проходитъ кочевая дорога съ историческимъ именемъ: *чингизъ-ханнынъ-джолъ*. Протяженіе рѣчки верстъ двѣсти; справа въ нее впадаетъ р. Ащи-су. Въ одномъ мѣстѣ въ крутой берегъ этой рѣчки выходитъ гротъ, издалека замѣтный въ зимнее время по пару, выходящему изъ него. Войдя въ гротъ, можно увидѣть цѣлое подземное озеро, заваленное лѣсомъ, карякникомъ—остаткомъ древней растительности. Проникнуть въ озеро далеко, особенно зимою, невозможно отъ сильнаго скопленія тамъ углекислаго газа: человѣкъ задыхается, факелы тухнутъ.

Я беру для примѣровъ преимущественно плоскія части степи, въ лѣтнее время уже не имѣющія водопротоковъ на поверхности, и желаю доказать, что и въ настоящее время въ степи почти повсюду есть вода, близко подъ поверхностью; но, безъ участія человѣка, вода постоянно уменьшается на поверхности, а прежде ее было больше и растительность въ степи была гораздо обильнѣе.

Гористыя мѣстности, каковы напр. кряжи закаркаралинскіе—другое дѣло; то уже сторона, сравнительно богатая водою и донынѣ

Близъ горы Кокони, верстахъ въ 70-ти отъ Семипалатинска, и верстахъ въ 35-ти отъ Аркарлыкскаго пикета, есть, или правильнѣе—было озеро Балыкты-куль. Самое названіе показываетъ, что это озеро было рыбное, слѣдовательно прѣсноводное. Наконецъ, еще издали глазъ можетъ различить озера соленыя отъ прѣсноводныхъ. Около первыхъ растительности нѣтъ, а послѣднія съ береговъ заросли, болѣе или менѣе, камышами. Озеро Балыкты-куль окружено по берегамъ безчисленными кудуками. Кудукъ—колодецъ; но онъ не стоитъ этого названія, потому что это—яма неправильной формы, глубиною около 3-хъ аршинъ, вырываемая кочевниками для водопоя табуновъ при кочевьяхъ. Тина и камыши постепенно высыхающихъ озеръ дѣлаетъ ихъ недоступными, и вотъ почему, чтобы напоить скотъ у озера, нужно рыть кудуки по близости его. Лѣтъ 30 назадъ тому, г. Л. былъ на этомъ озерѣ, и чтобы напоить скотъ, началъ расчищать одинъ изъ колодцевъ, близь могилы Кара-катъ (черная смородина—названіе, теперь уже не оправдывающее себя, потому что всякая растительность тутъ исчезла). При рытьѣ земли вдругъ брызнула струя подземной, текучей воды, и даже выбросила живую рыбку-чебака. По разсказамъ стариковъ, въ озерѣ водились: щука, язь, карась, и чебакъ. Теперь уже нѣтъ рыбы, а отъ озера видны только слѣды. Дорога рыбовозная по направленію отъ озера къ Иртышу, на Семипалатинскъ въ 1841 году уже была заросшею, а теперь она едва замѣтна. Этотъ фактъ уменьшенія воды въ степи—рельефный.

Но что въ степи вода подъ поверхностью земли есть еще и теперь, и не стоячая, а даже способная быть проточною, тоже есть факты:

Отъ Аркадскаго пикета на востокъ, верстахъ въ 50-ти, а отъ выше описаннаго озера примѣрно верстъ за 100, есть и нынѣ дѣйствительное озеро, также называемое Балыкты-куль, обильное рыбою. Но замѣчательно: старики увѣряютъ, что это озеро появилось недавно, лѣтъ сто, и появилось вдругъ, въ имѣющейся уже котловинѣ; просто, весною снѣга растаяли, по обыкновенію, въ этой котловинѣ, и вода осталась навсегда, а въ послѣдствіи появилась и рыба. Назадъ тому лѣтъ 30, г-ну Л. разсказывалъ объ этомъ старикъ, очевидецъ возникновенія озера. Въ озеро впадаетъ единственная рѣчка Джирма, изъ горъ Кокпекты.

Производя геогностическія изслѣдованія при-иртышской полосы земли, на протяженіи отъ выселка Долонскаго до выселка Подпускнаго, по лѣвой сторонѣ Иртыша, всего по длинѣ около 150 верстъ, а шириною до 30 верстъ, я убѣдился, что почва этой мѣстности каменноугольная, а верхній пластъ земли состоитъ изъ аллювіальныхъ наносовъ. Мѣстность ровная, совершенно безводная, но подъ самыми наносами, на глубинѣ 3—4 аршинъ, повсюду находилась вода, въ такомъ изобиліи, что

при углубленіи дальше, т. е. до ложа наноснаго пласта, вода сильно затопляла работы, и только обсадными крѣпями, вертикально кругомъ шурфа забиваемыми разомъ, можно было оградиться отъ прилива воды, для продолженія работъ, и то при безостановочномъ откачиваніи ея въ два насоса.

Берегъ Иртыша возвышается надъ уровнемъ рѣки саженъ на пять. Грунтовая вода во многихъ мѣстахъ выжимается изъ берега маленькими источниками. Между тѣмъ, заложивъ буровую скважину надъ берегомъ, по близости новаго завода Иртышско-Дегеленской компаніи, при уровнѣ рѣки и отъ воды всего въ 2-хъ саженяхъ къ берегу, во флецовыхъ каменноугольныхъ глинахъ, я углубился на 9 саженъ ниже уровня Иртыша и вода не проникала въ эту буровую скважину.

На Чандакѣ — каменноугольной копи той же компаніи, верстахъ въ 35-ти отъ р. Иртыша, довольствуются водою изъ колодцевъ, глубиною до 4 аршинъ, а въ шахтахъ и ортахъ, гдѣ добывается каменный уголь на 12-ти саж. глубины, вода работамъ мѣшаетъ очень мало. Множество подобныхъ вышеизложеннымъ испытаній, примѣровъ и другихъ доказательствъ убѣждаютъ въ томъ, что вода въ степи есть почти повсюду, такъ называемая грунтовая, находящаяся подъ аллювіальными наносами, на глубинѣ отъ 2 до 4 аршинъ отъ поверхности земли.

III.

Много есть способовъ извлеченія воды изъ нѣдръ земли на земную поверхность. Но, по цѣли извлеченія, всѣ эти способы можно раздѣлить на двѣ категоріи: или надобно вызвать воду изъ земли, для того, чтобы ее не было подъ землей, или—для того, чтобы она была непремѣнно на поверхности земли. Первая цѣль служитъ для рудничныхъ работъ, дренажа и т. п., вторая—для культуры земли. Могутъ быть случаи, гдѣ обѣ эти цѣли являются солидарными, или, по крайней мѣрѣ, не мѣшаютъ одна другой. Напримѣръ: есть въ степи каменноугольныя копи, гдѣ необходимо выкачивать воду изъ ортъ, для удобства работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта же самая вода, извлеченная на поверхность земли, могла бы служить къ оживленію растительности на ней. Но къ сожалѣнію, на рудникахъ въ степи до сихъ поръ еще смотрѣли на воду только съ одной стороны, т. е. какъ затопляющую работы; а что она на поверхности могла тутъ же принести пользу, на это не обращаютъ вниманія, хотя для этой послѣдней цѣли, она и достается даромъ.

Выгодность поднятія воды на поверхность кромѣ того, зависитъ отъ геогностическаго положенія ея въ нѣдрахъ земли. Въ этомъ отношеніи подземная вода въ степи, находясь не глубоко подъ поверхностью, какъ

видно изъ приведенныхъ мною описаній въ началѣ этой статьи, находится въ довольно выгодномъ положеніи во многихъ мѣстностяхъ. Вообще для ирригаціи степи не нужно большихъ водоподъемовъ или артезіанскихъ колодцевъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ. Чрезвычайно много пространства и такого, на которомъ для оживленія растительности, легко достать воду.

Въ послѣднее время, съ развитіемъ земства, въ Россіи стали смотрѣть ближе и серіознѣе на экономическія потребности, и есть примѣры, что не жалѣютъ весьма солидныхъ затратъ на ирригацію тамъ, гдѣ она нужна. Напримѣръ, въ Ставропольской губерніи, кажется по инціативѣ губернатора г. Властова, начались работы орошенія степныхъ земель на мѣстностяхъ съ такими условіями, гдѣ не дешево можно вызвать воду на поверхность земли. Тамъ выписали буровые инструменты изъ Англіи для этой цѣли.

Чрезвычайно пріятно слышать, что въ Сыръ-Дарьинской области Туркестанскаго края, несмотря на недавнее водвореніе здѣсь русской власти, обращено уже вниманіе на потребность ирригаціи степныхъ земель.

Снѣговъ въ степи выпадаетъ чрезвычайно много въ теченіи зимняго времени; но, какъ и выше было объяснено, они уносятся въ за-иртышскую сторону вѣтрами. Вѣтры тамъ такъ постоянны, что изъ 100 дней сряду я насчитывалъ 80 дней вѣтряныхъ, а изъ этихъ 80-ти, 70 дней вѣтры были направлены съ юга на сѣверъ, т. е. на Иртышъ. Остальные 10 дней вѣтры имѣли различное направленіе и большею частію были не сильные. При такихъ условіяхъ, казалось, можно было бы предположить, что снѣговъ вовсе не останется въ степи, или по крайней мѣрѣ сохранятся они только въ ложбинахъ. Но однако снѣга бывали иногда глубиною до 8-ми вершковъ, чему причиною то, что иногда снѣгъ падаетъ въ сырую погоду, а потомъ вдругъ подмерзнетъ и такимъ образомъ снѣгъ прикрѣпляется къ землѣ или къ предъидущему слою снѣга, укрѣпившемуся раньше. За норму толщины выпадающаго въ степяхъ снѣга, при обыкновенныхъ условіяхъ сдуванія его вѣтрами, можно принять 3—4 вершка. Между тѣмъ въ тоже время за Иртышемъ, разумѣется не на берегу его, а далѣе, за опушками лѣса, снѣгъ выпадаетъ и наноситъ его толщиною до 3 аршинъ и болѣе. Понятно, что большая часть этихъ снѣговъ отнята отъ степи. Зато тамъ и земля долго удерживаетъ влажность, почва образовалась болѣе черноземная, и растительность совсѣмъ другая, а вслѣдствіе того и лѣтніе дожди, уносимые такимъ же вѣтромъ изъ степи, на сѣверъ, влагою и растительностью притягиваются здѣсь.

Мало того, что степные вѣтры уносятъ въ за-иртышскую сторону снѣга и дожди; они въ сухое, лѣтнее время уносятъ всякую пыль съ земли и

тѣмъ еще болѣе лишаютъ степную поверхность составныхъ частей, нужныхъ для растительности почвы.

Эта мобилизація частицъ земли, хотя бы онѣ и не уносились далеко, уже вредна для развитія растительности потому, что сѣмяна растительныя не успѣваютъ пустить корней надлежащимъ образомъ. Однимъ словомъ, эти постоянные вѣтры, южные и сильные, есть коренной врагъ степи, причина, губящая растительность ея.

Хотя поворотить вѣтры, или остановить, или уменьшить ихъ—не въ средствахъ человѣка, однако знать причину зла есть уже первый шагъ къ искорененію его.

Уяснивъ себѣ эти физическія условія степи, препятствующія растительности и культурѣ вообще, мы попробуемъ сообразить: нельзя ли эксплуатировать ихъ хотя бы отчасти для нашей цѣли и изыскать способъ привлеченія и сохраненія влажности, для эксплуатаціи земли. По внимательномъ изслѣдованіи и нѣкоторомъ знаніи, это оказывается нѣсколько возможнымъ и указываетъ на три способа, болѣе дешевые и легко исполнимые.

1) Надобно стараться удерживать снѣга большими толщами если нельзя повсюду, то во многихъ мѣстахъ, частями. Для этого ставить высокіе щиты изъ камышей, цѣлыми изгородями, въ направленіи, перпендикулярномъ къ вѣтрамъ и параллельномъ къ Иртышу. Не только предъ ними будетъ надувать снѣгъ громадными толщами, но и задувать за нихъ, также большими валами, потому что нижній слой вѣтра, встрѣчая преграду, всегда описываетъ волнообразную линію, напр. черезъ щитъ, и за нимъ будетъ оставаться угловое пространство, нейтральное отъ общаго движенія вѣтра, въ которомъ образуется легкое вращательное движеніе воздуха, приметающее къ защитѣ снѣгъ съ противуположной стороны. Это явленіе такъ обыкновенно, что мы его видимъ у всякаго забора, у всякой преграды вѣтру. Сильные вѣтры наметаютъ такъ даже и песокъ, что всего больше встрѣчается въ самомъ городѣ Семипалатинскѣ, стоящемъ на противоположной постояннымъ вѣтрамъ сторонѣ Иртыша и вполнѣ открытой дѣйствію вѣтра.

За Семипалатинскимъ сосновымъ боромъ есть мѣстность, называемая Бель-агачъ, съ замѣчательно плодородною почвою, но безъ воды, безъ рѣчекъ и безъ озеръ на большомъ пространствѣ; къ тому же вода подземная находится тамъ глубоко, такъ что въ колодцахъ, глубиною въ 10 и болѣе саженъ, она не всегда оказывается. Но только потому, что уже эта мѣстность находится за опушкою лѣса, со стороны вѣтра, и что здѣсь дожди уже сильнѣе притягиваются изъ тучъ къ землѣ, хлѣбопашество идетъ довольно успѣшно. Такъ какъ дожди все таки здѣсь случайность,

и иногда въ продолженіи долгаго времени ихъ не бываетъ лѣтомъ, то засуха губитъ урожай. Вотъ, на случай такихъ-то невзгодъ, хлѣбопашцы-крестьяне запасаютъ посредствомъ щитовъ громадные сугробы снѣга къ лѣту, которые, медленно растаивая, на долго увлаживаютъ почву.

Во многихъ низменныхъ мѣстахъ, балкахъ и руслахъ тѣхъ степныхъ рѣчекъ, которыя быстро отъигрываютъ весною и въ половинѣ лѣта уже не оставляютъ слѣда воды, приспособленіе не только щитовъ, но и цѣлыхъ земляныхъ запрудъ для образованія постоянныхъ водопоевъ, въ коихъ вода удерживались бы болѣе долгое время, особенно выгодно и желательно. Первое образованіе оазисовъ растительности скорѣе всего можетъ возникнуть около такихъ водоемовъ. Лѣсныя посадки тутъ необходимы для огражденія водоемовъ отъ солнечныхъ лучей и онѣ легче всего здѣсь примутся. А чѣмъ больше появится лѣсовъ, тѣмъ больше шансовъ на привлеченіе дождей изъ тучъ.

2) Орошеніе арыками, получающими воду отъ вышеописанныхъ щитовыхъ сугробовъ и отъ водоемовъ, и, въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ ключей въ предгоріяхъ, какъ напр. отъ кряжа Дегелень и другихъ. Описывать арыки было бы излишне. Нужно только замѣтить, что возможность орошенія арыками требуетъ, чтобы щиты располагались на господствующихъ, возвышенныхъ мѣстностяхъ. Смотря по мѣстности, щиты и сугробы, кромѣ того, съ пользою могутъ быть расположены даже на сѣверной сторонѣ такихъ солончаковатыхъ котловинъ и низменностей, изъ коихъ протока быть не можетъ и мѣстная почва не производительна. Это будутъ уже особаго рода водоемы, не непосредственно орошающіе, а только испаряющіеся и увлажняющіе сухой воздухъ степи, что имѣетъ свою пользу для той же культурной цѣли.

Вовсе не было бы неумѣстнымъ, если бы и на большомъ пространствѣ, перпендикулярно вѣтрамъ, вырывались рвы, изъ коихъ вынутая земля складывалась бы валами. Эти валы и рвы представлялись бы для задерживанія снѣговъ, какъ постоянныя преграды, разъ на всегда сдѣланныя, не требующія ремонта, какъ щиты камышевые. Глубина рвовъ и вышина валовъ достаточна по 3 аршина выше и ниже поверхности. Обсадка ихъ кустарникомъ также дѣло сподручное, такъ какъ карагайникъ можно найдти всюду. Работа земляная такъ проста, что она не затруднитъ никого. Количество ея, зависящее отъ протяженія валовъ, можетъ быть огромно, но и польза соразмѣрна этому протяженію. Кромѣ того, онѣ представляютъ препятствіе, не только распространенію напольныхъ пожаровъ, но даже и барантамъ эти рубежи тоже будутъ препятствіемъ. Сто тысячъ рукъ жителей степи безъ обремененія могутъ въ

одно лѣто провести двѣсти тысячъ саженъ или четыреста верстъ протяженія рвовъ съ валами.

3) Когда обнаженія береговъ рѣкъ песчаны, на откосахъ ихъ никогда не можетъ привиться растительность, потому что при малѣйшемъ противуположномъ вѣтрѣ начинаетъ сдувать песокъ и закидывать его на гору. Чрезвычайно наглядный примѣръ этого явленія имѣется на берегу Иртыша, между г. Семипалатинскомъ и Старо-Семипалатинскою станицею, гдѣ въ теченіи столѣтій накидало гору такого песку. Всякій проѣзжающій вѣроятно замѣчалъ, какъ даже зимою на снѣгъ въ этомъ мѣстѣ изъ подъ берега закидываетъ песокъ. Тамъ, гдѣ каждый клочекъ земли дорогъ, по той простой причинѣ, что нѣтъ лишнихъ клочковъ земли, какъ напримѣръ въ Германіи,—тамъ не даютъ такъ шутить вѣтру съ поверхностью земли. Тамъ тотъ же самый вѣтеръ, который обрываетъ песчаные берега, фермеры эксплуатируютъ въ свою пользу, и вотъ какимъ образомъ:

Строятъ легкую вѣтряную мельницу—просто крылья изъ парусины и валикъ на двухъ столбикахъ. Къ валику мельницы приспособленъ насосъ, пропущенный въ воду, а передача сдѣлана посредствомъ небольшаго мотыля. Лѣтъ пять тому назадъ былъ помѣщенъ подобнаго устройства чертежъ въ одномъ нѣмецкомъ техническомъ журналѣ. Понятно, что вѣтеръ тогда только сдуваетъ песокъ, когда онъ сухъ, и что когда нѣтъ вѣтра, то и сухой песокъ лежитъ спокойно. Какъ только подуетъ вѣтеръ, мельница начинаетъ работать насосомъ, а поднимаемая вода, пропущенная по жолобкамъ, и чрезъ сѣтки, обрызгиваетъ песчаный откосъ берега и смоченный песокъ остается на мѣстѣ даже при вѣтрѣ. При этомъ, чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ сильнѣе мельница поливаетъ песокъ. Такимъ простымъ способомъ вредныя явленія природы люди умѣютъ обращать себѣ на пользу.

При обиліи и близкомъ нахожденіи грунтовой воды въ степи, посредствомъ простаго колодца и такой мельницы можно орошать порядочную плантацію на степной землѣ, и изъ вѣтра-врага, сдѣлать вѣтра-работника.

IV.

На всемъ пространствѣ Киргизской степи, отъ Ала-тау до Иртыша, немного такихъ счастливыхъ мѣстностей, богатыхъ естественнымъ орошеніемъ, каковы долины: Каратальская, Лепсинская и Алматинская. Значительная покатость долины Алматинской и большое количество горныхъ потоковъ, даетъ полную возможность отводить арыки для орошенія пашень, въ случаѣ засухи. Но это еще не значитъ, что здѣшнее хозяйство вполнѣ удовлетворяетъ разумнымъ экономическимъ началамъ.

Уже много вѣковъ люди пользуются имъ здѣсь съ одинаковымъ удобствомъ и съ такимъ же несовершенствомъ, какъ и теперь. Пашни разбросаны по произволу, арыки проводятся безъ системы и общаго плана, вслѣдствіе чего нерѣдко изъ за очереди пусканія того или другаго арыка, происходятъ между пашневладѣльцами ссоры, драки и потасовки, на самомъ мѣстѣ эксплуатированія земли и воды.

Для болѣе основательнаго ознакомленія съ мѣстными условіями этой естественно-орошаемой долины, не будетъ лишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Рѣки: Кескеленъ, Аксай, двѣ Карагайлы, Большая Алматинка, Караулъ-сай (у русскихъ: Поганая щель), Малая Алматинка, Котуръ-булакъ, Талгаръ и другія, вытекающія изъ ближнихъ горъ, расположенныя почти параллельно одна другой и орошающія Алматинскую долину, можетъ быть много разъ уже мѣняли свое русло, и каждый разъ оставляемое ими ложе рѣки оказывалось гораздо выше прежняго, вслѣдствіе засоренія его валунами, иломъ и пескомъ, постепенно подвигающимися по теченію.

Подобное явленіе, т. е. засариваніе и возвышеніе долинъ, отъ расходованія воды изъ рѣкъ арыками и отъ перемѣщенія рѣчныхъ руслъ, замѣчено Кара-Узякѣ на рукавѣ Сыръ-Дарьи. На притокахъ р. Чу и Таласа можно наблюдать такой же характеръ перемѣщенія рѣчныхъ руслъ. Оно болѣе или менѣе присуще и всѣмъ мѣстностямъ съ арычнымъ орошеніемъ.

Перемѣщенія руслъ здѣшнихъ рѣчекъ происходили такимъ образомъ: рѣчка, напримѣръ, представляетъ въ своемъ поперечномъ сѣченіи 20 кв. футовъ; изъ нея, въ разныхъ мѣстахъ, берутъ начало 20 арыковъ, положимъ каждый въ 1 кв. футъ. Понятно, что ложе рѣки, ниже всѣхъ этихъ арыковъ по теченію, оказывается безъ воды. Затѣмъ болѣе обильный арыкъ, если въ особенности онъ протекаетъ по мягкому грунту, образуетъ болѣе глубокую рытвину, даже оврагъ, и становится новымъ русломъ рѣчки, а старое русло послѣ того мало по малу затягивается иломъ, заносится пескомъ и постепенно сглаживается. Но площадь его, съ оголенными камнями, на долго остается непригодною для ровной, травяной растительности, т. е. ни для пашни, ни для сѣнокоса.

Какъ прежде, такъ и нынѣ, эксплуататоры этой земли дѣйствовали частично, раздѣльно, заботясь каждый только временно о томъ клочкѣ земли, который каждому нужно косить въ извѣстное время настоящаго года; на слѣдующій годъ онъ не зналъ, гдѣ ему придется пахать или косить и потому никому ни отдѣльно, ни всѣмъ вмѣстѣ, вовсе не было интереса о сохраненіи или перемѣщеніи стараго русла той или другой

рѣчки. Иногда измѣнялась къ будущему году небольшая территорія пахаря потому только, что слишкомъ большую волю дали арыкамъ, не закрывая ихъ по окончаніи уборки хлѣба, и они, въ дождливую осень глубоко избороздили мягкую землю его полосы.

Вырытіе рвовъ для фундаментовъ строеній въ новомъ городѣ *) нерѣдко обнаруживало старое русло рѣчки въ такихъ мѣстахъ, гдѣ на поверхности почти нельзя было и подозрѣвать этого. Толстый слой плотно улежавшейся, иловатой земли, въ одинъ аршинъ и болѣе толщиною, и уже давно заросшій травою, покрывалъ огромное скопленіе булыжниковъ и валуновъ, пересыпанныхъ рѣчнымъ пескомъ, на глубинѣ 3—4 аршинъ. По вырытіи рвовъ въ этой верхней земляной корѣ, бока канавы удерживались почти вертикально; потомъ, при разгребаніи камня и песку, первый приходилось вынимать руками, а послѣдній—лопатой. При углубленіи же далѣе, камни выползали сами съ боковъ, изъ подъ покрова земли, а она, вслѣдствіе этого сваливалась, обрываясь неправильно, какъ надъ подмытымъ берегомъ. Нѣсколько сажень вправо или нѣсколько влѣво, грунтъ оказывался плотный на большой глубинѣ. Ясно, что тутъ когда-то протекала рѣчка.

Результатами такихъ обстоятельствъ, какъ и выше было замѣчено, вообще является уменьшеніе текучей воды на поверхности и засореніе общей площади долины. Текучая вода просачивается внизу каждаго изъ этихъ многочисленныхъ, старыхъ руслъ, хотя, конечно, и въ небольшомъ количествѣ; но въ общей сложности, значительная доля воды безплодно отнята такимъ образомъ отъ производительной поверхности земли богатой Алматинской долины.

Если бы пришлось когда либо подумать о болѣе раціональномъ гидравлическомъ хозяйствѣ Алматинской долины, то прежде всего нужно будетъ сообразить: какимъ количествомъ проточной воды мы можемъ располагать? Извѣстно, чтобы знать расходъ рѣки, надобно опредѣлить поперечное сѣченіе ея и скорость. Общее мнѣніе таково, что всѣ эти рѣчки *чрезвычайно быстры*, потому что наглядно онѣ кажутся съ крутымъ паденіемъ и съ шумомъ и брызгами текутъ по камнямъ своего ложа.

По опытамъ же, произведеннымъ мною въ прошломъ году, для опредѣленія скорости теченія воды, оказалось слѣдующее:

Для опыта я взялъ арыкъ постоянный, не перемѣняющійся ежегодно, а именно: протекающій новымъ городомъ (въ Вѣрномъ), чрезъ площадь новаго собора.

---

*) Въ г. Вѣрномъ.

По приблизительной нивеллировкѣ, средняя величина паденія долины— $^1/_{20}$ длины, почти подъ угломъ 2° 50′ къ горизонтальной.

Ложе этого арыка также каменисто, какъ и ложе рѣчки. На протяженіи двухъ верстъ поперечное сѣченіе его одинаково, слѣдовательно скорость его однообразна. Такъ какъ здѣшніе горные потоки неглубоки вообще, и вода бьется съ камня на камень, то нельзя, для измѣренія скорости теченія, примѣнить ни поплавокъ, ни вертушку Вольтмана. Поэтому я прервалъ арыкъ, выше пункта наблюденія за 900 сажень. Когда вода стекла до суха, и по сигналу, пустили снова арыкъ, то вода пробѣжала это пространство въ 3 часа и 45 минутъ; отсюда получилась средняя скорость 0,46 фут. въ секунду.

Такимъ образомъ оказывается, что быстрота здѣшнихъ рѣчекъ мнимая, только кажущаяся; живая сила воды въ нихъ претерпѣваетъ огромное сопротивленіе о каменистое, неровное ложе рѣки; вода съ шумомъ соскакиваетъ съ камня на камень, брызжетъ, плещетъ, но впередъ подается очень мало.

Если бы было болѣе гладкое и ровное ложе рѣки при такомъ паденіи, какое имѣютъ здѣшніе потоки, то дѣйствительная скорость теченія ихъ могла быть въ 10—15 разъ болѣе; зато и поперечное сѣченіе ихъ (толщина слоя воды) была бы въ 10—15 разъ менѣе. Но, разумѣется, количество воды, расходъ ея отъ этого бы не уменьшился, ни увеличился. Сколько горы могутъ дать воды, столько онѣ и даютъ; придадимъ ли мы искуственно большую скорость теченію воды, уменьшая гидравлическія сопротивленія, или еще болѣе затормозимъ теченіе, все равно, въ концѣ концовъ, въ Балхашъ будетъ вливаться изъ нашихъ рѣчекъ такое же количество воды, какое вливается и теперь. Разница только въ томъ, что при замедлительномъ теченіи мы удерживаемъ болѣе толстый слой воды въ протокахъ, и, собственно для ирригаціи, это не есть потеря, а выгода.

Далѣе отъ горъ, гдѣ оканчивается покатость долины и начинается почти горизонтальная поверхность земли, до самой р. Или, совершенно измѣняется гидрографическій характеръ мѣстности. На весьма недальнемъ разстояніи арычная система уже невозможна. На концѣ покатости долины кончаются и всѣ арыки, пропадающіе безслѣдно въ землѣ. Но отъ этого грунтовая вода здѣсь въ большомъ количествѣ, и во многихъ мѣстахъ, въ особенности вначалѣ, отъ конца покатости—на самомъ неглубокомъ залеганіи *).

*) Смѣтливый инженеръ какъ разъ выбралъ это мѣсто подъ кладбище.

Для культуры и промышленности эта мѣстность имѣетъ свой смыслъ. И вотъ здѣсь-то именно надобно перейти къ вопросу объ алматинскомъ лѣсномъ хозяйствѣ, вопросу, который у насъ, не смотря на всѣ попытки и заботы администраціи, сознающей его важное экономическое значеніе, еще не попалъ на свою должную колею.

V.

Лѣса и воды суть первое благо человѣчества; совершенно безъ дерева нѣтъ возможности обойтись человѣку, не только осѣдлому, но даже и кочевому.

Въ долинѣ Алматинской со времени поселенія въ ней русскихъ и особенно со времени образованія здѣсь резиденціи области, потребность въ лѣсѣ стала насущною потребностью, и вопросъ о лѣсномъ хозяйствѣ надобно считать самымъ важнымъ, въ ряду экономическихъ вопросовъ.

Есть китайское преданіе, а вѣрнѣе — даже историческая запись, о томъ, что въ былое время (тысячи лѣтъ тому назадъ) отъ Кульджи до Самарканда былъ почти сплошной садъ *).

Не вдаваясь въ историческія изысканія, не особенно идущія къ предмету нашего очерка, для насъ достаточно будетъ припомнить недавнее прошлое:

По занятіи заилійскаго края русскими, не только лѣса въ Алатаускихъ горахъ найдены были ими въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ теперь, но даже въ предгоріяхъ и отлогихъ скатахъ въ долину, какъ напримѣръ: на пространствѣ отъ завода В. П. Кузнецова до Вѣрнаго было столько урюку, яблонь и вообще разныхъ лиственныхъ породъ деревьевъ, что ушедшихъ со двора лошадей съ трудомъ можно было отъискать въ этихъ рощахъ.

Теперь, чрезъ 16 лѣтъ, нѣтъ и слѣда этой растительности въ долинѣ! Она истреблена первыми поселенцами-казаками въ буквальномъ смыслѣ этого слова, истреблена огнемъ и топоромъ.

Также и въ горныхъ хвойныхъ лѣсахъ топоръ не самовольствовалъ прежде у киргизъ-кочевниковъ, довольствующихся кошемными юртами, и не имѣющихъ потребности въ крупномъ лѣсѣ; а на топливо для нихъ здѣсь и до сихъ поръ еще много шиповника, и т. п. въ долинѣ и вы-

---

*) Вспомнимъ также преданіе и о томъ, что отъ Азрета (Туркестана) до Аральскаго моря шелъ одинъ сплошной садъ, по всему берегу Сыръ-Дарьи, такъ что соловей могъ перелетѣть это пространство, садясь съ дерева на дерево. Слѣдовательно въ былое время Средняя Азія вовсе не была такъ бѣдна древесною растительностью, какъ нынѣ.

сохшаго валежника, когда они кочуютъ въ горахъ. Сырая лѣсина худо горитъ и ее рубить имъ не было надобности. Палы они тоже не пускали.

Не то видимъ мы теперь. Лѣсорасходованіе повелось съ появленія русскихъ самымъ нераціональнымъ, хищническимъ образомъ *). Простымъ осмотромъ въ горахъ и ущельяхъ, можно убѣдиться, по числу пней срубленнаго лѣса и еще остающагося растущимъ, что уже истреблена почти половина лѣсовъ.

Во всѣхъ ущельяхъ прежде всего на-чисто вырубленъ самый низшій лѣсъ, какъ болѣе доступный, и объ оставленіи изрѣдка сѣмянниковъ, какъ ведется въ правильномъ лѣсохозяйствѣ, никто не думалъ. Остались лѣса уже только на трудно-доступныхъ возвышенностяхъ и въ глубокихъ трещинахъ. На ближайшихъ горкахъ есть множество пней и ни одной лѣсины. У киргизъ, всегда мѣткихъ на эпитеты, появились уже новыя названія для такихъ горокъ: Каска-башъ (плѣшивая голова) и т. п. Дѣло идетъ къ тому, какъ они же говорятъ, что все «каска-башъ булады», т. е. скоро все голо будетъ,—и они совершенно правы.

Копалъ также имѣлъ въ своихъ горахъ лѣса; но занятый русскими раньше Алматовъ (Вѣрнаго), онъ уже совсѣмъ истребилъ эти лѣса, такъ что и на сѣмена ничего не оставилъ.

При скатываніи съ горъ лѣсинъ, онѣ сшибаютъ много молодой поросли, а сами нерѣдко заваливаются въ глубокія щели, откуда ихъ достать почти невозможно и онѣ тамъ сгниваютъ безполезно. Эту безполезную потерю въ экономіи лѣсовъ можно считать до 30%.

Пора уже подумать о возобновленіи лѣсовъ.

Верхній предѣлъ зоны хвойныхъ лѣсовъ (по Семенову) отъ 7,600 до 8,000 фут. абс. высоты, а нижній—отъ 7,500 до 5,000 фут. На этомъ основаніи, напримѣръ Кастекское ущелье, имѣющее высоту отъ 7,300 до 7,500 фут. (по Сѣверцеву) какъ разъ приходится въ зонѣ хвойныхъ лѣсовъ, и хотя ихъ тамъ вовсе нѣтъ, но посѣвъ ихъ возможенъ, разумѣется преимущественно на сѣверныхъ склонахъ, дольше сохраняющихъ снѣга. Нѣтъ основанія увѣрять, что ихъ тамъ никогда не было. Въ прежнихъ столкновеніяхъ джунгаръ съ киргизами пусканіе паловъ по пастбищамъ, какъ извѣстно, было не послѣднимъ средствомъ мщенія врагу, а 30—40 лѣтъ совершенно достаточны для безслѣднаго уничтоженія хвойныхъ пней. Наконецъ, нижній предѣлъ зоны хвойныхъ лѣсовъ опредѣленъ г. Семеновымъ по нынѣ существующимъ фактамъ. Есть основаніе полагать, что

*) По приказанію генералъ-губернатора, противъ лѣсоистребленія приняты нынѣ самыя строгія мѣры.

предѣлъ хвойныхъ лѣсовъ можно довести гораздо ниже, по крайней мѣрѣ на 1,000 футовъ. Укрѣпленіе Вѣрное, по опредѣленію г. Голубева, находится на высотѣ 2,400 футовъ, высота же, которую я считаю возможною для хвойной растительности, равняется 3,500 футъ; это какъ разъ высота самыхъ крайнихъ сѣверныхъ отклоновъ Заилійскаго Алатау, и находится (можно считать безошибочно) на паралели Кузнецовскаго завода. Въ Больше-Алматинскомъ ущельѣ, около Мамеевской пасеки лежащей на указанной высотѣ, до сихъ поръ еще видны пни хвойныхъ деревъ.

Ущелье Аксуйское, какъ болѣе удаленное отъ казачьихъ станицъ: Алматинской и Кескеленской, даже и теперь имѣетъ пяти и шести-лѣтнюю поросль елей въ самомъ низу, по выходѣ ущелья въ долину. Этотъ лѣсокъ, занимающій около пяти десятинъ, осѣмянился посредствомъ вѣтра съ горъ, уже, такъ сказать, на глазахъ казаковъ, но только къ счастію, до сихъ поръ имъ еще въ глаза не попалъ.

При засѣвѣ хвойными и другими породами сѣверныхъ лѣсныхъ деревьевъ всѣхъ этихъ отклоновъ, теперь не дающихъ никакой пользы, край могъ бы обогатиться безусловно.

Нѣкоторыя сѣверныя лиственныя породы деревъ могутъ спускаться еще ниже, какъ напримѣръ, осинникъ. Очевидцы разсказывали, что лѣтъ девять тому назадъ какъ-то случайно появилась осиновая поросль на паралели станицы Алматинской, около нынѣшней ташкентской дороги. Пока она была мала, ее не замѣчали, да и другой кустарникъ еще не весь былъ истребленъ; а потомъ вдругъ ее не стало: казаки напали и все за разъ вырубили до чиста.

Въ теченіи трехъ лѣтъ я занимаюсь опытами лѣсосѣянія на плантаціи, при заводѣ г. Кузнецова, находящагося около 900 футъ выше казеннаго сада, и могу заявить объ удовлетворительномъ успѣхѣ. Полученными изъ Риги, нѣсколькими сортами сѣмянъ, мною были произведены засѣвы на одной полосѣ, не смотря на то, что породы были не одной зоны, а именно: Gledischia triacanthos, Morus alba (тутъ), Ailanthus glandulosa (китайская ясень), Robina pseudoacacia, Caragana arborescens, Ulmus campestris (илемъ), Alnus glutinosa и другіе. Не взошли отъ сѣмянъ: Betula alba, Fraxinus excelsior и Acer platanoides, вѣроятно потому, что сѣмяна ихъ были плохи. Нельзя здѣсь полагать причиною неуспѣха географическую широту и высоту мѣстности, когда у меня росли почти съ одинаковымъ успѣхомъ такія разно-зонныя породы, какъ: Ailantus glandulosa и Alnus glutinosa. Для болѣе вѣроятнаго заключенія, отдѣлена была часть этихъ сѣмянъ и въ казенный садъ, но и тамъ одинаково взошли и не взошли одни и тѣ же сорты.

Испытывая климатъ, я не закрывалъ на первую зиму всходы ни одного сорта, тогда какъ въ казенномъ саду закрываются тѣ сорта всходовъ школы, которыя не могутъ выносить холода. У меня всѣхъ чувствительнѣе къ морозамъ оказались: Ailanthus glandulosa и Robina pseudoacacia; вершинки, и листья ихъ померзли, однако къ слѣдующей осени они дали новые побѣги на столько, что не помѣшали высадкѣ. Стоитъ замѣтить, что рядомъ съ этой плантаціей разсаженъ виноградъ, который, не смотря на прошлогодній общій неурожай, далъ плоды.

Въ настоящее время находятся высаженными изъ школы до 3,000 деревьевъ, расположенныхъ аллеями въ предгоріи, выше сада, кромѣ до 1,000 штукъ, отправленныхъ по пикетамъ.

Нынѣ, собравъ большое количество еловыхъ сѣмянъ въ горахъ, я буду производить опыты съ хвойными породами.

Замѣчательно, что однѣ и тѣ же породы не одинаково всходятъ отъ сѣмянъ, что прямо зависитъ отъ качества послѣднихъ. Напримѣръ, у меня Gledisсia triacanthos, посаженная весною, взошла чрезъ два мѣсяца и къ осени достигла одного аршина вышины, тогда какъ были примѣры въ казенномъ саду, что она всходила только на третій годъ.

Забравъ въ прошломъ году у г. Кузнецова давно оставленныя безъ употребленія разныя сѣмена, я посѣялъ также особую школу, изъ 14, весьма разнохарактерныхъ сортовъ; но всходовъ къ осени еще не было.

Зима 1870 г., какъ извѣстно, была необыкновенно сурова для Вѣрнаго. Грецкіе орѣхи, уже нѣсколько лѣтъ дававшіе плоды и огромные Gledischia triacanthos—померзли. Изъ моихъ питомцевъ, особенно здоровый видъ и значительный ростъ (до 3 арш. и $^3/_4$ вершка толщины) въ три лѣта оказали на этой высотѣ именно сѣверныя породы: Ulmus campestris и Alnus glutinosa. Посѣвъ послѣдней — здѣсь еще первый примѣръ: до сихъ поръ этой породы здѣсь не пробовали сажать. Извѣстно, что она составляетъ лучшій дровяной лѣсъ, довольно скоро растущій.

Мѣстность, обозначенная мною выше, по спускѣ долины (ниже нынѣшняго города), какъ изобилующая грунтовою водою, есть самая удобная для скоро-растущихъ породъ, каковы напримѣръ: тополь и бѣлая акація, въ 7—8 лѣтъ дающія подѣлочный и дровяной лѣсъ. Для лѣсоводства и особенно для садоводства и виноградниковъ въ здѣшней долинѣ, это есть лучшія мѣста, и таково непремѣнно должно быть ихъ назначеніе, при разрѣшеніи поземельнаго вопроса.

Алматы (Вѣрный) могутъ снабжать Сибирь яблоками, дулями, вишнею, урюкомъ, и т. п., и вполнѣ избавить себя отъ стыда платить за такіе плоды деньги въ Кульджу. Все это,—лѣсоводство и садоводство, пока

единственно возможный здѣсь промыселъ, могущій поднять край, и вполнѣ зависитъ отъ раціональнаго разрѣшенія вопроса о землевладѣніи.

VI.

Изъ всего, что я излагалъ въ предыдущихъ очеркахъ, мнѣ кажется, можно убѣдиться, что не только такія богатыя природою мѣстности, какова долина Алматинская, но и всю Киргизскую степь, отъ Иртыша до Алатау, нельзя совершенно считать обреченною на вѣчное отсутствіе лѣсной растительности. Между тѣмъ до сихъ поръ уменьшеніе лѣсовъ идетъ впередъ, не останавливаясь. Развѣ утѣшимся только тѣмъ, что лѣсное хозяйство не у насъ однихъ, а вообще въ цѣлой Россійской имперіи идетъ крайне неудовлетворительно. Одинъ извѣстный политико-экономистъ выразился чрезвычайно вѣрно, что *въ Россіи лѣса не потребляются*, *а истребляются.*

Истребленіе подобныхъ народныхъ богатствъ нужно различать въ двухъ главнѣйшихъ категоріяхъ по цѣли, а относительно лѣсовъ собственно въ Россіи, на три разряда, по условіямъ истребленія.

Первая категорія (по цѣли) есть изъ нихъ худшая: это—истребленіе лѣсовъ коммерчески, или правильнѣе, хищнически, чтобы скорѣе и болѣе извлечь изъ нихъ пользы. Вторая, еще худшая, есть истребленіе безразсудное, не столько топоромъ, сколько огнемъ, по невѣжеству и небрежности. Конечно, не только послѣдняя, но и первая категорія есть уже огромный экономическій грѣхъ, потому что все таки есть истребленіе, а не раціональное потребленіе.

Условія лѣсоистребленія вообще въ Россіи характеризуются прежде всего принадлежностью земли и лѣсовъ главнѣйше тремъ земледѣльцамъ: *казнѣ*, *помѣщикамъ* и сельскимъ и другимъ *общинамъ.*

Разрядъ 1-й: главный нашъ лѣсовладѣлецъ, казна, имѣющая болѣе 87.000,000 десят. лѣса въ Европейской Россіи, получаетъ отъ нихъ не болѣе 800,000 р. ежегодно чистаго дохода, что составляетъ менѣе, чѣмъ по 1 коп. съ каждой десятны. Если лѣса одной Вологодской губерніи германскій путешественникъ Гакстгаузенъ цѣнилъ въ пять съ половиною милліардовъ рублей, то какой же ничтожный процентъ приноситъ весь лѣсной капиталъ! И при такой ничтожной пользѣ отъ лѣсовъ казнѣ, они между тѣмъ страшно истребляются, и скорѣе по второй, нежели по первой категоріи, несмотря на организацію лѣсничествъ. Это происходитъ оттого, что казна есть паства, а сѣятели наемники, чиновники, которые большею частію смотрятъ на службу, какъ на дойную корову. Кромѣ того, даже лучшихъ дѣятелей по этой части вообще давятъ формы и другія служебныя отношенія, тормозящія дѣло хозяйства.

Недавно въ экономическомъ отдѣлѣ одной газеты было вычислено, что изъ пяти сотъ лѣсничихъ въ Россіи, развелъ успѣшно лѣсъ только одинъ!

Надобно прибавить, что въ большей части казенныхъ дачъ лѣсничіе не обязаны и не снабжены средствами на разведеніе лѣсовъ, а только контролируютъ лѣсорасходованіе (т. е. все таки уменьшеніе лѣса), и что раціональное лѣсоводство состоитъ именно въ томъ, чтобы сѣять лѣсъ тамъ, гдѣ его нѣтъ, а гдѣ уже есть, тамъ, пользуясь лѣсомъ, не истощать его запасовъ на будущее время; для этого, само собою разумѣется, *вырубленное количество не должно превышать степень его наростанія.*

Въ примѣненіи этого неотразимаго закона къ новорожденному уставу объ алатаускихъ лѣсахъ, можно прибавить развѣ только то, что здѣсь, въ льготномъ краѣ, истребленіе лѣсовъ начало сопровождаться тягостнымъ попеннымъ налогомъ.

Разрядъ 2-й: помѣщики... но это уже анахронизмъ. Впрочемъ, еще въ сотый разъ повторимъ за другими, что нераціональностью въ хозяйствѣ и расточительностью вообще они вошли въ пословицу. Однако въ цѣлой Россіи, если имѣется гдѣ либо порядочное лѣсохозяйство, то исключительно у немногихъ только помѣщиковъ. Съ отнятіемъ излишняго баловства судьбы у нихъ, т. е. крѣпостныхъ людей, можно надѣяться, что благоразумные изъ этихъ лѣсовладѣльцевъ ухватятся за землю и лѣса, какъ за якорь спасенія и покажутъ образцы лѣснаго хозяйства въ недалекомъ будущемъ, если хотя не всѣ сами, то продавъ лѣса въ хозяйственныя руки лицъ изъ другихъ корпорацій, чему появляются уже рельефные примѣры въ послѣднее десятилѣтіе.

Это можетъ происходить отъ того, что землевладѣлецъ смотритъ на свою землю, какъ на неотъемлемую и исключительную собственность и отъ нея ждетъ себѣ блага. И только отъ множества такихъ единичныхъ благъ, зависитъ вполнѣ благо цѣлаго, благо государства и народа, какъ отъ здоровыхъ атомовъ—здоровье тѣла. Арендаторы же лѣсовъ берегутъ ихъ отъ огня, но истребляютъ по первой категоріи на повалъ.

Разрядъ 3-й: вопросъ объ общинномъ владѣніи землею, вообще, кажется навсегда останется у насъ вопросомъ. Изъ самыхъ лучшихъ авторитетовъ политической экономіи можно указать представителей и за, и противъ общины. Не наше дѣло и не цѣль этой статьи пускаться въ теоріи и выводы по такимъ обще-народнымъ вопросамъ. Но частичныя наблюденія и здравый смыслъ убѣждаютъ не только въ томъ, «что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай», но и что однообразное примѣненіе повсюду той или другой теоріи и экономическихъ выводовъ спорной науки

было бы несообразностью. Время, мѣстность, разныя условія разныхъ пунктовъ земли неизбѣжно дѣлаютъ какую либо изъ соціальныхъ и экономическихъ теорій въ одномъ мѣстѣ совершенно пригодною, а въ другомъ вовсе несообразною, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время.

Есть нѣсколько сотъ лѣсныхъ дачъ въ Россіи и Сибири, расхищенныхъ общиннымъ владѣніемъ. При общинномъ владѣніи лѣсами у насъ каждый обыватель старается только о томъ, какъ бы по больше и по удобнѣе утащить бревенъ и дровъ себѣ изъ дачи, и какъ бы не употребить нисколько труда и времени, не только на осѣмененіе дачи, но даже на очищеніе валежника и хвороста, засоряющихъ дачу и способствующихъ къ распространенію пожаровъ. Слѣдовательно, общины истребляютъ лѣса по обѣимъ вышеозначеннымъ категоріямъ.

И такъ, остается искать спасеніе края по лѣсосбереженію только по второму разряду, т. е. въ собственныхъ землевладѣльцахъ. Только тотъ будетъ разводить и беречь лѣсъ заботливо, кто считаетъ его собственнымъ своимъ, и сѣять его будетъ только тотъ, у кого есть собственная, пригодная земля. Лѣсъ—не хлѣбъ, не кормовая трава, не однолѣтнее растеніе; его разводить нужно десятками лѣтъ, ожидая возврата трудовъ и капитала развѣ для своего потомства, а потому на арендованной землѣ затрачиваться на подобныя предпріятія было бы болѣе, чѣмъ неразумно.

Теперь нужно разобрать, кто можетъ рѣшаться на подобныя предпріятія, даже на пріобрѣтенной въ собственность землѣ: капиталисты ли, средняго ли состоянія люди, или бѣдняки поселяне, и при какихъ условіяхъ и гарантіяхъ отъ правительства?... Въ здѣшнемъ безлѣсномъ краѣ, гдѣ вся земля киргизская да казачья, а между тѣмъ намѣчаются пункты для городовъ и крестьянскихъ поселеній, этотъ вопросъ имѣетъ самый живой интересъ въ настоящее время.

По новости края и зависящимъ отъ того условіямъ, здѣсь еще нѣтъ капиталистовъ (кромѣ одного, но это особенное исключеніе, обусловленное монополіею въ такомъ дѣлѣ, гдѣ по мѣстнымъ же условіямъ и по малонаселенности края, конкуренція даже невозможна), такъ что капиталистами приходится называть тѣхъ, кто имѣетъ до 10,000 р. капитала. Но этого сорта людямъ нѣтъ расчета посвятить свои достатки на лѣсоводство, потому, а) что дѣло это не коммерческое, б) требуетъ спеціальныхъ знаній, в) на затрату долго не дастъ вознагражденія, а если и дастъ, то не особенно большое, т. е. менѣе обыкновенныхъ 10% торговыхъ. А между тѣмъ всякій расчитываетъ прежде всего только что существовать своимъ капитальцемъ, и г) при общемъ безденежьѣ этого края, есть возможность, не привязывая себя къ непрочной мѣстности,

оборотиться деньженками и на торговлѣ, хотя бы, напр. хлѣбомъ, и пріобрѣсти по крайней мѣрѣ 10% ежегодно, только едва достаточныхъ для удовлетворенія своихъ домашнихъ нуждъ. Стало быть, какой же расчетъ затрачивать послѣднія средства на культуру земли?... При такихъ условіяхъ — нѣтъ расчета. Но нельзя окончательно сказать, чтобы совершенно было неподходящимъ и неблагодарнымъ дѣломъ одиночнаго предпріятія лѣсоразведеніе въ здѣшнемъ краѣ для людей достаточно богатыхъ. Если бы изъ этого разряда людей нашлись достаточно развитые люди, которые по своему образу понятій были выше сферы прасольства и кулачничества, доросшіе до пониманія того, что осмысленная разработка даровъ природы есть полезнѣйшее общественное предпріятіе, то они нашли бы возможнымъ, не особенно отнимая своего капитала отъ прибыльной дѣятельности, отдѣлять частицу средствъ и времени на такое прекрасное дѣло, особенно при здѣшнихъ счастливыхъ условіяхъ природы.

Не надобно забывать, что было бы экономическою ошибкою для выгодъ частнаго лица съ небольшимъ капиталомъ предпринимать исключительно только одно лѣсоразведеніе, а не въ совокупности съ садоводствомъ, а пожалуй и огородничествомъ (разумѣется не такимъ, какимъ до сихъ поръ у насъ ограничиваются въ домашнемъ хозяйствѣ) и вообще съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ, хотя бы все это было и въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ. Не вдаваясь въ иллюзіи, считаю долгомъ предупредить незнакомыхъ съ дѣломъ, что безъ особеннаго вниманія, безъ толку, безъ знаній, хотя бы весьма ограниченныхъ, и притомъ съ цѣлью скорой поживы, какъ мы большею частію привыкли, лучше не приниматься за такое дѣло, чтобы самому не раскаяваться и не вводить другихъ въ ложное заключеніе объ исходѣ дѣла ложно поставленнымъ примѣромъ. Много борьбы съ природою приходится испытывать даже ученымъ лѣсничимъ и въ чисто спеціальныхъ культурахъ. Примѣровъ у насъ много. Я укажу, между прочимъ, на примѣръ неблагопріятныхъ вліяній 1853 года на велико-анадольскую плантацію (Екатеринославской губерніи).

И такъ, по моему крайнему разумѣнію, дѣло лѣсоводства въ здѣшнемъ краѣ возможно, не только со стороны природы, но и со стороны людей. Но тѣмъ дѣло и кончается, дальше стоитъ огромное препятствіе, обрекающее прекрасный край въ кандидаты на пустыню, край, который и теперь уже есть не больше, какъ оазисъ, доживающій свой вѣкъ въ безпредѣльномъ пространствѣ пустыни, и, можетъ быть, безъ надежды на возрожденіе! Это препятствіе есть отсутствіе права на пріобрѣтеніе земли въ собственность.

Вѣрить не хочется, чтобы это препятствіе не измѣнилось скоро! Здѣсь-то именно, пока еще есть время и удобство, пока еще не столпи-

лись требованія всѣхъ отраслей промышленности, должны быть изысканы и приложены всевозможныя мѣры побужденій, поощреній и наградъ на культуру земли и преимущественно на лѣсоводство. Здѣсь настоящая нужда, личное требованіе нашего края!

Нельзя не признаться, что и понятіе о цѣнности земли еще не установилось у насъ правильно; иначе бы не налагали 5 р. арендной платы за десятину земли на *сазахъ* *). Поспѣшность налоговъ не привлечетъ никого въ край и не подниметъ его культуры. Вдаваться въ экономическія ошибки въ здѣшнемъ отдаленномъ краѣ, послѣ недавняго примѣра съ при-амурскимъ краемъ, очень аналогичнымъ съ нашимъ во многихъ отношеніяхъ, было бы непростительно. Прежде всего нужно усвоить вѣрное, не ошибочное понятіе о цѣнности земли.

Земля въ естественномъ состояніи (разсуждаютъ экономисты) можетъ пропитать одного человѣка почти квадратною милею, и этотъ человѣкъ все таки будетъ вести бѣдную жизнь. Въ обработанномъ состояніи (разумѣется не по казачьи) на такомъ же пространствѣ земли могутъ пропитываться болѣе 3,000 человѣкъ, и самый бѣдный изъ нихъ будетъ вдвое или втрое богаче дикаго, съ его огромнымъ земельнымъ владѣніемъ. И такъ, отношеніе между землею необработанною и землею раціонально воздѣланною, можно принять, какъ 1 къ 10,000, но это отношеніе можетъ быть и еще болѣе. Гектаръ необработанной земли въ Африкѣ или въ Америкѣ (точь въ точь, какъ въ нашей Киргизской степи) ничего не стоитъ, но въ Европѣ цѣнность его можетъ простираться до 10,000 и 20,000 франковъ, а въ центрѣ большаго города, напр. Парижа, онъ стоитъ еще вдесятеро дороже.

Если Киргизскую степь оставить во всей ея кочевой неприкосновенности, съ исключительнымъ правомъ общиннаго землевладѣнія, то это ненаселенное пространство (которое насъ уже порядочно заѣло) всегда будетъ въ большую тягость такимъ окраинамъ русскихъ владѣній, какова здѣшняя. Даже за дегтемъ нужно ѣздить отсюда за Иртышъ.

Каково бы ни было дѣло вѣрненскаго казеннаго сада, въ его настоящемъ положеніи, но какъ заблаговременное предпріятіе на счетъ казны, оно дѣлаетъ честь и славу тому, кому принадлежитъ иниціатива его разведенія; его питомники могутъ быть источниками первоначальнаго частнаго лѣсоводства.

Мы знаемъ, что въ Россіи правительствомъ разведено довольно много образцевыхъ плантацій, учреждены учебныя фермы, и т. п., и что усиле-

*) Болота.

ніе, расширеніе и улучшеніе вообще сельскаго хозяйства, садоводства, лѣсоводства, и т. п. всегда составляло первостепенный предметъ заботливости нашего правительства, предметъ думъ и дѣятельности нашихъ экономическихъ и сельскихъ обществъ и многихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ. Эти казенныя плантаціи учреждены отнюдь не съ коммерческою (прибыльною на капиталъ) цѣлью, а исключительно съ цѣлью образовательною для народа, съ цѣлью облегченія частнаго лѣсоразведенія, преимущественно въ мѣстахъ безлѣсныхъ, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи онѣ приносятъ дѣйствительно существенную пользу.

Затѣмъ, вкратцѣ сгруппируемъ выводы предъидущаго, относительно предпріятія лѣсоразведенія достаточно богатыми людьми.

а) Лѣсоводство, отдѣльно взятое, не можетъ давать прибыли на затраченный капиталъ, среднимъ числомъ, ранѣе 40 лѣтъ.

б) Можно допустить, что вмѣстѣ съ садоводствомъ и огородничествомъ, оно можетъ возвращать лѣтъ чрезъ 10, только около 10% на затраченный капиталъ.

в) Нельзя не согласиться, что затрата капитала въ 1,000 рублей для такого предпріятія была бы самою ограниченною, и потребуется прибавки ежегодно по крайней мѣрѣ до 300 рублей, кромѣ времени и знаній.

г) Время, капиталъ, трудъ и знанія самаго плантатора все таки въ первые 20 лѣтъ не окупятся прибылью, хотя для диллетанта и человѣка съ достаточнымъ развитіемъ доставятъ пріятное сознаніе того, что онъ трудится не въ сферѣ торгашества, но для блага общаго, и можетъ быть для своего потомства.

д) Слѣдовательно, такіе плантаторы, обогащающіе и улучшающіе степной край своимъ иждивеніемъ, знаніемъ и трудомъ, на пользу общую, со стороны правительства не только могли бы расчитывать на безвозмездный отводъ земли, но и на денежныя и другія пособія, не только какъ за заслуги гражданскія, но и въ чисто-финансовомъ отношеніи, какъ снимающіе съ правительства въ будущемъ попеченіе и затраты на образцовыя народо-образовательныя плантаціи.

Да не подумаютъ, что такіе выводы есть только мое личное мнѣніе; напротивъ, это вполнѣ солидарно съ давнишнею идеею самаго правительства, нѣкогда вызвавшаго нѣмецкихъ колонистовъ для водворенія культуры на русской почвѣ и давшаго имъ сколь возможно большія льготы и привиллегіи. Прошло столѣтіе и послѣднее время показало, что надежды правительства со стороны колонистовъ обмануты; колонисты такъ съумѣли замкнуться національно, что ни одному русскому ничего не

позволили перенять у нихъ, а слѣдовательно только эксплуатировали снисхожденіе къ нимъ русскихъ.

Заключеніе оказывается такое, что не лучше ли понадѣяться и перенести привиллегіи въ этомъ дѣлѣ съ колонистовъ нѣмцевъ на тѣхъ русскихъ, которые заслуживаютъ этого и по своимъ знаніямъ, и по своему общественному положенію? Пусть это рѣшатъ имѣющіе на то право.

Относительно же другихъ двухъ классовъ, подраздѣленныхъ выше, т. е. людей средняго состоянія и бѣдняковъ поселянъ, то на ожиданіе отъ нихъ поднятія культуры вообще надѣяться можно меньше, чѣмъ на людей достаточно богатыхъ, а потому передовую роль они естественно уступятъ симъ послѣднимъ, исключая развѣ собственно хлѣбопашества. Но разумѣется, лишать ихъ фермерства на правахъ собственниковъ, было бы нераціонально. Впрочемъ, въ такомъ дѣлѣ, какъ лѣсоводство, по ничтожности единичныхъ средствъ поселянъ и городскихъ жителей, можетъ быть что нибудь развѣ только при посредствѣ ассоціацій, и то съ поддержкою отъ правительства.

Пав. Зенковъ.

О разведеніи хлопка въ Туркестанскомъ краѣ.

Туркестанскій край, богатый дарами природы, съ благорастворенным климатомъ, и тучною, плодородною почвою, заслуживаетъ полнаго вниманія дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ людей. Искуственное орошеніе даетъ возможность сартамъ, мѣстнымъ осѣдлымъ жителямъ Туркестанскаго края, получать огромные урожаи съ своихъ полей и садовъ. Но ни одно изъ растительныхъ богатствъ Туркестана, какъ и вообще всей Средней Азіи, не заслуживаетъ такого вниманія предпринимателей и фабрикантовъ, какъ хлопокъ, который, по климатическимъ условіямъ Туркестанскаго края, разводится здѣсь вполнѣ успѣшно.

Мы не будемъ говорить о необходимости замѣнить привозный, американскій хлопокъ русскимъ хлопкомъ, о зависимости нашихъ бумагопрядиленъ отъ англійскаго и американскаго рынковъ, о большихъ суммахъ, ежегодно переплачиваемыхъ нами за американскій хлопокъ. Все это уже извѣстныя истины, и потому мы, въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ хлопчатобумажной производительности Туркестанскаго края, ограничимся только указаніемъ на настоящее положеніе хлопковаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ. Какія мѣры должно принять для того, чтобы среднеазіятскій хлопокъ могъ успѣшно конкуррировать съ американскимъ, о томъ уже было подробно изложено въ докладѣ спеціалистовъ «обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ». Въ нашемъ очеркѣ мы будемъ говорить исключительно о культурѣ хлопка въ городахъ и кишлакахъ Туркестанскаго края.

Сѣверною границею полосы хлопка въ Туркестанскомъ краѣ принимается обыкновенно долина р. Арыса; около Чемкента разводится также довольно много хлопка, созрѣвающаго въ октябрѣ. Въ окрестностяхъ Ташкента большія пространства полей уже сплошь засѣяны хлопкомъ, и ташкентскій хлопокъ, по качествамъ своимъ, гораздо лучше чемкентскаго. Около Ташкента и Ходжента успѣшно созрѣваетъ и американскій хлопокъ; но разведеніе американскаго хлопка еще дѣло новое, и пока не при-

несло блестящихъ результатовъ. Еще лучше ташкентскаго и ходжентскаго — бухарскій хлопокъ, который при старательномъ уходѣ за плантаціею, и при тщательной очисткѣ, по качествамъ своимъ, приближается къ нѣкоторымъ сортамъ американскаго.

Хлопокъ требуетъ, для успѣшнаго роста, теплаго, сухаго климата и почвы солонцевато-песчанистой. Въ странахъ, гдѣ лѣто бываетъ дождливое и холодное, посѣвы хлопка рѣдко удаются. Хлопокъ, разводимый повсюду въ Средней Азіи, есть растеніе однолѣтное, вышиною въ 2 аршина; листья его похожи видомъ на листья плюща, цвѣты желтые. Сѣмяна хлопка высѣваютъ обыкновенно въ концѣ апрѣля, когда уже окончательно установится теплая погода. Почву подъ хлопковыя плантаціи не удобряютъ, а только, разрыхливъ, предоставляютъ на нѣкоторое время вліянію солнца и воздуха. Послѣ того вспаханное поле наводняютъ, проводя между грядками воду изъ арыковъ, и посѣваютъ на гряду сѣмяна въ особо приготовленныя ямочки. На одну сороковую десятину пашни высѣваютъ 8 пудовъ (48 чариковъ) сѣмянъ. Въ іюлѣ взошедшій хлопокъ цвѣтетъ, а въ началѣ августа начинаютъ показываться коробочки или плоды, еще недозрѣлыя, которыя, постепенно созрѣвая, достигаютъ величины крупнаго грецкаго орѣха. Въ концѣ сентября коробочки растрескиваются, и тогда тотчасъ же начинается сборъ хлопка. Чтобъ не замедлять работу, туземцы рвутъ безъ различія, какъ созрѣвшія, такъ и недозрѣлыя коробочки, съ желтымъ, большею частію ни на что не пригоднымъ волокномъ.

Одинъ пудъ хлопка въ коробочкахъ (гуза) стоитъ въ Ташкентѣ отъ 80 к. до 1 р. 40 к.; въ Ходжентѣ и Бухарѣ отъ 1 р. до 1 р. 20 к.; въ Самаркандѣ отъ 75 к. до 1 р. Изъ пуда неочищеннаго отъ коробочекъ хлопка получается 9 ф. чистаго хлопка, (слѣдовательно почти ¼), 21 ф. сѣмянъ и 10 ф. коробочекъ и вообще непригоднаго хлопка (отброса). Въ Коканѣ, гдѣ хлопковое производство весьма развито и хлопокъ отличается своимъ, сравнительно, высокимъ достоинствомъ, получается изъ пуда неочищеннаго хлопка 10 ф. чистаго хлопка, 22 ф. сѣмянъ и 8 фунтовъ отброса.

Разведеніе хлопка приноситъ туземнымъ жителямъ Туркестанскаго края большія выгоды. По расчету, приводимому Л. Ф. Костенко въ его запискѣ *), сороковая десятина, при хорошемъ урожаѣ, даетъ въ Ташкентѣ

---

*) *Л. Ф. Костенко:* Хлопчатобумажная производительность въ Средней Азіи (записка, представл. въ коммиссію по участію Турк. края во всероссійской мануф. выставкѣ 1871 г.).

до 100 пудовъ хлопка въ коробочкахъ; изъ нихъ получается: до 25 пудовъ чистаго хлопка, болѣе 50 п. сѣмянъ и до 25 пуд. отброса. Считая по 6 р. за пудъ чистаго хлопка и по 30 к. за пудъ сѣмянъ, валовой доходъ съ десятины, засѣянной хлопкомъ, будетъ около 165 р. Вычтя отсюда плату рабочимъ (по 70 р. за десятину) получится чистаго дохода 95 р. с.

По другому расчету, приведенному почетнымъ гражданиномъ Хаджи-Юнусовымъ, въ его запискѣ, препровожденной г. Шатилову *), сороковая десятина, засѣянная хлопкомъ, можетъ дать до 260 пудовъ коробочекъ разнаго сорта, т. е. зрѣлыхъ и незрѣлыхъ, съ бѣлымъ и желтоватымъ волокномъ. Изъ нихъ получается до 40 п. чистаго хлопка, и до 124 п. хлопка, годнаго только на вату. При тщательномъ же выборѣ сѣмянъ для посѣва, всходы молодыхъ растеній на всей плантаціи будутъ одновременные, а слѣдовательно и коробочки будутъ созрѣвать почти всѣ въ одно время, такъ что вышеприведенная пропорція (40 п. чистаго хлопка и 124 п. желтоватаго) можетъ даже измѣниться въ обратномъ порядкѣ. Считая по 6 р. 20 к. за пудъ хлопка и 30 к. за пудъ сѣмянъ, Хаджи-Юнусовъ опредѣляетъ валовой доходъ съ десятины, засѣянной хлопкомъ, въ 336 р., что дастъ, за вычетомъ расходовъ на покупку сѣмянъ и плату рабочимъ, (всего 71 р.)—265 рублей чистаго дохода съ одной сороковой десятины.

Наибольшій урожай хлопка, по свѣдѣніямъ, собраннымъ коммиссіею туркестанскаго отдѣла всероссійской мануфактурной выставки, бываетъ въ Хивѣ (города: Хозараспъ, Ханки и Кипчакъ); наименьшій—въ сѣверныхъ уѣздахъ Туркестанскаго края. Хотя мы и сказали выше, что сѣверною границею распространенія хлопка въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ считается долина р. Арыса, однако же хлопокъ можетъ произрастать, хотя не вполнѣ успѣшно, и въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ, напр. у Перовска и даже у Казалинска, въ Ауліе-ата, Вѣрномъ и Токмакѣ. Разумѣется, этотъ хлопокъ рѣзко отличается отъ бухарскаго хлопка своими, весьма невысокими, качествами.

Въ послѣднее время въ Ташкентѣ, Ходжентѣ и въ Самаркандѣ стали производить посѣвы американскаго хлопка. Въ противуположность однолѣтнему, бухарскому хлопку, американскій хлопокъ есть многолѣтнее, кустовидное растеніе, съ крупными коробочками, совершенно растрескивающимися при созрѣваніи, что даетъ возможность прямо вынимать изъ нихъ

*) Журн. мануф. и торговли, издаваемый при минист. финансовъ; 1866 г. № 4, стр. 541.

хлопокъ, не ломая скорлупы самихъ коробочекъ. Кромѣ того, качество его волокна гораздо выше качества волокна бухарскаго хлопка.

Профессоръ Киттары, производившій анализъ бухарскаго хлопка, сравнивалъ его съ крымскимъ хлопкомъ г. Раевскаго, изъ котораго можно приготовлять пряжу высокихъ нумеровъ, напр. № 80 и даже № 100. Это изслѣдованіе дало слѣдующіе результаты:

	Крымскій хлопокъ.		Бухарскій хлопокъ.	
maximum длины волокна.	2,2 д.		2 дюйма.	
maximum ширины, въ мѣстахъ развива ленты	0,025	миллим.	0,035	миллим.
Тоже въ мѣстахъ, свернутыхъ спирально въ трубку	0,0175	миллим.	0,024	миллим.
Предѣлъ растяженія пряди до разрыва	4,5	дюйма	3	дюйма.

«Такимъ образомъ,—говоритъ профессоръ Киттары, — изъ простаго сличенія цифръ не трудно заключить, что волокно бухарскаго хлопка, мало уступая въ длинѣ крымскому, значительно шире его въ лентѣ, а потому шире и въ трубчатой формѣ волокна. Единственный недостатокъ бухарскаго хлопка, сравнительно съ крымскимъ, заключается въ томъ, что, при сличеніи образцовъ обоихъ хлопковъ подъ микроскопомъ, волокно крымскаго хлопка представляетъ ленту, почти неразвившуюся изъ свойственной ей спирально-трубчатой формы, тогда какъ волокно бухарскаго хлопка представляетъ ленту, сильно растяженную. Отъ этого и происходитъ главная разница между волокномъ обоихъ хлопковъ, въ практической оцѣнкѣ цѣнности волокна, т. е. при опредѣленіи протяженія, на которомъ прядь хлопка разрывается. Крымскій хлопокъ вытягивается, не разрываясь, до $4^1/_4$ дюйма, а бухарскій—только до 3 дюймовъ. Впрочемъ этотъ недостатокъ, по мнѣнію г. Киттары, во многомъ зависитъ также и отъ небрежной обработки бухарскаго хлопка, при очисткѣ его отъ сѣмянъ.

Несовершенство способовъ очистки отнимаетъ много цѣны у бухарскаго хлопка. Для очистки, хлопокъ пропускаютъ между двумя валиками, вращающимися въ противоположныя стороны; при этомъ волокно проходитъ между валиками, а гуза и сѣмяна отдѣляются прочь. Но работа на такомъ станкѣ (чигрикъ) идетъ чрезвычайно медленно (въ двѣнадцать часовъ очищаютъ отъ сѣмянъ только два фунта хлопка), сѣмяна раздавливаются и портятъ хлопокъ своими маслянистыми частями, осколки коробочки и раздавленныя сѣмяна большею частію также проходятъ между валиками. Все это весьма понижаетъ цѣнность очищеннаго бухарскаго хлопка. Пудъ такого хлопка стоитъ въ Ташкентѣ отъ 3 до 7 рублей,

(въ нынѣшнемъ году 5 р. 50 к.), въ Коканѣ отъ 50 к. до 1 рубля дешевле, а въ Бухарѣ—еще дешевле.

Россія получаетъ изъ Туркестанскаго края, Кокана, Бухары и Хивы почти исключительно одинъ хлопокъ-сырецъ, и, переработывая его на своихъ фабрикахъ, частію возвращаетъ опять въ Среднюю Азію, подъ видомъ хлопчатобумажныхъ тканей. Привозъ хлопка-сырца въ Россію въ послѣдніе одиннадцать лѣтъ удевятерился, что доказываетъ необходимость бухарскаго хлопка для нашихъ фабрикъ; особенно быстро возрастала цифра привоза въ послѣдніе 6 лѣтъ. Цѣна бухарскаго хлопка также быстро повышалась, особливо въ разгаръ войны между сѣверными и южными американскими штатами. Въ 1861 году хлопокъ продавался въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Москвѣ отъ 4 до 5 руб. пудъ, а въ 1864 году цѣна ему возрасла до 22 и даже до 23 рублей. Это, какъ извѣстно, было самое критическое время для нашихъ бумагопрядилень и ситцевыхъ фабрикъ, когда многія изъ нихъ едва могли работать, вслѣдствіе дороговизны американскаго хлопка. Затѣмъ цѣны на хлопокъ стали понижаться и упали до 8 рублей. Кризисъ миновалъ благополучно, потому что Средняя Азія выручила уже нашу хлопчатобумажную промышленность; тогда-то и оказалось, что Бухара можетъ доставить хлопка въ четыре раза болѣе, чѣмъ всѣ остальныя ханства.

Вообще вся Средняя Азія можетъ и при нынѣшнемъ состояніи хлопковаго дѣла дать болѣе 3 милліоновъ пудовъ хлопка. Это количество распредѣляется между среднеазіятскими ханствами слѣдующимъ образомъ: Бухара—2 милліона пудовъ, Хива—500 тысячъ, Коканъ—300 тысячъ и независимыя владѣнія по Аму-Дарьѣ—500 тысячъ. Затѣмъ, по количеству производимаго хлопка въ Туркестанскомъ краѣ, особеннаго вниманія заслуживаетъ Заравшанскій округъ. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ производимаго тамъ хлопка еще не получено, но, судя по взимаемой подати ($^1/_{10}$ часть сбора), которая составляетъ въ годъ цифру 14,255 руб., можно приблизительно положить, что въ Заравшанской долинѣ производится въ годъ хлопка на 142,555 р., т. е. около 160 тыс. пуд. *).

Такое состояніе хлопчатобумажной производительности въ Туркестанскомъ краѣ и въ сопредѣльныхъ съ нимъ, независимыхъ, азіятскихъ ханствахъ. Дѣлу этому еще предстоитъ широкое, дальнѣйшее развитіе.

---

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, изъ Ташкента вывозится хлопка болѣе 800 тысячъ пудовъ. *Ред.*

Ремесленная дѣятельность таджиковъ Заравшанскаго округа.

Въ этой статьѣ мы не намѣрены исчерпать всего, что касается до ремесленнной дѣятельности въ округѣ. Мы будемъ говорить только о производствѣ въ Заравшанскомъ округѣ различныхъ тканей, преимущественно изъ хлопка и шелка, двухъ главныхъ продуктовъ Средней Азіи.

Ремесла, которыми преимущественно занимаются таджики, суть слѣдующія:

1) Ткацкое и вязальное, 2) кузнечное, мѣдничное, и проч. 3) кожевенное, 4) плотничное, столярное и токарное, 5) сапожное, шорное, сѣдельное, и проч. 6) красильное, 7) гончарное и 8) швейное.

Таджики округа ткутъ канаусъ (шаи), адрясъ, алачу, каламу, мату, хосу, чалмы, опояски, вяжутъ чулки, и проч. Для своихъ ткацкихъ станковъ они употребляютъ шелкъ и хлопчатую бумагу, шерсть же и пухъ весьма рѣдко *).

Таджики выдѣлываютъ на своихъ ткацкихъ станкахъ слѣдующія матеріи:

а) *Алача*, полосатая, бумажная матерія, состоящая изъ полосокъ различныхъ цвѣтовъ и ширины; она бываетъ двухъ сортовъ: *алача* простая, бумажная, и *алача ифеклыкъ* или *алача-абрешимъ*, т. е. шелковая алача. Лучшій сортъ простой алачи называется *зибакъ*; еще раздѣляется алача на лощеную и не лощеную. Въ округѣ сортъ алачи ифеклыкъ приготовляется въ самомъ ограниченномъ количествѣ, и то не таджиками, а ихъ женами. Въ лавкахъ алача ифеклыкъ продается привозная изъ Бухары. Кромѣ того, алача дѣлается изъ туземной бумажной пряжи и изъ привозной (русской или англійской) и въ послѣднемъ случаѣ называется *алача-фаренги*. Въ Ходжентѣ, гдѣ центръ таджик-

---

*) Таджики горъ выдѣлываютъ матеріи изъ шерсти и пуху.

скаго населенія, *алача-фаренги* и *алача-ифеклыкъ* не встрѣчается въ продажѣ.

Почти все производство алачи сосредоточивается въ г. Ургутѣ; въ Самаркандѣ и Катта-курганѣ ее ткутъ мало. Катта-курганская алача славится своею добротностью.

Джюра ургутской алачи (16 гязей) стоитъ отъ 80 к. до 1 р. 20 к.; катта-курганской изъ мѣстной пряди 2 р. 40 коп., привозной 6—8 р.

Изъ Бухары въ округъ привозятъ преимущественно алачу фаренги; джюра алачи-фаренги бухарской 1 р. 60 к.—2 р. 40 к.; туземной пряжи изъ Бухары 60 к. — 1 р.

Ургутъ ведетъ торговлю алачей съ округомъ, шахрисябзскимъ бекствомъ, гисарскимъ Хулумомъ и другими мѣстами верховьевъ Аму.

На ткацкій станокъ навивается основы на 10 джюра — 10 фунтовъ пряжи, на что утока идетъ $7^1/_2$ фунт. Окраска основы въ разные цвѣта стоитъ 60 к., а утока, всегда въ густо-синій—1 руб. Работникъ въ одинъ день успѣваетъ соткать 8 гязей алачи и получаетъ задѣльную плату 10 к. въ день.

Въ алачѣ-ифеклыкъ основа состоитъ изъ бумажной пряжи и шелку. На $7^1/_2$ фунт. первой идетъ $2^1/_2$ фунта шелку. Взрослый мужчина таджикъ потребляетъ въ годъ отъ 3—4 джюръ алачи; женщины же мало ее носятъ.

б) *Калама*, бумажная матерія, состоящая изъ одноцвѣтныхъ полосокъ, по бѣлому фону. Цвѣтъ полосъ бываетъ: синій, красный и зеленый. Калама (по персидски—*суси*, по узбекски — *ала-мата*) въ болѣе значительномъ количествѣ производится въ слѣдующихъ мѣстахъ, поставленныхъ по порядку величины производства: въ Самаркандѣ, Чилекѣ, Пейшамбе, Катта-курганѣ, Дагбитѣ и меньше всего—въ Ургутѣ.

Округъ только въ незначительномъ количествѣ вывозитъ каламу въ Туркестанскій край. Ввозъ же каламы въ округъ изъ Бухары большой; ввозная не такъ чиста и хороша, какъ мѣстная.

Джюра мѣстной каламы стоитъ 1 р. 10 коп. Мужчина-таджикъ потребляетъ въ годъ 4 джюры, а женщина 1 джюру.

Задѣльная плата навивки на станокъ одинакова съ алачей.

в) *Фота*, бумажная матерія, употребляемая для чалмы и опоясокъ, по узбекски называется *бель-бағ*, состоитъ изъ весьма мелкихъ синихъ клѣточекъ; она приготовляется въ округѣ исключительно въ Самаркандѣ; мастерскихъ, въ которыхъ ее выдѣлываютъ, до 40, съ двумя или тремя станками въ каждой; длина фоты — 4 гязя; одинъ рабочій, получающій

въ день 15 к., можетъ выткать одну фоту въ два дня. Она ткется, какъ изъ туземной пряжи, такъ и изъ привозной (фаренги); фота изъ мѣстной пряжи стоитъ отъ 1 до 2 р., а изъ фаренги отъ 3 до 5 р.

Изъ Бухары въ округъ привозятъ почти исключительно фоту-фаренги.

Для чалмы двѣ фоты сшиваютъ вмѣстѣ, по длинѣ. Для опоясокъ же употребляется одна фота. Таджикскія женщины фоту не потребляютъ вовсе, мужчины же носятъ одну фоту 2—3 года.

г) *Хоса*, въ родѣ маты, бѣлая бумажная матерія, употребляемая для обвиванія тѣла покойниковъ, на чалмы и для подкладки въ хорошихъ халатахъ. Ее выдѣлываютъ въ Самаркандѣ, Дагбитѣ и Яны-курганѣ; лучшая производится въ двухъ послѣднихъ мѣстахъ.

7 гязей хосы стоитъ отъ 40—50 к.; въ день ткутъ отъ 1 до $1^1/_2$ кусковъ хосы. За работу одного куска рабочій получаетъ $7^1/_2$ к. Всего въ Самаркандѣ до 200 мастерскихъ хосы. Хосу не привозятъ въ округъ изъ Бухары, а напротивъ того, округъ сбываетъ ее самъ въ Бухару и Хиву. Туркменскія женщины дѣлаютъ изъ нея чалмы для себя. Въ округѣ же только самые бѣдные дѣлаютъ изъ нея чалмы.

д) *Пянджа*, широкая ткань, бѣлая; лучше хосы и даки.

е) *Дака*, плотная бумажная ткань изъ привозной пряжи; выдѣлывается въ Дагбитѣ и Яны-курганѣ и мало въ Самаркандѣ. Привозной даки нѣтъ въ округѣ; изъ него ее вывозятъ въ города Бухары и Хивы.

Таджики потребляютъ ее въ весьма ограниченномъ количествѣ. За выдѣлку одного куска даки (6 гязей) рабочій получаетъ 25 к. — Разница между хоса и дака заключается въ ширинѣ ткани; дака шире, чѣмъ хоса.

ж) *Тибитъ-сальи*. Тибитъ значитъ пухъ, сальи—чалма; стало быть въ переводѣ это слово значитъ: *пуховая чалма*. Изъ шерсти и пуха выдѣлываютъ въ Самаркандѣ полушерстяную матерію тибитъ-сальи или тибитъ-фота, на опояски и чалмы. Въ такой ткани основа — бумажная, а утокъ—пуховый. Этого рода ткань начали приготовлять въ Самаркандѣ лѣтъ 40 тому назадъ, перенявъ искуство выдѣлки ея изъ Ура-тюбе. Въ настоящее время эта матерія приготовляется въ Самаркандѣ и во многихъ горныхъ кишлакахъ.

Длина тибитъ-сальи отъ 4 до 14 гязей; одинъ рабочій вырабатываетъ 6 гязей въ день и получаетъ 25 к.

10 гязей тибитъ-сальи продаются, смотря по добротности, отъ 1—5 р.

Ввоза тибитъ-сальи въ округъ нѣтъ; вывозятъ же ее въ бухарскія владѣнія.

Изъ полушелковыхъ матерій выдѣлываются:

и) *Пари-паша*, носится женщинами и употребляется на фаренджи,

т. е. халаты женскіе, обыкновенно бѣлые съ синимъ. Пари-паша бываетъ, впрочемъ, и шелковая (высшій сортъ).

і) *Пасма*—полушелковая матерія, съ широкими полосками, и *бикосабъ*, такая же ткань съ болѣе узкими полосками.

к) *Адрясъ* и *алъ-чимбаръ;* различаются шириною ткани; адрясъ бываетъ до 6 вершковъ ширины, а алъ-чимбаръ—до 10 вершковъ.

Всѣ полушелковыя ткани набиваются «муаре» особыми мастерами на базарахъ. Инструментъ, которымъ производятся узоры муаре, называется *кудунгъ*; это довольно тяжелый молотокъ съ полукруглою, выдающеюся частью, изъ крѣпкаго дерева *зиранъ* (растетъ въ Заравшанскомъ округѣ). Столъ, на которомъ растягивается набиваемая матерія, также имѣетъ полукруглое, небольшое возвышеніе изъ зирана.

Канаусъ (*шаи*) бываетъ трехъ сортовъ: *судурга* (гладкій), *чага* (полосатый) и *абардаръ* (цвѣтной, узорчатый).

Атласъ, или джибе-аркакъ, какъ называютъ его въ Коканѣ и Маргеланѣ.

Басма (сукно) изъ верблюжьей шерсти для зимнихъ халатовъ; выдѣлывается въ большомъ количествѣ въ Ура-тюбе, и бываетъ свѣтло-коричневаго и чернаго цвѣта.

Басма-и-тибитъ—та же ткань, но пополамъ съ пухомъ (тибитъ), и слѣдовательно, гораздо мягче и изящнѣе.

Кокма—армячина, также изъ верблюжьей шерсти, пуха, козьей или бараньей шерсти, и есть преимущественно произведеніе кочевыхъ жителей Туркестанскаго края; весьма много кокмы, отличной доброты, выдѣлывается киргизами Семирѣченской области.

Кошмы (войлокъ), необходимая принадлежность въ домашнемъ быту каждаго кочевника.

Паласы, выдѣлываются въ Ходжентскомъ уѣздѣ и въ Заравшанскомъ округѣ въ небольшомъ количествѣ. Производствомъ паласовъ славится Курама, т. е. жители бассейна Ангрена и Чирчика.

Узбеки поколѣнія тюркъ, зимующіе въ Джаръ-Кутанъ-танга (ущелье Джаръ-Кутанъ), въ верховьяхъ Шагристонъ-сая, по направленію къ перевалу въ Урмитанъ, выдѣлываютъ превосходные ковры (*гелымъ*), съ длиннымъ, пушистымъ ворсомъ. Вообще же въ Средней Азіи считается три сорта ковровъ: *машатэ* (машатскіе), *джуйнабе* (туркменскіе) и *акъ-чачакъ* (изъ Кокана).

А. Гребенкинъ.

Разведеніе шелковичныхъ червей въ Средней Азіи.

Шелководство, по видимому, весьма давно водворилось въ Средней Азіи; оно было перенесено сюда изъ Китая, и вѣроятно было время, когда этотъ промыселъ находился здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи. Но въ послѣднихъ вѣкахъ шелководство упало здѣсь такъ низко, что можно было даже считать его совершенно прекратившимся. Оттого-ли, что эмиры строго наблюдали за исполненіемъ законовъ противъ роскоши, или оттого, что значительный трудъ, необходимый для полученія шелка хорошаго качества, утомилъ лѣнивыхъ азіятцевъ, потому ли, что дѣйствительно трудъ ихъ мало вознаграждался, или по какой либо другой причинѣ, но только— шелководство упало. Съ коконами, производимыми въ небольшомъ количествѣ, обращались весьма небрежно; чтобы убить куколокъ, коконы раздавливали, и шелкъ, уже и безъ того загрязненный и испорченный, еще болѣе портился во время пряденія.

Взятіе Мерва измѣнило отчасти положеніе шелковаго дѣла въ Средней Азіи. Хали-Амурадъ-бекъ, изъ династіи менглиссовъ, взявъ этотъ городъ въ 1787 году, опустошилъ его, вывелъ оттуда жителей и разселилъ ихъ, какъ рабовъ, въ различныхъ городахъ Бухары.

Мервитяне славились своимъ искуствомъ въ разведеніи шелковичныхъ червей и въ размоткѣ коконовъ. Они и въ рабствѣ продолжали заниматься своимъ промысломъ, улучшили вездѣ въ Бухарѣ способы воспитанія червей, научили убивать куколокъ безъ порчи коконовъ, разматывать и прясть шелкъ по своей методѣ. Съ этого времени начинается постепенное улучшеніе шелководства Средней Азіи, хотя большая часть работъ исполнялась, по прежнему, потомками невольниковъ, выведенныхъ изъ Ирана. Улучшеніе шелководства было для нихъ задачею довольно легкою, по причинѣ изобилія тута на всемъ обширномъ пространствѣ ихъ новаго мѣста жительства. Это изобиліе тутоваго дерева невольно бросается въ глаза каждому путешественнику, даже самому ненаблюдательному.

Воспитывается много разновидностей этого дерева, и мнѣ было не трудно ихъ распознать, потому что я былъ въ Самаркандѣ именно въ ту пору года, когда тутовыя деревья были вывезены на базаръ, у мечети Ширьдаръ, въ числѣ прочихъ деревьевъ, въ весьма большомъ количествѣ, такъ что мнѣ легко было производить наблюденія по этому предмету.

Хассакъ — есть дикій тутъ, растущій въ странѣ и служитъ для прививки къ нему всѣхъ другихъ разновидностей этого дерева. Онъ имѣетъ слегка морщинистую кору, большой корень и легко растетъ повсюду. Обыкновенно его прививаютъ въ то время, когда онъ еще не достигъ полнаго роста. Пятнадцать деревцевъ хассака, совершенно свѣжія и здоровыя на видъ, толщиною въ палецъ, были отданы мнѣ за 10 к. с. Иногда его оставляютъ расти и потомъ прививаютъ его вѣтви, отдѣльно. Онъ приноситъ красныя ягоды, съ большими сѣмянами, мало употребляемыя въ пищу. Листьями хассака охотно питаются шелковичные черви.

Изъ прививныхъ тутовниковъ наиболѣе распространенъ, такъ называемый, *балхскій*, изъ окрестностей Балха. Онъ имѣетъ гладкую и свѣтлую кору, и приноситъ бѣлыя ягоды, съ мелкими сѣмянами, почти незамѣтными. Балхскій тутовникъ разводится почти столько же вслѣдствіе отличнаго качества своихъ ягодъ, какъ и для листьевъ. Во всей долинѣ Заравшана преобладаетъ этотъ видъ тутовника. На Матчѣ, одномъ изъ главнѣйшихъ притоковъ Заравшана, тамъ, гдѣ онъ течетъ еще среди своихъ утесистыхъ горъ, разводится исключительно этотъ видъ тута; сушеныя ягоды его во множествѣ вывозятся отсюда въ Самаркандъ, гдѣ продаются подъ названіемъ *тутъ-маизъ;* ягоды иногда мелютъ, образуя родъ муки, которую смѣшиваютъ съ водою, и изъ смѣси приготовляютъ освѣжительное питье. Эта же мука, смѣшанная съ пшеничною, служитъ для приготовленія пирожковъ, называемыхъ *тутъ-халва.*

Въ низовьяхъ Заравшана также встрѣчается балхскій тутъ повсюду, по сторонамъ дорогъ, въ садахъ, въ кишлакахъ, и здѣсь онъ достигаетъ иногда огромныхъ размѣровъ. Помню, на дорогѣ къ Катты-кургану видѣлъ я группу изъ 4-хъ тутовниковъ-балхи, огромныхъ размѣровъ. Отъ нихъ и ближній кишлакъ получилъ названіе шакаръ-тутъ, что значитъ: четырехъ тутовниковъ.

На базарахъ также почти исключительно встрѣчается балхи; хорошій трехлѣтній экземпляръ, довольно вѣтвистый, привитый на стволѣ хассака, толщиною до 5 сентиметровъ, и вышиною всего, примѣрно, въ три человѣческіе роста, стоитъ 20 к. По крайней мѣрѣ—это цѣна, которую съ меня постоянно запрашивали. Встрѣчаются также въ продажѣ и болѣе развитые экземпляры.

Хали-тутъ, родомъ изъ Персіи, имѣетъ кору грубую и морщинистую, вѣтви распространяетъ шарообразно, покрытыя крупными, темнозелеными листьями; ягоды его длинныя, крупныя, темно-краснаго цвѣта, служащія также для приготовленія прохладительнаго питья. Отличный, трехлѣтній экземпляръ хали-тута, довольно вѣтвистый, привитый на хассакѣ, 5 сентиметровъ въ діаметрѣ, съ крѣпкими корнями, продавался за 50 к. Но меня увѣряли, что можно купить его и за половину этой цѣны.

Марваритакъ (перлъ) — разновидность наиболѣе культивированная, какъ относительно листа, такъ и по своимъ ягодамъ, бѣлаго цвѣта. Но она мало разводится, потому что требуетъ большаго ухода. Съ перваго взгляда марваритакъ не отличается отъ балхи; его также прививаютъ къ дикому тутовнику.

Хоразминъ; эта прививка также мало распространена, и очень рѣдко встрѣчается на базарѣ. Я въ ней не вижу ничего особенно замѣчательнаго. Цѣна на эти разновидности почти одинакова и зависитъ отъ роста и качества покупаемаго деревца.

Здѣсь, какъ и повсюду, свойство почвы, воды и положенія мѣстности имѣютъ огромное вліяніе на развитіе тутовника. Я видѣлъ саженцы хассака, десятилѣтняго возраста, рядомъ съ такими же саженцами трехлѣтняго возраста, и первые почти ничѣмъ не отличались отъ послѣднихъ. Въ мѣстностяхъ сырыхъ, или постоянно наводненныхъ, не видно тутовника; лучшіе экземпляры встрѣчаются въ мѣстахъ сухихъ, оплодотворенныхъ благодѣтельнымъ орошеніемъ изъ арыковъ.

Тутъ составляетъ древесную породу, наиболѣе распространенную въ странѣ, какъ бы ни было развито въ ней производство коконовъ. Къ этому выводу я пришелъ во время моихъ разъѣздовъ въ окрестностяхъ Самарканда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ я замѣчалъ большое изобиліе тута, въ сравненіи съ количествомъ коконовъ, производимыхъ жителями, и которое было объявлено ими. Это я замѣтилъ въ Пенджикентѣ, городѣ, отстоящемъ въ $7^1/_2$ ташахъ отъ Самарканда (1 ташъ = 8 верстамъ). Пенджикентъ лежитъ въ Заравшанской долинѣ, орошаемой этой рѣкою.

Во время поѣздки моей на юго-востокъ отъ Самарканда, въ 30 верстахъ отъ города, въ мѣстности, весьма обработанной и покрытой одиночными жилищами, я замѣчалъ кругомъ каждаго изъ нихъ рощицы изъ превосходныхъ тутовыхъ деревьевъ. Туземцы на вопросъ мой отвѣчали, что они разводятъ эти деревья для ягодъ. На Джюма-базарѣ, невзрачномъ собраніи хижинъ, необитаемыхъ въ продолженіи 6 дней въ недѣлѣ и кипящихъ на седьмой день народомъ, собравшимся сюда со всѣхъ сторонъ для покупки, продажи и мѣны, меня увѣряли, что въ пору сбора коконовъ на этомъ рынкѣ появляется весьма ограниченное число коко-

новъ. Надобно, впрочемъ, оговориться, что подлинность этихъ свѣдѣній можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ я пріѣзжалъ на упомянутый мною выше базаръ съ начальникомъ зякетнаго сбора, присутствіе котораго, конечно, не могло внушить туземцамъ особаго довѣрія, и вызвать ихъ на откровенность, относительно количества и качества добываемыхъ ими продуктовъ.

На оборотъ, ближе къ Заравшану, тамъ, гдѣ онъ выходитъ изъ горъ, разведеніе шелковичнаго червя очень распространено, и великолѣпные тутовники, которымъ я удивлялся, служатъ для прокормленія драгоцѣннаго насѣкомаго. Въ Даулѣ *), чрезъ который я проѣзжалъ, въ каждомъ домѣ разводятъ шелковичныхъ червей, и по разсказамъ, — тоже самое въ Яны-курганѣ, Дагбитѣ, Мистанѣ, Чилекѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ этихъ мѣстахъ я видѣлъ насажденія тута, въ равномъ разстояніи одно дерево отъ другаго, подрѣзанныя и вообще обработанныя вполнѣ удовлетворительно. Здѣсь я видѣлъ цѣлыя аллеи тутовника, начинающіяся тѣми деревьями, которыя высятся у воротъ Самарканда; это цѣлыя плантаціи, которыя весьма много обѣщаютъ въ будущемъ.

Я съ намѣреніемъ распространился о плантаціяхъ, такъ какъ существуетъ мнѣніе, будто бы Туркестанъ ограниченъ въ производствѣ коконовъ извѣстными предѣлами, далѣе которыхъ количество коконовъ не можетъ увеличиваться. При изобиліи листьевъ и вѣтвей тута, только одинъ недостатокъ спроса можетъ ограничивать производство шелковыхъ коконовъ.

Требованіе на ягоды тута, почти столь же сильное, какъ и требованіе на листья, служитъ причиною, что цѣны на тутъ обыкновенно стоятъ довольно высокія для края. Сборъ листьевъ съ большаго дерева цѣнится иногда въ 20 тенегъ; съ уменьшеніемъ размѣра деревьевъ и цѣна на собранный съ него листъ падаетъ до 8—6 тенегъ, и даже менѣе. Иногда случается, что и въ годы хорошаго урожая на листъ начинаетъ ощущаться въ немъ недостатокъ. Съ перваго взгляда это кажется страннымъ, если сообразить то огромное количество тутовника, который растетъ по всей странѣ. Но мы перестанемъ удивляться, если вспомнимъ, что пространства, на которыхъ разводятъ тутъ, собственно для полученія ягодъ, достигаютъ иногда до 30 верстъ, что листъ на тѣхъ деревьяхъ, которыя разсажены при дорогахъ, не можетъ быть достаточно свѣжъ, и служить пищею червямъ, потому что лѣтомъ дороги представляютъ опаленныя

---

*) Кишлакъ близь Самарканда, населенный персіянами, потомками бывшихъ рабовъ.

солнцемъ пространства пыльной почвы; прибавимъ къ этому, что способы перевоза и доставки листьевъ на рынки несовершенны и что жители въ это время года заняты каждый своею спѣшною работою. Недостатокъ въ листьяхъ случается обыкновенно въ послѣднiй перiодъ воспитанiя червя и застигаетъ шелководовъ совершенно врасплохъ. Если даже мы, европейцы, которые гордимся тѣмъ, что довели эту отрасль промышленности до крайней степени совершенства, терпимъ иногда убытки, вслѣдствiе недостатка въ листѣ, то весьма естественно, что туземцы, недальновидные по природѣ, не могутъ заранѣе расчитать и заготовить необходимое количество листьевъ для прожорливаго насѣкомаго, которое разомъ истребляетъ запасъ пищи, повидимому, достаточный для его прокормленiя во весь перiодъ жизни.

Обращенiе туземцевъ съ сѣмянемъ шелковичнаго червя можетъ назваться удовлетворительнымъ; они держатъ у себя такое количество сѣмянъ, которое для нихъ необходимо, и сохраняютъ его въ небольшихъ мѣшечкахъ изъ бумажной ткани, сшитыхъ такимъ образомъ, что сѣмяна не могутъ въ нихъ сотрясаться. Эти мѣшечки развѣшиваются въ которой нибудь изъ комнатъ ихъ жилья, и такъ какъ въ комнатахъ нѣтъ стеколъ и печей, то сѣмяна и не могутъ заглохнуть. Изобилiе запасеннаго сѣмяни дастъ туземцамъ возможность вывести новыхъ червей, въ случаѣ, если первый, вылупившiйся изъ сѣмянъ выводокъ, будетъ умерщвленъ холодомъ. Въ то же время изобилiе сѣмяни даетъ возможность увеличивать или уменьшать производство коконовъ, смотря по надобности, или сообразуясь со спросомъ того года. Я самъ лично могъ убѣдиться въ этомъ изобилiи сѣмяни, въ сущности весьма неудивительномъ, такъ какъ большая часть коконовъ разматывается въ домахъ выводчиковъ червей, превращаясь въ нѣчто, похожее на шелкъ, и именуемое *каляба*. Для приготовленiя этого рода шелка не обращаютъ большаго вниманiя на качество коконовъ, и берутъ даже коконы продиравленные вылупившимися бабочками, такъ что одновременно можетъ получаться и размотанный шелкъ и сѣмена.

Занимающiеся добыванiемъ сѣмянъ шелковичнаго червя навязываютъ на нить коконы, примѣрно по тысячѣ, въ видѣ ожерелья и развѣшиваютъ ихъ, обернувъ предварительно мѣшкомъ. Черезъ 20 дней коконы вынимаютъ изъ мѣшка, собираютъ сѣмя, оставшееся въ мѣшкѣ, очищаютъ, отбирая крупные остатки,—тѣла умершихъ бабочекъ и размѣщаютъ сѣмя въ небольшiе мѣшечки, какъ было сказано выше. Въ этомъ сѣмяни я находилъ между множествомъ сору и остатковъ умершихъ насѣкомыхъ, также и значительное количество пустыхъ сѣмянъ. Я съ удивленiемъ видѣлъ, что даже самые заботливые шелководы не сортируютъ коконы, и

навязываютъ ихъ безразлично, перемѣшивая вмѣстѣ коконы различныхъ цвѣтовъ и достоинствъ. Однако же шелководы умѣютъ различать хорошіе коконы и тѣ, отъ которыхъ получается болѣе шелка, отъ дурныхъ, а также крѣпкіе коконы отъ тѣхъ, которые болѣе удобны къ размоткѣ. Для меня еще загадка: почему они не хотятъ отбирать лучшіе коконы. На мой вопросъ, мнѣ отвѣчали: «такъ дѣлали наши отцы». Я заставилъ сартовъ отобрать лучшіе, по ихъ мнѣнію, коконы изъ небольшаго количества оставшихся случайно на фабрикѣ, которую я посѣтилъ; они отобрали мнѣ, какъ лучшіе коконы, розовые, твердые, хорошо сформированные,—старинный ломбардскій коконъ.

Мнѣ остается еще разсказать про одну, весьма замѣчательную особенность здѣшняго способа шелководства: это — заботы сартовъ объ обновленіи сѣмянъ, по крайней мѣрѣ по истеченіи каждыхъ четырехъ лѣтъ, т. е. о взаимномъ обмѣнѣ сѣмянъ изъ одной мѣстности въ другую. Если обстоятельства препятствуютъ производить такой обмѣнъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, они мѣняются сѣмянами между собою, сосѣдъ съ сосѣдомъ. Но, по ихъ теоріи, слѣдуетъ производить такой обмѣнъ какъ можно далѣе. Бухара, по ихъ мнѣнію, есть главнѣйшій центръ шелководства; туземцы полагаютъ, что тамъ разводятъ лучшія породы червей, и что по этому Бухара можетъ служить лучшимъ источникомъ для обновленія шелковичнаго сѣмяни. Я не вдаюсь въ соображенія, относительно этой умной и практической мѣры, усвоенной туземцами Средней Азіи, такъ какъ желалъ представить не диссертацію, а только бѣглыя замѣтки о мѣстномъ шелководствѣ.

Сѣмяна оживляютъ тѣмъ, что держатъ ихъ на тѣлѣ, между одеждой, согрѣвая ихъ природной теплотой человѣческаго тѣла. Выводка червей производится приблизительно во второй половинѣ апрѣля (новаго стиля). Молодые, вылупившіеся черви содержатся первое время въ мѣшечкахъ, и переносятся въ ящики, когда они вполнѣ подростутъ. Имъ никогда не даютъ уже обрѣзанный листъ. Ящики дѣлаются высотою до колѣна и на столько широкими, что между ними и стѣнками комнаты едва остается проходъ для одного человѣка. Кругомъ ножекъ, на которыхъ утвержденъ ящикъ, налита вода, для того, чтобы воспрепятствовать насѣкомымъ вползать въ ящики и приносить вредъ червямъ. Ящикъ покрытъ плетенкою изъ прутьевъ, на которую кладутъ вдоль и поперегъ вѣтви тута, мѣняя ихъ по мѣрѣ того, какъ черви объѣдаютъ ихъ листья. Черви чрезвычайно прожорливы; они совершенно обгрызаютъ вѣтки, положенныя на плетенку. Тогда въ концѣ ящика кладутъ новыя вѣтви. Чтобы кормить червей, выведенныхъ изъ 7 золотниковъ сѣмянъ, потребны листья съ 25 тутовниковъ, средней величины. Былъ однажды случай, что для

прокормленія червей у одного туземнаго шелковода не хватило тутовыхъ листьевъ; не зная, что дѣлать и опасаясь потерять всѣхъ червей, онъ бросилъ имъ пукъ травы; черви съѣли эту траву, какъ будто бы они никогда и не знали другой пищи. Сартъ Уста-Гассанъ, который мнѣ разсказалъ объ этомъ, признался однако, что ему никогда не приходилось быть очевидцемъ такого случая, но что онъ слышалъ о немъ отъ другихъ.

При этой прожорливости червя, нечего удивляться обилію производимаго имъ продукта—шелка. Утверждаютъ, что 7 золотниковъ сѣмянъ, о которыхъ я говорилъ выше, могутъ дать 8 пудовъ коконовъ, если только всѣ условія благопріятствуютъ развитію и росту червей. Впрочемъ, эта цифра считается maximum и количество коконовъ въ неблагопріятные годы можетъ уменьшиться до 2 пудовъ. Но если даже взять среднее число: 5 пудовъ, то и въ такомъ случаѣ доходъ на затраченный трудъ и капиталъ будетъ весьма значителенъ.

Червю потребно 70 дней отъ минуты выхода изъ яичка до начала завивки кокона, а въ Бухарѣ, гдѣ климатъ теплѣе, — 65 дней. Черезъ 80 дней послѣ вывода червей изъ яичекъ, коконы начинаютъ уже показываться на базарахъ. Я не могъ получить никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній относительно того періода, когда черви мѣняютъ оболочку; Уста-Гассанъ увѣрялъ меня, что они мѣняютъ кожу только одинъ разъ въ теченіи своей жизни.

Изъ всего количества полученныхъ коконовъ, одну часть шелководы оставляютъ у себя, сушатъ на солнцѣ и затѣмъ коконы разматываются туземными женщинами; остальная часть идетъ на рынки.

Въ Самаркандѣ есть особые мастера, размотчики шелка, которые исключительно занимаются этой работой. Когда коконы собраны, они ходятъ къ шелководамъ изъ дома въ домъ и разматываютъ шелкъ за особую плату. Этотъ шелкъ поступаетъ на фабрики, для выдѣлки изъ него различныхъ тканей. Шелкъ, размотанный женщинами — плохаго качества; этой работой занимаются туземныя женщины большею частію въ кишлакахъ, около Самарканда. Въ Шахрисябзѣ также разматываютъ этимъ способомъ много коконовъ и здѣсь, какъ меня увѣряли, добываются коконы самаго лучшаго качества. На самаркандскій базаръ привозится изъ Шахрисябза много розовыхъ коконовъ, безъ всякой подмѣси. Торговый центръ для всего Шахрисябзскаго владѣнія есть Самаркандъ, какъ относительно продажи коконовъ, такъ и шелка, выработаннаго въ шахрисябзскихъ городахъ и кишлакахъ.

Трудно съ точностью опредѣлить количество коконовъ, разматываемыхъ въ домахъ. Выработанный такимъ образомъ шелкъ расходится по-

всюду въ малыхъ количествахъ, на различныя работы; большею частію этотъ шелкъ покупаютъ евреи, прядутъ и потомъ снова перепродаютъ. Количество шелка, продаваемаго чрезъ посредство маклеровъ, должно быть весьма ограничено. Въ Средней Азіи вошло въ обычай все приносить на рынокъ, для продажи.

Въ Самаркандѣ коконный базаръ бываетъ въ обыкновенные дни, т. е. по воскресеньямъ и средамъ. Мѣстомъ, спеціально предназначеннымъ для этого рода торга, въ послѣдніе годы былъ сарай Магомедъ-Карима, и онъ бываетъ очень оживленъ въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, четырехъ недѣль.

Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что въ 1869 году на базарахъ: самаркандскомъ, даульскомъ, дагбитскомъ, яны-курганскомъ и чилекскомъ было собрано зякета только съ 908 пудовъ, 29 фунтовъ проданныхъ коконовъ. Но есть полное основаніе предполагать, что эта цифра ниже дѣйствительной; въ то время порядокъ зякетнаго сбора еще не могъ быть совершенно правильно организованъ въ этой странѣ, еще недавно покоренной, и хитрые туземцы могли находить возможность уклоняться отъ взноса подати. По свѣдѣніямъ, въ 1867 году, (послѣдній годъ владычества эмира надъ Самаркандскимъ округомъ), количество проданныхъ коконовъ опредѣлялось въ 3 тысячи пудовъ. Въ 1868 году продажи не было, по случаю возникшей войны — заклятаго врага шелковой промышленности. Но если всѣ согласны въ томъ, что по прекращеніи военныхъ дѣйствій, шелководство въ краѣ значительно поднялось, то оффиціальная цифра проданныхъ коконовъ въ 1869 году далеко не можетъ назваться точною. По нѣкоторымъ даннымъ, сообщеннымъ мнѣ однимъ изъ сартовъ, весьма свѣдущимъ въ этого рода промышленности, я предполагаю, что въ минувшемъ году продано было гораздо болѣе коконовъ. Вотъ расчетъ, на которомъ я основываю это предположеніе:

Каждый базарный день продается въ одномъ Самаркандѣ коконовъ приблизительно на 700 тиллей, а въ мѣсяцъ — почти на 5 тысячъ тиллей; въ поименованныхъ выше кишлакахъ продаютъ въ мѣсяцъ по крайней мѣрѣ на 1,000 тиллей. Стало быть всего продается коконовъ на сумму до 6 тысячъ тиллей, т. е. иначе — на 24 тысячи рублей. Слѣдовательно, если мы примемъ среднюю цѣну за пудъ 25 тенегъ, т. е. 10 р. 40 к., то, основываясь на данныхъ, полученныхъ отъ самихъ сартовъ, мы получимъ среднюю цифру—6 тысячъ пудъ; принимая же среднюю стоимость 1 пуда коконовъ — 11 р. 50 коп., мы получимъ почти 5 тысячъ пудовъ.

Къ тѣмъ же самымъ выводамъ можно придти и при другомъ расчетѣ: двѣ тысячи жителей приносятъ, для продажи на базарѣ, выве-

денные ими коконы; нѣкоторые туземцы приносятъ не болѣе нѣсколькихъ фунтовъ, но весьма многіе продаютъ 4, 5 и даже 8 пудовъ. Принимая что каждый житель продаетъ среднимъ числомъ 5 пудовъ коконовъ, мы получаемъ также цифру 6 тысячъ пудовъ коконовъ, находящихся въ продажѣ на базарахъ.

Всѣ эти данныя относятся собственно къ Самаркандскому округу; по общему увѣренію, въ Катты-курганскомъ округѣ шелководство развито гораздо значительнѣе. По этому я безъ колебанія готовъ принять, что весь Заравшанскій округъ производитъ въ годъ до 10 тысячъ пудовъ сырыхъ коконовъ, которыя и обращаются на его рынкахъ и базарахъ. Цифра эта все еще представляетъ minimum коконнаго производства и по моимъ, среднимъ выводамъ, она могла бы быть гораздо болѣе.

Вывоза коконовъ изъ края не существуетъ, и черезъ Самаркандъ не провозятся сухіе коконы. На оборотъ, существуетъ ввозъ изъ Бухары и Кокана шелка, который служитъ для приготовленія туземныхъ тканей: *адряса* и *шаи* (первая ткань полушелковая — полубумажная, а вторая чисто шелковая). Ввозъ шелка необходимъ, потому что калява не можетъ служить для приготовленія этихъ тканей. Какъ было бы выгодно для страны изъять это громадное количество коконовъ изъ неискусныхъ рукъ туземныхъ женщинъ — сартянокъ, почти исключительно занятыхъ нынѣ размоткою шелка!

Лучшіе размотчики, купивъ сырые коконы на базарѣ, сушатъ ихъ слѣдующимъ образомъ: прежде всего ихъ разсыпаютъ по землѣ, весьма тонкимъ слоемъ и подвергаютъ дѣйствію солнечныхъ лучей въ продолженіи цѣлаго дня; этого достаточно, чтобы убить куколокъ, заключающихся внутри коконовъ. Затѣмъ коконы собираютъ въ слои, болѣе густые, но по прежнему оставляютъ также на открытомъ воздухѣ; только на день ихъ прикрываютъ холстиной, а ночью предоставляютъ свободному теченію воздуха, перемѣшивая по временамъ весь разостланный слой. При такомъ способѣ сушки, коконы совершенно высыхаютъ въ 25 дней. Тогда ихъ переносятъ въ складъ, гдѣ держатъ на протянутыхъ кускахъ бумажной, грубой ткани, часто перемѣшиваютъ, заботятся, чтобы свѣжій воздухъ имѣлъ постоянный притокъ и охраняютъ отъ насѣкомыхъ, прогрызающихъ и портящихъ коконы. Чтобы охранить коконы отъ мышей, запираютъ въ складъ нѣсколько кошекъ. Сухіе коконы весьма хорошо сохраняются въ такихъ складахъ.

Въ Самаркандѣ находится не болѣе 15 или 20 мастеровъ, у которыхъ есть станки, необходимые для размотки шелка. Иранцы, о которыхъ я уже упоминалъ выше, и число которыхъ не превышаетъ ста человѣкъ,

соединяются въ небольшія артели, и ходятъ изъ дома въ домъ, для размотки коконовъ. Они также иногда покупаютъ коконы на свои деньги, разматываютъ ихъ и продаютъ полученный шелкъ.

На одной фабрикѣ, которую я осматривалъ, хозяинъ разсказывалъ мнѣ, что онъ размоталъ въ продолженіи года 40 пудовъ шелку. Отъ 16 *чариковъ* сырыхъ коконовъ получается 1 чарикъ шелка *); сухихъ коконовъ надобно только 5 чариковъ, чтобы получить то же количество шелка. Стало быть на фабрикѣ выработано было выше показанное количество шелка (40 пуд.) изъ 640 пудовъ свѣжихъ коконовъ. Хозяинъ фабрики увѣрялъ меня, что это не есть *maximum* производства его фабрики и зависѣло только отъ капитала, которымъ онъ располагалъ при закупкѣ коконовъ.

Коконы разматываются безъ разбора, и хорошіе и дурные вмѣстѣ; нить наматывается съ 15 и до 20 коконовъ; нѣсколько большее или меньшее число коконовъ въ этомъ случаѣ для туземцевъ ничего не значитъ.

Ткацкіе станки были введены въ краѣ весьма недавно, не болѣе, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ. Нѣкто Уста-Урръ первоначально завелъ у себя два станка и съ тѣхъ поръ они начали весьма быстро распространяться, особливо въ послѣдніе годы, такъ что въ настоящее время ихъ насчитываютъ болѣе 220; въ томъ числѣ есть до 200 станковъ для производства адряса, до 20 для выдѣлки шелковыхъ матерій и не менѣе 12 для выдѣлки бикосаба (одинъ изъ родовъ адряса). Въ сущности, производство шелковыхъ тканей еще не выходитъ изъ весьма скромныхъ размѣровъ, и не далеко ушло отъ посредственности. Сарты еще не достигли до сознанія необходимости улучшить свое шелковое производство. Находясь между Россіею, Индіей и Китаемъ, откуда они могли бы перенять лучшіе способы выдѣлки тканей, они упорно продолжаютъ придерживаться своихъ старыхъ, худшихъ способовъ. Возмемъ для примѣра окраску тканей: въ здѣшнихъ шелковыхъ тканяхъ нѣтъ свѣжихъ, яркихъ цвѣтовъ. Это мало бросается въ глаза, когда видишь кругомъ себя почти исключительно одни только туземныя матеріи; но на ташкентской выставкѣ 1869 г., при сличеніи туземныхъ тканей съ китайскими, присланными изъ Вѣрнаго, тотчасъ же замѣтно было рѣзкое отличіе между тѣми и другими.

Къ сожалѣнію, въ Заравшанской долинѣ урожай коконовъ также подверженъ случайностямъ, вслѣдствіе такихъ же болѣзней червя, которыя опустошаютъ шелковыя плантаціи въ Европѣ. Я не могъ получить отъ

---

*) Чарикъ = 5 фунтамъ.

сартовъ никакихъ полныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній по этому предмету, вслѣдствіе ихъ мусульманскаго фатализма. Они сообщили мнѣ только, что бываютъ годы, гогда урожай коконовъ весьма незначителенъ. Въ эти годы атмосфера тяжелая, и дуетъ юго-западный, знойный вѣтеръ, подобный самуму; этотъ вѣтеръ, приносится изъ накаленной солнцемъ пустыни и удушаетъ червей *). Во избѣжаніе этого, туземцы стараются устраивать въ своихъ домахъ окна и двери въ направленіи противуположномъ, чтобы горячій воздухъ не могъ легко проникать во внутренность жилища.

Болѣзнь охватываетъ большею частію только нѣсколько домовъ, но зато тамъ она почти совершенно уничтожаетъ весь сборъ. Въ такихъ случаяхъ болѣзнь имѣетъ характеръ отчасти эпидемическій.

Болѣзнь эту сарты обозначаютъ словами: «черви мѣняются въ водѣ». Подробностей о болѣзни туземцы не могли мнѣ сообщить; я не могъ даже добиться отъ нихъ, какой цвѣтъ принимаютъ больные черви? Мнѣ отвечали только на всѣ мои, самые настоятельные вопросы, что вообще урожай коконовъ, обильный или скудный, зависитъ отъ воли Божіей, что съ своей стороны они принимаютъ всѣ мѣры: перемѣщаютъ червей въ другое мѣсто, чистятъ ихъ, даютъ имъ больше воздуха, и т. п., но когда уже есть на то воля Божія, никакія старанія не помогутъ.

Однажды вошелъ я въ тѣсное жилье, куда свѣтъ и воздухъ проникали только чрезъ небольшую дверь; другая дверь вела въ смежную комнату, гдѣ на станкѣ производилась размотка уже собранныхъ коконовъ. Въ комнатѣ, гдѣ выводились черви, вонь была невыносимая, какъ по причинѣ общей нечистоты, господствовавшей въ жилищѣ, такъ и по причинѣ близости станка; дышать было весьма тяжело. Нѣкоторое количество червей было совершенно здорово; они ползали по листьямъ, уже полусъѣденнымъ, по вѣтвямъ, по горизонтальнымъ перекладинамъ, отыскивая мѣсто, гдѣ имъ удобно свить коконъ. Кое гдѣ виднѣлись уже готовые, весьма хорошіе коконы. Остальные черви были вялы, тяжело поднимали голову, не ѣли ничего, многіе не двигались и едва могли держаться на вѣтвяхъ; наконецъ они падали на полъ, уже покрытый мертвыми червями, полусъѣденными листьями и разными нечистотами. Эти черви были покрыты желтыми пятнами, нѣкоторые — большими, другіе — маленькими; у многихъ пятна покрывали все тѣло. И не смотря на весь этотъ безпорядокъ, на

*) *Гармсѐль* — знойный вѣтеръ; онъ дуѐтъ также въ Ходжентѣ, и опасенъ не только для шелковичныхъ червей. Посѣвы пшеницы нерѣдко выгораютъ отъ этого вѣтра. *Ред.*

болѣзнь, уже явно обнаружившуюся, нѣкоторые черви были здоровы и коконы — вполнѣ удовлетворительны! Весьма можетъ быть однако, что болѣзнь обнаружится впослѣдствіи въ коконахъ, но вѣрно только то, что всѣ черви, казавшіеся на видъ здоровыми, успѣли завить коконы. По разсказамъ, было замѣчено также нѣсколько случаевъ, когда черви заболѣвали гаттиною.

По мнѣнію сартовъ, болѣзнь обнаруживается преимущественно въ томъ случаѣ, когда шелководы не успѣли во-время обновить сѣмя, и въ этомъ они видятъ исключительную причину болѣзни.

Колебанія въ урожаѣ коконовъ производили всегда также колебанія въ цѣнѣ коконовъ на базарѣ. Независимо отъ этого, замѣчается также въ послѣдніе годы, хотя и медленное, но постоянное повышеніе цѣнъ, что въ особенности было замѣтно въ 1869 г. По даннымъ, которыя я тщательно собиралъ, разница цѣнъ 1855 и 1869 годовъ достигаетъ отъ 3 до 4 тенегъ на одинъ чарикъ.

Причина этого увеличенія цѣнъ заключается въ развитіи населенія и его потребностей, развитіи хотя и медленномъ, вслѣдствіе суровыхъ запрещеній, наложенныхъ эміромъ, но которое все таки обнаруживается, не смотря на весь гнетъ. Никакой деспотизмъ, никакіе законы не могли положить тому преграды. Потребность въ комфортѣ усиливается, сношенія съ Европою, не смотря на всѣ строгія запрещенія, становятся съ каждымъ годомъ чаще и чаще, и — волей неволей, бухарцы, слѣпые поклонники традиціи, должны подчиниться всемірнымъ законамъ прогресса.

Но отъ чего же зависятъ высокіе цѣны прошлаго года? Они зависятъ отъ увеличенія вывоза шелка, частію въ Россію, частію въ Кабулъ, изъ Бухары и Кокана, которые наиболѣе даютъ выпряденнаго шелка для ткацкихъ станковъ Самарканда. Но истинная причина заключается въ тѣхъ гарантіяхъ мира и спокойствія, которыя получила страна, съ водвореніемъ здѣсь русской власти, въ равенствѣ правъ, провозглашенномъ нынѣ для всѣхъ классовъ и для всѣхъ національностей. Причина заключается въ томъ непосредственномъ вліяніи Европы, которое повсюду, куда оно проникаетъ, хотя бы при помощи штыковъ, вноситъ за собою плоды цивилизаціи. Это—увеличеніе нуждъ, порождаемыхъ цивилизаціей, необходимость ихъ удовлетворенія, потребность роскоши, распространяющаяся постепенно, во всѣхъ классахъ общества.

Ю. Адамолли.

О направленіи торговыхъ путей въ Туркестанскомъ краѣ *).

I.

Недавно былъ поднятъ вопросъ о болѣе удобномъ сообщеніи съ Россіею вообще и съ Сибирью въ особенности; потому я считаю не безполезнымъ сдѣлать настоящее заявленіе, относящееся до этого жизненнаго вопроса, отъ хорошаго разрѣшенія котораго вполнѣ зависитъ развитіе нашего края во всѣхъ отношеніяхъ. При настоящемъ моемъ сообщеніи, я буду избѣгать цифръ, а ограничусь только общими соображеніями, иногда довольно отдаленными, но которыхъ, все таки, нельзя упускать изъ виду, при обсужденіи какихъ бы то ни было вопросовъ, возбужденныхъ въ здѣшнемъ краѣ; здѣсь приходится не поправлять только старое, а каждый вопросъ является совершенно новымъ и требующимъ самостоятельнаго разрѣшенія. Если мои замѣчанія будутъ одобрены вами, м. г., то я сообщу въ другое время и цифровыя данныя, сюда относящіяся, если только будетъ въ нихъ надобность.

При рѣшеніи задачи о новой дорогѣ, представляются три положенія, которыя нужно разрѣшить: 1) что требуетъ соединенія, 2) какое наивыгоднѣйшее направленіе соединительнаго пути, и 3) какъ это устроить. До послѣдняго вопроса, какъ входящаго въ кругъ дѣйствій администраціи, я касаться не буду; первые же два имѣютъ не одно административное значеніе, но и знакомятъ вообще съ Средней Азіей, что составляетъ цѣль нашего общества; потому я ими только и займусь.

Въ Россіи имѣются два центра, отъ которыхъ протягиваются руки въ Среднюю Азію: Нижній и Ирбитъ. Я не говорю о Москвѣ, потому что она соединена съ Нижнимъ, хотя стремленіе ея капиталовъ уже возбуждается, не говорю о Шадринскѣ, Кунгурѣ, Петропавловскѣ и др., по-

*) Замѣтка, прочитанная въ засѣданіи Среднеазіятскаго общества, 7-го марта.

тому, что значенiе ихъ еще только зарождается и, кромѣ того, связь явится сама собою, когда свяжутся помянутые мною пункты съ центральной Азiей. Цѣль стремленiя русскихъ капиталовъ — не одни наши владѣнiя въ Средней Азiи, но и сопредѣльныя владѣнiя Китая и ханства, которыя не представляютъ теперь хорошихъ рынковъ, но это положенiе только временное и не нормальное; когда же успокоится западный Китай и вопросы о ханствахъ будутъ порѣшены такъ или иначе, тогда эти торговые рынки уже не могутъ ускользнуть отъ влiянiя нашихъ капиталистовъ. Если наши товары проходятъ теперь въ западный Китай (красный товаръ, сундуки, деревянная посуда, чугунъ и мѣдь), въ Бухару и даже Хиву, то что должно быть, когда въ названныхъ странахъ русскiе купцы и промышленники будутъ также безопасны, какъ въ Коканскомъ ханствѣ, въ отношенiи котораго едва ли можно желать чего нибудь большаго, пока настоящiй порядокъ существуетъ.

Проходъ нашихъ каравановъ въ Монголiю и Хиву еще не выговоренъ; у китайцевъ онъ, при нынѣшнемъ состоянiи Китая, едва ли возможенъ; но когда тамъ дѣла примутъ нормальное положенiе, вопросъ рѣшится въ благопрiятномъ смыслѣ; рано или поздно — это все равно; главное, что такое рѣшенiе возможно, а потому и нельзя упускать изъ вида этихъ странъ.

Во время спокойствiя въ западномъ Китаѣ, когда торговый путь отъ чайныхъ плантацiй до Чугучака былъ обезпеченъ договоромъ, значительныя партiи чая двигались по этому направленiю, и въ Семипалатинской таможнѣ получалось доходу съ одной чайной пошлины до 3 мил.; на биржахъ Нижняго и Москвы уже появились чаи семипалатинскiе, какъ конкуренты кяхтинскихъ. И хотя Кяхта еще преобладала, но за Семипалатинскъ былъ такой сильный аргументъ, какъ сокращенiе пути на $4\frac{1}{2}$ т. верстъ; не было сомнѣнiя въ побѣдѣ Семипалатинска, по крайней мѣрѣ для московскихъ товаровъ. Этотъ оборотъ дѣла значительно ускорился бы проведенiемъ желѣзной дороги до Иртыша, что также вопросъ времени и разрѣшенiе его едва ли отдаленно. Наконецъ, наше Семирѣчье заслуживаетъ того, чтобы обратить на него вниманiе: эта страна находится еще въ дѣтствѣ, но очень богата, даже и въ настоящее время; при болѣе же благопрiятныхъ условiяхъ развитiе ея пойдетъ еще быстрѣе. Въ настоящее время она хорошо заселилась русскими крестьянами, которые, нѣтъ сомнѣнiя, заселятъ край и обработаютъ его лучше, нежели киргизы и даже казаки. Къ тому же эта область имѣетъ у себя такихъ помощниковъ, какъ р. Или, судоходная отъ Кульджи до озера Балхаша. Соедините Балхашъ съ Россiей—и торговое движенiе Ташкента, Кокана, Алтышара и даже Бухары пойдетъ къ нему. Я уже говорилъ, что отъ Се-

мирѣчья нужно больше желать, чѣмъ оно даетъ, и навѣрное дастъ; поэтому о томъ и необходимо позаботиться, а это такъ легко: сбытъ подъ рукой и дорога готовая, только нужно ею воспользоваться.

На западъ отъ Балхаша живутъ киргизы, мало занимающіеся хлѣбопашествомъ; муку они вымѣниваютъ на скотъ около Петропавловска и въ Сергіополѣ, гдѣ она дороже, чѣмъ въ Семирѣчьѣ. Въ Вѣрномъ овесъ продается послѣ сбора по 1 р. 50 к. за четверть, пшеница и ячмень выше 3 руб. не поднимаются. Съ заселеніемъ края русскими хлѣбопашцами, еще болѣе явится возможность сбывать хлѣбъ за озеро, что подниметъ цѣны въ Семирѣчьѣ, сбавитъ въ Петропавловскѣ и тѣмъ на всемъ протяженіи Акмолинской области. Не нужно упускать изъ вида, что въ нынѣшнемъ году въ Ауліе-атинскомъ и Токмакскомъ уѣздахъ подняли цѣны на хлѣбъ каркаралинскіе киргизы. Первоначально пшеница въ Токмакскомъ уѣздѣ была по 1 р. 80 коп. за четверть, а это еще дорого; сарты покупали по 1 р. 60 и даже по 1 р. 40 к., теперь же она поднялась до 3 р. четверть, благодаря наѣзду каркаралинцевъ. Въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ тоже сначала подняли цѣну каркаралинцы, а уже послѣ Ташкентъ и Бухара. Слѣдовательно Семирѣчье и теперь уже можетъ быть житницей всего Забалхашья, нужно только дать возможность перевоза хлѣба по Или и Балхашу и тѣмъ перенести центръ обмѣна изъ Петропавловска къ озеру. Настоящее сообщеніе Семирѣчья съ Россіею есть болѣе административное, чѣмъ торговое, тогда какъ воспользовавшись Балхашомъ и соединивъ эти оба обстоятельства вмѣстѣ, можно было бы доставить выгоду и правительству и торговлѣ, т. е. усилить движеніе и тѣмъ сбавить цѣны. Такой путь далъ бы возможность устроить на западномъ берегу Балхаша мукомольныя мельницы, рыбный промыселъ и безжизненная западная сторона озера была бы призвана къ дѣятельности, т. е. къ жизни.

При этомъ не нужно забывать, что чрезъ Петропавловскъ скоро должна пройти желѣзная дорога. Изъ Петропавловска въ Россію идутъ: шерсть, сырыя кожи и сало. Первые два продукта вѣроятно пойдутъ старыми путями, но сало, идущее теперь въ видѣ барановъ, выгоднѣе вытапливать въ сторонѣ отъ чугунки, такъ какъ бараны не всегда нагуливаются въ пути, а соленое мясо можетъ имѣть сбытъ и между киргизами.

Въ предъидущихъ заявленіяхъ, м. г., я старался показать первоначальныя побудительныя причины необходимости соединить Семирѣчье съ Россіею; о таковой необходимости касательно Ташкента и ханствъ я не нахожу нужнымъ говорить, такъ какъ это дѣло хорошо извѣстное. Но считаю необходимымъ замѣтить разницу между Ташкентомъ и Семирѣчь-

емъ: послѣднее тянетъ къ Ирбити и если центръ перемѣстится, то только на юго-востокъ; для первой же группы важна теперь, да вѣроятно и всегда такъ будетъ,—связь съ Нижнимъ; но путь въ Нижній черезъ степь есть только временной и для него есть одна дорога: къ Красноводску и чрезъ перешеекъ между Каспіемъ и Араломъ въ бассейнѣ Сыръ и Аму-Дарьи, путь, къ которому давно стремится Россія и осуществленіе котораго не за горами.

Послѣ всего сказаннаго, я надѣюсь м. г. что дѣло достаточно выяснилось. Надо соединить центральные пункты Азіи съ Россіею, обращая главное вниманіе не на Ташкентъ и ханства, для которыхъ путь по судоходнымъ рѣкамъ въ Красноводскъ, а на Семирѣчье. Такимъ образомъ направленіе пути опредѣляется само собой: отъ Ирбита черезъ Петропавловскъ, Акмолы, восточнѣе Актау, къ одному изъ удобныхъ заливовъ Балхаша, (послѣдніе лучше искать на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ) и далѣе черезъ уроч. Саксаулъ и Итъ-киту (собачья переправа), потомъ по р. Курогаты въ Ауліе-ата; дальше уже извѣстная дорога.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о самой дорогѣ и о движеніи по ней. Она раздѣляется на три различныя части: отъ Акмоловъ до Балхаша, до Ауліе-ата и до Чемкента. Первая часть пути не будетъ новостью для торговли, такъ какъ она и теперь служитъ путемъ части каравановъ, идущихъ изъ Петропавловска въ Семирѣчье; но по этому пути идутъ не одни караваны: ее прошли уже и партіи переселенцевъ, которые рѣшаются на неизвѣстность, лишь бы избѣжать кружнаго пути на Семипалатинскъ. Вообще движеніе переселенцевъ очень сильно по численности и важно по той пользѣ, которую оно принесетъ Средней Азіи. Теперь уже въ Семирѣчьѣ остались только два уѣзда, мало тронутые колонизаціей: Иссыкъ-кульскій и Токмакскій. Въ Токмакскій уѣздъ при мнѣ еще было получено до 500 приговоровъ и прошеній о переселеніи, такъ что всѣ эти 500 семей теперь уже въ дорогѣ. Если всѣ эти люди придутъ, то для Токмакскаго уѣзда будетъ болѣе, чѣмъ нужно. Иссыкъ-куль, сколько мнѣ извѣстно, находится въ такомъ же положеніи, т. е. желающихъ селиться очень много и потому годъ, много два, Семирѣчье еще будетъ принимать колонистовъ; затѣмъ имъ придется двинуться въ Сыръ-Дарьинскую область. Конечно имъ лучше идти по безопасной дорогѣ, чѣмъ на Казалу. Вѣроятно это движеніе по дорогѣ заселитъ путь около Балхаша, по р. Чу и Курогаты, такъ какъ всѣ эти мѣста удобны для хлѣбопашества, лишь бы земля была хороша, а безлѣсьемъ переселенцевъ не удивишь: они сами идутъ изъ степной полосы Россіи. Если на Балхашѣ мало удобной земли, зато тамъ могутъ быть промыслы; по р. Чу и Курогаты земли такія же, какъ въ Семирѣчьѣ, а про нихъ хлѣбопашцы го-

ворятъ, что не родится только то, чего не посѣешь. За Ауліе-атами поселенія также пойдутъ, напримѣръ, по р. Арысу.

Торговое движеніе изъ Ауліе-аты къ Ташкенту достаточно извѣстно. Въ отношеніи трудностей устройства дороги такъ же нельзя много сомнѣваться: отъ Петропавловска до Балхаша дорога пойдетъ степью не по безводному пространству; южнѣе Балхаша до р. Чу надо будетъ пересѣчь обширный саксауловый лѣсъ, а на востокъ отъ него нужно пройти степь, изрѣзанную арыками р. Чу. Устройство моста около переправы Итъ-кичу не затруднительно; рѣка идетъ въ одномъ руслѣ по иловатому дну и не особенно широка и быстра, далѣе же идетъ степью, по берегу р. Курогаты и до Ауліе-ата. Серьезныя затрудненія встрѣчаются только между Ауліе-ата и Чемкентомъ; на устройство здѣсь сообщенія нужно много денегъ и труда; здѣсь встрѣчаются такія естественныя препятствія, съ которыми должно бороться не шутя.

Избравъ для дороги направленіе, западнѣе указаннаго мною, едва ли можно достигнуть какихъ либо серьезныхъ результатовъ, такъ какъ кромѣ 200 верстъ безводнаго пространства, она не имѣетъ никакого значенія для Семирѣчья, а для Ташкента представляетъ только кратковременныя выгоды прямизны, такъ какъ онъ никогда не откажется и не можетъ отказаться отъ пути черезъ Хиву и Красноводскъ въ Россію.

II *).

На заявленіе мое о пользѣ проведенія дороги отъ Петропавловска черезъ Акмолы, по западному берегу Балхаша, Ауліе-ата до Ташкента было сдѣлано два возраженія: г. Рейнталемъ и барономъ Каульбарсомъ. Первый оппонентъ призналъ направленіе пути, мною предложенное, совершенно неудобнымъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) западный берегъ Балхаша совершенно необитаемъ и дорогу придется вести на протяженіи двухсотъ верстъ по песку; въ подверждееніе этого, оппонентъ привелъ слова Каркаралинскаго уѣзднаго начальника, который отговаривалъ его ѣхать по западному берегу Балхаша, потому что тамъ нѣтъ никакой дороги, совершенная безкормица, нѣтъ киргизъ, воды—короче: представилъ оппоненту такіе ужасы, что ѣхать было бы просто сумасбродствомъ. Г. Рейнталь согласился съ уѣзднымъ начальникомъ, его хорошимъ знакомымъ и не поѣхалъ западнымъ берегомъ озера. 2) Другая причина невозможности моего предложенія основывалась по прекращеніи торговли хлѣбомъ, кото-

*) Прочитано въ засѣданіи Среднеазіатскаго общества, 12-го марта.

рую велъ Василій Петровичъ Кузнецовъ съ каркаралинцами, при посредствѣ озера. Г. Рейнталь говоритъ, что Василій Петровичъ призналъ торговлю невозможною и отказался отъ мысли имѣть судоходство по Балхашу. Подполк. Рейнталь сказалъ между прочимъ: зачѣмъ устраивать пароходство по Балхашу, когда и такъ, едва замерзнетъ озеро, каркаралинскіе киргизы пріѣзжаютъ по льду въ Сергіополь и Копалъ покупать хлѣбъ. 3) Г. Рейнталь предложилъ соединить Балхашъ съ Иртышомъ, проведя дорогу отъ одного изъ сѣверныхъ заливовъ озера (онъ назвалъ заливъ) до Семипалатинска, и утверждалъ, что дорога здѣсь будетъ совершенно хороша и лучше удовлетворитъ цѣли, нежели предложенная мною.

Чтобы отвѣтить на первое возраженіе, я позволю себѣ вернуться къ 1869 году, къ которому относится путешествіе г. Рейнталя изъ Семіярска до Балхаша и приведенные имъ обстоятельства въ Каркаралинскѣ. Считаю нужнымъ предупредить, что обстоятельства, которыя я буду имѣть честь излагать ниже, извѣстны мнѣ отъ самаго оппонента.

Въ 1869 году г. Рейнталь получилъ назначеніе осмотрѣть мѣстность отъ Иртыша до Балхаша, для выбора дороги по этому направленію и осмотрѣть западный берегъ озера Балхаша, для той же цѣли. Г. Рейнталь, сколько мнѣ помнится, свернувъ съ почтовой дороги въ Семіярскѣ, не доѣзжая до Семипалатинска (оппонентъ ѣхалъ изъ Петербурга въ Вѣрное, вмѣстѣ съ г. губернаторомъ Семирѣченской области), по недоразумѣнію мѣстныхъ властей, не получилъ содѣйствія для точнаго исполненія его порученія. Этому случайному недоразумѣнію суждено было оказать неблагопріятное вліяніе на весь ходъ дѣла и г. Рейнталь столкнулся съ такими трудностями, на пути къ озеру, для преодолѣнія которыхъ требовалось все извѣстное усердіе оппонента; я помню, что онъ описывалъ мнѣ этотъ пути въ мрачныхъ краскахъ, но все таки дорогу до озера онъ нашелъ совершенно хорошею и ему оставалось исполнить только вторую часть своего порученія: проѣхать въ Токмакъ западнымъ берегомъ Балхаша. Тутъ онъ ѣхать не рѣшился, не прибѣгая къ помощи мѣстнаго уѣзднаго начальника и съ Балхаша вернулся въ Каркаралинскъ, гдѣ обратился съ просьбой о содѣйствіи. Получивъ приведенный выше отвѣтъ, онъ долженъ былъ вернуться въ Семипалатинскъ и ѣхать къ мѣсту служенія.

Г. Рейнталь приписываетъ совѣты, данные ему г. уѣзднымъ начальникомъ, пріязненнымъ отношеніямъ между ними; но мнѣ кажется не трудно видѣть, что и здѣсь вліяло тоже недоразумѣніе, которое уже разъ дало себя знать г. Рейнталю; если можно видѣть въ чемъ либо пріязненныя отношенія между г. Рейнталемъ и уѣзднымъ начальникомъ, то развѣ въ

той формѣ и въ тѣхъ причинахъ, которыя г. уѣздный начальникъ выставилъ ему, отказывая въ помощи для проѣзда по западному берегу озера. Причины эти понятны, а хорошія отношенія ихъ только сгладили: такъ, кажется, прежде понималъ суть дѣла и г. Рейнталь. Поэтому мнѣніе уѣзднаго начальника на этотъ разъ не можетъ быть признано сильнымъ аргументомъ, такъ какъ оно вызвано случаемъ; что на отказъ въ пропускѣ имѣло вліяніе сказанное мною недоразумѣніе, мнѣ кажется видно еще изъ полнаго отсутствія приводимыхъ бѣдъ, что видно дальше. По этому пути, на картѣ обозначенному пунктиромъ, каждый годъ ходятъ караваны изъ Петропавловска въ Токмакъ. Я теперь могу вспомнить имена двухъ большихъ петропавловскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю въ Токмакскомъ уѣздѣ, при посредствѣ сказаннаго пути; имена ихъ: Сабитъ и Силикей Касимовъ. Послѣдній проѣзжаетъ въ тарантасѣ отъ Петропавловска до Токмака, каждое лѣто, этимъ путемъ. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что бѣдствія, приводимыя оппонентомъ суть фиктивныя, а не дѣйствительныя. Кажется, что и караваны В. П. Кузнецова ходили этимъ же путемъ. Я часто расспрашивалъ въ Вѣрномъ людей, знающихъ этотъ путь, и не помню, чтобы кто нибудь говорилъ о немъ дурно.

Второй пунктъ возраженія основывается на прекращеніи по озеру судоходства фирмы Кузнецова. Это возраженіе мнѣ кажется еще менѣе основательнымъ, чѣмъ первое. Почему В. П. Кузнецовъ прекратилъ торговлю, это едва ли извѣстно оппоненту, и говорить объ этомъ здѣсь, въ отсутствіи В. П., едва ли умѣстно; но изъ его гласныхъ дѣйствій не видно, чтобы онъ отказался отъ своей мысли. Недавно въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» была замѣтка, изъ которой видно, что на послѣднемъ коммерческомъ съѣздѣ въ Ташкентѣ В. П. заявилъ именно о пользѣ указываемой мною дороги; если я не ошибаюсь, то извѣстіе объ этомъ было напечатано въ № 1 «Туркестанскихъ Вѣдомостей» за 1871 г. Заявленіе такого компетентнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка, какъ В. П. Кузнецовъ, должно, во-первыхъ, показать, что бѣдствій на пути нѣтъ, и что у него не оставлена мысль воспользоваться Балхашомъ. Кромѣ того, В. П. входилъ даже съ прошеніемъ о разрѣшеніи ему содержать пароходство по Или и Балхашу, но дѣло остановилось по причинамъ, отъ него независящимъ; объ этомъ было напечатано, кажется, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1869 года. Позволю себѣ привести еще то обстоятельство, что В. П. не разъ говаривалъ мнѣ о желаніи содержать пароходство по Балхашу, и что онъ взялся бы за дѣло, если бы обстоятельства, чисто посторонніе, не мѣшали. Мнѣ извѣстно, что весной 1871 года выступило изъ Омска въ Ташкентъ *на быкахъ* 1,000 ведеръ спирту, по западному берегу Балхаша; товаръ этотъ принадлежалъ В. П. Кузнецову.

Самъ оппонентъ говоритъ, что съ замерзаніемъ озера, каркаралинцы пріѣзжаютъ по льду за хлѣбомъ въ Сергіополь и Копалъ. Если это существуетъ, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, то отчего же не перевести имъ хлѣбъ въ августѣ или въ сентябрѣ, и почему нужно ждать января? За что торговля должна ждать 4—5 мѣсяцевъ? Потребители ѣдутъ къ производителямъ, значитъ потребность есть и мнѣ казалось бы, что обѣ стороны выиграютъ отъ уменьшенія срока промѣна и отъ сближенія. Если два берега нуждаются въ сообщеніяхъ, то благоразуміе требуетъ сдѣлать сообщеніе возможно лучшимъ и непродолжительнымъ. Желаніе оппонента во чтобы то ни стало возражать, завлекло его въ противорѣчіе съ собою. Такъ онъ говоритъ, что не нужно пароходства по Балхашу, но предлагаетъ дорогу, соединяющую Иртышъ съ озеромъ, которое не можетъ имѣть никакого значенія, если не будетъ пароходства на Балхашѣ; по крайней мѣрѣ только такой смыслъ можетъ имѣть предложенная имъ дорога, но никакъ не цѣль, въ которой шелъ я, предлагая путь, соединяющій весь нашъ край съ торговыми центрами западной Сибири, а не соединеніе Иртыша съ озеромъ. Можетъ быть Семипалатинскъ и потребуетъ дороги къ озеру, но это, если и будетъ, то еще очень не скоро, а дорога въ Россію нужна теперь, сейчасъ же. Нельзя сказать чтобы мы имѣли теперь сообщеніе съ Россіей!

Возраженіе, заявленное барономъ Каульбарсомъ, произошло, мнѣ кажется, отъ разныхъ точекъ отправленія моего предложенія и возраженія барона Каульбарса. Я имѣлъ въ виду соединить Россію съ нынѣшнимъ Туркестанскимъ краемъ, а баронъ Каульбарсъ дѣлалъ свои контръ-предложенія, въ видахъ торговой связи съ западнымъ Китаемъ. Не стану разсматривать положеніе западнаго Китая, но кажется ни Урумчи, ни Чугучакъ (котораго нѣтъ), ни Кульджа не нуждаются въ сношеніяхъ съ нами, да едва ли и съ кѣмъ нибудь; имъ теперь не до торговли. Но чтобы доказать односторонность предложенія барона Каульбарса, предположу, что мысль его исполнена въ самой строгой точности и посмотримъ, что будетъ. Достопочтенный оппонентъ заявилъ, что нужна только дорога черезъ Красноводскъ и изъ Семипалатинска въ Чугучакъ; затѣмъ онъ кассировалъ, какъ предложеніе г. Рейнталя, такъ и мое, говоря, что предположенныя имъ двѣ дороги исчерпываютъ вопросъ вполнѣ. Но такъ ли это? Допустимъ, что въ Шадринскѣ проданъ товаръ для сбыта въ ханствахъ. Какъ ему туда попасть? Баронъ Каульбарсъ на это даетъ отвѣтъ: или по устроеннымъ дорогамъ черезъ *Казань*, *Красноводскъ въ Ташкентъ* (а Хива?) или черезъ *Омскъ*, *Чугучакъ*, *Вѣрное въ Ташкентъ*. Разумѣется, что ни одинъ караванъ этими путями не пойдетъ, а предпочтетъ путь, хотя и не устроенный, но зато ближайшій. А про-

ѣзжающіе и почта неужели тоже будутъ ходить этими кружными путями? Предложеніе барона Каульбарса и г. Рейнталя доказываютъ, что край слишкомъ обширенъ и что для него одной дороги мало. Это совершенно вѣрно и предложенная мною дорога есть только *временная общая* для обѣихъ частей края; съ развитіемъ здѣсь торговли Семирѣчье отдѣлится и, завладѣвъ Балхашемъ, пойдетъ на Петропавловскъ и Ташкентъ, ханства же вѣроятно предпочтутъ дорогу на Троицкъ. Но теперь нѣтъ нужды въ двухъ дорогахъ; нужна одна средняя, которая не пропадетъ даже и съ развитіемъ края, а получитъ только спеціальное значеніе для одной половины, тогда какъ другая половина проложитъ свои пути. Направленіе же дороги на Туркестанъ: не имѣетъ этого достоинства *), она совершенно непригодна для Семирѣчья, которое не минуетъ Балхаша, и будетъ непремѣнно брошено Ташкентомъ и ханствами, потому что ведетъ въ Сибирь, тогда какъ для нихъ нужна дорога въ Нижній. Этому удовлетворяютъ дороги на Троицкъ и на Красноводскъ, такъ что путь на Туркестанъ очень скоро будетъ брошенъ торговлей или же получитъ значеніе второстепенное, для связи ханствъ съ Сибирью.

Г. Загряжскій.

---

*) Т. е. путь отъ Акмолинска на Актау и черезъ степь — на г. Туркестанъ, Чемкентъ и Ташкентъ. *Ред.*

О торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію.

Морской путь отъ Нижняго Новгорода до Бухары и Хивы. — Цѣнность провоза отъ Нижняго Новгорода до Астрабада. — Дороги отъ Астрабада до Бухары. — Пути въ Среднюю Азію для иностранной торговли.—Транзитъ чрезъ Закавказскій край.—Продолжительность этого пути. — Вліяніе желѣзныхъ дорогъ: отъ Поти до Баку и отъ Ростова до Петровска. — Конкурренція пути изъ Индіи, чрезъ Авганистанъ, къ Бухарѣ.

Успѣхи русскаго оружія въ Средней Азіи обратили вниманіе нашего коммерческаго міра на торговлю русскими издѣліями въ этихъ странахъ. Изыскивая удобнѣйшіе пути во вновь пріобрѣтенныя земли, общественное мнѣніе остановилось на Красноводскомъ заливѣ, представляющемъ, по понятіямъ многихъ, всѣ условія для скорѣйшей и дешевѣйшей доставки товаровъ нашихъ на рынки Хивы и Бухары. Для доставки русскихъ товаровъ на среднеазіятскіе рынки, имѣются пути:

Отъ Нижняго Новгорода:

1) Чрезъ Самару, на Оренбургъ и Орскъ.

2) По Волгѣ и Каспійскому морю на Мангышлакскій полуостровъ.

3) По Волгѣ и Каспійскому морю на Астрабадъ.

и 4) По Волгѣ же и Каспійскому морю на Красноводскъ.

По первому пути, русскія произведенія, слѣдуя по р. Волгѣ до Самары, принимаютъ направленіе на Оренбургъ и Орскъ и такимъ образомъ до отдаленнаго бухарскаго рынка совершаютъ по водяному сообщенію 900 верстъ и сухопутно до 2,300 верстъ, употребляя на то до 2 мѣсяцевъ *) времени при провозной платѣ отъ 2 до 4 р. за пудъ.

Дорога отъ Мангышлака до Хивы, пролегая по мѣстамъ, изобилующимъ подножнымъ кормомъ, хотя и заключаетъ въ себѣ караваннаго пути до

---

*) О торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію. Матеріалы по вопросу о торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію. Спб. 1869 г.

30 дней, но, слѣдуя по возвышенности Усть-Урта, гдѣ нѣтъ прѣсной воды, не представляетъ удобства для установленія по ней прочнаго торговаго движенія *).

Наконецъ пути по Волгѣ и Каспійскому морю на Астрабадъ и Красноводскій заливъ, находящіеся почти въ равномъ разстояніи отъ Нижняго Новгорода, требуютъ для перевозки товаровъ одинаковаго времени, именно: отъ Нижняго по Волгѣ до Астрахани на легкихъ пароходахъ—5 дней, на буксирныхъ—20 дней, а отъ Астрахани до Астрабада—до 10 дней, всего же отъ 15 до 30 дней.

Перевозка отъ Нижняго Новгорода до Астрабада обходится, смотря по способу доставки оныхъ до Астрахани: на легкихъ или буксирныхъ пароходахъ, отъ 60 к. до 1 р. 30 к. Цѣнность же перевозки тѣмъ же путемъ до Красноводска еще не выяснилась, такъ какъ о провозѣ товаровъ изъ Астрахани въ Красноводскъ свѣдѣній не имѣется.

При дальнѣйшемъ затѣмъ развѣтвленіи указанныхъ путей на сушѣ, предпочтеніе, конечно, остается за Красноводскомъ, какъ по обилію прѣсной воды и перевозочныхъ средствъ, такъ равно и потому, что путь этотъ заключаетъ въ себѣ сухопутной дороги до Бухары всего отъ 700 до 1,200 верстъ **). Дорога же отъ Астрабада до Бухары идетъ чрезъ множество болотъ и топей на Шахбазъ, чрезъ Кушанъ, Кабушанъ и земли туркменовъ на Мешхедъ, и далѣе по долинѣ р. Аби-Мешхедъ или Теджендъ и горные проходы Муздеранъ до Саррахса и оттуда по степи чрезъ Мервъ до Бухары, заключая въ себѣ 1,300 верстъ. На этотъ переходъ, по приблизительному исчисленію, полагается отъ 40 до 50 дней караваннаго пути.

Кромѣ того, произведеніямъ отечественной торговли предстоитъ еще удобнѣйшій путь на Красноводскъ съ постройкою ростовско-петровской желѣзной дороги, долженствующей осуществиться въ непродолжительномъ времени.

Для иностранной торговли:

1) Морской путь чрезъ Суэзскій каналъ въ Индію и далѣе сухопутно отъ Бендеръ-Бушира, чрезъ Персію или по сѣти индѣйскихъ желѣзныхъ дорогъ до Пешевара и оттуда чрезъ Гинду-кушъ.

2) Морской путь до Поти, оттуда сухопутно чрезъ Закавказскій край въ Баку, изъ Баку моремъ до Астрабада, а далѣе караваннымъ путемъ до Бухары.

---

*) Тамъ же.

**) О торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію.

По отсутствію необходимыхъ данныхъ, мы лишены возможности опредѣлить продолжительность пути чрезъ Суэзскій каналъ до Индіи и провозную плату; отъ Пешевара же по Бухары полагается отъ 30 до 40 дней перехода *).

Что же касается до пути чрезъ Закавказскій край, то въ этомъ отношеніи, принимая за исходную точку Лондонъ, такъ какъ транзитные товары, провозимые чрезъ этотъ край въ Персію, заключаются преимущественно въ англійскомъ сахарѣ и мануфактурныхъ издѣліяхъ, то путь этотъ выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Продолжительность пути.	*Средняя провозная плата.*
Отъ Лондона до Поти	45 дней.	„ 65 к.
„ Поти по Ріону до Орпири	1 день.	„ 15 к.
„ Орпири до Баку сухимъ путемъ.	30—40 дней.	1 р. 30 к.
„ Баку до Астрабада.	4 дня.	„ 25 к.
Всего отъ	80—90 дней.	2 р. 35 к.

Такимъ образомъ русская торговля, имѣя въ своемъ исключительномъ распоряженіи единственно-удобный и дешевый путь въ Среднюю Азію чрезъ Красноводскъ, находится въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ иностранная транзитная, для которой на Каспійскомъ морѣ имѣется только одинъ Астрабадъ, совершенно доступный и для нашей торговли **). Если же взять въ расчетъ скорость и дешевизну доставки туда товаровъ. то и этотъ путь дастъ перевѣсъ русской торговлѣ, такъ какъ продолжительность пути и стоимость перевозки тѣхъ и другихъ товаровъ опредѣляются цифрами для русскихъ товаровъ отъ 15 до 30 дней, по 60 к. до 1 р. 30 к., а для англійскихъ товаровъ отъ 80 до 90 дней, по 2 р. 35 к. съ пуда.

Нѣтъ сомнѣнія, что сооруженіе желѣзной дороги по всему протяженію отъ Поти до Баку значительно измѣнило бы условія перевозки чрезъ край иностранныхъ товаровъ, но какъ путь этотъ не только еще не готовъ, но и нельзя даже приблизительно опредѣлить времени окончанія его, и такъ какъ отъ правительства всегда будетъ зависѣть имѣть вліяніе на тарифъ перевоза товаровъ по этому пути, — съ другой же стороны, такъ какъ предлагаемое въ ближайшемъ будущемъ соединеніе Азовскаго моря

---

*) Борнсъ: Путешествіе въ Бухару.

**) Авторъ упустилъ изъ вида Энзели, откуда уже проектирована желѣзная дорога къ Персидскому заливу. *Ред.*

съ Каспійскимъ посредствомъ желѣзной ростово-петровской дороги поставитъ отечество наше внѣ всякой конкуренціи съ иностранными государствами, то нечего намъ и опасаться угрожающихъ размѣровъ иностранной торговли, могущей направиться этимъ путемъ на востокъ. Что же касается собственно до транзита, то недостатки колеснаго сообщенія и дороговизна перевозочныхъ средствъ въ Закавказскомъ краѣ долгое еще время будутъ большимъ препятствіемъ къ привлеченію сюда иностранныхъ капиталовъ, въ чемъ убѣждаетъ и опытъ прошедшихъ 5 лѣтъ, въ теченіи которыхъ иностранная торговля, не смотря на существованіе безпошлиннаго чрезъ край транзита и отдаленности дороги въ Среднюю Азію чрезъ мысъ Доброй Надежды и Персію, — вовсе не воспользовалась преимуществами этого транзита. Между тѣмъ, открытіе въ концѣ 1869 года Суэзскаго канала, на такое огромное пространство сокращающаго путь въ Индію, и продолженіе дороги изъ Индіи чрезъ Авганистанъ въ Бухару оставляютъ за собою огромное преимущество предъ Закавказскимъ краемъ и даютъ западно-европейской торговлѣ полную возможность основывать свои попытки къ завладѣнію среднеазіятскими рынками на Индіи и Авганистанѣ, а не сосредоточиваться въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ, по неимѣнію внутренняго производства, не предвидится для нея никакого полезнаго примѣненія. Въ подтвержденіе всего этого, мы, между прочимъ, можемъ сослаться и на свѣдѣнія, помѣщенныя въ запискѣ комитета общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ «о торговыхъ путяхъ въ Среднюю Азію», изъ которыхъ видно, что въ послѣднее время изъ Остъ-Индіи чрезъ Авганистанъ прошло до 6,000 верблюдовъ съ чаемъ и 560 верблюдовъ съ европейскими товарами. Вотъ съ какой стороны, къ величайшему сожалѣнію нашему, должны мы ожидать грозной и неотразимой конкуренціи въ Средней Азіи.

Замѣтка объ акмолинско-ташкентскомъ трактѣ.

Въ послѣднее время въ Ташкентѣ, какъ извѣстно, проектировался новый почтовый и коммерческій трактъ на Акмолинскъ и Петропавловскъ. Трактъ этотъ имѣетъ весьма важное коммерческое значеніе и устройствомъ его заинтересованы весьма многіе изъ торговыхъ лицъ ташкентскаго и петропавловскаго купечества. По этому я полагаю, что краткія замѣтки объ этомъ новомъ трактѣ будутъ не безъинтересны для читателей.

Первая поѣздка по этому тракту совершена была мною въ 1865 году, къ г. Чемкенту, еще до взятія русскими г. Ташкента; цѣль поѣздки состояла въ разузнаніи дороги и опредѣленіи: удобенъ ли здѣсь провозъ тяжестей на тележномъ ходу, такъ какъ до этого времени никто здѣсь въ экипажѣ не проѣзжалъ, боясь лишеній, которыя придется претерпѣвать въ голодной степи и грабежей, существовавшихъ въ степи до взятія Ташкента русскими. Въ настоящее время проѣздъ по этому тракту сталъ уже на столько удобнымъ и безопаснымъ, что послѣ моего проѣзда много купцовъ стало проѣзжать въ собственныхъ тарантасахъ. Въ томъ же, 1865 г. прошли здѣсь на телѣгахъ два большіе транспорта почетнаго гражданина Кузнецова и одинъ — мой; въ томъ же году прошли также изъ Туркестана до 100 подводъ на быкахъ; голодную степь и пески они миновали благополучно. Въ 1866 и 1867 г. прошло здѣсь еще нѣсколько транспортовъ на телегахъ, самый же проѣздъ сталъ дешевле, чѣмъ былъ прежде, а именно: первый мой проѣздъ изъ Акмоловъ до Чемкента обошелся въ 200 р. причемъ я ѣхалъ въ тарантасѣ, съ 4 киргизами, на 10 лошадяхъ. Нынѣ же я проѣхалъ на пяти лошадяхъ съ двумя киргизами до Ташкента, и обратно до Акмоловъ на 3 лошадяхъ, и вся дорога обошлась мнѣ 100 р. Съ устройствомъ края оказывается видимая разница въ цѣнѣ.

Изъ трехъ дорогъ по тракту отъ Акмолы до Туркестана я нашелъ наиболѣе удобною для торговаго сообщенія ту, которая идетъ около горъ

Мунглы и выходитъ по голодной степи на Уванасъ-кудукъ, къ озеру Бегеръ-куль *); разстояніе проектируемаго пути, отъ Акмоловъ до Туркестана 969 верстъ; дорога идетъ большею частію ровная, солонцеватыхъ мѣстъ и песковъ (за исключеніемъ отъ рѣки Чу на 40 верстъ) не встрѣчается. На пути самою неудобною мѣстностью представляется хребетъ Кара-тау, который однако можно будетъ миновать, если направить дорогу на окончаніе этого хребта, отъ Сузака, на Чолакъ-курганъ, прямо въ г. Чемкентъ; разницы въ разстояніи не будетъ, и только по пути на Чолакъ на дорогѣ приведется построить мосты чрезъ безчисленные арыки, перерѣзывающіе всю мѣстность; но постройка этихъ мостовъ будетъ стоить гораздо дешевле, чѣмъ исправленіе прохода чрезъ Кара-тау.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ трактъ пересѣкаетъ рѣку Нуру, необходимо устроить паромъ, болѣе солидный, чѣмъ имѣющіеся нынѣ киргизскіе паромы изъ кожаныхъ, надутыхъ воздухомъ мѣшковъ; другаго рода паромы, называемые по киргизски *салъ*, устраиваются просто изъ камыша, и при всей своей непрочности, подымаютъ отъ 60 до 100 пудовъ. Далѣе на р. Чу слѣдуетъ построить мостъ; на остальныхъ же, незначительныхъ рѣчкахъ: Ишимѣ, Кокпекты, Кундузды, Манаки, Сары-су, Ата-су и Акташъ переправъ и мостовъ не потребуется, такъ какъ эти рѣки во всякое время можно проѣхать въ бродъ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ неудобствъ этого пути, представляется неимѣніе сѣнокосныхъ мѣстъ и подножнаго корма на 22-хъ станціяхъ, т. е. на разстояніи 420 верстъ; хотя и случается на нѣкоторыхъ станціяхъ подножный кормъ, но его не хватаетъ даже на два весенніе мѣсяца. Въ топливѣ недостатка не предвидится.

Для устройства почтоваго сообщенія между Акмолами и Туркестаномъ, которое могло бы дать благотворные результаты, я предполагалъ бы образовать товарищество изъ благонадежныхъ и извѣстныхъ лицъ, не менѣе 3-хъ или 6-ти человѣкъ, на тѣхъ же началахъ и условіяхъ, какъ устроены въ Семирѣченскомъ краѣ почты г. Кузнецова. Отдачу тракта я предполагаю не менѣе, какъ на 10 лѣтъ.

Д. Филатовъ.

---

*) Неподалеку отъ Бегеръ-куль, въ сопкахъ Саманчи имѣлъ мѣстопребываніе въ 1830 годахъ извѣстный мятежникъ, султанъ Кенисара Касимовъ.

Торговый путь изъ Индіи къ Кашгару.

По торговому трактату, заключенному въ 1870 г. въ Силькотѣ, между лордомъ Майо и магараджею кашемирскимъ, послѣдній обязался отмѣнить всѣ транзитныя пошлины, взимаемыя по пути между Индіею и Кашгаромъ. Съ своей стороны, англійское правительство обязалось безпошлинно пропускать чрезъ свои владѣнія европейскія мануфактурныя произведенія, слѣдующія чрезъ Индію въ Кашмиръ и Среднюю Азію, а также отмѣнить вывозную пошлину, наложенную на шали и другія ткани, производимыя въ Кашмирѣ. Англійскимъ инженерамъ дозволено осмотрѣть всѣ пути, ведущіе отъ границъ Лягула, чрезъ долину р. Чанченму къ границамъ Кашгара. Избранная ими дорога объявлена свободною для слѣдованія путешественниковъ и торговыхъ каравановъ. Смѣшанной коммисіи, въ составъ которой войдутъ докторъ Кели и Гекши-Рамъ (чиновникъ индусскаго происхожденія), поручено устройство и развитіе торговыхъ сношеній по означенному пути, выборъ пунктовъ подъ депо продовольствія, фуража и перевозочныхъ средствъ, устройство означенныхъ депо, назначеніе таксы на различные предметы и разбирательство споровъ между торговцами и обывателями.

Общее направленіе транзитнаго пути чрезъ Кашмиръ уже извѣстно: отъ Лагула онъ пойдетъ на сѣверо-востокъ, пересѣчетъ р. Индъ выше гор. Ле (Leh) и, держась того же направленія, пройдетъ у озера Тзо-Пангонгъ, находящагося частію въ Ладакѣ, частію же въ тибетскихъ владѣніяхъ. Идя почти параллельно границѣ Тибета, а потомъ—Кашгара, будущій транзитный путь, огромною дугою огибаетъ главный Каракорумскій хребетъ, затѣмъ круто поварачиваетъ на сѣверъ, съ рѣкою Каракашъ пересѣкаетъ хребетъ Куенъ-Лунь и вступаетъ въ кашгарскія владѣнія чрезъ ущелье Киліанъ или Санджу, какъ это ущелье зовется другими. Весь путь отъ Кангры, крайняго города на англійской территоріи, до Яркенда, длиною свыше 1,100 миль; но есть надежда его сократить. Хотя означенный путь длиннѣе пути чрезъ гор. Ле (всего 950 миль), но

которому до настоящаго времени ходили караваны, но зато онъ гораздо удобнѣе. Только на двухъ переходахъ вовсе нѣтъ корма и топлива; подъемы и спуски, при незначительной обработкѣ, по свидѣтельству гг. Кели и Шоу, будутъ доступны повсюду для повозокъ.

Замѣчательно то, что на высотѣ 18,500 футовъ повсюду встрѣчается кормъ (перевалы Масимикъ-Ла и Чанглунгъ; послѣднiй въ 16,170 футъ надъ ур. м), и что климатъ здѣсь до того умѣренъ, что киргизы устанавливаютъ здѣсь свои зимовки.

Наиболѣе препятствiй встрѣчено въ предѣлахъ Кашгара, гдѣ, при сравнительно небольшой высотѣ, спуски и подъемы чрезвычайно затруднительны.

Такъ какъ на пути изъ Яркенда до среднеазiатскихъ ханствъ, должно перевалить еще чрезъ нѣсколько хребтовъ, то можно предполагать, что англiйскiе товары, идущiе по означенному пути чрезъ Индiю, будутъ встрѣчать много затрудненiй къ успѣшной конкуренцiи съ русскими товарами.

В. Фонъ-Гойеръ.

Древній торговый путь въ Среднюю Азію.

Въ ряду многихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ предоставлено нашему времени, вопросъ о новомъ торговомъ пути въ Среднюю Азію имѣетъ неоспоримо важное значеніе. Не со вчерашняго дня возникъ этотъ вопросъ, и давно уже онъ требуетъ удовлетворительнаго рѣшенія для себя. Обыкновенно полагаютъ, что Петръ Великій первый обратилъ вниманіе на этотъ торговый путь. Своимъ орлинымъ взоромъ онъ обнялъ все важное значеніе этого пути и началъ стремиться къ его проложенію: неудачная попытка кн. Бековича и другія обстоятельства заставили отказаться на время отъ исполненія задуманнаго плана. Исторія однако говоритъ намъ, что и раньше, даже много раньше Петра, огромное значеніе нынѣ проектируемаго пути сознавалось вполнѣ: Азія вообще и сердцевина ея въ особенности издавна привлекали къ себѣ взоры промышленныхъ народовъ Европы.

Извѣстно, что еще греки, римляне, венеціане, генуэзцы и др. получали товары изъ Индіи, именно черезъ Среднюю Азію, и море Каспійское всегда являлось непремѣннымъ посредникомъ при производствѣ торговыхъ сношеній. Для разнообразныхъ торговыхъ дѣйствій греки учредили много колоній; важнѣйшія изъ нихъ были въ Колхидѣ, по р. Фазису (нынѣшній Ріонъ). Они производили торговлю съ Индіей, и городъ Сарапана, существовавшій на томъ мѣстѣ, гдѣ прекращается судоходство по Фазису, былъ средоточіемъ и хранилищемъ индійскихъ товаровъ. Понтійскій царь Митридатъ завоевалъ всѣ колоніи на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей; но недолго онъ владѣлъ ими; въ скоромъ времени онъ самъ былъ побѣжденъ Помпеемъ и свергнутъ имъ съ престола. Завоевавъ Босфорское царство и низвергнувъ Митридата, Помпей, изыскивая средства извлечь всю возможную выгоду для Рима чрезъ производство восточной торговли, посылалъ для освидѣтельствованія и описанія этого пути свѣдущихъ и вѣрныхъ людей, которые донесли ему, что суда шли изъ Чернаго моря рѣкою Фазомъ (Ріономъ) до города Сарапаны, оттуда товары перевозились сухимъ путемъ въ нѣсколько дней до рѣки Кируса (Кура), потомъ этою

рѣкою шли въ Гирканское (Каспійское) море, изъ котораго суда входили въ рѣку Оксусъ (Аму-Дарья) *) и слѣдовали по ней до ея истоковъ изъ горъ, гдѣ производилась торговля съ индійскими купцами; по взаимномъ промѣнѣ или продажѣ товаровъ, купцы возвращались назадъ тѣмъ же путемъ. Колоніи, находившіяся на этомъ пути, достигли высшей степени благосостоянія. Арріанъ, описавшій берега Чернаго моря, изображаетъ въ блистательномъ положеніи городъ Фазъ. Огромныя зданія и магазины для склада товаровъ, говоритъ онъ, украшали оба берега р. Фаза; повсюду видны были изобиліе, богатство и великолѣпіе. До какой степени тогдашній торговый путь въ Среднюю Азію широко развилъ торговлю Кавказа и привлекъ туда множество различныхъ народовъ, это можно видѣть изъ того, что въ свое время римляне въ Севастополѣ (Діоскуріалъ), городѣ, лежавшемъ на восточномъ берегу Чернаго моря, содержали для удобнѣйшаго производства торговли и отвращенія всякихъ недоразумѣній *120 человѣкъ одних переводчиковъ разныхъ языковъ*

При римлянахъ торговля съ Индіей не могла производиться съ такимъ успѣхомъ, какъ при ихъ предшественникахъ грекахъ и послѣдователяхъ венеціанцахъ и генуэзцахъ, такъ какъ римляне не занимались сами этою торговлею, а предоставляли ее рабамъ-отпущенникамъ или ничтожнымъ промышленникамъ, которые никогда не отваживались ходить далѣе Сарапаны, и получали товары изъ вторыхъ или даже изъ третьихъ рукъ.

Татары Золотой Орды пользовались также выгодами торговли съ Индіей. Они перевозили товары рѣкою Оксусомъ и Каспійскимъ моремъ въ Волгу, потомъ этою рѣкою въ Казань, гдѣ новгородскіе промышленники покупали ихъ, доставляли въ Новгородъ и Старую Ладогу, откуда уже отправляли въ государства сѣверной Европы. Эти же татары перевозили свои товары въ Европу также и другою дорогою: именно, они шли съ Волги на Донъ до города Танаиса (Азовъ), бывшаго въ то время во вла-

*) Профессоръ Ленцъ въ запискѣ своей, прочитанной 5 февраля сего года въ засѣданіи Императорскаго географическаго общества, доказываетъ, что по свѣдѣніямъ, имѣющимся у греческихъ писателей, нельзя заключить: было ли извѣстно имъ о существованіи Аральскаго моря; поэтому и сообщаемыя ими свѣдѣнія о впаденіи Окса въ Каспійское море теряютъ всякую цѣну. Изъ восточныхъ географовъ только Гамдала и Саидъ-Абулъ-Гассанъ упоминаютъ о впаденіи Аму-Дарьи (или Аманъ-Дарьи, какъ ее называютъ туземцы) въ Каспійское море. Впрочемъ, Роулинсонъ полагаетъ, что было 4 эпохи, когда Аму-Дарья впадала поперемѣнно: то въ Каспійское, то въ Аральское море; послѣднимъ періодомъ впаденія Аму-Дарьи въ Каспійское море, Роулинсонъ считаетъ XIV и XV вѣкъ. М. Иванинъ въ статьѣ своей: „О старомъ руслѣ Аму-Дарьи“ основываясь на распросахъ плѣнныхъ, также призналъ, что Аму-Дарья въ четырехъ мѣстахъ прорывала себѣ ложе къ сторонѣ Каспійскаго моря.

дѣніи венеціанъ, продавали тамъ свои товары венеціанцамъ, а венеціанцы уже снабжали имъ южную Европу.

Тамерланъ нанесъ рѣшительный ударъ торговлѣ, а турки, завоевавъ Константинополь и завладѣвъ всею Восточною Имперіею, положили конецъ торговымъ сношеніямъ по вышепоказанному пути съ Среднею Азіею и съ Индіею. Заброшенъ былъ совершенно этотъ путь, заглохла торговля, но не заглохла мысль о возможности возобновленія сношеній съ Среднею Азіею. Въ пользу этой мысли ревностно старались дѣйствовать западные европейцы. Такъ генуэзецъ Паоло Ченту̀ріоне, жившій въ Римѣ во время правленія папы Льва X, предлагалъ великому князю Василію IV Іоанновичу установить торговыя сношенія съ Индіею посредствомъ Каспійскаго моря. Онъ объяснялъ, какія большія выгоды пріобрѣтетъ Россія, если индійскіе товары будутъ привозиться чрезъ Каспійское море въ Астрахань, потомъ Волгою и Окою до Москвы, откуда сухимъ путемъ до Двины и этою рѣкою до Риги, которая снабжала бы этими товарами всю Европу. Но, пока въ западной Европѣ раздумывали, да составляли проекты, англичане—эти люди дѣла, пошли прямо къ цѣли. Уже съ давнихъ поръ эти всемірные коммерсанты отыскивали болѣе легкій и удобный путь въ Среднюю Азію. Случайно открывъ въ 1553 году чрезъ Ричарда Ченслера значительную часть сѣверной Россіи, дотолѣ остававшуюся неизвѣстною западной Европѣ, они тотчасъ же завели сношенія съ великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ. Англичане стали привозить въ Россію въ значительномъ количествѣ свои товары и въ скоромъ времени задумали чрезъ ея земли вступить въ ближайшія торговыя связи съ восточными странами, лежавшими близь Каспійскаго моря. Въ Англіи основалось особое торговое общество, имѣющее цѣлью отыскать легкій, удобный путь въ Индію и Китай. По порученію этого общества, чрезъ нашу Астрахань проѣзжало много лицъ, для разрѣшенія этой задачи. Извѣстнѣйшимъ изъ нихъ былъ Антоній Дженкинсонъ. Въ 1555 г. онъ отправился чрезъ Россію въ Бухарію. 14 іюля онъ былъ уже въ Астрахани, отсюда прибылъ моремъ въ городъ Мангуславъ (Мангышлакъ?), лежащій на восточномъ берегу Каспійскаго моря, а оттуда поѣхалъ въ Бухару. Но это трудное и опасное путешествіе его было почти совершенно безполезно: Бухара снабжалась такимъ огромнымъ количествомъ товаровъ чрезъ Алеппо и Смирну, что Дженкинсонъ вынужденъ былъ продать привезенные имъ товары почти безъ всякаго барыша; потому онъ и не совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ ѣздить такъ далеко. Тогда англійское торговое общество рѣшилось вступить въ непосредственныя торговыя связи съ Персіею. Для этой цѣли, оно снова въ 1561 году отправило туда чрезъ Россію Дженкинсона. 17 апрѣля 1562 г. Дженкинсонъ отправился изъ Москвы сухимъ путемъ въ

Астрахань, вмѣстѣ съ персидскимъ посломъ, возвращавшимся изъ Москвы въ отечество. Сѣвъ на корабль въ Астрахани, Дженкинсонъ послѣ бурнаго и опаснаго плаванія прибылъ въ Шабранъ, гдѣ и разгрузился; отсюда онъ отправился съ товарами сухимъ путемъ чрезъ Шемаху, Ардебиль и Тебрисъ въ Казбинъ, столицу тогдашняго персидскаго государя, гдѣ Дженкинсонъ прожилъ цѣлую зиму, но не могъ достигнуть цѣли своего посольства, и въ слѣдующемъ году возвратился въ Россію.

Кромѣ Дженкинсона, англійское торговое общество посылало еще нѣсколькихъ лицъ, чтобы завязать торговыя связи съ востокомъ чрезъ море Каспійское. Изъ нихъ отмѣтимъ Христофора Борро, который съ другими четырмя факторами компаніи въ 1579 г. отправился въ путешествіе, продолжавшееся почти три года. Въ письмахъ своихъ къ факторіи онъ оставилъ намъ описаніе своего путешествія, самаго замѣчательнаго изъ совершенныхъ англо-русскою торговою компаніею, относительно топографіи и тогдашнихъ свѣдѣній о бассейнѣ рѣки Волги *).

Но не одна Англія старалась завязать чрезъ Каспійское море сношенія съ Персіею и вообще съ востокомъ. Въ 1602 г. чрезъ Россію былъ отправленъ отъ римскаго императора Рудольфа семиградскій дворянинъ Стефанъ Какашъ посломъ въ Персію, въ отвѣтъ на посольство, присланное за два года предъ тѣмъ шахомъ Аббасомъ въ Вѣну. Но Какашъ не доѣхалъ до мѣста: онъ умеръ на пути, въ Мидіи. Въ томъ же году польскій король Сигизмундъ III посылалъ въ Персію съ разными порученіями варшавскаго гражданина, Сефера Муратовича. Въ 1626 году во Франціи былъ составленъ планъ объ установленіи торговли шелкомъ съ Персіею чрезъ Россію, посредствомъ Каспійскаго моря, Астрахани, Москвы и Риги. Въ 1635 г. герцогъ Фридрихъ голштейнъ-готторпскій отправилъ въ Россію и Персію нарочное посольство, цѣль котораго была завязать дружественныя торговыя сношенія съ Россіею и Персіею, съ тѣмъ, чтобы получать изъ Персіи чрезъ Россію шелкъ. Это посольство сопровождалъ знаменитый Олеарій, который въ подробности описалъ свое путешествіе **).

---

*) Въ интересахъ науки мы желали бы видѣть описаніе путешествія Борро переведеннымъ на русскій языкъ. Ожидаемъ этой услуги для русскаго общества отъ Императорскаго московскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое въ своихъ чтеніяхъ обязательно подарило намъ много переводовъ капитальныхъ сочиненій иностранцевъ о Россіи.

**) Переводъ замѣчательнаго труда Адама Олеарія наконецъ появился и у насъ вполнѣ, въ чтеніяхъ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1868—1869 годы.

Посолъ шведской королевы Христины, Андрей Буррей (1633—34), составилъ планъ, какимъ образомъ изъ Бѣлаго моря всего удобнѣе проникнуть къ Астрахани и далѣе. Голландцы, получавшіе уже въ то время большія выгоды отъ торговли съ Остъ-Индіею, также устремляли свой взоръ на Россію, какъ на такую страну, чрезъ которую удобнѣе завязать сношенія съ востокомъ. Затѣмъ начинается уже рядъ русскихъ попытокъ къ проложенію удобнаго и выгоднаго торговаго пути въ Среднюю Азію. Исторія этихъ попытокъ со временъ Петра Великаго до настоящаго времени изложена въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1869 годъ, въ № 143, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ дѣйствій нашихъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря».

Изъ представленнаго нами краткаго историческаго очерка хода дѣла по вопросу о торговомъ пути въ Среднюю Азію наши читатели легко могутъ видѣть, что скорый и удобный путь въ Среднюю Азію важенъ не для одной только Россіи; удовлетворительное рѣшеніе его занимаетъ не однихъ только русскихъ: это — вопросъ европейскій и азіятскій вмѣстѣ; это—вопросъ всемірный. Такое важное значеніе этого вопроса налагаетъ обязанность до окончательнаго рѣшенія осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ и придти къ рѣшенію его послѣ обдуманныхъ соображеній, гдѣ бы не было мѣста всегда вредной односторонности *).

А—цъ.

*) „Астраханскій Справочный Листокъ."

Путешествіе Избрандта въ Китай въ 1692 г.

17-го мая 1870 г., какъ извѣстно уже, отправилась изъ Нерчинска въ Китай торговая купеческая экспедиція, состоящая изъ 50 человѣкъ, для отысканія заброшеннаго пути черезъ западную Манджурію въ Пекинъ и Тянь-Цзинъ. Теперь наши купеческіе караваны идутъ въ Китай изъ Кяхты чрезъ безтравную и безводную Монголію на вьючныхъ верблюдахъ. На каждаго кладутъ по 14 пудовъ тяжести, тогда какъ лошадь, запряженная въ телѣгу, везетъ 30 пудовъ. Вслѣдствіе этого рождается вопросъ: почему же купцы не возятъ товаровъ на телѣгахъ по нынѣшнему пути? — По недостатку воды и подножнаго корма. Верблюдъ можетъ переносить голодъ и жажду, а лошадь умираетъ на вторыя сутки. Путь, который рѣшилась отыскать наша купеческая экспедиція, не новость; онъ уже былъ посѣщаемъ. Въ 1675 году, проѣзжалъ по этому пути въ Пекинъ посланникъ нашъ, молдаванинъ Спафари, а въ 1692 году — посланникъ же, датчанинъ Избрандтъ. Прежде ихъ ѣздили по этому пути купеческіе караваны въ Наунъ или Цицигаръ. Послѣ того монголы указали купцамъ нашимъ другую дорогу изъ Селенгинска въ Пекинъ, Монголіею, чрезъ монастырь Курецъ или Ургу; когда же посланникъ нашъ, по взаимному съ китайцами согласію, установилъ общую торговлю въ Кяхтѣ, прежній путь въ городъ Наунъ былъ оставленъ. Изъ всѣхъ русскихъ, проѣзжавшихъ по этому старому пути, удовлетворительнѣе всѣхъ описалъ его нашъ посланникъ Избрандтъ. Путешествіе его помѣщено въ VIII томѣ «Древней Русской Вивліоѳики». Эта книга нынѣ считается рѣдкостью. Въ августѣ мѣсяцѣ 1692 года, пишетъ Избрандтъ, прибыло посольство на рѣку Аргунъ, въ тамошній острогъ, и нашло здѣсь русскій караванъ, идущій съ нимъ по пути; отсюда оно вступило уже въ предѣлы китайскаго государства. Дорога шла по горамъ до рѣки Калабы, отсюда до рѣчки Терби, а потомъ до рѣчки Ганъ, впадающей въ Аргунъ, чрезъ которую переправилось на плотахъ. Послѣ того, перешло въ бродъ рѣчки: Мергенъ, Киляръ и Цедукъ; на рѣкѣ Яло встрѣтили посольство китай-

скіе чиновники изъ города Цицигара для сопровожденія нашей свиты. Путь отъ рѣки Аргуна до Яло идетъ по каменистымъ, безлѣснымъ горамъ, такъ что караванъ везъ съ собою дрова, зато воды вездѣ было много. Отсюда дорога пошла по берегу Яло мѣстами живописными, по лѣсамъ дубовымъ и орѣховымъ. Въ нихъ было множество дичи. Горы и долины покрыты цвѣтами. Избрантъ называетъ эту мѣстность раемъ. Потомъ трое сутокъ ѣхали пустынными горами, между которыми нѣтъ даже рѣчекъ. За горами начинается степь безплодная, по которой ѣхали цѣлыя сутки. Ночевать останавливались подлѣ рѣки, а какъ до города Цицигара осталось только три версты, то посланникъ отправилъ туда извѣщеніе о прибытіи посольства. Присланные китайскіе чиновники привели нашихъ въ городъ и разставили по квартирамъ. Пріемъ и содержаніе были роскошные. Городъ стоитъ на рѣкѣ Нонни, по русски Наунъ, обнесенъ валомъ и палисадомъ. Жители занимаются земледѣліемъ. Изъ Цицигара ѣхало посольство по рѣкѣ Науну до устья рѣки Яло, по землѣ, порядочно заселенной; отсюда начинается уже степь, до развалинъ древняго города. Тутъ видны были только остатки рвовъ и валовъ. Спустя шесть дней, вновь пріѣхали къ раззоренному городу Таниганъ Ецанъ. Онъ обнесенъ четырехугольнымъ валомъ съ бастіонами и двумя осьмиугольными башнями. Въ городѣ есть развалины стараго строенія. По угламъ его стулья, вышиною около 10 саженъ, а на нихъ каменныя изображенія, на другихъ же сидятъ большія статуи, поджавъ ноги подъ себя. На иныхъ стульяхъ были статуи рѣзной китайской работы. Внутри города видны остатки каменной стѣны. Тутъ же находятся огромныя каменныя изваянія льва и черепахи. На горахъ, около города находились каменныя башни. Отъ этихъ развалинъ ѣхало посольстно по мѣстамъ пустыннымъ и достигнуло до третьяго раззореннаго города. Избрандтъ называетъ его Бурханъ-хото или городомъ идоловъ, онъ обведенъ землянымъ валомъ. По срединѣ города четырехъугольная каменная башня, на которой нѣсколько сотъ колокольчиковъ звенятъ при вѣтрѣ. Въ башнѣ множество статуй. Отсюда путь шелъ песчаною мѣстностью; по сторонамъ дороги возвышались песчаные бугры, поросшіе кое гдѣ деревьями. Далѣе переправились въ бродъ черезъ рѣку Шара-мурень, потомъ черезъ рѣку Логая, впадающую въ Шара-мурень. Отсюда пріѣхали въ городъ Хара-хото, обнесенный частоколомъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ города вырублена дорога въ каменной горѣ, саженъ 200 разстоянія. Отсюда до великой стѣны встрѣчаются тигры и барсы, и для отгнанія ихъ путешественники привѣшивали къ лошадямъ колокольчики. Сюда каждое лѣто пріѣзжаетъ богдоханъ для охоты облавою. 27-го сентября увидѣли наши путешественники великую стѣну; за нею стоитъ городъ

Халга, что по монгольски значитъ застава. На зарѣ посольство двинулось далѣе, переѣхало черезъ рѣку Луанъ-Хэ по деревянному мосту и пріѣхало въ городъ Ланія. Потомъ проѣхало черезъ города: Кантунчунъ, Кича, Тунхо, а 3-го ноября прибыло въ Пекинъ. Изъ этого маршрута видно, что путь, по которому ухалъ Избрандтъ, хорошъ только по рѣкѣ Яло, а передъ нею и за нею встрѣчали много пустынныхъ и песчаныхъ мѣстъ, слѣдовательно, путь этотъ не во всѣхъ отношеніяхъ удобенъ. Черезъ великую стѣну проѣхалъ онъ, какъ можно догадываться, восточнымъ проходомъ, а чрезъ какіе города проѣзжалъ онъ до Пекина, трудно понять.

Нефтяный промыселъ на островѣ Челекенъ.

Извѣстно, что нефтяные ключи, колодцы и даже цѣлыя подземныя нефтяныя озера находятся въ замѣчательномъ изобиліи на обѣихъ оконечностяхъ Кавказскаго кряжа: въ Керчи и Тамани—на западной, въ Баку и на островѣ Челекени—на восточной оконечности хребта. Продукты нефти: керосинъ, фотогенъ, бензинъ, парафинъ и проч. имѣютъ большой сбытъ повсюду, а потому нефтяныя мѣсторожденія старательно разработываются повсюду, а особливо въ Америкѣ, гдѣ разработка нефти и петролеума создала въ нѣсколько лѣтъ колоссальныя богатства. На мѣстностяхъ, изобилующихъ петролеумомъ, быстро возникли цѣлые города, и американскій керосинъ, при предпріимчивости американскихъ эксплуататоровъ, расходится повсюду, въ Европѣ и въ Америкѣ. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, только одна Россія можетъ быть соперницею Америки въ разработкѣ нефтяныхъ мѣсторожденій, потому что нигдѣ въ Европѣ не существуетъ такихъ огромныхъ нефтяныхъ источниковъ и подземныхъ озеръ, какія существуютъ въ Тамани, Баку и на островахъ Каспійскаго моря. Но, къ сожалѣнію, по недостатку частной предпріимчивости, эти естественныя богатства, столь выгодныя для разработки, оставались почти совершенно нетронутыми, и только въ 1862 году полк. Новосильцевымъ предпринята была попытка правильнаго добыванія петролеума, въ обширныхъ размѣрахъ, изъ подземныхъ, таманскихъ озеръ.

Одно изъ главнѣйшихъ препятствій, встрѣченныхъ г. Новосильцевымъ при его разработкѣ петроля, была затруднительность доставки добытаго продукта къ морскому берегу и недостатокъ деревянной посуды, для сохраненія петроля. Этихъ затрудненій не существуетъ, при добываніи нефти, нефтагиля и петроля въ другихъ мѣстностяхъ, изобильныхъ этими естественными продуктами. Такою именно, во всѣхъ отношеніяхъ выгодною мѣстностью, представляется островъ Челекень, у входа въ Красноводскій заливъ, при восточномъ берегѣ Каспійскаго моря.

Выгоды челекенскаго мѣсторожденія нефти, сравнительно со всѣми другими мѣстностями, заключаются: 1) въ возможности доставлять на

островъ во всякое время необходимую посуду, изъ богатаго лѣсомъ Мазандеранскаго и Астрабадскаго берега Каспійскаго моря; 2) въ удобствѣ перевозки нефти съ острова, моремъ, и по Волгѣ до самаго Нижняго-Новгорода и Москвы, центральныхъ складочныхъ мѣстъ всей Россіи. Съ осуществленіемъ же бакинско-ростовской желѣзной дороги, нефть и ея продукты могутъ идти въ Россію не только моремъ, но и по желѣзнымъ путямъ, прилегающимъ изъ центральныхъ губерній Россіи къ берегамъ Каспійскаго моря. Такимъ образомъ выгодный сбытъ продуктовъ обработки нефтяныхъ мѣсторожденій вполнѣ обезпеченъ. Перевозка же нефти отъ ея мѣсторожденія къ берегу не можетъ быть затруднительна, по незначительности протяженія самаго острова, имѣющаго отъ сѣвера къ югу—до 35 верстъ пространства, а отъ востока къ западу—до 25 верстъ. Кромѣ того, мѣсторожденія нефти особенно изобильны въ юго-западной части острова, т. е. именно тамъ, гдѣ берегъ не окруженъ мелями, и якорная стоянка для судовъ весьма удобна, такъ что перевозка добытой нефти до мѣста нагрузки на суда будетъ не больше 10 или 12 верстъ.

Рабочихъ, для разработки нефтяныхъ источниковъ, достать не трудно: туркмены, коренные жители остр. Челекень, огурджалинцы (жители остр. Огурчинскаго) и персіяне съ Астрабадскаго берега, которыхъ и въ прежнее время постоянно проживало на Челекенѣ болѣе 200 человѣкъ, охотно нанимаются на эти, привычныя для нихъ работы. До настоящаго времени плата рабочимъ была по 30 к. с. въ сутки.

Нынѣ существующіе нефтяные колодцы и разработки нефтагиля на остр. Челекень находятся въ весьма жалкомъ видѣ, вслѣдствіе азіятской лѣни и безпечности туркменъ. Колодцы, не имѣя крѣпей, и не защищаемые ничѣмъ, безпрерывно заваливаются и заносятся пескомъ, особливо при сильныхъ вѣтрахъ, которые бушуютъ здѣсь по ночамъ. Нефтагиль, одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ, естественныхъ продуктовъ, добывается гдѣ попало, и складывается въ плохо прикрытыхъ ямахъ, по 1000 пудовъ въ каждой. Очистка нефтагиля производится также весьма небрежно. Однако же, не смотря на все это, туркмены до настоящаго времени имѣли возможность продавать ежегодно, въ Астрахань, Баку и на частныя суда, пристающія къ острову, до 70 тысячъ пудовъ одного очищеннаго нефтагиля.

Цѣны на нефтагиль весьма непостоянны, и повышаются при каждомъ усиленномъ требованіи на этотъ продуктъ. Бѣлый, похожій на воскъ, нефтагиль, продавался отъ 37 до 60 к. за пудъ. Цѣна черному, смолистому нефтагилю гораздо ниже. Нефть добывается также двухъ сортовъ: черная и бѣлая. Цѣна бѣлой нефти доходитъ до 30 к. за пудъ. Разу-

мѣется, при установленіи правильной разработки нефти и нефтагиля въ обширныхъ размѣрахъ, цѣны эти значительно понизятся, что еще болѣе обезпечитъ выгодный сбытъ, какъ самой нефти, такъ и всѣхъ, выработанныхъ изъ нея, техническихъ продуктовъ.

Необыкновенное изобиліе нефти и нефтагиля на остр. Челекень, выгодное положеніе этого острова неподалеку отъ Баку и только въ 315 верстахъ отъ Ашуръ-аде, устройство русскаго поселенія на Красноводскомъ берегу, неподалеку отъ острова Челекень, гдѣ уже и въ настоящее время живетъ постоянно до 2500 человѣкъ туркменъ и персіянъ, миролюбивый характеръ и наклонность къ торговымъ занятіямъ постоянныхъ жителей острова Челекень и прибрежныхъ огурджалинцевъ, способность мѣстныхъ туркменъ къ службѣ на судахъ *), все это заставляетъ обратить вниманіе на остр. Челекень, и невольно наводитъ на мысль о выгодности разработки его естественныхъ богатствъ правильно организованною компаніею. Нельзя также не обратить вниманія, что если добываніе нефти на остр. Челекень представляетъ уже и въ настоящее время вполнѣ выгодное предпріятіе, то эти выгоды въ будущемъ необходимо должны удесятериться, вслѣдствіе чрезвычайно выгоднаго положенія остр. Челекень, у входа въ Красноводскій заливъ. Отъ этого залива, рано или поздно, пойдетъ главный торговый путь изъ Россіи въ богатый бассейнъ рѣки Аму-Дарьи. Съ этимъ путемъ, длиною въ 600-700 верстъ, врядъ ли можетъ соперничать путь отъ Оренбурга на Казалинскъ, къ устью Сыръ-Дарьи, и отъ этой рѣки до Хивы или Бухары, хотя конечно путь этотъ и не утратитъ своего значенія для коканскихъ каравановъ и вообще для всего раіона, къ сѣверо-востоку отъ Сыръ-Дарьи.

---

*) Туркмены-огурджали считаются лучшими матросами на русскихъ судахъ, плавающихъ у восточныхъ береговъ Каспійскаго моря.

О лѣсоводствѣ въ Киргизской степи

Общій и самый важный недостатокъ въ Киргизской степи—лѣса. Но при первоначальномъ заселеніи русскихъ колоній, слишкомъ ощутительнаго недостатка въ лѣсахъ не было.

Рѣчныя долины густо поростали деревьями и кустарниками, главными представителями коихъ были: великолѣпный тополь, ветла, береза, осина, ива, черемуха, рябина, боярка, смородина и другіе, а на юго-восточныхъ окраинахъ, по горнымъ склонамъ и ущельямъ, росли, въ большомъ количествѣ, хвойные лѣса: но отъ всего этого мѣстами не осталось и слѣда.

Самая главная причина быстраго уничтоженія лѣсовъ заключается въ томъ, что первоначальными колонистами въ Киргизской степи были казаки, народъ большею частію крайне безпечный; да и самое заселеніе ихъ имѣло мало гарантій на постоянную и прочную осѣдлость на новыхъ мѣстахъ, такъ какъ оно совершалось путемъ не свободнымъ, а подневольнымъ: вмѣстѣ со вступленіемъ киргизъ въ подданство Россіи, устраивались въ центрѣ ихъ территорій и новые административные центры — округа, въ которые высылались для заселенія линейные казаки, какъ бы по службѣ, а не на правахъ свободныхъ колонистовъ. Каждый изъ новоселовъ за истребленіе лѣсовъ принялся, какъ говорится, съ плеча, уничтожая ихъ на постройки и топливо, и при этомъ имѣя въ виду лишь то, какъ бы успѣть захватить лѣсу поближе и получше, не простирая свои виды даже въ самое близкое будущее; кромѣ того, и мѣстныя власти имѣли такой же взглядъ на этотъ важный предметъ; и вотъ такимъ-то путемъ, въ какіе-нибудь 15—20 лѣтъ, дошли до настоящаго, почти совершеннаго уничтоженія не только строеваго лѣса, но даже и кустарниковыхъ растеній, тамъ, гдѣ, при раціональномъ употребленіи, хватило бы лѣса на цѣлыя поколѣнія.

Такъ, напримѣръ, въ степномъ городкѣ Кокпектахъ, при первоначальномъ его заселеніи, было значительное количество лѣса по рѣчкамъ: Кокпектинкѣ, Чигилекамъ, Букони, Талдѣ и другимъ; и по настоящее время

есть еще много домовъ, для которыхъ лѣсъ рубился за 4 — 7 верстъ (большею частію вѣковые тополи), но отъ всего этого въ настоящее время, какъ горькое, прискорбное воспоминаніе, осталась одна роща верстахъ въ пяти отъ Кокпектовъ, по рѣчкѣ Чигилеку, которая сохранилась отъ общей участи лишь тѣмъ, что мѣсто это находится въ арендномъ содержаніи у купца-татарина Шарипа-Берсугурова, гдѣ онъ имѣетъ хуторъ, а затѣмъ мѣстами не осталось и сучка. Даже плодовые кустарники, какъ-то: черемуха, смородина — и тѣ не находятъ сочувствія и пощады отъ общей участи, и нерѣдко можно видѣть, какъ ихъ въ самомъ цвѣту рубятъ и везутъ на топливо. Въ Сергіополѣ лѣса по рѣчкѣ Аягузу и другимъ исчезли тѣмъ же путемъ. А въ Копалѣ, кромѣ рѣчныхъ долинъ, въ большомъ количествѣ росли хвойные лѣса по сѣвернымъ склонамъ и ущельямъ отроговъ Алатау, отъ чего въ настоящее время и слѣдовъ не осталось, и лѣсъ доставляется уже съ южной стороны, изъ за хребта, съ величайшими затрудненіями.

Въ настоящее время въ Киргизской степи возникаетъ новое поселеніе, новый будущій городъ: Зайсанскій пограничный постъ. Условія первоначальнаго его зарожденія, естественныя богатства, коими значительно изобилуетъ этотъ край, а также и будущее его торговое значеніе въ международныхъ нашихъ сношеніяхъ съ Китаемъ и Монголіей, все это, вмѣстѣ взятое, даетъ несомнѣнное ручательство за будущее развитіе и благосостояніе этого новаго края. Но край этотъ, имѣя общія присущія Киргизской степи почвенныя и климатическія свойства, въ одинаковой степени бѣденъ лѣсами и вообще растительностію.

При самомъ началѣ, въ Зайсанскомъ краѣ, на постройку казенныхъ зданій и топливо, лѣсу уничтожено уже громадное количество; но не благоразумнѣе ли было бы казенныя зданія строить не изъ лѣсу, а изъ обожженаго кирпича, да и самый кирпичь обжигать не дровами, а каменнымъ углемъ. Это, мнѣ кажется, было бы даже дешевле того, во что обходится въ настоящее время деревянная постройка, если взять въ соображеніе всѣ тѣ затрудненія, съ какими сопряжена добыча и вывозка лѣса кордонными средствами; а имѣя подъ руками каменный уголь, великолѣпную глину и тѣ громадныя средства, какія даетъ правительство, я думаю, что и на самой практикѣ не должно бы встрѣтиться какихъ либо камней преткновенія. Но при этомъ, конечно, необходимо искреннее безкорыстное желаніе истинной пользы для края; а безъ этого условія всегда бѣлое будетъ казаться чернымъ, легко исполнимое—совершенно неисполнимымъ. Для людей частныхъ, на первый разъ, это конечно трудно, но когда примѣръ будетъ предъ глазами, то и частныя лица поймутъ очевидную пользу и постараются ею воспользоваться.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ, въ видахъ охраненія и разведенія лѣсовъ Семирѣченской области, принялъ слѣдующія, весьма раціональныя мѣры: введеніе системы постройки домовъ и прочихъ зданій изъ сырцоваго и жженаго кирпича, съ употребленіемъ при этомъ лѣсныхъ матеріаловъ лишь на необходимые предметы; употребленіе на топливо пней и валежника, а отнюдь не живаго лѣса, и наконецъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность казакамъ, въ станицахъ и выселкахъ, въ отведенномъ удобномъ мѣстѣ, каждому насадить опредѣленное количество свѣжихъ таловыхъ кольевъ, для постояннаго орошенія коихъ провести арыки, и за отрастаніемъ ихъ имѣть тщательное наблюденіе, что въ степи, при удобствахъ искуственнаго орошенія, весьма примѣнимо, да и самые результаты подобнаго разведенія деревьевъ оправдываются вполнѣ. Но кромѣ этого необходимо обратить вниманіе на тщательное изслѣдованіе и розысканіе каменнаго угля, въ которомъ Киргизская степь, по своему геологическому строенію, не должна бы имѣть недостатка, что подтверждается тѣмъ, что во многихъ мѣстностяхъ Киргизской степи открыты совершенно случайно залежи различныхъ каменноугольныхъ породъ.

Въ Копалѣ и Вѣрномъ есть много эмигрантовъ изъ Китая, которые бѣжали въ наши предѣлы во время раззоренія дунганами Кульджи и Чугучака. Они отличные спеціалисты въ дѣлѣ приготовленія сырцоваго кирпича, который дѣлается ими такъ прочно, что дождь не имѣетъ на него никакого вліянія, да и при самомъ паденіи его съ значительной высоты онъ рѣдко ломается. Кирпичъ этотъ продавали они въ Копалѣ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к.

Эмигранты эти большею частью торгоуты; они вообще дешёвые и трудолюбивые рабочіе, а такъ какъ въ пограничныхъ степныхъ городкахъ, а въ Зайсанскомъ пограничномъ постѣ въ особенности, дороги рабочія руки, да и тѣхъ почти нѣтъ, то хорошо бы привлечь, для работъ казенныхъ и частныхъ, торгоутовъ, которые живутъ отъ Зайсанскаго поста всего въ какомъ нибудь стоверстномъ разстояніи; при удешевленіи рабочихъ рукъ, станутъ селиться и строиться здѣсь и частныя лица, а то въ настоящее время желающихъ селиться и строиться много, да рабочихъ рукъ нѣтъ; вывозить же для этого мастеровыхъ за 300—500 верстъ не многимъ по средствамъ.

Г. Титовъ.

Подводный перешеекъ въ Каспійскомъ морѣ.

Извѣстно, по зондированію дна Каспійскаго моря и по сохранившимся старинным картамъ, что Каспійское море въ древности составляло два отдѣльные водоема: моря Каспійское и Гирканское. Преданія о переворотѣ, прорвавшемъ и потопившемъ этотъ перешеекъ, и понынѣ живы въ памяти народной. Приводимъ изъ любопытной статьи г. Явленскаго нѣсколько подробностей относительно переворота, совершившагося въ окрестностяхъ нынѣшняго Апшеронскаго мыса.

Апшеронскій проливъ представляетъ превосходную природную пристань, по положенію и удобству гораздо выгоднѣе бакинскаго рейда. Это мы еще увидимъ, а пока взглянемъ на группу острововъ, смежно раскинутыхъ съ островомъ Святымъ, дополняющихъ удобство Апшеронской гавани—пространствомъ тихой воды и удобной якорной стоянкой, миль на 10 къ югу и на 6 къ востоку. На юго-востокъ отъ острова Святаго лежитъ довольно большой островъ, Жилой *), и рядомъ съ нимъ, поменьше, островъ Урунасъ, а между ними разсѣяны камни подводные и надводные, изъ которыхъ самый восточный—почти островъ. Это мѣсто носитъ названіе Чертово-городище. Хорошо мѣстечко!... Тутъ же есть и подводные волканы, выбрасывающіе грязную воду и нефть.

Вообще Апшеронскій полуостровъ, съ группою острововъ, носитъ на себѣ рѣзкій оттѣнокъ волканическаго переворота, опредѣлить время котораго не берусь, а приведу доказательства, о которыхъ любопытно говорить:

Островъ Жилой—сплошная известковая масса, на которой до сихъ поръ отпечатлѣваются слѣды колесной ѣзды, колеи которыхъ время еще не успѣло изгладить; онѣ тянутся въ направленіи отъ запада къ востоку, какъ бы указывая путь на противоположную сторону моря, имѣющаго тутъ ширину не болѣе 90 миль.

---

*) Есть преданіе, что на немъ жилъ Разинъ съ товарищами. Вѣроятно это было во время похода его въ Персію, въ 1668 году.

Въ мѣстныхъ жителяхъ упорно держится преданіе о переворотѣ, затопившемъ плотину, раздѣлявшую Каспійское море на два большихъ, отдѣльныхъ одинъ отъ другаго, водоема.

Двѣ—три строки, внесенныя въ лѣтопись венеціанскихъ и генуэзскихъ купцовъ, могли бы освѣтить истинность этого переворота, затопившаго плотину въ какихъ нибудь 200 верстъ длины. Если человѣку можно срывать и разсѣкать горы, то природѣ, съ ея страшными, матеріально одушевленными силами, подобный трудъ—дѣло одной минуты!

Вопросъ: существовала-ли плотина, разрѣшаютъ, кромѣ сохранившихся слѣдовъ, слѣдующія данныя: 1) направленіе каменнаго архипелага, 2) узкость моря противъ этого мѣста и даже, какъ говорятъ, сравнительно меньшая глубина воды по тому же слѣду; 3) бакинскія и апшеронскія полуразрушенныя башни, какъ будто сторожившія какой-то путь, 4) древнія персидскія морскія карты, на которыхъ плотина представлена существующею. Одну карту въ двадцатыхъ годахъ лично видѣлъ извѣстный гидрографъ Колодкинъ. Если не было сухопутнаго сообщенія поперегъ моря, то некого было и опасаться. Стало быть и апшеронскія башни, вокругъ которыхъ нѣтъ ни стѣнъ, ни рвовъ, ни развалинъ, свидѣтельствующихъ о бытности города, были построены безъ всякой цѣли, тѣмъ болѣе, что со стороны моря не представлялось особенныхъ опасностей отъ морскихъ пиратовъ.

Загородными жилищами владѣтелей или богатыхъ людей, эти высокія, съ узкими окнами, башни, быть также не могли; иначе они сохранили бы хоть внутренніе слѣды восточнаго комфорта, да и кому придетъ въ голову строить жилище въ мѣстѣ дикомъ, лишенномъ всѣхъ удобствъ, даже тѣни, прохлады и лужайки, на которой бы паслись овцы для плова и кебава? Анахоретамъ же не по карману высокія хоромы.

На мечети башни не похожи, темницами быть онѣ не могли: 1) потому, что темницы не во вкусѣ азіятской юстиціи, и 2) они обыкновенно помѣщаются подъ рукой, а не за 40 верстъ отъ города; тамъ и барана не устережешь, а не только важнаго преступника.

Итакъ, должно заключать, что Каспійское море дѣлилось плотиной на два озера. Что это истина, я, кромѣ прочихъ доказательствъ, могу привести еще слѣдующее:

Лейтенантъ А. Ульскій 2-й, въ статьѣ своей «о предварительномъ изслѣдованіи рельефа дна Каспійскаго моря» говоритъ: «изъ всего предъидущаго мы приходимъ къ заключенію, что Каспійское море, въ весьма отдаленную эпоху, потерпѣло сильный волканическій переворотъ, сообщившій его берегамъ и дну современный геологическій характеръ. Кромѣ того, рельефъ моря ставитъ въ общую зависимость геологическія свойства и вул-

каническія явленія обоихъ береговъ моря и указываетъ на начальную причину. Что же касается до времени, то оно можетъ быть относительно опредѣлено специалистами». Карта Каспійскаго моря и рельефъ дна положительно подтверждаютъ существованіе бывшаго перешейка; даже наглядно котловины моря очевидны по обоимъ берегамъ бывшаго перешейка. Промѣры сдѣланы окончательно въ 1862 г. Да не осудятъ меня, что я увлекся маніей нашего вѣка—археологическими изысканіями; увлеченіе мое не имѣетъ притязаній на ученость, я не громозжу гипотезу на гипотезу, а взявшись за обыкновенное развлеченіе въ дорогѣ—вести путевой журналъ, позволю себѣ продолжать его. Кстати, я подкрѣплю сейчасъ предположеніе о древней плотинѣ старинной легендой, которую мнѣ удалось услышать не въ одномъ Баку, но и въ другихъ мѣстахъ кавказскаго берега. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь бакинскій рейдъ, въ прежнее время было сухое мѣсто, а острова Наргенъ, Вульфъ и Апшеронскіе, примыкали къ перешейку, который раздѣлялъ два моря. Городъ Баку съ окрестностями составлялъ отдѣльное ханство, Апшеронъ другое, населенное злыми духами, тогда какъ жители Баку всегда отличались миролюбіемъ и благочестіемъ; въ особенности послѣдній ханъ того времени, къ которому относится событіе легенды, былъ человѣкъ чуть-ли не святой! Но дѣла житейскія шли своимъ порядкомъ, вражда апшеронцевъ къ бакинцамъ была безпрерывная, набѣги происходили безпрерывно, грабежи и насилія обливали сердце благочестиваго хана кровью, потому что подданые расплачивались съ сосѣдями баранами, женами и всѣмъ, что только можно было отнять у нихъ.

Апшеронцы, не довольствуясь грабежами у бакинцевъ, брали контрибуціи и со всѣхъ каравановъ, которые проходили чрезъ перешеекъ, такъ что не было ни кому спуска.

Все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока бакинскому хану не пришла въ голову счастливая мысль: породниться съ сосѣдомъ, у котораго росла дочь красавица, а у хана бакинскаго былъ сынъ, подававшій блистательныя надежды. Ханъ рѣшился отправить посольство съ предложеніемъ сватовства, чтобъ положить предѣлъ враждѣ, раздѣлявшей оба владѣнія.

Апшеронскій ханъ, смотрѣвшій съ презрѣніемъ на бакинскаго, велѣлъ ему сказать, что только тогда отдастъ свою дочь въ замужество за сына его, когда два моря сольются въ одно, думая этимъ отвѣтомъ отдѣлаться навсегда отъ родства и мира съ сосѣдомъ; но вышло напротивъ: въ одну темную ночь, поднялась на морѣ такая страшная буря, что къ утру прорвала и затопила весь перешеекъ. Тогда только апшеронецъ позналъ волю Аллаха. Онъ поспѣшилъ заключить миръ, и съ тѣхъ поръ апшеронское и бакинское ханства слились въ одно. Вотъ что говоритъ бакинская легенда,

указывающая на бывшій переворотъ на Апшеронскомъ полуостровѣ, переворотъ, объясняемый еще и понынѣ видимыми признаками. Уцѣлѣвшія съ незапамятныхъ временъ башни, неудобныя для жилья, неокруженныя никакими постройками, но съ которыхъ открывается далекій видъ, были очевидно не больше, какъ сторожевыя башни, которыя были бы совершенно лишними, если бы не было тутъ перешейка, соединявшаго оба берега. Набѣги-же съ восточнаго берега физически невозможны: кочевымъ народамъ не на чемъ было переѣхать море, тѣмъ болѣе, что азіятцы никогда не отличались морскими экспедиціями, требующими многихъ знаній.

Мы уже говорили, что острова Святой и Жилой и окружающіе ихъ каменья, а на восточномъ берегу Челекень, составляютъ очевидное продолженіе Апшеронскаго полуострова. Говорили также, что на островѣ Жиломъ, состоящемъ изъ ракушиннаго известняка, сохранились колеи арбъ въ направленіи къ восточному берегу, гдѣ на островѣ Челекенѣ продолжаются эти колеи. Апшеронскій полуостровъ, Челекень и Жилой — всѣ одного свойства и изобилуютъ нефтью, которой въ другихъ мѣстахъ нѣтъ. Къ востоку отъ острова Жилаго, на нѣсколько миль, нефтяные ключи продолжаются въ море, по направленію бывшаго перешейка.

Этихъ доказательствъ, кажется, достаточно, чтобы, безъ грѣха противъ здравой критики, повѣрить легендѣ о существованіи бывшаго перешейка.

Что же касается до бури, разорвавшей эту естественную плотину двухъ озеръ, то она была вѣроятно дѣйствіемъ подземныхъ огней, всколыхавшихъ безводныя пучины окрестныхъ водъ, которыя съ такой страшной поддержкой могли легко сокрушить узкій перешеекъ и кромѣ того оторвать отъ материка нѣсколько острововъ, какъ то: Наргенъ, Вульфъ, и др. Должно полагать, что тѣмъ же переворотомъ измѣнилось теченіе Аму-Дарьи, нѣкогда впадавшей въ Балханскій заливъ — продолженіе залива Красноводскаго; въ устьѣ его на югъ лежитъ островъ нефтяной, который, вѣроятно, долженъ былъ оканчивать на восточномъ берегу Апшеронскій перешеекъ. Невѣроятно, чтобы хивинцы до временъ Петра Великаго отвели теченіе этой рѣки изъ предосторожности, вовсе излишней *). Но если это случилось послѣ его царствованія, то столько же невѣроятно, чтобы о такомъ событіи въ періодическихъ изданіяхъ не было упомянуто или не сохранилось бы достовѣрное преданіе.

Но если допустимъ, что дѣйствіемъ подземныхъ огней приподняло часть восточнаго берега у Красноводскаго залива, то р. Аму-Дарья, безъ вся-

*) Дженкинсонъ увѣряетъ, что туркмены сами запрудили Аму-Дарью, желая возвысить воду.

36

кихъ египетскихъ работъ, должна была перемѣнить свое теченіе. Въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего сверхъестественнаго, ни чрезвычайнаго. Затѣмъ, если приподняло восточный берегъ моря, то вмѣстѣ съ тѣмъ должно было покоробить дно морское, а воды, чтобъ найдти себѣ уровень, должны были отхлынуть къ западному берегу, затопивъ нѣкоторыя низменности.

Этимъ предположеніемъ легко объяснить три загадочныя явленія: 1) отчего часть древнихъ дербентскихъ стѣнъ очутилась подъ водой, 2) существовавшій лѣсъ между Ленкоранью и Астарой—очутился подъ водой, 3) на бакинскомъ рейдѣ въ $^1/_2$ верстѣ отъ берега есть развалины какого-то строенія. Говорятъ, что это былъ караванъ-сарай, но какимъ же образомъ онъ попалъ на рейдъ?..

Извѣстно, что воды Каспійскаго моря понижаются, слѣдовательно каждое прибрежное строеніе должно было съ теченіемъ времени отступать отъ берега. Слѣдовательно, необходимъ былъ внезапный приливъ и новый уровень водъ относительно береговъ, чтобъ затопить эти строенія. Бакинскій заливъ вѣроятно образовался во время упомянутаго переворота *). Напр. на островѣ Наргенѣ, лежащемъ въ южной части залива, сохранились такія же колеи, какъ и на островѣ Жиломъ, чего быть не могло, если бы этотъ островъ не составлялъ когда нибудь части материка: островокъ лежитъ верстахъ въ 5-ти отъ ближайшаго берега и необитаемъ. Кому же придетъ въ голову перевозить на лодкѣ арбу? Развѣ покататься по острову и оставить свой слѣдъ на догадку историковъ?... Право трудно пріискать другую причину, сколько нибудь претендующую на основательность.

И такъ, при малой глубинѣ Бакинскаго залива, не превышающаго $5^1/_2$ саж., нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ образовался или увеличился позднѣе первоначальнаго образованія города, къ которому вѣроятно принадлежали развалины караванъ-сарая на рейдѣ и дѣвичья башня (съ контръ-форсомъ) въ чертѣ города, не имѣющая никакого отношенія — ни къ теперешней крѣпости, ни къ городскимъ зданіямъ, а очевидно, древнѣе, чѣмъ они. Башня имѣетъ высоту отъ основанія 20 и въ діаметрѣ 6 саж., но въ ней нѣтъ ни амбразуръ, ни подваловъ, ни жилыхъ покоевъ, которые могли бы объяснить цѣль ея постройки. Понятно, что при перестройкѣ города, впослѣдствіи сдѣлавшаго перемѣну фронта, не было никакой надобности ломать старой башни, и потому она оставлена.

Разсказываютъ, что эта башня была построена по прихоти одной молодой дѣвушки, въ которую влюбился престарѣлый отецъ и хотѣлъ на

---

*) Переворотъ этотъ, г. Березинъ, въ путешествіи по Закавказью и Дагестану, относитъ къ X—XIII вѣку.

ней жениться. Дѣвушкѣ, чтобъ избавить себя отъ отцовскихъ домогательствъ, ни оставалось ничего, кромѣ смерти, чтобъ отдѣлаться отъ угрожавшаго ей позорнаго брака. Она бросилась съ башни и убилась. Съ тѣхъ поръ башня эта получила названіе дѣвичьей, Кызъ-Калясы *), а сама дѣвушка, за подвигъ, дѣлающій честь ея полу и поучительный для всего востока,—попала въ святые. Мусульмане и теперь показываютъ могилу этой святой, погребенной въ Шейховой деревнѣ, куда собираются часто бакинскія женщины.

На вопросъ же: когда именно случился этотъ геологическій переворотъ, отвѣтить, конечно, не легко; одно несомнѣнно, что онъ произошелъ уже во времена историческія и даже, сравнительно, не очень давнія. Иначе трудно объяснить живучесть преданія о немъ и превосходную сохранность караванъ-сарая, этого каменнаго свидѣтеля великой катастрофы. Для рѣшенія этого вопроса, рано или поздно, придется порыться въ архивахъ Генуи и Венеціи. Легко допустить, что генуэзцы, скрывавшіе свои торговые пути, и умолчали о произшествіи, имъ, быть можетъ, хорошо извѣстномъ, которое могло обратить вниманіе на посѣщаемыя ими страны, но не вѣрится, чтобы эта тайна сгибнула на вѣки **).

*) По сохранившейся надписи, время ея построенія относится къ 1304—1316 годамъ.

**) Астрах. Справ. лист. 1870 г. №№ 16, 17 и 24.

ОПЕЧАТКИ:

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стран. 100,	строка	16	снизу,	пареметныя	переметныя.
» 148,	»	16	»	Баумскомъ	Баумскимъ.
»	»	6	»	глинноземъ	глиноземъ.
» 155,	»	11	сверху,	Хотену	Хотану.
» 250,	»	6	снизу,	онъ и спѣшилъ	и онъ спѣшилъ.
» 292,	»	16	сверху,	байджиштовъ	байджигитовъ.
» 356,	»	7	»	составляло	составляла.
» 438,	»	15	»	заходящій	заходитъ.
» 492,	»	19	»	Кара-Узякъ	въ Кара-Узякъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Объясненіе нѣкоторыхъ, встрѣчающихся въ печати, словъ изъ языковъ узбекскаго и таджикскаго.

А.

Абардаръ — цвѣтной, узорчатый канаусъ.

Адрясъ — полушелковая, узорчатая матерія.

Адатъ — (кирг.) обычай.

Аибъ — (кара-кирг.) штрафъ, налагаемый за всѣ преступленія, кромѣ убійства.

Айбалта — сѣкира боевая.

Айганъ — (кара-кирг.) доказчикъ, свидѣтель въ судѣ.

Айлакъ — (монг.) округъ.

Айта-рамазанъ. См. рамазанъ.

Акъ-курюкъ — сортъ чая.

Акъ-саякъ — бѣлая кость, дворянинъ.

Акъ-чай — сортъ чая.

Акъ-чачакъ — коканскій коверъ.

Анымъ — начальникъ мусульманскаго населенія на р. Или, во время владычества китайцевъ.

Аль-чимбаръ — полушелковая, узорчатая матерія.

Амбань — китайскій сановникъ; званіе, соотвѣтствующее губернаторскому.

Амиръ — владѣтельное лицо въ Бухарѣ, Кабулѣ и нѣкоторыхъ другихъ ханствахъ.

Аминъ — старшій аксакалъ.

Амлякъ — земля, платящая подать въ казну.

Амлякдаръ — сборщикъ податей съ амляковъ.

Аракъ — водка.

Арбабъ — начальникъ деревни или кишлака въ верховьяхъ Заравшана; соотвѣтствуетъ аксакалу.

Арча — древовидный можжевельникъ; горное дерево.

Арыкъ — ирригаціонная канава.

Астарчитъ — ситецъ подкладочный.

Аттаръ — торговецъ москательнымъ товаромъ, дрогистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, врачъ.

Ауганъ-яра или сартовская болѣзнь, какъ называютъ ее русскіе; проявляется язвами на тѣлѣ.

Ауліе — святой; также могила святаго.

Аулъ — собраніе юртъ или кибитокъ кочевниковъ. Аулы управляются аульными старшинами.

Ашъ — (кара-кирг.) угощеніе.

Б.

Бай — богачъ, знатный.

Байга — скачка.

Байпакъ—чулки валяные.
Байгушъ—нищій, бѣднякъ.
Базаръ — рынокъ.
Баккала — мелочной промышленникъ.
Бакса — знахарь.
Бангъ — конопля.
Баранта—(кирг.) набѣгъ на враждебный родъ.
Батпакъ — болото.
Батырь—богатырь; лицо, прославившееся своими подвигами и храбростью.
Батманъ—мѣра въ 8 пудовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ батманъ равняется 10 пудамъ.
Бача—хорошенькій мальчикъ-плясунъ; иногда просто мальчикъ, находящійся у кого нибудь на содержаніи.
Бачебазъ—любитель бачей и ихъ плясокъ.
Баулъ — (узбекск.) колѣно.
Басма — сукно изъ верблюжьей шерсти.
Басма-и-тибитъ—сукно изъ верблюжьей шерсти, по поламъ съ пухомъ.
Бекъ—начальникъ области.
Бекство — область, управляемая бекомъ.
Бейле — начальникъ торгоутовъ; званіе это третье, послѣ ханскаго и княжескаго.
Бель-бау—(узбекск.) см. фота.
Бій — киргизскій старшина, вліятельный и богатый человѣкъ.
Бійлыкъ—(кара-кирг.) вознагражденіе въ пользу біевъ, въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части штрафа.
Бикосабъ—полушелковая матерія, съ узкими полосками.
Бишара — бѣднякъ.
Бишъ-бармакъ — въ переводѣ: пять пальцевъ; кушанье.
Богара—посѣвы пшеницы, не орошаемые искуственно, арычной водой, а довольствующіеся атмосферной влагой (см. ляльми).
Булакъ — ключъ.
Булгара — юфть.
Бурджъ — башни, фланкирующія стѣны среднеазіятскихъ крѣпостей.
Буза—охмѣляющій напитокъ изъ проса.
Бузачи — пристрастный къ бузѣ.
Бурханъ—изображеніе Будды или другаго божества у буддистовъ.
Бухара—(кара-кирг.) простой народъ, чернь.

В.

Ванъ—(монг.) князь.
Вакуфъ (вакфъ)—земля, или недвижимая собственность, доходы съ которой идутъ на духовныя учрежденія.
Вакуфъ-аульядъ—такой вакуфъ, доходъ съ котораго идетъ въ пользу потомства завѣщателя; собственно это названіе значитъ: завѣтъ семьѣ.
Вакуфъ-дахъякъ—такой вакуфъ, доходъ съ котораго идетъ на духовныя ученыя корпораціи.

Г.

Газаватъ—война за вѣру.
Гальча — горные таджики.
Гелымъ—коверъ съ ворсомъ, такъ называемый — бархатный.
Гузаръ — кварталъ въ Ура-тюбе и Ходжентѣ.
Гуръ-эмиръ — «кладбище эмира». Такъ называется часовня надъ могилою Тамерлана и его близкихъ родныхъ.
Гязь — мѣра линейная; равняется протяженію отъ середины груди до конца ручной кисти, т. е. около $1^1/_2$ арш.

Д.

Даба — грубая бумажная ткань.
Дага — административное дѣленіе въ бывшемъ Ягнобскомъ бекствѣ (въ верховьяхъ Заравшана); дага соотвѣтствуетъ **садѣ** другихъ бекствъ (см. сада) и **тюменю** долины (см. тюмень).
Дака—плотная, бумажная ткань, изъ привозной шерсти.
Даха — отдѣлъ амлякства, соотвѣтствующій волости.
Датха—высшій чинъ въ ханствахъ, соотвѣтствующій генеральскому.
Дауры — монгольское племя въ Илійской провинціи; переселенцы изъ Дауріи.
Джаляпъ-сатаръ — перекупщикъ товара.
Джангылъ—степное растеніе; собственно значитъ: кустарникъ, топливо; отсюда индѣйское слово **жонглъ**.
Дженушка—видъ люцерны.
Джибе-арканъ (кокан.)—атласъ.
Джигда—деревцо изъ рода Eleagnus.
Джигитъ — наѣздникъ; у русскихъ — конный, вооруженный туземецъ, посылаемый для порученій.
Джугара — родъ сорго (Sorgum vulg.).
Джугутъ — еврей.
Джунгары (см. калмыки).
Джуйнаби — туркменскій коверъ.
Джутъ—гололедица.
Джюра—линейная мѣра, равняется 16 гязямъ (см. **гязь**).
Джура—другъ.
Джуль-барсъ—тигръ; также называется и барсъ.
Джурга—иноходецъ.
Дзянь-дзюнь (дзянь - джунъ) — китайскій высшій сановникъ; начальникъ области съ правами генералъ-губернатора.
Джузгунъ—Calligonum.
Джуламейка — см. юрта.
Джулсанъ — степное растеніе.
Дешти-кипчакъ — киргизская степь.
Диванъ-беги — завѣдывающій въ ханствѣ сборомъ зякета и монетнымъ дворомъ.
Достарханъ — предварительное угощеніе, большею частію изъ свѣжихъ или сухихъ фруктовъ, пилава, каурдака и т. п.
Дютара — гитара.
Дюканъ—промышленное и вмѣстѣ съ тѣмъ торговое заведеніе.
Дувана — юродивый.
Дурья—бумажная ткань, невысокаго качества.

З.

Занъ—(кара-кирг.) обычай.
Зіяратъ—поклоненіе могилѣ святаго.
Зинданъ (кульдж.) — тюрьма.
Зякетъ — подать со скота и съ торговцевъ, въ размѣрѣ $^1/_{40}$ части.
Зянги — начальникъ въ каждомъ поселеніи сибо; соотвѣтствуетъ аксакалу.

И.

Ибелекъ—лучшая кормовая трава въ степи. Латинское названіе ея: Ceratocarpus arenarius.
Игенчи — земледѣльцы-киргизы; игенчами дѣлаются только люди обѣднѣвшіе.
Иль-беги (кульдж.) — начальникъ киргизъ; при независимомъ существованіи Кульджинскаго ханства, ихъ было двое.
Инаакъ — чинъ, степенью ниже датхи (см. датха).
Инымъ-шиба — сортъ чая.
Имамъ—приходскій мулла, читаю-

щій ежедневно въ мечети пятикратную молитву.

Ирани — персіяне.

Ичиги — мягкіе сапоги безъ подошвенной кожи.

Ишакъ—оселъ.

К.

Казначи — высшій сановникъ въ бывшемъ Кульджинскомъ ханствѣ.

Казы — судья.

Каляба или **калева**—размотанный шелкъ невысокаго качества.

Караванъ-башъ—начальникъ, глава каравана.

Караванъ-сарай—мѣсто для склада привозныхъ товаровъ.

Карагачь—видъ вяза.

Кара-куртъ — небольшой, черный паучекъ; укушеніе его смертельно.

Кара-куль — лучшія, черныя мерлушки.

Кара-малъ, черный, т. е. рогатый скотъ.

Канфа — китайская шелковая матерія.

Калымъ—плата за невѣсту.

Калмаки (калмыки) — монгольское племя въ Центральной Азіи и южной Россіи.

Карнай — мѣдная, музыкальная труба.

Каурдакъ—азіятское блюдо; рагу изъ баранины, съ разными приправами.

Кентъ — деревня, поселеніе (въ Илійской провинціи).

Кетмень — землекопный инструментъ, замѣняющій у туземцевъ лопату.

Кишлакъ—деревня, поселокъ.

Кипсень—вознагражденіе натурою (зерномъ), которое берутъ себѣ сборщики податей, въ Заравшанскомъ округѣ.

Кокма—арпячина изъ верблюжьей, козьей или бараньей шерсти или пуху.

Коканъ—серебряная монета, цѣнностью въ 20 к. с.

Кошма—войлокъ.

Кой-тюякъ—(въ перев. баранье копыто); китайская монетная единица: слитокъ серебра разной величины и цѣнности.

Кошъ-пуль—сборъ за 50 танаповъ земли, годной къ обработкѣ, не смотря на то, обработывается эта земля, или нѣтъ.

Кошъ—пространство земли, которое можетъ быть обработано одною парою воловъ. Въ кошѣ заключается отъ 48 до 50 танаповъ.

Кокъ-наръ—одуряющее вещество.

Ковузъ—киргизскій музыкальный инструментъ.

Каска (кульдж.) тѣлохранитель.

Кокъ-бури, — въ переводѣ: сѣрый волкъ; любимая игра узбековъ, называемая русскими «драть козла». Игра состоитъ въ томъ, что одинъ изъ наѣздниковъ беретъ убитаго козла или барана къ себѣ на сѣдло, а всѣ другіе стараются догнать его и вырвать изъ рукъ добычу.

Кокъ-ташъ,—въ перев. «синій или сѣрый камень». Огромный монолитъ, въ Самаркандѣ, въ бывшемъ дворцѣ эмира. Монолитъ этотъ служилъ подножіемъ трона Тамерлана.

Кизякъ — навозъ, сухія изверженія, употребляемыя въ степи на топливо.

Крыкъ — (кара-киргизск.) отдѣлъ рода.

Кстау—зимовка киргизъ.

Кульча—сдобная булка.

Курма (кит.)—куртка или вѣрнѣе — кофта; верхняя, короткая одежда.

Кумышъ—сортъ чая. Собственно кумышъ значитъ: серебро.

Кунджутъ—растеніе, дающее маслянистое сѣмя.

Кушнай — музыкальный инструментъ.

Кудукъ—колодезь.

Кяфиръ—невѣрный.

Курбашъ — полицейскій; блюститель общественнаго благочинія.

Кушъ-беги, первый министръ, въ родѣ турецкаго визиря.

Кунакъ—мелкое просо.

Кулъ—рабъ, пріобрѣтенный оружіемъ.

Кунъ—пеня за убійство, грабежъ, баранту и т. п.

Кумъ—песокъ.

Л.

Лаучи — погонщикъ верблюдовъ при караванѣ или транспортѣ.

Лоу-люли—цыгане; такъ называютъ ихъ въ Заравшанскомъ округѣ.

Ляльми—поля, орошаемыя атмосферною влагою; поля ляльми встрѣчаются чаще всего въ горныхъ странахъ.

М.

Мата—бязь.

Маймачинъ—(кит.) торговецъ.

Манапъ—(кара-киргиз.) — званіе, однозначущее съ султанскимъ.

Мазангъ (мазанъ) см. лоу-люли.

Мазаръ (мазарка)—могила.

Макосамъ—видъ хераджа въ верховьяхъ Заравшана; онъ взимался въ размѣрѣ $1/5$ части урожая.

Магалле—кварталъ города.

Махао—болѣзнь проказа.

Махалля—см. магалле.

Машате—мешгедскій коверъ.

Машъ—сортъ мелкаго гороха.

Махрамъ—камердинеръ при дворѣ хана или эмира.

Маверанагръ—страна между Сы и Аму-Дарьею.

Мердекеръ — рабочій.

Меша—кожа туземной выдѣлки.

Медрессе—высшее духовное училище.

Меши—выдѣланная кожа.

Мехтеръ—завѣдывающій государственною казною и сборомъ податей въ ханствахъ.

Мехтебъ—низшая школа.

Милькъ — доходъ съ земли, пожалованной эмиромъ.

Милькъ-ана—плата за воду арычную, проведенную на мильковыя земли.

Минъ-беги (кульдж.)—начальникъ 1 тысячи.

Мискаль—(въ Кульдж.)—20 к. с.

Моазафъ—видъ хераджа въ верховьяхъ Заравшана; онъ взимается въ размѣрѣ $1/5$ части урожая со всей земли, годной для посѣва.

Муфти—писецъ, грамотный человѣкъ.

Мурсакъ—женская одежда.

Мударисъ—начальникъ медрессе.

Муллушка—могила.

Муэдзинъ—провозглашающій народу время молитвы.

Мутавалли—распоряжающійся вакуфнымъ имуществомъ. См. **вакуфъ.**

Мулла—грамотный, ученый мусульманинъ, умѣющій читать коранъ и толковать шаріатъ

Мултукъ—ружье.

Н.

Нагера — музыкальн. инструментъ.

Наръ — большой, одногорбый и весьма сильный, бухарскій верблюдъ.

Ногай—татаринъ.

О.

Одайчи—докладчикъ просьбъ.
Оби—поля, орошаемыя ирригаціонными канавами.
Онъ-баши—десятскій.
Олюты—калмыцкій родъ (см. калмакъ).
Орда-беги—(кульдж.) завѣдывающій дворцомъ.

П.

Парманачи—высшій военный чинъ; соотвѣтствуетъ генеральскому.
Пасма—полушелковая матерія, съ широкими полосками.
Паласъ—коверъ безъ ворсу.
Паракъ—сортъ чая.
Пари-паша—женская матерія, полушелковая или шелковая; идетъ на женскіе халаты.
Пиръ—духовный наставникъ.
Пша-хурда,—см. ауганъ-яра.
Пайяхъ-пуль, плата побѣдителямъ; эта подать взималась въ прежнее время въ верховьяхъ Заравшана, съ побѣжденныхъ.
Полау—пилавъ.
Пянджа—широкая, бѣлая, бумажная ткань; идетъ на чалмы и подкладки.

Р.

Раббатъ—хуторъ.
Раисъ—блюститель благочестія.
Рамазанъ—большой, годовой, мусульманскій праздникъ.
Ришта—подкожный червь; риштою заражаются люди, употребляющіе для питья воду изъ прудовъ,
Руянъ—марена.

С.

Сав мъ-зякетъ—подать съ барановъ; названіе это исключительно существуетъ въ Заравшанскомъ округѣ.
Самоваръ-ча,—продавецъ готоваго чая.
Саватъ—первая степень научныхъ познаній у киргизъ, т. е. умѣнье читать и писать.
Савра—желтая кожа.
Сада—административное дѣленіе въ Когистанѣ, т. е. въ бекствахъ, лежащихъ въ верховьяхъ Заравшана. Здѣсь каждое бывшее бекство дѣлилось на нѣсколько сада.
Саксаулъ—Holoxylon ammodendron; дерево степныхъ странъ, дающее превосходное топливо.
Салъ—киргизскій паромъ.
Сазъ—болото, дающее начало рѣчкамъ.
Сарай—складъ, помѣщеніе.
Сарбазъ—солдатъ.
Сарнакъ—низшій сортъ шелка, дурнаго качества, изъ комковъ, остающихся послѣ размотки коконовъ.
Сарты—смѣшанная народность, отъ узбековъ и таджиковъ. Иногда сартомъ называется вообще городской житель. У кочевниковъ-узбековъ слово сартъ —бранное.
Сарайманъ—занимающійся складкою товаровъ, привезенныхъ въ караванъ-сарай.
Сардаба—постройка въ степи, изъ жженаго кирпича, надъ водохранилищемъ.
Саудагаръ—крупный, оптовой торговецъ.
Сеидъ—потомокъ Магомета, по женской линіи.
Серкеръ—(кокaнск.) начальникъ области.
Серкерство—волость (въ Джизакскомъ уѣздѣ).
Серкерда—(кокaнск.) начальникъ

области изъ членовъ ханствующаго дома.

Сехретъ—ткань.

Селау—подарокъ, приношеніе, милостыня.

Сипай—служащій человѣкъ, какой бы ни былъ его чинъ, званіе или обязанность.

Ситора — музыкальный инструментъ.

Сибо—монгольское племя въ Илійской провинціи.

Солоны — монгольское племя въ Илійской провинціи.

Суси—(тадж.) см. калама.

Сурнай—кларнетъ, дудка.

Сумбе—(монг.) монастырь.

Судурга—гладкій канаусъ, одноцвѣтный.

Султанъ — правитель Кульджинскаго ханства; въ Киргизской степи званіе султановъ носили лица высшаго сословія, дворяне или бѣлая кость.

Сымъ-сума—бумажная ткань, похожая на алачу. См. алача.

Т.

Таджики—аборигены Средней Азіи, народъ арійскаго происхожденія, родственный персамъ.

Танапъ — мѣра земли, въ 8,100 квадр. аршинъ, или иначе квадратъ въ 360 гязей. (См. гязь).

Талъ—ива, ветла; иногда просто дерево.

Тамыръ—пріятель.

Тайфа—поколѣніе, отдѣлъ рода.

Тафыль—сортъ шелка.

Тартабалъ—подкладочная мата.

Ташъ—мѣра, длиною въ 8 верстъ. Собственно ташъ значитъ: камень.

Теремаи—посѣвы пшеницы, орошаемые искуственно, арыками (см. оби).

Теньга — (см. **коканъ**).

Теленгутъ—(киргиз.) полусвободный человѣкъ, обязанный работою какому нибудь богатому или сильному киргизу.

Тибитъ-фота. — См. тибитъ-сальи.

Тибитъ-сальи;—въ переводѣ знач. пуховая чалма. Полушерстяная матерія, идетъ на пояса и чалмы.

Тибитъ—пухъ козій.

Тимъ—отдѣльный сарай, гдѣ продаютъ какой нибудь товаръ.

Тилля — золотая монета, цѣнностью въ 4 р. с. (бухарская) или въ 3 р. 80 к. (коканская).

Торгоуты — калмыцкій родъ (см. калмакъ).

Той—балъ, большой праздникъ.

Томаша—праздникъ.

Тюмень или туманъ—административное дѣленіе въ Заравшанской долинѣ; собственно слово тюмень значитъ 12 тысячъ.

Тюстюкъ — азіятское блюдо отъ слова **тузъ**—соль.

Тюпе (тюбе)—холмъ.

Тюпе-бекъ—начальникъ надъ сибо.

Тюндюкъ — верхнее отверзтіе въ юртѣ, для выхода дыма.

У.

Узбеки, — народъ тюркскаго племени, позднѣйшіе пришельцы въ Среднюю Азію, вытѣснившіе изъ многихъ мѣстъ аборигеновъ страны, таджиковъ.

Уста—мастеръ.

Урюкъ — абрикосъ.

Ураза — постъ.

Ф.

Фаранджа — женскій халатъ.

Фансангъ — см. **ташъ**.

Х.

Ханбинъ (китайск.) — поселенный солдатъ.

Ханъ—глава государства въ Коканѣ, Кундузѣ и нѣкоторыхъ другихъ азіятскихъ владѣніяхъ.

Хансалыкъ — подать въ Коканѣ, денежная, отъ 4 до 5 кокановъ съ каждаго двора.

Хазретъ или **азретъ**—святой.

Хаузъ — прудъ.

Халля — подать въ Коканѣ, $^1/_5$ часть урожая хлѣба.

Хераджъ — $^1/_{10}$ часть урожая; собирается съ хлѣбныхъ продуктовъ, какъ подать въ казну.

Хирманъ — гумно, токъ.

Хомякъ — сортъ шелка.

Хой-хой, китайское названіе мусульманъ, въ томъ числѣ и дунганъ.

Ханія (кульдж.)—государственное казнохранилище.

Хоса—бѣлая, бумажная матерія, въ родѣ маты; идетъ на чалмы, саваны, подкладки и пр.

Ходжа — особый классъ магометанъ, считающихъ себя потомками Магомета. Собственно ходжею называется побывавшій на богомольѣ въ Меккѣ.

Хуржумъ —переметная сума.

Ч.

Чарикъ—мѣра вѣса, равняется 5 фунтамъ.

Чага—полосатый канаусъ.

Чаросы—калмыцкій родъ (см. калмакъ).

Чакъ—поземельный участокъ, достающійся для обработки, по жребію; собственно слово чакъ значитъ жребій (слич. русское выраженіе: быть на чеку).

Чахрымъ—мѣра протяженія, равная, приблизительно, одной верстѣ. Собственно чахрымъ есть пространство, на которое можетъ быть слышенъ человѣческій голосъ.

Чахаръ-калмыки — монгольское племя въ Илійской провинціи.

Чай-хане—чайная лавка на базарѣ, гдѣ пьютъ чай.

Чашма — горный ключъ.

Чанъ-паузъ — китайскій халатъ.

Чапанъ — халатъ.

Чебаръ (кара-кирг.)—см. баранта.

Чембары—кожаныя, широкія штаны.

Чека—мѣдная монета, цѣнностью въ $^1/_3$ к. с.

Чигирь — водоподъемное колесо.

Чильманда—музыкальный инструментъ.

Чимпанъ (китайск.)—ссыльный.

Чилля—размотанный шелкъ, самаго лучшаго качества, въ длинныхъ моткахъ.

Чорекъ — мѣра, равная $6^1/_2$ ф., такъ что 6 чорековъ составляютъ 1 пудъ.

Чуль — степь.

Ш.

Ша—владѣтельное лицо въ Каратигенѣ.

Шагирдъ—ученикъ, обучающійся въ медрессе, высшемъ мусульманскомъ училищѣ.

Шакардъ-пиша—служивое сословіе.

Шаи—канаусъ.

Шанъ-беги (кульдж.) — начальникъ 10 тысячъ.

Шалы — рисъ.

Шаріатъ или **шаригатъ**—законъ, основанный на обычаѣ.

Шира — мѣра для чая.

Шиба — сортъ чая.

Шудгаръ — земля подъ паромъ.

Ю.

Юзъ-баши—сотникъ.

Юрта—кибитка; жилище кочевника, состоящее изъ рѣшетчатыхъ круглыхъ стѣнокъ, покрытыхъ снаружи войлокомъ, и съ отверстіемъ вверху.

Юрга (см. джурга).

Юламейка (см. юрта).

Я.

Яньшай — начальникъ дунганъ; званіе соотвѣтствуетъ аксакалу.

Ямба (см. кой-тюякъ).

Ярмакъ—мѣдная китайская монета; 125 ярмаковъ равны по цѣнности 1 копѣйкѣ и 12,500 ярмаковъ — одному рублю. Ярмаки обращаются связками.

Ягуди—евреи; см. джугутъ.

Яйлау — лѣтовка киргизъ, живущихъ въ горныхъ странахъ.

Э.

Эмиръ (см. амиръ).